
SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
VE RI TAS

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

СОРОКЪ-ВТОРОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

ГОДЪ LXXII. — ТОМЪ CDXX. — 1/14 ІЮЛЯ 1907.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-СОРОКЪ-ШЕСТОЙ ТОМЪ

СОРОКЪ-ВТОРОЙ ГОДЪ

ТОМЪ IV

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: Васильевскій-Островъ, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: Петербургская-Сторона, Кронверкская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1907

3642

СОРОКЪ-ВТОРОЙ ГОДЪ. — КНИГА 7.

ІЮЛЬ, 1907.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІИ, БІОГРАФІИ, МЕМУАРОВЪ, ПЕРЕПИСКИ, ПУТЕШЕСТВІЙ, ПОЛИТИКИ, ФИЛОСОФІИ, ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВЪ.

КНИГА 7-я. — ІЮЛЬ, 1907.

УНИВЕРСИТЕТСКІЙ ВОПРОСЪ

ВЪ

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМП. ЕКАТЕРИНЫ II

И СИСТЕМА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

по Уставамъ 1804 года

Памяти А. Н. Пыпина.

Извѣстно, какое великое значеніе въ исторіи русскаго просвѣщенія имѣла учебная реформа начала царствованія императора Александра I, опиравшаяся на два основные законодательные акта: 1) Предварительныя правила народнаго просвѣщенія 24 января 1803 года и 2) Уставы университетовъ и подвѣдомственныхъ имъ училищъ 5 ноября 1804 года. Оба эти акта служатъ краеугольными камнями, на которыхъ строилась политика просвѣщенія въ Россіи въ теченіе всего XIX столѣтія. Съ другой стороны, „предварительныя правила" 1803 года и подробно развивавшіе ихъ уставы 1804 года явились результатомъ, завершавшимъ рядъ болѣе или менѣе крупныхъ просвѣтительныхъ предпріятій XVIII вѣка. Настоящее изслѣдованіе и имѣетъ цѣлью [illegible]ъ учебную реформу начала прошлаго вѣка со стороны [illegible] съ реформами предшествующей эпохи — императрицы [illegible]ны II, въ частности раскрыть центральное значеніе уни[illegible]скаго вопроса, какъ узла, въ которомъ связывался ко[illegible]формы Екатерининской съ началомъ реформы Але[illegible]ской.

I.

Ко времени царствованія Екатерины II господство сословно-профессіональнаго образованія, заведеннаго Петромъ Великимъ, было уже поколеблено, и передъ правительствомъ открывалась новая задача: положить въ основаніе политики народнаго просвѣщенія принципъ образованія *общаго и всесословнаго*. Кое-что въ этомъ направленіи было уже сдѣлано при предшественникахъ Екатерины II: Академическій и Московскій университеты, академическая, московскія и казанскія гимназіи были первыми опытами устроенія общеобразовательныхъ школъ, открытыхъ для юношества разныхъ сословій. Но эти опыты страдали однимъ кореннымъ недостаткомъ: они не были подчинены одному общему плану, не связывались въ единую систему. Сословно-профессіональное образованіе первой половины XVIII вѣка замыкалось въ изолированные циклы, опредѣляемые профессіональными интересами каждаго отдѣльнаго сословія. Въ каждомъ изъ этихъ цикловъ, въ зависимости отъ высоты и сложности сословной профессіи, доминировали элементы низшаго, средняго или высшаго образованія. Но всѣ отдѣльные циклы сословно-профессіональнаго образованія оставались разобщенными, не связывались между собою въ опредѣленномъ іерархическомъ порядкѣ. Между тѣмъ образованіе общее и безсословное по самому существу своему требуетъ, чтобы всѣ типы школъ низшихъ, среднихъ и высшихъ соединялись въ одну систему, ибо цѣлесообразность каждаго отдѣльнаго типа общеобразовательной школы всегда опредѣляется тѣмъ положеніемъ, какое этотъ типъ занимаетъ въ законченной системѣ образованія.

Первое выраженіе мысли о необходимости насаждать общее образованіе не изолированными, но органически связанными между собою послѣдовательными циклами можно видѣть въ учрежденіи при Академіи наукъ университета и гимназіи. Въ другомъ мѣстѣ мы уже указали [1]), что этотъ на практикѣ плохо удавшійся опытъ соединенія ученаго учрежденія съ высшей и средней школой не былъ безпочвеннымъ капризомъ творческой мысли Петра Великаго. Исторія русской школы за два послѣднія столѣтія опровергла старыя разсужденія, что университеты были

---

[1]) Эпоха преобразованій Петра Великаго и русская школа новаго времени, въ „Русской Школѣ", 1903 г.

нужнѣе Академіи наукъ, что среднія школы нужнѣе университетовъ, а начальныя школы нужнѣе гимназій. Въ дѣйствительности жизненные интересы школъ всѣхъ степеней всегда органически сплачивали эти школы въ одну систему. Университетъ, съ одной стороны, долженъ былъ питаться учеными силами, извѣдавшими глубину теоретической науки; съ другой стороны, онъ не могъ обойтись безъ гимназіи, какъ приготовительной къ нему школы. Въ свою очередь для гимназій университетъ всегда былъ разсадникомъ педагогическихъ силъ, а содержаніе и высота гимназическаго курса необходимо сообразовались съ интересами университетской науки. По мѣткому замѣчанію Ломоносова, высшая школа безъ средней уподобилась бы „пашнѣ безъ сѣмянъ“, и потому одновременно съ Московскимъ университетомъ при немъ была учреждена гимназія, для дворянъ и разночинцевъ, для обученія языкамъ и „первымъ основаніямъ наукъ“. Но и гимназія, подобно университету, осталась бы безплодной пашней, еслибы не получала сѣмянъ отъ начальной школы.

Этотъ принципъ органической связи всѣхъ послѣдовательныхъ цикловъ общаго образованія все яснѣе выступалъ въ просвѣтительныхъ предпріятіяхъ со второй половины XVIII вѣка. И. И. Шуваловъ, представивъ въ 1760 году проектъ учрежденія гимназій „во всѣхъ знатныхъ городахъ“, находилъ необходимымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, широко поставить и вопросъ о начальномъ обученіи, органически связанномъ съ образованіемъ среднимъ; устроенныя во всѣхъ малыхъ городахъ начальныя школы должны были подготовлять молодежь къ гимназіямъ, а послѣднія—къ университетамъ и кадетскому корпусу [1]).

Оставшійся на практикѣ неосуществленнымъ, проектъ И. И. Шувалова можно разсматривать, какъ поворотный пунктъ въ исторіи политики просвѣщенія XVIII вѣка. Этотъ проектъ намѣчалъ основныя черты той схемы, которую послѣдующему времени предстояло разработать въ законченную „систему народнаго просвѣщенія“. Основные циклы общаго образованія, низшаго, средняго и высшаго, впервые связывались въ одно неразрывное цѣлое, въ одну систему, представленную тремя типами общеобразовательной школы: начальнымъ училищемъ, гимназіей и университетомъ.

Но, намѣтивъ основные типы общеобразовательныхъ школъ и ихъ взаимную связь, проектъ Шувалова оставлялъ открытымъ самый существенный вопросъ—о содержаніи тѣхъ цикловъ обра-

[1]) П. С. З. № 11144. Чтенія въ Обществѣ ист. и древн. росс., 1858, кн. 3.

зованія, которые были представлены вновь проектированными школами. И самъ Шуваловъ, и привлеченные къ обсужденію даннаго вопроса члены Академіи наукъ искали на него отвѣта въ кругу традиціонныхъ, уже отживавшихъ свое время сословно-профессіональныхъ воззрѣній. По мысли Шувалова, вновь заводимыя начальныя школы и гимназіи должны были служить, главнымъ образомъ, интересамъ дворянства, подготовляя дворянскую молодежь къ университету и кадетскому корпусу и черезъ нихъ къ государственной службѣ. Такой же сословно-профессіональной тенденціей окрашены и мнѣнія академиковъ [1]). Такъ, напримѣръ, академикъ Фишеръ высказалъ, что „словесныя и высокія науки суть разнаго рода, также и обучающіеся въ школахъ и гимназіяхъ суть различнаго состоянія и достоинства. Изъ чего ясно видѣть можно, что не всякому всему обучаться должно, напримѣръ, земледѣльцу довольно знать нѣкоторыя дерева, камни, металлы и свойства земли, о чемъ наипаче стараться долженъ; сего жъ довольно знать и купцамъ, а кромѣ того еще ариѳметику и нѣсколько геометріи и географіи обучить довольно. Сіе самое надлежитъ знать солдату, а сверхъ того обучить ему должно военную архитектуру и артиллерію. Придворному человѣку пристойно знать географію, исторію народовъ, войны, политику, экспериментальную физику, и изъ нравоучительной философіи ту часть, которая разсуждаетъ о человѣческомъ разумѣ и нравахъ; кромѣ того упражняться ему должно въ фехтованіи, что нынѣ за главное дѣло и благородному и изрядно воспитанному человѣку за приличное почитается“. Академикъ Цейгеръ, съ которымъ согласились Миллеръ и Эпинусъ, находилъ неправильною самую идею безсословной и общеобразовательной школы. „Во всѣхъ почти европейскихъ школахъ,—писалъ онъ,—обыкновенная находится погрѣшность“, что учениковъ, предназначающихъ себя къ различнымъ профессіямъ, „во всѣхъ классахъ одинакимъ образомъ и безъ всякаго различія обучаютъ, а оттого происходитъ, что желающіе быть учеными не довольно, а прочіе вдругъ такимъ наукамъ обучаются, коихъ напослѣдокъ въ жизни своей ни продолжать и ниже употреблять не могутъ“. Дальше подобныхъ общихъ разсужденій академики не пошли, и задуманный Шуваловымъ планъ обширной учебной реформы не былъ облеченъ въ практически осуществимыя нормы.

Въ первыхъ опытахъ насажденія общаго образованія въ Россіи въ XVIII вѣкѣ особенно ярко выступаетъ одна своеобраз-

[1]) Сухомлиновъ, Исторія Россійской Академіи, вып. 3. Стр. 330, 332.

ная черта: въ первую очередь выдвигается вопросъ о высшемъ образованіи, а затѣмъ уже, по связи съ послѣднимъ, вопросъ объ образованіи среднемъ и низшемъ. Такая послѣдовательность, въ исторіи общеобразовательной школы, была неизбѣжна въ силу господствовавшихъ въ первой половинѣ XVIII столѣтія утилитарныхъ воззрѣній на задачи образованія. Высшая школа, университетъ, для государственныхъ цѣлей, признавалась нужнѣе средней или низшей, такъ какъ она приготовляла своихъ питомцевъ къ государственной службѣ. Въ высшихъ ученыхъ и учебныхъ учрежденіяхъ, въ академіяхъ наукъ и университетахъ, культивировалась та теоретическая наука, въ которой государство нуждалось прежде всего, какъ въ источникѣ и опорѣ всякихъ прикладныхъ, профессіональныхъ знаній. Въ этомъ заключалась важнѣйшая причина, по которой учрежденіе академіи наукъ и университетовъ выдвигалось въ первую очередь; среднее же и низшее образованіе насаждалось лишь въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ оно необходимо было для доставленія высшимъ школамъ подготовленныхъ слушателей. Гимназіи—академическая, московскія и казанскія—учреждались не какъ самостоятельныя школы, но какъ служебныя заведенія при университетахъ.

Такимъ образомъ вся проблема *общаго* образованія, задачи котораго еще очень неясно отграничивались отъ задачъ образованія профессіональнаго, до 60-хъ годовъ XVIII вѣка сводилась къ вопросу объ учрежденіи высшихъ учено-учебныхъ заведеній, университетовъ, съ академіей наукъ во главѣ. Разрѣшеніе этого вопроса являлось исходнымъ пунктомъ и такихъ просвѣтительныхъ предпріятій, которыя, какъ планъ Шувалова, захватывали также области средняго и низшаго образованія.

II.

Царствованіе Екатерины II принесло съ собой новыя побужденія къ широкой постановкѣ народнаго просвѣщенія и новыя средства къ разрѣшенію центральнаго вопроса о системѣ общаго и безсословнаго образованія.

Просвѣтительные замыслы императрицы-философа, опиравшіеся на основныя идеи „педагогическаго вѣка“, тѣсно связывались съ ея политическимъ міросозерцаніемъ. Широко разлитое въ массахъ просвѣщеніе должно было создать то „народное умоначертаніе“, въ которомъ Екатерина видѣла залогъ успѣха всѣхъ прочихъ реформъ, направленныхъ къ достиженію „все-

общаго блага". Въ такой перспективѣ проблема народнаго просвѣщенія получала особенную глубину и широту.

Жизненнымъ идеаломъ, котораго должно было достигать образованіе, являлся теперь уже не искусный профессіональный работникъ, а просвѣщенный „человѣкъ и гражданинъ". Для достиженія этого идеала необходимо было организовать такія образовательныя средства, которыя бы не только культивировали ту или другую группу природныхъ способностей человѣка, сообразно съ его наслѣдственной профессіей и соціальнымъ положеніемъ, но всесторонне и гармонично совершенствовали бы всѣ стороны человѣческой природы. Задачи научнаго *образованія* сливались съ задачами нравственнаго *воспитанія*, и оба эти термина во второй половинѣ XVIII вѣка становятся синонимами.

Образованіе, которое имѣло своей конечной цѣлью вырабатывать просвѣщеннаго человѣка и гражданина, создавать новую породу отцовъ и матерей, можетъ быть названо, въ противоположность профессіонально-сословному образованію первой половины XVIII вѣка, *общимъ* какъ по своему содержанію, такъ и по сферѣ своего распространенія. Стремясь гармонично развивать всѣ силы и способности человѣческой природы, оно предназначалось для всѣхъ классовъ населенія.

Но общее образованіе, чуждое всякихъ профессіональныхъ и сословныхъ тенденцій, въ серединѣ XVIII вѣка являлось такимъ же отвлеченнымъ идеаломъ, какимъ былъ идеалъ просвѣщеннаго человѣка и гражданина. Тѣ конкретныя формы, въ которыя этотъ идеалъ воплощался, проекты учебныхъ реформъ второй половины XVIII вѣка, въ силу историческихъ условій и реальныхъ потребностей даннаго времени, не могли не воспринять извѣстныхъ профессіональныхъ и сословныхъ элементовъ. Въ профессіональномъ образованіи и государственная власть, и высшіе общественные классы продолжали нуждаться и въ данную эпоху не менѣе, чѣмъ въ первую половину XVIII вѣка. Разграничить же точно обѣ сферы образованія, общаго и профессіональнаго, практически было такъ же трудно, какъ отдѣлить человѣка и гражданина отъ дворянина, купца, крестьянина и т. п. Если профессіональныя школы первой половины XVIII вѣка нуждались въ извѣстномъ общеобразовательномъ фундаментѣ, то, въ свою очередь, и школы общеобразовательныя не могли обойтись безъ профессіональныхъ элементовъ, которые плодамъ образованія сообщали опредѣленную практическую цѣнность.

Не могла быть сразу осуществлена во всей своей чистотѣ и идея безсословной школы. Во вторую половину XVIII столѣтія,

когда формулировались новые просвѣтительные идеалы, — окончательно складывался сословный строй русскаго общества. Сословныя различія въ это время опирались уже не только на разверстку между общественными классами разныхъ видовъ государственной службы и тягла, но также на признаніе за каждымъ „родомъ людей“ особыхъ внутреннихъ качествъ, составляющихъ сущность его соціальной природы. „Благородство“, со всѣми проистекавшими изъ него добродѣтелями, составляло существо дворянскаго званія, „добронравіе и трудолюбіе“ служили основаніемъ среднему роду людей, трудолюбіе же и трезвость объявлялись главнѣйшими добродѣтелями земледѣльческаго состоянія, благочестіе и примѣрное поведеніе—добродѣтелями состоянія духовнаго.

Этимъ взглядомъ на различіе нравственной природы разныхъ общественныхъ классовъ, облекавшимъ въ осязательныя, конкретныя формы отвлеченный идеалъ человѣка и гражданина, поддерживался старый принципъ сословности образованія. Пнинъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ „Опытъ о просвѣщеніи относительно Россіи“ строилъ систему сословныхъ школъ, исходя изъ того положенія, что „просвѣщеніе не должно быть для всѣхъ гражданъ одинаковое“, что „средоточіемъ просвѣщенія“ для каждаго сословія должны служить его „главнѣйшія добродѣтели“, изъ круга которыхъ „оно (просвѣщеніе) не должно выходить“.

Таковы были причины, по которымъ сословно-профессіональная школа не могла сразу и безусловно уступить мѣсто школѣ безсословной и общеобразовательной, преслѣдующей исключительно педагогическія цѣли.

III.

Въ первые годы своего царствованія Екатерина II, какъ извѣстно, особенно заинтересовалась той проблемой въ области народнаго просвѣщенія, въ которой она видѣла „корень всему злу и добру“, проблемой *воспитанія.* Въ первую очередь поставлены были задачи „произвести способомъ воспитанія, такъ сказать, новую породу или новыхъ отцовъ и матерей, которые бы дѣтямъ своимъ тѣ же прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердцѣ вселить могли, какія получили они сами, и отъ нихъ дѣти передали бы паки своимъ дѣвямъ, и такъ, слѣдуя изъ родовъ въ роды, въ будущіе вѣки“. Для достиженія этой цѣли предполагалось во всѣхъ губерніяхъ Россійской Имперіи

„завести воспитательныя училища для обоего пола дѣтей, которыхъ принимать отнюдь не старше, какъ по пятому и шестому году“; „безвыходное пребываніе“ молодежи въ этихъ училищахъ должно было продолжаться до 18—20-ти-лѣтняго возраста, т.-е. до окончанія и научнаго образованія. Слѣдовательно, названіе „*воспитательныя* училища“ не передавало всей широты новаго просвѣтительнаго предпріятія. Являясь плодомъ теоретическаго увлеченія новыми педагогическими идеями, это предпріятіе должно было послужить исходнымъ пунктомъ къ разрѣшенію исторически подготовленной задачи — создать законченную систему общаго образованія отъ элементарныхъ народныхъ школъ до университетовъ.

„Генеральнымъ учрежденіемъ о воспитаніи обоего пола юношества“, 12 марта 1764 года, возложена была на И. И. Бецкаго обязанность составить регламенты и инструкціи для воспитательныхъ училищъ: „во-первыхъ, въ Санктпетербургѣ при Академіи художествъ, второе, *во всѣхъ губерніяхъ Россійской Имперіи*; третье, для двухсотъ дворянскихъ дѣвицъ“, въ Смольномъ монастырѣ [1]). Бецкій успѣлъ осуществить лишь часть этого обширнаго плана; подъ его непосредственнымъ руководствомъ были устроены воспитательныя училища для малолѣтнихъ при Академіи художествъ, Сухопутномъ шляхетномъ корпусѣ, гимназіи Академіи наукъ, и учреждено Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ. Но главная и самая сложная задача—составить планъ воспитательныхъ училищъ, какъ самостоятельныхъ заведеній, для всей вообще Имперіи, другими словами, начертать цѣлую систему народнаго просвѣщенія, — была выполнена другими лицами.

Повидимому, вскорѣ послѣ „Генеральнаго учрежденія“ 1764 г. появился весьма интересный „Проектъ о учрежденіи внутри Государства училищъ и гимназій“, составленный профессоромъ Московскаго университета Филиппомъ Дильтеемъ, исторіографомъ Герардомъ Миллеромъ, Тимоѳеемъ Клингштетомъ, статсъ-секретаремъ императрицы Г. Н. Тепловымъ [2]) и нѣкоторыми другими лицами. По этому плану предполагалось учредить „такія дѣтскія воспитательныя академіи, въ которыхъ бы съ обученіемъ наукъ и художествъ отъ самой юности дѣти воспитываны были въ страхѣ Божіи и поученіи Его Закона, въ познаніи прямыхъ добродѣтелей, яко то любви ближняго, сострađанія бѣдствующимъ, учтиваго и честнаго обхо-

---

[1]) П. С. З. № 12103.

[2]) Госуд. Архивъ, XVII, 58.

жденія въ обществѣ, милосердія, страннопріимства, любленія къ правдѣ и омерзенія ко всѣмъ порокамъ; словомъ: все, что человѣка благонравнымъ и полезнымъ дѣлаетъ въ обществѣ, то бы въ сихъ дѣтскихъ академіяхъ съ воспитаніемъ или, лучше сказать, со вскормленіемъ отъ младыхъ лѣтъ добрыми воспитателями въ сердце сущимъ еще младенцамъ обоего пола вливаемо было".

Названныя въ предварительномъ докладѣ императрицѣ „дѣтскими воспитательными академіями", новыя школы предназначались не только для дѣтскаго возраста и не ограничивались кругомъ элементарнаго образованія. Какъ видно изъ заглавія устава,—„Генеральнаго плана гимназій или государственныхъ училищъ",—эти учебныя заведенія, открытыя для „всѣхъ рожденныхъ россійскихъ подданныхъ греческаго исповѣданія, кромѣ крѣпостныхъ", должны были давать законченное образованіе и готовить юношество прямо къ государственной службѣ и другимъ профессіямъ. Курсъ ученья раздѣлялся на три класса, по четыре года въ каждомъ, такъ что ученики, поступившіе дѣтьми, въ шестилѣтнемъ возрастѣ, должны были выходить изъ училища уже зрѣлыми восемнадцатилѣтними юношами. „Для избѣжанія безпорядочнаго ученія, которому свойственно воспослѣдовать, ежели обучать въ одномъ училищѣ дѣтей, назначенныхъ къ разному званію и роду житія", всѣ заводимыя по новому плану училища предполагалось раздѣлить на четыре рода: 1) для ученыхъ людей, 2) военныя, 3) гражданскія, 4) купеческія. Въ первыхъ двухъ классахъ училищъ всѣхъ категорій воспитаніе и обученіе поставлено совершенно одинаково, „понеже главное попеченіе будетъ о томъ, чтобы всѣхъ учениковъ сихъ училищъ извлечь изъ невѣжества и сдѣлать полезными и способными ко всякому роду житія, которое они впредь себѣ изберутъ". Но послѣдній, третій классъ училищъ каждой категоріи получалъ профессіональный характеръ, специализировался „сходственно съ родомъ житія, къ которому сіи дѣти себя опредѣлятъ". Всѣ принятыя въ училища дѣти, какого бы званія или происхожденія ни были, объявлялись вольными людьми, „такъ что никто, ни подъ какимъ видомъ, не можетъ на нихъ имѣть претензіи". По окончаніи курса, воспитанники военныхъ училищъ поступаютъ на службу офицерами, воспитанники гражданскихъ школъ — „по различной способности, канцеляристами и канцелярскими служителями офицерскаго ранга", воспитанники „ученыхъ" школъ „употребляются преимущественно учителями при сихъ школахъ и при прочихъ таковыхъ мѣстахъ, яко-то при государствен-

номъ университетѣ и академіяхъ, гдѣ надобны ученые люди"; наконецъ, окончившіе курсъ коммерческихъ училищъ „имѣютъ свободу обучаться практической коммерціи въ конторахъ и на домахъ у купцовъ или могутъ сами начать производить торги".

Управленіе училищами объединяется подъ главнымъ начальствомъ „протектора" или попечителя, „знатнѣйшей особы, удостоенной отъ ея императорскаго величества особливой довѣренности и имѣющей къ императорскому престолу всегда вольный доступъ". При попечителѣ состоитъ совѣтъ изъ директоровъ училищъ. На содержаніе каждаго училища или гимназіи требовалось по 20.000 руб. ежегодно.

Таковъ былъ въ главныхъ чертахъ первый проектъ новой системы образованія, построенный на принципахъ Генеральнаго учрежденія о воспитаніи обоего пола юношества 1764 года. Этотъ проектъ ярко типиченъ для даннаго времени, времени особеннаго увлеченія императрицы Екатерины и ея сотрудниковъ педагогическими проблемами. На первое мѣсто въ проектѣ выдвинуты задачи воспитанія: цѣль школы — сначала воспитать юношей въ благонравіи, „вперяя въ нихъ вкусъ къ доброму, тихому и трудолюбивому житію", и затѣмъ уже „украсить ихъ разумъ всѣми тѣми науками, къ которымъ они окажутся способными". Далѣе, въ новой системѣ элементы общеобразовательные получали преобладаніе надъ профессіональными. Характерно, наконецъ, стремленіе сконцентрировать законченную систему воспитанія и образованія въ рамкахъ одного училища, совмѣщающаго въ себѣ задачи и элементарнаго обученія, и высшаго образованія. Это стремленіе, очевидно, вытекало изъ того педагогическаго убѣжденія, что только „безвыходное" пребываніе въ школѣ отъ ранняго дѣтскаго до зрѣлаго юношескаго возраста, подъ непрерывнымъ и систематическимъ воздѣйствіемъ опредѣленнаго педагогическаго режима, можетъ дать благотворный результатъ.

Какъ ни широки были задачи, поставленныя новымъ „гимназіямъ или государственнымъ училищамъ", послѣднія не могли, конечно, совмѣстить въ себѣ цѣлую систему народнаго просвѣщенія. Одновременно съ проектомъ „публичныхъ гимназій" составленъ былъ особый планъ, „какимъ образомъ во всѣхъ россійскихъ городахъ и мѣстечкахъ учредить школы *для простого народа*, безъ всякаго государственнаго расхода и народнаго отягощенія" [1]). Предполагалось по этому плану создать элементар-

[1]) Тамъ же.

ныя школы для обязательнаго обученія дѣтей простого народа въ возрастѣ 6—14 лѣтъ; учительствовать въ этихъ школахъ должно было приходское духовенство. Съ другой стороны, проектъ гимназій не упразднялъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній,—но отношеніе къ нимъ гимназій, какъ училищъ, призванныхъ давать юношеству законченное образованіе и готовить къ разнымъ поприщамъ государственной и общественной дѣятельности, осталось совершенно невыясненнымъ.

Оба проекта, — и гимназій, и элементарныхъ школъ, для простого народа,—утвержденія не получили и были погребены въ архивахъ.

Въ концѣ 1764 года одинъ изъ составителей проекта о гимназіяхъ, профессоръ Филиппъ Дильтей, выступилъ съ своимъ особымъ „Планомъ о учрежденіи разныхъ училищъ для распространенія наукъ и исправленія нравовъ" [1]). Первымъ и самымъ оригинальнымъ пунктомъ этого обширнаго плана является проектъ учрежденія въ Петербургѣ и Москвѣ „рабскихъ школъ", на которыя Дильтей указывалъ, какъ на „первое основаніе добраго воспитанія". Рабскія школы предназначались для „воспитанія крѣпостныхъ дядекъ", которые обучали бы дворянскую молодежь „первымъ основаніямъ языковъ и наукъ", а также цѣлому обиходу добраго поведенія: „какъ почитать родителей, какъ говорить съ иностранными, какъ стоять, ходить, сидѣть по правиламъ нравовъ должны, какъ пищу и питіе употреблять надлежитъ, какія тѣлодвиженія благопристойныя и какія неблагопристойныя бываютъ, какъ и когда дозволено смѣяться, какія слова говорить и когда молчать должно".

Услугами „ученыхъ и добронравныхъ дядекъ" могла воспользоваться, конечно, лишь небольшая часть дворянской молодежи. Для элементарнаго же обученія и воспитанія въ правилахъ „добропорядочнаго житія" массы „какъ благородныхъ, такъ купеческихъ и другихъ не подлаго состоянія" дѣтей, Дильтей предлагалъ учредить во всѣхъ губерніяхъ „тривіальныя школы", за которыми слѣдуютъ гимназіи съ четырехгодичнымъ курсомъ, предназначенныя также для дѣтей всѣхъ состояній, кромѣ крѣпостныхъ. Какъ въ тривіальныхъ школахъ, такъ и въ гимназіяхъ, дѣти благородныхъ и неблагородныхъ состояній „столами отличены будутъ, дабы смѣшеніе благородныхъ и разночинцевъ зависти и препятствія не имѣло въ ученіи".

Гимназіи приготовляютъ юношество къ университетамъ; кромѣ

---

[1]) Тамъ же. Краткія свѣдѣнія объ этомъ проектѣ сообщены А. И. Кирпичниковымъ въ „Историч. Вѣстникѣ", 1885, № 9.

существующаго Московскаго, Дильтей намѣчалъ два новыхъ университета: въ Малороссіи—въ Батуринѣ, и въ Лифляндіи—въ Дерптѣ. Между тремя университетами распредѣляется завѣдываніе гимназіями и тривіальными школами; тамъ же, гдѣ нѣтъ университета, среднія и низшія училища находятся „подъ особеннымъ покровительствомъ“ губернатора. Каждый университетъ состоитъ изъ четырехъ факультетовъ: философскаго, медицинскаго, юридическаго и богословскаго. Двухлѣтній курсъ философскаго факультета (философія, исторія, математика, краснорѣчіе, греческій и одинъ изъ новыхъ языковъ) имѣетъ пропедевтическое значеніе: лишь по окончаніи этого курса студенты распредѣляются по тремъ „высшимъ“ факультетамъ. Стоимость ежегоднаго содержанія всѣхъ проектируемыхъ учебныхъ заведеній (двухъ „рабскихъ“ школъ, 21 тривіальной школы, 9 гимназій и 3-хъ университетовъ) Дильтей исчислялъ въ 104.721 руб.

Какъ отнеслась Екатерина къ проекту Дильтея, мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ онъ не получилъ практическаго осуществленія, какъ и предшествующіе проекты, примыкавшіе къ основному закону—„Генеральному плану о воспитаніи обоего пола юношества“.

Такая же участь постигла и новую серію проектовъ, явившуюся въ первой половинѣ 70-хъ годовъ, въ связи съ дѣятельностью коммиссіи по составленію проекта Новаго Уложенія и коммиссіи о церковныхъ имѣніяхъ. Въ „Начертаніи о приведеніи къ окончанію“ работъ первой коммиссіи, 8 апрѣля 1768 года, императрица обратила ея вниманіе на „училища народныя, какъ-то: общественныя школы, гимназіи, университеты, сирѣчь нижнія, среднія и верховныя училища“; для разработки соотвѣтствующаго законодательства образована была новая частная „коммиссія объ училищахъ и призрѣнія требующихъ“ [1]). Исполняя данную ей инструкцію, училищная коммиссія представила въ дирекціонную коммиссію общій планъ своихъ работъ, на основаніи котораго надлежало составить уставы низшихъ, среднихъ и высшихъ училищъ. Выполнить этотъ планъ въ цѣломъ коммиссія не успѣла. Начавъ свои занятія въ концѣ мая 1768 года, училищная коммиссія черезъ 3 года, къ октябрю 1771 года выработала проекты: о нижнихъ деревенскихъ и городскихъ училищахъ, объ училищахъ для иновѣрцевъ, о сред-

---

[1]) Архивъ Государственнаго Совѣта, дѣла коммиссіи о составленіи проекта Нов. Уложенія. Графъ Д. А. Толстой, Взглядъ на учебн. часть въ Россіи въ XVIII вѣкѣ. Сборн. Отд. русск. яз. и слов. Импер. Академіи Наукъ, т. 38, стр. 63—76.

нихъ училищахъ или гимназіяхъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій поднятъ былъ и вопросъ объ университетахъ, но дальше общихъ предварительныхъ разсужденій коммиссія въ этомъ вопросѣ не пошла.

Еслибы коммиссія успѣла составить проектъ и объ университетахъ, то вся ея работа вылилась бы въ законченный планъ цѣльной системы общаго образованія, который по своей практической цѣлесообразности несомнѣнно представлялъ бы значительный шагъ впередъ сравнительно съ проектомъ „дѣтскихъ воспитательныхъ академій“. Элементарное обученіе для сельскаго и городского населенія предполагалось сдѣлать обязательнымъ, въ городахъ для дѣтей школьнаго возраста (8—12 лѣтъ) обоего пола, въ сельскихъ мѣстностяхъ—только для мальчиковъ. Кругъ обученія въ сельскихъ школахъ ограничивался краткимъ катехизисомъ, церковной и гражданской грамотой, изложеніемъ обязанностей крестьянина. Въ городахъ, гдѣ не было среднихъ школъ, кромѣ элементарныхъ, признавались нужными еще особыя ариѳметическія школы. Для инородческаго населенія проектировались особыя училища, въ которыхъ обученіе велось бы особымъ способомъ, сообразно съ родомъ жизни и вѣры мѣстнаго населенія. Среднее образованіе сосредоточивалось въ гимназіяхъ, закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя должны были замѣнить собою и духовныя семинаріи. Въ составъ гимназическаго курса входили древніе и новые языки, философія, математика, геодезія, архитектура, коммерція, политика, юриспруденція, медицина. Высшій надзоръ за сельскими и городскими школами въ каждой губерніи ввѣрялся мѣстному архіерею и губернатору, ближайшее же завѣдываніе—дворянамъ, выбираемымъ уѣздными обществами. Главными начальниками или попечителями гимназій, помѣщаемыхъ въ большихъ монастыряхъ, являлись также епархіальные архіереи и губернаторы; непосредственное же начальство надъ гимназіями сосредоточивалось совмѣстно въ рукахъ архимандритовъ и свѣтскихъ ректоровъ, опредѣляемыхъ синодомъ и университетомъ. Объединеніе всѣхъ учебныхъ заведеній Имперіи подъ вѣдѣніемъ особаго „Главнаго Правленія надъ училищами“, какъ органа центральной администраціи министерства народнаго просвѣщенія, коммиссія признала излишнимъ, находя болѣе удобнымъ оставить училища попрежнему въ вѣдѣніи правительствующаго сената.

Къ вопросу о начальномъ народномъ образованіи привлечена была также коммиссія о церковныхъ имѣніяхъ, разсматривавшая въ 1772 году составленный архіепископомъ с.-петербургскимъ

Гавріиломъ и Г. Н. Тепловымъ планъ учрежденія повсемѣстно „градскихъ" церковно-приходскихъ школъ [1]). Представляя свои замѣчанія на этотъ планъ императрицѣ, коммиссія (архіепископы с.-петербургскій Гавріилъ и псковскій Иннокентій, Гр. Тепловъ и П. Чебышовъ) просила предпослать учрежденію проектированныхъ „градскихъ школъ" рядъ предварительныхъ мѣръ: назначить „главнаго опекуна" этихъ школъ, „который бы по званію своему возъимѣлъ стараніе о необходимо нужномъ предустроеніи сего дѣла"; поручить синоду составленіе учебныхъ руководствъ; предписать мѣстнымъ властямъ, свѣтскимъ и духовнымъ, приготовить для школъ помѣщенія и учителей; наконецъ, объявить народу о готовящемся учрежденіи школъ особымъ манифестомъ.

Составленные коммиссіей объ училищахъ проекты низшихъ сельскихъ и городскихъ школъ были переданы въ дирекціонную коммиссію, но дальнѣйшаго движенія не получили; проектъ же среднихъ школъ, какъ незаконченный обсужденіемъ, повидимому оффиціально не былъ представленъ и въ дирекціонную коммиссію. Графъ Д. А. Толстой, первый изъ историковъ изучившій эти проекты, не сомнѣвался, „что императрица не видѣла работъ коммиссіи и не слыхала о нихъ; иначе было бы невѣроятно, чтобы такая умная и энергическая государыня, дѣйствительно желавшая просвѣщенія Россіи и обращавшаяся ко многимъ лицамъ и вдалекѣ за совѣтами по учебной части, не воспользовалась тѣмъ, что у нея было подъ рукою" [2]). Не рѣшаемся раздѣлить этой увѣренности въ томъ, что Екатерина не знала трудовъ коммиссіи объ училищахъ, даже не слыхала о нихъ. Вполнѣ возможно противоположное предположеніе, что императрицѣ проекты коммиссіи были извѣстны, но, какъ и многіе другіе, признаны почему-либо неосуществимыми.

Итакъ, за „Генеральнымъ учрежденіемъ" 12 марта 1764 года послѣдовалъ цѣлый рядъ проектовъ, въ которыхъ даны были болѣе или менѣе обстоятельные отвѣты на всѣ важнѣйшіе очередные вопросы политики просвѣщенія: всѣ проекты построены на идеѣ общаго образованія; если они и не проводятъ послѣдовательно принципы безсословности образованія, то, съ другой стороны, традиціонныя сословныя тенденціи получаютъ въ нихъ очень умѣренное выраженіе; разграничиваются три основныхъ цикла общаго образованія, представляемые тремя типами школъ,

---

1) Госуд. Архивъ, XVII, 58. Архивъ Св. Синода, дѣла Коммиссіи о духовн. имѣніяхъ, 154—68.

2) Сборн. Отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. 38, стр. 75.

низшей, средней и высшей — университетомъ; всѣ три цикла приводятся между собою въ органическую связь; затрагивался, наконецъ, вопросъ о выдѣленіи въ составѣ высшей администраціи особаго учебнаго вѣдомства. По всѣмъ этимъ вопросамъ проекты 60-хъ и первой половины 70-хъ годовъ давали, несомнѣнно, значительный матеріалъ для законодательной обработки. Но законодательство прошло мимо этого матеріала. Плоды добросовѣстной и широкой работы разныхъ коммиссій и отдѣльныхъ лицъ по вопросамъ народнаго просвѣщенія вовсе не отразились на томъ, по мѣткому выраженію графа Д. А. Толстого, „бюрократическомъ обрывкѣ многосложнаго законодательства о губерніяхъ", какой представляли собою постановленія о школахъ, заводимыхъ приказами общественнаго призрѣнія по закону 7 ноября 1775 года. Предписанное приказомъ общественнаго призрѣнія „попеченіе и надзираніе о установленіи и прочномъ основаніи народныхъ школъ" должно было оставаться мертвою буквой до тѣхъ поръ, пока спеціальное школьное законодательство не выработало дѣйствительныхъ средствъ этого „попеченія и надзиранія" и не вооружило ими компетентные органы власти.

Не рѣшаясь остановиться на проектахъ учебныхъ реформъ, съ которыми мы познакомились выше, Екатерина съ 1774 года обращается за помощью къ своимъ заграничнымъ друзьямъ-философамъ, приглашая ихъ составить „планъ образованія для молодыхъ людей, начиная съ азбуки и кончая университетомъ". Но и проекты Гримма, Дальберга, Дидро не внушили Екатеринѣ рѣшимости приняться за дѣло учебной реформы. Еще въ 1780 году, когда у нея собралась цѣлая коллекція проектовъ о школахъ, гимназіяхъ и университетахъ, она находила, что не все готово для работы и что „яблоко не созрѣло". Въ чемъ именно заключался корень всѣхъ затрудненій, смущавшихъ императрицу, ясно выражено въ письмѣ ея къ Гримму 27 февраля 1775 года: „мнѣ говорятъ, что нужны три рода школъ, но я, не учившаяся и не бывавшая даже въ Парижѣ, не имѣю для того ни знаній, ни ума и, потому, не представляю себѣ, чему слѣдуетъ учить, чему можно учить, и гдѣ почерпнуть все это, какъ не у васъ... *Я съ большимъ трудомъ усвоиваю идею объ университетѣ и объ управленіи его гимназіями и школами* (Je suis fort en peine d'avoir une idée d'université, de sa régie de gymnases et de sa régie d'écoles et de sa régie...)".

Эти откровенныя признанія показываютъ, что Екатерина II, теряясь въ выборѣ путей учебной реформы, вѣрно схватывала центральный, исторически назрѣвшій вопросъ послѣдней. Мы

2*

знаемъ уже, въ чемъ онъ состоялъ: нельзя было насаждать отдѣльныхъ цикловъ общаго образованія, не связывая ихъ органически въ одну цѣльную систему, и все направленіе этой системы должно было опредѣляться постановкой высшаго, университетскаго образованія; въ зависимости отъ того, какія цѣли поставлялись высшему образованію,—складывались основы организаціи средней и низшей школы.

Въ первой половинѣ XVIII вѣка, когда и правительствомъ и обществомъ превыше всего цѣнились практическіе плоды европейской образованности, учрежденіе Академіи наукъ и университетовъ предшествовало учрежденію гимназій и низшихъ школъ. Когда же интересы педагогическіе возобладали надъ интересами грубаго утилитаризма, общее образованіе—надъ профессіональнымъ, тогда центръ тяжести всей учебной политики перемѣстился въ область низшаго и средняго образованія, такъ какъ именно эти области, не соприкасающіяся непосредственно съ конечными практическими цѣлями образованія, представляли широкое и свободное поле для педагогической работы, чуждой какихъ либо утилитарныхъ тенденцій. Но нельзя было строить новой системы образованія на однихъ чистыхъ педагогическихъ принципахъ, не считаясь съ многообразными условіями реальной, общественной и политической жизни, съ ея практическими интересами. Наиболѣе же полно и глубоко отвѣчала этимъ интересамъ высшая школа, вѣнчающая собою всю систему образованія. Поэтому построеніе новой „педагогической“ учебной системы должно было начаться съ элементарныхъ школъ и закончиться университетами. Такъ университетскій вопросъ являлся центральной проблемой политики народнаго просвѣщенія въ XVIII-мъ столѣтіи. Это значеніе университетскаго вопроса ясно раскрыто было послѣдующими реформами, исходными пунктами которыхъ послужили учрежденіе коммиссіи о народныхъ училищахъ въ 1782 году и учрежденіе министерства народнаго просвѣщенія въ 1802 году.

IV.

Одной изъ важнѣйшихъ причинъ неудачи, постигшей многіе проекты учебныхъ реформъ XVIII вѣка, было отсутствіе такихъ компетентныхъ органовъ власти, которые спеціально вѣдали бы дѣло народнаго образованія. Всѣ попытки навязать органамъ общей администраціи, центральной или областной, учебно-административныя обязанности всегда оказывались безрезультатными.

и со времени Петра Великаго появляется мысль, что попеченіе о народномъ просвѣщеніи должно быть выдѣлено въ особую, самостоятельную отрасль управленія, представленную спеціальнымъ учебнымъ вѣдомствомъ. Такъ Лейбницъ совѣтовалъ Петру учредить особую высшую коллегію, „подобную той, которая существуетъ въ Китаѣ"; „эта коллегія издавала бы полезныя предписанія, могла бы дать хорошее устройство воспитанію юношества, пріискивать хорошихъ учителей, составлять учебники, изображать науки въ рисункахъ и моделяхъ, такъ чтобы преподаваніе ихъ было не только устнымъ, но и нагляднымъ" [1]). Татищевъ въ „Разговорѣ о пользѣ наукъ и училищъ" находилъ весьма нужнымъ („понеже науки училища разныхъ качествъ и много о всемъ разсужденій требуютъ") учредить „особливое собраніе или коллегію, которая бъ всегда на всѣ училища, какого-бъ оныя званія ни были, внятное надзираніе на ихъ порядки и поступки, а ко исправленію и лучшему учрежденію власть имѣла". Та же мысль послѣдовательно проводится въ проектахъ 60 хъ и 70 хъ годовъ. Въ „Генеральномъ планѣ гимназій или государственныхъ училищъ", составленномъ Дильтеемъ, Миллеромъ, Тепловымъ и другими, проектировалась, какъ было показано выше, должность „протектора" или „главнаго попечителя" училищъ, управляющаго ими съ помощью совѣта директоровъ. О „главномъ опекунѣ" народныхъ училищъ, облеченномъ особой довѣренностью верховной власти, говорилось въ проектѣ духовной коммиссіи 1772 года. Академія наукъ предлагала учредить учебное „правительство", непосредственно подчиненное верховной власти и состоящее изъ знатныхъ просвѣщенныхъ любителей наукъ и изъ ученыхъ.

Такимъ „правительствомъ", спеціальнымъ учебно-административнымъ органомъ, явилась „коммиссія о учрежденіи народныхъ училищъ", на которую указомъ 1782 года возложена была обязанность пересадить въ Россію австрійскую систему народныхъ школъ. Дѣятельность этой коммиссіи, именуемой въ уставѣ народныхъ училищъ 5-го августа 1786 года „главнымъ училищнымъ правительствомъ", создала прочный фундаментъ для построенія законченной системы народнаго просвѣщенія.

Для нашей темы нѣтъ надобности останавливаться на подробностяхъ организаціи народныхъ училищъ по уставу 1786 года. Намъ важно отмѣтить лишь тѣ стороны этой организаціи, на

[1]) „Журн. Мин. Нар. Просв.", 1870 г., февраль, стр. 414. Владимірскій-Будановъ, Государство и народн. образованіе въ Россіи XVIII вѣка, стр. 242—244.

которыя опирались послѣдующія реформы. По первоначальному плану, конфирмованному 17-го сентября 1782 года, предполагалось устроить три категоріи училищъ: *малыя* двухклассныя, *среднія* трехклассныя и *главныя* четырехклассныя. Учебные планы училищъ всѣхъ трехъ категорій были расположены концентрически, такъ что два младшіе класса главнаго училища представляли малое училище, а три класса—училище среднее. Подробный же уставъ 5-го августа 1786 года упразднилъ среднее звено и оставилъ двѣ категоріи училищъ: *малыя*, элементарныя школы, и *главныя* училища, являвшіяся по высотѣ своей задачи среднею общеобразовательной школой съ курсомъ, въ которомъ элементы гуманитарнаго и реальнаго образованія не получили преобладанія одни надъ другими.

Народныя училища имѣли большой успѣхъ: въ 1800 г. ихъ насчитывалось 315 съ 790 учащихъ, 18.128 учащихся мужескаго пола и 1.787 женскаго пола. Учились въ нихъ дѣти самыхъ различныхъ состояній, отъ дворянъ до „господскихъ людей“, т. е. крѣпостныхъ. Этотъ быстрый успѣхъ народныхъ училищъ, видимо удовлетворявшихъ запросамъ широкихъ общественныхъ круговъ, объясняется не столько преимуществами содержанія ихъ курса, сравнительно съ проектами 60-хъ и 70-хъ годовъ, сколько умѣньемъ коммиссіи создать тѣ педагогическія средства, безъ которыхъ не могла быть поставлена на ноги ни одна общеобразовательная школа. Главный недостатокъ большинства проектовъ XVIII вѣка, не получившихъ осуществленія, заключался въ томъ, что, представляя разнообразные типы школъ, они не обезпечивали этихъ школъ ни педагогически образованнымъ контингентомъ учителей, ни систематически подобранной учебной литературой. То и другое впервые было создано для русской общеобразовательной школы коммиссіей объ учрежденіи народныхъ училищъ; не широта и глубина курса народныхъ училищъ, а педагогически правильные методы его усвоенія содѣйствовали неожиданному успѣху реформы конца царствованія Екатерины.

Не успѣли народныя училища пріобрѣсти прочное положеніе, какъ правительство стало настойчиво стремиться къ распространенію новыхъ учебныхъ порядковъ, какъ нормальныхъ и образцовыхъ, на всѣ вообще низшія и среднія школы, болѣе или менѣе близко подходившія по своимъ задачамъ къ народнымъ училищамъ. Преобразованіямъ въ этомъ смыслѣ подверглись: училища Воспитательнаго общества благородныхъ и мѣщанскихъ дѣвицъ, сухопутный и инженерный кадетскіе корпуса, казанскія гимназіи, училища солдатскихъ дѣтей, рязанское дворянское учи-

лище, духовныя семинаріи, инородческія школы. Цѣлью всѣхъ преобразованій поставлялось „единообразіе въ книгахъ и учебномъ способѣ, чтобъ не воспослѣдовало ни въ учителяхъ, ни въ книгахъ какого разврата ко вреду общей пользы".

Признавъ малыя и главныя народныя училища нормальными типами низшей и средней общеобразовательной школы, правительство не могло обойти вопроса объ отношеніи этихъ новыхъ школъ къ гимназіямъ и университетамъ. Уставомъ 1786 года этотъ вопросъ уже былъ затронутъ: въ курсѣ главныхъ народныхъ училищъ введенъ былъ латинскій языкъ „для желающихъ ученіе свое продолжать въ высшихъ училищахъ, какъ-то гимназіяхъ или университетахъ".

Еще раньше, чѣмъ коммиссія покончила съ уставомъ народныхъ училищъ, именно въ февралѣ 1786 года, она получила указъ „о сочиненіи плана университетовъ и гимназій". Этотъ новый трудъ коммиссія выполнила въ теченіе года, и въ апрѣлѣ 1787 года поднесла императрицѣ „планъ учрежденія въ Россіи университетовъ", подписанный П. Завадовскимъ, П. Пастуховымъ, Ф. Епинусомъ и Ѳ. Крейдеманомъ [1]). Этотъ замѣчательный проектъ доселѣ обращалъ на себя въ исторической литературѣ меньше вниманія, чѣмъ онъ того заслуживаетъ. Между тѣмъ въ той постановкѣ университетскаго вопроса, съ которой мы знакомимся по плану 1787 года, заключается, на нашъ взглядъ, центральный узелъ, соединяющій обѣ учебныя реформы— Екатерины II и Александра I.

Изъ предисловія къ плану, содержащаго „предварительное разсужденіе о народномъ въ Россіи просвѣщеніи", узнаемъ, что коммиссія смотрѣла на учрежденіе университетовъ не какъ на отдѣльное просвѣтительное предпріятіе, но какъ на логическое завершеніе цѣльной системы народнаго просвѣщенія:

„Разсматривая, отъ чего въ Россіи по сіе время былъ совершенный въ ученыхъ людяхъ недостатокъ и по какимъ причинамъ отъ прежде заведенныхъ вышнихъ училищъ просвѣщеніе въ россійскомъ народѣ не могло распространиться, каждому видно будетъ, что сіе произошло частію отъ недостатка въ побужденіяхъ къ ученію, частію же оттого, что въ Россіи до царствованія ея императорскаго величества не было учреждено народныхъ училищъ, яко перваго средства ко всеобщему просвѣщенію, ибо, по расположенію самой природы, начальное ученіе долженствуетъ всегда предшествовать ученію вышнихъ наукъ.

[1]) Сухомлиновъ, Исторія Россійской Академіи, вып. 6, стр. 53—123.

Вышнія училища какъ бы хорошо устроены ни были, но если нѣтъ въ томъ же государствѣ достаточнаго числа нижнихъ школъ, въ коихъ бы юношество пріобрѣтало первоначальныя въ наукахъ знанія; то науки неминуемо останутся токмо въ университетахъ и академіяхъ, а народъ пребудетъ въ невѣжествѣ. Университеты и всѣ вышнія училища вообще, существующія въ другихъ государствахъ, приносятъ ожидаемую пользу и распространяютъ успѣшно въ народѣ просвѣщеніе и потому, что во всѣхъ европейскихъ государствахъ, въ коихъ учреждены порядочные университеты и академіи, учреждены также въ великомъ числѣ и народныя школы, въ которыхъ юноши пріобрѣтаютъ познаніе языковъ и первоначальныхъ наукъ; слѣдственно, приходятъ въ университеты приготовленными и сдѣлавшись способными къ пріобрѣтенію знанія въ вышнихъ наукахъ".

„Нынѣ не можетъ уже недостатокъ въ народныхъ школахъ препятствовать вышнимъ заводимымъ училищамъ приносить Россіи пользу и распространять отъ себя въ народѣ просвѣщеніе, ибо ея императорское величество, прежде устроенія университетовъ, повелѣть изволила учредить народныя училища, которыя и учреждены въ 26 губерніяхъ сея Имперіи. Слѣдовательно, россіянамъ открыты нынѣ пути къ просвѣщенію, чрезъ которое желающіе пріобрѣсти знаніе вышнихъ наукъ могутъ доходить и до ученія университетскаго".

Итакъ, по взгляду коммиссіи, учрежденіе университетовъ, вслѣдъ за широкимъ развитіемъ сѣти народныхъ училищъ, разрѣшало проблему „всеобщаго просвѣщенія", объемлющаго интересы всего народа, а не отдѣльныхъ классовъ, какъ было дотолѣ. Новая система просвѣщенія строится „по расположенію самой природы", начиная съ „нижнихъ", элементарныхъ школъ и завершаясь „вышними", университетами и академіями. Ставя въ такія широкія рамки разрѣшеніе университетскаго вопроса, коммиссія естественно должна была пересмотрѣть и существующую систему низшаго и средняго образованія, дабы привести ее въ органическую связь съ образованіемъ университетскимъ. Если, по вѣрному замѣчанію коммиссіи, университеты не могли принести надлежащей пользы „всеобщему просвѣщенію" безъ среднихъ и низшихъ школъ, то и наоборотъ—образованіе среднее и низшее не могло быть хорошо поставлено внѣ законченной системы образованія, увѣнчиваемой университетами. Университетъ указывалъ идеальный уровень, до котораго должна была подниматься средняя школа; задачей приготовленія слушателей для университета ясно опредѣлялся объемъ средняго обра-

зованія, что̀, въ свою очередь, позволяло провести болѣе точную границу между среднимъ и низшимъ образованіемъ.

Практически вопросъ заключался въ томъ, могутъ ли малыя и главныя народныя училища по уставу 1786 года служить надежнымъ базисомъ для университетовъ, или учрежденіе послѣднихъ должно было повлечь за собою коренную перестройку этого базиса? Въ главѣ „о расположеніи ученія университетскаго“ коммиссія намѣтила такую схему „всеобщаго просвѣщенія“:

„*Школы народныя* опредѣлены для образованія земледѣльца, ремесленника, нѣкоторыхъ художниковъ и имъ подобныхъ. Онѣ заключаютъ въ себѣ *сельскія* или *земскія школы*, то-есть, что̀ по деревнямъ; *городскія школы* или *уѣздныя* и *главныя* или *губернскія*, что̀ въ главномъ городѣ губерній, гдѣ образуются также учители для школъ первыхъ двухъ родовъ“.

„Дѣти, кои, выходя изъ главныя школы, имѣютъ еще по состоянію и виду своему принять дальнѣйшее въ наукахъ наставленіе, вступаютъ въ училища высшихъ степеней, гдѣ будущіе государственные чины пріуготовляются по всѣмъ степенямъ“.

„Училища высшихъ степеней суть *гимназіи* и *университеты*“.

„Изъ главнаго народнаго училища или по совершеніи домашняго ученія юноша переходитъ къ такъ называемымъ высшимъ наукамъ“.

Остановимся сначала на внѣшней конструкціи этой схемы. Она значительно сложнѣе системы народныхъ училищъ по уставу 1786 года. Начальнымъ звеномъ новой іерархіи школъ являются сельскія или земскія училища, отдѣляемыя отъ „малыхъ“ городскихъ училищъ по уставу 1786 года; за главнымъ или губернскимъ училищемъ слѣдуетъ, какъ особое звено, гимназія, входящая, вмѣстѣ съ университетомъ, въ область высшихъ наукъ. Но это была идеальная система „всеобщаго просвѣщенія“. Практическое значеніе для даннаго момента имѣлъ вопросъ о соотношеніи двухъ смежныхъ типовъ средней школы, главнаго народнаго училища и гимназіи. По смыслу изложенной выше схемы слѣдовало бы заключить, что главное народное училище должно приготовлять юношество къ гимназіямъ, какъ къ переходной ступени въ университетъ. Но, опредѣляя условія поступленія въ университеты, коммиссія постановила, что первымъ условіемъ должна быть наличность „свидѣтельства отъ котораго-нибудь *главнаго народнаго училища* о знаніяхъ необходимо нужныхъ. Хотя юноша и не обучался въ главномъ народномъ училищѣ, но у себя дома или въ другомъ какомъ училищѣ, однакожъ со всѣмъ тѣмъ, прежде вступленія въ университетъ, онъ

долженъ быть въ которомъ ни на есть главномъ училищѣ, или въ самомъ университетѣ, испытанъ въ нужныхъ школьныхъ наукахъ, и имѣть о знаніяхъ своихъ свидѣтельство". Далѣе, раздѣляя „высшія науки" на „пріуготовительныя" и „науки званія", коммиссія сосредоточила первыя не въ гимназіяхъ, а въ „философическихъ" факультетахъ. Такимъ образомъ роль средней школы, подготовляющей къ университету, усваивалась всецѣло главному народному училищу, и гимназія оказывалась лишнимъ звеномъ школьной іерархіи.

Мотивы, которыми руководилась коммиссія въ вопросѣ о соотношеніи главнаго народнаго училища и гимназіи, разъяснились впослѣдствіи, въ слѣдующемъ эпизодѣ. Еще до изданія устава народныхъ училищъ, въ сентябрѣ 1785 года предписано было передать казанскія гимназіи въ вѣдѣніе мѣстнаго приказа общественнаго призрѣнія. Дѣло это встрѣтило разныя препятствія, затянулось, и только въ августѣ 1789 года коммиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ представила сенату слѣдующее постановленіе по данному дѣлу: „разсматривая вѣдомости о состояніи казанскихъ гимназій, коммиссія находитъ, что бывшее въ оныхъ ученіе ни числомъ наукъ, ни пространствомъ оныхъ не токмо не превосходитъ открытаго между тѣмъ въ Казани главнаго народнаго училища, но еще сему гораздо уступаетъ по выбору лучшихъ и полезнѣйшихъ предметовъ... Посему разсуждаетъ коммиссія, что обучившіеся въ оныхъ гимназіяхъ не токмо безъ потери, но еще съ вящею пользою могутъ ученіе свое продолжать въ упомянутыхъ главныхъ народныхъ училищахъ, споспѣшествуемы будучи и лучшимъ способомъ наставленія; и что даже до будущаго о гимназіяхъ по всему государству постановленія, тамошнему юношеству нѣтъ почти нужды въ ученіи тѣхъ гимназій на такомъ основаніи, какъ оно до сего времени было" [1]).

Итакъ, начертывая идеальную схему всеобщаго просвѣщенія, коммиссія не находила нужнымъ немедленное ея осуществленіе въ полномъ объемѣ въ связи съ учрежденіемъ университетовъ. Народныя училища по уставу 1786 года являлись, въ глазахъ коммиссіи, надежнымъ базисомъ для университетовъ.

Обратимся къ внутреннему содержанію того круга „вышнихъ наукъ", который долженъ былъ завершать систему „всеобщаго просвѣщенія". И этому вопросу коммиссія старалась

---

[1]) Арх. Минист. Народн. просв., журналы коммиссіи объ учрежденіи народн. училищъ за 1789 г.

дать широкое принципіальное освѣщеніе. „Расположенію университетскаго ученія“ предпослано разсужденіе о задачахъ „учебнаго образованія“ вообще. Приводимъ цѣликомъ это характерное разсужденіе, резюмирующее основныя просвѣтительныя идеи „педагогическаго вѣка“.

„Учебное образованіе имѣетъ предметомъ умъ и сердце растущаго гражданина. На послѣднее дѣйствуютъ науки посредствомъ перваго. Непосредственный предметъ учебнаго плана есть просвѣщеніе разума и украшеніе онаго. Въ отношеніи къ первому науки необходимы; въ отношеніи же къ послѣднему полезны. Отсюда выходитъ различность степеней ихъ потребности, подобно какъ въ вещахъ домашняго быту, гдѣ необходимое полагать должно напередъ, за онымъ полезное, а наконецъ, къ великолѣпію принадлежащее, возвѣщающее богатство и довольство“.

„Образованіе гражданина предполагаетъ образованіе человѣка“.

„Человѣка въ собственномъ разумѣніи образуетъ законоучитель. Поелику же нравоученіе есть основаніе будущаго образа мыслей и дѣяній, и какъ оно во многихъ случаяхъ долженствуетъ или замѣнять законы, или укрѣплять къ онымъ повиновеніе, то нравоученіе и есть для государства предметъ весьма важный. Правительство взираетъ на образованіе человѣка при обращеніи нравоученія на жизнь гражданскую въ таковомъ видѣ, что каждый гражданинъ напоенъ быть долженъ правилами нравоученія и притомъ такими, кои бы съ законами государства согласовали и къ наблюденію оныхъ предуготовляли“.

„Званіе мужа, отца и домостроителя суть равно званія какъ человѣка, такъ и гражданина. Мужъ имѣетъ у себя жену, отецъ дѣтей, а хозяинъ дому домочадцевъ. Связь сихъ домашнихъ и семейственныхъ отношеній съ просвѣщеніемъ ощутительна, особливо въ утвержденіи супружескаго согласія, въ приличномъ воспитаніи дѣтей и въ добромъ порядкѣ домочадцевъ, въ такихъ вообще предметахъ, гдѣ учредительное законодательство безъ предуготовительнаго, а заповѣдь безъ удостовѣренія о проразумѣніи не будутъ имѣть ни уваженія, ни силы“.

„Гражданинъ состоитъ въ отношеніи ко всему государству и порознь ко гражданамъ онаго. По сему двоякому отношенію имѣетъ онъ выполнять обязанности и взывать права. О томъ и другомъ долженъ онъ имѣть понятіе и знать обширность и предѣлы оныхъ. Отъ сего зависитъ покорность его къ государству и взаимная справедливость къ согражданамъ. Паче всего не упу-

скать ни единаго случая ко вразумленію нераздѣлимаго союза частныя пользы со всеобщимъ порядкомъ и всеобщаго порядка съ наблюденіемъ всякой должности. Черезъ то будетъ каждый гражданинъ увѣренъ, что онъ, исполняя свою должность, свое собственное благо утверждаетъ, и потому будетъ онъ должности свои исполнять, помышляя о самомъ себѣ, и какъ бы для собственныя корысти, и станетъ любить свои должности, такъ какъ онъ любитъ свою пользу. Вотъ великолѣпнѣйшая, но притомъ и нелицемѣрнѣйшая похвала наукамъ, что онѣ умножаютъ приверженность ко всеобщему порядку и повиновенію къ законамъ, дѣлая внѣшнее принужденіе чрезъ внутреннее убѣжденіе ненужнымъ и приводя законодательство въ состояніе уменьшить свою строгость".

Ставя университетамъ двѣ послѣдовательныя задачи, образованіе *человѣка* и образованіе *гражданина*, проектъ раздѣляетъ весь кругъ университетскаго образованія на двѣ слѣдующія одна за другой области: 1) *наукъ пріуготовительныхъ* и 2) *наукъ званія*.

„Науки пріуготовительныя заключаютъ въ себѣ то, что̀ къ каждому искусственному званію возрастающаго гражданина или какъ основаніе необходимо нужно, или, по крайней мѣрѣ, какъ пособіе, несомнительно полезно".

„Науки званія суть тѣ, посредствомъ коихъ учащійся пріобрѣтаетъ себѣ въ общежительствѣ особенное званіе".

„Науки пріуготовительныя называются всѣ вмѣстѣ ученіемъ философическимъ".

„Науки званія суть: врачебная наука и правовѣдѣніе, извѣстныя подъ названіемъ медицинскаго и юридическаго отдѣленія или факультета. Богословскій факультетъ высочайшимъ ея императорскаго величества указомъ отъ 29 января 1786 года предоставляется училищамъ духовнымъ и изъ университетовъ исключается".

Такимъ образомъ, по проекту 1787 года русскіе университеты должны были состоять изъ трехъ факультетовъ: философскаго, медицинскаго и юридическаго, при чемъ трехгодичный курсъ философскаго факультета предназначался служить основаніемъ для двухъ высшихъ спеціальныхъ факультетовъ.

Съ точки зрѣнія интересовъ цѣльной системы всеобщаго просвѣщенія особенно важное значеніе пріобрѣталъ философскій факультетъ, такъ какъ „ученіе философское соединяло главныя народныя школы съ высшими науками". „Философическій" факультетъ являлся, поэтому, „среднимъ звеномъ той цѣпи, которая

начальное ученіе съ науками званія соединяетъ и къ обоимъ имѣетъ свое отношеніе: къ первому, дабы предшествовавшее собрать, устроить, умножить и приложить; а къ послѣднимъ дабы пріуготовить". Эта широкая задача сообщала курсу философскаго факультета энциклопедическій характеръ; въ составъ его входили: логика, метафизика, нравственная философія, математика чистая и прикладная, физика, натуральная исторія, исторія всемірная и русская, классическая филологія, словесныя науки. Преподаваніе всѣхъ этихъ наукъ располагалось такимъ образомъ, „чтобы одна другой служила пріуготовленіемъ и какъ бы лѣствицею и чтобы каждый предметъ толковался сперва по одной наружности, потомъ по правиламъ и, наконецъ, практически".

Такъ уставъ народныхъ училищъ 1786 года и планъ университетовъ 1787 года создавали въ совокупности законченную систему *общаго* образованія, представленную стройной іерархіей учебныхъ заведеній, отъ элементарной народной школы до университета. Особенно характерна для этой іерархіи постановка философскаго факультета, перерабатывавшаго элементы низшаго и средняго образованія и подготовлявшаго почву для высшаго спеціальнаго образованія. Философское образованіе, составляя сердце всей системы, ярко выражало общеобразовательный характеръ послѣдней. Но старыя традиціи живучи. Онѣ еще вплетаются замѣтною нитью въ новые планы. Традиція государственной пользы нашла себѣ выраженіе и въ проектѣ 1787 года. Вотъ какъ опредѣляетъ онъ назначеніе университета: „главная цѣль каждаго университета есть доставленіе государству людей, могущихъ отправлять служенія, кои въ отправляющемъ предполагаютъ знанія нѣкоторыхъ высшихъ наукъ, почему и называются университеты вышними училищами".

Другой идеей, которую надлежало провести черезъ новую систему просвѣщенія, была идея *безсословной* школы. Мы видѣли выше, что народныя училища по уставу 1786 года были открыты для дѣтей всѣхъ сословій. И въ планѣ 1787 года убѣжденно и энергично отстаивается та же идея:

„Коммиссія, не отъемля у несвободныхъ права, принадлежащаго человѣчеству—пріобрѣтать просвѣщеніе, полагаетъ, чтобъ и они къ университетскому ученію были, какъ и прочіе, допускаемы. Когда несвободные люди будутъ въ университетахъ, какъ и прочіе студенты, то симъ науки и ученые люди ни мало не будутъ унижаемы, такъ какъ цари и князи не унижаются тѣмъ, когда несвободные бываютъ съ ними вмѣстѣ въ храмахъ и слушаютъ слово Божіе. Науки называются свободными для того,

что всякому оставлена свобода ихъ пріобрѣтать, а не для того, чтобъ сіе право предоставлялось только людямъ свободнымъ. Путь къ просвѣщенію, изливающемуся на всѣхъ и каждаго чрезъ науки, не долженствуетъ быть возбраненъ ни единому человѣку. Но какъ въ университетахъ заведены будутъ разные чины и достоинства, какъ-то магистры, доктора и прочіе, то къ полученію таковыхъ достоинствъ предоставляется право единственно только людямъ свободнымъ. Въ древнія времена, когда варварскіе законы лишали несвободныхъ людей права человѣчества и почитали ихъ наравнѣ съ вещами неодушевленными, тогда и путь къ пріобрѣтенію просвѣщенія затворялся имъ рукою жестокой власти. Но въ просвѣщенный вѣкъ, а паче подъ кроткою державою премудрой и премилосердой нашей самодержицы, не можетъ путь къ просвѣщенію возбраненъ быть и несвободнымъ людямъ, яко человѣкамъ и членамъ россійскаго народа, на коего десница ея изливаетъ непрестанно щедроты, устрояющія твердое онаго блаженство".

„Званіе студентское не есть достоинство или чинъ, но только способъ къ пріобрѣтенію оныхъ, ибо каждый *учащійся* есть *студентъ*, хотя бы онъ и не былъ записанъ въ студенты, слѣдовательно сіе званіе можетъ принять на себя и человѣкъ несвободный безъ всякаго наукамъ предосужденія. Путь къ просвѣщенію отверзается каждому, лишь бы желающій просвѣтиться былъ человѣкъ, имѣющій неповрежденный умъ. Да и исторія, какъ древняя, такъ и новая, доказываетъ, что люди самаго низкаго состоянія пріобрѣли себѣ науками безсмертную славу. Въ отечествѣ нашемъ стяжавшій оную Ломоносовъ служитъ неоспоримымъ истины сей доказательствомъ".

Итакъ, съ учрежденіемъ университетовъ система новыхъ училищъ замыкалась не внѣшнимъ только образомъ. Проектъ университетскаго устава 1787 года впервые разрѣшалъ центральную проблему въ исторіи русской школы за два послѣднія столѣтія, проблему о взаимной внутренней зависимости школъ разныхъ степеней, въ которой заключался залогъ ихъ жизненности.

Въ самомъ проектѣ 1787 года ясно была выражена мысль, что высшее образованіе не можетъ быть устроено безъ надлежащей широкой постановки среднихъ и низшихъ школъ. Съ другой стороны, одинъ изъ составителей проекта справедливо, хотя и односторонне, доказывалъ, что для успѣховъ средней школы необходимы университеты. Въ отчетѣ о ревизіи народныхъ училищъ О. П. Козодавлевъ писалъ: „единственное сред-

ство къ собранію зрѣлыхъ плодовъ отъ главныхъ народныхъ училищъ есть обнародованіе плана учрежденію въ Россіи университетовъ. Когда увидятъ, что для пріобрѣтенія въ службѣ мѣста надобны науки, въ университетахъ преподаваемыя, а о знаніи оныхъ свидѣтельство, а чтобы быть допущену въ университетъ для ученія надобно свидѣтельство о знаніи предметовъ главнаго народнаго училища, тогда всякій увидитъ цѣль ученія, въ главныхъ народныхъ училищахъ преподаваемаго, и выгоду, отъ того ученія происходящую" [1]).

Однако учрежденіе университетовъ такъ и осталось въ проектѣ. Всѣхъ препятствій, заставившихъ отказаться отъ его осуществленія, мы не знаемъ. Нѣкоторый свѣтъ на этотъ вопросъ проливаютъ журналы коммиссіи о народныхъ училищахъ. Въ самомъ началѣ работы надъ проектомъ университетскаго устава, весной 1786 года, графъ Завадовскій обратился къ директору Академіи наукъ, княгинѣ Дашковой, и къ куратору Московскаго университета И. И. Шувалову съ запросомъ, не могутъ ли академія и университетъ доставить нѣкоторое число профессоровъ для вновь заводимыхъ университетовъ. Отвѣты получились неутѣшительные. Княгиня Дашкова заявила, что среди россійскихъ академиковъ не нашлось ни одного охотника поступить профессоромъ въ новые университеты; къ тому же русскіе ученые нужны самой Академіи. Шуваловъ обѣщалъ приготовить изъ московскихъ студентовъ нѣсколько профессоровъ, „при началѣ нужныхъ".

Вынужденная отказаться отъ помощи Академіи наукъ и Московскаго университета, не имѣя возможности обставить новые университеты русскими учеными силами, коммиссія остановилась было на мысли выписать иностранныхъ профессоровъ и между ними непремѣнно нѣсколько знаменитостей: „иногда и одинъ, — разсуждала коммиссія, — знаніями своими и сочиненіями знаменитый профессоръ можетъ присутствіемъ своимъ возвести устрояющійся университетъ на весьма высокую степень славы. Таковой человѣкъ преподаваніемъ своимъ и привлеченіемъ учащихся не только прославитъ университетъ, но и принесетъ государству великую пользу".

Другимъ препятствіемъ къ осуществленію плана университетовъ являлся недостатокъ матеріальныхъ средствъ. Указомъ 16-го октября 1786 года на имя Завадовскаго, состоявшаго въ то время также директоромъ Государственнаго заемнаго банка,

[1]) Сухомлиновъ, Ист. Росс. Акад., вып. 6, стр. 49—50.

въ пользу проектированныхъ университетовъ обращены были различныя свободныя суммы, всего 568.000 руб. По разсчету же коммиссіи содержаніе каждаго новаго университета должно было обойтись не болѣе, какъ въ 40.000 руб., т.-е. вдвое менѣе штатной суммы, положенной на Московскій университетъ.

Свои соображенія о приглашеніи иностранныхъ профессоровъ и о штатахъ для новыхъ университетовъ коммиссія изложила въ особомъ докладѣ, при которомъ былъ поднесенъ императрицѣ проектъ университетскаго устава. Въ виду всѣхъ грозившихъ ея планамъ препятствій коммиссія высказалась за открытіе на первыхъ порахъ только одного университета и просила высочайшаго указанія, какой городъ будетъ для того избранъ, а также повелѣнія мѣстному генералъ-губернатору озаботиться пріисканіемъ необходимаго помѣщенія [1]). Къ сожалѣнію, осталась неизвѣстной резолюція императрицы на этотъ докладъ коммиссіи. Она, можетъ быть, объяснила бы мотивы, заставившіе Екатерину отказаться отъ выполненія послѣднихъ осторожныхъ и скромныхъ предположеній коммиссіи.

V.

Предпринятое Екатериной II созданіе цѣльной системы народнаго просвѣщенія, послѣ неудачи, постигшей университетскій проектъ, остановилось на полупути, и творческая дѣятельность коммиссіи о народныхъ училищахъ постепенно замерла. Она возродилась въ началѣ слѣдующаго столѣтія, при новыхъ условіяхъ государственной и общественной жизни, которыя не только не измѣнили, но расширили и расчистили путь, по которому шли реформы Екатерины II.

Обстоятельства первыхъ лѣтъ царствованія императора Александра I связали учебную реформу съ административной. Негласный комитетъ въ первомъ же своемъ разсужденіи о народномъ просвѣщеніи намѣтилъ такой общій планъ реформы, который вполнѣ совпадалъ съ очередной задачей народнаго просвѣщенія, выдвинутой въ предшествующую эпоху. Въ настоящемъ своемъ положеніи, въ началѣ XIX вѣка, народное просвѣщеніе въ Россіи представляло, по мнѣнію комитета, „зрѣлище крайней пестроты“ (formait un tableau d'une bigarrure extrême). Слѣдовательно, первой и главной цѣлью предпринимаемой реформы являлось созданіе „системы“ просвѣщенія, утвер-

[1]) Журн. коммиссіи за 1787 г.

жденіе общаго, всесословнаго образованія, какъ необходимой основы для высшаго профессіональнаго образованія. Въ замѣткѣ, резюмирующей намѣченныя комитетомъ задачи, графъ П. А. Строгановъ на первомъ мѣстѣ поставилъ общій планъ учебной реформы: „*instruction publique*" — „ne point faire de réformes partielles, mais se former un système général pour son organisation" [1]).

Эта учебная реформа связывалась съ административной не случайно и не внѣшнимъ только образомъ. Какъ показывалъ опытъ просвѣтительныхъ предпріятій XVIII вѣка, ихъ шаткость и малоуспѣшность обусловливались, между прочимъ, тѣмъ, что попеченіе о народномъ образованіи не выдѣлялось въ самостоятельную задачу высшаго государственнаго управленія. Отдѣльныя школы и другія просвѣтительныя предпріятія, возникавшія отъ времени до времени, ввѣрялись заботамъ самыхъ различныхъ правительственныхъ вѣдомствъ и всегда были для послѣднихъ лишней тягостью, непріятной обузой. Созданіе системы *общаго* образованія необходимо требовало учрежденія компетентнаго органа высшей администраціи, какъ это выяснилось уже при Екатеринѣ II. Такимъ органомъ и явилось министерство народнаго просвѣщенія. Съ другой стороны, для цѣлесообразной организаціи самого новоучрежденнаго министерства необходимо было установить принципы общаго плана учебной реформы, такъ какъ осуществленіемъ этого плана исчерпывалась на первыхъ порахъ вся дѣятельность министерства.

Съ чего же должно было начать свою работу министерство просвѣщенія или, правильнѣе, та *коммиссія объ училищахъ*, которая составила промежуточное звено между старой Екатерининской *коммиссіей объ учрежденіи народныхъ училищъ* и министерствомъ, и которая въ началѣ 1803 года была преобразована въ Главное Правленіе училищъ. Указъ 8-го сентября далъ коммиссіи слѣдующую инструкцію: „члены сей коммиссіи раздѣлятъ между собою вѣдѣніе всѣхъ состоящихъ въ Имперіи верхнихъ и нижнихъ училищъ по полосамъ или провинціямъ и, получая вѣдомости о состояніи и представленія по дѣламъ училищъ своего отдѣленія, обязаны особенно пещись о успѣхахъ всѣхъ заведеній, для распространенія просвѣщенія учрежденныхъ, по соображенію нуждъ и удобностей каждаго отдѣленія, нѣсколько губерній объемлющаго... *Главною цѣлью, которую должны имѣть члены тѣхъ отдѣленій, гдѣ еще нѣтъ университетовъ, есть*

[1]) Великій Князь Николай Михаиловичъ, „Графъ П. А. Строгановъ", т. II.

учрежденіе оныхъ. Университеты, расширяя кругъ познаній въ своихъ отдѣленіяхъ, могутъ удобно принять на себя надзираніе надъ всѣми прочими училищами и вспомоществовать членамъ въ управленіи ихъ отдѣленій. Такимъ образомъ не токмо облегчится, а скорѣе совершенства достигать можетъ важнѣйшая сія часть государственной попечительности, образуя повсемѣстно просвѣщенныхъ и благонравныхъ граждапъ для всѣхъ родовъ службы и должностей общественныхъ... Коммиссія не оставитъ сочинить и представить намъ полный планъ, по которому она поступать будетъ, согласно съ симъ указомъ, для скорѣйшаго и надежнѣйшаго достиженія своего назначенія. Въ ономъ объяснятся и тѣ правила, на которыхъ должны быть основаны сношеніе и зависимость окружныхъ училищъ отъ центральныхъ университетовъ, а сихъ послѣднихъ отъ членовъ коммиссіи" [1]). Итакъ, указъ требовалъ начать осуществленіе новой учебной системы съ учрежденія университетовъ, то-есть, съ того именно пункта, на которомъ остановилась реформа Екатерины II.

Эта мысль, что новая система народнаго просвѣщенія должна не разрушить Екатерининскія учрежденія, но усовершенствовать ихъ и дополнить, была опредѣленно высказана и самими членами новой коммиссіи. Академикъ Н. И. Фусъ, особенно много потрудившійся надъ планомъ новой учебной системы, полагалъ основную задачу коммиссіи въ томъ, чтобы „на основаніи, положенномъ императрицей Екатериной II, воздвигнуть новое зданіе".

Эту мысль Фусъ подробно развилъ въ своемъ проектѣ новой учебной системы. Намѣчая три послѣдовательно расположенныхъ типа низшей и средней школы (начальное сельское училище, уѣздное училище и губернское училище или гимназію), Фусъ предлагалъ по возможности придерживаться устава народныхъ училищъ 1786 г. „Произведеніе въ дѣйство сего плана,— говорилъ Фусъ о своемъ проектѣ,—тѣмъ удобнѣе, что предложенныя здѣсь перемѣны (въ системѣ училищъ) зависятъ единственно отъ перемѣщенія предметовъ учебныхъ одной школы къ другой. Шестнадцать протекшихъ лѣтъ отъ учрежденія народныхъ училищъ сами по себѣ сблизили сіи переиначенія и пріуготовили производство прекраснаго начертанія къ распространенію успѣховъ въ просвѣщеніи". Система завершалась университетами, въ организаціи которыхъ Фусъ отступалъ отъ плана 1787 года. Сначала онъ дѣлилъ университеты на три,

---

[1]) Сборн. постан. по Минист. народн. просв., т. I, № 7—8.

а въ окончательномъ проектѣ на четыре факультета: 1) наукъ филологическихъ и словесныхъ (belles lettres), 2) математическихъ и физическихъ, 3) медицинскихъ и хирургическихъ, 4) философскихъ, моральныхъ и политическихъ. Первые два факультета, по мысли Фуса, должны были имѣть то „пріуготовительное“ значеніе, какое принадлежало по плану 1787 года факультету философскому: „les deux premières sections embrassent toutes les sciences préparatoires, c'est par les cours de ces deux sections que ceux, qui viennent étudier aux universités, commencent leurs études, en choisissant les leçons qui conviennent à leur vocation, et dont le cours entier est de trois ans. Après quoi ceux qui se vouent au service des loix ou de l'administration, passent dans la quatrième section, dont le cours est de trois ans“.

Естественно не желалъ порвать со старой системой и главный творецъ послѣдней, Ѳ. И. Янковичъ-де-Миріево. Устанавливая ту же градацію общеобразовательныхъ училищъ, что̀ и Фусъ, онъ предлагалъ сохранить нѣкоторые старые административные и учебные порядки; гимназіи, не перемѣняя ихъ названія, соединить съ главными народными училищами; дворянскія училища подчинить только по учебной части директорамъ гимназій, а въ прочихъ отношеніяхъ, по прежнему, губернаторамъ; народныя училища оставить въ вѣдѣніи приказовъ общественнаго призрѣнія; преподаваніе въ народныхъ училищахъ продолжать по книгамъ, предписаннымъ уставомъ 5-го августа 1786 года. Университеты Янковичъ дѣлилъ на четыре традиціонныхъ факультета: философскій, юридическій, медицинскій и богословскій, причемъ полный составъ факультетовъ, по его плану, должны были имѣть только Виленскій и Дерптскій университеты; въ Кіевскомъ и Казанскомъ университетахъ Янковичъ проектировалъ три факультета (философскій, юридическій и медицинскій), а въ С.-Петербургскомъ и Московскомъ только два—философскій и юридическій; медицинскій факультетъ изъ нихъ исключался въ виду того, что въ обѣихъ столицахъ существовали медико-хирургическія академіи.

Съ третьимъ проектомъ, оказавшимъ рѣшающее вліяніе на направленіе работъ коммиссіи, выступилъ князь Адамъ Чарторыйскій. Нельзя особенно не пожалѣть, что этотъ обширный планъ, озаглавленный: „Начала для образованія народнаго воспитанія въ Россійской Имперіи“, утраченъ, повидимому, безнадежно вмѣстѣ со всѣми другими приложеніями къ журналамъ коммиссіи 1802 года. Тогда какъ о проектахъ Фуса и Янковича въ этихъ журналахъ сообщаются нѣкоторыя подробности, о планѣ Чарторый-

скаго сказано только, что онъ состоялъ изъ десяти отдѣленій и ста двухъ статей и предлагалъ учрежденіе школъ приходскихъ, уѣздныхъ, губернскихъ и университетовъ, „съ постепенною однѣхъ отъ другихъ зависимостію и подчиненіемъ"; университеты (въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, Казани, Дерптѣ, Вильнѣ и Харьковѣ) „средоточіемъ своимъ должны имѣть коммиссію о училищахъ, подлежащую вѣдѣнію министра народнаго просвѣщенія". Вотъ все, что̀ намъ непосредственно извѣстно о планѣ князя Чарторыйскаго.

Возможно, однако, по нѣкоторымъ косвеннымъ указаніямъ составить болѣе ясное представленіе о содержаніи этого плана и объ его главномъ источникѣ. Въ томъ же засѣданіи коммиссіи, 4-го октября 1802 года, въ которомъ былъ выслушанъ и одобренъ планъ Чарторыйскаго, министръ, „находя полезнымъ хотя въ одной части Имперіи привести въ дѣйство благотворныя намѣренія его императорскаго величества относительно до распредѣленія училищъ такъ, чтобъ они имѣли общее средоточіе, одну систему зависимости и управленія, чтобъ содержаніе ихъ было обезпечено одинаковымъ или подобнымъ образомъ", предложилъ графу С. О. Потоцкому и князю Чарторыйскому „заняться соображеніемъ всего касающагося до университета виленскаго, *слѣдуя тому расположенію, какое имѣла бывшая въ Польшѣ эдукаціонная коммиссія*". Дѣйствительно, представленный княземъ Чарторыйскимъ въ главное управленіе училищъ и 25-го апрѣля 1803 года высочайше утвержденный уставъ Виленскаго университета и училищъ его округа воспроизводилъ въ существенныхъ чертахъ ту же іерархію общеобразовательныхъ школъ, какая была устроена польской эдукаціонной коммиссіей по уставу 1783 года. Даже „въ расположеніи времени и часовъ для наукъ въ училищахъ" сохраненъ былъ, съ нѣкоторыми частичными измѣненіями, прежній порядокъ, заведенный эдукаціонной коммиссіей. Съ другой стороны, училищный уставъ виленскаго округа согласовался съ главными началами общегосударственной системы по предварительнымъ правиламъ 24-го января 1803 года. Эти сопоставленія даютъ основаніе заключить, что и планъ общегосударственной системы народнаго просвѣщенія, съ которымъ князь Чарторыйскій выступилъ въ коммиссіи объ училищахъ, былъ основанъ на началахъ польской эдукаціонной коммиссіи и вмѣстѣ съ тѣмъ представлялъ близкую аналогію съ планами, построенными изъ элементовъ старой, Екатерининской учебной системы. Для патріотическихъ цѣлей Чарторыйскаго это совпаденіе его плана съ результатами учебной реформы Екатерины II было обстоятельствомъ

чрезвычайно благопріятнымъ. Органическая связь національной польской системы просвѣщенія съ системой общегосударственной надолго обезпечивала торжество польской національной идеи въ обширномъ виленскомъ учебномъ округѣ, охватывавшемъ весь сѣверо- и юго-западный край Россіи.

На основаніи проектовъ Фуса, Янковича и Чарторыйскаго правителемъ дѣлъ коммиссіи В. Н. Каразинымъ составленъ былъ общій планъ реформы, — „Предначертаніе устава о общественномъ воспитаніи". Къ сожалѣнію, журналы коммиссіи объ училищахъ, обрывающіеся на засѣданіи 22 октября 1082 года, ничего не сообщаютъ ни о содержаніи работы Каразина, ни о дальнѣйшей исторіи выработки общаго плана учебной реформы [1]).

VI.

24 января 1803 года утверждено было наконецъ основаніе новой учебной системы — „Предварительныя правила народнаго просвѣщенія".

Этотъ основной законъ такъ формулировалъ цѣль и содержаніе новой учебной системы: „для нравственнаго образованія гражданъ, соотвѣтственно обязанностямъ и пользамъ каждаго состоянія, опредѣляются четыре рода училищъ: 1) училища приходскія, 2) уѣздныя, 3) губернскія или гимназіи и 4) университеты" [2]).

Предварительныя правила намѣтили въ общихъ чертахъ программу учебной реформы. Ея подробнымъ развитіемъ явились уставы университетовъ и подвѣдомственныхъ имъ училищъ 5 ноября 1804 года. Раздѣляясь на двѣ самостоятельныя части: 1) тождественные между собою, за исключеніемъ мелкихъ частностей, уставы университетовъ Московскаго, Харьковскаго и Казанскаго, и 2) уставъ училищъ, подвѣдомственныхъ университетамъ, т.-е. гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, — оба устава составляли по существу единый законодательный актъ. Такъ внѣшнимъ образомъ выразилась цѣльность реформы, смыкавшей всѣ категоріи общеобразовательныхъ школъ, отъ университетовъ до приходскихъ училищъ, въ одну систему. Эта цѣльность реформы, какъ мы знаемъ, была необходимымъ результа-

---

[1]) Журналы коммиссіи объ училищахъ въ Сборн. матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, изд. Мин. нар. просв., т. II. Проекты Фуса и Янковича еще въ Арх. Мин. Нар. Просв., карт. 134, дѣло 9805 и 9740.

[2]) Сборн. постан. по Мин. нар. просв., т. I, № 63—64.

томъ всѣхъ отдѣльныхъ просвѣтительныхъ предпріятій XVIII столѣтія.

Ясно выступаетъ въ уставахъ 1804 года, если разсматривать ихъ, какъ единый законодательный актъ, и другая характерная черта реформы—ея внѣшняя послѣдовательность; уставы университетовъ предшествуютъ уставу подвѣдомственныхъ имъ среднихъ и низшихъ училищъ; постановленія послѣдняго устава расположены въ нисходящемъ порядкѣ степеней образованія, отъ гимназій до приходскихъ училищъ. Такой порядокъ расположенія уставовъ соотвѣтствовалъ фактической послѣдовательности реформы. Мы видѣли, что указъ 8 сентября 1802 года прямо предписывалъ начать ее съ учрежденія университетовъ, какъ учебно-административныхъ центровъ для каждаго учебнаго округа.

Современники, вникавшіе въ смыслъ реформы, успѣли вѣрно оцѣнить практическую цѣлесообразность этой внѣшней послѣдовательности реформы. „Что сначала были учреждены высшія учебныя заведенія,—писалъ академикъ А. К. Шторхъ,—можетъ удивлять лишь людей незнакомыхъ съ положеніемъ дѣла. Для цѣлесообразнаго устройства низшихъ учебныхъ заведеній сперва должны были существовать университеты, ибо какимъ инымъ путемъ Главное Правленіе училищъ могло бы ознакомиться съ мѣстными обстоятельствами разнородныхъ частей Имперіи, на которыя, при устройствѣ школъ, слѣдовало обратить вниманіе, и кому другому оно могло бы поручить исполненіе своихъ начертаній?“ Это мнѣніе, справедливое по существу, освѣщало однако только одну сторону дѣла. Мы знаемъ, что не одними соображеніями практическаго удобства обусловливалась внѣшняя послѣдовательность реформы; она имѣла глубокія основанія въ создавшихъ ее историческихъ условіяхъ. Реформа 1803—1804 годовъ началась съ университетовъ, потому что университетскій вопросъ являлся узломъ, въ которомъ органически соединялись обѣ обширныя реформы—Екатерины II и Александра I.

Какъ разрѣшена была въ рамкахъ новой учебной системы основная проблема реформы, формулированная предварительными правилами 1803 года: „нравственное образованіе гражданъ, соотвѣтственное обязанностямъ и пользамъ каждаго состоянія“? Насколько полно и послѣдовательно проведены были уставами 1804 года принципы всесословности и общеобразовательности но-

вой системы? Постараемся выяснить ея основныя черты съ указанныхъ сейчасъ точекъ зрѣнія; начнемъ съ университетовъ.

Давно уже выяснено, что организація русскихъ университетовъ по уставамъ 1804 года воспроизводила многія существенныя черты германскихъ университетовъ, для которыхъ первая четверть XIX вѣка была эпохой возрожденія: изъ старыхъ школъ, убѣжищъ педантизма и схоластики, далеко иногда отстававшихъ отъ движенія философіи и науки, германскіе университеты преобразовываются въ центры и разсадники свободнаго научнаго изслѣдованія. „Die Universität, — говоритъ проф. Паульсенъ, — verlegt den Schwerpunkt ihrer Leistungen in die selbständige wissenschaftliche Forschung und stellt auch an den Studierenden die Forderung: wissenschaftlich arbeiten zu lernen“ [1]). Вотъ идеалъ, которому съ такимъ блескомъ послужили германскіе университеты XIX вѣка!

Въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ организовались наши университеты по уставу 1804 года, этотъ идеалъ закрывался другими, болѣе практическими интересами. Вся совокупность учебной реформы начала XIX вѣка приводила къ тому, что ученая функція университета уступала первенство функціи образовательной, преподавательской. Университетъ былъ поставленъ во главѣ цѣлой системы народнаго просвѣщенія въ своемъ округѣ, какъ ея непосредственный руководитель: на университетъ возлагалась сложная обязанность „надзиранія за воспитаніемъ и ученіемъ во всѣхъ губерніяхъ, округъ его составляющихъ“, „особенное и неутомимое попеченіе, дабы гимназіи, уѣздныя и приходскія училища вездѣ, гдѣ онымъ быть положено, учреждены и снабжены были знающими и благонравными учителями и учебными пособіями и дабы порядокъ ученія соблюдаемъ былъ вездѣ неослабно“. Эти административно-педагогическія обязанности университетовъ вполнѣ отвѣчали ихъ собственнымъ жизненнымъ потребностямъ. Въ интересахъ своего собственнаго существованія университеты должны были озаботиться правильной постановкой средняго и низшаго образованія, обезпечивающаго имъ надлежащій подборъ слушателей.

Другимъ условіемъ, опредѣлявшимъ взаимоотношеніе разныхъ функцій университета, было воззрѣніе, выработанное въ XVIII вѣкѣ опытомъ соединенія университета съ академіей наукъ, что университетъ есть только высшая школа, уступающая собственно ученыя функціи другому учрежденію — академіи наукъ. Это

[1]) Paulsen, Geschichte des gelehrten Unterrichts, t. II, p. 254.

воззрѣніе ясно выразилось въ регламентѣ Академіи наукъ 25 іюня 1803 года. Регламентъ сохранилъ институтъ „академическихъ воспитанниковъ", готовящихся къ высшей научной дѣятельности, на томъ основаніи, что „науки, коихъ усовершенствованіемъ академія въ силу сего устава должна заниматься, преподаются *только до нѣкоторой степени ихъ* во всѣхъ заведеніяхъ, для образованія юношества учрежденныхъ, *даже и въ самыхъ университетахъ* [1]).

Такъ, съ одной стороны, условія обширной реформы, въ центрѣ которой стояли университеты и традиціи предшествующей эпохи, выдвигали на первый планъ образовательныя функціи университетовъ, съ другой стороны—примѣръ германскихъ университетовъ побуждалъ относить къ „особливому достоинству" университетовъ ихъ ученую дѣятельность.

Обращаясь къ уставу 1804 года, мы видимъ, дѣйствительно, что онъ усвоиваетъ университетамъ двоякое назначеніе: „университетъ есть вышнее *ученое* сословіе, для *преподаванія наукъ* учрежденное". Ученая функція университета выражается въ учрежденіи ученыхъ обществъ, въ особыхъ собраніяхъ совѣта для разсужденій „о сочиненіяхъ, новыхъ открытіяхъ, опытахъ, наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ", въ ежегодномъ назначеніи задачи, „служащей къ распространенію наукъ". Это новости, которыхъ нѣтъ въ проектѣ 1787 года. Что же касается назначенія университета, какъ высшаго учебнаго заведенія, то уставъ 1804 года опредѣляетъ его въ томъ же духѣ государственнаго утилитаризма, какъ и проектъ 1787 года:

Уставъ 1804 г. „Въ немъ (въ университетѣ) пріуготовляется юношество для вступленія въ различныя званія государственной службы".	Проектъ 1787 г. „Главная цѣль каждаго университета есть доставленіе государству людей, могущихъ отправлять служенія, кои въ отправляющемъ предполагаютъ знаніе нѣкоторыхъ вышнихъ наукъ, почему и называются университеты вышними училищами".

Если главная задача университета, какъ учебнаго заведенія, заключалась въ приготовленіи юношества къ государственной службѣ, то возникалъ вопросъ, могутъ ли свободно проходить черезъ университеты тѣ, кто по происхожденію своему не имѣлъ

[1]) Сборн. Постан. по Мин. нар. просв., т. I, № 28.

права на вступленіе въ государственную службу, не грозила ли университету опасность превратиться въ сословно-профессіональную школу для привилегированныхъ классовъ? За этимъ вопросомъ стоялъ другой: могло ли образованіе быть признано условіемъ полученія права на государственную службу, равнозначащимъ съ сословной привилегіей? Предварительныя правила 24 января 1803 года предупреждали, „что ни въ какой губерніи, спустя пять лѣтъ по устроеніи въ округѣ, къ которому она принадлежитъ, на основаніи сихъ правилъ, училищной части, никто не будетъ опредѣленъ въ гражданской должности, требующей юридическихъ и другихъ познаній, не окончивъ ученья въ общественномъ или частномъ училищѣ“. Относилось ли это предупрежденіе только къ привилегированнымъ классамъ, или оно имѣло болѣе широкій смыслъ, что образовательный цензъ, какъ непремѣнное условіе пріобрѣтенія права государственной службы, вообще замѣнялъ собою сословную привилегію?

Неясность законодательства начала XIX столѣтія, опредѣлявшаго права разныхъ сословій на вступленіе въ государственную службу, внесла нѣкоторыя колебанія въ разрѣшеніе вопроса о сословномъ составѣ учащихся въ университетахъ. Въ самомъ университетскомъ уставѣ 1804 года не было такого же категорическаго указанія о пріемѣ „всякаго званія“ или „различнаго состоянія“ учащихся, какъ въ уставѣ среднихъ и низшихъ училищъ. Вполнѣ опредѣленно выражено лишь одно условіе принятія въ университетъ—удостовѣреніе въ познаніяхъ, нужныхъ для слушанія университетскихъ курсовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ отъ поступающаго требовалось и представленіе „свидѣтельства о своемъ состояніи“. Какую роль должно было играть это свидѣтельство, въ какихъ случаяхъ оно могло послужить препятствіемъ къ принятію въ университетъ, уставъ не разъясняетъ. Одинъ фактъ позволяетъ предположить, что эта неясность была умышленная. Когда при составленіи особаго устава Дерптскаго университета министръ графъ Завадовскій предложилъ въ статьѣ I-й къ словамъ: „университетъ принимаетъ въ студенты людей всякаго состоянія“—добавить: „свободнаго“, то Главное Правленіе училищъ возразило, что это добавленіе „можетъ въ чужихъ краяхъ подать поводъ къ непріятнымъ заключеніямъ и толкамъ“. По мнѣнію Главнаго Правленія, „злоупотребленія, которыя могли бы произойти отъ неограниченнаго принятія въ университетъ людей всѣхъ состояній, останавливаются сами собою въ началѣ мѣрами, предписанными впослѣдствіи сего Устава, какъ то предписаніемъ не принимать иныхъ, кромѣ представляющихъ о себѣ

законное свидѣтельство". Весьма возможно, что такимъ же соображеніемъ Главное Правленіе руководствовалось и при составленіи устава 1804 года [1]).

Неясность постановленій этого устава повела къ принципіальнымъ недоумѣніямъ, всѣмъ ли сословіямъ на одинаковыхъ правахъ открытъ доступъ въ университеты. Такъ, напримѣръ, въ 1808 году Харьковскій университетъ просилъ министерство исходатайствовать ему общее разрѣшеніе принимать въ студенты, какъ казеннокоштные, такъ и своекоштные, тѣхъ лицъ купеческаго званія, которые учились въ гимназіяхъ съ отличнымъ успѣхомъ и показали хорошія дарованія. Главное правленіе училищъ дало уклончивый отвѣтъ: предоставило университету „руководствоваться въ семъ обстоятельствѣ изданными для онаго Высочайшими постановленіями". Принципіальный вопросъ о правѣ податныхъ классовъ на высшее, университетское образованіе разрѣшенъ былъ въ положительномъ смыслѣ указомъ 10 ноября 1811 года, которымъ повелѣвалось: „студентовъ, поступающихъ въ университеты изъ состояній, въ окладъ положенныхъ, и кои бы пожелали посвятить себя ученому званію или же военной и гражданской службѣ, исключать изъ оклада не прежде, какъ по окончаніи ими полнаго курса ученья въ университетахъ: о чемъ начальство учебное, согласно изъявленному отъ нихъ желанью, всякій разъ имѣетъ представлять Правительствующему Сенату".

Этотъ указъ, категорически подтверждая принципъ всесословности университетскаго образованія и санкціонируя новую роль образованія, какъ конкуррирующаго съ сословной привилегіей условія пріобрѣтенія права на государственную службу, не избавилъ, однако, учащихся изъ податныхъ состояній отъ весьма существенныхъ, хотя и временныхъ, стѣсненій, установленныхъ министерскими распоряженіями. Въ 1813 году, 6 сентября, воспрещено было принимать студентовъ изъ податныхъ состояній на казенныя вакансіи на томъ основаніи, что учебное начальство, „по несвободному состоянію" этихъ лицъ, не могло бы распоряжаться ими по окончаніи курса ученья. Ссылка на „несвободное состояніе" студентовъ изъ податныхъ классовъ въ данномъ случаѣ была, конечно, неубѣдительна: указъ 10 ноября 1811 года не стѣснялъ этихъ студентовъ въ свободѣ выбора профессіи по окончаніи университетскаго курса.

Вскорѣ послѣдовали новыя ограниченія правъ учащихся изъ податныхъ классовъ. Циркуляромъ 16 марта 1814 года министръ

---

[1]) Журн. Главн. Правл. училищъ за 1803 г. въ Архивѣ Мин. нар. просв.

графъ Разумовскій предписалъ именовать ихъ не студентами, а вольнослушателями. 8-го октября того же года сдѣлано было распоряженіе, чтобы лица изъ податныхъ состояній при поступленіи на учебную службу обязываемы были подпиской продолжать ее не менѣе шести лѣтъ. Это были также явно несправедливыя мѣры, такъ какъ законъ обязывалъ шестилѣтней службой по учебному вѣдомству только казеннокоштныхъ студентовъ [1]).

Такъ рядомъ министерскихъ распоряженій, далеко не согласныхъ съ закономъ, учащіеся податныхъ состояній превратились изъ полноправныхъ гражданъ университета въ лишь терпимый соціальный элементъ, обставленный весьма чувствительными стѣсненіями. Правда, эти стѣсненія дѣйствовали не долго. При князѣ А. Н. Голицынѣ своекоштнымъ студентамъ изъ податныхъ состояній была предоставлена полная свобода не только служить по учебной части, сколько пожелаютъ, но и „не вступать даже вовсе въ оную, хотя бы и изъ подушнаго оклада освобождены были“. Затѣмъ постепенно пало запрещеніе принимать учащихся изъ податныхъ состояній на казенныя вакансіи. Наконецъ, съ теченіемъ времени измѣнилось и понятіе вольнослушателя. Подъ это наименованіе стали подходить и всѣ вообще своекоштные студенты, и посторонніе слушатели отдѣльныхъ курсовъ, не искавшіе никакихъ дипломовъ, ни ученыхъ степеней, и наконецъ, чиновники, готовившіеся къ экзаменамъ по закону 6 августа 1809 года [2]). Названіе „вольныхъ слушателей“ послѣ того перестало обозначать особую сословную группу учащихся изъ податныхъ состояній, и послѣдніе вновь сдѣлались полноправными гражданами университета. Принципъ всесословности университетскаго образованія остался, такимъ образомъ, непоколебленнымъ [3]).

Коренному измѣненію, сравнительно съ проектомъ 1787 года, подверглась факультетская организація университетовъ. Эта организація послужила исходнымъ пунктомъ перестройки всей вообще системы средняго и низшаго образованія. Какъ было показано выше, планъ 1787 года давалъ традиціонную схему факультетской организаціи: факультетъ философическій, содержавшій въ себѣ циклъ „пріуготовительныхъ“ наукъ, являлся общимъ базисомъ для факультетовъ „вышнихъ“ наукъ, медицинскаго и юридическаго. Уставъ 1804 года раздѣлилъ университетъ, согласно

[1]) Сборн. постан. по Мин. нар. просв., т. I, № 241. сборн. распор. по Мин. нар. просв., т. I, №№ 95, 110. Журн. Главн. Правл. училищъ за 1808 г.

[2]) Сборн. распор., т. I, № 169.

[3]) Подробности см. въ нашей статьѣ: „Сословный вопросъ въ русск. университетахъ въ первой четверти XIX вѣка“. Журн. Мин. Нар. Просв., 1907 г., май.

плану Фуса, на четыре факультета: 1) наукъ нравственныхъ и политическихъ, 2) наукъ физическихъ и математическихъ, 3) наукъ медицинскихъ, 4) наукъ словесныхъ. Но тогда какъ Фусъ отчетливо проводилъ раздѣленіе общихъ и спеціальныхъ элементовъ университетскаго курса, усвоивая приготовительную роль стараго философскаго факультета словесному и физико-математическому факультетамъ, уставъ 1804 года разрѣшалъ этотъ вопросъ очень неясно.

„Между науками, въ университетѣ преподаваемыми, — гласилъ § 112,—находятся такія, которымъ необходимо должны учиться всѣ желающіе быть полезными себѣ и отечеству, какой бы родъ жизни и какую службу ни избрали, а для того тотъ только можетъ перейти въ главное отдѣленіе наукъ, соотвѣтствующихъ будущему состоянію (т.-е. факультетъ), кто прослушалъ науки пріуготовительныя“. Но какія именно науки слѣдовало считать „пріуготовительными“, въ какой срокъ слѣдовало ихъ проходить, въ какомъ отношеніи эти приготовительные курсы должны стоять къ факультетской схемѣ,—уставъ не разъяснялъ. Во всякомъ случаѣ, мысль Фуса о пропедевтической роли факультетовъ словеснаго и физико-математическаго не нашла себѣ отраженія въ уставѣ 1804 года; оба эти факультета получили такой же спеціальный характеръ, какъ и два остальныхъ, медицинскій и философско-политическій. Въ практикѣ же отдѣльныхъ, вновь основанныхъ университетовъ „пріуготовительные курсы“ сыграли весьма важную, хотя и временную роль, замѣняя курсъ старшихъ классовъ средней школы, которая въ періодъ преобразованія главныхъ народныхъ училищъ въ гимназіи не могла доставлять университету хорошо подготовленныхъ слушателей.

Попечитель Харьковскаго университета, графъ С. О. Потоцкій, въ февралѣ 1803 года, т.-е. еще до изданія устава, предполагалъ открыть первымъ философскій факультетъ или „отдѣленіе общихъ приготовительныхъ наукъ“. Но это предположеніе не осуществилось, такъ какъ уставъ 1804 года далъ философскому факультету совершенно иную постановку. Тогда графъ Потоцкій рѣшилъ открыть при университетѣ, взамѣнъ философскаго факультета, приготовительный классъ, въ которомъ „молодые люди, пріобрѣтая достаточныя познанія, будутъ снискивать способность къ слушанію лекцій высшихъ наукъ“. Но этотъ приготовительный классъ, по мысли графа Потоцкаго, долженъ былъ сыграть лишь временную роль, „пока гимназіи не будутъ приведены въ лучшее состояніе“. „Ежели университетъ, — разсуждалъ Потоцкій, — сохранилъ бы въ строгомъ смыслѣ всѣ правила, коими

долженъ онъ руководствоваться въ пріемѣ слушателей лекцій, то отъ сего могли бъ произойти непріятныя послѣдствія: 1) онъ не имѣлъ бы нынѣ ни одного студента, 2) молодые люди, не пріобрѣтшіе достаточныхъ свѣдѣній для сего званія, принуждены бъ были вступить въ службу, оставаясь навсегда необразованными; то-есть, цѣлому поколѣнію оныхъ надлежало бы заградить путь къ просвѣщенію, и, наконецъ, 3) таковое отдѣленіе ихъ при первомъ шагѣ могло бы произвести во всемъ дворянствѣ совершенное отвращеніе отъ университета“ [1]).

Новая организація университетовъ по уставу 1804 года потребовала соотвѣтственной перестройки средней школы. Мы видѣли, что университетскій проектъ 1787 года только упомянулъ о гимназіяхъ, какъ школахъ, относящихся къ области „вышнихъ пріуготовительныхъ наукъ“, но въ дѣйствительности сосредоточилъ эти науки въ философическихъ факультетахъ, открывъ въ нихъ прямой доступъ воспитанникамъ главныхъ народныхъ училищъ. Уставъ 1804 года, раздѣливъ подготовительный „философическій“ факультетъ на два спеціальныхъ—словесный и физико-математическій, поставилъ на его мѣсто гимназію, которой усвоена была двоякая цѣлъ: „1) приготовленіе къ университетскимъ наукамъ юношества, которое по склонности къ онымъ, или званію своему, требующему дальнѣйшихъ познаній, пожелаетъ усовершенствовать себя въ университетахъ; 2) преподаваніе наукъ, хотя начальныхъ, но полныхъ въ разсужденіи предметовъ ученія, тѣмъ, кои не имѣя намѣренія продолжать оные въ университетахъ, пожелаютъ пріобрѣсти свѣдѣнія, необходимыя для благовоспитаннаго человѣка“. Сообразно съ такимъ двоякимъ назначеніемъ, въ курсъ гимназіи, состоящій изъ четырехъ годичныхъ классовъ, были включены: языки латинскій (16 часовъ въ недѣлю), нѣмецкій и французскій (по 16 ч.), математика чистая и прикладная и физика (18 ч.), исторія съ миѳологіей и древностями, географія, статистика, общая и частная россійская (18 ч.), философія (логика, всеобщая грамматика, психологія, нравоученіе), изящныя науки (эстетика, риторика), право естественное и народное, политическая экономія (20 ч.), естественная исторія, технологія, коммерческія науки (16 ч.), рисованіе (12 ч.). Сравнивая этотъ энциклопедическій курсъ, на который съ разныхъ сторонъ напали впослѣдствіи, съ курсами главнаго народнаго училища, съ одной стороны, и философскаго факультета къ проекту 1787 года—съ другой, приходимъ къ заключенію, что

[1]) Архивъ Минист. народн. просв., карт. 152, дѣло № 5430.

сущность преобразованія главныхъ народныхъ училищъ въ гимназіи заключалась въ перемѣщеніи центра общаго философскаго образованія изъ университета въ среднюю школу. Это былъ непосредственный результатъ новой университетской организаціи, сравнительно съ проектомъ 1787 года.

С. В. Рождественскій.

ДВА РАЗСКАЗА

I.

Нашъ капитанъ.

Изъ записной книжки.

Уже стемнѣло, когда одна рота пѣхоты, къ которой прикомандировали меня со взводомъ драгунъ для донесеній и развѣдокъ, заняла холмъ на флангѣ. Послѣ того, какъ рота оріентировалась и залегла въ цѣпь, а немного ниже, въ молодомъ дубнякѣ расположился взводъ, капитанъ роты познакомился со мною.

Это былъ высокій, плечистый, чернобородый мужчина лѣтъ сорока, одѣтый въ темнозеленую косоворотку съ погонами; грустно было выраженіе на его блѣдномъ усталомъ лицѣ. Глядѣлъ онъ исподлобья, какъ большой черный комолый волъ, а говорилъ груднымъ басомъ и глухо, точно въ пустую бочку гудѣлъ, и когда говорилъ, то виновато улыбался, будто чего-то стѣснялся, и въ своемъ разговорѣ, нѣсколько дѣланномъ и пересыпанномъ своеобразными выраженьями завзятаго фронтовика, часто ссылался на „безлюдье“, на то, что, дескать, тутъ, въ Маньчжуріи, не только говорить, а даже мыслить по-человѣчески отвыкаешь. Въ паузахъ же попыхивалъ дымкомъ изъ носогрѣйки, тоскливо поглядывалъ на горизонтъ и тихо что-то напѣвалъ.

Тихій грустный смѣхъ, впрочемъ рѣдкій, и вставки въ минуту одушевленія: „хорошъ соколъ-то?!“ или—„хороша пѣсня-то?!“—„какъ мать родила-съ!“—все это въ капитанской рѣчи сквозило безъ конца, сближало съ нимъ простотою, и мы разговорились...

— Да-съ. Оно, конечно, для молодого человѣка хорошо...— говорилъ мнѣ капитанъ, сидя на кочкѣ и покуривая изъ трубки:— Непремѣнно есть какая-то особенная прелесть, напримѣръ, вставать съ разсвѣтомъ, а съ закатомъ ложиться; поголодать, а потомъ поѣсть до опьяненья; по солнцу, по небу, по травѣ узнавать, который часъ. Опредѣлять страны свѣта по мху на старыхъ деревьяхъ, по Медвѣдицѣ, по лунѣ, или узнавать по запаху близость жилья, а то еще и большее... противника. По состоянію духа предсказывать погоду. И т. д., и т. д... Словомъ, чувствовать какое-то очень близкое родство съ природою. Но живешь и знаешь, что одно изъ двухъ тебя не обойдетъ: или коронуешься (капитанъ намекалъ на сумасшествіе), или... или сольешься съ нею въ одно... Были въ бою?—вдругъ перемѣнилъ онъ тонъ.

— Нѣтъ, не былъ. А побывать хочется.

Тотъ покачалъ головою:

— Ая-яй!—И, немного подумавъ, произнесъ:

— Оно конечно... да... интересно. Но, все-таки, что̀ за охота? Я здѣсь пробылъ ровно годъ, раненъ два раза и, надо вамъ сказать, кое къ чему присмотрѣлся, но уморился страшно. Скверное дѣло. Если не сегодня, то завтра навѣрняка влѣпятъ въ лобъ... Вотъ вамъ и все! А дома—семья и средствъ никакихъ... Да. Печальное недоразумѣніе—эта война. Я самъ, надо вамъ сказать, охотникомъ навострился, а вышла чепуха. Вышло, что и старъ, и боленъ, и...—онъ махнулъ рукою.

— Легли бы въ госпиталь...

— Э-э, батенька! Госпиталь, госпиталь! Вы видите—на всю роту я одинъ, всѣ отсюда разбѣжались и никого нѣту больше... Госпиталь для молодежи, тамъ—сестры и тру-ла-ла! А намъ, старикамъ,—„тяни лямку, пока не выкопають ямку"!

— Гу-гу-гу-у, гу-гу-гу-у,—погудѣлъ капитанъ и продолжалъ:

— Да. Все какъ-то, это самое, чепуховато-съ! Но вы еще молодой... мальчикъ, мечтатель, такъ сказать. Не знаете вы еще жизни... Не знаете вы того, что всюду грязь, ложь, мерзость—и только. Впрочемъ, рѣчь не о семъ... Скажу одно-съ. Чѣмъ больше скитаешься, мытарствуешь здѣсь, тѣмъ больше чувствуешь какой-то странный, непримиримый разладъ ума съ волею, тѣмъ меньше у тебя общихъ точекъ сближенія съ людьми новыми, здоровыми, сильными. Какой-то неизъяснимый подъемъ къ труду, къ тишинѣ, и вмѣстѣ съ этимъ странная тягота сытостью, довольствомъ, властью и прочими пустяками, волнующими особенно въ вашемъ счастливомъ возрастѣ! Можете ли себѣ представить, подчасъ этотъ подъемъ настолько кажется широкимъ и несообразнымъ съ обыден-

щиной или посредственностью, что, ей-же-ей, мало удивительнагò въ томъ, что тамъ въ Россіи, при обыденной, невзрачной жизни, его излечиваютъ врачи, прибѣгая къ помощи теплыхъ ваннъ, окутываній, праздности, усиленнаго питанія и проч... Кончится война—обязательно уйду въ отставку... куда-нибудь въ земскіе начальники, что-ли, все равно... Но ближе къ дѣтишкамъ, работать, отдыхать...

Помолчали.

Онъ выбилъ о сапогъ трубку и заговорилъ безъ видимой связи:

— Говорятъ, что вамъ, кавалеристамъ, легче. При строгой вышколенной „выѣздкѣ" воля всадника согласуется съ волею лошади, и это—хорошій плюсъ къ противодѣйствію той отвратительной силѣ, силѣ, связующей васъ, которую мы наблюдаемъ здѣсь сплошь въ усталости, въ неврастеніи, анеміи, постоянномъ напряженіи и прочей ерундѣ... Впрочемъ, къ чертямъ философію! Давайте лучше о другомъ.—И онъ насупился...

Однако, нужно было и отдохнуть, и наша бесѣда скоро прекратилась, а тутъ, кстати, капитанъ вспомнилъ про донесеніе, которое собирался отправить, и засуетился.

— Ну, чтò же имъ доносить?—спросилъ онъ себя вслухъ и пожалъ плечами; но, вынувъ изъ кармана широкихъ шароваръ книжку, принялся писать крупнымъ торопливымъ почеркомъ:

„Холмъ занялъ. Непріятеля не видно. По первой стрѣльбѣ со стороны японцевъ—буду отвѣчать, о чемъ немедленно донесу. Капитанъ Син..."—фамилію я не могъ разобрать.

Запечатавъ это въ маленькій конвертъ дикаго волокнистаго цвѣта и назначивъ „перемѣнный аллюръ", онъ обратился ко мнѣ:

— Темно... Кое-какъ нацарапалъ... Но вотъ вамъ цидулка, снарядите гонца какого побойчѣе. Вица нѣтъ ли?..

— Къ кому?—спросилъ я, стараясь прочесть адресъ.

— Къ начальнику дивизіи.

— Отлично.—И съ этимъ я отправился ко взводу.

Наладивъ донесенье, я не вернулся къ капитану, а остался внизу, заглядѣвшись на горы, обступившія насъ черными зубцами со всѣхъ сторонъ...

Совсѣмъ потемнѣло. Обильная роса умыла зелень на ночь, и послѣдній вѣтерокъ шаловливо пошелестѣлъ листвою молодыхъ дубковъ, баюкая ихъ теплымъ шопотомъ ночи, словно ласкающей матери, пошелестѣлъ и смолкъ. Въ послѣдній разъ далеко на бивакахъ вьючные ослы попеременно пропѣли свои неутѣшныя однообразно-разнообразныя пѣсни, и эхо ихъ взревѣло въ горахъ. Луна еще не всходила, но небо въ ея сторонѣ было темное,

багровое; точно по немъ только-что провели густые мазки какой-то огромной кистью, которую предварительно окунули въ кровь всѣхъ перераненныхъ здѣсь; и впечатлѣніе отъ этой картины было красивое, трогательное, торжественно-печальное.

Внизу свѣтился ручей. Въ кустахъ серебрились стремена порознь бродившихъ лошадей, и выше, на холмѣ, сверкали штыки залегшей въ цѣпь пѣхоты. Настала тишина и отдыхъ. Вотъ что-то далеко раскатилось, и чуткое эхо отгрянуло въ горахъ. Потомъ послышалась съ биваковъ музыка, едва слышная, проиграла „на молитву", и мотивъ ея, чудилось, долго искалъ *чего-то*, тоскуя жалобно въ далекихъ затихнувшихъ лощинахъ. Затѣмъ онъ стихъ, и гдѣ-то очень далеко протяжно запѣли:

— „Царю Небесны-ый!"—началъ тамъ кто-то, и остальные подхватили хоромъ:—„У-тѣ-ши-те-лю..."

И дружные, едва внятные голоса молящихся разнеслись по окрестности и полились въ молчаливое пространство темнаго, сосредоточенно-серьезнаго неба; и чувство, очень похожее на то, которое посѣщаетъ одержимыхъ ностальгіею, на секунду дохнуло холодкомъ въ грудь.

— Что вы здѣсь дѣлаете?—услышалъ я вдругъ возлѣ себя голосъ капитана.

— Да, вотъ, слушаю.

— Такъ, такъ, такъ...—пробормоталъ онъ и вздохнулъ.—Музыка на меня производитъ сладкое, утомляющее дѣйствіе, ажъ глаза слипаются... Что это?—продолжалъ онъ тихо, протирая ладонями глаза и улыбаясь:—Однако, у япошей подъ носомъ и поютъ—этого не понимаю я. Впрочемъ, япоши—народъ хитрый: ихъ здѣсь очень мало. Всѣ—или вправо, или влѣво подались... Мы огонь, мое почтенье, сосредоточимъ на центрѣ, а они... они... ха-ха-ха-ха! Намъ въ тылъ упрутся!

Немного помолчали, послушали.

— А завтра бой будетъ. Непремѣнно будетъ... Съ разсвѣтомъ, пожалуй... Япоши такъ всегда начинаютъ. Мои сегодня бѣлыя рубахи надѣвали. Да-съ, завтра „ломайло" [1]) и...,—глухо проговорилъ капитанъ.

— А можетъ быть и выиграемъ?!

— Какъ разъ! Но... я вижу, вы что-то грустный, ась? Побаиваетесь, что-ли?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я просто, и мнѣ вдругъ захотѣлось высказать глубокомысліе; я сказалъ:—Ничего я такъ не боюсь,

---

[1]) Русское слово, перековерканное туземцами.

какъ страсти, господинъ капитанъ. Ей Богу! Она увлекательна, красива, я люблю ее и все, что хотите тамъ... Но для меня она—не счастіе, а гибель. И чаще я холоденъ, тихъ и задумчивъ. Да и лучше: сердце ровнѣе бьется.

Я сказалъ именно такъ, и самъ не зналъ, для чего сказалъ. Тотъ не отвѣтилъ.

Опять помолчали.

— А я сюда покурить спустился. И какая, надо вамъ сказать, дрянь этотъ табакъ маньчжурка; прямо-таки уму помраченье. Сейчасъ мнѣ фельдфебель махорочки далъ—такъ просто прелесть, знаете ли. Блаженство-съ!

И съ этими словами онъ отошелъ, а черезъ минуту до моего уха долетѣлъ его взволнованный, кого-то распекавшій басъ:

— Эй, умная головка! Ишь, выдумалъ что!.. Винтовку разобрать... Фельдфебель! Гдѣ фельдфебель? Подать фельдфебеля!.. Фельдфебель, ты что же это, а? На именинахъ что-ли? Смотри ты... Хорошъ соколъ-то, а?

Прошло пять—десять минутъ, и все кругомъ затихло. Лишь устало пофыркивали лошади, да кое-кто протяжно зѣвалъ... Ночь замѣтно свѣжѣла.

Въ воздухѣ уже тянуло по осеннему; перестали по ночамъ пахнуть травы и не трещатъ взапуски кузнечики, а на разсвѣтѣ, поднявшись высоко надъ войсками, тянутся съ гиканьемъ къ югу дикіе гуси. Осень, осень и осень... Сыро ночью и днемъ, и вся Манчжурія, какъ оскорбленная невѣста, плачетъ слезами росы.

А дома, вѣроятно, давно надъ садомъ, одичалымъ и потускнѣвшимъ, пролетаютъ, каркая, одинокіе грачи.

— Тоска-а! Тоска-а! — кричатъ они протяжно. А „листья желтые, иронія судьбы моей, насмѣшка", шумно шуршатъ подъ шагами. Надъ моремъ—туманъ. На пристани кричитъ сирена. Братъ-гимназистъ выходитъ въ садъ, съ латинскою книжкою въ рукахъ, должно быть задумчивый и грустный,—тамъ сердито и зло онъ долбитъ Цезаря:

— „Gallia divisa est in partes tres"...

Долбитъ и ходитъ взадъ и впередъ.

Вотъ изъ дома волною пробѣжала струна віолончели, пробѣжала и смолкла. И снова побѣжала, ровная, прямая, чистая, похожая на голосъ человѣка. „Къ намъ, къ намъ!" — звали звуки: „Тебя мы любимъ, тебя мы ждемъ!"

Я прилегъ на землю и крѣпко задумался.

Скоро мнѣ начало казаться, что все то, что окружаетъ меня—

горы, ручей, темныя фигуры людей въ цѣпи и кружокъ луны—все занято какимъ-то широкимъ, неизмѣримымъ вопросомъ, отъ котораго мнѣ дѣлалось холодно. Этотъ вопросъ казался настолько значительнымъ и важнымъ, что почему-то ничего не было мудренаго въ томъ, что надъ нимъ простерлось высокое небо, глядѣвшее глубиною, любовью, равенствомъ. И чѣмъ глубже и молчаливѣе все окружающее, тихое, окутанное темнымъ плащомъ ночи, погружалось въ этотъ *странно-родственный* природѣ вопросъ, тѣмъ больше задумывался я, тѣмъ труднѣе отгадывалъ его, тѣмъ холоднѣе становилось мнѣ. Не знаю, что̀ было это—холодъ ли осени, полусонъ, или похожія, родственныя настроенія людей, сообщившіяся другъ-дружкѣ въ способствующей этому обстановкѣ и тишинѣ и слившіяся въ какую-то громадную сумму неразгаданныхъ интересныхъ настроеній,—мнѣ ли было судить? Дремота начала щекотать мнѣ вѣки и губы. Я сталъ дремать и чувствовалъ холодъ сквозь дрему.

А то—вдругъ чудилось, что на горѣ противъ меня начинали копошиться темныя палочки людей, какъ тусклый отсвѣтъ того важнаго вопроса, что люди, которые у меня за спиною въ цѣпи, вовсе не догадываются про тонкую штуку этихъ темныхъ палочекъ; я начиналъ думать, что это японскій „секретъ“, и страшно мнѣ становилось отъ той мысли, что они почему-то видятъ только меня одного съ моимъ похолодѣвшимъ, отдѣлившимся отъ чего-то одиночествомъ мыслей, и мнѣ неудержимо хотѣлось идти къ капитану и умолять его дать по секрету хоть одинъ залпъ.

Послѣ того, уже сквозь сонъ, я услыхалъ, какъ въ цѣпи стали выбивать дружными палками большой тяжелый коверъ и какъ далеко за цѣпью нѐхотя раздирали огромную шолковую матерію, и тонкій свистъ, очень похожій на свистъ налетавшаго вальдшнепа, проносился высоко надъ головою.

Къ этому времени мнѣ сдѣлалось такъ тепло, нестрашно и хорошо, что я подумалъ:

„Пусть стрѣляютъ—буду себѣ спать“.

И я видѣлъ, какъ, немного погодя, размахивая руками и натыкаясь въ полутьмѣ на кочки, мимо меня прошелъ капитанъ, который голосомъ, очень похожимъ на жизнь, на дѣйствительность (такъ почему-то мнѣ показалось), громко прокричалъ:

— Рѣже, ребята! Да, смотри, головъ не высовывай!

Мнѣ и вѣрить не хотѣлось въ то, что начали стрѣлять, чтобы убивать,—такъ мнѣ было хорошо и такъ все кругомъ чудилось маленькимъ, миніатюрнымъ въ сравненіи съ тѣмъ широкимъ и теплымъ, что̀ обнимало меня. И если капитанъ, размахивая ру-

ками и предостерегая людей — былъ правъ, если братъ сердито долбилъ Цезаря и былъ тоже правъ, и все было право и хорошо..?

И мысль оборвалась и перелетѣла въ сонъ...

Когда я вдругъ проснулся и вскочилъ на ноги, востокъ алѣлъ. Рота молчала и шолковой матеріи не разрывали, а зато по линіямъ позицій метались огоньки и однотонно гоготали пушки. Земля такъ тряслась, что будто подъ нею всѣ—сколько ни было тамъ чертей—откалывали какой-то дьявольскій танецъ. Шимозы захлебывались воздухомъ, который разбѣгался отъ нихъ и что-то бормоталъ невнятное. Однѣ изъ нихъ пѣли на *о* — „о-о-о“, другія—на *у*—„у-у-у“, а то такъ: „оу-у-у“, но всѣ, точно сговорившись, ложились только влѣво, то тамъ, то сямъ хлопая и вздымаясь оранжевыми снопами дыма. Нѣкоторыя батареи уже пристрѣлялись и сыпали залпами, почти безпрерывно:

Бу-бу-бу-бу... Бу-бу-бу-бу...

Да! Да! Да! Да!—отвѣчали наши назойливо и задорно.

Было и весело, и жутко.

Драгуны не спали. Я пошелъ къ цѣпи. Тамъ меня встрѣтилъ капитанъ.

— Что̀, батенька? Хороша пѣсня-то, а?—обратился онъ ко мнѣ: — Каково засмаливаютъ, подлецы? Просто слушать любо! Послушайте-ка! Довольно удачно посылаемъ гостинцы. Лупимъ... Они, ей Богу, хуже.

На всѣхъ лицахъ тутъ было написано что-то одно: какое-то нѣмое согласіе, нѣмое до тупости во всѣхъ выраженіяхъ, со всѣмъ происходившимъ вокругъ. Всѣ были закутаны сами собою, словно дырявыми балахонами, со множествомъ сквозившихъ, недосказанныхъ пробѣловъ... Вой гранатъ былъ отвратителенъ, однотоненъ, почти усыпляющъ. Когда ссыпали намъ снаряды японцы, капитанъ бормоталъ имъ въ тонъ угрюмо и тихо:

— Ой-ой-ой-ой... Ой-ой-ой-ой...

А когда подзадоривали наши, онъ оживлялся и поддакивалъ:

— Бей! Бей! Бей! Бей! Чтобъ ему...

— Смотрите-ка, смотрите-ка! — показалъ мнѣ вдругъ капитанъ, кивнувъ головою влѣво, куда глядѣлъ. Но я уже видѣлъ. Снаряды стали падать ближе, ближе и подбирались къ намъ. Обстрѣлъ пошелъ „площадью“.

— Отведите своихъ лошадей въ лощину! — крикнулъ онъ мнѣ и покраснѣлъ.

Я поторопился внизъ. Помню, какое чувство тутъ охватило меня, какъ поскакалъ я внизъ съ мотивомъ „Риголетто“ изъ второго акта, выдѣлывая на ходу ногами антраша и напѣвая:

— Ла-ла! Ла-ла! Ла-ла!..

И тутъ-то я впервые понялъ, какіе интересные жизненные уголки души умѣетъ въ человѣкѣ тревожить бой!..

Когда, исполнивъ свое дѣло, я возвращался въ цѣпь, то у дубовъ встрѣтилъ капитана. Два солдата—одинъ озабоченнаго, дѣлового, другой растеряннаго вида—вели его подъ руки; онъ заплеталъ ногами и шатался. Фельдшеръ, въ желтыхъ сапогахъ, съ сумкою черезъ плечо, быстро шелъ позади и торопливо разматывалъ бинты. Грудь, животъ и лицо капитана, желтое отъ ядовитыхъ газовъ шимозы — дѣлали страшныя судорожныя движенія.

— Оды... Одышка, сволочь! Это упалъ я... Пройдетъ... Сейчасъ, ребята... Упалъ я... — бормоталъ онъ и подкидывалъ глаза къ небу.

Но тутъ не „одышка“ и не „упалъ“... На его поясницѣ, поближе къ правому боку, была сильно, въ клочки и ленточки изодрана рубаха, все слиплось и перемѣшалось въ крови, которая обильно стекала по шароварамъ. Вотъ онъ уперся въ землю слабыми ногами, помоталъ головою, точно отдѣлываясь отъ непріятныхъ мыслей, и, сдѣлавъ еще два-три конвульсивныхъ движенія, слабо застоналъ и сталъ грузно опускаться на землю. Ему помогли, и солдатскія руки тотчасъ же осторожно отстранились. Подошелъ фельдшеръ и опустился передъ нимъ на колѣна. Но тотъ вздохнулъ, началъ быстро-быстро-быстро чернѣть и вытянулся.

— Царство небесное! — сказалъ фельдшеръ и поднялся на ноги.

Побѣжали еще двое. И четыре человѣка поспѣшно и тяжело подняли его съ земли; руки капитана безпомощно свисли, голова клюнулась въ бороду; и всѣ четверо, безпорядочно ступая ногами, понесли трупъ къ носилкамъ.

— Тише... Полегше... Гляди-ка-сь, вонъ кочка...

Я побрелъ за ними. Шелъ, глядѣлъ на капитана, и мнѣ казалось, что онъ умеръ потому только, что его слабая человѣческая воля, постоянно считаясь здѣсь съ новыми и новыми тайниками души, утративъ равновѣсіе, не могла больше служить для человѣка и сдѣлалась первоначальнымъ продуктомъ природы.

Черезъ часъ на помощь ротѣ пришелъ цѣлый баталіонъ, меня же смѣнила казачья сотня генерала Г., и я пробирался шагомъ по лощинѣ, чтобы примкнуть къ своему эскадрону и..., должно быть, отступать. Батареи гремѣли... Солнце глянуло изъ-за горъ и разомъ хлынуло лучами на росистую землю. Розоватыя

тучки лѣниво расплывались, разливая улыбку утра все шире, привѣтливѣе; птицы, прыгая и порхая, спѣшили щебетать о счастьи. Лошади весело встряхивали головами, подковы чмокали по сырой травѣ, солдаты ёжились отъ холода и переговаривались. Тѣло чувствовало здоровье, бодрость, энергію...

Лощина была и глубока, и далека, и живописна. Хотѣлось долго, очень долго ѣхать по ней, ѣхать здѣсь, гдѣ миръ, покой, гдѣ щебетъ птицъ, гдѣ царство утра, ѣхать — и никогда не видать ея конца. И чудилось, что вся моя жизнь укладывалась въ этой зеленой лощинѣ, и та, какая была, и та, что̀ будетъ или течетъ теперь... Но это было не надолго. Я вспомнилъ о капитанѣ, и въ груди шевельнулся какой-то странный, щекочущій комочекъ, шевельнулся и безпокойно закопошился, перемѣшивая страхъ, радость, надежды въ какое-то очень широкое рѣдкое чувство, которое росло, росло, превратилось во что-то большое, душное, грозившее не найти себѣ мѣста въ тѣсномъ помѣщеніи груди... Наконецъ сладкій восторгъ хлынулъ черезъ край, жадно захотѣлось мнѣ вдругъ протянуть свои руки и къ чистому небу, и къ этой лощинѣ, и къ сверкающей росѣ, какъ къ правдивой радости единства, тишины и жизни, но я только подумалъ:

„Какая пытка—чуять жизнь и не жить въ одно и то же время!“

Бу-бу-бу-бу... Бу-бу-бу-бу... — гдѣ-то ссыпали японцы...

А вдали, направо, покачивалось на фонѣ неба маленькое желтенькое пятнышко—величиною съ горошину,—это парилъ нашъ аэростатъ...

II.

Ночью.

Была ночь.

Громадный пассажирскій „компаундъ“, тонко свистя предохранителемъ и пощелкивая взлетающими надъ трубой бѣловатыми клубками пара отъ тормазнаго насоса, стоялъ у платформы небольшой станціи, готовый отойти съ поѣздомъ.

Третій звонокъ только-что пробилъ, и кондуктора спѣшно захлопывали дверцы по вагонамъ.

Помощникъ машиниста, практикантъ-студентъ, молоденькій блондинъ въ засаленной тужуркѣ технолога, уже выглянулъ изъ паровозной будки и, насторожившись, старался поймать оберъ-кондукторскій свистокъ сквозь шипящія захлебыванія инжектора, подававшаго въ котелъ воду.

Машинистъ Меркуловъ, брюзлый, толстый мужчина, съ большой желтой бородой, въ широкихъ штанахъ, запрятанныхъ въ высокіе простые сапоги, сидѣлъ на рессорномъ сидѣньи у „винтового“ рычага, сложа на животѣ руки, и съ привычнымъ полусоннымъ хладнокровіемъ ждалъ отправки.

— Свистятъ!—вдругъ, обернувшись, крикнулъ студентъ.

Меркуловъ зашевелился.

— Свистятъ?—переспросилъ онъ и вяло, точно нѣхотя, потянулся къ рычажку свистка.

И паровозъ, какъ сказочный гигантскій звѣрь, вскрикнулъ короткимъ гудкомъ.

— Второй! — крикнулъ студентъ и бросился къ вентелю отъ нефти, держа въ рукахъ клочокъ бумажки разрѣшительной депеши.

Громкій жалобный гудокъ прорѣзалъ ночную темноту, оборвался, смолкъ и полетѣлъ эхомъ куда-то въ поля.

Меркуловъ всталъ; расшатанной, тяжелой походкой онъ подошелъ къ регулятору, обѣими руками ухватился за него, поналегъ и сдвинулъ. Компаундъ, сотрясаясь всей махиной грузнаго, гигантскаго тѣла, медленно подался впередъ и черезъ полминуты вздохнулъ, выбрасывая изъ трубы снопъ пара. За вздохомъ раздался еще вздохъ, могучѣе и сильнѣе перваго, потомъ еще и еще, и, колыхаясь по рельсамъ, гремя колесами, шипя и клокоча, локомотивъ потащилъ тяжелый поѣздъ. Коричневые, синіе и зеленые, отполированные вагоны медленно поплыли во тьму...

— Пошли-поѣхали!—весело крикнулъ студентъ.

— Въ полночь по петербургскому на „Колыванцево“ приходимъ! — дребезжащимъ теноромъ заявилъ Меркуловъ, силясь перекричать паровозный шумъ:—Два пролета осталось...

Справа и слѣва замелькали бѣлые и зеленые огни стрѣлокъ, но вотъ заскрипѣли рельсы послѣдней изъ нихъ,—и ничего не стало видно по сторонамъ, а въ будку, слабо освѣщенную двумя тусклыми фонарями, потянуло чувствительной прохладой ночи.

— Мы съ маленькимъ опозданіемъ,—закричалъ машинистъ,— „Цыбульская“ задержала!

— Какъ?

— Опоздали на четверть часа!

— Ничего я не слышу!

— Тьфу!

— Правый бы крейцкопфъ подтянуть!..

Меркуловъ широко открылъ глаза.

— А шутъ ихъ знаетъ!—махнувъ рукою, крикнулъ онъ недовольно.

— Правый бы крейцкопфъ подвинтить!—повторилъ студентъ громче.

— А—а! Вишь, оно что̀! Вы про Ивана, а я про Петра. Думалъ, что о начальствѣ спрашиваете. Сзади ѣдутъ... Вѣрно, на „Провалѣ“ мы имъ пропускъ дадимъ. Пообождемъ, что̀ дѣлать...

Но студентъ не разслышалъ и, вытирая руки сальнымъ пучкомъ нитяныхъ волоконъ, впился глазами въ переднее окно будки, гдѣ за огромнымъ чернымъ котломъ, уходя въ пасть ночи, блестѣли двѣ нити рельсовъ подъ яркимъ освѣщеніемъ рефлектора.

Черезъ нѣсколько минутъ Меркуловъ перевелъ рычагъ на одинъ зубецъ ниже, и студентъ, слегка пошатываясь на непокойномъ полу будки, подошелъ изъ любопытства къ прибору, устроенному надъ головою машиниста. Стрѣлка того показывала „43 версты въ часъ“.

— Засмаливай!—воскликнулъ студентъ съ открытой простотой рабочаго человѣка.

— На этомъ мѣстѣ шибко ходимъ!—отвѣтилъ другой.

Студентъ потрогалъ рычажокъ свистка.

— Громкій ревунъ!—замѣтилъ онъ.

Сильно запахло водою, мимо мелькнулъ огонекъ, и тотчасъ же подъ паровозомъ задребезжало желѣзо, а по сторонамъ будки замахали мостовыя переборки, сквозь которыя виднѣлась свѣтлая рѣка съ черными берегами и одинокимъ челнокомъ, привязаннымъ по серединѣ... Но не прошло и минуты, какъ поѣздъ снова мчался среди тьмы, моргая по насыпи кровавымъ свѣтомъ поддувала.

— Грѣшнымъ дѣломъ, на „Колыванцево“ рюмочку хочу пропустить!—рѣзко задребезжалъ Меркуловъ:—Что-й-то холодновато?!

— Животу тепло, а спинѣ холодно!—отвѣтилъ машинально помощникъ и началъ открывать инжекторъ, а машинистъ склонился головой къ рычагу и, покачиваясь всей фигурой въ тактъ ходу сотрясавшагося поѣзда, сталъ дремать.

Затѣмъ студентъ, крѣпко держась обѣими руками, выглянулъ изъ будки на поѣздъ. Свѣжій вѣтеръ мгновенно охватилъ его, донося сыроватый запахъ ночи. Онъ только и увидѣлъ свѣтлыя окна вагоновъ на черномъ скатѣ насыпи.

Полною грудью онъ втянулъ воздухъ и запѣлъ съ душою:

Ахъ, ты, но-о-чушка!

Но сейчасъ же и смолкъ, едва услыхавъ свой голосъ, который заглушалъ паровозный стукъ.

— Илья Степанычъ!—съ тоскою въ голосѣ крикнулъ онъ:—полно вамъ, душенька, спать-то!

Меркуловъ пожевалъ губами, клюнулъ головою, постепенно выпрямился и открылъ глаза, упираясь ими въ своего помощника.

— Я говорю, будетъ вамъ дремать!—громко повторилъ студентъ, подходя къ Меркулову.—Ночь-то, ночь-то какая?! Вы только поглядите! И въ такую ночь вдругъ спать?!

Меркуловъ сладко зѣвнулъ.

— На мѣсто пріѣдемъ въ девять двадцать,—сказалъ онъ, потягиваясь:—покуда отцѣпимся, да покуда въ депо станемъ... тамъ то, да сё—анъ и всѣ одиннадцать... Жена на именины потяпетъ. Тутъ бы спать, а тутъ именины!

— Вѣдь, все равно, не выспитесь... А ночь-то, ночь-то! Удивительная ночь! Весенняя, прохладная, съ запахомъ поля...

Но тотъ опять зѣвнулъ.

— Что мнѣ до нея!..—сказалъ онъ.

— Ничего-то вы не понимаете, Илья Степанычъ!

— Тутъ и понимать нечего. Вы—молодой, румянецъ во всю щеку, теперь весна, а я — почти старикъ, женатый, дѣтишки... У васъ все впереди, а мнѣ—день прошелъ и слава Богу.

— Пустите-ка, здѣсь уклонъ восьмитысячный!.. — добавилъ дѣловито онъ. Профиль пути Меркуловъ зналъ на память.

Тяжело поднявшись съ сидѣнья, онъ перегнулся къ регулятору, заперъ паръ, потомъ медленно спустилъ рычагъ и далъ свистокъ.

Безъ паровъ паровозъ помчался мягко, безъ излишнихъ вздрагиваній и толчковъ, развивая все больше и больше свою скорость.

— Шестьдесятъ идемъ! Закатывай!—повеселѣлъ Меркуловъ.

Студентъ словно обрадовался его голосу, приблизился къ нему и пріятельски хлопнулъ его по плечу.

— Ни эта ночь, ни этотъ компаундъ, ни вся жизнь — безъ женщины, по моему, не полна, голубчикъ, Илья Степанычъ!

— Ха-ха-ха-ха! — сухо засмѣялся Меркуловъ, взглядывая мелькомъ на путь.

— Серьезно!—продолжалъ тотъ.

— А я гляжу, вотъ, и думаю, что вы влюблены. А? Или нѣтъ?

— Да не о томъ! — топнулъ ногою студентъ, строя плаксивую гримасу.

— О бабѣ же? О чемъ же больше?

— Посмотрите, посмотрите!—закричалъ оживленно студентъ, показывая пальцемъ въ сторону.

— Что жъ тамъ ?

— Молодой мѣсяцъ!

— Вотъ ерунда!..—замѣтилъ Меркуловъ.

— Красиво-то какъ!—воскликнулъ студентъ и высунулъ голову изъ будки.

Вѣтеръ зашумѣлъ у него въ ушахъ и донесъ случайно пощелкиваніе соловья и запахъ молодого дуба. При всходѣ мѣсяца было еще темно, но можно было различить какую-то спящую деревушку, озеро со спящею зеркальною водою, кустарникъ и деревья, разбросанныя въ немъ по одиночкѣ.

Поѣздъ несся, разсѣкая воздухъ и далеко оглашая трескомъ окрестность.

— Соловьи слышны, Илья Степанычъ!—удивился студентъ.

— Пусть ихъ себѣ... Это „пулькаютъ" и „раскатываются"... Знаю ихъ...

Студентъ быстро скинулъ съ себя тужурку и бросилъ ее въ тендеръ, и та, падая, попала на какія-то жестянки. Вѣтеръ ворвался въ распахнутый воротъ его тонкой рубашки и затеребилъ ее, охвативъ холодомъ тѣло.

Ахъ, ты, но-о-чушка!

—запѣлъ студентъ, и на этотъ разъ его голосъ оказался слышнѣе.

Онъ пѣлъ, экспромптомъ подбирая слова, и трудно было разобраться въ напѣвѣ: онъ то просилъ у этой неподвижной, весенней ночи, то томила она его невыразимою тоскою, то радовался онъ вдругъ, вспыхивая какою-то надеждою.

— Хорошо!—похвалилъ Меркуловъ, открывая паръ.—У васъ голосъ сильный и слухъ есть!

Тотъ не разслышалъ, но, повидимому, расчувствовался и, подойдя къ Меркулову, заговорилъ ему надъ ухомъ:

— Эхъ, Илья Степанычъ! Милый вы мой да хорошій! Опять весна: смѣется солнце, съ луговъ насмѣшливо киваютъ первые цвѣты, а я одинъ, одинъ какъ палецъ. Нѣтъ у меня ни родныхъ, ни постояннаго угла. А силы-то, силы-то набралось, молодой, жизненной, увлекательной—тàкъ, вотъ, кажется, сталъ бы на пути и грудью цѣлый поѣздъ встрѣтилъ! Вы вотъ посмѣиваетесь, глядя на меня, а я вамъ всю правду выкладываю... У нашего начальника депо Закомель-Коврецкаго дочь есть... Можетъ быть, знаете?

— Знать—знаю и, признаться, про васъ кое-что слышалъ. Что-жъ? Молода, богата и вдобавокъ хорошенькая. И вы...— далѣе заикнулся было Меркуловъ.

Но тотъ перебилъ:

— Постойте, постойте, я не влюбленъ...

— Ну, такъ влюбитесь!

— Ахъ, не забѣгайте впередъ, Илья Степанычъ!

— Ха-ха-ха-ха! Ну, я слушаю.

И студентъ, подъ честнымъ словомъ не выдавать его секрета, сталъ разсказывать, съ оттѣнкомъ таинственности въ глазахъ, какъ годъ назадъ, когда она была еще шестнадцатилѣтнею гимназисткою, онъ случайно встрѣтилъ ее гдѣ-то „на группахъ“ quasi-матроной въ кричащихъ нарядахъ и окруженною студентами, офицерами и гимназистами; потомъ подробно описалъ его знакомство съ нею; съ замѣтной ноткой разочарованья повѣствовалъ о томъ, что она оказалась взбалмошною, капризною, совсѣмъ не соотвѣтствовавшею его вкусамъ...

— Представьте вы себѣ дѣвочку, почти ребенка,—говорилъ онъ съ грустнымъ смѣхомъ,—ребенка, да, который выслушиваетъ цѣлые монологи любви и отвѣчаетъ на нихъ не иначе, какъ со звонкимъ смѣхомъ: „Да, не можетъ быть?!“ или: „Возможно-ль?!“ Представьте же эту самую дѣвочку, какъ она вдругъ, выпятивъ нижнюю губку и топнувъ ножкой, повелѣваетъ: „Нюся хочетъ!“ или: „Нюся не хочетъ!“

Далѣе онъ говорилъ, что подъ видомъ ухаживанія за нею рѣшилъ на нее *повліять*. И когда послѣ длиннаго года преслѣдованій ея, онъ, со свойственной его лѣтамъ горячностью, наконецъ ей доказалъ, что истинная женщина должна мужчину захватывать страстью сразу, что женщина—тормазъ прогресса, что онъ, мужчина, разлюбитъ ее раньше ровно настолько, насколько позже она будетъ его, что, наконецъ, правъ и славенъ Исаія, озаривъ ее свѣтомъ текста: „будетъ время—семь женщинъ ухватятся за одного мужчину и скажутъ: мы свой хлѣбъ будемъ ѣсть и свою одежду носить, только сними позоръ нашъ!“—и тутъ-то она отдалась ему...

А дальше? Дальше Меркуловъ все зналъ самъ. Онъ зналъ, что на станціи N., гдѣ ихъ депо, Нюся со слезами на глазахъ глядитъ на компаундъ и на его помощника всякій разъ, какъ только отходитъ ихъ поѣздъ. Зналъ, что она всегда машетъ платкомъ уплывающимъ вдаль отъ нея вагонамъ; что записочки, которыя приноситъ студенту горничная—отъ нея, и всѣ переполнены самыми нѣжными ласками любви. Часто на отдыхѣ теп-

лыми темными вечерами передъ весною, хорошенечко отоспавшись и выкупавшись, Меркуловъ выходилъ побродить около депо, подышать воздухомъ, и когда въ это время ему случалось проходить мимо садика начальника — до него доносился шорохъ платья и голосъ студента, а съ недѣлю назадъ онъ слышалъ тамъ же:

— Ну, бѣленькій, ну, нехорошій, ахъ, невозможный мой!— съ невыразимой грустью говорила Нюся:—Ты совсѣмъ пересталъ любить свою маленькую кропку. Теперь весна—о, и такъ еще хочется пожить!.. Скажи, желанный: ты съ нею холоденъ, задумчивъ, страненъ... Ты такъ далекъ отъ ея малюсенькаго счастья! Ты слышишь?... Папа хочетъ просить, умолять тебя, чтобъ ты женился...

— Какая скука!—отвѣчалъ тотъ:—Ахъ, какая скука!

Много было у Меркулова практикантовъ. Въ прошломъ году были X. и Д., въ нынѣшнемъ—А., а въ будущемъ ужъ, вѣроятно, какого-нибудь еще навяжутъ. Всѣ они—люди образованные, интересные, общительные... X — подавалъ проектъ горнаго паровоза, Д—развивалъ идею соціализма, и все это было просто и понятно, а этотъ...

„Почему этотъ не женится?"—Да, это былъ первый и животрепещущій вопросъ, волновавшій Меркулова за все его время знакомства съ практикантами. И вопросъ этотъ тѣмъ болѣе осложнялся въ его умѣ, чѣмъ болѣе она, т.-е. Нюся, казалась въ его глазахъ красивой, богатой, воспитанной, а онъ—обыкновеннымъ бѣднякомъ-студентомъ...

Меркуловъ вдругъ встрепенулся. Онъ всталъ и захлопнулъ регуляторъ.

— Пропала моя водка!—сказалъ онъ угрюмо.—Не пуститъ насъ мимо „Провалъ". Ждать начальства будемъ...

Потомъ медленно спустилъ рычагъ и взялся рукою за свистокъ.

И протяжный вой ревуна заглушилъ слова студента, который все еще продолжалъ говорить.

Впереди въ потемкахъ виднѣлись огни станціи, и мимо съ жужжаньемъ мелькнулъ дискъ.

— ...Еслибы мы, какъ птицы, или какъ звѣри, были свободны въ любви...—врывался голосъ студента, заглушаемый шумомъ паровоза.

Машинистъ взялся за тормазной кранъ Вестингауза, и сильное шипѣнье воздуха, двинувшагося изъ-подъ вагоновъ по трубѣ, окончательно заглушило студента.

Меркуловъ же глядѣлъ въ окошко на мерцавшіе впереди огоньки, думалъ о „Колыванцево", о томъ, что выпьетъ тамъ рюмку водки, и, все-таки, не понималъ: почему студентъ не женится.

А поѣздъ, гремя по рельсамъ, колыхаясь и шумя, несся къ станціи, прорѣзывая воздухъ мощной грудью компаунда.

А. С. Полянскій.

ПО ПУТИ
ВЪ
КИТАЙ

Замѣтки и личныя наблюденія.

Въ апрѣлѣ прошедшаго года я началъ свой обратный путь въ Китай изъ Генуи, гдѣ я сѣлъ на пароходъ „Koon“, принадлежащій Обществу „Norddeutscher Lloyd“ и совершающій регулярные рейсы на Дальній Востокъ, начиная отъ Бремена до Токіо, съ заходомъ по пути въ разные европейскіе и азіатскіе города. Такимъ образомъ, этотъ пароходъ заѣхалъ и въ Геную, гдѣ я и ждалъ его прибытія.—Несмотря на то, что я не пользовался имъ отъ Бремена и до Генуи, съ меня взяли ту же цѣну, какъ еслибы я выѣхалъ изъ Бремена, а цѣна переѣзда въ Японію довольно значительна: въ I-мъ классѣ 1.250 и во II-мъ 850 марокъ—отъ Бремена и до Токіо, безразлично, какъ я сказалъ, садитесь ли вы на пароходъ въ Бременѣ, или въ какомъ-нибудь другомъ европейскомъ пунктѣ, а также выйдете ли вы въ Токіо, или, не доѣзжая до него, высадитесь въ какомъ-нибудь другомъ, болѣе близкомъ азіатскомъ пунктѣ.

Совершивъ путь вдоль береговъ Италіи съ новыми заѣздами, нашъ пароходъ направился къ Красному морю и утромъ 6 апрѣля вошелъ въ восточный рогъ его залива.

По обѣимъ сторонамъ этого узкаго залива рѣзко въ синевѣ жгучаго воздуха выдѣлялись цѣпи красныхъ скалистыхъ, лишенныхъ всякой растительности, горъ, прибрежныхъ желто-цвѣтныхъ

песчаныхъ холмовъ и бугровъ; безконечною лентой тянулась вдоль безплодная, безлюдная, однообразная желто-песчаная береговая полоса.

Одно мѣсто этой береговой полосы, гдѣ среди холмовъ африканскаго берега выступаетъ широкая солончаковая долина, любители фантазировать пріурочиваютъ къ мѣсту перехода евреевъ чрезъ Красное море... Странное чувство, однако, пробудила эта унылая, жгучая, одинокая мѣстность. Она вызывала изъ глубины души знакомые образы, давнія впечатлѣнія и воспоминанія, связанныя съ временемъ дѣтства.

Вставали въ памяти школьные годы, вспоминались ушедшіе уже навсегда люди, оживали въ яркой окраскѣ библейскія сцены...

Весь день 6-го апрѣля мы шли въ берегахъ Синайскаго полуострова, а къ вечеру сталъ рисоваться въ лучахъ заходящаго солнца Синайскій хребетъ и выглядывавшая изъ-за него вершина великой Синайской горы. Въ падавшихъ на нее косыхъ лучахъ солнца вершина Синая казалась прозрачной.

Синай! Ты далъ человѣчеству, при грохотѣ громовыхъ раскатовъ и ослѣпительномъ сверканіи молній, законы братской любви и правды, но владыки міра сего обратили твои завѣты въ пустой звукъ, замѣнивъ ихъ созданіемъ своихъ беззаконій.

Ты стоишь нынѣ, Синай, молчаливый и угрюмый, ты не призываешь отмщенія на главы осквернителей твоихъ завѣтовъ и поруганныхъ святынь. Ты знаешь, что нечестивцы приготовили сами себѣ своими руками отмщеніе за низверженіе данныхъ тобою заповѣдей!..

Войдя въ Красное море, большинство путниковъ думало найти и красный цвѣтъ воды, который объяснилъ бы наименованіе моря; — но цвѣтъ воды въ массѣ своей былъ темносиній, съ особымъ прицвѣтомъ, и только внимательно приглядываясь къ пѣнѣ и брызгамъ разбивавшихся волнъ, можно было ясно различить лежавшій на нихъ темнокрасный, чермный отцвѣтъ.

Этотъ отцвѣтъ замѣчался только въ предѣлахъ береговъ. Когда же мы вышли въ открытое море, то цвѣтъ воды сталъ совершенно чистый темносиній.

I.

Въ Красномъ морѣ мы узнали и знойные дни, и особенно тяжкія, знойныя, душныя ночи.

Днемъ жгучій зной еще хоть немного умѣрялся утреннимъ

и вечернимъ вѣтеркомъ, но ночи были безъ всякаго движенія воздуха. Раскаленная, душная ночь висѣла неподвижно надъ бѣдными людьми, обливавшимися пòтомъ и метавшимися безпомощно на своихъ узкихъ койкахъ.

Электрическіе вѣера мало помогали, охлаждая воздухъ лишь на очень ограниченномъ пространствѣ каюты.

Переходъ черезъ Красное море довольно скученъ, однообразенъ и тяжелъ. Единственное развлеченіе, которое хоть на время отвлекало отъ вялой бездѣятельности, это были стада летающихъ рыбокъ, вспугиваемыхъ пароходомъ; онѣ бросались въ разсыпную и сверкали на солнцѣ своими серебристыми спинками.

Въ полдень 7-го апрѣля показались снова скалистые берега, мѣстами красиво очерченные, мѣстами покрытые яркой зеленой растительностью, мѣстами совершенно голые.

На вершинахъ ихъ бѣлѣли маяки.

Мы вошли въ Баб-эль-Мандебскій проливъ.

Близость земли, близость Адена, надежда на возможность сойти на берегъ, увѣренность въ болѣе свѣжей температурѣ, которую даетъ Индійскій океанъ, заставили всѣхъ развеселиться.

Вооружась биноклями, мы разсматривали берега и особенно интересовались разглядѣть скалистый Перимъ, ключъ въ рукахъ англичанъ для пропуска въ Индійскій океанъ изъ Краснаго моря. Перимъ, въ настоящее время сильная англійская крѣпость, имѣетъ свою поучительную исторію.

При входѣ въ Индійскій океанъ англичане уже владѣли съ 1839 года торговымъ пунктомъ Аденомъ, который они мало-помалу также обращали въ крѣпость. Въ Аденѣ жилъ комендантъ. Случилось, что военная французская канонерка зашла въ 1857 году въ Аденъ. Англичанинъ-комендантъ былъ очень заинтересованъ цѣлью прибытія французскаго военнаго судна и такъ радушно наугощалъ французскаго капитана, что тотъ проболтался о назначеніи идти въ Перимъ, на который уже зàрились французы.

Комендантъ тотчасъ же пишетъ приказаніе командиру англійской военной лодки „Mahi“ идти немедленно и занять Перимъ. Когда французское военное судно подошло къ Периму, то на его вершинѣ уже развѣвался англійскій флагъ.

Такимъ образомъ, Перимъ и Аденъ въ настоящее время въ рукахъ англичанъ и держатъ ключъ отъ воротъ въ Индійскій океанъ... На рейдъ Адена мы пришли въ шесть часовъ вечера.

Мѣстность тяжелая, унылая. Полукругомъ стоятъ голыя, черныя скалистыя горы и угрюмыя скалы спускаются къ морю.

У подножія ихъ и раскинулся на небольшой площадкѣ Аденъ.

Туземный, арабскій Аденъ состоитъ изъ узенькихъ, тѣсныхъ и довольно грязныхъ улочекъ, упирающихся въ горы, а англійскій—изъ ряда европейскихъ зданій по береговой полосѣ и ряда казармъ, въ которыхъ располагается аденскій гарнизонъ.

Какъ только „Roon" бросилъ якорь, такъ онъ былъ тотчасъ же окруженъ лодками, съ которыхъ продавцы-арабы предлагали свои товары: страусовыя перья, вѣера изъ страусовыхъ перьевъ, яйца страусовъ, рога сернъ, плетеныя корзинки, ожерелья и браслеты изъ ракушекъ, табакъ и папиросы.

Такъ какъ на пароходъ торговцевъ не пускали, то торгъ совершался самымъ первобытнымъ способомъ. Сговорившись въ цѣнѣ, продавецъ клалъ свой товаръ въ корзину, конецъ отъ которой бросалъ покупателю. Тотъ ловилъ веревку и втаскивалъ корзинку съ купленной вещью на пароходъ. Затѣмъ клалъ въ корзинку деньги и спускалъ ее по веревкѣ обратно въ лодку.

Страусовыя перья, боа изъ страусовыхъ перьевъ можно купить не дорого: за дюжину хорошихъ перьевъ нужно заплатить 8—10 руб., за боа—6—8 руб., вѣеръ 2—3 рубля и т. д.

Самъ по себѣ Аденъ есть скучный, угрюмый городъ, и кромѣ своихъ цистернъ, высѣченныхъ въ скалахъ, не имѣетъ никакихъ достопримѣчательностей.

Но и цистерны эти обычно стоятъ пустыя, такъ какъ періодъ дождей бываетъ здѣсь разъ въ пять лѣтъ, и тогда только эти колоссальныя каменныя вмѣстилища наполняются дождевою водою.

Въ Аденѣ поэтому всегда нужда въ водѣ, и вода, доставляемая изъ окрестностей на осликахъ, оплачивается дорого.

Въ туземной части Адена интересно посмотрѣть торговые ряды и торговую площадь. Караваны верблюдовъ, которыхъ нагружаютъ товарами, стада овецъ, типичные старики въ чалмахъ—сирійскіе евреи, арабы, женщины въ покрывалахъ—все уноситъ воображеніе въ даль библейскихъ временъ...

Въ Аденѣ мы простояли ночь и поутру 8-го апрѣля вошли въ Индійскій океанъ.

Исполинъ красавецъ принялъ насъ привѣтливо; дулъ попутный слабый муссонъ, давшій прохладу и отдыхъ послѣ знойныхъ дней и ночей, проведенныхъ въ Красномъ морѣ.

Чудная погода, спокойное море, красота цвѣта воды, напоминавшаго самый чистый густой сапфиръ, стада летающихъ рыбокъ, все это дѣйствовало пріятнымъ, оживляющимъ образомъ на настроеніе духа.

Чаще чѣмъ когда-либо устраивалась на палубѣ партія въ

bull-spiel и shuffle-board, въ которыхъ принимали участіе и дамы. Сущность игры bull-spiel — бычачьей — состоитъ въ слѣдующемъ. На палубѣ кладется большая квадратная доска съ приподнятымъ верхнимъ краемъ. Доска эта раздѣлена вертикально на три ряда клѣтокъ, по четыре клѣтки въ каждомъ рядѣ. Въ крайней верхней клѣткѣ перваго ряда нарисована голова быка, а въ послѣдующихъ клѣткахъ этого ряда написаны цифры 8. 3. 4.

Въ среднемъ ряду въ верхней клѣткѣ поставлена цифра 10, а въ послѣдующихъ клѣткахъ написаны цифры 1. 5. 9. Въ третьемъ ряду въ верхней клѣткѣ нарисована голова барана, а въ послѣдующихъ клѣткахъ — цифры 6. 7. 2. Играютъ и вдвоемъ, и партіями. На руки играющихъ выдается шесть мѣшечковъ, наполненныхъ пескомъ. Каждый играющій бросаетъ свои шесть мѣшечковъ одинъ за другимъ съ разстоянія шести шаговъ отъ доски, стараясь попасть на всѣ цифры послѣдовательно отъ 1 до 10, и затѣмъ на барана и на голову быка. Послѣ этого онъ старается продѣлать то же самое, но только въ обратномъ порядкѣ, т.-е. начинаетъ съ барана, быка и спускается послѣдовательно отъ 10 до 1.

Если въ игрѣ участвуютъ дамы, то мужчины въ складчину покупаютъ какую-нибудь серебряную вещицу и подносятъ выигравшей въ партіи; а если играютъ только мужчины, то играютъ обычно на „дринкъ", т.-е. проигравшая партія угощаетъ выигравшую сода-виски, пивомъ, шампанскимъ, смотря по условію.

Суть игры въ shuffle-board состоитъ въ слѣдующемъ.

На палубѣ мѣломъ рисуется площадка, дѣленная на три ряда, и въ каждомъ ряду по пяти клѣтокъ.

Въ первомъ ряду въ верхней клѣткѣ ставится знакъ +, а въ послѣдующихъ клѣткахъ пишутся цифры 8. 3. 4. Въ нижней клѣткѣ ставится знакъ —.

Въ среднемъ ряду въ клѣткахъ пишутся цифры 10. 1. 5. 9. 10.

Въ третьемъ ряду въ верхней клѣткѣ ставится опять знакъ + и пишутся въ клѣткахъ цифры 6. 7. 2. Въ нижней клѣткѣ ставится снова знакъ —.

Такимъ образомъ, цифра 10 въ верхнемъ ряду стоитъ между двухъ знаковъ +, а въ нижнемъ между двухъ знаковъ —.

Играющимъ дается по длинной лопаточкѣ и по шести дисковъ, окрашенныхъ въ красный и коричневый цвѣтъ.

Съ разстоянія десяти шаговъ каждый играющій старается свой дискъ толкнуть лопаточкой съ такою силою, чтобы онъ остановился на той или другой цифрѣ, которая служитъ счетомъ для

выигрыша. Противникъ старается прежде всего сбить диски съ занятыхъ ими цифръ и самому занять ихъ мѣста.

Если дискъ попадаетъ на + 10, то цифра эта приписывается къ суммѣ выигрыша, а если на — 10, то списывается...

День незамѣтно прошелъ и смѣнился быстро наступившей, безъ сумерекъ, ночью, полной красоты, полной величавой таинственности.

Дивныя ночи въ Индійскомъ океанѣ нельзя забыть: ихъ уносишь съ собою. Уносишь съ собой въ памяти сердца и великій небесный куполъ, заполненный крупными, яркими звѣздами, сверкающими изъ глубины лазури, какъ лампады; уносишь и „Южный Крестъ", свѣтящій такъ мягко и кротко своими небесными очами, уносишь съ собою и полную дивной красоты глубину океана!

Изъ нея, этой полной тайны глубины, тоже вырываются яркія звѣзды, тоже зажигаются и меркнутъ свѣтящіяся лампады. Это—фосфоризація моря.

Глазъ не хочетъ оторваться отъ ея красоты, мысль не хочетъ оставаться на пароходѣ, а уносится въ далекіе тайники ушедшей и прошедшей жизни.

И въ пройденной дали житейскаго моря для каждаго изъ насъ также зажигались и меркли дивныя лампады, горѣвшія небеснымъ огнемъ, дававшія нашей душѣ и свѣтъ, и тепло, и миръ, и любовь, и счастье.

И звѣзды неба, и звѣзды моря, и звѣзды сердца человѣческаго, какъ вы дивно хороши!...

Шесть дней перехода отъ Адена до Коломбо были одной пріятной прогулкой: ни разу сильно не качало, а налетавшіе временами шквалы, приносившіе дождь и вѣтеръ, быстро проходили и оставляли за собой пріятную прохладу.

Всѣ мы одинаково чувствовали и отвѣчали на печальную русскую современность, которую намъ освѣщали фактами изъ жизни недавняго нашего Портъ-Артура и давняго нашего Амурскаго края К. и М.

Ставшій уже достояніемъ исторіи Портъ-Артуръ и вся печальная наша японо-русская война слишкомъ еще колючи для насъ, а потому является понятнымъ, что бесѣды наши касались наичаще нашихъ больныхъ мѣстъ.

— Не было человѣка въ Артурѣ, который бы любилъ или уважалъ Стесселя,—говорилъ К.—Наоборотъ, его всѣ ненавидѣли, кромѣ, конечно, его штаба и родственниковъ, которыхъ онъ отличалъ.

Всегда грубый, всегда нетерпимый, всегда тщеславный и оскорблявшій самолюбіе моряковъ, Стессель не обращалъ никакого вниманія на городъ, никакой не проявилъ заботы о населеніи. Все рѣшалъ самъ, рѣшалъ быстро, руководясь личнымъ своимъ произволомъ.

Прокричали его по газетамъ лишь его штабные и родня, которымъ онъ раздавалъ ордена и деньги.

Вѣдь ни для кого изъ насъ не было секретомъ, что Стессель былъ признанъ вреднымъ для обороны Артура, и было рѣшено объявить Стесселя сумасшедшимъ, чтобы устранить его отъ вліянія на оборону. Одинъ только генер. Смирновъ воспротивился этому.

Только рабской душой, безъидейностью развращеннаго чиновника можно объяснить общую подавленность и молчаніе...

Да, будь во главѣ обороны не Стессель, а другой человѣкъ, и исходъ обороны, и судьба Портъ-Артура были бы другіе!..

— Безобразова я видѣлъ только одинъ разъ у намѣстника Алексѣева, который призвалъ меня къ себѣ по дѣлу Товарищества. Я былъ пораженъ, что намѣстникъ, нашъ портъ-артурскій богъ и царь, раболѣпно улыбался и стоялъ передъ развалившимся въ креслѣ сановитаго вида старикомъ съ большой бородой. Это былъ Безобразовъ...

— Надо правду сказать,—говорилъ М.,—что въ чиновничьихъ кабинетахъ министерствъ не имѣютъ никакого представленія о томъ, что̀ изображаютъ собою современная настоящая Сибирь вообще и въ частности Амурская область. Всѣ повторяютъ затверженный урокъ: природныя богатства Сибири неистощимы. Сибирь, Амурскій край, Уссурійскій край—золотое дно.

Да, они были, эти природныя богатства, сорокъ-пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, но въ настоящее время отъ этихъ богатствъ, кромѣ воспоминанія о ихъ бытіи, ничего, къ сожалѣнію, не осталось.

— Были природные дивные строевые лѣса, были кедровые лѣса, были дубовые лѣса, была лиственица, мачтовый лѣсъ,—но въ настоящее время ничего нѣтъ.

Лѣса истреблены лѣтними пожарами и хищнической вырубкой.

Я помню, когда еще кедровые орѣхи продавались за грошъ, а теперь ихъ не достать.

Я засталъ начало хищничества, когда поселенцы-казаки, чтобы не лазать на кедры, собирать шишки, срубали деревья.

Дубовые лѣса продавали за безцѣнокъ китайцамъ, которые рубили дубы, а на гніющихъ пняхъ разводили древесные грибы,

для сбыта ихъ въ Китай, гдѣ древесный грибъ дорого цѣнится, какъ лакомство.

Было у насъ природное богатство—сибирскій пушной звѣрь, но гдѣ онъ теперь? Гдѣ теперь сибирская бѣлка, гдѣ соболь, гдѣ горностай? Все хищнически выловлено, уничтожено.

Было еще у насъ въ Сибири природное богатство, и оставалось оно до сего дня, никакъ не могли его уничтожить,—это рыба. Но въ настоящее время это природное богатство отдали японцамъ.

— Чтò ни возьмете, на чтò ни посмотрите въ Сибири— вездѣ увидите самое ужасное невѣжество, произволъ, чиновничью бездушность и безмысліе. Наше переселенческое дѣло—сколькихъ человѣческихъ жертвъ оно стоило? Сколько было разорено и погибло народу?

А поселеніе корейцевъ, которыхъ начали сманивать обѣщаніемъ всякихъ благъ въ 1868 году?

Вотъ фактъ изъ того времени. Поддались увѣщаніямъ нѣсколько сотъ корейскихъ семей и двинулись въ Пріамурье на новыя земли. Пришли, но никого и ничего не нашли. Послали искать начальство; но начальство совершенно забыло о существованіи корейцевъ, когда они пришли въ предѣлы россійской земли.

Начался среди корейцевъ голодъ, началась смертность, и вотъ разсказъ П., который, проѣзжая по Амуру, увидалъ на берегу, у опушки лѣса сидящихъ семьдесятъ человѣкъ корейцевъ.

П. присталъ къ берегу и спросилъ, чтò это за люди.

„Пришли умирать“, получается отвѣтъ.

Дѣтей и женщинъ привязали въ лѣсу къ деревьямъ, чтобы не слышно было ихъ мученій.

И только благодаря этой встрѣчѣ П. вспомнили о корейцахъ, пришедшихъ на поселеніе въ Амурскій край.

— Вся исторія культуры и заселенія Сибири и Пріамурья написана кровью и страданіями народа, — такъ закончилъ свой разсказъ М.

II.

Въ Коломбо мы пришли 12 апрѣля въ 10 часовъ утра. День былъ жаркій; море тихо, и не пришлось увидать той дивной картины, когда водяной пылью и бѣлой пѣной вздымаются волны, отбрасываемыя стѣною мола, выведеннаго для защиты гавани отъ океана.

Въ Коломбо пароходы не подходятъ къ пристани и останавливаются, войдя въ защищенное моломъ пространство.

Не успѣлъ еще „Roon“ окончательно остановиться, какъ былъ окруженъ туземными лодками, составленными изъ трехъ узкихъ сбитыхъ брусьевъ и ловко управляемыми однимъ весломъ сингалезца, стоявшаго на колѣнкахъ на своей утлой посудинѣ.

Черноволосые, черноглазые, съ бѣлыми блестящими бѣлками глазъ и бѣлыми зубами, чернотѣлые, прикрытые лишь кускомъ матеріи, сингалезцы ловко шныряли около парохода и, указывая на воду, кричали скороговоркой: „à la mer, à la mer, à la mer“, приглашая криками и жестами бросать деньги въ воду, за которыми они тотчасъ же бросались головою внизъ и ловко ихъ хватали.

Охотниковъ бросать деньги было достаточно, а ныряніе сингалезцевъ, среди которыхъ большинство были люди взрослые, видимо, публикѣ доставляло удовольствіе.

Коломбо съ рейда представляется уголкомъ чрезвычайно живописнымъ, окруженнымъ пышной и яркой тропической растительностью.

Повсюду видны высокія, широколистныя пальмы.

Пристань въ Коломбо—большая, удобная, и за переѣздъ съ парохода платится по 25 центовъ съ человѣка.

На пристани прежде всего встрѣчаютъ мѣнялы, предлагающіе мѣнять деньги, такъ какъ въ Коломбо своя монета — рупіи, а затѣмъ пристаютъ неизбѣжные и здѣсь проводники, которые всегда безошибочно набрасываются на русскихъ и, безцеремонно хватая за рукавъ, кричатъ: „Иди, русскій, идемъ Маргарита, хорошій покажу Маргарита!“

Выйдя съ пристани, прежде всего поражаешься краснымъ цвѣтомъ улицъ, прекрасно шоссированныхъ и чисто содержимыхъ.

Налѣво отъ пристани, на площадкѣ, поставлена прекрасно-исполненная изъ бѣлаго мрамора статуя сидящей на тронѣ императрицы Индіи, Викторіи, а направо идетъ береговая улица, съ таможней, служебными зданіями, переходя постепенно въ берегъ Индійскаго океана.

Пройдя маленькую площадку, входишь въ большую улицу Іоркъ-Стритъ, на которой находятся магазины, отели и дѣловыя учрежденія.

По обѣимъ сторонамъ улицы, точно у насъ по Апраксину рынку, приходится пройти сквозь строй торговцевъ, которые зазываютъ въ свои магазины посмотрѣть драгоцѣнные камни, индійскія вышивки, мелкія туземныя работы.

— Русскій, русскій, иди, хорошій покажу опалъ, хорошій есть сапфиръ, рубинъ! Покупай не надо, иди посмотри!

И отъ магазина до магазина хватаютъ сперва руки торговцевъ, которые суютъ адресы своихъ магазиновъ, а затѣмъ надоѣдаютъ проводники и рикши, неотступно слѣдуя по пятамъ и назойливо предлагая свои услуги проводить къ „хорошей Маргаритъ“ или, въ лучшемъ случаѣ, показать достопримѣчательности Коломбо.

Чтобы избавиться отъ назойливости проводниковъ и рикшъ, надо сѣсть или въ электрическій трамвай, идущій съ угла этой улицы въ противоположные концы туземнаго или „черного города“, или взять экипажъ.

Я предпочелъ трамвай, хотя это и признается англичанами „шокингъ“. Уважающій себя англичанинъ никогда не сядетъ вмѣстѣ съ туземцемъ, почему въ трамѣ только и былъ я одинъ среди сингалезовъ.

Для европейцевъ—отдѣльные вагоны на желѣзныхъ дорогахъ; сингалезъ не посмѣетъ войти ни въ одинъ европейскій ресторанъ...

Обѣ части туземнаго Коломбо чрезвычайно интересны и по природѣ, и по бытовому складу жизни сингалезовъ.

Сперва трамъ идетъ по европейской части города, мимо уютныхъ, расположенныхъ среди пальмъ и окруженныхъ цвѣтниками и цвѣтущими деревьями дачъ европейцевъ, затѣмъ вступаетъ въ туземную часть.

Вездѣ природа является во всей мощи своей производительности: повсюду пальмы, пальмы и пальмы—кокосовыя, финиковыя, вѣерообразныя, достигающія громадной высоты.

Банановыя деревья съ спускающимися отъ вѣтвей связками зеленовато-желтѣющихъ продолговатыхъ плодовъ, чудныя акаціи, бамбуковыя рощи, фиговыя деревья, цвѣтущія мальвы, ярко-красные цвѣты высокихъ кротоновыхъ деревьевъ, темнозеленая листва раскидистаго хлѣбнаго дерева...

Все растетъ и живетъ полною жизнью, все дышитъ отъ полной свободной груди природы!

То-и-дѣло проѣзжаешь мимо такой чащи зарослей, что жутко становится!

Среди этой пышной растительности выдѣляются крытыя пальмовыми листьями кровли туземныхъ хатъ. Около нихъ царствуютъ густая тѣнь и прохлада.

Въ людныхъ улицахъ туземнаго города, на базарѣ, жизнь идетъ яркая, шумная, оживленная.

Вездѣ движеніе. Идутъ сингалезки, худощавыя, стройно-

сложенныя, высокаго роста, смуглолицыя, съ черными глазами и тонкими чертами лица. Однѣ изъ нихъ, съ открытой грудью, обернутыя въ пестро-цвѣтное одѣяніе до пояса, несутъ своихъ дѣтей на рукахъ; другія несутъ на головѣ ношу; третьи, перекинувъ черезъ плечо и закрывъ половину груди шалью, покупаютъ въ лавкахъ необходимое для своего хозяйства; четвертыя у порога своей хижины няньчатся съ дѣтьми, или очищаютъ отъ насѣкомыхъ голову своихъ дочерей, выбрасывая насѣкомыхъ въ уличную пыль, такъ какъ великій Будда запретилъ лишать жизни не только животное, но даже растеніе. Женщины-сингалезки стройны, высоки, худощавы и изящны въ своихъ движеніяхъ. Мужчины тоже одѣты до пояса въ тѣсно облекающую ихъ станъ пестро-цвѣтную матерію. Одни изъ нихъ носятъ на головѣ тюрбанъ,—это магометане; другіе ходятъ съ непокрытою головою, завязывая волосы узломъ на макушкѣ, третьи носятъ на головѣ низенькія круглыя шапочки. И мужчины, и женщины ходятъ босикомъ.

Мужчины и женщины охотно носятъ, особенно женщины, на рукахъ браслеты и въ ушахъ серьги.

Въ туземномъ Коломбо можно видѣть нѣсколько очень интересныхъ по своей архитектурѣ буддійскихъ храмовъ.

Въ европейскомъ Коломбо много очень красивыхъ по архитектурѣ зданій, каковы: почта, дворецъ губернатора, ратуша, старинная голландская башня и другія.

Коломбо, кромѣ общаго пріятнаго расположенія, имѣетъ и нѣсколько прелестныхъ общественныхъ мѣстъ для прогулокъ. Прежде всего Victoria-park — громадный паркъ, въ которомъ англичане играютъ въ теннисъ, въ крокетъ, ѣздятъ на велосипедахъ, верхомъ, предаваясь своему излюбленному спорту. Второе любимое мѣсто—набережная океана, служащая для вечернихъ прогулокъ.

Изъ окрестностей чрезвычайно живописна мѣстность Mount Lavinia, съ ресторанномъ среди пальмъ и на берегу океана.

Интересно также проѣхать къ рѣкѣ Келарни, чтобы полюбоваться лотосами и осмотрѣть резервуары воды, служащей для питья города.

Островъ Цейлонъ представляетъ собою выдающійся интересъ, но для этого нужно пожить и совершить рядъ путешествій внутрь острова.

Самъ по себѣ Коломбо является лишь сборнымъ пунктомъ.

Первыми европейцами, поселившимися въ Коломбо съ торговыми цѣлями, были португальцы, основавшіе здѣсь свою факторію и владѣвшіе Коломбо съ 1517 по 1638 годъ.

Португальцы, однако, должны были уступить свое первенство въ водахъ Индійскаго океана голландцамъ, которые, вытѣснивъ съ Коломбо португальцевъ, мало-по-малу завладѣли всѣми ихъ укрѣпленіями.

Владычество голландцевъ длилось съ 1638 по 1658 годъ и было для нихъ самихъ, вслѣдствіе постоянныхъ войнъ съ мѣстными владѣтельными князьями, настолько тяжело, что удержаться на островѣ они не могли.

Въ 1795 году появляются англичане, которые утверждаются на Цейлонѣ, какъ „Торговая Восточно-Индійская Компанія".

До 1815 года англичане уживались сравнительно мирно съ туземными владѣльцами, но возстаніе населенія въ этомъ году и особенно сильное возстаніе противъ владычества англичанъ въ 1848 году показало, что они далеко не были желанными въ странѣ. Съ страшной жестокостью и безчеловѣчностью англичане подавили возстаніе и присоединили къ себѣ Цейлонъ окончательно. Надо отдать все же должное дѣловитости и энергіи англичанъ, которыя внесли они въ управленіе островомъ.

Они проводятъ повсюду прекрасные пути сообщенія, устраиваютъ водопроводы, открываютъ школы, больницы, почтовыя учрежденія и телеграфы. Въ настоящее время Цейлонъ съ сѣвера на югъ уже прорѣзанъ желѣзной дорогой.

Грандіозное сооруженіе мола, протяженіемъ въ 4.200 футъ, стоившее $7^1/_2$ милліоновъ рублей, доставило неизмѣримыя удобства Коломбо для стоянки судовъ, защищая ихъ въ искусственно созданной гавани отъ бурь.

Такимъ образомъ, Коломбо не только имѣетъ самой природой данныя самыя благопріятныя условія для развитія торговаго значенія для всей Европы, но къ нему пришли и люди съ энергіей и знаніемъ.

Изъ Европы въ Коломбо привозятся произведенія мануфактуры и каменный уголь, а изъ Коломбо въ Европу и Америку вывозятся природныя богатства острова, кокосовое масло, копра, графитъ, кофе, какао, чай, драгоцѣнные камни. Главное богатство острова—это пальмы, и по справедливости онъ можетъ быть названъ островомъ пальмъ.

На Цейлонѣ считаютъ плодоносныхъ кокосовыхъ пальмъ свыше 50 милліоновъ деревьевъ, а каждая пальма даетъ ежегодно не менѣе сотни орѣховъ. Молоко орѣха идетъ на производство масла, листья идутъ на плетенье матовъ, циновокъ, на крыши и хозяйственныя потребности. На фабрикахъ въ Коломбо тысячи рабочихъ заняты около кокосовыхъ орѣховъ.

Чайныя плантаціи даютъ цейлонскій чай, завоевавшій уже себѣ рынки.

Цейлонскіе рубины, опалы, сапфиры, топазы, жемчугъ—пользуются заслуженной извѣстностью.

Богатства плодовыхъ деревьевъ—манго, мангустанъ, гранатъ, бананъ, апельсины, лимоны, фисташки, ананасы, хлѣбное дерево и др.—даютъ средства жизни бѣднѣйшему населенію.

Европейскаго населенія въ Коломбо считается до шести тысячъ; большинство—англичане. На долю нѣмцевъ, австрійцевъ, шведовъ приходится до двухъ тысячъ.

Изъ русскихъ имѣются: консулъ, представитель Добровольнаго флота, нѣсколько служащихъ въ чайныхъ русскихъ фирмахъ и нѣкоторое количество разнаго сорта проходимцевъ, разсѣвшихся здѣсь для прославленія русскаго имени.

Туземцевъ насчитываютъ до двухъ милліоновъ на пространствѣ Цейлона въ 64 тысячи кв. километровъ.

Главное населеніе—сингалезы. Кромѣ сингалезовъ, насчитывается еще до 700 тысячъ тамиловъ, пришедшихъ на островъ изъ южной Индіи, и до двухъ тысячъ первобытнаго населенія веддъ, живущихъ въ горахъ и лѣсахъ, крайне нелюдимыхъ и свободолюбивыхъ, но вымирающихъ.

Что касается религіи туземнаго населенія, то и въ этомъ отношеніи жизнь сложилась на островѣ чрезвычайно благопріятно: преобладающая религія—буддизмъ, почему кастъ, съ ихъ замкнутостью и нетерпимостью, составляющихъ такое зло въ Индіи, здѣсь нѣтъ.

Гарнизонъ Коломбо, какъ говорятъ, не великъ: до шести тысячъ европейскихъ и туземныхъ войскъ.

Въ составъ туземныхъ войскъ входитъ и полиція, такъ называемые сикки, слѣдящіе за порядкомъ на улицахъ Коломбо въ высокихъ тюрбанахъ.

На улицахъ Коломбо встрѣчается много интереснаго. Интересенъ, между прочимъ, и способъ передвиженія у населенія въ крытыхъ арбахъ, запряженныхъ малорослыми, но крѣпкими, длинно- и пряморогими, съ горбомъ, буйволами.

Поразилъ меня въ Коломбо и многолюдный китайскій торговый и ремесленный кварталъ. Китайцы и здѣсь внесли весь свой укладъ уличной жизни и привычекъ, такъ уже опротивѣвшихъ за двѣнадцатилѣтнее пребываніе мое среди нихъ въ Пекинѣ...

Возвратясь на пароходъ, я засталъ на палубѣ торговцевъ, предлагавшихъ кольца, булавки и драгоцѣнные камни.

Но драгоцѣнные камни были такъ плохи, и притомъ такъ

было много, вмѣсто камней, окрашеннаго стекла, что даже любители набрасываться на всякую дрянь должны были отказаться покупать, въ виду явнаго обмана.

Были, какъ и всегда, продавцы изъ чернаго дерева (дерево, очень прочно пропитанное красящимъ чернымъ составомъ) разной величины выдѣланныхъ слоновъ и слониковъ изъ кости, продавцы ящиковъ изъ иглъ дикобраза и другой мелочи.

Но, усталые послѣ цѣлаго дня пребыванія на воздухѣ, мы искали только отдыха...

III.

Въ шесть часовъ вечера 17-го апрѣля мы снялись съ якоря съ рейда Коломбо.

Я стоялъ у борта и любовался зеленымъ берегомъ пальмъ, какъ вдругъ услыхалъ русское обращеніе:

— Здравствуйте! Узнаете меня?

Вглядываюсь и узнаю Т., пріѣзжавшаго два года тому назадъ въ Пекинъ для практики въ китайскомъ языкѣ. Т. уже окончилъ курсъ въ университетѣ, но, вмѣсто Китая, назначенъ на службу въ Японію, хотя японскаго языка Т. совершенно не знаетъ, а знаетъ прекрасно китайскій.

— Какъ вы попали въ Коломбо?—спрашиваю я.

— Я отправился изъ Одессы на добровольцѣ „Казань",—отвѣчалъ Т.;—но „Казань" потерпѣла близъ Коломбо крушеніе. Насъ, четырехъ частныхъ пассажировъ, снялъ англійскій пароходъ и доставилъ обратно въ Коломбо, а затѣмъ мы попали сегодня на „Roon".

Т. разсказалъ мнѣ слѣдующія подробности крушенія „Казани":

„Казань" шла съ грузомъ военнаго вѣдомства во Владивостокъ, притомъ съ грузомъ спѣшнымъ, состоявшимъ изъ 150 тысячъ комплектовъ обмундировки для нашей арміи на Дальнемъ Востокѣ.

Кромѣ казеннаго груза, застрахованнаго въ 2 милліона рублей, на „Казани" было много и частнаго груза: мануфактура, книжный товаръ, много піанино, много другихъ музыкальныхъ инструментовъ, экипажей, была даже прекрасная лошадь, ящики съ папиросами и др.

Командиромъ „Казани" былъ г. Исааковъ, старшій штурманъ, который лѣтъ двадцать тому назадъ плавалъ ревизоромъ на добровольцахъ, а затѣмъ находился въ отставкѣ. Это былъ

его первый рейсъ въ качествѣ командира. Помощникъ его, старшій офицеръ Задонскій—морякъ.

До Коломбо плаванье шло превосходно, и вся маленькая каютъ-компанія составляла дружную семью.

Изъ Коломбо „Казань“ вышла въ два часа дня, выведенная лоцманомъ на курсъ, но, къ удивленію всѣхъ моряковъ въ Коломбо, „Казань“ уклонилась отъ обычнаго курса и пошла къ берегу.

— Мы шли совсѣмъ около берега,—говорилъ Т.,—и я замѣчалъ красные флажки отъ плававшихъ баканов.

Днемъ выхода изъ Коломбо „Казани“ былъ первый день Пасхи. Въ шесть съ половиной часовъ, когда стали накрывать обѣденный столъ, послышался страшный трескъ и толчокъ, отъ котораго тарелки попадали на полъ, затѣмъ—новый толчокъ и трескъ, и „Казань“ стала.

Тотчасъ же послѣ этого выбѣжалъ взволнованный механикъ и заявилъ, что въ машинномъ отдѣленіи — вода, и онъ едва успѣлъ только предупредить взрывъ котловъ, выпустивъ пары.

„Казань“ стала быстро крениться на одинъ бокъ и погружаться въ воду. Черезъ 15—20 минутъ кренъ былъ уже такъ великъ, что съ одной стороны парохода на другую сторону приходилось карабкаться, какъ въ гору.

Погода была ясная и тихая, что̀ помогало спасенію пассажировъ и команды. Какъ только стало ясно, что пароходъ наскочилъ на рифъ, такъ тотчасъ же стали давать сигналы о помощи, стрѣляли даже изъ пушки.

Помощь тотчасъ же подалъ шедшій слѣдомъ за „Казанью“, только въ дальнемъ разстояніи, англійскій пароходъ.

Онъ спустилъ свои шлюпки, которыя подошли къ „Казани“ черезъ 15 минутъ, и на шлюпкахъ перевезъ къ себѣ пассажировъ и команду, а затѣмъ помогалъ спасать, насколько было возможно, грузъ.

Изъ своихъ девяти шлюповъ съ „Казани“ могли спустить только четыре.

Измѣреніемъ глубины воды было опредѣлено, что „Казань“ налетѣла на продольный рифъ и плотно на немъ помѣстилась на глубинѣ пяти футъ, а съ другой стороны парохода глубина была свыше 30-ти футъ.

Когда „Казань“ такъ основательно помѣстилась, то тотчасъ же съ берега на нее набросились на своихъ лодкахъ сингалезы. Они, какъ мухи, облѣпили пароходъ и начали грабить все, что̀ попадало подъ руку.

Вытащили ящики съ виномъ и тутъ же многіе перепились; вытащили ящики съ папиросами, разбили ихъ и засыпали всю палубу, словно снѣгомъ; вытащили ящики съ мануфактурными товарами, разбросали книги и затѣмъ добрались до солдатской обмундировки.

Надѣли на себя солдатскую одежду, а на своихъ лодкахъ все награбленное свозили на берегъ.

Англійскій пароходъ, взявъ команду и пассажировъ, отвезъ ихъ обратно въ Коломбо, откуда отправились къ мѣсту крушенія съ баржами для спасанія груза агентъ Добровольнаго флота и страховые агенты, въ обществахъ которыхъ, будто бы, Добровольный флотъ уже отъ себя перестраховалъ свой грузъ.

Времени отъ момента крушенія и до прибытія „начальствующихъ лицъ“ изъ Коломбо прошло, какъ сообщаетъ Т., четырнадцать часовъ.

На пяти баржахъ, пришедшихъ изъ Коломбо, были спасены экипажи, нѣсколько піанино, вынуты верхніе слои подмоченной обмундировки и все, что было на поверхности. Трюмъ уже былъ наполненъ водой.

Прибывшія въ Коломбо пять баржъ съ спасенными вещами были сданы подъ охрану сингалезцевъ, а затѣмъ оказалось на другой день, что въ ночь были украдены двѣ баржи съ экипажемъ и разными предметами обстановки.

Англійская полиція тотчасъ же произвела дознаніе и открыла, что одинъ экипажъ и много вещей находятся во дворѣ мѣстнаго кулака-сингалезца, до котораго давно уже добирается англійская полиція.

Съ добытыми данными агентъ англійской полиціи отправился къ агенту Добровольнаго флота и предложилъ ему сдѣлать заявленіе объ украденныхъ вещахъ, которыя тотчасъ же будутъ найдены.

Агентъ Добровольнаго флота, *будто бы*, отклонилъ это предложеніе на томъ основаніи, что сингалезецъ этотъ состоитъ поставщикомъ Добровольнаго флота и человѣкъ для нихъ очень полезный, почему съ нимъ нельзя ссориться.

За достовѣрность слышаннаго мною не ручаюсь, но тѣмъ не менѣе могу сказать, что все это хотя и странно, но возможно...

Тѣмъ не менѣе, англійская полиція все-таки притянула этого поставщика Добровольнаго флота къ суду, предъявивъ къ нему обвиненіе въ провозѣ контрабанды, такъ какъ экипажъ и другія уворованныя вещи въ его дворѣ не были оплачены пошлиной.

И въ три дня дѣло было разобрано—сингалезецъ былъ приговоренъ въ тюрьму на полгода...

Такъ какъ Т. не умѣлъ или не хотѣлъ объяснить причину, по которой капитанъ „Казани“ шелъ берегомъ, а замѣтка, появившаяся въ мѣстной газетѣ, будто „дамѣ, которая находилась въ числѣ пассажировъ, хотѣлось любоваться береговыми видами“, очевидно, представляетъ собою нелѣпость злобной англійской прессы,—то невольно промелькнула у насъ мысль, не было ли здѣсь злого умысла, чтобы, погубивъ 150 тысячъ комплектовъ солдатской обмундировки, вызвать недовольство въ нашей стапятидесяти-тысячной арміи на Дальнемъ Востокѣ, страшно обносившейся.

Оказалось, что эта мысль промелькнула и въ Петербургѣ, откуда былъ будто бы даже, по этому поводу, запросъ.

Такое предположеніе имѣло за себя нѣкоторое основаніе, такъ какъ недѣли за двѣ до „Казани“ шелъ во Владивостокъ пароходъ „Мюнхенъ“, который тоже имѣлъ грузъ военнаго вѣдомства.

Не доходя нѣсколькихъ часовъ до Коломбо, „Мюнхенъ“ сталъ тонуть безъ всякой видимой причины.

Когда же бросились въ трюмы искать причину, то нашли, что кингстоуны кѣмъ-то открыты и вода уже заполнила трюмы.

Съ большимъ трудомъ воду откачали, и „Мюнхенъ“ еле-еле добрался до Коломбо. Виновный найденъ не былъ.

Предположеніе, что капитанъ и команда, по случаю перваго дня Пасхи, были въ особо праздничномъ состояніи, отрицается пассажирами, которые единогласно утверждали, что всѣ были трезвы.

Гдѣ же лежала причина крушенія „Казани“?

Съ этимъ вопросомъ мы обратились къ старшему офицеру „Roon“'a, который сообщилъ намъ слѣдующее:

Въ Коломбо ему передавали служащіе на маякѣ и станціи, что когда лоцманъ вывелъ „Казань“ на путь, то, къ удивленію всѣхъ, „Казань“ пошла не указаннымъ курсомъ, а стала направляться къ берегу, прямо на гряды рифовъ. Крушеніе „Казани“ у самаго Коломбо казалось столь неизбѣжнымъ, что на спасательной станціи стали приготовлять шлюпки.

Но „Казань“ на этотъ разъ удачно попала въ узкій каналъ между двухъ грядъ рифовъ и пошла благополучно впередъ, но все уклонялась къ берегу и въ концѣ концовъ все-таки наскочила на рифы.

Весь этотъ береговой путь обозначенъ на морскихъ картахъ, какъ опасный; имъ пользуются только мелко-сидящіе пароходы, совершающіе лишь береговое плаваніе по мѣстнымъ береговымъ портамъ.

Такимъ образомъ, только двѣ причины могутъ объяснить крушеніе „Казани“: или поголовное пьянство, или полное незнаніе пути и неимѣніе морской карты.

Опять я обратился къ Т. съ вопросомъ: была ли у капитана карта. Оказывается, что была русская карта изданія 1904 года.

Какъ бы то ни было, но крушеніе „Казани“ — грустное явленіе, которое еще разъ подтверждаетъ и подчеркиваетъ, что на всѣхъ путяхъ русской государственной и общественно-служебной жизни господствуетъ одинъ общій разладъ и распадъ.

На спасеніе груза, какъ рѣшили въ Коломбо, а тѣмъ болѣе парохода, нѣтъ никакой надежды.

Грузъ настолько весь промокнетъ, что его и выгрузить будетъ нельзя, а часть раскраденнаго груза уже появилась въ продажѣ въ Коломбо.

Солдатскія шинели продаются по гривеннику и скупаются однимъ изъ русскихъ евреевъ, какъ говорятъ, дезертиромъ, который засѣлъ въ Коломбо и открылъ свои гешефты: публичный домъ, рулетку, ростовщичество и всевозможную куплю-продажу.

Весьма вѣроятно, что онъ скупитъ солдатскую обмундировку, высушитъ и отправитъ ее на продажу во Владивостокъ.

Случай съ „Казанью“ навелъ М. на воспоминанія о цѣломъ рядѣ случаевъ въ Добровольномъ флотѣ, которые рисовали яркую, узорчатую картину произвола и полнаго духовнаго растлѣнія нравовъ въ этомъ привилегированномъ учрежденіи...

Между тѣмъ, путешествіе начало уже сильно утомлять. Многіе пассажиры, особенно мужчины, начали нервничать и томиться.

Для развлеченія капитанъ „Roon“'а придумалъ предложить взвѣшиваніе. Принесли вѣсы, подвѣсили на палубѣ къ балкѣ, и потянулись любители узнавать свой собственный вѣсъ. Но это заняло и развлекло не надолго, почему на слѣдующій вечеръ капитанъ устроилъ балъ и пригласилъ на палубу I-го класса всѣхъ танцующихъ пассажировъ изъ II-го класса. Балъ удался какъ нельзя лучше. Несмотря на жару, нѣмецкая публика, подъ звуки англійскаго „two steps“, съ увлеченіемъ отплясывала и польку, и вальсъ...

Для насъ, русскихъ, и немногихъ иностранцевъ доставляло большое удовольствіе пѣніе нашей милой спутницы, М. Г. М—ой, которая, владѣя прекрасно-обработаннымъ, сильнымъ голосомъ, пѣла и изъ оперъ Глинки, Рубинштейна, и романсы Чайковскаго, Даргомыжскаго, и, какъ француженка, съ милой игривостью не забывала французскихъ пѣсенокъ, вызывая общіе апплодисменты.

Замѣчу мимоходомъ, что въ массѣ своей иностранцы поражають крайней неразвитостью и малой потребностью въ стремленіи къ духовнымъ удовольствіямъ. Громадное большинство изъ нихъ предпочитало на пароходѣ всегда и во всемъ пиво, карты, спортъ. Все это прежде всего люди тѣла, а не духа... Только одинъ изъ нихъ, молодой англичанинъ, проявлялъ высшее общечеловѣческое развитіе... И все-таки мужчины нервничали. Ихъ раздражали дѣти, которыя бѣгали по палубѣ, шумѣли, играли и мѣшали спать въ лонгшэзахъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ, когда такъ морила и томила жара.

Дѣтей, правда, на этотъ разъ было очень много, и, конечно, очень было бы хорошо, еслибы для дѣтей на пароходѣ было отведено особое помѣщеніе, гдѣ былъ бы для нихъ песокъ, игры, занятія, свойственныя ихъ возрасту.

Мужчины сердились на дѣтей, матери и дамы негодовали на эгоизмъ сильной половины человѣческаго рода, и все вмѣстѣ взятое вносило маленькое разнообразіе въ однообразную жизнь на пароходѣ „отъ ѣды до ѣды".

— Я сегодня страшно сердился, — говоритъ мнѣ добрякъ русскій остзейскій нѣмецъ. — Только я задремалъ, какъ слышу около оретъ ребенокъ, а мать его успокаиваетъ. Я не выдержалъ, и вскочилъ, и громко крякнулъ.

— И что же,—спрашиваю я,—ребенокъ замолкъ?

— Нэтъ, мать его унесла.

И это происшествіе разсказывается всѣмъ знакомымъ и сочувственно выслушивается мужчинами, терпящими обиды отъ дѣтей...

Другое явленіе, которое начинаетъ отъ Коломбо рѣзко бросаться въ глаза, это—усиливающійся флиртъ. Жара, нервность, сильный морской воздухъ, прекрасное питаніе и бездѣлье — все дѣйствуетъ раздражающе на нервы.

IV.

Съ восходомъ солнца, 20-го апрѣля, мы подошли къ Сингапуру.

Болѣе живописнаго, болѣе очаровательнаго вида, который представился при входѣ въ Сингапуръ, я нигдѣ не встрѣчалъ.

Со стороны земли виднѣлся высокій берегъ, весь покрытый густой тропической растительностью съ преобладающими пальмами, а со стороны моря—ряды правильно расположенныхъ зеленыхъ острововъ съ правильными между ними улицами воды.

Со стороны земли—голубыя вдали очертанія горъ, а со стороны моря—безпредѣльная блѣдно-голубая даль...

Въ Сингапурѣ пароходы подходятъ вплотную къ пристани и всегда здѣсь стоитъ нѣсколько большихъ пароходовъ въ ожиданіи нагрузки.

Какъ только „Roon" сталъ подтягиваться къ пристани, такъ былъ уже окруженъ утлыми туземными челночками, съ которыхъ мальчуганы и взрослые малайцы бросались въ воду за бросаемыми имъ монетами и кричали: „давай, давай еще"!..

Въ Сингапуръ пришли мы 4-го мая. Было знойно, душно, влажно въ воздухѣ. Сингапуръ—самый тяжелый по климату пунктъ для жизни европейцевъ.

Сойдя на берегъ, мы взяли одноконную каретку, управляемую малайцемъ-кучеромъ, и направились въ Зоологическій садъ. Отъ пристани пришлось болѣе версты проѣхать по прекрасно шоссированной дамбѣ, проложенной по болотистой мѣстности, затопляемой водой. Мелкая поросль кустарниковъ, мѣстами водянистая низина, съ которой несется удушливый запахъ испареній, одиноко стоящія на сваяхъ хижины малайцевъ.

Затѣмъ мѣстность повышается; чувствуется твердый грунтъ и начинаются городскія постройки: склады, амбары, лавки, трактиры. На нѣкоторыхъ трактирахъ видны даже русскія вывѣски.

Отсюда начинается китайскій городъ и расходятся во всѣ стороны улицы одноэтажныхъ, окрашенныхъ въ синій цвѣтъ лавокъ съ дѣятельнымъ людскимъ муравейникомъ китайскаго населенія.

Тутъ магазины и лавки, и лавчонки, и харчевни, и портные, и сапожники, и всякіе другіе ремесленники, и пекарни и фруктовыя лавки.

Повсюду китайцы; повсюду своеобразный, крайне характерный китайскій гамъ и шумъ; отовсюду несутся знакомые китайскіе звуки, встрѣчаются почти исключительно китайскія лица и обоняются отвратительные китайскіе запахи...

Сингапуръ—первый по пути на Востокъ городъ, въ которомъ сразу попадаешь въ китайскую гущу, отъ которой довольно-таки тошно... Миновавъ китайскій городъ съ его уличной жизнью, мы въѣхали въ европейскій кварталъ.

Разительная перемѣна: прекрасныя зданія, много площадей и скверовъ съ зеленой травой и древесной растительностью, съ чисто содержимыми дорожками и массой играющихъ дѣтей.

Въ скверахъ и на площадяхъ видны памятники, воздвигнутые въ честь людей, создававшихъ благополучіе грядущихъ по-

колѣній. Встрѣчается по пути много церквей, встрѣчается много школьниковъ и школьницъ, идущихъ съ книжками.

Вездѣ по улицамъ оживленное, но спокойное и дѣловитое движеніе электрическихъ трамваевъ, экипажей, рикшъ, пѣшеходовъ...

Миновали европейскій Сингапуръ и въѣхали въ чудную аллею высокихъ деревьевъ, ведущую къ Зоологическому саду.

По обѣ стороны пути—густая тропическая растительность, много разновидностей пальмъ, много уютно-глядящихъ европейскихъ дачъ...

Ботаническій садъ въ Сингапурѣ занимаетъ громадное пространство, на которомъ имѣется прекрасный паркъ для прогулокъ, дорога для верховыхъ и велосипедистовъ, небольшая оранжерея съ интереснымъ собраніемъ орхидей и папоротниковъ, клочокъ первобытнаго лѣса съ густотой деревьевъ, перевитыхъ ліанами и джѣнглями, куда не проникаетъ свѣтъ солнца и въ который невозможно пройти. Въ паркѣ расбросаны тамъ и сямъ клумбы цвѣтовъ и всѣ деревья мѣстныхъ породъ означены деревянными ярлычками.

Я углубился по дорожкамъ парка и зашелъ сперва на громадный питомникъ засѣянныхъ деревьевъ, а когда вернулся искать паркъ, то попалъ въ лѣсъ съ лужайкой, на которой рѣзвилось стадо маленькихъ обезьянъ.

Увидавъ меня, обезьянки подняли крикъ, въ припрыжку перебѣжали лужайку и ловко вскарабкались на деревья, откуда продолжали кричать. Я въ первый разъ въ жизни попалъ такъ неожиданно въ большое общество обезьянъ, а потому былъ не только смущенъ, но въ первую минуту даже струхнулъ...

Изъ Ботаническаго сада мы проѣхали въ городской музей, въ которомъ есть очень интересная и полная коллекція мѣстныхъ бабочекъ, насѣкомыхъ, раковинъ, коралловъ.

Въ отдѣльной комнатѣ собраны образцы жизни малайскаго населенія. Хорошо очень воспроизведена малайская хижина, очень подробно представлены всѣ орудія малайскихъ промысловъ, работъ, рыбной ловли. Въ особыхъ витринахъ находятся образцы одеждъ...

Изъ музея мы отправились позавтракать въ отель, носящій историческое имя „Raffle's Hôtel“.

Сэръ Стамфордъ Рафль былъ англійскимъ губернаторомъ на островѣ Ява. Предвидя громадное торговое значеніе Малакскаго полуострова, сэръ Рафль въ 1819 году пріобрѣлъ у одного изъ малакскихъ князей за дешевую цѣну бѣдное рыбачье поселеніе

и городокъ Львиный-Сингапуръ... Сингапуръ, находясь на перепутьи между Востокомъ и Европой, явился прежде всего важнымъ складочнымъ мѣстомъ для торговли „Остъ-Индской Компаніи", а затѣмъ скоро уже пріобрѣлъ громадное значеніе, какъ самостоятельный торговый пунктъ въ сношеніяхъ не только между Азіей и Европой, но между Азіей, Явой, Суматрой, Австраліей.

Значеніе Сингапура въ настоящее время громадно, и въ силу его торговли, и въ силу оборудованности его порта.

Въ настоящее время не минетъ Сингапура ни одинъ пароходъ.

Насколько велико значеніе Сингапура, видно изъ его роста: въ 1819 году это былъ бѣдный поселокъ, а нынѣ онъ имѣетъ слишкомъ 200 тысячъ населенія, изъ котораго на долю китайцевъ приходится 150 тысячъ, малайцевъ 36 тысячъ, 16 тысячъ— на долю всѣхъ другихъ народностей.

Быстрому росту Сингапура и его младшаго брата, Пенанга, помимо общихъ благопріятныхъ условій со стороны природы и географическаго положенія, способствовала и та система свободы, которая принята англійскимъ правительствомъ для успѣховъ и развитія англійскихъ колоній.

Сингапуръ и Пенангъ пользуются правами „straits settlements".

Они пользуются не только правами по самоуправленію и прочими льготами колоній, но пользуются правомъ имѣть свои почтовыя марки и свою собственную монету, которая обязательна только для Сингапура и Пенанга.

На ихъ монетѣ на одной сторонѣ находится изображеніе короля Эдуарда VII, съ надписью: „Edward VII King and Emperor", а съ другой—„Straits Settlements". И ни имперія не тѣснитъ свободы своихъ подданныхъ, ни далекіе подданные не тяготятся связью своей съ имперіей, но твердо знаютъ одно: они—англичане. Нигдѣ съ такимъ уваженіемъ не относятся и нигдѣ съ такимъ постоянствомъ не звучитъ національный гимнъ, какъ звучитъ „God save the King" у англичанъ.

Звучитъ же у англичанъ онъ повсюду такъ властно и могущественно потому, что въ личности короля объединяется весь англійскій народъ, все его могущество и вся его законность, а не произволъ и самовольство немногихъ...

Климатъ Сингапура тяжелъ своей жарой и влажностью.

Одинъ изъ живущихъ въ Сингапурѣ русскихъ, представитель коммерческой фирмы, образно выразился о климатѣ Сингапура такъ: „Сингапурскую жару можно себѣ представить, если вообразить себя голымъ, сидящимъ на горячей плитѣ, съ бананомъ въ

рукѣ". Послѣ англичанъ самая обширная европейская колонія въ Сингапурѣ—нѣмецкая.

Много виднѣется нѣмецкихъ фирмъ, слышится нерѣдко нѣмецкая рѣчь и открывается нѣмецкій банкъ.

Возвращаясь на пароходъ, мы нашли на пристани цѣлую ярмарку: была тутъ масса разнообразныхъ, чрезвычайно красивыхъ раковинъ, коралловъ бѣлыхъ и красныхъ, связки банановъ, ананасы...

Въ Сингапурѣ запаслись мы газетами и телеграммами, изъ которыхъ узнали о тяжелыхъ событіяхъ въ Россіи, о возмущеніяхъ во флотѣ въ Севастополѣ... Вечеромъ снялись съ якоря и вышли на Фу-чжоу и Гонгъ-Конгъ.

Жаль было покинуть Индійскій океанъ, жаль разстаться съ „Южнымъ Крестомъ", но какъ ни великъ и прекрасенъ океанъ, какъ ни мягокъ и ласкающъ блескъ звѣздъ Южнаго Креста, все же испытывалось уже утомленіе.

Поднимаясь къ сѣверу, чувствовалась близость дома...

Тяжело отозвались на насъ извѣстія съ родины. М., знавшій хорошо лично адмирала Чухнина за бытность его во Владивостокѣ, отзывался объ адмиралѣ какъ о честномъ служакѣ, строгомъ, требовательномъ, старомъ „морскомъ волкѣ", но какъ человѣкѣ крайне недалекомъ и совершенно неспособномъ понять наставшее освободительное движеніе.

— Чухнина слѣдовало бы послать въ бой съ японцами. Онъ былъ бы здѣсь на своемъ мѣстѣ и былъ бы полезенъ. Чухнинъ любитъ матроса, заботится о немъ,—этого отнять нельзя,—онъ храбръ и упрямъ,—но назначить Чухнина въ Севастополь—это была крупная ошибка...

— Скрыдловъ, вотъ ловкій, смѣлый и энергичный человѣкъ, популярный у матросовъ. Правда, онъ большой дипломатъ, но онъ съумѣетъ выйти изъ затруднительнаго положенія, а Чухнинъ можетъ идти только на проломъ...

— Вообще у насъ бѣда въ томъ, что власть дается временщикамъ.

Взялъ силу на Востокѣ адмиралъ Алексѣевъ—и должны были уйти съ Востока Гильденбантъ, Бирилевъ, Суботичъ, которые не могли оставаться...

Гильденбантъ—это идеальный, честный служака...

Генералъ Суботичъ—энергичный, честный, умница. Его всѣ безусловно уважали, хотя многіе не любили за вспыльчивость характера, за самостоятельность и несогласія съ Алексѣевымъ. Суботича затерли и убрали... И остались на Востокѣ лишь льстивыя, пьяныя и бездарныя креатуры адмирала Алексѣева...

Въ Сингапурѣ сѣло много нѣмцевъ и японцевъ до Шанхая. Японцы составили свою обособленную группу. Многіе изъ нихъ одѣлись въ свои національные костюмы.

Среди сѣвшихъ въ Сингапурѣ на пароходъ японцевъ оказалось двое миссіонеровъ, возвращавшихся изъ Индіи. Они прочли для японцевъ и англичанъ лекцію о своемъ пребываніи въ Индіи.

Лекція состоялась въ присутствіи англичанъ и японцевъ въ столовой, которая ради этого была украшена англійскими, японскими и нѣмецкими флагами. Наблюдая японцевъ въ европейской средѣ, японцевъ, принявшихъ европейскую внѣшность, все же приходишь къ убѣжденію, что внутренность ихъ остается японской. Возвращался изъ Европы въ Японію японскій консулъ съ женой. Оба люди молодые, оба одѣваются по-европейски, но, гуляя по палубѣ, мужъ всегда шелъ впереди, а жена—за нимъ слѣдомъ сзади. Рядомъ жена шла только тогда, когда ее подзывалъ мужъ, а оставалась одна на своемъ мѣстѣ только тогда, когда мужъ это ей приказывалъ...

Формозскій проливъ прошли мы благополучно, безъ качки, и 7-го мая вошли лишь на нѣсколько часовъ въ Фу-чжоу.

Какая роскошная, помѣстительная бухта, какое живописное, гористое мѣстоположеніе! Тѣмъ не менѣе, входъ въ Фу-чжоускую бухту опасенъ, въ виду имѣющихся отмелей, почему на пароходъ всегда берется мѣстный лоцманъ.

Фу-чжоу (Фу-чеу-фу)—громадный городъ провинціи Фу-цзянъ (Фу-кіэнъ). Самъ городъ отъ устья рѣки находится на разстояніи слишкомъ пятидесяти верстъ; въ устьѣ рѣки Минъ-Кіангъ на берегу находится лишь таможня, склады товаровъ, а на возвышенности—маякъ и казармы.

Фу-чжоу насчитываетъ 624 тысячи населенія. Еще недавно это былъ главный пунктъ по отправкѣ чаевъ въ Англію, но въ настоящее время все чайное дѣло отошло отъ него къ Цейлону.

Фу-чжоу расположенъ на лѣвомъ берегу Минъ-Кіангъ, въ живописной мѣстности. Въ немъ живетъ небольшая европейская колонія и есть русскій консулъ. Изъ достопримѣчательностей города считаютъ его мостъ, такъ называемый „мостъ десяти тысячъ лѣтъ", длиною въ 400 метровъ, соединяющій городъ съ населеннымъ островомъ Нанъ-тай, лежащемъ посреди рѣки.

Фу-чжоу—одинъ изъ интеллигентныхъ китайскихъ городовъ. Въ немъ живетъ много ученыхъ, много чиновниковъ, расположены войска.

Торговлю Фу-чжоу ведетъ шолкомъ, шерстью, китайской бумагой, издѣліями изъ дерева.

Изъ Фу-чжоу мы вышли уже вечеромъ, когда рейдъ и гористые берега такъ пріятно сверкали огоньками.

Переходъ отъ Фу-чжоу до Гонгъ-Конга небольшой: всего двое съ половиной сутокъ. Все время перехода стояла прекрасная погода, море было тихо, пріятный голубоватый цвѣтъ воды, свѣжіе утра и вечера, нежаркіе дни.

Только подъ самымъ уже Гонгъ-Конгомъ почувствовали мы рѣзкую перемѣну: стало душно, сыро, а къ вечеру поднялся такой туманъ, что „Roon" подвигался впередъ ощупью, давая каждыя пять минутъ густые свистки.

Наконецъ, идти стало невозможно—и бросили якорь.

Простояли на якорѣ слишкомъ два часа. Хотя и непріятно стоять въ туманѣ на якорѣ, но идти въ туманѣ, слыша постоянные трубные звуки, прямо жутко. Эти трубные звуки тяготятъ...

Къ 11-ти часамъ туманъ разсѣялся и пошелъ мелкій дождь, что̀ дало возможность и намъ сняться съ якоря и подойти къ Гонгъ-Конгу.

Весь живописный входъ въ бухту между многихъ островов, къ сожалѣнію, пропалъ, такъ какъ пробирались мы мимо нихъ во мглѣ и подъ дождемъ. Утро 10-го мая было пасмурное, сырое, было душно.

Но какая наблюдалась повсюду кипучая дѣятельность!

Большія китайскія джонки подъ красными, черными и бѣлыми парусами; маленькіе грузовые пароходики, шныряющіе вдоль и поперекъ бухты; по берегу бѣгаютъ постоянно электрическіе трамваи. Вездѣ жизнь, вездѣ движеніе...

Къ 11-ти часамъ утра мы подтянулись къ пристани въ Коулунѣ, гдѣ останавливаются всѣ пароходы, гдѣ сосредоточена вся торговая дѣятельность. Послѣ завтрака мы отправились на маленькій пароходикъ, который каждыя пять минутъ перевозитъ пассажировъ на противоположный берегъ бухты въ Гонгъ-Конгъ, а оттуда беретъ пассажировъ на Коулунъ.

В. Іовль.

ВЪ БОРЬБѢ

ПОВѢСТЬ.

I.

Работа на одной изъ крупныхъ финляндскихъ писчебумажныхъ фабрикъ кипѣла, заказовъ было много, большинство изъ нихъ спѣшные, и диспонентъ фабрики, Фабіанъ Хагманъ, съ удовольствіемъ потиралъ руки, высчитывая въ умѣ прибыль.

А завѣдывавшій на фабрикѣ техническимъ производствомъ, инженеръ Эрикъ Седерлундъ, только-что вернувшійся въ контору, съ озабоченнымъ видомъ разсматривалъ въ большой пробиркѣ бумажную массу, взятую имъ изъ заторнаго чана.

— Что ты такъ пристально ее разсматриваешь, Седерлундъ? Жидка что-ли масса, или плохо выбѣлилась? — спросилъ диспонентъ, поднимая отъ кассовой книги свое красноватое полное лицо человѣка, вступившаго въ пятидесятилѣтній возрастъ.

— Ничего, при такомъ горячемъ спросѣ сойдетъ, — весело продолжалъ диспонентъ, высокимъ, срывавшимся голосомъ.

— Бѣда не въ томъ, Фабіанъ, — отозвался инженеръ, его зять: — мнѣ кажется, что въ массѣ примѣшанъ песокъ, я слышалъ хрустъ его...

Улыбающееся лицо Хагмана сразу осунулось.

— Ты не шутишь? Значитъ, весь заторъ испорченъ теперь, когда для насъ каждая минута дорога! Подумай, какъ же мы успѣемъ выполнить всѣ заказы! — съ отчаяніемъ въ голосѣ продолжалъ диспонентъ: — Кто, кто эта каналья, которая рѣшилась сдѣлать намъ гадость! Конкурренты изъ зависти?

Эрикъ Седерлундъ, продолжая изслѣдовать бумажную массу, отрицательно покачалъ головой.

— Въ такомъ случаѣ кто же,—свои рабочіе?

— Да,—коротко прозвучалъ отвѣтъ серьезнаго инженера:— я почти въ этомъ увѣренъ. Еще вчера, въ собраніи отдѣленія рабочаго союза, они обсуждали графикъ расцѣночныхъ работъ. Куста Ніеми настаивалъ, что — въ виду большихъ спѣшныхъ заказовъ, полученныхъ нашей фабрикой,—мы должны имъ прибавить...

— Знаю, знаю я это, — нетерпѣливо прервалъ его диспонентъ: — они были у меня утромъ съ этой просьбой, и я имъ наотрѣзъ отказалъ.

Инженеръ недовольно пожалъ плечами. Хагманъ подмѣтилъ это движеніе.

— Что же, по твоему, я долженъ былъ сейчасъ же согласиться на ихъ требованія? Развѣ они плохо зарабатываютъ у насъ? Вѣдь это значило отдать себя всецѣло въ руки рабочаго союза! Благодарю, я обойдусь и безъ его покровительства.

— Результатъ сегодняшней твоей горячности на лицо, — нервно замѣтилъ Седерлундъ, передавая диспоненту листъ бѣлой протёчной бумаги, на которомъ онъ отжалъ изъ массы песокъ: крупныя песчинки прилипли къ протёкѣ.

— Негодяи!—вырвалось у Хагмана.

— Ты, Фабіанъ, вѣроятно забылъ, что, съ возникновеніемъ отдѣленія рабочаго союза, наши рабочіе далеко не прежніе; всѣ, даже старики, работающіе здѣсь много лѣтъ и видѣвшіе въ тебѣ не только хозяина, но и друга, теперь относятся совсѣмъ иначе! Ты имъ врагъ!

— Я!—опѣшилъ диспонентъ.—Почему?

Седерлундъ поправилъ рукою очки.

— Не ты одинъ, — всѣ хозяева, всѣ владѣльцы фабрикъ, заводовъ, однимъ словомъ—капиталисты.

— Понимаю, ты говоришь съ точки зрѣнія соціализма, этихъ утопическихъ бредней.

— Бредни или дѣйствительность будущаго строя человѣчества, спорить я съ тобою не буду, но боюсь не ошибиться, если скажу, что предстоящіе теперь въ Финляндіи всесословные выборы преподнесутъ намъ немало изумленія.

— Пустяки ты толкуешь, Эрикъ! — презрительно сказалъ Хагманъ. — Развѣ мыслимо,—ты только обсуди,—чтобы рабочіе могли взять первенство надъ нами на выборахъ? Сколько лѣтъ шведы и младо-финны управляютъ страною; они изучили до тонкости все устройство этого громаднаго механизма, каждая пружина имъ извѣстна! Вспомни при суровомъ режимѣ убитаго

Боба, при желѣзномъ кольцѣ русскаго владычества, мы всегда умѣли сохранить нашу власть вездѣ, и въ сенатѣ, и въ сеймѣ, въ магистратѣ, и въ сельскихъ общинахъ; а теперь, когда все это миновало, когда мы полновластные хозяева въ краѣ, когда съ нами нашъ Лео, мы уступимъ этому мужичью? Никогда!

И Хагманъ сильно ударилъ ладонью руки по крышкѣ высокой конторки, за которой занимался.

Точно отголоскомъ его удара на фабрикѣ гулко раздался звонокъ, возвѣщавшій объ окончаніи работы.

Диспонентъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Седерлунда, и затѣмъ оба перевели глаза на большіе часы, висѣвшіе на стѣнѣ между окнами.

— Это что̀ значитъ? Только пять часовъ?—протянулъ Хагманъ и вмѣстѣ съ инженеромъ вышелъ изъ конторы.

Колоколъ продолжалъ еще гудѣть, когда они дошли до узкаго прохода, по которому рабочіе уходили съ фабрики.

II.

Около колокола стояла молодая работница, Рауха Каппери, спокойно выслушивая кричавшаго на нее старика-сторожа.

Изъ фабрики потянулась масса рабочихъ, вызванная колоколомъ.

— Кто, кто звонилъ?—строго спросилъ диспонентъ сторожа.

— Я!—смѣло отвѣтила работница.

— Ты, Рауха?—отступая назадъ, изумился диспонентъ.

— Къ чему ты это сдѣлала?—въ свою очередь спросилъ инженеръ.

— Мнѣ такъ хотѣлось! — небрежно отвѣтила дѣвушка; улыбка самодовольства промелькнула по ея лицу.

— Хорошо! Пройди въ контору, тамъ получишь разсчетъ, и никогда не смѣй больше появляться здѣсь на фабрикѣ! — вскипѣлъ Хагманъ.—Ну, ступай!

Рауха громко засмѣялась, но не двинулась съ мѣста.

Полное лицо диспонента сразу покраснѣло.

— Каппери, тебѣ сказано уходить, уходи!—слегка волнуясь, замѣтилъ Седерлундъ.

— Вы не смѣете ее гнать съ завода!—раздалось изъ толпы рабочихъ, сбившихся у прохода.

— Не смѣю! Вотъ я покажу, какъ не смѣю! — закричалъ диспонентъ.—Вонъ сейчасъ!

Толпа глухо заворчала.

— Если ее прогоните, то и мы уйдемъ,—послышались недовольные голоса.

— Васъ никто не гонитъ,—пробовалъ успокоить толпу инженеръ, но вышедшій изъ себя Хагманъ, вопреки благоразумію Седерлунда, своего компаньона, громко крикнулъ:

— Кто хочетъ, можетъ уходить,—мнѣ такихъ работниковъ не надо!

— Что жъ, уйдемъ, вспомните и о насъ!—волновались рабочіе и длинной лентой потянулись черезъ щелкающій турникетъ. Изъ восьмисотъ человѣкъ осталось не болѣе сотни.

Послѣдніе сиротливо столпились въ громадной пріемной, тогда какъ ушедшіе подняли на улицѣ цѣлый кошачій концертъ, свистѣли, орали, пѣли...

— Безобразничаютъ!—промолвилъ стоявшій въ группѣ рабочихъ смотритель Сандбакъ и махнулъ рукою. Взволнованный диспонентъ грузно опустился на широкую скамейку пріемной и тяжело дышалъ. Седерлундъ разговаривалъ съ оставшимися рабочими, стараясь выяснить причину преждевременнаго превращенія работъ на фабрикѣ.

— Это дѣло Ніеми Кусты, онъ все подстроилъ,—объяснялъ одинъ изъ стариковъ рабочихъ:—цѣлыми днями, точно досадливая муха, онъ такъ и жужжалъ надъ ухомъ: „требуйте прибавки“! Мы работаемъ у васъ много лѣтъ, обжились здѣсь, привыкли, а имъ чтò! они—пришлый, молодой народъ, горячія головы...

— Обойдемся и безъ нихъ, другихъ найдемъ.

Рабочій пожалъ плечами.

— Грозили: если начальство фабрики попробуетъ нанять другихъ рабочихъ, они силой погасятъ огонь подъ паровыми котлами электрическаго освѣщенія,—прошепталъ онъ.

— Не посмѣютъ!

— Плохо вы ихъ, г. инженеръ, знаете. Они ни передъ чѣмъ не остановятся. Ніеми Куста — человѣкъ, которому все равно, одно слово—головорѣзъ, а Рауха Каппери, его сожительница, по его слову, хоть всю фабрику взорветъ! Имъ никого и ничего не жаль: хотя бы теперь,—вѣдь больше четырехсотъ семействъ безъ хлѣба останутся!

— А еслибы мы могли выслать ихъ обоихъ отсюда, при помощи полиціи?

— Не дѣлайте этого, г. инженеръ: еще больше ихъ озлобите, убьютъ васъ.

— Я не боюсь,—усмѣхнулся Седерлундъ;—безъ нихъ, зато, все успокоится.

— Ну, едва-ли; найдутся и другіе крикуны: Олли Юнтуненъ, Матти Сорса, ихъ друзья, надѣлаютъ еще больше непріятностей.

Успокоившійся диспонентъ подошелъ къ говорившимъ.

— Продолжайте работу, — обратился онъ къ рабочимъ:—я всѣмъ вамъ охотно прибавлю, разъ вы не послѣдовали за этими негодяями! Многіе изъ васъ—второй смѣны, значитъ, ночью работа не остановится. Отправляйтесь по своимъ мѣстамъ, что время терять даромъ! — закончилъ онъ, дружески похлопывая рукой по плечу стараго рабочаго.

Пріемная быстро опустѣла. Оба компаньона прошли въ контору.

— Какъ же быть, Фабіанъ?—спросилъ инженеръ.

— Переждемъ, Эрикъ, пока, можетъ быть, опамятуются...

— А если нѣтъ?

— Наберемъ новыхъ! — рѣшительно отвѣтилъ диспонентъ.— Я не могу допустить, чтобы посторонніе агитаторы вмѣшивались въ отношенія между рабочими и мною!.. Они не постѣснились остановить широкую дѣятельность фабрики и лишить заработка и пропитанія восемьсотъ человѣкъ!

— Лучше бы какъ-нибудь сойтись съ ними; не то время, чтобы ссориться съ этой силой.

Хагманъ упрямо мотнулъ головой.

— Какъ хочешь, это твое дѣло, а все же подумай! — настойчиво повторилъ Седерлундъ.

Диспонентъ ничего ему не отвѣтилъ, дѣлая видъ, что онъ погрузился въ работу.

III.

Недостатокъ въ рабочихъ быстро сказался. Ночная смѣна еле выработала половину нужнаго количества. Седерлунду пришлось, во избѣжаніе полной остановки, вступить осторожно въ переговоры съ ушедшими рабочими.

Въ тотъ же день они подали въ правленіе фабрики заявленіе, что не намѣрены продолжать переговоры на предлагаемыхъ правленіемъ условіяхъ. На работу согласятся стать только по установленіи примирительнаго соглашенія и продолжаютъ настаивать на обратномъ принятіи на фабрику работницы Каппери.

— На это соглашеніе съ ними я не пойду!—сердито сказалъ диспонентъ: — дѣвчонки этой я ни за что не верну на фабрику; тогда всѣ въ глаза мнѣ будутъ смѣяться. Я сегодня же поѣду самъ подыскивать новыхъ рабочихъ.

— Не ѣзди, слушай меня, Фабіанъ, постарайся уладить какъ-нибудь съ ними,—совѣтовалъ инженеръ.

— Нѣтъ, сто разъ нѣтъ, — упрямо повторялъ Хагманъ, и въ тотъ же день, подъ вечеръ, уѣхалъ въ городъ для найма новыхъ рабочихъ.

Отъѣздъ диспонента и причины, вызвавшія его, не прошли незамѣченными и скоро стали извѣстны всѣмъ на фабрикѣ, достигли и до ушей забастовавшихъ рабочихъ.

— Если на то пошло, то покажемъ мы себя,—сказалъ Ніеми Куста:—сегодня ночью я взорву котлы электрическихъ машинъ.

Молодой парень, яркій типъ убѣжденнаго соціалиста-революціонера, подговорилъ обоихъ своихъ пріятелей, Олли и Матти, а также свою сожительницу, Рауху Капперн, и вмѣстѣ съ ними отправился на фабрику.

Пробраться во внутрь ея было нелегко, тѣмъ болѣе, что, въ виду тревожныхъ обстоятельствъ, число сторожей было значительно усилено, спущены на веревкахъ собаки.

— Ловко устроились, ни откуда не попасть!—ворчалъ Ніеми, тщетно пытаясь проникнуть.—Какъ же быть?

— Я знаю, какъ пробраться, Куста,—предложила Рауха,—только это удобно мнѣ одной сдѣлать...

Рабочіе недовѣрчиво ее слушали.

— А какъ ты надумала?—спросилъ Куста.

— Слушайте. Ночью работы въ заводѣ не такъ много, какъ днемъ, а въ особенности теперь, когда народу стало меньше, воды изъ водопада пускаютъ совсѣмъ мало. Большой жолобъ почти пустъ; я пролѣзу сквозь него, попаду въ турбинное отдѣленіе,—оно недалеко отъ электрическихъ котловъ,—заложу подъ нихъ по динамитному патрону, а сама бѣгомъ опять въ жолобъ и уйду.

Смѣлый планъ дѣвушки поразилъ рабочихъ.

— Молодецъ! — съ восхищеніемъ воскликнулъ Ніеми: — смѣла же ты, Рауха, придумала ловко! А мы тебя подождемъ у водопада.

Разъяснять планъ было нечего, все было такъ понятно. Скоро они достигли отверстія жолоба. Слова Раухи оправдались: вода бѣжала въ него слабою струею, главная сила водопада была спущена черезъ шлюзъ.

Туго обвязавъ юбку веревкой, спрятавъ динамитные патроны на груди, дѣвушка смѣло спустилась въ отверстіе громаднаго жолоба и исчезла въ немъ; не перестававшая бѣжать струя воды хотя и промочила ея одежду насквозь, но помогала ей самой

передвигаться гораздо скорѣе. Сырость воды замѣняла ей отчасти и воздухъ. Не много прошло времени, какъ звонкое шлепанье турбинныхъ лопастей по водѣ заставило ее ловко вылѣзти изъ жолоба и осторожно спуститься на землю.

Съ прилипшими къ тѣлу сырыми юбкой и рубашкой, Рауха, какъ тѣнь, перебѣжала изъ турбинной въ освѣтительное отдѣленіе, — стараясь не быть замѣченной, — хотя въ этомъ особой опасности и не предвидѣлось, такъ какъ небольшое число оставшихся на фабрикѣ рабочихъ были на своихъ мѣстахъ,—турбинная была пуста, а изъ освѣтительнаго отдѣленія мастеръ куда-то вышелъ. Заложить патроны подъ котлы и прицѣпить къ нимъ бикфордовъ шнуръ было для ловкой дѣвушки недолго. Она сейчасъ же, не дожидаясь результатовъ своей преступной работы, отправилась тѣмъ же путемъ, черезъ жолобъ, обратно.

На этотъ разъ пробираться ей пришлось тяжелѣе: бѣгущая вода задерживала все-таки ея движеніе; къ тому же жолобъ постепенно повышался; приходилось ползти, придерживаясь за его стѣнки. Ноги скользили о выглаженное водою, отъ времени даже илистое дно жолоба, пальцы срывались отъ напряженныхъ усилій, дыханіе усиливалось, а воздуху было мало. Рауха задыхалась; она настойчиво подвигалась впередъ, не переставая думать о взрывахъ, которые каждую минуту должны были послѣдовать.

Дѣвушка добралась почти до конца своего труднаго пути, когда позади нея, гдѣ-то внизу, точно кто-то громко вздохнулъ, и звукъ оглушительно раздался по жолобу. Неожиданно ворвавшійся токъ свѣжаго воздуха выкинулъ ее изъ жолоба. Она упала на мягкій талый снѣгъ и со страхомъ ожидала второго взрыва, но онъ не послѣдовалъ. Рауха пыталась приподняться, но не могла, и только застонала: обломками разрушеннаго жолоба ей ударило по плечу и больно ушибло ногу.

На стоны ея прибѣжали дожидавшіе ее рабочіе; Олли и Матти понесли ее домой, а Куста остался дожидать результатовъ взрыва...

Ярко освѣщенная фабрика сразу погрузилась во тьму. Оттуда неслись крики, а тамъ царило смятеніе. Куста довольно улыбнулся, погрозилъ для чего-то кулакомъ и пошелъ по дорогѣ къ фабрикѣ.

IV.

Почти у самыхъ зданій ея онъ остановился и прислушался. Шумъ на фабрикѣ не прекращался. Куста подошелъ ко входу.

Странное чувство какой-то двойственности охватило молодого парня: онъ радовался разрушенію, которое онъ внесъ сюда, и въ то же самое время на душѣ у него легъ тяжелый камень сомнѣнія, хорошо ли онъ поступилъ, что уничтожилъ учрежденіе, благодаря которому кормилась такая масса людей.

Какъ убійцу притягиваетъ то мѣсто, гдѣ онъ убилъ человѣка, такъ и Кусту тянула эта фабрика. Пользуясь, что у входа не было сторожа, убѣжавшаго къ мѣсту взрыва, молодой агитаторъ вошелъ въ темную пріемную. Ему стало неожиданно жутко. Изъ фабрики несся неясный гулъ голосовъ; идти туда Куста не рѣшался.

Ему послышались шаги по темному проходу; кто-то шелъ въ пріемную.

— Это возвращается сторожъ!—рѣшилъ Ніеми, но вмѣсто сутуловатаго сторожа Пуро передъ агитаторомъ выросла рослая фигура Седерлунда; Куста сразу узналъ его и невольно вздрогнулъ.

— Кто здѣсь?—громко спросилъ инженеръ, замѣтивъ его.

— Я!—смѣло отозвался Ніеми.

— Куста Ніеми! Разумѣется, кто же, кромѣ тебя, рѣшился бы сюда явиться, чтобы полюбоваться своею подлою работою, негодяй!

— Я сдѣлалъ только то, что̀ меня обязывалъ долгъ въ защиту угнетенныхъ капиталомъ рабочихъ! Повторяю, что сдѣлаю это второй, третій, въ тысячный разъ, если это будетъ нужно!

— Послушалъ бы ты, какъ стонутъ два обожженные и раненые рабочіе, не сталъ бы тогда пѣть гимны своему безчеловѣчному поступку!—съ негодованіемъ проговорилъ Седерлундъ и подошелъ ближе къ Ніеми.

— Пусть кричатъ, страдаютъ, мучатся! Они—жертвы капитала, а не моего дѣла,—это они скоро сами поймутъ, я имъ объясню.

— Едва-ли! Отсюда ты не уйдешь.—Инженеръ быстро обошелъ молодого человѣка и загородилъ ему выходъ на улицу.

— Пустите!—сжимая губы, настойчиво сказалъ агитаторъ.

— Не выпущу.

— Пустите, иначе будетъ худо,—повторилъ Куста; слышно было, какъ голосъ его дрожалъ.

Фигура Седерлунда попрежнему загораживала выходъ.

Ніеми, какъ кошка, бросился къ нему и острой пукой ударилъ въ нижнюю часть живота. Инженеръ громко вскрикнулъ и перегнулся навзничь, черезъ перила.

Убійца не сталъ медлить, стрѣлою промчался по узкому проходу и скрылся на улицѣ.

Громкій разговоръ и крикъ, стоны раненаго привлекли вниманіе бывшихъ на фабрикѣ рабочихъ,—въ пріемную вбѣжали люди. Кто-то чиркнулъ спичкой.

— Инженеръ убитъ!—послышались испуганные голоса.

Раненаго осторожно положили на скамейку, побѣжали за врачомъ, находившимся внутри фабрики.

Седерлундъ продолжалъ тихо стонать; онъ не могъ говорить отъ боли.

— Переносить его сейчасъ опасно,—рѣшилъ докторъ, осмотрѣвъ раненаго: — у него порѣзанъ сальникъ, пробита печень. Дѣло плохо, едва-ли до разсвѣта выживетъ!

Вѣсть объ убійствѣ быстро облетѣла весь фабричный поселокъ, на фабрику явились многіе изъ бастующихъ рабочихъ.

— Вы его убійцы, — обвиняли ихъ не забастовавшіе товарищи, —вашъ союзъ приказалъ его убить.

— Неправда, — горячо возражали забастовщики: — нашъ союзъ никому не только не приказывалъ убивать, но не давалъ даже права на это.

— Пока не услышимъ отъ самого инженера имя его убійцы — не повѣримъ.

Послѣ долгихъ усилій, эѳирныхъ вспрыскиваній, врачу удалось привести въ чувство раненаго. Тяжело полуоткрылись мутные глаза, на нихъ лежала уже печать смерти, дыханіе съ трудомъ вырывалось изъ груди. Этой минутой воспользовались обвиняемые рабочіе.

— Господинъ инженеръ, мы просимъ васъ, какъ честнаго человѣка, скажите всѣмъ открыто, виновенъ ли въ нанесеніи вамъ раны нашъ рабочій союзъ?

Седерлундъ вперилъ тусклые зрачки въ спрашивающаго его рабочаго и слабо, но отчетливо отвѣтилъ:

— Нѣтъ, организованный союзъ рабочихъ не виновенъ!

Оправданные рабочіе торжествующе взглянули на своихъ обвинителей.

— Скажи, кто же тебя ранилъ? — допытывалъ диспонентъ инженера.

— Скажу, но не здѣсь, не людямъ, а Богу! Онъ насъ разсудитъ!—медленно, но твердо сказалъ раненый. Разспросы утомили его; онъ снова закрылъ глаза, грудь стала опускаться все тише, на закрытыя вѣки легли синеватыя тѣни. Какой-то неясный не то вздохъ, не то стонъ вырвался изъ его груди, вы-

сокая фигура инженера еще больше вытянулась,—Седерлунда не стало.

Черезъ часъ послѣ его смерти забастовщики послали въ свою газету „Työmies“, въ Гельсингфорсъ, телеграмму: „Мы, рабочіе, признали, что инженеръ Седерлундъ честно исполнилъ свой долгъ гражданина, объявивъ на смертномъ одрѣ о невинности организованныхъ рабочихъ въ его смерти“.

V.

На свѣтѣ ничего нѣтъ вѣчнаго. Прошло двѣ недѣли послѣ убійства Седерлунда, диспонентъ снова сошелся съ забастовавшими рабочими, на мѣстѣ убитаго появился его замѣститель, молодой инженеръ, очень оживленный, веселый.

Заболѣвшій фабричный организмъ выздоровѣлъ, работа снова закипѣла, срочные заказы не могли мириться съ задержкой, колесо промышленнаго труда стремительно завертѣлось снова. Баставшіе рабочіе хотя и не знали настоящихъ виновниковъ убійства Седерлунда и взрыва котловъ электрическаго освѣщенія, но инстинктивно сторонились Кусты Ніеми и его сожительницы и общимъ голосомъ просили диспонента не брать ихъ на фабрику.

Послѣдній былъ очень доволенъ этимъ постановленіемъ и охотно на него согласился.

Куста съ Раухой ушли изъ поселка, возмущенные неблагодарностью рабочихъ, ради которыхъ они „старались“.

— Намъ не нужно вашихъ стараній,—сказалъ имъ на прощанье одинъ изъ рабочихъ.—Мы обошлись бы и безъ нихъ.

— Вспомните о насъ, какъ диспонентъ съ его деньгами сядетъ вамъ совсѣмъ на шею! — грозилъ Ніеми, уходя изъ поселка.

Убійство хозяйскаго родственника, взрывъ на фабрикѣ—временно примирили рабочихъ съ диспонентомъ, но крѣпко вкоренившаяся съ нѣкоторыхъ поръ рознь между трудомъ и капиталомъ не погасла.

Новые всесословные выборы въ сеймъ были не за горами; прежняя система ихъ давала большія преимущества богатымъ и знатнымъ быть въ большинствѣ на сеймѣ и распоряжаться краемъ по своему усмотрѣнію.

Младо-финская партія, представлявшая изъ себя силу капитала, и шведоманская, олицетворявшая собою дворянство, не обращали никакого вниманія на остальныя партіи, которыя, несмотря

на свой количественный перевѣсъ, не имѣли до сихъ поръ никакого значенія, благодаря прежнимъ условіямъ выборовъ.

Но теперь сразу все перемѣнилось: передъ младо-финнами и шведоманами встала грозная сила народа и людей труда въ лицѣ старо-финской партіи и соціалъ-демократовъ; къ нимъ присоединились еще аграрный союзъ и партія христіанскаго направленія. Но шведы и младо-финны, такъ долго державшіе власть въ своихъ рукахъ, не представляли себѣ ясно настоящей опасности и попрежнему презрительно смотрѣли и относились къ своимъ противникамъ, что не мѣшало имъ дѣятельно готовиться къ выборамъ, мобилизировать свои силы и подсчитывать голоса.

Не дремали и ихъ соперники,—они тоже собирались на митинги, агитировали въ деревняхъ, селахъ, по торпамъ, въ народныхъ школахъ, на фабрикахъ, заводахъ, на каменоломняхъ, среди рыбаковъ, лѣсопромышленниковъ. Немало помогъ имъ и новый законъ, согласно которому женщина получила на выборахъ тѣ же права, какъ и мужчина, т.-е. избирать и быть самой избираемой.

Первый разъ въ Европѣ она стала равноправна мужчинѣ.

Финская женщина проникнулась этимъ сознаніемъ; она поняла, что многое, о чемъ теперь могутъ мечтать, какъ о несбыточной мечтѣ, утопіи, можетъ, при ея энергичномъ содѣйствіи и начинаніи, осуществиться во-очію.

Женскіе союзы и общества принялись усиленно агитировать среди женщинъ всѣхъ слоевъ общества, причемъ выяснилось, что большинство ихъ симпатій—на сторонѣ народной партіи.

VI.

Въ фабричномъ поселкѣ тоже дѣятельно готовились къ выборамъ. Помимо собраній разныхъ политическихъ партій среди мужчинъ, жены рабочихъ и сосѣднихъ крестьянъ и торпарей тоже собирались часто въ мѣстной школѣ.

— У меня въ школѣ для васъ удобно,—привѣтливо приглашала союзница Алла Аураненъ, пожилая учительница, чрезвычайно сочувствовавшая женскому равноправію. Сама она не рѣшалась выступать ораторшей, ей мѣшали ея природная застѣнчивость и уродство. Аураненъ была горбата, но, несмотря на это, вопреки сложившемуся убѣжденію, что всѣ горбатые — злы, рѣдко было встрѣтить существо болѣе привѣтливое, отзывчивое на всякое горе. Она привязывалась всѣмъ своимъ незлобливымъ сердцемъ

къ ученикамъ и ученицамъ своей школы. Въ свою очередь они также любили ее.

Въ поселкѣ ее прозвали „Добрый верблюдъ", но это названіе было ей дано не въ виду ея уродства, а только благодаря случайности. Одинъ изъ дѣтей читалъ въ классѣ какую-то нравоучительную сказку, въ которой верблюдъ игралъ добродѣтельную роль и спасалъ своего хозяина отъ разбойниковъ.

— Ты знаешь, что̀ такое верблюдъ,—спросила учительница одного мальчика:—на что̀ онъ походитъ?

— Знаю, тетя Алла.

— А ну, скажи!

— На тебя, тетя: ты такая же добрая, какъ и онъ,—увѣренно отвѣтилъ ребенокъ.

Учительница поблѣднѣла; съ перваго раза ей пришла въ голову мысль, что мальчика кто-нибудь подучилъ сказать это, чтобы посмѣяться надъ ея физическимъ недостаткомъ, и она, внутренно волнуясь, ожидала, что остальныя дѣти сейчасъ же начнутъ надъ нею смѣяться, но всѣ они смотрѣли на учительницу серьезно, въ особенности въ глазкахъ предполагаемаго маленькаго виновника она прочитала одну дѣтскую наивность, и успокоилась.

Съ тѣхъ поръ это прозвище осталось за нею и не только не сердило учительницу, но даже доставляло ей удовольствіе.

Иногда—послушать, какъ разсуждаютъ „бабы"—заходили въ школу и рабочіе съ фабрики. Для нихъ это было до сихъ поръ неслыханное дѣло; отчасти это ихъ занимало, но съ нѣкоторыхъ поръ мужчины стали относиться болѣе серьезно къ женскому равноправію.

— Слышали новость? — сказала другая учительница, Ида, статная, высокая блондинка, жена Эро Рауніо, работника на фабрикѣ, входя въ помѣщеніе школы послѣ окончанія классовъ. И не дожидаясь отвѣта отъ Аллы, пріостановившейся вязать свой неизмѣнный чулокъ, она, точно торопясь передать новость, продолжала:

— Хилья Ярвиненъ пріѣхала изъ Америки!

Дѣйствительно, эта новость была неожиданной для учительницы. Хилья Ярвиненъ заставила своего мужа, Тайво, зажиточнаго торпаря, бросить свою торпу, которую обрабатывали еще его отецъ и дѣдъ, и переселиться въ Америку.

— Она вернулась! Послѣ того, какъ сама говорила, что никогда ея нога не ступитъ на землю Суоми! И Тойво съ нею?—спросила Алла, снова принимаясь механически за спицы.

— Нѣтъ, онъ остался тамъ; она одна прискакала сюда,—заслышала о полученныхъ нами правахъ.

— Вотъ какъ! Иначе я ничего не могу и придумать; они уѣхали въ Америку еще нѣтъ и года...

— Тетя Алла, мнѣ кажется, выборы выборами, а Куста Ніеми самъ по себѣ!—злорадно замѣтила Ида о сплетнѣ относительно связи Хильи съ ушедшимъ съ завода агитаторомъ.

По лицу горбатой промелькнула печальная улыбка.

— Ахъ, Ида, къ чему вспоминать глупыя сплетни, тѣмъ болѣе теперь, когда Куста не находится больше на заводѣ!

— Я такъ просто, въ шутку...—смутилась молодая женщина замѣчаніемъ учительницы. Красивый парень нравился ей самой, и въ прошломъ году она не разъ ссорилась со своею счастливой соперницею, Хильей.

— Она, вѣроятно, явится на наше завтрашнее собраніе,—высказала свое предположеніе учительница.

— Непремѣнно! Развѣ такая горланка лишитъ себя удовольствія поговорить? Въ прошломъ году она рвалась на митинги къ мужчинамъ, да ее никуда не пускали! Будь моя воля, я запретила бы ей у насъ говорить.

— Она теперь ужъ не наша, американка! — презрительно протягивая послѣднее слово, закончила Ида.

— Пусть говоритъ, запрещать это мы никому не можемъ; я увѣрена, что она выскажетъ не мало чего полезнаго; цѣлый годъ, прожитый въ чужой странѣ, научилъ ее многому.

— Какъ заводить новыхъ любовниковъ!—не вытерпѣла Ида похвалы своей бывшей соперницѣ.

— Къ чему такой упрекъ, фру Рауніо?—покачавъ головой, сказала горбатая.

Ида поспѣшно протянула ей руку, и выбѣжала изъ школы.

Февральскій день спокойно догоралъ; солнце почти уже зашло, только послѣдніе лучи его расплавленнымъ золотомъ разлились по стекламъ верхней части большого окна, кидая рѣзкія тѣни, уходившія все выше и выше.

Солнце погасло.

Мягкое, еле видимое, скорѣе ощущаемое, покрывало сумерекъ проникло въ классную и затушевало дальніе углы. Въ большой, пустой комнатѣ чувствовался покой; сошелъ онъ и въ душу учительницы Аураненъ, этого одинокаго существа. Она наслаждалась имъ послѣ шумнаго школьнаго дня, сидя въ креслѣ-качалкѣ, этой непремѣнной принадлежности каждаго финскаго дома. Мысли Аллы, вопреки ея волѣ, проникали во всѣ тайники ея сердца, будили въ нихъ уже заснувшія надежды, мечты...

Все это было въ прошломъ; настоящее отзывалось слишкомъ суровой дѣйствительностью.

Учительница вспомнила время, когда она была еще молоденькой дѣвушкой, дочерью богатаго купца. Положеніе единственной наслѣдницы было завидное, на ея уродство не обращали вниманія, отъ жениховъ не было отбою; въ особенности ей нравился Фабіанъ Хагманъ, тогда еще служившій бухгалтеромъ у ея отца.

Красивый молодой человѣкъ сдѣлалъ ей предложеніе, но старикъ отецъ Аллы, грустно улыбнувшись, сказалъ ей:

— Не вѣрь ему, онъ не любитъ тебя, ему нужны только твои деньги!

Привыкшая вѣрить во всемъ отцу, Алла, послѣ долгаго колебанія, отказала бухгалтеру, несмотря на то, что сама его любила.

Неудачныя спекуляціи пошатнули денежныя обстоятельства старика Ауранена, онъ разорился.

Всѣ женихи сразу исчезли изъ ихъ дома,—кому изъ нихъ нужна была въ жены бѣдная дѣвушка и притомъ еще съ физическимъ недостаткомъ; о мягкомъ, впечатлительномъ ея сердцѣ, о чудной душѣ никто не хотѣлъ и думать. Отсталъ и Хагманъ, продолжавшій ухаживать за нею, несмотря на отказъ...

Вспомнились старой дѣвушкѣ ея занятія въ университетѣ, куда она поступила послѣ смерти отца, ея первая медаль, дипломъ на доктора философіи, ея печатные труды и „Методика начальнаго элементарнаго обученія“ и „Женщина какъ свѣточъ истинно-христіанской любви“, получившіе такую широкую распространенность и...

Кто-то постучалъ въ дверь. Алла вздрогнула, мечты о прошломъ разлетѣлись, она вернулась къ дѣйствительности, къ скромной, но полезной дѣятельности народной учительницы въ фабричномъ поселкѣ.

VII.

— Войдите, дверь не заперта!—громко сказала Алла.

Въ комнату вошла скромно, но чисто одѣтая женщина; Алла сейчасъ же ее узнала.

— Это вы, фру Хилья Ярвиненъ,—милости просимъ, очень рада васъ видѣть, хотя и не ожидала такъ скоро встрѣтиться; садитесь.

— По правдѣ сказать, я и сама не думала, что такъ скоро вернусь на родину, тетя Алла,—отвѣтила Хилья, садясь на низенькую скамейку за одну изъ партъ. Ея низкій голосъ, довольно

пріятный, немного хрипѣлъ; въ сгущавшихся все больше и больше сумеркахъ трудно было разсмотрѣть лицо пришедшей.

— Хорошо ли устроились на новомъ мѣстѣ? — заботливо спросила учительница.

— Очень хорошо: земли купили достаточно и недорого, земля хорошая, обстроились немного, урожай одинъ уже сняли. По правдѣ сказать, все устроилось лучше, чѣмъ ожидали. Тойво сначала скучалъ по родной странѣ, теперь привыкъ...

— Ну, а вы, фру Ярвиненъ, тоже привыкли? вы вѣдь такъ стремились отсюда уѣхать!

Молодая женщина молчала, опустивъ голову.

— Не буду предъ вами скрываться, тетя Алла; мнѣ оказалось это не подъ силу! Океанъ отдѣлялъ отъ меня родную Суоми, но мысль о ней ни на минуту меня не покидала. Тщетно пыталась я забыться въ работѣ,—меня тянуло сюда все сильнѣе и сильнѣе... Но я все же крѣпилась. Когда же къ намъ, въ Канаду, пришло извѣстіе, что женщина получила избирательныя права, что для дѣятельности ея открыта широкая дорога, я была не въ силахъ оставаться тамъ дольше и вернулась сюда!

— А вашъ мужъ, фру Ярвиненъ?

— Онъ не хотѣлъ покидать землю, онъ сталъ къ ней привыкать... Я обѣщала ему черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вернуться,— чуть слышно проговорила Хилья.

Въ комнатѣ стало совсѣмъ темно. Учительница встала съ качалки и зажгла лампу; свѣтъ лѣниво поползъ по всѣмъ закоулкамъ классной, освѣтилъ онъ и сидѣвшую на скамейкѣ гостью.

Высокаго роста, съ немного рѣзкими чертами темноватаго лица, съ черными, вьющимися волосами, блестящими темнокарими глазами, она ничѣмъ не напоминала финку.

Кочевавшій цыганскій таборъ, снявшійся поспѣшно ночью со становища, преслѣдуемый полиціей за конокрадство, впопыхахъ забылъ малютку—дѣвочку лѣтъ трехъ. Зажиточная вдова Ильмариненъ воспитала ее и выдала замужъ за торпаря Тойво Ярвиненъ.

Вотъ происхожденіе Хильи, объясняющее ея чуждый для Финляндіи типъ.

Она училась здѣсь же у Аллы, и, благодаря своей находчивости, способностямъ, живости характера, была ея любимицей.

— Я остановилась у моей названной матери,—поспѣшила объяснить Хилья, точно ожидая этого вопроса со стороны хозяйки.

— А у насъ, слышали, какія непріятности были на заводѣ?— замѣтила послѣдняя.

— Да, мнѣ говорили! Ихъ нужно было предвидѣть: диспонентъ самъ во многомъ виноватъ.

Учительница вздрогнула; рѣзкое замѣчаніе Хильи относительно Хагмана, къ которому старая дѣвушка до сихъ поръ чувствовала невольную слабость, обидѣло ее.

— Седерлунда мнѣ жаль; онъ былъ прямой и честный человѣкъ; жаль, что вмѣсто него не убили диспонента.

Алла не могла сдержать дольше своего негодованія.

— Къ чему такое жестокое желаніе, Хилья? Этого Хагманъ не заслужилъ.

— А инженеръ еще меньше его! Кто убилъ?—послѣдовалъ ея короткій вопросъ.

— Этого никто не знаетъ,—уклонилась отъ прямого отвѣта Алла.

— Мнѣ говорили, что подозрѣваютъ Кусту Ніеми...

Хилья сразу замолчала, рѣзкимъ движеніемъ повернула голову и, уставившись глазами въ лицо хозяйки, отчетливо сказала:

— Я увѣрена, что убилъ онъ! Ніеми одинъ способенъ на это дѣло, середины онъ не признаетъ. Жаль, что онъ самъ не признался; инженеръ поступилъ честнѣе его,—не выдалъ имени убійцы!

Разговоръ объ убійствѣ, уже успѣвшемъ утратить свой острый интересъ, былъ непріятенъ для Ауранейъ; ей невольно вспомнились всѣ подробности его, и чувствительное сердце старой дѣвушки снова забилось.

— Я знаю, куда ушелъ Куста,—продолжала Хилья:—онъ у торпарей въ баронскомъ имѣніи, агитируетъ среди нихъ и, кажется, успѣшно; баронъ успѣлъ уже принести имъ много непріятностей!

— Откуда, Хилья, вы все это знаете?—изумилась Алла:—вѣдь вы всего только со вчерашняго дня здѣсь!

— Чтобы узнать о человѣческихъ несправедливостяхъ, достаточно одного мгновенія; хорошія вѣсти узнаются гораздо позднѣе!

— Нужно сознаться, что это такъ; а лучше, еслибы это было наоборотъ!

— Лучше — еслибы совсѣмъ зло исчезло! — перебила ее гостья и, потягиваясь, поднялась съ неудобной скамейки.

— Завтра у васъ въ школѣ собраніе женскаго союза,—я приду,—прощаясь съ учительницей, проговорила Хилья и медленно вышла изъ классной. Алла задумчиво посмотрѣла ей вслѣдъ; рѣзкость сужденій молодой женщины ее поражала.

— Это не то, что я,—прошептала Алла: — у нея большой характеръ!

VIII.

Вечеромъ на другой день школа начала наполняться женщинами изъ фабричнаго поселка; собранію предстояло разобраться въ нѣсколькихъ важныхъ вопросахъ, первымъ изъ которыхъ былъ вопросъ о всеобщей трезвости, проведеніе котораго въ жизнь, какъ законопроекта въ новомъ всесословномъ сеймѣ, ожидался большинствомъ женщинъ.

Въ немъ онѣ видѣли единственное спасеніе своихъ семей и себя отъ нищеты, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже отъ тюрьмы и больницы.

Идея Матти Хеленіуса, этого поборника трезвости, съ быстротою молніи облетѣла всю страну. Едва-ли когда-нибудь она была такъ горячо привѣтствуема.

Кромѣ различныхъ союзовъ трезвости, за нее ухватилась партія христіанскаго направленія, и это дало ей возможность пополнить свои ряды женщинами.

На сегодняшнемъ собраніи союза долженъ былъ рѣшиться вопросъ, нужно ли для успѣха борьбы съ алкоголемъ присоединяться къ партіи христіанскаго направленія и проводить его кандидатовъ и кандидатокъ въ сеймъ, или же оставаться въ болѣе близкихъ къ нимъ по общимъ интересамъ партіяхъ старофинской и соціалъ-демократической, поддерживая ихъ кандидатовъ?

Вторымъ вопросомъ было поставлено обсужденіе о немедленномъ уничтоженіи регламентированной проституціи; законопроектъ относительно этого вопроса долженъ былъ быть внесеннымъ однимъ изъ первыхъ въ новый сеймъ.

Его уже докладывали въ сенатѣ по ходатайству партіи христіанскаго направленія, союза трезвости женщинъ Финляндіи и союза нравственности „Бѣлая лента"; но сенатъ, принципіально согласившись съ этими ходатайствами, назначалъ особую коммиссію для разработки проекта мѣръ.

Такое промедленіе не нравилось женщинамъ,—онѣ желали болѣе скораго рѣшенія этого вопроса.

Администрація завода косо посматривала на эти собранія въ школѣ, но воспретить ихъ не могла. Сенатъ спохватился немного поздно, когда опасность отъ подобныхъ собраній для успѣха шведской и младо-финской партій стала очевидною, и выпустилъ

новый законъ о нихъ, но вступить въ силу онъ могъ не раньше конца февраля,—и потому союзы попрежнему собирались безпрепятственно. Чуть ли не всѣ женщины изъ поселка явились въ школу; не пришли только пасторша, ярая шведоманка, да нѣсколько женъ рабочихъ-шведокъ. Дочь короннаго лэндсмана, Елена Фриманъ, шведка, тѣмъ не менѣе явилась; несмотря на вражду, существовавшую между обѣими націями, она сочувствовала женской равноправности и много говорила на собраніяхъ союза. Кромѣ вышеупомянутыхъ существенныхъ вопросовъ, большинство женщинъ привлекло сюда появленіе Хильи Ярвиненъ; она слыла въ поселкѣ одною изъ энергичныхъ дѣятельницъ женскаго движенія.

Характерный тюркскій типъ лица преобладалъ среди собравшихся; круглое, мало выразительное лицо съ выдающимися скулами, съ маленькими глазами, свѣтлые, въ большинствѣ случаевъ, волосы, приземистыя, ширококостыя фигуры съ угловатыми движеніями—вотъ портретъ большинства финскихъ женщинъ.

Только стройная брюнетка Хилья, высокая, миловидная Ида Рауніо да хрупкая блондинка дочь лэндсмана выдѣлялись среди нихъ.

Обычной женской болтовни, трескотни на этотъ разъ не было слышно,—угрюмыя финки рѣдко смѣются, въ особенности когда онѣ сознаютъ важность обсуждаемаго ими дѣла.

Большое помѣщеніе классной было переполнено. Всѣ скамейки у партъ и самыя парты были заняты; сидѣли даже на подоконникахъ. Для предсѣдательницы былъ поставленъ у дальней стѣны небольшой столъ.

Съ послѣднимъ ударомъ восьми часовъ мѣсто это заняла Елена Фриманъ; она отлично исполняла обязанности предсѣдательницы, и потому оставалась на всѣхъ собраніяхъ женщинъ несмѣняемою.

При звукѣ колокольчика сразу замолкли даже тѣ тихіе разговоры, которые велись среди различныхъ группъ собравшихся.

— Я не буду говорить вамъ о важности разсматриваемыхъ нами сегодня вопросовъ,—обращаю вниманіе на Хилью Ярвиненъ, присутствующую здѣсь, среди насъ. Она вернулась изъ далекой страны, изъ Америки, гдѣ многое для борьбы съ алкоголемъ уже сдѣлано, а потому прошу ее, отъ имени собранія, подѣлиться съ нами своими знаніями.

Женскій рой зашумѣлъ, выражая свое согласіе съ предсѣдательницей.

— Просимъ Хилью Ярвиненъ, пусть она намъ разскажетъ!—послышались голоса.

Стройная фигура прибывшей поднялась среди женскихъ головъ; она поклонилась собравшимся и приготовилась говорить.

IX.

— Вы меня просите разсказать вамъ, какъ борются ваши американскія сестры съ нашимъ общимъ врагомъ, алкоголемъ,— раздался голосъ Ярвиненъ среди воцарившейся въ комнатѣ тишины.—Къ сожалѣнію, я слишкомъ мало времени была въ этой странѣ, но то, что̀ мнѣ удалось узнать и самой видѣть, я вамъ сообщу. — Борьба со спиртными напитками идетъ жестокая, а въ штатѣ Юва женщинамъ удалось, соединившись вмѣстѣ, начать наступленіе на своего врага. Онѣ уничтожили, гдѣ только могли, бочки, бутылки, фляги съ виски, съ ромомъ, коньякомъ, пивомъ и другими спиртными напитками. На защиту своего исконнаго друга — алкоголя — стали мужчины; во многихъ поселкахъ происходили драки, но въ концѣ концовъ женщины вышли побѣдительницами. Въ штатѣ запрещены закономъ выдѣлка и продажа спиртныхъ напитковъ.—Результаты этого воспрещенія получились блестящіе: число больныхъ значительно сократилось, точно также стало меньше преступленій, нѣкоторыя тюрьмы пустуютъ, и поговариваютъ даже о превращеніи ихъ въ богоугодныя заведенія. Нищета исчезаетъ, — я не говорю объ единичныхъ случаяхъ. Уменьшено и число полицейскихъ констэблей, а слѣдовательно и расходъ на нихъ. „Запретный законъ — пугали люди, имѣющіе выгоды отъ выдѣлки и продажи спиртныхъ напитковъ, — поведетъ за собою крайне неблагопріятныя послѣдствія: онъ сдѣлаетъ крупный переворотъ въ экономическомъ положеніи какъ казны, такъ и общины, принудитъ повысить налоги, вызоветъ неслыханный до сихъ поръ притокъ тайнаго ввоза алкоголя и его тайной продажи и тайнаго винокуренія,—однимъ словомъ, породитъ собою цѣлый переворотъ въ общественной и частной жизни и причинитъ массу народныхъ бѣдствій". И все это оказалось пустыми словами „bluff'омъ", какъ говорится въ Америкѣ. Я увѣрена, что, поднимая и ратуя за вопросъ всеобщей трезвости, финская женщина заслужила себѣ почетный вѣнокъ. Безъ сомнѣнія, примѣръ финскихъ женщинъ послужитъ образцомъ и ссылкой для женщинъ многихъ странъ.

Хилья воодушевилась къ концу рѣчи еще болѣе, обычная хрипота ея голоса исчезла,—онъ звучалъ мощно, красиво. Рѣчь ея

произвела большое впечатлѣніе; мало впечатлительнымъ, угрюмымъ финкамъ она очень понравилась.

— Изъ лагеря противниковъ трезвости выступаютъ личности, которыя стремятся ослабить значеніе запретнаго закона посредствомъ насмѣшекъ и подтруниванія надъ нимъ, говоря, что изъ этого ровно ничего не выйдетъ, что введеніе всеобщей трезвости— одна лишь мысль праздныхъ лѣнтяевъ, воздушные зáмки фантазёра, которому желательно щегольнуть красивой фразой о высокой идеѣ трезвости,—подтвердила тактическій пріемъ противниковъ председательница Фриманъ.

— Развѣ обездоленныя пьянствомъ мужей, отцовъ, сыновей— жены, матери и семьи, съ мольбой простирающія руки о спасеніи ихъ отъ нищеты, проклинающія это всесильное чудовище, имя которому алкоголь,—праздные лѣнтяи? Неужели ихъ слезы, ихъ горе и отчаяніе похожи на красивыя фразы фантазёра?—горячо возразила снова Хилья.—Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ, нашъ врагъ долженъ быть уничтоженъ, пощады для него не существуетъ,—слишкомъ много зла принесъ онъ человѣчеству!

Слова молодой женщины воодушевили многихъ изъ присутствующихъ; имъ самимъ было близко это горе: пьянство среди рабочихъ—обыденное явленіе.

Со скамейки поднялась совсѣмъ дряхлая старуха. Слабымъ, прерывающимся отъ волненія голосомъ она сказала:

— Всѣ меня здѣсь кличутъ бабушкой Альфильдой, а мнѣ еще нѣтъ полныхъ пятидесяти лѣтъ. Я стара, слаба, работать не въ силахъ,—а кто этому виноватъ? Водка! Она съѣла мою молодость, силы, я пропила разумъ! Скрывать не стану—я начала пить, какъ только вышла замужъ. Покойный мужъ самъ пріучилъ меня къ водкѣ; мы пили оба—и чтò же: самъ онъ сгорѣлъ отъ вина; изъ троихъ дѣтей, больныхъ, малосильныхъ, хилыхъ, выжилъ только одинъ, да и онъ не годится на трудную работу. Боритесь съ водкой, финскія женщины, не покладая рукъ; только уничтоживъ ее, вы вернете нашей Суоми благоденствіе и покой!

Воодушевившаяся на минуту, женщина тяжело опустилась на свое мѣсто; порывъ миновалъ,—она снова превратилась въ безпомощную старуху.

Черезъ-чуръ ярко представленъ былъ собравшимся вредъ отъ алкоголя, чтобы говорить еще объ этомъ болѣе. Онѣ молчали, вспоминая, сколько горя многимъ изъ нихъ также принесъ этотъ злой врагъ. Показная трезвость Финляндіи далеко не можетъ скрыть размѣровъ тайнаго пьянства, увеличивающагося годъ отъ году.

— Мы, женщины, должны помнить одно—что полученныя нами въ первый разъ избирательныя права должны быть использованы прежде всего на борьбу съ этимъ врагомъ!—резюмировала Елена Фриманъ сказанное.—Перейдемте теперь къ слѣдующему вопросу.

X.

Глубокіе корни пустилъ развратъ во всемъ мірѣ,—проросли они пышно и въ Финляндіи. Въ другихъ странахъ онъ вынесенъ на уличный просторъ, на него указываютъ пальцами,—здѣсь же, въ молчаливомъ, угрюмомъ краю, онъ такъ же, какъ и алкоголь, стыдливо прячется отъ людского взора, но это не мѣшаетъ ему процвѣтать.

Рѣдкая изъ присутствовавшихъ на собраніи женщина или дѣвушка не имѣла въ прошломъ, иная и въ настоящемъ, темнаго пятна. Объ этомъ знаютъ тихіе, озерные омуты, лѣсныя трясины. Не мало плодовъ увлеченія покоится въ мрачныхъ тайникахъ.

Внѣшняя суровость родителей, жестокіе до сихъ поръ, существующіе въ краѣ, средневѣковые шведскіе законы не мѣшаютъ финской женщинѣ, еще на порогѣ весны жизни, имѣть любовниковъ,—обычай этотъ настолько привился въ Финляндіи, что имѣетъ даже свои традиціи; заводская и фабричная промышленность внесла еще болѣе легкіе нравы.

Нѣкоторые изъ пасторовъ громятъ ихъ со своихъ церковныхъ каѳедръ, другіе относятся къ нимъ безразлично; за послѣднее время даже обнаружено нѣсколько случаевъ, когда лица изъ пасторовъ и народныхъ учителей сами обличены въ развратѣ со своими малолѣтними ученицами...

Про города и говорить не стоитъ,—развратъ тамъ составляетъ ихъ привилегію, въ особенности портовыхъ городовъ. Всевозможныя „бодеги“, торгующія испанскими винами—одновременно пріюты запрещенной любви.

— Кто хочетъ высказаться по поводу предложенія союза „Бѣлая лента“? — тихо спросила предсѣдательница; ей, близко знавшей многія обстоятельства фабричной жизни, какъ дочери лэндсмана, было неловко взглянуть на собравшихся женщинъ.

Всѣ онѣ сидѣли молча, съ угрюмыми, недовольными лицами, только глаза учительницы попрежнему наивно глядѣли на Елену.

— Никто не хочетъ говорить? — вторично спросила послѣдняя.

— Я!—раздалось въ заднихъ рядахъ, и къ столу подошла Ярвиненъ. Фриманъ изумленно на нее посмотрѣла, но уступила ей свое мѣсто и отошла въ сторону.

Недружелюбно взглянули на нее и остальныя женщины, среди нихъ послышался недовольный ропотъ. Хилья подмѣтила ихъ настроеніе; насмѣшливая улыбка искривила ея губы, она вызывающе крикнула собранію:

— Я замѣчаю, что на этотъ разъ вы недовольны, что я буду говорить! Я догадываюсь, что рѣдкая изъ васъ имѣетъ право опоясаться бѣлой лентой!

Безучастныя за минуту передъ тѣмъ лица, маленькіе глаза сонно смотрящіе изъ-подъ бѣлёсыхъ бровей, сразу оживились, въ нихъ вспыхнулъ злобный огонекъ.

— Я хочу ей отвѣтить! Позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ. Она насъ обидѣла, мы имѣемъ право возразить этой пришлой!—послышались голоса женщинъ; недавнее сочувствіе, съ которымъ приняли ея первую рѣчь, исчезло, симпатіи къ Хильѣ были сметены точно вихремъ. Враждебное чувство къ этой чужой по племени, по взглядамъ, по характеру женщинѣ, къ тому же переселившейся за океанъ, все больше и больше овладѣвало собравшимися.

Смущенная предсѣдательница не знала, что̀ ей дѣлать, кому позволить говорить.

— Слушай, ты, заморская!—раздался грубый голосъ учительницы Иды Рауніо изъ толпы женщинъ:—Много ты о себѣ возмнила! Вернулась изъ Америки бѣлѣе снѣга, святая, безгрѣшная!.. Должно быть, это тамъ водится—каждой шлюхѣ выдавать ангельскій дипломъ!

Поблѣднѣвшая Хилья вздрогнула, оперлась руками о столъ и хотѣла что-то отвѣтить разошедшейся соперницѣ, но та еще громче закричала:

— Забыла, должно быть, какъ прошедшій годъ съ Кустой Ніеми здѣсь хороводилась, а? Помнишь, какъ онъ тебя избилъ? Забыла, можетъ быть? Оттого и увезъ тебя Тойво въ Америку!

Какой-то радостный ревъ удовлетворенной обиды вырвался изъ сотни женскихъ глотокъ при грубомъ оскорбленіи, нанесенномъ ихъ товаркою пріѣзжей,—онѣ были отмщены лучше, чѣмъ могли ожидать.

— Молчала бы лучше, сама лѣзла къ парню,—сквозь зубы сказала Хилья, попрежнему не перемѣняя своего положенія.

Ида сдѣлала видъ, что не слышала ея словъ.

— Ужъ не ты ли, больше чѣмъ кто-нибудь, достойна обвя-

зать себя этой лентой? Посмотримъ,—неужели до этого дойдетъ твое нахальство!—продолжала истерично выкрикивать Ида.

— Замолчи,—бѣшеная!—не могла сдержаться дольше Хилья, и, быстро подбѣжавъ къ работницѣ, бросилась на нее.

Завязалась драка.

Точно стихійный смерчъ въ своемъ полетѣ захватилъ это мирное до сихъ поръ собраніе; женскія страсти разыгрались, въ классной комнатѣ воцарился какой-то хаосъ. Женщины, обратившія всю свою ненависть и злобу противъ Хильи Ярвиненъ, бросились всей гурьбой ее бить.

Тщетно старались перепуганныя Фриманъ и учительница Алла ихъ успокаивать,—крики, дикій вой усиливался, женщины превратились въ бѣсноватыхъ; не слушая ничего и не разбирая, онѣ дрались...

Необычайный шумъ въ школѣ привлекъ сторожей; скоро узналъ о немъ самъ диспонентъ Хагманъ. Только при появленіи его въ классной комнатѣ побоище окончилось.

Дравшіяся женщины смущенно, но тѣмъ не менѣе угрюмо смотрѣли на хозяина.

— Что̀ у васъ тутъ за шумъ?—брезгливо спросилъ диспонентъ и, обратившись къ учительницѣ Аллѣ, сурово сказалъ ей:

— Соглашаясь на ваше избраніе учительницею сюда въ школу, я никогда не могъ думать, чтобы вы допустили въ ней такое безобразіе! Надѣюсь, что черезъ двѣ недѣли я больше васъ здѣсь не увижу! Прощайте!

И Хагманъ, гордо поднявъ голову, вышелъ изъ школы, не посмотрѣвъ даже на убитую неожиданнымъ горемъ горбатую дѣвушку, руки которой онъ нѣкогда добивался съ такою настойчивостью.

XI.

Нелегко было оставаться въ поселкѣ и Хильѣ; ненависть оскорбленныхъ ею женщинъ дѣлала ея пребываніе здѣсь невозможнымъ; онѣ перестали узнавать ее и всячески старались сдѣлать ей непріятность. Онѣ науськивали на Хилью своихъ мужей, выдумывая всевозможныя небылицы.

Рабочіе насмѣшливо выслушивали ихъ росказни и, махнувъ рукой, повторяли:—Завидуете Хильѣ, красивѣе она васъ всѣхъ!— но мало-по-малу подпадали подъ вліяніе своихъ женъ настолько, что, черезъ нѣсколько дней послѣ скандала въ школѣ, угрюмый Сандбокъ, смотритель на фабрикѣ, обратился къ новому инженеру, Фокштрему:

— Господинъ инженеръ, нельзя ли какъ-нибудь эту потаскушку, Хилью Ярвиненъ, выжить изъ нашего поселка: вредная она женщина!

Молодой Фокштремъ улыбнулся; онъ встрѣтилъ американскую переселенку, ему она очень понравилась.

— Милый мой Сандбокъ, я не понимаю, почему она вредная женщина; я нахожу, напротивъ того, что она очень хорошенькая!

Но, замѣтивъ, что смотритель недовольно насупился, сейчасъ же измѣнилъ свой шутливый тонъ на болѣе серьезный.

— Впрочемъ, вамъ это лучше знать; обратитесь во всякомъ случаѣ къ самому диспоненту!

Настойчивый, но мало разсуждающій Сандбокъ, весь находившійся подъ вліяніемъ своей жены Кондрады, немедленно исполнилъ совѣтъ инженера и доложилъ Хагману.

— Вы правы, Сандбокъ,—Ярвиненъ опасная для нашей фабрики женщина; она привезла съ собою изъ Америки странные взгляды, даже соціализмъ ея какой-то особенный! Я слышалъ также, что и нравственность ея не высокаго качества,—правда?

— Г-нъ пасторъ еще прошедшій годъ неособенно лестно о ней отзывался,—пробормоталъ смотритель;—многія жены рабочихъ на нее жалуются, плохо ведетъ себя...

— Въ такомъ случаѣ, къ чему медлить? Ее нужно удалить изъ поселка,—живо сказалъ диспонентъ.

— Она живетъ у своей пріемной матери, г. диспонентъ; безъ приказа г. лэндсмана это трудно будетъ исполнить.

— Я напишу ему записку, онъ сдѣлаетъ для меня,—нетерпѣливо отозвался Хагманъ и прошелъ въ заводскую контору.

Участь Хильи была рѣшена, оставаться дольше въ фабричномъ поселкѣ ей было невозможно, ее чуть не насильно выдворяли отсюда.

Но съ настойчивой, сознающей себя ни въ чемъ невиноватой, женщиной справиться было не такъ-то легко.

Старуха, ея пріемная мать, замѣчая всеобщее недовольство, возбужденное Хильей, зная хорошо мстительную натуру финновъ, боязливо заявила пріѣзжей:

— Ты бы переѣхала куда-нибудь, Хилья, чтобы еще больше не раздражить ихъ. Бывать ты у меня можешь, когда желаешь, только не живи здѣсь!

— Хорошо, я уйду отъ васъ, но пусть онѣ не думаютъ, что такъ легко отъ меня отвязались! Раньше чѣмъ не окончатся выборы и не выяснятся ихъ результаты, я не уѣду изъ Финляндіи,—упрямо возразила молодая женщина.

— Хорошо, хорошо, въ этомъ тебѣ никто не мѣшаетъ, но только уѣзжай отсюда, пока тебѣ и мнѣ не сдѣлали какой-нибудь непріятности; ты сама хорошо знаешь, каковы здѣшнія женщины, когда разсердятся на кого-нибудь!

— Хорошо, я завтра переѣду къ сестрѣ моего мужа, въ имѣніе Хаукко,—рѣшила Хилья.

На лицѣ старухи показался испугъ.

— Боже тебя сохрани переѣхать туда! Ты знаешь, во-первыхъ, что тамъ идутъ большія непріятности между владѣльцемъ имѣнія и торпарями, а Туомасъ, мужъ сестры твоего мужа, Лайне, одинъ изъ главныхъ зачинщиковъ всей этой исторіи; затѣмъ... тамъ же Куста Ніеми...

Смуглое лицо Хильи залилось румянцемъ; она смѣло, даже съ излишнимъ подчеркиваніемъ сказала:

— Что̀ же изъ этого? Онъ меня вѣдь не съѣстъ!

— Ты забыла, дочка, что съ нимъ Рауха Каппери: помнишь, что̀ прошедшій годъ осенью между вами произошло, когда ты ей окровавила все лицо? Она обѣщала отмстить тебѣ при случаѣ; теперь—самое удобное время для этого; такія женщины, какъ Рауха, не забываютъ!

— Я не боюсь ея,—беззаботно возразила Ярвиненъ.—Да вообще, мама, помни всегда, что испугать меня чѣмъ бы то ни было нельзя! Я не таковская, нюни не распущу! — Старуха только развела руками, видя безнадежность своихъ увѣщаній.

Помѣстье Хаукко отстояло отъ фабрики недалеко; на другой же день Ярвиненъ перебралась въ торпу, въ семью зажиточнаго торпаря Хухтамяки, замужемъ за которымъ была Лайне, сестра мужа Хильи.

XII.

Старуха не преувеличила обостреннаго положенія, въ которомъ находились торпари къ владѣльцу имѣнія.

Большинство занимавшихъ эти участки торпарей унаслѣдовали ихъ отъ отцовъ, владѣвшихъ ими изъ рода въ родъ. Многіе изъ торпарскихъ родовъ осѣли на этихъ земляхъ гораздо ранѣе, чѣмъ эти имѣнія перешли къ ихъ нынѣшнему владѣльцу. Въ одномъ имѣніи Хаукко жило 128 торпарей, составлявшихъ вмѣстѣ съ семьями населеніе въ 839 человѣкъ, въ числѣ коихъ дѣтей ниже 12-лѣтняго 240 и стариковъ свыше 55-лѣтняго возраста 135 человѣкъ. Во владѣніи этихъ торпарей имѣнія Хаукко находилось въ общей сложности—1.000 гектаровъ земли, 900 па-

хотной и 200—луговъ. Нѣкоторые изъ торпарей владѣли участками отъ 16 до 20 гектаровъ, но у многихъ было не больше 1 гектара земли, или, въ среднемъ, на каждаго торпаря $8^1/_2$ гектаровъ. За право пользованія этою землею они ежегодно уплачивали владѣльцу, въ общей сложности, деньгами около 5.500 марокъ, поденныхъ рабочихъ дней съ лошадью—8.600, безлошадныхъ 5.000. Средняя поденная плата рабочему съ лошадью выходила по 6 м. въ день и безлошадному—по 3 м. 50 пенни. Кромѣ того, торпари ежегодно уплачивали сельскими продуктами, рожью, яйцами, брусникой, масломъ и жердями. Въ среднемъ, по 72 м. каждый гектаръ земли, или же по 600 м. на каждую торпу въ годъ. Кромѣ того, они платили еще за страхованіе торпъ отъ огня. Тѣмъ не менѣе, несмотря на такую высокую плату, торпари жили безбѣдно, а нѣкоторые изъ нихъ—даже зажиточно.

Очень можетъ быть, что та и другая сторона продолжала бы мирно уживаться между собою, еслибы новый законъ о реформѣ сейма не заставилъ владѣльца имѣнія увидѣть въ своихъ торпаряхъ-арендаторахъ несомнѣнныхъ враговъ шведской или дворянской партіи.

Начались всевозможныя неправильныя взысканія, незаконные поборы, штрафы... Недовольные торпари стали въ свою очередь волноваться, отказываться отъ ихъ уплаты, спорить; ссора мало-по-малу перешла на партійную почву, страсти разгорались все больше и больше.

Туго натянувшаяся струна зазвучала совсѣмъ враждебно; всѣ способы возможнаго соглашенія съ владѣльцемъ-барономъ были исчерпаны торпарями; онъ не шелъ ни на какія уступки, не принималъ завѣдомо никакихъ условій. Торпарямъ грозило выселеніе изъ домовъ ихъ дѣдовъ и отцовъ, гдѣ они сами родились, выросли, женились и надѣялись, что ихъ дѣти въ свою очередь унаслѣдуютъ эту землю и дома. Гордая шведская кровь заговорила въ баронѣ; онъ упрямо отклонилъ даже предложеніе торпарей, внесенное въ сенатъ, выбрать для разбора ихъ общихъ недоразумѣній близко стоящее къ земельному хозяйству и хорошо его знающее лицо, и даже когда торпарями было предложено ему купить чрезъ посредство правительства это имѣніе, чтобы потомъ по частямъ перепродать его имъ, баронъ надменно сказалъ:

— Никогда землей моихъ предковъ не будетъ владѣть финское мужичье!

Это обидное восклицаніе помѣщика было передано слово въ

слово торпарамъ, и война разгорѣлась еще сильнѣе, еще упорнѣе. Къ этому земельному спору были прикованы взоры всей страны; крестьянская народная партія, старо-финны, была глубоко обижена подобнымъ отношеніемъ къ финскому безземельному крестьянину-торпарю, и еще тѣснѣе сплотилась, чтобы дружно стоять на выборахъ за своихъ кандидатовъ въ новый сеймъ.

Встревоженные отчасти, хотя и увѣренные въ своихъ силахъ и въ несомнѣнной побѣдѣ, шведы совѣтовали барону сойтись какъ-нибудь со своими арендаторами-торпарями, но уговорить закусившаго удила упрямаго владѣльца имѣнія было невозможно.

— Я не отступлю ни отъ одного моего слова!—твердо рѣшилъ баронъ и отклонилъ всякое посредничество.

Вотъ въ какомъ положеніи находились эти 128 торпарскихъ семействъ передъ общими выборами.

XIII.

— Да, невесело у васъ тутъ, Туомасъ, — сказала Хилья мужу Лайне, сестры ея мужа, когда торпарь разсказалъ ей о неурядицахъ ихъ съ барономъ:—вѣдь это полное разореніе!

Угрюмо посмотрѣлъ на нее хозяинъ и махнулъ рукою.

— Не знаемъ, что̀ начать, помѣщикъ ни на что не соглашается, придется выселяться, уѣхать съ того мѣста, гдѣ родился.

— Переселяйтесь въ Америку, Туомасъ, — для тѣхъ, кто хочетъ трудиться, тамъ мѣсто найдется.

Торпарь тяжело вздохнулъ, суровый взглядъ его выцвѣтшихъ глазъ смягчился; онъ печально посмотрѣлъ на разстилавшееся за окномъ дома небольшое пространство поля, покрытое снѣгомъ, на лѣсъ, тянувшійся синеватой сумрачной полосой на далекомъ горизонтѣ... Любовь къ родинѣ, къ этой бѣдной природѣ, кормившей его предковъ—своими скудными плодами, сто̀ящими немало труда и пота...

— Я вѣрю, Хилья, что у васъ, въ Америкѣ хорошо,—мнѣ объ этомъ писали товарищи, которые туда переселились,—знаю, что заработокъ мой будетъ тамъ лучше... но кто мнѣ замѣнитъ родное поле, этотъ лѣсъ, наши тихія озера!?

— Всего этого немало и за океаномъ, земля лучше, даетъ больше,—спокойно отвѣтила Ярвиненъ; ея цыганская натура не представляла себѣ ясно, за что̀ можно любить эту каменистую, угрюмую, непривѣтливую страну, въ особенности когда прихо-

дится такъ много переносить непріятностей только ради того, чтобы съ большимъ трудомъ зарабатывать себѣ пропитаніе.

Дочь кочующаго племени признавала родину только тамъ, гдѣ хорошо жилось и деньги зарабатывались легче.

— Тебѣ не понять этого, Хилья! Спроси нашихъ финновъ, переселившихся въ Америку, чувствуютъ ли они себя счастливыми? Рѣдкій отвѣтитъ тебѣ: „да, счастливъ"; всѣ они томятся, тоскуютъ по своей родной Суоми! Развѣ мало нашихъ братьевъ возвращаются оттуда, мѣняютъ хорошую, привольную жизнь на тяжелый трудъ въ родной странѣ!

— Ну, мой Тойво не вернется,—увѣренно замѣтила женщина,—ему тамъ хорошо!

— Не вѣрю! можетъ быть, онъ слушается тебя, но финнъ вездѣ остается финномъ! Сама же ты вернулась, а развѣ это стоило дешево!

— Я вернулась не потому, чтобы была недовольна нашимъ новымъ мѣстомъ: мнѣ хотѣлось участвовать въ первыхъ женскихъ выборахъ, на этомъ торжествѣ женщины, получившей равныя права съ мужчиной.

— Только ради этого?—пристально глядя на собесѣдницу, спросилъ торпарь.

Хилья перенесла его пытливый взглядъ спокойно,—она была не изъ тѣхъ слабохарактерныхъ женщинъ, которыя невольно, подъ впечатлѣніемъ неожиданнаго вопроса, обнаруживаютъ свои тайныя намѣренія и мысли.

— Да, только ради этого!—спокойно прозвучалъ ея увѣренный отвѣтъ.—Права на голосованіе у меня не отняты, мы съ мужемъ не считаемся еще эмигрантами, торповье еще за нами!

Туомасъ разсѣянно ее слушалъ; всѣ его помыслы были сосредоточены на предстоящемъ въ скоромъ времени ихъ выселеніи съ баронскихъ земель.

— Куста Ніеми здѣсь?—неожиданно для самой себя, слѣдуя теченію какой-то необъяснимой мысли, спросила Хилья.

Торпарь изумленно посмотрѣлъ на нее.

— Онъ жилъ здѣсь больше недѣли, но лэндсманъ выселилъ его отсюда; баронъ жаловался, что Куста агитируетъ противъ него среди нашихъ торпарей. А тебѣ онъ нуженъ?

— Нѣтъ, я такъ спросила... Рауха была съ нимъ?

— Разумѣется, иначе и быть нельзя,—точно нитка за иголкой все за нимъ тянется. Теперь, какъ я слышалъ, они перебрались въ городъ, тамъ среди мастеровыхъ стараются...

— Ну, и что же?—оживленно допытывалась Хилья.

— Куста—парень ловкій на эти дѣла. Кто-то вчера говорилъ, что у плотниковъ ему удалось,—собираются, обсуждаютъ.

— Не забастовали еще?

— До выборовъ едва-ли станутъ бастовать,—не до того,—ну, а послѣ нихъ примутся.

— Вотъ бы и вы!

— Этого только и добивается владѣлецъ имѣнія; только мы бросимъ работать—сейчасъ же выселитъ насъ, торпы другимъ отдастъ. Что скажутъ выборы.

Въ торпу вернулась Лайне, жена Туомаса; она ходила съ двумя дѣтьми въ школу, чтобы переговорить съ учительницей.

— Бѣда никогда не ходитъ въ одиночку, сестра,—сказала эта не по лѣтамъ состарившаяся женщина: — моей Христѣ девять лѣтъ, а Аннѣ нѣтъ еще и восьми; пасторъ нашъ узналъ, что онѣ еще не учатся въ народной школѣ, пришелъ третьяго дня къ намъ, поднялъ цѣлую бурю. „Если не пошлете ихъ на этой недѣлѣ въ школу, — сказалъ онъ мнѣ,—я сведу ихъ самъ туда, а вы лишитесь родительскихъ правъ надъ ними, да еще штрафъ уплатите!“ Ты сама знаешь, близко ли отъ насъ школа; по такимъ морозамъ какъ посылать туда дѣтей? А все же пришлось, иначе еще больше непріятностей вышло бы!

— Альфдаль все еще у васъ пасторомъ?—спросила гостья.

— Разумѣется, онъ; баронъ его любитъ; шведъ не назначитъ финна пасторомъ въ общину, разъ такой большой помѣщикъ не хочетъ,—отвѣтилъ за жену Туомасъ.

— А старикъ Коскиненъ, вѣдь онъ тоже служилъ въ церкви?

— Выгнали вонъ; выдумали, что онъ знахарствомъ занимается, а онъ просто мазь дѣлалъ отъ обжоговъ и давалъ ее кому нужно.

Тяжелое молчаніе водворилось въ маленькомъ домикѣ торпаря. Каждый изъ присутствующихъ былъ занятъ своими мыслями. Хилья пришла къ нимъ довольно поздно; за разговоромъ спустились цѣпкія сумерки. Стало совсѣмъ темно, на небѣ образовался блѣдный дискъ мѣсяца. Лайне укладывала спать уставшихъ дальнею дорогой дѣтей; изъ экономіи, въ виду тяжелыхъ обстоятельствъ, медлили засвѣчать лампу.

— Скучно у васъ, точно камнемъ какимъ давитъ,—невольно высказалась Хилья.

— Ты отвыкла, сестрица,—замѣтила горько Лайне:—а мы и замѣчать о скукѣ перестали, она постоянно съ нами, никуда ее не дѣнешь!

Туомасъ молча сидѣлъ, низко наклонивши голову, на старой дѣдовской качалкѣ; ему ни о чемъ не хотѣлось думать.

Живая натура Хильи чувствовала себя точно въ какомъ-то склепѣ.

XIV.

Вся страна зашевелилась; отовсюду, даже изъ самыхъ захолустныхъ уголковъ Финляндіи, получались извѣстія, что приближеніе выборовъ поставило на ноги весь финскій народъ.

До сихъ поръ въ народной массѣ замѣчалось слишкомъ много равнодушія, много спячки. Но теперь пробудились и оживились всѣ народные слои. Изъ самыхъ отдаленныхъ одиночныхъ хижинъ глухихъ трущобъ спѣшили въ избирательной урнѣ мужчины и женщины, чтобы сказать свое слово, выразить тотъ взглядъ, который назрѣлъ у нихъ вѣками и въ которомъ заключалось ихъ собственное благополучіе, а съ нимъ вмѣстѣ счастье и процвѣтаніе всей страны.

Въ какой мѣрѣ исполнятся его надежды и желанія — это покажетъ будущность. Но не въ одномъ соціализмѣ — счастье; оно кроется въ государственномъ строительствѣ, а не въ разрушеніи.

Въ политическихъ сферахъ западной Европы съ удивленіемъ на все это смотрѣли и ждали съ большимъ интересомъ, насколько финская женщина окажется способной въ своей новой роли, ожидая, что покажетъ недалекая будущность. Кто въ концѣ концовъ окажется правъ: молодое ли маленькое финляндское представительство съ мужчинами и женщинами, или же мудрые и великіе западноевропейскіе политики, не допускающіе и самой мысли, что женщина можетъ быть способна къ политической дѣятельности. Энергія, съ которой каждая партія отстаивала свои взгляды, достигла апогея, чего никогда еще не было въ этой странѣ, да врядъ ли и въ другихъ краяхъ случалось когда-нибудь что-либо подобное.

Благодаря такому всеобщему воодушевленію, и самые выборы должны были пройти хорошо, хотя дѣло подачи голоса было для большинства совершенно новымъ и непривычнымъ дѣломъ. Народъ долженъ былъ сказать свое слово, посредствомъ всеобщаго избирательнаго права выразить свое желаніе и безъ воодушевленія, безъ поддержки интереса къ такому важному акту, какъ избраніе народныхъ представителей, при новинкѣ выборныхъ началъ, онъ, можетъ быть, и не въ состояніи былъ бы оцѣнить высокаго достоинства предоставленнаго ему права.

Финскія женщины впервые выступали на политическомъ по-

прищѣ и на выборахъ должны были доказать свою способность къ дѣятельности въ этой сферѣ.

Знаменательные дни 15-го и 16-го марта 1907 года вѣчно будутъ помнить въ Суоми, этомъ суровомъ краѣ, когда его народъ совершенно ясно высказалъ свою волю и желаніе, передавая судьбу въ руки своихъ избранниковъ.

Ими были крестьяне, рабочіе, вообще люди, которымъ достается кусокъ хлѣба съ большимъ трудомъ. Старо-финны (крестьянство) и соціалъ-демократы (рабочіе) побѣдили своихъ исконныхъ враговъ—шведскую и младо-финскую партію. Еще недавно надменные, гордые своею властью, они, упавшіе духомъ послѣ пораженія, заискивающе повторяли:

— Время партійной борьбы теперь миновало, мы должны отложить наши личные счеты. Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ послѣ кровопролитной войны, по заключеніи мира, побѣдитель подаетъ руку побѣжденному, и они братаются,—тѣмъ болѣе и намъ нужно помнить этотъ прекрасный обычай просвѣщенныхъ народовъ. Дни напряженія и горячей политической борьбы прошли, и теперь снова наступили миръ и тишина!

Но побѣдители сурово отнеслись къ этому заискиванью и уклончиво отвѣчали:

— Каждый изъ насъ интересовался этимъ дѣломъ, каждый обсуждалъ его, желая во что бы то ни стало сознательно подать свой голосъ за народнаго избранника, и если дѣйствительно это сознаніе успѣло уже привиться, то мы можемъ быть увѣренными, что наше представительство будетъ служить истиннымъ выразителемъ народныхъ желаній и стремленій: оно какъ разъ отразитъ въ себѣ то, чего народъ требуетъ, чего домогается!

— Но, къ сожалѣнію, обстоятельства у насъ сложились такъ, что выборы наши происходятъ не въ настоящемъ, нормальномъ порядкѣ. Братская ненависть, партійные раздоры, гражданская вражда—все это, конечно, не можетъ не оставить своихъ дурныхъ послѣдствій на результатѣ выборовъ; поэтому еще немного рано представлять себѣ наше политическое движеніе въ розовомъ свѣтѣ, —пытались возразить имъ первые, все еще не теряя надежды на примиреніе.—Еслибы финскій народъ держался одного направленія, одного образа мыслей, то изъ маленькой Финляндіи онъ могъ бы создать цвѣтущую и счастливую во всѣхъ отношеніяхъ страну; однако мечта эта пока не можетъ осуществиться, благодаря слишкомъ укоренившемуся разногласію въ народныхъ слояхъ.

— Не можемъ мы протянуть имъ братски руку,—въ свою очередь говорили суометарьянцы.—Много зависти, много ковар-

ныхъ вліяній,—которыми крайне безцеремонно они старались воздѣйствовать на народныя массы, прибѣгая къ несовсѣмъ приличнымъ средствамъ, лишь бы оправдать свои скрытыя цѣли,—не позволяютъ намъ это сдѣлать. Будемъ надѣяться, что рано или поздно народъ самъ пойметъ и научится различать, что̀ можетъ быть для него вредно и что̀ полезно. Старый режимъ отжилъ свое время—и больше ему не возвратиться. Мы теперь приступимъ къ новому началу, къ новому созиданію, и пока оно приметъ твердые свои устои, ошибки будутъ, безъ ошибокъ ничто новое не создается. Ко всякому нововведенію относятся съ недовѣріемъ, но разъ цѣлесообразность его будетъ понятна, успѣхъ будетъ полный.

— Такого сильнаго давленія партій одной на другую, такой братской ненависти, какая теперь замѣчается у насъ, еще прежде никогда не бывало. Такое печальное явленіе непремѣнно отразится и на народномъ представительствѣ!—съ негодованіемъ повторяли шведоманы.

Тѣмъ не менѣе, результатами первыхъ всесословныхъ выборовъ финскій народъ былъ доволенъ. Во многихъ мѣстахъ на выборы явилось женщинъ больше, нежели мужчинъ; но это свидѣтельствовало, что право голоса дано имъ не даромъ, а за выказанную энергію и тактику; оцѣнка же и достоинство финляндскихъ гражданъ опредѣлятся со стороны цивилизованнаго міра по тому, какое получится представительство и каковы будутъ результаты его работы.

„Этотъ праздникъ фактическаго осуществленія новой исторической эры Финляндіи пробуждаетъ чувства радости въ каждомъ любящемъ свою родину финнѣ“,—торжественно заявила одна изъ самыхъ распространенныхъ финскихъ газетъ.

XV.

Въ фабричномъ поселкѣ, а равно и въ земледѣльческой, торпарской общинѣ всѣ были ошеломлены, когда наконецъ выяснился съ такимъ нетерпѣніемъ всѣми ожидаемый результатъ. Вначалѣ никто не хотѣлъ вѣрить народной побѣдѣ, всѣ настолько сжились съ мыслью, что, несмотря на всѣ усилія и хлопоты суометарьянцевъ и соціалъ-демократовъ, шведы и младо-финны пройдутъ въ депутаты въ сеймъ въ большинствѣ.

На станцію желѣзной дороги, отстоявшей отъ фабрики въ десяти километрахъ, ежедневно подъ вечеръ ходили рабочіе, чтобы,

не дожидаясь завтрашней газеты, разузнать что-нибудь новое о выборахъ.

Начальникъ станціи, шведъ, насмѣшливо повторялъ постоянно въ отвѣтъ:

— Вы думаете, что, бѣгая ежедневно по двадцати километровъ туда и обратно, вы этимъ вымолите у судьбы, что фамиліи будущихъ сеймовыхъ депутатовъ будутъ не на „квистъ" и „штремъ", а на „иненъ"? Глубоко ошибаетесь; судьба благоразумнѣе васъ,—она знаетъ, что для пользы и благоденствія края первые всегда полезнѣе послѣднихъ, и не доставитъ вамъ подобнаго удовольствія!

Къ этой насмѣшкѣ рабочіе уже привыкли, она даже не сердила ихъ. Явившіеся по заведенному обыкновенію за свѣдѣніями на станцію, Олли Юнтуненъ и Матти Сорса, не узнали на этотъ разъ надменнаго шведа: куда исчезла его презрительная улыбка, сопровождавшая его постоянный отвѣтъ; онъ казался растеряннымъ; даже побѣдоносно смотрѣвшіе къ небу усы его были опущены.

— Мнѣ кажется, это ошибка телеграфа; я прямо не могу вѣрить,—не дожидаясь ихъ вопроса, пробормоталъ начальникъ станціи.

— А что̀ такое случилось? — спросили недоумѣвающіе рабочіе.

— Суометарьянцы и соціалъ-демократы взяли верхъ; изъ ихъ партіи прошло три четверти состава будущаго сейма; мы, на этотъ разъ, — онъ откровенно признался, что состоитъ въ шведской партіи,—прошли только въ большихъ портовыхъ центрахъ.

Рабочимъ сразу стало ясно его смущеніе, его неувѣренный тонъ; молодые парни сразу повѣрили ему и, ослѣпленные подобной блестящей побѣдой, не желая, чтобы вѣсть о ней явилась на фабрику къ товарищамъ отъ другихъ, бѣгомъ пустились въ обратный путь, грузно шлепая ногами по лужамъ, распустившимся днемъ на дорогѣ.

Хотя диспоненту и инженеру эта поразительная новость была сообщена еще раньше по телефону начальникомъ станціи, она тщательно скрывалась до времени отъ рабочихъ.

Хагмана почему-то пугало, какъ эта народная побѣда будетъ встрѣчена рабочими, не принесетъ ли она за собой на фабрику забастовку, которой онъ въ особенности опасался теперь, когда на фабрикѣ было получено такъ много спѣшныхъ заказовъ.

Но скрыть это удалось диспоненту только до возвращенія со

станціи обоихъ рабочихъ, съ торжествующимъ видомъ передававшихъ эту изумительную новость товарищамъ.

Послѣ минутнаго остолбенѣнія, кто-то изъ рабочихъ сказалъ рѣчь, сущность которой былъ девизъ: „Финляндія для финновъ". Кто-то запѣлъ „Herraa, Suomi!" (Пробуждайся, Финляндія!); пѣсню сейчасъ подхватили сотни голосовъ, и она властно вливалась въ помѣщеніе самого диспонента.

Хагману и его инженеру Фокштрему приходилось улыбаться рабочимъ, радоваться съ ними ихъ радостью, чтобы не выказать имъ своего неудовольствія.

— Я могу только радоваться, — лицемѣрно сказалъ Хагманъ, — что выборы дали такіе блестящіе результаты; народъ лучше насъ знаетъ кого ему выбрать, кому вручить власть и распорядокъ въ странѣ.

Молча слушали рабочіе слова диспонента, хорошо понимая ихъ неискренность.

— Будемте только жить мирно другъ съ другомъ, работодатели и рабочіе, и наша, дорогая для каждаго изъ насъ, Суоми достигнетъ высокаго процвѣтанія!—закончилъ чувствительно диспонентъ.

Старые рабочіе, повидимому, вѣрили искренности хозяйскихъ словъ, тогда какъ молодежь глухо волновалась.

— Живи съ нимъ мирно, нагибай рабочую шею, онъ верхомъ на нее сядетъ,—сказалъ Эро Рауніо:—знаемъ, не въ первый разъ его сладкія слова слышали, а самъ, небось, какіе барыши выколачиваетъ, отъ заказовъ отбою нѣтъ!

— Вотъ что̀, товарищи, благо онъ размякъ теперь, потолкуемте съ нимъ какъ слѣдуетъ, — предложилъ рабочимъ Олли Юнтуненъ, ярый соціалистъ, пріятель уволеннаго съ фабрики Кусты Ніеми.

— А вѣдь правду онъ говоритъ,—выяснимте наши требованія диспоненту, теперь ему не такъ легко будетъ отказать, какъ раньше, — согласился Рауніо.

Толпа одобрительно загудѣла и двинулась въ пріемную, побросавъ работы и не слушая увѣщаній старика-смотрителя, Сандбока.

Матти Сорса подбѣжалъ къ колоколу и, насмѣшливо глядя на Сандбока, пытавшагося отнять отъ него веревку, громко зазвонилъ...

Довольный тѣмъ вниманіемъ, съ которымъ его давеча выслушали рабочіе, Хагманъ спокойно занимался съ Фокштремомъ въ конторѣ; необычный въ это время звонъ колокола заставилъ его вздрогнуть.

— Опять!—озлобленно крикнулъ онъ:—вотъ и будь любезенъ съ этими скотами!

— Я пойду, узнаю, въ чемъ дѣло, — предложилъ инженеръ, поднимаясь со стула.

— Да, пожалуйста сходите, Фокштремъ, узнайте раньше, чего они хотятъ, сообщите мнѣ, а тогда я самъ съ ними переговорю.

Оставшись одинъ, диспонентъ, нервно настроенный, не могъ спокойно заниматься, ходилъ по комнатѣ, останавливаясь каждый разъ у окна, и смотрѣлъ на дворъ фабрики, точно надѣясь что-нибудь увидѣть черезъ него.

— Ну что?—пытливо вглядываясь въ лицо возвратившагося инженера, спросилъ Хагманъ:—что тамъ такое?

— Грозятъ форменной забастовкой, если мы не примемъ ихъ требованія.—На лицѣ диспонента появилась гримаса, онъ сердито ударилъ кулакомъ по пульту.

— Разлакомились негодяи! И, какъ нарочно, заказъ одинъ за другимъ такъ и валятъ; будь поменьше, распустилъ бы половину рабочихъ! Ну, что они хотятъ?

— Они требуютъ минимальной заработной платы по 35 пенни въ часъ, 9-часового рабочаго дня, пріема на работу исключительно принадлежащихъ къ организаціямъ рабочихъ и чтобы никто безпричинно не былъ увольняемъ съ работы.

— Только!—желчно замѣтилъ диспонентъ.

— Нѣтъ. Они просятъ,—замѣтьте, просятъ, а не требуютъ, чтобы вы вернули въ школу бывшую учительницу, Аллу Ауранэнъ...

Хагманъ засмѣялся.

— Вотъ эту просьбу я могу еще уважить, но что касается ихъ требованій, то едва-ли я на нихъ соглашусь!

— Но тогда полная забастовка, фабрика станетъ,—нерѣшительно проговорилъ молодой инженеръ.

— Это еще посмотримъ! Я пойду говорить къ нимъ самъ!

И сердито хлопнувъ дверью, диспонентъ вышелъ изъ конторы.

XVI.

Ему удалось значительно сократить требованія рабочихъ, далеко не согласныхъ между собою и потому пошедшихъ на уступки. Старожиламъ изъ нихъ не хотѣлось покидать насиженныя мѣста на фабрикѣ, въ особенности семейнымъ, и, будучи выкинутыми

на улицу, отыскивать новыхъ занятій на другихъ фабрикахъ и заводахъ. Они-то и умѣрили предъявленныя требованія, понизили пылъ молодежи и, отвѣчая на ругань послѣднихъ, увѣренно повторяли:

— Вамъ что̀, вы одни, сегодня тамъ, завтра еще въ другомъ мѣстѣ! Вамъ легко прыгать, ставить диспонентамъ свои условія, вы одни, а у насъ сзади хвосты—семьи, не далеко съ ними поскачешь, вѣдь ихъ кормить надо! Мы довольны и той прибавкой, что удалось получить отъ хозяина!

— Вы глупые ослы! — негодовалъ Матти Сорса: — еслибы вы поддержали наши требованія, всѣ бы ихъ принялъ диспонентъ: ему дѣваться некуда, безъ насъ онъ терпѣлъ бы громадные убытки!

— Ну, это еще на̀-двое сказано, согласился ли бы онъ еще!

Между тѣмъ возвращеніе въ школу любимой учительницы обрадовало весь поселокъ. Аураненъ, еще не уѣхавшая изъ него, была поражена согласіемъ диспонента,—она хорошо знала его настойчивый, упорный характеръ.

— Я тоже очень рада, мои милые, что останусь съ вами,— чуть не плача отъ радости, сказала горбунья дѣтямъ, первымъ прибѣжавшимъ къ ней съ пріятной вѣстью:—вашъ „добрый верблюдъ“ еще кое-чему васъ научитъ доброму.

Замѣстительницею Аллы на мѣстѣ учительницы еще никто не былъ назначенъ, а потому она на другое же утро начала снова занятія съ дѣтьми, прерванныя ея невольнымъ уходомъ.

Заря женской равноправности, загорѣвшаяся въ краѣ, благодаря которой въ сеймъ прошло девятнадцать женщинъ депутатами, взволновала самые медвѣжьи уголки Финляндіи.

Имена Маріи Лайне, Иды Аале, Луизы Кувіон, Аильбы Кякикоски были у всѣхъ на языкѣ, а въ особенности популярной Мины Силланпя, редакторши газеты „Työläisnainen“ (работница), ставшей о̀рганомъ женскаго соціалъ-демократическаго союза.

Алла была близко знакома со многими изъ нихъ, а съ Идой она сотрудничала вмѣстѣ въ народномъ университетѣ въ Виттисѣ. Онѣ обѣ много работали въ союзахъ трезвости.

Въ первый же свободный вечеръ въ школу собрались чуть ли не всѣ женщины изъ фабричнаго поселка; онѣ явились, чтобы услышать отъ учительницы подробныя свѣдѣнія о вновь избранныхъ женщинахъ-депутаткахъ.

Алла, немного робѣвшая въ виду непріятно окончившагося послѣдняго собранія союза трезвости, тѣмъ не менѣе была довольна вниманіемъ работницъ. Ея большіе, открытые глаза искри-

лись привѣтливо каждой вновь пришедшей. Среди знакомыхъ лицъ она не видѣла милаго ей лица Хильи и, вспомнивъ объ ея изгнаніи, тяжело вздохнула.

— Разскажите, тетя Алла, о чемъ должны хлопотать мы, женщины, въ сеймѣ прежде всего?—бойко спросила Ида Рауніо.

Учительница улыбнулась.

— Мы уже говорили объ этомъ: о всеобщей трезвости. Нашъ народъ организовалъ среди себя безчисленное множество обществъ, отдѣльныхъ кружковъ и союзовъ съ различными добрыми началами и старается по возможности изгнать изъ нихъ обычай, ложно принятый за правило,—выпивки. Это—начало...

— А затѣмъ что̀ еще?—спросилъ кто-то изъ собравшихся женщинъ.

Учительница благоразумно умолчала на этотъ разъ о предложеніи союза „Бѣлая лента", относительно уничтоженія проституціи, опасаясь новаго скандала.

— Необходимо выяснить права женщины въ семейномъ имущественномъ положеніи: вѣдь, согласно законамъ различныхъ годовъ, все это такъ теперь спуталось, такъ невыяснено, что у насъ уже въ настоящее время образовалось два разряда женщинъ: однѣхъ, гдѣ браки заключены были до 1899 года, во всемъ зависимые отъ мужчинъ; ко второму же разряду принадлежатъ женщины полузависимыя, въ силу̀ предоставленныхъ имъ нѣкоторыхъ правъ. Теперь же предстоитъ образованіе еще женщинъ свободныхъ. Можетъ произойти такъ, что въ одномъ и томъ же домѣ бабушка будетъ лицо совершенно безправное, дочь—полуправная, а внучка—полноправная. Между тѣмъ вѣковыя традиціи и опытъ говорятъ намъ совершенно обратное: старшій въ родѣ всегда обладаетъ болѣе широкими правами, чѣмъ младшій.

Женщины заволновались, имъ было странно услышать подобный выводъ, додуматься до котораго сами онѣ никакъ не могли.

— Да, да, это невозможно! Такъ продолжаться не можетъ! Это надо измѣнить возможно скорѣе!—послышались среди нихъ обиженные голоса: женское достоинство ихъ было оскорблено подобнымъ выводомъ.

— Если сеймъ приступитъ прямо къ осуществленію намѣченнаго проекта по женскому вопросу, то можетъ произойти большое осложненіе — и большая часть женщинъ останется попрежнему въ зависимости отъ мужчинъ,—разъясняла учительница своимъ слушательницамъ; — потребуется еще много времени и много сложной работы народному представительству, прежде чѣмъ входить въ разсмотрѣніе проекта о положеніи женщины; придется

предварительно принять въ соображеніе всѣ изданныя постановленія о женскомъ вопросѣ раньше.

Собраніе въ школѣ затянулось до поздней ночи, и плохо спавшій послѣ сегодняшнихъ волненій диспонентъ не разъ подходилъ къ окну и, поднявъ штору, тревожно поглядывалъ на все еще освѣщенное школьное зданіе.

XVII.

Совсѣмъ иначе встрѣтилъ вѣсть о пораженіи шведской партіи баронъ, владѣлецъ громаднаго имѣнія, арендованнаго торпарями.

Онъ не сталъ заискивать передъ ними, какъ Хагманъ, сердито нахмурилъ свои сѣдыя брови и приказалъ управляющему настойчивѣе приняться за выселеніе непріятныхъ для него арендаторовъ отдѣльныхъ торпъ.

— Пусть побѣдители суометарьянцы помогутъ своимъ единомышленникамъ,—насмѣшливо сказалъ помѣщикъ:—у нихъ въ рукахъ будетъ теперь власть, они станутъ всесильными управителями края! А я буду поступать, какъ самъ хочу; за меня законъ, его умѣютъ уважать еще въ Финляндіи!

Глухое неудовольствіе среди торпарей усилилось, оно грозило перейти въ явное сопротивленіе.

— Ты знаешь, Лайне, что Ніеми вернулся сюда,—сказалъ Туомасъ женѣ, возвратившись домой отъ другого торпаря, торпа котораго находилась въ четырехъ километрахъ отъ ихъ дома. Хилья, все еще у нихъ гостившая, вздрогнула.

— Одинъ? — коротко спросила она, не смотря на хозяина.

— Пока одинъ, но Рауха Каппери пріѣдетъ завтра; она агитируетъ еще въ городѣ въ союзѣ женской прислуги.

— У кого остановился Куста?—продолжала разспрашивать гостья.

Туомасъ замялся; онъ боялся,—не проговорилась бы какъ-нибудь Хилья о мѣстѣ пребыванія выселеннаго агитатора. Она поняла его нерѣшительность.

— Не бойтесь, Туомасъ, я никому не скажу, мнѣ только самой его нужно видѣть.

Хухтомяки, все еще недовѣрчиво на нее глядя, медленно сказалъ:

— Онъ у Норркуллы; тамъ его никто не найдетъ, если даже и узнаютъ объ его пріѣздѣ.

— Я пойду къ нему...

Мужъ и жена изумленно взглянули на гостью.

— Поздно, ночь на дворѣ, путь не близкій, туда и обратно восемь километровъ будетъ; лучше завтра утромъ.

— Мнѣ нужно его видѣть сегодня, сейчасъ,—повторила Хилья, порывисто надѣвая шубку и собираясь уходить.

— Я провожу тебя,—предложилъ хозяинъ.

— Я не боюсь, дойду и одна.

— Тебя не впустятъ къ нему, нужно знать условныя слова.

Хилья остановилась на порогѣ и ждала.

— Sorretuille oikeutta (права угнетенныхъ) отвѣчай, когда тебя спросятъ, чтò тебѣ нужно.

Этого было довольно, чтобы женщина выбѣжала изъ жилища торпаря и быстро пошла по дорогѣ къ лѣсу.

— Сумасшедшая!—кинулъ ей вслѣдъ хозяинъ.

— А все же, Туомасъ, хотя она и отказалась, ступай за ней!—заботливо сказала Лайне:—скоро ночь, въ лѣсу глухо, можетъ и волка встрѣтить.

Хухтомяки выслушалъ замѣчаніе жены, захватилъ съ собою дубину, наскоро одѣлся и зашагалъ по дорогѣ вслѣдъ за Хильей, уже исчезнувшей въ темнотѣ. Гдѣ-то далеко, въ сторону отъ его торпы, чуть слышно били часы.

— Девять!—мысленно сосчиталъ удары Туомасъ, чуть поёживаясь отъ заползавшаго къ нему за вороть холоднаго вѣтра, мечтая, какъ хорошо было бы теперь остаться дома и лечь пораньше спать.

Догнать Хилью ему не удалось; она шла значительно быстрѣе уставшаго за цѣлый день торпаря; къ тому же впопыхахъ онъ забылъ подвязать къ ногамъ лыжи, эту необходимую принадлежность зимою въ Финляндіи.

XVIII.

Хилью, дѣйствительно, не хотѣли пустить въ домъ Норркуллы, и только благодаря паролю, переданному ей Туомасомъ, двери были для нея отперты.

Самъ Норркулла, пожилой, высокаго роста, крѣпкій какъ могучій дубъ, увидѣвъ незнакомое женское лицо, сдвинулъ брови, видимо не зная, пускать ли ее дальше въ комнату.

— Не бойтесь ничего, Норркулла,—поспѣшила успокоить его Хилья:—я жена Тойво Ярвинена, который уѣхалъ въ прошедшемъ году въ Америку.

— А, это вы, добро пожаловать!—смягчился хозяинъ, слышавшій уже раньше объ ея мужѣ.

— Куста Ніеми здѣсь?—спросила она его.

— Войдите, онъ во второй комнатѣ.

Какъ вихрь ворвалась Хилья въ домикъ торпаря и, пробѣжавъ первую комнату, нервно постучала въ запертую дверь второй. Щелкнулъ замокъ, дверь открылъ самъ Куста, еще заранѣе, во время переговоровъ торпаря съ женщиной у дома, потушившій лампу.

— Куста!—вся дрожа отъ волненія, воскликнула Хилья, узнавшая его сразу, несмотря на темноту.

— Хилья!.. Ты!—радостно прозвучалъ голосъ агитатора.

Воспоминанія о недавнемъ прошломъ нахлынули на нихъ одуряющей волной, захватили, овладѣли ими всецѣло.

Молодой человѣкъ закрылъ на ключъ дверь за вошедшей и, поддаваясь внутреннему порыву чувствъ, крѣпко обнялъ Хилью, страстно отвѣчавшую на его жаркіе поцѣлуи. Имъ казалось, что они не видѣлись много, много лѣтъ, хотя въ дѣйствительности со дня ихъ разлуки еще не истекло и года.

Еще дѣтьми они играли вмѣстѣ на зеленой лужайкѣ близъ фабрики; подростая, ихъ дѣтская дружба мало-по-малу переходила въ привязанность, съ тѣмъ, чтобы закончиться любовью...

Пріемная мать Хильи не согласилась выдать ее за этого бойкаго, не въ мѣру развитого рабочаго, находившагося къ тому же на плохомъ счету у фабричной администраціи. Куста былъ сыномъ прежняго сторожа на фабрикѣ, рано остался круглымъ сиротою и сейчасъ же попалъ подъ вліяніе соціалъ-демократовъ.

Во всѣхъ спорахъ, неурядицахъ, возникавшихъ между диспонентомъ и рабочими, онъ былъ первымъ зачинщикомъ. Молодежь его любила, считала своимъ вожатымъ, но старые рабочіе инстинктивно сторонились его, опасаясь потерять, благодаря ему, свой вѣрный кусокъ хлѣба.

Тою же мыслью руководствовалась и вдова, отказавшая выдать за него Хилью, несмотря на желаніе и согласіе дѣвушки на этотъ бракъ. Тутъ, какъ нарочно, подвернулся богатый крестьянинъ-торпарь Тойво Ярвиненъ, дѣвушка ему понравилась, и онъ къ ней посватался.

Можетъ быть, въ другое время Хилья со смѣхомъ отказала бы этому неуклюжему, некрасивому, хотя и доброму парню, еслибы не была разобижена измѣной Кусты.

Разстроенный отказомъ вдовы выдать за него свою пріемную дочь, молодой парень, съ отчаянія, связался съ недавно появив-

шейся на фабрикѣ рабочей Раухой Каппери, тоже поступившей сюда съ цѣлью пропаганды.

Хилья, узнавъ случайно объ ихъ связи, не стала долго раздумывать, и сейчасъ же вышла замужъ за Тойво.

Вскорѣ все разъяснилось, но ошибка была уже сдѣлана. Поправить ее было нелегко, и чтобы не мучить себя за нее, Хильѣ удалось уговорить слушавшаго ее во всемъ мужа переселиться въ Америку. Чтò произошло между нею и Кустою Ніеми въ коротвій срокъ передъ ихъ разлукой—никто не зналъ, но злые языки, а въ томъ числѣ и Ида Рауніо, тоже влюбленная въ красиваго, энергичнаго агитатора-рабочаго, вылили немало грязи на нихъ обоихъ.

— Какъ ты рѣшился, Куста, сюда пріѣхать?—заботливо сказала Хилья:—ты вѣдь знаешь, что баронъ выписалъ сюда полицію; завтра должны явиться самъ городской фискалъ и коронный фогтъ!

Ніеми ухарски тряхнулъ волосами.

— Тѣмъ лучше, они сами увидятъ, что Куста Ніеми ихъ не боится, а смѣло будетъ бороться противъ ихъ гнета!

— Это не легкая борьба.

— Для слабыхъ—это такъ, но для сильныхъ—одно удовольствіе! Борьба—это настоящая жизнь, внѣ ея—одно прозябаніе!

— Ты знаешь, что о выселеніи торпарей уже получено разрѣшеніе отъ сената.

— Знаю,—твердо отвѣтилъ бывшій рабочій, но они никогда не посмѣютъ приступить къ этому выселенію! Не забудь, что народъ высказалъ своимъ выборомъ депутатовъ въ сеймъ свою волю, а она далеко не согласуется съ мнѣніемъ нынѣшнихъ заправителей края.

— Мнѣ жаль тебя, Куста, ты можешь тяжело поплатиться!

— Никогда, Хилья,—не таковскіе мы люди съ Раухой.

Услышавъ имя соперницы, Ярвиненъ сдѣлала недовольное движеніе. Ніеми замѣтилъ это и понялъ свою ошибку.

— Я никогда не плавалъ по морю; говорятъ, что сразу охватываетъ жуткое чувство страха, когда пароходъ падаетъ съ высокой волны въ бездну, но все-таки испытываешь удовольствіе. Правда это?

— Да, я испытала это чувство, переѣзжая океанъ.

— Тогда ты должна меня понять; то же самое испытываю я при каждой опасности; она меня манитъ и, несмотря на невольный страхъ, доставляетъ жгучее наслажденіе, въ эту минуту я пьянѣю...

Хильѣ представилась Рауха, раздѣляющая съ любимымъ человѣкомъ этотъ жуткій, но прекрасный моментъ, и совершенно безсознательно она сказала:

— Счастливая!

— Мы еще увидимся, Хилья?—спросилъ Куста, не понявъ ея восклицанія.

— Да, но...

— Ее ты не встрѣтишь, мы будетъ одни,—досказалъ ея мысль Ніеми, и они разстались.

XIX.

Упрямый баронъ настоялъ на точномъ исполненіи буквы закона о немедленномъ выселеніи съ его земли торпарей-арендаторовъ. Посланный въ имѣніе отрядъ изъ пятидесяти полисмэновъ, подъ командою ротмистра, долженъ былъ въ присутствіи короннаго фогта принудительно выселить торпарей. Всѣ справедливыя жалобы ихъ на слишкомъ большую продолжительность рабочаго дня и неопредѣленность заработной платы были отклонены сенатомъ; приходилось самому народу ихъ регулировать.

Въ имѣніяхъ шведовъ рабочій день считается отъ 12-ти до 14-ти часовъ, а заработная плата крайне неопредѣленна, при чемъ платятъ большею частью естественными продуктами, мукою, солью и т. д. Это страшно волновало сельское населеніе: подобное отношеніе къ торпарямъ и рабочимъ показывало презрѣніе господствующей національности къ другой.

Тяжело отзывалось на нихъ и отсутствіе правъ у торпарей пользоваться дровами изъ помѣщичьихъ лѣсовъ, пастьбой своего скота на помѣщичьихъ выгонахъ и пр. Торпарскій вопросъ въ Финляндіи настолько серьезенъ и насущенъ, что для разрѣшенія его нельзя прибѣгать къ палліативамъ, онъ требуетъ серьезныхъ коренныхъ реформъ.

Еще только-что забрезжило утро, въ усадьбу къ управляющему были созваны торпари; явились далеко не всѣ.

Несмотря на начало апрѣля, утренники были еще очень свѣжіе; собравшаяся передъ домомъ управляющаго кучка людей, ожидавшая, когда ихъ позовутъ къ нему, поёживалась отъ холода. Сумрачно-печальныя лица были у всѣхъ ихъ; они знали, что снисхожденія отъ барона никакого не будетъ; приходилось разставаться съ домами ихъ отцовъ и дѣдовъ, уходить изъ разореннаго родного гнѣзда, но куда? Они сами этого не знали!

Около семи часовъ, на крыльцѣ появилась высокая фигура управляющаго.

Поздоровавшись кивкомъ головы съ собравшимися торпарями, онъ, не сходя со ступеней лѣстницы, точно чего опасаясь, сухо проговорилъ:

— Вы знаете, что господинъ баронъ не соглашается на ваши предложенія; сенатъ рѣшилъ въ его пользу, но прежде чѣмъ приводить приговоръ этотъ въ исполненіе, онъ поручилъ мнѣ предложить вамъ: девятнадцати—немедленно добровольно выселиться, а прочимъ—выйти на работу и представить поручительства за свои арендные платежи!

— Очень благодаримъ его за подобную милость, — насмѣшливо отозвался Норркулла, вмѣстѣ съ Хухтомяки причисленный къ послѣднимъ,—но мы ничего этого не исполнимъ.

— А мы не выѣдемъ изъ нашихъ домовъ, — раздраженно крикнулъ одинъ изъ „девятнадцати“, — не отдадимъ землю, политую нашимъ потомъ!

— Какъ знаете! — сурово протянулъ управляющій. — Тогда пусть дѣйствуетъ законъ! — Онъ быстро вошелъ въ домъ, убѣдясь, что дальнѣйшіе переговоры излишни.

Перекидываясь отрывистыми словами, стали расходиться собравшіеся по своимъ торпамъ, въ ожиданіи непрошенныхъ, незванныхъ гостей, явившихся въ имѣніе еще наканунѣ.

Норркулла, Тоумасъ и Кирстула шли вмѣстѣ; недалеко отъ усадьбы, за ригой ихъ ожидалъ Куста Ніеми.

— Ты былъ правъ, Куста,—они созвали насъ только для того, чтобы лишній разъ поиздѣваться надъ нами! — сказалъ Норркулла.

— Неужели вы, какъ безсловесныя овцы, побѣжали изъ вашихъ жилищъ при первомъ ихъ появленіи? — желчно спросилъ агитаторъ.

— Что̀ же остается намъ еще дѣлать?—отвѣтилъ болѣе спокойный Туомасъ; но его товарищи, попрежнему возбужденные, думали иначе.

— Я не пойду, пусть тащатъ меня силой! — рѣшилъ Кирстула.

— А мы съ женой уйдемъ до прихода полиціи и запечатаемъ всѣ окна, двери; законъ не позволяетъ вторгаться въ жилище, когда тамъ нѣтъ хозяевъ!

— Да, три дня, а затѣмъ они признаются выбывшими неизвѣстно куда!

— Нѣтъ, сдаваться безъ сопротивленія нельзя; пусть всѣ

узнаютъ, какъ обращаются съ простымъ народомъ эти зазнавшіеся шведы! — горячо сказалъ Куста.

Около полудня началось принудительное выселеніе торпарей.

Отрядъ полицейскихъ констэблей, вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ ротмистромъ, явились въ домъ Кирстулы. Торпарь съ женою и дѣтьми сидѣли за столомъ, самъ Кирстула читалъ вслухъ библію.

— Читать удобнѣе на открытомъ воздухѣ, отправляйтесь отсюда вонъ!—насмѣшливо заявилъ одинъ изъ констэблей. Никто изъ сидящихъ не тронулся съ мѣста, они точно не слышали приказанія.

— Оглохли, должно быть! А ну-ка, товарищи, вытаскивайте все это вонъ! —сказалъ другимъ полицейскимъ первый констэбль.

Изъ дверей полетѣла вся незатѣйливая обстановка крестьянскаго обихода; сиротливо прижавшись въ углу комнаты, стояла семья торпаря, печально смотря на разрушеніе родного гнѣзда.

— Ну, маршъ вонъ отсюда! — приказалъ имъ злой ротмистръ, вошедшій въ домъ для послѣдняго осмотра, и замѣтивъ, что приказаніе его не исполняется, настойчиво повторилъ его.

— Если не пойдете сами, я прикажу вывести васъ силой!

Медленно, точно за гробомъ дорогого покойника, двинулась изъ торпы обездоленная семья.

Домъ сейчасъ же былъ опечатанъ; отрядъ двинулся дальше, не обращая вниманія на выселенныхъ съ ихъ жалкимъ, отчасти переломаннымъ скарбомъ.

За первымъ выселеніемъ послѣдовали и дальнѣйшія. Въ нѣкоторыхъ торпахъ полицейскіе принуждены были разрушить печи, выставлять окна, снимать съ петель двери, чтобы не дать возможности выселеннымъ поселиться снова въ торпѣ.

Почти нигдѣ не было оказано активнаго сопротивленія полиціи—финны уважаютъ законъ,—но одну торпу пришлось осаждать, чтобы выселить ея жителей; двѣ изъ нихъ были оставлены ея владѣльцами и запечатаны, въ томъ числѣ торпа Норркуллы.

— Хорошо, пусть потѣшится, — насмѣшливо замѣтилъ ротмистръ;—черезъ три дня мы вернемся сюда и все равно выкинемъ вонъ его тряпье!

Въ нѣкоторыхъ торпахъ движимость была описана на покрытіе взысканій въ пользу помѣщика. Постороннихъ зрителей въ этотъ день собралось немного.

Корреспондента газеты „Aamulehti“, присутствовавшаго при выселеніи торпарей, коронный фогтъ и ротмистръ не только лишили права присутствовать при исполнительныхъ дѣйствіяхъ,

но отобрали фотографическій аппаратъ и пластинки съ сдѣланными уже снимками.

— Вы не имѣете на это права!—горячился корреспондентъ.

— Право жаловаться на насъ губернатору остается за вами, это вѣрно,—возразилъ фогтъ, не обращая вниманія на угрозы журналиста.

Выселеніе торпарей принимало все бо̀льшіе размѣры, число разоренныхъ торпарскихъ хозяйствъ увеличивалось.

XX.

Къ ночи, тихонько крадучись, въ торпу Норркуллы вернулись самъ хозяинъ съ женою и Ніеми, весь день пробродившіе въ лѣсу. Торпарь снялъ свои печати, отворилъ двери, всѣ вошли въ домъ.

— Черезъ три дня, все равно, придется уходить отсюда навсегда!—задумчиво проговорила жена.

— Мы посмотримъ, какъ-то посмѣютъ они сюда сунуться!—пробормоталъ Куста, ощупывая револьверъ.

Самъ торпарь, тяжело опустивъ голову на руки, сидѣлъ у стола, пришибленный горемъ. Кто-то робко постучалъ въ стекло. Всѣ встрепенулись, пытливо глядя въ темное стекло.

— Это навѣрно Каппери, она хотѣла сегодня вернуться,—сказалъ Ніеми, отворяя дверь; въ комнату вошла Хилья.

Мужчины недоумѣвающе на нее посмотрѣли, ожидая, что̀ она имъ скажетъ.

— Послѣдними очищены двѣ маленькія то̀рпы Пилонена и Койвисто, близъ деревни Паюлахти. У Пилонена всѣ постройки снесены; въ торпѣ Койвисто, выкинута вся движимость, опечатаны двери и окна,—торопливо разсказывала она имъ.

— А у васъ, у Туомаса,—спросила жена Норркуллы,—они были?

— Нѣтъ, сегодня не успѣли, далеко; вѣроятно—завтра...

— Чѣмъ рѣшилъ Хухтомяки?

— Онъ согласился ѣхать со мною въ Америку. Тойво подыщетъ ему земли рядомъ съ нами.

— Какъ, развѣ и ты уѣзжаешь? — спросилъ Куста.

Хилья пожала нерѣшительно плечами.

— Не сейчасъ еще, а послѣ....

— Жаль, ты мнѣ очень нужна теперь!

— У тебя есть Рауха,—рѣзко отвѣтила женщина.

— Что̀ жъ изъ этого? Вы обѣ можете оказать большую пользу нашему общему дѣлу.

— Ты меня знаешь, Куста, я дѣлиться не умѣю.

Ніеми закусилъ недовольно губу.

— Къ чему мелочное самолюбіе, когда дѣло идетъ о пользѣ родной страны!

— Оставайтесь ночевать у насъ, пока еще „у насъ“, — предложила хозяйка, — возвращаться къ зятю вамъ не близко.

Хилья безпокойно оглянулась, точно желая узнать, здѣсь ли Рауха.

— Рано утромъ мы снова всѣ уйдемъ въ лѣсъ; вы отправитесь съ нами.

Хилья не возражала.

Ночь вскорѣ миновала, стало свѣтлѣть, нужно было уходить въ лѣсъ.

— Я останусь здѣсь, а вы ступайте, — предложилъ агитаторъ; — привѣсьте замокъ къ двери, приложите печати и уходите.

— Все равно, — согласился торпарь: — разъ домъ запечатанъ, никто не смѣетъ въ него войти, а тебѣ, дѣйствительно, здѣсь безопаснѣе. — Идемте, Ярвиненъ.

Хилья видимо колебалась.

— Я останусь съ нимъ здѣсь, — тихо промолвила она.

— Къ чему? тебя никто не преслѣдуетъ, пойдемъ вмѣстѣ съ нами, я провожу тебя до самой торпы Хухтомяки.

— Нѣтъ, я останусь здѣсь, — рѣшительно отвѣтила Ярвиненъ.

— Какъ знаешь, тебѣ виднѣе.

Двери были запечатаны снаружи, и Норркулла съ женою сейчасъ же ушли въ лѣсъ; медлить дольше было нельзя: дорога изъ имѣнія къ неочищеннымъ еще торпамъ лежала здѣсь, распечатанныя двери дома могли обратить вниманіе констэблей.

Хилья и Куста остались вдвоемъ въ пустой торпѣ.

Въ это время полицейскій отрядъ проходилъ мимо дома.

— Хозяинъ все еще не возвращался, печати не сняты, — замѣтилъ ротмистръ, — подождемъ еще два дня.

Одинъ изъ констэблей подошелъ ближе къ окну, желая провѣрить, пустъ ли домъ дѣйствительно. Онъ осторожно заглянулъ въ комнату и сейчасъ же подбѣжалъ къ начальнику.

— Въ торпѣ кто-то есть. Я видѣлъ чье-то лицо, — передалъ онъ о своемъ наблюденіи.

— Тѣмъ лучше, намъ не придется терять лишняго времени и выжидать два дня.

Ротмистръ подошелъ къ двери и громко постучалъ въ нее.

— Именемъ закона — отворите, иначе я взломаю двери!

— Бѣги, Куста, черезъ окно! — испуганно прошептала Хилья,

убѣдившись, что ихъ пребываніе открыто.—Я задержу ихъ здѣсь, до лѣса недалеко.

— Это не удастся, у окна караулятъ!

— Можетъ быть, тебя они не знаютъ.

— Многіе изъ констэблей—мои старые знакомые, имъ не разъ приходилось за мною охотиться, да и самому ротмистру я не безъизвѣстенъ.

— Какъ же быть, что дѣлать? — съ отчаяніемъ повторила Хилья.

Не получая отвѣта, ротмистръ повторилъ еще разъ приказаніе.

— Выходи къ нимъ, Хилья, а я попробую спастись иначе,— подъ впечатлѣніемъ какой-то новой мысли, пришедшей въ голову, поспѣшно сказалъ Ніеми.—Ночью приходи къ лѣсу, я тебя тамъ встрѣчу.

И не ожидая отъ нея отвѣта, онъ вбѣжалъ во вторую комнату и заперъ за собою дверь; слышно было, какъ онъ ворочалъ тяжелымъ дѣдовскимъ комодомъ, заставляя имъ дверь.

Наружную дверь уже ломали.

— Вы вѣдь не жена торпаря Норркуллы? — немного смутившись, при видѣ красивой молодой женщины, спросилъ ротмистръ.

— Нѣтъ, я ночевала только здѣсь.

— Одна? Едва-ли: мы слышали голоса.

Хилья молчала; она не знала, что ей отвѣтить.

— Тамъ остался Норркулла?

— Нѣтъ, не онъ.—Она не хотѣла вредить торпарю.

— Такъ кто же, наконецъ?

Она не успѣла еще отвѣтить, какъ снаружи раздались крики полицейскихъ:

— Пожаръ! Пожаръ!

Ротмистръ бросился вонъ изъ горящей торпы, увлекая за собою Ярвиненъ, несмотря на ея сопротивленіе.

Задняя часть дома была вся въ огнѣ; старое, высохшее, какъ порохъ, строеніе пылало факеломъ.

Только теперь поняла Хилья намѣреніе агитатора поджечь торпу и въ суматохѣ пожара убѣжать.

— Куста, Куста! — съ отчаяніемъ закричала она, забывъ, что этимъ крикомъ выдаетъ его и пытаясь проникнуть въ горѣвшее зданіе.

— Вотъ какая птица спряталась въ торпѣ,—Куста Ніеми! Его нужно изловить живого,—сказалъ ротмистръ.—Обнаружено,

что онъ—главный виновникъ похищенія двадцати килограммовъ динамита въ Кюрекоски!

— Лэндсманъ дознался, что онъ же, Ніеми, убилъ инженера Седерлунда,—сообщилъ констэбль.

— Не упустите же его, если это такъ, смотрите хорошенько, гдѣ онъ выпрыгнетъ!

Торпа продолжала горѣть, но Куста не показывался изъ нея.

Съ широко-раскрытыми глазами, съ помертвѣвшимъ лицомъ стояла передъ пожарищемъ Хилья; она рвалась изъ рукъ державшихъ ее полицейскихъ.

— Неужели убѣжалъ? Жалко! — замѣтилъ ротмистръ, зорко слѣдя за догоравшимъ зданіемъ.

Рухнула крыша, провалились стѣны, догорали жалкіе обломки торпы...

Отъ лѣса бѣжали привлеченные пожаромъ своего жилища торпарь съ женою и какая-то женщина.

Констэбли подошли къ развалинамъ и стали растаскивать еще дымившіяся головешки.

Къ ротмистру подошелъ полицейскій и что-то ему тихо сказалъ. Офицеръ изумленно его выслушалъ.

— Неужели?

— Весь обгорѣлъ; трудно узнать даже, что̀ это за человѣкъ!

Хильѣ удалось вырваться отъ державшихъ ее констэблей; точно дикая кошка, она въ нѣсколько прыжковъ подбѣжала къ пожарищу.

— Куста!—вырвался ея отчаянный крикъ.

Передъ ней, полуприкрытый сгорѣвшими обломками, лежалъ товарищъ ея дѣтскихъ игръ, обезображенный до-нѣльзя огнемъ!

— Куста! — точно эхомъ повторила подбѣжавшая одновременно Рауха.

Обѣ соперницы встрѣтились у трупа любимаго ими человѣка.

Спустя двѣ недѣли, черезъ Ганге отправлялся въ Америку Туомасъ Хухтомяки съ семьею; онъ везъ съ собою къ мужу помѣшавшуюся внезапно Хилью. Въ газетной хроникѣ было напечатано: „Вчера въ водопадъ, двигающій фабрику, принадлежащую диспоненту Хагману, бросилась работница Рауха Каппери“...

Г. Сѣверцевъ-Полиловъ.

МАКЕДОНІЯ

И

ТУРЕЦКІЕ ВЪ НЕЙ ПОРЯДКИ

Путевыя впечатлѣнія.

Три года назадъ, послѣ мюрцштегкаго соглашенія, Австрія и Россія съ большою помпою выступили въ роли реформаторовъ Македоніи. Тогда ихъ миссія была встрѣчена на Балканскомъ полуостровѣ съ восторгомъ многими политическими кругами, не хотѣвшими помнить традиціонную неискренность Австріи и ея всегдашнее несочувствіе прогрессивнымъ реформамъ, въ какомъ бы углу земного шара онѣ ни затѣвались. Еще менѣе въ Софіи и Салоникахъ задумывались надъ противорѣчивымъ положеніемъ русскаго правительства, которое одновременно являлось рѣшительнымъ врагомъ освободительнаго движенія у себя дома и собиралось энергично проводить реформы „за морями".

Теперь маска снята: восторженныя ожиданія смѣнились уныніемъ, всѣ карты открыты, и когда Англія, послѣ замѣны консервативнаго кабинета либеральнымъ, захотѣла взять на себя иниціативу различныхъ улучшеній въ Македоніи, Россія и Австрія откровенно высказались противъ этого, подъ предлогомъ „несвоевременности". Между тѣмъ, всего годъ тому назадъ, путешествуя по несчастной странѣ, страдающей и отъ турецкаго деспотизма, и отъ лицемѣрія непрошенныхъ благодѣтелей, я постоянно слышалъ, какъ дипломаты и другія оффиціальныя лица

не иначе говорили о нашемъ отечествѣ и объ Австро-Венгріи, какъ называя ихъ „les grandes puissances réformatrices“.

Никто при этомъ не улыбался; одни слушали эти слова, другіе произносили ихъ совершенно серьезно. То была дань привычкѣ. Между тѣмъ результаты реформаторской дѣятельности „этихъ puissances“ оказывались на лицо: я увидѣлъ женщинъ и дѣтей, прострѣленныхъ пулями турецкихъ солдатъ, присутствовалъ на политическихъ процессахъ, при которыхъ подсудимыхъ запираютъ въ желѣзную клѣтку, имѣлъ рѣдкую для туриста возможность посѣтить ужасную турецкую тюрьму Эди-куле, гдѣ встрѣтилъ болѣе тысячи заключенныхъ борцовъ за свободу.

Единогласныя утвержденія жителей, съ которыми мнѣ пришлось бесѣдовать, сводились къ тому, что никогда страданія болгарскаго элемента, численно преобладающаго въ странѣ, не были такъ велики, массовыя убійства—такъ безпрерывны, положеніе—такъ безнадежно, какъ въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, когда турецкая власть, поощряемая присутствіемъ бездѣятельныхъ представителей Россіи и Австріи, глумится надъ упованіями порабощеннаго народа.

Страшно выговорить, а между тѣмъ это такъ: до мюрцштегскаго соглашенія Македонія, среди ужасовъ, творимыхъ турками, сохраняла лучъ надежды на вмѣшательство извнѣ, по временамъ аппелировала къ Европѣ, терпѣливо ожидая отъ нея помощи. Администрація, дѣйствующая именемъ падишаха, тоже считала подобную „помощь“ возможной и поэтому держала себя хоть съ нѣкоторой опаской. Но когда явились представители Россіи и Австріи, гг. Демерикъ и Мюллеръ, совершенно подчинившіеся турецкому вліянію, всякая надежда исчезла, и Македонія превратилась въ Дантовъ адъ.

Генералъ-губернаторъ Хильми-паша не гоняется за мелочами; онъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы гражданскіе и военные представители иностранныхъ державъ жили подлѣ него со всевозможной пышностью, комфортомъ и давали полный просторъ своему тщеславію. Да, въ этомъ просвѣщенный турокъ не мѣшаетъ. Но, ревниво оберегая свою полную фактическую самостоятельность, онъ обезвредилъ иностранныхъ опекуновъ, помогая имъ получать награды отъ султана Абдулъ-Гамида.

Послѣднее обстоятельство, явно предосудительное, отнимаетъ у quasi-реформаторовъ всякое значеніе, потому что по существу ихъ миссія должна была идти въ разрѣзъ съ видами Порты. Такъ смотрѣла на это дѣло Европа и даже Турція, сперва встрѣтившая иностранцевъ довольно враждебно. Но восторжен-

ные отзывы объ этихъ непрошенныхъ помощникахъ, высказанные мнѣ Хильми-пашой, лучше всего доказываютъ, до какой степени они безполезны и даже вредны.

Наконецъ, финальнымъ аккордомъ въ ряду моихъ впечатлѣній явились слова начальника русской жандармеріи въ Македоніи. Генералъ съ похвальной откровенностью констатировалъ, что послѣ двухлѣтнихъ усилій иностранныхъ офицеровъ положеніе несчастнаго края еще ухудшилось.

Принимая во вниманіе современное положеніе Россіи и доказанную неспособность нашей бюрократіи къ творческой дѣятельности, нельзя не признать, что дипломатическій шагъ, приведшій насъ къ роли реформаторовъ въ чужомъ краю, создаетъ международный скандалъ, и чѣмъ скорѣе онъ прекратится, тѣмъ лучше.

Ознакомившись съ моими путевыми наблюденіями, читатель получитъ возможность судить, въ какой мѣрѣ справедливо рѣзкое замѣчаніе, сдѣланное въ послѣднихъ строкахъ.

I.

— Вы собираетесь въ Македонію?— сказалъ мнѣ знакомый профессоръ.—Это превосходная идея; но, скажите, кто за вами стоитъ? Въ турецкой имперіи вообще, а теперь въ особенности, для путешественника все сводится къ вопросу, подъ защитой какого консульства онъ находится. Американцы и англичане могутъ ожидать лишь маленькихъ непріятностей; довольно сносно поставлены въ этомъ отношеніи нѣмцы; но русскіе, болгары, армяне, переступая турецкую границу, должны имѣть въ карманѣ хорошія рекомендаціи, которыя тоже могли бы поставить ихъ подъ защиту англійскихъ, американскихъ или германскихъ консуловъ.

Такъ какъ, по разнымъ причинамъ, мнѣ разсчитывать на консуловъ не приходилось, то ученый мужъ, хорошо знакомый съ положеніемъ дѣлъ въ Македоніи, объявилъ послѣ минутной паузы, что при данныхъ обстоятельствахъ остается единственная возможность безопасно проникнуть въ запретный край, а именно, тѣми тайными каналами, которыми идутъ транспорты, почта и гонцы „внутренней македонской организаціи“.

Подобный планъ былъ очень соблазнителенъ, но я отказался отъ него потому, что цѣль поѣздки составляли не сенсаціонныя свѣдѣнія, на которыя такъ падка „желтая пресса“ всѣхъ странъ,

а, по возможности, разностороннія наблюденія надъ бытомъ обездоленнаго населенія, къ какой бы изъ борющихся группъ и національностей оно ни принадлежало. Между тѣмъ, отдать себя попеченіямъ самоотверженной „внутренней организаціи“ значило бы пробираться по ночамъ глухими тропинками по ущельямъ и скаламъ, а днемъ прятаться въ какой-нибудь пастушеской хижинѣ, обмѣниваясь мыслями съ удалымъ воеводой.

Не сомнѣваюсь, при подобной обстановкѣ можно встрѣтить много интересныхъ эпизодовъ и наткнуться на самыя романтическія приключенія. Но зато отсутствовала бы разносторонность наблюденій.

„Нѣтъ, — рѣшилъ я, — надо ѣхать скромно, съ обыкновеннымъ паспортомъ, не обращая на себя ничьего вниманія; а когда все будетъ кончено, можно въ Салоникахъ попросить свиданія съ Хильми-пашой и другими представителями оффиціальнаго міра“.

Однако, недаромъ сказано: „иллюзіи гибнутъ, — факты остаются“. Собесѣдникъ былъ неумолимъ. Онъ доказалъ, что шпіонство въ Турціи отнюдь не носитъ наивнаго характера. Это — сила могущественная, организованная. Въ такихъ деспотіяхъ можетъ не быть школъ, правосудія, можетъ даже не хватать денегъ на содержаніе порядочной арміи, но сыскъ поставленъ широко, роскошно и оплачивается щедро. Достаточно путешественнику появиться въ первомъ пограничномъ пунктѣ, какъ власти, посредствомъ телеграфныхъ сношеній, безъ труда установятъ, что передъ ними журналистъ, и отнимутъ всѣ способы наблюдать, изучать, видѣть, если за даннымъ лицомъ нѣтъ прямой и вліятельной дипломатической поддержки.

Взвѣсивъ всѣ эти обстоятельства, я вознамѣрился повести дѣло совершенно открыто, и попросилъ болгарскаго министра иностранныхъ дѣлъ снестись съ представителемъ Турціи, откровенно поставивъ послѣдняго въ извѣстность о цѣли моего путешествія.

Генералъ Петровъ, съ обычной деликатностью, устроилъ все очень быстро, и въ результатѣ на моемъ паспортѣ появилось нѣсколько строчекъ замысловатаго турецкаго письма, составлявшихъ своего рода охранную грамоту. Правда, и послѣ этого всѣ люди, знающіе Македонію, съ которыми я встрѣчался, скептически покачивали головами, увѣряя, что теперь тамъ настоящимъ, реальнымъ правительствомъ, располагающимъ организованнымъ кадромъ дисциплинированныхъ подчиненныхъ, является только „внутренняя организація“. Подобно тому, какъ всѣ до-

роги ведутъ въ Римъ, всѣ знакомые, даже стоящіе въ сторонѣ отъ македонскихъ дѣлъ, твердили въ одинъ голосъ: „повидайтесь съ предсѣдателемъ центральнаго комитета внутренней организаціи".

Въ свое время Парнелля называли некоронованнымъ королемъ Ирландіи. Я убѣдился, что по отношенію къ Македоніи такое же положеніе занимаетъ человѣкъ, голосъ котораго, среди царящей въ странѣ анархіи, имѣетъ больше силы, чѣмъ султанскій фирманъ. Сѣть комитетовъ покрываетъ весь край; приказанія отдаются категорически, исполняются быстро и точно. Авторитетъ этого „правительства", съ виду тиранническаго, громаденъ, такъ какъ оно поставлено самимъ населеніемъ.

Но гдѣ активъ? гдѣ плоды его дѣятельности?—спроситъ читатель. На этотъ вопросъ получается обстоятельный отвѣтъ: среди пожаровъ, убійствъ и всевозможныхъ насилій было трудно сплотиться, спокойно взвѣсить всѣ условія и овладѣть положеніемъ. Однако это сдѣлано. Прежде всего, не безъ борьбы, пришлось совершенно отказаться отъ услугъ повстанческихъ отрядовъ, приходящихъ извнѣ и дѣйствующихъ самостоятельно. Объясняя причины такого рѣшенія, ученый, о которомъ я упоминалъ, сказалъ мнѣ, что подобные отряды или четы не только не приносятъ измученному населенію Македоніи пользы, а наоборотъ, обыкновенно, являются источникомъ большихъ бѣдствій. Во-первыхъ, что̀ совершенно естественно, они не такъ хорошо знаютъ мѣстность, какъ туземцы, и бываютъ вынуждены принять битву съ турецкими войсками въ неблагопріятныхъ условіяхъ. Между тѣмъ, при партизанской войнѣ диспозиція значитъ—все. Горсть храбрецовъ, засѣвшая въ неприступныхъ скалахъ, можетъ съ утра до вечера отбивать аттаку цѣлаго батальона и скрыться съ наступленіемъ ночи; тогда какъ случайная встрѣча повстанцевъ съ турецкими войсками на равнинѣ обрекаетъ первыхъ на гибель, благодаря постоянному численному перевѣсу турокъ. Кромѣ того, неожиданная битва, обыкновенно, компрометируетъ ближайшія селенія, такъ какъ, въ концѣ концовъ, въ пылу перестрѣлки повстанцы стремятся воспользоваться прикрытіемъ, отстрѣливаются изъ домовъ и изъ-за стѣнъ деревушки, а когда они будутъ перебиты или уйдутъ, турки жестоко отомстятъ населенію, сожгутъ деревню, переколютъ жителей. Во-вторыхъ, четы, приходящія со стороны, обыкновенно довольно велики, и почти невозможно снабжать ихъ провіантомъ изо дня въ день, не возбудивъ подозрѣнія властей. Между тѣмъ, отряды внутренней организаціи могутъ состоять изъ пяти, трехъ и даже двухъ человѣкъ, но они прекрасно

знаютъ, что къ ихъ услугамъ многочисленные склады оружія и тысячи товарищей по всей странѣ. Иногда нѣсколько инсургентовъ затѣваютъ перестрѣлку съ турками, и въ то время, какъ послѣдніе, опираясь на свою численность, уже собираются раздавить враговъ или окружить ихъ, въ тылу вдругъ появляются сотни повстанцевъ, обращающихъ турокъ въ бѣгство. Это значитъ, что сраженіе было умышленно начато съ малыми силами, а, по приказанію мѣстныхъ комитетовъ, въ рѣшительную минуту въ немъ приняли участіе вооруженные жители сосѣднихъ деревень, только ожидавшіе сигнала. Величайшимъ доказательствомъ силы внутренней организаціи было мѣропріятіе экономическаго характера, проведенное съ успѣхомъ. Она приказала поднять по всей странѣ плату за полевыя работы съ 1 фр. 20 сант. въ день до 2 фр., или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, до 1 фр. 60 сант., но съ тѣмъ, чтобы пища была хозяйская и притомъ опредѣленнаго качества. Любопытные эпизоды разыгрались на почвѣ этого распоряженія, мгновенно получившаго силу непреложнаго закона. Бей (или бекъ) зоветъ работника на поденщину; тотъ заявляетъ о повышеніи цѣны, и при дальнѣйшихъ переговорахъ откровенно и ясно даетъ понять, что таково распоряженіе комитета. Бей озадаченъ, но, уже наученный опытомъ, понимаетъ, что говорящій съ нимъ „райя“ тутъ не виноватъ: передъ ними обоими стоитъ неумолимая сила, которой обязаны подчиняться и наниматель, и наемникъ; въ противномъ случаѣ—комитетъ безпощаденъ,—его пуля найдетъ ослушника.

Я не дѣлаю выводовъ, а только разсказываю факты; худъ или хорошъ такой образъ дѣйствій, но, повидимому, онъ—единственно возможный среди анархіи, царящей въ странѣ. Центральный комитетъ слишкомъ далекъ отъ сентиментальности, и его голосъ явственно слышенъ среди зарева пожаровъ и ружейныхъ залповъ. Рѣшительно высказавшись за автономію, внутренняя организація взяла на себя тяжелый трудъ защищать обездоленныхъ, чинить правосудіе, возстановлять нарушенную справедливость, безразлично, касается ли дѣло отдѣльныхъ лицъ или цѣлаго общественнаго класса. Зрѣло обдуманная и настойчиво проведенная мѣра объ увеличеніи рабочей платы немедленно осуществлена повсемѣстно, и населеніе знаетъ, что на стражѣ его интересовъ стоятъ люди, внимательные къ экономическимъ нуждамъ и не упускающіе изъ вида перспективы вооруженнаго возстанія.

— Вамъ нужно повидаться съ главой центральнаго комитета,—сказалъ мнѣ давнишній пріятель, предсѣдатель одной изъ провинціальныхъ группъ. То же повторяли учителя, общественные

дѣятели, люди, только-что вернувшіеся съ македонскихъ пожарищъ, и я послѣдовалъ ихъ совѣту.

Предо мной нестарый человѣкъ, окончившій курсъ въ заграничномъ университетѣ и съ той поры не перестававшій одновременно работать на культурномъ и революціонномъ поприщѣ въ Македоніи. Онъ одинаково оцѣненъ обѣими сторонами, т.-е. извѣдалъ тяжесть турецкихъ кандаловъ, ручныхъ и ножныхъ, но зато извѣдалъ также и тяжесть отвѣтственности, возложенной на него довѣріемъ населенія. Получать десятки трагическихъ извѣстій, на каждое изъ нихъ реагировать въ самой активной формѣ, стараясь все предвидѣть, удерживать однихъ, поощрять другихъ, болѣть душой за всѣхъ и никогда не терять голову,—вотъ его миссія. Съ виду спокойный, безстрастный, твердый, какъ скала, онъ далъ мнѣ много интересныхъ свѣдѣній, пока не подлежащихъ опубликованію, сказавъ между прочимъ:

— Если васъ интересуетъ экономическій и юридическій бытъ моихъ соотечественниковъ, то обратите вниманіе на такія-то мѣстности. Европа содрогнется, узнавъ объ обширныхъ группахъ людей, лишенныхъ всѣхъ имущественныхъ и человѣческихъ правъ. Вы увидите сельскихъ жителей, у которыхъ нѣтъ ни движимой, ни недвижимой собственности; даже одежда этихъ людей принадлежитъ „беямъ". Вѣчный трудъ на чужой нивѣ и другія условія жизни фактически превратили ихъ въ рабовъ; у нихъ нѣтъ права передвиженія, такъ какъ бекъ, являющійся кредиторомъ того или иного села, опираясь на турецкія власти, можетъ все запретить человѣку, состоящему въ неоплатномъ долгу и даже имѣющему на плечахъ одежду, принадлежащую ему, беку. Всего ужаснѣе, что экономическій гнетъ и юридическое безправіе убили въ этихъ несчастныхъ вѣру въ возможность лучшаго будущаго; они трепещутъ при звукѣ мало-мальски независимаго слова, и агентамъ комитета, въ мѣстностяхъ, правда, немногочисленныхъ, съ подобнымъ населеніемъ справляться со своей задачей очень трудно, такъ какъ нельзя спасать людей вопреки ихъ желанію. („Но какъ того освободить, кого пугаетъ видъ свободы?")

По поводу оффиціальныхъ опекуновъ Македоніи глава внутренней организаціи замѣтилъ, что теперешняя система, къ которой прибѣгли комитеты, приводитъ въ негодованіе представителей Австріи. По мнѣнію одного изъ нихъ, можно было бы передушить всѣ четы, но совершенно нельзя бороться съ революціонными агентами, неуловимыми и почти незримыми, которые въ одиночку и парами наводняютъ страну, сохраняя столь невинную внѣшность, что невозможно распознать, агитаторъ ли это,

или обычный поселянинъ. Между тѣмъ, они знаютъ все, что кругомъ дѣлается, безпрестанно воодушевляютъ, организуютъ, контролируютъ...

— Итакъ, Австрія жалѣетъ, что не можетъ убить ячейки вашей свободы; а какова роль Демерика?—спросилъ я.

Послѣ нѣкоторой паузы, послѣдовалъ осторожный отвѣтъ:

— Ну, Демерикъ держитъ себя довольно нейтрально.

Выше я упомянулъ о турецкихъ кандалахъ; вотъ маленькій эпизодъ, иллюстрирующій эти слова. На дняхъ мнѣ пришлось встрѣтиться съ интеллигентнымъ человѣкомъ, который за участіе въ послѣднемъ возстаніи былъ приговоренъ къ каторгѣ *на 101 годъ.* Турки отправили его въ знаменитый Сен-Жан-д'Акръ, заковавъ въ кандалы; однако, осужденному и его товарищамъ было позволено взять съ собой необходимыя въ виду столь „продолжительнаго" заключенія вещи. Нѣкоторые захватили даже тюфяки. У моего знакомаго оказались задѣланными въ поясъ нѣсколько червонцевъ, и, несмотря на обыски, возможные во время трехнедѣльнаго пути, деньги эти найдены не были. По прибытіи на мѣсто, ихъ пришлось внести начальнику, который откровенно взялъ часть въ свою пользу, а остальныя позволилъ узнику расходовать на улучшеніе пищи. Кандалы были сняты еще дорогой. Въ С.-Жанъ-д'Акрѣ находится много каторжниковъ, главнымъ образомъ арабовъ, бедуиновъ; ихъ подвергаютъ суровому режиму, но положеніе болгаръ и армянъ гораздо хуже; невѣжественная стража знаетъ одно, что это враги падишаха,—ихъ, т.-е. человѣкъ восемьдесятъ, держали въ отдѣльной клѣткѣ, давая лишь ½ килограмма хлѣба въ сутки. Кто не имѣлъ денегъ, былъ вынужденъ заниматься работой, номинально добывая плетеніемъ корзинъ *30* сантимовъ въ день; фактически же этотъ заработокъ понижался до *5* сант., благодаря тому, что заказчики обкрадывали несчастныхъ, поставляя имъ по непомѣрно высокимъ цѣнамъ кофе и кусочки сахара. При такой обстановкѣ изнывалъ мой знакомый, перенесенный волей судебъ изъ стѣнъ вѣнскаго университета въ живую могилу.

Свобода пришла вдругъ, неожиданно. Султанъ объявилъ амнистію на основаніи болгаро-турецкаго соглашенія 1904 г. Какъ видите, о туркахъ можно сказать словами поэта: „Зла съ добромъ роковое смѣшеніе"... Съ одной стороны — кандалы и ½ кил. хлѣба въ день, но зато съ другой—тюфяки и совершенно реальная амнистія, превратившая *101* годъ каторги въ *1* годъ.

II.

Проѣхавъ нѣсколько верстъ между сплошными садами, я попалъ въ житницу западной Болгаріи.

Боже мой, какъ щедра здѣсь природа!

Издали вамъ кажется, что справа и слѣва отъ дороги—простыя заросли. Между тѣмъ, это знаменитые кюстендильскіе сады, гдѣ зрѣютъ сливы, сладкія, какъ медъ, и огромное количество винограда, составляющаго предметъ сбыта на столичномъ рынкѣ.

Въ какой степени плодородіе обусловливается трудами человѣческихъ рукъ—рѣшить трудно. Во всякомъ случаѣ, эти руки работаютъ здѣсь не слишкомъ много. Обильные урожаи въ садахъ и поляхъ зависятъ отъ превосходной почвы и исключительно благопріятнаго климата: кюстендильская котловина, съ окружностью въ нѣсколько десятковъ верстъ, со всѣхъ сторонъ окружена горами, благодаря чему нѣтъ ни рѣзкаго вѣтра, ни чувствительнаго мороза. Кромѣ того, горячіе ключи сочатся подъ землей и нагрѣваютъ ее. Здѣсь въ изобиліи встрѣчаются цѣлебные источники, сѣрные и желѣзные. Температура первыхъ доходитъ до 72° по Цельсію.

Мой спутникъ, соціалистическій писатель, еще ранѣе, чѣмъ экипажъ остановился передъ гостинницей, успѣваетъ узнать, что вечеромъ предстоитъ рабочее собраніе. Но въ этомъ городѣ, лишенномъ фабрикъ и заводовъ, гдѣ сытость населенія и изобиліе плодовъ земныхъ бьютъ въ глаза, отсутствуютъ самые могущественные рычаги, заставляющіе тружениковъ въ другихъ мѣстахъ сплотиться въ обширную группу или создать многолюдную организацію.

Не могу не подѣлиться съ читателемъ свѣдѣніями объ одной очень колоритной подробности болгарской общественной жизни. По мѣрѣ распространенія типографій, населеніе оповѣщается печатными объявленіями; но въ захолустьяхъ до сихъ поръ существуютъ глашатай и общественный барабанъ. Мнѣ случалось неоднократно слышать въ маленькихъ городахъ звуки барабана, сопровождаемые громкимъ заявленіемъ о томъ, что судебный приставъ будетъ продавать въ такомъ-то часу съ публичнаго торга такое-то имущество. Различныя распоряженія общиннаго управленія доводятся до свѣдѣнія публики такимъ же способомъ.

Однако, для меня было неожиданностью, что иногда пригла-

шенія на соціалистическія лекціи или собранія обставляются совершенно такъ же. Въ большинствѣ случаевъ, правда, прибѣгаютъ къ помощи печатнаго станка; но иногда, ради выигрыша времени и во избѣжаніе лишнихъ расходовъ, нанимается глашатай съ общиннымъ барабаномъ. Вотъ ужъ подлинно: „что городъ, то норовъ".

Маленькаго прикосновенія къ македонскимъ дѣламъ было достаточно, чтобы осязательно и конкретно столкнуться съ идеей политической свободы или, по крайней мѣрѣ, съ тѣми формами, въ которыхъ она воплотилась здѣсь. Я спросилъ слугу въ гостинницѣ, какимъ образомъ разыскать такое-то лицо. Продолжая смахивать пыль съ дорожнаго чемодана, тотъ невозмутимо отвѣтилъ:

— Онъ теперь засѣдаетъ въ македонскомъ революціонномъ комитетѣ, но скоро зайдетъ сюда ужинать.

Да, черезъ нѣсколько верстъ, по ту сторону границы, такія слова будетъ опасно произносить даже шопотомъ. А здѣсь дѣятельность внутренней македонской организаціи кипитъ у всѣхъ на глазахъ.

Нѣсколько минутъ спустя, вожакъ мѣстной македонской группы обсуждалъ со мною подробности предстоящей поѣздки. Онъ сообщилъ, что еще на дняхъ англійскіе журналисты, гг. Муръ и Бакстонъ, проѣхали черезъ Кюстендиль въ Оттоманскую имперію и сдѣлались предметомъ черезчуръ любезнаго вниманія турокъ, благодаря чему ихъ поѣздка съ конвоемъ превратилась въ поѣздку „подъ конвоемъ". Напримѣръ, подъ предлогомъ заботъ о спокойствіи и объ удобствахъ почетныхъ путешественниковъ, турецкія власти немедленно удаляли изъ гостинницы, гдѣ тѣ останавливались, всѣхъ прочихъ обитателей и ставили у дверей часовыхъ. Населеніе, настроенное весьма нервно, дѣлало усилія, чтобы завязать сношенія съ иностранцами; тѣ въ свою очередь старались видѣться и разговаривать съ потерпѣвшими отъ насилій и ихъ знакомыми, но прорвать любезный турецкій кордонъ удалось лишь съ большимъ трудомъ.

Только-что получено извѣстіе черезъ гонцовъ, что въ Кумановскомъ округѣ, по направленію Щипской казы, былъ слышенъ шумъ битвы и даже пушечные выстрѣлы. Результатъ неизвѣстенъ. Но такъ какъ артиллерія рѣдко употребляется при подавленіи четъ, то дѣлаютъ предположеніе о довольно серьезной стычкѣ. Мой путь лежитъ именно туда, черезъ Куманово, въ Ускюбъ (Скопіе). Два года назадъ, Кюстендиль напоминалъ повстанческій

арсеналъ. Тогда здѣсь открыто фабриковались бомбы, двѣ изъ которыхъ, конечно, неначиненныя, взятыя изъ рукъ воеводы, я тогда же демонстрировалъ въ Западной Европѣ, дѣлая публичные доклады о македонскомъ возстаніи. Теперь, несмотря на дѣятельныя заботы объ оружіи, о бомбахъ, о снаряженіи четниковъ, о помощи раненымъ, которые постоянно сюда являются,—центръ тяжести вниманія комитетовъ лежитъ въ культурныхъ и экономическихъ нуждахъ населенія. Глава здѣшней организаціи говорилъ мнѣ съ гораздо бо̀льшимъ сознаніемъ исполненнаго долга не о побѣдахъ четниковъ надъ турецкими войсками, а о побѣдахъ надъ турецкими нравами и несправедливыми соціальными условіями. По его словамъ, еще недавно вліятельные турки, являясь въ болгарское село, чтобы покутить, требовали мѣстныхъ женщинъ, которыя были вынуждены плясать, развлекать непрошенныхъ гостей и даже, по ихъ требованію, раздѣваться до нага. Теперь это отошло въ область преданій. Турки боятся комитетовъ и не позволяютъ себѣ ничего подобнаго.

Кромѣ того, чтобы достигнуть бо̀льшей справедливости въ экономическихъ отношеніяхъ, комитеты иногда объявляютъ бойкотъ землямъ богатаго турка. Вслѣдствіе этого никто не смѣетъ ихъ обрабатывать. Тогда хозяинъ вынужденъ къ продажѣ своей собственности. Но комитеты запрещаютъ населенію, въ подобныхъ случаяхъ, являться покупателемъ. Цѣна неизбѣжно начинаетъ падать, и когда она упадетъ достаточно низко, внутренняя организація разрѣшаетъ дѣлать покупку, но не отдѣльнымъ лицамъ, а цѣлой общинѣ.

Вскорѣ ко мнѣ зашелъ Петръ Соколички. Я уже разсказалъ въ „Вѣстникѣ Европы", какъ, два года назадъ, старый ветеранъ македонскихъ возстаній, Марко Соколички, водилъ меня на мѣсто, гдѣ, за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, страшный динамитный взрывъ разрушилъ домъ и погубилъ работавшихъ тамъ людей, среди которыхъ былъ и его сынъ Владиміръ. Но другой сынъ, Петръ, находился въ то время въ самомъ центрѣ македонскаго ада, и я не могъ съ нимъ познакомиться. Теперь онъ явился и сообщилъ, что отецъ немедленно уѣзжаетъ по какимъ-то дѣламъ на границу, попрежнему всецѣло поглощенный македонскими событіями.

Самому Петру походы, совершенные въ 1903 году, не сошли съ рукъ даромъ: онъ раненъ двумя пулями, а его воевода Крестю Асѣновъ убитъ. Это былъ племянникъ знаменитаго Ходжи-Димитра, являющагося однимъ изъ героевъ болгарскаго эпоса. Имя

Крестя Асѣнова часто упоминалось въ связи съ похищеніемъ американки миссъ Стонъ.

Солнце еще не всходило, а нѣсколько воеводъ уже пили кофе на верандѣ кюстендильской гостинницы. Между ними было двое, перешедшихъ границу лишь наканунѣ. Увидѣвъ меня, всѣ они стали дѣлать послѣднія напутствія, такъ какъ фаэтонъ, запряженный четверней, уже ждалъ у крыльца.

— Берегитесь турецкихъ шпіоновъ,—сказалъ одинъ.

— Всѣ ли книги и газеты вы оставили здѣсь? Малѣйшій клочокъ печатной бумаги надѣлаетъ вамъ на границѣ большихъ хлопотъ,—добавилъ другой.

Выпивъ по чашкѣ кофе, мы простились. Я постарался удержать въ памяти нѣкоторые адреса, полученные въ послѣднюю минуту, и тронулся въ путь.

Вновь потянулись сады; затѣмъ мелькнули живописные постоялые дворы, окруженные тополями. Все поднимаясь въ гору, мы черезъ три часа подъѣзжали къ границѣ.

Вотъ вправо знакомыя мѣста, гдѣ когда-то я посѣтилъ повстанческій лагерь въ то время, когда аріергардъ четы Атанасова ужиналъ, собираясь вторгнуться въ Македонію.

Теперь и дорога, и окрестныя поля, были не столь оживлены. Свободная и благоустроенная страна до послѣдней минуты давала намъ возможность лицезрѣть блага цивилизаціи: совсѣмъ на рубежѣ показалась красиво построенная болгарская школа, почтово-телеграфное бюро.

Шоссе, несмотря на крутой подъемъ, содержится безупречно. Правда, въ Турціи я тоже увижу школы и телеграфъ, но про нихъ можно сказать словами Гёте: „Dasselbe, aber mit anderen Worten“.

Члены болгарской таможни съ любопытствомъ обступили насъ и такъ настойчиво стали совѣтовать не вводить турокъ въ грѣхъ наличностью какихъ бы то ни было газетъ, что я съ грустью отперъ чемоданъ и досталъ послѣдніе нѣсколько №№ „Вѣстника Финансовъ“. Болгары чистосердечно настаивали на необходимости отослать домой и револьверы, строжайше запрещенные даже туристамъ,—распоряженіе болѣе чѣмъ странное, въ государствѣ, гдѣ пути не безопасны и убійства происходятъ ежедневно.

У послѣдняго постоялаго домика пожилая женщина держала въ поводу лошадь. Она навѣщала сына, работающаго гдѣ-то около Кюстендиля, но сама съ семьей живетъ въ Македоніи. Теперь старуха не рѣшалась войти въ любезное отечество, хорошо зная,

что солдаты и другіе блюстители порядка могутъ совершить надъ ней насиліе, несмотря на пятидесяти-лѣтній возрастъ. Она поджидала какого-нибудь попутчика и очень обрадовалась намъ. Черезъ нѣсколько минутъ экипажъ остановился у турецкой таможни. Мигомъ чемоданы вскрыты, все перевернуто, но подозрительнаго ничего не найдено, кромѣ карты Балканскаго полуострова; ее осматривали, переворачивали и, наконецъ, отнесли къ начальнику. Когда я вошелъ къ нему, онъ сидѣлъ, согнувшись, надъ моей картой и съ напряженіемъ вглядывался въ нее. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, хозяинъ предложилъ кофе, спросилъ на ломаномъ французскомъ языкѣ, что̀ я думаю о македонскомъ возстаніи, а затѣмъ со всевозможной деликатностью выразилъ желаніе узнать, для какой надобности везу я лежащій передъ нимъ „предметъ". Я отвѣчалъ, что это—карта Балканскаго полуострова, гдѣ изображены Болгарія, Сербія, Турція... Офицеръ еще пристальнѣе и съ бо̀льшимъ любопытствомъ сталъ разсматривать изломанныя линіи; но тутъ вошелъ мой спутникъ, болгарскій писатель, и далъ подробныя указанія:—Поглядите—говорилъ онъ,—вотъ—Софія, вотъ—Кюстендиль, дорога, по которой мы пріѣхали, дальше—граница; вотъ точка, на которой вы и мы теперь сидимъ...

Таково политическое рабство. Человѣкъ, получившій приказаніе не пропускать въ страну печатной бумаги, ломаетъ голову надъ географической картой, а въ это время въ его районѣ, гдѣ-нибудь въ полуверстѣ, быть можетъ, окапывается вражеская чета.

Прошло около получаса.—Эфенди,—сказалъ я наконецъ,—предположите, что мы вамъ солгали, и это не карта Балканскаго полуострова, а, напримѣръ, карта Австраліи или Южной Америки,—развѣ даже въ такомъ случаѣ что-нибудь мѣняется къ худшему?

Нѣсколько минутъ спустя, мы получили обратно заподозрѣнный предметъ и разстались пріятелями.

Однако, какъ быть дальше? Не только опрятные болгарскіе солдаты смѣнились оборванными турецкими, но и превосходное шоссе обрывалось у таможни. Колеснаго пути уже не было, и мы довольно безпомощно усѣлись въ тѣни плохонькой корчмы, стоявшей въ сторонкѣ. Экипажъ уѣхалъ обратно; приходилось поджидать верховыхъ лошадей. Откупоривъ сардинки, развернувъ другіе, бывшіе съ нами, припасы, въ томъ числѣ фрукты и сыръ, мы послали приглашеніе начальнику таможни, который являлся, такъ сказать, властелиномъ данной территоріи. Онъ не замедлилъ

придти, оказался любезнымъ собесѣдникомъ, распорядился принести изъ своей квартиры кое-какую мебель, а также блюдо изъ риса, томатовъ и прованскаго масла.

Среди разговора я получилъ нѣкоторыя, немногочисленныя, впрочемъ, свѣдѣнія, представляющія интересъ.

Во-первыхъ, положеніе въ краѣ, по словамъ офицера, таково, что приходится, вопреки закону, удерживать подъ ружьемъ солдатъ, которымъ ужъ нѣсколько лѣтъ назадъ вышелъ срокъ службы. Во-вторыхъ, вполнѣ разрѣшенное закономъ и обычаемъ многоженство на практикѣ почти вывелось подъ вліяніемъ экономическихъ причинъ: содержать нѣсколько женъ—слишкомъ дорогое удовольствіе. Семья собесѣдника, т.-е. жена и дѣти, находится въ Паланкѣ, на разстояніи 12 верстъ отъ мѣста его службы, такъ какъ здѣсь, въ горахъ, нѣтъ даже мало-мальски сносной квартиры. Такимъ образомъ, получая шесть турецкихъ фунтовъ (около 53 руб.), онъ вынужденъ жить на два дома. Наконецъ, въ-третьихъ, я сразу убѣдился, какъ мертвитъ страну отсутствіе свободнаго слова, обмѣна свѣдѣній, живой печати и вообще стремленіе заставить всѣхъ и все молчать; напримѣръ, ему, офицеру, находящемуся въ турецкой имперіи, еще ничего не было извѣстно о битвѣ между войсками падишаха и сербской четой, хотя она произошла всего въ 35-ти верстахъ, тогда какъ я, будучи за-границей, зналъ о ней за сутки до этой бесѣды. Начальнику таможни, который въ то же время и начальникъ многолюднаго пограничнаго отряда, было бы далеко не лишнимъ знать о такихъ происшествіяхъ, хотя бы для того, чтобы воспрепятствовать вражескимъ силамъ, уцѣлѣвшимъ послѣ боя, скрыться за рубежъ.

Но вотъ представилась возможность ѣхать дальше: двѣ лошади, привозившія хлѣбъ солдатамъ, были къ нашимъ услугамъ. Однако, какой всадникъ гарцовалъ при подобной обстановкѣ! Представьте себѣ маленькую, взъерошенную лошаденку, покрытую на $^2/_3$ большимъ деревяннымъ остовомъ сѣдла, предназначеннымъ для вьюка; ноги, вмѣсто стремянъ, вставляются въ веревочныя петли; чемоданы привязываются къ многочисленнымъ деревяннымъ ручкамъ, вдѣланнымъ по краямъ сѣдла. Мы тронулись въ путь въ самомъ веселомъ настроеніи духа. На крутизнахъ и неожиданныхъ спускахъ турки опасливо кричали мнѣ: „Старче, старче!“ Но, зная, что въ затруднительныхъ случаяхъ надо предоставлять горной лошади полную иниціативу, я былъ совершенно спокоенъ.

Минутъ черезъ пятнадцать насъ догналъ пѣшій жандармъ, очень

опрятно одѣтый, съ ружьемъ въ рукахъ; онъ, видимо, запыхался, и было ясно, что форсированный маршъ имѣлъ цѣлью именно догнать насъ, такъ какъ блюститель порядка не продолжалъ идти тѣмъ же аллюромъ, а спокойно присоединился къ нашему каравану. Жандармъ былъ разговорчивъ, услужливъ, свободно объяснялся на болгарскомъ языкѣ, но зато, когда мы пытались заговорить съ работавшими на мосту подевщиками, желая опредѣлить ихъ народность, стражъ отвѣчалъ за нихъ и, какъ впослѣдствіи оказалось, не совсѣмъ вѣрно, давая намъ преувеличенное понятіе о существующихъ цѣнахъ на трудъ.

Мы еще два раза повторили попытку при дальнѣйшихъ встрѣчахъ съ рабочими, но прежній результатъ достигался тѣмъ легче, что вопрошаемые отвѣчали не сразу, а предварительно съ явнымъ испугомъ глядѣли на жандарма, который быстро выпаливалъ отвѣты за нихъ.

Вспомнивъ судьбу нашихъ предшественниковъ, гг. Мура и Бакстона, которыхъ турки окружили цѣлымъ эскортомъ, мы нашли все происходящее въ порядкѣ вещей.

Кромѣ рабочихъ, занятыхъ исправленіемъ мостовъ, черезъ капризно извивающуюся горную рѣчку Эгри-Дере, мы не встрѣчали частныхъ людей; зато солдатъ было много. Путь почти все время шелъ между горами, то сближающимися въ тѣсное ущелье, то образующими маленькія долины. При переѣздѣ вбродъ черезъ рѣчку, я воспользовался тѣмъ, что всадники должны были переправляться въ одномъ мѣстѣ, а оба пѣшіе хозяина лошадей и жандармъ въ другомъ,—приблизился къ женщинѣ, о которой упомянуто выше, и вполголоса спросилъ, какъ разыскать болгарскій постоялый дворъ въ Паланкѣ; но она была уже неузнаваема: тамъ, на болгарской территоріи, общительная, толковая, привѣтливая, здѣсь она трепетала, испуганно оглянулась на турокъ и прошептала:—Услышатъ, услышатъ...

„Вотъ оно, проклятое политическое рабство!“ —сказалъ я себѣ; вопросъ о болгарскомъ постояломъ дворѣ можетъ быть причиной большихъ бѣдъ для моей спутницы: напримѣръ, ее зачислятъ въ категорію неблагонамѣренныхъ. Во всякомъ случаѣ, мѣстные порядки она знаетъ лучше меня.

Иногда, читая въ болгарскихъ газетахъ объ изнасилованіи какой-нибудь старухи цѣлымъ взводомъ солдатъ, я болѣе, чѣмъ сомнѣвался въ правдивости такихъ извѣстій; а одинъ скептикъ даже замѣтилъ, что подобныя происшествія возможны лишь на почвѣ большой дисциплины и по непосредственной командѣ начальства; но, глядя здѣсь на эту необузданную, озвѣрѣлую орду

подъ ружьемъ, обособленную отъ населенія, вынужденную цѣлыми годами жить въ горахъ, я считалъ ее способной на все. Изодранная одежда, ременные лапти, часто одѣтые на босую ногу, казармы и даже лазаретъ около Паланки безъ стеколъ, съ небольшими квадратными отверстіями въ стѣнахъ,—все это отдѣльные штрихи, изъ которыхъ слагается нѣкоторая картина. Не потому ли окна замѣнены просто дырами, что буйные обитатели все равно перебьютъ стѣкла? Говорятъ, будто зимой ихъ заклеиваютъ бумагой; но дыры малы, внутри казармъ и лазарета должно быть совершенно темно.

Запретъ Корана относительно спиртныхъ напитковъ турками не исполняется. Если мнѣ приходилось предложить кому-либо изъ нихъ стаканъ пива, вина или водки, то не было случая, чтобы угощаемый отказался; нѣкоторые даже не прочь слегка подшутить надъ запретами священной книги, весело замѣчая, что пиво не существовало при появленіи Корана, и поэтому ни въ какомъ случаѣ не могло войти въ списокъ изъятыхъ изъ употребленія предметовъ.

Однако, солдаты хотя и являются бичомъ той мѣстности, гдѣ они размѣщены, но это еще ангелы по сравненію съ арнаутами, вѣчно вооруженными, совершенно не знающими дисциплины и фактически свободными отъ какой-либо отвѣтственности. Порой, при ихъ поддержкѣ знаменитый Ахмедъ-бей создаетъ преинтересные комментаріи къ понятію, выраженному словами: „государство въ государствѣ". Напримѣръ, въ августѣ 1905 г., онъ узналъ, что вблизи одного изъ монастырей, всего въ нѣсколькихъ часахъ отъ Ускюба, найдены два мусульманскихъ трупа. Собравъ сотни арнаутовъ, онъ поспѣшилъ къ монастырю, гдѣ въ то время находились тысячи двѣ-три безоружныхъ богомольцевъ. Произошла бы грандіозная рѣзня, но, своевременно узнавъ о приближеніи Ахмедъ-бея, вся толпа хлынула внутрь монастырскихъ стѣнъ, и ворота были заперты. Такъ какъ арнауты не имѣли пушекъ, а ружейнымъ огнемъ не могли причинить вреда людямъ, укрывшимся за стѣнами, то Ахмедъ-бей приступилъ къ осадѣ, тѣмъ болѣе, что въ его планы входило перерѣзать христіанъ безъ всякой потери со своей стороны. На помощь къ нему прибывали все свѣжія силы; скоро число осаждающихъ дошло до 1.000 человѣкъ. Они отвели воду, и положеніе осажденныхъ стало невыносимымъ. Въ это время появилось турецкое войско и съ нимъ—представитель власти, командированный для переговоровъ съ Ахмедъ-беемъ. Урезонивать его, не имѣя подъ руками солидной военной силы, было бы безполезно; съ

другой стороны, вступать съ нимъ въ битву правительство и не имѣло въ виду; все дѣло свелось къ увѣщанію, на всякій случай подкрѣпленному авторитетомъ батальоновъ. Ахмедъ уступилъ и снялъ осаду, продолжавшуюся нѣсколько дней.

Правовыя нормы въ странѣ таковы, что лица, сообщившія мнѣ подробности описываемой исторіи, черезъ двѣ недѣли послѣ ея окончанія, все еще удивлялись, какъ чуду, что дѣло обошлось такъ благополучно, и богомольцы остались живы. Въ данномъ случаѣ обѣ, въ сущности, дружественныя стороны, т.-е. правительство и Ахмедъ-бей, имѣли только видимость противниковъ, вообще же они крѣпко поддерживаютъ другъ друга. Когда въ одномъ изъ имѣній упомянутаго бея, при дер. Алакинцы, Ускюбскаго вилайета, сгорѣло отъ неизвѣстной причины около 600 сноповъ соломы, онъ обратился къ поддержкѣ судебныхъ властей, добился примѣненія принципа круговой поруки и взысканія съ цѣлаго села колоссальной, по сравненію съ убыткомъ, суммы, вслѣдствіе чего была принудительно продана половина всего сельскаго скота.

III.

Турецкій городъ Эгри-Паланка находится всего въ двѣнадцати верстахъ отъ болгарской границы, но, проѣзжая это пространство верхомъ по крутизнамъ и оврагамъ, человѣкъ оставляетъ позади всѣ блага цивилизаціи и попадаетъ въ обстановку, отодвигающую его къ мраку среднихъ вѣковъ: здѣсь, въ Паланкѣ, есть телеграфъ, но имъ нельзя пользоваться, во-первыхъ, потому, что телеграфистъ знаетъ только турецкую грамоту; а во-вторыхъ, если бы я сумѣлъ написать по-турецки, то, все равно, телеграмма пойдетъ на цензуру въ Ускюбъ, неизбѣжно возбудитъ подозрѣнія и останется неотправленной.

Здѣсь есть почта, но она для меня безполезна: самое невинное извѣстіе, что я живъ, адресованное домашнимъ, не говоря уже о какой-нибудь газетной корреспонденціи, непремѣнно будетъ распечатано, по возможности прочитано и подъ какимъ-нибудь предлогомъ задержано. Здѣсь большое число войскъ, жандармеріи, полиціи, но населеніе трепещетъ тѣмъ болѣе, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе оно находится къ этимъ представителямъ „порядка и охраны“.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ я слѣзъ съ сѣдла, на порогѣ плохого постоялаго двора, „хана“, показался офицеръ, очень опрятный, вылощенный, сверкавшій металлическими

ножнами своей сабли. Онъ бойко заговорилъ на болгарскомъ языкѣ, заявляя, что пришелъ сдѣлать визитъ мадамъ Герасимовой (хозяйкѣ постоялаго двора). Но эта ложь была до такой степени очевидна, что никто не обратилъ на нее ни малѣйшаго вниманія. Гостя подвели прямо ко мнѣ и усадили рядомъ на диванѣ. Всѣ слишкомъ ясно сознавали, что офицеру былъ нуженъ именно я, а вовсе не бѣдная женщина, у которой турецкая пуля совсѣмъ недавно раздробила ключицу.

Офицеръ перешелъ на французскій языкъ, объявилъ, будто онъ пріятно изумленъ встрѣчей съ журналистомъ, столь неожиданной въ такой глуши, и продолжалъ лгать, что это простая случайность, такъ какъ онъ хотѣлъ только „faire une visite à madame Guérassimova“. На мои вопросы онъ заявилъ, что является представителемъ австро-венгерскаго офицерства, зачисленъ въ турецкую жандармерію съ чиномъ майора и жалованіемъ сорокъ-два турецкихъ фунта въ мѣсяцъ, т.-е. около двѣнадцати тысячъ франковъ въ годъ. Только насчетъ своей родины офицеръ никакъ не могъ дать точныхъ указаній и долго мямлилъ о своей службѣ въ Буковинѣ, такъ что, наконецъ, я подсказалъ ему: „la patrie du soldat est sous son drapeau“. Онъ съ живостью согласился и, подобно собесѣднику Неклюдова въ романѣ „Воскресеніе“, попытался перевести разговоръ на пикантную тему, горько жалуясь, что ни венгерки, ни нѣмки не хотятъ занять у него должность экономки, опасаясь ѣхать въ захолустье.

Однако, разговоръ въ такомъ направленіи продолжаться не могъ: я спѣшилъ перейти къ вопросамъ болѣе серьезнымъ и даже ужаснымъ. Зато и отвѣты получались тоже ужасные. Незадолго до моего пріѣзда, т.-е. въ августѣ 1905 г., газеты сообщили о совершенно непонятныхъ залпахъ по женщинамъ и дѣтямъ въ селѣ Конопница. Теперь, находясь въ шести верстахъ отъ этого села и сидя рядомъ съ представителемъ европейской жандармеріи, начальникомъ того самаго района, гдѣ происшествіе имѣло мѣсто, я хотѣлъ провѣрить истину, тѣмъ болѣе, что собесѣдникъ былъ очень говорливъ. Но онъ такъ долго ходилъ подлѣ да около, что я чуть ли не въ десятый разъ повторилъ мой вопросъ: „mais le massacre a eu lieu?“,—пока онъ, наконецъ, замолчалъ, выдержалъ паузу и совершенно категорически отвѣтилъ:

— Oui, le massacre a eu lieu (да, рѣзня произошла).

Воспользовавшись столь опредѣленной формой отвѣта, я сталъ настаивать на подробностяхъ, и майоръ назвалъ мнѣ по

именамъ всѣхъ четырнадцать человѣкъ, т.-е. восемь убитыхъ и шесть раненыхъ. Впрочемъ, большинство изъ нихъ даже не были взрослыми: часть убитыхъ и раненыхъ—дѣти, въ томъ числѣ грудныя. По поводу главнаго обстоятельства, т.-е. мотива, причины, цѣли такого избіенія, офицеръ сказалъ, что присутствіе въ деревнѣ Конопница вооруженныхъ четниковъ было констатировано. Медленно, отчеканивая каждый слогъ, онъ дважды повторилъ:

— La présence des gens armés a été constatée.

Одно оставалось совершенно непонятнымъ: какимъ образомъ, разыскивая вооруженныхъ четниковъ, турецкое войско убило и ранило двухъ безоружныхъ мужчинъ, пять женщинъ, семь дѣтей, и не ранило, не убило, не взяло въ плѣнъ ни одного четника.

Майоръ совершилъ чудеса діалектическаго искусства, доказывая, что, по причинамъ тактическимъ, стратегическимъ, топографическимъ, турки должны были стрѣлять въ разныя стороны, и такимъ образомъ пули попали въ женщинъ и дѣтей.

Едва удерживая негодованіе, я слушалъ эту очевидную ложь, и спросилъ, какія же доказательства убѣдили моего собесѣдника въ присутствіи четниковъ, если турки убивали кого угодно, но не этихъ послѣднихъ? Офицеръ помолчалъ и сперва загадочно отвѣтилъ:

— Nous sommes bien expérimentés (мы достаточно опытны).

Потомъ вдругъ вскочилъ съ мѣста, стремительно бросился къ двери, смертельно перепугавъ этимъ моихъ квартирныхъ хозяевъ, и сталъ представлять въ лицахъ, какъ четники могли сидѣть въ пустой корчмѣ и, услышавъ шумъ, открыть оттуда пальбу, вызвавъ этимъ отвѣтные залпы со стороны войскъ. Вотъ слѣды пуль на стѣнахъ, у двери корчмы, и убѣдили всю слѣдственную власть, что дѣло не обошлось безъ четниковъ. Я почти съ отчаяніемъ смотрѣлъ на этого человѣка. Вся исторія злосчастной Македоніи за два года проходила передъ моими глазами. Послѣдняя иллюзія исчезла: мы, иностранцы, въ простотѣ душевной, воображали, что европейская жандармерія, благодаря своей малочисленности, не можетъ остановить турецкихъ звѣрствъ, но она борется съ ними, протестуетъ противъ нихъ, защищаетъ слабыхъ и обездоленныхъ. Теперь, мгновенно, я понялъ все: за сорокъ-два турецкихъ фунта въ мѣсяцъ европейскій офицеръ и оружіемъ, и языкомъ, защищаетъ турецкіе интересы.

Такъ вотъ оно почему двухлѣтнее приложеніе европейскихъ реформъ привело къ анархіи, увеличило число безчинствъ и ободрило турокъ!

— Майоръ, — сказалъ я, — теперь, когда мы говоримъ съ вами, въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда, въ школѣ, при болгарской церкви, лежатъ умирающія дѣти, раненыя въ Коношницѣ. Вы должны гарантировать мнѣ возможность видѣть ихъ. Идемъ туда!—воскликнулъ я, подымаясь съ мѣста.

Офицеръ отвѣтилъ, что это совсѣмъ невозможно, такъ какъ теперь сумерки и мы побезпокоимъ больныхъ, которые уже спятъ. Тогда я выразилъ готовность отложить отъѣздъ съ шести утра на восемь и навѣстить больныхъ, когда взойдетъ солнце. Но собесѣдникъ не сдавался. Онъ пересчиталъ всѣ постоялые дворы, лежащіе на моемъ завтрашнемъ пути, всѣ подъемы и спуски, и съ часами въ рукахъ доказалъ, что я ни въ какомъ случаѣ не доѣду засвѣтло до города Куманова, если отложу отъѣздъ хоть на часъ. Между тѣмъ, болѣе чѣмъ вѣроятно, что меня застрѣлятъ,—„по ошибкѣ“, конечно,—коль скоро я вздумаю путешествовать послѣ заката солнца. Споръ закончился моей иронической ссылкой на полную невозможность подобныхъ убійствъ въ странѣ, въ которой водворяется порядокъ столь образцовой европейской жандармеріей.

Наступило неловкое молчаніе. Чувствуя потребность еще настойчивѣе подчеркнуть гуманность турецкихъ властей, офицеръ сталъ разсказывать мнѣ о битвѣ 13-го іюня, происходившей въ селеніи Петралица, Паланкинской казы. Тогда, по его словамъ, каймакамъ, явно рискуя собою, отправился въ линію огня, чтобы своевременно прекратить ружейные залпы, т.-е. помѣшать войскамъ убить четниковъ, если тѣ пожелаютъ сдаться. Однако, повѣствованіе неожиданно оборвалось, такъ какъ самъ разсказчикъ сообразилъ, что спасти повстанцевъ отъ пуль—значило отдать ихъ палачу для висѣлицы.

— Сколько же четниковъ было въ Петралицѣ?—спросилъ я.

— Трудно сказать, — отвѣтилъ майоръ. — Знаете, вотъ эти кости не сгораютъ,—продолжалъ онъ, хлопая себя по бедру.— И вотъ, судя по остаткамъ ножныхъ костей, мы заключаемъ, что четниковъ было около одиннадцати.

Вскорѣ для меня выяснился финалъ петралицкой битвы: войска, въ присутствіи майора, зажгли зданіе, въ которомъ укрывались повстанцы. Послѣдніе сгорѣли тамъ, въ числѣ, по меньшей мѣрѣ, одиннадцати.

— Скажите,—спросилъ я,—правда, что, нѣсколько дней назадъ, въ битвѣ съ сербами, вы употребляли пушки?

— О, да! — отвѣчалъ онъ.—Это было въ селеніи Гулинцы. Вы будете проѣзжать почти мимо. Пушки очень помогаютъ въ

такихъ случаяхъ. Сраженіе началось въ понедѣльникъ послѣ обѣда, а во вторникъ все уже было кончено. Девять сербскихъ труповъ остались на полѣ битвы.

Этотъ мясникъ, имѣющій возможность выводить по цѣлому батальону противъ каждаго повстанца, не на шутку воображаетъ себя Александромъ Македонскимъ или Наполеономъ. Онъ съ большимъ чувствомъ выговаривалъ такія слова, какъ „le champ de bataille“. Говоря о подробностяхъ послѣдней битвы, окончившейся 30-го августа, майоръ призналъ, что съ турецкой стороны пало семь солдатъ и два офицера. Четники пытались укрыться въ мельницѣ, но артиллерія разрушила зданіе и покончила съ ними.

Мой собесѣдникъ, какъ оказалось, одновременно является и героемъ битвъ, и „мужемъ совѣта“: теперь онъ занимается сыскомъ и, руководясь записками, найденными на трупахъ убитыхъ сербовъ, старается опредѣлить ихъ связи, мѣсто ихъ прежняго жительства и, можетъ быть, въ концѣ концовъ, направитъ турецкую мстительность на тѣ села, въ которыхъ жили убитые.

Въ заключеніе, онъ доказывалъ мнѣ, что изъ Турціи я не могу ни писать, ни телеграфировать, что всякую телеграмму, какую я подамъ, напримѣръ, въ Кумановѣ, отправятъ на цензуру въ Скопію, тамъ продержатъ нѣсколько дней и затѣмъ прикажутъ оставить на мѣстѣ, подъ предлогомъ какой-нибудь орѳографической или каллиграфической ошибки, хотя бы и вымышленной. Что же касается до заказныхъ писемъ, то турки ихъ прочитываютъ и стараются деликатно обезвредить.

— Напримѣръ,—добавилъ онъ,—если я хочу отправить корреспонденцію въ Москву, то ее, подъ видомъ невинной ошибки, отправятъ въ Мадагаскаръ.

Возмущенный всѣмъ слышаннымъ, я сказалъ майору, что, въ виду такихъ порядковъ, населеніе, можетъ быть, не совсѣмъ неправо, поднимая возстаніе. Онъ загадочно отвѣтилъ:

— Nous sommes impartials.

Затѣмъ онъ загремѣлъ оружіемъ, съ большой галантностью расшаркался передъ дамами, простился со мной и ушелъ.

Во время бесѣды хозяинъ безпрестанно подносилъ ему воду съ вареньемъ, кофе, водку. Человѣкъ, получающій сорокъ-два фунта въ мѣсяцъ, безъ всякой церемоніи пилъ у мало знакомыхъ людей, не заботясь о томъ, что хозяйскій сынъ заработываетъ всего три съ половиной фунта въ годъ.

Стояли сумерки. Турецкіе таборы, послѣ вечерней зари, трижды прокричали: „да здравствуетъ султанъ“! Я бросился на

постель, давъ себѣ слово быть сдержаннымъ, чтобы возможно больше узнать о жизни несчастной страны. Еще солнце не всходило, когда мой спутникъ и я вышли изъ дому. Христіане знали, куда мы идемъ, и не хотѣли провожать насъ. Турки съ любопытствомъ и негодованіемъ смотрѣли на людей, дерзающихъ показаться не въ фескахъ, а въ шляпахъ. Не сознавая опасности нашего положенія, мы шли по еще полутемнымъ, грязнымъ переулкамъ Паланки къ болгарской церкви. Служанка, встрѣченная во дворѣ, сама догадалась о цѣли прихода иностранцевъ и повела насъ въ школу.

Никогда не забуду охватившаго меня тамъ ощущенія. Въ очень просторной пустой комнатѣ былъ занятъ только одинъ уголъ, гдѣ сгрудилось нѣсколько тѣлъ.

— Вотъ эта женщина сегодня умретъ,— сказала служанка.

Умирающая не стонала и не шевелилась. Повидимому, наступилъ послѣдній фазисъ агоніи. Турецкая пуля прострѣлила ей животъ и спину. Женщину звали Велика. Рядомъ находилась другая, по имени Стоянка Филиппова. Она слабымъ, убитымъ голосомъ отвѣчала на вопросы, видимо еще находясь подъ впечатлѣніемъ трагедіи. Ее ранили въ руку и въ то же время убили грудного ребенка, бывшаго при ней. Десятилѣтняя Мара, раненная въ шею навылетъ, молча глядѣла на насъ; зато Юрданка Троянова, двѣнадцати лѣтъ, у которой пуля вошла въ бокъ и вылетѣла около груди, вступила въ разговоръ, но, внезапно пошевелившись, мучительно застонала отъ боли, а затѣмъ закричала раздирающимъ душу голосомъ.

Мы поспѣшили изъ этой могилы и черезъ часъ были уже около Конопницы, гдѣ, 6-го августа, при полной лунѣ, турки разстрѣливали несчастныхъ на разстояніи трехъ или четырехъ метровъ.

IV.

Несмотря на ранній часъ, солнце палило нестерпимо. По кривымъ и узкимъ улицамъ Паланки бѣжали быстрыя струи горной рѣчки Эгри-Дере, раздѣлившейся на нѣсколько рукавовъ. Въ санитарномъ отношеніи эти бурные ручейки—сущее благодѣяніе. Въ городѣ, гдѣ никто никогда не заботится о чистотѣ, неустанно бѣгущая вода промываетъ улицы и базары, унося все лишнее. Хозяева постоялаго двора угрюмо провожали насъ, какъ люди, еще находящіеся подъ впечатлѣніемъ передряги. Четыре мѣсяца назадъ, пуля турецкаго заптія раздробила хозяйкѣ плечо, самъ

хозяинъ былъ арестованъ; трактирчикъ, дававшій имъ средства къ жизни, остается закрытымъ еще и теперь. Туземцы увѣряютъ, будто изъ подобныхъ случайностей состоитъ вся жизнь.

Несчастные случаи имѣютъ мѣсто и въ тихой Швейцаріи, и въ спокойной Англіи; но тамъ они составляютъ исключенія, о которыхъ потомъ вспоминаютъ годами. Здѣсь же подъ каждой крышей—трагедія.

По субботамъ въ Паланкѣ собирается базаръ, и, выѣзжая изъ города, мы встрѣчали толпы поселянъ, везшихъ или несшихъ для продажи перецъ, сливы и сыръ. Всѣ, безъ исключенія, одѣты въ фески: христіанинъ не можетъ появиться въ шапкѣ, не рискуя быть избитымъ. Однако, различать обѣ расы можно безъ труда, чуть не за версту; турки вооружены съ ногъ до головы: кинжалъ и десятки патроновъ у пояса, ружье за плечами или въ рукахъ. Турокъ въ полѣ, на дорогѣ, на базарѣ, даже въ своей мастерской—непремѣнно при ружьѣ. Христіане не только безоружны, но противъ любого изъ нихъ считалось бы опасной уликой малѣйшее подозрѣніе въ томъ, будто онъ обладаетъ ружьемъ, саблей или револьверомъ; имѣть подобныя вещи имъ строжайше воспрещено подъ угрозой политическаго процесса и тюрьмы. Въ данномъ случаѣ оружіе это — не фикція, не принадлежность туалета, составляющая привилегію для одного и запрещенная другому; нѣтъ, оружіе здѣсь имѣетъ самый реальный смыслъ, особенно въ такую историческую минуту, когда мусульмане и христіане готовы вцѣпиться другъ другу въ горло и ежедневно происходятъ убійства. Болгары и сербы, идущіе съ пустыми руками, понурые, беззащитные, и турки, поглядывающіе на нихъ свысока съ ружьями въ рукахъ, производятъ сильное впечатлѣніе, похожее на то, которое вызывается жестокимъ спортомъ: напримѣръ, еслибы посадить въ клѣтку кроликовъ вмѣстѣ съ волками. Македонія уже давно играетъ роль такой клѣтки.

Верстахъ въ шести отъ Паланки мы остановили экипажъ противъ деревни Коношница, гдѣ въ лунную ночь, 6-го августа, избивались женщины и дѣти. Наконецъ-то, хоть нѣкоторый намекъ на истинную причину злодѣянія намъ удалось услышать. Одинъ турокъ, имѣющій собственность въ Коношницѣ, провѣдалъ, что ночью въ село собираются четники, вскочилъ на коня и переполошилъ все начальство въ Паланкѣ. Однако, когда военные отряды, пришедшіе съ разныхъ сторонъ, обложили деревню, четниковъ не оказалось. Тогда турецкій офицеръ, раздраженный неудачей, воскликнулъ: „Стрѣляйте въ женщинъ; у

меня былъ случай, когда четники спаслись, переодѣвшись женщинами". Умный поселянинъ, самъ бывшій свидѣтелемъ упомянутаго распоряженія, спокойно и разсудительно добавилъ: „У этого офицера, дѣйствительно, былъ подобный случай". Черезъ нѣсколько дней Хильми-паша, въ разговорѣ со мной, назвалъ „ошибкой" приказъ стрѣлять, данный въ Конопницѣ, но имѣлъ столько ума и такта, что моментально согласился, когда я возразилъ, что есть ошибки, граничащія съ преступленіемъ. Увы,— для бѣдныхъ дѣвочекъ, пронизанныхъ пулями, которыхъ я видѣлъ въ Паланкѣ, безразлично, какъ квалифицируютъ турецкую команду: злодѣяніемъ или ошибкой!

Чѣмъ дальше я ѣхалъ, тѣмъ больше дивился диву: деревень почти не было видно. Изрѣдка, въ сторонѣ показывался убогій „ханъ" или группа обветшалыхъ избъ, крытыхъ соломой. Большая половина земель остается невоздѣланной, и лишь въ одномъ изобиліе, а именно—попрежнему всюду встрѣчаются солдаты: то промелькнетъ казарма, то отдѣльный постъ, то встрѣтится взводъ, устало идущій съ дальняго обхода.

— Что дѣлаютъ здѣсь эти ребята? — спросилъ я у поселянина, указывая на десятокъ солдатъ, отдыхающихъ въ тѣни.

— Ждутъ кумановской почты,—отвѣтилъ онъ,—чтобы провожать ее въ Паланку.

Но вотъ мы отъѣхали тридцать верстъ. Въ чистомъ полѣ—внушительное зданіе телеграфной станціи, пустопорожній „ханъ", въ которомъ нѣтъ даже кофе, и казарма съ войсками. Въ первую минуту и не сообразишь, какую публику должна обслуживать телеграфная станція въ этой пустынѣ, но въ деспотіяхъ не заботятся объ интересахъ публики; въ данномъ случаѣ имѣлись въ виду соображенія чисто стратегическія. Появляются четы, противъ нихъ надо двинуть всѣ ближайшіе гарнизоны — тутъ то телеграфъ и нуженъ.

Кругомъ было такъ уныло, на душѣ становилось такъ горько, что путникъ не находилъ себѣ мѣста. Въ „ханѣ"—запустѣніе: хозяинъ озлобленъ, такъ какъ турки все забираютъ у него даромъ; гулять по окрестностямъ противно, потому что на каждомъ холмѣ часовой, и даже изъ окна телеграфной конторы торчитъ стволъ ружья.

Подъѣхало нѣсколько экипажей съ путешественниками изъ Кратова; среди нихъ былъ молодой, задумчивый сербскій учитель.

— Отчего вы въ фескѣ? — спросилъ я, когда мы разговорились.

— Потому что я—подданный султана,—отвѣчалъ онъ.

Черезъ минуту, сдѣлавшись довѣрчивѣе, учитель разсказалъ, что пробовалъ носить соломенную шляпу, но турки избили его, а шляпу порвали. Узнавъ, что я—корреспондентъ, онъ грустно поглядѣлъ на меня и прерывающимся отъ волненія голосомъ проговорилъ: „Моего татку убили".

Въ этихъ печальныхъ словахъ была жалоба, былъ безполезный протестъ, какой-то дѣтскій укоръ, адресованный въ пространство.

Я взялъ его за руку и спросилъ, гдѣ и когда это случилось. Онъ отвѣчалъ, что отецъ убитъ всего два мѣсяца назадъ, при исполненіи своихъ обязанностей архіерейскаго намѣстника въ с. Пещевѣ, Малешевской казы. Покойному было лишь 48 лѣтъ; онъ возвращался домой изъ Берова со своимъ родственникомъ, когда раздались выстрѣлы. Архіерейскій намѣстникъ убитъ тутъ-же, а родственникъ его бросился впередъ, дѣлая зигзаги, и спасся. Убійцами были болгары, подъ предводительствомъ воеводы Павла Дадукъ. Вскорѣ явились турецкіе солдаты, убили нѣсколькихъ болгаръ; воевода былъ раненъ, но успѣлъ скрыться.

До какой всепожирающей взаимной ненависти доходятъ христіанскія племена въ Македоніи,—я зналъ давно, и тѣмъ не менѣе былъ пораженъ этимъ фактомъ непонятнаго злодѣянія, такъ объективно сообщеннаго роднымъ сыномъ убитаго. Но черезъ сутки получилось нѣчто вродѣ разгадки: въ г. Кумановѣ, въ книжной лавкѣ, я перебиралъ фотографіи и остановилъ вниманіе на портретѣ Алексѣя Захарьева. Это былъ архіерейскій намѣстникъ, убитый также въ настоящемъ году въ февралѣ. Въ данномъ случаѣ погибъ уже не сербъ, а болгаринъ. Преступленіе совершено среди бѣла дня, подлѣ той самой лавки, гдѣ находился портретъ жертвы. Продавецъ отошелъ нѣсколько шаговъ отъ крыльца и сказалъ мнѣ: „Поглядите, вотъ здѣсь турокъ встрѣтилъ архіерейскаго намѣстника и убилъ наповалъ".

На допросѣ убійца сознался, что былъ подкупленъ сербами за 60 турецкихъ фунтовъ (около 500 руб.). Позже отъ людей, хорошо знающихъ психологію туземцевъ, я слышалъ такое разсужденіе: турокъ ничѣмъ не рисковалъ; ихъ за убійство христіанъ почти никогда не осуждаютъ, подъ предлогомъ отсутствія доказательствъ. Этотъ разъ вышло иначе: благодаря энергичному вмѣшательству европейскихъ консуловъ, убійца приговоренъ къ десятилѣтней тюрьмѣ, его сообщники—къ пятилѣтней; но всѣ убѣждены, что вскорѣ осужденные будутъ помилованы султаномъ по случаю одного изъ „высокоторжественныхъ" дней, вродѣ восшествія на престолъ или годовщины рожденія главы

государства. Надо помнить, что *60* лиръ—это для простолюдина въ Турціи сумма громадная, почти недосягаемая; ради нея можно пожертвовать кое-чѣмъ. Характерно, что убійца не ждалъ осужденія,—иначе онъ стрѣлялъ бы, напримѣръ, въ сумерки, а не среди бѣла дня.

Слушая подробный разсказъ, я начиналъ понимать: въ февралѣ этого года, благодаря сербскому подстрекательству, убитъ *болгарскій* архіерейскій намѣстникъ, Алексѣй Захарьевъ; въ іюлѣ, съ своей стороны, болгары убили сербскаго архіерейскаго намѣстника Георгія Драколовича. Кто распутаетъ эти историческіе узлы? Кто найдетъ начало главной нитки? Что духовенство и школа совершенно въ такой же степени, какъ и вооруженная чета, оказываются проводниками національной идеи, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Священникъ греческій, болгарскій, сербскій, одинаково являются представителями православной вѣры, но въ Македоніи у нихъ совсѣмъ разные, даже прямо противоположные интересы и задачи; потому они люто ненавидятъ другъ друга и давно уже обратили школу въ орудіе національной борьбы.

Ребенокъ въ Македоніи, въ смыслѣ обилія училищъ, поставленъ въ лучшія условія, чѣмъ гдѣ бы то ни было на земномъ шарѣ; соперничество борющихся сторонъ послужило тутъ въ пользу. Въ томъ же маленькомъ пыльномъ Кумановѣ, о которомъ я упоминалъ,—четыре болгарскихъ училища, одно-сербское и одно румынское, хотя румынскихъ семействъ всего пятнадцать. Греческихъ семействъ въ городѣ только—шесть, и у нихъ въ сложности три ребенка, однако съ этого года открывается и греческая школа.

Вотъ рѣдкій случай, когда антагонизмъ даетъ благіе результаты, вызывая къ жизни множество просвѣтительныхъ учрежденій, покрывающихъ страну; но, конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ сѣются сѣмена національной вражды и обособленности со школьной скамьи.

IV.

Всякій знаетъ, что Оттоманская имперія съ ея правовыми нормами, порядками и системой управленія является темнымъ пятномъ на фонѣ „благоустроенной Европы". Разумѣется, плохъ и турецкій судъ, а такъ какъ всюду, во всѣхъ широтахъ и всѣхъ градусахъ долготы, правосудіе по политическимъ дѣламъ сильно похрамываетъ, то, признаюсь, я шелъ къ зданію конака въ Са-

лоникахъ съ большимъ предубѣжденіемъ. Публицисты и мыслители нерѣдко указывали на политическій судъ, какъ на комбинацію, при которой побѣдитель судитъ побѣжденнаго, а это исключаетъ мысль о безпристрастіи.

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ слишкомъ часто мѣнялись формы правленія, и одинъ режимъ уступалъ мѣсто другому, особенно удобно наблюдать, какую унизительную роль игралъ политическій судъ. Мнѣ скажутъ, что одинъ Богъ безъ грѣха, поэтому и обыкновенная юстиція часто оказывается неудовлетворительной. Нѣтъ, отвѣчу я. Общія нормы, благодаря которымъ можно разобраться и рѣшить, что̀ преступно, остаются въ главныхъ чертахъ безъ измѣненія, отъ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней: „Не убей! не укради! не лжесвидѣтельствуй“!

Съ политическими преступленіями дѣло обстоитъ наоборотъ: какой-нибудь герой дореволюціонной Франціи, занимавшій высокій правительственный постъ, съ точки зрѣнія революціоннаго трибунала оказывался преступникомъ, достойнымъ эшафота.

Наступаетъ диктатура Наполеона, и судьи преспокойно приговариваютъ къ смерти герцога Ангіенскаго только за то, что онъ — роялистъ, дѣйствуетъ въ пользу короля и противъ Наполеона. Приходитъ очередь слѣдующаго режима, и, при реставраціи, судьи, наоборотъ, приговариваютъ къ смерти маршала Нея за то, что тотъ дѣйствовалъ въ пользу Наполеона и противъ короля.

Не хочу продолжать этого перечня и только отмѣчу, что въ подобныхъ случаяхъ представители правосудія, являющіеся лакеями власти, дѣлаютъ свое преступное дѣло важно, напыщенно, съ внѣшними признаками непогрѣшимости. У сильныхъ міра много приспѣшниковъ, много защитниковъ, много друзей,—зачѣмъ же и правосудію становиться къ нимъ на запятки?

Съ такими мыслями поднимался я по широкимъ ступенямъ турецкаго судилища. Зданіе просторно, и, повидимому, здѣсь помѣщаются судебныя учрежденія различныхъ типовъ.

До сихъ поръ не могу понять, почему простой вопросъ, задаваемый мною и моими двумя спутниками о томъ, гдѣ именно засѣдаетъ судъ, вѣдающій государственныя преступленія, заставлялъ всѣхъ встрѣчныхъ смущенно отходить въ сторону, не отвѣчая ни слова. Даже юркіе адвокаты, окружившіе насъ и съ готовностью вступившіе въ разговоръ, ушли, не давъ никакого отвѣта, узнавъ о цѣли нашего прихода.

Наконецъ, мы попали въ канцелярское бюро по политическимъ дѣламъ. Тамъ чиновный турокъ, владѣющій иностранными

языками, объяснилъ, что турецкое правосудіе происходитъ публично, и намъ не нужно предъявлять свои рекомендаціи, чтобы попасть въ залу засѣданія; дѣйствительно, минутъ черезъ пять мы вошли въ эту залу, помѣщающуюся въ одномъ изъ верхнихъ этажей. Она просторна и весь внѣшній декорумъ весьма приличенъ. Человѣкъ двадцать-пять или тридцать составляли публику. Большинство присутствующихъ одѣты бѣдно; это — христіане, повидимому, близкіе люди, друзья, знакомые, родственники подсудимыхъ.

Мы проходимъ впередъ, садимся на какія-то привилегированныя мѣста, совсѣмъ близко къ судейскому столу, и тутъ я замѣчаю, что вся середина комнаты занята большой желѣзной клѣткой. Прутья толще пальца; клѣтка высока и просторна. У ея дверей, плотно запертыхъ, стоятъ вооруженные жандармы, а внутри сидитъ человѣкъ, повидимому спокойно ожидающій своего приговора. Судей пока нѣтъ.

Но вотъ они возвращаются. Ихъ семеро. Четыре турка, одинъ еврей, одинъ грекъ и одинъ болгаринъ. Прокуроръ и секретарь занимаютъ свои мѣста; предсѣдатель читаетъ громко и внятно по-турецки; я не понимаю ни слова. Сосѣди говорятъ мнѣ, что подсудимый приговоренъ къ пятнадцати годамъ тюрьмы. Это македонскій революціонеръ, уличенный въ вооруженномъ возстаніи. Его немедленно уводятъ, и въ ту же минуту среди желѣзныхъ прутьевъ клѣтки появляется новая фигура, а жандармы уже захлопываютъ рѣшетчатую дверь. Происходятъ какія-то формальности, и предсѣдатель объявляетъ, что процессъ отложенъ.

Усиленный конвой доставляетъ четырехъ подсудимыхъ; предсѣдатель спрашиваетъ ихъ имена; вся процедура идетъ честь-честью, какъ и въ Россіи, но только у турокъ дѣло въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ обставлено благороднѣе. Во-первыхъ, въ залѣ присутствуетъ публика, которая у насъ, по политическимъ дѣламъ, обыкновенно не допускается; во-вторыхъ, въ составѣ судей есть хотя одинъ несомнѣнный сторонникъ подсудимаго, т.-е. въ данномъ случаѣ—болгаринъ.

Секретарь читаетъ обвинительный актъ. Затѣмъ между прокуроромъ и защитникомъ происходитъ какой-то обмѣнъ мнѣній, очевидно, по процессуальному вопросу, причемъ голосъ у адвоката дрожитъ, самъ онъ волнуется, робѣетъ и даже не старается скрыть это. Позже я узналъ, что адвокаты по политическимъ дѣламъ очень рискуютъ собою; каждую минуту могутъ ихъ избить или подъ какимъ-либо предлогомъ засадить въ тюрьму.

Вводятъ свидѣтеля. Это грекъ. Онъ возмущенъ, говоритъ не-

годующе, страстно. Его показанія — короткая восточная поэма, но яркая, колоритная, полная огня. Свидѣтель утверждаетъ, что въ ихъ селѣ прежде всѣ были грекоманами, всѣ уважали турецкую власть, и дѣла шли хорошо. Но нѣкоторые безумцы набрались гибельныхъ идей и стали утверждать, будто они — болгары и должны въ духовныхъ дѣлахъ подчиняться экзарху. Однажды эти люди (свидѣтель яростно тычетъ пальцемъ въ самую клѣтку) пришли къ нему и сказали, что вечеромъ въ селѣ будутъ гости. Догадавшись, о какихъ гостяхъ идетъ рѣчь, онъ, свидѣтель, бросился съ доносомъ къ турецкимъ властямъ и заявилъ, что вечеромъ къ нимъ, въ деревню, придутъ четники. Тогда были спѣшно вытребованы войска изъ сосѣдняго гарнизона и помѣщены при его домѣ. Между тѣмъ, вооруженные четники вечеромъ, дѣйствительно, явились и заняли одинъ изъ сосѣднихъ домовъ; началась перестрѣлка: повстанцы, забывъ стыдъ и совѣсть, стали стрѣлять въ войска падишаха. Но, благодареніе великому Богу, никто изъ императорскаго аскера раненъ не былъ; зато, вслѣдствіе помощи чорта, никто изъ повстанцевъ также не пострадалъ.

Окончивъ страстное обличеніе, свидѣтель тяжело дышитъ отъ волненія. Предсѣдатель награждаетъ его благодарнымъ взглядомъ; подсудимые пытаются возразить, переводчикъ начинаетъ переводить ихъ слова судьямъ, но тотъ же свидѣтель-грекъ вмѣшивается, перебиваетъ, спѣшитъ что-то досказать.

Трибуналъ рѣшаетъ отложить дѣло и вызвать начальника команды, участвовавшей въ перестрѣлкѣ. Разбираясь во впечатлѣніяхъ, полученныхъ въ этомъ засѣданіи, я медленно удаляюсь, но публика сидитъ на мѣстахъ: она еще чего-то ждетъ...

Конечно, вся казенщина этого судоговоренія мало напоминаетъ истинную юстицію, какъ она представляется уму гуманистовъ; но развѣ можно сдѣлать туркамъ упрекъ послѣ того какъ культурные французы уже при послѣдней республикѣ вотировали въ 1871 году законъ, предложенный Дюфоромъ и окрещенный кличкой „юридической митральезы"? При помощи этого закона можно было судить быстрѣе и строже, чѣмъ это дѣлаютъ турки. Послѣдніе приговариваютъ къ пятнадцати-лѣтней тюрьмѣ человѣка, участвовавшаго въ вооруженномъ возстаніи, а у насъ четырнадцати-лѣтнюю Викторію Гуковскую приговорили къ вѣчной ссылкѣ, гдѣ она и лишила себя жизни. Случалось, человѣка осуждали и казнили за какую-нибудь прокламацію (Разовскій)...

Да! у турокъ все хуже, чѣмъ у насъ. Почему же про ихъ политическій судъ этого сказать нельзя? По простой причинѣ:

судъ, вѣдающій государственныя преступленія, почти всюду плохъ; онъ по своей обстановкѣ и внутреннему смыслу имѣетъ такъ мало общаго съ правосудіемъ, что турки, отставшіе отъ насъ во многихъ отношеніяхъ, не могли, однако, создать политическаго суда, который былъ бы хуже нашего. Мнѣ скажутъ: а желѣзная клѣтка? Однако, спросите любого обвиняемаго, что̀ предпочтетъ онъ—сидѣть на обыкновенной скамьѣ подсудимыхъ, но въ засѣданіи, откуда удалена публика, гдѣ клевета врага не можетъ быть отпарирована, гдѣ отвѣта подсудимаго не услышитъ ни представитель прессы, ни другъ, ни родственникъ,—или сидѣть въ клѣткѣ, но судиться гласно?

Героевъ на свѣтѣ вообще мало, потому-то они и замѣтны. Иногда ихъ встрѣчаешь совершенно неожиданно. Представьте себѣ рабскую страну, гдѣ не то, что геройствовать, а и разговаривать громко люди отвыкли; даже въ поляхъ или среди лѣса, какъ мнѣ случалось убѣдиться, христіанинъ въ Македоніи говоритъ вполголоса, боязливо оглядываясь, какъ бы кто посторонній не услышалъ.

Представьте себѣ далѣе, что на этой рабской территоріи воздвигнута мрачная тюрьма, гдѣ люди, уже завѣдомо для себя, живутъ подъ вѣчнымъ надзоромъ, гдѣ око врага все видитъ, гдѣ ни одно слово узника не останется незамѣченнымъ.

Рабскія привычки, пріобрѣтенныя еще внѣ острожныхъ стѣнъ, здѣсь усиливаются до послѣдней степени. Люди принижены,—это бросается въ глаза,—и вдругъ среди сотенъ подавленныхъ узниковъ я вижу героя. Его нельзя назвать бреттеромъ. Онъ не выставляется на показъ. Но, будучи замѣченъ и спрошенъ, отвѣчаетъ спокойно, твердо, непреклонно. Имя арестанта — Иванъ Николовъ. На него нельзя не обратить вниманія, такъ какъ изъ всѣхъ онъ одинъ одѣтъ въ какое-то форменное платье.

— Это мундиръ пограничной стражи?—спрашиваю я его.

— Нѣтъ, на мнѣ мундиръ революціонера,—отвѣчаетъ Николовъ, такъ же просто, глядя на турецкаго офицера, какъ будто предъ нимъ стоитъ тротуарная тумба. Одежда сшита изъ болгарскаго сукна и отдѣлана зелеными кантами. Лѣвый бортъ прострѣленъ пулей на груди и въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ пронизана самая грудь.

Это случилось въ апрѣлѣ 1905 г., во время нападенія воеводы Сандaнскаго на чету Юрдана Стоянова, о чемъ я своевременно писалъ въ столичныхъ газетахъ.

Теперь раненый выздоровѣлъ и уже вызывался въ судъ, гдѣ произвелъ впечатлѣніе своимъ мужественнымъ поведеніемъ и даже

превратился въ легендарную личность. Не безъ труда досталъ я протоколъ допроса. Вотъ какой діалогъ произошелъ между предсѣдателемъ суда и подсудимымъ:

— Откуда ты родомъ?.. Чѣмъ занимаешься?

— До 1901 года я занимался торговлей, а съ той поры—повстанецъ.

— Ради достиженія какой цѣли ты сдѣлался повстанцемъ?

— Какой цѣлью руководится революціонеръ, уважаемому суду извѣстно. Цѣли македонскаго возстанія знаетъ весь свѣтъ; онѣ не могутъ оставаться тайной и для судей.

Предсѣдатель, переходя на „вы“:

— Во всякомъ случаѣ судъ желаетъ слышать изъ вашихъ устъ, къ чему вы стремились?

— Наша цѣль—избавить народъ въ Македоніи отъ тяжкаго рабства, созданнаго несноснымъ режимомъ султана Абдулъ-Гамида.

Предсѣдатель, какъ бы недоумѣвая:

— Въ чемъ же, по твоему мнѣнію, состоитъ рабство въ Македоніи?

— Въ томъ, что народъ лишенъ элементарнѣйшихъ человѣческихъ правъ, въ особенности мы, болгары, которыхъ вы болѣе, чѣмъ всякую другую народность, старались уничтожить или унизить.

— Что эта за одежда, которую ты носишь?

— Это форма временной македонской арміи.

— Въ теченіе четырехъ лѣтъ твоего участія въ возстаніи былъ ли ты воеводой?

— Нѣтъ, я всегда оставался простымъ четникомъ—и ничѣмъ больше.

— Кто были твои воеводы?

— Дѣльчевъ, Протогеровъ и, наконецъ, капитанъ Стояновъ.

— Изъ сколькихъ душъ состояла ваша чета?

— Изъ пятидесяти человѣкъ.

— Изъ твоихъ прежнихъ показаній видно, что вашъ отрядъ перешелъ границу съ цѣлью убить СандансReferences?

— Хотя тѣ показанія въ мою пользу, но я прошу уважаемый судъ не принимать ихъ во вниманіе,—я былъ тогда почти мертвъ и лишь наполовину сознавалъ происходящее вокругъ. Наша цѣль заключалась въ борьбѣ за освобожденіе края, а не въ убійствѣ Санданскаго. Но седьмого апрѣля, среди ночи, обходя горы, около села Кашина, мы неожиданно наткнулись на засаду; грянулъ залпъ, шесть четниковъ пали замертво, а я и этотъ человѣкъ,—подсудимый указываетъ на своего товарища—(полевой

сторожъ, котораго мы насильно взяли въ качествѣ проводника), были ранены. На слѣдующій день войска нашли меня полумертвымъ, отвезли въ больницу, гдѣ военный врачъ сдѣлалъ мнѣ операцію, а уже черезъ два часа я былъ отправленъ въ такой казематъ, гдѣ и здоровый человѣкъ долженъ умереть, а тѣмъ болѣе больной, какимъ былъ я.

— Какія причины разногласія между Сандансквмъ и капитаномъ Стояновымъ?

Подсудимый отвѣчаетъ, что когда начинается борьба за свободу, требующая участія тысячъ людей, то разногласія неизбѣжны (предъ лицомъ общаго врага онъ не хотѣлъ позорить Сандансваго, убившаго его товарищей и прострѣлившаго ему грудь).

— Какія ружья были у васъ?

— Системы Манлихера.

— У тебя есть сабля?

— Нѣтъ, она была бы безполезна.

— А динамитомъ, бомбами ты пользовался?

— Чтò такое динамитъ, я хорошо знаю, но не имѣлъ его при себѣ; бомбы же у меня были, хотя еще не встрѣтилась надобность пользоваться ими.

— Въ сколькихъ сраженіяхъ съ войсками ты принималъ участіе?

— Не составлялъ списка для того, чтобы держать этотъ отвѣтъ.

— Не будучи вызваны со стороны войскъ, нападали ли вы на нихъ внезапно?

— Никогда! Лишь будучи преданы шпіонами, мы сражались съ войсками, которыя насъ преслѣдовали.

— Чтò же вы столько времени дѣлали въ Македоніи?

— Готовили народъ ко всеобщей революціи.

— Кто васъ поддерживалъ?

— Наше тайное общество въ странѣ.

— Сколько солдатъ ты убилъ?

— Во время сраженія человѣкъ не считаетъ павшихъ враговъ; поэтому и я не могу дать вамъ точныхъ свѣдѣній.

— Во всякомъ случаѣ ты убивалъ солдатъ, не правда ли?

— Несомнѣнно.

— Чтò заставило тебя сдѣлаться повстанцемъ?

Подсудимый объясняетъ, что онъ имѣлъ семнадцать лѣтъ отъ роду, когда отецъ его, кмэтъ (вродѣ нашего старшины), завелъ процессъ противъ турецкаго сборщика податей, Махмедъ-бея, нанесшаго ему кнутомъ ударъ въ глазъ. Процессъ обошелся

отцу въ 400 турецкихъ фунтовъ (около $3^1/_2$ тысячъ рублей) и въ концѣ концовъ былъ проигранъ отцомъ, который тогда же и умеръ. Затѣмъ подсудимый разсказываетъ о другихъ несправедливостяхъ, грабежахъ и насиліяхъ, перенесенныхъ имъ самимъ, точно указывая мѣсто и время, а также имена виновныхъ. Резюмируя, онъ заявляетъ, что всѣ эти обстоятельства убѣдили его въ невозможности жить въ Македоніи; онъ безъ паспорта бѣжалъ въ Болгарію, гдѣ зарабатывалъ средства къ жизни до 1901 года.

— Несмотря на всѣ эти несправедливости, я не сдѣлался бы повстанцемъ, еслибы турецкія войска въ 1901 году не совершили неслыханныхъ жестокостей надъ мирнымъ населеніемъ Македоніи. Тогда женщины, дѣти и старцы бѣжали въ Болгарію, такъ какъ ихъ жилища были сожжены, имущество разграблено, честь поругана; въ виду этого я рѣшился вернуться съ оружіемъ въ рукахъ, чтобы поддержать тѣхъ борцовъ за свободу, которые взяли на себя трудъ помочь населенію.

Приговоръ отложенъ, такъ какъ судъ встрѣтилъ надобность въ какомъ-то дополнительномъ разслѣдованіи.

Часто собесѣдники, находясь въ равныхъ условіяхъ, говорятъ рѣзко и независимо. Гораздо рѣже подобный тонъ встрѣчается при исключительной обстановкѣ, когда одинъ изъ разговаривающихъ можетъ отправить другого на эшафотъ. Я не присутствовалъ при допросѣ Ивана Ангіела Николова въ судѣ, но видѣлъ его въ острогѣ. Тамъ, предъ лицомъ враговъ, спокойный и неустрашимый, онъ производилъ неотразимое впечатлѣніе, совершенно гармонирующее съ его отвѣтами предсѣдателю, почерпнутыми мной изъ протоколовъ.

V.

Большая толпа наполняла храмъ; въ Софіи молились объ упокоеніи усопшихъ, — о новыхъ жертвахъ македонской неурядицы. Богослуженіе кончилось, и народъ вспомнилъ, что отецъ одного изъ убитыхъ живетъ тутъ же, въ болгарской столицѣ. Немедленно рѣшено было выразить подавленному горемъ старику сочувствіе, и процессія направилась къ его дому.

Выслушавъ пришедшихъ и не будучи въ состояніи сдерживать струившихся изъ очей слезъ, старецъ отвѣтилъ:

— Кровь моего сына выпита наполовину турками, а наполовину Европою.

Странными и неожиданными эти слова покажутся только для непосвященнаго въ истинный смыслъ политическихъ минъ и контръ-минъ, поставленныхъ на Балканскомъ полуостровѣ. Пока оффиціальная Европа не вмѣшивалась въ македонскія событія, ее упрекали только въ равнодушіи; но когда она вмѣшалась, обвиненія стали гораздо серьезнѣе. Все сложилось самымъ неблагопріятнымъ образомъ. На міровой аренѣ появились крупные политическіе вопросы, отвлекшіе вниманіе всего свѣта отъ обездоленной Македоніи, а тою порой представители державъ, штатскіе и военные, говоря деликатно, попали въ сферу турецкаго вліянія. Послѣ всего видѣннаго мною можно было бы выразиться и рѣзче. Судите сами: развѣ не ясно, какъ Божій день, что Турція съ одной стороны, а остальная Европа—съ другой, совершенно различно относились къ задачамъ такъ называемой „реформаторской" дѣятельности иностранныхъ офицеровъ и иныхъ друзей человѣчества, нахлынувшихъ въ Македонію по уполномочію державъ.

Принято думать, что солидарность—это сила, и, разумѣется, въ огромномъ числѣ случаевъ упомянутая мысль совершенно вѣрна; но существуютъ исключенія, по отношенію къ которымъ она совсѣмъ непримѣнима. Огонь и вода не могутъ быть солидарны; они только ослабляютъ другъ друга и созданы самою природой лишь для антагонизма.

Еслибы турки хотѣли реформъ, то иностранцамъ не понадобилось бы пріѣзжать и безпокоиться объ этомъ дѣлѣ. Вотъ почему, когда геніальный турецкій правитель Македоніи, Хильми-паша, съ нескрываемымъ восторгомъ сказалъ мнѣ, что присланные Европою реформаторы — его лучшіе друзья и помощники, онъ, въ сущности, призналъ, увы, безспорный фактъ полной побѣды надъ группой лицъ, опиравшихся и на дипломатическій престижъ, и даже, въ качествѣ военныхъ, на сабли. Да, эти господа явились, чтобы вводить именно тѣ реформы, которыхъ не хотѣли турки; какимъ же образомъ между первыми и вторыми возникла дружба, солидарность, какъ стала возможна ихъ взаимная поддержка? Есть пріемы старые, какъ міръ...

По отношенію къ большинству *дѣятелей*, оказавшихся въ Македоніи совершенно бездѣятельными, сыграли большую роль турецкія награды и вообще „хорошее обхожденіе". Въ данномъ случаѣ, разумѣется, было необходимо соблюдать всевозможную толерантность, но врядъ-ли при подобныхъ обстоятельствахъ допустимо и удобно принимать награды, даваемыя турками. Представьте себѣ дипломата, только-что получившаго, по представле-

нію Хильми-паши, крупный знакъ отличія; можетъ ли онъ проявлять настойчивость и явно наперекоръ упомянутому сановнику требовать мѣропріятій, непріятныхъ послѣднему?

Въ сентябрѣ 1905 года, телеграфируя въ одну газету, я довольно вульгарно выразился, что Хильми-паша геніально водитъ представителей Европы за носъ. Эти слова совершенно вѣрно опредѣляютъ положеніе; изъ двухъ враждебныхъ другъ другу началъ, изъ двухъ противоположныхъ политическихъ направленій явно и безспорно побѣдило одно: все совершается въ Македоніи такъ, какъ того хотятъ турки, и, конечно, они въ полномъ восторгѣ; реформаторы-европейцы получаютъ хорошіе оклады, пользуются почетомъ и тоже довольны, а населеніе, проливающее горючія слезы, обнищалое, униженное, истребляемое и арнаутами, и войсками, и междоусобицей,—разумѣется, находится не въ столь пріятномъ настроеніи духа, какъ турецкій сановникъ и его иностранные друзья.

Уже достаточно ясно представляя себѣ взаимныя отношенія сторонъ, я, по пріѣздѣ въ Салоники, отправилъ ко всемогущему тамъ Хильми-пашѣ записку, прося назначить часъ для пріема. Онъ внимателенъ и любезенъ съ представителями печати, такъ что желаемый отвѣтъ получился безъ промедленія.

Когда мой экипажъ остановился у генералъ-губернаторскаго дома, тамъ, на площадкѣ высокаго крыльца, стояли два европейца. Одинъ изъ нихъ, какъ мнѣ показалось, протиралъ пенснэ, собираясь войти въ пріемную. Позже мнѣ сказали, это это былъ Брайсъ, знаменитый историкъ и общественный дѣятель Англіи.

Той порой слуги, замѣтивъ, что слабое зрѣніе мѣшаетъ мнѣ свободно подниматься по ступенькамъ, окружили меня всевозможнымъ вниманіемъ, и, минуту спустя, можно было убѣдиться, что въ домѣ турецкаго сановника господствуетъ изумительный порядокъ, котораго часто совершенно тщетно добиваются люди, обставленные вполнѣ роскошно.

Черезъ нѣсколько мгновеній я былъ въ кабинетѣ турецкаго Меттерниха, выдающіяся способности котораго парализовали соединенный натискъ всей Европы.

Это—стройный человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ легкимъ оттѣнкомъ усталости въ голосѣ; онъ ежеминутно долженъ обдумывать и рѣшать множество самыхъ сложныхъ и трудныхъ дѣлъ. Его французскій языкъ, манеры и обходительность безупречны.

— J'ai beaucoup des amis parmi les Russes, — громко заговорилъ Хильми-паша, выходя навстрѣчу и стараясь поудобнѣе усадить меня.

Я отвѣтилъ, что немудрено, такъ какъ иностранцы очарованы его обхожденіемъ, и тутъ же напомнилъ, что два года назадъ Турція безъ всякаго удовольствія встрѣтила гражданскихъ реформаторовъ и офицеровъ, присланныхъ Европой.

— Напротивъ, напротивъ,—возразилъ онъ съ живостью,— они намъ очень помогли.

Но, увы! разговору не было суждено сохранить столь пріятный оттѣнокъ, такъ какъ я немедленно спросилъ: какіе же результаты достигнуты при участіи столь полезныхъ помощниковъ?

Не успѣлъ еще замереть послѣдній звукъ этого вопроса, какъ почувствовалась нѣкоторая неловкость. Мы оба превосходно знали, что страна находится въ анархіи, а главное, что турки поддерживаютъ эту анархію, желая разъ навсегда отучить населеніе отъ всякихъ протестовъ, обращенныхъ къ Европѣ. Горькая, жестокая историческая иронія заключается именно въ томъ, что послѣ появленія въ странѣ гражданскихъ и военныхъ представителей иностранныхъ державъ, рѣзня съ одной стороны и беззащитность населенія съ другой—еще усилились. Каждый ножъ, вонзенный въ горло ребенка, каждая пуля, направленная въ грудь женщины, какъ адское издѣвательство говорятъ несчастнымъ: „Вы ждали Европу, вы требовали ея помощи... вотъ она!"

Услышавъ вопросъ о результатахъ, Хильми-паша быстро взглянулъ на меня и, должно быть, рѣшивъ, что передъ нимъ простодушный дикарь, заговорилъ съ твердостью и увѣренностью въ тонѣ.

Каждая фраза была правдива и основательна, но въ ней вовсе не было отвѣта по интересовавшему меня обстоятельству. Онъ упомянулъ объ яростной національной враждѣ христіанъ на Балканскомъ полуостровѣ и замѣтилъ, что ихъ въ Македоніи всего милліонъ-четыреста-тысячъ. Между тѣмъ, если спросить болгаръ, сколько васъ здѣсь?—они отвѣтятъ: полтора милліона; сербы и греки тоже увѣряютъ, будто каждая изъ ихъ національностей представлена, по крайней мѣрѣ, милліономъ жителей. Примирить эти противоположные интересы невозможно. Борьба ведется посредствомъ школы, духовенства, наконецъ, посредствомъ оружія.

— Все это вѣрно,—сказалъ я,—но за послѣдніе два года не замѣчается ли обостренія, или, наоборотъ, существутъ лучъ надежды на умиротвореніе края?

— Конечно, существуетъ; вотъ, напримѣръ, финансовый контроль,—сказалъ онъ, стараясь перевести разговоръ на другую тему.

Бесѣда происходила въ началѣ сентября, когда Турція еще не приняла рѣшенія противиться контролю.

Вовсе не желая говорить что-нибудь непріятное хозяину дома, но крайне интересуясь именно его мнѣніемъ, я въ третій разъ повторилъ тотъ же вопросъ, а именно: смогли ли соединенныя усилія турецкой администраціи, войскъ и представителей Европы хоть немного облегчить бѣдствія края?

Мой собесѣдникъ, какъ истинно свѣтскій человѣкъ, глубоко скрывая начинавшееся раздраженіе, отвѣтилъ съ прежней любезностью въ тонѣ, что онъ далъ всѣ свѣдѣнія представителю Россіи, Демерику, о количествѣ убитыхъ, раненыхъ и арестованныхъ даже по національностямъ, и, конечно, г. Демерикъ подѣлится со мной этими свѣдѣніями...

— Кстати, объ убитыхъ и раненыхъ. Въ Конопницѣ, напримѣръ, племенной антагонизмъ былъ ни при чемъ; тамъ трагедія создана турецкими войсками?—спрашивалъ я.

— Да, это была печальная ошибка,—возразилъ генералъ-губернаторъ.

— Но, ваше превосходительство, не находите ли вы, что такія „ошибки“ граничатъ съ преступленіемъ? Я самъ видѣлъ женщинъ и дѣтей, тяжело раненыхъ, почти въ упоръ; ихъ не могли принять за четниковъ.

— Конечно, конечно,—поспѣшно согласился онъ;—слѣдствіе будетъ произведено, и виновный обнаружится.

Я уже зналъ, что онъ говоритъ неправду, и что слѣдствіе производится какъ-разъ въ противоположномъ направленіи, съ цѣлью обнаружить нѣкоторую связь между жителями села Конопницы и четниками.

Потомъ рѣчь перешла на кровавую дѣятельность греческихъ бандъ, оперирующихъ не противъ турецкихъ войскъ, а противъ мирнаго болгарскаго населенія.

Я напрямикъ спросилъ, пользуются ли борющіяся стороны равноправіемъ, одинакова ли ихъ отвѣтственность передъ судомъ, ихъ охрана со стороны властей.

Собесѣдникъ съ легкой ироніей отвѣтилъ, что онъ лично не участвуетъ ни въ перестрѣлкѣ, ни въ задержаніи виновныхъ, но не понимаетъ, почему бы его подчиненнымъ не проявлять полнаго безпристрастія.

Въ эту минуту, однако, и онъ, и я прекрасно знали, что дѣло обстоитъ какъ-разъ наоборотъ.

Упомянувъ, что газета, по порученію которой предпринято мое путешествіе, правильно оцѣнила серьезность даннаго момента для дальнѣйшихъ судебъ Македоніи, я замѣтилъ, что редакція не получаетъ отъ меня никакихъ извѣстій, благодаря строгости

турецкой цензуры, и просилъ позволенія тутъ же составить телеграмму съ тѣмъ, чтобы мой любезный хозяинъ, убѣдившись въ полной невинности ея содержанія, сдѣлалъ соотвѣтствующую помѣту, избавляющую меня отъ дальнѣйшихъ цензурныхъ мытарствъ. Это было свыше его силъ. Этикетъ не позволялъ отвѣтить на просьбу гостя отказомъ; но, съ другой стороны, въ деспотіяхъ цензура—это высшая государственная святыня. Удвоивая любезность тона, Хильми-паша объявилъ, что я могу смѣло посылать телеграмму черезъ Константинополь,—тамъ ея, конечно, не задержатъ. Такой замаскированный отказъ подзадоривалъ меня получить хотя какой-нибудь реваншъ, и я обратился съ невозможной просьбой—разрѣшить мнѣ осмотръ мрачной тюрьмы Эди-куле, гдѣ содержится огромное количество политическихъ преступниковъ.

Хильми-паша выдержалъ минутную паузу и вдругъ совершенно неожиданно отвѣтилъ: „Хорошо“. Узнавъ, что я остановился въ „Hôtel d'Angleterre“ и хотѣлъ бы видѣть арестантовъ въ 10 часовъ слѣдующаго утра, онъ позвонилъ и отдалъ соотвѣтствующее приказаніе вошедшему въ комнату чиновнику.

Предупредительность всевластнаго паши была такъ велика, кофе, которымъ онъ меня угощалъ, такъ вкусно, умъ и дальновидность хозяина дома столь несомнѣнны, что будь на моемъ мѣстѣ мистеръ Стэдъ, — онъ бросился бы по болгарскимъ деревнямъ увѣрять жителей въ самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ генералъ-губернатора. Но я понималъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ мягкій диванъ, хорошее угощеніе и изысканный пріемъ, предложенные иностранному журналисту, могутъ идти рядомъ съ маузеровскими залпами и ударами ятагана по адресу мѣстнаго населенія; поэтому впечатлѣніе мое было тѣмъ безнадежнѣе, чѣмъ болѣе умнымъ, разностороннимъ и проницательнымъ оказался руководитель турецкой политики въ Македоніи.

Я собирался уже уходить, когда Хильми-пашѣ подали какую-то визитную карточку, и вслѣдъ затѣмъ вошелъ пожилой человѣкъ, котораго я принялъ и донынѣ принимаю за Брайса.

Поздоровавшись, хозяинъ спросилъ: доволенъ ли онъ путешествіемъ въ Битоль?

Гость, усѣвшись въ кресло, отвѣчалъ, что во все время пути чувствовалъ себя превосходно.

Странное дѣло,—несмотря на всю корректность и безупречность поведенія Хильми-паши, казалось, что онъ нѣсколько холоднѣе со знаменитымъ ученымъ, собирающимся дѣлать раскопки и изучающимъ эпоху Юстиніана, чѣмъ съ обыкновеннымъ журнастистомъ, интересующимся злобами дня.

Съ наступленіемъ разсвѣта, генералъ-губернаторъ предполагалъ ѣхать съ экстреннымъ поѣздомъ въ Ускюбъ. Но это держалось въ секретѣ, такъ какъ существовала опасность взрыва. Два года тому назадъ, неоднократно совершались покушенія на цѣлость той же линіи, и путь не безопасенъ до сего времени. Однако въ оффиціальныхъ сферахъ еще за сутки было извѣстно объ отъѣздѣ Хильми-паши, такъ какъ скрыть громоздкія приготовленія не представлялось возможнымъ; личная безопасность являлась Ахиллесовой пятой этого геніальнаго политика, превратившаго грозныхъ реформаторовъ Македоніи въ простыхъ статистовъ.

Прощаясь съ нимъ, я выразилъ увѣренность, что не встрѣчу препятствій при осмотрѣ тюрьмы.

— Будьте спокойны!—отвѣчалъ онъ:—утромъ къ вамъ въ отель явится чиновникъ, владѣющій французскимъ языкомъ, снабженный соотвѣтствующими инструкціями.

VI.

Неужели я увижу сотни государственныхъ узниковъ, томящихся въ Салоникахъ подъ сводами Эди-куле? Авторитетные знатоки положенія увѣряли, что Хильми-паша просто подшутилъ надо мной, любезно соглашаясь на просьбу и дѣлая распоряженіе о безпрепятственномъ появленіи корреспондента въ стѣнахъ ужасной темницы. Но эти знатоки ошиблись: какъ было заранѣе условлено, къ 10-ти часамъ утра въ гостинницу явился чиновникъ, командированный сопровождать меня, молодой египтянинъ, владѣющій, по его словамъ, семью языками.

Было очень важно имѣть въ качествѣ спутника и г. Маркова, занимающаго въ Салоникахъ оффиціальное положеніе и прикомандированнаго къ тамошнему представителю Болгаріи. Этотъ человѣкъ, кончившій въ Петербургѣ одну изъ военныхъ академій, слѣдовательно владѣющій русскимъ языкомъ и, кромѣ того, превосходно знакомый съ мѣстными порядками, могъ быть очень полезенъ во время предстоящаго осмотра тюрьмы, но разрѣшеніе не распространялось на него. Однако, все кое-какъ уладилось, и въ экипажъ мы усѣлись втроемъ.

Съ моря дулъ ласкающій вѣтерокъ, дорога круто пошла въ гору мимо турецкаго квартала, и черезъ полчаса внѣшняя стѣна Эди-куле была уже видна. Старое сооруженіе, пережившее эпоху венеціанскаго владычества, предназначалось въ прежнія времена

для цитадели, откуда гарнизонъ безъ труда держалъ въ покорности населеніе многолюднаго города, а теперь здѣсь раздаются стоны заключенныхъ, число которыхъ, по турецкимъ источникамъ, въ описываемый день превышало тысячу-двѣсти человѣкъ, по словамъ же болгаръ—доходило до полуторы тысячи.

Экипажъ въѣхалъ въ полуразрушенныя ворота; справа потянулась очень высокая и толстая каменная стѣна, слѣва лѣпились другъ къ другу убогія хижины, въ которыхъ ютится турецкая бѣднота. Лишь миновавъ этотъ оригинальный и довольно длинный корридоръ, мы подъѣхали къ острожному зданію. Два человѣка въ форменной одеждѣ вышли на встрѣчу и отрекомендовались на французскомъ языкѣ; одинъ былъ тюремный докторъ, другой — начальникъ караула. Они были предупредительны съ оттѣнкомъ подобострастія. Насъ пригласили къ фонтану, находящемуся въ садикѣ, предложили кофе и, несмотря на мое желаніе приступить къ осмотру арестантскихъ камеръ безъ промедленія, произошла заминка, продолжавшаяся минутъ десять. Въ странѣ съ деспотическимъ режимомъ журналистъ считается самымъ опаснымъ ревизоромъ, и было ясно, что спѣшно заканчиваются послѣднія приготовленія къ пріему.

Но вотъ ворота отворились, и мы попали въ цѣлую систему неправильныхъ закоулковъ, мѣстами прегражденныхъ такими низенькими дверцами, что и начальству, не говоря уже о простыхъ смертныхъ, приходится пробираться почти ползкомъ. Неожиданно открылась боковая калитка, ведущая на одинъ изъ многочисленныхъ дворовъ тюрьмы, гдѣ была густая толпа арестантовъ, между ними человѣкъ въ священнической одеждѣ; такъ какъ заключеннымъ не полагается казеннаго платья, хотя бы они оставались въ острогѣ десять или пятнадцать лѣтъ, то осужденный служитель алтаря, понукаемый тюремною стражей наравнѣ съ другими преступниками, идетъ на допросъ или въ арестантскую камеру въ одѣяніи, присвоенномъ его сану, и, въ концѣ концовъ, глазъ къ этому привыкаетъ.

Перерѣзавъ дворъ, мы вошли въ комнату, густо наполненную людьми.

— Сколько васъ здѣсь?—спросилъ я на болгарскомъ языкѣ. Мнѣ отвѣтили:—Семьдесятъ-четыре. По словамъ сопровождавшихъ насъ турецкихъ чиновниковъ, внутренность даннаго помѣщенія не превышала семидесяти-двухъ квадратныхъ метровъ (метръ—менѣе полутора аршина, приблизительно двадцать-два съ половиной вершка). Надо же представить себѣ хоть на минуту положеніе заключенныхъ, живущихъ такъ изъ года въ годъ. Подумайте только:

десятки лѣтъ провести въ тюрьмѣ, имѣя въ своемъ распоряженіи пространство пола менѣе, чѣмъ полтора аршина въ квадратѣ. Мебели нѣтъ; люди должны ютиться на полу, плотно прижавшись другъ къ другу. Тамъ они ѣдятъ, пьютъ, спятъ, ссорятся, рыдаютъ, надѣются, приходятъ въ отчаяніе... Политическіе, уголовные, турки, болгары, греки, румыны, сербы, албанцы,—всѣ живутъ вмѣстѣ; но подавляющее большинство составляютъ болгары, осужденные за политическія преступленія, т.-е. люди, желающіе свободы своей родинѣ и готовые отдать ради нея свою жизнь. Въ этотъ день я увидѣлъ сотни такихъ мучениковъ, плотно набитыхъ въ десяткахъ камеръ, и вспомнилъ опредѣленіе защитника Вѣры Засуличъ, нынѣ покойнаго, Александрова. По его мнѣнію, вся вина политическаго преступника часто заключается въ томъ, что онъ опередилъ свое поколѣніе.

Передъ посѣщеніемъ Эди-куле я еще на разсвѣтѣ видѣлся съ человѣкомъ, который самъ сиживалъ тамъ; онъ далъ полезные для меня совѣты, благодаря которымъ можно было кое-какъ оріентироваться при осмотрѣ тюрьмы. Въ первой же камерѣ я просилъ доктора показать арестантскій клозетъ; онъ замялся и, не трогаясь съ мѣста, сказалъ, что тамъ на дняхъ предполагается устроить систему сифоновъ. Послѣ дальнѣйшихъ настояній, рѣшительныхъ, хотя до послѣдней степени деликатныхъ, я получилъ возможность видѣть то, что̀ желалъ. Избавлю читателя отъ описанія; замѣчу лишь, что, какъ довольно неожиданно оказалось, пища приготовляется арестантами въ томъ же помѣщеніи, предназначенномъ для совершенно другой надобности. Здѣсь необходимо сдѣлать маленькое поясненіе: кромѣ хлѣба и воды, узникамъ рѣшительно ничего не отпускается; но желающіе, если у нихъ есть средства, могутъ покупать продукты и такъ или иначе изготовлять себѣ обѣдъ. Я ѣлъ арестантскій хлѣбъ; онъ недуренъ, но зато изъ года въ годъ бо̀льшая часть заключенныхъ лишена всякой иной пищи, что̀ должно быть очень тягостно.

Нѣкоторые счастливцы, несмотря на тѣсноту, занимаются кое-какимъ рукодѣльемъ; въ первой же камерѣ я взялъ на память бутылку и револьверный кабуръ, обдѣланный бисеромъ, вручивъ заключеннымъ двадцати-франковую монету, причемъ убѣдился, что имѣть деньги на рукахъ имъ не воспрещается.

— Будьте такъ добры, если возможно, покажите камеру, гдѣ содержатся дѣти,—сказалъ я, обращаясь къ доктору.

Онъ вопросительно посмотрѣлъ на начальника караула и на сопровождавшаго насъ чиновника; тотъ утвердительно кивнулъ

головой. Замѣтивъ колебаніе, я продолжалъ настаивать, постоянно прибавляя:—Si c'est possible!

Послѣ нѣкоторой заминки, мы отправились въ путь. Думая о маленькихъ узникахъ, я мысленно называлъ Голгоѳой отведенный для нихъ чердакъ, къ которому вела крутая лѣстница съ высѣченными изъ камня ступенями. Въ теченіе столѣтій на нихъ образовались выбоины, въ которыхъ стоитъ вода.

Изъ числа провожатыхъ двое поддерживали меня подъ-руки при этомъ тягостномъ подъемѣ.

Распахнулась дверь, и докторъ весело воскликнулъ:—Voilà le dortoir des enfants!

Предъ нами было какое-то логовище съ неправильными углами, гдѣ на пространствѣ 30 кв. метровъ помѣщалось 42 осужденныхъ подростка въ возрастѣ отъ 12-ти до 15-ти лѣтъ; одинъ изъ нихъ, приговоренный на четыре года, отвѣтилъ г. Маркову, что арестованъ „за кровь“.

— Что же, ты зарѣзалъ кого-нибудь?—спросили мы его.

— Нѣтъ, застрѣлилъ изъ „мартынки“,—возразилъ онъ.

Разспросить о подробностяхъ не хватало времени. Мысль работала быстро; сотни человѣческихъ существъ, мелькавшихъ передъ глазами и поставленныхъ въ столь исключительныя, противоестественныя условія, сливались въ цѣлый океанъ... Это былъ океанъ страданій; вѣдь каждый имѣлъ свою исторію, свою индивидуальность. Но для насъ, мгновенныхъ посѣтителей, она не существовала; ее стирала нивеллирующая тюрьма, нивеллирующее горе...

Подойти къ одному изъ этихъ несчастныхъ, подробно узнать о его судьбѣ, остаться съ нимъ цѣлый день, по-братски утѣшить его... что̀ можетъ быть естественнѣе? Но бѣглые вопросы, единственно возможные при этой быстро смѣнявшейся панорамѣ лицъ, изъ которыхъ почти каждое являлось жертвой или участникомъ трагедіи, казались мнѣ оскорбительными и невольно замирали на устахъ.

При дальнѣйшемъ обходѣ тюрьмы, я спрашивалъ у начальствующихъ лицъ о „шкапахъ“, куда запирали арестантовъ еще два года назадъ; но оказалось, что, благодаря настойчивости представителей Европы, „шкапы“ эти уничтожены.

Безплоднымъ осталось и мое желаніе видѣть тюремный карцеръ. Докторъ притворялся непонимающимъ, а затѣмъ сталъ увѣрять, что никакого карцера не существуетъ. Когда же я настаивалъ, доказывая, что какія-нибудь репрессивныя мѣры несомнѣнно

примѣняются къ нарушителямъ установленнаго режима, онъ сказалъ, что ихъ запираютъ въ ручныя и ножныя оковы.

Быть можетъ, подмѣшивая иронію въ постояннымъ комплиментамъ, которыми, по восточному обычаю, онъ меня осыпалъ, докторъ замѣтилъ, что органъ, въ которомъ я работаю, долженъ быть доволенъ корреспондентомъ, вникающимъ рѣшительно во все, а черезъ минуту добавилъ, что видѣлъ портретъ русскаго писателя Толстого и находитъ большое сходство между мною и этимъ портретомъ. Я возразилъ, что, прежде всего, Толстой въ полтора раза старше меня, да и вообще сходства между мной и знаменитымъ писателемъ мало. Но собесѣдникъ любезно упирался, говоря, что, слѣдовательно, видѣлъ портретъ, снятый съ графа Толстого въ молодости.

Однако, почтенный эскулапъ обнаружилъ гораздо меньше словоохотливости, когда я спросилъ о тюремной больницѣ. Онъ увѣрялъ, что больныхъ всего тридцать-шесть. Цифра невѣроятная, если вспомнить, что заключенныхъ въ тюрьмѣ во всякомъ случаѣ болѣе 1.200 человѣкъ и живутъ они въ самыхъ антигигіеническихъ условіяхъ. Неохотно и лишь послѣ неоднократныхъ напоминаній съ моей стороны, докторъ направился къ больничной палатѣ. Тамъ, по словамъ г. Маркова, лежали только турки, одни на кроватяхъ и грязныхъ тюфякахъ, другіе—между кроватями на полу. Кажется, при осмотрѣ этого лазарета, я заразился,—по крайней мѣрѣ, къ вечеру того же дня я тяжело заболѣлъ.

Въ заключеніе надо было навѣстить арестанта Самарджіева и женское отдѣленіе. Относительно перваго я не безъ труда растолковалъ мое желаніе начальству. Наконецъ, докторъ „вспомнилъ“, что у него нѣсколько мѣсяцевъ пролежалъ въ больницѣ такой субъектъ, сброшенный арестантами-турками съ лѣстницы и получившій тяжелый, чуть не смертельный ушибъ головы. При дальнѣйшемъ обходѣ тюремныхъ помѣщеній, его подвели къ намъ. Я сказалъ по-болгарски, что у насъ есть общіе друзья; узникъ сталъ хвалить доктора и сообщилъ, что турки, бросившіе его съ лѣстницы, были жестоко наказаны начальствомъ: они ходили въ тяжелыхъ кандалахъ три мѣсяца и, кромѣ того, преданы суду. Послѣ бесѣды я не вынесъ полнаго убѣжденія въ тождествѣ новаго знакомца съ Самарджіевымъ: возможна была и мистификація.

Женщинъ въ Эди-куле оказалось всего четырнадцать; ихъ положеніе было исключительно невыносимымъ. По многимъ причинамъ, позволительно сдѣлать такую догадку, хотя никакихъ конкретныхъ данныхъ на этотъ счетъ у меня нѣтъ.

Въ первой же небольшой комнатѣ женскаго особняка мы застали двухъ молодыхъ арестантокъ; одна изъ нихъ назвала себя Анной Арсовой; это имя произвело на меня сильнѣйшее впечатлѣніе! Еще въ Ускюбѣ мнѣ говорили, что въ настоящемъ году, среди многихъ другихъ, была арестована и совершенно исчезла народная учительница Анна Арсова. Теперь, благодаря случаю, я вдругъ нахожу ее такъ неожиданно въ Эди-куле. Миловидная, скромная, съ пріятнымъ голосомъ, молодая узница отвѣтила на мои вопросы, что у нея произвели обыскъ, нашли переписку съ революціонерами, и политическій судъ приговорилъ ее къ трехлѣтнему тюремному заключенію. Что-то знакомое, родственное и острое стало проникать въ мое сердце при этой бесѣдѣ. Коротенькія слова: „три года“ воображеніе немедленно пыталось размѣнять на мелкую и крупную монету ежедневныхъ огорченій, „тюремныхъ исторій“, пожалуй,—насилій. Кто защитить дѣвушку въ турецкой тюрьмѣ Эди-куле? Кто знаетъ, до какихъ предѣловъ доходитъ здѣсь произволъ стражи? Съ грустью смотрѣлъ я то на арестантку, то на ея сторожей. Товарка Анны Арсовой—уголовная преступница, судьба которой еще тяжелѣе: у нея въ четырнадцать лѣтъ былъ несчастный романъ, а черезъ годъ судъ приговорилъ ее за дѣтоубійство къ пятнадцатилѣтнему тюремному заключенію. Она пробыла подъ замкомъ три года, т.-е. только одну пятую опредѣленнаго срока. Суждено ли ей дожить до счастливаго дня и оказаться на свободѣ?

Нельзя было болѣе злоупотреблять любезностью начальства,—мы уже провели въ Эди-куле два часа. У фонтана насъ ждалъ кофе.

Подавленный всей безпредѣльностью человѣческаго страданія и видомъ самихъ страдальцевъ, только-что промелькнувшихъ передъ глазами въ такомъ огромномъ количествѣ, я быстрыми шагами направился къ экипажу; лошади тронули, когда насъ догналъ заптій съ забытымъ мною пальто.

Теперь, при спускѣ съ горы, передъ нами была дивная картина: подъ ногами раскинулись Салоники, расцвѣченныя садами и упирающіяся въ широкую полосу моря. Верстахъ въ шестидесяти возвышалась вершина Олимпа, оригинальнаго въ своей красотѣ; онъ лишенъ предгорій, и конусъ его какъ бы выходитъ прямо изъ воды.

— Поглядите! — воскликнулъ мой спутникъ: — вонъ вправо отъ насъ знаменитая мечеть С.-Жоржъ; это былъ языческій

храмъ, но настали другія времена, и апостолъ Павелъ явился въ Салоники для распространенія христіанства. Въ этомъ же зданіи раздавалась его проповѣдь. Камень, служившій ему подножіемъ, увезенъ, всего два года назадъ, въ константинопольскій музей. Много столѣтій подъ-рядъ храмъ, переставшій быть языческимъ, служилъ мѣстомъ для христіанскаго богослуженія и назывался церковью св. Георгія; потомъ пришли мусульмане, исламъ властно водворился въ странѣ, и безстрастные своды храма такъ же гостепріимно даютъ убѣжище молящемуся магометанину, какъ нѣкогда они служили христіанамъ, а еще ранѣе—поклонникамъ Зевеса.

Слушая эту повѣсть, я не могъ оторваться отъ мысли объ Эди-куле и говорилъ себѣ: тюремныя стѣны также доставляютъ пріютъ самому разнообразному контингенту: сегодняшніе узники могли бы, послѣ освобожденія Македоніи, превратиться въ судей, а ихъ тюремщики—въ государственныхъ преступниковъ.

Черезъ часъ, за обѣдомъ, я встрѣтился съ земляками, пріѣхавшими на австрійскомъ пароходѣ. Въ трапезѣ принимало участіе общество многолюдное и притомъ интернаціональное; присутствовало и нѣсколько руссофиловъ. Слѣдуетъ помнить, что эта разновидность человѣческаго рода, очень досаждающая намъ на Востокѣ, страстно обожаетъ Россію, представляя ее себѣ въ какомъ-то византійскомъ освѣщеніи; такіе господа знаютъ по именамъ многихъ нашихъ генераловъ и даже статскихъ совѣтниковъ, но никогда не слышали о Герценѣ, Бѣлинскомъ, Чернышевскомъ, Добролюбовѣ, Салтыковѣ... Разговоръ за столомъ вертѣлся на Эди-куле. Одинъ изъ руссофиловъ, съ расплывающимся отъ улыбки лицомъ, сталъ наскакивать на меня съ назойливыми вопросами въ такомъ родѣ: — Ну, скажите, пожалуйста, возможно ли, чтобы человѣкъ съ широкимъ русскимъ сердцемъ придумалъ такую жестокость, какъ Эди-куле?

При этихъ словахъ, одинъ изъ пріѣзжихъ русскихъ вспыхнулъ и, отвѣчая на предложенный мнѣ вопросъ, громко закричалъ черезъ весь столъ:

— Милостивый государь, качествомъ политическихъ тюремъ не измѣряется народное сердце! Я больше васъ дорожу духовными свойствами нашего народа, но не могу безъ негодованія слушать, когда вы припутываете ихъ къ вопросамъ совершенно постороннимъ: развѣ русское общество изобрѣло шлиссельбургскую тюрьму? Развѣ оно придумало матовыя стекла

для одиночныхъ камеръ, чтобы заключенный не могъ видѣть даже клочка мутнаго, сѣраго неба? И вотъ, представьте себѣ, что годы, десятки лѣтъ человѣкъ, лишенный оптическихъ впечатлѣній, противъ воли изощрилъ свой слухъ; противъ воли, потому что долетающіе до камеры звуки могутъ только терзать душу; это—дикіе вопли сошедшихъ съ ума товарищей... Вдругъ, на разсвѣтѣ, раздается пронзительный ударъ топора. Арестантъ вскакиваетъ съ постели; онъ уже знаетъ, чтò это значитъ: передъ казнью его товарищей были слышны тѣ же звуки воздвигаемаго эшафота. Но кого будутъ казнить сегодня? Отгадать невозможно. Одно несомнѣнно извѣстно: смерть приметъ другъ, политическій единомышленникъ... Да, отнять у человѣка всѣ впечатлѣнія, погрузить его на десятки лѣтъ въ полнѣйшую неизвѣстность относительно всего происходящаго въ окружающемъ мірѣ и взамѣнъ развлекать однимъ единственнымъ способомъ: т.-е., казнить подъ его окнами друзей, нарочно привезенныхъ туда для этой цѣли, какъ будто по всему необъятному лицу русской земли нельзя найти другого мѣста!!! Вѣдь Андреюшкинъ, Осипановъ, Ульяновъ, Шевыревъ, Генераловъ, Балмашевъ, Каляевъ, — они не были заключены въ шлиссельбургскую тюрьму,—ихъ привезли туда спеціально для казни. Соберите всѣхъ психологовъ цѣлаго свѣта; пусть они придумаютъ пытку утонченнѣе, чѣмъ это безмолвіе Шлиссельбурга, вотъ уже двадцать-одинъ годъ нарушаемое исключительно то воплями умалишенныхъ, то звуками воздвигаемаго эшафота. Повторяю: говоря о русскомъ сердцѣ, не припутывайте вопроса о тюрьмахъ, о которыхъ вы ровно ничего не знаете!

Эта страстная отповѣдь положила конецъ застольной бесѣдѣ; но кто положитъ конецъ политическимъ бреднямъ здѣшнихъ руссофиловъ?

VII.

Ранѣе чѣмъ уѣхать изъ Салоникъ, я отправился къ начальнику русской жандармеріи. Хотѣлось узнать, какого онъ мнѣнія о результатѣ своихъ двухлѣтнихъ трудовъ въ странѣ. Въ лучшей части города, на взморьѣ, проѣхавъ между садами, гдѣ зрѣютъ гранаты и винныя ягоды, я безъ труда разыскалъ генерала Шостакъ.

Этотъ человѣкъ, застѣнчивый, съ очень моложавымъ, почти дѣтскимъ голосомъ, одѣтый въ штатское платье, производилъ впечатлѣніе, которое никакъ не вязалось съ моими воспомина-

ніями о русскихъ жандармскихъ генералахъ. Онъ очень привѣтливъ и тономъ мученика объявилъ, что миссія его совершенно не удалась. Положеніе Македоніи измѣнилось къ худшему за послѣдніе два года. Турки поддерживаютъ грековъ, постоянно обагряющихъ руки въ крови болгаръ, а вмѣшательство иностранныхъ офицеровъ почти не приноситъ пользы, такъ какъ ихъ задача—реформировать турецкую жандармерію—понимается мѣстными властями лишь въ смыслѣ заботы о внѣшней выправкѣ.

Грустно было глядѣть на этого представителя могущественной державы, поставленнаго въ столь унизительное положеніе.

Въ Салоникахъ разсказываютъ, что между генераломъ Шостакъ и Хильми-пашой происходятъ сцены, исполненныя мрачнаго юмора. Первый является къ генералъ-губернатору, чтобы со всѣмъ апломбомъ своего оффиціальнаго положенія протестовать противъ рѣзни, произведенной турецкими войсками въ какой-нибудь болгарской деревнѣ. Но неуязвимый Хильми-паша хочетъ уничтожить своего собесѣдника и, сдѣлавъ печальное лицо, начинаетъ увѣрять, что ему чрезвычайно прискорбно, онъ жалѣетъ убитыхъ и утѣшаетъ себя единственно тѣмъ, что количество жертвъ было въ данномъ случаѣ значительно менѣе, чѣмъ, напримѣръ, въ Петербургѣ 9-го января.

Получивъ такой отвѣтъ, человѣкъ даже самый твердый и рѣшительный долженъ пожелать, по меньшей мѣрѣ, провалиться сквозь землю, и, принимая во вниманіе всѣ особенности настоящаго историческаго момента, нельзя не признать, что положеніе русскаго генерала, протестующаго противъ жестокостей и репрессалій въ другой странѣ, чрезвычайно тягостно и въ то же время комично. Между тѣмъ ему приходится быть свидѣтелемъ многихъ трагедій.

Эти строки были уже написаны, когда телеграфъ принесъ слѣдующее извѣстіе: „Англійскій король при свиданіи въ Фридрихсгофѣ, въ виду несомнѣнной неудачи мюрцштегской программы, съ вѣдома Италіи, пытался заручиться согласіемъ германскаго императора на слѣдующую комбинацію: Македонія и Старая Сербія получаютъ автономныя управленія, во главѣ которыхъ будетъ находиться губернаторъ изъ христіанъ. Губернаторомъ этимъ намѣченъ черногорскій княжичъ Мирко. Германія, будто бы, объявила по этому поводу, что поддержитъ всѣ мѣропріятія, которыми можно будетъ возстановить спокойствіе на Балканскомъ полуостровѣ. Однако Австрія и по всей вѣроятности Россія отклонятъ этотъ проектъ“. Извѣстіе, заключающееся въ приведенной телеграммѣ, какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ

заявленіемъ „Русскаго Государства", издававшагося во время премьерства графа Витте, а также съ опубликованными печатью Балканскаго полуострова утвержденіями г. Демерика;—и упомянутый оффиціозъ, и русскій дипломатъ совершенно солидарны, высказываясь въ такомъ родѣ: Россія не желаетъ допустить присоединенія Македоніи къ Болгаріи и, кромѣ того, находитъ, что правильно понятые интересы первой изъ нихъ не имѣютъ ничего общаго съ стремленіемъ къ независимости.

Такимъ образомъ, петербургское правительство входитъ въ полное противорѣчіе со своими собственными дезидератами, выраженными въ с.-стефанскомъ договорѣ 19-го февраля 1878 г. и повторенными, хотя и безъ успѣха, на Берлинскомъ конгрессѣ. По причинамъ, несовсѣмъ понятнымъ, оно пришло теперь къ убѣжденію, что турецкое иго, угнетавшее Македонію около пяти столѣтій, должно быть сохранено для многострадальнаго края и впредь. Наконецъ, представители того самаго режима, который дезорганизовалъ Россію, продолжаютъ твердить о необходимости реформъ для Македоніи. Но мало того,—они дерзаютъ выступать въ роли реформаторовъ. Каковъ результатъ этого лицемѣрія, я могъ судить во время прошлогодняго путешествія по странѣ. А на основаніи многочисленныхъ разсказовъ другихъ очевидцевъ говорю съ увѣренностью, что за послѣдніе одиннадцать мѣсяцевъ анархія и нищета еще увеличились въ трехъ македонскихъ вилайетахъ, гдѣ около 70% всѣхъ налоговъ расходуется на содержаніе войскъ и карательныя экспедиціи.

Спрашивая, почему не воздѣланы многія плодородныя поля, я не разъ получалъ въ отвѣтъ такое разъясненіе отъ самихъ поселянъ: налогъ, взимаемый турками натурой, хотя и называется „десятиной", но въ дѣйствительности почти совершенно обезцѣниваетъ урожай, благодаря тѣмъ формальностямъ, къ которымъ прибѣгаютъ откупщики десятины. Ихъ произволъ, самовластіе беговъ, жадность и корыстолюбіе администраціи, а также жестокость и безнаказанность войскъ привели къ тому, что у поселянина опустились руки. Земледѣліе при такихъ условіяхъ теряетъ смыслъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ появились иностранные офицеры, поведеніе турокъ стало еще болѣе вызывающимъ.

Слушая подобныя рѣчи, я въ сотый разъ задавалъ себѣ вопросъ: зачѣмъ понадобилось русскому правительству брать на себя отвѣтственность за македонскія „реформы", когда въ сущности его роль свелась къ совершенно открытой поддержкѣ деспотическаго режима?

У македонскаго „райи“ не было ни личной неприкосновенности, ни правового порядка, ни судебной защиты. Среди ада, въ которомъ онъ живетъ, была только одна отрада всѣхъ несчастныхъ—слабая надежда на лучшее будущее. Но наша дипломатія не поддержала этой надежды—напротивъ: независимость Македоніи не считаютъ у насъ нужною; соединенія ея съ Болгаріей не допустятъ!

Н. Кулябко-Корецкій.

ЗАШУМИТЪ ЛѢСЪ

ЭСКИЗЪ

ПО ПОЛЬСКОМУ РОМАНУ ЮЗЕФА МАСКОФФА.

I.

Въ театрѣ мелкаго пограничнаго городка шла репетиція оперетки. Изъ корридора къ уборной танцовщицы Яблонской пробрались двое немолодыхъ уже мужчинъ, въ хорошихъ шубахъ. Одинъ изъ нихъ, какъ бы конфузясь собственнаго голоса въ такомъ мѣстѣ, неувѣренно спросилъ дѣвочку-служанку:

— Пани уже одѣта? Можно ее видѣть?

— Одѣта. Но къ ней нельзя; тамъ теперь полицмейстеръ.

— Ну, такъ мы подождемъ.

Въ уборной голоса раздались громче.

— Ну, ей-Богу, не могу!—увѣрялъ полиціймейстеръ Тагѣевъ.—Чортъ знаетъ, чтò вы это выдумали!

— Сейчасъ его выгонитъ,—улыбаясь, прошептала дѣвочка.

Шубы инстинктивно тронулись къ выходу.

— Пойдемте, г. адвокатъ, лучше съ нимъ не встрѣчаться; еще какъ-нибудь намъ гадить начнетъ.

Адвокатъ, однако, колебался.

— Я его не боюсь.

— Да я боюсь. Какъ городской врачъ, я — въ зависимости отъ него. Впрочемъ, на всякаго онъ можетъ донести чтò захочетъ. Я ухожу...

— Какъ хотите, не могу!—уже почти кричалъ Тагѣевъ.

— Такъ убирайтесь вонъ! — пропищалъ гнѣвный голосокъ.

— Мамзель Яблонская, для васъ я все готовъ сдѣлать... Но, помилуйте, вѣдь вы просите о такой вещи, которая зависитъ не отъ меня, а отъ жандармскаго управленія. Поймите же это!

Актриса топнула ногой.

— Мнѣ какое дѣло? Стану я ходить по жандармскимъ управленіямъ!

— Такъ пусть вашъ родственникъ самъ зайдетъ.

— Не говорите глупостей, а лучше достаньте мнѣ конфектъ.

— Это—другое дѣло. Конфекты я вамъ даже сейчасъ предоставлю.

И изъ уборной поспѣшно выскочилъ пѣхотный штабъ-офицеръ съ необыкновенно звонкими шпорами на лакированныхъ сапогахъ.

За нимъ въ дверяхъ показалась хорошенькая, совсѣмъ еще молодая актриса въ короткой балетной юбкѣ розоваго цвѣта.

— Гдѣ панъ Леонъ?—обратилась она къ служанкѣ.

— Въ мужской гардеробной.

— Сбѣгай, пусть придетъ сейчасъ, а сама стань въ корридорѣ и дай мнѣ знать, какъ только полицiймейстеръ покажется изъ буфета.

Черезъ минуту, въ уборную вошелъ молодой человѣкъ средняго роста, свѣтлый блондинъ съ большими сѣрыми глазами. Танцовщица приподнялась на носкахъ и наклонила къ нему голову.

— Будьте покойны... онъ мнѣ дастъ нужный вамъ пропускъ.

— Какъ мнѣ васъ благодарить!..

— Не стòитъ. Только бы мнѣ не забыть, какъ васъ зовутъ... Леонъ... Ахъ, нѣтъ, какое вамъ дать имя... Положимъ: Стефанъ Попелявскій... вы согласны?

— Хорошо.

— Запишу себѣ.—Она взяла коробку съ пудрой и, обернувъ ее, написала на днѣ тушью для бровей новое имя своего протэжè.

Молодой человѣкъ не сводилъ съ нея глазъ, въ которыхъ виднѣлись и печаль, и что-то вродѣ восхищенія.

— Какая вы добрая и какъ вы хороши!

Улыбнувшись, дѣвушка приняла классическую позу.

— Это только костюмъ хорошъ.

— И костюмъ, и все-таки—вы.

— Ахъ, еслибы только удалось!... Только тогда вздохну свободно, когда вручу вамъ этотъ пропускъ.

Въ голосѣ ея слышалась сердечность, искреннее желаніе спасти этого человѣка, котораго она, нѣсколько дней тому назадъ, совсѣмъ не знала. Она сама удивлялась тому тревожному чувству, которое заставляло ее мѣшаться въ это дѣло и выпрашивать у полиціймейстера пропускъ за границу, будто бы для кузена, съ порученіемъ привезти ей бархату на платье и пять метровъ кружевъ.

Оба они были одиноки на свѣтѣ и теперь какъ будто вдвоемъ укрывались отъ него, въ уголку, куда едва только долетали голоса со сцены. И несмотря на случайность и мимолетность такой встрѣчи, оба они сознавали, что ихъ связывало горячее сочувствіе.

— Бѣдный вы!—сказала она, протянувъ Леону руку. И оба были тронуты. Въ ней говорило женское чувство жалости къ этому юношѣ, который долженъ былъ скрываться, какъ звѣрь, передъ облавой такого множества людей сильныхъ, вооруженныхъ, брящающихъ саблями и шпорами...

Власть представлялась ей всегда толпой нахмуренныхъ, гнѣвныхъ силачей въ фуражкахъ съ кокардами. За толпой этой виднѣлся неясный силуэтъ кого-то, изрекавшаго страшные приговоры и окруженнаго пиками. Людей этихъ было неисчислимое множество. А онъ—одинъ, такой худой, слабый, и сердце его навѣрное такъ билось, какъ у подстрѣленной серны.

Въ молодой актрисѣ дрогнула струна такого страха, какъ бы погоня шла за нею самой. И вотъ она невольно произнесла слово:—Бѣдный!

Леонъ взялъ ея руку и пожималъ въ обѣихъ своихъ, чувствуя, что слово шло отъ сердца.

Сильный стукъ въ дверь.—Идетъ!—крикнула служанка.

— Скорѣе—въ гардеробную!—сказала Яблонская:—и ждите меня.

Вошелъ Тагѣевъ, поставилъ на столъ коробку конфектъ и тотчасъ шепнулъ съ улыбкой:

— Вотъ ваши конфекты. А что касается легитимаціоннаго билета, то вы будете его имѣть.

Яблонская не смогла укрыть радости.

— Будто? Въ самомъ дѣлѣ?

— Серьёзно. Я встрѣтилъ въ буфетѣ жандармскаго ротмистра, и онъ обѣщалъ мнѣ это сдѣлать... Но какъ же фамилія вашего родственника? Вы мнѣ вѣдь не сказали.

— Стефанъ Попелявскій.

— Ну и прекрасно,—продолжалъ полиціймейстеръ полушо-

потомъ. — А только помните, что бумажка — на трехдневный срокъ. Честное слово, что онъ вернется черезъ три дня?

Яблонская стала смѣяться.

— Ну, конечно... Еще бы! — и вдругъ, припомнивъ: — вѣдь онъ же мнѣ бархатъ привезетъ.

Со сцены донеслись глухіе, процѣженные сквозь нѣсколько перегородокъ, звуки жидкаго оркестра. Полиціймейстеръ звякнулъ шпорами.

— А, это—та залихватская мазурка!—И, видя, что актриса, улыбаясь, смотрѣла на него, изъ-подъ своихъ подчерненныхъ рѣсницъ, онъ протянулъ къ ней руку.—Дайте поцѣловать вашу ручку.

Она, разсмѣявшись, подняла руки выше его головы и повторяла въ тактъ мазурки:

— Будетъ бархатъ, будетъ бархатъ!

Леону она дала знать черезъ служанку, что нужное ему пропускное свидѣтельство, вѣроятно, будетъ завтра, что пусть онъ ночуетъ не у товарища, какъ вчера, а въ кулисахъ, гдѣ спятъ машинисты, и завтра утромъ пусть будетъ опять на репетиціи. Очевидно, она хотѣла избавить его отъ опасности показываться днемъ на улицѣ.

Когда стемнѣло, Леонъ сходилъ къ Ясю, своему пріятелю, чтобы взять оставленныя у него деньги и проститься. Ясь былъ его товарищемъ въ старшемъ классѣ гимназіи, и надъ обоими ими стряслась одна бѣда. Ихъ выгнали изъ гимназіи за устройство тамъ „комитета народнаго обученія“. Членами комитета были пятеро старшихъ гимназистовъ, а цѣлью — раздача „просвѣтительныхъ“ брошюръ среди крестьянъ и рабочихъ на фабрикахъ, около Ченстохова. Брошюры сочинялись самими членами комитета и были довольно невиннаго свойства, хотя назначались, конечно, для распространенія „сознательности“ по части стремленій патріотическихъ и даже соціальныхъ.

Но у комитета не было денегъ ни на печатный станокъ, ни хотя бы на гектографный приборъ. А между тѣмъ, и крестьяне, и большинство рабочихъ читали только „по печатному“, то-есть, по молитвенникамъ. Но ужъ слишкомъ горячо было у юношей желаніе участвовать въ пробужденіи народной сознательности. И вотъ, они придумали — писать брошюры печатными буквами, пріучаясь съ великимъ трудомъ воспроизводить печатныя буквы, покрывать цѣлыя страницы мнимо-печатными строками и такіе листки сшивать подъ обложками. Первое удачное изготовленіе такой брошюры вызвало среди участниковъ настоящій восторгъ.

Каждый экземпляръ такой брошюры требовалъ неимовѣрнаго труда. Но это не остановило увлеченія редакторовъ, которые были вмѣстѣ и копіистами. Леонъ Орлицкій еще въ среднихъ классахъ проявилъ литературныя способности и среди учителей прослылъ „идеалистомъ“. Впослѣдствіи онъ овладѣлъ литературной формой. Брошюру написалъ онъ съ юношескимъ жаромъ и еще почти дѣтской чувствительностью. Въ ней говорилось крестьянамъ о Польшѣ, какою она нѣкогда была, какова есть теперь и какою должна быть — справедливой, отеческой для всего народа. Внушалось, что любить свою землю слѣдуетъ не только за то, что она родитъ зерно, картофель и рѣпу, но и за то, что эта земля — „наша“, несчастная, томящаяся въ рабствѣ.

Написанное Леономъ поправилъ Янъ, поубавивъ сентиментальности, но зато упомянувъ о произволѣ полиціи, тягости податей, о народномъ малоземельи и эмиграціи на заработки. Черезъ два мѣсяца были уже на готовѣ пятьдесятъ экземпляровъ брошюры, переписанныхъ печатными буквами. Рѣшено было, чтобы онѣ раздавались не только членами комитета, но еще и нѣсколькими пансіонерками, подругами сестры Яна, согласно его мудрому совѣту, что „безъ помощи бабъ мы не обойдемся“.

Но вскорѣ въ домѣ, гдѣ хранилась эта „нелегальная литература“, произведенъ былъ обыскъ, и въ ту же ночь Леонъ, Янъ и прочіе члены комитета были арестованы и отправлены въ губернскую тюрьму, откуда Леонъ и Янъ попали даже въ варшавскую цитадель. Просидѣвъ нѣсколько мѣсяцевъ, всѣ эти политическіе преступники были выпущены на свободу, но исключены изъ гимназіи, съ воспрещеніемъ пріема въ другія училища.

Изъ родни у Леона былъ въ живыхъ только дядя по матери, опекунъ его, хозяинъ мелкой гостинницы въ Кѣльцахъ. У того было нѣсколько сотъ рублей, оставшихся послѣ родителей Леона. Онъ платилъ въ гимназію, но нисколько не заботился о судьбѣ племянника и радъ былъ отдѣлаться отъ опеки, выдавъ ему двѣсти рублей, когда Леону представилась необходимость уѣхать за границу.

Необходимость же эта была вызвана новой опасностью. Леонъ попробовалъ написать въ заграничныя газеты нѣсколько „Писемъ изъ Конгресувки“. Письма эти понравились, и молодой человѣкъ сдѣлался постояннымъ корреспондентомъ тѣхъ газетъ, что̀ дало ему хоть какія-нибудь средства къ жизни. Онъ чувствовалъ себя счастливымъ, такъ какъ могъ писать что̀ хотѣлъ, писать отъ души. Въ одной изъ львовскихъ газетъ появились два его разсказа изъ гимназической жизни въ Царствѣ. Здѣсь

онъ описывалъ тягостныя впечатлѣнія, какія на него производили съ дѣтства жесткость и грубость учителей, ихъ глумленіе надъ его роднымъ языкомъ, прямая враждебность этой школы ко всему, что̀ въ семьѣ его учили любить и считать священнымъ.

Разсказы эти были безхитростные, не отдѣланные блестками вымученной фразеологіи. Но въ каждой строкѣ чувствовался стонъ души, горькая обида, возмущеніе насиліемъ, которое намѣренно оскорбляло дѣтей въ томъ, что̀ для нихъ было дорого. И разсказы эти были замѣчены въ печати.

Сотрудничество свое въ закордонныхъ газетахъ Леонъ хранилъ въ безусловной тайнѣ. Но вдругъ онъ узналъ, что тайна эта раскрыта. Нѣкоторыя подробности въ разсказахъ могли навести цензуру или гимназическое начальство на догадку о личности корреспондента. Онъ получилъ анонимное извѣщеніе „изъ вѣрнаго источника", что у него будетъ произведенъ обыскъ, за которымъ, вѣроятно, послѣдуетъ арестованіе. Леонъ тотчасъ выѣхалъ, получилъ отъ дяди двѣсти рублей и прибылъ въ пограничный городокъ, гдѣ жилъ его пріятель Янъ, чтобы пробраться въ Галицію. Яну и пришла счастливая мысль просить за него Яблонскую, о которой весь городъ зналъ, что она знакома съ полиціймейстеромъ. Къ ней и явился Леонъ на другой день послѣ своего пріѣзда на границу.

Послѣ свиданія съ ней, онъ вечеромъ зашелъ къ Яну, взялъ оставленныя у него деньги, простился съ пріятелемъ и незадолго передъ закрытіемъ театра прошелъ за кулисы ночевать. Видѣли его также служанка и „машинисты", но онъ ихъ не боялся, такъ какъ въ этой средѣ едва-ли бываютъ шпіоны.

Онъ зажегъ ручной фонарь, отыскалъ какой-то завалящій диванчикъ, снялъ лежавшіе на немъ два ветхіе стула и осмотрѣлся, чѣмъ бы покрыться. За кулисами было холодно, хотя у стѣны стояла чугунка, въ которой топили днемъ. У одной кулисы Леонъ примѣтилъ прислоненный къ ней обрывокъ намалеваннаго холста, вѣроятно кусокъ стѣны или лѣса, а можетъ быть и озера. Онъ легъ и покрылся этимъ жесткимъ одѣяломъ.

Онъ былъ убѣжденъ, что не заснетъ всю ночь, такъ какъ въ умѣ его роились безпокойныя мысли и шли какъ бы бурныя пренія о собственной его судьбѣ. Только бы попасть черезъ границу... А потомъ? Онъ рѣшился ѣхать прямо въ Парижъ, пока еще денегъ хватитъ на это. Доѣхать можно, и еще останется нѣсколько десятковъ рублей. А послѣ—что̀? Правда, менѣе рискованно было остаться въ Галиціи и искать работы въ одной изъ газетъ, гдѣ онъ уже сотрудничалъ.

Но молодой человѣкъ сознавалъ, что способенъ онъ только для работы беллетристической. Для какой-либо иной онъ не былъ подготовленъ ни специальными знаніями, ни даже достаточнымъ общимъ образованіемъ. Личныхъ его впечатлѣній хватило на два разсказа, а какъ дальше? Нуженъ былъ болѣе широкій театръ для наблюденій, чѣмъ тотъ, который могъ представиться ему во Львовѣ или въ Краковѣ. А сверхъ того, развѣ главная задача жизни — заработокъ? Въ Парижѣ можно было примкнуть къ сильному революціонному союзу тамошней польской эмиграціи. Къ счастью, французскимъ языкомъ онъ занимался еще дòма. Въ томъ великомъ центрѣ, навѣрное, найдутся и связи съ революціонерами всѣхъ странъ, найдутся и средства для наводненія всего Царства брошюрами, которыя пробудятъ народное сознаніе.

Послѣднимъ впечатлѣніемъ дня у Леона было ощущеніе холода, такъ какъ лежавшій на немъ кусокъ лѣса или озера безпрестанно сваливался. Но молодыя силы взяли свое—онъ уснулъ.

На слѣдующее утро Яблонская, увидавъ Леона за кулисами, послала его въ ложу партера и скоро пришла туда.

— Вотъ вамъ пропускъ!

— Дорогая, вы меня спасаете... можетъ быть, отъ ссылки.

— Отправитесь сегодня?

— Непремѣнно.

Съ полминуты они просидѣли молча. Актриса два раза несмѣло взглянула на него.

— Я васъ хотѣла о чемъ-то спросить...

— Чтò только хотите, я на все отвѣчу откровенно!

Она вертѣла въ рукахъ муфту. И вдругъ, схвативъ холодную руку Леона, она втянула ее въ муфту.

— Бѣдняга, онъ промерзъ! — сказала она въ шутливомъ тонѣ и, опустивъ глаза, прибавила шопотомъ: — Можетъ быть, вамъ на проѣздъ денегъ нужно? Много у меня нѣтъ, но вотъ пятнадцать рублей... Возьмите... — шептала она.—Золотой мой!

— Нѣтъ, нѣтъ!—возразилъ растроганный Леонъ.—У меня есть больше, чѣмъ надо на дорогу...—И прикоснувшись лицомъ къ ея рукаву, онъ сказалъ еще:—Какая, вы однако, хорошая!

Въ эту минуту каждый изъ нихъ чувствовалъ, что все-таки они не совсѣмъ одиноки на свѣтѣ.

II.

Ярко освѣщенная зала. Въ ней собрались польскіе эмигранты въ Парижѣ по поводу одной изъ патріотическихъ годовщинъ. Орлицкій пробирался сквозь толпу, стоявшую въ проходѣ, но остановился, оглядываясь вокругъ.

— Дальше, дальше... — проговорилъ художникъ Вимпфенъ, которому онъ былъ рекомендованъ и который ввелъ его сюда.— Впередъ, не надо останавливаться, это—не наши.

— Не поляки, иностранцы?

Вимпфенъ пожалъ плечами.

— Не то, но они не нашей партіи...—и онъ пальцами подвигалъ Леона впередъ.

Они прошли значительно далѣе.

— Вотъ наши,—сказалъ художникъ, приближаясь къ скамьямъ въ углу, на которыхъ сидѣли люди все молодые.

Имъ онъ и представилъ Леона Орлицкаго.

Къ Леону тотчасъ протянулось нѣсколько рукъ.

— Надолго?

— Навсегда.

— Что же это вы, — спросилъ Вимпфенъ:—развѣ совсѣмъ отказываетесь отъ возвращенія въ край?

Орлицкій отвѣчалъ тономъ убѣжденія:—Отсюда, на свободѣ, легче и съ бóльшимъ успѣхомъ можно работать для края.

— Вы полагаете?—и Вимпфенъ тотчасъ обратился въ сторону, къ проходившимъ дамамъ:—Вы къ намъ?

— Нисколько; мы—къ своимъ.

— Вашихъ сегодня будетъ мало. Грегоржевскій не придетъ; Ямульскій, какъ всегда, опоздаетъ. Некому будетъ выступить съ протестомъ.

— А я что жъ?—спросила дѣвушка, съ круглымъ, почти дѣтскимъ лицомъ.

— У васъ не хватитъ смѣлости.

— Не безпокойтесь... Задѣнутъ насъ, такъ и я съ ними расправлюсь!—и, улыбнувшись, она пошла далѣе.

— Это панна Мизя,—сказалъ Вимпфенъ Леону:—завзятая „дѣятельница“, влюблена въ Грегоржевскаго.

— А Грегоржевскій—кто?

— Ну, объ этомъ послѣ. Вонъ уже тузы всходятъ на эстраду.

Это была зала географическаго общества. Небольшая, она

вплоть наполнилась нѣсколькими сотнями представителей польской эмиграціи въ Парижѣ. Многимъ пришлось стоять въ проходахъ вдоль стѣны. Въ первомъ ряду стульевъ сидѣло нѣсколько древнихъ стариковъ. Два члена комитета вели подъруки согбеннаго старца въ турецкой фескѣ; тотъ, идя, постоянно качалъ въ обѣ стороны головой.

— Этотъ остался еще отъ тридцать-перваго года,—шепнулъ Вимпфенъ. Для Леона это былъ уже человѣкъ легенды. Только-что сѣвъ, онъ заговорилъ съ сосѣдомъ, также совсѣмъ сѣдымъ, который оказался повстанцемъ 1863 года и для Леона принадлежалъ еще къ дѣйствительности, къ людямъ, о которыхъ онъ мечталъ въ дѣтствѣ, засыпая съ думой, какъ будто самъ онъ дѣлитъ съ ними приключенія партизанской войны.

На эстраду вошли еще нѣсколько стариковъ, которые были похожи на бывшихъ военныхъ. Въ застегнутыхъ черныхъ сюртукахъ они держались прямо, даже нѣсколько натянуто. Въ серединѣ между ними занялъ мѣсто предсѣдатель, высокій человѣкъ съ совсѣмъ бѣлыми волосами. Леонъ услышалъ отъ Вимпфена имя одного изъ бывшихъ вождей возстанія—Богдановичъ. Въ это время Орлицкій примѣтилъ подходившаго прямо къ нему и взглянувшаго на него молодого человѣка въ черномъ, нѣсколько помятомъ костюмѣ, а вокругъ послышался шопотъ: —

— Грегоржевскій!—Гдѣ?—Вотъ, близко!

— И у насъ появились „развиватели“,—сказалъ Вимпфенъ, а это—ихъ глава.—Одинъ изъ сосѣдей замѣтилъ, что не слѣдуетъ вызывать возраженій:—Какое намъ дѣло до ихъ развивательства? пусть себѣ бредятъ! — Орлицкій взглянулъ на говорившаго, и только теперь замѣтилъ, что какъ тотъ, такъ и всѣ сидѣвшіе вблизи молодые люди были одѣты изящно, волосы ихъ были коротко острижены, а бородки стояли клиномъ, очевидно подровненныя парикмахеромъ. Своимъ видомъ группа выдѣлялась среди иныхъ присутствовавшихъ, менѣе похожихъ на парижанъ. И тѣхъ, „иныхъ“, волосы и бороды росли на свободѣ, какъ знали. Орлицкій догадался, что Вимпфенъ какъ бы предводительствовалъ въ этой группѣ, которую онъ назвалъ: „наши“. И такъ какъ Вимпфенъ былъ художникъ, то и эти польскіе парижане, вѣроятно, были художниками, посреди которыхъ онъ случайно помѣстился.

Но вотъ на комитетскомъ столѣ прозвенѣлъ колокольчикъ, и тотчасъ началъ говорить первый ораторъ. Говорилъ онъ долго, складно и довольно интересно—для Леона Орлицкаго, не привыкшаго къ полной свободѣ слова. И однако, не сказалъ въ

сущности ничего, кромѣ отшлифованныхъ общихъ мѣстъ. Рѣчь его оказалась тепловатой водой умѣренности и произносилась, очевидно, по обязанности. Говорившій служилъ въ одномъ изъ парижскихъ страховыхъ обществъ, положеніе и бытъ его давно уже были урегулированы. Онъ прожилъ во Франціи лѣтъ тридцать, и родной край отошелъ для него въ область сновидѣній. Съ краемъ его связывало только сознаніе, что показывать привязанность къ родинѣ, не устраняться отъ заявленія этого чувства, требуетъ порядочность. Назывался онъ Медвѣйскій. Это былъ человѣкъ, уважаемый своимъ начальствомъ за исправное исполненіе должности, а умѣренной, хорошо устроившейся въ Парижѣ частью польской эмиграціи — за патріотизмъ, который выражался въ произнесеніи гладкихъ, дышавшихъ любовью къ краю рѣчей при всѣхъ особенныхъ случаяхъ, но рѣчей свободныхъ отъ всякаго бунтовщическаго духа. Болѣе или менѣе были похожи на него и другіе ораторы, выступавшіе отъ польскихъ умѣренныхъ союзовъ въ залѣ географическаго общества. Все это были люди солидные, давно жившіе въ Парижѣ, пристроившіеся къ торговлѣ или администраціи, почти всѣ—сѣдые.

— А изъ молодыхъ будетъ кто-нибудь говорить? — тихо спросилъ Орлицкій Вимпфена.

— Нѣтъ, это непринято.

— Слово — за полковникомъ Монталамберомъ! — произнесъ предсѣдатель.

Всталъ высокій, гибкій, даже не лишенный „граціи“ въ движеніяхъ старикъ, во фракѣ, бѣломъ галстукѣ, съ зачесаннымъ на лобъ сѣдымъ чубомъ à la Rochefort, эспаньолкой и ленточкой почетнаго легіона въ петлицѣ. Старинный театральный типъ французскаго штабъ-офицера.

— Mesdames, messieurs!—началъ полковникъ свою патетическую рѣчь. Онъ благодарилъ за честь, ему оказанную допущеніемъ въ это собраніе, разсыпался въ похвалахъ патріотизму поляковъ, который можетъ служить образцомъ для нѣкоторыхъ иныхъ народовъ. Онъ сообщилъ, что въ молодости своей, увлеченный святостью дѣла Польши, онъ самъ вступилъ въ 1863 году въ ряды инсургентовъ и сражался вмѣстѣ съ ними, хотя и не выдался впередъ изъ тѣхъ рядовъ, въ которыхъ каждый былъ героемъ. — Да, вы всегда были, господа, племенемъ героевъ. Каждый изъ васъ уже родится предназначеннымъ на мученичество и своимъ мужествомъ, своей любовью къ отечеству смѣняетъ впослѣдствіи этотъ терновый вѣнецъ на лавры, вѣнчающіе героевъ... Франція заслужила себѣ славу предводительницы въ

распространеніи идеи свободы. Но вы, господа, вѣками предупредили насъ въ этомъ дѣлѣ, дѣлѣ завоеванія человѣческой свободы...

— Дворянской свободы!—поправилъ оратора громкій голосъ изъ публики.

Вимпфенъ повернулся къ Леону и сказалъ весело:

— Это бомба Грегоржевскаго начинаетъ свое представленіе. Будетъ потѣха!

Но Орлицкій замѣтилъ, что это прервалъ оратора самъ Грегоржевскій. Какъ могъ, однако, Вимпфенъ называть „потѣхой" рознь въ патріотическомъ собраніи?

Между тѣмъ, комитетскіе господа просили полковника не обращать вниманія на выходку клики скандалистовъ и продолжать свою рѣчь. Онъ перешелъ теперь къ Франціи, напоминая о той дружбѣ, которая нѣкогда соединяла оба народа, дружбѣ, запечатлѣнной кровью, пролитою поляками заграницей. Теперь времена перемѣнились, и онъ, полковникъ Монталамберъ, стыдится союза республиканской Франціи съ деспотической имперіею... Онъ заключилъ словами, произнесенными со свойственными французамъ увлеченіемъ и яркостью: — Къ счастью, много есть французовъ, которые чувствуютъ такъ же, какъ я, и отъ всего сердца готовы были бы воскликнуть со мной: долой деспотизмъ и да здравствуетъ польская свобода!

Раздался громъ аплодисментовъ, а Монталамберъ все еще стоялъ, раскланиваясь на всѣ стороны, улыбаясь дамамъ и вмѣстѣ утирая платкомъ глаза.

Полковника благодарилъ слѣдующій ораторъ, членъ комитета Шимборскій. Это былъ также одинъ изъ солидныхъ людей, давно устроившихся во Франціи, и началъ онъ совсѣмъ въ тонъ рѣчи Медвѣйскаго, стараясь сохранить спокойствіе и умѣренность. Но онъ не могъ удержаться отъ взглядовъ въ сторону Грегоржевскаго и, наконецъ, далъ волю своему чувству.

— И мы вѣримъ въ свою будущность,—сказалъ онъ,—вѣримъ, что край нашъ возстанетъ съ мученическаго ложа, оправится и процвѣтетъ. Но сбыться это можетъ въ такомъ лишь случаѣ, если онъ сохранитъ тѣ преданія, какія ему остались въ наслѣдство отъ нашихъ рыцарскихъ предковъ. А, къ сожалѣнію, и у насъ нынѣ появились, немногіе еще по счастью, индивидуумы, заразившіеся современной маніею презрѣнія ко всему, что было славнаго въ прошломъ... Люди эти плюютъ на гербы, добытые съ оружіемъ въ рукахъ, на поляхъ битвы. Но это еще— куда ни шло! А всего вреднѣе они тѣмъ, что подъ личиной

новыхъ, гуманитарныхъ идей, они отравляютъ общество рознью, фальсифицируютъ національное движеніе, сводятъ все на нищету будто бы угнетаемаго дворянствомъ крестьянскаго населенія. Это—ложные пророки, лишенные любви къ отечеству...

Здѣсь отозвался Грегоржевскій:—Прошу слова!

Въ залѣ произошло смятеніе. Многіе поднялись съ мѣста, иные вскочили на скамейки. Раздались крики: „Не мѣшать... Молчать!.. Вонъ его!“ Всѣ почти, казалось, враждебно относились къ Грегоржевскому, который также всталъ и съ ироническсой усмѣшкой смотрѣлъ на бушевавшую толпу.

Но Вимпфенъ и его товарищи хотѣли „потѣхи“. Ихъ дружные, молодые голоса перекричали противниковъ: „Дать слово! Пусть говоритъ!“ Орлицкій кричалъ вмѣстѣ съ ними, находя несправедливымъ отказъ выслушать Грегоржевскаго. А тотъ стоялъ и смотрѣлъ вокругъ, слегка прижмуриваясь. За нимъ виднѣлась панна Мизя, схватившая за руку красивую, высокую, тонкую блондинку, еще нѣсколько женщинъ и молодыхъ людей съ лицами нѣсколько старообразными. Они-то вотъ и составляли всю „банду“ Грегоржевскаго.

Звонокъ предсѣдателя.—Слово за г. Грегоржевскимъ!

— Предшествующимъ ораторомъ брошено тяжкое обвиненіе,—началъ онъ.—Хотя въ обвиненіи этомъ не названъ никто, но всѣ поняли, что обличаемой имъ гангреной въ народномъ организмѣ, ракомъ на груди матери-отчизны являемся мы и наши единомышленники въ краѣ. И въ самомъ дѣлѣ, вина наша велика: мы не идемъ за благополучнымъ большинствомъ и въ работѣ для родины не видимъ простой формальности, исполняемой вдобавокъ къ обезпеченію за самимъ собой буржуазнаго благосостоянія. Нѣтъ, для насъ эта работа представляется цѣлью жизни, въ ней—вся жизнь наша!—По мѣрѣ того, какъ Грегоржевскій говорилъ, замѣчательно правильныя черты лица его озарялись какой-то идеальной красотой, а въ черныхъ глазахъ засверкалъ огонь души его.

— Польша можетъ возродиться, но уже не силой традицій о золотыхъ поясахъ, дамаскированныхъ сабляхъ и малиновыхъ сапогахъ, а только силой любви къ страждущей и эксплуатируемой народной массѣ. Для того, чтобы отечество наше могло возродиться, недостаточно патріотическихъ фразъ, а нужно внушить народу надежду, что въ этомъ отечествѣ онъ не будетъ не доѣдать и не досыпать, что трудъ дастъ ему довольство и свободу, и надежду эту необходимо оправдать на дѣлѣ. Мало твердить работнику: „люби родную землю“,—необходимо устроить

общественный бытъ такимъ образомъ, чтобы земля эта могла досыта кормить рабочаго и чтобы его дѣти не были принуждены вступать на путь кражи или разврата! Вотъ тогда станетъ легко, господа, осуществить и вашу миссію отчизнолюбія. Любовь къ родинѣ сама упрочится тогда въ сердцѣ каждаго поляка, потому что родина станетъ для него не мачихой, но родной матерью... А мать-кормилицу всякій будетъ любить и защищать отъ хищниковъ.

— Нѣчего вамъ махать передъ нашими глазами богатырскими дѣлами предковъ, закованныхъ въ стальные доспѣхи и скакавшихъ спасать Вѣну на коняхъ, также покрытыхъ кольчугой.. И въ наше время совершаются подвиги не меньшіе, но болѣе достойные удивленія. Мы боремся не оружіемъ, которое было бы безсильно въ нашихъ рукахъ, но наша борьба нерѣдко бываетъ и болѣе упорной, и болѣе самоотверженной. Предки шли въ бой сомкнутой лавой, выступали тысячами противъ тысячъ. А наши современные рыцари идутъ въ одиночку или горстью, а ждутъ ихъ не раны или почетный плѣнъ, или хотя бы случайная смерть въ бою, но варшавская цитадель и висѣлица! Вы называете насъ выродками и безумцами, но подумали ли вы, усѣвшіеся на выгодныхъ мѣстахъ въ чужомъ краю, какое сердце должно биться въ такомъ выродкѣ или безумцѣ, который тамъ, на родинѣ, пробирается среди жандармовъ и шпіоновъ, чтобы будить въ народѣ сознаніе, разъяснять ему правду, ободрять падающихъ духомъ, раздувать гаснущія искры... И чѣмъ бьется это сердце, какой оно ждетъ награды? Ужъ, конечно, не дворянскаго герба, дававшагося за боевое отличіе... Сердце это бьется одной любовью къ народу, и только въ этой любви будетъ его награда, хотя бы въ тюрьмѣ или въ Сибири!

Вдругъ въ первомъ ряду нѣсколько хорошо одѣтыхъ, сѣдыхъ и сѣдоватыхъ слушателей поднялись и, пожавъ плечами или махнувъ рукой, вышли изъ залы. Нѣкоторые изъ членовъ комитета наклонились къ предсѣдателю, совѣтуя ему лишить Грегоржевскаго слова. Но тотъ самъ прервалъ свою рѣчь.

— А... впрочемъ... что тутъ говорить!.. Край расцвѣтетъ и безъ васъ, когда солнце равенства засіяетъ надъ всей Европой...

Онъ направился къ двери, сопровождаемый своимъ кружкомъ. Зала волновалась. Слышались шиканье, даже крики: „Вонъ! вонъ!“

Грегоржевскій въ дверяхъ обернулся къ собранію.—Да, да,—сказалъ онъ:—вонъ отсюда, на просторъ, на свѣжій воздухъ! Здѣсь слишкомъ пахнетъ и спѣсью, и могилой.

III.

Орлицкаго, который еще не выработалъ себѣ опредѣленныхъ убѣжденій, а руководился только патріотизмомъ и любовью къ народу, рѣчь Грегоржевскаго увлекла безповоротно. Она, конечно, не подѣйствовала бы такъ, еслибы ораторъ исходилъ изъ точки зрѣнія соціалистически-интернаціональной и обращался только къ уму. Но вѣдь Грегоржевскій говорилъ во имя національной идеи, отъ соціальной реформы онъ ожидалъ возрожденія Польши; слова его были проникнуты не сухимъ доктринерствомъ, но любовью къ народу. И слова его должны были найти въ душѣ Леона благодарную почву.

Изъ залы онъ вышелъ какъ въ чаду. Между тѣмъ, на бульварѣ Сенъ-Мишель кипѣло жизнью и весельѣмъ. На тротуарѣ студенты-французы сидѣли у столиковъ, попивая пиво и абсентъ, шутя со своими подругами и перекидываясь словами съ товарищами. Изъ кофейной лились потоки электрическаго свѣта. Мимо угловъ улицы проходили вагоны трамвая, издали слышался охрипшій баритонъ прохожаго: — Bonjour, Ninon, c'est moi qui passe!

Орлицкій бѣжалъ отъ этого шума и веселости и спѣшилъ укрыться въ нанятомъ имъ нумерѣ въ меблированныхъ комнатахъ на улицѣ Викторъ Массé.

На слѣдующее утро онъ провѣрилъ свою кассу, и оказалось, что дорога стоила ему немало. Слѣдовало скорѣе искать заработка. Янъ досталъ ему рекомендательныя письма къ Вимпфену и къ извѣстному польскому писателю П., разбогатѣвшему въ Парижѣ. У Вимпфена Леонъ былъ въ самый день пріѣзда, а теперь направился къ П., но только съ трудомъ добился аудіенціи. Не велѣно было принимать просителей, а особенно польскихъ эмигрантовъ, возвращающихся изъ Бразиліи. Леонъ шелъ къ этому знаменитому соотечественнику какъ на исповѣдь, думалъ разсказать ему свою судьбу, выложить передъ нимъ всю душу и просить совѣта, за что ему приняться во Франціи. Но П. принялъ его холодно, удивлялся, что̀ „ихъ" такъ влечетъ къ этой странѣ. Впрочемъ, тронутый наивнымъ удивленіемъ, съ какимъ относился къ нему Орлицкій, далъ ему свою книгу „Рыцари", надписавъ на заглавной страницѣ: „Молодому человѣку на жизненный путь отъ автора". Книгу эту Леонъ оставилъ у консьержа подъ клѣткой попугая, который нѣсколько разъ спросилъ: „qui est là?" и смотрѣлъ на него очень серьёзно.

По дорогѣ домой онъ зашелъ въ чешскій ресторанъ и тамъ познакомился съ человѣкомъ, который читалъ газету „Kuryer Warszawski“. Человѣкъ это былъ еще молодой, но старообразный по морщинамъ на лицѣ. Замѣтивъ, что Орлицкій пристально смотрѣлъ на газету, онъ спросилъ по-польски: —Хотите просмотрѣть?

Изъ завязавшагося разговора оказалось, что оба они жили въ тѣхъ же меблированныхъ комнатахъ, и домой они пошли вмѣстѣ. Новый знакомый былъ малый веселый и добродушный. Онъ служилъ въ коммиссіонерствѣ Квятковскаго и К^0, на улицѣ Бюффо̀, и назывался Юльянъ Кренцкій. Леонъ сказалъ свою фамилію.

— Connais pas! Не слышалъ о васъ въ нашей колоніи.

— Да я вчера въ первый разъ ее и видѣлъ, въ собраніи. Но васъ тамъ не замѣтилъ.

— Ага, должно быть въ географической залѣ... Я, батенька, давно уже тамъ не бываю.

— А что?

— Да знаю всѣхъ ихъ на память. Вотъ я не былъ, а сейчасъ вамъ разскажу, что̀ тамъ происходило. На эстрадѣ—коллекція солидныхъ людей... и мой патронъ былъ, я видѣлъ, какъ онъ надѣвалъ черный сюртукъ... Пошли рѣчи, рѣчи и еще рѣчи; вдругъ банда Грегоржевскаго забушевала, выступила съ протестомъ, старики разсердились, Грегоржевскій отрѣзалъ имъ правду, и—разошлись.

— Да, было именно такъ.

— Вотъ видите. . Я самъ ходилъ на эти собранія въ первое время, но теперь нѐкогда. Носишься по Парижу съ коммиссіями, съ вещами, къ экспедиторамъ, торговцамъ, и все больше пѣшкомъ, такъ какъ мой патронъ кривится даже за издержку на трамвай. Къ вечеру едва ногами двигаешь, такъ гдѣ тутъ ходить и глядѣть, какъ они забавляются!

— Вѣдь они же не забавляются, а работаютъ.

— По-моему, это—забава. Грегоржевскій—студентъ медицины, но вѣдь на лекціи онъ не ходитъ. Да и всѣ они сидятъ здѣсь годами, будто что-то дѣлая, а дѣлаютъ они собственно одну только политику.

— Не всѣмъ же заниматься коммиссіонерствомъ... А впрочемъ, можно соединить одно съ другимъ.

— Не вѣрьте этому, почтеннѣйшій. Вотъ еслибы Грегоржевскому, какъ мнѣ, пришлось помогать старику-отцу, да двумъ сестрамъ, то и онъ не могъ бы все время посвящать своему

издательству и ходить по собраніямъ для проповѣдыванія своихъ идей.

— А... Итакъ, Грегоржевскій пишетъ, издаетъ?

— Да, да, онъ пишетъ, но какимъ образомъ издаетъ, этого я не понимаю, такъ какъ вся ихъ партія не имѣетъ ни гроша... А васъ они такъ интересуютъ? Меня, признаюсь,—нѣтъ. Быть можетъ, именно потому, что я происхожу изъ той трудовой среды, о которой они столько говорятъ. Люди, какъ извѣстно, неблагодарны. Мой отецъ былъ у помѣщика экономомъ, я бѣгалъ по полямъ босикомъ и загонялъ гусей... И вотъ, мнѣ кажется, Грегоржевскій хочетъ быть къ намъ близкимъ, но онъ очень далекъ отъ насъ.

Когда они пришли въ квартиру, Кренцкій пригласилъ Леона въ свой нумеръ.

— А Вильгельминку вы видѣли въ собраніи?

— Кто эта Вильгельминка?

— Какъ, не видали? Навѣрное сидѣла тамъ въ дверяхъ и продавала оттиски рѣчей. Тоже трудится, душечка. Вильгельминку я вамъ совѣтую посмотрѣть, шикъ-барышня, numéro un! Потомъ есть еще панна Мизя, круглое яблочко, хорошенькая, но это все-таки уже не Вильгельминка. А, въ общемъ, не совѣтую вамъ бывать тамъ. У меня, знаете, есть крестьянскій инстинктъ. Я сейчасъ узналъ, что вы—полякъ и провинціалъ. А теперь скажу вамъ, что вы, навѣрное, идеалистъ, увлекаетесь политикой; Грегоржевскій уже ослѣпилъ васъ, и если вы къ нимъ втянетесь, то бѣда. Капутъ вамъ! Они васъ заѣдятъ, при вашей нервной натурѣ.

Кренцкій скоро ушелъ въ контору и возвратился только къ вечеру. За чаемъ онъ разсказалъ Орлицкому свою жизнь. Отецъ его уѣхалъ въ Россію искать заработка, и молодому Кренцкому пришлось, еще будучи гимназистомъ, кормить не только себя, но и двухъ сестеръ. Фотографіи ихъ висѣли у него на стѣнѣ, а рядомъ съ ними—портреты двухъ бывшихъ его учениць, въ которыхъ онъ поочередно былъ влюбленъ. Онъ также побывалъ въ цитадели, но не за сочиненіе, а за раздачу книжекъ.

Орлицкій отвѣчалъ описаніемъ своей жизни, вплоть до посѣщенія П., знаменитаго соотечественника.

— А не далъ ли онъ вамъ своихъ „Рыцарей"?—спросилъ Кренцкій, снимая съ полки двѣ зеленыя книги.

— Далъ. Но я ихъ оставилъ у консьержа.

— Зачѣмъ же? А на моей есть даже собственноручная его надпись: „Молодому человѣку"...

— „На жизненный путь“, — докончилъ Леонъ. Молодые люди разсмѣялись.

— Знаете чтò — вѣдь вамъ надо искать работы. Такъ поступите въ нашу контору, моимъ помощникомъ. Жалованья вамъ сразу дадимъ тридцать франковъ въ мѣсяцъ, а потомъ повысимъ. Квятковскій будетъ ворчать, но онъ самъ не работаетъ и постепенно сдѣлаетъ все, чтò я захочу.

На другой день Леонъ явился въ контору, былъ принятъ на службу хозяиномъ и выслушалъ отъ него разныя служебныя и нравственныя наставленія. А Кренцкій тотчасъ велѣлъ ему затопить печь.

— Какъ, мнѣ — топить?

— Да, такъ. До, сихъ поръ топилъ я, а теперь будете вы и еще мести будете въ конторѣ.

— Не знаю, привыкну ли я къ такой работѣ. — Кренцкій разсмѣялся.

— Ахъ, эти поляки!.. Конечно, легче водить перомъ по бумагѣ, но когда-то еще перо начнетъ кормить.

И началась для Леона жизнь монотонная и утомительная. Онъ долженъ былъ, стоя на дворѣ, запаковывать разныя вещи въ ящики и сдавать ихъ на почту. Потомъ онъ бѣгалъ по городу, исполняя разныя порученія и принося въ контору пачки разныхъ предметовъ для отправки. Если ему случалось что-нибудь отложить до завтра, то Кренцкій упрекалъ его: — Здѣсь не то, чтò у насъ; здѣсь торговцы строго соблюдаютъ пунктуальность; ею пріобрѣтается довѣріе. — Вдобавокъ, Кренцкій купилъ ему цилиндръ и настаивалъ, чтобы Леонъ ходилъ постоянно въ этомъ головномъ уборѣ по своимъ порученіямъ и со своими ношами. — Иначе, здѣшніе торговцы не захотятъ имѣть съ вами дѣла, не сочтутъ васъ серьезнымъ.

Случалось, что при спѣшной отправкѣ молодой человѣкъ и на дворѣ запаковывалъ вещи въ цилиндрѣ на головѣ.

Леонъ чувствовалъ себя униженнымъ и ненавидѣлъ свою работу.

— Контора убьетъ меня, — сказалъ онъ Кренцкому послѣ нѣкотораго времени.

— Не бойтесь, вѣдь меня же не убила.

— То — вы, а то — я.

Тогда Кренцкій подошелъ къ нему ближе, и въ первый разъ въ голубыхъ глазахъ товарища проглянула скорбная тѣнь.

— Послушайте, — сказалъ онъ: — вѣдь вы... не знаете и не узнаете никогда, чтò у меня въ душѣ. И я когда-то стремился

въ высь, но жизнь многому меня научила и заставила прижать крылья.

Какъ-то, когда хозяинъ Квятковскій и оба его подчиненные были вмѣстѣ, въ контору вошла высокая, красивая и элегантно одѣтая дѣвушка.

— Панна Вильгельминка!—воскликнулъ Кренцкій. Всѣ они встали, и Квятковскій придвинулъ ей кресло. — Чѣмъ могу служить?

— Во-первыхъ, я давно собиралась посѣтить васъ,—сказала она, обращаясь къ Квятковскому и Кренцкому.

— Не вѣрю!—возразилъ этотъ послѣдній.—У васъ навѣрное уже есть тамъ, въ карманѣ, какіе-нибудь билетики.

Дѣвушка разсмѣялась—очаровательно, а потому и нѣсколько дольше, чѣмъ стòило. Она бросила взглядъ кругомъ и замѣтила тономъ царевны, вошедшей въ избу:—Итакъ, вотъ это—контора.

— Вѣдь курите? — И Кренцкій поставилъ передъ ней коробку папиросъ.

— Я? Почему? Вы думаете, что каждая изъ насъ непремѣнно куритъ? Это ужъ такой допотопный взглядъ, что я удивляюсь... Лучше я васъ поподчую. — Она вынула изъ муфты изящную бонбоньерку съ позолоченными цѣпочками.—Это фіалки, вываренныя въ сахарѣ,—пожалуйста...

Кренцкій подскочилъ съ видомъ клоуна.

— Лапы у меня грязныя... Я упаковывалъ. Но пусть панна Вильгельминка сама положитъ мнѣ конфетку въ ротъ!—Леонъ удивился такому нахальству, а еще болѣе тому, что дѣвушка, снявъ бѣлую перчатку, длинными, розовыми на концахъ пальцами вложила конфетку Кренцкому въ ротъ.

— Цаца-барышня! — сказалъ онъ и чмокнулъ ее въ руку. Взглянувъ на Леона, она спрятала бонбоньерку. —Шикъ панненечка!—продолжалъ Кренцкій въ дѣтскомъ тонѣ, погладивъ вѐрхомъ руки ея муфту. — Блузочка плюшевая, платьице и шляпочка—Old England... ботиночки какія миленькія... чудо барышня!

Она это слушала милостиво,—очевидно, привыкла къ лестнымъ взглядамъ и словамъ мужчинъ. Квятковскій представилъ ей Леона, затѣмъ Кренцкій сталъ ей задавать банальные вопросы: чтò подѣлываетъ теперь тотъ или та изъ принадлежавшихъ къ польской колоніи.

Но Вильгельмина на всѣ вопросы отвѣчала: — Не знаю, не знаю, не скажу ничего. Отчего вы сами не придете къ намъ? Тогда и узнаете.

— Охъ, на вашу Гласьеру... Вѣдь это для меня за оке-

номъ. Времени нѣтъ.—Онъ взялъ и понюхалъ ея муфту.—Чудный запахъ... какими это фіалками... San Remo, Véra или Pinaud?—Она отняла у него муфту и вынула оттуда щепотку увядшихъ фіалокъ.

— Совсѣмъ обыкновенныя... бульварныя.—Потомъ вынимала фіалки изъ кармановъ блузки и бросала ими на Кренцкаго.—Вотъ и тутъ, и тутъ еще... А знаете,—обратилась она къ Квятковскому,—я бы и не нашла вашей конторы, еслибы не встрѣтилась съ полковникомъ Монталамберомъ.

— Да, онъ только-что былъ у меня.

— Въ самомъ дѣлѣ! Какой это милый человѣкъ и какъ онъ расположенъ къ полякамъ! Вы и не угадаете, что̀ онъ мнѣ предлагалъ...

— Свою руку!—воскликнулъ Кренцкій.

— А вотъ и нѣтъ. Ему не пришла эта счастливая мысль. Онъ готовъ... Впрочемъ, безъ его позволенія не слѣдуетъ разсказывать.

Тутъ вмѣшался Кренцкій:—Ну, хорошо. А какіе же у васъ билетики въ сумочкѣ? На благотворительный балъ или концертъ? На лотерею или могилу Словацкаго?.. А можетъ быть, на таинственныя цѣли Грегоржевскаго?

Она сдѣлала нетерпѣливое движеніе.—Да, я въ самомъ дѣлѣ хотѣла предложить участіе въ небольшой подпискѣ. Но прежде всего попрошу, чтобы имя Грегоржевскаго никогда не произносилось при мнѣ въ шутливомъ тонѣ.

— Та-та-та!—произнесъ Кренцкій.—Конечно, такіе буржуи, какъ мы, не имѣемъ права произносить это имя даже въ какомъ бы то ни было тонѣ.

Леонъ взглянулъ на нее съ благодарностью и удивленіемъ. Но Квятковскій, который не любилъ никакихъ подписокъ, вдругъ принялъ серьезный видъ и началъ просматривать бумаги. Никакихъ благотворительныхъ цѣлей онъ не признавалъ. Недаромъ онъ былъ женатъ на француженкѣ, которая дѣтямъ дарила на новый годъ книжечки сберегательной кассы.

Но такъ какъ барышня ждала, онъ спросилъ:—А на какую цѣль?—На это она отвѣчала съ оттѣнкомъ просьбы.—Ужъ вы мнѣ позвольте не выдавать чужой тайны.—Тогда Квятковскій поклонился ей и вынулъ изъ ящика пять франковъ.—Пожалуйста, извините меня, что такъ мало, но...

Вильгельмина встала.—Вы напрасно извиняетесь... Самъ П. далъ столько же, а вѣдь онъ—милліонеръ. Вотъ, полковникъ Монталамберъ, тотъ у меня взялъ тридцать билетовъ... А вы?...—она обращалась къ Кренцкому.

— Я?—Онъ засмѣялся.—Что же я могу, если этакой П., нажившій на биржѣ сотни тысячъ, далъ вамъ всего сто су? А впрочемъ, такъ и быть, позвольте два билета, вотъ вамъ франкъ.

Къ Орлицкому она не обратилась, опустила бѣлую тюлевую вышитую вуальку и стала прощаться, еще разъ благодаря ихъ.

— Прибавьте: „спаси васъ Богъ“!

— На васъ не стоитъ и сердиться,—сказала она, улыбаясь и зашелестила шолковыми юбками, направляясь къ двери.— Квятковскій бросился провожать ее до омнибуса. А Кренцкій, возвратясь съ площадки лѣстницы, втянулъ въ себя воздухъ.

— Эта дѣвица всегда оставляетъ за собой запахъ свѣжихъ фіалокъ.

— А кто она?—спросилъ Леонъ.

— Студентка медицины... Совсѣмъ не подходитъ къ ней,— правда?

IV.

Не отдавая себѣ отчета, почему онъ это дѣлаетъ, Орлицкій, когда никого въ конторѣ не осталось, собралъ разбросанные Вильгельминой лепестки фіалокъ и вложилъ ихъ въ конвертъ съ бланкомъ конторы. Но потомъ онъ купилъ другой конвертъ и переложилъ въ него лепестки, такъ какъ ему непріятно было, что они находились въ конторской неволѣ, какъ и онъ самъ. Черезъ три недѣли по вступленіи въ контору, Квятковскій торжественно объявилъ, что прибавляетъ ему по двадцати франковъ въ мѣсяцъ, но не потому, чтобы былъ имъ доволенъ, а только чтобы подбодрить его, придать ему больше энергіи.

А Леонъ все-таки продолжалъ ненавидѣть свои занятія и исполнялъ ихъ совершенно машинально, думая объ иномъ. Наконецъ, несмотря на предостереженія Кренцкаго, онъ рѣшилъ воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы побывать на Гласьерѣ и познакомиться съ тѣми людьми, которые жили идеею.

Вильгельминка произвела на него впечатлѣніе, что замѣтилъ и Кренцкій, такъ что попытался выбить ему это изъ головы. По словамъ Кренцкаго, дѣйствительной цѣлью изящной барышни было во что бы то ни стало выйти замужъ, что ей въ Польшѣ почему-то не удалось. Медициной же она занималась только для вида. Многіе за ней ухаживали и съ нѣкоторыми она была особенно любезна, очевидно, намѣтивъ ихъ въ женихи. Теперь же она считалась невѣстой Грегоржевскаго, и потому дѣйствовала въ его кружкѣ или, какъ говорилось, его „партіи“.—Впрочемъ,

не только она, но и панна Мизя, и всѣ онѣ тамъ влюблены въ Грегоржевскаго,—такъ закончилъ свою аттестацію Кренцкій.

Но Орлицкій и хотѣлъ сблизиться не съ Вильгельминой, а съ самимъ Грегоржевскимъ, въ которомъ видѣлъ идеалъ не столько революціонера, сколько мученика и пророка народной будущности.

Грегоржевскій занималъ двѣ комнаты, которыхъ окна выходили на крышу. Одна была его рабочимъ кабинетомъ, и въ ней на столѣ, на полкахъ, стульяхъ и комодѣ лежали кучи книгъ, газетъ, бумаги и корректурныхъ листовъ. Другая же служила ему и кухней, и спальней—съ убогой желѣзной кроватью и потертымъ одѣяломъ. На стѣнѣ въ кабинетѣ примѣчателенъ былъ терновый вѣнокъ, перевязанный красной лентой. На печи, въ кухнѣ, бывшей спальнею, стоялъ приборъ для кипяченія на спиртѣ и навалено было нѣсколько разнородныхъ предметовъ, какъ чайникъ и сахарница, а рядомъ—щетки, куча брошюръ, груда писемъ и жестянка съ ваксой. Видно было, что въ кухонной печи топилось не часто.

Грегоржевскій сидѣлъ передъ письменнымъ столомъ и писалъ. Онъ проработалъ всю ночь надъ чѣмъ-то спѣшнымъ. Теперь онъ казался гораздо болѣе худощавымъ, чѣмъ въ залѣ. Лицо его даже какъ бы почернѣло, а ротъ былъ слегка раскрытъ, какъ то бываетъ при жаждѣ. Когда онъ всталъ, чтобы найти нужную книгу, то уже въ сдѣланныхъ имъ нѣсколькихъ шагахъ и во всей фигурѣ примѣтно было истощеніе силъ. Но неожиданной для него самого была на этотъ разъ дрожь въ ногахъ и какъ будто застылость рукъ, протянутыхъ имъ вверхъ, къ полкѣ. „Это такъ, случайно,—подумалъ онъ:—здѣсь ли только книги...“

Онъ продолжалъ искать, машинально отвѣтивъ: „войдите“ на услышанный легкій стукъ въ дверь.

Вошелъ Леонъ, блѣдный отъ волненія, и остановился подъ проницательнымъ взглядомъ Грегоржевскаго, который не задалъ ему никакого вопроса, а только пристально смотрѣлъ, отвернувшись отъ полки.

— Мнѣ нужно съ вами поговорить, — робко произнесъ Орлицкій. Тогда Грегоржевскій подошелъ къ столу, указалъ гостю на стулъ и, развернувъ газету, накрылъ ею все лежавшее на столѣ.

Эта обидная предосторожность кольнула Леона, но въ то же время она придала ему энергіи.—Не бойтесь меня, я не шпіонъ, —сказалъ онъ. Но Грегоржевскій только пожалъ плечами.

— И я, хотя сдѣлалъ еще очень мало, — пытался работать для края,—продолжалъ Орлицкій.—Дѣлалъ что̀ могъ... какъ умѣлъ. Меня исключили изъ школы, я сталъ писать корреспонденціи; но когда напали на слѣдъ, я ушелъ за-границу и явился сюда, въ надеждѣ на работу болѣе полезную.... Я видѣлъ васъ въ географической залѣ, и съ того дня меня неудержимо тянуло къ вамъ; не могъ не придти сюда. Я вамъ принесъ свои напечатанныя работы... Если пожелаете просмотрѣть ихъ, то узнаете меня лучше, чѣмъ изъ моихъ словъ.—Вынувъ изъ кармана сюртука двѣ свои повѣсти и пачку корреспонденцій, Леонъ положилъ ихъ на ту газету, которою были прикрыты таинственные документы, а можетъ быть, и работа самого Грегоржевскаго.

Тотъ сталъ перелистывать повѣсти и, сѣвъ, нѣсколько минутъ читалъ одну изъ нихъ.—Вы сами пережили въ школѣ то, что̀ здѣсь описываете?

— Да.

Грегоржевскій положилъ оттиски и сталъ ходить по комнатѣ, точно забывъ о посѣтителѣ. Но Леонъ этимъ не обижался; онъ предвидѣлъ, что здѣсь познакомиться будетъ не такъ легко, какъ съ Кренцкимъ. А Грегоржевскій продолжалъ ходить, о чемъ-то задумавшись... Вѣроятно, все о томъ же „Привислинскомъ краѣ“ и условіяхъ его жизни.

Наконецъ, остановившись посреди комнаты, онъ спросилъ:

— И такъ, васъ выгнали?

— И арестовали. Потомъ перевели въ цитадель.

— За что?

— За пропаганду въ народѣ.

— За пропаганду? — повторилъ Грегоржевскій, и, сдѣлавъ шагъ къ Орлицкому, устремилъ на него пристальный взглядъ, нервно подергивая рукой свою растрепанную бороду;—но какого рода пропаганду?—спросилъ онъ далѣе.

— Разумѣется, патріотическую, народную! Какую же иную? —удивленно возразилъ Леонъ.

— Да, да. Однакоже, какъ вы...

Послышался слабый стукъ въ дверь, которая затѣмъ отворилась, и въ комнату вошла та розовая, полненькая дѣвушка, которую въ географической залѣ называли Мизей. Она жила въ этомъ же домѣ и пришла безъ шляпы. Она слегка поклонилась Леону, который успѣлъ замѣтить, что она взглянула на него довѣрчиво. Грегоржевскій жестомъ отослалъ ее въ заднюю комнату:—Тамъ найдете все, что̀ нужно, а скоро я принесу вамъ и вторую часть.—Потомъ онъ обратился къ Орлицкому.

— Дѣло не въ томъ — сказалъ онъ, понизивъ голосъ, — что вы были въ цитадели, но въ томъ, какимъ вы изъ нея вышли. Иной, посидѣвъ въ цитадели, считаетъ, что уже исполнилъ весь свой долгъ передъ народомъ и далѣе въ жизни уже имѣетъ право думать только о себѣ, о личной безопасности и наживѣ.

— Я смотрю иначе, а потому и пришелъ къ вамъ.

Вошла Мизя со стаканомъ чаю и поставила его передъ Грегоржевскимъ.—Пейте скорѣе, согрѣйтесь, у васъ такъ холодно.

— Холодно? А мнѣ, напротивъ, кажется жарко.

Вдругъ въ двери зашелестѣло, и въ эту мизерную комнату вошла элегантная дама, въ красивомъ беретѣ на черныхъ, слегка завитыхъ волосахъ, съ бобровой муфтой, на которой былъ приколотъ букетикъ фіалокъ.

Комната какъ будто повеселѣла, даже потеплѣла. Пахнýло духами.—Ахъ, какія у васъ холодныя руки!—замѣтила Вильгельмина, здороваясь съ Грегоржевскимъ. — Возьмите мою муфту, только не сомните моихъ фіалокъ... Я прямо изъ больницы Сентъ-Амѐръ: Баллѐ на сегодняшней лекціи превзошелъ себя, но зато англичанинъ, которому изъ любезности разрѣшено было прочесть рефератъ, не сообщилъ ничего новаго...

Она подошла ближе къ Грегоржевскому и продолжала, понизивъ голосъ:

— Ну, чтò Кентъ, прислалъ? Я вчера заходила къ нему и уговаривала, чтобы онъ не дѣлалъ глупостей, что мы ему скоро заплатимъ по послѣднимъ двумъ брошюрамъ. А деньги мы достанемъ устройствомъ лотереи.

— Кентъ прислалъ,—отвѣчалъ Грегоржевскій шопотомъ:—написалъ, что даетъ въ послѣдній разъ... Чтò будетъ дальше—не знаю.

— Вчера приходилъ въ типографію полковникъ Монталамберъ; онъ предлагаетъ намъ ссуду.

Но Грегоржевскій закашлялся и, держа руку на лѣвомъ боку, лбомъ опираясь на полку, насилу оправился отъ припадка.

— Извините, чтò вы сказали, я не разслышалъ?

Объ Орлицкомъ они какъ будто забыли. Но онъ не уходилъ. Какъ было уйти отъ Грегоржевскаго безъ позволенія помогать ему въ работѣ или не убѣдивъ его хотя бы въ своей преданности дѣлу?

— Возвращаю вамъ брошюрку, которую вы мнѣ давали, — сказала Вильгельмина, вынувъ изъ муфты нѣсколько сшитыхъ листковъ. — Знаете, это такъ наивно, искренно и мило, что я прямо очарована.

Грегоржевскій взялъ тетрадку.—А, это та брошюрка!—произнесъ онъ совсѣмъ инымъ голосомъ, чѣмъ тотъ, которымъ разспрашивалъ Леона. — Да, эта брошюрка! Мальчики писали ее печатными буквами, не имѣя шрифта... Дорогія дѣти! — прибавилъ онъ растроганнымъ голосомъ, смотря на брошюру.

Орлицкій тотчасъ узналъ ее: это было то его произведеніе, за которое онъ попалъ въ тюрьму и былъ лишенъ возможности продолжать ученье у себя, на родинѣ. И вдругъ теперь, въ критическую для него минуту, она точно провиденціальнымъ путемъ явилась сюда. Онъ воспрянулъ духомъ.

— Я узнаю эту книжку!—робко, но радостно сказалъ онъ.

Всѣ взглянули на него. — Вы ее читали еще въ нашемъ краѣ?—спросила Вильгельминка.

— Я ее написалъ и самъ переписывалъ въ десяти экземплярахъ: остальные были переписаны товарищами. Если это одинъ изъ моихъ экземпляровъ, то на немъ долженъ быть орелъ въ цѣпяхъ, очень плохо нарисованный.

Дѣйствительно, на книжкѣ оказался орелъ, обвитый мелкими кружками. Для бо̀льшаго удостовѣренія Орлицкій началъ даже читать имъ наизустъ первую страницу. Но его прервала Мизя восклицаніемъ:—Да мы вамъ вѣримъ!—Она произнесла это восторженно.

Тогда и Грегоржевскій, взглянувъ на него, сдѣлалъ жестъ обѣими руками, какъ бы раскрывая передъ нимъ все пространство комнаты.—Въ такомъ случаѣ—сказалъ онъ—вы здѣсь дома, вы нашъ... станемъ вмѣстѣ работать... У насъ вы научитесь любить край не безплодно, но съ пользой для него... Любить весь край, понимаете? Не одну только часть его или одну группу, а весь народъ и прежде всего тѣхъ, кто трудится и при этомъ терпитъ нужду.

Онъ протянулъ Леону руки и продолжалъ:—Насъ считаютъ одни—чудовищами, другіе—безумцами, и вамъ придется работать при несочувствіи большинства, въ тѣни и недостаткѣ, придется жертвовать собою. Но совѣсть ваша будетъ чиста, и беззавѣтная борьба за то, что̀ вамъ дороже всего на свѣтѣ, дастъ вамъ и силу, и награду сама въ себѣ.—При этомъ Грегоржевскій снялъ газетный листъ, которымъ прикрылъ было столъ при началѣ этого свиданія.

— Можете и сейчасъ приступить къ работѣ.—Грегоржевскій подалъ Леону коробку съ почтовыми марками и пачку бандеролей. — Панна Мизя покажетъ вамъ, что̀ должно быть отправлено... А вы, панна Вильгельмина, — обратился онъ къ другой

дѣвушкѣ,—сдѣлайте сокращеніе вотъ этой статьи!—Грегоржевскій указалъ на нѣмецкую соціалистическую газету и затѣмъ сталъ читать послѣднія строки своей рукописи, лежавшей на столѣ. Мизя повела Орлицкаго въ другую комнату, а Вильгельмина присѣла къ столу Грегоржевскаго и принялась читать данную ей статью.

Наступила тишина, которая прерывалась только шелестомъ бумаги и фальцовкою на столѣ, въ задней комнатѣ, отпечатанныхъ листовъ. Это „партія“ Грегоржевскаго работала.

V.

То было въ воскресенье. Возвратясь домой, Орлицкій отклонилъ предложеніе Кренцкаго пойти съ нимъ вечеромъ въ какой-то café-concert, гдѣ пѣла Иветта, пообѣдалъ, заперся въ своей комнатѣ и принялся читать „Исторію русской революціи“, Герцена, данную ему Мизей, которая при этомъ случаѣ сказала:

— Когда прочтете эту книгу, то убѣдитесь, что между русскимъ правительствомъ съ его чиновниками и русскимъ народомъ лежитъ цѣлая пропасть, и что народъ тотъ испыталъ не менѣе безправія и страданій, чѣмъ мы. Надо знать своихъ враговъ и отличать ихъ отъ тѣхъ, кто страдаютъ сами...

Книгу Герцена онъ читалъ весь вечеръ и всю ночь, не могъ оторваться отъ лихорадочнаго созерцанія этой давнишней борьбы смѣнявшейся горсти людей со всемогуществомъ неподвижнаго государства. Въ слѣдующее утро, когда Леонъ сходилъ съ лѣстницы, его задержала хозяйка меблированныхъ комнатъ, m-me Бауэръ.

— А вы уже сдѣлали свое заявленіе полиціи?—спросила она.

— Нѣтъ. А развѣ это непремѣнно нужно?

— А какъ же. Пожалуйста, поторопитесь, а то на меня навлечете непріятности.

— Я полагалъ, что во Франціи каждый свободно проживаетъ, гдѣ хочетъ.

— Каждый французъ — да, но иностранецъ—это совсѣмъ другое дѣло.

Въ конторѣ Квятковскій сдѣлалъ ему выговоръ за то, что онъ опоздалъ на полчаса. А когда вечеромъ Леонъ спросилъ Кренцкаго, какъ дѣлается заявленіе, тотъ отвѣчалъ:—Пойти въ префектуру полиціи и показать свой паспортъ. А въ это время васъ сфотографируютъ, какъ убійцу или вора.

— А если я не захочу?

— Снимутъ такъ, что вы и не замѣтите.

— На чтò же имъ нужна моя фотографія?

— А это ужъ дѣло здѣшней полиціи и посольства.

— А я считалъ, что мы здѣсь защищены...

— Мы, во Франціи? Да здѣсь за каждымъ изъ насъ полиція слѣдитъ больше, чѣмъ въ Варшавѣ. Здѣсь на каждый десятокъ эмигрантовъ—особый агентъ... Вотъ почему совѣтую вамъ держаться подальше отъ Гласьеры, какъ поступаю я. Тамъ дѣлаютъ глупости, а намъ надо трудиться.

— Не говорите такъ о Гласьерѣ!—прервалъ Леонъ Кренцкаго.—Вы недостойны развязать ремешка на обуви тѣхъ людей.

Кренцкій пристально взглянулъ на него.—Вы уже были тамъ?

— Это мое дѣло.

— Ну, вижу, что съ вами мнѣ будетъ больше хлопотъ, чѣмъ я полагалъ.—И Кренцкій покачалъ головой.

На другой день Орлицкій отправился въ префектуру полиціи и тамъ предъявилъ свое, давно просроченное, пропускное свидѣтельство. Чиновникъ вертѣлъ передъ собой эту бумажку, очевидно удивляясь русскому алфавиту, и потребовалъ, чтобы Леонъ продиктовалъ ему свою фамилію французскимъ шрифтомъ. Прождавъ изрядное время, Орлицкій получилъ extrait du régistre d'immatriculation, согласно закону 1893 года, съ обозначеніемъ: Stéfan Popielawski, né en Russie (Pologne). Слово „Pologne“, въ скобкахъ, было проставлено вслѣдствіе настоянія Леона. Но въ другомъ мѣстѣ вставлена была отмѣтка: nationalité — Russe. За этотъ новый, французскій паспортъ Леонъ уплатилъ 2 фр. 55 сант. Сверхъ того, съ него взыскали еще 4 фр. налога за право проживанія во Франціи. Во время этой операціи гдѣ-то чикнуло, и Леонъ испыталъ нервное впечатлѣніе, что съ него въ этотъ моментъ взятъ былъ снимокъ. Наконецъ, усталый и прозябшій, онъ вышелъ изъ этого зданія съ такимъ впечатлѣніемъ, что съ тротуара еще оглянулся—не идетъ ли кто-нибудь слѣдить за нимъ. Но никто не шелъ, и онъ только примѣтилъ надпись на зданіи: „liberté, egalité, fraternité“.

Но прежде, чѣмъ Орлицкій прошелъ мимо колоннъ префектуры, онъ увидѣлъ выходившаго изъ нея же Монталамбера, который направился прямо къ нему.—Здравствуйте, молодой человѣкъ!—сказалъ онъ, крѣпко пожимая руку Орлицкаго. — А вы чтò дѣлаете въ этомъ зданіи?—Когда Леонъ показалъ ему свой extrait, полковникъ выразилъ свое негодованіе на такой образъ дѣйствій по отношенію къ эмигрантамъ, и прибавилъ:—Впрочемъ,

почти всѣмъ случается побывать въ этомъ домѣ. Вотъ мнѣ сегодня пришлось подать здѣсь заявленіе о пропажѣ моей собаки... Que voulez-vous, jeune homme?—продолжалъ онъ въ меланхолическомъ тонѣ.—Старому, одинокому человѣку позволительно привязаться и къ собакѣ.

— А вы совсѣмъ одиноки?

— Да, у меня нѣтъ никого близкаго... Поэтому я бы и желалъ создать себѣ семью изъ васъ, изъ поляковъ, которыхъ люблю какъ родныхъ.—Вслѣдъ затѣмъ полковникъ предложилъ Леону заѣхать съ нимъ къ m-lle Борманъ. На возраженіе Орлицкаго, что онъ съ этой дамой незнакомъ, Монталамберъ спросилъ еще:— Какъ, вы не знаете очаровательной m-lle Вильгельмины?

— Ее я знаю.

— Такъ вѣдь ей же я и намѣренъ сдѣлать визитъ, m-lle Вильгельминѣ Борманъ.—Они сѣли въ собственную, повидимому, каретку полковника. На пути тотъ заговорилъ о Гласьерѣ и о Грегоржевскомъ съ такимъ сочувствіемъ, что совсѣмъ завоевалъ Леона.—Когда я узналъ этихъ людей, я долженъ былъ преклониться передъ ними. Они живутъ только для своей идеи... ничего не хотятъ для себя. Этотъ Грегоржевскій — человѣкъ необыкновенный. Получаетъ изъ дому всего что-то вродѣ восьмидесяти франковъ въ мѣсяцъ и живетъ этимъ, живетъ аскетомъ, питается хлѣбомъ и чаемъ, не пьетъ, не куритъ, все отдаетъ на свое издательство. Удивительное дѣло! Впрочемъ, вѣдь вы сами принадлежите къ нимъ?

— Да, — рѣшительно и съ чувствомъ гордости отвѣтилъ Леонъ.

Вильгельмина приняла ихъ въ своей гостиной, кромѣ которой у нея была только кухня. На ночь матрацъ и постель переносились въ гостиную изъ кухни, гдѣ они днемъ лежали на сундукѣ. Но гостиная была убрана съ дешевой элегантностью. Дѣвушка вышла къ гостямъ въ большомъ шолковомъ бѣломъ платкѣ, наскоро наброшенномъ на плечи, чтобы прикрыть скромную домашнюю блузку, и въ вышитыхъ золотомъ туфляхъ. Она сѣла на качающееся кресло, драпированное желтой плюшевой матеріей, и откинула голову назадъ, такъ что черные ея волосы красиво выдѣлялись на золотистомъ фонѣ, а лицо казалось еще бѣлѣе и нѣжнѣе. Гардины были розовыя, перевитыя кружевами, служившими прежде отдѣлкой на бальномъ платьѣ. Мнимо-японскія вазы и макартовскіе букеты, тонкіе стулья, шикарно изогнутые, но, конечно, недорогіе и служившіе только для украшенія, рѣзной шкафчикъ въ углу, гладко выполированный черепъ, съ

отверстіемъ, въ которое были вставлены цвѣты,—все, что было въ гостиной студентки,—показалось Леону верхомъ изящества.

Разговоръ направлялся и поддерживался хозяйкой, которая вела его со свободой и увѣренностью свѣтской дамы. Между прочимъ, коснулись и „собственнаго экипажа“, который Вильгельмина замѣтила изъ окна.—Вы держите своихъ лошадей?—съ нѣкоторымъ удивленіемъ спросила она полковника, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, она задала еще вопросъ:—Отчего же вы не женитесь?

— Полковникъ не женится никогда, — отвѣтилъ за него Леонъ. —Онъ хочетъ сдѣлать себѣ семью изъ насъ, польскихъ эмигрантовъ.

Монталамберъ отозвался: — Правда, правда... Впрочемъ, знаете, человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

Послѣ бесѣды о разныхъ пустякахъ, полковникъ напомнилъ о дѣлѣ:—А какъ же будетъ съ нашимъ проектомъ?

— О пристанищѣ для молодыхъ людей, эмигрирующихъ изъ Россіи?—Вильгельмина формулировала этотъ вопросъ скорѣе для того, чтобы Леонъ понялъ, въ чемъ дѣло.

— Конечно. Вы не должны отказываться отъ моего предложенія... Всѣ издержки я беру на себя. Мнѣ хочется только, чтобы вы и Грегоржевскій признали это благотворительное предпріятіе, дали бы ему свою „фирму“. Говорили вы съ нимъ?

— Да... Но Грегоржевскій не далъ отвѣта; сказалъ, что подумаетъ... Онъ, видимо, предпочелъ бы устроить это самъ.

Полковникъ вскочилъ и сталъ ходить по комнатѣ.

— Самъ, непремѣнно самъ!.. Хочетъ бороться съ самодержавіемъ, а постоянно требуетъ слѣпого подчиненія себѣ одному... Нельзя ли обойти его? Возьмите дѣло это въ свои руки... Вы или m-lle Мизя.

— Ну, вотъ—Мизя!

— Да, правда,—сказалъ Монталамберъ.—Она еще больше влюблена въ Грегоржевскаго, чѣмъ вы.

— Ошибаетесь, m-r Монталамберъ... Ни одна изъ насъ не „влюблена“ въ Грегоржевскаго. Но мы „любимъ“ его, а это—разница.

Гости встали и попрощались, но въ дверяхъ полковникъ воскликнулъ:

— А, нашъ дорогой лидеръ!

— Лидеръ?—возразилъ входившій Грегоржевскій.

— Да, конечно, лидеръ партіи.

Грегоржевскій повѣсилъ пальто на крючокъ.

— Никакой партіи нѣтъ,—значитъ, нѣтъ и лидера. Мнѣ надо съ вами поговорить,—сказалъ онъ, когда Монталамберъ ушелъ.

Леона удержалъ Грегоржевскій.

Дѣвушка придвинула для него кресло къ камину, гдѣ тлѣли остатки кокса, и повела его за руку.

— Вы прозябли... Какъ можно выходить въ такое время, надѣвъ пальто въ накидку!—И, щупая его пульсъ, она другую руку протянула къ часамъ, повѣшеннымъ на подставкѣ. Но онъ вырвалъ у нея свою руку и сказалъ съ радостью:

— Деньги пришли... братъ прислалъ триста рублей, подумайте... Заплатимъ типографіи...

— Нѣтъ, — прервала его Вильгельмина: — прежде всего вы должны ѣхать на югъ.

— Ну, на это будетъ время... Мои силы возстановятся, когда издательство мое окрѣпнетъ и разовьется... А теперь можно будетъ выпустить дополненіе къ послѣдней брошюрѣ. Первая была для фабричныхъ рабочихъ, вторая будетъ обработана для крестьянъ. Съ этой брошюрой мы отправимъ въ край кого-нибудь изъ нашихъ эмиссаромъ.

— Но мы не можемъ позволить, чтобы деньги, присланныя вамъ на поправленіе здоровья, были обращены на дѣло.—И Вильгельмина продолжала настойчиво: — Я вамъ говорю это, какъ врачъ!

— Нѣтъ, нѣтъ! Прежде—дѣло, а ужъ потомъ я... И особенно въ такой моментъ... Я получилъ изъ края извѣстія... Зашумѣлъ боръ листьями... вотъ, увидите...

Лицо Вильгельмины приняло выраженіе тяжкой рѣшимости.

— Я обязана сказать вамъ полную правду, — произнесла она.—Ваше положеніе очень плохо... и если вы не выѣдете, то эта зима въ Парижѣ... добьетъ васъ.

Она поблѣднѣла. И Леону въ словахъ этихъ послышался погребальный звонъ.

— А, вотъ какъ! —проговорилъ Грегоржевскій хриплымъ голосомъ.—Такъ вотъ что... Значитъ, я ужъ очень плохъ?—Онъ закрылъ глаза и на одну минуту какъ будто погрузился въ изслѣдованіе своего состоянія. Потомъ прошепталъ: — Да, да! — Но онъ тотчасъ поднялъ голову, и на лицѣ его заиграло лихорадочное оживленіе.—Но если я такъ боленъ, то именно поэтому мнѣ слѣдуетъ спѣшить. Мы должны удвоить свои усилія, разбросать по всему краю мысли пламенныя, какъ искры... Я не доживу до результатовъ своей работы, не увижу, какъ надъ Польшей займется заря пожара, которая потомъ обратится въ свѣтъ...

Но вы въ этомъ заревѣ увидите мой сѣвъ, мою кровь, всего меня... И когда настанетъ свобода, начнется отмѣна порядка, стоящаго на несправедливости и народной нищетѣ, вы скажете обо мнѣ, скажете, что только для этого дѣла я и жилъ, и умеръ.

Припадокъ кашля заставилъ его остановиться, но, оправившись, Грегоржевскій окончилъ свою рѣчь, какъ бы торопясь взять заключительный аккордъ:

— Можетъ быть, я еще успѣю высказать въ печати хотя бы основныя мои мысли... Пусть онѣ летятъ на родину и стучатся въ загрубѣвшія сердца и лѣнивые умы... Пусть будятъ крестьянина, рабочаго... и евреямъ внушаютъ мысль объ обязанности передъ страной, которая ихъ кормитъ... Пусть мысли мои залетятъ и до Вильна, до Бреста, на Украйну, откуда я родомъ... всюду, гдѣ слышенъ нашъ языкъ... Недалеко то время, и вы услышите: зашумитъ лѣсъ!

VI.

Грегоржевскій остался въ Парижѣ, и къ веснѣ состояніе его здоровья значительно ухудшилось. Къ Орлицкому онъ привязался, разгадавъ въ немъ природу, которую легко было увлечь идеей подвижничества. Рѣшено было издать повѣсть Леона, переработавъ ее такъ, чтобы въ ней отразились не только несправедливость къ національности, но и обида соціальная, не одно патріотическое возмущеніе, но и протестъ трудящихся классовъ.

— Когда наступитъ время истинной любви и дѣйствительнаго равенства для всѣхъ,—говорилъ Грегоржевскій,—то вѣдь и насъ, поляковъ, не оставятъ въ неволѣ. Нашу группу здѣсь, въ польской колоніи, называютъ національными соціалистами. Дѣло не въ кличкѣ, но совершенно вѣрно, что мы не исключаемъ и идеи національнаго возрожденія, какъ то дѣлаютъ приверженцы „Интернаціоналки"... А все-таки единственная надежда на возрожденіе Польши заключается въ ожиданіи торжества соціальной справедливости во всей Европѣ.

Къ этой мысли Грегоржевскій возвращался въ каждой бесѣдѣ съ Леономъ, который сталъ часто посѣщать его и помогать ему въ работѣ по издательству. Молодой человѣкъ таялъ, какъ воскъ, подъ вліяніемъ не только горячихъ словъ, но и самоотверженнаго примѣра Грегоржевскаго, который расточалъ всѣ свои силы и свои скудныя средства на дѣло, бывшее ему дороже жизни.

Орлицкій думалъ уже переѣхать на Гласьеру, но Грегоржевскій ему не позволилъ.

— Полиція считаетъ, что здѣсь нашъ центръ, и бдительно около него увивается. Останьтесь на правой сторонѣ рѣки. Иногда придется что-нибудь укрыть, такъ тамъ у васъ будетъ надежнѣе.

Поэтому Леонъ нанялъ себѣ комнату на Монмартрѣ, въ четвертомъ этажѣ, откуда былъ видъ на кладбище.

— Это вовсе не дружелюбно съ вашей стороны, что вы переѣзжаете,—замѣтилъ ему Кренцкій.—А еще я опять постарался для васъ, уговорилъ Квятковскаго дать вамъ учить его дѣтей по-польски, черезъ день, по часу въ будни, а въ воскресенье — по три часа. Квятковскій будетъ вамъ платить за это особо сорокъ франковъ въ мѣсяцъ, да и обѣдать вы у нихъ будете послѣ каждаго урока... А все-таки я долженъ пожурить васъ за часто невнимательное исполненіе работъ въ конторѣ и даваемыхъ вамъ порученій. Иногда мнѣ думается, что вы—нѣчто вродѣ Конрада Валленрода и служите въ ненавистномъ вамъ орденѣ, то-есть конторѣ, съ цѣлью погубить ее.

Орлицкій пожалъ плечами и продолжалъ укладывать въ ящикъ искусственные цвѣты, которыхъ отправка была поручена конторѣ, а въ умѣ слагалъ обороты для своей передѣлываемой повѣсти. Предложеніе Квятковскаго онъ все-таки принялъ. Это увеличивало его средства, а онъ поставилъ себѣ честолюбивой цѣлью— принять издержки по изданію повѣсти на свой счетъ, не обременяя ими издательства Грегоржевскаго.

Когда онъ заявилъ объ этомъ Грегоржевскому, тотъ сказалъ ему, что типографія требуетъ задатка только пятьдесятъ франковъ, а на остальную сумму можно будетъ выдать обязательство. Но у Орлицкаго въ то время было всего тридцать франковъ. Онъ занялъ двадцать франковъ у Кренцкаго и снесъ деньги на Гласьеру. Грегоржевскій сказалъ ему, что подождетъ, когда эта брошюра выйдетъ въ печати, и включитъ ее въ связку тѣхъ изданій, которыя уже готовы и предназначены къ отправкѣ въ Царство. Надо было послать для этого особаго эмиссара, который провезетъ эту, такъ называемую въ Россіи, „нелегальную литературу“ въ пограничное мѣстечко Галиціи, а оттуда долженъ будетъ проносить свой транспортъ по частямъ и раздавать брошюры тамъ, гдѣ найдетъ удобнымъ.

— Не найдется кого другого,—окончилъ Грегоржевскій,— поѣду я самъ... Деньги какъ-нибудь достану. Много и не надо... поѣду третьимъ классомъ, а ѣмъ я такъ мало...

Но прошли еще недѣли двѣ, а повѣсть еще не вышла изъ

печати. Между тѣмъ, какъ то случается въ Парижѣ, въ апрѣлѣ вдругъ наступилъ холодъ и даже пошелъ снѣгъ. Грегоржевскій опять простудился, и на этотъ разъ болѣзнь приняла такой оборотъ, что пришлось перевезти больного въ госпиталь. Мизю допустили къ нему, какъ сидѣлку, и она ухаживала за больнымъ день и ночь.

Посѣщали Грегоржевскаго въ госпиталѣ Вильгельмина, Орлицкій и принадлежавшій къ партіи студентъ медицины Браумцвейгъ. Врачи съ самаго начала давали имъ мало надежды.

Вотъ, больной открылъ глаза, пошевелилъ челюстями и обратилъ на Браумцвейга, стоявшаго у кровати, стеклянный взоръ.

— Ну, что̀ же, а?

— Сейчасъ принесутъ корректуру.

— Просмотрите ее ужъ вы сами, здѣсь... при мнѣ... Надо, чтобы книжка была готова черезъ недѣлю...—Онъ долженъ былъ остановиться.—Черезъ недѣлю, авось, поправлюсь и поѣду...

— Поѣдемъ вмѣстѣ, — сказалъ Браумцвейгъ. Леонъ поправилъ подушку. Нѣсколько минутъ всѣ молчали. Тихонько вошла Мизя.

— А гдѣ же Вильгельмина?—шепнулъ ей Браумцвейгъ.

— Стоитъ въ корридорѣ. Боится, что нервы ея не выдержатъ, и она расплачется.

Вдругъ заговорилъ опять Грегоржевскій:

— Черезъ границу пройду легко... Сразу возьму немного... Нѣсколько сотъ экземпляровъ... разныхъ... Увижу край, увижу крестьянъ нашихъ и брата... Что̀ же это корректура?

— Я схожу сейчасъ,—сказалъ Браумцвейгъ.

— Нѣтъ, подождите еще,—прошептала ему Мизя.—Я увѣрена, онъ ждетъ этой корректуры, чтобы умереть.

Но вотъ, наконецъ, приносятъ пачку корректурныхъ листовъ. Увидѣвъ ихъ, больной дѣлаетъ жестъ, чтобы ихъ поднесли къ нему, и пачку кладутъ къ нему на кровать. Онъ пробуетъ подняться, и въ лицѣ его мелькнула радость. Но тотчасъ же онъ опускается на подушки и перекладываетъ голову съ боку на бокъ, какъ будто защищая ее отъ ударовъ невидимой руки. Вдругъ костлявая рука его схватываетъ руку Леона.

— Вы... вы... — произноситъ больной, съ трудомъ переводя дыханіе.

Леонъ близко наклонился надъ нимъ.

— Что̀, дорогой?

— Вы... далѣе...

— Хорошо.

— Вы!

— Да, да!

Умирающій конвульсивно попытался вдохнуть еще воздуха, захрипѣлъ и, наконецъ, умолкнувъ, лежалъ неподвижно, съ открытыми глазами. По щекамъ его протекли двѣ слезы.

Браумцвейгъ снялъ съ кровати корректуру и хотѣлъ отдать ее Мизѣ.

— Возьмите это вы, у меня—экзамены...

Но Мизя указала на Леона.

— Вотъ кому отдайте! Развѣ вы не слышали, что „онъ“ назначилъ васъ своимъ преемникомъ?—обратилась она къ Орлицкому. Только тогда тотъ понялъ, что̀ значили слова умиравшаго: „вы... далѣе“.

Грегоржевскаго пришлось бы хоронить какъ нищаго, опустить въ „fosse commune“. У всего кружка не было столько денегъ, чтобы устроить похороны, хотя бы по самому послѣднему разряду pompes funèbres. Но совершенно неожиданно Орлицкій встрѣтилъ, на другой день, на улицѣ Яблонскую, ту актрису, которая помогла ему переѣхать черезъ русскій пограничный кордонъ. Она обрадовалась встрѣчѣ и, взявъ его подъ-руку, повела въ свою квартиру. Яблонская только на тѣхъ дняхъ пріѣхала въ Парижъ со своимъ „дядей“. Леона она заставила разсказать себѣ о его жизни въ Парижѣ, и, услыхавъ о смерти его друга, котораго не на что было похоронить, дала ему пятьдесятъ франковъ. У него самого было двадцать франковъ. То, что̀ могло еще понадобиться на похороны, обѣщалъ уплатить Кренцкій, который еще взялъ на себя всѣ хлопоты.

— Когда надо сдѣлать что-нибудь практическое, то безъ буржуя вы все-таки не обойдетесь,—добродушно кольнулъ онъ своего протэжѐ.

Окончивъ занятія въ конторѣ, Орлицкій въ этотъ вечеръ пошелъ къ Мизѣ, какъ она его просила. Здѣсь онъ, къ удивленію, засталъ почти всѣхъ членовъ кружка. Нѣкоторые изъ нихъ вязали вѣнки на гробъ Грегоржевскаго. Мизя представила Леона, взявъ его за руку:

— Г-нъ Орлицкій... Умершій поручилъ ему въ послѣднюю минуту руководство нашей дальнѣйшей работой, какъ я вамъ уже говорила.

Затѣмъ она начала представлять Леону тѣхъ членовъ кружка, съ которыми онъ еще не былъ знакомъ. Орлицкій сознавалъ, что эта минута должна была рѣшить вопросъ о его положеніи, и

можно было удивляться, какъ молодой человѣкъ сразу съумѣлъ принять видъ и тонъ, „соотвѣтствовавшіе“ значенію предводителя.

Всѣ они крѣпко пожимали ему руку и привѣтствовали его дружелюбно. Изъ ихъ крѣпкихъ рукопожатій и тона нѣсколькихъ сказанныхъ ими словъ онъ убѣждался, что принятіе имъ на себя роли предводителя кружка не возбуждаетъ въ нихъ никакой зависти, что они подчиняются волѣ умершаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ ожидаютъ многаго отъ своего новаго вождя.

— Относительно похоронъ все уже устроено,—громко сказалъ Орлицкій Мизѣ. И это было первымъ его успѣхомъ въ новой роли.—Что касается подробностей, то этимъ займется Кренцкій,—я не могу въ это входить.

Но въ эту минуту неожиданно взяло въ немъ верхъ чванство, и онъ прибавилъ:

— Я ему далъ, сколько нужно, и онъ обѣщалъ сдѣлать все, какъ слѣдуетъ.

Мизя жила въ томъ же домѣ, гдѣ находилась квартира Грегоржевскаго, умершаго въ госпиталѣ. Когда Браумцвейгъ вручилъ Леону ключъ отъ этой квартиры, то одинъ изъ сыновей консьержки этого дома, Робѐръ, обратился къ Леону съ вопросомъ:

— Нѣтъ ли тамъ чего-нибудь... важнаго... такого, что̀ могло бы васъ компрометировать?

— Пойдемъ сейчасъ туда!—сказалъ Браумцвейгъ.

Но молодой французъ покачалъ головой.

— Теперь уже поздно: они запечатали дверь...

— Кто они?

— Да наша полиція. Знаете—будто для соблюденія судебной формальности... Сегодня же или завтра они навѣрное придутъ опять, просмотрятъ все, заберутъ, что̀ имъ нужно, опять наложатъ печать, и нельзя будетъ доказать, что они унесли какія-нибудь книги или бумаги.

— Что̀ жъ теперь дѣлать?.. Вѣдь тамъ адресы, корреспонденція...—послышалось среди кружка.

— Oh, lâche nation, ces Français!—произнесъ нарочно по-французски одинъ изъ товарищей, Фарбахъ, низенькій человѣкъ съ кривыми ногами, который всегда щеголялъ патріотическими фразами и даже ходилъ въ черной чамаркѣ, здѣсь, въ Парижѣ, возбуждая любопытство на улицѣ.

— Напрасно вы такъ говорите о націи!—приподнятымъ голосомъ отвѣтилъ покраснѣвшій Робѐръ.—Это ложь! Одно дѣло полиція, а другое дѣло—французскій народъ. И мы вамъ это

докажемъ. Пойдемъ, Жюль,—обратился онъ къ брату, и оба они вышли.

Среди оставшихся пошли толки о томъ, чтò теперь дѣлать? Вѣдь тамъ были письма и адресы, которые могли быть сообщены кому слѣдуетъ, и отъ этого пострадали бы всѣ тѣ люди въ краѣ, которые довѣрились Грегоржевскому. То тотъ, то другой, при этихъ разговорахъ, взглядывали на Орлицкаго, ожидая, чтò онъ скажетъ. И онъ не обманулъ ихъ ожиданія.

— Предоставьте это мнѣ,—произнесъ онъ въ рѣшительномъ тонѣ.—Я отправлюсь завтра къ прокурору республики.—Члены кружка разошлись, нѣсколько успокоенные.

На другой день Орлицкій и явился къ прокурору. Но у того въ этотъ день не было пріема.—Развѣ что-нибудь имѣете сообщить очень настоятельное,—прибавилъ дежурившій.—А общій пріемъ—завтра.

Орлицкій не рѣшился навязываться прокурору въ непріемный день. „До завтра все равно ничего не сдѣлаютъ", утѣшалъ онъ себя, сходя по лѣстницѣ. А впрочемъ, съ какимъ же требованіемъ онъ могъ обратиться къ прокурору? Тому легко было бы привести его въ замѣшательство простымъ вопросомъ: „А вы—наслѣдникъ что-ли, по какому вы праву вмѣшиваетесь въ это дѣло?"

Однако онъ рѣшилъ сказать сегодня на Гласьерѣ, что прокуроръ назначилъ ему пріемъ завтра. Придя домой, Леонъ прилегъ и, неожиданно, крѣпко заснулъ. Онъ не отдавалъ себѣ отчета, сколько времени онъ проспалъ, когда его разбудилъ стукъ въ дверь.

— Entrez!—Это былъ Робèръ, который, не снимая шляпы, сказалъ ему:—Одѣньтесь скорѣе... Пойдемъ внизъ. Мы съ братомъ сорвали печать съ двери того господина, который померъ, и не нашли ничего въ его комнатѣ, кромѣ домашнихъ вещей, книгъ, бумагъ и писемъ... Бумаги и письма мы уложили въ корзинку и несли ее поочередно съ братомъ. Тяжелая... Но сюда вносить ее я не могу: ваша консьержка увидитъ, что ее принесъ вечеромъ посторонній человѣкъ. Корзину братъ донесетъ сейчасъ, но мы его встрѣтимъ, а потомъ, недалеко уже, несите ее сами и вталкивайте на лѣстницу.

— Кто же вамъ далъ мой адресъ?—спросилъ Орлицкій, уже на улицѣ.

— Когда мы отворили дверь, то m-lle Мизя сама собрала письма и бумаги и просила насъ снести къ вамъ.—Они пошли и на углу улицы Коленкуръ встрѣтили Жюля съ корзиной.

Орлицкій поблагодарилъ братьевъ и, нанявъ фіакръ, отвезъ корзину въ контору Квятковскаго, разсчитывая, что вѣрнѣе спрятать ее тамъ, чѣмъ на квартирѣ. Позвонивъ, онъ протащилъ корзинку по плитамъ мимо консьержки, сказавъ ей мимоходомъ: —

— Это я, m-me Мартэнъ, привезъ товаръ, который надо отправить завтра же.

Это былъ для Орлицкаго второй успѣхъ въ роли предводителя кружка. Онъ укрылъ бумаги, отъ потери которыхъ могло пострадать множество людей въ краѣ. И такимъ образомъ въ его рукахъ былъ матеріалъ, изъ котораго онъ могъ ближе познакомиться съ сношеніями и всей дѣятельностью „партіи".

Третій успѣхъ выпалъ на его долю на похоронахъ Грегоржевскаго, когда онъ произнесъ надъ могилой задушевную рѣчь, которую ему внушили его патріотизмъ и искренняя привязанность къ покойному. Рѣчь всѣхъ тронула, и фигура красиваго молодого человѣка, который то склонялся надъ могилой, то металъ пламенные взгляды во всѣ стороны, произвела впечатлѣніе. Особенно полковникъ Монталамберъ былъ въ восторгѣ.

Но послѣ рукопожатій, съ которыми многіе подходили къ Леону, его отвелъ въ сторону, за нѣсколько могилъ, какой-то незнакомецъ.

— Я—Людвикъ Стронскій, делегатъ женевскаго комитета,— сказалъ онъ.—Вы говорили отъ имени вашего кружка. Позвольте же узнать, что̀ у васъ рѣшено?

— Какъ что̀? — возразилъ Орлицкій, озадаченный этимъ вмѣшательствомъ. — Будемъ держаться пути, намѣченнаго Грегоржевскимъ.

— Извините меня, но покойный, при всемъ несомнѣнномъ своемъ талантѣ, былъ мечтатель и тратилъ свои, а также и ваши силы понапрасну.

Леона это взорвало.—И вы осмѣливаетесь чернить его при свѣжей еще могилѣ?

— Вотъ она, романтическая школа... „при свѣжей могилѣ"!.. Однѣ фразы. Извините меня, но съ ними вы недалеко уйдете.

— Во всякомъ случаѣ, здѣсь не мѣсто для такого разговора,— сердито сказалъ Леонъ и хотѣлъ уйти. Но Стронскій задержалъ его словами:

— Ну, пожалуй; такъ созовите собраніе. Мнѣ необходимо переговорить съ вашей партіей и предложить ей присоединиться къ нашей программѣ.

— Вы? А это съ какой стати?

Незнакомецъ отступилъ шагъ назадъ и произнесъ въ вызы-

вающемъ тонѣ: — Я-то? Стало быть, вамъ неизвѣстно, кто я и каковы мои полномочія? Въ такомъ случаѣ, извините, я вижу, что вы не были достаточно знакомы съ дѣлами вашей партіи.

Орлицкому кровь бросилась въ голову. Это былъ именно тотъ упрекъ, котораго онъ теперь наиболѣе боялся, такъ какъ и въ самомъ дѣлѣ онъ еще многаго не зналъ. — Напрасно вы напоминаете мнѣ о своемъ положеніи,—оно мнѣ извѣстно. Но вотъ вамъ, повидимому, неизвѣстно, что Грегоржевскій, умирая, назначилъ меня своимъ преемникомъ.

Стронскій усмѣхнулся. — Ага, наслѣдственный престолъ... Ну, все равно, съ вами, такъ съ вами... Но я хотѣлъ бы убѣдить васъ отказаться отъ слишкомъ сентиментальной, патріотической обстановки, отъ этихъ „національныхъ цвѣтовъ“ и въ рѣчахъ, и въ пропагандѣ. Положимъ, нѣкоторый своеобразный оттѣнокъ мы могли бы вамъ уступить. Но вамъ необходимо соединиться съ нами, съ людьми взглядовъ трезвыхъ... Одни вы ничего не сдѣлаете.

— А мы ни на какія уступки не пойдемъ! — Противники смѣрили другъ друга взглядомъ, но въ эту минуту подошелъ товарищъ Фарбахъ въ своей демонстративной чамаркѣ.

— Васъ зоветъ панна Вильгельмина.

Дольше всѣхъ оставались у могилы Мизя и Кренцкій. Они поправляли положенные на ней вѣнки. Наконецъ, Кренцкій поднялся и сказалъ: — Жалко его. — Тогда дѣвушка заплакала, припала къ могилѣ и цѣловала вянувшіе цвѣты.

VII.

Орлицкій переложилъ оставшіяся послѣ Грегоржевскаго бумаги и письма въ запиравшуюся на ключъ большую шкатулку и припряталъ ее въ чуланѣ конторы подъ разнымъ хламомъ. Когда всѣ расходились изъ конторы, онъ оставался тамъ подъ предлогомъ окончанія какой-нибудь работы и перечитывалъ тѣ листки, которые чѣмъ-либо привлекали его вниманіе. Порою онъ засиживался въ конторѣ до поздняго вечера.

И часто ходилъ онъ къ Мизѣ, работать съ нею, отъ нея узнавалъ многое, объяснявшее значеніе той или другой бумаги и общую связь всей дѣятельности кружка. Онъ убѣдился, что этой дѣвушкѣ ближе, чѣмъ кому-либо, были извѣстны начинанія Грегоржевскаго, у котораго она исполняла обязанность секретаря. Леонъ многому отъ нея научился, а ясный взглядъ, природный

умъ и образованіе, которымъ она превосходила новаго предводителя, придали ей большой авторитетъ въ его глазахъ. Она не только давала ему совѣты, но просто взяла его подъ свое руководство, нисколько не давая ему почувствовать это. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ всего, что Мизя въ этихъ бесѣдахъ сообщала ему объ умершемъ, ясно было, что она глубоко и вѣрно любила его, и теперь вся посвятила себя исключительно продолженію его дѣла.

Леонъ удивлялся, какъ могъ Грегоржевскій пройти мимо этой самоотверженной любви, не примѣтивъ ея. А между тѣмъ, и самъ онъ, Орлицкій, видѣлъ въ Мизѣ только вѣрнаго друга, нисколько не увлекся этой красивой и милой дѣвушкой, несмотря на интимность ихъ разговоровъ, и мечталъ только о Вильгельминкѣ.

Понятно, при такой раздвоенности его вниманія и труда, Орлицкій довольно небрежно исполнялъ свою должность въ конторѣ.

— Да бросьте вы, наконецъ, эту Гласьеру! — сказалъ ему разъ Кренцкій, упрекнувъ его въ нѣкоторыхъ упущеніяхъ. — Произнесли удачную, прочувствованную рѣчь надъ могилой, ну и ладно. Перестаньте играть агитатора и примитесь серьезно за работу.

— Никогда я въ агитатора не игралъ, но былъ имъ и буду. Удивляюсь вамъ: вы такъ приняли къ сердцу похороны Грегоржевскаго и видимо жалѣли о немъ, и вдругъ...

— Такъ что же? Во-первыхъ, смерть человѣка всегда дѣйствуетъ; а во-вторыхъ, вѣдь то былъ Грегоржевскій!

— А отчего же я не могъ бы современемъ сдѣлаться такимъ же Грегоржевскимъ?

Кренцкій, немножко помолчавъ, отвѣтилъ:—Оттого. Не знаю, но въ васъ нѣтъ ничего похожаго на Грегоржевскаго.

Вмѣстѣ съ продолженіемъ агитаціоннаго издательства, на Леона перешла и забота о пріисканіи необходимыхъ денежныхъ средствъ. Онъ былъ въ большомъ затрудненіи, не зная, къ кому обратиться. Вдругъ, совсѣмъ неожиданно, его посѣтилъ Монталамберъ, поздравилъ съ „блестящей“ рѣчью и возобновилъ какъ выраженія своей привязанности къ народу, за свободу котораго онъ нѣкогда сражался, такъ и свои предложенія услугъ для польскаго дѣла. Орлицкій сперва было отклонилъ ихъ. Но черезъ нѣкоторое время, не найдя нигдѣ денегъ, онъ увидѣлъ передъ собой такой выборъ: или отказаться отъ предводительства партіей, такъ какъ издательство совсѣмъ пріостановилось, или воспользоваться нѣсколько разъ повтореннымъ предложеніемъ полковника.

Честолюбіе взяло верхъ; Леонъ обратился къ Монталамберу и было условлено, что тотъ будетъ регулярно каждый мѣсяцъ выплачивать лично Леону небольшую сумму, то-есть, практически сдѣлается издателемъ, но останется въ тѣни, а Орлицкій лично же будетъ ему давать отчетъ въ расходахъ и доставлять экземпляръ каждаго новаго изданія.

— О нашемъ договорѣ не говорите никому,—такъ закончилъ бесѣду новый издатель.—Поступайте деспотически, какъ Грегоржевскій. Иначе, какъ только начнете спрашивать совѣтовъ, то товарищи сядутъ вамъ на шею. Издателемъ, въ ихъ глазахъ, должны быть вы... Только тогда вы останетесь и полновластнымъ распорядителемъ. И я вмѣшиваться не буду... Я дѣлъ этихъ не знаю, вполнѣ вѣрю вамъ, а состояніе мое позволяетъ мнѣ доставить себѣ въ старости удовольствіе жертвовать этими небольшими средствами на то дѣло, для котораго, въ молодости, я готовъ былъ пожертвовать жизнью.

На другой день Леонъ получилъ отъ полковника, въ его квартирѣ, вложенную въ бумажникъ, условленную сумму. На эти хотя и очень скромныя средства можно было уже не только уплатить типографіи за послѣднюю брошюру, но и приступить къ изданію двухнедѣльнаго журнальчика въ форматѣ тетрадки. То и другое подняло значеніе Орлицкаго въ глазахъ кружка. Теперь Леону можно уже было бросить контору Квятковскаго. Поводомъ къ этому послужилъ крупный разговоръ съ Кренцкимъ, который, узнавъ отъ консьержки, что Леонъ часто просиживалъ въ конторѣ до поздняго вечера, догадался, что онъ тамъ работаетъ для партіи, и, стало быть, держитъ тамъ свои бумаги.

Орлицкій переѣхалъ на Гласьеру, на ту же улицу, гдѣ жила Вильгельмина; деньги на издательство пока были, а жить онъ могъ на уроки польскаго языка, которые онъ получилъ въ семьѣ содержателя магазина искусственныхъ цвѣтовъ, Загурскаго. Загурскій самъ былъ патріотъ, ничего, впрочемъ, не понимавшій въ политикѣ и соціальныхъ теоріяхъ. Онъ былъ на похоронахъ Грегоржевскаго, слышалъ рѣчь Леона и пожелалъ, чтобы дѣти научились говорить по-польски такъ же хорошо, какъ Орлицкій. Было условлено, что послѣ урока Леонъ будетъ оставаться у Загурскихъ на обѣдъ. Домъ, въ которомъ умеръ Грегоржевскій и гдѣ жила Мизя, находился вблизи. Когда Леонъ не работалъ или не сидѣлъ у Мизи или у Вильгельмины, онъ занимался чтеніемъ книгъ, оставшихся послѣ Грегоржевскаго, чтобы подготовиться къ редактированію журнала.

Однажды, когда Леонъ былъ у Вильгельмины, къ ней пришелъ тотъ женевскій делегатъ Стронскій.

— Вы знакомы?—спросила Вильгельминка.

— Познакомились на похоронахъ, — отвѣтилъ Стронскій и, сѣвъ, обратился къ Вильгельминѣ.—Я послѣ того былъ въ Женевѣ и только-что пріѣхалъ сюда назадъ.

— Надолго?

— Совсѣмъ. Здѣсь болѣе широкое поле для дѣйствія, — и, окинувъ взглядомъ комнату, онъ сказалъ: — Вы очень мило устроились.

— А вы?

— Я поселился здѣсь же... черезъ нѣсколько домовъ, № 112.

— Это какъ разъ напротивъ г. Орлицкаго.

— Квартиру я нанялъ побольше, такъ какъ намѣренъ съ 1-го іюля издавать ежемѣсячный журналъ. Я уже заручился значительнымъ запасомъ статей извѣстныхъ публицистовъ, и вотъ явился, чтобы предложить вамъ сотрудничество... Вѣдь вы хорошо знаете и англійскій языкъ, и я бы васъ просилъ теперь же приняться за передачу нѣсколькихъ статей, въ сокращеніи.

Тутъ вмѣшался Орлицкій: — Панна Вильгельмина, кромѣ своихъ научныхъ и практическихъ занятій въ клиникѣ, имѣетъ уже немало работы у насъ.

— Но вѣдь издательство ваше — отрывочное, непрочное, на участіе въ немъ много времени не требуется.

— Мы, кромѣ брошюръ, будемъ издавать еще двухнедѣльный журналъ.—И вставъ, Орлицкій напомнилъ Вильгельминѣ, чтобы она пришла къ нему въ тотъ вечеръ пораньше, на первое собраніе сотрудниковъ.

Стронскій былъ видимо озадаченъ этимъ извѣстіемъ. Но, видя, что Леонъ уже уходитъ, онъ спросилъ:

— А позвольте узнать, какъ будетъ называться вашъ журналъ, чтобы намъ не выбрать одного названія?

— О, навѣрное нѣтъ. Мой журналъ получитъ названіе ярко національное — „Hejnał“ [1]).

Дѣйствительно, въ теченіе мѣсяца вышли два нумера „Hejnału“, составленные очень недурно, съ пламенными, крайне рѣзкими передовыми статьями самого Орлицкаго и корреспонденціями изъ края и изъ западно-европейскихъ городовъ.

Во всей польской колоніи закипѣло. Во-первыхъ, всѣхъ заинте-

---

[1]) Старинная мелодія, которую играетъ на башнѣ собора Богоматери въ Краковѣ трубачъ, появляющійся при наступленіи каждаго часа.

ресовало появленіе новаго польскаго журнала и въ немъ талантливаго писателя, а во-вторыхъ, узнали, что Орлицкій за все расплачивается наличными деньгами.

Вильгельминка, которая давно кокетничала съ Леономъ, теперь вдругъ стала проявлять ревность къ Мизѣ. Она уже сняла свой трауръ по Грегоржевскомъ, одѣвалась въ модные цвѣта, снова стала веселой, бойкой, но всегда изящной въ движеніяхъ.

— Представьте себѣ,—щебетала она,—мои товарищи, студентки, ужасно заняты вами и хотѣли бы хоть взглянуть на васъ... Товарищъ Яскульская, товарищъ Розенгеймъ... ну, всѣ.

— А что̀ же вы имъ отвѣтили?

— Разумѣется, отрицательно. Развѣ вы не знаете, что я ревнива?—И, поднявъ руку къ лицу Орлицкаго, она мило скомандовала:—Поцѣловать!—Никогда еще она не казалась ему такъ восхитительной, какъ теперь, въ своемъ блѣдно-лиловомъ кисейномъ платьѣ и поясѣ изъ бархатки фіалковаго цвѣта.

Но когда Вильгельминка, въ дальнѣйшемъ разговорѣ съ нимъ, стала придираться ко всему, что̀ дѣлала Мизя, и обвиняла ее въ „строеніи ему миновъ", Леонъ заступился за ту добрую и уважаемую имъ дѣвушку, которая свой трауръ по Грегоржевскомъ носила не на плечахъ, а въ сердцѣ.

— Ну, хорошо, только пусть Мизя оставитъ васъ въ покоѣ. Вы мой и ничей больше. — Разговоръ этотъ окончился бы, вѣроятно, обмѣномъ обѣщаній, еслибы его не прервалъ вошедшій Фарбахъ.

— Вы не знаете?—тотчасъ началъ онъ:—Стронскій, нанявъ здѣсь квартиру, съѣздилъ еще въ Познань, а теперь уже окончательно устраивается въ Парижѣ. Я самъ видѣлъ, какъ къ нему вносили мебель... Журналъ его будетъ называться „Сила".

— Откуда вы это знаете?

— Я все знаю... знаю даже, что у Стронскаго уже сорокъ-два подписчика.

Возвратясь домой, Леонъ думалъ не столько объ очаровательной Вильгельминкѣ, сколько объ этомъ изданіи своего противника. Тотъ былъ также соціалистъ, даже крайній или „максимальный", какъ говорится теперь, но вмѣстѣ съ тѣмъ и равнодушный или, скорѣе, враждебный ко всему національному, сухой теоретикъ, интернаціоналистъ. А для Орлицкаго идея Польши была религіей.

Однако, въ данную минуту онъ сознавалъ, что въ немъ происходила какая-то перемѣна, что онъ дѣлался нравственно худ-

шимъ. Честолюбіе брало въ немъ верхъ даже надъ любовью къ краю.

Когда, черезъ нѣсколько дней, онъ увидѣлъ вышедшую наконецъ „Силу“, то почувствовалъ ненависть къ Стронскому и сказалъ себѣ: „Для насъ двоихъ здѣсь слишкомъ тѣсно“. И въ то же время въ сердцѣ его заныло чувство, что родной край былъ ему раньше болѣе близкимъ и дорогимъ, чѣмъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ „дѣйствовать“ для пользы этого края.

VIII.

Не довольствуясь выпускомъ первой книжки „Силы“, Стронскій старался поднять значеніе своего кружка еще и внѣшнимъ престижемъ связей и кипучей дѣятельности. Недалеко отъ дома, гдѣ помѣщалась редакція, онъ открылъ еще читальню, а въ ней предпринялъ устроить цѣлый рядъ conférences, на которыхъ должны были выступать нѣсколько извѣстныхъ публицистовъ соціалистическаго лагеря. Вскорѣ и Орлицкій съ нѣкоторыми членами кружка „національныхъ соціалистовъ“ получили програму „конференцій“, съ которыми согласились выступить наиболѣе извѣстные члены соціалистической партіи въ Парижѣ, нѣсколько русскихъ, одинъ полякъ, членъ лондонскаго комитета и одинъ нѣмецъ, также изъ вождей партіи. Подъ спискомъ этихъ шумныхъ именъ и перечнемъ темъ, избранныхъ лекторами, красовалась подпись: „Людвикъ Стронскій“.

На первой конференціи долженъ былъ говорить Аррюкò, а темой былъ—Герценъ. Аррюкò сдѣлался извѣстенъ какъ сотрудникъ журнала „Revue Verte“. Одна изъ его статей—„Хлѣбъ для всѣхъ“—произвела большую сенсацію. Въ ней доказывалось, что государство обязано безплатно обезпечивать каждому гражданину ежедневную порцію хлѣба, подобно тому, какъ всѣ пользуются даромъ освѣщеніемъ улицъ, охраною отъ непріятельскаго нашествія, отъ убійцъ и воровъ, государственными шоссейными дорогами, водяными путями и публичными музеями. Эта мысль о „правѣ на хлѣбъ“ очень понравилась. Но къ осуществленію ея не было приступлено по той причинѣ, что тѣ лица, которыя могли бы провести соотвѣтственный законъ, были обезпечены ежедневнымъ кускомъ хлѣба, а тѣ, кто обезпеченъ не былъ, не имѣли возможности издавать законовъ.

Въ кружкѣ національныхъ соціалистовъ эта программа конференцій произвела впечатлѣніе подавляющее. Какое значеніе

могла имѣть эта горсть неизвѣстныхъ патріотовъ, когда за плечами Стронскаго выступали всемірныя знаменитости, вродѣ Жореса и Гэда?

Но Вильгельминкѣ пришла счастливая мысль: „Они даютъ международныя конференціи, а мы устроимъ народный концертъ или балъ. Посмотримъ, что больше понравится". Эта мысль была одобрена, и Вильгельминка съ другими „товарищами" своего пола тотчасъ принялись за приготовленія.

Орлицкій пришелъ въ залу конференцій вмѣстѣ съ кучкой своихъ приверженцевъ, для чего они сперва собрались въ его квартирѣ. Стронскій поздоровался съ Леономъ на срединѣ залы. Здѣсь они застали уже довольно много публики, среди которой выдѣлялись двѣ группы. Одну изъ нихъ составляли, очевидно, поляки, судя по ихъ низкимъ шляпамъ и длиннымъ усамъ. Это были интернаціоналисты. Другая группа, въ которой преобладали бороды, а кое-гдѣ виднѣлись рубашки безъ воротничковъ, вышитыя вдоль шеи и по вороту краснымъ шолкомъ, состояла изъ русскихъ студентовъ, учившихся въ Парижѣ.

Стоя на эстрадѣ, Стронскій наблюдалъ за сборомъ публики. На некрасивомъ лицѣ его выражалось сосредоточенное вниманіе. Вотъ, онъ быстро направился съ эстрады къ входной двери навстрѣчу именитыхъ посѣтителей, которые прибывали позже заурядныхъ, своихъ. Въ числѣ этихъ запаздывающихъ, которыхъ Стронскій остается поджидать у двери уже до послѣдняго пріѣзда всѣхъ важнѣйшихъ, выдаются нѣкоторые странные, характерные типы, въ которыхъ угадывается желаніе выразить самой внѣшностью сильно развитую индивидуальность.

По мѣрѣ ихъ появленія, пробѣгаетъ шопотъ. Вотъ Тевенонъ, высокій, худощавый, съ мягкими движеніями, почти совершеннымъ отсутствіемъ губъ и съ полузакрытыми глазами, какъ у Будды. Леонъ читалъ о Тевенонѣ. Это—эстетикъ-анархистъ, укрывавшій бомбы въ своемъ столѣ, въ военномъ министерствѣ, гдѣ онъ служилъ. Вотъ Лео де-Такса, извѣстный своимъ пребываніемъ въ тюрьмѣ S-te Pélagie и на галерахъ. Вотъ Анри Эмиліонъ, блѣдный, хрупкій юноша со страшными, полными ненависти глазами.

Входятъ, одна за другой, четыре женщины, молодыя, красивыя и эстетичныя до-нельзя. Волосы у нихъ зачесаны низко на лобъ, на подобіе мистичныхъ дѣвственницъ, которыя встрѣчаются на страницахъ старинныхъ, расписанныхъ золотомъ и краснымъ цвѣтомъ миссаловъ. Платья ихъ—странной кройки, съ широкими, висящими въ складкахъ юбками. Одна изъ нихъ, мо-

лодая брюнетка въ ярко-красномъ платьѣ, держитъ за руку дѣвочку-подростка, въ траурѣ.

— Дѣвочка эта—дочь Вальяна,—сообщаетъ Вильгельмина Леону. — Того, помните, который бросилъ бомбу въ палатѣ депутатовъ и былъ казненъ.

Были еще женскія фигуры въ платьяхъ, похожихъ на монашескія, и въ шляпахъ на подобіе тѣхъ, какія носились средневѣковыми пилигримками, а также фигуры мужскія, длинноволосыя, въ длинныхъ сюртукахъ, напоминавшихъ сутаны. Вся эта группа двинулась къ эстрадѣ и разсѣлась на ея ступеняхъ, лицомъ къ публикѣ, какъ декорація. По срединѣ они помѣстили дочь Вальяна, и дѣвочка, видимо привыкшая быть предметомъ общаго вниманія, бросала на собраніе притязательные взгляды.

— Что это, маскарадъ, что-ли? — спросилъ Загурскій, который не имѣлъ понятія о такихъ сверхчеловѣкахъ... Они, дѣйствительно, были бы только забавны. Но отъ нихъ вѣяло въ то же время и чѣмъ-то устрашительнымъ, такъ какъ нельзя было различить, кто изъ этихъ эстетовъ былъ только эстетомъ, а кто— эстетомъ-анархистомъ. Во всякомъ случаѣ, на нихъ падали ироническіе взгляды, а нѣкоторые смѣшливые зрители стали уже шушукаться между собой и улыбаться. Стронскій, который пригласилъ тѣхъ гостей, чтобы, придать своему собранію блескъ, начиналъ сознавать, что они производили совсѣмъ иное впечатлѣніе, не соотвѣтствовавшее серьезности конференцій.

А между тѣмъ, странныя эти фигуры возсѣдали неподвижно, принявъ позы, которыя напоминали сфинксовъ или факировъ. Наконецъ, появился Аррюкб. Его представляли себѣ какъ пламеннаго трибуна, съ молніеноснымъ взглядомъ, порывистымъ словомъ и энергическимъ жестомъ. Но на эстраду взошелъ молодой, розовый, веселый французъ, кругленькій брюнетъ, скорѣе похожій на приказчика въ богатомъ магазинѣ, чѣмъ на вѣщаго пророка соціальной реформы.

Онъ сѣлъ и бѣгло заговорилъ о Герценѣ. Рѣчь его текла свободно, легко, но въ ней не сказывалось ни индивидуальнаго взгляда на дѣятельность великаго агитатора, ни увлеченія, которое можетъ дать только непосредственное знакомство съ произведеніями писателя. Фактическое изложеніе было вѣрно, рѣчь была украшена блестками стиля, но, очевидно, говорилась съ чужого голоса, по даннымъ оратору замѣткамъ. „Полярная Звѣзда“ свѣтила въ ней такъ же блѣдно, какъ на небѣ, и гладкая рѣчь скользила по предмету, не задѣвая жизни русскаго народа.

Лекторъ былъ награжденъ обычной, но средней данью апло-

диментовъ, а Стронскій подошелъ къ нему еще на эстрадѣ и благодарилъ его. Но въ этотъ моментъ публика стала расходиться, а взгляды тѣхъ, которые еще оставались, были обращены менѣе на Аррюэ и Стронскаго и даже на эстетовъ, чѣмъ на вставшій съ мѣста кружокъ соціалистовъ-народниковъ. Леонъ и Вильгельминка представлялись замѣчательно красивой четой, а рядомъ съ ними Загурскій съ его добродушнымъ взглядомъ и увѣсистыми усами, скромная, миловидная Мизя и товарищи ихъ, обыкновенные смертные, съ интеллигентными лицами, но безъ всякой позировки, являлись чѣмъ-то правдивымъ и жизненнымъ, успокоительнымъ для глазъ контрастомъ съ сидѣвшими подъ эстрадой выставочными фигурами.

Леонъ сравнивалъ въ умѣ впечатлѣніе, которое на него производилъ Герценъ въ тотъ вечеръ и всю ту ночь, когда русскій писатель неудержимо приковывалъ его къ себѣ, заставлялъ его трепетать и сознавать какъ бы въ реальномъ видѣніи и неодолимость государственной машины, и могучія волны ожидаемаго движенія народныхъ массъ Россіи,—съ бойкимъ, но блѣднымъ и безжизненнымъ очеркомъ, только-что прослушаннымъ. И Орлицкому думалось, что о великихъ умахъ и ихъ идеалахъ не слѣдуетъ говорить на конференціяхъ, служащихъ для развлеченія публики. Великіе умы и ихъ идеи сторонятся отъ праздной, тщеславной толпы, занятой мелочами. Мысль такого писателя, какъ Герценъ, можетъ быть понята, можетъ быть достойно оцѣнена и прочувствована только тогда, когда она постучится въ уединеніе, къ человѣку, думающему о великихъ скорбяхъ и великихъ жертвахъ.

Спустя нѣсколько недѣль, кружкомъ національныхъ соціалистовъ разослано было объявленіе о музыкальномъ вечерѣ, съ декламаціею и танцами, который состоится такого-то числа въ залѣ Moulin de la Villette, на улицѣ Тюрго. Выручка предназначалась на поправленіе могилъ польскихъ эмигрантовъ на Монмартрскомъ кладбищѣ.

Объявленіе это было встрѣчено въ колоніи съ удовольствіемъ. Давно уже польскаго бала въ Парижѣ не бывало. Покойный Грегоржевскій объ увеселеніяхъ не думалъ, а другіе польскіе кружки, возникшіе въ Парижѣ подъ разными названіями, не могли взяться за это дѣло, такъ какъ „Согласіе“ находилось въ постоянномъ несогласіи съ „Польскимъ Союзомъ“, а оба эти союза относились враждебно къ кружку „Единство“, которое считало себя привилегированнымъ и даже имѣло 73 франка неприкосновеннаго капитала, а также библіотеку, состоявшую изъ 26 томовъ.

Совсѣмъ отдѣльно стояли кружки „Гейнала“ и „Силы“. Хотя другіе союзы видѣли въ соціализмѣ нѣчто вродѣ чучела на огородѣ, нѣчто непрактичное и скучное, но все-таки онъ импонировалъ имъ своимъ научнымъ характеромъ и хотя бы своимъ страшнымъ видомъ. Хотя оба соціалистическіе кружка также враждовали между собой, но для остальной колоніи собранія, устраиваемыя ими, представлялись какъ бы нейтральной почвой. Поэтому и на конференцію интернаціоналистовъ пришло нѣкоторое число слушателей постороннихъ. Тѣмъ болѣе интереса внушалъ колоніи возвѣщенный націоналистами балъ, который долженъ былъ послѣдовать за концертомъ.

IX.

Между тѣмъ Орлицкимъ начинало овладѣвать уныніе. Казалось бы, онъ достигъ—чего хотѣлъ. Онъ могъ писать, не опасаясь запрещенія журнала, имѣлъ обезпеченныя средства на издательство, стоялъ во главѣ „партіи“, наконецъ, нравившаяся ему дѣвушка готова была стать его женой. Но подъ вліяніемъ хандры ему казалось тяжкимъ получать деньги отъ чужого человѣка, въ видѣ милости, несноснымъ—вдаваться въ споры и дрязги въ своемъ же кружкѣ и выслушивать сплетни, исходившія изъ партіи „Силы“, легко распространявшіяся въ колоніи, вообще падкой на пересуды ближнихъ.

Къ тому же онъ не былъ увѣренъ въ Вильгельминкѣ. Правда, она дала обѣщаніе выйти за него. Но вѣдь она была невѣстой и Грегоржевскаго, а между тѣмъ призналась потомъ, что не любила его. Когда Леонъ былъ съ нею наединѣ, она охотно отдавала ему поцѣлуи, порой даже сама вызывала ихъ. Но впечатлительная натура Орлицкаго сознавала, что это была скорѣе намѣренная любезность, чѣмъ порывъ сердца и хотя бы только чувственности. Все это давило Леона и омрачало его дѣятельность, хотя онъ и старался убѣдить себя, что его просто мучила тоска по родинѣ. Конечно, и это могло быть, до извѣстной степени.

Концертъ вышелъ не особенный. Украшеніями его были нѣкій скрипачъ съ именемъ, но безъ таланта, и Яблонская, та танцовщица, которая задумала сдѣлаться пѣвицей и теперь брала уроки у Віардо. Но балъ отличался оживленіемъ и вообще имѣлъ большой успѣхъ. Однако передъ началомъ бала у Орлицкаго произошла „сцена“ съ Вильгельминой.

— Какъ ты думаешь — спросила она его, кивнувъ головой на Яблонскую,—раздѣлаться послѣ концерта съ этой... дѣвицей?

— Какъ что̀ я думаю сдѣлать?.. Браумцвейгъ подастъ ей руку и введетъ ее въ бальную залу.

Вильгельмина прищурила глаза.

— Ты думаешь, собравшіяся дамы будутъ довольны имѣть ее въ своемъ обществѣ?

— А почему же нѣтъ? Ты слышала, какъ ей апплодировали?

— Апплодировали въ видѣ платы за пѣніе. А имѣть ее въ своемъ обществѣ—совсѣмъ другое дѣло.

— Не понимаю, почему.

— Потому, что, судя по ея костюму и манерѣ держать себя, это должна быть особа дурного поведенія. Впрочемъ, дѣлай какъ знаешь... Но предупреждаю, что какъ только она войдетъ въ бальную залу, я должна буду уѣхать домой.

— Ты шутишь?

— Нисколько.

И въ самомъ дѣлѣ Вильгельмина уѣхала раньше, чѣмъ начались танцы. Орлицкій черезъ нѣкоторое время одѣлся и вышелъ на улицу, чтобы поѣхать къ ней. Но потомъ ему подумалось:—„Пускай себѣ!“—И онъ вернулся.

На балу присутствовали Стронскій и нѣсколько его приверженцевъ, чтобы отдать націоналистамъ визитъ ихъ на конференціи. Былъ Монталамберъ, но было и много лицъ, не имѣвшихъ съ соціалистами ничего общаго. Монталамберъ взялъ Орлицкаго подъ-руку и прошелся съ нимъ по залѣ, говоря ему комплименты за удачу бала.

Услышавъ шумъ въ буфетѣ, откуда проникалъ табачный дымъ, Леонъ освободился отъ полковника и хотѣлъ-было войти туда, чтобы распорядиться. Но и этого сдѣлать ему вдругъ не захотѣлось, точно такъ, какъ передъ тѣмъ—ѣхать къ Вильгельминкѣ. Была это робость—или апатія? Вдругъ онъ услышалъ призывъ Стронскаго изъ сосѣдней ложи. Въ этой ложѣ сидѣли знаменитый писатель П., поощрявшій молодыхъ родичей подаркомъ своей книги, и вмѣстѣ съ нимъ нѣсколько сѣдыхъ джентльменовъ аристократическаго вида. Стронскій стоялъ передъ ними въ почтительной позѣ. Было ясно, что подозвалъ онъ Орлицкаго къ ложѣ по ихъ желанію.

П. обратился къ Леону, какъ къ знакомому, поздравилъ съ успѣхомъ въ Парижѣ, назвалъ его даже президентомъ комитета. Стронскій въ эту минуту раскланялся. А Леонъ сказалъ:

— Я не президентъ, но долженъ все-таки поблагодарить

васъ, господа, отъ имени комитета, за посѣщеніе нашего вечера.

Эти слова произвели хорошее впечатлѣніе.

— Но скажите же мнѣ, мой молодой компатріотъ, съ какой стати у васъ вонъ та фигура?—спросилъ П., взглядывая въ сторону, гдѣ присѣлъ Монталамберъ.

— Кто такой?

— Да вотъ тотъ сѣдой, съ чубомъ à la Rochefort.

— Это полковникъ Монталамберъ.

Здѣсь вмѣшался въ разговоръ сидѣвшій рядомъ съ П. необыкновенно толстый мужчина съ маленькими глазами, въ которыхъ проглядывала иронія.

— Полковникъ? Но какого рода оружія? Развѣ что шулеровъ или вотъ этихъ господъ въ пелеринкахъ?—онъ указалъ головой на стоявшаго у двери полицейскаго.

Орлицкаго пронзила холодная струя.

— Полковникъ Монталамберъ,—возразилъ онъ,—произнесъ хорошую рѣчь на нашемъ народномъ празднествѣ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, происходившемъ въ залѣ географическаго общества. И вездѣ высказываетъ свою привязанность къ полякамъ. Онъ далъ намъ доводы своего сочувствія... А когда-то онъ принималъ участіе въ возстаніи, дрался за насъ...

— Ага!—смѣялся графъ.—Гдѣ же это?

— Гдѣ, не помню,—продолжалъ Леонъ въ нѣкоторомъ смущеніи.—А впрочемъ, видите, у него ленточка Почетнаго Легіона.

При этихъ словахъ, и П., и толстый графъ Лещъ, и баронъ Фаренсбергъ уже громко разсмѣялись. Затѣмъ П. обратился къ графу:

— Такъ какъ мы позвали нашего молодого компатріота для того, чтобы его предостеречь, то скажите ему, что̀ вы знаете объ этомъ полковникѣ.

Графъ принялъ серьезную мину.

— Я видѣлъ его въ первый разъ въ Константинополѣ. Онъ держалъ тамъ игорный домъ и имѣлъ хорошенькую жену. Отъ скуки мы зашли туда раза два и убѣдились, что это былъ вертепъ. Въ то время Орьѐ... настоящая его фамилія Орьѐ—жилъ на большую ногу. Затѣмъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, онъ явился ко мнѣ, въ Парижъ, уже ободранный, нищій и умолялъ зайти къ нему, на улицу Муффетаръ. Тамъ я нашелъ совершенную нищету, а жена, сошедшая съ ума, была заперта въ чуланѣ. Я оставилъ ему немного денегъ. Спустя еще довольно долгое время, иду я разъ по бульварамъ съ Андріё, тогдашнимъ префектомъ

полиціи. Встрѣчаемъ этого господина, и онъ снимаетъ шляпу. Я отдалъ ему поклонъ, а удивленный этимъ Андріё предупредилъ меня, что это — агентъ сыскной полиціи и что такимъ людямъ не кланяются. Очень могло быть, что Орьё и не поклонился бы мнѣ, чтобы не вызвать разговора о себѣ, но онъ долженъ былъ снять шляпу передъ Андріё. Тогда,—продолжалъ графъ,— я уже принужденъ былъ разсказать ему, какимъ образомъ я знакомъ съ этимъ сыскнымъ агентомъ... И помню слова Андріё, что при опредѣленіи такихъ людей нельзя быть слишкомъ разборчивымъ, но что Орьё оказался сыщикомъ умнымъ и ловкимъ, такъ что его, впослѣдствіи, сочли возможнымъ отдать въ распоряженіе одного изъ посольствъ, просившаго о рекомендаціи надежнаго агента.

Орлицкій остолбенѣлъ. Передъ нимъ раскрылась страшная правда — вотъ на чьи деньги издавался „Гейналъ"! Нѣкоторое время онъ простоялъ у ложи, какъ вкопанный, какъ будто провалился въ пропасть, изъ которой не видѣлъ выхода. А въ ложѣ въ это время заговорили уже о другомъ.

— А куда дѣвался нашъ молодой баронъ? Не танцуетъ ли онъ?—спросилъ П.

— Не видно. Очень милый, скромный и неглупый человѣкъ,—замѣтилъ Лещъ.—Только не знаю, изъ какихъ онъ Стронскихъ. Есть Стронскіе бароны, сколько мнѣ извѣстно.

Леонъ услышалъ это. Итакъ, интернаціоналистъ Стронскій тамъ, гдѣ ему было нужно, выдавалъ себя за барона. Но не въ этомъ теперь дѣло. Что̀ предпринять въ томъ ужасномъ положеніи, въ какое онъ самъ былъ поставленъ? Пойти, обличить Орьé публично и выгнать изъ этой залы? Но въ такомъ случаѣ и онъ публично скажетъ, что журналъ польской національно-соціалистической партіи издавался на его шпіонскія деньги!..

Орлицкаго, вдобавокъ, мучило опасеніе, что здѣсь, въ этой ложѣ, могли вѣдь и Стронскому разсказать правду о Монталамберѣ, когда онъ, Орлицкій, проходилъ подъ-руку съ этимъ сыщикомъ... Что это была правда, нельзя было сомнѣваться, такъ какъ Лещъ считался человѣкомъ серьезнымъ... А если Стронскій узналъ эту правду, то какое оружіе у него въ рукахъ!

Усилившійся шумъ въ буфетѣ заставилъ, наконецъ, Орлицкаго войти туда. Тамъ онъ увидѣлъ одного изъ своихъ товарищей, Ходзика, который былъ совершенно пьянъ и говорилъ чепуху, а Стронскій стоялъ передъ нимъ, задавалъ ему вопросы и потѣшался.

— Не стыдно ли вамъ,—обратился къ Стронскому Леонъ:—вѣдь вы видите, въ какомъ этотъ человѣкъ состояніи?!

— Какое же мнѣ дѣло? За него отвѣчаютъ, кто его сюда привелъ... Тотъ, кто въ польское общество вводитъ людей еще болѣе недостойныхъ...

Это былъ уже ясный намекъ на Монталамбера. Орлицкій окончательно потерялъ голову.

— Здѣсь не мѣсто,—сказалъ онъ и сдѣлалъ шагъ къ Стронскому, который отступилъ на бокъ.—Завтра я пришлю къ вамъ за объясненіемъ.

Утромъ Леонъ судорожно вскочилъ съ постели. Ему пришло на мысль, что въ бумагахъ его находится письмо Монталамбера, при которомъ этотъ шпіонъ разъ прислалъ ему деньги на квартиру. Онъ поспѣшно перебралъ бумаги... Письма не оказалось. Не было и списка подписчиковъ въ Царствѣ. Тогда ему припомнилось, что однажды онъ засталъ у себя Фарбаха, который, въ его отсутствіе, рылся въ его бумагахъ. Теперь этотъ списокъ долженъ уже былъ находиться гдѣ слѣдовало, и кто знаетъ, не были ли произведены у всѣхъ подписчиковъ обыски, не были ли иные изъ нихъ уже высланы въ восточныя губерніи, такъ какъ при этомъ случаѣ у нихъ могло быть найдено и еще что-нибудь, кромѣ „Гейнала".

Орлицкій рѣшилъ послать къ Стронскому секундантовъ. Пусть все выяснится и придетъ къ концу. Еще лучше было бы—не возвратиться съ поединка. Тоска, напрасныя усилія, несправедливость людей, разочарованіе... не стоило жить.

Секунданты Браумцвейгъ и Загурскій вернулись въ крайнемъ возбужденіи. Лицо Загурскаго было сине-багровое.

Войдя къ Леону, онъ крикнулъ:

— Вотъ подлость! Онъ отказался отъ поединка и говоритъ, мерзавецъ, что не можетъ драться ни съ вами, ни съ кѣмъ-либо изъ партіи, которая существовала... на шпіонскія деньги! Каковъ, шельмецъ!

Орлицкій взглянулъ на Браумцвейга, и по выраженію его лица угадалъ, что Стронскому было извѣстно все и что онъ не ограничился тѣмъ голословнымъ обвиненіемъ, какое передавалъ Загурскій. Очевидно, выкраденное Фарбахомъ письмо Монталамбера о деньгахъ было передано Стронскому, а о томъ, кѣмъ былъ Монталамберъ, Стронскій узналъ на балѣ отъ графа Леща, раньше еще, чѣмъ самъ Орлицкій.

Теперь все кончено.

— Ради Бога, скажите же что-нибудь, объяснитесь!—просилъ Браумцвейгъ.

И Леонъ объяснилъ имъ все съ полной откровенностью. Монталамбера онъ видѣлъ въ первый разъ на польскомъ празднествѣ въ залѣ географическаго общества, на которое тотъ былъ приглашенъ польскимъ комитетомъ, узналъ, что онъ—французскій полковникъ, слышалъ рѣчь его, проникнутую сочувствіемъ къ польскому дѣлу, за которое онъ, будто бы, самъ сражался. Потомъ Орлицкій былъ представленъ ему хозяиномъ коммиссіонной конторы, Квятковскимъ, былъ однажды съ Монталамберомъ у панны Вильгельмины Борманъ и слышалъ отъ него нѣсколько разъ предложеніе помогать деньгами польскимъ эмигрантамъ или ихъ патріотическому издательству. И вотъ, когда, по смерти Грегоржевскаго, издательство должно было пріостановиться, за неимѣніемъ средствъ, онъ, Орлицкій, не видѣлъ, почему нельзя было принять предложеніе Монталамбера, чтобы не только возобновить, но и расширить агитаціонное дѣло. А о томъ, что Монталамберъ былъ шпіономъ и давалъ не свои деньги, онъ, Орлицкій, узналъ только на балѣ отъ П. и Леща, послѣ Стронскаго.

Выслушавъ это признаніе, Загурскій молчалъ, а Браумцвейгъ, положивъ Леону руку на плечо, произнесъ, тономъ дружественнымъ, но съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ:

— Ну, теперь позвольте ужъ намъ исправить это дѣло.

Леонъ понялъ, что все значеніе его въ партіи съ этой минуты рушилось.

И вотъ, онъ снова подъѣзжаетъ къ русской таможенной границѣ. Теперь онъ ѣдетъ эмиссаромъ отъ того кружка, который, быть можетъ, распадется послѣ его отъѣзда. Въ карманѣ у него добытое Робéромъ французское свидѣтельство на проживаніе въ Россіи, выданное на имя Робéра. Большой чемоданъ съ брошюрами, накопившимися послѣ смерти Грегоржевскаго, оставленъ Орлицкимъ по той сторонѣ границы и будетъ пронесенъ контрабандою, а онъ самъ станетъ разносить ихъ по деревнямъ и фабрикамъ въ Царствѣ.

Стоитъ уже ноябрь. Изъ окна вагона виднѣются широкія равнины застывающаго въ холодѣ края. Въ одномъ вагонѣ съ Орлицкимъ опять сидитъ тотъ молодой русскій жандармскій офицеръ, который ѣхалъ съ нимъ, когда онъ отправлялся за границу. Жандармъ бросилъ на Леона проницательный взглядъ. Быть можетъ, узналъ его? Но когда возвращали паспорты, тотъ же офицеръ протиснулся изъ корридора, гдѣ стоялъ Орлицкій, и только сказалъ:

— Pardon!

Леонъ пошелъ пѣшкомъ въ мѣстечко, искать пристанища. Покамѣстъ онъ не несъ на себѣ мѣшка съ книгами. Но его давило бремя болѣе тяжелое, бремя неудачи, уязвленнаго самолюбія, ошибки, которой онъ сдѣлался жертвой и которая могла отозваться на судьбѣ нѣсколькихъ человѣкъ въ краѣ... Передъ его глазами чернѣла дорога, мѣстами обрамленная замерзшими уже полосками воды, какъ бѣлыми плёрёзами на траурной ткани.

Безлистныя деревья не подавали знака жизни, казалось, осужденныя на летаргію, которой не будетъ конца... Но онъ придетъ, этотъ конецъ. Соберется съ силами, просіяетъ и обогрѣетъ землю солнце, этотъ источникъ обновленія всей природы, эта свобода для воскресенія жизни. Листья пробьются снова изъ согрѣтыхъ вѣтвей... Прилетятъ теплые вѣтерки, согрѣются и вѣтры съ сѣвера, съ востока. Настанетъ лѣто—для всѣхъ... Сбудутся и ожиданія голодающихъ, и надежды притѣсненныхъ.

И Леону вспомнились слова Грегоржевскаго: „Зашумитъ лѣсъ".

Л. А—въ.

МИНИСТЕРСКАЯ
ПОЛЕМИКА

Изъ литературныхъ воспоминаній о гр. Дм. Андр. Толстомъ [1]).

Конецъ семидесятыхъ годовъ отличался замѣтнымъ общественнымъ и литературнымъ оживленіемъ, весьма похожимъ на нынѣшнее. Въ земскихъ собраніяхъ послышались новыя рѣчи; журналы и газеты также заговорили свободнѣе и стали касаться такихъ предметовъ, о которыхъ недавно еще и думать не смѣли: о правовомъ порядкѣ, о школьной системѣ, о дѣятельности III-го отдѣленія (которое вскорѣ затѣмъ было уничтожено или, вѣрнѣе, преобразовано въ особый департаментъ), объ административно-ссыльныхъ, о политическихъ процессахъ и т. п. Вообще, наступила передышка. Во главѣ печати сталъ человѣкъ просвѣщенный, отличавшійся широтою взглядовъ и терпимостью (Н. С. Абаза). Въ высшихъ сферахъ рѣзко обозначились два направленія: одно прежнее, ультра-реакціонное, а другое новое—прогрессивное. Старое, по обыкновенію, упиралось, продолжало пугать крамолой и кричать: „стой“, „тормази“, „задній ходъ!“—а новое говорило, что изъ этого не только ничего не выходитъ, но получаются еще какъ разъ обратные результаты. Особенно яркимъ примѣромъ этого было тогдашнее министерство народнаго просвѣщенія, во главѣ котораго стоялъ гр. Д. А. Толстой: тогдашніе гимназіи и университеты, съ ихъ необыкновенно душной атмосферой, строгостями и холоднымъ бездушіемъ, давали

[1]) Эта статья найдена въ бумагахъ покойнаго С. Н. Кривенка.—*Ред.*

именно только отрицательные итоги. Масса ежегодно исключаемой молодежи выходила въ жизнь измученной, издерганной, озлобленной и не знала, что̀ дѣлать. Родители съ ужасомъ смотрѣли на исковерканную жизнь и будущее своихъ дѣтей и все больше и больше говорили: вотъ кто настоящій поставщикъ недовольныхъ элементовъ, обращающихся къ пропагандѣ и революціонной дѣятельности! Наконецъ, начало это сознаваться кое-кѣмъ и въ высшихъ петербургскихъ сферахъ. А гр. Толстой не только не внималъ этимъ голосамъ и доводамъ жизни, не только не слушалъ родительскаго и дѣтскаго плача, но точно еще больше ожесточался въ своихъ мѣропріятіяхъ. Классическое образованіе, которое, не будучи классикомъ [1]), онъ съ такимъ усердіемъ насаждалъ,—какъ это прекрасно потомъ доказалъ гр. Капнистъ [2]),—было въ его рукахъ вовсе не средствомъ просвѣщенія, а чисто политическимъ орудіемъ умственной дисциплины или, вѣрнѣе систематическаго притупленія молодежи. Гимназисты должны были, по возможности, совсѣмъ не имѣть свободнаго времени для чтенія и самостоятельнаго умственнаго развитія, и должны были всѣ свои силы употреблять на зубрёжку, чтобы потомъ превращаться въ исполнительныхъ чиновниковъ. Классическіе языки должны были дисциплинировать ихъ умы и такъ обмозоливать ихъ головы, чтобы онѣ становились непроницаемыми для вредныхъ идей. Кромѣ того, будучи самъ захудалаго рода, онъ тѣмъ съ бо̀льшимъ усердіемъ придерживался аристократическихъ воззрѣній и не допускалъ слишкомъ большого количества образованнаго плебса, а потому обращалъ гимназію въ какой-то барьеръ или такое горнило, черезъ которое изъ низшихъ слоевъ могли проходить только особенно прочныя головы; все же остальное, что̀ не выдерживало искуса и ломалось, выбрасывалось какъ бракъ, какъ мусоръ. Вѣроятно, при этомъ ему рисовались, съ одной стороны, древнія Аѳины, а съ другой—Англія (съ ея герцогами, лэндлордами и джентри), къ которой былъ такъ неравнодушенъ и знаменитый его современникъ Катковъ.

Отсюда—ограниченіе пріема евреевъ, семинаристовъ и прочихъ незнатнаго происхожденія юношей въ университеты; отсюда—безжалостное вышвыриваніе дѣтей изъ гимназій не только за дурныя отмѣтки, но и за чисто дѣтскіе проступки и многое другое, что̀ укладывалось въ растяжимыя рамки „неодобрительнаго по-

---

[1]) Потомъ на это не разъ указывалось. Воспитывался онъ въ царскос. лицеѣ, гдѣ преподавался только одинъ латинскій языкъ.

[2]) Бывшій попечитель моск. учебн. округа, самъ большой сторонникъ классицизма, только вполнѣ раціонально поставленнаго.

веденія". Для такого рода дѣтей даже прогимназіи и реальныя училища (съ ихъ ограниченнымъ также курсомъ и правами) считались чуть не роскошью [1]). Педагогическій персоналъ, въ свою очередь подвергавшійся очисткѣ и подбору, не говоря уже о чехахъ, выписанныхъ на каѳедры древнихъ языковъ, никогда не блисталъ такимъ обиліемъ бездарностей и грубаго невѣжества, какъ въ то время. Достаточно сказать, что воздвигалось прямое гоненіе не только на современную литературу, но даже на естествознаніе, несмотря на то, что въ лучшихъ заграничныхъ классическихъ гимназіяхъ естествознанію отводилось почетное мѣсто. Это были не свѣточи, а настоящіе гасители истиннаго просвѣщенія и высшихъ духовныхъ стремленій юношества, которые даже изъ античнаго міра брали для своихъ коптильниковъ не лучшее масло, а мазутъ. Но все это—ничто, въ сравненіи съ грубымъ отношеніемъ къ личности учащихся и родительскимъ чувствамъ и правамъ. Поступленіе въ гимназію сопряжено было съ поклонами, такъ какъ частныхъ учебныхъ заведеній было очень мало и они лишь терпѣлись; а все время пребыванія въ гимназіи было безпрерывнымъ трепетомъ, какъ для самихъ учениковъ, такъ и для ихъ отцовъ и матерей. Съ послѣдними не разговаривали, а только вызывали ихъ, какъ въ участокъ, чтобы сказать: „вашъ сынъ дурно ведетъ себя и не можетъ быть терпимъ въ заведеніи"; или: „вашъ сынъ плохо учится, возьмите его,—иначе исключимъ". Тогда опять начинались унизительные поклоны и просьбы, а дома принимались разныя мѣры къ исправленію порочныхъ и нерадивыхъ, обращавшія и домашнюю жизнь въ какой-то адъ. Иногда родителямъ рекомендовались тѣлесныя наказанія, къ которымъ нѣкоторые изъ нихъ и прибѣгали; въ домахъ и квартирахъ ихъ производились обыски и провѣрка того, что̀ ихъ дѣти читаютъ; на нихъ кричали и топали ногами и т. д. Всѣ эти гнусности до такой степени срослись съ системой гимназическаго образованія, что долго продолжались и послѣ гр. Толстого. Исключенные и „добровольно вышедшіе" изъ гимназій переживали массу душевныхъ страданій и не знали, что̀ дѣлать, куда дѣваться. Часть шла въ юнкерскія, реальныя, желѣзнодорожныя и ремесленныя училища, другая — въ вольноопредѣляющіеся, въ почтово-телеграфную службу и т. п.; но за всѣмъ тѣмъ оставалось все-таки много такихъ, которые не находили мѣста и оказывались въ самомъ безвыходномъ положеніи.

---

[1]) Преемникъ гр. Толстого, И. Д. Деляновъ, также не жаловалъ „кухаркиныхъ дѣтей".

Удивительно ли, что при такихъ условіяхъ были случаи самоубійствъ и что случаи эти стали настолько часто повторяться, что о нихъ заговорили. Гимназіи, конечно, этихъ случаевъ не считали, какъ нѣкоторые грѣшники не считаютъ своихъ грѣховъ. Разъ воспитанники въ ихъ исходящихъ бумагахъ значились выбывшими изъ заведеній, то можно было говорить: „происходитъ это не у насъ, а на сторонѣ, и мы не знаемъ, да и не обязаны знать — по какимъ причинамъ мальчишки стрѣляются“... Но вотъ произошло нѣсколько самоубійствъ уже въ непосредственной и наглядной связи съ учебной жизнью и экзаменами, и тогда гр. Толстой напечаталъ въ „Прав. Вѣстникѣ“ свой знаменитый циркуляръ о неосторожномъ обращеніи съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, рекомендуя или, вѣрнѣе, предписывая родителямъ не давать ихъ дѣтямъ-гимназистамъ оружія. Такъ какъ все, очевидно, клонилось слишкомъ уже въ одну благопріятную для министерства сторону дѣтской неосторожности, то я и написалъ по этому поводу замѣтку, въ которой поставилъ вопросъ: отъ одного ли неосторожнаго обращенія съ оружіемъ происходятъ случаи самоубійствъ и не играютъ ли при этомъ также роли другія обстоятельства, вродѣ учебныхъ строгостей, трудности экзаменовъ и огромнаго количества ежегодно исключаемыхъ и по разнымъ другимъ причинамъ выходящихъ изъ гимназій до окончанія курса, при чемъ привелъ и соотвѣтствующія цифры. Цифры эти были очень значительны: въ 1873 г., напр., въ 123 гимназіяхъ и 44 прогимназіяхъ изъ общаго числа 41.712 воспитанниковъ было выключено и по другимъ причинамъ выбыло 10.792 чел., въ 1874 г.—9.162 чел. и т. д. А въ связи съ этимъ былъ поставленъ и другой вопросъ: „куда дѣвается вся эта несчастная почти десяти-тысячная масса ежегодно выбывающихъ и остается ли ей какое-нибудь мѣсто въ жизни для труда и самообразованія?“

Замѣтка была напечатана въ газетѣ „Русская Правда“. Это была очень хорошая газета, къ сожалѣнію, не долго просуществовавшая. Издавалъ ее Д. К. Гирсъ, человѣкъ несомнѣнно талантливый и хорошій. Я въ газетѣ не участвовалъ, но частенько заходилъ въ „дружественную редакцію“ по пути въ „Отеч. Записки“, гдѣ въ то время работалъ. Въ газетѣ, начиная съ самого Гирса [1]), принимали ближайшее участіе люди,

[1]) Гирсъ дебютировалъ въ „Отеч. Зап.“ началомъ прекраснаго большого романа „Старая и юная Россія“, съ которымъ, къ сожалѣнію, по разнымъ причинамъ, не справился и такъ его и не кончилъ.

такъ или иначе прикосновенные къ „Отеч. Запискамъ“: г.г. Протопоповъ (М. А.), Кулишеръ, Котелянскій и др.

Гр. Толстой, положеніе котораго тогда начинало обостряться, остался очень недоволенъ моею замѣткой: она, какъ говорится, попала не въ бровь, а прямо въ глазъ. Потомъ мы узнали, что кто-то (можетъ быть, кто-нибудь изъ высокопоставленныхъ родственниковъ Гирса, а можетъ быть и кто-нибудь другой) показалъ ее покойному государю Александру II-му, а тотъ, будто бы, въ очень рѣзкой формѣ выразилъ Толстому свое неудовольствіе. Такъ это было или нѣтъ—не знаю, но знаю только, что черезъ нѣкоторое время гр. Толстой прислалъ въ редакцію запросъ: кто авторъ статьи? — съ требованіемъ, чтобы послѣдній явился къ нему „для необходимыхъ объясненій“. Гирсъ вѣжливо, но съ достоинствомъ отвѣтилъ, что не имѣетъ права никому, кромѣ суда, называть авторовъ неподписанныхъ статей, но что передастъ автору о желаніи графа. Я отъ явки къ Толстому отказался, сказавъ, что пусть въ самомъ дѣлѣ онъ обращается къ суду съ своими претензіями. Гирсъ въ этомъ смыслѣ и отвѣтилъ. Черезъ нѣкоторое время отъ Толстого вновь пріѣхалъ какой-то чиновникъ съ тѣмъ же въ сущности требованіемъ, но въ болѣе вѣжливой формѣ: „графъ, молъ, желаетъ совмѣстно съ авторомъ выяснить нѣкоторыя недоразумѣнія и проситъ его пріѣхать“... Послѣ этого разговора Гирсъ пріѣхалъ ко мнѣ, а я пошелъ посовѣтоваться съ Г. З. Елисеевымъ и отъ него къ Гирсу. Елисеевъ, подсмѣиваясь надъ положеніемъ и домогательствами Толстого и надъ тѣмъ, какъ я отказываюсь (т. е. боюсь) отъ столь лестнаго знакомства, одно твердилъ: „Ни за что къ нему не ходите и себя не называйте. Есть законный путь,— пусть его и держится, а не требуетъ къ себѣ писателей, какъ какихъ-нибудь курьеровъ“. Придя къ Гирсу, я на минуту поколебался было въ своемъ рѣшеніи... Онъ ходилъ какой-то скучный по кабинету. Хотя мы по большей части также смѣялись надъ положеніемъ Толстого, представляя себѣ, какъ онъ можетъ провалиться на судѣ, но тотъ, повидимому, не желалъ доставить намъ этого удовольствія, а между тѣмъ не отставалъ. Переговоры тянулись, кажется, уже больше двухъ недѣль и были очень томительны; въ типографію и редакцію стали заходить какія-то темныя фигуры, которыя что-то разнюхивали; положеніе Гирса было не изъ пріятныхъ, и мнѣ было передъ нимъ неловко, тогда какъ поѣздка моя могла бы все это прекратить. Но съ другой стороны я думалъ: ну, зачѣмъ я поѣду? Мы—не дѣти. Толстой

знаетъ, что̀ дѣлаетъ, и я тоже знаю, что̀ дѣлаю. Ни онъ меня, ни я его не переубѣдимъ. О чемъ же намъ разговаривать?

— Мнѣ кажется,—сказалъ Гирсъ,—что онъ хочетъ, чтобы мы сами написали какую-нибудь поправку къ статьѣ.

— Мнѣ тоже кажется, — отвѣтилъ я,—но именно этого-то и не слѣдуетъ дѣлать.

— Почему-то,—продолжалъ Гирсъ,—очень его интересуетъ еще ссылка въ статьѣ на государственный контроль.

Тутъ нужно нѣкоторое поясненіе. Незадолго до этого эпизода я собирался писать статью по народному образованію для „Отеч. Зап.“ и говорилъ по этому поводу съ вышеупомянутымъ сотрудникомъ нашимъ Котелянскимъ, который, послѣ разговора, далъ мнѣ табличку съ цифрами учениковъ, исключаемыхъ и выходящихъ изъ гимназій до окончанія курса, полученную имъ отъ знакомыхъ изъ государственнаго контроля. Хотя цифры эти въ разрозненномъ видѣ появлялись и раньше въ газетахъ и въ календарѣ Суворина, но все-таки я ихъ провѣрилъ по „Журналу Мин. Нар. Просв.“, и такъ какъ онѣ оказались вѣрны, то, вводя ихъ въ замѣтку, напечатанную въ „Русск. Правдѣ“, не придалъ особаго значенія фразѣ „по свѣдѣніямъ госуд. контроля“. Между тѣмъ, фраза эта заинтриговала Толстого, у котораго въ то время были какіе-то счеты съ контролемъ. Контроль собирался *упостить* его какимъ-то нововведеніемъ, и очень вѣроятно, что онъ заинтересованъ былъ узнать—кто оттуда (а также и туда) сообщаетъ неблагопріятныя свѣдѣнія? Очень возможно, что пойди я къ нему, онъ поставилъ бы мнѣ этотъ вопросъ, и я очутился бы въ самомъ щекотливомъ положеніи, не имѣя ни права, ни желанія называть третьихъ лицъ. Къ тому же, въ это время бѣдный Котелянскій заболѣлъ тифомъ и умеръ. Словомъ, по разнымъ причинамъ, ѣхать къ Толстому было крайне непріятно. Впрочемъ, я предлагалъ Гирсу, что если онъ желаетъ, то я поѣду, но онъ категорически сказалъ, что вовсе этого не желаетъ и не находитъ нужнымъ, а скорбитъ только о положеніи русской печати и видитъ, какъ при такихъ условіяхъ трудно издавать газету. Не помню дальнѣйшаго теченія этой исторіи, но помню, что она продолжалась, что Толстой злился и на „Русскую Правду“, и на поддерживавшій ее „Голосъ“, и говорилъ, что такъ или иначе узнаетъ своихъ „благопріятелей“ (онъ подозрѣвалъ еще какихъ-то учителей); помню, что, узнавъ объ этомъ отъ С. Н. Терпигорева, я сообщилъ объ этомъ Гирсу и сказалъ, что если Толстой, уклоняясь отъ прямого пути, будетъ продолжать свои развѣдки административнымъ порядкомъ, то чтобы онъ отвѣтилъ,

что авторъ статьи умеръ, т.-е. что писалъ ее покойный Котелянскій. Кажется, въ концѣ концовъ, Гирсъ такъ и сдѣлалъ. И вотъ, черезъ нѣкоторое время, „Русская Правда" получила изъ министерства народн. просв. ругательнѣйшее опроверженіе, которое должна была напечатать въ № 20, 1879 г., „на основаніи ст. 44 прил. къ ст. 4 (примѣч.) уст. ценз. свод. зак. т. XIV, по прод. 1876 г.". Обширное опроверженіе это (3½ столбца) чрезвычайно интересно, какъ по ругательному тону и подтасовкѣ данныхъ, такъ и по тому, что ровно ничего не опровергло, а только подтвердило и даже усугубило еще то, что̀ мы говорили. Замѣтка моя обзывалась „неумѣлой", я обвинялся въ „непониманіи предмета", въ „навѣтахъ", въ „превратныхъ толкованіяхъ", въ „агитаціи" и прочихъ смертныхъ грѣхахъ. Но лучше всего я позволю себѣ привести нѣкоторыя наиболѣе характерныя выдержки изъ этого документа.

„Въ № 89 газеты „Русская Правда" за 1878 годъ превратно изложены и переданы распоряженія министерства народнаго просвѣщенія, обнародованныя въ „Правительственномъ Вѣстникѣ", касающіяся неосторожнаго обращенія съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, слишкомъ часто дозволяемаго иными родителями учащимся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. „Русская Правда" силится доказать, что означенныя распоряженія вызваны не предусмотрительностью учебнаго начальства, имѣющаго въ виду безопасность учащихся, но многочисленностью случающихся будто бы въ послѣдніе годы самоубійствъ; причемъ, съ цѣлью подтвердить свои догадки, „Русская Правда" сообщаетъ ложныя свѣдѣнія о ходѣ преподаванія и системѣ воспитанія въ училищахъ, не указывая другихъ источниковъ, откуда заимствованы эти свѣдѣнія, кромѣ „Календаря Суворина на 1879 годъ" и какихъ-то данныхъ, имѣющихся будто бы въ государственномъ контролѣ".

Затѣмъ, на основаніи „точныхъ (?) статистическихъ свѣдѣній, тщательно провѣренныхъ и напечатанныхъ въ свое время въ Журн. Мин. Нар. Просв.", а также на основаніи данныхъ, „извлеченныхъ изъ подлиннаго (?) дѣлопроизводства министерства", слѣдовало утвержденіе, что случаи самоубійствъ „между учениками гимназій чрезвычайно рѣдки", а именно „только 20 случаевъ въ теченіе семи лѣтъ". Невольно является вопросъ: если случаевъ этихъ было, дѣйствительно, такъ мало, то зачѣмъ понадобился циркуляръ, въ которомъ говорилось о самоубійствѣ? А это, видите ли, отъ избытка заботливости: чтобы, „исчисляя несчастные случаи" отъ неосторожнаго обращенія съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, указать „между прочимъ" родителямъ „и на

немногіе случаи самоубійства, совершаемые иногда даже несовершеннолѣтними“ подъ вліяніемъ „дикихъ порывовъ, минутнаго возбужденія или хронической меланхоліи“. Любопытно, что ниже министерство само говорило, что даже изъ 20 приведенныхъ имъ случаевъ только 3 произошло отъ неосторожнаго обращенія съ оружіемъ! Такъ вотъ, „исчисляя“ эти три случая, оно „между прочимъ“ упомянуло и объ остальныхъ... А виновато во всемъ этомъ было, конечно, огнестрѣльное оружіе, „слишкомъ часто дозволяемое (?) иными родителями учащимся“, или, лучше сказать, сами родители. Неужели это было не казуистикой, да еще не самой безцеремонной и беззастѣнчивой?! Мы уже указывали, что гимназіи не регистрировали случаевъ самоубійствъ послѣ выключенія учениковъ изъ своихъ списковъ, а еслибы онѣ это дѣлали, то, конечно, получили бы иныя цифры. Мы утверждали и продолжаемъ утверждать, что случаевъ самоубійствъ было гораздо больше. „Насъ поступило въ гимназію 53 чел.,—говорилъ, напр., недавно г. Петрищевъ.—Изъ нихъ получило аттестатъ зрѣлости 7, кончило самоубійствомъ 3“ [1]).

Далѣе, изслѣдуя причины самоубійствъ, министерство пришло также къ самымъ успокоительнымъ для себя выводамъ.

„Анатомическія изслѣдованія, тщательные разспросы и розысканія о семейной обстановкѣ погибшихъ, ихъ отношеніяхъ къ товарищамъ, преподавателямъ и начальству, произведенные при содѣйствіи прокуроровъ и судебныхъ слѣдователей, губернской полиціи и даже жандармскихъ управленій, убѣждаютъ, что причиною смерти было, въ большинствѣ случаевъ, давнее органическое разстройство здоровья, выражавшееся или постоянною меланхоліею и нелюдимостью, или нервною возбужденностью и крайне чувствительною впечатлительностью. Ближайшимъ же поводомъ къ катастрофамъ бывали иногда событія, тяжелымъ гнетомъ ложившіяся на нравственное состояніе молодого человѣка, но въ другихъ случаяхъ обстоятельства малозначащія. Изъ 20 случаевъ, вышеприведенныхъ, 3 случая произошли отъ шалости и неосторожнаго обращенія съ оружіемъ; 3 случая отъ семейнаго горя, каковы: переходъ отъ богатства и роскоши къ бѣдности, при физическомъ недостаткѣ (искривленная нога начинаетъ сохнуть), смерть нѣжно любимыхъ родителей, крайняя бѣдность родителей. Къ этой категоріи несчастій, послѣдовавшихъ отъ семейной обстановки, слѣдуетъ причислить утонувшаго въ виленскомъ учебномъ округѣ, въ 1875 году. Его смерть приписы-

[1]) „Изъ замѣтокъ школьнаго учителя“. „Русское Богатство“, № 11, 1904 г.

ваютъ, по догадкамъ, жестокому обращенію отца, его *истязаніямъ*, и неудачному экзамену, при переходѣ изъ III въ IV классъ гимназіи. Неуспѣхъ экзамена зависѣлъ не отъ строгости испытательной коммиссіи, но отъ слабыхъ способностей несчастнаго. Три случая самоубійства послѣдовали послѣ взысканія болѣе или менѣе строгаго, а именно: одинъ былъ назначенъ къ увольненію изъ гимназіи за дурное поведеніе; одинъ заключенъ въ карцеръ на одинъ часъ, и доведено до свѣдѣнія отца о его проступкѣ, ослушаніи инспектору; одинъ арестованъ въ классѣ на 3 часа... Причины смерти остальныхъ 8 человѣкъ (за исключеніемъ Познанскаго) не открыто никакой, кромѣ болѣзненнаго ихъ состоянія и постоянной меланхоліи".

Одинъ, напр., „былъ отъ природы калѣкою на правую руку и ногу", что̀ могло погружать его въ меланхолію, какъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда у трехъ юношей „искривленная нога начинала сохнуть"; а въ остальныхъ случаяхъ причинъ меланхоліи не было „открыто". Хотя „двое (изъ этихъ 8) считались учениками посредственными и были оставлены на второй годъ въ томъ же классѣ", но это, по мнѣнію министерства, едва ли могло имѣть вліяніе. Вообще, причиною самоубійствъ „въ большинствѣ случаевъ" была „постоянная меланхолія". Это было констатировано не только учебнымъ начальствомъ, но и судебн. слѣдователями, прокурорами, губернской полиціей и *даже* жандармскими управленіями. О врачахъ министерство не упоминало, вѣроятно, въ виду безусловной компетентности этихъ лицъ и учрежденій. Вообще, меланхолія была болѣзнью распространенной и чрезвычайно удобной для объясненій.

Затѣмъ, министерство говорило, что „Русская Правда" не имѣла ни повода, ни права выводить ошибочное заключеніе, что будто бы въ средѣ гимназистовъ *господствуетъ повальная болѣзнь* самоубійства". Такъ какъ „Русская Правда" о „повальности" самоубійствъ не говорила, то это было не больше какъ гиперболой или, попросту, ложью на газету. Выводъ же такой былъ сдѣланъ изъ моихъ словъ о томъ, что общество привыкло соединять случаи гимназическихъ самоубійствъ съ неудачно выдержанными экзаменами. „Если немногія, неизвѣстныя лица,— продолжало министерство,—дѣйствительно составили себѣ столь неправильное понятіе о воспитаніи въ гимназіяхъ, то потому очевидно, что... не читаютъ печатаемыхъ оффиціальныхъ отчетовъ по этому предмету", въ которыхъ не разъ указывалось, что „выпускные экзамены въ гимназіяхъ не представляютъ особаго затрудненія для большинства учащихся" и что въ общей сло-

жности не выдерживаютъ ихъ только „8 изъ 100 учениковъ". Кто же читалъ тогда оффиціальные отчеты и кто имъ вѣрилъ, когда у всѣхъ передъ глазами были совершенно другого рода факты? Министерство могло также утверждать, что при содѣйствіи „опытнѣйшихъ педагоговъ" оно будто бы достигло „во всѣхъ отношеніяхъ" такихъ результатовъ „благоустройства ввѣренныхъ ему учебныхъ заведеній", что „успѣхъ превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія"; но опять-таки кто же мало-мальски знакомый съ дѣломъ могъ безъ смѣха или безъ негодованія читать это беззастѣнчивое самохвальство? Наконецъ, въ „Русской Правдѣ" рѣчь шла вовсе не объ однихъ только выпускныхъ, а и о переводныхъ экзаменахъ, да и не объ однихъ только экзаменахъ, а объ учебной системѣ вообще. Само опроверженіе говорило, что „Русская Правда" просила министерство обратить вниманіе „на условія воспитанія, школьную дисциплину, обращеніе съ учениками, систему преподаванія, размѣры требованій, учебныя строгости, недопусканіе къ выпускному экзамену за малоуспѣшность въ ученіи и по нравственной незрѣлости и на исключеніе учениковъ изъ гимназій въ большихъ размѣрахъ". Вопросъ былъ поставленъ о цѣлой системѣ клиньевъ, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности и всѣ въ совокупности давили на гимназическую жизнь, и отвѣтить на этотъ вопросъ утвержденіемъ, что выпускныя испытанія зрѣлости настолько для большинства нетрудны, что ихъ не выдерживаютъ только 8 чел. изъ 100, значило въ сущности ничего не отвѣтить. Общество видѣло сотни и тысячи исключаемыхъ изъ гимназій, видѣло, какъ съ каждымъ годомъ, при переходахъ въ слѣдующіе классы, таетъ число учениковъ [1]), какъ аттестатъ зрѣлости получаютъ только 5—6 чел. изъ заведенія или только 3 и 2% изъ общаго числа учениковъ (а иногда, какъ въ 1873 г., и меньше 2%), оно, въ лицѣ родителей, само переживало учебную тяготу, а его увѣряли, что это ему только кажется.

„Въ подкрѣпленіе агитаціи, возбуждаемой противъ гимназической строгости,—продолжало министерство,—„Русская Правда" приводитъ числа учащихся за 1873, 1874, 1875 и 1877 годы, утверждая, что будто бы изъ общей массы ежегодно исключаются за лѣность или дурное поведеніе отъ 8 до 10 тыс. учениковъ, а кончаютъ курсъ не болѣе 700 или 1000 чел."... Необходимо

[1]) Напр.: въ началѣ 1874—5 учебн. года изъ общей цифры 44.138 гимназистовъ на I классъ приходилось 20,9%, на II кл. — 19,8%, а на VI кл.—уже только 5,7% и на VII съ двухгодичнымъ курсомъ 6,5%, т.-е. еще меньше на курсъ.

опять замѣтить, что „Русская Правда“ говорила вовсе не объ однихъ только исключаемыхъ, а и объ ученикахъ, по другимъ причинамъ выходящихъ изъ заведенiй до окончанiя курса, такъ что, вѣжливо выражаясь, тутъ опять была употреблена полемическая уловка? А затѣмъ, министерство не только не обнаружило *ошибочности* приведенныхъ цифръ, а напротивъ, только ихъ подтвердило и еще дополнило. И по его даннымъ, въ среднемъ за упомянутые 4 года, аттестатъ зрѣлости получили меньше чѣмъ по 1.000 чел. въ годъ, а въ 1873 г.—только 584 чел. (меньше, чѣмъ показано было въ „Русской Правдѣ“) и въ 1874 г. только 781 чел. „Число выбывшихъ изъ гимназiй и прогимназiй, по тѣмъ же свѣдѣнiямъ, простиралось въ 1873 г. до 10.792 чел., въ 1874 — 9.162, въ 1875 — 8.146, въ 1876 — 8.293 и въ 1877—8.861 чел.“ [1]), т. е. болѣе 8 — 10 тыс. ежегодно. За пять лѣтъ это составило 45.254 чел., при общемъ составѣ гимназiй отъ 42 до 50 тыс. чел. Посмотримъ теперь, какiя операцiи произвело министерство надъ этими цифрами. „По справедливости — читаемъ далѣе — *значительное большинство* этихъ учениковъ нельзя вовсе считать *выбывшими* изъ гимназiй, а именно: а) окончившихъ курсъ въ какой-либо прогимназiи и поступающихъ въ высшiе классы гимназiй, и б) переходящихъ по семейнымъ обстоятельствамъ изъ одной гимназiи или прогимназiи въ другую“. Тѣ и другiе вмѣстѣ составляли, по его разсчету, приблизительно 25% или даже нѣсколько больше. Зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, они значились въ отчетахъ не кончившими курсъ или перешедшими, а выбывшими? Это во-первыхъ, а во-вторыхъ, развѣ 25% могли составлять „значительное большинство“? Относительно „добровольно выбывающихъ“ и „добровольно переходящихъ“ изъ однѣхъ учебныхъ заведенiй въ другiя, какъ увидимъ ниже, допускались также значительныя неточности и умолчанiя или замѣна однихъ словъ и понятiй другими; но сначала посмотримъ, на какiя детальныя рубрики разбивались выбывающiе, чтобы показать, какъ мало было собственно исключаемыхъ.

„Подъ терминами *исключить, исключаемый*, подразумѣваютъ обыкновенно рѣдкiе случаи удаленiя изъ училища, за важные и непростительные проступки, съ воспрещенiемъ виновному поступать въ какое-либо другое учебное заведенiе. Въ 1875 г. такихъ случаевъ было 5 въ гимназiяхъ и прогимназiяхъ всѣхъ учебныхъ округовъ, въ 1876 г.—2 случая и въ 1877 г.—13, а не

[1]) „Русская Правда“, № 20, 1879 г. „Опроверженiе“.

8.000 и не 10.000 ежегодно, какъ ошибочно утверждаетъ „Русская Правда“. Сверхъ того, къ этому же разряду провинившихся можно присоединить уволенныхъ за неодобрительное поведеніе, но безъ лишенія права перехода въ другое учебное заведеніе. Таковыхъ насчитывалось въ 1875 г.—275 человѣкъ во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, въ 1876 г.—285 и въ 1877 г.—318, что̀ составляетъ не болѣе 5 или 6 человѣкъ изъ 1.000 учащихся. Если, наконецъ, къ этимъ числамъ присоединить еще и уволенныхъ по § 34 устава гимназій за безуспѣшность въ ученіи, которыхъ числилось въ 1875 г.—1.103, въ 1876 г.—997, а въ 1877 г.—1.195, что̀ не составляетъ даже 2 учениковъ изъ 100, то получимъ исключенныхъ и уволенныхъ за неодобрительное поведеніе и за слабые успѣхи въ ученіи, всѣхъ вмѣстѣ, въ 1875 г.—1.383 человѣка, въ 1876—1.284 и въ 1877—1.526, а не по 8.000 и не по 10.000 ежегодно, какъ утверждаетъ „Русская Правда“.

Прежде всего читатель могъ спросить: куда же дѣвались годы 1873 и 1874, на которыхъ главнымъ образомъ останавливалась „Русская Правда“, какъ на годахъ наибольшаго педагогическаго свирѣпства и наибольшаго количества такъ называемыхъ выбывшихъ? Очевидно, эти годы были не столь удачны для примѣра, какъ послѣдующіе. Затѣмъ, министерство продолжало: „очевидно, что „Правда“, по недоразумѣнію, за *исключаемыхъ* считала всѣхъ добровольно выбывшихъ до окончанія полнаго 8-лѣтняго гимназическаго курса“, какъ-то: окончившихъ прогимназіи и переходящихъ изъ одной гимназіи въ другую „или въ другія учебныя заведенія, какъ напр. ветеринарные институты, учительскіе институты, реальныя училища, военныя школы и т. п.“, а также „увольняющихся, по желанію родителей, для занятій хозяйствомъ и торговлею, для поступленія на службу военную или гражданскую, общественную или частную“ и т. д. По всей вѣроятности, министерство не представляло себѣ, какъ прекрасно всѣ знаютъ, что̀ значатъ эти *добровольные* переходы изъ гимназій въ реальныя и юнкерскія училища, всѣ эти увольненія, по желанію родителей, для занятій хозяйствомъ и торговлею, для поступленія на службу и т. д. Всѣ отлично знали, какъ вызывали родителей и говорили имъ: „возьмите вашихъ лѣнтяевъ, или исключимъ“. Были и еще увольнительныя рубрики—за невзносъ платы и по болѣзни. Но послѣднюю рубрику знаютъ и чиновники, какъ часто она вмѣстѣ съ домашними обстоятельствами имѣетъ совершенно иной смыслъ. Говорилъ о разстроенномъ здоровьѣ и самъ гр. Толстой, когда оставлялъ

министерскій постъ. Для чего же была вся эта ложь, для чего невѣроятная грубость и безсердечіе, доходившія до жестокости, прикрывались какимъ-то флеромъ внѣшняго приличія и казенной вѣжливости? Но возвратимся къ опроверженію, чтобы покончить съ нимъ.

Всѣ вышеуказанныя манипуляціи закончились слѣдующимъ утвержденіемъ министерства: „Около половины всѣхъ выбывающихъ, 45% или 48%, не прерываетъ ученія, но переходитъ по собственному желанію изъ одного учебнаго заведенія въ другое, около 14% поступаютъ на службу государственную или частную, около 19% выбываютъ безъ объясненія своихъ видовъ и намѣреній, около 2% умираютъ и до 17% увольняются по безуспѣшности въ ученіи или за неодобрительное поведеніе“.

Какъ былъ вычисленъ % переходящихъ въ учебныя заведенія другихъ вѣдомствъ—осталось совершенно неизвѣстнымъ. Всего вѣроятнѣе вычисленіе дѣлалось по прошеніямъ объ увольненіи, гдѣ высказывались желанія поступить туда-то, но такъ какъ желанія эти далеко не всегда осуществлялись, то тутъ могла получить мѣсто самая недостовѣрная статистика. Вопросъ о числѣ учениковъ, доходящихъ до выпускныхъ экзаменовъ, и о томъ, куда дѣваются выходящіе до окончанія курса, министерство назвало „совершенно празднымъ, давно уже разъясненнымъ въ отчетахъ министерства“,—между тѣмъ, когда пришлось говорить о маломъ числѣ учениковъ въ VIII классѣ, то прибѣгло не къ документальнымъ даннымъ, а къ слѣдующей приблизительной ариѳметической выкладкѣ: при 9-ти-классномъ (съ приготовительнымъ) курсѣ гимназій, на каждый классъ должно было бы приходиться по 11% учениковъ, но такъ какъ-де вообще во всѣхъ школахъ въ низшихъ классахъ учениковъ всегда бываетъ больше, чѣмъ въ высшихъ (часть остается на второй годъ, другая выходитъ, умираетъ и т. п.), то поэтому старшій классъ надо считать „втрое менѣе численностью противъ опредѣленной выше нормы“, а потому получимъ въ немъ „всего только $3\frac{1}{2}$% изъ общей массы учащихся, какъ въ дѣйствительности и выходитъ, приблизительно, по повѣркѣ“. Почему же средній классный составъ, т.-е. 11%, былъ раздѣленъ для VIII класса на 3, а напр. не на 2? Да очень просто почему: потому что такой дѣлитель соотвѣтствовалъ дѣйствительности.

Такъ вотъ съ какими опроверженіями приходилось имѣть дѣло нашей печати и не имѣть возможности отвѣчать на нихъ. Мало того, васъ еще ругали при этомъ и непремѣнно обвиняли въ неблагонадежности. Въ заключительныхъ строкахъ министерство

говорило, что статьи, подобныя опровергаемой, распространяя „ложные слухи и искаженныя свѣдѣнія", „волнуютъ и сбиваютъ съ толку родителей", а съ другой стороны „возбуждаютъ и возстановляютъ юношество" противъ учебныхъ заведеній, что газета, *присвоившая* себѣ имя „Русской Правды", не оправдывала этого названія, и что для того, „чтобы писать о предметѣ столь важномъ, какъ воспитаніе и образованіе юношества, надо имѣть понятіе о предметѣ, о которомъ пишешь, и быть способнымъ его понимать".

Откровенно говоря, ни я, ни другіе журналисты того времени (кромѣ развѣ „Моск. Вѣдомостей"), какъ, вѣроятно, и все общество, дѣйствительно, не понимали Толстого: прежде всего мы не видѣли въ немъ государственнаго ума, а видѣли человѣка узкихъ, реакціонныхъ взглядовъ, который былъ прямымъ порожденіемъ, а потомъ и однимъ изъ вдохновителей и двигателей реакціи противъ освободительныхъ реформъ.

Читая его литературные труды — „Исторію финансовыхъ учрежденій Россіи", „Le Catholicisme romain en Russie" и статьи по исторіи русскаго просвѣщенія, мы находили въ нихъ гораздо больше казенныхъ матеріаловъ, чѣмъ идейнаго содержанія и строго научной обработки, хотя въ нихъ онъ все-таки былъ понятнѣе и лучше, чѣмъ въ практической дѣятельности. Основательно забытыя теперь, произведенія эти все-таки могли служить для справокъ, при писаніи классныхъ сочиненій и спѣшномъ составленіи диссертацій тѣми изъ студентовъ, которые не любятъ первоисточниковъ; практическая же его дѣятельность могла и можетъ быть поучительной развѣ только въ отрицательномъ смыслѣ. Честолюбивый, властолюбивый, упорный и самонадѣянный, онъ брался рѣшительно за все, за что̀ можно было взяться [1]), садился даже сразу на два стула (синодальное и министерское), но нигдѣ не могъ создать ничего путнаго, за что̀ современники и потомство сказали бы спасибо. Онъ дѣлалъ одно, а выходило совсѣмъ другое: религіозные вопросы превращались въ полицейскіе, изъ просвѣщенія выходило умопомраченіе; проводя „принципъ сильной власти", никто такъ его не компрометировалъ и не создавалъ ему столько враговъ, какъ онъ, и т. д. Мы такъ привыкли къ этимъ несоотвѣтствіямъ, что перестали понимать даже его слова. Когда въ одной изъ своихъ

---

[1]) Онъ служилъ въ морскомъ вѣдомствѣ, занимался финансовыми вопросами, былъ оберъ-прокуроромъ св. синода и руководилъ духовными дѣлами, былъ министромъ нар. просв. и наконецъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

рѣчей онъ сказалъ (по поводу непониманія его обществомъ) фразу: „я скажу вамъ, м.м. г.г., одну французскую поговорку: нѣсть пророкъ въ отечествѣ своемъ“, то и при этомъ всѣ мы знали, что это вовсе не французская поговорка, а евангельское изреченіе... И дѣйствительность, и логика были, конечно, на нашей сторонѣ.

Какъ бы то ни было, но черезъ годъ (вначалѣ 1880 г.) настадъ и на нашей улицѣ праздникъ,—правда, кратковременный, но все-таки праздникъ: Толстой долженъ былъ оставить министерскій постъ и удалился отдыхать въ свое рязанское имѣніе. Помню, какъ вздохнула печать послѣ его удаленія; а отношеніе къ нему общества въ то время лучше всего выразилось въ томъ, что въ михайловскомъ земствѣ онъ былъ забаллотированъ даже въ гласные. Печать торжествовала и комментировала этотъ фактъ, при чемъ особенно отличался „Голосъ“. Говорили, что даже никогда не писавшій Краевскій самъ будто бы написалъ нѣсколько торжествующихъ строкъ. Ближайшее будущее показало, какъ мы были легковѣрны и какъ рано отпраздновали побѣду: въ маѣ 1882 г. Толстой былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и началъ полемизировать съ нами иначе. „Русской Правды“ тогда уже не было, а потому вниманіе его сосредоточилось на „Голосѣ“. Положеніе „Голоса“ въ то время было очень видное. Если передовая интиллигенція относилась къ нему неодобрительно за его вилянье, то большинство общества находило въ немъ выраженіе своихъ взглядовъ и интересовъ. Къ нему примыкали профессора (А. Градовскій, Бильбасовъ и др.), его читала буквально вся высшая администрація, у него были „связи“. Кары начались не сразу, а исподволь, какъ бы не по старымъ счетамъ, а по справедливости, но затѣмъ стали увеличиваться. Помню, какъ говорилось, что „Голосъ“ трудно закрыть, что Толстой не осмѣлится этого сдѣлать, такъ какъ это значило бы вовстановить противъ себя не только общество, но и всѣ петербургскія бюрократическія сферы, и что наконецъ „Голосъ“ представляетъ такую имущественную цѣнность, съ которою связано столько матеріальныхъ интересовъ, что раздавить и уничтожить все это не такъ-то легко. Но Толстой не посмотрѣлъ на все это и, наигравшись какъ кошка съ мышью, въ 1883 г. закрылъ „Голосъ“. А въ началѣ 1884 г. были закрыты „Отеч. Записки“ и „Дѣло“. Хотя „Отеч. Записки“ въ редакціонномъ отношеніи стояли совершенно независимо, но издателемъ ихъ былъ все-таки Краевскій, такъ что закрытіемъ ихъ былъ нанесенъ первый ударъ

опять ему же, а второй—ненавистнымъ журналистамъ съ Салтыковымъ во главѣ. Услужливый г. Плеве, бывшій тогда директоромъ департамента государственной полиціи, предлагалъ Толстому сдѣлать у Салтыкова обыскъ, но графъ былъ великодушенъ и отклонилъ это предложеніе. Вотъ что̀ онъ разсказывалъ по этому поводу сосѣду своему по имѣнію, г. Худекову, когда тотъ спросилъ его: правда ли, что Салтыкова хотѣли въ то время выслать?

— Зачѣмъ его высылать? — говорилъ гр. Толстой. — Чтобы сдѣлать его мученикомъ, яко бы пострадавшимъ за правду? Чтобы разные подпольные писаки имѣли случай окружить его ореоломъ страданій? Онъ совершенно безвреденъ, когда у него нѣтъ въ рукахъ журнала для пропаганды нелѣпыхъ теорій и бредней. Плеве предлагалъ мнѣ сдѣлать у него обыскъ, но и это даже я отклонилъ. Увѣренъ, что равнодушіе мое больше всего и бѣситъ Салтыкова. Безъ журнала — онъ безъ рукъ, а безъ рукъ онъ безсиленъ...

М. Е. Салтыковъ былъ дѣйствительно огорченъ, но совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ думалъ гр. Толстой: онъ былъ огорченъ произволомъ и неправдой, благодаря которымъ былъ закрытъ журналъ, а также тѣмъ, что сотрудники его пострадали больше, чѣмъ онъ. Послѣднее весьма характерно для Салтыкова. Зато имя его и при жизни, и послѣ смерти окружено было ореоломъ общественнаго почета и теперь вспоминается не иначе, какъ съ чувствомъ глубочайшаго уваженія.

Послѣ расправы съ печатью, доходившей до того, что гр. Толстой хотѣлъ даже своего знаменитаго однофамильца — Льва Николаевича—упрятать въ монастырь [1]), онъ занялся урѣзываніемъ земскаго и городского самоуправленія, институтомъ земскихъ начальниковъ и прочими реформами, которыя, при благосклонномъ участіи Плеве и другихъ его единомышленниковъ, привели Россію къ нынѣшнему ея положенію.

С. К.

---

[1]) Какъ извѣстно, онъ дѣлалъ по этому поводу представленіе Государю, но представленіе это не было одобрено.

ВЪ
ІЮЛѢ МѢСЯЦѢ

Разсказъ Германа Гессе.

Diesseits. Erzählungen von Hermann Hesse. Berlin. S. Fischer. 1907.

Усадьба Эрленгофъ была расположена невдалекѣ отъ лѣса и горъ среди высокой равнины. Передъ домомъ разстилалась обширная, усыпанная крупнымъ пескомъ, площадка, примыкавшая къ дорогѣ, и въ яркій солнечный день она до того ослѣпляла глаза и казалась раскаленною, что страшно было ступить на нее.

Эта площадь отдѣляла домъ отъ парка—весьма обширнаго, шедшаго въ глубину, съ чудными стройными кленами, вязами, платанами, извилистыми дорожками, молодою зарослью ельника и скамейками для отдыха. Тамъ и сямъ виднѣлись свѣтлые, озаренные солнцемъ островки дерна; иные изъ нихъ были украшены клумбами цвѣтовъ, иные пустовали, и на этомъ свѣтломъ и тепломъ зеленомъ фонѣ поразительно выдѣлялись стоявшія по одиночкѣ два большихъ дерева.

Одно изъ нихъ была ива. Вокругъ ея ствола шла узкая скамейка, а длинныя, нѣжно шелковистыя, усталыя вѣтви висѣли такъ низко и были такъ густы, что онѣ образовали родъ шатра или храма, гдѣ, несмотря на постоянную тѣнь и полумракъ, всегда ощущалась нѣжащая теплота.

Другое отдѣленное отъ ивы зеленою лужайкою дерево былъ колоссальный красный букъ. Если стать подъ нимъ и посмотрѣть вверхъ—листва наружныхъ его вѣтвей, пронизанная солнечными лучами, словно горѣла тихимъ мягкимъ багрянцемъ, торжествен-

нымъ ровнымъ сіяніемъ, какое вливается въ окна церкви. Старый букъ былъ достопримѣчательностью и украшеніемъ сада, его можно было видѣть отовсюду; его твердая, мощная, красиво закругленная вершина поднималась въ голубомъ небѣ, подобно воздушной башнѣ, и чѣмъ свѣтлѣе и ослѣпительнѣе была небесная лазурь, тѣмъ чернѣе и торжественнѣе казалась вершина. Сообразно съ погодою и порою дня—букъ мѣнялъ свое выраженіе: иногда видно было, что, сознавая свою красоту, онъ гордо глядитъ черезъ головы остальныхъ деревьевъ; порою, наоборотъ, онъ словно сознавалъ свое одиночество, чувствуя, что здѣсь нѣтъ ему равнаго, и съ мольбою простиралъ вѣтви къ другимъ деревьямъ. Всего прекраснѣе онъ бывалъ по утрамъ и на закатѣ; онъ весь рдѣлъ въ пурпурномъ огнѣ, и когда онъ угасалъ, вокругъ него становилось особенно темно.

Вообще въ паркѣ попадались замѣчательныя группы деревьевъ различныхъ породъ; видно было, что онъ разбивался по художественно составленному плану, деревья тщательно подстригались, но съ теченіемъ времени, когда у людей уже не стало возможности ухаживать за ними, имъ предоставили свободу, и они, заключивъ между собою тѣсный дружескій союзъ, переплелись вѣтвями. Прямолинейныя дорожки поросли травою, корни расползлись во всѣ стороны, и когда у людей снова нашелся досугъ, паркъ уже превратился въ лѣсъ. На этотъ разъ владѣльцы ограничились подчисткою; кое-гдѣ были возстановлены прежнія аллеи, устроены скамьи. Заглохшая чаща стала паркомъ, доступнымъ для солнца и вѣтра; тамъ распѣвали птицы, и люди могли предаваться своимъ мыслямъ, мечтамъ и удовольствіямъ.

Пауль Абдереггъ лежалъ въ полутѣни между лѣсочкомъ и лужайкою; въ рукахъ онъ держалъ книгу въ бѣломъ съ краснымъ переплетѣ. По временамъ онъ прерывалъ чтеніе и слѣдилъ взоромъ за рѣявшими надъ травою стрекозами. Онъ остановился на томъ мѣстѣ, гдѣ Фритіофъ уходитъ въ море, Фритіофъ-влюбленный, Фритіофъ-разбойникъ, Фритіофъ-изгнанникъ изъ отчизны. Съ гнѣвомъ и раскаяніемъ въ сердцѣ плыветъ онъ по бурному морю; онъ стоитъ у руля, буря и волны готовы побѣдить быстроходное судно, а горькая тоска по отчизнѣ удручаетъ отважнаго рулевого.

На лужайкѣ, подъ сильнымъ пригрѣвомъ, высоко и рѣзко пѣли стрекозы, а въ сумракѣ лѣса — нѣжнѣе и глубже распѣвали птицы. Въ этомъ сплетеніи звуковъ, ароматовъ и солнеч-

ныхъ лучей чудесно было лежать, растянувшись въ травѣ, глядѣть, прищурившись, въ жаркое небо, или потягиваться съ закрытыми глазами, ощущая всѣмъ своимъ тѣломъ благотворное тепло. Но Фритіофъ уже вышелъ въ море, а завтра пріѣзжаютъ гости, и если сегодня онъ не дочитаетъ книги до конца, повторится то же, что̀ было въ прошломъ году. Тогда онъ также лежалъ здѣсь и читалъ сагу о Фритіофѣ, и также пріѣхали гости, и чтенію наступилъ конецъ. А въ городѣ онъ, ходя въ школу, постоянно думалъ, въ промежуткахъ между Гомеромъ и Тацитомъ, о начатой книгѣ и о томъ, что̀ случится съ героемъ.

Онъ ревностно принялся читать вполголоса; надъ нимъ шелестѣлъ въ вершинахъ вязовъ легкій вѣтерокъ, пѣли птицы, жужжали пчелы и мошкара.

Когда онъ наконецъ захлопнулъ книгу, дочитавъ ее до конца, и вскочилъ на ноги, по лужайкѣ уже стлались тѣни и вечеръ угасалъ въ ярко-красномъ небѣ.

Усталая пчела усѣлась у него на рукавѣ и позволила нести себя; стрекозы все еще пѣли.

Пауль быстро зашагалъ между кустами къ дому. На него пріятно было смотрѣть; въ шестнадцать лѣтъ онъ былъ силенъ и строенъ, голова его съ задумчивыми глазами была опущена: судьба сѣвернаго героя повергла его въ раздумье.

Лѣтняя столовая, бывшая въ сущности террасою съ одною стѣною изъ стеколъ, находилась позади дома „у озера", какъ всѣ называли продолговатый прудъ, лежавшій между грядами, фруктовыми шпалерами, куртинами цвѣтовъ. Лѣстница, ведшая въ садъ, была убрана пальмами и олеандрами, но въ общемъ, все имѣло скорѣе уютный, нежели величественный видъ.

— Итакъ, завтра пріѣзжаютъ гости, — сказалъ отецъ, — ты радъ, Пауль?

— Ничего себѣ.

— Но не то чтобы очень? Ничего съ этимъ не подѣлаешь. Домъ и садъ слишкомъ велики для насъ двоихъ. Какой же въ нихъ прокъ? Усадьбы и дачи для того и существуютъ, чтобы туда съѣзжались люди повеселиться и отдохнуть, и чѣмъ больше— тѣмъ лучше. А притомъ, ты являешься со значительнымъ опозданіемъ. Супъ уже убрали.

Онъ обернулся къ учителю.

— Многоуважаемый, почему васъ никогда не видать въ саду? Я думалъ, что вы обожаете жизнь на лонѣ природы.

Г. Гомбургеръ наморщилъ лобъ.

— Быть можетъ, вы и правы. Но я хотѣлъ бы воспользоваться каникулами для моихъ личныхъ занятій.

— Честь вамъ и слава. Когда вы прославитесь на цѣлый міръ, я прикажу прибить подъ вашимъ окномъ дощечку, на которой будетъ вырѣзанъ годъ вашего рожденія. Надѣюсь дожить до этого дня.

Учитель придалъ своему лицу высокомѣрное выраженіе.

— Вы слишкомъ преувеличиваете мое честолюбіе. Мнѣ все равно: станетъ ли извѣстнымъ мое имя или нѣтъ? Что же касается дощечки...

Тетка сочла умѣстнымъ выступить на защиту кандидата. Она знала привычку хозяина дома къ этимъ вѣжливымъ діалогамъ и опасалась ихъ. Предлагая вина, она постаралась дать разговору другое направленіе.

Говорили главнымъ образомъ объ ожидавшихся гостяхъ. Пауль почти не слушалъ. Онъ кушалъ съ аппетитомъ и спрашивалъ себя: почему рядомъ съ его сѣдобородымъ отцомъ молодой учитель всегда кажется старшимъ?

Садъ, деревья, прудъ и небо, видимые изъ оконъ и балконныхъ дверей, стали измѣняться; по нимъ пробѣжалъ первый трепетъ надвигающейся ночи. Кусты почернѣли, а деревья, вершины которыхъ перерѣзывали далекую линію холмовъ, приняли какія-то невиданныя днемъ очертанія и тянулись съ безмолвною страстностью къ поблѣднѣвшему небу. Разносторонній ландшафтъ потерялъ свой мирный, пестро оживленный характеръ и сомкнулся въ плотную темную массу. Далекія горы выступили еще рѣзче и опредѣленнѣе. У оконъ дневной свѣтъ слабо боролся съ огнемъ зажженной лампы.

Пауль стоялъ у открытой стеклянной двери, но не думалъ о томъ, чтò видѣлъ. Наступала ночь, но онъ не чувствовалъ красоты этого часа, такъ какъ былъ еще слишкомъ юнъ и жизнерадостенъ. Онъ думалъ о ночи у сѣвернаго моря, о Фритіофѣ. На берегу, среди черныхъ деревьевъ, пылаетъ храмъ, о скалы разбиваются волны и отражаютъ красное зарево, во тьмѣ несется на всѣхъ парусахъ корабль викинга...

— Ну, Пауль,—спросилъ отецъ, — чтò ты читалъ сегодня?

— „Фритіофа“.

— Значитъ, его еще до сихъ поръ читаетъ молодежь? Чтò вы объ этомъ думаете, г. Гомбургеръ? Какого вы нынче мнѣнія о старикѣ Тегнерѣ? Существуетъ онъ или не существуетъ?

— Онъ умеръ, г. Абдереггъ.

— Охотно этому вѣрю. Онъ былъ мертвъ уже въ ту пору,

когда я читалъ его. Я хотѣлъ спросить: въ модѣ онъ теперь или нѣтъ?

— Чрезвычайно сожалѣю, но я ничего не могу сказать о модахъ. Что же касается научно-эстетической оцѣнки...

— Я вотъ именно это и хотѣлъ сказать. Итакъ, съ научной точки зрѣнія...

— Исторія литературы, къ сожалѣнію, еще причисляетъ вышеупомянутаго Тегнера къ именамъ. Онъ былъ, какъ вы правильно выразились, въ модѣ. Но теперь — для насъ по крайней мѣрѣ—онъ не существуетъ. Онъ кажется намъ не настоящимъ, мелкимъ, слащавымъ...

Пауль быстро обернулся.

— Этого не можетъ быть, г. Гомбургеръ!

— Смѣю спросить: почему?

— Потому что это прекрасно, истинно прекрасно!

— Вы полагаете? Если вы такъ твердо въ этомъ убѣждены, вамъ остается только поучать другихъ. Но, какъ видите, Пауль, ваше сужденіе идетъ на этотъ разъ въ разрѣзъ съ эстетикой. Съ Өукидидомъ у васъ было какъ разъ наоборотъ: наука находитъ его прекраснымъ, а вы—ужаснымъ. Что же касается „Фритіофа"...

— Но вѣдь онъ не относится къ наукѣ.

— Нѣтъ ничего, что̀ не имѣло бы отношенія къ наукѣ. Но вы позволите мнѣ удалиться, г. Абдереггъ?

— Уже?

— Мнѣ хотѣлось бы позаняться.

— Жаль, мы только-что разговорились. Но свобода—прежде всего. Итакъ, доброй ночи.

Г. Гомбургеръ, сохраняя, насколько возможно, свою неподвижность, учтиво поклонился и безшумно исчезъ въ глубинѣ коридора.

— Значитъ — старый разсказъ о похожденіяхъ понравился тебѣ, Пауль?—засмѣялся отецъ:—въ такомъ случаѣ пускай наука не портитъ тебѣ впечатлѣнія. Надѣюсь, что ты не вздумалъ разсердиться?

— Конечно нѣтъ. Но, знаешь, я все же надѣялся, что г. Гомбургеръ не поѣдетъ съ нами на дачу. Вѣдь ты говорилъ, что мнѣ незачѣмъ зубрить и корпѣть надъ книгами во время каникулъ.

— Такъ оно и будетъ, можешь радоваться. А г. Гомбургеръ не съѣстъ тебя.

— Но почему ты пригласилъ его?

— Видишь ли, Пауль, куда же ему было дѣваться? Тамъ, гдѣ онъ живетъ, ему не особенно хорошо. А здѣсь — и мнѣ удовольствіе. Я люблю поговорить съ умными людьми, все чему-нибудь да научишься...

— У тебя, папа, никогда не разберешь: серьезно ты говоришь или шутишь?

— Учись разбирать, сынъ мой. Это пригодится тебѣ въ жизни. А теперь мы немножко поиграемъ, не правда ли?

Пауль радостно потащилъ отца въ сосѣднюю комнату: тотъ не часто самъ предлагалъ ему поиграть. И это не было удивительно, такъ какъ онъ игралъ артистически, и рядомъ съ нимъ исполненіе Пауля казалось ученическимъ.

Тетя Грета осталась одна.

Отецъ и сынъ принадлежали къ тѣмъ музыкантамъ, которые не любятъ, чтобы слушатели торчали у нихъ передъ глазами, но зато охотно играютъ для невидимой публики, и тетя Грета это знала. Какъ же ей было не знать этого? Отъ нея не могла ускользнуть ни малѣйшая черта характера ихъ обоихъ, такъ какъ она, живя здѣсь въ домѣ, уже много лѣтъ окружала ихъ заботливостью и любовью, привыкнувъ смотрѣть на того и на другого, какъ на дѣтей.

Она сидѣла, отдыхая въ складномъ креслѣ, и прислушивалась. Они играли увертюру въ четыре руки, слышанную ею, конечно, много разъ, но названія которой она не помнила, несмотря на то, что очень любила музыку. Она знала, что, по окончаніи, старикъ или молодой непремѣнно спросятъ: — А что̀ мы такое играли, тетя?—И она скажетъ:—Это былъ Моцартъ!—Или:—Это изъ „Карменъ“,—и они станутъ потѣшаться надъ нею. Такъ всегда бывало.

Она слушала и улыбалась, откинувшись на спинку кресла. Жаль, что никто не могъ этого видѣть, такъ какъ улыбка ея была настоящая, прекрасная, Богомъ данная улыбка. Музыка была чудесная и чрезвычайно ей нравилась, но слушала она не одну только увертюру, хотя и старалась слѣдить за нею. Сначала она попробовала угадать: кто играетъ primo, кто—secundo? и вскорѣ ей стало ясно, что въ дискантахъ играетъ не Пауль. Не то чтобы онъ имѣлъ привычку барабанить, но верхній голосъ звучалъ такъ свѣтло, смѣло, и выражалъ такую глубину чувства, какая не подъ силу ученику. Тетя ясно представляла себѣ всю сцену; она видѣла ихъ сидящими за рояломъ: при самыхъ замѣчательныхъ мѣстахъ отецъ любовно улыбается, а Пауль полуприподнимается на табуреткѣ—съ горящими глазами и полуоткры-

тыми губами. При особенно веселыхъ, граціозныхъ пассажахъ онъ бываетъ готовъ разсмѣяться, но отецъ корчитъ комически-грозное лицо или дѣлаетъ такое забавное движеніе рукою, что постороннему зрителю трудно бываетъ удержаться отъ смѣха. Чѣмъ дальше подвигалась увертюра, тѣмъ отчетливѣе видѣла ихъ передъ собою тетя Грета, тѣмъ яснѣе читала она впечатлѣніе, вызванное музыкою на ихъ возбужденныхъ лицахъ. Въ быстромъ темпѣ увертюры передъ нею развертывалась цѣлая пьеса жизни, любви и пониманія.

Наступила ночь; всѣ попрощались другъ съ другомъ и разошлись по своимъ комнатамъ. То здѣсь, то тамъ слышался стукъ затворяемой двери или окна. Затѣмъ все стихло. Все, что въ деревнѣ понятно само собою, кажется горожанамъ какимъ-то чудомъ. Человѣка, пріѣхавшаго къ себѣ въ усадьбу или въ деревенскій домъ, эта глубокая тишина охватываетъ какимъ-то особымъ роднымъ очарованіемъ, близостью мирной пристани, какъ только онъ останавливается у окна въ первый вечеръ по пріѣздѣ, или ложится въ постель. Ему кажется, что онъ приблизился къ настоящему, здоровому, — и онъ уже ощущаетъ дуновеніе вѣчности.

Полной тишины не бываетъ. Она полна звуковъ, но это — темные, заглушенные, таинственные звуки ночи, между тѣмъ какъ въ городахъ ночной шумъ обидно мало отличается отъ дневного.

Ночные звуки — кваканье лягушекъ, шелестъ деревьевъ, плескъ ручья, хлопанье крыльевъ ночной птицы. А если раздастся стукъ колесъ запоздавшаго экипажа или залаетъ дворовый песъ — это прозвучитъ желаннымъ привѣтомъ жизни и величаво поглотится широкимъ просторомъ, какъ бы растаявъ вь воздухѣ.

Человѣкъ, привыкшій къ житейской суетѣ и тревогѣ, прислушиваясь къ этой тишинѣ, глубоко ощущаетъ присутствіе ночи — утѣшительницы и царицы, черпающей изъ неистощимыхъ источниковъ отдыхъ, утѣшеніе, мечты, забвеніе и новыя силы, ниспосылаемыя ею людямъ.

У молодого учителя еще горѣла свѣча, онъ тревожно и устало шагалъ по комнатѣ; онъ прозанимался весь вечеръ до полночи.

Въ сущности Гомбургеръ былъ не то, чѣмъ онъ хотѣлъ казаться: не мыслитель и не человѣкъ науки. Но онъ обладалъ извѣстными дарованіями и молодостью, и потому не чувствовалъ недостатка въ идеалахъ.

Въ настоящее время его занимали разныя книги, въ которыхъ изумительно ловко приспособляющіеся юноши воображали, что они работаютъ надъ сооруженіемъ новаго культурнаго зданія, между тѣмъ какъ они въ мягкомъ, благозвучномъ стилѣ воровали то у Ницше, то у Рёскина многое изъ плохо лежащихъ мелкихъ драгоцѣнностей. Эти книжки были гораздо интереснѣе и доступнѣе самихъ Рёскина и Ницше; онѣ отличались кокетливою граціей и величіемъ въ маломъ, и щеголяли гордымъ блескомъ. Тамъ, гдѣ шло дѣло о мощномъ порывѣ, сильныхъ словахъ и страсти—онѣ цитировали Данте и Заратустру.

Вотъ почему чело Гомбургера было омрачено и походка его—развинчена, словно онъ прошелъ громадное пространство. Онъ чувствовалъ, что надо пробить брешь въ окружающихъ его стѣнахъ повседневной пошлости, идти на ряду съ пророками, носителями новаго счастья. Красота и геній—разольются кругомъ, и при каждомъ шагѣ въ этотъ новый міръ—во всѣ стороны полетятъ брызги мудрости и поэзіи.

Передъ окнами его разстилалось усѣянное звѣздами небо, несущіяся облака, задумчивый паркъ, дышащее во снѣ поле и вся красота природы. Она ждала, чтобы онъ подошелъ къ окну и поглядѣлъ на нее. Она ждала его для того, чтобы влить ему въ душу тоску по родинѣ, освѣжить его глаза, развязать крылья души его.

Но онъ легъ въ постель, придвинулъ лампу и продолжалъ читать.

Пауль загасилъ огонь, но не спалъ, а сидѣлъ въ рубашкѣ на окнѣ и любовался спокойными вершинами деревъ. Онъ забылъ о „Фритіофѣ". Онъ не думалъ ни о чемъ опредѣленномъ, но просто наслаждался позднимъ часомъ, и это живое чувство наслажденія отгоняло сонъ. Какъ прекрасны были звѣзды въ темномъ небѣ! И какъ чудно игралъ сегодня отецъ! И какимъ сказочно-тихимъ казался во мракѣ садъ!

Лѣтняя ночь нѣжно охватывала юношу; она шла ему на встрѣчу, она освѣжала все, что̀ еще горѣло и пылало въ немъ. Она незамѣтно уносила избытокъ его несдержанной юности, покуда взоръ его не сталъ спокойнѣе и виски не остыли, а затѣмъ она съ улыбкою заглянула ему въ глаза, какъ добрая мать.

Онъ пересталъ сознавать, кто глядитъ ему въ очи; онъ лежалъ въ постели и засыпалъ, глубоко дыша и бездумно глядя въ тихіе глаза ночи, въ зеркалѣ которыхъ отражались *вчера* и *сегодня*—въ сказочныхъ, чудесно переплетенныхъ между собою образахъ.

Погасъ огонь и въ окнѣ кандидата. Случайный прохожій могъ бы ощутить вмѣстѣ съ тоскою по родинѣ чувство легкой зависти при видѣ объятаго дремотою дома и парка. И еслибы онъ былъ безпріютнымъ, неимущимъ борцомъ, онъ могъ бы безъ колебанія войти въ незапертую калитку сада и расположиться для ночлега на первой попавшейся скамьѣ.

Поутру противъ своего обыкновенія кандидатъ поднялся на этотъ разъ раньше всѣхъ, но отъ этого онъ не сталъ веселѣе. Отъ долгаго чтенія при лампѣ у него разболѣлась голова, а когда онъ наконецъ погасилъ ее, постель оказалась такою разрытою и нагрѣтой, что заснуть не представлялось возможности, и онъ всталъ не выспавшись, съ утомленными глазами.

Онъ ощущалъ яснѣе, чѣмъ когда-либо, необходимость въ новомъ возрожденіи, но не стремился продолжать свои занятія, а почувствовалъ, наоборотъ, потребность въ свѣжемъ воздухѣ. Поэтому онъ вышелъ изъ дому и отправился въ поле.

Повсюду крестьяне были уже за работою; они мелькомъ и, какъ ему показалось, насмѣшливо посмотрѣли вслѣдъ задумчиво шагавшему юному мыслителю. Это обидѣло его, и онъ поспѣшилъ дойти до ближайшаго лѣса, сулившаго ему отдыхъ, прохладу и кроткій полумракъ. Онъ проходилъ тамъ съ полчаса, чувствуя внутреннюю пустоту, и затѣмъ принялся соображать: скоро ли можетъ быть кофе? Онъ повернулъ назадъ и быстро прошелъ мимо неутомимыхъ крестьянъ по полямъ, уже пригрѣтымъ солнцемъ.

У дверей ему пришло, однако, въ голову, что неприлично такъ спѣшить къ завтраку; поэтому онъ, сдѣлавъ надъ собою усиліе, свернулъ въ аллею и прошелъ по ней размѣреннымъ шагомъ для того, чтобы не явиться запыхавшись къ столу. Искусственно-небрежною походкою онъ шелъ по аллеѣ изъ платановъ, какъ вдругъ неожиданное зрѣлище встревожило его.

На послѣдней, полускрытой кустами скамейкѣ лежалъ, вытянувшись ничкомъ, человѣкъ, подпиравшій лицо руками. Прежде всего г. Гомбургеръ подумалъ, что видитъ передъ собою жертву преступленія, но вскорѣ спокойное дыханіе незнакомца убѣдило его, что тотъ мирно спитъ. Спящій показался кандидату такимъ оборваннымъ, жалкимъ и очевидно безсильнымъ парнишкой, что учитель преисполнился мужествомъ и благороднымъ негодованіемъ при видѣ пришельца. Послѣ краткаго колебанія, онъ подошелъ къ спящему и встряхнулъ его.

— Встаньте! Что вы здѣсь дѣлаете?

Подмастерье испуганно вскочилъ и безсмысленно-боязливо глядѣлъ на Божій міръ. Онъ увидѣлъ передъ собою господина въ сюртукѣ, допрашивавшаго его съ повелительнымъ видомъ, и ему пришло наконецъ въ голову, что вѣдь онъ забрался ночью въ чужой садъ и переночевалъ тамъ.

— Развѣ вы не можете сказать: что вы здѣсь дѣлали?

— Спалъ! — отвѣтилъ со вздохомъ строго вопрошаемый, и окончательно поднялся съ мѣста. Его тщедушное сложеніе вполнѣ гармонировало съ полудѣтскимъ лицомъ, — ему могло быть не болѣе восемнадцати лѣтъ.

— Пойдемте со мною! — приказалъ кандидатъ и повелъ пассивно слѣдовавшаго за нимъ пришельца къ дому, гдѣ ихъ встрѣтилъ г. Абдереггъ.

— Съ добрымъ утромъ, г. Гомбургеръ. Рано же вы сегодня поднялись! Но что за страннаго гостя ведете вы съ собою?

— Этотъ парень принялъ вашъ паркъ за ночлежный домъ. Я счелъ долгомъ поставить васъ объ этомъ въ извѣстность.

Хозяинъ дома понялъ и улыбнулся.

— Благодарю васъ. Говоря откровенно, я не подозрѣвалъ, что вы такъ мягкосердечны. Но вы правы, бѣднягу нужно напоить кофе. Не скажете ли вы фрейлейнъ, чтобы она прислала ему позавтракать? Или — постойте. Мы лучше проведемъ его на кухню. Пойдемъ, мальчуганъ, тамъ навѣрно что-нибудь найдется перекусить.

За кофе будущій строитель новой культуры окружилъ себя величавымъ облакомъ серьезности и молчаливости, что немало радовало хозяина, хотя онъ не дѣлалъ попытокъ подразнить его, такъ какъ мысли его были сосредоточены исключительно на ожидаемыхъ гостяхъ.

Когда Пауль опасался прибытія гостей, прерывающаго спокойное теченіе его каникулярной жизни, онъ обыкновенно пытался изучить ихъ посредствомъ наблюденія. И теперь, по дорогѣ съ вокзала, онъ молчаливо наблюдалъ за пріѣзжими: оживленно говорившимъ профессоромъ, и — не безъ нѣкотораго страха — за двумя барышнями.

Профессоръ понравился ему уже потому, что былъ старымъ другомъ его отца; въ общемъ онъ нашелъ его нѣсколько строгимъ и пожилымъ, но чрезвычайно умнымъ. Относительно другого пункта труднѣе было придти къ какому-нибудь заключенію. Одна изъ барышенъ была подростокъ — приблизительно его лѣтъ;

онъ только не могъ рѣшить: принадлежитъ ли она къ породѣ добродушныхъ или „насмѣшницъ“, и сообразно этому—будетъ ли у нихъ миръ или война? Въ сущности всѣ барышни этого возраста—одинаковы; съ ними трудно бываетъ говорить. Ему понравилось, что она была по крайней мѣрѣ не болтушка и не сыпала вопросами какъ горохомъ.

Вторая казалась значительно сложнѣе. Ей было,—чего онъ, конечно, не могъ сообразить,—года двадцать-три, двадцать-четыре, и она принадлежала къ разряду дамъ, которыми Пауль охотно любовался со стороны, но ближайшее знакомство съ которыми повергало его въ глубокое смущеніе. Онъ какъ-то не умѣлъ отдѣлить ихъ красоту отъ элегантныхъ манеръ и костюмовъ, находилъ ихъ движенія и прическу аффектированными и подозрѣвалъ, что онѣ обладаютъ массою познаній по вопросамъ, представлявшимъ для него глубокую загадку.

По серьезномъ размышленіи, онъ пришелъ къ убѣжденію, что ненавидитъ всю эту породу. Всѣ онѣ кажутся хороши собою, но всѣ одинаково обладаютъ граціозною самоувѣренностью и съ одинаково презрительною снисходительностью относятся къ юношамъ его возраста. Ихъ смѣхъ и улыбка — фальшивы и притворны въ корнѣ. Подростки, если ужъ на то пошло, все-таки сноснѣе.

Въ разговорѣ обоихъ мужчинъ принимала участіе лишь фрейлейнъ Туснельда—старшая. Младшая—бѣлокурая Берта—молчала такъ же упорно и застѣнчиво, какъ ея vis-à-vis—Пауль. На ней была большая, мягко изогнутая, изъ небѣленой соломы шляпа съ голубыми лентами и совсѣмъ блѣдно-голубое тонкое лѣтнее платьице съ свободнымъ поясомъ, обшитое узенькою бѣлою тесьмою. Она казалась совершенно поглощенною созерцаніемъ солнечныхъ полей и жаркихъ сѣнокосныхъ лужаекъ.

Въ промежуткахъ она украдкою поглядывала на Пауля. Поѣздка въ Эрленгофъ доставила бы ей еще больше удовольствія, не будь здѣсь мальчугана. Положимъ, онъ имѣлъ приличный и умный видъ, но эти умники — хуже всего. Они любятъ приводить мудреныя иностранныя слова, спрашивать о названіи какого-нибудь неизвѣстнаго ей цвѣтка и затѣмъ — насмѣшливо улыбаться. Она знала эту ихъ привычку по своимъ кузенамъ: студенту и гимназисту; гимназистъ „дерзилъ“, а студентъ обращался съ нею иногда съ тою невыносимою „кавалерскою“ вѣжливостью, которая внушала ей истинный ужасъ.

Одно только Берта твердо усвоила и дала себѣ зарокъ: она не станетъ плакать. Ни плакать, ни сердиться,—иначе она бу-

детъ „опозорена“. Ее утѣшала мысль о присутствіи тети Греты, къ защитѣ которой она прибѣгнетъ въ случаѣ надобности.

— Пауль, онѣмѣлъ ты что-ли? — неожиданно воскликнулъ г. Абдерегъ.

— Нѣтъ, папа. Почему ты спрашиваешь?

— Потому что ты забываешь, что мы не одни въ экипажѣ. Ты могъ бы выказать Бертѣ бо̀льшее вниманіе.

Пауль неслышно вздохнулъ. Началось!

— Взгляните, фрейлейнъ Берта, вонъ тамъ уже виденъ нашъ домъ.

— Неужели, дѣти, вы станете говорить другъ другу: „вы“?

— Право, не знаю, папа. Думаю, что—да.

— Какъ знаете, но, по моему, это—лишнее.

Берта покраснѣла и не смѣла взглянуть на Пауля, онъ— на нее. Разговоръ снова прекратился, и они были рады, что старшіе этого не замѣтили.

Она облегченно вздохнула, когда ландо повернуло къ дому и колеса заскрипѣли по песку площадки.

— Позвольте помочь вамъ, фрейлейнъ, — сказалъ Пауль, высаживая Берту.

Въ дверяхъ уже стояла тетя, и казалось, что вмѣстѣ съ нею улыбается и говоритъ: „милости просимъ!“ весь домъ,—такъ гостепріимно, весело и сердечно улыбалась она, здороваясь съ гостями. Ихъ проводили въ ихъ комнаты съ просьбою — выйти поскорѣе къ столу и принести съ собою хорошій аппетитъ.

На бѣлой скатерти стояли два большихъ букета цвѣтовъ, благоуханіе которыхъ смѣшивалось съ запахомъ кушаній. Хозяинъ рѣзалъ жаркое, тетя зорко осматривала рюмки и тарелки. Профессоръ, весело настроенный и парадный — въ своемъ черномъ сюртукѣ, сидѣлъ на почетномъ мѣстѣ, ласково поглядывалъ на тетю, острилъ и засыпалъ вопросами хозяина дома, усердно работавшаго большимъ ножомъ.

Фрейлейнъ Туснельда, граціозно улыбаясь, помогала передавать порціи; она замѣтила при этомъ, что сосѣдъ ея, кандидатъ, мало ѣлъ и еще меньше говорилъ. Присутствіе „отсталаго“ профессора и двухъ барышенъ — превратило его въ камень. Ежеминутно опасаясь, что его достоинству угрожаютъ какія-то нападенія, онъ заранѣе парировалъ ихъ своимъ упорнымъ молчаніемъ и леденящими взорами.

Берта сидѣла рядомъ съ тетею и чувствовала себя подъ

надежнымъ прикрытіемъ. Пауль старался больше кушать для того, чтобы меньше говорить, и въ концѣ концовъ дѣйствительно этимъ увлекся.

Къ серединѣ завтрака хозяинъ дома, послѣ жаркой схватки съ другомъ, оказался побѣдителемъ, и, получивъ слово, уже не переставалъ имъ пользоваться. Лишь тогда у побѣжденнаго профессора нашелся досугъ для ѣды, и онъ вскорѣ наверсталъ потерянное время. Г. Гомбургеръ убѣдился, но уже слишкомъ поздно, что никто не питаетъ противъ него злыхъ умысловъ, что его молчаніе — очень невѣжливо и что сосѣдка насмѣшливо смотритъ на него. Онъ такъ низко опустилъ голову, что подъ его подбородкомъ образовалась складка, поднялъ брови кверху и, казалось, принялся за рѣшеніе міровыхъ проблемъ.

Пауль, насытившись, положилъ ножикъ и вилку и, осмотрѣвшись, замѣтилъ профессора въ комическомъ положеніи.

Онъ только-что отправилъ въ ротъ порядочный кусокъ мяса и еще держалъ вилку въ рукахъ, когда г. Абдереггъ сдѣлалъ ему какое-то возраженіе по существу. Не будучи въ состояніи отвѣтить сразу, онъ съ вытаращенными глазами и открытымъ ртомъ глядѣлъ на друга, не выпуская вилки изъ рукъ. Несмотря на всѣ усилія, Пауль, не будучи въ состояніи удержаться, фыркнулъ потихоньку.

Г. Абдереггъ въ пылу рѣчи лишь метнулъ въ его сторону гнѣвный взглядъ. Кандидатъ прикусилъ себѣ губу, но Берта откровенно расхохоталась. Она искренно порадовалась мальчишеству Пауля: по крайней мѣрѣ, онъ не принадлежитъ къ безукоризненнымъ пай-мальчикамъ!

— Почему вы разсмѣялись? — спросила фрейлейнъ Туснельда.

— Такъ.

— А ты, Берта?

— Я тоже такъ.

— Позвольте налить вамъ вина? — сдержанно обратился къ ней г. Гомбургеръ.

— Нѣтъ, благодарю васъ.

— А мнѣ пожалуйста налейте, — сказала любезная тетя, хотя оставила вино нетронутымъ.

Со стола убрали и подали кофе, коньякъ и сигары, „если это дѣйствительно не обезпокоитъ дамъ“?

Дамы дали разрѣшеніе, и даже кандидатъ закурилъ сигару.

Фрейлейнъ Туснельда спросила Пауля: куритъ ли онъ?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ, — мнѣ не нравится куренье. Да мнѣ и не позволяютъ! — прибавилъ онъ честно.

Услышавъ это, фрейлейнъ Туснельда лукаво ему улыбнулась, слегка склонивъ голову на бокъ. Въ этотъ мигъ она показалась мальчику очаровательной, и онъ раскаялся въ своей прежней ненависти.

Она могла быть очень милой.

Вечеръ былъ такой теплый и пріятный, что общество до 11-ти часовъ просидѣло въ саду при свѣтѣ свѣчей, мигавшихъ подъ колпачками. Въ тепломъ воздухѣ ощущались по временамъ легкія колебанія влажности. Небо въ вышинѣ было усѣяно ярко сверкавшими звѣздами; ближе къ горамъ оно казалось чернымъ и порою вспыхивало зарницами. Отъ кустовъ струился сильный сладкій запахъ и звѣздочки бѣлаго жасмина призрачно свѣтились во мракѣ.

— Итакъ, вы полагаете, что реформу нынѣшней культуры произведетъ не народъ, а отдѣльныя исключительныя личности?— спрашивалъ профессоръ.

— Я такъ полагаю,—и кандидатъ началъ по этому поводу длинную рѣчь.

Г. Абдереггъ шутилъ съ маленькою Бертою, которую поддерживала тетя. Онъ удобно расположился въ креслѣ и блаженствовалъ, попивая содовую воду съ бѣлымъ виномъ.

— Значитъ, вы читали и Экгардта?—говорила Паулю фрейлейнъ Туснельда.

Она лежала на низкомъ раскидномъ креслѣ, откинувъ голову назадъ, и смотрѣла въ небо.

— Въ сущности, вамъ не слѣдовало бы дозволять читать такія книги.

— Вотъ какъ! Почему же?

— Потому что вы не все можете тамъ понять.

— Вы такъ думаете?

— Конечно.

— Однако тамъ встрѣчаются слова, которыя я, быть можетъ, лучше понимаю, чѣмъ вы.

— Въ самомъ дѣлѣ? Какія же?

— Латинскія.

— Вотъ какъ вы острите!

— Дѣлаешь что̀ можешь.

Пауль былъ очень веселъ. Онъ выпилъ за обѣдомъ лишнюю рюмку вина и находилъ восхитительнымъ разговаривать такимъ образомъ въ эту мягкую темную ночь. Ему хотѣлось вызвать

изящную барышню на болѣе рѣзкое возраженіе или заставить ее разсмѣяться. Но она не глядѣла на него; она лежала неподвижно съ поднятымъ къ небу лицомъ; одна рука ея покоилась на ручкѣ кресла, другая свѣсилась почти до земли. Ея бѣлая шея и лицо мягко отсвѣчивали на фонѣ темныхъ деревьевъ.

— Чтò же вамъ больше всего понравилось у Экгардта?

— То мѣсто, гдѣ Пракседа освобождаетъ узника. Помните? Она еще засыпаетъ слѣды пепломъ... А вамъ?

— То же самое. Помните, какъ она на прощанье цѣлуетъ его и съ улыбкою возвращается въ зàмокъ?

— Да, да, — повторилъ Пауль, хотя насчетъ поцѣлуя онъ что-то не помнилъ.

Бесѣда профессора съ кандидатомъ пришла къ концу. Г. Абдереггъ закурилъ виргинію, и Берта съ любопытствомъ слѣдила за тѣмъ, какъ вспыхнулъ кончикъ длинной сигары. Дѣвочка, обнявъ правою рукою тетю, съ широко раскрытыми глазами слушала удивительные разсказы г. Абдерегга о поѣздкѣ въ Неаполь.

— Неужели все это правда? — осмѣлилась наконецъ она спросить.

Г. Абдереггъ разсмѣялся.

— Это зависитъ отъ васъ самихъ, маленькая барышня. Въ каждомъ разсказѣ правдиво тò, во чтò вѣритъ слушатель.

— Право? Я спрошу папу.

— Спросите.

Тетя погладила Берту по головѣ.

— Это шутка, дѣточка.

Она слушала веселую болтовню, отгоняла мошекъ отъ стакановъ съ виномъ и смотрѣла на всѣхъ благожелательнымъ взоромъ. Она радовалась на стариковъ, на Берту, на оживленно болтающаго Пауля, на красивую Туснельду, любовавшуюся ночнымъ небомъ, на кандидата, упивавшагося собственными рѣчами. Она была еще довольно молода и не забыла, какъ хорошо бываетъ молодежи въ такія чудныя лѣтнія ночи въ саду. Сколько новаго, интереснаго еще сулитъ судьба этой милой молодежи и симпатичнымъ старикамъ! И кандидату — тоже. Каждому человѣку важна его жизнь, его желанія и надежды. А какъ красива фрейлейнъ Туснельда! Настоящая красавица! Поглаживая руку Берты, тетя Грета улыбалась сидѣвшему нѣсколько поодаль кандидату, и въ то же время ощупывала за спиною хозяина: хорошо ли стоитъ во льду его бутылка?

— Разскажите мнѣ что-нибудь о вашей школѣ, — сказала Туснельда Паулю.

— Богъ съ нею! Теперь у насъ каникулы.

— Развѣ вы неохотно ходите въ гимназію?

— А вы знаете кого-нибудь, кто бы ходилъ туда охотно?

— Но вѣдь вы хотите учиться?

— Хочу, но...

— Но вы предпочитаете что-нибудь другое?

— Другое? Ха! ха! Я предпочелъ бы стать морскимъ разбойникомъ, пиратомъ.

— И что̀ бы вы тогда сдѣлали?

— Этого я не могу сказать.

— Ну и не говорите.

— И не скажу.

Паулю вдругъ сдѣлалось скучно. Онъ придвинулся къ Бертѣ и сталъ слушать. Папа былъ необычайно веселъ; онъ говорилъ одинъ, всѣ слушали его и смѣялись.

Тогда фрейлейнъ Туснельда медленно поднялась въ своемъ свободномъ платьѣ англійскаго покроя и подошла къ столу.

— Я хотѣла бы пожелать всѣмъ доброй ночи.

Всѣ поспѣшно встали, поглядѣли на часы и подивились тому, что уже полночь.

По дорогѣ домой Пауль шелъ рядомъ съ Бертою, которая понравилась ему тѣмъ, что такъ отъ души смѣялась шуткамъ его отца. Какой онъ былъ оселъ, что сердился на пріѣздъ гостей!

Очень пріятно поболтать вечеромъ съ барышнями.

Онъ чувствовалъ себя кавалеромъ и сожалѣлъ, что цѣлый вечеръ занимался исключительно одною гостьей. Въ сущности она—кривляка. Берта показалась ему милою, и онъ попробовалъ это высказать ей. Она захихикала.

— Вашъ папа такъ интересно разсказывалъ... Онъ такой очаровательный!

Пауль предложилъ ей прогуляться завтра въ Эйхельбергъ, это недалеко, а мѣсто очень живописное. Онъ пустился въ описанія, говорилъ о дорогѣ, о видѣ, и совсѣмъ воодушевился.

Фрейлейнъ Туснельда прошла мимо нихъ въ эту самую минуту. Она обернулась и посмотрѣла ему въ лицо — спокойно и съ нѣкоторымъ любопытствомъ, но ему почудилась въ ея взорѣ насмѣшка, и онъ тотчасъ же смолкъ.

Берта изумленно взглянула на него и увидѣла, что онъ неизвѣстно почему надулся.

Они подошли къ дому. Берта подала Паулю руку, онъ пожелалъ ей доброй ночи. Она кивнула головою и ушла.

Туснельда прошла впередъ, не прощаясь, и глядя, какъ она поднималась по лѣстницѣ, Пауль почему-то разсердился на нее.

Пауль лежалъ безъ сна въ постели. Теплая ночь лихорадочно возбуждала его нервы. Еще больше парило, блескъ зарницъ поминутно озарялъ комнату, по временамъ слышался далекій громъ. Онъ грохоталъ съ длинными перерывами, и тогда же поднимался слабый вѣтерокъ, еле шелестившій въ вершинахъ деревьевъ.

Юноша въ полудремотѣ перебиралъ въ памяти событія этого вечера и чувствовалъ, что сегодня все было по иному. Онъ казался самому себѣ взрослымъ, или—точнѣе сказать — роль взрослаго лучше удалась ему, нежели при прежнихъ попыткахъ. Онъ удачно разговаривалъ съ фрейлейнъ Туснельдою и затѣмъ — съ Бертою.

Его мучила мысль: приняла ли его Туснельда въ серьёзъ? Быть можетъ, она лишь потѣшалась надъ нимъ? Надо будетъ завтра перечесть это мѣсто о поцѣлуѣ Пракседы. Не обратилъ онъ на него вниманія, или просто забылъ?

Ему хотѣлось бы знать: дѣйствительно ли фрейлейнъ Туснельда хороша собой? Она казалась ему красавицей, но онъ не довѣрялъ ни ей, ни себѣ. Она понравилась ему въ ту минуту, какъ она полулежала въ креслѣ—такая стройная и спокойная при слабомъ свѣтѣ лампы. Какъ лѣниво смотрѣла она вверхъ — полуусталая, полудовольная; эта бѣлая шея, стильное платье—просились на картину.

Правда, Берта больше понравилась ему. Она, быть можетъ, слишкомъ наивна, но зато — кроткая и хорошенькая, и съ нею можно говорить, не опасаясь того, что она станетъ за спиною подсмѣиваться надъ вами.

Еслибы онъ съ самаго начала былъ больше съ нею, они уже успѣли бы подружиться. Вообще онъ сталъ жалѣть о томъ, что гости пробудутъ всего два дня.

Но почему, при возвращеніи домой, когда они съ Бертою шутили и смѣялись, другая такъ поглядѣла на него мимоходомъ? Онъ еще видитъ поворотъ ея головы и взглядъ — явно насмѣшливый. Чему она смѣялась? По поводу Экгардта или потому, что онъ шутилъ съ Бертою? Чувство досады преслѣдовало его даже во снѣ.

На слѣдующій день небо оказалось обложеннымъ тучами, хотя дождь еще не шелъ. Пахло сѣномъ и теплой земляной пылью.

— Какъ жаль, что сегодня нельзя будетъ идти на прогулку,—пожаловалась Берта, сойдя къ завтраку.

— Дождь не продержится весь день, — утѣшилъ ее г. Абдереггъ.

— Ты, кажется, вообще не любительница прогулокъ,—замѣтила Туснельда.

— Но вѣдь мы здѣсь на такое короткое время!

— У насъ есть кегельбанъ на открытомъ воздухѣ, — предложилъ Пауль,—есть и крокетъ, но крокетъ—тоска.

— Я люблю крокетъ,—сказала Туснельда.

— Въ такомъ случаѣ давайте играть.

— Хорошо, потомъ. Мы должны сперва напиться кофе.

Послѣ завтрака молодые люди вышли въ садъ; къ нимъ присоединился и кандидатъ. Трава оказалась черезчуръ высокою для крокета, и Пауль притащилъ кегли.

— Кто начинаетъ?

— Всегда тотъ, кто спрашиваетъ.

Пауль былъ партнеромъ Туснельды. Онъ игралъ хорошо и надѣялся, что она станетъ хвалить или поддразнивать его, но она ничего не замѣтила и вообще мало обращала вниманія на игру, даже не замѣчая, какъ ложились кегли. Вмѣсто этого она бесѣдовала съ кандидатомъ о Тургеневѣ. Сегодня онъ былъ очень любезенъ. Одна лишь Берта вся отдавалась игрѣ; она помогала устанавливать кегли, и Пауль училъ ее, какъ надо цѣлиться.

— Мы выигрываемъ, фрейлейнъ!—воскликнулъ Пауль, обращаясь къ Туснельдѣ:—у насъ уже двѣнадцать.

Она кивнула головою.

— Въ сущности, Тургенева нельзя считать русскимъ, онъ—космополитъ, — сказалъ кандидатъ, забывая, что онъ долженъ играть. Пауль разсердился.

— Г. Гомбургеръ, ваша очередь!

— Моя?

— Да, мы всѣ ждемъ васъ.

Онъ съ удовольствіемъ бы пустилъ въ него шаромъ. Берта, замѣтивъ его неудовольствіе, встревожилась и уже больше не попадала въ цѣль.

— Въ такомъ случаѣ нечего продолжать игру?

Никто не возражалъ. Фрейлейнъ Туснельда медленно отошла, учитель слѣдовалъ за нею.

Пауль сердито оттолкнулъ ногою валявшіеся кегли.

— А развѣ мы не поиграемъ?—робко спросила Берта.

— Вдвоемъ неинтересно. Я лучше все приберу.

Она скромно помогала ему. Когда кегли были убраны, онъ сталъ искать глазами Туснельду, но она исчезла. Конечно, онъ для нея — не болѣе какъ глупый мальчишка. Ахъ, этотъ надутый учителишка! Чтò такое?

— Не покажете ли вы мнѣ часть парка?

Онъ такъ быстро зашагалъ впередъ, что Берта, едва переводя духъ, должна была поспѣвать за нимъ. Онъ показалъ ей лѣсокъ, платановую аллею, красный букъ, лужайки. Внутренно стыдясь своей рѣзкости и молчаливости, онъ изумлялся и тому, что совсѣмъ не стѣсняется съ Бертою. Онъ обращался съ нею такъ, словно она была моложе на два года. Она была тиха, кротка, застѣнчива, едва осмѣливалась говорить и смотрѣла на него такъ, какъ будто въ чемъ-то извинялась.

У большой ивы они встрѣтились съ другою парой. Кандидатъ все еще говорилъ, но Туснельда смолкла и казалась не въ духѣ. Пауль вдругъ сдѣлался разговорчивымъ; онъ указалъ гостьѣ на старое дерево, отстранилъ его ниспадающія вѣтви и показалъ шедшую вокругъ ствола скамью.

— Сядемъ,—приказала фрейлейнъ Туснельда.

Всѣ усѣлись рядомъ на скамью. Тутъ было жарко и душно, въ зеленомъ полумракѣ вѣтвей клонило ко сну. Пауль сѣлъ рядомъ съ Туснельдою по правую ея сторону.

— Какъ здѣсь тихо!—началъ г. Гомбургеръ.

— И жарко! — прибавила она. — Посидимъ съ минутку молча.

Возлѣ Пауля лежала на скамьѣ рука Туснельды — узкая и длинная, съ гибкими пальцами и тщательно выхоленными, блестящими ноготками. Пауль, не отрываясь, смотрѣлъ на руку.

Рука лежала неподвижно, словно усталая, такъ же, какъ она лежала вчера вечеромъ, и это шло къ ея фигурѣ, къ ея платью, къ ея пріятному, нѣсколько глухому голосу, даже къ ея лицу съ умными выжидающими глазами.

Кандидатъ взглянулъ на часы.

— Простите, mesdames, я долженъ идти заниматься. Вы остаетесь, Пауль?

Онъ поклонился и ушелъ.

Оставшіеся сидѣли молча. Пауль украдкою, словно преступникъ, положилъ свою лѣвую руку рядомъ съ рукою Туснельды, и затѣмъ незамѣтно передвинулъ ее такъ, что она почти коснулась ея руки. Это сдѣлалось какъ-то помимо его воли, и тѣмъ

не менѣе его бросило въ жаръ и на лбу у него проступили капли пота.

— Я тоже не люблю кровета,—тихо сказала Берта.

Уходъ кандидата оставилъ пустое мѣсто между нею и Пауломъ, и она спрашивала себя: подвинуться ей или остаться на мѣстѣ? Чѣмъ дольше она колебалась, тѣмъ труднѣе казалось ей рѣшиться на это, и для того, чтобы не чувствовать своего одиночества, она вдругъ заговорила.

— Это совсѣмъ неинтересная игра,—прибавила она неувѣреннымъ голосомъ послѣ долгой паузы. Никто не отвѣчалъ.

Снова наступала тишина. Паулю казалось, что онъ слышитъ біеніе своего сердца. Ему хотѣлось вскочить, сказать что-нибудь веселое, глупое, или—убѣжать. Но онъ продолжалъ сидѣть, и у него было такое чувство, словно воздуха оказывается все меньше и меньше и онъ готовъ задохнуться. Но въ этомъ ощущеніи была своего рода мучительная сладость.

Туснельда поглядѣла Паулю въ лицо своимъ спокойнымъ, нѣсколько усталымъ взоромъ; она увидѣла, что онъ, не отрываясь, смотритъ на свою лѣвую руку, и тогда она легкимъ естественнымъ движеніемъ положила на нее свою правую.

Рука ея была мягкая, но сильная, теплая и сухая. Пауль вздрогнулъ, какъ пойманный въ воровствѣ, и весь затрепеталъ, но не отдернулъ руки. Онъ еле дышалъ—такъ участилось біеніе его сердца; все тѣло его горѣло въ огнѣ и холодѣло въ одно и то же время. Онъ необычайно поблѣднѣлъ и взглянулъ на Туснельду молящимъ, испуганнымъ взоромъ.

— Вы испугались?—засмѣялась она.—Я думала, что вы заснули.

Онъ ничего не могъ отвѣтить,—все въ головѣ у него спуталось: было смутно и туманно.

Но тутъ его вывели изъ забытья раздавшіеся позади него заглушенные, жалобно всхлипывающіе звуки. Онъ вскочилъ, почувствовавъ себя свободнымъ, и съ облегченіемъ перевелъ духъ. Даже Туснельда поднялась.

Берта сидѣла, согнувшись на скамейкѣ, и плакала.

— Ступайте домой,—сказала Туснельда Паулю,—мы сейчасъ придемъ. У нея заболѣла голова.

Когда Пауль ушелъ, она обратилась къ сестрѣ.

— Пойдемъ, Берта. Здѣсь слишкомъ душно, задохнуться можно. Пожалуйста успокойся, мы идемъ въ комнаты.

Берта не отвѣчала. Ея худенькая шейка лежала на блѣдно-голубомъ рукавѣ ея полукороткаго платья дѣвочки-подростка,

изъ-подъ широкаго рукава виднѣлась тонкая, угловатая ручка съ широкою ладонью.

Она плакала, тихо всхлипывая, и наконецъ поднялась—вся красная, машинально откинула назадъ волосы и такъ же машинально улыбнулась.

Пауль не находилъ покоя. Почему Туснельда это сдѣлала? Было ли это простою шуткою? Или она знала, какую боль она причиняетъ ему?

Онъ пробѣжалъ мимо дома и долго ходилъ по огороду. Тѣмъ временемъ духота еще усилилась. Небо совершенно заволоклось тучами и казалось грозовымъ. Не было ни малѣйшаго вѣтерка, но по листвѣ пробѣгалъ неуловимый робкій трепетъ и даже блѣдное гладкое зеркало пруда вдругъ подернулось серебристою рябью.

Юношѣ бросился въ глаза привязанный къ берегу старый челнъ. Онъ усѣлся на единственную уцѣлѣвшую скамью; вёселъ уже не было. Пауль опустилъ руки въ воду, которая была непріятно тепла.

Его неожиданно охватила несвойственная ему, безпричинная грусть. Онъ словно пробудился отъ тяжелаго сна и не могъ пошевелить ни однимъ членомъ. Блѣдный свѣтъ, омрачившееся небо, поросшій плѣсенью прудъ, старый, полусгнившій челнъ безъ руля и вёселъ—какъ все это было жалко, печально, проникнуто удручающей безнадежностью, которая сообщилась и ему!

Изъ дому къ нему неясно донеслись звуки музыки. Вѣроятно всѣ собрались въ залѣ, и папа играетъ имъ. Пауль скоро узналъ пьесу: сюиту Грига изъ „Пера Гинта"; онъ охотно вернулся бы домой, но почему-то онъ сидѣлъ и глядѣлъ на неподвижную воду, на блѣдное небо, виднѣвшееся сквозь застывшія вѣтви фруктовыхъ деревьевъ. Онъ не радовался даже предстоящей грозѣ—первой за нынѣшнее лѣто.

Музыка смолкла, и нѣкоторое время все было тихо. Затѣмъ раздались тихіе, словно убаюкивающіе аккорды, и женскій голосъ запѣлъ незнакомую Паулю мелодію. Голосъ онъ узналъ— нѣсколько глухой и словно утомленный. Пѣла Туснельда. Въ пѣніи ея не было, вѣроятно, ничего особеннаго, но оно подѣйствовало на мальчика такъ же удручающе и мучительно, какъ и прикосновеніе ея руки. Онъ слушалъ, не шевелясь, и тѣмъ временемъ первыя дождевыя капли тяжело и лѣниво упали въ воду. Онъ даже не замѣтилъ, какъ онѣ коснулись его лица и рукъ. Онъ чувствовалъ только, что то̀ напряженное, мучительное, волнующее, что̀ сейчасъ зародилось въ немъ,—растетъ и ищетъ себѣ

исхода. И тутъ же ему вспомнилась сцена изъ Экгардта, и что-то озарило его: онъ понялъ, что онъ любитъ Туснельду, понялъ также, что она—взрослая барышня, а онъ — школьникъ, и что завтра она уѣзжаетъ!

Тутъ раздался звонъ колокола, призывающій къ столу, и Пауль медленно пошелъ къ дому. У двери онъ смахнулъ дождевыя капли съ рукава, откинулъ назадъ волосы и глубоко перевелъ духъ, словно приготовляясь къ важному шагу.

— Вотъ уже и дождь пошелъ,—сказала Берта,—теперь не удастся, значитъ...

— Что̀ такое?—спросилъ Пауль, не поднимая глазъ отъ тарелки.

— Вѣдь мы собирались?.. Вы обѣщали сводить меня въ Эйхельбергъ.

— Ахъ, да! При такой погодѣ, конечно, не удастся.

Ей хотѣлось, чтобы онъ спросилъ ее, какъ она себя чувствуетъ, и въ то же время она этого боялась. Очевидно, онъ совершенно забылъ прискорбный инцидентъ подъ сѣнью ивы.

Ея неожиданныя слезы, вѣроятно, лишь усилили его убѣжденіе въ томъ, что она—еще совсѣмъ маленькая дѣвочка. Не обращая на нее вниманіе, онъ все время косился въ сторону Туснельды, которая вела съ учителемъ, стыдившимся своего вчерашняго глупаго поведенія, оживленный разговоръ о спортѣ.

Съ кандидатомъ случилось то же, что̀ бываетъ съ большинствомъ людей: онъ говорилъ о вещахъ, въ которыхъ ничего не смыслилъ, гораздо увѣреннѣе и развязнѣе, нежели о близко знакомомъ ему предметѣ. Туснельда первенствовала, конечно, въ разговорѣ; онъ довольствовался подаваніемъ вò-время соотвѣтственныхъ репликъ. Кокетливая манера вести разговоръ, свойственная этой молодой особѣ, выводила его изъ обычнаго ему состоянія толстокожести; ему удалось даже посмѣяться надъ собственною неловкостью, когда, наливая вино, онъ пролилъ его на скатерть. Однако лукавый его подходъ—просьбу о разрѣшеніи ему прочесть ей главу изъ его любимой книги—фрейлейнъ Туснельда мило отклонила.

— У тебя не болитъ больше голова, дѣточка?—спросила тетя Грета.

— О, нѣтъ, совсѣмъ не болитъ!—отвѣтила вполголоса Берта, казавшаяся блѣдной и подавленной.

„Ахъ, вы дѣти, дѣти!“—подумала тетя Грета, отъ которой

не укрылось волненіе Пауля; у нея явились кое-какія соображенія, и она рѣшила, не мѣшаясь въ дѣла молодежи, наблюдать за ними. Съ Паулемъ это случилось въ первый разъ, но скоро, скоро онъ уйдетъ изъ-подъ ея вліянія и пойдетъ своимъ путемъ.

На дворѣ почти совсѣмъ стемнѣло. Лилъ дождь, шумѣлъ порывами вѣтеръ, но громъ гремѣлъ еще вдали.

— Вы боитесь грозы?—спрашивалъ кандидатъ свою даму.

— Наоборотъ. Я не знаю ничего прекраснѣе. Мы можемъ пойти потомъ въ павильонъ. Ты пойдешь, Берта?

— Хорошо.

— И вы тоже, г. кандидатъ? Очень рада.

Вставъ изъ-за стола, они подъ дождевыми зонтиками отправились въ павильонъ. Берта захватила съ собою книгу.

— А ты развѣ не идешь, Пауль?—спросила тетка.

— Нѣтъ, благодарю. Мнѣ надо бы поупражняться.

Среди сумятицы охватившихъ его чувствъ онъ прошелъ въ залу, но едва началъ онъ играть, не понимая самъ—что̀, какъ вошелъ отецъ.

— Пауль, не можешь ли ты удалиться въ какую-нибудь другую комнату? Это очень похвально, что ты вздумалъ упражняться, но на все—свое время, и мы—старшее поколѣніе—предпочитаемъ по такой погодѣ подремать. До свиданія.

Пауль прошелъ черезъ столовую и, слыша за собою тихіе шаги тети, выбѣжалъ, засунувъ руки въ карманы, съ непокрытою головою на дождь. Громъ грохоталъ, и первые лучи молній уже прорѣзывали сѣрыя тучи.

Пауль обошелъ весь домъ и приблизился къ пруду. Съ болѣзненнымъ раздраженіемъ онъ упорно старался вымокнуть на дождѣ. Еще не освѣжившійся воздухъ душилъ его, и онъ даже засучилъ рукава для того, чтобы прохладиться.

„Они“ сидятъ теперь въ павильонѣ, весело болтаютъ и смѣются, и никто рѣшительно о немъ не думаетъ... Его потянуло туда, но упрямство одержало верхъ: онъ не захотѣлъ идти вмѣстѣ со всѣми,—нечего, значитъ, бѣжать теперь. Притомъ Туснельда и не звала его, она позвала только Берту и учителя. Почему?

Промокнувъ насквозь, онъ пришелъ, самъ не замѣтивъ, какою дорогою, къ домику садовника. Молніи почти безъ перерыва падали стремительно внизъ или пересѣкали небо фантастически смѣлыми линіями, а дождь шумѣлъ все сильнѣе. Подъ лѣстницею слышалось ворчаніе и звяканье цѣпью большой сторожевой собаки. Узнавъ Пауля, она вылѣзла на встрѣчу и стала радостно

ласкаться къ нему. А онъ, въ припадкѣ непонятной нѣжности, обнялъ ея шею рукою и присѣвъ, съ нею въ уголкѣ, принялся ласкать ее и говорить съ нею, не отдавая себѣ отчета во времени.

Въ павильонѣ г. Гомбургеръ придвинулъ желѣзный столикъ къ стѣнѣ, на которой былъ изображенъ итальянскій прибрежный ландшафтъ. Яркія нѣжныя краски не гармонировали съ сѣрою пеленою дождя,—казалось, что онѣ зябнутъ.

— Въ плохую погоду пожаловали вы въ Эрленгофъ,—сказалъ г. Гомбургеръ.

— Почему? Я нахожу ее великолѣпной.

— А вы, фрейлейнъ Берта?

— Мнѣ тоже нравится.

Онъ злился на то, что она привела съ собою дѣвочку. Какъ разъ въ то время, когда они стали лучше понимать другъ друга!

— Неужели вы дѣйствительно завтра уѣдете?

— Почему вы говорите это такъ трагически?

— Мнѣ будетъ очень жаль...

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Многоуважаемая фрейлейнъ...

Дождь барабанилъ по тонкой крышѣ и стекалъ бурными потоками по желобамъ.

— А знаете, г. кандидатъ, у васъ очень милый ученикъ. Заниматься съ нимъ должно быть истиннымъ удовольствіемъ.

— Вы говорите серьезно?

— Конечно. Онъ пресимпатичный юноша. Не правда ли, Берта?

— Не знаю. Я такъ мало видѣла его.

— Развѣ онъ тебѣ не нравится?

— Нѣтъ, то-есть да, ничего себѣ.

— Что̀ изображаетъ этотъ пейзажъ, г. кандидатъ? Видъ Ривьеры?

Пауль, вернувшись домой два часа спустя, смертельно усталый и промокшій до костей, принялъ холодную ванну и переодѣлся. Онъ выждалъ возвращенія Туснельды и, услыхавъ ея голосъ, рѣшился на то̀, что̀ минуту тому назадъ онъ считалъ невозможнымъ. Подкарауливъ ее въ то время, какъ она поднималась одна по лѣстницѣ, онъ преподнесъ ей букетикъ дикихъ розъ, срѣзанныхъ имъ подъ дождемъ.

— Это мнѣ?—сказала Туснельда.

— Вамъ.

— Чѣмъ я это заслужила? Я уже боялась, что вы терпѣть меня не можете.

— Вы смѣетесь надо мною?

— Нѣтъ, милый Пауль. И я очень благодарю вас за цвѣты. Это розы?

— Дикія розы.

— Я приколю одну изъ нихъ.

Съ этимъ она исчезла въ своей комнатѣ.

Вечеромъ всѣ остались сидѣть на террасѣ. Воздухъ былъ свѣжъ и душистъ, на омытыхъ вѣткахъ еще сверкали свѣтлыя капли. Мужчины курили, молодежь пила лимонадъ. Тетя съ Бертою разсматривали альбомъ, и тетя разсказывала Бертѣ старыя исторіи. Туснельда была въ духѣ и много смѣялась; учитель былъ, наоборотъ, въ нервномъ состояніи; онъ остался недоволенъ разговоромъ въ павильонѣ, и теперь болѣзненно морщилъ лобъ. Онъ находилъ смѣшнымъ ея кокетство съ мальчуганомъ и отыскивалъ форму, въ которой онъ скажетъ ей это.

Пауль былъ самымъ оживленнымъ изъ всѣхъ. Его розы, приколотыя къ корсажу Туснельды, и ея слова „милый Пауль"— ударили ему въ голову, какъ крѣпкое вино.

Онъ острилъ, разсказывалъ, щеки у него горѣли, и онъ не сводилъ глазъ съ красавицы, граціозно принимавшей его поклоненіе. При этомъ онъ не переставалъ повторять мысленно: „Она уѣдетъ! Завтра она уѣдетъ!"—и чѣмъ громче и тоскливѣе звучалъ въ его сердцѣ этотъ голосъ, тѣмъ отчаяннѣе цѣплялся онъ за уходящій „прекрасный мигъ", и тѣмъ веселѣе говорилъ.

Г. Абдереггъ, на минуту прислушавшійся къ ихъ разговору, воскликнулъ со смѣхомъ:—Пауль, рано же ты начинаешь!—Но это не смутило мальчика, хотя по временамъ у него являлось желаніе выскочить за дверь и разрыдаться. Нѣтъ, этого не будетъ!

Тѣмъ временемъ Берта уже перешла съ тетею на „ты" и была несказанно ей благодарна за то, что та пригрѣла ее подъ своимъ крылышкомъ. На ней словно лежалъ какой-то гнетъ отъ того, что Пауль ее совсѣмъ не хочетъ знать, не говоритъ съ нею ни слова, какъ будто ее и на свѣтѣ нѣтъ.

Оба старыхъ друга съ жаромъ перебирали свои воспоминанія и почти не замѣчали, что рядомъ съ ними идетъ перекрестный огонь молодыхъ увлеченій и борьба страстей.

Г. Гомбургеръ все болѣе и болѣе отходилъ на задній планъ. Вставляемыя имъ ядовитыя замѣчанія оставались безъ вниманія, и чѣмъ сильнѣе росло въ немъ чувство недовольства

тѣмъ менѣе удавалось ему выразить его. Онъ находилъ подобное поведеніе со стороны Пауля—мальчишескимъ, а со стороны Туснельды—непростительнымъ, и всего бы охотнѣе пожелалъ обществу покойной ночи. Но это явилось бы сознаніемъ, что онъ растерялъ свой порохъ и покидаетъ поле сраженія. И какъ ни было противно ему обращеніе Туснельды съ мальчуганомъ, ея слабо раскраснѣвшееся лицо и мягкія движенія — онъ не могъ отъ нихъ оторваться.

Туснельда видѣла его насквозь и не давала себѣ труда скрывать удовольствіе, которое доставляло ей ухаживаніе Пауля, въ особенности потому, что оно злило кандидата. А тотъ, будучи менѣе всего сильнымъ человѣкомъ, скоро почувствовалъ, что гнѣвъ его переходитъ въ мрачную покорность судьбѣ. Развѣ женщина когда-нибудь понимала и цѣнила его? Но онъ былъ настолько художникомъ, что могъ извлечь наслажденіе даже изъ чувства разочарованія и одиночества.

Неоцѣненный, отвергнутый—онъ все же былъ героемъ, носителемъ трагическаго начала, улыбавшимся съ лезвіемъ кинжала въ сердцѣ...

И онъ все время улыбался. Не принимая участія въ разговорѣ, онъ не переставалъ улыбаться—снисходительно, горестно, обдуманно, и для него было новымъ горькимъ торжествомъ видѣть, что никто не замѣчаетъ, до какой степени болѣзненна его улыбка.

Общество поздно разошлось. Когда Пауль вошелъ въ свою прохладную спальню, онъ увидѣлъ въ окно спокойное небо съ застывшими молочно-бѣлыми облаками; сквозь прозрачную ихъ дымку мягко струился яркій лунный свѣтъ, отражавшійся во влажной листвѣ.

Далеко надъ холмами свѣтилась, подобно островку, узкая полоска чистаго неба и въ ней—единственная блѣдная звѣзда.

Пауль долго смотрѣлъ въ окно и ничего не видѣлъ, кромѣ блѣднаго сіянія; онъ чувствовалъ вѣяніе прохлады и, прислушиваясь къ невѣдомымъ голосамъ, дышалъ воздухомъ иного, новаго міра. Передъ нимъ разстилалась невѣдомая страна жизни и страсти, потрясаемая грозными бурями и омраченная черными тучами.

Тетя Грета легла въ постель послѣднею. Она заботливо осмотрѣла двери и ставни, потушила огни, всюду заглянула и усѣлась передъ сномъ въ своемъ старомодномъ креслѣ. Она радовалась, что гости завтра уѣзжаютъ. Хорошо, если все это бла-

гополучно окончится. Она знала, что душа Пауля вскорѣ станетъ для нея закрытою книгою, и со страхомъ слѣдила за его первыми шагами въ саду любви, отъ плодовъ котораго она мало вкусила на своемъ вѣку, да и тѣ оказались горькими. Она подумала о Бертѣ, слегка улыбнулась и стала рыться въ своей шифоньеркѣ, отыскивая для дѣвочки прощальный подарокъ. Тутъ она испугалась, увидѣвъ, какъ уже поздно.

А надъ спящимъ домомъ и стемнѣвшимъ садомъ островокъ яснаго неба все разростался и превратился мало-по-малу въ широкое, чистое, темно-свѣтлое поле, усѣянное слабо мерцающими звѣздами. Въ саду глубоко дышали освѣжившіяся деревья, а на лугу тонкія прозрачныя отраженія облаковъ причудливо скользили въ темномъ кругу отъ тѣни, отбрасываемой старымъ букомъ.

Мягкій, еще насыщенный влагою утренній воздухъ слегка дымился на фонѣ безоблачнаго неба. На песчаной площадкѣ передъ домомъ еще стояли свѣтлыя лужи, въ которыхъ отражались золото солнечныхъ лучей и синева лазури. Экипажъ подъѣхалъ, скрипя колесами по песку, и гости усѣлись въ него; ихъ провожали г. Абдереггъ съ Паулемъ.

Оставшіеся на крыльцѣ — тетя Грета и кандидатъ простились съ пріѣзжими; она привѣтливо улыбалась и жала имъ руки, онъ низко кланялся.

Пауль сидѣлъ въ ландо напротивъ Туснельды и разыгрывалъ роль беззаботнаго. Онъ расхваливалъ погоду, говорилъ о горныхъ экскурсіяхъ и упивался ея взглядами и улыбками. Раннимъ утромъ онъ съ виновною совѣстью пробрался въ садъ и срѣзалъ съ любимой клумбы отца великолѣпную полураспустившуюся чайную розу. Завернутая въ шолковую бумагу, она покоилась въ его грудномъ карманѣ, и онъ ужасно опасался измять ее. Не менѣе боялся онъ, что отецъ откроетъ ея присутствіе.

Маленькая Берта совсѣмъ притихла и держала у лица цвѣтущую вѣточку жасмина, данную ей тетею. Она почти радовалась отъѣзду.

— Прислать вамъ открытку?—весело спрашивала Туснельда.

— Пожалуйста, не забудьте. Это будетъ чудесно! И вы также припишете, фрейлейнъ Берта?

Она вздрогнула отъ неожиданности и кивнула головою.

Они подъѣхали къ вокзалу. Поѣздъ ожидался черезъ четверть часа, и Пауль обрадовался этой отсрочкѣ, какъ неожиданному дару судьбы. Но, ступивъ на платформу, онъ сразу утратилъ

оживленіе, какъ-то осѣлъ и сталъ поглядывать на часы. Лишь въ послѣднюю минуту онъ вынулъ розу и подалъ ее Туснельдѣ, уже стоявшей на площадкѣ. Она весело кивнула ему и вошла въ вагонъ. Затѣмъ поѣздъ отошелъ—и все кончилось.

Паулю не хотѣлось возвращаться домой вмѣстѣ съ отцомъ, и онъ заявилъ, что ему хочется пройтись.

— У тебя совѣсть не чиста, Паульхенъ?

— Нѣтъ, папа, я могу и ѣхать.

Отецъ разсмѣялся и, махнувъ ему рукою, уѣхалъ одинъ.

„Пусть справится съ собою,—думалъ онъ дорогою,—это не разобьетъ его сердце".

Ему припомнилась его собственная первая любовь, и онъ подивился тому, какъ хорошо онъ все это помнитъ. А вотъ уже настала очередь его сына! Но ему понравилось, что мальчикъ укралъ розу.

Тѣмъ временемъ Пауль быстро шагалъ по дорогѣ, вызывая образъ прекрасной Туснельды, и лишь дойдя до парка, усталый и разгоряченный, онъ спросилъ себя: что̀ онъ станетъ теперь дѣлать? Его неудержимо потянуло къ ивѣ. Онъ съ волненіемъ подошелъ къ дереву, раздвинулъ вѣтви и опустился на завѣтную скамью. Онъ закрылъ глаза, опустилъ руку и снова ощутилъ охватившую его вчера бурю. Вокругъ него колебалось пламя, шумѣли моря, и бури на пурпуровыхъ крылахъ со свистомъ пролетали надъ его головою...

Но Пауль не долго просидѣлъ въ одиночествѣ. Онъ увидѣлъ передъ собою кандидата и очнулся отъ мечтаній.

— Вы здѣсь, Пауль? Уже давно?

— Нѣтъ. Я вѣдь былъ на вокзалѣ и вернулся домой пѣшкомъ.

— И вотъ вы сидите здѣсь въ меланхоліи!

— Я не въ меланхоліи.

— Вотъ какъ? Но я видѣлъ васъ и въ лучшемъ настроеніи.

Пауль не отвѣчалъ.

— Вы очень ухаживали за дамами.

— Вы находите?

— Въ особенности за одною. Я даже думалъ вначалѣ, что вы отдадите предпочтеніе младшей.

— Подростку? Гмъ!

— Вотъ именно—подростку.

Пауль увидѣлъ на лицѣ учителя адскую усмѣшку, и, не отвѣчая ему, вскочилъ и убѣжалъ.

Обѣдъ прошелъ очень тихо.

— Мы, кажется, всѣ немного устали?—улыбнулся г. Абдерегтъ:—даже ты, Пауль? И вы тоже, г. Гомбургеръ? Но вѣдь это было пріятное развлеченіе, не такъ ли?

— Безъ сомнѣнія, г. Абдерегтъ.

— Вы, кажется, много разговаривали съ фрейлейнъ Туснельдою? Она, вѣроятно, очень начитана?

— Спросите Пауля,—я, къ сожалѣнію, мало пользовался ея обществомъ.

— Чтó ты скажешь на это, Пауль?

— Я? О комъ вы говорите?

— О фрейлейнъ Туснельдѣ, если ты ничего противъ этого не имѣешь. Но ты, кажется, разсѣянъ?

— Очень ему интересны дамы!—вступилась тетя Грета.

— Пожалуй ты права.

Снова наступила жара, и лужицы высохли. На солнечной лужайкѣ стоялъ залитый сіяніемъ красный букъ, и на одной изъ его вѣтвей сидѣлъ, прислонясь къ стволу, Пауль. Это было его старинное, насиженное мѣсто, гдѣ онъ чувствовалъ себя въ безопасности.

Тамъ, три года назадъ, онъ тайкомъ прочиталъ „Разбойниковъ", тамъ онъ выкурилъ свою первую сигару, тамъ написалъ сатиру на своего прежняго учителя, весьма всполошившую тетю. Онъ думалъ теперь объ этомъ, какъ о чемъ-то пережитомъ, далекомъ... Дѣтскія шалости!

Пауль со вздохомъ вытащилъ изъ кармана ножикъ и принялся скоблить кору. Надо будетъ вырѣзать великолѣпную букву *Т*, хотя бы пришлось потратить на это не одинъ день.

Въ тотъ же вечеръ онъ снесъ садовнику ножъ, чтобы тотъ хорошенько отточилъ его. На возвратномъ пути онъ посидѣлъ въ лодкѣ, стараясь припомнить слышанную имъ здѣсь вчера мелодію. Небо было наполовину затянуто тучами, и думалось, что къ ночи снова разыграется гроза.

Съ нѣмец. О. Ч.

БѢЛАЯ НОЧЬ.

Облеченная ризой льняною,
Свѣтлоокаго Сѣвера дочь,
Ты ясна двуединой зарею,
Благодатная майская ночь!

Ты начало съ концомъ сочетаешь,
Жизнь и смерть вяжешь цѣпью живой,
Незакатной надеждой сіяешь
Въ часъ полночный надъ скорбью земной.

О. Бѣляевская.

ВЪ ДНИ КОМЕТЫ

ПОВѢСТЬ.

H. G. Wells. In the days of the Comet.

КНИГА ВТОРАЯ [1].

I.

Три дня послѣ этого, въ среду, произошла первая изъ зловѣщихъ вспышекъ, кончившихся кровопролитіемъ при Пиковъ-Гровѣ. Мнѣ суждено было быть очевидцемъ только одного изъ этихъ подготовительныхъ волненій, сравнительно незначительнаго.

Отчеты, которые писались объ этомъ событіи, крайне разнорѣчивы. Читая ихъ, нельзя не удивляться характерному для тогдашней прессы легкомысленному отношенію къ истинѣ. У меня хранятся цѣлыя груды старинныхъ газетъ — я коллекціонирую ихъ, — и передо мной теперь три, четыре нумера того времени; я вынулъ ихъ и просмотрѣлъ, чтобы освѣжить въ памяти событія. Они имѣютъ крайне потрепанный видъ; дешевая бумага уже совершенно потемнѣла и потрескалась, буквы выцвѣли, и приходится обращаться съ ними крайне осторожно, чтобы бумага не разсыпалась. Когда читаешь эти газеты среди теперешней безмятежности, то ихъ тонъ, ихъ доводы и увѣщанія кажутся бредомъ пьяныхъ людей. Точно слышишь выкрики и взвизгиванія плохого грамофона. Только въ нумерѣ отъ понедѣльника я нахожу на послѣдней страницѣ, послѣ извѣстій о

[1] См. выше: іюнь, стр. 693.

теченіи войны, сообщеніе о волненіяхъ въ Клэйтонѣ и Сватингли.

То, чему я былъ свидѣтелемъ, случилось подъ вечеръ. Я учился тогда стрѣлять изъ только-что купленнаго револьвера, и прошелъ за четыре или пять верстъ на маленькую, лежащую поодаль отъ дороги лужайку, заросшую колокольчиками, на полъ-пути между Литомъ и Стафордомъ. Тамъ я провелъ нѣсколько часовъ, упражняясь въ стрѣльбѣ съ мрачной настойчивостью. Послѣ многократныхъ опытовъ, я наконецъ дошелъ до того, что могъ прострѣлить карту въ тридцати шагахъ девять разъ изъ десяти. Когда стало темнѣть, я успокоился, почувствовалъ, что проголодался, и направился домой въ Сватингли.

Я пошелъ вдоль главной улицы Сватингли; по ней шла паровая конка, а съ обѣихъ сторонъ тянулись жалкіе домики рабочихъ. Сначала на улицѣ было очень тихо и пусто, но, начиная съ первыхъ пивныхъ, я сталъ замѣчать оживленіе. Никто не шумѣлъ, и даже дѣти какъ-то присмирѣли, но всюду стояли люди маленькими кучками и все движеніе направлялось къ воротамъ угольной шахты Бантокъ-Бурдена.

Работы тамъ прекратились, хотя забастовка еще не была объявлена и все еще тянулись переговоры между хозяевами и рабочими въ клэйтонской ратушѣ. Но одинъ изъ рабочихъ Бантокъ-Бурдена, Джэкъ Бриско, былъ соціалистъ и обратилъ на себя вниманіе рѣзкой статьей въ соціалистической газетѣ „Труба“ съ нападками на лорда Редкара. Послѣ появленія статьи, Джэка Бриско тотчасъ же разсчитали. Вотъ что̀ лордъ Редкаръ писалъ черезъ день или два въ „Times“—у меня есть этотъ нумеръ „Times“, также какъ всѣ другія лондонскія газеты послѣдняго мѣсяца передъ „Переворотомъ“.

„Рабочаго, — сообщалъ лордъ Редкаръ,—разсчитали и выгнали. Всякій уважающій себя хозяинъ поступилъ бы точно такъ же“. Это случилось такъ быстро, что рабочіе не сообразили сразу, какъ поступить. Часть ихъ бросила работу въ угольныхъ копяхъ лорда Редкара, сдѣлавъ это безъ предупрежденія и нарушая контрактъ внезапной остановкой работы. Но во время долгой борьбы въ Сватингли рабочіе все время дѣйствовали противозаконно, и съ опрометчивостью неразвитыхъ людей сами же нарушали свои интересы.

Ушли, однако, не всѣ рабочіе. Работа продолжалась; былъ слухъ, что лордъ Редкаръ выписалъ рабочихъ изъ Дургама, и они уже спустились въ шахту. Совершенно невозможно было

установить дѣйствительное положеніе дѣлъ. Газеты полны были слуховъ, но ничего достовѣрнаго не было извѣстно.

Я бы, вѣроятно, прошелъ мимо шахты, гдѣ происходила глухая драма, ни о чемъ не спрашивая, еслибы случайно почти одновременно со мной не появился лордъ Редкаръ, и дѣло не приняло сразу острый оборотъ.

Онъ заявилъ уже наканунѣ, что если рабочимъ хочется помѣряться съ нимъ силами, то онъ покажетъ имъ себя; весь день онъ велъ себя вызывающимъ образомъ и приготовлялъ цѣлую армію замѣстителей стачечниковъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ того, что̀ произошло затѣмъ передъ входомъ въ шахту, — но все-таки не могу въ точности установить ходъ событій.

Вотъ, приблизительно, что̀ я видѣлъ:

Я спускался по крутой, изрытой дорогѣ, между возвышающимися футовъ на шесть тротуарами; надъ ними открывались двери однообразнаго ряда темныхъ низкихъ домиковъ. Перспектива синихъ аспидныхъ крышъ и наклоненныхъ печныхъ трубъ спускалась къ площадкѣ передъ шахтой; все пространство, изрытое колесами, было покрыто каменной пылью; слѣва былъ свалъ мусора, а справа—ворота въ шахту. Дальше—улица съ рядомъ лавокъ и рельсы паровой конки, исчезавшіе за угломъ; затѣмъ, въ перспективѣ, — темнѣющая масса дорогъ, безконечное количество маленькихъ дымящихся трубъ, церкви, кабаки, школы и другія зданія. Направо ясно вырисовывалась на фонѣ вечерняго неба шахта съ рядомъ большихъ черныхъ колесъ. И среди широкаго яснаго неба, разстилающагося надъ всей этой картиной жалкой человѣческой суеты, сіяла большая комета, блѣдно зеленоватаго цвѣта, поражавшая всѣ взоры своей красотой. Догоравшій закатъ освѣщалъ всѣ очертанія и горизонтъ на западѣ, а комета всходила на востокѣ, среди клубовъ дыма, выходившаго изъ фабричныхъ трубъ. Луна еще не взошла.

Въ то время комета уже принимала облакоподобный видъ, хорошо извѣстный по тысячамъ фотографій и рисунковъ. Вначалѣ она была блѣднымъ пятномъ, видимымъ только въ телескопъ, потомъ стала разгораться и приняла размѣры самой большой звѣзды на небѣ; затѣмъ она все увеличивалась въ своемъ невѣроятно быстромъ, безшумномъ и неотвратимомъ поступательномъ движеніи къ землѣ, пока наконецъ не сравнялась съ мѣсяцемъ и не превзошла его по величинѣ. Въ то время, о которомъ я говорю, она была неописуемой красоты. Я никогда не видѣлъ фотографіи, которая бы вполнѣ передавала ея видъ. Никогда у нея не было хвоста, который приписывается кометамъ.

Астрономы говорили, что у нея было два хвоста: одинъ спереди, другой сзади, но оба они были незамѣтны, такъ что въ общемъ комета казалась раздутымъ пузыремъ изъ свѣтящагося дыма съ болѣе яркимъ сіяніемъ по срединѣ. Она казалась сначала оранжевой и обнаруживала свой зеленоватый цвѣтъ только поздно ночью, послѣ того какъ разсѣивались вечерніе туманы.

Она невольно приковывала къ себѣ вниманіе. Какъ я ни былъ занятъ своими личными интересами, я все же не могъ оторвать отъ нея глазъ, и смутно чувствовалъ, что нѣчто столь странное и прекрасное должно имѣть какое-то вліяніе на мою жизнь.

Но тутъ я вспомнилъ о Парлодѣ и о томъ, какъ ученые старались разсѣять тревогу, возбужденную появленіемъ кометы, и увѣряли, что ея вѣсъ—ничтожный, самое большее—нѣсколько сотъ тоннъ разряженнаго газа и пыли,—такъ что еслибы даже она столкнулась съ землей, все-таки ничего бы не произошло.

„Да и вообще,—подумалъ я,—какое значеніе могутъ имѣть звѣзды для человѣческой жизни?!"

По мѣрѣ того, какъ я спускался внизъ, я все яснѣе видѣлъ поднимающіеся мнѣ навстрѣчу дома и зданія, видѣлъ группы ожидающихъ чего-то людей, и забылъ о небѣ. Занятый собой и своими тревожными мыслями, я пробирался черезъ толпу и хотѣлъ незамѣтно пройти дальше, какъ вдругъ передъ моими глазами разыгралась драма.

Общее вниманіе внезапно устремилось съ неотразимой магнитной силой къ главной улицѣ, и потокъ захватилъ меня, какъ рѣка увлекаетъ соломинку въ своемъ теченіи. Вся толпа сразу стала кричать, произнося одинъ звукъ. Это было не слово, а неясный звукъ, соединяющій угрозы и протестъ, а пыхтѣніе автомобиля лорда Редкара было какъ бы насмѣшливымъ отвѣтомъ на возгласы толпы.

Всѣ двинулись къ воротамъ угольныхъ копей, и я вмѣстѣ съ другими. Вдругъ раздался страшный крикъ. Черезъ толпу вокругъ меня я увидѣлъ, какъ автомобиль остановился, потомъ быстро двинулся впередъ, а на землѣ лежало и извивалось что-то темное. Потомъ утверждали, что лордъ Редкаръ, проѣзжая въ автомобилѣ, намѣренно наѣхалъ на маленькаго мальчика, который не хотѣлъ уступить ему дороги. Другіе съ такой же твердостью сообщали, что это былъ не мальчикъ, а взрослый человѣкъ, который хотѣлъ перейти черезъ дорогу въ то время, какъ автомобиль медленно ѣхалъ среди толпы, что человѣкъ этотъ чуть-чуть не попалъ подъ автомобиль, но все-таки успѣлъ перебѣжать, а потомъ поскользнулся на рельсахъ трамвая и упалъ.

Обѣ версіи напечатаны были подъ крикливыми заглавіями въ двухъ разныхъ газетахъ, которыя лежатъ теперь передо мной на столѣ. Правду такъ и не удалось установить. И развѣ мыслима правда при такомъ возбужденіи умовъ? Всѣ кинулись впередъ; раздался гудокъ автомобиля, и толпа хлынула направо; потомъ раздалось что-то вродѣ ружейнаго выстрѣла. Всѣ бросились бѣжать. Какая-то женщина, съ укутаннымъ въ платокъ ребенкомъ на рукахъ, чуть не опрокинула меня, кинувшись въ мою сторону. Всѣ думали, что началась стрѣльба, но на самомъ дѣлѣ что-то лопнуло въ моторѣ, и надъ нимъ взвилось облачко синеватаго дыма. Толпа разбѣжалась во всѣ стороны и очистила мѣсто вокругъ автомобиля.

Человѣкъ или мальчикъ, упавшій на землю, лежалъ недвижимо, но никто уже не обращалъ на него вниманія. Автомобиль остановился, и трое людей, сидѣвшихъ въ немъ, поднялись съ мѣстъ. Шесть или семь черныхъ человѣкъ окружили моторъ и не давали ему сдвинуться съ мѣста. Одинъ изъ нихъ—это былъ извѣстный вожакъ рабочихъ, Митчель—о чемъ-то настойчиво спорилъ съ лордомъ Редкаромъ. Я стоялъ слишкомъ далеко, чтобы слышать, что̀ они говорили. Ворота за мной были открыты, и оттуда, повидимому, должны были явиться люди на помощь сидѣвшимъ въ автомобилѣ. Между моторомъ и воротами было пространство ярдовъ въ пятьдесятъ, а дальше чернѣли колеса и верхъ шахты. Я стоялъ въ полукругѣ людей, еще не выяснившихъ своего отношенія къ происходившему спору. Я инстинктивно опустилъ руку въ карманъ и сжалъ въ ней револьверъ. Затѣмъ я направился къ автомобилю съ самыми смутными намѣреніями, причемъ другіе уже меня опередили, побѣжавъ быстрѣе къ мѣсту катастрофы.

Лордъ Редкаръ стоялъ въ своемъ толстомъ мѣховомъ пальто, возвышаясь надъ окружавшей его кучкой людей; онъ говорилъ громкимъ голосомъ и возбужденно жестикулировалъ. Я долженъ сознаться, что онъ имѣлъ внушительный видъ: онъ былъ большой, красивый молодой блондинъ, съ пріятнымъ голосомъ и смѣлымъ, рѣшительнымъ выраженіемъ лица. Я впился въ него глазами. Онъ казался мнѣ олицетвореніемъ торжествующаго насилія высшихъ классовъ и возбуждалъ во мнѣ чувство безсильной злобы. Его шофферъ сидѣлъ сгорбившись и выглядывалъ на толпу изъ-подъ поднятой руки своего хозяина. Но и Митчель имѣлъ внушительный видъ, и голосъ его звучалъ твердо и грозно.

— Вы его сшибли съ ногъ,—говорилъ Митчель.—Подождите, пока мы посмотримъ, что̀ съ нимъ.

— Я подожду или не подожду—какъ мнѣ заблагоразсудится, сказалъ лордъ Редкаръ, и прибавилъ, обращаясь къ шофферу:— Пойдите, посмотрите, что съ мальчикомъ.

— Лучше не ходите,—сказалъ Митчель, и шофферъ остановился въ нерѣшительности.

Человѣкъ, сидѣвшій на заднемъ сидѣньи, высунулся впередъ и заговорилъ съ лордомъ Редкаромъ. Я взглянулъ на него—это былъ молодой Вераль. Его красивое лицо ясно и красиво выдѣлялось при блѣдно-зеленоватомъ свѣтѣ кометы. Я пересталъ слушать споръ Митчеля и лорда Редкара; новое впечатлѣніе отодвинуло на задній планъ все остальное. Передо мной былъ Вераль,—мое смутное намѣреніе неожиданно опредѣлилось и казалось близкимъ къ осуществленію... Навѣрное произойдетъ побоище, и тогда мы....

Какъ поступить? Я быстро все обдумалъ и, если память не измѣняетъ мнѣ, сталъ дѣйствовать очень рѣшительно. Я сжалъ рукой револьверъ, и тогда только вспомнилъ, что онъ не заряженъ. Я быстро повернулъ назадъ и выбрался изъ возбужденной толпы, которая все тѣснѣе обступала автомобиль. Я рѣшилъ отойти куда-нибудь подальше и незамѣтно зарядить револьверъ... Рослый молодой человѣкъ, быстро шагавшій впередъ съ сжатыми кулаками, остановился на минуту, взглянувъ на меня.

— Это что?—сказалъ онъ.—Испугались, что-ли?

Я обернулся, взглянулъ на него черезъ плечо, и выраженіе его лица измѣнилось; онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня и пошелъ дальше, что-то пробормотавъ.

Я слышалъ за собой громкіе, рѣзкіе голоса, на минуту остановился въ нерѣшимости, потомъ быстро побѣжалъ по направленію къ мѣсту, гдѣ свалены были кучи мусора. Я хотѣлъ зарядить револьверъ незамѣтно, такъ какъ сохранилъ хладнокровіе и думалъ заранѣе о послѣдствіяхъ того, что рѣшилъ сдѣлать.

Я еще разъ оглянулся, туда, гдѣ происходилъ споръ—или, можетъ быть, онъ уже перешелъ въ драку?—затѣмъ свернулъ въ сторону, присѣлъ на землю среди кустовъ и сталъ заряжать револьверъ дрожащими руками. Я вложилъ одну пулю, потомъ поднялся, прошелъ шаговъ двѣнадцать, осмотрѣлся, вернулся и вложилъ всѣ остальныя пули. Затѣмъ я обождалъ еще нѣсколько секундъ, борясь противъ внутренняго голоса, останавливавшаго меня, и въ это время вниманіе мое отвлечено было зеленоватымъ метеоромъ, блестѣвшимъ надо мной. Я въ первый разъ сознательно почувствовалъ связь его съ возбужденіемъ, охватившимъ людей, и сталъ думать о своемъ рѣшеніи: вѣдь я собирался

застрѣлить молодого Вераля какъ бы подъ охраной этого зеленаго сіянія.

Но какъ же быть относительно Нетти?..

Я вышелъ изъ своей засады и медленно направился къ мѣсту, гдѣ происходила борьба. Конечно, я долженъ убить его... Но мнѣ вовсе не хотѣлось убить молодого Вераля именно тогда. Я не представлялъ себѣ именно такихъ обстоятельствъ, не думалъ о Вералѣ въ связи съ лордомъ Редкаромъ и угольными копями. Онъ былъ для меня частью совершенно иного міра, міра парковъ и садовъ Чекшиля, міра солнечныхъ чувствъ и Нетти. Его появленіе здѣсь сбило меня съ толку. Я былъ слишкомъ утомленъ и голоденъ, чтобы разсуждать логично, и сознавалъ только нашу вражду, которая и вызвала во мнѣ неуклонную рѣшимость покончить съ обидчикомъ.

Вдругъ я услышалъ рѣзкій крикъ женщины, и толпа хлынула назадъ. Началась свалка. Кажется, лордъ Редкаръ соскочилъ съ автомобиля и повалилъ Митчеля; изъ воротъ шахты прибѣжали люди ему на помощь.

Я съ трудомъ пробрался чрезъ толпу; ясно помню, что я на минуту очутился между двумя толстяками, которые такъ сжали меня съ двухъ сторонъ, что я не могъ двинуть руками; всѣ другія подробности исчезли изъ моей памяти. Помню только, какъ меня толкнули впередъ,—я стукнулся о край мотора и очутился лицомъ къ лицу съ молодымъ วераลемъ, который какъ разъ сходилъ съ автомобиля. Лицо его озарено было оранжевымъ отблескомъ большихъ фонарей автомобиля, и свѣтъ этотъ, соединяясь съ сіяніемъ кометы, придавалъ странное искаженное выраженіе его лицу. Это длилось одну секунду, но мнѣ сдѣлалось жутко. Потомъ онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, и странная игра свѣта прекратилась.

Не думаю, чтобъ онъ узналъ меня, но онъ замѣтилъ, что я собираюсь напасть на него, и, замахнувшись, ударилъ меня прямо въ лицо. Я инстинктивно выпустилъ револьверъ, выхватилъ правую руку изъ кармана и изо всѣхъ силъ ударилъ его въ грудь. Онъ зашатался, и когда онъ откинулся назадъ, я увидѣлъ по его лицу, что онъ узналъ меня...

— Вы знаете, кто я! — крикнулъ я, и ударилъ его снова. Потомъ я отскочилъ въ сторону, оглушенный ударомъ кулака въ челюсть. Передо мной мелькнула высокая фигура лорда Редкара въ большомъ мѣховомъ пальто. Онъ что-то говорилъ молодому Вералю. Меня окружили, раздались крики и ругательства, потомъ все закружилось вокругъ меня, я упалъ и видѣлъ только,

какъ шофферъ, Вераль и лордъ Редкаръ быстро бѣжали при зеленоватомъ свѣтѣ кометы въ открытыя ворота шахты.

Я поднялся, опираясь на руки... Револьверъ такъ и остался въ карманѣ — я забылъ про него. Я былъ весь покрытъ угольной пылью и грязью. Поднявшись съ трудомъ на ноги, охваченный мучительнымъ чувствомъ жалкаго безсилія, я направился было къ воротамъ шахты, но потомъ повернулъ назадъ и пошелъ, прихрамывая, домой, въ страшно угнетенномъ состояніи духа. У меня не было никакого желанія ломать и жечь вмѣстѣ съ толпой моторъ лорда Редкара.

II.

Ночью боль, усталость и жаръ пробудили меня отъ тревожнаго сна, и меня охватило безконечное отчаяніе, безнадежное чувство позора. Я проклиналъ Бога, котораго отрицалъ. Въ короткіе промежутки забытья, прерывавшіе мучительную безсонницу, мнѣ представлялась Нетти; она терзала меня своей красотой, усиливая муку оскорбленнаго самолюбія. Она была какъ бы воплощеніемъ всего, въ чемъ мнѣ отказала жизнь, насмѣшкой надъ моимъ пораженіемъ. Я смотрѣлъ на нее, и еще сильнѣе чувствовалъ боль въ челюсти, еще острѣе страдалъ отъ позора, вспоминая, какъ я лежалъ въ грязи передъ моими врагами. Минутами я былъ близокъ къ безумію и впивался ногтями въ руки, чувствуя безсиліе проклятій и криковъ. Подъ утро я всталъ съ постели и сѣлъ у зеркала, держа въ рукѣ заряженный револьверъ. Наконецъ, я поднялся, положилъ револьверъ въ ящикъ стола и заперъ его, чтобы уберечь себя отъ безразсуднаго порыва. Послѣ этого я легъ въ постель и заснулъ.

Такія ночи были частымъ явленіемъ въ старомъ мірѣ. Не было того города, не было такой ночи въ теченіе круглаго года, когда бы гдѣ-нибудь не терзались люди безсонницей, не болѣли, не испытывали мукъ, приводящихъ ихъ къ безумію.

Слѣдующій день я провелъ въ мрачномъ бездѣйствіи. Я хотѣлъ пойти въ Чекшиль, но у меня распухла нога, и я не могъ двигаться. Я сидѣлъ дома въ тускло освѣщенной кухнѣ внизу, съ забинтованной ногой, предавался мрачнымъ мыслямъ и вздыхалъ... Бѣдная мама ухаживала за мной, глядѣла мнѣ въ лицо и не понимала моего угрюмаго молчанія. Я ей не сказалъ, какимъ образомъ я повредилъ себѣ ногу и почему я вернулся весь въ грязи. Платье мое она вычистила, прежде чѣмъ я всталъ.

Теперь матерямъ, къ счастью, легче живется. Не знаю, смогу ли я описать такъ, чтобы вы поняли меня, нашу тогдашнюю обстановку. Представьте себѣ темную, убогую комнату, съ непокрытымъ деревяннымъ столомъ, ободранными обоями, кастрюлями и котломъ на узкой полкѣ, золу въ очагѣ, заржавленную чугунную рѣшетку, на которую я поставилъ больную ногу, а затѣмъ—сидящаго на стулѣ блѣднаго, возбужденнаго юношу, какимъ я тогда былъ, небритаго, безъ воротника, и маленькую, грязную, запуганную старую женщину, которая суетилась вокругъ меня, глядя на меня съ любовью изъ-подъ опухшихъ вѣкъ.

Когда она вышла купить овощей на обѣдъ, она купила газету за полъ-пенни. Это была такая же газета, какъ тѣ, которыя лежатъ теперь у меня на столѣ, но та была еще сырая, а эти такъ покоробились, что чуть не разсыпаются отъ прикосновенія. У меня какъ разъ есть нумеръ, который я читалъ въ то утро. Газета называлась „Новой Газетой“ и была въ то утро полна такихъ сенсаціонныхъ новостей, что я на минуту забылъ о своихъ личныхъ дѣлахъ, захваченный болѣе широкими интересами. Рѣчь шла о неминуемой, будто бы, войнѣ между Англіей и Германіей.

Изъ всѣхъ чудовищно-безсмысленныхъ явленій стараго міра война была несомнѣнно самымъ безумнымъ. По существу она, вѣроятно, была менѣе зловредна, чѣмъ болѣе мирныя невзгоды, чѣмъ, напримѣръ, частное владѣніе землей, но пагубныя послѣдствія войны были такъ очевидны, что даже въ тѣ времена общаго смятенія умовъ люди изумлялись возможности войнъ. Въ нихъ не было никакого смысла. Ничего, кромѣ смерти и увѣчья многихъ тысячъ людей, кромѣ траты безконечныхъ количествъ разныхъ продуктовъ, кромѣ напрасной потери силъ и энергіи, война не давала. Прежнія войны варварскихъ народовъ мѣняли, по крайней мѣрѣ, жизнь человѣчества; одна нація выказывала свое физическое и духовное превосходство надъ другой, захватывала земли и женщинъ покореннаго врага и укрѣпляла въ дальнѣйшихъ поколѣніяхъ свое благосостояніе и силу. Войны новаго времени мѣняли только цвѣтъ и видъ почтовыхъ марокъ и отношенія между нѣсколькими случайно стоящими впереди другихъ лицами. Въ одномъ изъ послѣднихъ международныхъ эпилептическихъ припадковъ, напримѣръ, англичане, поплатившись за это эпидеміей дезинтеріи и множествомъ плохихъ стиховъ, теряя по нѣскольку сотъ человѣкъ въ каждой битвѣ, одержали побѣду, надъ южно-африканскими бурами; побѣда стоила, при-

близительно, по три тысячи фунтовъ за каждаго побѣжденнаго бура, а можно было бы купить всю эту поддѣльную націю за десятую часть такой цѣны. И за исключеніемъ нѣкоторыхъ перемѣнъ личнаго состава, замѣны одной группы недобросовѣстныхъ чиновниковъ другою, и т. д., никакой существенной перемѣны не произошло. А между тѣмъ одинъ сумасбродный молодой человѣкъ въ Австріи застрѣлился, когда наконецъ Трансвааль перестать быть „націей". Тѣ, которые посѣтили театръ этой войны послѣ заключенія мира, не нашли тамъ никакой перемѣны, кромѣ общаго обѣднѣнія, да еще неимовѣрнаго количества пустыхъ жестянокъ для провіанта, а также проволоки и патроновъ. Въ остальномъ все было по-прежнему: люди вернулись къ старымъ привычкамъ и прежнимъ ссорамъ; негры попрежнему жили въ грязныхъ лачугахъ, а бѣлые—въ уродливыхъ, плохо устроенныхъ сараяхъ.

Но, ослѣпленные толками газетъ, мы, какъ безумцы, увлекались войной. Вся моя юность, отъ четырнадцати до семнадцати лѣтъ, прошла подъ аккомпаниментъ этого чудовищнаго пустозвонства, возбужденія, тревогъ, развѣвающихся флаговъ, негодованія противъ доблестнаго Буллера, восхищенія героизмомъ Де-Вета, которому всегда удавалось убѣжать во время,—въ этомъ и заключался героизмъ Де-Вета,—и намъ никогда не приходило въ голову, что весь народъ, противъ котораго шла война, равнялся меньшей половинѣ нищенствующаго населенія долины четырехъ городовъ, въ которой протекла моя юность.

Но до и послѣ этой безсмысленной войны нарождался и развивался болѣе знаменательный антагонизмъ двухъ націй, который долженъ былъ неизбѣжно привести къ столкновенію; иногда онъ ускользалъ отъ общаго вниманія, потомъ вдругъ обострялся и проявлялся при новыхъ обстоятельствахъ, дѣлаясь все болѣе и болѣе грознымъ: это былъ антагонизмъ между Германіей и Великобританіей.

Когда я думаю о наростающемъ количествѣ читателей, выросшихъ при новомъ строѣ жизни, имѣющихъ лишь смутныя представленія о старомъ мірѣ, я испытываю величайшую трудность въ изображеніи непостижимаго безразсудства, которое, однако, казалось чѣмъ-то совершенно нормальнымъ ихъ отцамъ.

Насъ было сорокъ-одинъ милліонъ англичанъ, жившихъ въ почти неописуемо-безцѣльномъ экономическомъ и нравственномъ хаосѣ, въ которомъ мы были безсильны разобраться; наши интересы были къ тому же безнадежно спутаны съ интересами трехсотъ-пятидесяти милліоновъ чуждыхъ намъ по духу людей,

разбросанныхъ по лицу земли. Съ другой стороны были нѣмцы, пятьдесятъ-шесть милліоновъ людей, живущихъ въ такомъ же хаосѣ, какъ и мы,—а крикливые люди, которые писали книги, сочиняли газетныя статьи и читали лекціи, провозглашая себя выразителями національнаго духа, хлопотали въ обѣихъ странахъ съ какимъ-то адскимъ единодушіемъ, убѣждая оба народа отдать всѣ свои матеріальныя, нравственныя и интеллектуальныя силы на разрушительное, безцѣльное дѣло войны. И никто бы не могъ указать на какое-нибудь дѣйствительное благо, на что-нибудь, составляющее противовѣсъ разрушительнымъ результатамъ войны между Англіей и Германіей,—все равно, каковъ бы ни былъ ея исходъ, разбила ли бы Англія Германію, или потерпѣла бы пораженіе. Это безсмысленное массовое увлеченіе было такимъ же уродливымъ явленіемъ въ нашей національной исторіи, какъ охватившая меня эгоистическая ревность въ моей личной жизни. Какъ я сдѣлался рабомъ своей злобы и ходилъ всюду съ заряженнымъ револьверомъ, обдумывая дикіе планы мести, такъ и эти двѣ націи метались по міру, обезумѣвъ отъ гнѣва, съ вооруженнымъ флотомъ и готовыми арміями. Но для оправданія ихъ глупости не было даже такой причины, какъ измѣна Нетти. Были только воображаемыя угрозы съ обѣихъ сторонъ.

Главнымъ орудіемъ, натравлявшимъ эти двѣ толпы народа одна на другую, была пресса. Ее составляли всѣ эти газеты, столь же лишенныя смысла для насъ теперь, какъ понятія „имперія“, „нація“, какъ „трёсты“ и другія чудовищныя явленія того страннаго времени. Пресса была непредвидѣнной случайностью въ старомъ мірѣ. Она разрослась, какъ сорная трава въ заброшенномъ саду, только потому, что въ жизни отсутствовала руководящая разумная воля. Къ концу эта „пресса“ очутилась почти всецѣло въ рукахъ молодыхъ людей, очень энергичныхъ, но весьма неразумныхъ, не понимавшихъ своей собственной безцѣльности, преслѣдующихъ ничтожныя цѣли съ невѣроятнымъ рвеніемъ. И если вы хотите дѣйствительно понять ту безумную эпоху, конецъ которой положила комета, вы должны помнить, что все совершалось тогда съ безцѣльной огромной затратой силъ и въ порывѣ сосредоточенной воли.

Я опишу вамъ вкратцѣ, какъ составлялись и распространялись въ то время газеты.

Представьте себѣ, прежде всего, торопливо построенное по еще болѣе торопливо составленному плану зданіе въ грязномъ, заваленномъ обрывками бумагъ, закоулкѣ стараго Лондона. Множество плохо одѣтыхъ людей снуютъ по улицѣ съ быстротой

снарядовъ, выпущенныхъ изъ пушекъ. Внутри зданія цѣлая армія наборщиковъ быстро работаетъ ловкими пальцами въ какой-то адской кухнѣ, перебирая металлическіе слитки въ ящикахъ. Надъ ними, въ верхнемъ этажѣ, въ нѣсколько лучше освѣщенныхъ комнатахъ сидятъ растрепанные люди и быстро пишутъ. Вокругъ нихъ звонитъ телефонъ, стучитъ телеграфъ, бѣгаютъ разсыльные и разносятъ полосы. Потомъ начинается грохотъ машинъ, вертящихся все быстрѣе и быстрѣе; механики, которымъ некогда было помыться съ самаго дня ихъ рожденія, бѣгаютъ взадъ и впередъ; по валикамъ катится бумага съ безумной быстротой. Наконецъ, является собственникъ газеты, примчавшійся на быстромъ моторѣ. Онъ врывается, прежде чѣмъ остановились машины, держа въ рукахъ пачки писемъ и документовъ, и начинаетъ всѣхъ подгонять,—на самомъ дѣлѣ мѣшая работѣ. При его появленіи даже мальчики, ожидающіе приказаній, вскакиваютъ съ мѣстъ и начинаютъ безсмысленно бѣгать во всѣ стороны. Прибавьте ко всему этому шумъ, споры, брань, безсмысленныя слова и движенія. Всѣ эти составныя части сложной сумасшедшей машины работаютъ съ наростающей истерической возбужденностью, по мѣрѣ того какъ проходитъ ночь. Въ концѣ концовъ кажется, что среди этой судорожной быстроты медленнѣе всего движутся стрѣлки часовъ.

Наконецъ, приближается моментъ выхода газеты — созданія всей этой напряженной торопливой работы. Подъ утро темныя и пустынныя до того улицы наполняются людьми и повозками. Изъ каждой двери выбрасываются тюки газетъ, которые расхватываются съ бою налетѣвшими со всѣхъ сторонъ людьми, и съ шумомъ и грохотомъ увозятся и уносятся на востокъ и на западъ, на сѣверъ и на югъ. Возбужденіе переходитъ на улицу. Люди, наполнявшіе душныя комнаты, идутъ домой; наборщики расходятся, зѣвая; грохотъ машинъ затихаетъ. Газета издана. За производствомъ слѣдуетъ потребленіе—и мы послѣдуемъ за тюками.

Начинается прежде всего лихорадочно-быстрое распространеніе газеты по всей странѣ. Тюки газетъ увозятъ на вокзалы, вбрасываютъ въ поѣзда въ послѣднюю минуту до отхода; тамъ ихъ раздѣляютъ на меньшія пачки, которыя выбрасываютъ изъ поѣзда на каждой станціи. Эти пачки раскладываются на станціяхъ на еще меньшія, затѣмъ, наконецъ, на отдѣльные нумера, и наступленіе утра проходитъ незамѣтнымъ среди бѣготни и криковъ мальчиковъ, бросающихъ газеты въ ящики для писемъ у дверей домовъ, въ открывающіяся окна, на прилавки га-

зетчиковъ. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ вся страна покрывается пятнами бѣлой шуршащей бумаги и огромными плакатами, крикливо возвѣщающими торопливо придуманную для текущаго дня новость. Мужчины и женщины въ поѣздахъ, за утреннимъ чаемъ и у камина въ рабочихъ кабинетахъ, матери, сыновья и дочери, ожидающіе, пока отецъ кончитъ чтеніе,— милліонъ людей, разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ, лихорадочно читаетъ или жаждетъ скорѣе прочесть газету. Точно какой-то мощный потокъ раскидалъ эту бѣлую бумажную пѣну по всей странѣ... И потомъ эта пѣна такъ же безслѣдно исчезаетъ, какъ слѣдъ волнъ на песчаномъ берегу...

Все это, вмѣстѣ взятое—какой-то шумный пароксизмъ безсмыслицы, безразсуднаго возбужденія и нелѣпой траты силъ на ничто...

Однимъ изъ этихъ бѣлыхъ брызговъ пѣны была газета, которую я сталъ читать, сидя съ забинтованной ногой въ темной подвальной кухнѣ моей матери, и когда я прочелъ заголовокъ первой статьи, я забылъ сразу о своихъ личныхъ волненіяхъ.

Этотъ нумеръ газеты былъ очагомъ заразы, охватывающей организмъ. Я былъ ничтожной частицей огромнаго безформеннаго тѣла англійской націи, одной изъ сорока милліоновъ такихъ же единицъ, какъ я,—и, несмотря на всѣ мои личныя заботы, эти строки, эта газетная отрава охватила и меня. И по всей странѣ въ этотъ день милліоны людей читали газету съ такимъ же чувствомъ, какъ и я, подпадая подъ тѣ же чары. Всѣ мы увидѣли—какъ это мы говорили тогда?—врага лицомъ къ лицу.

Комета отошла на второй планъ. Столбецъ подъ заглавіемъ: „Авторитетный ученый утверждаетъ, что комета столкнется съ землей. Чтò тогда произойдетъ?"—остался непрочитаннымъ. „Германія"—я обыкновенно представлялъ себѣ ее въ видѣ затянутаго въ узкій мундиръ императора, съ торчащими усами, съ геральдическими черными крыльями и большимъ мечомъ—Германія оскорбила наше знамя. Вотъ какую вѣсть принесла „Новая Газета", и я видѣлъ надъ собой чудовище, грозящее новыми оскорбленіями нашей національной гордости. Кто-то поднялъ британскій флагъ на правомъ берегу невѣдомой до того рѣки въ тропикахъ, а пьяный нѣмецкій офицеръ, въ силу неясныхъ инструкцій, сорвалъ его. Послѣ того какой-то туземецъ,—котораго мы уже считали британскимъ подданнымъ въ виду того, что тамъ водрузили британскій флагъ,—былъ раненъ выстрѣломъ въ ногу. Факты не были выяснены,—но для всѣхъ было очевидно, что мы не потерпимъ нанесеннаго намъ Германіей оскорбленія. Случи-

лось ли все это или нѣтъ,—но мы требуемъ извиненій, а, повидимому, Германія не желаетъ.

„Будетъ ли, наконецъ, война?“

Такъ гласилъ заголовокъ статьи, и я всей душой стоялъ за утвердительный отвѣтъ. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ я пересталъ думать о Нетти, мечтая о сухопутныхъ и морскихъ битвахъ, объ истребленіи многихъ тысячъ людей.

На слѣдующее утро, однако, я отправился въ Чекшиль—и забылъ о кометахъ, о стачкахъ и о войнѣ.

III.

Имѣйте въ виду, что я не замышлялъ убійства, направляясь въ Чекшиль. У меня не было вообще никакихъ плановъ. Въ головѣ моей былъ хаосъ разныхъ романтическихъ мыслей объ угрозахъ, обличеніяхъ, но убивать я не собирался. Я взялъ съ собой револьверъ просто потому, что онъ у меня былъ, и что мнѣ нравилось ходить съ револьверомъ въ карманѣ. Это какъ-то возвышало меня въ собственныхъ глазахъ. Но никакихъ опредѣленныхъ плановъ, повторяю, у меня не было.

Почему-то я шелъ въ Чекшиль въ повышенномъ, почти радостномъ настроеніи. Я проснулся въ то утро съ надеждой—можетъ быть, это былъ слѣдъ забытаго сна,—что Нетти, можетъ быть, еще измѣнитъ свое отношеніе ко мнѣ и что, несмотря на все случившееся, она еще меня любитъ. Я даже считалъ возможнымъ, что я ложно истолковалъ то, что̀ видѣлъ, и что, можетъ быть, она все объяснитъ. И все-таки у меня былъ съ собой револьверъ.

Въ началѣ пути я нѣсколько прихрамывалъ, но потомъ я забылъ о боли въ ногѣ, размышляя о томъ, что, можетъ быть, я напрасно обвинялъ Нетти. Съ этою мыслью я вошелъ въ паркъ. Видъ запоздалыхъ синихъ гіацинтовъ неподалеку отъ дома садовника напомнилъ мнѣ, какъ мы съ Нетти рвали вдвоемъ эти цвѣты, и я почувствовалъ, что разрыва между нами не можетъ быть. Меня охватила волна нѣжности, когда я проходилъ по маленькой полянѣ и приближался къ деревьямъ сада; но тамъ я уже забылъ о своихъ дѣтскихъ чувствахъ къ Нетти и сталъ думать о ея красотѣ, пробудившей во мнѣ страстныя чувства. Тогда я вспомнилъ о человѣкѣ, котораго видѣлъ при лунномъ свѣтѣ, и настроеніе мое сразу омрачилось...

Я пошелъ черезъ рощу и приблизился къ саду съ тяжелымъ

чувствомъ. Когда я дошелъ до зеленой калитки въ стѣнѣ сада, меня охватила такая дрожь, что я едва могъ открыть калитку: я уже внутренно не сомнѣвался, что меня ждетъ горе. Я почувствовалъ, что щеки у меня влажныя, и не могъ сдержать слезъ, охваченный жалостью къ самому себѣ. Я легъ на траву и долго рыдалъ... Я даже подумывалъ о томъ, чтобы уйти, не войдя въ домъ, но потомъ мое волненіе улеглось, печаль разсѣялась, какъ облако, и я спокойно вошелъ въ садъ.

Черезъ открытую дверь одной изъ стеклянныхъ оранжерей я увидѣлъ старика Стюарта. Онъ стоялъ, засунувъ руки въ карманы, и былъ такъ погруженъ въ мысли, что не замѣтилъ меня. Я сначала остановился въ нерѣшительности, а потомъ медленно направился къ дому. Но меня поразило, что домъ имѣетъ какой-то необычный видъ. Я сразу не могъ опредѣлить, въ чемъ заключалась перемѣна, но потомъ увидѣлъ, что одно окно въ спальнѣ было раскрыто, и короткая ставня закрывала половину окна; это придавало акуратному домику непривычный неряшливый видъ. Дверь была широко открыта, и въ домѣ было тихо. Но въ прибранной обыкновенно передней стояла на стульяхъ грязная посуда. Было два часа дня, и этотъ безпорядокъ поразилъ меня.

Я вошелъ, оглянулся и постучался въ дверь, ведущую во внутреннія комнаты. Отвѣта не послѣдовало. Черезъ нѣсколько времени, я хотѣлъ было постучать вторично, когда въ дверяхъ показалась Пусъ. Мы съ минуту глядѣли другъ на друга, ничего не говоря. Волосы у нея были растрепаны, лицо въ слезахъ и сильно раскраснѣвшееся. Она съ удивленіемъ взглянула на меня. Я думалъ, что она что-нибудь скажетъ, но она быстро выбѣжала изъ дома.

— Пусъ!—крикнулъ я, и быстро пошелъ за ней.—Пусъ, что случилось? Гдѣ Нетти?

Но она исчезла за угломъ дома. Я остановился въ нерѣшительности. Что все это значило?.. Но въ эту минуту я услышалъ шаги наверху.

— Вилли!—крикнулъ голосъ м-ссъ Стюартъ.—Это ты?

— Да,—отвѣтилъ я.—Но гдѣ всѣ? Гдѣ Нетти? Мнѣ нужно ее видѣть.

М-ссъ Стюартъ ничего не отвѣтила, и я услышалъ шуршаніе ея платья; я думалъ, что она спускается внизъ, и остановился у лѣстницы, поджидая ее. Но вдругъ раздались какіе-то странные звуки, какія-то несвязныя слова, прерываемыя жалобнымъ плачемъ...—Я не могу, не могу!—вотъ все, что я могъ разслышать.

Я совершенно растерялся и побѣжалъ наверхъ. Она стояла въ корридорѣ, у дверей своей спальни, прислонившись къ комоду, и горько плакала. Когда я подошелъ къ ней, она стала еще сильнѣе рыдать.—До чего я дожила!—заговорила она сквозь душившія ея слезы.—Какой позоръ!—Я былъ такъ пораженъ, что не могъ выговорить ни слова; я никогда не видалъ, чтобы такъ безутѣшно рыдали.

— Зачѣмъ я дожила до этого?—заговорила она опять.— Лучше бы она убила меня!

Я началъ понимать.—М-ссъ Стюартъ,—сказалъ я, пересиливъ себя,—что̀ случилось съ Нетти?

— Зачѣмъ я дожила до этого дня?—повторяла она вмѣсто отвѣта, и я долженъ былъ ждать, пока она опять успокоилась. Я ничего не понималъ и забылъ о томъ, что у меня револьверъ въ карманѣ. Вдругъ она подняла лицо и обратилась ко мнѣ, вытирая распухшіе глаза. — Вилли,—сказала она всхлипывая,— она ушла!

— Нетти?

— Ушла... Убѣжала изъ дому. Какой позоръ, Вилли, какой грѣхъ!

Она опустила голову на мое плечо и опять стала причитать о томъ, что она лучше хотѣла бы умереть.

— Успокойтесь, успокойтесь!—сказалъ я, въ то время, какъ самъ весь дрожалъ. — Куда она ушла?—Я спросилъ это какъ можно мягче.

— Не знаю,—не знаю... Она ушла вчера утромъ. Я сказала ей: Нетти, куда это ты уходишь такая нарядная съ утра?— „Я рада солнцу,—потому и нарядилась“, сказала она,—и это были ея послѣднія слова. Вилли.... я ее вскормила своей грудью, а вотъ какой она стала!

— Да, да. Но куда она ушла?

Она продолжала разсказывать торопливо и прерывая разсказъ рыданіями:

— Она ушла, улыбаясь, изъ родного дома. Она была такая веселая, Вилли, — точно она радовалась уходу.

— Радовалась уходу,—повторилъ я беззвучно.

— Очень ужъ ты нарядна для утренней прогулки,—сказала я,—очень нарядна.—„Почему ей не наряжаться,—сказалъ отецъ, —на то она молода“. А она незамѣтно захватила съ собой узелокъ съ вещами и ушла—ушла изъ дому навсегда!

Она стала говорить спокойнѣе.

— Пусть наряжается, пока молода,—повторяла она,—пусть

наряжается, пока молода... Какъ мы будемъ жить безъ нея, Вилли?.. Отецъ скрываетъ, но онъ убитъ горемъ. Она была его любимицей... А она такое съ нимъ сдѣлала!

— Куда же она ушла?—снова спросилъ я.

— Не знаю. Она покинула насъ, ушла къ... Это убьетъ меня, Вилли. Лучше бы она и я лежали вмѣстѣ въ могилѣ!

— Но, можетъ быть, — медленно проговорилъ я,—можетъ быть, она ушла изъ дому, чтобы выйти замужъ.

— Еслибы это было такъ! Я молила Бога, чтобъ это такъ было. Я молила Бога, чтобы онъ сжалился надъ ней—тотъ, съ кѣмъ она ушла.

— Кто онъ?—крикнулъ я.

— Она говоритъ въ письмѣ, что онъ благороднаго рода.

— Въ письмѣ? Она писала вамъ? Покажите мнѣ письмо.

— Оно у отца,—оно пришло сегодня утромъ.

— Откуда?

— Она не пишетъ, гдѣ она. Говоритъ, что счастлива... Что любовь вихремъ налетѣла на нее!

— Гдѣ письмо? покажите мнѣ его! А кто этотъ человѣкъ— это вы сами знаете.

— Вилли...—запротестовала она.

— Вѣдь это молодой Вераль!

Она ничего не отвѣтила.—Все, что̀ я могу сказать тебѣ въ утѣшеніе...—начала она.

— Вѣдь это Вераль?—настаивалъ я.

Она взглянула мнѣ въ лицо—и мы поняли другъ друга безъ словъ.

Потомъ она опять отвернулась и стала вытирать глаза платкомъ, избѣгая моего взгляда. Я пересталъ чувствовать къ ней жалость. Она знала, какъ и я, что Нетти ушла съ сыномъ ея хозяйки. Она должна была предвидѣть это. Я постоялъ нѣсколько времени около нея, чувствуя глубокое возмущеніе въ душѣ. Наконецъ, я вспомнилъ о старикѣ Стюартѣ, котораго видѣлъ въ оранжереѣ, и быстро спустился съ лѣстницы. А м-ссъ Стюартъ медленно прошла къ себѣ въ комнату.

IV.

Старикъ Стюартъ показался мнѣ очень жалкимъ. Я засталъ его въ оранжереѣ, тамъ же, гдѣ видѣлъ его, когда пришелъ. Онъ не шевельнулся, когда я подошелъ къ нему, медленно взгля-

нулъ на меня, и потомъ сталъ опять смотрѣть на стоящіе передъ нимъ горшки цвѣтовъ.

— Да, Вилли,—сказалъ онъ, — пришелъ черный день для всѣхъ насъ.

— Чтò вы намѣрены дѣлать?—спросилъ я.

— Чтò дѣлаютъ въ такихъ случаяхъ? Нужно, чтобы онъ женился на ней.

— Конечно!—воскликнулъ я.—Жениться-то онъ долженъ во всякомъ случаѣ.

— Долженъ... Но какъ я его заставлю? А если онъ не захочетъ? Это вполнѣ возможно. Чтò тогда?

Онъ опустилъ голову въ глубокомъ отчаяніи. — Вотъ этотъ домикъ...—сказалъ онъ, продолжая какъ бы думать вслухъ.—Мы здѣсь прожили, можно сказать, всю нашу жизнь... Уйти отсюда въ мои годы... Нельзя же умереть въ трущобѣ...

Я стоялъ передъ нимъ, стараясь восполнить мысли, скрывавшіяся за отрывистыми словами. Его апатія и его соображенія, о которыхъ я смутно догадывался, возмутили меня. Я отрывисто сказалъ:—Ея письмо при васъ?

Онъ опустилъ руку въ карманъ, застылъ на нѣсколько секундъ, потомъ пришелъ въ себя, вынулъ письмо и молча протянулъ мнѣ его, предварительно вынувъ изъ конверта.

— Чтò это?—крикнулъ онъ, въ первый разъ взглянувъ на меня.—Чтò это у тебя на лицѣ, Вилли?

— Ничего,—отвѣтилъ я.—Я ушибся.

Я сталъ читать письмо. Оно было написано на блѣдно-зеленоватой бумагѣ; почеркъ былъ ясный и спокойный, безъ всякихъ слѣдовъ волненія.

Вотъ чтò она писала:

„Дорогая мама, не горюй о томъ, что я ушла. Мнѣ теперь хорошо, и со мной человѣкъ, который меня очень любитъ. Мнѣ жаль васъ всѣхъ, но такъ должно было быть. Любовь неожиданно покоряетъ сердце, и съ ней нельзя бороться. Не думай, что я стыжусь. Я счастлива своей любовью, и ты обо мнѣ не тревожься. Я очень, очень счастлива (нѣсколько разъ подчеркнуто). Цѣлую папу и Пусъ.—Любящая тебя дочь Нетти“.

Теперь я вижу, сколько было дѣтской простоты въ этомъ письмецѣ, но тогда я читалъ его съ бѣшенствомъ въ душѣ. Я чувствовалъ себя глубоко опозореннымъ, и мнѣ казалось, что я не смогу дольше жить, если не отомщу. Я продолжалъ смотрѣть на прямыя, круглыя буквы, не рѣшаясь выговорить ни слова. Наконецъ, я поднялъ глаза на Стюарта.

Онъ держалъ конвертъ въ рукахъ и смотрѣлъ на почтовую марку.

— Нельзя разобрать, откуда она пишетъ,—сказалъ онъ, безнадежно вертя письмо въ рукахъ.—Жестоко она поступила съ нами, Вилли! Ей жилось у насъ хорошо. Всѣ ее баловали—ей даже не приходилось работать по дому. И вдругъ она ушла и покинула насъ... какъ птичка, научившаяся летать. Она не довѣряетъ намъ — вотъ что̀ самое обидное... А гла̀вное — что̀ съ ней будетъ?

Онъ покачалъ головой, выражая свою безпомощность.

— Поѣзжайте къ ней,—сказалъ я ровнымъ голосомъ.—Вы должны заставить его жениться.

— Куда поѣхать?—безнадежно спросилъ онъ, протягивая мнѣ конвертъ выразительнымъ жестомъ. — И что я могу сдѣлать? Даже еслибы я зналъ, — какъ я могу оставить садъ?

— Вотъ какъ!—крикнулъ я:—тогда вы не можете оставить сады! Дѣло идетъ о вашей чести. Еслибы она была моей дочерью,—я бы растерзалъ весь міръ...—Я запнулся.—А вы намѣрены примириться съ тѣмъ, что̀ произошло!

— Что̀ я могу сдѣла̀ть?

— Заставить его жениться на ней. Избить его кнутомъ... Я бы задушилъ его...

Онъ медленно почесалъ свою волосатую щеку, раскрылъ ротъ и покачалъ головой; потомъ, съ нестерпимой для меня мягкой мудростью, онъ сказалъ:

— Люди въ нашемъ положеніи не могутъ такъ поступать...

Я пришелъ въ полное бѣшенство, и готовъ былъ ударить его по лицу. Разъ, въ дѣтствѣ, я увидалъ птичку, помятую кошкой, и убилъ эту птичку въ припадкѣ ужаса и жалости. Теперь у меня былъ приливъ того же чувства при видѣ этой позорно искалѣченной души, распростертой во прахѣ. Потомъ я пересталъ заниматься его психологіей и сталъ думать только о Нетти.

— Дайте посмотрѣть!—сказалъ я.

Онъ неохотно протянулъ мнѣ конвертъ и указалъ на неразборчивость штемпеля. Я сталъ вглядываться въ буквы и сразу, какимъ-то чутьемъ, разобралъ названіе—Шапгамбури. Я зналъ, что есть такой городокъ гдѣ-то въ Норфолькѣ или Суффолькѣ.

— Да вѣдь это...—воскликнулъ я, и остановился. Зачѣмъ говорить ему? Нужно только самому запомнить себѣ названіе города. Я отдалъ ему конвертъ.

— Неужели ты разобралъ?—сказалъ онъ.

— Мнѣ на минуту показалось, что это можетъ быть Гамптонъ.

— Гамптонъ?—повторилъ онъ.—Да что ты? Ни одна буква не подходитъ. Нѣтъ, ты хуже меня разбираешь.

Онъ снова положилъ письмо въ конвертъ и опустилъ его въ карманъ. Я же вынулъ карандашъ изъ жилетнаго кармана, быстро отвернулся - и написалъ на манжеткѣ: „Шапгамбури"; потомъ я опять повернулся къ нему и заговорилъ о чемъ-то безразличномъ.

Но я не закончилъ начатой фразы, потому что поднялъ глаза и увидѣлъ въ дверяхъ появившуюся тамъ женщину.

V.

Это была старая м-ссъ Вераль.

Не знаю, удастся ли мнѣ дать вамъ представленіе объ этой женщинѣ. Она была маленькая старая дама, съ волосами льняного цвѣта, съ надменнымъ выраженіемъ орлиныхъ чертъ лица, очень богато одѣтая. Теперь никто не одѣвается такъ богато; никто, ни молодыя, ни старыя, не любятъ такой пышности. Но не представляйте себѣ при этомъ какой-либо особой оригинальности одежды или пышности красокъ. Она носила черныя платья и темные мѣха, и богатство сказывалось только въ необычайной дороговизнѣ матеріала. Она носила черные шолковые броваты очень замысловатыхъ рисунковъ, безцѣнныя черныя кружева на палевомъ или красномъ атласѣ, бархатъ, а зимой—рѣдкіе мѣха. На ней были плотно охватывающія руки перчатки, и она носила цѣпи изъ тонкаго золота и жемчуговъ, и множество браслетовъ. Чувствовалось, что каждая вещь на ней стоитъ безконечно дороже, чѣмъ весь гардеробъ дюжины такихъ дѣвушекъ, какъ Нетти. Шляпа у нея была простая, но ясно было, что эта простота стоила огромныхъ денегъ. Первое впечатлѣніе, которое она производила, было впечатлѣніе богатства, а второе—чистоты. Чувствовалось, что старая м-ссъ Вераль необыкновенно чисто вымыта. Еслибы мою бѣдную старую маму мыть цѣлый мѣсяцъ въ содѣ, то все-таки она не была бы такъ чиста, какъ м-ссъ Вераль. И во всемъ существѣ м-ссъ Вераль проявлялось еще третье ея свойство — непоколебимая увѣренность въ почтительномъ подчиненіи всего свѣта ея власти.

Она въ этотъ день была блѣдна и неровно дышала, но не теряла самообладанія; для меня было ясно, что она пришла поговорить съ Стюартомъ о безразсудномъ увлеченіи сына, какъ бы перекинувшемъ мостъ черезъ пропасть, раздѣлявшую ихъ семьи.

Я опять пишу на непонятномъ, въ особенности для моихъ молодыхъ читателей, языкѣ. Вы, которые вступили въ жизнь послѣ великаго переворота, не въ состояніи вообразить себѣ многаго, о чемъ я пишу. Я могу сослаться относительно этого, какъ и другого, на старыя газеты. О чемъ я говорю—казалось настолько очевиднымъ, что даже не вызывало толковъ. Въ Англіи и Америкѣ, какъ во всемъ мірѣ, люди дѣлились на два класса—обезпеченныхъ и необезпеченныхъ. Въ обѣихъ странахъ, собственно говоря, не было аристократіи: ни передъ закономъ, ни въ обычномъ правѣ не существовало прерогативъ аристократическихъ родовъ, и у насъ не было, какъ, напр., въ Россіи, бѣднаго дворянства. Пэрство было наслѣдственнымъ достояніемъ, переходившимъ только къ старшимъ сыновьямъ, и оно не накладывало никакого „долга чести". Всѣ остальные были равноправны. Но въ виду того, что установлена была частная собственность на землю, развившаяся вслѣдствіе устарѣлыхъ феодальныхъ переживаній въ Англіи и полнаго отсутствія политическаго смысла въ Америкѣ, огромныя владѣнія искусственно сосредоточились въ рукахъ небольшого меньшинства, которое захватило все промышленное производство страны и было объединено не традиціями чести и благородства, а общностью интересовъ и общей любовью къ широкой жизни. Образовался общественный классъ безъ точно намѣченныхъ границъ. Много сильныхъ людей необезпеченнаго класса, пользуясь большей частью насильственными и сомнительными въ смыслѣ нравственности средствами, переходили въ ряды обезпеченныхъ, а напротивъ того, сыновья и дочери обезпеченныхъ людей могли лишиться, по винѣ собственнаго легкомыслія или же несчастныхъ обстоятельствъ, своихъ преимуществъ; тогда имъ приходилось жить среди заботъ, составлявшихъ жизнь большинства людей. Остальное населеніе было беззземельное и могло жить только работой на обезпеченныхъ. И такова была неразумность того времени, таковъ былъ нашъ безграничный эгоизмъ, что лишь очень немногіе изъ обезпеченныхъ сомнѣвались въ естественности такого порядка вещей.

Я изображаю вамъ жизнь необезпеченныхъ въ старомъ мірѣ, и надѣюсь, что хоть отчасти показалъ вамъ ея безнадежную горечь. Но вы не должны думать, что и обезпеченные жили среди райскаго блаженства. Самый фактъ необезпеченности и нищеты отражался и на нихъ. Жизнь вокругъ нихъ была уродлива; нельзя было избѣгнуть вида жалкихъ рабовъ, скверно одѣтыхъ людей, приставаній уличныхъ торгашей. Все это ихъ смутно

тревожило. Они боялись будущаго, боялись попасть сами въ бездну необезпеченности и заняты были главнымъ образомъ устройствомъ своихъ дѣлъ, исканіемъ связей; желаніе утвердить и улучшить свое положеніе было ихъ постоянной заботой. Кромѣ того, они страдали отъ нерадѣнія слугъ. Читайте ихъ книги. Каждое поколѣніе въ нихъ оплакиваетъ упадокъ вѣрности въ слугахъ. Они не понимали, что плохое устройство сказывается во всемъ. Они считали, что нѣтъ достаточнаго количества благъ, чтобы хватило на всѣхъ, и увѣрены были, что существующій порядокъ установленъ Богомъ, что неравенство неискоренимо въ мірѣ, и держались съ сознаніемъ своего права за свое привилегированное положеніе. Они поддерживали организацію „общества", составленнаго изъ всѣхъ обезпеченныхъ людей, и самое названіе это характерно для ихъ философіи. Если вы въ состояніи уразумѣть идейную основу столь чуждаго вамъ стараго міра, то вы тоже поймете, до чего всѣ эти люди боялись браковъ съ необезпеченными. Такіе браки были дѣйствительно рѣдкостью въ ихъ средѣ и считались несчастьемъ и даже преступленіемъ передъ обществомъ.

Вы понимаете поэтому, какая печальная судьба ожидала въ тѣ темные дни всякую необезпеченную дѣвушку, которая отдавалась любви безъ брака,—и вы можете также понять, каково было положеніе Нетти, полюбившей молодого Вераля. Или она, или онъ должны были пострадать. И такъ какъ оба они были во власти своихъ чувствъ и способны были оба къ порывамъ великодушія относительно другъ друга, то для такой матери, какъ м-ссъ Вераль, прежде всего поднимался тревожный вопросъ, не окажется ли пострадавшимъ лицомъ ея сынъ, и не кончится ли дѣло тѣмъ, что Нетти сдѣлается хозяйкой Чекшиля Тоуэрса. Это, конечно, было мало вѣроятно, но такіе случаи бывали.

Такіе законы и обычаи, я знаю, кажутся теперь измышленіемъ какихъ-то злыхъ безумцевъ. Но они были непоколебимыми фактами въ томъ исчезнувшемъ мірѣ, въ которомъ я случайно родился, и напротивъ того мечты о лучшемъ строѣ казались полнымъ безуміемъ. Подумайте только: дѣвушка, которую я любилъ всей душой, для которой готовъ былъ пожертвовать жизнью, оказывалась неподходящей женой для молодого Вераля! А между тѣмъ онъ не былъ выше меня ни въ какомъ отношеніи. По всей вѣроятности, онъ позабавится ею, пока она ему не надоѣстъ, а потомъ броситъ, — и она сама настолько пропитана ядомъ нашего общественнаго устройства, — его изящное платье,

его свобода и богатство окружали его такимъ ореоломъ, — что она шла на это... Возмущеніе общественными условностями, создававшими такія взаимоотношенія, называлось тогда „классовой завистью“, и проповѣдники упрекали насъ даже за самый мягкій протестъ противъ несправедливости, какой не стерпѣлъ бы теперь ни одинъ человѣкъ.

Если вы дѣйствительно представляете себѣ по моимъ словамъ позорное уродство тогдашней жизни, то вы поймете, какія мысли вызвало во мнѣ появленіе старой м-ссъ Вераль. Она пришла предложить какой-нибудь компромиссъ—это было ясно для меня. И Стюарты—я въ этомъ не сомнѣвался—примутъ всякое ея предложеніе. Чувство глубокаго отвращенія, охватившее меня, заставило меня дѣйствовать безразсудно и рѣзко. Я прежде всего не хотѣлъ присутствовать при ея разговорѣ съ Стюартомъ.

— Я ухожу,—сказалъ я, и быстро отвернулся отъ Стюарта, не прощаясь.

Я долженъ былъ пройти мимо старой дамы, и направился къ ней. Я увидѣлъ, какъ лицо ея измѣнилось; губы ея слегка раскрылись, лобъ нахмурился и глаза округлились. Мой видъ показался ей страннымъ и что-то въ моей походкѣ обезпокоило ее. Она стояла на верху маленькой лѣстницы, спускавшейся въ оранжерею, и гордо отступила, когда я порывисто направился къ ней. Проходя мимо нея, я, не поклонившись, подошелъ къ ней и, глядя ей въ лицо, спросилъ:

— Вы пришли предложить имъ деньги?

Не дожидаясь ея отвѣта, я быстро вышелъ, сжимая кулаки, охваченный злобой противъ всего міра.

Съ тѣхъ поръ я думалъ не разъ о томъ, въ какомъ видѣ ей представилась моя выходка? До того, я для нея не существовалъ, или былъ какимъ-то незамѣтнымъ пятнышкомъ гдѣ-то вдали отъ ея владѣній. И вдругъ, когда она пришла въ свой собственный садъ и направилась въ оранжерею, поговорить со Стюартомъ, я предсталъ передъ нею въ образѣ неряшливо одѣтаго, запыленнаго юноши, который сначала таращилъ глаза на нее, а потомъ выругалъ ее. Узнавъ о моемъ существованіи, она очень быстро стала придавать мнѣ слишкомъ большое значеніе. Въ перспективѣ времени я пріобрѣталъ какой-то грозный видъ. Оказывалось, что я поднялся на ступеньки лѣстницы съ невообразимой наглостью, стоялъ, возвышаясь надъ нею, какъ воплощеніе новой французской революціи, и произнесъ настойчиво и рѣшительно ужасныя, непонятныя слова. На одну минуту я превратился въ угрозу всему существующему. Но, къ счастью,

это длилось лишь нѣсколько мгновеній. Затѣмъ я ушелъ, и прежній міровой порядокъ возстановился,—остались только воспоминаніе о какомъ-то налетѣвшемъ вихрѣ и легкое чувство безпокойства относительно будущаго.

Мнѣ никогда не приходило въ голову въ то время, что значительная часть богатыхъ людей живетъ въ полномъ сознаніи своей правоты. Я думалъ, что они такъ же ясно понимаютъ все, какъ я, и только безсовѣстно отрицаютъ истину. Въ дѣйствительности же м-ссъ Вераль никогда не сомнѣвалась въ несомнѣнности правъ своихъ и своей семьи на полновластное господство въ своихъ обширныхъ земляхъ, также, какъ не сомнѣвалась въ непоколебимости всѣхъ устоевъ, поддерживающихъ прочность ея міра. Я навѣрное сильно ее изумилъ и испугалъ. Но она не могла понять смыслъ происшедшаго. Никто изъ ея круга, повидимому, не понималъ неожиданныхъ вспышекъ гнѣва, озарившихъ вдругъ яркимъ пламенемъ мрачную бездну у ихъ ногъ. Что-то вспыхивало на минуту и исчезало, какъ подозрительная фигура, на минуту появляющаяся на пустынной дорогѣ при свѣтѣ фонаря отъ проѣзжающей коляски и затѣмъ пропадающая въ темнотѣ. Имъ это казалось кошмаромъ, и они старались забыть то, что̀ было, очевидно, столь же неважнымъ, какъ и непріятнымъ.

VI.

Съ той минуты, какъ я оскорбилъ старую м-ссъ Вераль, я почувствовалъ себя представителемъ всѣхъ обездоленныхъ на землѣ. Я потерялъ всякую надежду на личную радость и горѣлъ возмущеніемъ противъ Бога и людей. Я уже пошелъ дальше смутныхъ намѣреній, и твердо зналъ, что̀ сдѣлаю.

Я отомщу и умру. Я рѣшилъ убить Нетти,—Нетти, которая улыбалась мнѣ и обѣщала быть моей женой, а теперь отдала свою любовь другому и стала для меня олицетвореніемъ всѣхъ неосуществимыхъ, погибшихъ и недостижимыхъ радостей жизни. А Вераль воплощалъ собой всѣхъ тѣхъ, которые пользуются для своей выгоды непоправимой несправедливостью нашего общественнаго строя... Я убью ихъ обоихъ, а потомъ застрѣлю себя, и тогда видно будетъ, какая месть послѣдуетъ за моимъ отказомъ отъ жизни. Вотъ на что̀ я рѣшился. Я горѣлъ гнѣвомъ,—а надо мною, затмевая звѣзды, торжествуя надъ желтымъ мѣсяцемъ, гигантскій метеоръ подвигался къ зениту.

— Только бы убить ихъ!—кричалъ я:—только бы убить!

Я былъ такъ разгоряченъ, что не чувствовалъ голода и усталости и прошелъ семнадцать верстъ обратнаго пути, не думая объ отдыхѣ и о томъ, что съ утра ничего не ѣлъ.

Я совершенно ясно понимаю свое тогдашнее бѣшенство, помню, какъ я то плакалъ, быстро шагая при странномъ свѣтѣ кометы, то дерзко разсуждалъ съ тѣмъ, кого я называлъ „духомъ вселенной", обращаясь все время къ бѣлому сіянію на небѣ.

— Почему я долженъ претерпѣвать униженія?—спрашивалъ я. — Почему ты одарилъ меня гордостью, которая не можетъ быть удовлетворена, желаніями, которыя мучатъ меня? Что̀ это — насмѣшка? Я — даже я — выше такихъ шутокъ, и ты могъ бы научиться милосердію у меня. Развѣ я мучилъ изо дня въ день какого-нибудь жалкаго червя—зачѣмъ же ты это дѣлаешь? Выдумай шутки получше, подобрѣе,—не приносящія такихъ адскихъ мученій!

— Ты говоришь, что дѣлаешь это намѣренно, что въ мукахъ рождается душа. Какъ я могу тебѣ повѣрить?.. У меня вѣдь есть глаза. Оставимъ мои личныя страданія... ну, а лягушка, задавленная колесомъ,—или птичка, растерзанная кошкой?

Послѣ такихъ дерзостныхъ вопросовъ, я поднималъ къ небу дѣтскую руку и взывалъ:—Отвѣть мнѣ на это!

За недѣлю передъ тѣмъ, въ паркѣ свѣтила луна холоднымъ, рѣзкимъ свѣтомъ,—теперь же свѣтъ былъ мертвенный и туманный. Странный, низко стелющійся бѣлый туманъ стоялъ фута на три надъ травой, и изъ этого призрачнаго моря поднимались деревья, принимая сказочный видъ. Міръ казался огромнымъ и непонятнымъ въ ту ночь; казалось, что всѣ люди точно вымерли, и только мой тоненькій голосъ раздавался одиноко въ таинственной тишинѣ. Я переходилъ отъ остраго возбужденія къ тихому отчаянію, а потомъ опять начиналъ бѣсноваться, думая о томъ, какъ Нетти смѣется надо мной, и о томъ, какъ она цѣлуетъ Вераля.—Я этого не допущу,—восклицалъ я,—не допущу!

Въ одинъ изъ такихъ моментовъ я вынулъ револьверъ изъ кармана и три раза выстрѣлилъ на воздухъ. Встревоженныя деревья тихо зашептались, и потомъ все успокоилось. Тишина поглотила мои мысли, мои проклятія, мое кощунство и мои молитвы. Все это какъ-то странно утонуло въ властномъ сіяніи. Шумъ выстрѣловъ, отозвавшійся въ окружающей природѣ, показался на минуту страшно громкимъ, но потомъ быстро затихъ. Я стоялъ съ поднятымъ въ рукѣ револьверомъ, изумленный,

охваченный какимъ-то непонятнымъ чувствомъ. Потомъ я взглянулъ на небо, увидѣлъ ярко сіявшую комету и долго не могъ оторвать отъ нея глазъ.

— Кто ты?—спросилъ я наконецъ. Я былъ подобенъ человѣку, который слышитъ таинственный голосъ, стоя въ пустынѣ... Но и это странное чувство скоро прошло.

Проходя черезъ Клейтонъ-Крестъ, я уже не засталъ толпу, которая приходила каждый вечеръ смотрѣть на комету; не засталъ и проповѣдника, который собиралъ вокругъ себя внимательныхъ слушателей, убѣждая грѣшниковъ покаяться передъ наступающимъ Страшнымъ Судомъ. Было уже далеко за полночь, и всѣ разошлись по домамъ. Я забылъ о позднемъ часѣ и былъ пораженъ необычайной тишиной. Газетчикъ, торговавшій на опустѣвшей улицѣ, закрылъ лавочку и пошелъ домой, но одна доска съ аншлагомъ осталась позабытой и висѣла у входа въ лавочку. На аншлагѣ стояло одно только слово огромными буквами, и слово это было: „Война".

Представьте себѣ пустую улицу, на которой глухо раздавались мои шаги, полную тишину и меня, остановившагося у газетной лавочки. А среди этого соннаго царства, подъ холоднымъ свѣтомъ кометы—страшное, зловѣщее слово: „Война"...

Я проснулся успокоенный, какъ это часто бываетъ послѣ сильныхъ волненій. Было уже поздно, и у постели стояла моя мать. Она принесла мнѣ завтракъ на подносикѣ.

— Не вставай еще, милый,—сказала она.—Выспись хорошенько. Ты вернулся въ три часа ночи и навѣрное очень усталъ... Ты былъ блѣденъ какъ смерть... Я перепугалась, увидавъ тебя. Ты шатался, поднимаясь по лѣстницѣ.

Я быстро взглянулъ на мою курточку и увидѣлъ оттопыривавшійся карманъ.

— Я былъ въ Чекшилѣ,—сказалъ я.—Ты знаешь?

— Я получила письмо вчера вечеромъ, милый,—сказала она и, поставивъ подносъ мнѣ на колѣни, поцѣловала мои волосы.

— Не бери моего платья, мама,—поспѣшно сказалъ я.— Я самъ почищу. Нельзя допустить, чтобы ты вѣчно работала за меня.

Она удивилась моей внезапной заботливости, но покорно вышла, привыкнувъ подчиняться.

Въ то утро мнѣ казалось, что я уже не способенъ болѣе предаваться бурнымъ чувствамъ. Я принялъ непоколебимое рѣ-

шеніе, и во мнѣ не оставалось ни любви, ни ненависти, ни страха,—мнѣ только было жалко мать, когда я думалъ о томъ, сколько горя ожидаетъ ее впереди. Я медленно позавтракалъ, думая о томъ, какъ узнать, гдѣ находится Шапгамбури и какъ попасть туда... У меня не было даже пяти шиллинговъ.

Я аккуратно одѣлся, выбравъ наименѣе потрепанный изъ моихъ воротниковъ, выбрился болѣе тщательно, чѣмъ обыкновенно, и пошелъ за справками въ публичную библіотеку. Оказалось, что Шапгамбури—въ Эссексѣ и что добраться туда изъ Клейтона довольно трудно. Я пошелъ на вокзалъ и узналъ отъ кассира, что поѣздка туда будетъ стоить не менѣе двухъ фунтовъ. Тогда я снова направился въ публичную библіотеку, прошелъ въ газетную читальню и, сидя тамъ, сталъ думать о томъ, какъ достать денегъ на дорогу въ Шапгамбури. Среди этихъ мыслей я былъ пораженъ наплывомъ посѣтителей, жадно читавшихъ утреннія газеты; въ читальнѣ чувствовалось странное возбужденіе, всѣ оживленно разговаривали другъ съ другомъ. Въ первую минуту я не понималъ, въ чемъ дѣло, но потомъ сообразилъ: вѣдь объявлена война съ Германіей и гдѣ-то на Сѣверномъ морѣ происходитъ морское сраженіе. Но мнѣ было не до того. Я былъ слишкомъ поглощенъ своимъ личнымъ дѣломъ.

Не пойти ли къ Парлоду и попросить у него денегъ взаймы? Нѣтъ,—онъ не дастъ. Потомъ я сталъ думать о томъ, нельзя ли продать или заложить что-нибудь изъ моихъ вещей, но и это пришлось отвергнуть. Мое зимнее пальто стоило новымъ меньше фунта, а за часы могли дать всего нѣсколько шиллинговъ. Но, конечно, и это нужно имѣть въ виду. У меня мелькнула было мысль о деньгахъ, отложенныхъ матерью на уплату за квартиру. Я зналъ, что деньги спрятаны у нея въ шкатулкѣ отъ чая, въ спальнѣ. Я былъ увѣренъ, что добровольно она этихъ денегъ не дастъ, и хотя въ томъ состояніи, въ какомъ я находился, все остальное не имѣло значенія, все же мнѣ тяжело было думать о шкатулкѣ отъ чая. Можетъ быть, удастся собрать понемногу изъ разныхъ источниковъ, а потомъ выпросить у нея нѣсколько недостающихъ шиллинговъ.

Я чувствовалъ, что время проходитъ, но это меня не волновало. „Тише ѣдешь, дальше будешь", говорилъ Парлодъ, и я рѣшилъ составить точно обдуманный планъ дѣйствія, а потомъ уже выполнить его съ неуклонной твердостью и быстротой. Я остановился у дверей закладчика, направляясь домой къ обѣду въ полдень, но рѣшилъ заложить часы вмѣстѣ съ пальто, и пошелъ обѣдать. Я ѣлъ молча, думая о своихъ планахъ.

Послѣ обѣда, состоявшаго изъ картофельнаго пирога съ капустой и саломъ, я надѣлъ пальто и ушелъ изъ дому, въ то время, какъ мать мыла посуду въ задней кухнѣ. Въ наше время, въ такихъ домахъ, какъ нашъ, устроены были за кухней, служившей жилой комнатой, сырыя подвальныя заднія кухни; наша была еще болѣе грязной, чѣмъ обыкновенно, потому что по срединѣ ея была угольная яма безъ крышки, и оттуда поднималась угольная пыль, покрывавшая неровный кирпичный полъ. Тамъ мыли посуду послѣ каждой ѣды, и въ воздухѣ была постоянная сырость, стоялъ запахъ вареной капусты; всюду были черныя пятна сажи отъ кострюль и котловъ, валялись картофельная шелуха и неслыханно грязныя тряпки для вытиранія посуды. Главное мѣсто занимала грязная каменная раковина для мытья посуды подъ краномъ съ холодной водой, причемъ устройство было такое, что вода расплескивалась во всѣ стороны. Среди этой грязи суетилась маленькая старая женщина, запуганная и кроткая, безкорыстная, готовая на самопожертвованіе, грязная, въ стоптанныхъ сапогахъ, съ загрубѣлыми отъ работы руками, со спутанными сѣдыми волосами,—это была моя мать. Зимой, руки ея распухали отъ холода, и она кашляла. И вотъ въ то время, какъ она мыла посуду, я пошелъ продавать часы и пальто, съ намѣреніемъ покинуть ее.

Я долго колебался въ выборѣ мѣста, гдѣ заложить вещи. Я боялся пойти къ закладчику въ Клейтонѣ, потому что онъ зналъ меня, и направился въ Сватингли, къ закладчику, у котораго купилъ револьверъ. Потомъ я подумалъ, что не слѣдуетъ давать слишкомъ много свѣдѣній о себѣ одному человѣку, и все-таки вернулся въ Клейтонъ. Не помню, сколько денегъ я получилъ, но знаю, что меньше, чѣмъ нужно было на проѣздъ въ Шапгамбури. Тогда я отправился въ библіотеку, чтобы разузнать, нельзя ли сократить дорогу, пройдя гдѣ-нибудь пѣшкомъ десять-двѣнадцать верстъ. Но сапоги мои были въ ужасномъ состояніи, подошва на одномъ едва держалась, и я понималъ, что въ такомъ видѣ нельзя двинуться въ далекій путь. Я пошелъ къ сапожнику, но онъ не брался починить сапоги меньше, чѣмъ въ два дня.

Я вернулся домой около трехъ часовъ, рѣшивъ уѣхать въ пять часовъ въ Бирмингамъ, но все еще не имѣя достаточно денегъ. Я думалъ заложить какую-нибудь книгу или еще что-нибудь, но не находилъ ничего, имѣвшаго какую-либо цѣнность. Серебро, имѣвшееся у моей матери—двѣ ложки и солонка, были уже заложены за нѣсколько недѣль до того, для уплаты домо-

хозяину. Но въ головѣ у меня мелькали разные фантастическіе планы.

Поднимаясь на крыльцо, я увидалъ, что мистеръ Габитасъ вдругъ выглянулъ изъ-за занавѣски съ какой-то тревожной рѣшимостью во взорѣ, и потомъ исчезъ, а когда я вошелъ въ переднюю, онъ быстро вышелъ изъ своей комнаты и остановилъ меня.

Вы, надѣюсь, ясно себѣ представляете меня теперь, какъ смуглаго юношу съ мрачнымъ лицомъ, въ очень обтрепанномъ, лоснящемся всюду платьѣ, съ выцвѣтшимъ краснымъ галстукомъ и въ смятой рубашкѣ. Моя лѣвая рука засунута была въ карманъ, и я держалъ въ ней револьверъ. М-ръ Габитасъ былъ ниже меня ростомъ, и въ лицѣ его было что-то птичье и веселое. Только птицы никогда не держатъ ротъ открытымъ и не дышатъ такъ прерывисто. На немъ было пасторское платье, очень дешевое, изъ плохой черной матеріи, неуклюжаго покроя. Бѣлый галстукъ подъ круглымъ воротникомъ, подпиравшимъ невинное круглое лицо, былъ нѣсколько грязноватъ, и въ зубахъ онъ держалъ деревянную трубку. Лицо у него было слегка вздутое, и хотя ему было не болѣе тридцати-трехъ лѣтъ, но его безцвѣтные волосы уже начали слегка лысѣть.

Васъ, конечно, удивила бы его непривлекательная внѣшность, лишенная всякой внушительности, но въ то время онъ вызывалъ почтеніе къ себѣ. Онъ умеръ всего около года тому назадъ, но впослѣдствіи очень измѣнился. Когда я увидалъ его въ тотъ день, онъ былъ очень невзраченъ; не только платье его было уродливо, но еслибы его раздѣть, то его рыхлое тѣло и желтый цвѣтъ кожи доказали бы отсутствіе всякой заботы о силѣ и красотѣ тѣла. При взглядѣ на него, чувствовалось, что онъ жилъ какъ попало, питаясь чѣмъ попало, вѣря во что пришлось, исполняя кое-какъ свои случайныя обязанности; казалось даже, что онъ родился тоже какъ-то случайно. Нельзя было представить себѣ его сыномъ гордыхъ, энергичныхъ, охваченныхъ сильной страстью родителей. Но мы всѣ тогда рождались „кое-какъ", такъ что, можетъ быть, не стоитъ останавливаться именно на этомъ невзрачномъ, ничтожномъ пасторѣ.

— Здравствуйте,—сказалъ онъ очень привѣтливо.—Что̀ это васъ не видать по цѣлымъ недѣлямъ? Зайдемте ко мнѣ поболтать.

Приглашеніе жильца, занимавшаго лучшую комнату въ домѣ, было своего рода приказомъ. Мнѣ бы очень хотѣлось отказаться, потому что приглашеніе его только безполезно задерживало меня,— но я не зналъ, какъ это сдѣлать, и покорно пошелъ за нимъ.

— Я вамъ очень радъ,—сказалъ онъ, открывая передо мной дверь.—Тутъ вѣдь рѣдко съ кѣмъ можно потолковать.

Я никакъ не могъ понять, чего онъ собственно хочетъ. Онъ суетился съ нервнымъ гостепріимствомъ, говорилъ отрывисто, потиралъ руки и поглядывалъ на меня поверхъ очковъ. Сѣвъ на его кожаное кресло, я почему-то вспомнилъ кресло клейтоновскаго дантиста.

— Кажется, заваривается каша на Сѣверномъ морѣ,—сказалъ онъ.—Я радъ, что объявлена война.

Въ его комнатѣ чувствовалась атмосфера культурности, которая всегда покоряла меня, и на этотъ разъ она тоже произвела обычное впечатлѣніе. Столъ у окна заваленъ былъ фотографическими принадлежностями и снимками, сдѣланными во время путешествій по Европѣ; а на книжныхъ полкахъ, по обѣимъ сторонамъ камина, стояли книги въ огромномъ, по моимъ тогдашнимъ понятіямъ, количествѣ; ихъ было около восьмисотъ, включая альбомы съ фотографическими карточками и школьные учебники. Впечатлѣніе учености усугублялось портретомъ мистера Габитаса, въ костюмѣ оксфордскаго студента, на стѣнѣ противъ камина. По срединѣ стѣны стояло его бюро; крышка бюро была опущена,—но я видалъ его нѣсколько разъ открытымъ, и зналъ, что въ немъ есть множество ящиковъ, набитыхъ рукописями. За этимъ бюро м-ръ Габитасъ писалъ свои проповѣди.

— Да,—сказалъ онъ, подойдя къ камину,—война была неизбѣжна. Теперь мы разобьемъ ихъ флотъ—и дѣло съ концомъ.

Я кашлянулъ въ отвѣтъ, думая о томъ, какъ бы скорѣе уйти. Онъ предложилъ мнѣ покурить—въ то время эта дурная привычка была очень распространена, — и когда я отказался, сталъ говорить конфиденціальнымъ тономъ объ ужасѣ стачекъ и нападать на безразсудство углекоповъ, которые начали стачку только въ интересахъ рабочаго союза, не думая о женахъ и дѣтяхъ. Я сталъ возражать и отвлекся отъ мыслей о побѣгѣ.

— Я съ вами не согласенъ,—сказалъ я.—Еслибы они теперь не объявили стачку, защищая интересы товарищей, и союзъ бы закрылся,—какъ бы они могли бороться противъ пониженія рабочей платы со стороны хозяевъ?—Онъ сталъ говорить, что хозяева не могутъ много платить рабочимъ, когда понижается цѣна на товаръ; я же возражалъ, доказывая, что хозяева эксплуатируютъ рабочихъ, и что послѣдніе должны защищаться. Мы оба разгорячились, и такъ какъ я не умѣлъ доказательно разсуждать, то больше кричалъ и раздражался, а у м-ра Габитаса раскраснѣлось лицо отъ гнѣва.

— Я соціалистъ,—объявилъ я наконецъ, — и полагаю, что міръ существуетъ не для маленькой кучки привилегированныхъ людей, которые угнетаютъ всѣхъ остальныхъ.

— Я тоже соціалистъ,—отвѣтилъ Габитасъ,—но не сторонникъ классовой вражды.

Тутъ наша бесѣда оборвалась, такъ какъ раздался стукъ въ дверь. Я хотѣлъ воспользоваться этимъ, чтобы уйти, но м-ръ Габитасъ задержалъ меня.—Нѣтъ,—сказалъ онъ,—наша бесѣда теперь только становится интересной. Не уходите;—это пришли за деньгами для приходскихъ бѣдныхъ.

Въ комнату вошла миссъ Рамель, молодая дѣвушка съ старообразнымъ лицомъ, одна изъ мѣстныхъ благотворительницъ. Она поздоровалась съ м-ромъ Габитасомъ, не обращая вниманія на меня, и спросила, не помѣшала ли она.

— Ничуть,—отвѣтилъ онъ, и, подойдя къ бюро, открылъ его. Раздраженный невозможностью уйти, я молча стоялъ и слушалъ его разговоръ съ миссъ Рамель, невольно слѣдя глазами за движеніями мистера Габитаса, который открылъ ящикъ, наполненный золотомъ. Миссъ Рамель жаловалась на бѣдняковъ, развращенныхъ, по ея словамъ, безуміемъ соціализма. Я отвернулся отъ нихъ, подошелъ къ камину и сталъ разсматривать размѣщенныя на немъ фотографіи, трубки и пепельницы. „Что это мнѣ нужно было еще придумать до отъѣзда? Ахъ, да, вспомнилъ!“ Вдругъ я какъ-то невольно подумалъ о золотѣ въ ящикѣ бюро; м-ръ Габитасъ какъ разъ въ эту минуту задвинулъ ящикъ.

— Я не буду вамъ больше мѣшать,—сказала миссъ Рамель, направляясь къ двери, и мистеръ Габитасъ вѣжливо пошелъ ее проводить; на минуту я осязательно почувствовалъ странную близость золота, — въ ящикѣ было, по моему, десять-двѣнадцать золотыхъ совереновъ. Входная дверь закрылась, и м-ръ Габитасъ вернулся.

— Мнѣ пора,—сказалъ я, охваченный странно усилившимся желаніемъ скорѣе выйти изъ комнаты м-ра Габитаса, но онъ меня удержалъ, и чтобы снова завязать разговоръ, спросилъ, прочелъ ли я книжку Бурбля и каково мое мнѣніе о ней.

Я былъ такъ сердитъ на него, что рѣшилъ говорить совершенно искренно. Зачѣмъ притворяться, что я признаю его умственное и соціальное превосходство надъ собой? Можетъ быть, узнавъ мой истинный образъ мыслей, онъ скорѣе отпуститъ меня.

— Вы говорите о маленькой книжкѣ, которую вы одолжили

мнѣ прошлымъ лѣтомъ?—спросилъ я, стоя у камина.—Мнѣ она кажется неубѣдительной.

— Что вы? Бурбль—одинъ изъ самыхъ умныхъ лондонскихъ епископовъ.

— Можетъ быть, но онъ совершенно неправъ и ничего не доказываетъ въ своей книгѣ. Всѣ его разсужденія—вздорныя.

Мистеръ Габитасъ слегка поблѣднѣлъ и нахмурился.—Очень печально, что вы такого мнѣнія!—сказалъ онъ наконецъ; не приглашая меня снова сѣсть, онъ направился къ окну и потомъ снова повернулся ко мнѣ.—Согласитесь, однако...—началъ онъ съ раздражающей снисходительностью тона.

Я не буду передавать вамъ нашего спора. Всю нашу аргументацію вы можете найти, если пожелаете, въ старыхъ книжкахъ, хранящихся въ нашихъ книжныхъ музеяхъ, какъ, напримѣръ, въ изданіяхъ „Раціоналистической прессы", изъ которыхъ я черпалъ всѣ мои доводы. Тамъ же вы найдете и безконечные „отвѣты" защитниковъ стараго строя. Всѣ эти споры нашихъ отцовъ, доходившіе иногда до полнаго неистовства, кажутся теперь непонятными. Вы не можете представить себѣ, чтобы разумныя существа могли такъ безцѣльно разсуждать, и вамъ такъ же непонятны наши теологическія распри, какъ непонятно, почему древніе народы говорили о своихъ богахъ иносказательно, не называя ихъ, или почему дикари умирали изъ-за того, что ихъ фотографировали, или почему какой-нибудь фермеръ временъ Елизаветы возвращался домой, не заключивъ выгодной сдѣлки, только потому, что встрѣтилъ похороны; даже мнѣ, прошедшему черезъ все это, наши споры кажутся теперь почти невѣроятными.

Вѣру мы понимаемъ и въ наши дни; всѣ люди живутъ вѣрой. Но въ старомъ мірѣ безнадежно смѣшивали вѣру съ обязательнымъ подчиненіемъ установленнымъ формуламъ. Собственно говоря, ни вѣрующіе, ни отрицавшіе вѣру не вѣрили въ нашемъ смыслѣ слова,—у нихъ не было достаточной силы ума для этого. Они не довѣряли ничему, чего не могли видѣть и осязать,—какъ ихъ варварскіе предки, которые никогда не заключали сдѣлки, не обмѣниваясь залогами. Если они уже и не поклонялись камнямъ, то все же нуждались въ осязательныхъ образахъ, въ напечатанныхъ словахъ и формулахъ.

Но зачѣмъ воскрешать отголоски нашихъ старинныхъ словопреній? Достаточно сказать, что мы оба выходили изъ себя, говоря о Богѣ и объ истинѣ, и наговорили каждый много глупостей. И въ общемъ,—теперь, въ семьдесятъ-три года, я могу судить

о прошломъ безпристрастно; я утверждаю, что если моя діалектика была слаба, то разсужденія пастора Габитаса были еще менѣе доказательны.

У него выступили на щекахъ красныя пятна, и голосъ сдѣлался крикливымъ. Мы прерывали другъ друга, выдумывали факты и ссылались на авторитеты, имена которыхъ я даже не могъ выговорить какъ слѣдуетъ. Замѣтивъ, что Габитасъ не твердъ въ нѣмецкой учености, я старался произвести эффектъ именами Карла Маркса и Энгельса, ссылаясь на нихъ, какъ на отцовъ церкви. Мы кричали все громче, и мирная бесѣда превращалась въ настоящую ссору. Рѣчь зашла объ этическомъ превосходствѣ христіанства надъ другими религіями, и мы дѣлали смѣлыя обобщенія, не обладая достаточными для этого знаніями исторіи. Я доказывалъ, что христіанство—этика рабовъ, выставляя себя ученикомъ знаменитаго въ то время нѣмецкаго писателя Ницше.

Я долженъ сознаться, что для ученика я былъ довольно плохо знакомъ съ произведеніями учителя. Я въ сущности зналъ только то, что̀ прочелъ за недѣлю до того на двухъ столбцахъ газеты „Труба". Но пасторъ Габитасъ не читалъ этой газеты. Не знаю, повѣрите ли вы мнѣ, но я теперь убѣжденъ, что онъ не зналъ даже имени Ницше, хотя этотъ писатель спеціально занимался нападками на вѣру, представителемъ которой былъ Габитасъ.

— Я ученикъ Ницше,—сказалъ я торжествующимъ тономъ,— точно этимъ все сказано.

Габитасъ видимо растерялся, когда я назвалъ это невѣдомое ему имя, и я нарочно тотчасъ же его повторилъ:—А вы знаете, что̀ говоритъ Ницше?—настаивалъ я.

— Онъ опровергнутъ въ достаточной степени,—отвѣтилъ онъ, все еще стараясь уклониться отъ неудобнаго возраженія.

— Кѣмъ?—задорно спросилъ я.—Кѣмъ, позвольте васъ спросить?—и я посмотрѣлъ на него, безпощадно выжидая отвѣта.

Счастливый случай избавилъ на этотъ разъ Габитаса отъ необходимости отвѣтить и толкнулъ меня на шагъ дальше по пути моихъ личныхъ бѣдствій.

Раздался стукъ экипажа, остановившагося у нашего дома. Передъ окномъ мелькнули пара великолѣпныхъ гнѣдыхъ лошадей и кучеръ въ соломенной шляпѣ. Коляска была необыкновенно роскошна для Клейтона.

— Кто бы это могъ быть?—спросилъ Габитасъ, подходя къ окну.—Да это старая м-ссъ Вераль! На что̀ я ей понадобился?

Онъ повернулся ко мнѣ съ сіяющимъ лицомъ; весь гнѣвъ его прошелъ. Очевидно, визитъ м-ссъ Вераль былъ для него рѣдкой честью.

— Намъ сегодня все мѣшаютъ, — сказалъ онъ съ радостнымъ видомъ.—Подождите меня здѣсь,—я только выйду къ ней на минутку. Потомъ я вамъ скажу про вашего... Только, пожалуйста, не уходите; наша бесѣда становится чрезвычайно интересной...

Онъ быстро вышелъ изъ комнаты.

— Я долженъ уйти!—крикнулъ я ему вслѣдъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—кричалъ онъ изъ коридора.—Я знаю, что̀ вамъ отвѣтить...

И я увидѣлъ, какъ онъ сбѣжалъ съ крыльца навстрѣчу старой дамѣ.

Я былъ внѣ себя отъ новой проволочки. Направившись къ окну, чтобы взглянуть на подъѣхавшую гостью, я прошелъ мимо злополучнаго бюро. Я взглянулъ на него, а потомъ на старую даму, которая возмущала меня своимъ безсмысленнымъ могуществомъ. И въ эту минуту я вспомнилъ объ ея сынѣ и о Нетти...

Стюарты уже навѣрное примирились съ неотвратимымъ фактомъ. И я тоже...

Я не могу вспомнить, что̀ совершилось въ нѣсколько секундъ въ моей душѣ. Знаю только, что я вдругъ очнулся, точно послѣ забытья, и почувствовалъ необычайный приливъ энергіи. Я взглянулъ для безопасности на почтительно согнутую спину пастора, на орлиный носъ и дрожащую руку старой дамы, затѣмъ быстрымъ движеніемъ выдвинулъ маленькій ящикъ, взялъ четыре золотыхъ монеты, сунулъ ихъ въ карманъ, задвинулъ ящикъ и быстро подошелъ къ окну: они еще стояли и разговаривали.

Все обошлось благополучно. Онъ заглянетъ въ ящикъ не ранѣе какъ черезъ нѣсколько часовъ. Я взглянулъ на его часы. Двадцать минутъ до отхода поѣзда. Какъ разъ достаточно, чтобы купить сапоги и уѣхать. Я смѣло вышелъ въ переднюю и взялъ шляпу и палку. Пройти мимо него? Конечно. Онъ не будетъ удерживать меня, занятый разговоромъ съ столь важной особой.

Я смѣло спустился по ступенькамъ крыльца.

— Я бы хотѣла имѣть списокъ бѣдныхъ, дѣйствительно заслуживающихъ помощи,—говорила въ эту минуту м-ссъ Вераль.

Странно, но мнѣ тогда не приходило въ голову, что передо мной стоитъ мать человѣка, котораго я собирался убить. Я видѣлъ ее въ совершенно иномъ свѣтѣ. Я чувствовалъ только безсмысленность общественнаго строя, въ которомъ эта почти раз-

битая параличомъ женщина можетъ давать или отнимать необходимое для жизни у сотни подобныхъ ей существъ, сообразно своимъ глупымъ соображеніямъ о заслугахъ.

— Мы можемъ составить приблизительный списокъ такого рода, — отвѣчалъ ей пасторъ и тревожно взглянулъ на меня.

— Я долженъ идти, — сказалъ я въ отвѣтъ на его вопросительный взглядъ.

— Я вернусь черезъ двадцать минутъ, — прибавилъ я и вышелъ на улицу. Габитасъ снова обратился къ своей патронессѣ, точно забывъ о моемъ существованіи. Можетъ быть, онъ былъ даже радъ моему уходу. Я чувствовалъ полное спокойствіе духа и былъ пріятно возбужденъ быстро и удачно совершенной кражей. Мое великое рѣшеніе можетъ осуществиться. Меня уже не подавляла мысль о препятствіяхъ. Я чувствовалъ, что умѣю справляться съ случайностями и обращать ихъ въ свою пользу. Теперь я пойду къ сапожнику, куплю хорошіе, крѣпкіе сапоги — для этого достаточно десяти минутъ, — затѣмъ на вокзалъ; еще пять минутъ, и я умчусь на поѣздѣ. Я чувствовалъ себя сильнымъ, стоящимъ выше морали, какъ бы воплощеніемъ ницшевскаго сверхчеловѣка. Мнѣ не приходило въ голову, что часы м-ра Габитаса могли внести ошибку въ мои разсчеты.

VII.

Я опоздалъ на поѣздъ. Это произошло отчасти оттого, что часы пастора отставали и отчасти вслѣдствіе упрямства сапожника, который настоялъ на примѣркѣ еще одной пары сапогъ, несмотря на мои увѣренія, что мнѣ некогда. Я купилъ послѣднюю изъ примѣренныхъ паръ, далъ вымышленный адресъ для отсылки старыхъ сапогъ и только тогда пересталъ чувствовать себя сверхчеловѣкомъ, когда увидѣлъ, что поѣздъ ушелъ со станціи.

Но я не растерялся и тогда. Мнѣ сейчасъ же пришло въ голову, что гораздо благоразумнѣе не садиться на поѣздъ въ Клейтонѣ, что это было бы даже ошибкой, отъ которой меня уберегъ счастливый случай. Я и такъ слишкомъ неосторожно разспрашивалъ о Шапгамбури, и при первой тревогѣ кассиръ желѣзной дороги припомнилъ бы меня. А теперь онъ будетъ непричастенъ ко всему. Я не зашелъ на вокзалъ, не показалъ никому вида, что опоздалъ на поѣздъ, а спокойно прошелъ дальше по дорогѣ, перешелъ черезъ желѣзный мостъ для пѣше-

ходовъ и направился черезъ Клейтонъ-Крестъ къ слѣдующей станціи, куда, по моимъ соображеніямъ, я могъ поспѣть во-время къ поѣзду въ 6 ч. 13 м.

Я не чувствовалъ никакого страха. Пусть даже, разсуждалъ я, пасторъ случайно сейчасъ же подойдетъ къ ящику: неужели онъ сразу замѣтитъ, что недостаетъ четырехъ изъ десяти или одиннадцати золотыхъ монетъ? А если замѣтитъ,—подумаетъ ли онъ сейчасъ же, что я ихъ взялъ? А если подумаетъ,—предприметъ ли сейчасъ же мѣры, или будетъ ждать моего возвращенія? Если рѣшитъ дѣйствовать сейчасъ же, —обратится ли онъ къ моей матери или позоветъ полицію? А затѣмъ изъ Клейтона ведутъ дюжины дорогъ и даже нѣсколько желѣзнодорожныхъ путей: какъ онъ можетъ знать, по какому направленію я уѣхалъ? Предположимъ даже, что онъ сразу попадетъ на вѣрный вокзалъ, — но тамъ не будутъ знать о моемъ отъѣздѣ, такъ какъ я не уѣхалъ. Можетъ быть, на вокзалѣ вспомнятъ мои разспросы о Шапгамбури? Это было очень мало вѣроятно.

Я рѣшилъ поѣхать не прямо въ Шапгамбури изъ Бирмингама, а сначала изъ Бирмингама въ Монкгамптонъ и пріѣхать въ Шапгамбури съ сѣвера. Для этого мнѣ придется остановиться гдѣ-нибудь на ночь, но зато предотвращалась всякая опасность быть накрытымъ. И, кромѣ того, дѣло шло еще пока не объ убійствѣ, а о кражѣ четырехъ совереновъ.

У меня прошелъ всякій страхъ, прежде чѣмъ я дошелъ до Клейтонъ-Креста. Очутившись на вершинѣ, я оглянулся назадъ и вдругъ подумалъ, что въ послѣдній разъ стою на этомъ мѣстѣ. Если я поймаю бѣглецовъ и мой планъ удастся, то я съ ними умру, или меня повѣсятъ. Я остановился и съ большимъ вниманіемъ оглянулся назадъ, на широкую долину, не представлявшую ничего красиваго.

Здѣсь была моя родина, и я покидалъ ее съ намѣреніемъ никогда не возвращаться; долина четырехъ городовъ, въ которой я провелъ свою жалкую, искалѣченную юность, показалась мнѣ теперь какой-то странной, можетъ быть потому, что я привыкъ смотрѣть на нее съ высоты только въ мягкомъ вечернемъ свѣтѣ, а теперь увидѣлъ въ будни, въ ясный день... Можетъ быть, также тяжелыя переживанія послѣднихъ недѣль содѣйствовали болѣе внимательной критикѣ того, что я увидалъ. Я, кажется, въ первый разъ обратилъ вниманіе на уродство этого скопленія домовъ, угольныхъ копей и фабрикъ, желѣзныхъ дорогъ и каналовъ, церквей и пустырей, тѣснившихся рядомъ, и среди которыхъ люди жили, какъ лягушки, барахтающіяся въ

болотѣ. Слишкомъ большая скученность зданій и учрежденій создавала цѣлый рядъ взаимныхъ неудобствъ; дымъ фабрикъ грязнилъ глину гончарныхъ заводовъ; шумъ желѣзныхъ дорогъ оглушалъ молящихся въ церквахъ; кабаки вносили развращающую атмосферу въ расположенныя рядомъ школы; угрюмые дома, втиснутые среди фабричныхъ зданій, имѣли жалкій, нелѣпый видъ. Казалось, что человѣчество задавлено своимъ собственнымъ производствомъ, и вся энергія направлена на усугубленіе хаоса,—точно какое-то ослѣпшее существо тщетно барахтается, погружаясь въ трясину.

Все это смутно носилось у меня въ головѣ, хотя я и не разсуждалъ съ полной ясностью, и не думалъ о томъ, каково отношеніе всего этого къ моей жизни и къ задуманному мною убійству. Я чувствовалъ, что задыхаюсь, и думалъ о томъ, что никогда больше не вернусь сюда. Вдругъ изъ Сватингли донесся какой то звукъ—точно гулъ далекой толпы, и вслѣдъ затѣмъ послышались быстро одинъ за другимъ три выстрѣла... Что̀ это значило?.. Ну, да не все ли равно, — я вѣдь навсегда ухожу отсюда. Но когда я пошелъ дальше, я подумалъ о матери. Тяжело было покидать ее въ мірѣ, гдѣ царитъ зло. Вотъ она теперь суетится и хлопочетъ, еще не зная, что потеряла меня; она, можетъ быть, убираетъ кухню, или же сидитъ у огня, поджидая меня къ чаю. Меня охватила глубокая жалость къ ней, и я уже чуть-чуть не подумалъ вернуться къ ней. Но я вспомнилъ о похищенныхъ золотыхъ монетахъ. Если Габитасъ хватился ихъ, какъ же я вернусь? А если и нѣтъ, то какъ положить деньги обратно? и какъ отказаться отъ мести?.. Что̀, если молодой Вераль вернется? А Нетти?

Нѣтъ, вернуться невозможно. Почему только я не поцѣловалъ мать на прощанье, не предупредилъ ее? Вѣдь она будетъ ждать меня всю ночь... Не послать ли ей телеграмму съ ближайшей станціи? Нѣтъ, и это невозможно. Я бы этимъ обнаружилъ свой планъ, и меня бы настигли. Ничего не подѣлать. Мать моя должна страдать.

Я сѣлъ въ поѣздъ, доѣхалъ до Бирмингама, гдѣ какъ разъ попалъ на послѣдній поѣздъ въ Монкгамптонъ; тамъ я рѣшилъ провести ночь.

VIII.

Поѣздъ, который увозилъ меня изъ Бирмингама въ Монкгамптонъ, не только везъ меня по совершенно новой для меня

мѣстности, но уносилъ отъ обычнаго дневного свѣта и привычной атмосферы въ странную ночь, освѣщенную гигантскимъ метеоромъ.

Въ то время страннымъ образомъ усилилась обычная разница между днемъ и ночью. Они раздѣлялись теперь полной перемѣной отношенія къ окружающей жизни. Днемъ о кометѣ упоминали въ газетахъ, но вскользь, среди тысячи болѣе живыхъ интересовъ, и о ней забывали среди волнующихъ извѣстій о войнѣ. Она была далекимъ астрономическимъ явленіемъ, и мы не думали о ней. Но какъ только заходило солнце, всѣ взоры обращались на востокъ, и комета завладѣвала нашими мыслями. Каждый вечеръ ждали ея появленія, и каждый вечеръ она поражала своей неожиданностью; она все ярче сверкала, все увеличивалась въ размѣрѣ, странно мѣняя очертанія, и была окружена болѣе узкимъ зеленоватымъ дискомъ, растущимъ вмѣстѣ съ ея ростомъ; это была тѣнь земли. Комета сіяла также собственнымъ свѣтомъ, такъ что и тѣнь была не рѣзкая и не черная, а искрилась фосфорическимъ блескомъ. Этотъ блѣдно-зеленоватый свѣтъ странно все преображалъ вокругъ. Беззвѣздное небо казалось темно-синимъ; такой синевы я никогда не видѣлъ ни до, ни послѣ того. Помню также, какъ, выглядывая изъ поѣзда, я былъ изумленъ какимъ-то мѣдно-краснымъ свѣтомъ, примѣшивавшимся къ тѣнямъ, которыя бросала комета...

Этотъ свѣтъ превращалъ наши невзрачные англійскіе промышленные города во что-то волшебное. Мѣстныя власти перестали освѣщать улицы,—до того ярко свѣтила комета. Пріѣхавъ въ Монкгамптонъ, я пошелъ по бѣлымъ, страннымъ улицамъ. Освѣщенныя окна горѣли оранжевымъ свѣтомъ, точно отверстія въ какой-то фантастической занавѣси, висящей передъ очагомъ. Полисмэнъ указалъ мнѣ на гостинницу, расплывавшуюся въ лунномъ свѣтѣ. Мнѣ открылъ хозяинъ съ зеленоватымъ лицомъ, и я провелъ тамъ ночь. На слѣдующее утро поднялся стукъ и гамъ, и домъ, поразившій меня своей необычайностью въ лунную ночь, оказался грязнымъ маленькимъ кабакомъ, въ которомъ пахло пивомъ, а хозяинъ былъ жирный человѣкъ съ багровымъ лицомъ.

Я уплатилъ по счету и вышелъ на улицу, оглашенную выкриками газетчиковъ и шумнымъ лаемъ собаки, которой хотѣлось ихъ перекричать. Газетчики выкрикивали: „Англійская катастрофа на Сѣверномъ морѣ! Потеря военнаго судна со всѣмъ экипажемъ!“

Я купилъ газету и пошелъ къ вокзалу, читая подробности

этого торжества старой культуры, взрыва большого бронированнаго судна, полнаго пушекъ, взрывчатыхъ матеріаловъ и чрезвычайно дорогихъ и прекрасныхъ машинъ, вмѣстѣ съ девятью стами людей,—всѣ они погибли, наткнувшись на нѣмецкую подводную лодку. Я весь загорѣлся воинственнымъ жаромъ и забылъ не только о кометѣ, но даже о томъ, изъ-за чего я пріѣхалъ сюда по пути въ Шапгамбури. День снова завладѣлъ своими правами, и люди забыли ночь. Каждую ночь надъ нами сіяла красота и сулила какія-то глубины. А при первыхъ звукахъ дня, когда раскрывались ставни и по улицамъ начинали развозить молоко, мы забывали о ночи среди охватывающей насъ будничной суеты. Къ небу вздымался угольный дымъ, и мы тянули наше сѣрое существованіе.

— Такова жизнь,—говорили мы.—Такъ оно всегда и будетъ...

Странность этихъ ночей казалась всѣмъ только красивымъ зрѣлищемъ,—никакого значенія мы кометѣ не придавали. Во всей западной Европѣ только очень небольшая невѣжественная кучка людей низшихъ классовъ считала комету предвозвѣстницей конца міра. Въ другихъ странахъ, гдѣ было крестьянское населеніе, настроеніе было другое, но въ Англіи крестьянство уже исчезло. Всѣ читали газеты, а газеты распространяли успокаивающія свѣдѣнія. Всѣ вплоть до маленькихъ дѣтей знали, что все это яркое облако вѣситъ лишь немного тоннъ; это объяснялось въ подробностяхъ, съ вѣскими доказательствами, причемъ говорили, что когда комета встрѣтится, наконецъ, съ землей, то это будетъ только великолѣпнымъ зрѣлищемъ; мы не знали, будетъ ли оно видно у насъ. Метеоръ покроетъ все небо, причемъ тѣнь земли выѣстъ его блестящую сердцевину и, въ концѣ концовъ, все небо будетъ окутано сверкающими зелеными облаками, съ бѣлымъ сіяніемъ на горизонтѣ, съ востока и запада. Затѣмъ наступитъ перерывъ—неизвѣстно, сколько онъ будетъ длиться,—и затѣмъ—дождь падающихъ звѣздъ. Можетъ быть, онѣ будутъ какого-нибудь необычайнаго цвѣта, въ виду того, что неизвѣстно, изъ какихъ элементовъ состоитъ зеленая полоска. Надѣялись, что хоть нѣсколько звѣздъ упадетъ на землю, и ихъ можно будетъ подвергнуть анализу.

Этимъ все и должно было ограничиться, по увѣреніямъ науки. Зеленыя облака погрузятся и исчезнутъ: можетъ быть, будутъ грозы. Но потомъ снова появятся старыя звѣзды, и все будетъ по прежнему. Все это должно было случиться между часомъ ночи и одиннадцатью утра въ ближайшій вторникъ—я ночевалъ въ Монкгамптонѣ въ субботу—и будетъ видно только отчасти

изъ нашихъ мѣстъ. Можетъ быть, даже мы только увидимъ падающую звѣзду низко на небѣ. Все это намъ доказывала наука, и все-таки послѣднія ночи кометы были самыми прекрасными и памятными для людей, видавшихъ ихъ...

Ночи сдѣлались очень теплыми; на слѣдующій день я тщетно обыскалъ весь Шапгамбури, и когда наступила ночь въ своемъ несравненномъ очарованіи, мнѣ мучительно было думать, что красота ея озаряетъ счастье Вераля и Нетти.

Я ходилъ вдоль моря, вглядываясь въ лица гулявшихъ тамъ молодыхъ паръ, засунувъ руку въ карманъ и съ странно болѣзненнымъ чувствомъ въ сердцѣ, не имѣвшимъ ничего общаго съ гнѣвомъ. Послѣдніе изъ гулявшихъ пошли, наконецъ, домой, и я остался одинъ.

Мой поѣздъ изъ Виверна въ Шапгамбури опоздалъ на цѣлый часъ въ это утро; мнѣ сказали, что задержка произошла отъ наплыва войскъ, стянутыхъ сюда на случай возможнаго непріятельскаго нападенія.

IX.

Шапгамбури произвелъ на меня странное впечатлѣніе. Я мало бывалъ у моря до того и не зналъ восточнаго побережья съ его низкой береговой линіей. Я сейчасъ же принялся за тщательные розыски и разспросы, очень затрудненные тѣмъ, что всякій, съ кѣмъ я заговаривалъ, предпочиталъ говорить о шансахъ нѣмецкой аттаки до прибытія ламаншскаго флота. Я ночевалъ въ субботу въ маленькой гостинницѣ въ Виверпѣ, и такъ какъ поѣзда ходили по воскресеньямъ съ большими промежутками, то попалъ въ Шапгамбури уже въ два часа дня, и до понедѣльника ничего не могъ разузнать. По дорогѣ въ Шапгамбури, въ поѣздѣ маленькой желѣзнодорожной вѣтви, я видѣлъ изъ окна зеленыя поля, среди которыхъ стояли огромные плакаты, разрѣзая линію морского горизонта. Большинство объявленій рекламировало какіе-нибудь съѣстные припасы или лекарства для пищеваренія. Напечатаны они были болѣе крикливо, чѣмъ красиво, для того, чтобы эффектно вырисовываться среди сѣрыхъ тоновъ воздуха. Большинство объявленій, которыя были такимъ важнымъ элементомъ тогдашней жизни, и на которыхъ держалось главнымъ образомъ газетное дѣло, относились къ ѣдѣ и питью, табаку и лекарствамъ, обѣщавшимъ возстановить равновѣсіе, нарушенное ѣдой. Кромѣ того, на ряду съ такими объявленіями, стояли еще огромныя черныя и бѣлыя доски, возвѣщав-

нія о продажѣ земель. Индивидуалистическій духъ тогдашней промышленности превратилъ всѣ мѣстности вокругъ морскихъ береговъ въ дороги и мѣста для построекъ; еслибы планы предпринимателей удались, то все населеніе острова разселилось бы у морскихъ границъ. Но ничего подобнаго не произошло, и все дѣло свелось къ денежнымъ спекуляціямъ; мѣста для построекъ стояли заросшія травой, и только кое-гдѣ на углахъ замѣчались надписи распланированныхъ, но не построенныхъ улицъ. Кое-гдѣ возвышались также некрасивые, жалкіе дома, построенные какимъ-нибудь мелкимъ лавочникомъ, отдавшимъ свои сбереженія въ руки строительныхъ агентовъ. Потомъ поѣздъ пошелъ по большой дорогѣ, и рядъ монотонныхъ кирпичныхъ домовъ — рабочихъ коттэджей—былъ признакомъ нашего приближенія къ городскому центру. Опять пошли маленькіе дома, затѣмъ огромное, неуклюжее зданіе электрической станціи съ большой трубой—тогда еще не научились сжигать уголь безъ остатка;—затѣмъ мы въѣхали на станцію. Вокзалъ былъ на разстояніи версты отъ центра города, обозначеннаго въ путеводителяхъ какъ пріятное и здоровое мѣстопребываніе.

Я осмотрѣлъ городъ, прежде чѣмъ начать разспросы. Сначала шелъ рядъ дешевыхъ лавокъ, затѣмъ кабакъ, стоянка кэбмэновъ, потомъ нѣсколько красныхъ маленькихъ виллъ, окруженныхъ садами; а за ними начиналась главная улица, пестрая, но довольно нарядная; теперь все было закрыто по случаю воскресенья. Гдѣ-то вдали раздавался звукъ колокола, и дѣти въ праздничныхъ платьицахъ шли въ воскресную школу. Пройдя мимо опрятныхъ домиковъ, гдѣ сдавались комнаты,—они казались лучше и чище дома моей матери,—я пошелъ къ морю, сѣлъ на желѣзный стулъ и сталъ сначала оглядывать песчаный берегъ со смѣшными купальными домиками на колесахъ, оклеенными объявленіями о какихъ-то пилюляхъ. Затѣмъ я сталъ смотрѣть на дома. Справа и слѣва шли отели, пансіоны и дома съ комнатами для найма; въ одномъ направленіи шли еще постройки, а въ другомъ,—отдѣленный большимъ пространствомъ,—возвышался огромный отель, царившій надъ всѣмъ окружающимъ. Къ сѣверу шли низкія блѣдныя зубчатыя скалы, а къ югу тянулись широкія полосы песчаныхъ дюнъ, среди которыхъ торчали кое-гдѣ сосны и стояли столбы съ плакатами. Надъ всѣмъ этимъ возвышалось синее небо, заходящее солнце бросало черныя тѣни, а на востокѣ бѣлѣло море. Было воскресенье, и всѣ были теперь за обѣдомъ.

Какъ мнѣ начать разспросы? О чемъ спрашивать? Я долго

думалъ и, наконецъ, принялъ рѣшеніе. Я выдумалъ довольно остроумную исторію, рѣшилъ, что буду разсказывать о томъ, какъ пріѣхалъ провести воскресный день въ Шапгамбури, и хочу воспользоваться случаемъ и поискать собственницу дорогого боа изъ перьевъ; боа это оставлено было въ гостинницѣ моего дяди въ Виквернѣ, молодой дамой, путешествовавшей въ сопровожденіи молодого господина,—это была, вѣроятно, парочка новобрачныхъ. Они пріѣхали въ Шапгамбури, вѣроятно, въ четвергъ. Я нѣсколько разъ повторилъ про себя эту исторію, и выдумалъ подходящія имена для моего воображаемаго дяди и названіе для его отеля. Во всякомъ случаѣ, эта выдумка могла бы служить достаточнымъ оправданіемъ для всѣхъ моихъ разспросовъ. Такъ я рѣшилъ, но нѣсколько времени сидѣлъ, не зная, съ чего начать. Потомъ я направился къ большому отелю, разсудивъ, по неопытности, что молодой человѣкъ изъ богатой семьи долженъ выбрать какъ разъ такой отель. Огромныя, защищенныя отъ сквозняка двери повернулись, и меня впустилъ съ иронической вѣжливостью младшій портьѐ въ великолѣпномъ зеленомъ мундирѣ. Онъ посмотрѣлъ на мою одежду въ то время, какъ я предлагалъ ему свои вопросы, затѣмъ, говоря нѣмецкимъ акцентомъ, направилъ меня къ главному портьѐ, величественнаго вида, который послалъ меня къ молодому человѣку, похожему на принца и сидѣвшему за конторкой полированнаго дерева съ бронзовой обшивкой,—какъ банкиръ. Молодой человѣкъ, отвѣчая мнѣ, глядѣлъ на мой воротникъ и галстукъ, и я понялъ, что они ужасны.

— Я хочу знать, здѣсь ли дама и господинъ, пріѣхавшіе въ Шапгамбури въ четвергъ?—спросилъ я.

— Они ваши знакомые? — спросилъ онъ съ безпощадной тонкостью ироніи.

Я убѣдился, что во всякомъ случаѣ ихъ здѣсь не было. Можетъ быть, они приходили завтракать или обѣдать, но не жили здѣсь. Я ушелъ смущенный, и уже въ этотъ день ни въ какой другой отель не направлялся. Моя рѣшительность нѣсколько ослабѣла. Гуляющихъ становилось все больше на улицахъ; всѣ были наряжены по воскресному, и я чувствовалъ себя неловко среди нихъ. Я пошелъ вдоль берега за городъ, и тамъ легъ среди камешковъ и морскихъ травъ. Угнетенность продолжалась весь день. Вечеромъ, послѣ заката солнца, я пошелъ на вокзалъ, и сталъ разспрашивать носильщиковъ. Но оказалось, что носильщики помнятъ скорѣе багажъ, чѣмъ пассажировъ, а я не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о томъ, какой можетъ быть

багажъ у Вераля и Нетти. Я вступилъ было въ разговоръ съ какимъ-то старикомъ, ходившимъ на деревяшкѣ и носившимъ серебряное кольцо на пальцѣ; онъ подметалъ ступени лѣстницы, ведущей къ берегу. Онъ зналъ много молодыхъ парочекъ, но лишь въ общихъ чертахъ, и какъ разъ тѣхъ, кого я искалъ, онъ не зналъ. Я ушелъ; мое удрученное настроеніе стало разсѣиваться. Я сѣлъ на стулъ на променадѣ, и разсматривалъ багровыя облачка на западѣ. Моя усталость прошла; я весь ожилъ по мѣрѣ того, какъ наступали сумерки, замѣняя солнечный свѣтъ; вся банальность незнакомаго города исчезала, и сердце мое снова охватили мечты о мести за поруганную честь. Въ старомъ мірѣ ночь и блескъ звѣздъ имѣли обаяніе, котораго лишенъ былъ дневной свѣтъ. День захватывалъ людей цѣликомъ, утомлялъ и мучилъ ихъ своими настойчивыми требованіями, — а ночная мгла прикрывала всю призрачность человѣческой тѣсноты и суеты — и давала свободу фантазіи.

У меня была какая-то странная увѣренность въ тотъ вечеръ, что Нетти и ея возлюбленный—близко отсюда, и что я какъ-нибудь случайно столкнусь съ ними. При видѣ каждой пары, шедшей мнѣ навстрѣчу, я думалъ, что это—они. Наконецъ, я легъ спать въ неуютномъ номерѣ гостинницы, увѣшанномъ евангельскими изреченіями въ краскахъ, и проклиналъ себя за то, что потерялъ день.

X.

Я тщетно искалъ ихъ на слѣдующее утро, но послѣ полудня напалъ на чрезмѣрное даже обиліе слѣдовъ. Вначалѣ я не могъ найти ни одной молодой парочки, которая напоминала бы Вераля и Нетти, а теперь оказалось цѣлыхъ четыре подходящихъ пары,—нужно было только рѣшить, за которой изъ нихъ слѣдить. Всѣ онѣ пріѣхали въ среду или четвергъ. Вскорѣ, однако, я сократилъ мой списокъ, увидавъ одну изъ четырехъ паръ — молодого человѣка въ костюмѣ песочнаго цвѣта, съ бакенбардами, и его подругу—даму лѣтъ тридцати. Другую пару я выслѣдилъ въ ресторанѣ. Они сидѣли послѣ прогулки за обѣдомъ у отдѣльнаго маленькаго столика, въ нишѣ у окна, и смотрѣли изъ окна на комету. Молодая женщина была очень красива и изящна; ея спутникъ—типичный аристократъ, почти безъ подбородка, съ большимъ носомъ, маленькой бѣлокурой головой и нѣсколько томнымъ выраженіемъ лица. Это были не тѣ бѣглецы,

которыхъ я искалъ, и мнѣ сдѣлалось очень досадно, что я потерялъ столько времени на выслѣживаніе ихъ.

Поиски въ самомъ Шапгамбури кончились, — нужно было рѣшить, которую изъ двухъ остальныхъ парочекъ выслѣживать теперь. Одна уѣхала въ Лондонъ, другая въ Бивуаки—деревню въ Бонъ-Клифѣ. Но гдѣ этотъ Бонъ-Клифъ?

Увидавъ старика съ деревяшкой, стоявшаго наверху лѣстницы, спускавшейся къ морю, я подошелъ къ нему.

— Послушайте, — началъ я.

— Славно!—отвѣтилъ онъ, указывая на море своей трубкой.

— А что̀?—спросилъ я.

— Сигнальные огни... Дымъ... Суда двинулись на сѣверъ... Еслибы млечный путь не былъ такимъ зеленымъ, намъ было бы видно.

Я спросилъ его, гдѣ Бивуаки, но онъ былъ слишкомъ поглощенъ своими наблюденіями, чтобы отвѣтить на мой вопросъ. Наконецъ, онъ презрительно сказалъ черезъ плечо:

— Бивуаки? Знаю. Тамъ живутъ артисты—и всякій такой народъ... Чортъ знаетъ, что̀ тамъ творится. Общее купаніе — мужчины и женщины вмѣстѣ... безобразіе!

— Но гдѣ же эта деревня?— спросилъ я съ нетерпѣніемъ.

— Тамъ,—сказалъ онъ, указывая пальцемъ вдаль.—Что̀ это сверкнуло? Пушечный огонь?

— Не можетъ быть. Мы бы услышали пальбу.

Онъ ничего не отвѣтилъ и сосредоточенно смотрѣлъ на странные призраки, двигавшіеся на горизонтѣ; я сталъ трясти его за рукавъ, чтобы добиться отвѣта.

— Семь миль, отвѣтилъ онъ, наконецъ,—по прямой дорогѣ. А теперь убирайтесь и оставьте меня въ покоѣ!

Я тоже выругался, вмѣсто того, чтобы поблагодарить его, и пошелъ по указанному направленію. Встрѣтивъ полисмэна, который стоялъ и смотрѣлъ на небо, я провѣрилъ у него указанія человѣка съ деревяшкой.

— Дорога очень пустынная!—крикнулъ мнѣ въ слѣдъ полисмэнъ.

Я почему-то былъ увѣренъ, что напалъ на вѣрный слѣдъ. Я шелъ въ блѣдномъ сіяніи этой странной ночи съ спокойной увѣренностью путника, приближающагося къ цѣли своего пути. Я не помню подробностей долгаго странствованія въ послѣдовательномъ порядкѣ, — помню только чувство наростающей усталости. Море было спокойное, гладкое какъ зеркало, и казалось широкой серебряной полосой, покрытой тихой рябью подъ легкимъ дуно-

веніемъ мягкаго вѣтерка. Дорога вдоль берега была мѣстами покрыта безцвѣтнымъ серебристымъ пескомъ, а мѣстами шелъ известнякъ, сверкавшій при странномъ свѣтѣ кометы. Попадались мѣста, заросшія темнымъ кустарникомъ, пастбища, на которыхъ вырисовывались призрачныя большія фигуры овецъ. Затѣмъ пошелъ сосновый лѣсъ, выдѣлявшійся темнымъ пятномъ вдоль дороги; сосны протягивали во всѣ стороны вѣтви и казались странными фигурами съ застывшими непонятными жестами. А отъ времени до времени, на пустыхъ земельныхъ участкахъ высились надписи на огромныхъ доскахъ, возвѣщавшія ночной тишинѣ, тѣнямъ и сіянію, разлитому въ воздухѣ, что „здѣсь можно строить дома по вкусу покупателей".

Помню, что издалека раздался лай собаки, потомъ я нѣсколько разъ вынималъ изъ кармана револьверъ и тщательно осматривалъ его. Вѣроятно, я думалъ при этомъ о Нетти и о томъ, какъ я отомщу ей,—но это изгладилось изъ моей памяти. Помню только зеленоватый свѣтъ, озарявшій курокъ и дуло револьвера, когда я вертѣлъ его въ рукѣ.

Надо мной высилось небо, изумительное, беззвѣздное, и густая синева разстилалась по краю его, между кометой и моремъ. Потомъ я вдругъ увидѣлъ вдали какіе-то странные призраки: три длинныхъ военныхъ судна быстро и безшумно скользили по гладкой поверхности моря; на нихъ не было ни мачтъ, ни парусовъ, ни дыма, ни огней. Когда я снова взглянулъ на нихъ черезъ нѣкоторое время, они уже едва виднѣлись и наконецъ совсѣмъ утонули въ сіяніи.

Вдругъ что-то сверкнуло, раздался звукъ, который я принялъ за пушечный залпъ, но, поднявъ глаза, я увидѣлъ исчезающій слѣдъ зеленаго сіянія на небѣ. Послѣ этого въ воздухѣ что-то задрожало, пронесся странный тихій шопотъ, и я почувствовалъ себя сразу удивительно свѣжимъ и бодрымъ.

Нѣсколько времени спустя, я очутился на перепутьи двухъ дорогъ, пошелъ наугадъ по одной изъ нихъ, долго увязалъ въ глубокомъ пескѣ и, наконецъ, вышелъ опять къ морю. Я подошелъ совсѣмъ близко къ водѣ, замѣтивъ издали фосфорическое сіяніе. Я наклонился и сталъ глядѣть на пятна свѣта, мелькавшія на поверхности. Потомъ я поднялъ голову и оглянулся, наслаждаясь тишиной этой изумительной ночи. Комета протянула сверкающую сѣть по всему небу и была близка къ закату. На востокѣ яснѣе обозначалась синева; море простиралось широкой черной полосой, и, вырвавшись изъ разлитаго по всему небу

сіянія, одна блѣдная, но сохраняющая свой дрожащій блескъ звѣздочка свѣтилась на границѣ незримаго.

Какъ прекрасно было тихое небо! Какой глубокій покой!.. У меня переполнилась душа смутнымъ сладостнымъ чувствомъ, и я заплакалъ. Что-то новое и странное охватило меня. Я вдругъ почувствовалъ, что не хочу никого убивать.

Я не хотѣлъ никого убивать, не хотѣлъ быть болѣе рабомъ моихъ страстей. Мнѣ безумно захотѣлось уйти отъ жизни, уйти отъ дневного свѣта, отъ борьбы и желаній—въ прохладную ночь вѣчности.

Я стоялъ у края большого океана и полонъ былъ молитвеннаго чувства и желалъ покоя—отъ себя самого.

Но на востокѣ уже скоро заалѣетъ красная завѣса и скроетъ чудеса этой таинственной ночи. — Приближалась заря. Я зналъ, что вмѣстѣ съ нею ко мнѣ вернутся прежнія чувства. Послѣ краткаго перерыва я снова буду Вильямомъ Лидфортомъ, полуголоднымъ, обтрепаннымъ и неуклюжимъ юношей, буду помнить, что я уворовалъ деньги, что изъ-за меня страдаетъ моя мать—и что мнѣ остается только отомстить и умереть.

Зачѣмъ мстить? Мнѣ пришло въ голову, что лучше покончить съ собой и оставить другихъ въ покоѣ. Войти въ море, въ теплую влагу, соединяющую свойства воды и свѣта, стать въ водѣ по грудь, вставить дуло револьвера въ ротъ. Почему этого не сдѣлать? Я съ усиліемъ отошелъ отъ моря и пошелъ вдоль берега. Что-то въ душѣ препятствовало моему новому рѣшенію.

Я прошелъ дальше по глубокому песку, сѣлъ подъ кустомъ, вынулъ револьверъ и сталъ глядѣть на него. Что выбрать—жизнь или смерть? Мысли мои старались проникнуть въ самыя глубины бытія, но какъ-то незамѣтно я, сидя, уснулъ...

Когда я проснулся, я увидѣлъ, что въ морѣ купаются двое людей. Все еще длилась свѣтлая волшебная ночь, и синяя полоса яснаго неба была не шире, чѣмъ прежде. Эти люди пришли, очевидно, когда я спалъ, и разбудили меня теперь своими голосами. Они возвращались изъ середины моря къ берегу; впереди шла женщина съ заколотыми высоко на головѣ волосами, а за нею—мужчина. Вокругъ нихъ серебрились сверкающіе брызги воды. Онъ разсѣкалъ воду руками и брызгалъ ею вслѣдъ женщинѣ. Они подходили все ближе, вода уже доходила имъ только до колѣнъ, потомъ на минуту ноги ихъ пересѣкли длинный серебристый край воды. На нихъ обоихъ были плотно облегающіе купальные костюмы, которые обрисовывали красоту ихъ молодого тѣло.

Она оглянулась и, увидя, что онъ ближе, чѣмъ она думала, вскрикнула и, выскочивъ изъ воды, помчалась по берегу, пробѣжала мимо меня и исчезла въ черныхъ кустахъ. Онъ побѣжалъ слѣдомъ за нею.

И въ ту же минуту во мнѣ проснулась вся прежняя дикая ярость; я вскочилъ и остановился, поднимая къ нему сжатый кулакъ въ позѣ безсильной угрозы.

Быстро промчавшаяся мимо меня, облитая свѣтомъ, прекрасная женщина была Нетти;—а за нею бѣжалъ тотъ, изъ-за кого она измѣнила мнѣ. И меня охватилъ ужасъ отъ мысли, что еслибы я поддался слабости воли,—я умеръ бы, не отомстивъ.

Я бросился бѣжать за ними съ револьверомъ въ рукѣ по безшумному песку.

XI.

Я добѣжалъ до маленькой деревушки, лежащей въ дюнахъ,—это и было Бивуаки. Я услышалъ какъ хлопнула дверь, бѣглецы исчезли, и я остановился, не зная, что теперь дѣлать.

Передо мной было три домика,—но я не успѣлъ замѣтить, въ который изъ нихъ они вбѣжали. Во всѣхъ двери и окна были открыты и нигдѣ не было свѣта.

Мѣсто, куда я попалъ, было создано реакціей людей съ художественнымъ вкусомъ противъ дороговизны и чопорности тогдашнихъ морскихъ купаній. Въ то время желѣзнодорожныя компаніи продавали обыкновенно свои вагоны послѣ того, какъ они прослужили установленное число лѣтъ,—и кому-то пришла въ голову отличная мысль приспособить эти вагоны для лѣтняго жилья. Такіе домики нравились интеллигентной богемѣ. Такимъ образомъ устроено было много подобнаго рода импровизованныхъ лѣтнихъ дачъ, съ пристройками для широкихъ верандъ; создалось нѣчто очень изящное въ противоположность скучному однообразію модныхъ приморскихъ купаній. Конечно, такая бивуачная жизнь представляла много неудобствъ, съ которыми приходилось мириться, и на этомъ песчаномъ побережьи селилась главнымъ образомъ молодежь. Кисейныя платья художественныхъ цвѣтовъ, игра на банджо, китайскіе фонари—были характерными особенностями такихъ поселеній. Но я, въ особенности послѣ свѣдѣній, полученныхъ отъ человѣка съ деревяшкой, не могъ сочувствовать людямъ, беззаботно предающимся отдыху, а отнесся къ нимъ злобно,—какъ всѣ тогдашніе бѣдняки, отравленные неисполнимостью всѣхъ своихъ стремленій даже къ самымъ простымъ

радостямъ жизни. Для бѣдныхъ людей, обремененныхъ работой, чистота и красота были совершенно недостижимы, и живя въ грязи, въ уродствѣ, они смотрѣли на болѣе счастливыхъ товарищей съ завистью и злобной подозрительностью. Представьте себѣ жизнь, въ которой свободная любовь считалась чѣмъ-то позорнымъ,—почти какъ пьянство... Къ вопросу о любви всегда примѣшивались элементы борьбы и самолюбія. Я лично былъ тогда твердо убѣжденъ, что истинная любовь всегда является вызовомъ любящихъ кому-то другому, что любишь наперекоръ всему свѣту. А эти двое любили наперекоръ мнѣ, ихъ любовь была оскорбленіемъ, нанесеннымъ лично мнѣ,—и я твердо рѣшилъ отомстить имъ... Я не могъ вынести мысли, что Нетти добровольно отдала свою любовь другому, и шелъ по маленькому поселку съ мрачными, злобными мыслями.

Я остановился, чтобы обдумать планъ дѣйствія. Какъ ихъ найти? Ходить изъ домика въ домикъ, пока мнѣ не отворитъ дверь Нетти или Вераль. Но вѣдь вмѣсто нихъ можетъ выйти служанка. Ждать до утра? А тѣмъ временемъ...

Во всѣхъ домикахъ было тихо. Еслибы я подошелъ къ открытымъ окнамъ, я могъ бы напасть на ихъ слѣдъ, — но было такъ свѣтло, что Нетти могла бы узнать меня издали. Разспрашивать чужихъ людей я не рѣшался, потому что тогда могло бы случиться, что я очутился бы лицомъ къ лицу съ моими врагами не одинъ, а въ сопровожденіи другихъ, которые обезоружили бы меня прежде, чѣмъ я исполнилъ бы свой планъ. Къ тому же, какъ спросить о нихъ? Они навѣрное живутъ подъ вымышленными именами.

— Бумъ!—раздалось вдругъ за моей спиной, и я съ изумленіемъ обернулся. На морѣ, — не болѣе чѣмъ миляхъ въ четырехъ отъ берега,—стоялъ большой броненосецъ, и изъ его трубъ взлетали на воздухъ багровыя искры. Сверкнулъ пушечный огонь, направленный къ морю, а въ отвѣтъ показалось зарево и столбъ дыма на горизонтѣ.

Въ это время съ высоты надъ деревней раздалось громкое шипѣніе и взвилась ракета, разсыпавшаяся золотымъ дождемъ среди сіянія кометы. Потомъ снова раздалась пальба.

Въ окнахъ домиковъ зажглись огоньки, раскрылись двери, пропуская желтыя полоски свѣта, утопавшія сейчасъ же въ яркомъ сіяніи кометы, и появились люди... Бумъ! Бумъ!—раздалось снова, и надъ броненосцемъ взвилось огненное облачко. Я услышалъ голоса людей по близости. Изъ ближайшаго домика вышелъ человѣкъ въ купальномъ халатѣ съ капюшономъ, похо-

жій на араба въ бурнусѣ. Онъ заслонилъ глаза рукой, защищаясь отъ сіянія кометы, и сталъ звать кого-то изъ дома... Можетъ быть, и она выйдетъ на зовъ!.. Я сжалъ въ рукѣ револьверъ. Чтò мнѣ за дѣло до войны! Можетъ быть, даже морское сраженіе поможетъ мнѣ выполнить мою месть, — другого интереса оно для меня не представляло. Бумъ! Бумъ!

Грохотъ пальбы проносился мимо меня. Сейчасъ навѣрное выйдетъ Нетти.

Сначала изъ домика вышли еще двѣ закутанныя фигуры и приблизились къ человѣку, стоявшему на берегу. Онъ указалъ рукой на море и громко сказалъ:

— Это германскій броненосецъ! Онъ погибъ.

Другіе стали что-то возражать, потомъ всѣ вскрикнули хоромъ, и я тоже посмотрѣлъ туда, куда они всѣ устремили взоры. Я увидѣлъ столбъ воды, поднятый залпомъ, не попавшимъ въ броненосецъ, затѣмъ второй, третій фонтанъ еще ближе къ берегу. За этимъ послѣдовалъ новый страшный залпъ, и человѣкъ въ бѣломъ бурнусѣ громко вскрикнулъ:—Попали!

Въ то же время раздался женскій голосъ, выкрикивавшій:

— Эй вы, молодожены, выходите посмотрѣть!

Что-то блеснуло въ тѣни ближайшаго домика, и послышался мужской голосъ. Чтò онъ сказалъ, я не разобралъ, но вдругъ я услышалъ голосъ Нетти, произнесшей очень отчетливо:

— Мы ходили купаться.

Человѣкъ, вышедшій первымъ, крикнулъ:—Развѣ вы не слышите пушекъ? Началось сраженіе на морѣ—миляхъ въ пяти отъ берега.

Я не слышалъ, чтò отвѣтили изъ домика, потому что медленно подходилъ къ стоявшимъ на берегу, выйдя изъ тѣни одного домика, за которымъ спрятался при появленіи людей. Всѣ были слишкомъ заняты сраженіемъ, чтобы оглянуться на меня, и я прямо пошелъ къ домику Нетти.

— Смотрите!—крикнулъ кто-то и указалъ на небо.

Я поднялъ глаза и увидѣлъ нѣчто изумительное. Небо было покрыто яркими зелеными полосами. Они шли изъ какого-то пункта между западной частью горизонта и зенитомъ, и среди сіяющихъ облачковъ кометы началось движеніе; они расплывались съ трескомъ, какъ отъ оружейныхъ выстрѣловъ. Мнѣ казалось, что комета пришла на помощь мнѣ, опускаясь какъ завѣса, чтобы закрыть отъ взоровъ безсмысленное происшествіе на морѣ.

— Бумъ! — грохнула пушка на броненосцѣ.—Бумъ! —отвѣ-

тили пушки на преслѣдующихъ его крейсерахъ. И въ это время небо залито было струящимися свѣтовыми облаками, отъ вида которыхъ кружилась голова. Я стоялъ ошеломленный и готовъ былъ повѣрить въ эту минуту, что комета возвѣщала конецъ міра, какъ думали суевѣрные люди.

А потомъ мнѣ стало казаться, что все это происходитъ ради меня. Сраженіе на морѣ, вихрь на небѣ были какъ бы грознымъ аккомпаниментомъ моего суда надъ клятвопреступницей. Я услышалъ голосъ Нетти, и снова во мнѣ забушевалъ гнѣвъ. Я направился къ ней среди ужасовъ, возвѣщавшихъ ей близкую смерть. Моя пуля убьетъ ее наповалъ подъ грохотъ залповъ. При этой мысли я не могъ удержаться отъ громкаго крика, который слился съ общимъ гуломъ, и рѣшительно направился къ ней съ револьверомъ въ рукахъ. Я подходилъ все ближе и ближе,—маленькая группа людей, все еще не замѣчавшихъ меня, увеличилась; зеленое небо и суда на морѣ все болѣе отходили вдаль. Кто-то выскочилъ изъ ближайшаго домика и остановился при видѣ меня. Это была Нетти, кокетливо закутанная въ шаль, и зеленое сіяніе озаряло ея лицо и нѣжную шею. Я увидѣлъ ея лицо, искаженное отъ ужаса при моемъ приближеніи.

— Бумъ!—раздалось съ броненосца, какъ команда.—Бангъ!—грянулъ въ отвѣтъ мой револьверъ. Я даже не хотѣлъ выстрѣлить въ нее въ ту минуту,—совершенно не хотѣлъ. Но почему-то я выстрѣлилъ опять и потомъ еще разъ — и все мимо. Она сдѣлала шагъ ко мнѣ, не отрывая отъ меня глазъ, потомъ кто-то очутился подлѣ нея,—это былъ молодой Вераль.

Затѣмъ вдругъ выросъ точно изъ-подъ земли какой-то человѣкъ въ купальномъ халатѣ съ капюшономъ и сталъ передо мной, защищаясь. У него было испуганное, изумленное лицо. Онъ кинулся ко мнѣ, вытянувъ впередъ руки, точно собираясь остановить взбѣсившуюся лошадь, и сталъ что-то кричать, въ чемъ-то убѣждать меня.

— Оставьте!—крикнулъ я, но онъ все-таки стоялъ, прикрывая собой Нетти.

У меня было безумное желаніе прострѣлить его грузное тѣло, но я какъ-то понималъ, что не долженъ стрѣлять въ него. Я быстро рванулся къ нему, отстранилъ его распростертыя руки, и передо мною снова очутились Нетти и Вераль. Я тогда выстрѣлилъ третій разъ въ воздухъ. Меня окружили, и я бросился къ нимъ. Какой-то человѣкъ подбѣжалъ и хотѣлъ схватить меня, но я оттолкнулъ его и расчистилъ путь. Я увидѣлъ бѣжавшихъ Вераля и Нетти, выстрѣлилъ въ четвертый разъ, но тоже не-

удачно, и въ бѣшенствѣ быстро рѣшилъ догнать ихъ и уже стрѣлять въ упоръ.

За мной погнались, но вскорѣ всѣ отстали, и мы только бѣжали втроемъ — они впереди, а я за ними. Нѣсколько времени прошло въ быстромъ бѣгѣ. Песокъ превратился въ вихрь зеленоватаго сіянія, насъ окружалъ какой-то сіяющій зеленый туманъ,—но мнѣ было не до того. Я не зналъ, нагоняю ли я ихъ, или отстаю. Они пробѣжали черезъ отверстіе въ разломанномъ заборѣ, и я—за ними. Мы очутились на дорогѣ, но приходилось съ трудомъ пробираться сквозь зеленый туманъ. Они исчезали изъ виду, и я сдѣлалъ прыжокъ футовъ въ двѣнадцать изъ боязни упустить ихъ изъ виду.

Она пошатнулась; онъ схватилъ ее за руку и потащилъ ее за собой. Они свернули налѣво. Мы опять очутились на дорогѣ и бѣжали по мягкому грунту. Потомъ я упалъ куда-то, гдѣ все было полно дыма, опять вскочилъ, но они казались уже какими-то призраками, рѣющими въ вихрѣ.

Я продолжалъ бѣжать, спотыкался, слышалъ грохотъ пушекъ. Ихъ уже не было видно, но я продолжалъ бѣжать. Мнѣ что-то мѣшало, ноги увязали въ чемъ-то,—но я не видѣлъ, что̀ это такое — все исчезало въ туманѣ. Въ головѣ кружилось, я слышалъ шумъ и все не могъ прорваться черезъ какую-то зеленую завѣсу, которая спускалась все ниже и ниже. Становилось темно вокругъ.

Я сдѣлалъ послѣднее отчаянное усиліе, поднялъ револьверъ въ рукѣ, выстрѣлилъ наугадъ и упалъ на землю. Зеленая завѣса сдѣлалась черной, и все исчезло вокругъ меня.

Съ англ. З. В.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1907.

Высочайшій манифестъ 3-го іюня.—Новый избирательный законъ.—Его формальная сторона. — Измѣненія въ числѣ и въ распредѣленіи выборщиковъ. — Исключеніе мѣстныхъ крестьянъ изъ состава избирателей-землевладѣльцевъ.—Раздѣленіе городскихъ избирателей на два разряда. — Новыя полномочія министра внутреннихъ дѣлъ.—Новый порядокъ избранія членовъ Думы.—Выборы на окраинахъ имперіи.—Выборныя коммиссіи.—Графъ П. А. Гейденъ †.

3-го іюня обнародованъ слѣдующій Высочайшій манифестъ:

„По повелѣнію и указаніямъ Нашимъ, со времени роспуска Государственной Думы перваго созыва, правительство Наше принимало послѣдовательный рядъ мѣръ къ успокоенію страны и установленію правильнаго теченія дѣлъ государственныхъ.

Созванная Нами вторая Государственная Дума призвана была содѣйствовать, согласно Державной Волѣ Нашей, успокоенію Россіи: первѣе всего работою законодательною, безъ которой невозможны жизнь Государства и усовершенствованіе его строя, затѣмъ разсмотрѣніемъ росписи доходовъ и расходовъ, опредѣляющей правильность государственнаго хозяйства, и наконецъ разумнымъ осуществленіемъ права запросовъ Правительству, въ цѣляхъ укрѣпленія повсемѣстно правды и справедливости.

Обязанности эти, ввѣренныя Нами выборнымъ отъ населенія, наложили на нихъ тѣмъ самымъ тяжелую отвѣтственность и святой долгъ пользоваться правами своими для разумной работы на благо и утвержденіе Державы Россійской.

Таковы были мысль и воля Наши при дарованіи населенію новыхъ основъ государственной жизни.

Къ прискорбію Нашему, значительная часть состава второй Государственной Думы не оправдала ожиданій Нашихъ. Не съ чистымъ

сердцемъ, не съ желаніемъ укрѣпить Россію и улучшить ея строй, приступили многія изъ присланныхъ отъ населенія лицъ къ работѣ, а съ явнымъ стремленіемъ увеличить смуту и способствовать разложенію Государства.

Дѣятельность этихъ лицъ въ Государственной Думѣ послужила непреодолимымъ препятствіемъ къ плодотворной работѣ. Въ среду самой Думы внесенъ былъ духъ вражды, помѣшавшій сплотиться достаточному числу членовъ ея, желавшихъ работать на пользу родной земли.

По этой причинѣ, выработанныя Правительствомъ Нашимъ обширныя мѣропріятія Государственная Дума или не подвергала вовсе разсмотрѣнію, или замедляла обсужденіемъ, или отвергала, не остановившись даже передъ отклоненіемъ законовъ, каравшихъ открытое восхваленіе преступленій и сугубо наказывавшихъ сѣятелей смуты въ войскахъ. Уклонившись отъ осужденія убійствъ и насилій, Государственная Дума не оказала въ дѣлѣ водворенія порядка нравственнаго содѣйствія Правительству и Россія продолжаетъ переживать позоръ преступнаго лихолѣтія.

Медлительное разсмотрѣніе Государственною Думою росписи государственной вызвало затрудненіе въ своевременномъ удовлетвореніи многихъ насущныхъ потребностей народныхъ.

Право запросовъ Правительству значительная часть Думы превратила въ способъ борьбы съ Правительствомъ и возбужденія недовѣрія къ нему въ широкихъ слояхъ населенія.

Наконецъ свершилось дѣяніе, неслыханное въ лѣтописяхъ исторіи. Судебною властью былъ раскрытъ заговоръ цѣлой части Государственной Думы противъ государства и Царской Власти. Когда же Правительство Наше потребовало временнаго, до окончанія суда, устраненія обвиняемыхъ въ преступленіи этомъ пятидесяти пяти членовъ Думы и заключенія наиболѣе уличаемыхъ изъ нихъ подъ стражу, то Государственная Дума не исполнила немедленно законнаго требованія властей, не допускавшаго никакого отлагательства.

Все это побудило Насъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату 3 сего іюня, Государственную Думу второго созыва распустить, опредѣливъ срокъ созыва новой Думы на 1 ноября сего 1907 года.

Но, вѣря въ любовь къ Родинѣ и государственный разумъ народа Нашего, Мы усматриваемъ причину двукратнаго неуспѣха дѣятельности Государственной Думы въ томъ, что, по новизнѣ дѣла и несовершенству избирательнаго закона, законодательное учрежденіе это пополнялось членами, не явившимися настоящими выразителями нуждъ и желаній народныхъ.

Посему, оставляя въ силѣ всѣ дарованныя подданнымъ нашимъ Манифестомъ 17 октября 1905 года и основными законами права,

восприяли Мы рѣшеніе измѣнить лишь самый способъ призыва выборныхъ отъ народа въ Государственную Думу, дабы каждая часть народа имѣла въ ней своихъ избранниковъ.

Созданная для укрѣпленія Государства Россійскаго, Государственная Дума должна быть русскою и по духу.

Иныя народности, входящія въ составъ Державы Нашей, должны имѣть въ Государственной Думѣ представителей нуждъ своихъ, но не должны и не будутъ являться въ числѣ, дающемъ имъ возможность быть вершителями вопросовъ чисто-русскихъ.

Въ тѣхъ же окраинахъ Государства, гдѣ населеніе не достигло достаточнаго развитія гражданственности, выборы въ Государственную Думу должны быть временно пріостановлены.

Всѣ эти измѣненія въ порядкѣ выборовъ не могутъ быть проведены обычнымъ законодательнымъ путемъ черезъ ту Государственную Думу, составъ коей признанъ Нами неудовлетворительнымъ, вслѣдствіе несовершенства самаго способа избранія ея членовъ. Только Власти, даровавшей первый избирательный законъ, исторической Власти Русскаго Царя, довлѣетъ право отмѣнить оный и замѣнить его новымъ.

Отъ Господа Бога вручена Намъ власть Царская надъ народомъ Нашимъ. Передъ Престоломъ Его Мы дадимъ отвѣтъ за судьбы Державы Россійской.

Въ сознаніи этомъ черпаемъ Мы твердую рѣшимость довести до конца начатое Нами великое дѣло преобразованія Россіи и даруемъ ей новый избирательный законъ, обнародовать который повелѣваемъ Правительствующему Сенату.

Отъ вѣрныхъ же подданныхъ Нашихъ Мы ждемъ единодушнаго и бодраго, по указанному Нами пути, служенія Родинѣ, сыны которой во всѣ времена являлись твердымъ оплотомъ ея крѣпости, величія и славы".

Въ тотъ же день 3-го іюня обнародованы именные Высочайшіе указы Сенату: 1) о роспускѣ Думы, производствѣ новыхъ выборовъ съ 1-го сентября и созывѣ новой Думы на 1-ое ноября, и 2) объ утвержденіи новаго положенія о выборахъ въ Государственную Думу.

Манифестомъ 3-го іюня, какъ и манифестомъ 9-го іюля прошлаго года, роспускъ Государственной Думы мотивируется, главнымъ образомъ, ея ошибками, неправильными дѣйствіями и упущеніями.

„Выработанныя правительствомъ обширныя мѣропріятія" Государственная Дума, по словамъ манифеста, „или не подвергала вовсе раз-

смотрѣнію, или замедляла обсужденіемъ, или отвергала". Мы имѣли уже случай показать [1]), что быстротою дѣйствій законодательное собраніе, въ первые мѣсяцы послѣ его созыва, никогда и нигдѣ не отличается и не отличалось. Даже тамъ, гдѣ господствуютъ миръ и тишина, даже тамъ, гдѣ парламентская жизнь вошла въ народные нравы и привычки, вновь выбранная палата не можетъ сразу приняться за дѣло, не можетъ безотлагательно двинуть впередъ всѣ части своей задачи. Народные представители должны узнать другъ друга, столковаться по крайней мѣрѣ о важнѣйшемъ и ближайшемъ, образовать болѣе или менѣе устойчивыя группы. Этотъ процессъ совершается тѣмъ труднѣе, а слѣдовательно и тѣмъ медленнѣе, чѣмъ меньше онъ встрѣчаетъ готовыхъ рамокъ и прочныхъ преданій. Еслибы ему одному были посвящены Думою цѣлыя недѣли, этимъ не доказывалось бы еще отсутствіе у нея умѣнья и желанія трудиться. На самомъ дѣлѣ, однако, вторая Дума успѣла, въ короткое время, многое предпринять, многое подготовить и кое-что закончить. Утвердивъ значительную часть своего наказа, она создала условія, значительно усилившія интенсивность ея работы и еще больше обѣщавшія въ будущемъ. Дѣловымъ вопросамъ она отвела цѣлый рядъ вечернихъ засѣданій, благодаря которымъ они получали, одинъ за другимъ, скорое рѣшеніе. Болѣе объемистые, болѣе важные законопроекты были распредѣлены между коммиссіями, изъ которыхъ двѣ—о мѣстномъ судѣ и о неприкосновенности личности—внесли въ Думу обширные доклады. Въ коммиссіяхъ, по необходимости, всегда сосредоточивается на первое время значительная часть труда, выпадающаго на долю народнаго представительства. Торопливость была бы здѣсь совершенно неумѣстна, да и совершенно излишня, потому что одновременное разсмотрѣніе Думою цѣлой массы коммиссіонныхъ докладовъ все равно оказалось бы физически невозможнымъ. О пренебрежительномъ отношеніи Думы къ правительственнымъ законопроектамъ не можетъ быть рѣчи уже потому, что именно для ихъ обсужденія было учреждено большинство коммиссій. Законопроектовъ, исходящихъ отъ думской инициативы, было на этотъ разъ гораздо меньше, чѣмъ въ прошломъ году.

Въ вину Думѣ ставится въ особенности „медлительное разсмотрѣніе государственной росписи, вызвавшее затрудненіе въ своевременномъ удовлетвореніи многихъ насущныхъ потребностей народныхъ". До сихъ поръ государственная роспись составлялась и повѣрялась въ рутинномъ бюрократическомъ порядкѣ и только теперь въ первый разъ предстала на судъ народныхъ представителей. Не сразу

---

[1]) См. „Внутр. Обозрѣніе" въ № 5 „Вѣстника Европы" за текущій годъ.

могла стать для нихъ доступной ея сложность; неизбѣжно они должны были взглянуть на нее съ совершенно новой точки зрѣнія, предъявить къ ней совершенно новыя требованія. Едва ли, поэтому, есть поводъ удивляться тому, что въ два съ небольшимъ мѣсяца бюджетная коммиссія не успѣла окончить своихъ занятій. Слишкомъ велика была бы отвѣтственность ея передъ страною, еслибы она отнеслась къ своей задачѣ поверхностно, формально и, повѣривъ итоги и ограничившись кое-какими замѣчаніями, поспѣшила бы признать, что все обстоитъ благополучно. Съ другой стороны, если своевременное утвержденіе росписи столь необходимо для удовлетворенія „насущныхъ потребностей" населенія, то почему же допущенъ былъ столь долгій промежутокъ между роспускомъ первой и созывомъ второй Государственной Думы? Еслибы первое междудумье было ограничено хотя бы такимъ же срокомъ, какъ второе—т.-е. пятью мѣсяцами, — то государственная роспись на 1907-й годъ могла бы быть утверждена гораздо раньше. Еще нормальнѣе было бы ея движеніе, еслибы не была распущена— или была распущена нѣсколько позднѣе—первая Государственная Дума.

Изъ числа законопроектовъ, отвергнутыхъ Думою, особенно подчеркиваются тѣ, которыми „каралось открытое восхваленіе преступленій и сугубо наказывались сѣятели смуты въ войскахъ". Въ общественной хроникѣ нашего журнала были уже указаны причины, вызвавшія отрицательное отношеніе Думы къ этимъ проектамъ. Отнюдь не оправдывая восхваленіе преступленій или пропаганду въ войскахъ, Дума находила, что какъ то, такъ и другое предусмотрѣно уже уголовнымъ уложеніемъ и нѣтъ основанія замѣнять строго обдуманныя постановленія, согласованныя съ общей системой нашего права, наскоро редактированными и явно неудовлетворительными мѣрами. Исправить дефекты этихъ мѣръ Дума не могла, потому что онѣ представляли собою не законопроекты, разсматриваемые въ обычномъ порядкѣ, а дѣйствующіе уже временные законы. Не воспользовавшись правомъ немедленной ихъ отмѣны, Дума рисковала продлить существованіе ихъ, въ прежнемъ видѣ, на неопредѣленное время.

„Право запросовъ правительству значительная часть Думы"—читаемъ мы въ манифестѣ—„превратила въ способъ борьбы съ правительствомъ и возбужденія къ нему недовѣрія въ широкихъ слояхъ населенія". Если факты, составляющіе предметъ запроса, дѣйствительно совершились и если впечатлѣніе, ими производимое, неблагопріятно для тѣхъ или другихъ органовъ власти, то можно ли ставить такой результатъ въ пассивъ Думы или хотя бы части Думы? Не очевидно ли, что все зависитъ здѣсь отъ послѣдующаго образа дѣйствій министерства? Если оно привлекаетъ виновныхъ къ законной

ответственности, то первоначальное впечатлѣніе сглаживается или исчезаетъ; въ противномъ случаѣ впечатлѣніе усиливается, но усиливается не потому, что раскрыты злоупотребленія, а потому, что ничего не сдѣлано для предупрежденія ихъ на будущее время. Упрекъ въ систематической тенденціозности запросовъ былъ бы заслуженъ Думой, еслибы значительно бо̀льшая ихъ часть оказалась лишенною всякихъ основаній и еслибы, притомъ, они ставились безъ какой бы то ни было провѣрки. Ни того, ни другого сказать нельзя: всѣ запросы подвергались предварительному разсмотрѣнію въ особой коммиссіи, и многіе изъ нихъ были приняты большинствомъ, близкимъ къ единогласію. Источникомъ недовѣрія къ правительству могли служить не столько самые запросы, сколько нѣкоторыя изъ противопоставленныхъ имъ объясненій. Достаточно припомнить пренія 30-го апрѣля по поводу четырехъ лицъ, присужденныхъ военно-полевымъ судомъ сначала къ каторгѣ, а потомъ, другимъ составомъ суда, къ смертной казни. Попытка доказать, что *оставленіе приговора безъ исполненія*, влекущее за собою новое разсмотрѣніе дѣла, не равносильно *отмѣнѣ приговора*, должна была вызвать самое тяжелое чувство не только въ юристахъ, уважающихъ свое призваніе, но и во всякомъ безпристрастномъ читателѣ или слушателѣ... Допустимъ, наконецъ, что запросы, съ точки зрѣнія ихъ авторовъ, являлись иногда не столько средствомъ раскрытія истины, сколько орудіемъ борьбы съ министерствомъ. Безъ такой борьбы немыслима конституціонная жизнь; страшной она можетъ казаться лишь съ непривычки, какъ нѣчто рѣзко противоположное господствовавшей у насъ еще недавно „тиши и глади". Что большинство Думы не хотѣло выдвигать эту борьбу на первый планъ, отводить ей слишкомъ много мѣста и вести ее изъ-за нея самой—это видно уже изъ того, что для обсужденія запросовъ назначено было только одно изъ числа шести [1]) еженедѣльныхъ засѣданій.

„Значительная часть состава второй Государственной Думы"—гласитъ манифестъ—„не оправдала ожиданій Нашихъ. Не съ чистымъ сердцемъ, не съ желаніемъ укрѣпить Россію и улучшить ея строй приступили многія изъ присланныхъ отъ населенія лицъ къ работѣ, а съ явнымъ стремленіемъ увеличить смуту и способствовать разложенію государства. Дѣятельность этихъ лицъ въ Государственной Думѣ послужила непреодолимымъ препятствіемъ къ плодотворной работѣ. Въ среду самой Думы внесенъ былъ духъ вражды, помѣшавшій сплотиться достаточному числу членовъ ея, желавшихъ работать на пользу родной земли". Что не всѣ члены Думы вошли въ нее исклю-

---

[1]) Начиная съ мая мѣсяца Дума имѣла еженедѣльно, кромѣ четырехъ дневныхъ, два вечернихъ засѣданія.

чительно для участія въ мирной работѣ—это безспорно; но не менѣе несомнѣнно и то, что шансы успѣха такой работы постоянно возрастали, число работниковъ постоянно увеличивалось—и продолжало бы увеличиваться, еслибы продлилось существованіе Думы. Препятствія, съ которыми Дума встрѣчалась въ собственной своей средѣ, нѣсколько разъ были ею устраняемы и, слѣдовательно, не были непреодолимыми. Воздержавшись отъ рѣзкаго отвѣта на декларацію министерства, отклонивъ изслѣдованіе продовольственнаго вопроса на мѣстахъ, постановивъ войти въ подробное разсмотрѣніе бюджета, утвердивъ контингентъ, поставивъ на ближайшую очередь дѣла, наименѣе грозившія конфликтомъ, отказавшись, въ послѣднюю минуту вступить на путь экстра-легальныхъ резолюцій, большинство Думы ясно доказало свое намѣреніе оставаться въ предѣлахъ законодательной дѣятельности. Съ теченіемъ времени колеблющіяся рамки большинства получили бы бо̀льшую прочность и опредѣленность. Начиналось уже, повидимому, разложеніе группы трудовиковъ, болѣе правые элементы которой могли бы составить, вмѣстѣ съ кадетами и ихъ обычными союзниками, крѣпкое и устойчивое цѣлое, способное играть роль настоящаго парламентскаго центра. Чѣмъ непримиримѣе оказались бы, затѣмъ, ультра-лѣвыя партіи, тѣмъ слабѣе становилось бы ихъ вліяніе на ходъ думской работы. Оставаясь въ Думѣ, но испытывая на каждомъ шагу отпоръ со стороны организованнаго большинства, представители этихъ партій усвоили бы себѣ, быть можетъ, менѣе воинствующую тактику и менѣе прямолинейную программу. Зародившіяся и широко распространившіяся въ тайнѣ, подъ тяжкимъ гнетомъ, крайнія стремленія потеряли бы часть своей силы, еслибы за ними была сохранена возможность открытаго выраженія. Противорѣчія, обостренныя безпощадною борьбою, смягчились бы, мало-по-малу, на почвѣ совмѣстнаго труда.

Государственной Думѣ ставится въ вину, что она уклонилась отъ осужденія убійствъ и насилій и не оказала нравственнаго содѣйствія правительству въ водвореніи порядка. Что молчаніе по жгучему вопросу о красномъ террорѣ было ошибкой со стороны Думы—это мы нѣсколько разъ прямо признавали; но исправить ошибку было еще вполнѣ возможно, да и въ обстоятельствахъ, уменьшающихъ ея значеніе, не было недостатка. Сюда относится, прежде всего, вызывающее поведеніе крайнихъ правыхъ, заставлявшее многихъ и многихъ воздерживаться отъ всего того, что̀ могло показаться уступкой провокаціонному вымогательству. Еще важнѣе—осужденіе террористическихъ актовъ, часто слышавшееся въ рѣчахъ ораторовъ центра и даже лѣвой стороны. Для внимательнаго и спокойнаго наблюдателя

было совершенно ясно, что Дума, въ огромномъ своемъ большинствѣ, не сочувствуетъ насиліямъ и высоко цѣнитъ человѣческую жизнь.

Послѣдняго и самаго серьезнаго обвиненія, мотивированнаго отношеніемъ Думы къ требованію устранить изъ ея среды, впредь до судебнаго приговора, членовъ соціалъ-демократической группы, заподозрѣнныхъ въ государственномъ преступленіи, мы здѣсь касаться не будемъ, потому что все непосредственно предшествовавшее роспуску Думы подробно разсмотрѣно ниже, въ отдѣлѣ „Общественной Хроники".

Манифестъ 9-го іюля 1906 года оставилъ неприкосновеннымъ порядокъ избранія Государственной Думы, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ опредѣленъ актами 6-го августа и 11-го декабря 1905-го года и закрѣпленъ новой редакціей основныхъ законовъ. Совершенно инымъ является положеніе дѣлъ, созданное манифестомъ 3-го іюня. Одновременно съ нимъ обнародованъ новый избирательный законъ, существенно измѣнившій положеніе о выборахъ въ Государственную Думу. Форма, въ которую облеченъ этотъ законъ, не предусмотрѣна нашимъ законодательствомъ. Съ 17-го октября 1905-го и 20-го февраля 1906-го года ему извѣстны только *законы*, одобренные Государственною Думой и Государственнымъ Совѣтомъ и утвержденные Государемъ (зак. основн. ст. 86), и временныя *мѣры* законодательнаго характера, вызываемыя чрезвычайными обстоятельствами и принимаемыя Государемъ, во время междудумья, по представленію совѣта министровъ (зак. основн. ст. 87). Къ числу подобныхъ мѣръ новый избирательный законъ не можетъ быть отнесенъ ни по способу изданія, ни по сроку дѣйствія, ни, въ особенности, по своему содержанію: онъ *замѣняетъ* собой положеніе о выборахъ въ Государственную Думу, подлежавшее измѣненію, за силою ст. 87-й, не иначе, какъ въ общемъ *нормальномъ* законодательномъ порядкѣ. Нельзя, очевидно, подвести новый законъ — какъ это старается сдѣлать газета, извѣстная своею „услужливостью", — подъ категорію актовъ верховнаго управленія; издаваемые въ этомъ порядкѣ указы должны *соотвѣтствовать законамъ* (зак. основн. ст. 11), ни въ чемъ ихъ не измѣняя и, тѣмъ болѣе, не отмѣняя. Манифестъ 3-го іюня и не ищетъ, впрочемъ, формальной точки опоры для возвѣщаемой имъ перемѣны. По его словамъ, „власти, даровавшей первый избирательный законъ, довлѣетъ право отмѣнить оный и замѣнить его новымъ". „Отъ Господа Бога"—читаемъ мы дальше—„вручена Намъ власть Царская надъ народомъ Нашимъ. Передъ престоломъ Его Мы дадимъ отвѣтъ за судьбы державы россійской".

Наиболѣе характерный комментарій къ этимъ словамъ мы находимъ, какъ и слѣдовало ожидать, въ той газетѣ, которая не пере-

ставала отрицать новый государственный строй и подкапываться подъ его основы. Съ точки зрѣнія „Московскихъ Вѣдомостей“ „государственный переворотъ“, точно такъ же, какъ и „конституція“—въ томъ смыслѣ, въ какомъ о нихъ говорятъ у насъ—не что иное, какъ „пустыя, неразумныя слова“. Конституція — синонимъ государственной организаціи; а „государственная организація существуетъ у насъ еще со временъ Рюрика“. Ни изъ чего не слѣдуетъ, что „русскій государственный организмъ, какъ учрежденіе, т.-е. конституція, долженъ имѣть въ своей основѣ не самодержавную власть монарха, а какія-то договорныя отношенія между монархомъ и народомъ... Русскій монархъ по самой природѣ своей власти никакого государственнаго переворота совершить не можетъ, по той простой причинѣ, что земная власть его безгранична, и всякій государственный актъ его закономѣренъ, а слѣдовательно и не можетъ быть насильственнымъ. А насиліе и есть самая существенная часть всякаго переворота: нѣтъ насилія—нѣтъ и государственнаго переворота“. Нужно особенное искусство, чтобы нагромоздить въ немногихъ строкахъ столько вопіющей неправды. Этимологическое происхожденіе термина *конституція* смѣшивается съ значеніемъ, которое онъ получилъ во всѣхъ образованныхъ странахъ и съ которымъ онъ перешелъ въ русскій обиходъ. Конституція, въ этомъ значеніи, существуетъ у насъ только съ 17-го октября 1905-го года—и существуетъ именно потому, что съ этого времени власть монарха перестала быть безграничной. Строго говоря, даже и раньше не всякій актъ, исходящій отъ монарха, могъ считаться закономѣрнымъ. Издавна у насъ если не дѣйствовала, то имѣлась на бумагѣ статья, въ силу которой управленіе имперіей должно было быть построено „на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ“; издавна былъ установленъ и порядокъ изготовленія „положительныхъ законовъ“. Повторяясь на каждомъ шагу и принимая самыя разнообразныя формы, нарушенія этого порядка никому не казались „государственнымъ переворотомъ“,—но ихъ незакономѣрность и тогда уже была очевидна какъ для знатоковъ государственнаго права, такъ и для публицистовъ, плывшихъ противъ теченія [1]). Съ тѣхъ поръ понятіе о закономѣрности пріобрѣло и несравненно бо́льшую опредѣленность, и несравненно бо́льшую важность. Старый Государственный Совѣтъ, какъ законосовѣщательный органъ, стоялъ, конечно, выше, чѣмъ комитетъ министровъ; но между обоими учрежденіями, однородными по способу образованія и по характеру состава, не было той громадной разницы, какая существуетъ между бюрократіей и народнымъ представительствомъ. Отстранить послѣд-

---

[1]) См., напр., „Внутреннее Обозрѣніе“ въ № 1 „Вѣстника Европы“ за 1895 г.

нее отъ участія въ законодательномъ актѣ—значитъ парализовать силу гарантій, заключающихся въ совмѣстной дѣятельности всѣхъ факторовъ законодательной власти.

Совершенно невѣрно, далѣе, утвержденіе „Московскихъ Вѣдомостей", что гдѣ нѣтъ насилія, тамъ нѣтъ и государственнаго переворота. Безспорно, для всякаго государственнаго переворота нужна сила, матеріальная сила; но въ прямомъ, открытомъ насиліи эта сила выражается только тогда, когда встрѣчаетъ открытое сопротивленіе. Для понятія о государственномъ переворотѣ существенно не дѣйствительное употребленіе насилія, а возможность и рѣшимость его употребленія, съ цѣлью достигнуть чего-либо непредусмотрѣннаго или прямо запрещеннаго закономъ. Гдѣ имѣются на лицо оба признака, тамъ можно говорить о государственномъ переворотѣ. Въ нормально организованномъ государствѣ нормаленъ только тотъ способъ установленія, измѣненія или отмѣны закона, который опредѣленъ какъ общее правило и продолжаетъ оставаться таковымъ до пересмотра его въ томъ же порядкѣ... Не будемъ, впрочемъ, продолжать спора о словахъ; посмотримъ, къ чему приводитъ на самомъ дѣлѣ аргументація „Московскихъ Вѣдомостей". Манифестъ 3-го іюня, оставляя въ силѣ всѣ дарованныя 17-го октября и позднѣйшими основными законами права, измѣняетъ „*лишь* способъ призыва выборныхъ отъ народа въ Государственную Думу". Продолжаетъ дѣйствовать, такимъ образомъ, и ст. 86-я зак. основн., по которой никакой новый законъ не можетъ послѣдовать безъ одобренія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы. Какъ же согласить съ нею увѣреніе газетныхъ обскурантовъ, что закономѣренъ *всякій* государственный актъ монарха — слѣдовательно и такой, который, будучи по существу закономъ, не получилъ одобренія Государственной Думы или даже прямо ею отвергнутъ? Не ясно ли, что въ правовомъ государствѣ не могутъ существовать рядомъ два порядка, два строя, не только различныхъ, но прямо противоположныхъ? Не ясно ли, вмѣстѣ съ тѣмъ, что столь же немыслимо ихъ чередованіе, столь же немыслимъ произвольный переходъ отъ одного изъ нихъ къ другому? Стоитъ только стать на точку зрѣнія „Московскихъ Вѣдомостей" — и во всемъ водворится хаосъ, потеряютъ цѣнность всѣ права, оставляемыя въ силѣ манифестомъ 3-го іюня, исчезнетъ увѣренность въ завтрашнемъ днѣ, значительно поколебленная уже изданіемъ новаго избирательнаго закона.

Не слѣдуетъ ли, однако, забыть о формальной сторонѣ новаго избирательнаго закона и примириться съ нимъ въ виду его необходимости и неизбѣжности? Если вѣрить нашимъ низкопробнымъ оппортунистамъ, обойтись безъ отступленія отъ ст. 87-ой можно было только двоякимъ образомъ: или совсѣмъ пріостановивъ дѣйствіе кон-

ституціи, впредь до возстановленія внутренняго мира, или повторяя роспускъ Думы, пока не получится желанный результатъ выборовъ. Нетрудно доказать, что первый изъ этихъ путей столь же противозаконенъ, сколько безнадеженъ, второй—чрезвычайно длиненъ и уже потому до крайности рискованъ; но гдѣ же основаніе утверждать, что поставленная такимъ образомъ дилемма имѣетъ исчерпывающее значеніе? Мы видѣли уже, что не были еще потеряны всѣ шансы соглашенія со второй Думой; еще болѣе легкимъ оказалась бы, можетъ быть, совмѣстная дѣятельность съ третьей Думой, избранной по старому избирательному закону. Не было еще испытано и такое простое средство, какъ образованіе министерства, надъ которымъ не тяготѣли бы воспоминанія о прошломъ и которое сравнительно легко могло бы найти почву для сближенія съ народнымъ представительствомъ. Героическій методъ леченья пріобрѣтаетъ raison d'être только тогда, когда безуспѣшно испробованы *всѣ* остальные.

Перейдемъ теперь къ существу новаго избирательнаго закона. Сохраняя, безъ особенно крупныхъ отступленій, рамки положенія 1906-го года, онъ рѣзко расходится съ его духомъ. Категоріи избирателей остаются тѣ же, но радикально измѣняется ихъ соотношеніе, ихъ сравнительный удѣльный вѣсъ. Въ основѣ избирательнаго права лежитъ обыкновенно какое-нибудь одно господствующее начало, проникающее собою всѣ его составныя части и дающее ему внутреннее единство. Есть—или, правильнѣе, были—избирательныя системы, построенныя на сословности; сохранились до сихъ поръ системы, отводящія главное мѣсто имущественному цензу; бо̀льшую или меньшую роль играетъ иногда степень образованія избирателей; кое-гдѣ вводится множественность голосовъ, какъ коррективъ всеобщаго избирательнаго права. У насъ съ самаго начала восторжествовала безсистемность. Къ избирательному закону 6-го августа былъ искусственно привитъ законъ 11-го декабря; отсюда произошло не гармоническое сліяніе, а механическое сопоставленіе различныхъ элементовъ. Сословности была принесена дань обособленіемъ крестьянскаго представительства; классовый принципъ нашелъ примѣненіе въ рабочей куріи; во имя имущественнаго ценза проведено было различіе между крупными и мелкими землевладѣльцами; къ всеобщей подачѣ голосовъ приблизилось, до извѣстной степени, представительство горожанъ. Не была проведена послѣдовательно даже территоріальность выборовъ: часть внѣгородского населенія была втиснута въ городскіе кадры. На̀скоро и неумѣло составленный текстъ указовъ создалъ почву для множества недоразумѣній, давшихъ поводъ къ цѣлому ряду тенденціозныхъ сенатскихъ толкованій. Черезъ всю сложную, дробную, спутанную регламентацію избирательнаго права красною нитью прошло стремленіе

обезпечить преобладающее или вліятельное положеніе за тѣми категоріями избирателей, отъ которыхъ ожидалась бóльшая податливость видамъ и желаніямъ правительства. Этотъ разсчетъ не оправдался: на его мѣсто является теперь другой, еще рѣшительнѣе обусловливая собою весь складъ избирательной системы. Центръ тяжести ея передвигается не въ сторону всеобщаго избирательнаго права, какъ это было обѣщано манифестомъ 17-го октября, а въ прямо противоположномъ направленіи.

Съ особенною ясностью намѣренность искусственныхъ комбинацій отразилась въ приложеніяхъ къ новому закону, опредѣляющихъ число выборщиковъ по губерніямъ и по группамъ избирателей. Не входя въ подробности, отмѣченныя ежедневною печатью, приведемъ нѣсколько цифръ, ярко освѣщающихъ значеніе происшедшей перемѣны. Въ 53 губерніяхъ общее число выборщиковъ уменьшено съ 5838 до 5161. Число выборщиковъ отъ крестьянъ уменьшилось слишкомъ вдвое—съ 2535 до 1147. Еще въ большей мѣрѣ понизилось число выборщиковъ отъ рабочихъ. Число выборщиковъ отъ землевладѣльцевъ возрасло болѣе чѣмъ на одну треть—съ 1965 до 2644; число выборщиковъ отъ горожанъ увеличилось незначительно — съ 1258 до 1338, — но, какъ мы увидимъ ниже, весьма сильно долженъ измѣниться ихъ составъ. При дѣйствіи прежняго закона большинство голосовъ принадлежало землевладѣльцамъ только въ весьма немногихъ случаяхъ; теперь оно принадлежитъ имъ въ бóльшей части губерній. Выборщики отъ крестьянъ прежде составляли большинство въ тринадцати губерніяхъ; теперь они не составляютъ его нигдѣ... Указъ 6-го августа, въ этомъ отношеніи не измѣненный указомъ 11-го декабря, опредѣлялъ число выборщиковъ каждой категоріи не произвольно, а сообразно съ цифрой платимыхъ ими налоговъ. Чѣмъ обусловливаются вновь установленныя цифры—мы не знаемъ. Трудно представить себѣ такой критерій, въ силу котораго могло бы произойти столь крупное перемѣщеніе голосовъ. Не говоря уже о численности крестьянъ, самый размѣръ ихъ владѣній не соотвѣтствуетъ болѣе чѣмъ скромной роли, отведенной имъ новымъ закономъ. Аномалія становится еще болѣе вопіющей, если принять во вниманіе, что параллельно съ увеличеніемъ числа выборщиковъ отъ землевладѣльцевъ идетъ громадное уменьшеніе числа землевладѣльцевъ-избирателей. По прежнему положенію о выборахъ право голоса на предварительномъ съѣздѣ землевладѣльцевъ принадлежало всѣмъ безъ изъятія лицамъ, владѣющимъ въ уѣздѣ землею или недвижимымъ имуществомъ, но не имѣющимъ полнаго избирательнаго ценза. Такихъ лицъ вездѣ очень много; при сколько-нибудь исправной ихъ явкѣ на предварительный съѣздъ уполномоченные ихъ легко могли составить—и въ дѣйствительности часто

составляли — большинство на уѣздномъ съѣздѣ. Всего больше между ними, конечно, мѣстныхъ крестьянъ. Новый законъ исключаетъ изъ числа уѣздныхъ избирателей всѣхъ тѣхъ, кто принадлежитъ къ составу сельскихъ и волостныхъ обществъ даннаго уѣзда. О значеніи этой мѣры можно судить по цифрамъ, касающимся бѣжецкаго уѣзда тверской губерніи [1]). Въ спискѣ мелкихъ землевладѣльцевъ этого уѣзда значилось до сихъ поръ 13760 лицъ, въ томъ числѣ 13568 крестьянъ, за весьма немногими исключеніями—мѣстныхъ. Всей земли состояло въ ихъ владѣніи около 160 тыс. десятинъ (втрое больше, чѣмъ у крупныхъ землевладѣльцевъ), что̀ составляетъ до 700 полныхъ цензовъ; другими словами, они могли послать на уѣздный съѣздъ около 700 уполномоченныхъ. На самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе слабаго посѣщенія предварительныхъ съѣздовъ, уполномоченныхъ оказывалось гораздо меньше; но все же они уравновѣшивали или перевѣшивали собою крупныхъ землевладѣльцевъ, которыхъ въ уѣздѣ всего 71. Теперь мелкихъ землевладѣльцевъ-избирателей осталось лишь около *трехсотъ*, т.-е. *въ сорокъ пять разъ меньше прежняго.* Уполномоченные ихъ, даже при самой аккуратной ихъ явкѣ на предварительные съѣзды, составятъ каплю въ морѣ крупныхъ землевладѣльцевъ. И вотъ, бѣжецкій землевладѣльческій съѣздъ, въ составѣ ста или менѣе лицъ, пошлетъ въ тверское губернское избирательное собраніе *семь* выборщиковъ, вмѣсто прежнихъ шести—а отъ волостныхъ сходовъ, несмотря на исключеніе многихъ тысячъ мѣстныхъ крестьянъ изъ числа избирателей-землевладѣльцевъ, выборщиковъ будетъ всего *два*, вмѣсто прежнихъ *девяти*! Языкъ цифръ, въ данномъ случаѣ, можно по всей справедливости назвать краснорѣчивымъ.

Основаніемъ къ исключенію мѣстныхъ крестьянъ изъ числа избирателей-землевладѣльцевъ можетъ быть выставленъ общій принципъ, принятый новымъ избирательнымъ закономъ (ст. 12) въ отличіе отъ прежняго: *каждый избиратель можетъ осуществлять свое право на участіе въ выборахъ лишь въ одномъ съѣздѣ или разрядѣ избирателей.* Противъ самаго принципа мы не возражаемъ: возможность подавать голосъ по нѣсколькимъ цензамъ—въ городѣ и въ уѣздѣ, или въ разныхъ городахъ, или въ разныхъ уѣздахъ—создавала иногда привилегированное положеніе для болѣе состоятельныхъ людей, владѣющихъ имуществами разнаго рода и не затрудняющихся переѣздами изъ одного мѣста въ другое. Ненормальной и несправедливой множественность голосовъ становится, однако, только тогда, когда голосъ, самъ по себѣ взятый, имѣетъ реальное значеніе и можетъ оказать хоть сколько-

---

[1]) Мы заимствуемъ эти цифры изъ статьи В. Д. Кузьмина-Караваева („Русь", № 145).

нибудь ощутимое вліяніе на исходъ выборовъ. Таково положеніе дѣлъ при прямыхъ и даже при двухстепенныхъ выборахъ; но не таково оно при выборахъ многостепенныхъ. Членъ волостного схода участвуетъ только въ избраніи уполномоченныхъ, отъ которыхъ уже зависитъ избраніе выборщиковъ. Еще гомеопатичнѣе, если можно такъ выразиться, доля участія въ выборахъ, принадлежащая членамъ сельскаго схода. Она сводится почти къ нулю, если десятидворные посылаются сельскимъ сходомъ на волостной сходъ не ad hoc, т.-е. не спеціально въ виду предстоящихъ выборовъ въ Государственную Думу, а просто за истеченіемъ срока полномочій волостного схода. Сохраненіе за мѣстными крестьянами-землевладѣльцами права голоса на землевладѣльческихъ съѣздахъ не было бы, слѣдовательно, существеннымъ нарушеніемъ вышеуказаннаго принципа. Даже при самой строгой послѣдовательности изъ него вытекало бы только одно: воспрещеніе крестьянамъ-землевладѣльцамъ—если они хотятъ, какъ таковые, воспользоваться избирательнымъ правомъ—принимать участіе въ волостномъ сходѣ, избирающемъ уполномоченныхъ, и въ сельскомъ сходѣ, непосредственно предшествующемъ этому избранію. Еще проще было бы примѣнить къ крестьянамъ-землевладѣльцамъ общее правило, установленное для другихъ категорій избирателей, т.-е. предоставить каждому изъ нихъ избрать, по своему усмотрѣнію, тотъ или другой способъ участія въ выборахъ [1]). Множественность вотумовъ этимъ путемъ была бы устранена, а справедливость не была бы нарушена. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что громадное большинство крестьянъ-землевладѣльцевъ предпочло бы остаться участниками землевладѣльческихъ съѣздовъ. Многіе изъ нихъ имѣютъ очень мало общаго съ своими обществами и волостями, только по имени оставаясь ихъ членами и вовсе не являясь на сельскіе сходы.

Чтобы понять настоящій смыслъ разсматриваемой нами мѣры, необходимо припомнить нѣкоторые факты изъ недавняго прошлаго. На основаніи земскаго положенія 1864-го года крестьяне, обладавшіе, помимо надѣльной земли, установленнымъ цензомъ, пользовались избирательнымъ правомъ и въ качествѣ членовъ сельскихъ обществъ, и въ качествѣ личныхъ землевладѣльцевъ. Положеніе 1890-го года исключило ихъ изъ числа избирателей-землевладѣльцевъ. Высочайшій указъ 5-го октября 1906-го года возвратилъ имъ утраченное право, предоставивъ имъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, участвовать и въ выборѣ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ. Почему все это случилось—объяснить нетрудно. Когда создавались земскія учрежденія, законодателю была

[1]) То же самое слѣдуетъ сказать и о рабочихъ, которыхъ новый законъ безусловно, независимо отъ ихъ воли, включаетъ въ рабочую избирательную курію, лишая ихъ права предпочесть участіе въ выборахъ по другому цензу.

чужда мысль объ искусственномъ покровительствѣ какой-либо одной части населенія. Въ основу группировки избирателей былъ положенъ исключительно характеръ ихъ ценза: всѣ владѣвшіе землею не въ силу уставныхъ грамотъ или аналогичныхъ актовъ были соединены въ одну категорію, независимо отъ принадлежности ихъ къ тому или другому сословію. Крестьяне-личные землевладѣльцы были уравнены со всѣми остальными. Въ 1890-мъ году намѣренія законодателя были совершенно иныя: рѣшено было поднять авторитетъ дворянства и понизить значеніе крестьянъ, только-что поставленныхъ подъ опеку земскихъ начальниковъ. Съ этою цѣлью, одновременно съ значительнымъ уменьшеніемъ числа гласныхъ отъ сельскихъ обществъ и обезпеченіемъ большинства за землевладѣльцами-дворянами, изъ группы землевладѣльцевъ-недворянъ были совершенно исключены крестьяне. Несправедливость такого исключенія была сознана осенью прошлаго года, когда отъ крестьянъ все еще ожидалось голосованіе въ духѣ правительственныхъ пожеланій и склонить ихъ къ тому имѣлось въ виду цѣлымъ рядомъ мѣръ, направленныхъ къ уравненію ихъ съ другими сословіями. Одною изъ этихъ мѣръ и было частичное возстановленіе избирательной системы 1864-го года. Что же измѣнилось въ промежутокъ времени между 5-мъ октября 1906-го и 3-мъ іюня 1907-го года? Почему въ сферу думскихъ выборовъ внесено новшество прямо противоположное тому, которое такъ недавно введено въ сферу выборовъ земскихъ? Очевидно—потому, что вторая Дума окончательно поколебала довѣріе власти къ избирателямъ-крестьянамъ. Этимъ объясняются и перемѣны, произведенныя въ числѣ выборщиковъ. Разсуждая a priori, можно было бы думать, что пріуроченіе избирательнаго права крестьянъ *исключительно* къ сельскимъ и волостнымъ сходамъ повлечетъ за собою увеличеніе числа выборщиковъ отъ волостей, а уменьшеніе числа избирателей-землевладѣльцевъ—соотвѣтственное уменьшеніе числа выборщиковъ отъ уѣздныхъ съѣздовъ. На самомъ дѣлѣ, какъ мы уже видѣли, уменьшилась, наоборотъ, численность первой, увеличилась—численность второй категоріи выборщиковъ. Составъ землевладѣльческой куріи сталъ, одновременно, и болѣе одностороннимъ, и болѣе вліятельнымъ.

Аналогичными побужденіями вызвана перемѣна, происшедшая въ городской куріи. Какъ ни далеко отъ порядка, созданнаго указомъ 11-го декабря, до всеобщей подачи голосовъ, все-таки къ голосованію призваны довольно широкіе слои городского населенія. Ни одинъ изъ нихъ не лишенъ новымъ закономъ избирательнаго права; но городскіе избиратели образуютъ не одинъ съѣздъ, какъ было до сихъ поръ, а два. Въ составъ перваго съѣзда входятъ, главнымъ образомъ, болѣе зажиточные обыватели (владѣльцы болѣе цѣнныхъ недвижимыхъ иму-

ществъ и болѣе крупныхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій); ко второму съѣзду отнесены, между прочимъ, всѣ квартиронаниматели и всѣ пользующіеся избирательнымъ правомъ въ силу получаемаго ими содержанія или пенсіи. Уже самое дѣленіе на разряды даетъ преимущество домовладѣльцамъ и промышленникамъ, освобождая ихъ отъ конкурренціи квартиронанимателей; но первый разрядъ избираетъ, въ добавокъ, больше выборщиковъ, чѣмъ второй. Въ 49 губерніяхъ, гдѣ проведено дѣленіе городскихъ избирателей на разряды, первый разрядъ избираетъ 688 выборщиковъ, второй—560... Значительно уменьшено, далѣе, число городовъ, имѣющихъ отдѣльное представительство въ Государственной Думѣ: прежде ихъ было 26, теперь—всего *семь*. Для этихъ городовъ введена прямая подача голосовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ къ нимъ примѣнено дѣленіе избирателей на разряды, однородные съ установленными для другихъ городскихъ курій.

Не довольствуясь измѣненіемъ состава избирательныхъ съѣздовъ, законъ 3-го іюня предоставилъ министру внутреннихъ дѣлъ раздѣлять какъ предварительные съѣзды мелкихъ землевладѣльцевъ, такъ и уѣздные и городскіе избирательные съѣзды на отдѣльныя части, по мѣстностямъ, по роду цензовъ или по національностямъ, а предварительные съѣзды, сверхъ того—и по размѣрамъ владѣній. До сихъ поръ дробленіе на части допускалось только по отношенію къ предварительнымъ съѣздамъ и только по мѣстностямъ, при чемъ оно зависѣло не отъ министра внутреннихъ дѣлъ, а отъ мѣстной по дѣламъ о выборахъ коммиссіи. Во время междудумья была сдѣлана попытка истолковать законъ въ распространительномъ смыслѣ, приравнявъ къ дѣленію по мѣстностямъ дѣленіе по разрядамъ избирателей—но она не была доведена до конца, въ виду недостаточныхъ шансовъ успѣха. Что̀ значитъ дискреціонная власть, которою облеченъ теперь министръ внутреннихъ дѣлъ—это понять нетрудно. Представимъ себѣ, что въ какомъ-нибудь уѣздѣ, несмотря на исключеніе изъ избирательныхъ списковъ множества землевладѣльцевъ-крестьянъ, все-таки осталось еще немало мелкихъ землевладѣльцевъ, уполномоченные которыхъ могутъ принести съ собою въ уѣздный съѣздъ настроеніе, нежелательное для мѣстныхъ вліятельныхъ—и благонадежныхъ—элементовъ. По ходатайству послѣднихъ могутъ быть созваны отдѣльно настоятели церквей, или землевладѣльцы, обладающіе сравнительно крупнымъ числомъ десятинъ, или владѣльцы неземельныхъ недвижимыхъ имуществъ. Въ соединеніи со всѣми другими, каждая изъ этихъ группъ могла бы остаться въ меньшинствѣ и не провести ни одного уполномоченнаго на уѣздный съѣздъ; собираясь отдѣльно, она навѣрное изберетъ изъ своей среды одного или нѣсколькихъ уполномоченныхъ, а

число уполномоченныхъ отъ другихъ группъ, внушающихъ опасеніе, соотвѣтственно уменьшится. То же самое, mutatis mutandis, можно сказать и о раздробленіи уѣздныхъ и городскихъ избирательныхъ съѣздовъ. Изъ состава уѣзднаго съѣзда, напримѣръ, окажется иногда цѣлесообразнымъ выдѣлить владѣльцевъ неземельныхъ недвижимыхъ имуществъ, изъ состава второго городского съѣзда — квартиронанимателей... Всего опаснѣе отсутствіе какихъ бы то ни было правилъ, которыми регулировалось бы вмѣшательство министра внутреннихъ дѣлъ— вмѣшательство, стимулы котораго, за невозможностью личнаго ознакомленія министра съ мѣстными условіями, неизбѣжно будутъ приходить со стороны, изъ источниковъ весьма различнаго достоинства.

Существенно измѣненъ, далѣе, порядокъ избранія членовъ Государственной Думы. До сихъ поръ обязателенъ былъ только выборъ въ каждой губерніи одного крестьянина, производившійся одними выборщиками-крестьянами. Теперь ни одна категорія выборщиковъ не дѣйствуетъ отдѣльно отъ другихъ, но всѣ выборщики, вмѣстѣ взятые, обязательно выбираютъ, прежде всего, по одному лицу изъ среды нѣсколькихъ группъ, намѣченныхъ закономъ, и только потомъ получаютъ возможность относительно свободнаго избранія (*относительно*— потому что избираемы, по прежнему, могутъ быть только выборщики). Число группъ, изъ среды которыхъ кто-нибудь обязательно долженъ попасть въ члены Думы, колеблется между двумя и пятью. Во всѣхъ губерніяхъ, гдѣ дѣйствуетъ общая часть избирательнаго закона, обязательно избираются представители отъ крестьянъ, почти во всѣхъ—отъ землевладѣльцевъ и отъ горожанъ, въ немногихъ—отъ казачьихъ станицъ и отъ рабочихъ. Въ двадцати-семи губерніяхъ обязателенъ выборъ двухъ представителей отъ горожанъ — по одному изъ каждаго разряда городскихъ выборщиковъ. Есть губерніи, въ которыхъ къ обязательнымъ выборамъ сводится вся избирательная процедура, т.-е. для свободнаго избранія вовсе не остается мѣста. С.-петербургское губернское избирательное собраніе выбираетъ, напримѣръ, всего четырехъ депутатовъ: одинъ изъ нихъ долженъ быть выбранъ изъ среды крестьянъ, другой—изъ среды землевладѣльцевъ, третій — изъ среды горожанъ, четвертый — изъ среды рабочихъ. Въ такомъ же положеніи находятся губерніи архангельская, астраханская, курляндская, лифляндская, олонецкая, ставропольская, эстляндская. Во многихъ другихъ губерніяхъ свободно замѣщено можетъ быть только одно мѣсто.

Въ основаніи правилъ, широко раздвинувшихъ область обязательнаго выбора, лежитъ — какъ слѣдуетъ заключить изъ манифеста 3-го іюня — желаніе, „дабы каждая часть народа имѣла въ Думѣ своихъ избранниковъ“. Частью народа могутъ считаться крестьяне,

могутъ считаться рабочіе; но къ землевладѣльцамъ и къ горожанамъ это названіе непримѣнимо. Элементы, изъ которыхъ составляется уѣздный избирательный съѣздъ, весьма разнородны. Много ли общаго, напримѣръ, между обладателями латифундій, сдаваемыхъ въ аренду, и мелкими собственниками, лично обработывающими свой клочокъ земли? Много ли общаго между землевладѣльцами въ собственномъ смыслѣ слова—и дачевладѣльцами или домовладѣльцами въ посадахъ и мѣстечкахъ? Еще меньше точекъ соприкосновенія между различными категоріями избирателей, искусственно соединенныхъ въ городскіе съѣзды. Достаточно припомнить, что многіе изъ нихъ даже не живутъ въ городѣ и совершенно чужды городскимъ интересамъ; да и въ средѣ городскихъ обывателей торговцы и промышленники очень далеки, напримѣръ, отъ врачей, писателей, адвокатовъ. Представительства всѣхъ *частей народа* новый избирательный законъ, такимъ образомъ, не создаетъ и создать не можетъ; напрасно было бы даже искать въ немъ точекъ опоры для представительства *профессій*... Спросимъ себя, далѣе, необходимо ли присутствіе въ Думѣ нѣкотораго минимальнаго числа депутатовъ отъ разныхъ „частей народа"? Членъ Государственной Думы призванъ не къ тому, чтобы стоять за свое сословіе, свой классъ, свою общественную группу; онъ долженъ сознавать и чувствовать себя представителемъ всего государства, всего народа. Чѣмъ меньше онъ связанъ съ опредѣленной категоріей избирателей, тѣмъ лучше: тѣсная связь легко можетъ обратиться въ зависимость. Желателенъ, конечно, не слишкомъ однообразный составъ Думы; желательно, чтобы среди ея членовъ были люди самыхъ различныхъ занятій, самаго различнаго общественнаго положенія — но, при правильной избирательной системѣ, это достигается само собою, безъ ограниченія свободы дѣйствій избирателей.

Кому приходилось участвовать въ губернскомъ избирательномъ собраніи, тотъ знаетъ, съ какими затрудненіями было сопряжено избраніе выборщиками-крестьянами одного изъ своей среды. Мало зная другъ друга, они долго не могутъ столковаться относительно наиболѣе желательнаго кандидата. Одна баллотировка слѣдуетъ за другою, не приводя къ цѣли. Проходитъ иногда нѣсколько часовъ, прежде чѣмъ кому-либо посчастливится получить большинство голосовъ, бо̀льшею частью очень незначительное. А между тѣмъ, у выборщиковъ-крестьянъ есть общія чувства, общіе интересы; имъ сравнительно легко собрать свѣдѣнія, отъ которыхъ долженъ зависѣть ихъ выборъ. Чѣмъ же будутъ руководствоваться выборщики другихъ категорій при обязательномъ выборѣ крестьянина? Легко ли будетъ, затѣмъ, землевладѣльцу остановиться на одномъ изъ горожанъ, если они всѣ одинаково мало ему извѣстны? Не таково ли будетъ, сплошь и рядомъ, и положеніе

горожанина, разъ что ему придется во что бы то ни стало подать голосъ за одного изъ землевладѣльцевъ? По какимъ признакамъ землевладѣльцы и горожане будутъ опредѣлять, кого именно изъ рабочихъ надлежитъ проводить въ депутаты?.. Наша избирательная система съ самаго начала имѣла тотъ существенно-важный недостатокъ, что избирать нужно было сразу нѣсколькихъ, иногда даже многихъ депутатовъ изъ сравнительно ограниченнаго круга лицъ, могущихъ быть избранными. Теперь этотъ недостатокъ обостряется еще больше, потому что уменьшается—въ первомъ фазисѣ процедуры, иногда, какъ мы уже знаемъ, остающемся единственнымъ,—число лицъ, изъ среды которыхъ долженъ быть сдѣланъ выборъ. Представимъ себѣ губернское избирательное собраніе, выбирающее всего четырехъ депутатовъ. При дѣйствіи прежняго закона обязательнымъ для такого собранія было лишь избраніе одного крестьянина; въ выборѣ трехъ остальныхъ членовъ Думы собраніе было стѣснено исключительно тѣмъ, что избранію подлежали только выборщики. Если наибольшее довѣріе внушали большинству три выборщика одной и той же категоріи, ничто не мѣшало выбрать ихъ всѣхъ трехъ; столь же возможно было выбрать, напримѣръ, двухъ землевладѣльцевъ и одного горожанина или остановиться на другой аналогичной комбинаціи. Теперь выборщики несвободны. Какимъ бы довѣріемъ и уваженіемъ ни пользовались, изъ числа выборщиковъ одной и той же категоріи, два или три лица, выбрано можетъ быть только одно изъ нихъ; остальныя мѣста должны быть отданы не болѣе достойнымъ, не болѣе извѣстнымъ, а подходящимъ подъ формальное требованіе закона. При такомъ порядкѣ возможны, вѣроятны, даже неизбѣжны чисто случайные выборы, выборы на удачу, съ завязанными глазами. Меньше всего обезпечивается такимъ образомъ выборъ „лучшихъ людей"... Нѣсколько болѣе благопріятно положеніе тѣхъ избирательныхъ собраній, гдѣ, по окончаніи обязательныхъ выборовъ, остаются еще незамѣщенныя депутатскія мѣста; но далеко не безразлично, безъ сомнѣнія, *число* такихъ мѣстъ, теперь вездѣ меньшее чѣмъ прежде.

Разъ что депутатъ долженъ быть непремѣнно выбранъ изъ извѣстной категоріи выборщиковъ, всего естественнѣе было бы предоставить участіе въ его избраніи именно и только выборщикамъ этой категоріи. При всѣхъ своихъ слабыхъ сторонахъ, существовавшій до сихъ поръ порядокъ, въ силу котораго крестьянинъ избирался крестьянами, имѣлъ безспорное преимущество передъ нынѣшнимъ, при которомъ одного крестьянина будутъ обязательно выбирать всѣ выборщики. Избираемый только крестьянами, депутатъ-крестьянинъ раздѣлялъ, въ бо̀льшей или меньшей степени, господствующее между ними настроеніе; его можно было назвать, хотя и не безъ натяжки, представителемъ „части на-

рода". Избираемый всѣми выборщиками, при нынѣшнемъ ихъ составѣ, депутатъ-крестьянинъ будетъ представлять собою, въ большинствѣ случаевъ, то изъ существующихъ въ крестьянствѣ теченій, которое всего меньше расходится съ видами и интересами землевладѣльцевъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что именно таково и было намѣреніе составителей новаго избирательнаго закона. Осуществленію этого намѣренія способствуетъ другая перемѣна, касающаяся способа образованія крестьянской куріи. По прежнему положенію о выборахъ для избранія въ уполномоченные отъ волостей требовалась только принадлежность къ составу сельскихъ обществъ данной волости. Рестриктивное толкованіе этого правила, данное Сенатомъ во время междудумья, обращено теперь въ законъ: въ уполномоченные отъ волостей могутъ быть избираемы лишь „тѣ принадлежащіе къ сельскимъ обществамъ данной волости крестьяне, которые, владѣя въ предѣлахъ волости надѣльной или пріобрѣтенной въ собственность землей и проживая въ ней не менѣе года, лично ведутъ хозяйство". Между выборщиками изъ числа такихъ крестьянъ весьма легко могутъ оказаться лица, чуждыя желаніямъ и взглядамъ крестьянской массы — и вотъ, на одномъ изъ нихъ и остановится всего скорѣе большинство губернскаго избирательнаго собранія, образованнаго по закону 3-го іюня.

Одною изъ самыхъ важныхъ особенностей новаго избирательнаго закона является отношеніе его къ окраинамъ имперіи. Значительно сокращено число избираемыхъ ими депутатовъ, опредѣляемое не по тѣмъ основаніямъ, какія остаются въ силѣ для внутреннихъ губерній, а по соображеніямъ совершенно иного рода. До сихъ поръ десять губерній Царства Польскаго посылали въ Думу 37 представителей, въ томъ числѣ одного отъ русскаго населенія люблинской и сѣдлецкой губерній; теперь ихъ будетъ только 14, въ томъ числѣ одинъ отъ русскаго населенія города Варшавы и одинъ отъ русскаго населенія губерній люблинской и сѣдлецкой. На долю Кавказа (не считая ставропольской губерніи) и Закавказья приходилось 29 депутатовъ; теперь ихъ будетъ только 10, въ томъ числѣ одинъ отъ русскаго населенія Закавказья. Отъ Азіатской Россіи было 44 депутата, а будетъ только 15, при чемъ совершенно безъ представительства остаются области Якутская, Акмолинская, Семипалатинская, Семирѣченская, Сыръ-Дарьинская, Ферганская, Самаркандская и Закаспійская. Объясненіе этой перемѣны даютъ слѣдующія слова манифеста 3-го іюня: „созданная для укрѣпленія Государства Россійскаго, Государственная Дума должна быть русскою и по духу. Иныя народности, входящія въ составъ Державы Нашей, должны имѣть въ Государственной Думѣ

представителей нуждъ своихъ, но не должны и не будутъ являться въ числѣ, дающемъ имъ возможность быть вершителями вопросовъ чисто-русскихъ. Въ тѣхъ же окраинахъ государства, гдѣ населеніе не достигло достаточнаго развитія гражданственности, выборы въ Государственную Думу должны быть временно пріостановлены".

До сихъ поръ представители окраинъ составляли около одной пятой части членовъ Государственной Думы. Рѣшающая роль, поэтому, могла принадлежать имъ — или нѣкоторымъ изъ нихъ—лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда остальные члены Думы раздѣлялись на части приблизительно равночисленныя. Такіе случаи будутъ возможны и теперь, не смотря на уменьшеніе почти втрое (съ 110 до 39) общаго числа окраинныхъ депутатовъ. Всѣхъ членовъ въ новой Думѣ будетъ 442, въ томъ числѣ 403 — отъ Европейской Россіи (безъ Царства Польскаго). Если послѣдніе, по какому-либо вопросу, раздѣлятся поровну или почти поровну, исходъ дѣла будетъ зависѣть отъ того, на чью сторону станутъ представители окраинъ. Если къ одной половинѣ депутатовъ, избранныхъ Европейскою Россіею, присоединятся представители одной изъ трехъ окраинъ, а къ другой половинѣ—представители двухъ остальныхъ, то побѣда останется за второю половиною. Значеніе окраинныхъ депутатовъ обусловливается, слѣдовательно, не столько ихъ числомъ, сколько соотношеніемъ партій, наличностью или отсутствіемъ въ Думѣ прочнаго, крѣпко сплоченнаго большинства. Во второй Думѣ такого большинства не было, вслѣдствіе чего рѣшающій голосъ принадлежалъ иногда польскому коло, иногда—мусульманской группѣ (въ составъ послѣдней входили, впрочемъ, не только закавказскіе и туркестанскіе депутаты).

Въ законодательномъ собраніи, вѣдающемъ дѣла обширнаго, сложнаго по своему этнографическому составу государства, чисто-національную окраску (т.-е. окраску господствующей національности) могутъ имѣть только немногіе вопросы. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ для собранія обязательна точка зрѣнія общегосударственная и общенародная, не дѣлающая различія между національностями, населяющими страну. Государственная Дума, избранная русскимъ народомъ, не можетъ не быть русскою по духу, но русскою не въ томъ узкомъ смыслѣ, въ какомъ слишкомъ часто, въ послѣднее время, употребляется это слово, а въ смыслѣ преданности интересамъ всей Россіи, какъ одного великаго цѣлаго. Этому требованію Дума, въ которой равномѣрно представлены всѣ элементы населенія, удовлетворяетъ въ бо́льшей степени, чѣмъ Дума, въ которой искусственно уменьшено или вовсе устранено представительство тѣхъ или другихъ національностей. Задачей Думы является не одно только *укрѣпленіе* государства, но и его обновленіе, возможное лишь при свободныхъ,

дружныхъ усиліяхъ всѣхъ и каждаго. Нужно, чтобы всѣ видѣли въ государствѣ мать, а не мачиху, чтобы всѣ, одинаково много отъ него получая, одинаково были заинтересованы въ его развитіи и процвѣтаніи. Сближеніе національностей у насъ въ Россіи было затруднено цѣлыми десятилѣтіями или вѣками государственной политики, направленной къ ихъ внѣшнему объединенію, но на самомъ дѣлѣ поддерживавшей или усиливавшей ихъ внутреннюю разрозненность и взаимную отчужденность. Началомъ новой эпохи должно было послужить представительство ихъ въ Государственной Думѣ, на равныхъ для всѣхъ основаніяхъ. Теперь опять произошелъ поворотъ въ другую сторону, тѣмъ болѣе чувствительный, что ему предшествовало рѣшительное движеніе впередъ. Въ политической жизни вопросъ, шутливо поставленный въ одной изъ комедій Островскаго: „что̀ лучше—ждать и не дождаться, или имѣть и потерять“, — имѣетъ иногда весьма серьезное, даже трагическое значеніе. Потеря права несомнѣнно ощущается еще болѣзненнѣе, чѣмъ задержка въ его пріобрѣтеніи. Отсюда—удручающее впечатлѣніе, производимое указанною нами стороною новаго избирательнаго закона.

Пріостановлены, на неопредѣленное время, выборы въ Государственную Думу не только тамъ, гдѣ населеніе, исключительно инородческое, стоитъ на очень низкой степени гражданскаго развитія, но и тамъ, гдѣ живутъ въ немаломъ числѣ русскіе поселенцы, да и коренные обыватели способны отнестись сознательно къ своимъ правамъ и обязанностямъ. Уральская область, напримѣръ, по прежнему избирательному закону имѣла трехъ представителей: отъ городского и осѣдлаго сельскаго населенія, не принадлежащаго къ числу инородцевъ и казаковъ,—отъ инородцевъ—и отъ войскового населенія уральскаго казачьяго войска. Теперь выбираетъ депутата только послѣднее; между тѣмъ осѣдлаго не-казачьяго населенія въ однихъ городахъ области насчитывается больше сорока тысячъ. Акмолинская область, теперь вовсе лишенная представительства, прежде посылала двухъ депутатовъ: одного отъ инородцевъ, другого – отъ осѣдлаго городского и сельскаго населенія. Численность этого населенія приближается къ 400 тысячамъ; въ Омскѣ—53 тыс., въ Петропавловскѣ—30 тыс. жителей. Инородческое населеніе области состоитъ изъ киргизовъ, значительная часть которыхъ занимается земледѣліемъ и переходитъ къ осѣдлому образу жизни. Въ Сыръ-Дарьинской области, гдѣ живетъ болѣе 60 тысячъ русскихъ, безъ представительства остается такой городъ какъ Ташкентъ, съ 150 слишкомъ тысячами жителей. Даже въ Якутской области русскихъ, не считая ссыльныхъ, насчитывается болѣе 15 тысячъ. У каждой обездоленной мѣстности есть свои особенности, свои спеціальныя нужды, которыя, при отсутствіи предста-

вительства, могутъ быть неправильно поняты или забыты. Ограничимся однимъ примѣромъ: легко ли будетъ приспособить новые судебные порядки къ Туркестану, не выслушавъ никого изъ мѣстныхъ людей?

Не лишены значенія и нѣкоторыя изъ второстепенныхъ нововведеній избирательнаго закона. Значительно измѣненъ составъ губернскихъ по дѣламъ о выборахъ коммиссій, съ очевидною цѣлью усилить въ нихъ вліяніе губернатора. До сихъ поръ губернская администрація была представлена тамъ только непремѣннымъ членомъ губернскаго или губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, а теперь къ нему присоединяются еще непремѣнный членъ губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія и старшій совѣтникъ губернскаго правленія. До сихъ поръ въ составъ коммиссіи обязательно входилъ управляющій казенною палатою, а теперь, вмѣсто того, будетъ входить одинъ изъ начальниковъ мѣстныхъ губернскихъ управленій, *по приглашенію губернатора*. За губернаторомъ обезпечены, такимъ образомъ, четыре голоса (изъ девяти), а въ губерніяхъ, гдѣ нѣтъ земства — пять (выборнаго предсѣдателя губернской земской управы замѣняетъ тамъ назначенный предсѣдатель губернской управы по дѣламъ земскаго хозяйства). Въ послѣднемъ случаѣ большинство, внимательное къ указаніямъ свыше, всегда имѣется на лицо, а въ первомъ случаѣ для его образованія довольно присоединенія одного голоса (напр. уѣзднаго предводителя дворянства или городского головы, весьма часто находящихся въ зависимости отъ губернатора). Къ какимъ рѣшеніямъ можетъ придти недостаточно самостоятельная губернская коммиссія—этому мы видѣли немало примѣровъ во время выборовъ во вторую Государственную Думу... Изъ состава уѣздной коммиссіи исключенъ податной инспекторъ, безъ сомнѣнія—потому, что въ немъ не всегда находили поддержку административные виды... Къ праву надзора за ходомъ выборовъ, которое и прежде принадлежало министру внутреннихъ дѣлъ, губернаторамъ и градоначальникамъ, новый законъ присоединилъ право предлагать объ усмотрѣнныхъ неправильностяхъ на обсужденіе уѣздныхъ и губернскихъ по дѣламъ о выборахъ коммиссій, приносить въ губернскія коммиссіи протесты на постановленія уѣздныхъ коммиссій и объ отмѣнѣ рѣшеній губернскихъ коммиссій предлагать Сенату.

Чего можно ожидать отъ новаго избирательнаго закона—объ этомъ даетъ понятіе все сказанное нами выше. Весьма вѣроятно, что третья Дума будетъ мало похожа на первую и вторую; весьма возможно, что ея большинство окажется именно такимъ, какое желательно для кабинета П. А. Столыпина. Не слѣдуетъ забывать, однако, что для успокоенія страны недостаточно гармоніи между Думой и министер-

ствомъ: нужно еще, чтобы совмѣстная ихъ работа отвѣчала желаніямъ народной массы, теперь гораздо болѣе сознательнымъ — и гораздо болѣе настойчивымъ,—чѣмъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Еслибы третья Дума оказалась, напримѣръ, похожей на только-что закончившійся въ Москвѣ земскій съѣздъ, ей, конечно, не удалось бы вывести Россію изъ „моря бѣдъ“, въ которое она погружена съ 1904-го года... Какъ бы ни были неблагопріятны условія борьбы, созданныя новымъ избирательнымъ закономъ для сторонниковъ конституціоннаго строя и соціальнаго прогресса, участіе, дѣятельное участіе ихъ въ борьбѣ совершенно необходимо: бойкотъ Думы былъ бы теперь еще болѣе крупной ошибкой, чѣмъ полтора года тому назадъ.

Крайне тяжелую потерю понесло русское общество въ лицѣ графа П. А. Гейдена, скончавшагося 15-го іюня въ Москвѣ, куда онъ пріѣхалъ какъ одинъ изъ организаторовъ земскаго съѣзда. Широкимъ кругамъ онъ сталъ извѣстенъ только въ послѣдніе годы, но дѣятельность его уже давно заслуживала серьезнаго вниманія. Окончивъ курсъ въ пажескомъ корпусѣ, онъ самъ образовалъ себя настолько, что сдѣлался однимъ изъ выдающихся членовъ с.-петербургскаго окружного суда, потомъ с.-петербургской судебной палаты. Получивъ видную должность въ канцеляріи для принятія прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ, онъ скоро ее оставилъ, потому что не чувствовалъ себя тамъ достаточно самостоятельнымъ, и удовольствовался скромною дѣятельностью уѣзднаго предводителя дворянства (опочецкаго уѣзда, псковской губерніи) и земскаго гласнаго. Когда, въ половинѣ 90-хъ годовъ, было воздвигнуто гоненіе на спб. комитетъ грамотности, состоявшій при вольномъ экономическомъ обществѣ, а потомъ и на самое общество, П. А. согласился занять постъ президента общества, въ которомъ шла въ это время усиленная внутренняя работа и выступалъ, болѣе или менѣе прямо, только-что зарождавшійся марксизмъ. Непосредственные предшественники гр. Гейдена чуждались новизны, находили ее нежелательной и опасной; П. А. взялъ ее подъ свою защиту, потому что видѣлъ въ безпрепятственномъ обмѣнѣ мнѣній лучшее средство раскрытія истины. Отстоять комитетъ грамотности ему не удалось, но, благодаря его энергіи и его вліянію, на нѣсколько лѣтъ былъ задержанъ ударъ, давно угрожавшій вольному экономическому обществу. Когда этотъ ударъ, наконецъ, разразился, П. А. упорно продолжалъ добиваться возвращенія обществу утраченной свободы дѣйствій и сложилъ съ себя званіе президента только для того, чтобы посвятить себя другому, болѣе трудному дѣлу. Въ земскихъ съѣздахъ онъ принималъ дѣятельное участіе еще въ то

время, когда они состояли подъ запретомъ, и съ свойственною ему откровенностью и мужествомъ отстаивалъ ихъ право на существованіе. Съ ноября 1904-го по ноябрь 1905-го года онъ не пропустилъ ни одного съѣзда, часто предсѣдательствуя въ засѣданіяхъ и входя въ составъ бюро, на которомъ лежала подготовительная работа. Онъ былъ однимъ изъ членовъ депутаціи съѣзда, представлявшейся Государю 6-го іюня 1905-го года. Одинъ изъ учредителей союза 17-го октября, онъ вышелъ изъ его состава, какъ только убѣдился въ двойственности его политики. Избранный отъ псковской губерніи въ первую Государственную Думу, онъ принадлежалъ къ правой ея сторонѣ, но не разрывалъ связи съ центромъ, вотируя противъ него только въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда слишкомъ сильно, съ точки зрѣнія П. А., было уклоненіе его влѣво. Еще до роспуска первой Думы онъ способствовалъ образованію партіи мирнаго обновленія, отличающейся отъ партіи народной свободы не столько программой, сколько тактикой. Предложеніе вступить въ составъ кабинета П. А. отклонилъ, потому что не были приняты условія, поставленныя имъ вмѣстѣ съ другими общественными дѣятелями. Во вторую Думу онъ выбранъ не былъ.

Громадная трудоспособность, разностороннее образованіе, практическій смыслъ, проницательный умъ, привычка и умѣнье вращаться въ самыхъ различныхъ сферахъ — все это, при другихъ общественныхъ условіяхъ, должно было выдвинуть гр. Гейдена на одно изъ выдающихся мѣстъ въ государствѣ. У насъ онъ долго раздѣлялъ участь многихъ другихъ дѣятелей того же типа, не находившихъ доступа къ тому, къ чему они больше всего были призваны, или лишь ненадолго, случайно, попадавшихъ на свою настоящую дорогу. Какъ только закипѣла у насъ политическая жизнь, ея волна захватила гр. Гейдена и вынесла его на широкую сцену; но запоздалость движенія усилила его остроту, и на первомъ планѣ скоро очутились люди крайнихъ направленій, оттѣснившіе, на время, представителей болѣе умѣренныхъ взглядовъ. Еслибы гр. Гейдену дано было еще нѣсколько лѣтъ, нѣсколько мѣсяцевъ жизни, несправедливость судьбы была бы, по всей вѣроятности, исправлена. Какъ цѣнно было бы его присутствіе въ третьей Думѣ, какимъ противовѣсомъ его спокойное, но мѣткое, острое слово могло бы служить тупой злобѣ „истинно-русскихъ людей“ и недомыслію болѣе или менѣе мнимыхъ „октябристовъ“! Члены іюньскаго земскаго съѣзда почтили память гр. Гейдена вставаніемъ; но при жизни онъ въ средѣ большинства съѣзда, оказался бы чужимъ, и его послѣдніе дни были бы отравлены зрѣлищемъ контраста между этимъ съѣздомъ и прежними, сходными съ нимъ только по имени.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1907.

I.

— Н. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга двадцать-первая. Спб., 1907.

Біографъ Погодина умеръ въ ноябрѣ 1906 г., и этотъ послѣдній томъ, законченный имъ въ рукописи, изданъ уже его братомъ, А. П. Барсуковымъ. На этомъ томѣ и оборвется жизнеописаніе Погодина; А. П. Барсуковъ кончаетъ свое предисловіе такими словами: „Благоговѣніе мое къ памяти брата и труду его заставляетъ меня отказаться отъ мысли завершить или продолжить его долголѣтній трудъ, ибо чувствую, что не въ силахъ сдѣлать это дѣло какъ слѣдуетъ, не имѣя возможности, подобно брату, отдаться ему всецѣло“. Итакъ, изданіе закончено: 21 томъ, около десяти тысячъ страницъ, — цѣлая библіотечка! И 21-й томъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на 3-й, на 10-й.

О Барсуковской біографіи Погодина принято говорить, что это, хотя и смѣшная, но полезная вещь: полная-де энциклопедія русской умственной жизни за цѣлые полвѣка. Мы не раздѣляемъ этого мнѣнія; на нашъ взглядъ, „Жизнь и труды М. П. Погодина“, какъ трудъ обще-историческій, очень мало даетъ спеціалисту, такъ какъ въ огромной своей части представляетъ перепечатку печатныхъ матеріаловъ, и еще меньше—простому читателю, вслѣдствіе совершенно механическаго способа изложенія и полнаго отсутствія какихъ бы то ни было обобщеній, руководящихъ мыслей и пр., если не считать того общаго *тона*, который достаточно характеризуется полудюжиной эпиграфовъ, помѣщаемыхъ на обложкѣ каждаго тома, — вродѣ: „И я

не будущимъ, а прошлымъ оживленъ!" или: „Цари и вельможи! Покровительствуйте Музамъ: онѣ благодарны".

Вышедшій сейчасъ 21-й томъ, какъ сказано, вполнѣ достоинъ своихъ предшественниковъ. Подобно имъ, онъ лишенъ всякаго плана. Трудно представить себѣ что-либо болѣе хаотическое, нежели эта большая книга въ 460 страницъ. Ея содержаніемъ являются событія 1863—64 гг.,—но какія событія? Если это — извѣстный періодъ изъ жизни Погодина, для него было бы достаточно нѣсколькихъ десятковъ страницъ; если же это — эпоха русской общественной жизни, то для нея мало цѣлаго тома. Но авторъ не имѣлъ въ виду ни того, ни другого; онъ просто, въ связи — и часто безъ всякой связи—съ дѣйствіями Погодина, пересказываетъ всевозможныя исторіи, относящіяся къ даннымъ годамъ, большею частью неинтересныя, въ случайной послѣдовательности, и пересказываетъ почти исключительно безконечными цитатами изъ печатнаго матеріала. Чего только здѣсь нѣтъ! Томъ начинается, наперекоръ всякому вѣроятію, съ путешествія наслѣдника цесаревича по Россіи, къ каковому путешествію Погодинъ не имѣлъ никакого отношенія. „Лѣтомъ 1863 года (такъ начинается эта 21-я книга біографіи Погодина), наслѣдникъ русскаго престола, для ближайшаго ознакомленія съ Отечествомъ, по волѣ государя, предпринялъ грандіозное путешествіе по Русскому царству... Это путешествіе явило міру неразрывную связь Русскаго царя съ своимъ царствомъ и послужило къ торжеству Россіи. Оно представляетъ цѣлую эпопею, которую сохранили для назиданія потомковъ К. П. Побѣдоносцевъ и И. К. Бабстъ въ своей книгѣ" такой-то,—и затѣмъ слѣдуютъ *четырнадцать* главъ, 71 стр., гдѣ Барсуковъ, „руководствуясь" этой книгой, да еще „Воспоминаніями" Оома, т.-е. выписывая то изъ той, то изъ другой книги, шагъ за шагомъ прослѣживаетъ весь длинный путь торжественныхъ встрѣчъ, молебствій, обѣдовъ, празднествъ, осмотровъ и пр., составившихъ „эпопею" высочайшаго путешествія. Покончивъ съ этимъ эпизодомъ, авторъ открываетъ главу XV слѣдующимъ неожиданнымъ сообщеніемъ: „1863 годъ ознаменовался въ Москвѣ открытіемъ всесословной думы". И эта единая строчка служитъ, такъ сказать, водораздѣломъ между концомъ послѣдней цитаты изъ Оома и началомъ предлинной выписки изъ воспоминаній епископа можайскаго Саввы, о томъ, какъ затруднило его приказаніе митрополита сказать слово выборнымъ послѣ приведенія ихъ къ присягѣ, и что̀ онъ набросалъ въ видѣ плана. Затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько десятковъ страницъ рѣчей Пого́дина передъ открытіемъ думы и въ самой думѣ, а тамъ опять механическій переходъ къ новому предмету: такого-то числа Москва была опечалена неожиданной кончиною своего любимаго генералъ-губернатора П. А. Тучкова,—и дальше новый по-

токъ выдержекъ изъ „Моск. Вѣд." о послѣднихъ дняхъ жизни Тучкова и изъ писемъ и воспоминаній всевозможныхъ современниковъ—о заслугахъ покойнаго и о качествахъ его преемника Офросимова, и все это опять безъ всякаго достаточнаго основанія, потому что нельзя же считать такимъ основаніемъ тѣ двадцать формальныхъ словъ, которыми вспомнилъ Погодинъ покойнаго Тучкова въ одной изъ своихъ думскихъ рѣчей.

И совершенно такимъ же способомъ составлены всѣ остальныя триста страницъ этой книги, какъ и всѣ десять тысячъ страницъ Барсуковской „энциклопедіи". Въ каждомъ томѣ трактуется множество разнородныхъ сюжетовъ совершенно случайнаго свойства; въ ихъ выборѣ не видно ни малѣйшей цѣлесообразности; забота о томъ, чтобы, выбирая существенное и располагая матеріалъ въ извѣстной перспективѣ, возсоздать передъ читателемъ вѣрную картину прошлаго, вполнѣ чужда автору. Но даже и по поводу тѣхъ событій, на которыхъ останавливается его бродячее вниманіе, онъ не сообщаетъ ничего цѣннаго. О сколько-нибудь систематическомъ анализѣ или освѣщеніи такихъ событій, о сознательномъ подборѣ свѣдѣній, нѣтъ и рѣчи; изъ случайно подвернувшихся книгъ или газетъ (а въ библіотекѣ Н. П. Барсукова преобладала, очевидно, литература назидательно-охранительная) набираются неисчислимыя цитаты всяческаго содержанія по поводу даннаго событія, и переписываются рядомъ одна за другой, пока авторъ такъ же неожиданно не оборветъ данную тему на какой-нибудь выдержкѣ, какъ за двадцать страницъ передъ тѣмъ онъ неожиданно приступилъ къ ней. При такомъ способѣ работы можно было безъ всякаго труда составить не то, что 21, но сколько угодно томовъ съ эпиграфомъ: „*пою* дондеже есмь". И, точно такъ же, нѣтъ ничего удивительнаго, что среди этакой кучи хлама попадаются подлинныя жемчужины—яркія черты быта, типическія лица и пр. Какое наслажденіе, напримѣръ, на пути торжественнаго слѣдованія наслѣдника цесаревича по ликующимъ градамъ и весямъ россійскимъ наткнуться на фигуру богатѣйшаго рыбинскаго купца, предсѣдателя биржевого комитета Журавлева, который славился вольнолюбивымъ образомъ мыслей и весьма строго судилъ объ иныхъ мѣрахъ правительства, но, узнавъ, что наслѣдникъ посѣтитъ и Рыбинскъ, сломя голову бросился въ Петербургъ совѣтоваться о томъ, какъ устроить достойную встрѣчу, и тамъ, одушевленно сообщая свой планъ—поднести высокому гостю живого осетра, вдругъ останавливался среди рѣчи и съ ужасомъ восклицалъ: „*а какъ уснетъ, анаѳема!*"

Подлинную цѣнность трудъ Н. П. Барсукова имѣетъ, на нашъ взглядъ, лишь въ весьма скромной сферѣ—какъ собраніе матеріаловъ для біографіи Погодина. Это, разумѣется, не біографія: здѣсь нѣтъ и

намека на систематическое изученіе личности и дѣятельности героя; но и такая механическая сводка всего матеріала имѣетъ свою цѣну. Погодинъ — не очень крупная, но, безъ сомнѣнія, одна изъ самыхъ характерныхъ фигуръ нашего прошлаго, и собрать воедино, въ цѣльный портретъ, безчисленныя черты его облика, разсѣянныя по двадцати томамъ Барсуковской книги, было бы благодарной задачей. Мы рѣшительно не раздѣляемъ сужденія П. Н. Милюкова о Барсуковской работѣ, какъ безсознательномъ обвинительномъ актѣ противъ Погодина; напротивъ, съ каждымъ дальнѣйшимъ томомъ Погодинъ, думается, все болѣе выигрываетъ въ глазахъ читателей, и конечный итогъ оказывается положительно за него.

Эта неугомонная живучесть и вѣчно-бодрый интересъ, характеризующіе Погодина въ старости, кажется, еще больше, чѣмъ въ молодые годы, рѣзко выдѣляютъ его на фонѣ московской неподвижности, вялости, обособленности. Все занимаетъ его, ему до всего дѣло, и всему, что̀ задѣнетъ его интересъ, онъ отдается со страстью, не жалѣя ни времени, ни усилій, ни даже порою денегъ (а это для него тягчайшая изъ жертвъ); и эта беззавѣтная искренность въ соединеніи съ чудовищной взбалмошностью и безтактностью, въ соединеніи также съ наивнѣйшимъ, пожирающимъ корыстолюбіемъ, образуетъ чрезвычайно колоритную и, на нашъ вкусъ, въ концѣ концовъ очень привлекательную фигуру.

Вотъ, напримѣръ, открывается въ Москвѣ всесословная дума. Погодинъ, разумѣется, тутъ какъ тутъ; да онъ же и домовладѣлецъ. Онъ принимаетъ самое дѣятельное участіе въ предвыборныхъ собраніяхъ, всюду произноситъ рѣчи, вырабатываетъ цѣлый реестръ „качествъ, необходимыхъ для городского головы“, агитируетъ за избраніе Кошелева, и т. д. А по открытіи думы, попавъ, конечно, въ гласные, какихъ только проектовъ не предлагаетъ онъ въ видахъ поднятія городского благоустройства,—все съ увлеченіемъ, въ отеческомъ тонѣ, съ журьбой да съ наставленіемъ! Онъ говоритъ рѣшительно обо всемъ. Пятьдесятъ тысячъ на газовое освѣщеніе? У насъ и денегъ такихъ нѣтъ, да и не нуженъ намъ газъ. Москва, слава Богу, не Парижъ, не Лондонъ; въ Москвѣ и на самыхъ людныхъ улицахъ „послѣ 10-го часа разъѣзжаютъ не дѣловые люди, не производительные обыватели (тѣ давно уже спятъ), а тунеядцы, игроки, запоздалые гости, праздношатающіеся. Ну, если кто изъ подобныхъ господъ повредитъ себѣ немножко лобъ, то эта бѣда не велика“. Онъ говоритъ всегда „отъ здраваго смысла“, и часто очень дѣльно; многія его предложенія осуществлены сорокъ лѣтъ спустя, другія оказываются слишкомъ смѣлыми даже для нашихъ дней и нисколько не утратили своего интереса.

И таковъ онъ во всемъ. Появится ли на научномъ горизонтѣ Кояловичъ, онъ принимается дѣятельно пропагандировать Кояловича и добивается того, что ему назначаютъ ежегодное содержаніе въ полторы тысячи. Онъ поднимаетъ шумъ по поводу затрудненій, испытываемыхъ Далемъ при составленіи его „Толковаго словаря", возстанавливаетъ противъ себя товарищей-академиковъ требованіемъ избрать Даля въ академію, и въ концѣ концовъ добивается этого. Хлопотать за другихъ—это вообще его страсть. По поводу 50-лѣтія литературной дѣятельности Ѳ. Н. Глинки и П. М. Строева онъ развиваетъ всю свою неугомонную энергію. Съ первымъ дѣло было просто: чтобы утѣшить его кстати въ потерѣ супруги, приснопамятной Авдотьи Глинки, Погодинъ выхлопоталъ ему Станислава, и это осчастливило Глинку выше всякой мѣры. А со Строевымъ вышла непріятность. Самъ Строевъ мечталъ только объ увеличеніи своей пенсіи съ 570 до 1000 руб. Погодинъ же пенсіи ему не прибавилъ, но выпросилъ ему чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и первый поспѣшилъ поздравить его съ чиномъ, чѣмъ повергъ Строева въ совершенное отчаяніе: чинъ ему не былъ нуженъ ни на что, а заплатить за него надо было изъ скудныхъ средствъ сто слишкомъ рублей. Поэтому, въ отвѣтъ на свое поздравленіе Погодинъ получилъ такую записочку въ третьемъ лицѣ: „П. М. Строевъ свидѣтельствуетъ усерднѣйшій поклонъ М. П. Погодину и, признавая вполнѣ петербургскія его хлопоты, покорнѣйше проситъ оставить всякое стараніе о празднованіи юбилея"; дѣло въ томъ, что Погодинъ еще хлопоталъ объ устройствѣ обѣда въ честь Строева и собиралъ деньги на подарокъ ему (и самъ, искренно цѣня его, подписалъ больше всѣхъ: 50 руб.). Потомъ ему и въ первомъ лицѣ пришлось выслушать отъ Строева, что-де хлопоты ваши оказались очень неудачны, благодаря „той поспѣшности, съ какою вы принялись за дѣло", и что вообще „вы какъ-то несчастливы въ стараніяхъ вашихъ о комъ или о чемъ-либо". И замѣчательно, что, несмотря на все это, и несмотря на то, что деньги, собранныя для чествованія Строева, пришлось вернуть жертвователямъ, — два года спустя, когда министромъ народнаго просвѣщенія сталъ Д. А. Толстой, Погодинъ, гостя у него въ деревнѣ, получаетъ отъ него обѣщаніе увеличить пенсію Строева, и пишетъ Строеву, чтобы онъ составилъ записку о своихъ трудахъ и поскорѣе прислалъ ему для врученія графу. На этотъ разъ пенсія дѣйствительно была дана, и первый объ этомъ извѣстилъ Строева Погодинъ же.

Это лишь пара примѣровъ изъ многихъ. Таковъ былъ Погодинъ всю жизнь, и что̀ бы ни говорить о немъ, — въ одномъ его нельзя упрекнуть: въ равнодушіи, въ формализмѣ; цѣльность его натуры, полной противорѣчій, удивительна, и во всякое дѣло, большое или

маленькое, онъ входитъ цѣликомъ, со всѣмъ пыломъ своей души, какъ это очень рѣдко встрѣчается, особенно въ русскомъ обществѣ. За эту искреннюю горячность ему можно простить многіе его грѣхи и всѣ его убѣжденія—дикую смѣсь Домостроя съ доморощеннымъ анархизмомъ, а дочитавъ 21-й томъ, вы, во всякомъ случаѣ, съ интересомъ и симпатіей вглядитесь въ великолѣпный портретъ стараго Погодина, приложенный къ этому тому. Онъ былъ очень хорошій, истинно-добрый и сострадательный человѣкъ, и настоящій патріотъ, въ мѣру своего разумѣнія.

II.

— А. Амфитеатровъ и Е. Аничковъ. Побѣдоносцевъ. Изд. „Шиповникъ". 1907. Стр. 162.

Въ этой книжкѣ — два блестящихъ памфлета, клокочущихъ ненавистью и болью. Они писаны еще при жизни Побѣдоносцева, но увидѣли свѣтъ, когда его не стало. Они обращены къ прошлому; въ нихъ слышенъ вздохъ облегченія: наконецъ-то, наконецъ можно высказать, что̀ накипѣло въ душѣ, дать волю такъ долго сдерживаемымъ проклятіямъ.

Задача г. Аничкова была легче. „Побѣдоносцевъ и православная церковь"! Тутъ можно руками нащупать, что̀ сдѣлалъ Побѣдоносцевъ; тутъ опредѣленная сфера и Побѣдоносцевъ властвуетъ въ ней одинъ; тутъ всѣ плоды послѣднихъ двадцати-пяти лѣтъ должны быть всецѣло отнесены на его счетъ: „укрѣпленіе раскола—вмѣсто сближенія, массовыя отпаденія отъ православія въ сторону евангелическихъ сектъ, развитіе баптизма и все возрастающее презрѣніе общества къ установленной церкви". Но какъ изобразить Побѣдоносцева-человѣка, Побѣдоносцева-государственнаго дѣятеля? Онъ стоялъ въ тѣни, онъ дѣйствовалъ за кулисами, внушеніемъ и совѣтомъ: какъ его уловить и оформить? Но такимъ и изобразилъ его г. Амфитеатровъ. Это, говоритъ онъ, вампиръ. Въ Моравіи есть повѣрье, что̀ вампиръ умѣетъ принимать форму тумана и въ этомъ видѣ проникать въ человѣка, а затѣмъ, выждавъ свой часъ, онъ выходитъ грознымъ видѣніемъ и сосетъ изъ спящихъ кровь. Таковъ былъ К. П. Побѣдоносцевъ. „Онъ— туманъ. Вездѣсущій, всевидящій, всеслышащій, всеотравляющій туманъ кровососной власти. Отъ него нечѣмъ дышать русскому обывателю, и, напитываясь имъ, дурѣетъ и впадаетъ въ административное неистовство русскій государственный дѣятель, правитель, министръ. Онъ—медленное убійство въ средѣ правящихъ и медленная смерть— среди управляемыхъ".

Съ замѣчательной силой анализа г. Амфитеатровъ вскрываетъ главную пружину этой скрытой дѣятельности. Онъ показываетъ, что вся сила Побѣдоносцева заключалась въ настойчивой, систематической, всесторонне-обдуманной лжи. Онъ приближаетъ къ нашимъ глазамъ этого умнѣйшаго изъ царедворцевъ, который лучше всѣхъ понялъ, что̀ нужно въ этой обстановкѣ, и потому властвовалъ дольше и державнѣе всѣхъ, который никогда не былъ „льстецомъ", но подъ видомъ честной откровенности, рѣзкаго обличенія, горькаго сожалѣнія, окутывалъ власть-имущихъ туманомъ лжи, имъ пріятной и выгодной. „Эти люди живутъ въ палатахъ съ разрисованными окнами. Внутри зданія свѣта достаточно какъ-разъ настолько, чтобы хозяевамъ видѣть въ лицо другъ друга и услуживающихъ имъ лакеевъ, а наружу они видятъ лишь то и такъ, что̀ и какъ позволяютъ рисунки окна. Г. Побѣдоносцевъ—великій раскрашиватель дворцовыхъ оконъ. Его сила—въ наглости публицистической лжи, которую онъ ставитъ между глазами своихъ вѣрующихъ и дѣйствительностью, смѣло и опытно, зная, что они не могутъ, да и не пойдутъ провѣрять дѣйствительность, еслибы даже могли". „Онъ, — говоритъ г. Амфитеатровъ, — фанатикъ своей лжи: онъ способенъ единовременно разстрѣливать прихожанъ въ Крожахъ и зарекаться именемъ Бога отъ желанія насиловать чьи-либо религіозныя убѣжденія". „Въ немъ есть извѣстныя отвлеченныя—и весьма кисло-сладкія—азбучныя пониманія абсолютнаго добра; но сопряженныя съ таковыми практическія осуществленія ему ненавистны. Онъ въ состояніи сентиментально вообразить себѣ учительницу, самоотверженно голодающую въ сельской школѣ во имя просвѣщенія народнаго, и вчужѣ умилиться идеальнымъ священникомъ, вродѣ героя Потапенкова „На дѣйствительной службѣ". Но, встрѣтясь съ этими фантомами не въ фантазіи литератора или въ собственномъ своемъ кейфующемъ воображеніи, онъ, — подобно мистеру Подснапу у Диккенса, легко „закидывающему за плечо", какъ вовсе не существующій, всякій общественный вопросъ, который ему не нравится, — „безцеремонно перекидываетъ ихъ черезъ плечо первымъ пришедшимъ въ его семинарскую память текстомъ—и перекидываетъ съ такою энергіей, что, глядишь, трогательная учительница упала гдѣ-нибудь въ якутской губерніи, а умилительный священникъ — въ суздальскомъ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ".

Но что̀ же представлялъ собою этотъ человѣкъ самъ въ себѣ, чѣмъ онъ жилъ, чего добивался? Этотъ вопросъ неотступно встаетъ передъ читателемъ на каждой страницѣ памфлета; мучительно ищешь понять внутренній механизмъ этой страшной силы. Г. Амфитеатрова это не интересуетъ—ему довольно было изобразить дѣйствіе машины, но онъ и въ этой области, кажется, многое угадалъ вѣрно, да и не-

посредственныхъ данныхъ для такого сужденія у него почти не было. Уже послѣ выхода книжки гг. Амфитеатрова и Аничкова, въ „Русскомъ Архивѣ“ (кн. 4 и 5 за текущій годъ) появились нѣкоторые матеріалы для личной характеристики Побѣдоносцева. Это, во-первыхъ, обширныя выдержки изъ его дневника за время пребыванія въ училищѣ правовѣдѣнія, 1842—44 гг., во-вторыхъ, собраніе его писемъ къ Е. Ѳ. Тютчевой за первыя недѣли царствованія Александра III. Дневникъ поражаетъ безжизненностью, безличностью; въ немъ совсѣмъ нѣтъ ни движенія, ни красокъ, все какъ-то скучно-опредѣленно и сѣро, — а Побѣдоносцеву было тогда всего 15—17 лѣтъ. Г. Амфитеатровъ въ одномъ мѣстѣ замѣчаетъ, что Побѣдоносцевъ никогда не былъ молодъ и всегда былъ микроцефаломъ. Вотъ нѣсколько поразительныхъ строкъ изъ дневника: такъ шестнадцати-лѣтній отрокъ описываетъ обыкновенную мальчишескую шалость. Во время свободнаго урока „нѣкоторымъ школьникамъ вздумалось пошалить“; одинъ посадилъ другого на спину и расхаживалъ по классу, поощряемый криками товарищей и, нечаянно навалившись на дверь, попалъ изъ класса въ залу. „Ихъ,—записываетъ шестнадцати-лѣтній Побѣдоносцевъ,—провожали крики *безразсудныхъ* и *забывчивыхъ* шалуновъ; въ это время *неподозрѣваемый ими* директоръ стоялъ въ залѣ вмѣстѣ съ инспекторомъ. Въ гнѣвѣ (*да какъ было и не разсердиться!*) быстрыми шагами подбѣжалъ онъ“ и т. д.

Человѣкъ, который въ шестнадцать лѣтъ смотрѣлъ на міръ глазами класснаго наставника, могъ въ пятьдесятъ смотрѣть глазами Побѣдоносцева. Что Побѣдоносцевъ служилъ нѣкоторой идеѣ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія,—иначе онъ не былъ бы такъ силенъ; но, сколько теперь можно судить, его идея была не существеннаго, а чисто-формальнаго свойства. Онъ принадлежалъ, кажется, къ числу тѣхъ умовъ, для которыхъ порядокъ, симметрія, исправность являются непреложными, органическими требованіями, до такой степени, что *содержаніе* жизни для нихъ не имѣетъ никакой цѣны, они его просто не замѣчаютъ; и такъ какъ настоящая, живая жизнь—всегда махрова, неправильна, несимметрична, то они по самой своей природѣ ненавидятъ все живое, ненавидятъ ростъ, развитіе, движеніе, словомъ—жизнь. Таковъ, кажется, былъ Побѣдоносцевъ; онъ жизни не видѣлъ, у него для этого вовсе не было органа; онъ чувствовалъ ее только со стороны порядка, радовался, когда все стояло на мѣстѣ, и физіологически страдалъ, когда замѣчалъ движеніе, неправильность. Онъ былъ верховный жрецъ „порядка“—того условнаго расположенія вещей, которое освящено вѣками,—и онъ служилъ своему богу благочестиво и преданно, и—такъ какъ время этого требовало—служилъ ложью, сознавая себя чистымъ передъ своимъ божествомъ. И оттого онъ вдвойнѣ, вдеся-

теро былъ твердъ, какъ скала: потому что у него была сильная вѣра, и потому что эта вѣра была такова, что онъ, какъ панциремъ, былъ защищенъ ею противъ впечатлѣній жизни. Онъ, безъ сомнѣнія, совершенно искренно пишетъ (по поводу апрѣльскихъ событій 1881 г.): „Не о себѣ я забочусь, а о Россіи и о государѣ, котораго люблю", и въ другой разъ: „Сохрани, Господи, вѣчную сироту свою, несчастную Россію!" Но и царя, и Россію онъ обнимаетъ мертвыми руками, онъ жадно, какъ любовникъ, ждетъ отъ нихъ возстановленія „порядка", привычной, нарушенной на время неподвижности, и только ради этого ихъ любитъ, т.-е. любитъ въ нихъ не живое ихъ содержаніе, а ихъ потенціальное отношеніе къ порядку. И потому что онъ не чувствуетъ жизни,—онъ презираетъ ея, такъ называемыя другими, потребности, и ненавидитъ все, что можетъ служить удовлетворенію этихъ потребностей. „Прошу передать письмо Чичерину... Онъ тоже видитъ единственное спасеніе въ призваніи депутатовъ отъ дворянства и отъ земства. Удивительное ослѣпленіе! Какъ будто во множествѣ и во множествѣ рѣчей и мнѣній можетъ родиться сила воли и разума!" Нужно всегда и прежде всего одно—неподвижность порядка; поэтому нужно создать такія формы жизни, которыя непрерывно парализовали бы естественное дѣйствіе живыхъ силъ, обусловливающее безпорядокъ; и вотъ вся государственная дѣятельность Побѣдоносцева съ рѣдкой въ исторіи настойчивостью была направлена на то, чтобы превратить русскую систему правленія въ такой механизмъ, непрерывно возстановляющій порядокъ, т.-е. непрерывно погашающій жизнь.—Это объясненіе психологіи Побѣдоносцева, конечно,—гипотеза, но, кажется, иначе его невозможно понять.

III.

— Н. Крашенинниковъ. Угасающая Башкирія. Москва, 1907.

Какъ бываютъ на сценѣ выигрышныя роли, такъ есть выигрышныя темы для разсказовъ. Такова тема г. Крашенинникова. Въ его книгѣ одиннадцать наполовину беллетристическихъ, наполовину этнографическихъ очерковъ изъ башкирской жизни. Если всякое умираніе трогаетъ, то зрѣлище угасающаго народа, притомъ угасающаго такъ покорно и безропотно, какъ башкиры, не можетъ не возбуждать глубокаго участія. И сюда присоединяется еще нѣчто другое. Гибель Башкиріи—одно изъ самыхъ вопіющихъ преступленій старой русской власти; за пять вѣковъ эта власть, частью прямо, частью путемъ поощренія и попустительства, успѣла въ конецъ обобрать несчастныхъ башкиръ,

не давъ имъ взамѣнъ свободы и степного приволья ни христіанства, ни школъ, ни культурныхъ навыковъ, но развративъ ихъ наивную душу водкой и униженіемъ. Она самымъ ужаснымъ образомъ исказила ихъ естественное развитіе: въ то время, когда она, какъ коршунъ, настигла ихъ, они были кочевымъ народомъ и едва только начали переходить къ земледѣлію; она отняла у нихъ землю прежде, чѣмъ они привыкли къ земледѣльческой осѣдлости; лишенные возможности кочевать, они остались въ душѣ номадами—и скучно имъ на землѣ, тоскуютъ они по прежней волѣ, и, разумѣется, земледѣльцы они никуда негодные, а отсюда — нищета, апатія, вымираніе. Вглядываясь въ башкирскую жизнь, какъ ее изображаетъ г. Крашенинниковъ, вы ясно видите, что башкирская деревенская нищета—не чета русской: ее отличаетъ отъ послѣдней какое-то неуловимое выраженіе безповоротности, безнадежности; это упадокъ роковой, неотвратимо ведущій все глубже въ пучину разоренія и маразма. Вотъ обыкновенная башкирская деревушка: на улицѣ — ни души, развѣ голый ребенокъ копается въ сорѣ, да тоскливо блеетъ коза; одиноко разбросанныя жалкія избы изъ тонкихъ, кривыхъ, неумѣло пригнанныхъ бревенъ, съ маленькими неровными окнами, гдѣ стекло часто замѣняютъ бумага или бычачій пузырь, съ накиданной сверху глиной вмѣсто крыши; внутри—тѣснота, грязь, вонь; войдешь — баба что-нибудь шьетъ или моетъ, а хозяинъ спитъ, хотя въ домѣ нѣтъ куска хлѣба. Или вотъ авторъ въѣзжаетъ въ башкирскую деревню весною, когда люди еще не успѣли оправиться „съ зимовки", т.-е. послѣ обычной зимней голодухи: „Я не могъ надивиться: равнодушные, желтые, словно только-что пробудившіеся отъ долголѣтняго сна, они тихо слонялись изъ стороны въ сторону, грѣясь на солнцѣ, и, казалось, не было слышно ни ихъ голоса, ни шаговъ. Они скользили какъ тѣни. Это были не люди, — это были тѣни живыхъ существъ. Когда они засмѣялись, я весь вздрогнулъ: смѣются мертвые!.. И самое ужасное было то, что они были спокойны и не видѣли въ своемъ положеніи ничего необычнаго: точно такъ и должна была идти жизнь: зимой умирать, съ весеннимъ солнцемъ подниматься, и такъ до новой зимы".

Но равнодушные въ настоящемъ, они съ любовью помнятъ свое прошлое. Почти въ каждомъ разсказѣ г. Крашенинникова кто-нибудь изъ башкиръ мечтательно вспоминаетъ: „Какъ жили! Какія стада водили! Какъ кочевали! Какъ пѣли, какъ плясали! — Все наша была!" И съ этой грустью о прошломъ естественно соединяется глухая вражда и ненависть къ Россіи, отнявшей все. Когда-то башкиры въ громадныхъ матежахъ пытались отстоять свои права; съ половины XVII вѣка эти возстанія идутъ почти непрерывной чередой до послѣдней четверти XVIII-го; у нихъ были тогда герои — Сеитъ, Салавата и др.,

о которыхъ они донынѣ поютъ пѣсни. Но русская власть усмиряла эти бунты съ безпощадной жестокостью, а главное — общая апатія, овладѣвшая башкирскимъ народомъ, погасила въ его крови послѣднія искры дѣйственнаго одушевленія, и теперь онъ и русскихъ ненавидитъ какъ-то пассивно, и больше жалуется, нежели проклинаетъ. Тяжелый гнетъ почти задушилъ въ немъ національное чувство, какъ задушилъ всѣ живыя силы его души. Да и какъ имъ было уцѣлѣть? Его гнули въ три погибели, надъ нимъ издѣвались съ неслыханнымъ цинизмомъ. Одинъ изъ героевъ г. Крашенинникова разсказываетъ, какъ перестраивались по приказанію начальства башкирскія деревни. Людей угоняли со степи въ лѣса, приходилось продавать лошадей и все добро; строили деревню не по башкирскому обычаю, а крестомъ, что̀, разумѣется, страшно оскорбляло башкиръ; когда потомъ велѣно было каждому сѣять хлѣбъ, приходилось съ тяжкими усиліями корчевать столѣтніе пни. А главная обида—не взлюбило начальство исконный очагъ башкирскій, чувало, и приказало вмѣсто него класть въ избахъ русскія печи: „Тяжело было лишиться чувала, — хмуро разсказываетъ старикъ.—Съ дѣдовскихъ временъ привыкли!“ Съ чуваломъ ушло изъ башкирской лачуги все уютство; онъ давалъ и тепло, и свѣтъ, а теперь пришлось разоряться на свѣчи, заводить лучину; и посуда башкирская въ печку не влѣзала, приходилось готовить по новому, въ небольшихъ русскихъ горшкахъ, и обращаться бабы не умѣли съ печью, закрывали до времени, и много народу отъ угара погибло. Такъ вводили здѣсь культуру.

Книга г. Крашенинникова не даетъ широкой картины башкирскаго быта; это скорѣе рядъ набросковъ, не очень яркихъ и не забирающихъ глубоко, но все же вдумчивыхъ и не лишенныхъ художественности. „Выдумка“ плохо удается автору, но общій колоритъ, описанія мѣстностей и нѣкоторыя отдѣльныя характеристики положительно хороши, несмотря на чрезмѣрную, можетъ быть, близость къ Тургеневской манерѣ (башкирскія „Записки охотника“!). А лучшее, что̀ есть въ книгѣ г. Крашенинникова, это его неподдѣльное, теплое участіе къ тихо-угасающей несчастной Башкиріи.

IV.

— В. Стефаникъ. Разсказы. Переводъ съ украинскаго В. Козиненко. Предисловіе Г. Алексинскаго. Спб., 1907. Стр. XXI и 194.

Василь Стефаникъ—пѣвецъ несчастнаго галицiйскаго крестьянства, пѣвецъ его нужды и горя, самъ крестьянинъ родомъ. Его разсказы полны великой жалости и скорби; и какъ это часто случается съ

художниками даровитыми, но не геніальными, живая боль туманитъ у него красоту, и передъ читателемъ — скорѣе сама жизнь, нежели образъ ея въ магическомъ зеркалѣ искусства. И геній, какъ человѣкъ, знаетъ жалость; но въ творчествѣ своемъ онъ внѣ жалости, въ какой-то другой плоскости, онъ безмятеженъ и свѣтелъ,—можетъ быть, потому, что, какъ сказалъ нѣмецкій поэтъ, кто способенъ разслышать *весь* голосъ природы, тому этотъ голосъ звучитъ гармоніей. Здѣсь нѣтъ мѣста для суда или сравненія; великъ геній, но свята и боль сострадранія, мѣшающая художнику творить невозмутимо. Это просто — двѣ разныя вещи, которыя нельзя мѣрить однимъ аршиномъ.

Стефаникъ — несомнѣнно талантливый писатель. Его коротенькіе разсказы удивляютъ четкостью очертаній, строгимъ реализмомъ, индивидуальной опредѣленностью дѣйствующихъ лицъ. Одна изъ самыхъ характерныхъ и драгоцѣнныхъ его чертъ—это его большая сосредоточенность и сжатость. Онъ почти никогда не повѣствуетъ; обыкновенно тема его разсказа — одинъ какой-нибудь моментъ въ жизни дѣйствующаго лица, но въ этомъ моментѣ онъ сосредоточиваетъ и всю жизнь, и всю психологію человѣка, такъ что получается своего рода трагическій портретъ. Вотъ старикъ положилъ около себя грабли, сѣлъ на межу, закурилъ трубку и говоритъ самъ съ собою; помыкаютъ имъ сынъ и невѣстка, всего обобрали, въ церковь не въ чемъ пойти и велятъ работать, а кости ноютъ, руки свело. Всталъ съ межи, спряталъ трубку, взялъ грабли и поплелся домой; смотритъ на улетающую журавлиную стаю и думаетъ: „Еслибы кто, добрый человѣкъ, мнѣ сказалъ, дождусь ли я со старухой, какъ они назадъ полетятъ? Вѣрно, ужъ одного изъ насъ въ живыхъ не будетъ. Не видать ужъ намъ журавлей"... Или вотъ мужикъ, все пропившій послѣ смерти жены и дѣтей, продалъ хату, выправилъ у войта синюю рабочую книжку и собрался идти на заработки; сидитъ онъ теперь пьяный за околицей и разсуждаетъ на все село, бьетъ себя кулаками въ грудь, разсказываетъ свою горькую долю: легко ли отдавать домъ, хозяйство, поле, идти въ батраки! Или умираетъ у Романихи корова, бьется въ агоніи, а Романиха бьется надъ нею, убивается; она полжизни на то потратила, чтобы коровы дождаться, напролетъ ночи пряла, а теперь гдѣ ей, старой, про новую думать? На двухъ-трехъ страницахъ—цѣлая драма, отъ которой сердце сжимается острой болью. И таковы всѣ разсказы Стефаника. Ихъ сила—въ большой сжатости содержанія, которой соотвѣтствуетъ и объективная манера автора. Психологію дѣйствующихъ лицъ онъ никогда не изображаетъ въ третьемъ лицѣ, со стороны, а всегда — изнутри, въ ихъ поступкахъ или рѣчахъ, и такъ какъ онъ строго-реалистиченъ, то этимъ способомъ достигается замѣчательная сосредоточенность впечатлѣнія. Онъ

самъ всегда за кулисами, и лиризмъ его собственнаго чувства сказывается только въ выборѣ сюжетовъ да въ тонѣ суроваго и простого разсказа. Онъ и похожъ, и непохожъ на Чехова въ „Мужикахъ“: Чеховъ владѣетъ собою, Стефаникъ явно сдерживаетъ себя; Чеховъ господствуетъ надъ своимъ сюжетомъ, Стефаникъ—весь въ его власти.

И надо сознаться: передъ зрѣлищемъ, которое рисуетъ Стефаникъ, трудно сохранить спокойствіе. Бытъ галиційскаго крестьянства — это такая пучина горя, нужды, невѣжества, одичалости, что даже русская деревня, по сравненію съ нею, кажется раемъ. Малоземелье, тяжелое податное бремя и слабое развитіе промышленности обусловили въ Галиціи ужасающую задолженность крестьянства, которая держитъ его въ крѣпостной зависимости отъ помѣщика, арендатора или кулака. Жизнь впроголодь, полная нечеловѣческаго труда, неимовѣрныхъ лишеній, всякаго горя и униженія,—таково общее содержаніе разсказовъ Стефаника. Самый трудъ и самую нужду въ ихъ чистомъ видѣ онъ изображаетъ рѣдко; большею частью онъ рисуетъ ихъ отраженіе въ различныхъ сферахъ человѣческой жизни и духа, такъ сказать, ихъ обертоны. Все человѣческое, все душевное ими искажено, затоптано въ грязь. Въ этомъ мірѣ нѣтъ любви, нѣтъ жалости; рожденіе ребенка здѣсь встрѣчается проклятіями, старость попрекаютъ, что зажилась и хлѣбъ ѣстъ, больную дочь—что не живетъ и не умираетъ, и всѣ часто говорятъ о смерти, призывая ее — и не въ сердцахъ, а серьезно — другъ на друга и на самихъ себя, и только передъ ея лицомъ на минуту образумливаются, и говоритъ мужикъ надъ трупомъ жены: „Ой, Катерина, я не успѣлъ еще съ тобой наговориться, а ты ужъ разсердилась и ушла отъ меня... Люди добрые, я съ ней ни слова не промолвилъ, за работой и ее забылъ, и разговоры“.—Почти какъ въ „Dichterliebe“ Шамиссо, гдѣ поэтъ говоритъ своей умершей возлюбленной: „ты въ первый разъ меня огорчила“. Но какой ужасъ въ этой народившейся мысли: ни разу не поговорилъ по хорошему, все некогда было!

Между этими скорбными разсказами есть страшные — картины звѣрства, кровавыхъ расправъ, а радостныхъ почти нѣтъ: ихъ только два, и одинъ взятъ изъ старины, когда крестьянинъ еще жилъ въ довольствѣ, такъ что на современность галиційскаго крестьянства приходится только одна свѣтлая картина, и на десятки измученныхъ, темныхъ людей — одна свѣтлая фигурка трехлѣтняго Андрійко, мамина пѣстуна, точно солнечный лучъ среди кромѣшной тьмы.

V.

— Ѳедоръ Сологубъ. Истлѣвающія личины. Книга разсказовъ. К-во Грифъ. Москва, 1907. Стр. 108.

Ѳ. Сологубъ—безъ сомнѣнія сильный художникъ, но—странное дѣло!—прочитать сряду цѣлую книжку его разсказовъ, даже такую небольшую, какъ эта, скучно и не хочется. Онъ похожъ на актера, который, при всей талантливости, остается одинаковымъ во всѣхъ роляхъ, подъ всякимъ гримомъ. Его манера разсказывать чрезвычайно однообразна. Онъ выработалъ себѣ для историческихъ повѣствованій опредѣленный стиль—тяжеловѣсно-обстоятельный, изощренно-простой, дешевую и довольно грубую поддѣлку подъ примитивы; и вотъ этимъ языкомъ онъ пишетъ уже безъ различія все не-современное: самъ ли онъ разсказываетъ о чудѣ отрока Лина, или заставляетъ дикаго человѣка гдѣ-нибудь въ дебряхъ Африки передавать слушателямъ повѣсть о томъ, какъ его деревня убила своего хищнаго бога,—оба разсказа ведутся въ одинаковомъ тонѣ, въ одинаковомъ ритмѣ языка и чувства, и хитрый дикарь-старѣйшина Белезисъ на священной рѣкѣ Мейруръ говоритъ совершенно тѣмъ же языкомъ, какъ и римскій центуріонъ Марцеллъ. Для разсказовъ изъ современной жизни у г. Сологуба имѣется другой стиль, тоже совершенно однообразный для всѣхъ случаевъ и самъ по себѣ одноцвѣтный, родственный тому историческому слогу по тягучей обстоятельности и округленности фразъ. Въ общемъ языкъ г. Сологуба—тусклый, не-нервный, насквозь сознательный и вмѣстѣ негибкій; въ немъ нѣтъ и тѣни свободы, непосредственности; чувствуется какая-то одержимость, которая влечетъ въ одну сторону, но не окрыляетъ, а гнететъ; чувствуется что-то жестокое, но безъ силы, слабое, но безъ нѣжности.

И таково все творчество г. Сологуба. Его талантъ можно опредѣлить, какъ сочетаніе *одержимости* въ основномъ, въ содержаніи и направленіи его интересовъ, мыслей и настроеній, съ утонченной *сознательностью* въ воспроизведеніи. Внутри себя онъ болѣе чѣмъ непосредственъ: онъ—рабъ своихъ переживаній, безотвѣтственный органъ властной темной стихіи, царящей въ немъ; но чѣмъ безсильнѣе онъ внутри, тѣмъ болѣе онъ во-внѣ старается придать себѣ свободный видъ, и для этого доводитъ свою разсудочность до конца, такъ что у него не остается ни одного непосредственнаго слова, всѣ фразы—обдуманныя и зрячія. Это сочетаніе одержимости съ крайней разсудочностью встрѣчается довольно часто; такова въ общемъ всякая художественная натура,—вопросъ только въ томъ, насколько гармо-

нично соединяются оба эти элемента. Въ г. Сологубѣ мы не находимъ этой гармоніи; онъ и слишкомъ одержимъ внутри, и слишкомъ раффинированъ во-внѣ, чтобы создавать совершенныя произведенія.

Новый сборникъ г. Сологуба только подтверждаетъ это сужденіе. Въ немъ есть нѣсколько разсказовъ поразительной силы, но нѣтъ ни одного, который бы неотразимо увлекъ и покорилъ читателя; всюду васъ расхолаживаетъ дисгармонія между художественнымъ ядромъ разсказа и его искусственной оболочкой, гдѣ все обдумано, взвѣшено и подогнано въ точку. Иногда это доходитъ до смѣшного. Первое мѣсто въ „Истлѣвающихъ личинахъ“ занимаетъ разсказъ „Дикій Богъ“, одинъ изъ лучшихъ въ сборникѣ. Мелехъ и его юный братъ Синъ, жители глухой страны на священной рѣкѣ Мейруръ, пришли въ столицу великаго царя, чтобы посмотрѣть ее; у нихъ былъ тамъ другъ, Сарру, который и взялся показать имъ достопримѣчательности столицы. Между прочимъ, онъ привелъ ихъ въ звѣринецъ,—и здѣсь случилось нѣчто такое, что̀ глубоко потрясло ихъ. Ходя между клѣтками и восторгаясь заключенными въ нихъ чудовищами, они вдругъ услышали грозный и священный голосъ—рыканіе великаго бога, то самое рыканіе, которое въ ихъ родномъ селеніи не разъ по ночамъ повергало ихъ въ трепетъ, такъ какъ оно означало, что богъ, „алкая новой жертвы, рыщетъ священными стопами своими у околицы нашего селенія“. Оба мгновенно въ ужасѣ повергли сь ницъ, чѣмъ вызвали общій смѣхъ всѣхъ остальныхъ зрителей, и затѣмъ ушли, не смѣя поднять взоръ на бога; только юный Синъ успѣлъ кинуть взглядъ въ ту сторону, и на обратномъ пути, уже подходя къ родному селенію, открылся брату: онъ ясно видѣлъ, что святое рыканіе исходило отъ звѣря, запертаго въ клѣткѣ. Дома Синъ не замедлилъ сообщить свое открытіе своимъ сверстникамъ. Оно произвело потрясающее впечатлѣніе; столько лѣтъ безропотно покорялись они великому богу, столько пожралъ онъ нѣжныхъ дѣвъ и веселыхъ дѣтей, а онъ оказывается только дикимъ звѣремъ съ зелеными глазами и съ черными пятнами на желтой шкурѣ, и его можно изловить и посадить въ клѣтку. Начались тайныя совѣщанія среди молодежи; тщетно благочестивые усовѣщивали молодыхъ оставить кощунственные замыслы, тщетно и самъ Мелехъ вразумлялъ сомнѣвающихся, „что богъ не могъ быть въ клѣткѣ, и исходившее изъ клѣтки божіе рыканіе было однимъ изъ тѣхъ неизъяснимыхъ явленій, которыя не могутъ быть постигнуты слабымъ человѣческимъ разумомъ и о которыхъ лучше всего хранить благоговѣйное молчаніе“. Образовались двѣ партіи, начались раздоры; наконецъ мудрый и хитрый Белезисъ предложилъ планъ, на которомъ могли помириться обѣ партіи. Онъ заявилъ, что, во-первыхъ, завѣщанное предками ученіе о поклоненіи богу, обитающему въ чащѣ и

требующему человѣческихъ жертвъ, должно остаться ненарушимымъ, ибо иначе весь строй жизни придетъ въ совершенное замѣшательство: „буйные и своевольные юноши наши, откинувъ мысль о богѣ и истребивъ въ себѣ священный трепетъ передъ таинственнымъ верховнымъ существомъ, безъ сомнѣнія, впадутъ въ самый неистовый развратъ". Но, съ другой стороны, нельзя не вѣрить Сину, что божественное рыканіе исходило отъ существа, во всемъ подобнаго звѣрю. Итакъ, почему бы и намъ не приготовить для бога помѣщенія столь же изукрашеннаго, какъ то, которое находится въ звѣринцѣ великаго царя? И откуда мы знаемъ, что богъ хочетъ непремѣнно человѣческаго мяса? Можетъ быть, онъ станетъ довольствоваться живыми телятами и ягнятами.

Не будемъ излагать окончаніе разсказа—исторію постепеннаго прозрѣнія, вплоть до того момента, когда селеніе огласилось радостными кликами: „Звѣрь издыхаетъ!"—не богъ, а звѣрь; глубокая концепція разсказа ясна уже изъ переданнаго. Это, если угодно, аллегорія, но истинно-художественная по замыслу; вѣчныя, какъ человѣчество, движенія мысли и чувства воплощены здѣсь въ живые, конкретные образы, и форма такъ тѣсно слита съ художественной идеей, что, казалось бы, здѣсь должно было получиться совершенное произведеніе искусства.

Между тѣмъ этого нѣтъ,—разсказъ вышелъ только интереснымъ и оставляетъ читателя холоднымъ; онъ испорченъ той ухищренной обдуманностью, съ которой авторъ отдѣлывалъ каждую деталь, стремясь разсудочно къ всесторонней, абсолютной наглядности. Странно видѣть, до какихъ грубыхъ ошибокъ и нелѣпостей доводитъ его эта забота. Достаточно сказать, что Мелехъ ведетъ свой разсказъ *въ лицахъ*! Онъ передаетъ подлинными словами и то, что̀ говорилъ Сарру, и рѣчь Белезиса, и свой разговоръ съ Синомъ, и проч. Эти рѣчи и разговоры, взятые въ отдѣльности, великолѣпны, но въ устахъ Мелеха они чудовищны: такъ ли онъ сталъ бы разсказывать? И въ цѣломъ весь его разсказъ, какъ устное повѣствованіе такого человѣка—нелѣпость. Авторъ заставляетъ разсказчика передавать каждый этапъ событій съ той именно точки зрѣнія, на которой онъ, Мелехъ, стоялъ въ тотъ моментъ,—тогда какъ живой Мелехъ, разумѣется, *все* разсказалъ бы со своей *окончательной* точки зрѣнія (т.-е., что это былъ просто хищный звѣрь), хотя бы и вспоминая свое тогдашнее, ложное, отношеніе къ предмету; онъ вкладываетъ въ его уста соображенія чрезвычайно сложныя, а иногда и глубокія, какъ, напримѣръ, когда Мелехъ на обратномъ пути изъ столицы мучительно раздумываетъ, что̀ могло значить рыканіе бога въ звѣринцѣ, и, задавшись вопросомъ, не было ли оно священнымъ знаменіемъ, отвѣчаетъ себѣ: „Но

согласно ли съ истиннымъ богопочитаніемъ, завѣщаннымъ намъ нашими благочестивыми предками, думать, что святѣйшее въ мірѣ является не само для себя, въ своей таинственной и неизъяснимой самоцѣльности, а только для того, чтобы въ мірѣ дѣяній человѣческихъ быть нѣкоимъ вѣщимъ знакомъ?“ Мелехъ вообще не сталъ бы припоминать подробно свои прошлыя соображенія; приписавъ ему этотъ глубокій интересъ къ идеямъ и психическимъ движеніямъ, г. Сологубъ сдѣлалъ такую же грубую ошибку, какъ еслибы заставилъ его пересыпать свой разсказъ цитатами изъ Гёте и Шекспира. И разсказъ безконечно выигралъ бы, еслибы авторъ, не гоняясь столь зорко за изобразительностью въ деталяхъ, заставилъ Мелеха разсказать эту исторію о богѣ-шакалѣ такъ, какъ долженъ былъ бы разсказать ее обитатель той страны,—дико и просто, въ рѣзкихъ чертахъ, безъ психологіи и нарочитой наглядности. А теперь мы холодно читаемъ разсказъ, хвалимъ искусство г. Сологуба и сожалѣемъ объ испорченномъ художественномъ произведеніи.

Основной интересъ г. Сологуба, центральный пунктъ его переживаній и его одержимости—это подспудная душевная жизнь человѣка. За нашимъ дневнымъ сознаніемъ, безпрестанно захлестывая его своей волной, живетъ и движется другое, заднее наше сознаніе, безсмысленно-мудрое, стихійное, родовое. Имъ мы общаемся съ отдаленнѣйшими предками, чрезъ него непосредственно циркулируютъ въ насъ жизнь и душа природы; оно, какъ подземный родникъ, питаетъ всю нашу психическую жизнь. Есть предрасположенныя натуры, нервныя организаціи (особенно среди дѣтей), въ которыхъ это заднее сознаніе непрерывно перекрещивается съ дневнымъ, нормальнымъ сознаніемъ, и даже у здоровыхъ людей бываютъ минуты нервной возбужденности или усталости, когда заднее сознаніе бурно вторгается въ дневное и вызываетъ въ немъ глубокія пертурбаціи. Изображать такія состоянія—излюбленная тема г. Сологуба, и въ этой области онъ достигъ дѣйствительно большого мастерства. Его обычные герои—нервно-чуткія дѣти и взрослые въ состояніи переутомленія, крайней подавленности, возбужденности и пр.

Эти разсказы, кажущіеся фантастическими, въ дѣйствительности совершенно реальны. Вотъ писатель Соцпольевъ, нервный и раздражительный. У него бываетъ юноша Гармоновъ, начинающій поэтъ; присутствіе этого большеротаго, длиннолицаго, медлительнаго юнца странно раздражаетъ Соцпольева, и послѣ одного такого нестерпимо-долгаго посѣщенія возбужденный умъ Соцпольева начинаетъ сверлить безумная мысль: „Такъ ненавидѣть, такъ мучительно ненавидѣть можно только то, что̀ очень къ намъ близко. Но въ чемъ же тайна этой дьявольской близости? Какой демонъ и какими нечистыми

чарами связалъ наши души?" И вотъ изъ-за бронзовой чернильницы выскочилъ маленькій, вертлявый, сѣро-стального цвѣта, весь съ безъимянный палецъ величиною; и онъ говоритъ Сонпольеву: „вспомни свое прошлое, свое первоначальное прошлое тѣхъ древнихъ дней, когда ты и онъ жили въ одномъ тѣлѣ". Раскрылось заднее сознаніе, и точно въ волшебномъ зеркалѣ Сонпольевъ видитъ себя въ своемъ давно-минувшемъ существованіи: молодой и сильный, полуобнаженный, онъ среди легкихъ колоннъ пляшетъ подъ звуки флейты, а за пиршественнымъ столомъ сидитъ, наслаждаясь его пляской, его господинъ—наглое, пьяное, обрюзглое лицо. Бѣшеная злоба душитъ юношу, онъ уже готовъ нанести ударъ; но пробуждается его вторая душа, хитрая и ласковая, кошачья душа, и, улыбаясь пирующему, проносится юноша мимо него въ легкомъ танцѣ, и затѣмъ снова ненависть застилаетъ глаза, и снова хитрая дѣланная улыбка, пока, наконецъ, обѣ воли сливаются въ одну—ударъ, хриплый крикъ, и все смѣшалось. Въ этомъ юношѣ были оба, теперь это двѣ половинныя души—Сонпольевъ и Гармоновъ. И дальше мы узнаемъ, какъ этотъ маленькій „соединяющій души" даетъ Сонпольеву средство возстановить единство, какъ Сонпольевъ предлагаетъ это Гармонову (надо было сжечь волосъ на свѣчѣ), и Гармоновъ соглашается, но въ послѣднюю минуту ему становится страшно и больно, онъ корчится и, не выдержавъ, бросается впередъ и гаситъ догорающій волосъ. Глубокое творчество г. Сологуба нельзя понять, не уяснивъ себѣ, что эти состоянія сознанія имѣютъ для него вовсе не субъективное значеніе: онъ чрезъ нихъ созерцаетъ тайную реальность міра; то, что̀ въ рѣдкія минуты ясновидѣнія открываетъ намъ наше заднее сознаніе, это и есть самое истинное и самое основное, предопредѣляющее всю нашу видимую жизнь. Это—Тютчевскій хаосъ, но только Ѳ. Сологубъ безконечно глубже изучилъ этотъ страшно-сложный міръ таинственныхъ и могучихъ силъ, который для Тютчева былъ еще только элементарной стихіей. Разница между ними еще та, что Тютчевъ созерцаетъ хаосъ космическій, тогда какъ Ѳ. Сологубъ всецѣло поглощенъ изученіемъ властвованія хаоса въ человѣческомъ духѣ. Онъ весь во власти психическихъ обертоновъ; подобно Гофману или Эдгару По, онъ—не отъ міра сего, онъ одержимъ, и притомъ въ такой степени, которая уже серьезно вредитъ художественному совершенству его созданій.—М. Г.

VI.

— **А. И. Воейковъ. Распредѣленіе населенія земли въ зависимости отъ природныхъ условій и дѣятельности человѣка. Спб. 1906, стр. 134.**

Проблема населенія составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ соціологіи, и нѣкоторые ученые полагаютъ даже, что ростъ населенія является главнымъ факторомъ экономической эволюціи, которая въ свою очередь полагается въ основаніе культурнаго развитія человѣчества. Неудивительно, поэтому, если къ данной проблемѣ постоянно обращается человѣческая мысль; и въ наше время къ ея разрѣшенію примѣняются методы историко-статистическаго изслѣдованія. Нѣсколько времени тому назадъ, мы бесѣдовали съ читателемъ объ одномъ сочиненіи на эту тему (Ю. Г. Жуковскаго), въ которомъ разсматривался, между прочимъ, вопросъ о причинахъ даннаго размѣщенія населенія по территоріи земного шара. Въ заголовкѣ настоящей замѣтки указано другое сочиненіе (первоначально напечатанное въ „Извѣстіяхъ Географическаго Общества"), принадлежащее перу извѣстнаго географа и климатолога, А. И. Воейкова, поставившаго себѣ въ немъ задачу указать связь даннаго размѣщенія населенія съ природными условіями мѣстности и хозяйственной дѣятельностью человѣка. Книга состоитъ изъ шести главъ, посвященныхъ населенію земного шара (густота населенія, естественная его прибыль, препятствіе къ его размноженію, переселенія, причины даннаго распредѣленія населенія и вопросъ о емкости земли для человѣка), и двухъ главъ, трактующихъ о хлѣбной производительности и международной торговлѣ продуктами сельскаго хозяйства. Сочиненіе имѣетъ статистическій характеръ, и можно только пожалѣть, что въ немъ отсутствуютъ абсолютныя данныя по многимъ предметамъ, для которыхъ приведены лишь среднія или процентныя отношенія. Помимо того, что эти данныя, извлеченныя изъ многихъ и малораспространенныхъ источниковъ, представляютъ самостоятельную цѣнность въ качествѣ матеріаловъ для различныхъ сопоставленій, они были бы не излишни и для провѣрки сомнительныхъ цифръ разсматриваемаго сочиненія, не свободнаго отъ опечатокъ и не исправившаго послѣднія.

На территоріи земного шара можно различать три крупныя области съ высокой плотностью населенія: Европу, юго-восточную Азію и восточную часть Соединенныхъ Штатовъ Сѣв. Америки, при чемъ наибольшую плотность имѣютъ Индія и восточная половина Китая. Эти страны отличаются, кромѣ того, характеромъ размѣщенія населенія. Тогда какъ въ Европѣ и Сѣв.-Ам. Соед. Штатахъ, говоря

вообще, уплотненіе населенія сопровождается распространеніемъ крупныхъ городовъ, и можно даже высказать правило (имѣющее, однако, исключенія), что густое населеніе встрѣчается здѣсь лишь въ областяхъ, гдѣ значительная часть его живетъ въ городахъ; — въ Азіи густо размѣщено именно земледѣльческое населеніе и мѣстами можно даже наблюдать обратное соотношеніе между плотностью населенія и распространеніемъ городовъ. Условіемъ, если не причиною, такого различія европейскаго городского и азіатскаго сельскаго типа размѣщенія населенія нужно считать фактъ независимости европейскихъ городовъ въ ихъ пропитаніи отъ сосѣднихъ мѣстностей, дающихъ лишь опредѣленное количество избыточнаго продукта. Широкое развитіе внѣшней торговли позволяетъ городамъ европейски-цивилизованныхъ странъ получать жизненные припасы со всего міра; и распространеніе въ такихъ странахъ городского населенія вполнѣ подчиняется другимъ условіямъ развивающейся жизни. Излишне, кажется, объяснять, что страны съ европейскимъ характеромъ размѣщенія населенія отличаются развитіемъ торгово-промышленной дѣятельности, и именно „торговля и промышленность и являются здѣсь рѣшающимъ факторомъ для густоты населенія".

Вопросъ о плотности населенія естественно приводитъ къ вопросу объ увеличеніи послѣдняго. Это увеличеніе совершается, какъ извѣстно, двумя путями: естественнымъ его размноженіемъ и путемъ переселеній. Естественный приростъ населенія, говоря вообще, выше въ странахъ земледѣльческихъ. „Вездѣ до сихъ поръ размножалось преимущественно сельское населеніе, живущее физическимъ трудомъ и имѣющее невысокій уровень потребностей. Болѣе богатые и образованные классы имѣли менѣе дѣтей, и убыль высшихъ классовъ и городского населенія пополнялась сельчанами". Въ соотвѣтствіи со сказаннымъ находится интересный фактъ замедленія естественнаго прироста населенія Соед. Шт. Америки, по мѣрѣ промышленнаго ихъ развитія: въ пятидесятыхъ годахъ естественный годовой приростъ населенія составлялъ здѣсь 2,5%, а теперь — всего 1,5%. Въ Штатахъ Массачузетъ и Родъ-Айландъ — самыхъ густонаселенныхъ и культурныхъ — рождаемость ниже даже французской. Примѣръ Франціи, впрочемъ, не согласуется съ заключеніемъ о болѣе быстромъ размноженіи земледѣльческаго населенія, такъ какъ слабое размноженіе въ этой странѣ поддерживается и крестьянствомъ. Однако французское населеніе Канады, занимающееся также сельскимъ хозяйствомъ, но при большемъ земельномъ просторѣ, размножается довольно быстро, и приростъ ея населенія одинаковъ съ приростомъ его въ Европейской Россіи.

Крупныя переселенія идутъ, какъ извѣстно, изъ Европы въ Америку и Австралію, и, благодаря именно переселенцамъ, въ самыхъ

молодыхъ культурныхъ странахъ очень рѣзко выражается типическій для промышленной Европы—городской характеръ размѣщенія населенія; половина, напр., жителей штата Южной Австраліи обитаетъ въ одномъ городѣ, Аделаидѣ. Авторъ раздѣляетъ переселеніе на крестьянское, рабочее и буржуазное. Подъ послѣднимъ онъ понимаетъ переселеніе „людей энергическихъ, работающихъ и обладающихъ средствами тысячъ въ десять рублей и болѣе. Англія—родина наибольшаго числа такихъ переселенцевъ. Это—по большей части младшіе сыновья аристократіи и богатой буржуазіи. Старшему въ родѣ достается львиная доля наслѣдства, младшимъ даютъ нѣкоторыя средства, а главное — надлежащее образованіе и воспитаніе. Есть школы, спеціально приспособленныя къ воспитанію такихъ юношей и приготовленію ихъ къ работѣ въ дальнихъ странахъ". Такіе энергичные и обладающіе нѣкоторыми средствами переселенцы создали шерстяное овцеводство въ Австраліи, южной Африкѣ и въ лаплатскихъ странахъ, кофейныя и чайныя плантаціи въ Индіи и на о. Цейлонѣ. Переселеніе на земли Соед. Штатовъ тоже болѣе и болѣе принимаетъ буржуазный характеръ, такъ какъ хозяйственное обзаведеніе стоитъ теперь здѣсь гораздо больше того, что можетъ принести съ собой европейскій крестьянинъ. „Бѣдному фермеру, не живущему такъ широко, какъ принято въ этихъ странахъ, очень тяжело: его презираютъ, лишаютъ кредита, стараются выжить изъ округа". Поэтому-то изъ милліона почти людей, ежегодно переселяющихся въ Сѣверную Америку, „врядъ-ли 10% становятся земледѣльцами, а болѣе 90% остаются въ городахъ или на рудникахъ". Приличное мѣсто европейскому земледѣльцу — въ Аргентинѣ и Урагваѣ; „тамъ преобладающій типъ сельскаго хозяина—бѣднякъ, а потому жители юга Европы тамъ садятся на землю, обыкновенно начиная съ аренды".

Среднюю быстроту естественнаго размноженія населенія въ странахъ, имѣющихъ достовѣрную статистику, авторъ принимаетъ въ 1% въ годъ; изъ его же таблицы, впрочемъ, слѣдуетъ, что она значительно выше. Но и принимая 1%, нужно ожидать сравнительно очень быстраго перенаселенія земного шара, равно какъ и приходится удивляться, почему не страдаютъ отъ перенаселенія многія страны древней культуры. Авторъ поэтому совершенно естественно переходитъ къ вопросу о препятствіяхъ размноженію населенія. Эти препятствія въ прошломъ заключались въ войнахъ, голодѣ и эпидеміяхъ, опустошавшихъ цѣлыя страны; новѣйшая же цивилизація ведетъ къ пониженію рождаемости, зависящему отчасти отъ вырожденія, сопровождающаго искусственную буржуазную культуру, главнымъ же образомъ отъ умышленнаго воздержанія лицъ и классовъ, подымающихся по лѣстницѣ благосостоянія и дорожащихъ достигнутымъ благополучіемъ. Это препятствіе раз-

множенію населенія особенно быстро, по мнѣнію автора, распространяется въ заморскихъ, наиболѣе богатыхъ, колоніяхъ; а путемъ обратнаго воздѣйствія эмигрировавшихъ въ Соединенные Штаты европейцевъ на прежнихъ своихъ соотечественниковъ аналогичные обычаи распространяются и среди рабочихъ классовъ Европы.

За вопросомъ о размноженіи, естественно, выдвигается вопросъ о емкости для человѣка территоріи земного шара; а этотъ вопросъ сводится къ вопросу о пропитаніи населенія. А. И. Воейковъ различаетъ два типа жизни, два типа питанія, предъявляющіе неодинаковыя требованія къ сельско-хозяйственному производству и различно-отражающіеся на этомъ послѣднемъ. Типъ европейскій или американско-европейскій — городской жизни и питанія по преимуществу животными веществами, и типъ китайскій—сельская жизнь и потребленіе растительныхъ продуктовъ. Животная пища больше требуетъ отъ почвы, чѣмъ растительная; а городской типъ жизни ведетъ къ утратѣ землею тѣхъ азотистыхъ веществъ, которыя въ зернѣ и мясѣ увозятся въ города и не возвращаются обратно. Поэтому, емкость территорій для европейски-культурнаго населенія меньше, чѣмъ для китайскаго или японскаго. Это выражаютъ еще такъ, что потребности европейца выше, чѣмъ китайца; и, констатировавъ данный фактъ, авторъ спрашиваетъ: „хорошо это или дурно?“. Мы не будемъ останавливаться на этомъ вопросѣ и замѣтимъ только, что квалификація потребностей европейца, какъ „болѣе высокихъ“, далеко не всегда означаетъ лучшее удовлетвореніе физіологическихъ потребностей человѣческаго организма. Напротивъ того, по мнѣнію автора, „китайцы относительно пищи, питья и одежды живутъ раціональнѣе англичанъ, не обременяя себя лишнимъ и вреднымъ“. „Высшія“ матеріальныя потребности европейца, прибавимъ отъ себя, это—болѣе разнообразныя и дорогія формы удовлетворенія матеріальныхъ нуждъ, разсчитанныя на развитіе и культивированіе чувственной природы человѣка. И большія затраты на поддержаніе „высшей“ культуры этого рода не могутъ, конечно, не отражаться неблагопріятно на удовлетвореніи массою европейскаго населенія болѣе благородныхъ потребностей человѣка.

VII.

— М. И. Боголѣповъ. Финансы, правительство и общественные интересы. Спб. Ц. 1 р.

Разсматриваемое сочиненіе ставитъ себѣ задачей не столько фактическую полноту изложенія, сколько освѣщеніе и выясненіе нѣкоторыхъ финансовыхъ вопросовъ, причемъ особенно настойчиво про-

водится мысль о близкомъ финансовомъ крахѣ Россіи. Книга состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ статей. Въ статьѣ, посвященной бюджету и бюджетному праву вообще, объясняется, почему государственный бюджетъ пріобрѣлъ современныя „совершенныя формы и строго опредѣленное юридическое положеніе“ лишь въ новѣйшій періодъ исторіи, когда „европейскія революціи похоронили абсолютизмъ государственной власти“, а государственная дѣятельность стала характеризоваться „сложностью и многочисленностью задачъ и цѣлей“, требующей точнаго учета государственныхъ средствъ и строгаго согласованія ихъ съ огромными и быстро растущими государственными расходами. Аналогичное движеніе въ исторіи русскаго бюджета, вплоть до послѣдняго ея момента, связаннаго съ созывомъ Государственной Думы, авторъ разсматриваетъ при свѣтѣ двухъ положеній: вліянія нашихъ иностранныхъ кредиторовъ, требовавшихъ гласности и правильнаго контроля бюджета, и стремленія власти сохранить прерогативы произвольнаго и безконтрольнаго распоряженія народными деньгами. Въ статьѣ „Война и государственные финансы“ авторъ разсматриваетъ источники средствъ для покрытія военныхъ расходовъ Россіи на протяженіи трехъ послѣднихъ столѣтій, причемъ такими источниками, въ его изложеніи, первоначально служили натуральныя повинности населенія, обложеніе послѣдняго разорительными налогами и порча монеты; затѣмъ — выпускъ бумажныхъ денегъ и, наконецъ, займы. При этомъ, въ противорѣчіе съ дѣйствительностью и съ собственнымъ послѣдующимъ утвержденіемъ, что „главнѣйшую часть нашего государственнаго долга составляютъ займы на военныя надобности“ (стр. 284), авторъ высказываетъ, что до послѣднихъ лѣтъ въ покрытіи военныхъ расходовъ займы „не играли особенно замѣтной роли“ (стр. 247). Ошибочно и утвержденіе автора, что турецкая война 1877 г. „была послѣдней войной, произведенной на *бумажныя* деньги“. Во-первыхъ, японская война оставила намъ больше излишне выпущенныхъ кредитокъ, чѣмъ турецкая; во-вторыхъ, кредитные билеты выпускались во время турецкой войны, главнымъ образомъ, въ виду медленной реализаціи заключаемыхъ займовъ, и, по мѣрѣ полученія занятыхъ суммъ, выпущенные билеты погашались. Такимъ образомъ было погашено болѣе милліарда рублей.

Въ статьѣ „Финансы старой Россіи“ авторъ останавливается на поступленіи нашихъ государственныхъ доходовъ въ 1904 и 1905 гг., когда, несмотря на возвышеніе многихъ налоговъ, поступленіе государственныхъ доходовъ не достигло суммы 1903 г. Авторъ не считаетъ этого пониженія доходовъ временнымъ явленіемъ, вызваннымъ революціоннымъ состояніемъ страны, а видитъ въ немъ начало финансоваго краха, подготовлявшагося всей предшествовавшей исторіей.

„Два фактора задерживали поступательное развитіе давно назрѣвшаго финансоваго кризиса,—говоритъ онъ:—частичное раскрѣпощеніе сельскаго хозяйства, увеличившее производительность крестьянскаго труда, и накопленіе на западно-европейскихъ рынкахъ грандіозныхъ свободныхъ капиталовъ, искавшихъ выгоднаго помѣщенія въ странахъ, бѣдныхъ денежными капиталами“ (стр. 96). Въ основѣ финансоваго кризиса лежитъ „хищническое веденіе государственнаго хозяйства“, щадившее „только привилегированное классы — духовенство, дворянство и крупную торгово-промышленную буржуазію“ (стр. 97). Хищническій же способъ веденія государственнаго хозяйства тѣсно связанъ съ порядками нашего политическаго строя. „Существуютъ такія политическія организаціи, при которыхъ государственные финансы обыкновенно приходятъ въ окончательное и безповоротное разстройство“. Такое разстройство особенно ясно обнаруживается, какъ показываетъ исторія, когда абсолютизмъ доживаетъ послѣдніе дни. „Когда режимъ полицейской автократіи начинаетъ чувствовать, что подъ его ногами колеблется почва, то между осужденными жизнью и представителями новаго начинается ожесточенная борьба, въ которой ставится на карту все и прежде всего находящіеся въ безконтрольномъ распоряженіи слугъ стараго режима государственные финансы. Для стараго режима борьба въ особенности обходится дорого, такъ какъ его слуги „работаютъ“ въ большинствѣ случаевъ не за совѣсть, а за деньги“. Финансы естественно приходятъ при этомъ въ страшное разстройство, усиливаемое еще тѣмъ, что „экономическій кризисъ, обостряемый тяжелыми формами напряженной политической борьбы, разстраиваетъ всѣ финансовые источники, т.-е. ослабляетъ возможныя денежныя поступленія для самаго ближайшаго будущаго“ (стр. 102). Таково именно, по мнѣнію автора, современное положеніе Россіи.

Эта тема получаетъ дальнѣйшее развитіе въ статьѣ „О русскомъ государственномъ долгѣ“; причемъ идея о разстройствѣ русскихъ финансовъ получаетъ уже нѣсколько иную постановку. „Абсолютныя правительства,—нѣсколько смѣло заявляетъ авторъ,—не любятъ прибѣгать къ прямымъ налогамъ, такъ какъ при этомъ очень рѣзко обнаруживается привилегированное положеніе тѣхъ классовъ, которые служатъ „опорою престола и отечества“. Поэтому они обращаются къ преимущественному развитію косвеннаго обложенія, а въ новѣйшее время—къ пользованію кредитомъ. „Въ Россіи, напр., деньги занимались для покрытія обыкновенныхъ расходовъ; это явное нарушеніе финансовыхъ правилъ лучше всего свидѣтельствуетъ о боязни правительства повышать прямые налоги“. Когда же въ обществѣ проявилось недовольство косвенными налогами—правительство замазало взиманіе самаго крупнаго косвеннаго налога—на спиртъ—введеніемъ

водочной регаліи; увеличеніе же таможенныхъ пошлинъ скрывается подъ теоріей покровительства отечественной промышленности. „Такъ идетъ дѣло въ мирное время, когда политическіе горизонты ясны и чисты. Единственная забота правительства — жить въ ладу съ тѣми общественными классами, на которые оно опирается... Обстоятельства рѣзко мѣняются, когда политическій горизонтъ омрачается тучами, накопившимися изъ внутреннихъ испареній. Политическія бури всегда разстраиваютъ финансы", потому что власть, озабоченная сохраненіемъ своихъ позицій подъ напоромъ революціонной волны, теряетъ способность творческой работы приспособленія финансовъ къ развитію экономической жизни. Это наблюдалось въ свое время въ исторіи западно-европейскихъ государствъ, и такой моментъ переживаетъ въ настоящее время Россія, причемъ „самое крупное замѣшательство финансовъ произошло на почвѣ государственнаго кредита", который требуетъ ежегоднаго расхода около 400 милл. руб., составляющихъ отъ $^1/_4$ до $^1/_3$ нашего бюджета, освобожденнаго отъ оборотныхъ суммъ. Когда безъ займовъ нельзя обойтись, а государственный кредитъ до того упалъ, что наши послѣдніе займы заключаются изъ 7% дѣйствительныхъ, то вопросъ о финансовомъ крахѣ есть вопросъ самой реальной дѣйствительности. „Существующая финансовая система доживаетъ послѣдніе дни.., и фактъ чрезмѣрной задолженности сыгралъ въ этомъ отношеніи выдающуюся роль",—заключаетъ авторъ.

Задолженность русскаго правительства не останется безъ вліянія и на политическія судьбы Россіи, и политическому значенію государственнаго кредита посвящена особая статья разсматриваемаго нами изданія. Значеніе это покоится на естественномъ стремленіи кредиторовъ государства обезопасить себя отъ возможныхъ потерь вслѣдствіе несостоятельности послѣдняго. Они поэтому склонны поддерживать старые или новые политическіе порядки — въ зависимости отъ того, какіе изъ нихъ лучше гарантируютъ правильное полученіе ими процентовъ. Важнымъ условіемъ финансовой состоятельности государства служитъ контроль финансовъ со стороны народнаго представительства. И государственные кредиторы стоятъ за осуществленіе такого контроля. Россійскій обыватель хорошо оцѣнилъ значеніе этого обстоятельства въ исторіи нашихъ послѣднихъ лѣтъ, и вліянію иностранныхъ кредиторовъ приписываетъ, быть можетъ, даже преувеличенное значеніе въ созданіи нашей „конституціи". Заимодавцы воздѣйствуютъ въ данномъ случаѣ на правительство путемъ того или иного отношенія къ новымъ, заключаемымъ имъ займамъ; но въ случаяхъ съ мелкими государствами они прямо берутъ подъ свой контроль ихъ пошатнувшіеся финансы. Для защиты своихъ интересовъ государственные кредиторы учреждаютъ особыя корпораціи. По признанію

предсѣдателя „Корпораціи иностранныхъ держателей фондовъ“ въ Лондонѣ, задача ея заключается въ примѣненіи „моральной силы принужденія къ иностраннымъ государствамъ, заключающимъ займы, а также къ нашему собственному правительству, побуждая его дѣлать то, чего оно не хочетъ сдѣлать по доброй волѣ“ (стр. 322).

По поводу значенія иностранныхъ кредиторовъ Россіи въ политической борьбѣ, завязавшейся у насъ между властью и народомъ, считаемъ не лишнимъ указать на то обстоятельство, что, помимо держателей иностранныхъ фондовъ, успѣхъ государственнаго займа зависитъ отъ банкировъ, берущихъ на себя реализацію займовъ. Банкиры же руководствуются въ этомъ своими личными интересами, и за приличное вознагражденіе готовы рекомендовать своимъ кліентамъ и не особенно надежныя бумаги, поддерживая такимъ образомъ, въ ущербъ интересамъ дѣйствительныхъ кредиторовъ, — правительства, борющіяся за сохраненіе отжившаго строя. Путемъ такихъ пріемовъ и пріобрѣтало въ послѣдніе годы деньги русское правительство.

Г. Боголѣповъ высказываетъ въ своей книгѣ предположеніе, что, разочаровавшись въ возможности получить нужныя имъ средства путемъ займовъ, вдохновители нашей правительственной политики не остановятся передъ мѣрою нарушенія металлическаго денежнаго обращенія и станутъ фабриковать деньги при посредствѣ печатнаго станка. Мы считаемъ такой шагъ весьма возможнымъ со стороны людей, заботящихся не о благѣ страны, а томъ, чтобы возможно больше сохранить свои привилегіи. Прекращеніе размѣна кредитокъ не только освободитъ почти милліардный золотой фондъ для разсчета съ заграничными кредиторами, но и можетъ оживить на первое время промышленную жизнь страны, повышая, вслѣдствіе упадка курса, цѣну (въ кредитныхъ рубляхъ) вывозимыхъ за границу товаровъ и увеличивая такимъ образомъ покупательныя средства классовъ, производящихъ экспортные продукты. Чего же больше нужно людямъ, девизомъ которыхъ въ настоящее смутное время служитъ правило: послѣ насъ хоть потопъ!

Изъ всего, что̀ было говорено выше, читатель можетъ заключить, какіе интересные вопросы разсматриваются въ книгѣ М. И. Боголѣпова; и хотя далеко не всѣ заключенія автора достаточно обоснованы, нельзя не рекомендовать его трудъ вниманію читателя.

VIII.

— **Охрана жизни и здоровья работающихъ. Систематическое изложеніе профессіональной гигіены. Врача М. С. Уварова и фабричнаго инспектора московской губ. инженеръ-технолога П. М. Лялина. Москва. 1907. Ц. 3 р.**

Никто, кажется, не сомнѣвается нынѣ въ томъ, что старые порядки рушатся у насъ безвозвратно, и что новая Россія будетъ создаваться при широкомъ участіи въ строительствѣ представителей всего народа и отдѣльныхъ, свободно образующихся его группъ. Особенно рѣзко проявилось стремленіе къ новымъ порядкамъ со стороны рабочихъ классовъ и крестьянскаго населенія; и хотя въ законодательномъ порядкѣ для тѣхъ и другихъ въ послѣдніе годы сдѣлано очень мало, но собственными усиліями трудящееся населеніе достигло довольно значительныхъ результатовъ: пониженіе арендныхъ цѣнъ земли, повышеніе заработной платы сельско-хозяйственныхъ и фабрично-заводскихъ рабочихъ, ограниченіе часовъ работы на фабрикахъ и въ мастерскихъ и т. п. наблюдается въ послѣдніе годы на всемъ пространствѣ Россійской имперіи. Результаты эти достигнуты, главнымъ образомъ, путемъ стихійныхъ движеній, принимавшихъ подъ часъ дикія формы, такъ какъ планомѣрная, европейская борьба классовъ въ атмосферѣ царствующаго еще у насъ безправія и насилія, представляется, пожалуй, и невозможной. Но массы рабочаго класса проявляютъ совершенно ясное стремленіе выступить на путь такой борьбы; и однимъ изъ важнѣйшихъ и наиболѣе благотворныхъ результатовъ освободительнаго движенія нужно считать то тяготѣніе къ организаціи, которое обнаруживается теперь среди самыхъ разнообразныхъ профессій и съ которымъ, съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, борется правительство, мѣшая превращенію стихійнаго, полусознательнаго процесса въ планомѣрный и поддающійся общественному регулированію. Несмотря на всѣ препятствія, профессіональныя организаціи, однако, крѣпнутъ и разростаются, а вмѣстѣ съ тѣмъ чаще стали примѣняться и способы мирнаго улаживанія конфликтовъ рабочихъ съ хозяевами.

Систематическая работа организованныхъ группъ въ дѣлѣ улучшенія положенія труда допускаетъ бо́льшую планомѣрность усилій и цѣлесообразность путей достиженія желательныхъ результатовъ. А въ такомъ случаѣ пріобрѣтаетъ особенное значеніе распространеніе въ обществѣ научнаго освѣщенія всѣхъ тѣхъ частныхъ вопросовъ, совокупность которыхъ образуетъ практическую сторону одного великаго рабочаго вопроса. Задачу такого освѣщенія вопросовъ нѣкоторыхъ

категорій преслѣдуетъ трудъ авторовъ, названный въ заголовкѣ настоящей замѣтки.

Трудъ этотъ, какъ видитъ читатель, имѣетъ двойное заглавіе: болѣе общее („Охрана труда") и болѣе узкое („Систематическое изложеніе соціальной гигіены"). Это обстоятельство находится въ связи съ характеромъ книги, въ которой понятію профессіональной гигіены дается очень широкое толкованіе. „Гигіена труда,—говорятъ авторы,—должна, конечно, отмежеваться отъ вопросовъ чисто соціальныхъ, но такая задача довольно трудна, и граница должна по необходимости быть расплывчатой". „Для устраненія большинства недуговъ рабочей среды мы не можемъ прописывать рецептовъ, а должны мобилизировать цѣлый рядъ современныхъ культурныхъ пріобрѣтеній, на первый взглядъ какъ бы и не имѣющихъ отношенія къ гигіенѣ—страхованіе, потребительныя и ссудосберегательныя товарищества, организаціи развлеченій, отпуски и др.; должны коснуться квартирнаго вопроса, браковъ, нравственности и т. п.". Авторы, конечно, правы; и еслибы, напр., они произвели изслѣдованіе о томъ, какимъ образомъ страхованіе рабочихъ отразилось на состояніи ихъ здоровья, они не вышли бы изъ границъ своего предмета. Но включеніе авторами въ свой трудъ историческаго очерка страхованія рабочихъ, рабочихъ союзовъ, устава новаго профессіональнаго общества и т. п. — при наличности массы книгъ, спеціально посвященныхъ названнымъ предметамъ,—расширяетъ задачу изданія за предѣлы „систематическаго изложенія профессіональной гигіены".

Книга гг. Уварова и Лялина состоитъ изъ общей и спеціальной частей и добавочной статьи подъ заглавіемъ „Общій обзоръ положенія трудящагося населенія въ Россіи", не выражающимъ, впрочемъ, ея содержанія. Первая часть, по объему немного уступающая второй, разсматриваетъ общія начала и общія условія работы и жизни трудящихся и разъясняетъ связь между обстановкой фабричнаго быта и тѣми или другими ненормальностями и болѣзненными состояніями организма рабочихъ различныхъ профессій. Начинается она статьей о физіологіи физической работы и разстройствахъ организма, вызываемыхъ продолжительностью и напряженностью различныхъ работъ [1]). Затѣмъ идетъ разсматриваніе санитарныхъ условій работы на открытомъ воздухѣ, въ мастерскихъ и фабрикахъ съ машинами, станками

[1]) Замѣтимъ кстати, что при объясненіи пріемовъ опредѣленія физіологической нормы работы у Сѣченова, основанныхъ на сравнительной продолжительности, при различныхъ движеніяхъ, фазы дѣятельности мышцъ и ихъ покоя, упущенъ изъ виду факторъ напряженности или быстроты движеній, и разсужденіе ведется такимъ образомъ, какъ будто быстрая, напр., ходьба въ теченіе десяти часовъ требуетъ такого же послѣдовательнаго отдыха, какъ и медленная.

и другими приспособленіями, работы надъ матеріалами, дающими пыль, вредныя испаренія и т. п. Послѣ того излагаются основанія нормальныхъ отношеній питанія, одежды и жилища рабочихъ и фактическое положеніе дѣлъ. Особая глава посвящена женскому и дѣтскому труду. Общая часть книги заканчивается разборомъ весьма неполнаго статистическаго матеріала о заболѣваніяхъ, смертности и несчастныхъ случаяхъ въ различныхъ профессіяхъ, и жиденькими параграфами объ общественныхъ предохранительныхъ мѣрахъ противъ заболѣваній и несчастныхъ случаевъ и о мѣрахъ обезпеченія пострадавшихъ.

Спеціальная часть книги посвящена условіямъ работы и быта рабочихъ въ отдѣльныхъ крупныхъ промышленныхъ отрасляхъ. Вслѣдствіе бѣдности матеріала о фабричномъ бытѣ, главную часть этого отдѣла пришлось ограничить изложеніемъ технической стороны производства и санитарной его обстановки, съ указаніемъ особенно опасныхъ моментовъ работы, способовъ предупрежденія несчастій и устраненія вредныхъ факторовъ производства.

Книга, трактующая объ охранѣ рабочихъ, не можетъ, конечно, не пытаться опредѣлить численность послѣднихъ и ихъ распредѣленіе по поламъ, возрастамъ, по различнымъ профессіямъ и отраслямъ производства. Такія исчисленія имѣются и въ разсматриваемомъ нами трудѣ, при чемъ авторы выходятъ даже изъ предѣловъ прямой своей задачи и пытаются опредѣлить сравнительную численность въ Россіи земледѣльческаго и промышленнаго классовъ. Основываясь на нѣкоторыхъ данныхъ и соображеніяхъ, они вопреки общепринятому мнѣнію утверждаютъ, что земледѣліемъ въ Россіи занимается гораздо меньше половины населенія. „Выводъ, быть можетъ, и неожиданный; но солидно опровергнуть его мы не можемъ", добавляютъ авторы (стр. 554). Заключеніе это они основываютъ, главнымъ образомъ, на таблицѣ о главныхъ занятіяхъ населенія въ изданіи „Общій сводъ результатовъ разработки данныхъ въ первой всеобщей переписи населенія". Въ этой таблицѣ значится, что изъ 33 милліоновъ лицъ, составляющихъ „самостоятельное" населеніе Россіи, на долю сельскаго хозяйства приходится около 17 милліоновъ. Авторы полагаютъ, что подъ „самостоятельнымъ" въ переписи понимается работающее, профессіональное населеніе, и что указанное выше соотношеніе цифръ опредѣляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и сравнительный численный составъ земледѣльческой и неземледѣльческихъ профессій. Между тѣмъ въ томъ самомъ изданіи, изъ котораго они заимствуютъ свои данныя, разъясняется, что во всѣхъ занятіяхъ, кромѣ земледѣлія, понятіе самостоятельности имѣетъ дѣйствительно значеніе „непосредственнаго участія въ занятіи"; въ земледѣліи же этимъ понятіемъ выражаются

имущественныя отношенія, и въ рубрику „самостоятельныхъ“ заносились лишь хозяева двора или надѣла, независимо отъ ихъ пола и возраста, а прочіе члены семьи — работающіе на землѣ или нѣтъ — соединялись воедино подъ именемъ несамостоятельныхъ. Еслибы послѣ такого разъясненія вы пожелали полнѣе учесть число земледѣльцевъ, то, въ отношеніи по крайней мѣрѣ мужского пола, къ числу самостоятельныхъ слѣдовало бы прибавить почти все число взрослыхъ, зачисленныхъ въ отдѣлъ несамостоятельнаго земледѣльческаго населенія, по тому соображенію, что въ простомъ народѣ нѣтъ праздно живущихъ людей, и членъ крестьянской семьи, не занесенный при переписи ни въ какую профессію, занимается вѣроятно сельскимъ хозяйствомъ. Въ такомъ случаѣ мужчинъ-земледѣльцевъ оказалось бы слишкомъ въ 1½ раза больше, чѣмъ мужчинъ-самостоятельныхъ въ сельскомъ населеніи, и сельское хозяйство оказалось бы привлекающимъ къ себѣ почти въ три раза больше рабочихъ, чѣмъ всѣ остальныя занятія.

Болѣе близкое знакомство авторовъ съ „Общимъ Сводомъ“ данныхъ всероссійской переписи позволило бы имъ точнѣе учесть и то рабочее населеніе, охранѣ котораго посвященъ ихъ солидный трудъ. Авторы основательно подвергаютъ сомнѣнію правильность показаній таблицы переписи о главныхъ занятіяхъ населенія и предполагаютъ, что, по причинѣ производства переписи зимою, многіе представители лѣтнихъ промышленныхъ занятій, опрошенные на мѣстѣ ихъ постояннаго жительства въ крестьянской семьѣ, показали себя земледѣльцами. Изъ того, что̀ было разъяснено выше, слѣдуетъ, что многіе такіе промышленники, дѣйствительно, были зачислены въ число „самостоятельныхъ“ въ области сельскаго хозяйства, но не вслѣдствіе неправильнаго ихъ показанія о своей профессіи, а потому что они были хозяевами надѣловъ. Но ихъ подлинное занятіе не ускользнуло благодаря этому отъ учета; оно только показано въ другой таблицѣ, въ качествѣ дополнительнаго занятія при сельскомъ хозяйствѣ. И если бы авторы „Охраны рабочихъ“ перелистали весь II томъ „Общаго свода данныхъ переписи“, они бы натолкнулись на эту таблицу и нашли бы въ ней не только промышленныхъ рабочихъ, зачисленныхъ въ группу самостоятельныхъ въ области сельскаго хозяйства, но и число лицъ, занимающихся промысломъ, какъ дополненіемъ къ земледѣлію. Эта таблица значительно бы измѣнила разсчеты авторовъ относительно распредѣленія рабочаго населенія Россіи по занятіямъ, поламъ и возрастамъ. Достаточно, напр., указать, что число лицъ, занятыхъ обработкой волокнистыхъ веществъ, при полномъ учетѣ всѣхъ работающихъ, опредѣляется, согласно переписи, не въ одинъ милліонъ, какъ считаютъ гг. Уваровъ и Ляпинъ, а въ три милліона.

Несмотря на эти промахи въ разсчетахъ о числѣ трудящагося населенія, книга гг. Уварова и Лялина сохраняетъ свое значеніе курса профессіональной гигіены—въ каковомъ испытывается у насъ большая нужда—и получитъ, конечно, широкое распространеніе.—В. В.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Байронъ. — Шильонскій узникъ. Поэма. Новый переводъ В. Ф. М. 907. Ц. 15 к.

Башмаковъ, А.—Избирательная реформа въ Австріи и выборы въ рейхсратъ по новому закону о всенародномъ голосованіи. Спб. 907.

Бланъ, Луи.—Исторія революціи 1848 года. Перев. С. Ч., съ критическимъ очеркомъ Е. Колбасина: „О Луиблановскомъ соціализмѣ". Спб. 907. Ц. 3 р.

Бородкинъ. М.—Современныя бесѣды: II. О соціализмѣ. III. Національный вопросъ. IV. Военный вопросъ. Спб. 907.

Бороздинъ, А.—Литературныя характеристики. XIX-ый вѣкъ. Съ 3 портр. Спб. 907. Ц. 1 р. 75 к.

Бутовскій, А.—О школьномъ товарищескомъ судѣ. Спб. 907.

Галкинъ-Врскій, ст.-секрет.—Предварительный отчетъ Главноуполномоченнаго Попечительства трудовой помощи. Трудовая помощь въ неурожайныхъ губерніяхъ съ сент. 1905 г. по декабрь 1906 г. Спб. 907.

Гаршинъ, Всеволодъ.—Разсказы. Съ біографіею, написанной А. М. Скабичевскимъ, и съ четырьмя портретами. Изд. 11-ое, Литературнаго фонда. Спб. 907. Ц. 2 р.

Дауге, П.—Философія и Тактика. М. 907. Ц. 10.

Дицгенъ, Іос.—Мелкія философскія статьи. Съ нѣм. Г. Гуссотъ. Подъ ред. П. Дауге. Спб. 907. Ц. 80 коп.

Ефименко, А.—Исторія Украйны и ея народа. Съ портр. и рис. Спб. 907. Ц. 50 к.

Кадеръ, С.—Нефть и ея дериваты, какъ товаръ и предметъ обложенія налогомъ. Могил.-на-Дн. 907.

Кажановъ, Н.—Соціально-хозяйственная эволюція и смѣна цивилизацій. Эскизъ. Съ предисловіемъ проф. А. Скворцова. Спб. 907. Ц. 55 коп.

Катаевъ, Н.—Учебникъ Русской исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Вып. 1. М. 907. Ц. 50 к.

Клингенгеферъ, О. — О современномъ положеніи зубоврачебнаго дѣла въ Россіи. Спб. 906.

Кони, А.—Воспоминанія о князѣ Урусовѣ. М. 907.

Кроль, А.—Другъ дѣтей. Очерки изъ жизни проф. Н. И. Быстрова. Спб. 907. Ц. 50 к.

Лоджъ, сэръ Оливеръ.—Школьное обученіе и реформа школы. Перев. п. р. В. Лермонтова. Спб. 907. Ц. 70 к.

М. А.—Послѣднее политическое движеніе въ Персіи, по разсказамъ персовъ-тегеранцевъ, съ 20-ю рис. и съ приложеніемъ нѣкоторыхъ документовъ. Вып. 1—2. Спб. 907. Ц. по 40 коп.

Мережковскій, Д.—Трилогія. — Христосъ и Антихристъ. II. Воскресшіе боги. Леонардо да Винчи. Спб. 907. Ц. 3 р. 50 к.

——— Вѣчные спутники. Ибсенъ. 3-е изд. Спб. 907. Ц. 30 к.

Миклашевскій, Ал.—Арбитражъ и соглашеніе въ промышленныхъ спорахъ. Юрьевъ-Дерптъ. 907. Ц. 50 к.

Мюллеръ, А.—Рабочіе секретаріаты и страхованіе рабочихъ въ Германіи. Съ предисл. и статьей проф. И. Озерова. М. 907. Ц. 1 р.

Ницше, Фр. — Антихристіанинъ. Опытъ критики христіанства. Перев. В. Флеровой, подъ ред. А. Ефименко. Спб. 907. Ц. 75 к.

Нѣмоевскій, А.—Изъ-подъ пыли вѣковъ. I: Сократъ. Перев. Е. Леонтьевыхъ. Спб. 907. Ц. 1 р.

Парщинъ, А.—Что такое государство? Научное изслѣдованіе природы государства. М. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Плетневъ, Алексѣй.—Программы будущаго соціальнаго строя. Выборгская программа. Спб. 907. Стр. 16. Ц. 15 к.

Полиловъ-Сѣверцевъ, Г. Т.—Наши дѣды-купцы. Бытовыя картины начала XIX-го вѣка. Съ рис. Спб. 907.

Полянскій, Н. Н. — Стачка рабочихъ и уголовный законъ. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Пясецкій, Л.—Алгебра для среднихъ учебныхъ заведеній. Ч. V. Спб. 907. Ц. 50 к.

Райскій, Д.—К. С. Аксаковъ о свободѣ совѣсти, свободѣ слова и печати. Спб. 907. Ц. 20 к.

Рахмановъ, А.—Неврофибрилла и хроматофильное вещество въ нервныхъ клѣткахъ. Спб. 907.

Редлихъ, Іос. — Англійское мѣстное управленіе. Съ нѣм. Ф. Ельяшевичъ, съ вступит. статьей проф. Виноградова. Т. I. Спб. 907. Ц. 3 р.

Ремизовъ, А.—Лимонарь, сирѣчь: Лугъ духовный. Спб. 907. Ц. 60 к.

Рождественъ, А.—Петръ Дмитріевичъ Шестаковъ. Очеркъ жизни и педагогической дѣятельности. Каз. 907. Ц. 75 к.

Роландъ-Гольстъ, Генріета. — Этюды о соціалистической этикѣ. Съ нѣм. Ш. Гершеръ, подъ ред. П. Дауге. М. 907. Ц. 20 к.

Суворовъ, П. — Къ вопросу о равноправіи. Положеніе русскихъ въ Финляндіи и финляндцевъ въ Имперіи. Спб. 907. Ц. 30 к.

Сукенниковъ, М.—Девятое Термидора. Спб. 907. Ц. 15 к.

Тульчинскій, К. Н.—Очеркъ полезныхъ ископаемыхъ русскаго Сахалина. Спб. 907.

Яснопольскій, проф. Н. П.—Спеціализація учебныхъ плановъ преподаванія и занятій науками юридическими, государственными и экономическими въ университетахъ Россіи. Кіевъ. 907.

Эльснеръ, Анат.—Сойдите внизъ! Поэма. Ц. 20 к. Спб. 907.

— Аграрный вопросъ. Изд. Аграрной Коммиссіи партіи Народной Свободы. Спб. 907. Ц. 2 р. 50 к.

— Библіотека Декабристовъ. Вып. 4-ый. 1907 годъ. Политическая жизнь въ Россіи. М. А. Фонъ-Визинъ.—Проектъ конституціи Н. Муравьева. М. 907. Ц. 90 к.

— Библіотека „Освободительнаго движенія": Первые борцы. Вып. 1. Спб. 907. Ц. 25 к.

— Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. Сезонъ 1904—1906 г. Ред. П. П. Гнѣдичъ. Вып. XV, съ приложеніемъ: Н. Дризенъ, Стопятидесятилѣтіе Имп. театровъ. Спб. 907.

— Изданія журнала „Русская Школа“: 1) А. Красевъ, Чтò могутъ и должны давать наши начальныя народныя училища. Спб. 907. Ц. 75 к. 2) А. Готлибъ, Очеркъ народнаго образованія въ Швейцаріи. Спб. 907. Ц. 50 к. 3) П. Скворцовъ, Гигіена воспитанія и образованія. Спб. 907. Ц. 1 р.

— Изданія С. Скирмунта: 1) Іос. Дингенъ, Философія соціалъ-демократіи.— Сборникъ мелкихъ философскихъ статей. Ц. 60 к.—2) Э. Махъ, Анализъ ощущеній и отношеніе физическаго къ психическому. Ц. 75 к. 3) В. Зомбартъ, Соціализмъ и соціальное движеніе. Ц. 60 к.

— Изданія товарищества „Знаніе“: 1) Сборникъ Товарищества „Знаніе“ за 1907 годъ. Кн. XVII: М. Горькій, А. Черешновъ, В. Вересаевъ и Н. Гаринъ. Ц. 1 р.—2) Леонидъ Андреевъ, т. IV: Разсказы и пьесы. Ц. 1 р.—3) Фридр. Энгельсъ, Жилищный вопросъ. Ц. 15 к. — 4) Г. Григорьевъ, Краткій курсъ химіи. Изд. 5-ое. Ц. 80 к. — 5) Нѣкоторыя замѣчанія о теоріи и практикѣ марксизма. Франца Меринга. Ц. 8 к. — 6) К. Каутскій, Революціонныя перспективы. Ц. 10 к. Спб. 907.

— Московская губернія по мѣстному обслѣдованію 1898—1900 гг. Т. III: Комбинаціонныя таблицы основныхъ статистическихъ свѣдѣній объ экономическомъ положеніи крестьянскихъ семей Московской губерніи. Вып. 1.— Томъ IV. Земледѣльческое хозяйство. Вып. 1. М. 907.

— Отчетъ двадцать-третій Попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ. 1905 годъ. Спб. 906.

— Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ за 1906 годъ. М. 907.

— Отчетъ Спб. Пожарной Команды за 1906 годъ. III. Спб. 907.

— Политическая Энциклопедія, подъ ред. Л. З. Слонимскаго. Т. I, вып. 4-й: Выборы—Драго. Спб. 907. Ц. 1 р.

— Проектъ учебнаго плана по математикѣ для мужскихъ гимназій. Кіевъ. 907.

— Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Архива Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Вып. XIII. Состав. Н. Дубровинъ. Спб. 906.

— Харбинъ и О—во К.-В. Ж. Д. Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ О—ва Кит.-Вост. ж. дор. и населенія г. Харбина. Харб. 907.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1907 г.

Событія въ южной Франціи.—Палата депутатовъ и министерство Клемансо.—Новый австрійскій парламентъ и императоръ Францъ-Іосифъ. — Внутреннія дѣла Германіи и Пруссіи.

Чрезвычайно странное революціонное движеніе возникло и разгорѣлось въ южной Франціи. Направленное противъ правительства и парламента, оно не имѣло, однако, никакого политическаго характера— по крайней мѣрѣ въ сознаніи своихъ вождей и участниковъ; возникши на почвѣ экономическаго кризиса, вызваннаго упадкомъ сбыта мѣстныхъ винъ, оно не выдвигало никакихъ опредѣленныхъ экономическихъ требованій и не обнаруживало никакой связи съ программами и стремленіями соціализма. Это было возстаніе бѣдняковъ, но не бездомныхъ рабочихъ, а собственниковъ и промышленниковъ, мелкихъ хозяевъ-крестьянъ, доведенныхъ неблагопріятными обстоятельствами до тяжелой матеріальной нужды и отчасти даже до нищенства. Бѣдствіе происходило не отъ неурожая и не отъ перепроизводства; напротивъ, виноградники не обманули ожиданій владѣльцевъ, и количество продуктовъ соотвѣтствовало обычной нормѣ; общая же площадь земли, отведенной подъ винодѣліе, значительно сократилась за послѣдніе годы, и она теперь гораздо меньше, чѣмъ въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Постепенное уменьшеніе спроса и цѣнъ на мѣстныя вина чувствовалось уже давно, и заинтересованная часть населенія старалась по возможности приспособиться къ измѣнившимся условіямъ рынка; но кризисъ все болѣе обострялся, одновременно съ расширеніемъ оборотовъ производителей искусственныхъ и поддѣльныхъ винъ. Приготовленіе напитковъ этой послѣдней категоріи, съ примѣсью сахара и разныхъ другихъ веществъ, сдѣлалось спеціальностью многихъ крупныхъ фирмъ и приносило имъ огромныя выгоды, тогда какъ настоящія природныя вина не находили покупателей или должны были продаваться въ убытокъ. Винодѣліе южныхъ департаментовъ, долго служившее для нихъ источникомъ обогащенія, перестало кормить населеніе; бѣдствовавшіе обыватели волновались, настойчиво требовали рѣшительныхъ мѣръ противъ фальсификаціи винъ и громко выражали свое неудовольствіе противъ министровъ и депутатовъ, слишкомъ мало озабоченныхъ, повидимому, насущными интересами юга. Въ разныхъ мѣстахъ образовались комитеты для защиты

и обсужденія нуждъ винодѣлія, собирались шумные митинги и постановлялись резолюціи, отвѣчавшія общему настроенію, — но всѣ эти отдѣльныя, разрозненныя манифестаціи проходили безслѣдно и едва обращали на себя вниманіе Парижа, давая лишь матеріалъ для случайныхъ газетныхъ замѣтокъ и корреспонденцій подъ скучной рубрикой: „La crise viticole". Вскорѣ дѣло совершенно измѣнилось: движеніе нашло своего организатора и руководителя, своего вдохновеннаго пророка, и вся французская печать заговорила о новомъ популярнѣйшемъ героѣ южной Франціи, Марселенѣ Альберѣ, обывателѣ мѣстечка Аржельѐ въ департаментѣ Одъ, предсѣдателѣ мѣстнаго комитета винодѣловъ. Скромный труженикъ, человѣкъ уже пожилой, ничѣмъ не выдѣлявшійся изъ ряда своихъ согражданъ, оказался обладателемъ драгоцѣннѣйшихъ качествъ народнаго вождя, способнымъ вызывать энтузіазмъ человѣческихъ массъ и вести ихъ за собою безпрекословно, объединяя всѣхъ однимъ чувствомъ и одной вѣрой. Французы, особенно южные, при своемъ живомъ темпераментѣ, почти всѣ умѣютъ говорить публично; ораторскіе таланты легко развиваются на просторѣ свободной политической жизни, и еслибы Марселенъ Альберъ отличался только даромъ краснорѣчія, онъ не могъ бы пріобрѣсть ту неодолимую, чарующую и подавляющую власть надъ толпой, какая выпала ему на долю съ первыхъ шаговъ его новой агитаторской дѣятельности. Какъ одинъ изъ пострадавшихъ отъ общаго кризиса, онъ бросился въ это движеніе съ искреннею цѣлью помочь горю, поддержать энергію и бодрость духа въ товарищахъ по несчастію, не думая о послѣдствіяхъ, и результаты его усилій были неожиданны для него самого: онъ очутился въ положеніи человѣка, отвѣтственнаго за дѣйствія и рѣшенія сотенъ тысячъ людей, готовыхъ слѣпо подчиняться его призывамъ и совѣтамъ. Онъ заражалъ слушателей своею твердою вѣрой въ торжество праваго дѣла, воодушевлялъ своею глубокой сердечностью и простотою, и вездѣ, гдѣ онъ появлялся на митингахъ, его встрѣчали, какъ „спасителя", или „искупителя", призваннаго указать народу выходъ изъ удручающихъ его бѣдствій. Маленькій комитетъ мѣстечка Аржелье сталъ руководящимъ центромъ для населенія четырехъ департаментовъ, и глава этого комитета былъ фактически полновластнымъ диктаторомъ, „Наполеономъ юга", отъ котораго всецѣло зависѣлъ вопросъ о войнѣ или мирѣ.

Слава Марселена Альбера достигла своего апогея въ грандіозной манифестаціи 9 іюня (нов. ст.) въ Монпелье, при участіи съѣхавшихся винодѣловъ и ихъ делегацій изъ всѣхъ округовъ и городовъ южной Франціи, съ соотвѣтственными случаю знаменами, съ надписями болѣе грустными, чѣмъ революціонными. Это было сборище чуть ли не полумилліона людей, ожидавшихъ какъ бы рѣшенія своей участи.

На митингѣ, въ небольшой привѣтственной рѣчи, мэръ города обратился спеціально къ членамъ комитета Аржелье: „Смѣлые иниціаторы неотразимаго порыва, охватившаго весь нашъ дорогой югъ,—мы гордимся вами; наши сердца бьются заодно съ вашими сердцами, рука объ руку съ вами мы послѣдуемъ за вами повсюду, куда поведетъ васъ вѣра въ правоту нашего дѣла и въ его будущее торжество. Поднятое вами знамя, которое вы держите высоко и твердо и подъ которымъ склоняются теперь взволнованныя массы, — не есть ли это знамя Франціи? Довольно долго это знамя означало: „Честь мужеству несчастныхъ!“ Теперь пусть оно развѣвается надъ братскимъ непобѣдимымъ единеніемъ, съ девизомъ: „Исполни свой долгъ! Долой подделку! Да здравствуетъ югъ!“ Марселенъ Альберъ, которому толпа устроила шумную и продолжительную овацію, напомнилъ слушателямъ послѣдовательный ходъ всего движенія и опредѣлилъ дальнѣйшую его программу. „Всего три мѣсяца тому назадъ—сказалъ онъ между прочимъ—я одинъ только видѣлъ наше спасеніе въ общемъ подъемѣ южной совѣсти; я одинъ только мечталъ о томъ, что югъ возстанетъ какъ одинъ человѣкъ и скажетъ цѣлой Франціи: „мы — не паріи, надо съ этимъ покончить!“ Но нѣкоторые друзья меня поняли, мои соотечественники согласились со мною,—и теперь наконецъ, здѣсь въ Монпелье, весь собравшійся югъ поднимаетъ свой голосъ, взывая о помощи. Здѣсь находится восемьсотъ тысячъ человѣкъ! Это самая страшная армія труда, какую когда-либо видѣли. Она, конечно, миролюбива, но она готова на все, — это армія бѣдняковъ; она имѣетъ одно только знамя — знамя нужды; она имѣетъ одну только цѣль — завоеваніе хлѣба. Въ послѣдній разъ пусть всѣ слышатъ: мы хотимъ продавать наше вино! Болѣе чѣмъ когда-либо мы должны оставаться едиными, безъ различія партій или классовъ. Ни ревности, ни честолюбія, ни ненависти, ни политики! Все для защиты винодѣлія! Цвѣтущій, плодородный югъ умираетъ. Поможемъ другъ другу, товарищи! Соединимся всѣ! Пусть галльская и французская кровь течетъ въ нашихъ жилахъ, и пусть въ одномъ братскомъ порывѣ написана будетъ нами хорошая новая страница южной исторіи. И всѣ будущія поколѣнія найдутъ въ ней образцы для защиты своего права, своей независимости, своей свободы. Согласны ли вы, что нужно прибѣгнуть къ энергическимъ мѣрамъ? Вы рѣшились не платить болѣе налоговъ. Пусть же не приходятъ въ наши общины брать то, чего у васъ нѣтъ. Вы постановили на митингѣ въ Безьѣрѣ, въ видѣ ультиматума, срокъ котораго истекаетъ сегодня, что всѣ общинные совѣты и общинныя власти союзныхъ департаментовъ должны выйти въ отставку въ теченіе трехъ дней, если мы не получимъ удовлетворенія. Часъ насталъ. Гражданинъ Ферруль, мэръ Нарбонны, мой вѣрный помощникъ, дастъ

вамъ примѣръ. Провозглашена отставка всѣхъ муниципалитетовъ. Да здравствуетъ югъ! Да здравствуетъ природное вино!" И опять безконечная овація, восторженные возгласы толпы въ честь „искупителя", Марселена Альбера. На трибуну всходитъ докторъ Ферруль, мэръ Нарбонны. „Сигналъ данъ, — говоритъ онъ.—Марселенъ Альберъ подалъ сигналъ забастовки налоговъ и забастовки политической. Теперь югъ перестаетъ говорить,—онъ начинаетъ дѣйствовать. Можно было бы ничего не сказать больше, но мы не можемъ оставить безъ отвѣта вызовъ, брошенный намъ органами правительства. Насъ обвиняютъ въ томъ, что мы поддаемся вліянію реакціонеровъ, что мы вовсе не воплощаемъ собою юга, поднявшагося для защиты своей жизни. Мы протестуемъ противъ этого обвиненія и противъ безсознательныхъ властей, неспособныхъ съ достаточною энергіею исполнять свои прямыя обязанности. Нашъ югъ протестуетъ противъ бездѣйствія правительства, ибо мы умираемъ съ голоду и мы хотимъ жить. Муниципальная жизнь должна исчезнуть. Ни одинъ честный муниципалитетъ, достойный быть южнымъ, не останется на мѣстѣ. На васъ возлагается исполненіе этого декрета бѣдняковъ. Этой южной землѣ, столь великодушной и плодородной, столь долго питавшей пиратовъ и паразитовъ, мы клянемся доставить счастье и процвѣтаніе. А теперь, граждане, будемъ дѣйствовать! Завтра вечеромъ, по звуку колокола, я брошу въ лицо правительства свой шарфъ мэра". Среди всеобщаго возбужденія одинъ изъ присутствовавшихъ мэровъ заявляетъ, что, какъ старѣйшій мэръ департамента, онъ тутъ же немедленно бросаетъ свой шарфъ. Въ заключеніе Марселенъ Альберъ торжественно произноситъ клятву союзниковъ и кончаетъ словами: „кто повредитъ нашему дѣлу, тотъ будетъ судимъ и осужденъ". Толпа проноситъ своего героя на рукахъ до ратуши, гдѣ онъ съ балкона говоритъ на прощаніе: „Будемъ едины. Ни политики, ни соперничества, ни споровъ! Особенно соблюдайте спокойствіе. Мы сражаемся за правое дѣло. Митингъ принялъ размѣры, которые возбудятъ уваженіе. Будемъ дѣйствовать, но сохранимъ спокойствіе".

Размѣры митинга были дѣйствительно необыкновенны: одна желѣзная дорога доставила 250 поѣздовъ съ манифестантами; изъ окрестныхъ селъ прибыло 27.000 телѣгъ, наполненныхъ людьми, и болѣе 2.500 велосипедовъ, не считая автомобилей. Настроеніе было возбужденное, приподнятое, антиправительственное, но безъ всякаго политическаго или партійнаго оттѣнка; нѣкоторое чувство злобы прорывается иногда противъ отсутствующихъ депутатовъ, и по рукамъ ходитъ афиша, ядовито изображающая поведеніе французскаго парламента въ двухъ различныхъ засѣданіяхъ: „Засѣданіе 22 ноября 1906. Увеличеніе жалованья депутатовъ до 15.000 франковъ. Присутствуютъ

530 депутатовъ. Увеличеніе принимается немедленно. — Засѣданіе 7 іюня 1907. Обсужденіе кризиса винодѣлія. Присутствуютъ 25 депутатовъ. Никакого рѣшенія". Это простое, но краснорѣчивое сопоставленіе должно служить наглядной общедоступной сатирой на своекорыстныхъ парламентскихъ дѣльцовъ, но въ сущности оно характеризуетъ лишь наивную простоту ума самихъ критикующихъ: еслибы кризисъ винодѣлія могъ быть улаженъ ассигнованіемъ опредѣленной суммы, хотя бы до 15 милліоновъ франковъ, то палата, вѣроятно, разрѣшила бы вопросъ такъ же быстро и легко, какъ она приняла проектъ объ увеличеніи содержанія депутатовъ. Послѣдній проектъ можно было принять или отвергнуть, но обсуждать его или спорить о немъ не было надобности, ибо никакихъ сложныхъ вопросовъ онъ не касался и не затрагивалъ; между тѣмъ кризисъ винодѣлія не только не даетъ матеріала для ясныхъ и простыхъ рѣшеній, но напротивъ, задѣваетъ очень трудныя и едва ли устранимыя хозяйственныя проблемы, которыя, быть можетъ, даже безполезно обсуждать съ точки зрѣнія практической политики. Какъ заставить потребителей покупать природныя южно-французскія вина, когда они упорно предпочитаютъ болѣе вкусные поддѣльные напитки? Помогутъ ли самыя суровыя мѣры противъ фальсификаціи, если послѣдняя одобряется и поддерживается публикою? Наконецъ, имѣемъ ли мы основаніе предположить, что даже съ полнымъ устраненіемъ поддѣлки покупатели обратятся опять къ природнымъ южно-французскимъ винамъ, а не къ какимъ-нибудь другимъ, болѣе утонченнымъ суррогатамъ? Правительство и парламентъ, очевидно, совершенно безсильны или, вѣрнѣе, некомпетентны въ дѣлѣ обезпеченія сбыта такого товара, на который почему-либо нѣтъ спроса; единственное, что̀ могло бы сдѣлать государство, — это самому явиться покупателемъ или побудить своихъ агентовъ принять участіе въ пріобрѣтеніи и потребленіи даннаго продукта, что̀ отчасти и устроилось косвенно при занятіи извѣстныхъ мѣстностей войсками: нѣкоторое количество запасовъ мѣстнаго вина ушло на армію, на ея многочисленный офицерскій и штабный персоналъ. Простодушные южные винодѣлы приписываютъ государственной власти такую силу, какой она вовсе не имѣетъ; они ждутъ своего спасенія отъ новыхъ законовъ и назначаютъ для ихъ изданія кратчайшій срокъ, чтобы какъ можно скорѣе покончить съ тяжелымъ кризисомъ. Правительство въ свое время выработало и внесло въ палату законопроектъ, подробно предусматривающій разные виды фальсификаціи винъ; между прочимъ, наложенъ дополнительный крупный акцизъ на сахаръ, употребляемый для подслащенія напитковъ,—противъ чего настойчиво протестовали сахарозаводчики сѣверныхъ департаментовъ. Обсужденіе закона въ палатѣ вызывало различныя воз-

раженія и поправки со стороны представителей заинтересованныхъ отраслей промышленности, и оно не могло идти такимъ быстрымъ темпомъ, какъ того желали Марселенъ Альберъ и его товарищи. Но можно быть заранѣе увѣреннымъ, что положеніе южно-французскаго винодѣлія мало измѣнится послѣ принятія спасительныхъ законодательныхъ мѣръ; условія производства и рынка не легко поддаются внѣшнему искусственному воздѣйствію, тѣмъ болѣе, что существуютъ многочисленные способы обхода неудобныхъ законовъ и постепеннаго приспособленія къ нимъ. Мы видимъ въ Сѣверной Америкѣ, въ какихъ разнообразныхъ и энергическихъ формахъ ведется борьба противъ обширныхъ промышленныхъ синдикатовъ или трёстовъ и какъ ничтожны положительные результаты, достигнутые до сихъ поръ въ этомъ направленіи; трёсты усиливаются и процвѣтаютъ, вопреки всѣмъ преслѣдованіямъ и реформаторскимъ попыткамъ властныхъ противниковъ. Злоупотребленія крупной промышленности слишкомъ тѣсно связаны съ ея организаціею и внутреннею природою, чтобы можно было успѣшно бороться съ ними при помощи чисто внѣшнихъ мѣропріятій; въ данномъ же случаѣ, въ вопросѣ о винодѣліи, дѣло идетъ не о чьихъ-либо злоупотребленіяхъ, а объ упадкѣ сбыта или цѣнъ, имѣющемъ, вѣроятно, свои общія причины, независимо отъ конкурренціи фальсификаторовъ. Какъ бы то ни было, южно-французскіе винодѣлы недовольны правительствомъ и объявили забастовку муниципалитетовъ и отказъ въ уплатѣ прямыхъ налоговъ; въ особой мотивированной инструкціи, за подписью Марселена Альбера и членовъ комитета Аржелье, предлагается всѣмъ союзнымъ общинамъ, начиная съ 10 іюня, исполнить одобренное въ Монпелье рѣшеніе, согласно ультиматуму, принятому единодушно 500.000 винодѣловъ послѣ митинга 12 мая въ Безьѐрѣ. „Мы должны идти безъ насилія—сказано въ „инструкціи“—по законному пути, на который мы вступили, и прогрессивно и послѣдовательно пользоваться тѣми средствами, которыя наше право или наша сила предоставитъ въ наше распоряженіе. Было бы фатально для нашего дѣла—исчерпать однимъ ударомъ всѣ наши средства защиты. Направленіе должно быть единое, повиновеніе и дисциплина—полныя... Никакихъ безпорядковъ! Часъ еще не насталъ, и мы хотимъ еще надѣяться, что онъ никогда не настанетъ. Прежде чѣмъ рѣшиться на крайнія мѣры и принять на себя подавляющую отвѣтственность, мы обязываемся спросить васъ всѣхъ“.

Съ этого момента начинается пассивная борьба цѣлаго края противъ правительства; въ короткое время около пятисотъ муниципалитетовъ послѣдовало призыву комитета Аржелье, и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчается поворотъ въ настроеніи массъ. Настоятельные совѣты соблюдать законность и порядокъ не приводятъ къ желанной цѣли; въ

толпѣ просыпаются враждебныя чувства къ полиціи и жандармамъ, а также къ содѣйствующимъ имъ отрядамъ войска. Въ Монпелье, на другой день послѣ митинга, арестованъ былъ человѣкъ, державшій знамя съ надписью: „Долой фальсификаторовъ! Всѣ—въ Парижъ! Да здравствуетъ революція!“ Публика требовала его освобожденія, окружила полицейское управленіе и бросала камнями въ конныхъ жандармовъ; одинъ офицеръ былъ тяжело раненъ, и самъ префектъ едва выбрался изъ толпы, которую хотѣлъ успокоить послѣ того, какъ арестованный былъ уже выпущенъ на свободу. Правительство отнеслось вполнѣ серьезно къ возвѣщенной политической и податной забастовкѣ южныхъ общинъ; глава кабинета, министръ внутреннихъ дѣлъ, Клемансо, разослалъ всѣмъ мэрамъ, заявившимъ о своей отставкѣ, весьма длинное и обстоятельное письмо, въ которомъ подробно объяснилъ весь вредъ и практическую безцѣльность принятаго рѣшенія. Посланіе Клемансо, представляющее собою цѣлую диссертацію, заключаетъ въ себѣ много разумныхъ мыслей и проникнуто миролюбивымъ, снисходительнымъ тономъ; но доводы разсудка не могли уже повліять на разгоряченные умы. Волненія и безпорядки разростаются до того, что приходится поневолѣ обращаться къ содѣйствію вооруженной силы; въ извѣстные пункты посылаются войска; нѣкоторые изъ руководителей движенія, какъ мэръ Нарбонны, докторъ Ферруль, и члены комитета Аржелье, кромѣ скрывшагося Марселена Альбера, были арестованы по распоряженію судебной власти; въ Аржелье образовался тотчасъ новый комитетъ, обратившійся съ успокоительнымъ манифестомъ къ населенію. Съ 19-го іюня въ Нарбоннѣ, Монпелье и Перпиньянѣ происходятъ настоящія революціонныя вспышки; воздвигаются баррикады, совершаются нападенія толпы на публичныя зданія, на полицію и войска; въ отдѣльныхъ мѣстахъ разыгрываются страшные кровавые эпизоды, свидѣтельствующіе о неукротимыхъ звѣрскихъ инстинктахъ народной массы и объ упорныхъ традиціяхъ ненависти къ полицейскимъ чинамъ. Народъ врывался въ помѣщенія префектуръ, разорялъ обстановку и давалъ просторъ своему озлобленію; одинъ полицейскій агентъ, узнанный кѣмъ-то на улицѣ, былъ избитъ до полусмерти, брошенъ съ моста въ воду, и когда онъ все-таки очнулся и поплылъ, то его забросали каменьями, потомъ опять вытащили изъ воды и понесли къ городской ратушѣ, чтобы онъ выдалъ еще своихъ товарищей по сыску; безчеловѣчная, продолжительная расправа съ этимъ коммиссаромъ, избѣгнувшимъ смерти какимъ-то чудомъ, наглядно доказываетъ, что психологія толпы не измѣнилась къ лучшему со временъ великой французской революціи. Въ связи съ этими жестокими сценами въ Нарбоннѣ, солдаты стрѣляли въ манифестантовъ, причемъ, по обыкновенію, жертвами были постороннія

случайныя лица, въ томъ числѣ женщины; военные отряды вообще дѣйствовали крайне сдержанно, и въ ихъ средѣ было болѣе пострадавшихъ, чѣмъ со стороны участниковъ уличныхъ демонстрацій. Строгія, категорическія предписанія правительства рекомендовали военнымъ начальникамъ „крайнее терпѣніе" при конфликтахъ съ обывателями и допускали употребленіе огнестрѣльнаго оружія только для защиты отъ нападеній, угрожающихъ жизни самихъ солдатъ; впрочемъ, мѣстные жители относились къ войскамъ далеко не съ такою непріязнью, какъ къ полиціи, хотя и горячо протестовали противъ присылки ихъ, и только кирасиры почему-то вызывали противъ себя общее раздраженіе. Весьма серьезными симптомами ненормально-повышенной политической атмосферы въ южныхъ департаментахъ являлись частыя колебанія дисциплины въ войскахъ, дошедшія наконецъ въ одномъ пѣхотномъ полку до прямого возмущенія и ухода значительной части нижнихъ чиновъ; возмутившіеся, разгромивъ казармы въ городѣ Агдѣ и захвативъ большое количество патроновъ, самовольно отправились обратно въ Безьѐръ, откуда они были переведены, и собирались отомстить кирасирамъ за стрѣльбу въ народъ на улицахъ Нарбонны; только съ большими усиліями удалось командирамъ успокоить возставшихъ солдатъ въ Безьѐрѣ и уговорить ихъ сдаться подъ условіемъ освобожденія отъ законныхъ каръ, послѣ чего эти солдаты были высланы въ Алжиръ. Дѣятельное участіе въ стараніяхъ уладить этотъ прискорбный инцидентъ принимали члены комитета Аржелье, говорившіе и дѣйствовавшіе отъ имени Марселена Альбера.

Вожди движенія, очевидно, были озадачены печальными результатами своей боевой политики; они какъ будто растерялись при видѣ тяжелыхъ и кровавыхъ событій, отодвинувшихъ уже кризисъ виноделія на задній планъ; самъ знаменитый Марселенъ Альберъ забылъ свою роль „искупителя", „спасителя юга" и внезапно превратился опять въ простого запуганнаго обывателя, готоваго искать спасенія у министровъ. Своимъ неожиданнымъ визитомъ у Клемансо, 23 іюня, Альберъ сразу разрушилъ обаяніе своей легендарной личности и уничтожилъ свою политическую репутацію; онъ оказался крайне впечатлительнымъ, нервнымъ и наивнымъ человѣкомъ, съ которымъ ничего не стоило справиться такому опытному дѣятелю, какъ нынѣшній глава кабинета. Марселенъ Альберъ явился въ министерство съ запиской, въ которой просилъ умиротворить край освобожденіемъ отъ ареста доктора Ферруля и членовъ комитета въ Аржелье. Увидѣвъ подъ запиской подпись диктатора юга, Клемансо тотчасъ велѣлъ ввести его къ себѣ въ кабинетъ и, оставшись съ нимъ наединѣ, заговорилъ въ суровомъ тонѣ объ его отвѣтственности за происшедшіе безпорядки и за пролитую кровь; упреки по поводу жертвъ привели

Марселена Альбера въ такое состояніе, что онъ тутъ же расплакался. Придя въ себя, онъ выразилъ готовность способствовать умиротворенію и спросилъ министра, что̀ ему для этого дѣлать; Клемансо отвѣтилъ: „отдайте себя въ распоряженіе закона и употребите ваше вліяніе на то, чтобы побудить своихъ соотечественниковъ возвратиться на путь порядка и законности". На замѣчаніе Альбера, что у него нѣтъ денегъ на дорогу, министръ предложилъ ему сто франковъ, которые тотъ принялъ; Марселенъ Альберъ отправился на югъ для исполненія своей новой миссіи, забывъ уже о заявленныхъ имъ требованіяхъ и о судьбѣ арестованныхъ товарищей. Онъ откровенно сообщилъ южанамъ подробности своего свиданія съ Клемансо, говорилъ объ его добротѣ, пытался объяснить, почему взялъ у него деньги на дорогу, и сталъ доказывать необходимость соглашенія; его встрѣчали и слушали съ обычными признаками вниманія и сочувствія, но уже безъ всякаго энтузіазма, отчасти даже съ видимымъ недоумѣніемъ и разочарованіемъ. Миссія Марселена Альбера не имѣла успѣха, и самъ комитетъ Аржелье рѣшилъ, что бывшему „искупителю" остается только отдаться въ руки правосудія, согласно обѣщанію, данному Клемансо; 26-го іюня Альберъ исполнилъ это обязательство въ Монпелье, отославъ предварительно министру взятые у него сто франковъ. Такъ окончилась баснословная карьера человѣка, который силою своей индивидуальности и иниціативы возвысился въ короткое время до положенія какого-то Наполеона и вслѣдъ затѣмъ, по непонятнымъ причинамъ, добровольно подчинился личному авторитету враждебнаго ему министра. Если желательно было соглашеніе съ правительствомъ, то не слѣдовало съ такимъ паѳосомъ проповѣдывать борьбу и торжественно давать клятву довести дѣло до конца; всего менѣе подобало смѣлому организатору революціоннаго движенія южныхъ департаментовъ совѣтоваться съ главою кабинета, какъ ему поступить послѣ всего имъ сдѣланнаго, и наконецъ смѣшная исторія съ займомъ денегъ у министра выставляетъ Марселена Альбера въ видѣ какого-то разслабленнаго нейрастеника, не отдающаго себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Можно думать, что, будучи прежде всего человѣкомъ непосредственнаго чувства, Марселенъ Альберъ былъ подавленъ тяжестью непредвидѣнныхъ имъ реальныхъ послѣдствій своей дѣятельности; его угнетала мысль о кровопролитіи, и онъ скромно возвратился въ свое первобытное состояніе, отказавшись отъ непосильныхъ для него широкихъ цѣлей и порывовъ. Для Клемансо это добровольное подчиненіе опаснаго южнаго агитатора было крупною и совершенно неожиданною политическою побѣдою.

Въ палатѣ депутатовъ министерство Клемансо подвергалось энергическимъ нападкамъ съ разныхъ сторонъ, то за недостатокъ рѣши-

тельности въ подавленіи безпорядковъ, то за чрезмѣрную суровость репрессивныхъ мѣръ. Въ засѣданіи 21 іюня обсуждались запросы о дѣйствіяхъ военныхъ и судебныхъ властей въ южныхъ провинціяхъ; Клемансо представилъ подробный отчетъ о событіяхъ, объ арестахъ и вызванныхъ ими волненіяхъ, объ извѣстныхъ инцидентахъ въ арміи, и старался доказать, что правительство употребляло всѣ усилія для возстановленія и обезпеченія законнаго порядка съ возможно меньшими жертвами, безъ излишней слабости, но и безъ прямолинейнаго формализма, доводящаго до безцѣльной жестокости. Оттого и возмутившимся солдатамъ дана была возможность вернуться на путь законности безъ крутой расправы и безъ примѣненія строгихъ военныхъ правилъ, въ виду особыхъ мѣстныхъ обстоятельствъ, смягчающихъ ихъ вину. Депутатъ Альди, мотивируя свой запросъ, обвиняетъ министерство въ томъ, что оно сначала относилось къ движенію винодѣловъ равнодушно и даже сочувственно, а потомъ стало разстрѣливать манифестантовъ и арестовывать ихъ вождей; войска дѣйствовали, будто бы, безъ предупрежденій, и если нѣкоторые военные отряды возмутились, то только потому, что не желали воевать противъ своихъ согражданъ. „Это не полицейскіе чины, не исполнители кровавой репрессіи; они охотно дрались бы на границѣ, но отказывались выступать противъ своихъ же французовъ. Если будетъ продолжаться система репрессіи, то предстоятъ самыя тяжкія столкновенія; вчера это были мирныя и грандіозныя манифестаціи, сегодня—возстаніе, а завтра — это будетъ уже революція“. Депутатъ Бруссъ объясняетъ хозяйственныя причины кризиса и требуетъ обдуманныхъ мѣръ для ихъ устраненія; Леруа-Больё съ негодованіемъ отвергаетъ мысль о томъ, что движеніе юга вдохновлялось сторонниками реакціи и врагами республики; Шарль Бенуа утверждаетъ, что духъ революціи и анархіи поощряется самимъ правительствомъ и его радикальными союзниками; наконецъ, Мильеранъ вдается въ оцѣнку личнаго характера Клемансо, говоритъ объ его постоянныхъ внутреннихъ противорѣчіяхъ и увлеченіяхъ, объ его рѣзкихъ переходахъ изъ одной крайности въ другую, и ставитъ прямо вопросъ объ его органической неспособности справиться съ трудной задачей поддержанія порядка въ странѣ. „Преимущество республиканскаго строя именно въ томъ и заключается, что люди, стоящіе во главѣ правительства, могутъ быть смѣнены въ двадцать четыре часа“; потому необходимо, по мнѣнію Мильерана, тотчасъ же заявить, что министерство Клемансо не заслуживаетъ довѣрія и должно уступить мѣсто другому, болѣе подходящему. Клемансо отвѣчаетъ съ обычнымъ своимъ остроуміемъ и высказываетъ нѣсколько интересныхъ общихъ соображеній о внутренней политикѣ республики. „Въ обществѣ пробудился мессіанскій

духъ; люди ищутъ спасителя. Мы — не спасители, мы демократы; мы представляемъ собою эту великую вещь — управленіе страны самимъ народомъ. Здѣсь собраны представители всѣхъ партій Франціи; нужно согласовать и примирить ихъ интересы. Страну губитъ упадокъ характеровъ, господство страха. Отказываютъ въ уплатѣ податей изъ страха, идутъ на митинги изъ страха, выходятъ въ отставку изъ страха. Если мы легкомысленны, то мы все-таки имѣемъ ту заслугу, что не боимся отвѣтственности и не поддаемся чувству страха". Жоресъ настаиваетъ на невозможности репрессіи противъ цѣлаго народа, доведеннаго своими бѣдствіями до мечты о спасителѣ; нужна политика мира, а для нея не годится Клемансо, олицетворяющій междоусобную войну. Палата, однако, не согласилась съ оппозиціонными ораторами и большинствомъ 328 противъ 227 голосовъ приняла формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, выражающую довѣріе къ правительству въ дѣлѣ „обезпеченія уваженія къ закону и скорѣйшаго умиротворенія страны". Въ дѣйствительности Клемансо показалъ себя гибкимъ и ловкимъ государственнымъ человѣкомъ, сохраняющимъ самообладаніе и энергію въ самые критическіе моменты, и по отношенію къ разыгравшимся на югѣ событіямъ онъ несомнѣнно обнаружилъ гораздо бо́льшую отзывчивость, чѣмъ засѣдающіе въ палатѣ представители южныхъ департаментовъ, не сумѣвшіе своевременно заинтересовать парламентъ нуждами своихъ избирателей и не считавшіе даже долгомъ посѣтить свои округа при обостреніи мѣстнаго кризиса. Когда нѣкоторые изъ этихъ депутатовъ отправились потомъ на югъ, они были встрѣчены свистками и должны были уѣхать обратно ни съ чѣмъ; населеніе гораздо болѣе недовольно парламентомъ, чѣмъ министрами, и оно не можетъ простить депутатамъ ихъ склонность къ устройству своихъ личныхъ дѣлъ на общественный и казенный счетъ, при даровомъ полученіи болѣе сорока франковъ суточныхъ денегъ. Недостатки французскаго парламентаризма зависятъ, впрочемъ, не столько отъ учрежденій, сколько отъ нравовъ, понятій и интересовъ, господствующихъ среди французской буржуазіи.

Обновленный австрійскій парламентъ открылъ свои засѣданія 17-го іюня; старѣйшій изъ депутатовъ, Функе, произнесъ вступительную рѣчь, въ которой выразилъ надежду, что первая палата, избранная всеобщимъ голосованіемъ, окажется народною палатою въ истинномъ и полномъ смыслѣ этого слова. При обычномъ возгласѣ въ честь императора встали и соціалъ-демократы, въ отличіе отъ своихъ германскихъ коллегъ, которые въ подобныхъ случаяхъ предварительно покидаютъ залъ засѣданій; это отчасти объясняется тѣмъ, что нѣмецкіе соціалисты слишкомъ долго подвергались преслѣдованіямъ со стороны

правительства, отрицавшаго ихъ право на свободное законное существованіе, какъ самостоятельной политической партіи, — чего не испытывали австрійскіе соціалъ-демократы. Тронная рѣчь была прочитана императоромъ въ торжественномъ собраніи обѣихъ палатъ во дворцѣ, 19-го іюня. „Избирательная реформа—говорилъ или, вѣрнѣе, читалъ престарѣлый Францъ-Іосифъ — устраняетъ всякія преимущества въ избирательныхъ правахъ, признаетъ всѣхъ гражданъ совершеннолѣтними и предоставляетъ каждому одинаковую долю вліянія на общественныя дѣла; эта реформа основана на довѣріи, которое я питаю къ преданности моихъ народовъ государству. На вновь избранной палатѣ депутатовъ лежитъ особая задача — оправдать это довѣріе и доказать, что значительное расширеніе основъ политическаго строя идетъ рука объ руку съ укрѣпленіемъ и увеличеніемъ политическихъ силъ государства; ибо право участія въ государственныхъ дѣлахъ вызываетъ обязательное участіе въ отвѣтственности за судьбу цѣлаго. Поэтому я ожидаю, что возникшее изъ всеобщаго избирательнаго права народное представителвство, сознавая свои обязанности предъ государствомъ, будетъ вмѣстѣ съ моимъ правительствомъ заботиться объ удовлетвореніи насущныхъ потребностей государственной жизни и станетъ плодотворно работать для блага отечества". Въ тронной рѣчи говорится далѣе о необходимости разрѣшенія національныхъ споровъ въ духѣ компромисса и примиренія. „Я желаю—продолжалъ императоръ — оставить моимъ народамъ, какъ драгоцѣнное наслѣдіе, обезпеченное сохраненіе ихъ національныхъ благъ и этимъ упрочить для всего общества національный миръ, который долженъ быть достояніемъ всѣхъ друзей отечества. Я поставилъ въ обязанность моему правительству употребить для этого всѣ силы, и я обращаюсь съ просьбою ко всѣмъ, кому одинаково дороги ихъ національныя особенности и благо государства, способствовать достиженію этой цѣли". Остальная часть тронной рѣчи посвящена подробному обзору главныхъ задачъ и вопросовъ внутренней политики, а также характеристикѣ отношеній монархіи къ иностраннымъ державамъ.

Въ Австріи нѣтъ парламентаризма, но тамъ давно существуетъ добросовѣстное и отвѣтственное правительство; австрійскіе министры, хотя и назначаемые обыкновенно не изъ среды парламентскаго большинства, безусловно подчиняются и обязаны подчиняться законамъ, не ставятъ себя выше общественнаго мнѣнія, серьезно относятся къ конституціи и не считаютъ, что званіе „слуги императора и престола" почетнѣе званія „слуги отечества и страны". Самъ императоръ выросъ въ традиціяхъ абсолютной монархіи и божественнаго права; онъ олицетворяетъ собою древнѣйшую изъ европейскихъ феодальныхъ династій, и не было бы ничего удивительнаго въ томъ, что онъ при-

знавалъ бы имперію своимъ достояніемъ, за которое онъ отвѣчаетъ только передъ престоломъ Всевышняго. Однако, онъ не повторяетъ словъ и фразъ стараго средневѣковаго стиля, не злоупотребляетъ именемъ Господа Бога для оправданія своихъ рѣшеній, не возноситъ себя на недосягаемую высоту надъ своими вѣрными народами, а благодушно говоритъ объ отвѣтственномъ участіи всѣхъ гражданъ въ государственныхъ дѣлахъ, о желательности искренняго внутренняго мира между различными народностями и о важныхъ преимуществахъ всеобщаго избирательнаго права. Его нисколько не тревожитъ появленіе въ новой палатѣ депутатовъ многочисленной соціалъ-демократической партіи; министръ-президентъ, баронъ Бекъ, въ одномъ изъ позднѣйшихъ засѣданій парламента, заявилъ уже въ своей програмной рѣчи, что самая многочисленность этой партіи должна побудить ее принять дѣятельное активное участіе въ положительной парламентской работѣ. Никому изъ австрійскихъ бюрократовъ не придетъ, конечно, въ голову требовать преданія всей этой партіи суду на томъ основаніи, что ея печатная программа обнаруживаетъ республиканскія тенденціи и что отдѣльные соціалъ-демократы уже теперь стремятся къ подготовленію будущаго торжества своихъ идеаловъ. Законность не есть въ Австріи пустое слово, служащее лишь прикрытіемъ для беззаконія и произвола, — ибо явленія этихъ послѣднихъ категорій давно перешли въ область преданій. Австрійскій государственный порядокъ держится на принципѣ преемственной послѣдовательности; онъ не подвергается шатаніямъ въ разныя стороны, въ зависимости отъ случайныхъ закулисныхъ вліяній, и предпринимаемыя въ немъ реформы вводятся не для того, чтобы потомъ ихъ отнимать или ограничивать. Когда императоръ Францъ-Іосифъ говоритъ о своихъ надеждахъ, связанныхъ съ осуществленіемъ всеобщаго избирательнаго права, то онъ не имѣетъ, конечно, въ виду отказаться отъ принятой разъ системы, если эти надежды его не оправдаются; онъ знаетъ, что реформа требовалась настоятельными интересами монархіи и общественнымъ мнѣніемъ ея народовъ,—и этого для него достаточно. И въ Австріи существуютъ истинно-австрійскіе патріоты, вѣрные поклонники старины, проповѣдники насилія и угнетенія; но Францъ-Іосифъ не выражаетъ имъ публично своихъ симпатій, не усматриваетъ въ нихъ оплота своей власти и не даетъ повода предполагать, что его личные политическіе идеалы находятся назади, а не впереди. Новый парламентъ собрался безъ всякихъ опасеній за свое будущее, среди полнаго общественнаго спокойствія; нѣтъ и не можетъ быть никакихъ слуховъ о разгонѣ или роспускѣ; никто не безпокоится за судьбу всеобщаго избирательнаго права, каковы бы ни были его практическіе результаты съ точки зрѣнія вліятельныхъ придворныхъ сферъ и господствующаго земле-

владѣльческаго класса. При спокойной увѣренности общества въ завтрашнемъ днѣ, при повсемѣстномъ владычествѣ твердыхъ законовъ и порядковъ, современная Австрія не знаетъ ни внутренней смуты, ни террора, и императоръ Францъ-Іосифъ можетъ мирно, съ чистой совѣстью, доживать свои послѣдніе годы, окруженный почтительною преданностью и уваженіемъ своихъ вѣрныхъ народовъ.

Въ Германіи и Пруссіи существуетъ еще отчасти личный режимъ въ культурныхъ его формахъ, безъ ущерба для господства строгой законности; въ высшемъ составѣ правительства и въ направленіи внѣшней политики происходятъ иногда перемѣны, мотивы которыхъ остаются неизвѣстными или непонятными для публики и общественнаго мнѣнія. Одинъ изъ наиболѣе даровитыхъ и заслуженныхъ дѣятелей имперіи, статсъ-секретарь по внутреннимъ дѣламъ, графъ Посадовскій, занимавшій этотъ постъ въ теченіе почти десяти лѣтъ (съ іюля 1897 года), уволенъ въ отставку, и на его мѣсто назначенъ бывшій съ 1905 года прусскимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ фонъ-Бетманъ-Гольвегъ; въ этомъ случаѣ выдающійся представитель умѣренно-прогрессивной соціальной политики замѣненъ заурядным консервативнымъ чиновникомъ, который пока еще ничѣмъ не доказалъ ни своихъ дарованій, ни своей компетентности по соціальнымъ вопросамъ. Въ то же время удалился со сцены реакціонно-клерикальный прусскій министръ народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣданій, фонъ-Штудтъ, и мѣсто его занялъ бывшій товарищъ министра публичныхъ работъ, Голле, имѣющій репутацію дѣльнаго чиновника и пользующійся также сочувствіемъ клерикаловъ; эта перемѣна привѣтствуется либеральною печатью уже потому, что Штудтъ былъ воплощеніемъ узкой и мелочной реакціи, и всякій другой министръ будетъ лучше его. Говорятъ, что отставка Посадовскаго и Штудта знаменуетъ торжество канцлера Бюлова надъ какими-то закулисными интригами, и что теперь возстановлено единство управленія, которое прежде нарушалось чрезмѣрною самостоятельностью имперскаго министра внутреннихъ дѣлъ и чрезмѣрною близостью прусскаго министра культовъ къ клерикаламъ; но самые проницательные нѣмецкіе публицисты затрудняются объяснить неожиданное возвышеніе фонъ-Бетмана-Гольвега, назначеннаго также вице-президентомъ прусскаго министерства. Большого значенія эти перемѣны имѣть не могутъ, но онѣ даютъ газетамъ обильную пищу для догадокъ и комментаріевъ, характеризующихъ придворно-бюрократическій міръ Пруссіи.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Hermann Esswein. August Strindberg. Ein psychologischer Versuch. München, R. Piper Verlag, 1907.

Писатели создаютъ въ своемъ творчествѣ извѣстныя цѣнности — художественныя, философскія или этическія, и тѣмъ, принимаемъ ли мы или отвергаемъ эти цѣнности, опредѣляется наше отношеніе къ нимъ. Можно принимать идеи писателя или спорить съ ними, цѣнить его художественный талантъ или не признавать его,—но во всякомъ случаѣ его творчество—мы говоримъ, конечно, о писателяхъ крупныхъ, съ опредѣлившейся индивидуальностью, съ утвердившимся положеніемъ въ литературѣ — представляется цѣльнымъ явленіемъ, органически развивающимся бытіемъ духа.

Но бываютъ исключенія, — бываютъ писатели, значеніе которыхъ не въ созданныхъ ими идейныхъ и художественныхъ цѣнностяхъ, а только въ ихъ внутреннихъ переживаніяхъ и въ силѣ, съ которой они ихъ возсоздаютъ. Съ ними не приходится спорить или соглашаться,—потому что они не утверждаютъ ничего общеобязательнаго, не формулируютъ никакихъ объективныхъ истинъ, а устанавливаютъ только свое личное отношеніе къ міру; ихъ даже нельзя разсматривать какъ художниковъ, потому что они не достигаютъ гармоніи, требующей духовной уравновѣшенности, выбора, ограниченія стихійныхъ порывовъ въ разныя стороны. Но они влекутъ къ себѣ, какъ стихійная сила. Они не создаютъ литературнаго теченія, хотя и отзываются со всей силой пламеннаго духа на вліянія историческаго момента, — и въ нихъ важна только искренность ихъ переживаній. Такія исключенія довольно рѣдки,—каждая эпоха насчитываетъ ихъ лишь весьма немного. Въ наше время одной изъ такихъ исключительныхъ по своей оригинальности художественныхъ натуръ является шведскій писатель Августъ Стриндбергъ. Къ нему относятся различно. Многихъ отталкиваетъ его страстная защита самыхъ противорѣчивыхъ положеній: онъ былъ въ началѣ своей дѣятельности горячимъ сторонникомъ женской эмансипаціи, однимъ изъ тѣхъ, которые воспитали общественное мнѣніе въ этомъ отношеніи и создали высокое положеніе женщины въ скандинавскихъ странахъ. А потомъ никто не напа-

далъ такъ яростно на женщинъ, никто такъ не низводилъ нравственныя качества женщинъ, какъ тотъ же Стриндбергъ, клеймившій женщину какъ начало зла въ природѣ. Долго Стриндбергъ былъ непримиримымъ матеріалистомъ и видѣлъ источникъ духовнаго освобожденія человѣчества въ естественныхъ наукахъ, въ позитивномъ міросозерцаніи,—а потомъ онъ проникся религіозными настроеніями, искалъ спасенія для своихъ душевныхъ мукъ въ оккультизмѣ и основывалъ свое этическое совершенствованіе на прямыхъ общеніяхъ съ „исправительными духами"; этими и еще другими противорѣчіями полны чрезвычайно многочисленныя произведенія Стриндберга,—и потому идейная ихъ цѣнность—шаткая. Но если все-таки онъ—одинъ изъ самыхъ сильныхъ писателей нашего времени, то потому что есть въ немъ нѣчто искупающее съ избыткомъ хаосъ его міросозерцанія. Стриндбергъ привлекаетъ какъ сильная личность съ трагической судьбой и съ глубоко-искреннимъ отношеніемъ къ себѣ и своимъ переживаніямъ. Все его творчество—духовная автобіографія, и такъ какъ его душевная трагедія, его переживанія въ духѣ, вѣчно вопрошающемъ, вѣчно ищущемъ исхода изъ міровыхъ сомнѣній, отражаетъ именно трагедію современнаго человѣка, то все, что онъ переживаетъ болѣзненно чуткими нервами и передаетъ съ поразительно точнымъ, трезвымъ и яснымъ самоанализомъ, волнуетъ его современниковъ, какъ бы они ни были далеки отъ того, чтобы раздѣлять его мысли, его теоріи, его историческіе и общественные взгляды и въ особенности принимать за факты его болѣзненныя галлюцинаціи.

Недавно вышедшая монографія о Стриндбергѣ Германна Эсвейна интересна тѣмъ, что авторъ разсматриваетъ Стриндберга именно психологически, приводя его творчество въ непосредственную связь съ его внѣшними и внутренними переживаніями,—не входя въ критику его идей, а объясняя его значеніе силой и искренностью его самоанализа. „Стриндберга нужно разсматривать какъ судьбу",—говоритъ онъ, утверждая въ этихъ словахъ, что его творчество—исповѣдь человѣка съ своеобразной трагической судьбой, вызванной столкновеніемъ между обостренно-впечатлительной душой и суровыми обстоятельствами жизни—въ сущности типичными для всякой жизни въ современныхъ условіяхъ. Это опредѣленіе указываетъ исходную точку критика или, вѣрнѣе, автора духовной біографіи Стриндберга. Очеркъ Эсвейна, благодаря такому пониманію творчества Стриндберга, даетъ ясное представленіе объ оригинальной силѣ шведскаго писателя, независимой отъ внутренней цѣнности противорѣчивыхъ идей, заключенныхъ въ его романахъ, разсказахъ и драмахъ. Эсвейнъ далеко не исчерпываетъ анализъ произведеній Стриндберга и даже говоритъ лишь о немногихъ его книгахъ, но онъ беретъ самое характерное для ду-

ховной біографіи писателя и даетъ этимъ ключъ къ пониманію его болѣе объективныхъ, и реалистическихъ, и фантастическихъ до бреда книгъ; этотъ ключъ раскрываетъ многое, что̀ можетъ казаться безъисходно хаотичнымъ въ творчествѣ Стриндберга.

Эсвейнъ разбираетъ главнымъ образомъ нѣсколько автобіографическихъ произведеній Стриндберга, объясняющихъ его судьбу и порожденную ею психологію. Основная черта этихъ произведеній—ихъ подкупающая искренность; она несомнѣнна, и не потому только, что разсказанные факты соотвѣтствуютъ дѣйствительности, а потому что важны не они, а то, какъ на нихъ отзывалась впечатлительная душа Стриндберга, и какъ исторія его жизни и его духовныхъ переживаній объясняетъ эволюціи его идейной жизни. Основная черта его переживаній, какъ они вырисовываются въ его собственномъ изложеніи, это тотъ усиленный темпъ его жизни, который отпугиваетъ отъ него среднихъ людей. „Они чувствуютъ, — говоритъ Эсвейнъ, — что они при такой силѣ воспріимчивости сломали бы себѣ шею", и что стихійность этого человѣка титаническая. Какъ такую трагическую судьбу человѣка, титана не по силѣ воли, а по воспріимчивости духа и пламенной жаждѣ совершенства, Эсвейнъ и разсматриваетъ творчество, т.-е. самую личность Стриндберга.

Матеріала для этого болѣе чѣмъ достаточно въ произведеніяхъ Стриндберга. Критикъ останавливается на трехъ автобіографическихъ книгахъ Стриндберга, на трехъ его исповѣдяхъ, относящихся къ тремъ смѣняющимся періодамъ его жизни, или его мученичества въ духѣ. Первая изъ нихъ, „Прошлое глупца", носящая въ оригиналѣ заглавіе „Сынъ служанки". Говоря въ ней о себѣ и своихъ дѣтскихъ впечатлѣніяхъ, Стриндбергъ изображаетъ также свое время, бытъ, среди котораго онъ выросъ, всѣ разрушающія вліянія окружавшей его среды, и автобіографія его становится характернымъ документомъ времени. Въ „Сынѣ служанки" разсказана исторія даровитаго человѣка съ высокими стремленіями, несчастіе котораго—въ томъ, что его собственная жизнь и жизнь его времени сдѣлались для него сознательнымъ переживаніемъ. Несчастіе же его умственной жизни—въ его безпредѣльной жаждѣ знанія: онъ стремится обнять всѣ области науки и не въ состояніи сосредоточиться ни на какой спеціальности. Эти природные задатки подготовляютъ его къ трагической судьбѣ и усугубляются еще другими чертами характера, страстью къ самоанализу, способностью отдавать себѣ отчетъ въ каждомъ движеніи души—способностью, доходящей почти до ясновидѣнія, до того, что его самоопредѣленія въ этой первой автобіографической книгѣ становятся почти пророчествомъ объ его позднѣйшей судьбѣ. Кромѣ того, Стриндбергъ—отъ природы непримиримый пессимистъ, подавлен-

ный неразрѣшимой загадочностью человѣческихъ судебъ, болѣющій—дѣйствительно, реально болѣющій—несправедливостью въ распредѣленіи счастья и несчастья въ жизни людей. Стриндбергъ не находитъ отвѣта на свои сомнѣнія, тѣмъ болѣе мучительныя, что онъ всецѣло поглощенъ этическими стремленіями и потому не можетъ выработать метафизики, стоящей выше вопросовъ добра и зла, какъ они отражаются въ человѣческомъ пониманіи. Всѣ эти индивидуальныя черты опредѣляютъ воздѣйствіе Стриндберга на обстоятельства жизни—на крайне тяжелыя впечатлѣнія дѣтства и юношества, изображенныя въ „Сынѣ служанки". Стриндбергъ разсказываетъ о переживаніяхъ въ родной семьѣ, потомъ въ школѣ и университетѣ, и въ передачѣ его рисуется крайне мрачная картина. Дѣтство его прошло въ большомъ старомъ домѣ въ Стокгольмѣ, гдѣ его родители жили въ крайней бѣдности, въ непосильномъ трудѣ. Семья, состоявшая изъ родителей, семерыхъ дѣтей и двухъ служанокъ, тѣснилась въ трехъ комнатахъ; дѣти спали на гладильной доскѣ, на стульяхъ, въ кроватяхъ и колыбеляхъ. Воспитаніе ихъ было въ рукахъ служанокъ, заражавшихъ ихъ суевѣріями,—а потомъ это домашнее вліяніе смѣнялось школьнымъ. Такъ росли въ то время всѣ дѣти низшихъ классовъ, и Стриндбергъ сокрушается о томъ, что мать его отстранила отъ себя самое важное дѣло жизни—воспитаніе дѣтей. Но обвинять именно ее въ этомъ онъ самъ не рѣшается: она была изнуренной, слабой женщиной, родила двѣнадцать дѣтей и заболѣла чахоткой отъ непосильнаго труда. Обобщая свои впечатлѣнія дѣтства, Стриндбергъ приходитъ къ слѣдующему, безъисходно пессимистическому представленію о семьѣ. „Семья,—говоритъ онъ,—чрезвычайно несовершенное учрежденіе. Это учрежденіе для ѣды, мытья и глаженія, но не на экономныхъ началахъ. Все время проходитъ въ изготовленіи пищи, покупкахъ на рынкѣ, въ овощной и молочной, въ мытьѣ и глаженіи, въ уборкѣ жилья. Сколько силъ тратится на нѣсколькихъ людей! Содержатель ресторана, у котораго ѣдятъ въ день болѣе ста человѣкъ, едва ли тратитъ больше времени и силъ на хозяйство. Воспитаніе заключается въ брани, шлепкахъ и требованіи послушанія отъ дѣтей. Жизнь встрѣчаетъ ребенка только обязанностями—безъ всякихъ правъ. Всѣ имѣютъ право высказывать желанія,—только не дѣти. Ребенокъ не можетъ ничего коснуться, не совершая этимъ проступка, никуда повернуться, чтобы не мѣшать кому-нибудь изъ взрослыхъ, не сказать ни слова, чтобы не вызвать неудовольствія. Въ концѣ концовъ онъ не рѣшается двинуться съ мѣста. Его главная обязанность и наибольшая заслуга—спокойно сидѣть на мѣстѣ, никому не мѣшая". Безотрадное положеніе ребенка въ бѣдной рабочей семьѣ отягчалось еще несправедливыми наказаніями и колотушками, вызванными часто только

раздраженіемъ старшихъ. Заслуга Стриндберга—въ томъ, что онъ не озлобился, не сталъ—какъ это часто бываетъ—упрямцемъ, мнящимъ себя выше другихъ. Онъ сохранилъ трезвое отношеніе къ себѣ и могъ поэтому писать потомъ свои правдивыя, безпощадныя и къ себѣ исповѣди.

Въ дѣтствѣ Стриндбергъ былъ религіозенъ, такъ что его возвратъ къ религіозности подъ старость, послѣ долгаго періода рѣзкаго позитивизма, объясняется отчасти и дѣтскими склонностями, и чертой, унаслѣдованной отъ религіозно настроенной матери. Проснувшійся интересъ къ религіознымъ вопросамъ связанъ былъ въ дѣтствѣ Стриндберга съ его страстью къ чтенію. Онъ былъ нервный, болѣзненный мальчикъ, склонный къ мрачнымъ настроеніямъ. Занятія учебными предметами не удовлетворяли его, потому что они не имѣли отношенія къ жизни, а его волновали вопросы непосредственной дѣйствительности, противорѣчія между рано развитымъ чувствомъ справедливости и окружающей жизнью. Въ религіи его привлекало то, что она коренится въ жизни, отвѣчаетъ на непосредственные запросы совѣсти. Въ религіозныхъ книгахъ онъ находилъ пищу для своего этическаго паѳоса. Онъ наблюдалъ въ себѣ нервныя явленія, сказывавшіяся въ предосудительныхъ по его пониманію дѣйствіяхъ, и религіозныя книги вызывали въ немъ стремленіе къ совершенствованію, въ то время какъ ясный разсудокъ давалъ ему возможность точно изучать и опредѣлять себя.

По окончаніи гимназіи, Стриндбергъ сдѣлался народнымъ учителемъ, такъ какъ не имѣлъ средствъ сразу вступить въ университетъ. Его возмущалъ педантизмъ навязываемой ему педагогической системы, и онъ былъ всегда въ душѣ за-одно со своими учениками противъ школьнаго начальства. Съ этихъ поръ начались его духовныя мытарства, выражавшіяся въ разрозненности порывовъ, въ вѣчной борьбѣ противъ себя—опять-таки во имя обуревавшаго его этическаго паѳоса. Онъ съ какимъ-то бѣшенствомъ ломалъ свою натуру, доходилъ до попытокъ самоубійства. Религіозный кризисъ ранней юности миновалъ;—изъ чувства самосохраненія, ища оплота въ жизни, онъ увлекся точными знаніями, сдѣлался убѣжденнымъ позитивистомъ, удовлетворяя этимъ свои интеллектуально-позитивныя потребности,—но въ то же время въ немъ кипѣла романтическая натура, страстная фантазія, склонность къ иллюзіонизму. Романтизмъ увлекалъ его къ общенію съ массами, порождалъ желаніе проповѣдывать, а противоположные раціоналистическіе мотивы побуждали его работать надъ личнымъ самоусовершенствованіемъ. Внутренній разрывъ отражался и во внѣшней жизни, постоянной смѣной занятій и профессій. Онъ сталъ заниматься медициной, когда помощь состоятельнаго покровителя дала

ему возможность поступить въ университетъ; потомъ вдругъ сдѣлался актеромъ,—изображеніе героевъ на сценѣ, перевоплощеніе въ людей съ высокимъ духомъ казалось ему средствомъ самовоспитанія. Во всѣхъ этихъ метаніяхъ сказывалась мучительная борьба между страстной душой и сильной трезвой жаждой познаванія,—и нравственное величіе Стриндберга заключается въ томъ, что онъ не искалъ успокоенія, не останавливался во имя спокойствія души на какомъ-нибудь одномъ этапѣ, а безпощадно отдавался мучительнымъ исканіямъ, къ которымъ увлекалъ его неутомимый духъ.

Больше всего, однако, онъ занимался естественными науками, укрѣплявшими въ немъ позитивизмъ, временно давшій ему устойчивость. Но онъ не сдѣлался спеціалистомъ-естественникомъ, и ему предстояло еще много кризисовъ въ жизни. Онъ стремился къ универсальнымъ знаніямъ. Ничто его не удовлетворяло; отъ всякаго опредѣленнаго знанія его неудержимо влекло къ другому,—и по его произведеніямъ ясно видно, какъ онъ шелъ къ безднѣ безумія. Его спасъ уже въ позднѣйшіе годы окончательный поворотъ къ религіи,—которая стала для него опять-таки не метафизическимъ міропониманіемъ, а средствомъ для этическаго совершенствованія.

Позитивизмъ Стриндберга, сказавшійся и въ цѣломъ рядѣ натуралистическихъ литературныхъ произведеній, привелъ его къ кризису, отразившемуся въ двухъ автобіографическихъ книгахъ: „На морѣ“ и „Исповѣдь глупца“. Въ первой изъ этихъ двухъ книгъ Стриндбергъ говоритъ не отъ собственнаго имени, а облекаетъ свою исповѣдь въ объективную форму повѣсти; но автобіографическій характеръ ея очевиденъ, хотя она вмѣстѣ съ тѣмъ—документъ времени, духовной жизни цѣлаго поколѣнія, пережившаго кризисъ матеріализма. Исторія д-ра Акселя Борга—трагедія непримиримаго позитивиста, отрѣшившагося отъ всякой фантазіи, отъ всякаго иллюзіонизма, отъ всего, что соотвѣтствуетъ художественной потребности души, т.-е. отъ самой этой художественной потребности. Стриндбергъ воплотилъ въ своемъ героѣ свой собственный позитивизмъ, отдѣленный отъ того, что составляло его вторую натуру, т.-е. отъ прирожденнаго ему романтизма.

Аксель Боргъ не приходитъ къ позитивизму разочарованный въ другихъ потребностяхъ духа. Его позитивизмъ—органическій. Уже отецъ его былъ свободенъ отъ всякой мечтательности и воспиталъ сына въ своихъ принципахъ. Для Акселя Борга ясны отношенія человѣка къ вселенной, ясны отношенія къ силамъ природы, которыя человѣкъ можетъ лишь до извѣстной степени подчинять себѣ. У него нѣтъ страха передъ неизвѣстнымъ, передъ смертью и передъ Богомъ, и онъ становится умнымъ, разсудительнымъ человѣкомъ, чуждымъ всякихъ диссонансовъ, удовлетвореннымъ исканіями въ области научныхъ

истинъ, презирающимъ „дары фантазіи"... Путешествія по разнымъ странамъ еще болѣе усилили въ немъ его разсудочность и преисполнили его презрѣніемъ къ массѣ, живущей пережевываніемъ чужихъ мыслей, обуреваемой страстями и безплодной жаждой власти. Онъ приходитъ къ крайнему индивидуализму, къ желанію уйти отъ міра въ сознаніи своего духовнаго превосходства, въ стремленіи къ самоутвержденію. Въ немъ такимъ образомъ изображены послѣдніе выводы позитивизма, предѣлы позитивнаго самоутвержденія личности,— и судьба его становится трагедіей такого, доведеннаго до послѣднихъ предѣловъ, отколовшагося отъ разнообразія жизни позитивизма. Его жизненная задача сводится къ тому, чтобы утвердить свою личность въ враждебномъ ему мірѣ и продолжить выработавшійся въ немъ новый типъ сильной личности,—и на выполненіи этой задачи онъ гибнетъ. Онъ поселяется, получивъ должность инспектора рыболовныхъ промысловъ, на одинокомъ островѣ въ шхерахъ; рыбаки относятся къ нему съ страшной враждой, и его стремленіе воздѣйствовать на нихъ, воспитать ихъ въ своемъ духѣ не удается; онъ сходитъ съ ума и гибнетъ жертвой борьбы со средой. Гибели его содѣйствуетъ любовь къ истеричной женщинѣ, съ которой у него завязываются мучительныя, основанныя на непрерывной духовной борьбѣ отношенія; уже тутъ намѣчаются мысли Стриндберга о гибельномъ вліяніи женщины. Полностью отношеніе къ женщинѣ сказалось въ третьемъ его автобіографическомъ произведеніи, въ „Исповѣди глупца". Это—исторія его личныхъ переживаній въ бракѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ пламенная проповѣдь противъ семьи, дышащая изступленнымъ гнѣвомъ противъ женщины. Въ этой книгѣ психологія автора опять, какъ всегда у Стриндберга, соткана изъ противорѣчій. Онъ—суровый критикъ брака и жертва своихъ иллюзій относительно любви и брака. Опять борьба между пламенной стихійностью и холодной разсудочностью. Трагизмъ его семейныхъ переживаній—въ томъ, что, возводя въ мечтахъ женщину на высоту чистой мадонны, онъ столкнулся съ такой же необузданной, страстной и дикой въ своемъ эротизмѣ подругой, и катастрофа, сопровождаемая обманами и измѣной, должна была неминуемо наступить. По силѣ обличеній и, главное, по силѣ страданій, вылившихся въ несправедливой по существу, но страшной по обнаженности измученной души исповѣди, эта книга Стриндберга—одна изъ самыхъ поразительныхъ въ литературѣ.

Разочарованіемъ въ женщинѣ и дикой ненавистью къ ней завершается пессимистическій позитивизмъ Стриндберга. Онъ дошелъ до той точки отчаянія, на которой наступаетъ безуміе—и онъ чрезвычайно близокъ къ нему. Цѣлый рядъ литературныхъ произведеній, главнымъ образомъ большинство его прославленныхъ драмъ,—„Отецъ",

„Фрейлейнъ Юлія“, „Кредиторы“,—отражаетъ съ большой художественной силой этотъ фазисъ его душевной жизни. Во всѣхъ нихъ сказывается дикая ненависть къ женщинѣ, которая всегда изображена истеричнымъ эротическимъ существомъ, попирающимъ душу мужчины. Какъ всегда въ гнѣвныхъ обличеніяхъ, сила врага преувеличивается, и женщины Стриндберга необыкновенно, сверхчеловѣчески могущественны въ своемъ пользованіи женскими средствами, своей красотой, своимъ коварствомъ, своимъ соблазномъ. Фрейлейнъ Юлія—отчасти сама жертва своего истерическаго эротизма, но она—героиня, высшее существо, свободная въ своемъ эротизмѣ до того, что она своимъ капризомъ разрушаетъ преграды между общественными классами, даруетъ страсть гордой аристократки дерзкому слугѣ, оставаясь при этомъ гордой и властной, дѣлая его игрушкой своихъ чувствъ. Еще сильнѣе женщина—будто бы хорошая, честная буржуазка, любящая свою дочь—въ „Отцѣ“, гдѣ она, пользуясь орудіемъ материнства, доводитъ своего мужа до настоящаго безумія, внушая ему сомнѣніе въ томъ, что онъ—отецъ ихъ дочери. Спорить съ этими обличеніями не приходится;—дѣло не въ томъ, дѣйствительно ли женщины такъ стихійно испорчены, какъ полагаетъ Стриндбергъ, а въ томъ, съ какой глубиной онъ возсоздаетъ терзанія души, мечущейся въ безсильномъ стремленіи подняться изъ хаоса противорѣчивыхъ влеченій.

Стриндбергъ уцѣлѣлъ, однако, въ этой борьбѣ—уцѣлѣлъ психологически, сохранилъ разсудокъ и нашелъ опору для своего этическаго паѳоса. Опору эту онъ нашелъ въ воскресшемъ религіозномъ чувствѣ, которое привело его сначала къ оккультизму, а потомъ—къ строгому католицизму. И тутъ опять, какъ относительно крайностей его позитивизма, его похода противъ женщины и т. д., не слѣдуетъ цѣнить его по абсолютной цѣнности его новаго міровоззрѣнія. Онъ сталъ вѣрить въ духовъ, въ знаки карающаго и обращающаго на путь добра божества, и выдаетъ за факты явныя галлюцинаціи. Но исповѣдь его новыхъ настроеній, искренность пережитыхъ имъ нравственныхъ мученій такъ же сильно дѣйствуетъ, какъ и его прежнія исповѣди, проникнутыя невозможностью мириться съ несправедливостью и въ личной судьбѣ, и въ окружающемъ мірѣ. Его „Inferno“, „Легенды“, „Путь въ Дамаскъ“, несмотря на хаотичность, подчасъ дикость содержанія, приковываютъ своей искренностью, демонической силой переживаній и, главное, страстнымъ влеченіемъ къ добру. Стриндбергъ ищетъ оправданій, знаковъ, удостовѣряющихъ истинность и законность его жажды самосовершенствованія—и успокаивается на категорическихъ велѣніяхъ, которыя находитъ въ своихъ религіозныхъ идеяхъ.

Творчество Стриндберга, такимъ образомъ, крайне индивидуально уже тѣмъ, что оно отражаетъ исключительно сильную, исключительно

остро воспринимающую всѣ впечатлѣнія душу. Самое же общечеловѣческое въ немъ—его этическій паѳосъ, силой котораго онъ ведетъ свою разрушительную кампанію противъ „зла жизни“.

II.

Schalom Asch. Der Gott der Rache. Drama. Berlin 1907. S. Fischer Verlag.

Недавно выдвинулся писатель, который по языку, по описываемому имъ быту долженъ быть причисленъ къ группѣ этнографическихъ бытописателей, изображающихъ жизнь и бытъ ограниченной, замкнутой въ своихъ спеціальныхъ и своеобразныхъ условіяхъ жизни народной группы. Это—Саломъ Ашъ, изображающій среду русскихъ и польскихъ евреевъ; произведенія его написаны на нарѣчіи или жаргонѣ русско-польскаго еврейства. Но въ послѣдніе годы сочиненія его, въ особенности драмы, переведены на русскій и на нѣмецкій языки и сдѣлались общелитературнымъ достояніемъ. И тогда оказалось, что этотъ этнографическій писатель представляетъ общечеловѣческій интересъ, что затрагиваемыя имъ темы, разработанныя съ истинно художественнымъ талантомъ, выходятъ далеко за предѣлы узко-національной жизни, которую онъ описываетъ. Двѣ драмы Салома Аша пріобрѣли наибольшую извѣстность: „По пути въ Сіонъ“ и „Богъ мести“. Послѣдняя шла и идетъ съ большимъ успѣхомъ на русской сценѣ, а также въ Германіи. Въ настоящее время она вышла въ печати и по-русски, и въ нѣмецкомъ переводѣ.

Саломъ Ашъ привлекаетъ самобытностью своихъ мыслей и своего таланта. Онъ—внѣ литературныхъ вліяній, и въ немъ выгодно сказывается необыкновенная свѣжесть, почвенность, отсутствіе литературныхъ традицій. Къ самымъ сложнымъ психологическимъ задачамъ онъ подступаетъ съ большой простотой; бытовыя драмы, созданныя обстоятельствами тѣсной, трудной жизни въ мелкихъ провинціальныхъ условіяхъ, углублены до паѳоса трагедій живой совѣсти. Трагизмъ въ его пьесахъ—безхитростный и тѣмъ сильнѣе захватывающій.

„Богъ мести“ — трагедія ветхозавѣтнаго человѣка, поставленнаго лицомъ къ лицу съ самыми страшными вопросами духа — съ вопросомъ объ отвѣтственности за свои дѣянія передъ высшимъ судомъ божественной справедливости. Самобытность Салома Аша, противоположная интеллектуальной изощренности писателей съ долгимъ литературнымъ прошлымъ, заключается въ необычайной прямолинейности, наивной простотѣ постановки вопроса. Его герой чувствуетъ себя стоящимъ непосредственно лицомъ къ лицу съ Богомъ, противъ

котораго онъ ополчился, и месть котораго онъ стремится отклонить. Онъ не сомнѣвается въ прямомъ воздѣйствіи Бога на его личную судьбу. У него не возникаетъ гамлетовскихъ міровыхъ вопросовъ о тайнахъ божественной справедливости въ мірѣ; онъ чувствуетъ наивно-религіозной душой власть Бога въ своихъ личныхъ дѣлахъ—и борется съ Богомъ, какъ съ реальнымъ противникомъ, подчиняясь справедливому гнѣву и ополчаясь противъ несправедливой мести. Наивность этой борьбы, чувство близости къ грозной силѣ, разрушающей жизнь человѣка, дѣлаетъ драму и очень человѣчной, и вмѣстѣ съ тѣмъ очень углубленной; трагизмъ ея — близкій и безъисходный. И еще нѣчто придаетъ благородный подъемъ драмѣ Салома Аша, — то, что драма, происходящая въ средѣ, живущей самыми низменными интересами и разсчетами, имѣетъ чисто духовный характеръ. Ничего мѣняющаго его внѣшнюю жизнь, ничего нарушающаго его жизненные интересы не происходитъ для героя драмы,—вся трагедія сосредоточена исключительно въ его душѣ; его окружающимъ кажется только, что случилось вполнѣ возможное несчастіе, съ которымъ можно справиться путемъ компромиссовъ; но въ немъ самомъ зрѣетъ и разражается катастрофа. Онъ составилъ себѣ опредѣленное понятіе о справедливости, установилъ опредѣленное отношеніе къ своему Богу — и Богъ разрушилъ его правду своей грозной карой. Происходитъ трагедія духа — только духа,—воплощенная въ жизни человѣка, занимающагося презрѣннымъ ремесломъ, презирающаго себя самого за свою жизнь. И подобный человѣкъ поднимается на такую высоту въ своемъ поединкѣ съ божественной справедливостью, что его гнѣвъ, его человѣческій судъ надъ божественнымъ закономъ мести не кажется мелкимъ; на днѣ его нравственнаго паденія въ жизни воскресаетъ сила духа, преображающаго его.

Центральное лицо драмы „Богъ мести"—герой, соединяющій нравственное паденіе съ пламенѣющимъ чувствомъ справедливости—еврей Янкель, сознательно занимающійся постыднымъ дѣломъ, содержатель притона. Всѣ вокругъ него,—его жена, ставшая хозяйкой послѣ того, какъ она долго была въ числѣ пансіонерокъ заведенія, его подчиненные,—всѣ какъ-то стараются найти компромиссъ, оправдать себя,— одинъ Янкель ясно сознаетъ, что̀ онъ такое, и въ своемъ наивномъ представленіи о прямомъ воздаяніи человѣку за его проступки, заранѣе примиряется со всѣми карами, которыя Богъ можетъ ниспослать на него. Его отношенія къ Богу ясны для него — онъ свято чтитъ Его, подчиняется закону справедливаго возмездія, и въ этой примиренности онъ спокоенъ. Онъ избралъ въ жизни дурное, захотѣлъ нажиться неправеднымъ путемъ, — за это онъ готовъ и поплатиться. У жены его совѣсть не чуткая; она и сама довольствуется

самообманомъ — и доказываетъ мужу, что, наживъ деньги, можно потомъ забыть объ ихъ происхожденіи и жить „честно“ со спокойной совѣстью. Но Янкель не обманываетъ себя. Онъ мечтаетъ иногда о томъ, чтобы бросить дѣло и заняться чѣмъ-нибудь менѣе выгоднымъ, но болѣе честнымъ, — но тотчасъ же оставляетъ эти мечты, считая себя все равно погибшимъ, въ виду всего, что̀ сдѣлалъ въ жизни.

Но все-таки, готовый принять всякую кару отъ „Бога мести“, онъ лелѣетъ одну святыню въ душѣ. Янкель имѣетъ дочь, молоденькую Ривкеле, и ее онъ охраняетъ отъ зла. Она выростаетъ честной дѣвушкой, — главное, честной,—и ей воздастся въ жизни по ея чистотѣ. Онъ благоговѣетъ передъ ея нетронутостью — и возрождается душой, думая о своей прекрасной, чистой дочери. Тутъ, по его міропониманію, предѣлъ Божьяго гнѣва. На дочь его кара за его тяжкіе грѣхи распространиться не можетъ. Она достойна милостей Господнихъ—и онѣ ей достанутся. Янкель — не возставшій на Бога нечестивецъ, какъ его подчиненный, лѣнтяй Шлойме, живущій на счетъ женщины, которая кормитъ его своимъ постыднымъ ремесломъ. Для Шлойме нѣтъ ничего святого, совѣсть его не мучитъ, онъ думаетъ только о выгодѣ и не считается съ Богомъ мести. А Янкель остается вѣрнымъ слугой Господнимъ. Онъ и паденіемъ своимъ славитъ Его,— вѣря въ справедливость кары, и точно такъ же видитъ высшее благо въ чистотѣ, и знаетъ, что чистота угодна Богу. Для завидной доли праведницы онъ готовитъ свою дочь, и мечтаетъ о ея свѣтлой судьбѣ. Онъ знаетъ, что на него самого блага Господни не распространятся, и онъ готовъ все претерпѣть. Пусть онъ погибнетъ—лишь бы жизнь Ривкеле сложилась прекрасно и свѣтло, вдали отъ ея презрѣнныхъ родителей,—непремѣнно вдали, ибо не для себя, а для нея онъ ждетъ благословенія Господня. И для этой цѣли, составляющей святыню его жизни, онъ все дѣлаетъ. Онъ живетъ съ женой и дочкой въ верхнемъ этажѣ дома, а заведеніе--внизу. Но онъ не допускаетъ сношеній между верхомъ и низомъ, увѣренъ, что Ривкеле и понятія не имѣетъ о жизни внизу. Она живетъ богобоязненно у родителей; низъ для нея—другой міръ, съ которымъ она никогда не столкнется. Янкель прогоняетъ Шлойме и его подругу, когда они приходятъ наверхъ толковать съ нимъ о дѣлахъ. Это все тамъ — здѣсь онъ отецъ благочестивой дѣвушки, по близости отъ которой не должно свершаться и говориться что-либо нечистое.

И Янкель надумалъ сдѣлать еще нѣчто большее для того, чтобы призвать милости Господни на голову своей дочери. Онъ заказываетъ тору—свитки закона — и приглашаетъ благочестиваго раввина для освященія торы къ себѣ въ домъ. Раввинъ, далекій отъ мірскихъ дѣлъ, погруженный въ святыя книги старикъ, не знаетъ—въ чей домъ

онъ пришелъ. Ему говорятъ, что хозяинъ богобоязненный еврей, рѣшившій освятить свой домъ присутствіемъ въ немъ торы. И раввинъ читаетъ наставленіе Янкелю. „Ты долженъ хорошенько понять, какое великое дѣло тора", — говоритъ онъ.—„На святой торѣ стоитъ міръ, и каждая отдѣльная тора такъ же священна, какъ таблицы закона, полученныя Моисеемъ на горѣ Синаѣ. Каждая точка въ торѣ выведена въ чистотѣ и благоговѣніи. Въ домѣ, гдѣ находится тора, присутствуетъ Господь, и поэтому домъ долженъ быть охраненъ отъ всего нечистаго". Эти простыя слова о святынѣ въ домахъ и сердцахъ человѣческихъ вполнѣ соотвѣтствуютъ чистому пламени вѣры въ содержателѣ притона Янкелѣ. Онъ такъ проникнутъ благоговѣніемъ къ святынѣ, что ни за что не осквернитъ ее соприкосновеніемъ съ собой. Тора будетъ стоять въ комнатѣ Ривкеле—она одна, чистое дитя, достойна блюсти святыню, которая распространитъ благословеніе на нее, — и потомъ, когда найдется достойный женихъ для честной дѣвушки, Янкель дастъ ему въ приданое эту тору, наградитъ его всѣми деньгами, которыя у него есть, — а заработалъ онъ много своимъ дѣломъ,—и потомъ будетъ только радоваться, что дочь его—честная, благочестивая женщина, которая сама будетъ славить Господа и сдѣлается матерью такихъ же чистыхъ, какъ она, дѣтей. Міръ оправданъ въ глазахъ Янкеля, пока сохраняется равновѣсіе, пока наказаны нечестивые и благословенны праведные. Бога карающаго и Бога ниспосылающаго милости Янкель чтитъ съ одинаковымъ благочестіемъ.

Но гармонія его религіозной души, смиренной во грѣхѣ, пламенной въ молитвахъ, нарушается налетѣвшей на него бурей,—и всѣ его надежды на справедливость Бога рушатся. Ривкеле—не такая, какою онъ представляетъ ее себѣ. Въ ней говоритъ кровь матери, въ ней сказались грѣхи отца. Она чиста по невѣдѣнію, — но уже относится съ любопытствомъ къ тому, что̀ происходитъ внизу. Одну изъ дѣвушекъ снизу, Маньку, она нѣжно полюбила. Манька—ея единственная подруга. Манька приходитъ къ ней тайкомъ и учитъ ее причесывать голову, учитъ вышивать—она нарисовала рисунокъ вышивки, которую Ривкеле готовитъ для покрова торы. Дѣвушекъ соединяетъ нѣжная дружба,—и дочь хозяина неудержимо влечетъ внизъ, туда, гдѣ живетъ Манька, жизни которой она не понимаетъ, смутно чувствуя странный соблазнъ этой запретности. Когда Янкель, послѣ того, какъ ушелъ раввинъ, благословившій тору, послѣ того, какъ уже заведены со сватомъ разговоры о подходящемъ женихѣ для Ривкеле, спускается внизъ отдать распоряженія, присмотрѣть за порядкомъ,—онъ къ ужасу своему настигаетъ на лѣстницѣ, ведущей внизъ, Ривкеле. Она что-то бормочетъ про то, что мать послала ее сюда за

нимъ,—и онъ въ бѣшенствѣ готовъ обвинить жену за ея преступный недосмотръ за дочкой, тащитъ дѣвочку наверхъ, грозя ей побоями, если она посмѣетъ еще разъ придти сюда. Но Ривкеле уже обречена своимъ любопытствомъ, своими инстинктами—наслѣдственными. Чуть засыпаетъ, наконецъ, отецъ, какъ она опять прокрадывается внизъ къ своей Манькѣ—и тутъ осуществляется низкій заговоръ противъ Янкеля. Шлойме обѣщалъ своей подругѣ жениться на ней, когда имъ удастся тоже выйти въ люди, зажить порядочной жизнью, какъ всѣ,— т.-е. не служить у Янкеля, а имѣть свое „заведеніе". Имъ нужна какая-нибудь приманка для обезпеченія своихъ дѣлъ,—и они задумываютъ заманить къ себѣ Ривкеле, которая охотно послѣдуетъ за своей подругой Манькой. Планъ удается. Манька завлекаетъ дѣвочку, привязавшуюся къ ней, и онѣ вдвоемъ покидаютъ домъ и спасаются въ домѣ Шлойме.

Вотъ какъ воздалъ Богъ мести Янкелю за его благоговѣйное почитаніе святыни чистоты. Когда побѣгъ дѣвушки открытъ, Янкель неистовствуетъ и начинаетъ возмущаться противъ Бога мести. Жена успокаиваетъ его, говоритъ, что дѣвушку разыщутъ, что Шлойме — всѣ понимаютъ, что ея исчезновеніе дѣло его рукъ — вернетъ имъ дочь; нужно только заплатить какъ слѣдуетъ. Она старается образумить его, чтобы онъ не разглашалъ позора. Для нея главное—мнѣніе людей, внѣшнее сохраненіе чести; она живетъ компромиссами. И сватъ, узнавшій о несчастіи, дѣйствуетъ согласно съ нею; онъ успокаиваетъ Янкеля, говоритъ, что нужно будетъ только увеличить сумму приданаго, и Ривкеле все-таки можно будетъ выдать „честно" замужъ. Одинъ Янкель не знаетъ компромиссовъ. Для него трагедія сосредоточена между нимъ и Богомъ, не принявшимъ его раскаянія, покаравшимъ за него невинную душу чистой дѣвушки, толкнувшимъ ее на позоръ. Никакія житейскія соглашенія не могутъ удовлетворить его. Онъ борется съ грознымъ Богомъ мести. Онъ вѣдь готовъ былъ признать смиренно всякую кару—пусть бы проклятіе обрушилось на него, пусть бы онъ обнищалъ, сдѣлался калѣкой, пусть бы несчастіе обрушилось на его нечестивую жену—оба они заслуживаютъ всѣхъ каръ. Но почему на Ривкеле? Почему ей невинно страдать за грѣхи отцовъ?

Жена Янкеле дѣйствуетъ практично: она призываетъ Шлойме, подкупаетъ его подарками и деньгами и уговариваетъ вернуть дочь. Шлойме поддается, — и черезъ нѣсколько времени приводятъ дочь. Какъ разъ въ это время ожидается приходъ свата съ отцомъ предполагаемаго жениха для Ривкеле. Но Янкель не допуститъ обмана, не согласенъ дѣйствовать, какъ внушаютъ ему жена и сватъ. Онъ долженъ предложить только одинъ вопросъ своей дочери — только одинъ, — и это рѣшитъ все. Ривкеле входитъ въ родительскій домъ

растерянная, смущенная. Мать прежде всего старается обласкать ее, отклонить гнѣвъ отца,—но онъ подступаетъ къ Ривкеле съ грознымъ вопросомъ: „Скажи, такъ ли ты чиста, какъ была, выходя изъ родительскаго дома?“—Ему не нужно даже прямого отвѣта. Срывая съ нея шаль, въ которую она закутана, онъ видитъ ее, одѣтую въ традиціонный бѣлый костюмъ дѣвушекъ въ его заведеніи,—и первыя слова Ривкеле, ея вопросъ, почему она должна быть лучше, чѣмъ отецъ и мать, ея вызывающій тонъ, слова, что она все узнала о прошломъ матери,—все объясняютъ. Катастрофа разразилась—Богъ мести покаралъ Янкеля. Тогда въ немъ загорается бунтъ противъ воли Бога, бывшей для него закономъ. Теперь онъ правъ, правъ, несмотря на всѣ свои грѣхи, на всю гнусность своей жизни, — неправъ оказался Богъ, въ которомъ онъ чтилъ высшую справедливость. Янкель толкаетъ дочь въ ея комнату при входѣ гостей. И когда сватъ заводитъ разговоръ о желательности брака между ученымъ, благочестивымъ юношей и богобоязненной дочерью Янкеля, послѣдній быстро бѣжитъ въ комнату Ривкеле, тащитъ испуганную дѣвушку оттуда и, приведя въ комнату, разражается грозной богохульной рѣчью, говоритъ, какова эта чистая дѣвушка, говоритъ, какъ отмстилъ ему Богъ, и, кляня дочь, толкаетъ ее къ лѣстницѣ:—„Ступай внизъ—твое мѣсто тамъ!“—кричитъ онъ, не взирая на вопли жены. Испуганный и растерянный гость быстро удаляется вмѣстѣ со сватомъ, а Янкель кричитъ имъ въ неистовствѣ:—„Заберите съ собой вашу тору! Она мнѣ не нужна“.

Трагедія богоборчества кончается пораженіемъ возставшаго человѣка. Грозный Богъ не знаетъ человѣческихъ мѣрилъ справедливости,—и человѣку, не понимающему справедливости божественной, остается или покориться ей, или возставать въ безсильномъ гнѣвѣ, губящемъ только его. Драма заканчивается бунтомъ, — разверзается пропасть между человѣкомъ и Богомъ мести. Отвѣта нѣтъ на дерзкій вопросъ человѣка, предъявляющаго небу свои человѣческія требованія справедливости; есть только судьба, карающая человѣка, когда онъ самовольно ставитъ условія божественному закону. И судьба эта воплощена въ драмѣ Салома Аша съ глубокой жизненностью, съ паѳосомъ истиннаго страданія.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 іюля 1907.

Роспускъ второй Государственной Думы.—Послѣдніе два дня передъ роспускомъ.—Требованіе правительства объ устраненіи соціалъ-демократической фракціи.—Оборванная роспускомъ работа думскихъ коммиссій.—Впечатлѣнія роспуска.—Ближайшія перспективы.—Земскій съѣздъ.—Новыя правила о печати.—Изъ рѣчи костромского губернатора.

Всего на тридцать-два дня пережила Дума вторая—„осторожная"—Думу первую — „короткую"! Семьдесятъ-два дня просуществовала „Дума народныхъ надеждъ"—Дума, которую народъ выбиралъ съ молитвеннымъ благоговѣніемъ и которая была полна вѣры въ непобѣдимое могущество и силу идеи представительства... Сто-четыре дня прожила „Дума послѣдней надежды"—Дума, образуя которую, народъ, главнѣе всего, наказывалъ ее „беречь" и въ которой одна часть членовъ лихорадочно работала подъ вѣчной угрозой „меча разгона", другая считала „разгонъ" неотвратимымъ, а третья желала его скорѣйшаго наступленія...

Въ пятницу, 1 іюня, должно было происходить дѣловое засѣданіе—продолженіе преній по докладу коммиссіи о реформѣ мѣстнаго суда. Но, уже входя въ Думу, можно было видѣть, что вмѣсто очередного дѣлового засѣданія будетъ экстраординарное. Изъ устъ въ уста передавалось, что всѣ министры въ сборѣ и что П. А. Столыпинъ потребовалъ удаленія публики и журналистовъ. По объявленіи засѣданія открытымъ, Ѳ. А. Головинъ предоставилъ слово предсѣдателю совѣта министровъ, который обратился къ Думѣ съ слѣдующей рѣчью... „Имѣя въ виду, что въ настоящее время, въ связи съ обыскомъ въ квартирѣ члена Государственной Думы Озола, предварительнымъ слѣдствіемъ выяснены главнѣйшія данныя по дѣлу объ организаціи преступнаго сообщества, въ составъ котораго вошли нѣкоторые члены Государственной Думы, и представляется необходимымъ немедленное принятіе мѣръ къ обезпеченію правильнаго хода правосудія, я прошу Государственную Думу выслушать представителя судебнаго вѣдомства, прокурора с.-петербургской судебной палаты, который ознакомитъ Думу съ постановленіемъ судебнаго слѣдователя о привлеченіи нѣсколькихъ изъ ея членовъ въ качествѣ обвиняемыхъ. Дальнѣйшія поясненія, по прочтеніи этого акта, можетъ дать Государственной Думѣ присутствующій въ засѣданіи господинъ министръ юстиціи. Обязываюсь присовокупить, что всякое промедленіе со стороны Государственной Думы въ разрѣ-

шеніи предъявляемыхъ къ ней, на основаніи §§ 16 и 21 Учр. Государственной Думы, требованій или удовлетвореніе ихъ не въ полной мѣрѣ поставило бы правительство въ невозможность дальнѣйшаго обезпеченія спокойствія и порядка въ государствѣ".

Хотя засѣданіе происходило при закрытыхъ дверяхъ, но на другой же день въ „Новомъ Времени", а затѣмъ и въ другихъ газетахъ, было напечатано прочитанное прокуроромъ петербургской судебной палаты постановленіе судебнаго слѣдователя и также были приведены почти полностью вызванныя требованіемъ правительства пренія. Рѣчь же П. А. Столыпина была 2 іюня оффиціально сообщена газетамъ „Освѣдомительнымъ бюро".

Обыскъ въ квартирѣ И. П. Озола, имѣвшій мѣсто вечеромъ и ночью 5 мая, былъ предметомъ сужденій Государственной Думы еще 7 мая. Членами соціалистическихъ фракцій по поводу этого обыска тогда было внесено предложеніе о запросѣ, въ виду явной незакономѣрности дѣйствій полиціи. Незакономѣрность была завѣрена, между прочимъ, любопытнымъ документомъ, оглашеннымъ членомъ Думы Салтыковымъ: запиской, написанной подъ диктовку прокурора судебной палаты, который самъ призналъ свою оплошность въ томъ, что при первоначальномъ предъявленіи ему ордера градоначальника объ обыскѣ не обратилъ вниманія на основаніе сдѣланнаго распоряженія и, полагая, что оно послѣдовало въ порядкѣ закона объ охранѣ, въ теченіе двухъ часовъ отказывался отъ вмѣшательства въ дѣло. Когда же г. Камышанскій внимательно прочелъ ордеръ и увидѣлъ въ немъ ссылку на 258 ст. устава уголовнаго судопроизводства, дающую полиціи право на производство слѣдственныхъ дѣйствій лишь до прибытія на мѣсто судебнаго слѣдователя, то предложилъ участковому приставу пріостановиться въ исполненіи распоряженія, потребовалъ отъ него представленія фактическихъ данныхъ, послужившихъ поводомъ для обыска, и, по ознакомленіи съ ними, не нашелъ ихъ достаточными для начатія предварительнаго слѣдствія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для производства какихъ бы то ни было слѣдственныхъ дѣйствій.

Словомъ, обыскъ въ квартирѣ И. П. Озола, какъ онъ обрисовался въ засѣданіи Думы 7 мая, ясно носилъ характеръ дѣйствія, произведеннаго полиціей и формально неправильно, и по существу безъ достаточныхъ основаній. Вслѣдствіе этого Дума не могла придать особаго значенія тому, что̀ было сказано во время преній П. А. Столыпинымъ и И. Г. Щегловитовымъ. Болѣе, чѣмъ естественно, было услышать въ ихъ рѣчахъ ноту оправданія. Противъ нихъ стоялъ фактъ: прекращеніе дѣйствій полиціи по распоряженію прокурора судебной палаты. Правда, П. А. Столыпинъ, между прочимъ, говорилъ: „я долженъ, въ оправданіе дѣйствій полиціи, сказать слѣдующее: на

слѣдующій день были произведены дополнительныя дѣйствія не только полицейской, но и слѣдственной властью и обнаружено отношеніе квартиры депутата Озола къ военно-революціонной организаціи, поставившей своей цѣлью вызвать возстаніе въ войскахъ". То же повторилъ И. Г. Щегловитовъ, заявившій, на основаніи свѣдѣній, собранныхъ 6 мая, что въ квартирѣ г. Озола „вечеромъ 5 мая должно было происходить соединенное засѣданіе представителей революціонной военной организаціи и представителей извѣстной фракціи членовъ Государственной Думы", и что полиція, вошедшая въ квартиру, „опоздала на полчаса". Не заподозривая авторитетности этихъ заявленій, можно было, однако, усумниться въ точности свѣдѣній, собранныхъ послѣ незакономѣрнаго обыска, разъ оказались неубѣдительными даже для представителя прокурорскаго надзора свѣдѣнія, собранныя до обыска. Категорическое заявленіе соціалъ-демократовъ, что никакого сборища революціонныхъ организацій въ квартирѣ И. П. Озола 5 мая не было и не предполагалось, невольно внушало довѣріе. И хотя черезъ день стало извѣстно, что 8 мая въ той же квартирѣ снова производился обыскъ, уже въ судебномъ порядкѣ, а впослѣдствіи неоднократно раздавались съ думской каѳедры указанія на обнаруженную военную революціонную организацію, но вообще инцидентъ съ обыскомъ 5 мая скоро забылся. Во всякомъ случаѣ, онъ забылся, какъ подводный камень, о который можетъ сокрушиться въ своемъ бурномъ плаваніи корабль Государственной Думы. Гораздо болѣе прочное впечатлѣніе, нежели заявленіе о связи соціалъ-демократической фракціи съ военной революціонной организаціей, оставили слѣдующія неопровергнутыя слова министра юстиціи: „Между прочимъ, обыскъ обнаружилъ, что отъ имени одной изъ фракцій Государственной Думы выдаются квитанціи лавочникамъ за снятіе бойкота, за что и берутся деньги".

Чтеніе постановленія судебнаго слѣдователя продолжалось часа полтора. По окончаніи было внесено предложеніе о перерывѣ. Правые запротестовали. Кто-то,—кто именно, не помнимъ,—кричалъ: „Зачѣмъ перерывъ, когда все такъ ясно!" Но большинство рѣшило, что перерывъ необходимъ. Дѣйствительно, моментъ былъ важный и было чрезвычайно много такого, о чемъ слѣдовало подумать и переговорить не только прежде голосованія, но и прежде открытія преній. Постановленіе, изложенное на двадцати-трехъ печатныхъ страницахъ большого формата, заключало въ себѣ слишкомъ много фактическаго матеріала, чтобы возможно было сразу составить себѣ опредѣленное сужденіе для отвѣтственнаго рѣшенія. Съ одной стороны, выступало во всей силѣ предъявленное членамъ Думы обвиненіе въ подготовленіи вооруженнаго возстанія при участіи войска, и въ памяти вставали

„Потемкинъ“, Свеаборгъ, Кронштадтъ и Севастополь, въ связи съ тѣмъ, что̀ говорилось въ Думѣ представителями соціалъ-демократической фракціи при обсужденіи законопроекта о контингентѣ новобранцевъ, и также со слухами о рѣшеніи лондонскаго съѣзда партіи. Но съ другой — чувствовалось, что постановленіе имѣетъ юридическіе дефекты и грѣшитъ противъ логики, такъ какъ выводъ о привлеченіи къ отвѣтственности всѣхъ членовъ фракціи не вытекалъ изъ собранныхъ слѣдственной властью объективныхъ данныхъ. Далѣе, наконецъ, при всемъ томъ, что возможность ежеминутнаго роспуска постоянно давила сознаніе каждаго члена Думы, слова П. А. Столыпина все-таки прозвучали неожиданно. Такъ съ Думою онъ—именно онъ—еще никогда не говорилъ.

Совѣщанія крайнихъ фракцій—правыхъ и лѣвыхъ—продолжались недолго. Въ центральныхъ же фракціяхъ происходили гораздо долѣе назначеннаго для перерыва времени горячіе споры. Основнымъ предметомъ споровъ былъ вопросъ: поставленъ ли Думѣ безповоротный ультиматумъ, или возможенъ средній исходъ, кромѣ удовлетворенія требованія „въ полной мѣрѣ“? Принятіе требованія безъ всесторонней его оцѣнки всѣми единодушно отвергалось, какъ несогласное съ закономъ и съ достоинствомъ Думы. Но стоитъ ли и есть ли надобность такую оцѣнку производить? Наиболѣе извѣрившіеся въ продленіе существованія Думы безнадежно говорили: „Нѣтъ—роспускъ рѣшенъ, и предложеніе объ устраненіи 55 членовъ соціалъ-демократической фракціи есть только искусственно созданный предлогъ“. Въ подтвержденіе своихъ словъ, они приводили принесенный кѣмъ-то слухъ изъ дипломатическихъ сферъ, что роспускъ, во всякомъ случаѣ, долженъ на-дняхъ состояться и что уже готовъ новый избирательный законъ. Оптимисты возражали. Они боялись сказать даже себѣ: „конецъ!“—и эта боязнь заставляла ихъ надѣяться на возможность предотвратить роспускъ строго-законнымъ образомъ дѣйствій. Въ то же время они боялись и другого: что Дума подъ впечатлѣніемъ признанной неизбѣжности рѣшеннаго правительствомъ роспуска утратитъ должное спокойствіе и безъ мотивировки, или съ мотивировкой демонстративнаго характера, откажетъ въ удовлетвореніи требованія въ какой бы то ни было мѣрѣ.

Кадеты, безпартійные, польское коло и мусульмане рѣшили внести предложеніе объ образованіи коммиссіи съ тѣмъ, чтобы коммиссія детально изучила дѣло и въ кратчайшій срокъ представила Думѣ свое заключеніе. Какъ показало позднѣйшее голосованіе, трудовики не пришли къ единодушному рѣшенію. Руководители партіи были противъ образованія коммиссіи, желали немедленнаго обсужденія требованія правительства по существу и немедленнаго же его отклоненія.

Но въ массѣ трудовиковъ—въ крестьянахъ — превозмогъ всѣ доводы руководителей наказъ избирателей: „беречь Думу". Они голосовали съ кадетами—за коммиссію. Намъ довелось въ кулуарахъ услышать отъ одного рядового крестьянина-трудовика такую фразу: „соціалъ-демократы заварили кашу, а мы теперь должны за нихъ отвѣчать". Что̀ хотѣлъ онъ сказать этой фразой? Можетъ быть, подъ „отвѣчать за нихъ" онъ разумѣлъ утрату положенія члена Думы и связанныхъ съ этимъ положеніемъ суточныхъ. Мы его не разспрашивали. Но намъ показалось, что въ устахъ нашего собесѣдника „мы"—это члены Думы, не какъ лица, получающія по десяти рублей въ сутки, а какъ представители народа, что „мы" — это народъ въ лицѣ его представителей, который долженъ отвѣчать возвратомъ къ реакціи и удлиненіемъ годовъ безправія и голода за то, что идеалы правовѣрнаго соціализма еще не приняли конкретной формы ни въ общественномъ сознаніи, ни въ сознаніи самихъ носителей ихъ...

Страстныя пренія, открывшіяся послѣ перерыва, затянулись до поздняго вечера. Хотя предметомъ преній былъ вопросъ формальный—образовывать коммиссію или нѣтъ,—но ораторы постоянно сбивались на существо дѣла. Правые и въ это памятное засѣданіе остались вѣрны себѣ. Человѣкъ пять изъ нихъ кричали о революціи и варьировали одну и ту же тему: начальство требуетъ—чего же разсуждать! Церетели произнесъ блестящую и сдержанную по формѣ рѣчь, рѣзко отрицавшую житейскую правильность привлеченія къ судебной отвѣтственности цѣлой парламентской фракціи. „Если—говорилъ онъ—насъ обвиняютъ въ томъ, что мы организуемъ связь съ народомъ, то мы гордимся этимъ обвиненіемъ"... Основательность обвиненія въ революціонизированіи солдатъ онъ, однако, оставилъ безъ освѣщенія. Ѳ. И. Родичевъ призывалъ Думу къ спокойствію, къ сохраненію самообладанія, дабы Дума, „если ей суждено умереть, умерла съ честью"... Большинство голосовъ высказалось за немедленное образованіе коммиссіи и поручило ей представить докладъ на другой день къ семи часамъ вечера. Процедура выборовъ и подсчета записокъ затянулась до второго часа ночи. Въ первой Думѣ засѣданія не разъ затягивались такъ поздно. Въ методичной второй Думѣ это было первое ночное засѣданіе. Первое и послѣднее...

Въ постановленіи судебнаго слѣдователя обвиненіе противъ всѣхъ 55 членовъ Думы, принадлежавшихъ къ соціалъ-демократической фракціи, было формулировано по признакамъ 1 ч. 102 ст. уголовнаго уложенія, которая предусматриваетъ участіе въ сообществѣ, составившемся для учиненія насильственнаго посягательства „на измѣненіе въ Россіи или въ какой-либо ея части установленныхъ законами

основными образа правленія или порядка наслѣдія престола или на отторженіе отъ Россіи какой-либо ея части". Собственно въ этомъ, первомъ, пунктѣ постановленія ничего у Думы не испрашивалось, ибо законъ предоставляетъ органамъ судебной власти привлекать членовъ Думы къ слѣдствію за преступныя дѣянія, въ качествѣ обвиняемыхъ, на общемъ основаніи. И изъ приведеннаго текста рѣчи П. А. Столыпина также прямо не вытекало какого-либо опредѣленнаго требованія въ отношеніи всѣхъ привлеченныхъ къ слѣдствію членовъ Думы. Только ссылка на ст. 21 учрежденія Думы, сверхъ ссылки на ст. 16, давала косвенное указаніе, что подъ принятіемъ „мѣръ къ обезпеченію правильнаго хода правосудія" предсѣдатель совѣта министровъ разумѣлъ временное устраненіе всѣхъ 55 членовъ соціалъ-демократической фракціи отъ участія въ собраніяхъ Думы. Такимъ образомъ, уже самый объемъ предъявленнаго требованія представлялся далеко не безспорнымъ. Въ манифестѣ 3 іюня это требованіе выражено категорично: „Правительство Наше потребовало временнаго, до окончанія суда, устраненія обвиняемыхъ въ преступленіи этомъ пятидесятипяти членовъ Думы и заключенія наиболѣе уличаемыхъ изъ нихъ подъ стражу". Думѣ же оно было предъявлено отнюдь не столь категорично.

Непосредственно касался Думы второй пунктъ постановленія судебнаго слѣдователя о приводѣ къ слѣдствію 16 изъ 55 соціалъ-демократовъ и объ избраніи мѣрою пресѣченія, въ отношеніи ихъ, содержанія подъ стражею. Необходимость примѣненія этой высшей мѣры пресѣченія мотивировалась „значеніемъ и силой уликъ, имѣющихся въ дѣлѣ противъ названныхъ обвиняемыхъ, длящимся характеромъ совершеннаго ими преступнаго дѣянія и возникающею при этомъ для слѣдственной власти обязанностью избраніемъ мѣры пресѣченія не только обезпечить явку обвиняемыхъ къ суду и слѣдствію, но и препятствовать продолженію преступной дѣятельности обвиняемыхъ". Лишеніе членовъ Думы свободы, въ формѣ содержанія подъ стражей, само собою покрывало устраненіе отъ участія въ собраніяхъ. А потому относительно 16 привлеченныхъ къ слѣдствію ни коммиссіи, ни затѣмъ Думѣ, не предстояло рѣшать вопроса о примѣненіи ст. 21. Но и въ предѣлахъ примѣненія ст. 16 возникало немало юридическихъ сомнѣній.

Во-первыхъ, вопреки правиламъ устава уголовнаго судопроизводства, судебный слѣдователь постановилъ подвергнуть обвиняемыхъ приводу, не вызвавъ ихъ предварительно повѣсткой для добровольной явки. Во-вторыхъ, вопреки тѣмъ же правиламъ, онъ избралъ мѣру пресѣченія ранѣе допроса обвиняемыхъ. Въ-третьихъ,—включилъ въ число мотивовъ избранія содержанія подъ стражей—такой, который закономъ не предусмотрѣнъ. Уставъ уголовнаго судопроизводства знаетъ два основанія мѣръ пресѣченія: обезпеченіе явки обвиняемыхъ

къ слѣдствію и суду и предупрежденіе сокрытія слѣдовъ преступленія. Препятствованіе же продолженію преступной дѣятельности, какъ основаніе заключенія обвиняемыхъ подъ стражу, уставу неизвѣстно, и никакимъ закономъ на слѣдственную власть не возложено обязанности учитывать всегда неизбѣжно гадательную будущую дѣятельность лица, привлеченнаго къ отвѣтственности за дѣятельность прошлую. Эти формальные дефекты постановленія необходимо обусловливали для Думы, впервые столкнувшейся съ примѣненіемъ ст. 16, самое тщательное обсужденіе. Неприкосновенность народныхъ представителей имѣетъ первостепенное политическое значеніе. И если въ отношеніи гражданъ судебная власть обязана съ точной неуклонностью соблюдать правила, гарантирующія свободу лица отъ произвольнаго ея нарушенія, то въ отношеніи избранниковъ народа она обязана соблюдать ихъ съ неуклонностью абсолютной. Дума же, которая не воспользовалась бы предоставленнымъ ей въ данномъ отношеніи правомъ контроля и не выполнила бы обязанности контроля во всей полнотѣ, не достойна бы была своего высокаго положенія. Эта обязанность, далѣе, возлагала на избранную Думою коммиссію повѣрку степени „значенія и силы имѣющихся въ дѣлѣ уликъ".

Утро 2-го іюня началось въ Думѣ обычно. Съ десяти часовъ стали собираться различныя коммиссіи. Но работа не клеилась. Большинство, даже изъ тѣхъ, кто наканунѣ подавали голоса за передачу постановленія судебнаго слѣдователя на предварительное разсмотрѣніе въ коммиссію, было убѣждено, что конецъ насталъ. Вмѣсто дѣлового обмѣна мнѣній, шли разговоры о томъ, кто и куда собирается уѣхать. Передавали кѣмъ-то пущенный слухъ, что будто бы рано утромъ вводили въ залу думскихъ засѣданій солдатъ изъ караула и показывали имъ входы и выходы. Авторъ настоящихъ строкъ не вѣрилъ, что роспускъ Думы такъ близокъ, и его раздражали всѣ эти разговоры и слухи. Ему казалось, что слухи и толки не имѣютъ подъ собой реальной почвы, но что, сгущая и безъ того напряженную атмосферу, они могутъ сдѣлать то, что Дума сама себя взорветъ. Онъ ошибался—и въ этомъ теперь кается. Дума въ теченіе очередного засѣданія 2-го іюня была безупречно-лояльна, и все-таки послѣдовалъ роспускъ даже прежде, чѣмъ коммиссія окончила свою работу...

Коммиссія приступила къ занятіямъ въ 11 часовъ утра. Были произведены выборы предсѣдателя и секретаря, установленъ порядокъ занятій и снова прочтено постановленіе. Затѣмъ въ коммиссію прибылъ прокуроръ судебной палаты, г. Камышанскій, для предъявленія подлиннаго слѣдственнаго производства и документовъ. Одинъ изъ первыхъ же документовъ оказался не точно цитированнымъ въ постановленіи. Помѣтка на немъ была приведена въ постановленіи

полными, законченными словами, стоявшими въ кавычкахъ, которыя свидѣтельствовали о буквальномъ ея воспроизведеніи. На подлинникѣ же помѣтка оказалась написанной сокращенно и отчасти одними начальными буквами словъ, допускавшими полную возможность читать ее иначе, чѣмъ читалъ судебный слѣдователь. И это былъ одинъ изъ важнѣйшихъ документовъ, устанавливавшій связь, если не всей фракціи, то ея комитета, съ военной революціонной организаціей. Другой, не менѣе важный документъ, названный въ постановленіи резолюціей, найденной въ бумагахъ соціалъ-демократической фракціи, оказался листкомъ почтовой бумаги съ написанными на немъ, неизвѣстно кѣмъ и когда, тремя тезисами — безъ всякаго заголовка, безъ подписей и безъ малѣйшаго указанія на то, что это—принятая фракціей резолюція, а не черновой набросокъ ея, быть можетъ никогда не докладывавшійся ни въ собраніи фракціи, ни въ собраніи комитета. Коммиссія послѣ этого естественно не могла оставить безъ свѣрки съ подлинными актами и документами ни одной строки постановленія. А такъ какъ документовъ было предъявлено весьма много, то работа къ назначенному сроку физически не могла быть окончена.

Одновременно съ засѣданіемъ коммиссіи, съ двухъ часовъ происходило засѣданіе Думы. Сперва были оглашены вновь поступившія дѣла. Между прочимъ, предсѣдатель Думы сообщилъ, что отъ предсѣдателя коммиссіи, разсматривавшей законопроектъ о неприкосновенности личности, поступило увѣдомленіе о томъ, что законопроектъ готовъ и можетъ быть назначенъ къ слушанію въ ближайшее время. Такъ было и въ прошломъ году: наканунѣ роспуска первой Думы тоже былъ внесенъ отъ коммиссіи законопроектъ о неприкосновенности личности. Его не довелось заслушать первой Думѣ — и снова въ теченіе цѣлаго года безпомощно висѣли въ воздухѣ слова манифеста 17-го октября: „даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности"... Дума опредѣлила поставить законопроектъ на повѣстку ближайшаго засѣданія. Затѣмъ она перешла къ преніямъ о мѣстномъ судѣ. Почти послѣ каждой рѣчи отъ соціалистическихъ фракцій поступало предложеніе о прекращеніи преній. Крайніе лѣвые желали, чтобы Дума умерла шумно, и потому настаивали на томъ, чтобы немедленно были заслушаны и отвергнуты бюджетъ и всѣ чрезвычайныя мѣры, принятыя правительствомъ въ періодъ междудумья въ порядкѣ 87 статьи основныхъ законовъ. Кадеты каждый разъ протестовали и выходили побѣдителями. Благодаря имъ, Дума умерла буднично, но съ честью: она до послѣдней минуты осталась вѣрною конституціонной идеѣ и повиновенію закону... Около шести часовъ г. Кизеветтеръ, предсѣдатель коммиссіи, разсматривавшей постановленіе судебнаго слѣдователя, до-

ложилъ, что ранѣе, чѣмъ къ понедѣльнику, 4-го іюня, коммиссія не въ силахъ исполнить порученія.

Послѣ небольшого обѣденнаго перерыва, коммиссія продолжала работу до перваго часа ночи. Никакого обмѣна мнѣній въ коммиссіи не происходило: все время читались и изучались предъявляемые г. Камышанскимъ документы. Уходя, г. Камышанскій заявилъ, что на другой день будетъ ждать приглашенія въ коммиссію и, если то окажется нужнымъ, немедленно явится. Послѣ его ухода, было рѣшено собраться на слѣдующій день въ 12 часовъ. Какъ потомъ сообщалось въ газетахъ, два члена коммиссіи, гг. Маклаковъ и Струве, вмѣстѣ съ членами Думы, Булгаковымъ и Челноковымъ, въ этотъ моментъ сидѣли на Елагиномъ островѣ, у П. А. Столыпина. Мы не осуждаемъ ихъ за эту поѣздку и легко представляемъ себѣ тѣ чувства, которыя ихъ заставили ее предпринять. Мы увѣрены, что далеко не у нихъ однихъ, но и у многихъ другихъ членовъ коммиссіи, въ результатѣ двухъ дней нервнаго напряженія, камнемъ лежало на душѣ желаніе выйти изъ невыносимаго состоянія неизвѣстности. Такъ человѣкъ бросаетъ постель умирающаго и летитъ къ доктору, чтобы услышать приговоръ, а въ то же время въ немъ копошится слабая, трепещущая надежда своимъ вмѣшательствомъ что-то подсказать медицинской наукѣ,—что̀, быть можетъ, спасетъ больного... И гг. Струве, Маклаковъ, Булгаковъ и Челноковъ стремились—мы не сомнѣваемся—раскрыть глаза предсѣдателю совѣта министровъ на то, что̀ онъ видѣлъ подъ одностороннимъ угломъ зрѣнія... Они тогда же узнали, что Дума уже распущена. Но остававшіеся въ коммиссіи до конца разошлись въ увѣренности, что по крайней мѣрѣ на завтра имъ еще предстоитъ быть членами Думы и осуществлять права и обязанности представителей народа.

Тѣхъ изъ нихъ, которые на утро пріѣхали въ Таврическій дворецъ, туда не впустили,—не впустили даже взять оставленные портфели. Другіе прочли на улицахъ манифестъ и во дворецъ не поѣхали. Во дворцѣ въ это время были уже другіе порядки и другіе хозяева. Жившій въ одной изъ комнатъ канцеляріи, секретарь Думы, М. В. Челноковъ, проснувшись, узналъ, что за дверями его спальни стоятъ сторожа, и онъ не могъ уйти, пока къ нему не пришелъ и не вывелъ его начальникъ охраны...

Коммиссія не успѣла ни обсудить дѣло, ни вынести своего заключенія. Какое это было бы заключеніе — сказать не такъ легко, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда. Юридическое обоснованіе требованія правительства было далеко отъ абсолютной твердости. Но коммиссія несомнѣнно остановила бы свое вниманіе и на этико-политической сторонѣ вопроса. Въ данномъ отношеніи постановленіе

судебнаго слѣдователя раскрывало, что нѣкоторые члены думской соціалъ-демократической фракціи сошли въ своей дѣятельности съ роли народныхъ представителей конституціоннаго государства и злоупотребляли своимъ положеніемъ, создавая изъ себя „неприкосновенныхъ" партійныхъ агитаторовъ. Мало того,—дѣло давало указанія на намѣреніе произвести давленіе на Думу путемъ фальсификаціи широко будто бы захватившей войска военной революціонной организаціи. Насколько военный заговоръ имѣлъ именно характеръ фальсификаціи, видно изъ слѣдующаго мѣста постановленія, въ которомъ описывается, со словъ одного изъ привлеченныхъ къ слѣдствію солдатъ, какъ составлялся принесенный 5-го мая въ квартиру И. П. Озола „наказъ" отъ лица войскъ петербургскаго гарнизона. „Въ назначенный часъ въ указанномъ мѣстѣ собрались Морозова, Сопотницкій (студентъ), Архиповъ, Кутыревъ, Колясниковъ, Эпштейнъ (солдаты), казакъ Долговъ, еще два солдата и дѣвушка, называвшаяся Ириной, причемъ Ирина прочитала изготовленный наказъ, а Сопотницкій *подписалъ подъ наказомъ части войскъ*, къ которымъ принадлежали присутствующіе нижніе чины, *приписалъ и еще нѣсколько частей*, представителей отъ которыхъ здѣсь не было"... Столь же непросто отгадать, какое рѣшеніе въ концѣ концовъ приняла бы Дума. Нельзя забывать, что вопросъ подлежалъ рѣшенію закрытой баллотировкой, въ отношеніи каждаго изъ 55 соціалъ-демократовъ особо, причемъ сами они въ баллотировкѣ не участвовали бы и тѣмъ число голосующихъ уменьшилось бы болѣе, чѣмъ на восьмую часть наличнаго числа членовъ Думы. Мысль: „а мы теперь должны за нихъ отвѣчать"—едва ли, по выслушаніи требованія правительства, пришла на умъ только одному крестьянину-трудовику. Дума, дѣйствительно, не исполнила требованія правительства *немедленно*. Но исполнить его немедленно, т.-е. дать отвѣтъ 1-го же іюня и даже вечеромъ 2-го іюня, какъ первоначально сама предположила, она не имѣла ни нравственнаго права, ни фактической возможности...

Въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ русское общество пережило роспускъ первой Думы и роспускъ второй. Годъ назадъ былъ „разгонъ". Теперь—будничный, ординарный роспускъ. И съ внѣшней, формальной стороны актъ о роспускѣ первой Думы не былъ соображенъ съ закономъ: онъ не имѣлъ министерской скрѣпы и не назначалъ времени производства новыхъ выборовъ. Вторая Дума распущена актомъ съ формальной стороны безукоризненнымъ. Въ одинъ день съ манифестомъ и указомъ о роспускѣ былъ распубликованъ новый избирательный законъ, одна изъ основныхъ характерныхъ чертъ котораго—регламентація мелочей и детальное измѣненіе раз-

счетовъ числа выборщиковъ по губерніямъ и по куріямъ. Законъ умѣло разрѣшилъ требовавшую кропотливаго труда задачу: такъ скомбинировать условія производства выборовъ и цифровые разсчеты, чтобы никто изъ пользовавшихся избирательнымъ правомъ не былъ его лишенъ, но чтобы, вмѣстѣ съ тѣмъ, это право для главной массы избирателей обратилось въ отвлеченную, теоретическую возможность. Такой законъ не могъ быть составленъ въ короткое время. Къ роспуску, слѣдовательно, систематично и задолго готовились.

Годъ назадъ, члены Думы вечеромъ въ день роспуска уже были въ Выборгѣ и засѣдали въ пріютившей ихъ гостинницѣ. Теперь ни въ тотъ день, ни въ слѣдующій, они никуда не ѣздили и никуда ѣздить не собирались... Почему?

Тогда передъ членами Думы, внезапно лишенными права входа въ Таврическій дворецъ, впереди раскрывалось что-то невѣдомое, но большое и страшное своей новизной и неизвѣстностью. Теперь ясно было, что ничего особеннаго не произойдетъ—что нѣсколько усилятся и безъ того суровыя репрессіи и что съ другого фронта, быть можетъ, тоже нѣсколько обострятся ни на минуту уже давно не теряющія остроты отдѣльныя революціонныя вспышки. Тогда у членовъ Думы была потребность что-нибудь сдѣлать и непремѣнно всѣмъ вмѣстѣ, безъ различія партій. Это что-нибудь казалось обязательнымъ. Тогда поѣздка въ Выборгъ или куда бы то ни было была психологической необходимостью, и отъѣздъ организовался самъ собой, въ нѣсколько часовъ. Теперь никакой подобной потребности никто не ощущалъ и не могъ ощущать. Основное чувство, которое вызвало чтеніе манифеста въ членахъ второй Думы, была подавленность—подавленность безсилія, при сознаніи не только отсутствія фактической возможности, но также безцѣльности и безполезности какого бы то ни было съ ихъ стороны дѣйствія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, разъѣдаемая партійной страстностью и рознью, вторая Дума не имѣла того единаго, общаго, что̀ такъ характерно отличало первую Думу и выражалось въ единогласныхъ рѣшеніяхъ по главнѣйшимъ вопросамъ. Предпринимать что-либо послѣ роспуска всѣмъ членамъ второй Думы, какъ единому цѣлому,—такая мысль по очевидной нелѣпости никому не могла и въ голову придти...

Распущена Дума—остались партіи. И члены Думы разбились по своимъ фракціоннымъ квартирамъ. Предметомъ сужденій сталъ прозаическій вопросъ: готовиться ли и какъ къ новымъ выборамъ? Но и эти сужденія велись съ оглядкой на дверь—не придетъ ли полиція. Она приходила и разгоняла... Среди соціалъ-демократовъ въ самый день роспуска начались аресты... А правые торжествовали: пили шампанское, кричали „ура"... Оба крайніе полюса второй Государственной Думы боролись противъ конституціонной идеи, и оба желали рос-

пуска. Онъ наступилъ. Для одного полюса — за роспускомъ послѣдовала тюрьма. Для другого—запѣнились бокалы шампанскаго...

Петербургъ и Москва отнеслись къ роспуску Думы совершенно безучастно—по крайней мѣрѣ въ проявленіяхъ уличной жизни. Вотъ отчетъ о днѣ 3-го іюня изъ Москвы въ передачѣ оффиціальнаго телеграфнаго агентства: „Всюду въ городѣ полное спокойствіе. Въ виду праздничнаго дня, масса публики. На бульварахъ, гдѣ играетъ музыка, масса гуляющихъ. На бѣгахъ, гдѣ сегодня разыгрывается дерби, огромное количество публики. Въ городъ не введено изъ лагеря ни единаго солдата“. Но Россія живетъ не Петербургомъ и Москвой. Россія живетъ далекими отъ центровъ губернскими и уѣздными городами и, главнымъ образомъ, глухой крестьянской деревней. Какъ отнеслась деревня къ роспуску второй Думы? Думаемъ, что съ глубокой болью въ сердцѣ. Мы можемъ объ этомъ только думать и предполагать, но не знать. Деревня опять ушла въ себя и замолчала. И говорить—(конечно, мы имѣемъ въ виду не крикъ „иллюминаціями“ помѣщичьихъ усадебъ, а говоръ требованіями, заявляемыми и предъявляемыми въ условіяхъ гражданской свободы и конституціоннаго государственнаго строя)—ей снова заказаны пути...

Положительное или отрицательное явленіе—безучастное отношеніе общества къ роспуску Думы? Съ точки зрѣнія внѣшняго порядка и показного благополучія — разумѣется, положительное. Распущены народные представители, а главный интересъ уличной толпы — дерби, мужская и женская борьба, матчишъ. Что можетъ быть удобнѣе и лучше для данной минуты?!.. Но если взглянуть черезъ данную минуту на годы впередъ, то это явленіе представится во всемъ трагизмѣ своего діаметрально-противоположнаго значенія. Утомленное безплодностью борьбы за стремленіе къ свободѣ и къ общему благу, придавленное кровью справа и слѣва, снизу и сверху, и запутавшееся въ туманныхъ очертаніяхъ раскрывшихся безпредѣльно широкихъ горизонтовъ, русское общественное сознаніе вошло въ полосу реакціи. Оно слишкомъ бурно въ теченіе двухъ лѣтъ рвалось впередъ, оно слишкомъ страдало, чтобы не утомиться. И оно утомилось. Конституціонная идея не дала реальныхъ результатовъ. Вѣра въ нее поколебалась. Но что осталось? Идеалы „исконныхъ началъ“, въ условіяхъ современнаго уровня народнаго сознанія и пониманія, выродились въ боевые и разрушительные кровавые призывы и истерическіе вопли „союза русскаго народа“. Для успѣха такихъ призывовъ и воплей всегда есть готовая почва въ человѣческой злобности и эгоистичной мстительности. Они питаютъ сидящаго въ человѣкѣ звѣря, и онъ питаетъ ихъ собою. „Исконныя начала“ сохранили полную способность разрушать и сметать. Что же осталось — какая идея—для созиданія

духовнаго и матеріальнаго блага народа, такъ глубоко разрушеннаго давно пережившими себя „исконными началами"?

Осталась—отвѣтили актъ роспуска второй Думы и новый избирательный законъ—идея самодержавнаго царя въ связи съ идеей представительства отъ высшихъ классовъ населенія — представительства, не призваннаго творить, а лишь содѣйствовать творческой работѣ органовъ царской власти. Какая безконечная цѣпь непримиримыхъ противорѣчій! Какая безнадежная мечта—построить прочное зданіе государства на логически отрицающихъ одно другое противорѣчіяхъ! Нужно ли Россіи обновленіе?—Отвѣтъ: да. Нужно ли измѣненіе формъ государственнаго бытія? — Фактъ объявленнаго созыва третьей Думы отвѣчаетъ: да. Нужно ли измѣненіе дѣйствительное или мнимое? — Прямого отвѣта уже второй годъ не дается. Дѣйствія же правительства показываютъ, что оно само колеблется. Колеблется въ сомнѣніяхъ: какое измѣненіе необходимо и что̀ есть измѣненіе дѣйствительное и что̀ мнимое. Въ ближайшей перспективѣ—опытъ разрѣшенія всѣхъ наболѣвшихъ вопросовъ по сложной неискренней схемѣ: такого измѣненія формъ государственнаго бытія, которое казалось бы дѣйствительнымъ, но, въ сущности, было бы мнимымъ. Говоря проще: съ помощью „послушной" Думы.

Можно ли ожидать, что наперекоръ законамъ логики опытъ удастся въ смыслѣ выполненія задачи? Можно ли быть увѣреннымъ въ томъ, что предстоящіе выборы дадутъ „послушную" Думу? Есть ли въ населеніи въ достаточномъ числѣ элементы, способные къ государственной работѣ и въ то же время готовые не за страхъ, а за совѣсть подчиниться созданной правительствомъ противорѣчивой схемѣ?

Земскій съѣздъ, только-что засѣдавшій въ Москвѣ, былъ, говоритъ реакціонная пресса, репетиціей третьей Думы. По нашему мнѣнію, всего вѣрнѣе охарактеризовали съѣздъ два его участника: нижегородскій гласный, г. Килевейнъ, и петербургскій—г. Кашкаровъ. Первый изъ нихъ на съѣздѣ говорилъ: „Въ началѣ съѣзда мы спорили, какой это съѣздъ: первый или не первый. Но если возможно спорить, такъ сказать, съ хронологической точки зрѣнія, то по тому направленію, которое онъ принимаетъ, по тѣмъ взглядамъ, которые здѣсь высказываютъ, по этой наивно-откровенной защитѣ сословности, по яркому выраженію классоваго интереса онъ — несомнѣнно *первый*. Въ этомъ отношеніи мы съ нашими противниками согласны, но только наши враги справа мнѣ очень напоминаютъ нашихъ враговъ слѣва. Какъ послѣдніе, ставъ на гребнѣ *революціонной* волны, забывали въ своихъ программахъ и дѣйствіяхъ реальныя условія дѣйствительности въ русской жизни, такъ и первые,—враги справа,—стоя на гребнѣ вы-

сокой *реакціонной* волны, также не учитываютъ настоящихъ условій политической и общественной жизни" („Русскія Вѣдомости", № 135). Г. Килевейнъ, впрочемъ, лѣвый земецъ, участникъ съѣздовъ 1904 и 1905 гг. Его характеристика, пожалуй, пристрастна. Но еще убійственнѣе оцѣнка земца новѣйшей формаціи. „Свѣтъ" 14 іюня писалъ: „Настроеніе на съѣздѣ у всѣхъ патріотическое, свѣтлое, удивительно хорошее. Словами его трудно передать. Лучше всего я смогу его опредѣлить фразой, которую сказалъ петербургскій депутатъ Кашкаровъ. Онъ сказалъ: „Удивительное дѣло: думалъ, что ѣду на земскій съѣздъ, а пріѣхалъ и вижу, что сижу въ русскомъ собраніи".

Да, это были засѣданія „русскаго собранія" — съ той только разницей, что на нихъ раздавались голоса и такихъ людей, которые въ „русское собраніе" не ходятъ... Мы согласны съ мыслью составителей новаго избирательнаго закона, что наиболѣе живыя интеллектуальныя силы страны — въ земствѣ. Но въ земствѣ всегда были и есть два теченія: правое и лѣвое. Изъ нихъ земское дѣло создало лѣвое теченіе. Принимать же за земскихъ людей представителей праваго теченія, побѣдившаго на выборахъ въ прошломъ году, вслѣдствіе начавшейся тогда реакціи въ дворянскихъ землевладѣльческихъ кругахъ, — можетъ или тотъ, кто не знакомъ съ жизнью мѣстнаго самоуправленія, или кто намѣренно пользуется наименованіемъ: „земскіе люди",—не раскрывая его содержанія.

Да, участники нынѣшняго земскаго съѣзда были съ дозволенія начальства избранные делегаты губернскихъ земскихъ собраній. Только это были въ подавляющемъ большинствѣ не „земскіе люди". Это были кандидаты въ вице-губернаторы, еще недавно все готовые дѣлать и сдѣлать для достиженія этой завѣтный мечты. Теперь—готовые тоже на все, чтобы добровольно, по дорогой цѣнѣ, распродать свои земли. Какъ они ярко обнаружили себя на съѣздѣ! Вмѣсто разрѣшенныхъ 16-ти дней, просидѣли 6. На дѣловыя засѣданія не являлись. Всю дѣловую часть работы скомкали и отложили до слѣдующаго съѣзда. Какъ это все хорошо знакомо истиннымъ земцамъ! Въ губерніи, близко намъ извѣстной, на окончаніе очередной сессіи губернскаго собранія обыкновенно не хватало законныхъ двадцати дней. Въ послѣднюю сессію „правые" ухитрились порѣшить всѣ дѣла въ пять дней. Зачѣмъ, впрочемъ, ходить въ земскія собранія? Какой слѣдъ въ дѣловой работѣ второй Думы оставили гр. Бобринскій, гг. Крупенскій, Синадино, Хомяковъ, гр. Стембокъ-Ферморъ и два десятка сидѣвшихъ съ ними въ Думѣ „правыхъ" земцевъ? Чѣмъ ознаменовали свое участіе въ Государственномъ Совѣтѣ князь Касаткинъ-Ростовскій, г. Ушаковъ, или самъ предсѣдатель съѣзда, г. Родзянко? Безнадежно слабая опора—эти „общественныя" силы...

Намъ вспомнился сейчасъ разговоръ съ однимъ „правымъ" земцемъ, человѣкомъ неглупымъ и ловкимъ, при Плеве попавшимъ въ предсѣдатели управы по назначенію, а затѣмъ добившимся наконецъ вице-губернаторства. Нашъ собесѣдникъ говорилъ о новомъ губернскомъ гласномъ, избранномъ въ одномъ съ нимъ уѣздѣ.—Прекрасный—такова была аттестація—человѣкъ, умный, образованный, отличный ораторъ, работникъ, какихъ мало,—онъ навѣрное будетъ съ вами, съ „лѣвыми"...

Правда ли, что третья Дума будетъ такою, какимъ былъ земскій съѣздъ? Все сдѣлано, чтобы она была именно такою. Но... выборы будутъ происходить, хотя и въ моментъ реакціи, однако все-таки въ незакончившуюся революціонную эпоху. И всѣ хитрыя комбинаціи легко могутъ оказаться ни къ чему. А конституціонной идеѣ—двухлѣтнему прибѣжищу мятущейся народной мысли—нанесенъ жестокій ударъ, слѣдъ отъ котораго переживетъ и третью Думу, и четвертую, и, можетъ быть, откровенныя попытки возврата назадъ...

2-го іюня петербургскимъ градоначальникомъ распубликовано слѣдующее обязательное постановленіе, изданное на основаніи Высочайшаго повелѣнія 8-го іюля 1906 года и ст. 23 и 26 правилъ о положеніи чрезвычайной охраны.

„I. Воспрещается: 1) оглашеніе или публичное распространеніе какихъ-либо статей или иныхъ сообщеній, возбуждающихъ враждебное отношеніе къ правительству; 2) распространеніе произведеній печати, подвергнутыхъ аресту установленнымъ въ законѣ порядкомъ; 3) всякаго рода публичное восхваленіе преступнаго дѣянія, равно какъ распространеніе или публичное выставленіе сочиненія, либо изображенія, восхваляющихъ такое дѣяніе, и 4) оглашеніе или публичное распространеніе: а) ложныхъ о дѣятельности правительственнаго установленія или должностного лица, войска или воинской части свѣдѣній, возбуждающихъ въ населеніи враждебное къ нимъ отношеніе, и б) ложныхъ, возбуждающихъ общественную тревогу слуховъ о правительственномъ распоряженіи, общественномъ бѣдствіи или иномъ событіи. II. Виновные въ нарушеніи настоящаго постановленія подвергаются въ административномъ порядкѣ штрафу до 3.000 руб. или заключенію въ тюрьмѣ до 3-хъ мѣсяцевъ, или аресту на тотъ же срокъ. III. Настоящее обязательное постановленіе, издаваемое въ дополненіе обязательныхъ постановленій с.-петербургскаго градоначальника отъ 9-го іюля 1906 года и 30-го мая 1907 года вступаетъ въ законную силу со дня его опубликованія въ газетѣ „Вѣдомости С.-Петербургскаго Градоначальства" и распространяется на всю территорію столицы съ пригородами".

Это обязательное постановленіе всего ближе касается періодической печати. И поскольку оно ее касается, его правильнѣе назвать

новыми правилами о печати, ибо тождественныя или однородныя постановленія одновременно изданы въ Москвѣ, въ Варшавѣ, въ Кіевѣ, въ Минскѣ, и т. д., и т. д., — т.-е. едва ли не во всѣхъ городахъ, гдѣ выходятъ въ свѣтъ газеты. Въ порядкѣ положенія объ охранѣ проведена мѣра общая, законодательнаго характера. Что это такъ — съ полной очевидностью доказываетъ третій пунктъ постановленія. Заключающійся въ немъ запретъ съ 24-го декабря 1906 г. и до 22-го мая былъ нормой уголовнаго закона, принятою правительствомъ въ порядкѣ 87 ст. основныхъ законовъ и въ порядкѣ той же статьи утратившею силу, вслѣдствіе отклоненія Государственной Думой соотвѣтствовавшаго ей законопроекта. Теперь тотъ же самый запретъ повсемѣстно, по крайней мѣрѣ гдѣ издаются газеты, объявленъ нормой административнаго карательнаго воздѣйствія съ карательной ставкой, пониженной въ высшемъ предѣлѣ наказанія лишеніемъ свободы (вмѣсто восьми мѣсяцевъ тюрьмы — три) и въ то же время повышенной въ шесть разъ въ высшемъ предѣлѣ денежнаго штрафа (вмѣсто пятисотъ—три тысячи рублей). Но пока этотъ запретъ былъ нормой уголовнаго закона, назначенію наказанія обязательно долженъ былъ предшествовать судъ—предварительное изслѣдованіе, судебное разсмотрѣніе на началахъ состязанія и повѣрка правильности приговора. Теперь наложеніе наказанія—дискреціонное право административной власти.

Въ третьемъ пунктѣ, хотя далеко не съ полной точностью, но все-таки юридическими признаками очерчено предусматриваемое имъ дѣяніе. Еще болѣе тяжелыя условія созданы пунктами первымъ и четвертымъ. Что̀ значитъ оглашеніе статей, „возбуждающихъ враждебное отношеніе къ правительству“? Что̀ значитъ „враждебное“ отношеніе? Куда отнести критику того или другого мѣропріятія—спокойную, продуманную, но тѣмъ болѣе убѣдительную? Неужели нельзя подъ угрозою штрафа или тюрьмы ничего сообщать о несомнѣнно совершенномъ органами власти правонарушеніи, ибо отсюда безъ всякаго труда можно сдѣлать выводъ о возбужденіи враждебнаго отношенія къ правительству? Въ отношеніи оглашенія ложныхъ свѣдѣній и слуховъ постановленіе совершенно игнорируетъ завѣдомую для лица лживость оглашаемаго. Заключенію въ тюрьмѣ или штрафу въ три тысячи рублей могутъ подвергнуться самые добросовѣстные авторы или редакторы, повинные только въ томъ, что въ газетномъ дѣлѣ абсолютно невозможно всегда обладать неопровержимыми доказательствами вѣрности сообщаемаго извѣстія.

Всего сильнѣе ударили новыя правила по газетамъ въ Москвѣ. „Парусъ“ на протяженіи четырехъ дней понесъ 7.000 р. штрафа, и изданіе пріостановилось... Вѣренъ ли взглядъ, что свободная печать поднимаетъ общественное настроеніе? Отчасти, не споримъ,—да. Но

только отчасти. Въ гораздо большей мѣрѣ печать отражаетъ поднявшееся помимо нея настроеніе...

Образчикъ оффиціальнаго краснорѣчія.

Въ № 36 „Костромскихъ Губ. Вѣд." напечатана рѣчь костромского губернатора, г. Веретенникова, сказанная имъ 14-го мая волостнымъ старшинамъ варнавинскаго уѣзда. Вотъ выдержка изъ нея:

Нарисовавъ картину близкой гибели Россіи, когда „Финляндія отойдетъ къ Швеціи, Прибалтійскій край захватитъ Германія, Польшу раздѣлятъ Германія и Австрія", когда „не откажется и Румынія отъ Бессарабіи", а „Великороссія предоставлена будетъ въ полное распоряженіе евреямъ", — губернаторъ говорилъ: „Время уже видимо настаетъ и съ каждымъ днемъ мы приближаемся все ближе и ближе къ краю пропасти, пока не бросимся въ нее добровольно на смѣхъ и радость нашихъ лицемѣрныхъ друзей и совѣтчиковъ. Даже данную Царемъ народу великую милость и выказанное ему большое довѣріе учрежденіемъ Государственной Думы сумѣли эти хитрые враги наши обратить не на благо народа, а на пользу той же выгодной имъ смуты и пропаганды. Вмѣсто того, чтобы послать въ столицу людей положительныхъ, честныхъ, благонамѣренныхъ, настоящихъ совѣтчиковъ Царю, точно нарочно собрали крикуновъ со всей Россіи, оправдавшихъ лишь пословицу: „посади свинью за столъ, она и ноги на столъ". Сбитый съ толку легковѣрный народъ повѣрилъ обманнымъ и несбыточнымъ обѣщаніямъ и подавалъ свои голоса за тѣхъ, которые продавали ему шкуру, не убивши еще медвѣдя", и т. д. - добавляетъ отъ себя „Русь", (№ 149), откуда мы заимствуемъ приведенную выдержку—до предсказанія 14-го мая, что Думу „по закону приказомъ царскимъ опять распустятъ".

Такъ говорилъ представитель мѣстной администраціи о высшемъ законодательномъ учрежденіи страны, которое въ тотъ моментъ еще исполняло свои государственныя функціи...

ПОПРАВКА.

Въ іюньской книгѣ, стран. 692, строч. 2 сн., напечатано: *а ты передъ распятьемъ;* слѣдуетъ читать: *а ты передъ Распятымъ.*

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Н. К. Ивановъ. Военно-походныя впечатлѣнія. Спб., 907. Стр. 348. Ц. 1 р. 50 к.

Авторъ этихъ интересныхъ записокъ, подполковникъ Ивановъ, былъ командиромъ роты 1-го Восточно-сибирскаго стрѣлковаго Его Величества полка, участвовалъ въ дѣлахъ при Вафангоу, Байдзяу-Дачеву, Ташичао и Ляоянѣ и былъ тяжело раненъ въ послѣднемъ сраженіи, 18-го августа 1904 года; его безыскусственный разсказъ о тяжелой и несчастной войнѣ носитъ на себѣ печать того особаго военнаго духа, который исключаетъ всякую мысль о критикѣ начальственныхъ распоряженій и внушаетъ бодрую вѣру въ Провидѣніе, спеціально покровительствующее Россіи и русскому воинству. Изъ приводимыхъ авторомъ фактовъ и наблюденій можно видѣть, какой превосходный человѣческій матеріалъ заключаетъ въ себѣ русская армія и какъ неумѣло и небрежно пользуются имъ военно-канцелярскіе полководцы. Незадолго до страшной Ляоянской битвы былъ парадъ войскамъ въ присутствіи главнокомандующаго; въ батальонѣ г. Иванова, только-что пришедшемъ съ передовыхъ позицій, „ничего не успѣли привести въ порядокъ: ни поправить амуницію, ни починить, ни почистить, ни смазать сапогъ", предстояла очень печальная картина смотра, и настроеніе было угнетенное, — но рано утромъ, когда командиру доложили, что рота готова, и онъ сталъ обходить шеренги, осматривая каждаго стрѣлка съ ногъ до головы, оказалось, къ его крайнему изумленію, что „рота была хоть куда, — ни потертыхъ ремней, ни рыжихъ сапогъ"... „Какъ люди ухитрились добыть себѣ смазки для сапогъ, — замѣчаетъ авторъ, — до сихъ поръ не понимаю; въ другихъ ротахъ занять не могли, потому что тамъ тоже ничего не было. Одно можно допустить — въ этотъ день каша въ ротѣ была не очень масляная" (стр. 261—2). Авторъ съ любовью описываетъ фигуру Куропаткина, какъ онъ стоялъ при богослуженіи и какъ потомъ, сообщивъ о рожденіи наслѣдника, громко и отчетливо сказалъ, между прочимъ: „мы должны побѣдить или умереть, — да поможетъ намъ Богъ!" „Я взглянулъ мелькомъ на лица солдатъ, — говоритъ г. Ивановъ, — глаза и лица горѣли воодушевленіемъ. Услыхавъ радостную вѣсть изъ устъ любимаго вождя, они, казалось, клялись безъ словъ лечь костьми, чтобы не посрамить земли русской — и сдержали свою клятву." Послѣ Мукденской битвы весь полкъ имѣлъ въ своемъ составѣ всего 8-хъ офицеровъ и 126 нижнихъ чиновъ; — „и это уже изъ второго комплекта: первый весь погибъ въ кровопролитныхъ бояхъ подъ Шахэ, при Сандепу а еще раньше подъ Ляояномъ" (стр. 265). И авторъ доволенъ, какъ доволенъ былъ и генералъ Куропаткинъ: люди исполнили свой долгъ до конца и — погибли по винѣ чужихъ ошибокъ, безъ всякой пользы для отечества.

— **Интернаціоналъ** (Международное общество рабочихъ). Соч. Г. Іекка. Перев. съ нѣм. А. А. Полянскаго. Библіотека „Просвѣщенія". Спб., 907. Стр. 415. Ц. 80 к.

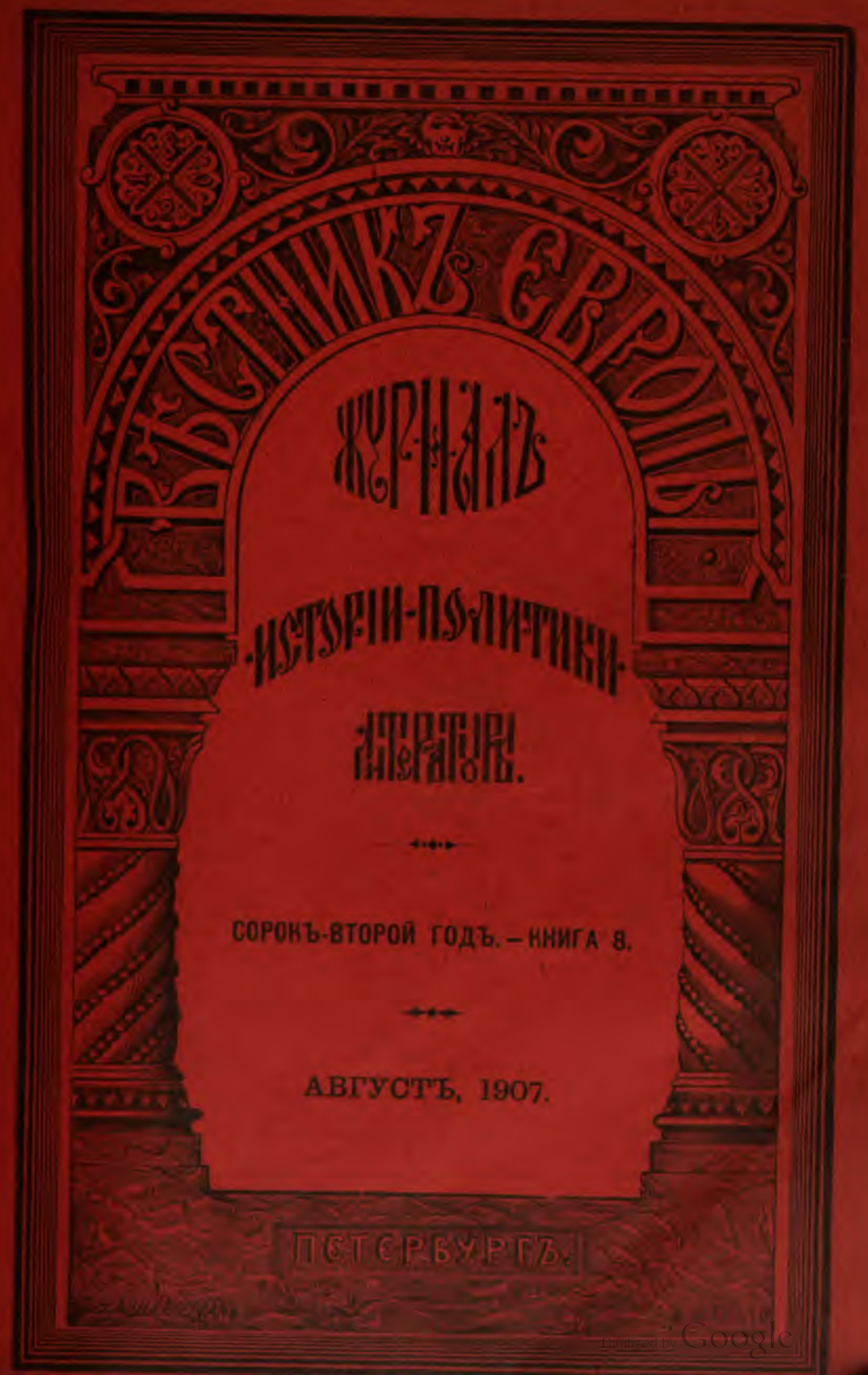
Переводныя книги, издаваемыя такою солидною фирмою, какъ „Просвѣщеніе", должны, конечно, внушать довѣріе читающей публикѣ; но, къ сожалѣнію, даже при бѣгломъ просмотрѣ сочиненія Іекка объ „Интернаціоналѣ" въ русскомъ переводѣ г. А. Полянскаго, легко убѣдиться, что это довѣріе далеко не оправдывается въ дѣйствительности. На первыхъ же страницахъ упоминается нѣсколько разъ какой-то „Торжественный Адресъ" Маркса при устройствѣ „Международнаго общества рабочихъ" въ Лондонѣ въ шестидесятыхъ годахъ; тутъ же въ скобкахъ приводится и подлинное нѣмецкое выраженіе: „Inauguraladresse", что по-русски значитъ „вступительный" адресъ или „вступительное обращеніе". Бываютъ вступительныя лекціи или диссертаціи, называемыя по-нѣмецки „Inauguraldissertation"; но въ нихъ нѣтъ ничего торжественнаго, и называть ихъ „торжественными диссертаціями" было бы смѣшно. Точно также „Inauguraladresse" Маркса было только вступительною рѣчью или программою, и переводчикъ совершенно напрасно приписалъ ей излишнее притязаніе на „торжественность", тѣмъ болѣе, что и самъ Марксъ былъ въ тѣ времена еще почти неизвѣстнымъ широкой публикѣ дѣятелемъ. Въ другомъ мѣстѣ книги говорится о какомъ-то „вейтлингскомъ Союзѣ Справедливости" (стр. 19), и читатель невольно спроситъ себя: что это за „вейтлингскій" союзъ, и относится ли это обозначеніе къ какой-нибудь мѣстности или къ фамиліи? Не всякій обязанъ знать, что существовалъ извѣстный человѣкъ, по имени Вейтлингъ; но въ такомъ случаѣ все-таки нельзя было напечатать: „вейтлингскій". Очень жаль, что даже солидныя издательскія фирмы до сихъ поръ еще преподносятъ любознательной публикѣ сочиненія иностранныхъ авторовъ въ такомъ неправильномъ и явно ошибочномъ переводѣ.

Проф. Дм. Петрушевскій. Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества и государства. Москва, 1907. Стр. 324. Ц. 1 р. 70 к.

Этотъ почтенный трудъ, какъ замѣчаетъ авторъ въ предисловіи, является „едва ли не первою въ нашей исторической литературѣ попыткою обобщающаго обзора основныхъ явленій ранняго средневѣковья". Кромѣ введенія о „задачахъ и методѣ науки всеобщей исторіи", книга заключаетъ въ себѣ обстоятельный этюдъ о государствѣ и обществѣ Римской Имперіи (до стр. 190), и затѣмъ четыре очерка — объ общественномъ и политическомъ строѣ древнихъ германцевъ, англо-саксовъ, остготовъ и франковъ.

Проф. Л. В. Ходскій. Государственное хозяйство. Курсъ финансовой науки. Изданіе 3-е, пересмотрѣнное и дополненное. Выпускъ 1-й. Спб., 907. Ц. 1 р. 60 к.

Книга проф. Ходскаго, выходящая третьимъ изданіемъ, хорошо извѣстна читателю и не нуждается въ рекомендаціи. Но мы хотѣли бы обратить вниманіе на устарѣлость приводимыхъ въ ней данныхъ о ставкахъ нѣкоторыхъ налоговъ, особенно по отношенію къ промысловому налогу, значительно измѣненному указомъ 2 янв. 1906 г. Можно надѣяться, что ко второму выпуску курса будутъ приложены соотвѣтствующія дополненія.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас.-Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 8-я. — АВГУСТЪ, 1907.

УНИВЕРСИТЕТСКІЙ ВОПРОСЪ

ВЪ

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМП. ЕКАТЕРИНЫ II

И СИСТЕМА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ПО УСТАВАМЪ 1804 ГОДА

Памяти А. Н. Пыпина.

VII *).

Тѣсною связью гимназіи съ университетомъ долженъ былъ опредѣляться и составъ учащихся въ ней. Являясь подготовительной школой къ университету, гимназія также предназначалась преимущественно для молодежи высшихъ сословій, ищущей правъ государственной службы. По проекту Н. И. Фуса, легшему въ основаніе гимназическаго устава, гимназіи—это училища, въ которыхъ „les enfants *de la noblesse et de bourgeoisie* recevront une instruction à peu près complète et propre à tous les genres de vocation, et où ceux qui voudront dans la suite se perfectionner à l'université, seront préparés au point de pouvoir suivre avec fruit les leçons qui se donneront dans celle-ci". Эта тенденція рочить гимназическое образованіе къ интересамъ опредѣлен- общественныхъ классовъ не принята была уставомъ. Статьей й доступъ въ гимназію открытъ „всякаго званія ученикамъ",

---

*) См. выше: іюль, стр. 5.

имѣющимъ „достаточныя свѣдѣнія къ продолженію наукъ, преподаваемыхъ въ гимназіяхъ". Но, не получивъ законодательной санкціи, откровенно высказанная Фусомъ тенденція сыграла извѣстную роль въ практикѣ примѣненія гимназическаго устава 1804 года. Ограничимся однимъ характернымъ эпизодомъ. Въ 1813 году графъ И. А. Безбородко пожелалъ опредѣлить въ новгородсѣверскую гимназію своего крѣпостного мальчика. Училищный комитетъ Харьковскаго университета, куда передано было это дѣло, обратился съ запросомъ къ министру и 13-го сентября получилъ отъ него такое разъясненіе: „какъ въ гимназіи обучаются большею частью дворянскія и другихъ лучшихъ состояній дѣти, то мое (министра) мнѣніе то, что не совсѣмъ прилично было бы принимать въ гимназію господскихъ людей, тѣмъ болѣе, что для нихъ, кажется, достаточно ученья, преподаваемаго въ уѣздныхъ училищахъ, и какъ графъ Безбородко желаетъ дать дальнѣйшее образованіе упомянутому мальчику, то, можетъ быть, намѣренъ лучше устроить участь его и отпустить его на волю, и если это есть намѣреніе графа Безбородко, въ такомъ случаѣ означенный мальчикъ въ гимназію принятъ быть можетъ, не прежде однакожъ, какъ представитъ увольнительное о свободѣ своей свидѣтельство. Впредь же о подобныхъ случаяхъ комитетъ имѣетъ каждый разъ дѣлать мнѣ особыя представленія".

Въ свою очередь, преобразованіе главныхъ народныхъ училищъ въ гимназіи, поставленныя на мѣсто философскихъ факультетовъ, поднимая среднюю школу значительно выше, чѣмъ она стояла по уставу 1786 года, необходимо повлекло за собою перестройку и нижняго этажа учебной системы. Между гимназіей и элементарной школой образовывался пробѣлъ, недопустимый съ точки зрѣнія той концентрической постепенности, которая лежала въ основаніи системы общеобразовательныхъ школъ. Этотъ пробѣлъ заполненъ былъ средней школой низшаго типа, двухкласснымъ уѣзднымъ училищемъ, преобразованнымъ изъ малаго народнаго училища. Уѣздныя училища, подобно гимназіямъ, назначались уставомъ для двоякой цѣли: 1) готовить юношество для гимназій, если родители пожелаютъ дать дѣтямъ своимъ лучшее воспитаніе, и 2) „открыть дѣтямъ различнаго состоянія необходимыя познанія, сообразныя состоянію ихъ и *промышленности*". Ради этой послѣдней цѣли въ кругъ общеобразовательныхъ предметовъ (закона Божія, русскаго и мѣстнаго языка, географіи, исторіи, математики, физики, естественной исторіи) въ курсъ уѣздныхъ училищъ введенъ былъ и профессіональный элементъ въ видѣ

„начальныхъ правилъ технологіи, имѣющихъ отношеніе къ мѣстному положенію и промышленности". Такимъ образомъ уѣздное училище, будучи открыто, какъ общеобразовательная школа для дѣтей всѣхъ сословій, приспособлялось преимущественно къ потребностямъ городского торгово-промышленнаго класса, „средняго рода людей", по старой терминологіи XVIII вѣка.

Наконецъ, первый, младшій классъ уѣзднаго училища выдѣляется въ самостоятельную элементарную школу подъ названіемъ приходскаго училища. Въ коммиссіи объ училищахъ 1802 года всѣ проекты (Фуса, Клингера, Янковича-де-Миріево), трактовавшіе вопросъ о начальныхъ училищахъ, имѣли въ виду главнымъ образомъ *сельскую* народную школу, сообразно съ чѣмъ опредѣляли и кругъ начальнаго образованія вообще. Уставъ 1804 года указывалъ цѣль приходскихъ училищъ въ томъ, „чтобы доставить дѣтямъ *земледѣльческаго* и другихъ состояній свѣдѣнія имъ приличныя, сдѣлать ихъ въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ лучшими, дать имъ точныя понятія о явленіяхъ природы и истребить въ нихъ суевѣрія и предразсудки, дѣйствіе коихъ столь вредно ихъ благополучію, здоровью и состоянію". Въ интересахъ сельскаго населенія составлено было и главное учебное руководство для приходскихъ училищъ: „Краткое наставленіе *о сельскомъ домоводствѣ*, произведеніяхъ природы, сложеніи человѣческаго тѣла и вообще о средствахъ къ предохраненію здоровья". Наконецъ порядокъ ученья въ приходскихъ школахъ сообразовался съ условіями сельскаго быта: „ученіе въ приходскихъ училищахъ, начиная отъ окончанія полевыхъ работъ, продолжается до начала оныхъ въ слѣдующемъ году". Такимъ образомъ приходскія училища, предназначенныя преимущественно для сельскаго населенія, вмѣстѣ съ тѣмъ должны были служить и элементарной всесословной школой, „пріуготовляющей юношество для уѣздныхъ училищъ, если родители пожелаютъ, чтобы дѣти ихъ продолжали въ оныхъ ученіе".

Мы прослѣдили послѣдовательный ходъ и взаимную связь учебныхъ реформъ Екатерины II и Александра I. Можно сказать, что обѣ реформы связывались въ одно неразрывное цѣлое: уставы 1804 года довели до конца то просвѣтительное предпріятіе, которое послѣ многихъ колебаній и сомнѣній было поставлено на практическую почву дѣятельностью коммиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ. Намъ понятно теперь и центральное значеніе университетскаго вопроса въ исторіи обѣихъ реформъ. Уже учрежденіе университетовъ по неосуществив-

шемуся плану 1787 года должно было бы повести къ нѣкоторымъ измѣненіямъ въ малыхъ и главныхъ народныхъ училищахъ, дабы создать изъ этихъ училищъ болѣе сложную систему низшаго и средняго образованія. Разрѣшеніе университетскаго вопроса уставомъ 1804 года повело, какъ и слѣдовало ожидать, къ реформѣ екатерининскихъ народныхъ училищъ, осуществившей обширную схему „всеобщаго просвѣщенія", уже намѣченную планомъ 1787 года. Такъ, тѣмъ или инымъ разрѣшеніемъ университетскаго вопроса опредѣлялась судьба и направленіе цѣлой системы народнаго просвѣщенія.

Чтобы оцѣнить жизненность новой системы просвѣщенія, утвержденной уставами 5 ноября 1804 года, необходимо прослѣдить важнѣйшія уклоненія отъ нея, въ которыхъ выражалась реакція противъ основныхъ принциповъ общаго и безсословнаго образованія. Выше было показано, что идея *общаго* образованія, свободнаго отъ профессіональныхъ тенденцій, не могла быть осуществлена во всей своей чистотѣ, и новая учебная система должна была воспринять нѣкоторое количество профессіональныхъ элементовъ. Равнымъ образомъ идея безсословной школы, санкціонированная уставами 1804 года, иногда подвергалась на практикѣ ограниченіямъ. Но всѣ эти частичныя уклоненія и ограниченія въ предѣлахъ практики уставовъ 1804 года не колебали основныхъ принциповъ новой системы, не искажали ея истиннаго характера.

Реакція противъ новой системы просвѣщенія выразилась въ появленіи новыхъ типовъ сословной, средней и высшей школы, не предусмотрѣнныхъ уставами 1804 года и стоявшихъ внѣ общей системы. Прежде чѣмъ излагать конкретныя историческія условія, вызвавшія появленіе этихъ типовъ школы, слѣдуетъ посмотрѣть, какими аргументами можно было защищать въ началѣ XIX столѣтія самую идею сословно-профессіональнаго образованія. Въ публицистикѣ этой эпохи, посвященной вопросамъ народнаго просвѣщенія, безспорно, самое видное мѣсто занимаетъ сочиненіе Пнина „Опытъ о просвѣщеніи относительно Россіи", появившееся въ 1802 году. Выше мы приводили вкратцѣ взглядъ Пнина на интересующій насъ вопросъ. Изложимъ теперь подробно доводы его въ защиту началъ сословности и профессіональности образованія.

Пнинъ очень широко ставилъ свою задачу. По его убѣжденію, просвѣщеніе есть твердое основаніе государственнаго благо-

получія и надежнѣйшее орудіе законодательной мудрости: „все искусство законодателя, предпринимающаго начертать законы для народа, въ невѣжествѣ пребывающаго, должно состоять въ томъ, чтобы частныя страсти направить къ единой цѣли, общее добро заключающей, и къ коей не строгостью наказаній, удобныхъ произвесть въ душахъ большее только ожесточеніе, но чрезъ просвѣщеніе можно довести людей". Поэтому, „просвящѣніе, въ настоящемъ смыслѣ пріемлемое, состоитъ въ томъ, когда каждый членъ общества, въ какомъ бы званіи ни находился, совершенно знаетъ и исполняетъ свои должности: то-есть, когда начальство съ своей стороны свято исполняетъ обязанности ввѣренной ему власти, а нижняго разряда люди ненарушимо исполняютъ обязанности своего повиновенія. Есть ли сіи два состоянія не переступаютъ своихъ мѣръ, сохраняя должное въ отношеніяхъ своихъ равновѣсіе, тогда просвящѣніе достигло своей цѣли".

Такимъ образомъ система просвѣщенія должна согласоваться съ гражданскимъ строемъ государства. Критика принциповъ французской революціи приводитъ автора къ заключенію, что гражданское общество для сохраненія своего требуетъ неравенства состояній, и отъ мудрости законодателя зависитъ „каждому изъ сихъ состояній внушить нужду взаимной зависимости, положить каждому изъ оныхъ предѣлы, изъ которыхъ выходить было бы ужасно, опредѣлить каждому состоянію его права, предписать его обязанности и умѣть употребить средства для предупрежденія злоупотребленій, на которыя неблагонамѣренность и эгоизмъ покушаться могутъ". Россія, „будучи державой монархической, по сей самой причинѣ имѣетъ тѣмъ большую надобность въ неравенствѣ состояній, поелику оное служитъ для нея подпорою".

Въ заключеніе этихъ общихъ разсужденій Пнинъ такъ резюмируетъ свои взгляды на задачи политики просвѣщенія: „гражданское просвѣщеніе должно имѣть главнѣйшею цѣлію доставленіе каждому нужныхъ познаній, дабы приличнымъ образомъ исполнять должности, для которыхъ онъ призванъ въ общество. Но какъ сіи должности не могутъ быть одинаковы, потому что общество заключаетъ въ себѣ различные классы гражданъ, то изъ сего слѣдуетъ, что каждый общественный членъ долженъ имѣть просвѣщеніе соотвѣтственное состоянію, въ которомъ онъ находится, ремеслу, которымъ онъ занимается, и роду жизни, который онъ ведетъ".

Таковъ одинъ рядъ мыслей, утверждающій въ результатѣ

принципъ сословно-профессіональнаго образованія. Но рядомъ съ этимъ тезисомъ Пнинъ проводитъ еще другой, въ духѣ просвѣтительныхъ идей и соціальной философіи XVIII вѣка. Система просвѣщенія должна клониться къ тому, чтобы сдѣлать гражданъ напередъ добродѣтельными, а потомъ уже просвѣщенными. Вслѣдъ за Монтескьё и Екатериной II авторъ отыскиваетъ „главнѣйшія и исключительныя добродѣтели“ каждаго сословія, „долженствующія служить средоточіемъ его просвѣщенія и изъ круга коихъ не должно оно выходить“. Эти добродѣтели слѣдующія: трудолюбіе и трезвость для земледѣльческаго состоянія, исправность и честность для мѣщанскаго, правосудіе и всегда готовое пожертвованіе собою пользамъ отечества для дворянства и, наконецъ, благочестіе и примѣрное поведеніе для духовенства“.

Итакъ, система просвѣщенія для каждаго сословія слагается изъ двухъ основныхъ элементовъ: нравственнаго образованія и профессіональнаго обученія. Первое дѣлаетъ гражданина добродѣтельнымъ въ смыслѣ „исключительныхъ“ добродѣтелей его сословія, второе вооружаетъ его практическими знаніями, соотвѣтственно интересамъ, правамъ и обязанностямъ его сословія.

„Для внушенія“ гражданамъ каждаго сословія специальныхъ для него добродѣтелей Пнинъ предлагаетъ составить особые нравственные уставы“, содержащіе въ себѣ главнѣйшія правила для нравственнаго образованія гражданъ каждаго сословія. Приведемъ для примѣра вкратцѣ программу нравственнаго устава для земледѣльческаго класса: „Что есть земледѣлецъ? Сколько есть родовъ земледѣльцевъ? Что значатъ они въ государствѣ? Что такое государство? Какой оно имѣетъ родъ правленія? Что есть монархъ? Въ чемъ состоитъ верховная власть? Какія суть еще власти или начальства въ Россіи? Посредствомъ чего онѣ дѣйствуютъ? Въ чемъ состоятъ обязанности власти и подчиненія? Въ чемъ состоятъ права земледѣльца? Что есть законъ? Что есть собственность и въ чемъ она пріобрѣтается? Въ чемъ польза и счастье, сопряженныя съ трудолюбивою и трезвою жизнью?“ Наконецъ въ уставѣ должны быть изложены чистыя понятія о Богѣ, о вѣрѣ и должностяхъ христіанина. Въ томъ же духѣ проектированы нравственные уставы и для другихъ сословій, сообразно съ „исключительными“ добродѣтелями послѣднихъ.

Являясь, такимъ образомъ, кодексами общей и сословной морали и, вмѣстѣ съ тѣмъ, краткими курсами законовѣдѣнія, „нравственные уставы“ служатъ книгами для чтенія въ семьѣ и школѣ. Практикуясь въ чтеніи по этимъ уставамъ, учащійся „непримѣтнымъ образомъ познаетъ и тѣ должности, которыя нѣ-

когда обязанъ онъ нести въ обществѣ, познаетъ, что такое онъ есть и къ чему предназначается. Слѣдовательно, нечувствительно образуется со стороны нравственности". А это есть уже „половина желаемаго дѣла".

Таковы были проектированныя Пнинымъ средства нравственнаго образованія, цѣль коего—„добродѣтель". Утвержденіе же гражданъ въ ихъ сословныхъ добродѣтеляхъ являлось фундаментомъ, на которомъ долженствовало воздвигнуться „величественное зданіе просвѣщенія гражданственнаго". Мы отмѣтили уже общій сословно-профессіональный характеръ того образованія, которое Пнинъ называетъ „гражданскимъ просвѣщеніемъ": каждое сословіе получаетъ запасъ знаній, соотвѣтственно его правамъ и обязанностямъ, профессіи и роду жизни. Остановимся на нѣкоторыхъ подробностяхъ.

„Въ чемъ состоять должно ученіе земледѣльца?"—спрашиваетъ Пнинъ и отвѣчаетъ: „ученіе его не на иной какой предметъ должно быть обращено, какъ на предметъ, предназначенію его соотвѣтственнѣйшій. Словомъ: земледѣльца должно обучать земледѣлію". Курсъ двухлѣтнихъ приходскихъ или земледѣльческихъ училищъ и посвящается изученію основъ сельскаго хозяйства, а также чтенію, письму и первымъ правиламъ ариѳметики. Въ общемъ получался типъ элементарной школы, очень близкій къ приходскому училищу по уставу 1804 года.

Различая въ слѣдующемъ общественномъ классѣ, „среднемъ родѣ людей", два разряда: мѣщанъ-ремесленниковъ и купцовъ, Пнинъ проектируетъ и два типа уѣздныхъ училищъ, „изъ которыхъ въ одномъ обучали бы мѣщанъ, различнаго рода ремесламъ, искусствамъ и художествамъ себя посвятившихъ, а въ другомъ обучали бы только тѣхъ, которые опредѣлили себя званію купеческому. И сіе послѣднее по самому существу своему составитъ уже купеческое или коммерческое училище". Курсъ мѣщанскаго училища обнимаетъ слѣдующіе предметы въ „нижнемъ", младшемъ классѣ: 1) россійское чтеніе, чистописаніе; 2) чтеніе и чистописаніе мѣстнаго языка; 3) грамматика всѣхъ этихъ языковъ; 4) первая часть ариѳметики; 5) частное познаніе Россійской Имперіи; 6) сокращеніе и главныя эпохи россійской исторіи; 7) введеніе во всеобщую исторію и географію; въ „верхнемъ" или старшемъ классѣ: 1) вторая часть ариѳметики; 2) геометрія и тригонометрія; 3) математическое и физическое познаніе земного шара; 4) физика; 5) естественная исторія и технологія; 6) практическія знанія, полезныя для мѣстной промышленности и потребности края. Въ коммерческомъ училищѣ

ко всѣмъ этимъ предметамъ прибавлялись еще: англійскій языкъ, алгебра, купеческіе счета всѣхъ родовъ, бухгалтерія, исторія коммерціи и навигаціи, познаніе торговли и товаровъ и, наконецъ, „сокращеніе всего человѣческаго познанія" и діэтетика. Въ случаѣ, когда не представляется необходимости въ учрежденіи отдѣльныхъ училищъ, мѣщанскаго и коммерческаго, всѣ исчисленныя выше науки преподаются въ одномъ училищѣ, распредѣляясь „на пристойное число классовъ, чрезъ что какъ ремесленники, такъ и купцы, получаютъ всѣ нужные способы къ своему просвященію".

Сравнивая этотъ проектъ образованія „для средняго рода людей" съ организаціей уѣздныхъ училищъ по уставу 1804 года, предназначавшихся также преимущественно для городского промышленнаго класса, видимъ, что учебный планъ „мѣщанскаго" училища, совокупно съ нравственнымъ уставомъ для мѣщанъ, близко подходитъ къ плану уѣзднаго училища, хотя и носитъ болѣе опредѣленный сословный характеръ. Училище же коммерческое представляетъ уже совершенно новый типъ средней школы.

Наименѣе отчетливо разработанъ Пнинымъ планъ образованія для дворянъ, хотя, по его словамъ, „дворяне, безъ всякаго сомнѣнія, требуютъ преимущественнѣйшаго предъ прочими просвященія". Этотъ вопросъ, по мнѣнію Пнина, прекрасно разрѣшенъ въ книгѣ Бестужева: „Опытъ военнаго воспитанія относительно благороднаго юношества", къ которой онъ и отсылаетъ читателя, а самъ ограничивается нѣсколькими общими замѣчаніями. Сословныя дворянскія училища также должны получить профессіональный характеръ: „пріуготовлять людей способныхъ не только къ службѣ военной, но и гражданственной". Поэтому въ курсъ кадетскихъ корпусовъ надлежитъ ввести преподаваніе юридическихъ наукъ, „особливо ученіе отечественнымъ законамъ, государственнымъ постановленіямъ и отправленію дѣлъ гражданскихъ". Сверхъ того весьма желательно учрежденіе исключительно для дворянъ трехъ „юнкерскихъ" школъ—въ Москвѣ подъ вѣдѣніемъ Сената, въ Казани и Вильнѣ—подъ вѣдѣніемъ попечителей учебныхъ округовъ. Относительно учебнаго плана этихъ школъ Пнинъ ограничивается общимъ замѣчаніемъ, что онъ „долженъ соотвѣтствовать цѣли ихъ учрежденія".

Такія же общія и малосодержательныя замѣчанія посвящены вопросу о кругѣ образованія для духовенства. Предназначенный для послѣдняго нравственный уставъ долженъ имѣть девизомъ „благочестіе и примѣрное поведеніе". Въ учебныхъ планахъ семинарій древніе языки рекомендуется замѣнить языками новыми,

„употребительнѣйшими и, такъ сказать, получившими право гражданства во всей Европѣ“. Съ цѣлью усовершенствованія проповѣдническаго искусства вводится „наука декламаціи“.

Идея сословнаго образованія защищалась также въ нѣкоторыхъ журнальныхъ статьяхъ, появившихся вслѣдъ за изданіемъ уставовъ 1804 года. Такъ въ первой книжкѣ „Сѣвернаго Вѣстника“, издаваемаго И. И. Мартыновымъ, первымъ директоромъ департамента народнаго просвѣщенія и правителемъ дѣлъ Главнаго правленія училищъ, была помѣщена статья анонимнаго автора: „Изображеніе просвѣщенія Россіянъ“. Авторъ исходитъ изъ принципа „общественнаго блага“, которое достигается просвѣщеніемъ, а существо послѣдняго составляютъ не однѣ только знанія, но также вѣра, нравственность, законы: „ничто такъ не препятствуетъ просвѣщенію, какъ недостатокъ въ основательныхъ понятіяхъ о предметахъ, относящихся къ нравственности, законамъ и правамъ“. Идеалъ общественнаго блага, къ которому ведетъ истинное просвѣщеніе, состоитъ въ томъ, чтобы „сдѣлать людей вѣрными, благодарными государю подданными и усердными исполнителями возложенныхъ на нихъ обязанностей“. Но „всякое состояніе гражданъ имѣетъ свои обязанности; всякій гражданинъ по личнымъ свойствамъ своимъ и связямъ имѣетъ свое назначеніе, изъ котораго происходитъ толикое же множество различныхъ потребностей“.

Итакъ, идея общаго блага требуетъ, чтобы просвѣщеніе согласовалось съ обязанностями и правами отдѣльныхъ состояній гражданъ. Эта мысль развивается съ большой опредѣленностью и даже рѣзкостью. „Чѣмъ обширнѣе кругъ дѣйствія какого состоянія, либо лица, тѣмъ болѣе и обширнѣе надлежитъ быть ихъ познаніямъ; чѣмъ ограниченнѣе ихъ кругъ, тѣмъ менѣе могутъ приносить пользы такія познанія, которыхъ имъ ни на что употребить не можно. Сіе правило непреложно; и весь общественный порядокъ и благоустройство разрушились бы, если бы когда нибудь преступлена была черта, полагающая таковые предѣлы. Напримѣръ, поселянину нужно сообщать только такія познанія, которыя сопряжены съ его отношеніями и нуждами состоянія его: все, что не принадлежитъ къ его званію, будетъ для него излишнимъ. Поправить соху, употребить простое механическое средство къ уменьшенію числа рукъ въ работѣ, есть для него неоцѣненное пріобрѣтеніе, умножающее его благосостояніе и развивающее способности ума; но онъ долженъ довольствоваться однимъ только практическимъ произведеніемъ въ дѣйство и выгодою изобрѣтенія: изученіе же ведущихъ къ тому математическихъ

истинъ, сопряженное съ многочисленными предварительными свѣдѣніями, не должно лишать его времени, столь нужнаго для воздѣлыванія земли. Вообще всякій человѣкъ, снискивающій себѣ пропитаніе тяжелою работой, выходитъ изъ своего состоянія, если возбуждается въ немъ наклонность къ умственнымъ упражненіямъ, въ которыхъ, какъ извѣстно, воображеніе участвуетъ гораздо болѣе разсудка. Работнику полезно только то, что̀ производится силою разсудка, а нимало не то, что есть дѣйствіе силы воображенія, столь легко приводящей въ заблужденіе.—Сія теорія простирается на всѣ состоянія людей; каждое имѣетъ свою приличность. Система просвѣщенія и общественнаго ученія не должна никогда удаляться отъ сихъ правилъ и тогда только можетъ надѣяться достигнуть своей цѣли, когда непрестанно будетъ стараться о соблюденіи оныхъ". Но если какой-нибудь, особенными способностями одаренный человѣкъ, какой-нибудь геній, выйдетъ изъ своего состоянія и пріобрѣтетъ познанія, которыя доставятъ ему обширный кругъ дѣятельности, то это исключеніе (по мнѣнію автора) лишь подтверждаетъ общее правило.

Въ пятой книжкѣ того же журнала помѣщено было извлеченіе изъ сочиненія французскаго профессора Д. Гельмана: „Новыя мнѣнія о воспитаніи и просвѣщеніи или различіе взаимнаго ихъ свойства". Здѣсь также доказывается тезисъ, что „не всѣ состоянія народа должны получать одинакое просвѣщеніе". „Науки, собственно такъ называемыя, свободныя художества и всѣ тѣ упражненія, кои составляютъ воспитаніе человѣка государственнаго, совсѣмъ не приличны черни и даже вредны въ отношеніи къ общественному благоденствію. Сохрани насъ Богъ, если весь народъ будетъ состоять изъ ученыхъ, діалектиковъ, замысловатыхъ головъ,—если въ немъ болѣе будетъ умствователей, нежели умныхъ! Но крайне было бы несправедливо отказать ему въ пособіяхъ начальнаго образованія, въ познаніи своихъ должностей, въ ясныхъ и точныхъ понятіяхъ о первыхъ основаніяхъ правосудія и ихъ отношенія ко всѣмъ обстоятельствамъ жизни. Вотъ что нужно правительству для его образованія". Къ этой тирадѣ редакціей сдѣлано было примѣчаніе: „сія постепенность соблюдена въ постановленіяхъ, монархомъ нашимъ дарованныхъ училищамъ россійскимъ".

Такъ въ публицистикѣ, отзывавшейся на учебныя реформы первыхъ лѣтъ XIX вѣка, раздавались убѣжденные голоса въ защиту принциповъ сословно-профессіональнаго образованія. Неудовлетворенность широкихъ общественныхъ круговъ новыми типами общеобразовательныхъ школъ по уставамъ 1804 года послу-

жила практическимъ основаніемъ къ попыткамъ вновь вызвать къ жизни старую систему сословнаго образованія.

VIII.

Творцы уставовъ 1804 года, создавая школу общую для всѣхъ сословій и мѣстностей Россіи, предполагали такое единство образовательныхъ потребностей общества, какого въ дѣйствительности не существовало. Скоро оказалось необходимымъ сообщить извѣстную гибкость общимъ типамъ школы, приспособляя ихъ къ мѣстнымъ и сословнымъ интересамъ. Въ наказахъ визитаторамъ, посылаемымъ университетами для обозрѣнія училищъ, предписывалось, между прочимъ, „разсматривать народныя въ разныхъ мѣстахъ упражненія и родъ промышленности, дабы къ усовершенствованію ихъ можно было наклонять и приноравливать самое ученье тамошнихъ школъ“. Эта цѣль и достигалась открытіемъ при гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ особыхъ классовъ для преподаванія наукъ, имѣющихъ близкое отношеніе къ мѣстной торговлѣ и промышленности. Такъ были учреждены: при смоленской гимназіи въ 1804 году—классы коммерческихъ наукъ, при херсонской гимназіи въ 1814 году—мореходный классъ, при ревельскомъ уѣздномъ училищѣ въ 1815 году—коммерческій классъ. Иногда спеціальнымъ курсамъ давалось такое развитіе, въ ущербъ общеобразовательнымъ предметамъ, что гимназія или уѣздное училище превращались въ профессіональныя школы. Такъ возникли коммерческая гимназія въ Таганрогѣ и водоходное училище въ Ригѣ. Такимъ образомъ интересы торгово-промышленныхъ классовъ вносили въ новую учебную систему профессіональную тенденцію, но не измѣняли всесословнаго характера школы.

Наоборотъ—интересы дворянства явно стремились возродить традиціи сословной школы. Это стремленіе выразилось сначала въ устройствѣ при общихъ учебныхъ заведеніяхъ благородныхъ пансіоновъ, а затѣмъ въ обращеніи послѣднихъ въ сословныя школы особаго типа.

Благородный пансіонъ являлся прежде всего воспитательнымъ учрежденіемъ; научное же образованіе пансіонеры должны были получать въ томъ училищѣ, при которомъ пансіонъ состоялъ. Постепенно нѣкоторые пансіоны стали выходить за предѣлы этого прямого своего назначенія. Сначала въ пансіонѣ воспитанники только репетировали предметы, проходимые въ гимназіи,

и сверхъ того обучались рисованію, танцамъ и другимъ „пріятнымъ искусствамъ“. Затѣмъ слѣдовало введеніе въ кругъ пансіонскихъ занятій, въ дополненіе къ общему гимназическому курсу, такихъ наукъ, которыя уже прямо готовили дворянскую молодежь къ опредѣленному роду службы, военной или гражданской. Такъ, напримѣръ, въ положеніи 1806 года о благородномъ пансіонѣ при харьковской гимназіи читаемъ: „какъ въ пансіонѣ семъ будутъ дворянскія дѣти, кои по окончаніи наукъ могутъ пожелать поступить въ военную службу, то предполагается сверхъ того имѣть при гимназіи и семъ пансіонѣ изъ отставныхъ, знающихъ военное искусство офицеровъ для обученія военнымъ экзерциціямъ“. Въ благородномъ пансіонѣ при московской губернской гимназіи, сверхъ общихъ предметовъ, преподавались: артиллерія, фортификація, тактика и фехтованіе. Тѣмъ же цѣлямъ практической подготовки къ службѣ должны были служить нѣкоторыя гражданскія науки. Такъ въ пансіонѣ при орловской гимназіи преподавались „науки гимназическія и тѣ, которыя указомъ 1809 года, августа 6, предписаны гражданскимъ чиновникамъ, для производства ихъ въ 8-й классъ“. Въ данномъ случаѣ пансіонъ уже бралъ на себя отчасти задачи высшаго учебнаго заведенія, такъ какъ къ экзаменамъ на чины по смыслу указа 1809 года непосредственно должны были готовить высшія школы, университеты.

Наконецъ, нѣкоторые пансіоны организовались какъ самостоятельныя воспитательно-учебныя заведенія, заключавшія въ себѣ полный курсъ низшаго, средняго и высшаго образованія, и въ результатѣ появился новый типъ общеобразовательной школы, наиболѣе приспособленный къ сословнымъ интересамъ дворянства. Первымъ образцомъ такой школы, исторія котораго особенно поучительна, былъ благородный пансіонъ при московскомъ университетѣ, основанный въ 1779 году и преобразованный въ 1806 году. По новому положенію этотъ пансіонъ былъ поставленъ какъ самостоятельное учебно-воспитательное учрежденіе, подготовляющее дворянскую молодежь къ университету. Курсъ ученья въ пансіонѣ приравненъ былъ къ курсу уѣздныхъ училищъ и гимназій, съ нѣкоторыми измѣненіями: такъ въ пансіонѣ преподавались военныя науки и основанія законоискусства, философія и „изящныя науки“. Для вящшаго усовершенствованія въ наукахъ воспитанникамъ пансіона разрѣшалось одновременно слушать и пансіонскія и университетскія лекціи. Никакими особенными правами пансіонъ сначала не обладалъ. Но въ 1818 году, 14 февраля, онъ получилъ вмѣстѣ съ пансіономъ Главнаго Педа-

гогическаго института преимущество выпускать своихъ воспитанниковъ въ гражданскую службу съ чинами 14—10 класса. Такимъ образомъ для дворянства въ Москвѣ существовало два закрытыхъ сословныхъ заведенія—одно учебно-воспитательное, другое только воспитательное: благородный пансіонъ при губернской гимназіи и благородный пансіонъ при университетѣ [1]).

На тѣхъ же главныхъ основаніяхъ устроенъ былъ въ 1814 году благородный пансіонъ при Ярославскомъ Демидовскомъ высшихъ наукъ училищѣ. Этотъ пансіонъ также былъ учебно-воспитательнымъ заведеніемъ, приготовляющимъ студентовъ для училища. Но курсъ ученья ярославскаго пансіона стоялъ ниже курса московскаго университетскаго пансіона, приближаясь къ курсу уѣздныхъ училищъ.

Въ Петербургѣ, при самомъ преобразованіи въ 1805 году главнаго народнаго училища въ губернскую гимназію, при послѣдней учрежденъ былъ пансіонъ, воспитанники котораго содержались на счетъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, Академіи наукъ, Коммиссіи составленія законовъ и частныхъ лицъ. По новымъ правиламъ 25 января 1806 года пансіонъ раздѣленъ былъ на два отдѣленія, точнѣе говоря, на два отдѣльныхъ пансіона; воспитанники обоихъ обучались совмѣстно въ гимназіи, но пользовались особымъ содержаніемъ—въ одномъ пансіонѣ за плату въ 450 руб., въ другомъ — за 250 руб. Такимъ образомъ въ пансіонѣ петербургской гимназіи воспитанники раздѣлялись не по сословному, а по имущественному положенію. Сословный, благородный пансіонъ возникъ въ Петербургѣ въ 1817 году при Главномъ Педагогическомъ институтѣ, какъ самостоятельное учебно-воспитательное заведеніе, имѣвшее двоякую цѣль: 1) приготовлять воспитанниковъ къ слушанію лекцій въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ и другихъ университетахъ, для пріобрѣтенія высшихъ ученыхъ степеней, и 2) образовать ихъ къ службѣ гражданской на основаніи указа 6 августа 1809 года. Успѣшно окончившимъ курсъ ученья въ пансіонѣ со званіемъ студента предоставлялось по желанію или совершенствоваться въ высшихъ наукахъ на одномъ изъ факультетовъ института (минуя такъ называемый „предварительный курсъ“), или выходить прямо въ службу съ чинами 14—10-го класса. Эти исключительныя привилегіи, полученныя пансіономъ при Педагогическомъ институтѣ раньше всѣхъ другихъ благород-

[1]) Особое назначеніе имѣла „академическая“ гимназія при Московскомъ университетѣ, составлявшая „разсадникъ ученыхъ чиновниковъ Московскаго учебнаго округа“.

ныхъ пансіоновъ и подтвержденныя 14-го февраля 1818 года, быстро привлекли въ него большое число воспитанниковъ: въ 1818 году въ пансіонѣ числилось 115 учащихся, тогда какъ въ самомъ институтѣ—88.

Возрожденіе традицій сословно-профессіональнаго дворянскаго образованія не могло остановиться на устройствѣ благородныхъ пансіоновъ, какъ учебно-воспитательныхъ заведеній, состоящихъ при общихъ всесословныхъ училищахъ. Оно шло дальше и выразилось въ созданіи учебныхъ заведеній особыхъ типовъ. Стремленіе дворянства проходить въ короткій по возможности срокъ предметы, непосредственно необходимые для военной или гражданской службы, естественно приводило къ мысли о соединеніи въ одной школѣ гимназическаго и сокращеннаго университетскаго курса. Реальнымъ воплощеніемъ такой мысли явилась „гимназія высшихъ наукъ“ или лицей. Нельзя сказать, однако, чтобы этотъ новый типъ школы былъ созданъ исключительно ради сословныхъ интересовъ дворянства и не находилъ себѣ никакого оправданія въ общемъ развитіи образовательныхъ идей XVIII и начала XIX вѣковъ. Слѣдуетъ припомнить, какъ ставился въ то время вопросъ о связи средняго и высшаго образованія. По университетскому проекту 1787 года между средней школой и факультетами, дающими спеціальное высшее образованіе,—юридическимъ и медицинскимъ, помѣщался факультетъ философическій, заканчивавшій высшее общее образованіе. По уставамъ 1804 года элементарная часть философическаго, „пріуготовительнаго“, курса отнесена была въ гимназіи, а другія, высшія части распредѣлены между спеціальными факультетами. Но мысль, что спеціализаціи „высшихъ наукъ“ по факультетамъ въ самомъ университетѣ долженъ предшествовать нѣкоторый „пріуготовительный“ курсъ, осталась, какъ мы уже знаемъ, и въ уставахъ 1804 года. Еще яснѣе, чѣмъ въ университетскомъ уставѣ, эта мысль проведена въ уставѣ Главнаго Педагогическаго института 1816 года. Курсъ послѣдняго раздѣлялся: на „предварительный“, близко совпадавшій съ курсомъ „философическаго“ факультета 1787 года, и курсъ „высшихъ“ наукъ, распредѣленный между тремя параллельными факультетами.

Этотъ кругъ пріуготовительнаго университетскаго образованія, дополненный нѣкоторыми спеціальными науками, непосредственно подготовлявшими къ военной или гражданской службѣ, представлялся совершенно достаточнымъ для дворянъ, громадное большинство которыхъ не замыкалось на всю жизнь въ профессіяхъ, требовавшихъ высшаго спеціальнаго образованія, военнаго

или юридическаго для гражданской службы. Проведя молодые годы въ службѣ военной, дворянинъ XVIII или начала XIX вѣковъ обыкновенно заканчивалъ свою карьеру на какомъ-нибудь административномъ посту въ столицѣ или провинціи. Это была нормальная по понятіямъ того времени дворянская карьера.

Первымъ опытомъ училища новаго типа, соединявшаго курсы гимназическій и университетскій, явилась ярославская „гимназія высшихъ наукъ", основанная Демидовымъ. Жертвуя въ пользу ярославской гимназіи 100.000 руб. и Романовскую вотчину, Демидовъ просилъ возвысить эту гимназію „въ такое училище, которое бы имѣло одинаковую степень съ университетомъ и всѣ преимущества онаго, заведя въ немъ классъ наукъ университетскихъ". Устройство такого училища должно было служить, по словамъ самого Демидова, прежде всего интересамъ мѣстнаго дворянства. „Извѣстно мнѣ,—такъ объяснялъ онъ мотивы своего щедраго дара, — сколь великое число неимущаго дворянства въ губерніи Ярославской имѣетъ нужду въ такомъ заведеніи, въ которомъ бы оно съ малыми средствами могло пріобрѣсть всѣ тѣ познанія, кои образуютъ разумъ и сердце". Но, выдвигая на первый планъ интересы дворянства, Демидовъ имѣлъ въ виду, что его жертвою воспользуются не одни дворяне, „но и другого состоянія люди". Въ такомъ же смыслѣ высказался и первый уставъ новаго училища 28 января 1805 года. „На иждивеніи училища—гласили §§ 18 и 19—содержатся 20 студентовъ, окончившихъ курсъ въ нижнихъ училищахъ. Они принимаются изъ недостаточныхъ дворянъ и другого сословія людей Ярославской губерніи... Впрочемъ, всѣ имѣющіе свободное состояніе и знанія, потребныя для продолженія наукъ, въ семъ училищѣ преподаваемыхъ, могутъ быть приняты на своемъ содержаніи въ студенты онаго..."

Положеніе ярославскаго училища въ іерархіи учебныхъ заведеній опредѣлено было въ уставѣ нѣсколько иначе, чѣмъ въ прошеніи самого Демидова. Послѣдній просилъ возвести училище «на одинаковую степень съ университетами». По уставу же оно заняло «первую степень *непосредственно послѣ* центральныхъ университетовъ, въ Имперіи существуюшихъ». По объему и содержанію учебный курсъ ярославскаго училища имѣлъ смѣшанный, энциклопедическій характеръ, подобно курсу гимназій или философическаго факультета. Въ составъ перваго учебнаго плана входили: словесность древнихъ языковъ, россійское краснорѣчіе, философія, право естественное и народное, чистая и смѣшанная математика, естественная исторія, химія и

технологія, политическая исторія съ вспомогательными науками, политическая экономія и наука о финансахъ. Этотъ кругъ образованія, чуждый спеціализаціи, признавался вполнѣ достаточнымъ для лицъ, стремившихся на гражданскую службу, не требовавшую особыхъ спеціальныхъ познаній, и воспитанники ярославскаго училища выпускались въ службу съ чиномъ 14-го класса. Студенты же, отличившіеся поведеніемъ и особенными способностями, могли на счетъ училища доканчивать свое высшее образованіе въ русскихъ или иностранныхъ университетахъ. Такимъ образомъ первое учебное заведеніе новаго типа, призванное служить по преимуществу интересамъ дворянства, не было, однако, по существу сословно-профессіональнымъ.

На тѣхъ же главныхъ основаніяхъ составленъ былъ проектъ учрежденія въ г. Нѣжинѣ, на средства братьевъ князя и графа Безбородко, аналогичнаго училища высшихъ наукъ. Подобно Демидову, графъ И. Безбородко ходатайствовалъ въ 1805 году объ устройствѣ „училища высшихъ наукъ, которое здѣсь (въ черниговской губерніи) еще не существуетъ и отъ котораго можно ожидать великой пользы какъ для всѣхъ, такъ особливо для тѣхъ неимущихъ дворянъ и другого состоянія молодыхъ людей, кои по скудости своей не могутъ имѣть достаточныхъ способовъ къ образованію себя и коимъ, съ учрежденіемъ сего заведенія, открыться можетъ новое средство къ приготовленію себя на службу Вашего Императорскаго Величества“. Предположеніе это было утверждено, но приведено въ исполненіе оно было уже въ слѣдующую эпоху, когда правительство стало отрицательно относиться къ привилегированнымъ училищамъ новаго типа, конкуррировавшимъ съ университетами.

Такой же общеобразовательной по содержанію учебнаго курса, но строго сословной по составу учащихся школой былъ Царскосельскій лицей [1]). По уставу 12 августа 1810 года онъ имѣлъ цѣлью „образованіе юношества, особенно предназначеннаго къ важнымъ частямъ службы государственной“. Для достиженія этой цѣли въ лицеѣ преподавались „предметы ученія, важнымъ частямъ государственной службы приличные и для благовоспитаннаго юноши необходимо нужные“. Курсъ лицея раздѣлялся на два послѣдовательныхъ круга, начальный и окончательный, по три годичныхъ класса въ каждомъ. Въ составъ начальнаго, гимназическаго, курса входили: грамматическое ученіе

[1]) По первоначальному плану лицея, составленному М. М. Сперанскимъ въ 1808 году, лицей предназначался для молодыхъ людей „разныхъ состояній“.

языковъ (русскаго, латинскаго, французскаго, нѣмецкаго), науки нравственныя, математическія и физическія, историческія, „первоначальныя основанія изящныхъ письмянъ" съ правилами реторики, изящныя искусства и гимнастическія упражненія. Уставъ пояснялъ при этомъ, что въ первыхъ классахъ важнѣйшая часть ученія суть языки: „потому на сію часть и должно быть обращено особенное вниманіе". Учебный планъ окончательнаго, старшаго курса обнималъ тотъ же кругъ наукъ, но на первый планъ здѣсь выдвигались науки нравственныя, физическія и математическія. Подъ именемъ нравственныхъ наукъ уставъ разумѣлъ „всѣ тѣ познанія, кои относятся къ нравственному положенію человѣка въ обществѣ" и, слѣдовательно, понятія „объ устройствѣ гражданскихъ обществъ, о правахъ и обязанностяхъ, отсюда возникающихъ". Въ составъ математическихъ наукъ, преподаваемыхъ на старшемъ курсѣ, введены были артиллерія и фортификація. Такимъ образомъ, по первоначальному плану лицей долженъ былъ давать избранной дворянской молодежи общее образованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ элементарныя прикладныя знанія для вступленія въ гражданскую и военную службу.

Нѣкоторыми особенностями отличался Ришельевскій лицей въ Одессѣ. Онъ возникъ изъ двухъ частныхъ пансіоновъ, мужского и женскаго, принятыхъ въ 1805 году подъ покровительство герцога Ришелье и объединенныхъ названіемъ Дворянскаго института. Ришелье относился съ большимъ вниманіемъ и любовью къ этому заведенію и, будучи сторонникомъ закрытаго воспитанія, долго препятствовалъ открытію въ Одессѣ коммерческой гимназіи. Въ объявленіи 1811 года о планѣ преподаванія въ одесскомъ благородномъ институтѣ Ришелье, обращаясь преимущественно къ дворянству южной Россіи, такъ объяснялъ назначеніе института: „цѣль этого института есть пріуготовленіе юношества къ военной или гражданской службѣ, къ торговлѣ или такому занятію, которое оно само себѣ изберетъ; однимъ словомъ—сдѣлать ихъ такими людьми, которые бы своими правилами и познаніями могли быть полезными обществу въ томъ состояніи, въ какомъ они будутъ находиться". Визитаторъ харьковскаго университета, которому подчиненъ былъ институтъ, профессоръ Дегуровъ далъ въ 1812 году очень лестный отзывъ о любимомъ дѣтищѣ Ришелье. „Религія, нравственность, образованіе по всѣмъ частямъ наукъ,—писалъ онъ,—ничего въ немъ не забыто. Экзамены продолжались два дня утромъ и вечеромъ, и генералъ-губернаторъ постоянно при нихъ присутствовалъ, самъ дѣлая вопросы ученикамъ. Воспитанники, окончившіе курсъ

наукъ и собиравшіеся къ поступленію въ военную службу, были испытываемы имъ съ особенною строгостью, преимущественно въ математикѣ. Трое изъ нихъ, казалось, наиболѣе воспользовались уроками, которые имъ преподавали въ математикѣ, приложенной къ артиллерійскому и инженерному дѣлу".

По уставу 1817 года, Благородный институтъ, соединенный, подъ общимъ названіемъ Ришельевскаго лицея, съ гимназіей, училищами уѣзднымъ и приходскимъ, получилъ новую, своеобразную организацію. Лицей посвящался, говорилось въ уставѣ, „собственно такъ называемымъ общимъ наукамъ и не занимался науками особенными, принадлежащими къ университетамъ". Для пансіонеровъ лицея курсъ продолжался 10 лѣтъ и раздѣлялся на три послѣдовательные круга: образованіе приготовительное (отъ 8 до 10 лѣтъ), образованіе литературное (отъ 10 до 16 лѣтъ) и образованіе въ высшихъ наукахъ (отъ 16 до 18 лѣтъ). Въ кругъ послѣднихъ входили: математика, физика, логика, метафизика, право естественное и народное, артиллерія и фортификація. По окончаніи этого 10-лѣтняго общеобразовательнаго курса, воспитанники лицея принимались въ армію офицерами, въ гражданскую же службу они вступали съ чиномъ 12-го класса. Тотъ же общій курсъ, но только въ теченіе 8 лѣтъ, преподавался „постороннимъ питомцамъ" лицея; для этой цѣли учреждались „внѣшніе классы, въ коихъ дѣти недостаточныхъ родителей слушали безъ платы тѣ же уроки, какъ и самые воспитанники лицея, и у тѣхъ же профессоровъ, но токмо въ другихъ учебныхъ комнатахъ". На службу „посторонніе питомцы" выпускались съ чиномъ 14-го класса.

Хотя, по словамъ устава, лицей и не призванъ былъ заниматься „особенными науками, принадлежащими университетамъ", однако отдаленность отъ харьковскаго университета и мѣстное положеніе Одессы „требовали нѣкотораго изъятія и представляли необходимость присоединить къ Лицею дополнительныя училища": училище правовѣдѣнія и политической экономіи, коммерческое училище и педагогическій институтъ. Воспитанники перваго училища выпускались въ службу съ чиномъ 9-го класса; питомцы же Педагогическаго института получали этотъ чинъ, прослуживъ 6 лѣтъ надзирателями и адъюнктами.

Послѣ реформы 1817 года, Ришельевскій лицей пересталъ быть строго сословнымъ училищемъ, какимъ былъ его предшественникъ — Благородный институтъ. Въ уставѣ лицея мы не находимъ никакихъ ограничительныхъ условій сословнаго характера. По составу учащихся Ришельевскій лицей представлялъ

аналогію не Царскосельскому лицею, а Ярославской гимназіи высшихъ наукъ. Какъ свидѣтельствуютъ именные списки первыхъ выпусковъ лицея, въ немъ воспитывалась по преимуществу дворянская молодежь, готовившаяся къ гражданской и военной службѣ.

Такъ параллельно учебной системѣ по уставамъ 1804 года развились особые типы школъ, не предусмотрѣнные этими уставами, служившіе, главнымъ образомъ, интересамъ дворянства. Въ высшихъ правительственныхъ сферахъ новый типъ школы, совмѣщавшей среднее и высшее образованіе, встрѣтилъ при своемъ появленіи вліятельныхъ защитниковъ. Графъ В. П. Кочубей, знакомя въ 1811 году М. М. Сперанскаго съ планомъ Ришельевскаго лицея, писалъ: „не университеты нужны намъ, когда въ нихъ некому и учиться, а особливо университеты на нѣмецкую стать, но училища первыя и вторыя... Система лицеевъ есть самая лучшая, какую для Россіи принять можно“.

Далеко не такъ сочувственно относились къ благороднымъ пансіонамъ при гимназіяхъ и университетахъ, гимназіямъ высшихъ наукъ и лицеямъ руководящіе органы самого учебнаго вѣдомства. Оно не могло не видѣть въ нихъ серьезныхъ конкуррентовъ основнымъ типамъ общеобразовательной школы, еще крайне слабо организованной и не успѣвшей упрочить за собою общественныхъ симпатій. Отвлекая учащуюся молодежь отъ гимназіи и университета, благородный пансіонъ и лицей, съ ихъ сословными и профессіональными тенденціями, подрывали основные принципы господствующей, общеобразовательной и безсословной системы просвѣщенія.

Въ 1818 году Ученый Комитетъ, при учрежденіи пансіона симбирской гимназіи, высказалъ-было мнѣніе, что „пансіоны суть такія учебныя заведенія, въ коихъ содержаніе и безпрерывный надзоръ сопряжены съ преподаваніемъ учебныхъ предметовъ“. Но Главное правленіе училищъ рѣшило иначе, и 30 января слѣдующаго года постановило, какъ общее правило: „пансіоны при гимназіяхъ и при университетахъ вообще почитать токмо мѣстами, опредѣленными для содержанія учащагося юношества, ученію же онаго быть обще съ прочими въ гимназіяхъ и университетахъ“; отступленія отъ этого правила, не нарушающія „общаго порядка ученія по гимназіямъ“, допускаются лишь съ разрѣшенія министра.

Обсуждая въ 1818 году просьбу графа Кушелева-Безбородко о наименованіи открываемаго въ г. Нѣжинѣ высшаго училища „лицеемъ“, Главное правленіе училищъ высказало мнѣніе, что

„учрежденіе вновь лицеевъ, гдѣ бы то ни было, не согласуется съ общепринятою Главнымъ правленіемъ училищъ системою народнаго просвѣщенія въ государствѣ“. Въ 1821 году, по другому поводу, Ученый Комитетъ заявилъ, что учрежденіе лицеевъ или гимназій высшихъ наукъ порождаетъ затрудненія и неудобства, „поелику права, предоставленныя послѣднимъ, подавляя истинное просвѣщеніе, ни къ чему другому не служатъ, какъ только къ размноженію чиновниковъ въ государствѣ и къ злоупотребленіямъ всякаго рода“ [1]).

Въ исторіи возникновенія благородныхъ пансіоновъ и лицеевъ въ первыя два десятилѣтія XIX вѣка можно видѣть ясно выраженную реакцію противъ основъ далеко еще не окрѣпшей системы просвѣщенія по уставамъ 1804 года. По своимъ прямымъ задачамъ — служить потребностямъ привилегированнаго класса, сокращать и сглаживать дворянской молодежи пути служебной карьеры, — по воспитательнымъ идеаламъ, проникнутымъ сословными дворянскими традиціями, наконецъ, по своей учебной организаціи, стремившейся объединить въ рамкахъ одной школы элементы средняго и высшаго, общаго и профессіональнаго образованія, — благородные пансіоны и лицеи близко напоминаютъ тѣ „воспитательныя академіи“, какія проектировались въ 60-хъ годахъ XVIII вѣка.

Учрежденіе благородныхъ пансіоновъ и лицеевъ, успѣшно конкуррировавшихъ съ университетами и гимназіями, какъ мы только-что видѣли, не встрѣчало сочувствія со стороны министерства народнаго просвѣщенія даже въ 20-хъ годахъ, когда воздвигнуто было гоненіе противъ „духа нечестія и либерализма“, якобы насажденнаго системою 1803—1804 годовъ. Ополчаясь противъ „пагубнаго духа времени“, реакція 20-хъ годовъ оставляла неприкосновенными внѣшнія формы учебной системы по уставамъ 1804 года, не ломала основныхъ типовъ школъ и допускала въ принципѣ существованіе благородныхъ пансіоновъ, какъ учрежденій только воспитательныхъ, а существованіе лицеевъ, какъ исключеній, стоящихъ внѣ господствующей системы просвѣщенія.

Непоколебленной система уставовъ 1804 года оставалась до тѣхъ поръ, пока реакція противъ нея шла со стороны нѣкоторыхъ слоевъ общества, не доросшихъ до правильной оцѣнки безсословной и общеобразовательной школы и продолжавшей искать

[1]) С. В. Рождественскій, Историч. обзоръ дѣятельности Минист. народн. просвѣщ., стр. 70—71, 74—76, 139—144.

въ образованіи удовлетворенія прежде всего своихъ сословно-профессіональныхъ потребностей. Это общественное недовольство для господствующей системы не представляло серьезной опасности, пока оно не встрѣчало принципіальнаго сочувствія со стороны государственной власти. Настоящій кризисъ наступилъ для системы уставовъ 1804 года въ царствованіе Николая Павловича, когда охрана сословныхъ привилегій признана была однимъ изъ основныхъ принциповъ внутренней политики, когда устами цесаревича Константина Павловича было заявлено, что „сохраненіе древняго порядка въ раздѣленіи на главныя состоянія подданныхъ государства есть одно изъ главнѣйшихъ средствъ къ сохраненію для отдаленнѣйшихъ родовъ твердости самаго существованія Имперіи и прочнаго благосостоянія ея по всѣмъ отношеніямъ политической и гражданской жизни“. Торжество этихъ принциповъ охранительной политики и повлекло за собою новый кризисъ въ политикѣ просвѣщенія. Но его исторія должна послужить уже темой особаго изслѣдованія.

С. Рождественскій.

„ПОПРАВѢЛЪ!“

РАЗСКАЗЪ.

I.

Анна Петровна была рослая, крупная женщина, гренадеръ-баба, какъ ее называли въ ея кругу. Она была еще не стара, но отъ всѣхъ ея маперъ, отъ выраженія широкаго, добродушнаго лица вѣяло далекими семидесятыми годами.

Очень просто одѣтая во все темное, она стояла передъ зеркаломъ и, отдавая должное двадцатому столѣтію, старалась приладить неуклюжую шляпку къ своей большой „нигилистачей“ головѣ, покрытой очень небрежной прической полусѣдыхъ волосъ, когда-то роскошно густыхъ и пышныхъ. Впрочемъ, Анна Петровна, устроившись у зеркала, глядѣла не столько на себя и свою шляпку, сколько на отраженную тамъ въ перспективѣ согнутую фигуру своего мужа, блѣднаго, худощаваго человѣка.

...„Онъ, кажется, вовсе не собирается идти!“ — подумала Анна Петровна и досадливымъ движеніемъ, наконецъ, пришпилила шляпу къ сѣрымъ буграмъ своихъ волосъ.

Потомъ, посмотрѣвъ еще разъ на мужа черезъ зеркало и видя, что онъ въ своей комнатѣ продолжаетъ сидѣть въ позѣ человѣка, которому некуда и незачѣмъ идти, — она быстро повернулась отъ зеркала и съ мѣста недовольнымъ тономъ крикнула:

— Анатолій Петровичъ! Ты что же тамъ застылъ, или ты не собираешься идти?

— Куда?.. — донесся изъ другой комнаты тихій и какъ-то особенно растянутый вопросъ вмѣсто отвѣта.

Говоря, Анатолій Петровичъ чуть поднялъ голову, и по его лицу съ усталыми, грустными глазами прошла рѣзкая гримаса

глубокаго, худо скрываемаго страданія, да и весь онъ вдругъ сталъ похожъ на тяжко больного.

— Какъ это куда?!.. Что ты говоришь?—дрогнувшимъ голосомъ выговорила Анна Петровна. Она почувствовала приближеніе мучительнаго момента, который уже давно назрѣвалъ, какъ неясное пятно, приближаясь, разростался въ тучу неопредѣленнаго содержанія и наконецъ грозно повисъ надъ ихъ дотолѣ дружной и согласной жизнью.

Двадцать лѣтъ—больше двадцати! — Анатолій Петровичъ и Анна Петровна прожили не только какъ хорошіе мужъ и жена, но какъ преданные товарищи,—больше: какъ вѣрные братъ и сестра. Прожили они все это время, какъ было сказано, дружной и согласной жизнью. Женихомъ и невѣстой вошли они въ одну и ту же тюрьму, во имя идеаловъ человѣческой мысли сидѣли за рѣшеткой. Въ тюрьмѣ же они и повѣнчались, потомъ пошли въ Сибирь и, нравственно опираясь другъ на друга, прожили тамъ не мало лѣтъ въ убогой обстановкѣ, среди снѣга и холода, среди пустыни, далеко отъ свѣтлыхъ очаговъ культуры. Потомъ они вернулись въ Россію. Сибирское томленіе по жизни, казалось, не израсходовало ихъ гражданской бодрости; съ юношеской свѣжестью и увлеченіемъ они принялись за прежнюю работу сейчасъ же по возвращеніи... Они дождались перваго свѣтлаго дня русской исторіи, пережили бурный и темный вечеръ этого дня, и все и всегда шло у нихъ по старому: дружно и согласно... Однако, послѣ декабрьскихъ дней ихъ настроенія раскололись. Боевое настроеніе Анатолія Петровича дрогнуло и пошло на убыль; Анна Петровна оказалась прочнѣе въ своей вѣрѣ старымъ принципамъ. Сначала это была мало-замѣтная трещинка, но она ширилась не по днямъ, а по часамъ. Изъ нея-то и поднялось угрозой темное облачко... Сначала оба старались игнорировать его, не замѣчать, считали его временной, проходящей тѣнью въ ихъ жизни, но оно росло и мало-по-малу стало раздвигать ихъ: одного отъ другой... Все это совершалось подъ кровомъ робкаго молчанія, безъ словъ, безъ объясненій...

Они чувствовали трещину въ своихъ отношеніяхъ, боялись заглянуть въ нее глубже и не совсѣмъ понимали: откуда она явилась.

...„Это, наконецъ, надо выяснить!“—подумала Анна Петровна и рѣшительно шагнула въ комнату мужа.

Онъ посмотрѣлъ на нее; она не спускала глазъ съ него. Обоимъ стало жутко и холодно.

— Я не понимаю тебя!—заговорила Анна Петровна.—Вѣдь

сегодня важное засѣданіе „комитета“. Пріѣхалъ полномочный изъ Петербурга. Есть важныя новости; онъ привезъ директивы на случай разгона Думы, а ты... Богъ знаетъ что̀ говоришь... „Куда идти“?!.. Я ничего не понимаю! Вѣдь ты же отвѣтственное лицо, членъ „комитета“!

Закончивъ, Анна Петровна даже вспыхнула, но Анатолій Петровичъ тихо, совсѣмъ упавшимъ голосомъ отвѣтилъ:

— Иди сама, если хочешь, и скажи „имъ“, что я уже... не членъ „комитета“... я уже... не отвѣтственное лицо! Скажи „имъ“ это!..

Еслибы на Анну Петровну обрушился потолокъ, или еслибы подъ ней полъ провалился, то это врядъ ли произвело бы на нее болѣе ошеломляющее впечатлѣніе, чѣмъ слова мужа. Она отшатнулась и подняла руки, какъ бы желая отбросить ему назадъ, вернуть сказанное.

— Что̀ съ тобой? Ты боленъ?.. — едва смогла выговорить она, но въ то же время въ ушахъ ея какой-то обидой застряло это чуждое „скажи *имъ*“: вѣдь и она сама тоже была членомъ „комитета“, и, слѣдовательно, неожиданное отчужденіе мужа отъ „нихъ“ касалось и ея.

Въ первый разъ за двадцать слишкомъ лѣтъ у Анны Петровны шевельнулось какое-то враждебное чувство къ Анатолію Петровичу—шевельнулось и исчезло...

...„Боленъ?!“ —мысленно переворачивалъ въ головѣ вопросъ жены Анатолій Петровичъ. Онъ продолжалъ глядѣть въ глядящіе и на него глаза Анны Петровны и, тихо, слабо улыбнувшись, отвѣтилъ:

— Да, боленъ я!

Онъ хотѣлъ тутъ же объяснить, чѣмъ онъ „боленъ“ и почему не хочетъ идти въ комитетъ, почему никогда туда не пойдетъ, но вдругъ на него нахлынула и тяжело опустилась, покрывая его, темная волна безсилія. Всѣ слова, которыя, вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, онъ вынашивалъ въ своемъ мозгу, чтобы сказать ей, этой женщинѣ-товарищу всей его жизни,— теперь все это вдругъ пропало, потонуло въ чемъ-то. Передъ Анатоліемъ Петровичемъ раскрылась глубокая пропасть, и онъ глядѣлъ съ одного ея края на поблѣднѣвшее лицо Анны Петровны, которая осталась на другомъ, и онъ видѣлъ, какъ постепенно это лицо заливалось краской возмущенія и какъ жестко стали глядѣть на него эти глаза, къ которымъ онъ такъ привыкъ и которые считалъ чѣмъ-то своимъ...

„Я боленъ, боленъ!“—механично и мысленно говорилъ самъ

себѣ Анатолій Петровичъ, опуская голову подъ еще незнакомымъ ему по выраженію взглядомъ Анны Петровны. Онъ почувствовалъ острую боль въ сердцѣ и тяжесть въ мозгу, и съ каждымъ мгновеніемъ терялъ все больше способность разговориться, раскрыть душу. Такъ бываетъ со многими не очень сильными людьми, когда имъ нужно отстаивать что-либо свое личное.

Можетъ быть, это была своего рода боязнь, трусливый трепетъ двадцатилѣтнихъ привычекъ... Анна Петровна оказалась, однако, болѣе мужественной. Съ рѣшительностью прямой и простой натуры она шагнула къ опасному мѣсту и зоркимъ взглядомъ измѣрила глубину раздѣлившей ихъ трещины.

— Ты боленъ...—проговорила она и положила свою руку на плечо мужу.—Да, ты заболѣлъ... Это мнѣ уже давно кажется. Ты обезсилѣлъ, но не въ томъ бѣда... Ты „правѣешь“!!

Она строго глядѣла на Анатолія Петровича, а онъ отъ послѣдняго слова встрепенулся, быстро выпрямился, какъ отъ прикосновенія каленаго желѣза. Взглядъ его блеснулъ, и онъ отвѣтилъ попрежнему тихо, но болѣе прочнымъ звукомъ:

— Не говори жестокихъ словъ. Я не поправѣю... Это не то...

Анна Петровна хотѣла выложить доказательства высказаннаго предположенія, но слова о „жестокости“ ее остановили. Ея мысль работала по простымъ, но искреннимъ линіямъ.

„Жестокія“ слова?!.. Неужели же она на нихъ способна?—думала она и порылась въ своихъ чувствахъ. Она быстро открыла у себя въ душѣ новорожденную враждебность къ Анатолію Петровичу, а поэтому рѣшила пока оставить разговоръ неоконченнымъ на первыхъ словахъ, и коротко заключила:

— Хорошо, я сама пойду... Но скажи: твое рѣшеніе не связано съ послѣдней дискуссіей въ комитетѣ?

Онъ отрицательно качнулъ головой, забывая, что именно эта дискуссія по поводу одного непріятнаго для него предпріятія, исполненнаго внѣ его согласія, послужила тѣмъ толчкомъ, который и привелъ его, черезъ долгія и мучительныя колебанія, наконецъ, къ рѣзкому рѣшенію. Получивъ его безмолвный отвѣтъ, Анна Петровна повернулась и медленно вышла изъ комнаты. Анатолій Петровичъ остался на прежнемъ мѣстѣ. Онъ еще переваривалъ непріятное слово „правѣешь“.

Да, онъ сказалъ „имъ“, этому комитету крайней лѣвой партіи, что онъ отъ нихъ уходитъ,—но развѣ онъ идетъ „направо“? Туда, гдѣ онъ помѣстилъ самую крѣпкую свою ненависть?.. Гдѣ онъ ее помѣщалъ двадцать лѣтъ?

Это предположеніе было обидно! И если раньше у Анны

Петровны шевельнулось что-то мимолетно-враждебное къ Анатолію Петровичу, то теперь онъ не менѣе мимолетно-враждебно глядѣлъ черезъ окно и слѣдилъ, какъ она сошла въ небольшой садикъ передъ ихъ домомъ и вышла на улицу, потомъ мимо кустовъ сирени, росшихъ у рѣшетки, направилась впередъ быстрымъ шагомъ, раскачивая своей нелѣпой шляпкой. Съ ея фигурой отъ Анатолія Петровича удалялись тихая радость и спокойствіе болѣе чѣмъ двадцати лѣтъ дружной и согласной жизни, и стоило ему вспомнить объ этомъ, какъ мгновенная враждебность испарилась, и Анатолій Петровичъ инстинктивно распахнулъ рукой окно, какъ бы желая вернуть уходящій призракъ умирающаго прошлаго... Но то, что̀ уходило,—уходило. Анна Петровна завернула за уголъ и исчезла съ глазъ Анатолія Петровича. Тогда онъ снова опустился, согнулся на прежнемъ мѣстѣ у своего рабочаго стола.

Къ нему изъ садика пахнуло запахомъ цвѣтущей сирени. Какія-то птички, прыгая среди дерева у окна, задорно ему выкрикивали что-то, но онъ ничего не видѣлъ, ничего не чувствовалъ. Вокругъ него была какая-то саднящая пустота, и среди нея замиралъ послѣдними вспышками огонекъ далекой юности, молодо взятый, молодо разукрашенный смыслъ жизни, искусственно поддержанный годами тюрьмы и ссылки, и вдругъ, послѣ этихъ годовъ въ водоворотѣ бѣшеной дѣятельности возмущенныхъ силъ исторіи, оказавшійся съ очень короткими лучами...

Жить какъ прежде уже не представлялось возможнымъ. Привычка класть въ основу своихъ дѣйствій искреннее убѣжденіе и настроеніе была всемогуща, но новыя настроенія и мысли, подточившія старое содержаніе жизни, не манили къ себѣ. Они пришли какъ узурпаторы, и воля хотя и повернулась къ нимъ, но еще не хотѣла пойти за ними, не хотѣла отойти отъ дорогихъ береговъ...

Двадцать лѣтъ!.. Больше!.. Тамъ было все дорого: и понятое заблужденіе, и сознанная несостоятельность.

Тяжело было Анатолію Петровичу. Онъ попадалъ на распутье, на многодорожье, въ моментъ, когда въ пору было уже сѣсть для отдыха на порогѣ у цѣли и сказать: „дошелъ"!.. торжествующе глядѣть назадъ и готовить себѣ нарядъ для послѣдняго праздника жизни...

„Поправѣлъ"!.. мелькало у него въ мозгу, и это слово рѣзало ему душу какъ ножомъ. Вотъ ужъ нѣсколько времени, какъ эти ненавистные звуки все чаще и чаще, оскорбляя его слухъ, раздаются въ примѣненіи къ его словамъ и поступкамъ!.. Иногда

это уже доводило его до бѣшенства... Вотъ теперь и Анна Петровна бросила ему въ лицо то же проклятое слово... Долго онъ просидѣлъ съ этимъ словомъ на душѣ у окна, а еще дольше, поднявшись съ мѣста, ходилъ по своей комнатѣ тяжелыми шагами, и чудилось ему, что у него подъ ногами хрустятъ и трещатъ какіе-то обломки, черепки...

И мгла безнадежности гуще налегала на него, и душно было ему среди сходившихъ неторопливыхъ ясныхъ сумерекъ весенняго дня...

II.

Анна Петровна пришла домой поздно. Она возвратилась съ засѣданія комитета не одна, а въ сопровожденіи чернобородаго, мрачнаго вида мужчины и молодой дамы. Послѣдніе принадлежали тоже къ „комитету“, и о цѣли ихъ прихода Анатолій Петровичъ мгновенно, лишь увидѣлъ ихъ, догадался:

„Оффиціальности хотятъ соблюсти!..“—нѣсколько злобно про себя выговорилъ онъ, идя къ нимъ навстрѣчу.

— Вотъ, Анатолій Петровичъ, товарищи пожелали лично отъ тебя услышать о твоемъ рѣшеніи и узнать побужденія,—дѣловымъ тономъ проговорила Анна Петровна, когда всѣ разсѣлись въ комнатѣ Анатолія Петровича.

Самъ онъ сидѣлъ въ центрѣ другихъ, скрестивъ руки и опустивъ голову на грудь. Онъ имѣлъ видъ обвиняемаго, а изъ всѣхъ присутствующихъ болѣе всего походилъ на судью чернобородый мужчина. Онъ помѣстился напротивъ Анатолія Петровича и внимательно глядѣлъ на него своими небольшими черными глазами, чуть видными изъ-подъ густыхъ нависшихъ бровей.

Анатолій Петровичъ сразу почувствовалъ особенность этого взгляда и раздражился. Сердце его крѣпче забилось, и какая-то горячая жидкость заволновалась подъ черепомъ. Онъ бросилъ скользящій взглядъ въ сторону Анны Петровны. Ему хотѣлось говорить, но онъ зналъ, что въ ея присутствіи онъ не будетъ вполнѣ свободенъ. Передъ ней онъ считалъ себя какъ бы полувиноватымъ, и это его связывало. Она мгновенно и чутко сообразила его состояніе и быстро встала съ мѣста.

— Можетъ быть, тебѣ лучше будетъ потолковать... если я уйду?..

Анатолій Петровичъ тепло взглянулъ на нее и чуть кивнулъ головой. Онъ выпрямился и бодрымъ взглядомъ проводилъ выхо-

дившую изъ комнаты Анну Петровну. Онъ собирался покончить съ „товарищами“, но теперь у него явилась надежда, что ему удастся сохранить себѣ изъ нихъ самаго дорогого, и онъ не начиналъ говорить, пока Анна Петровна совсѣмъ не вышла... Онъ понималъ, что съ ней онъ долженъ объясниться совсѣмъ другимъ языкомъ.

Уходъ Анны Петровны не особенно понравился чернобородому мужчинѣ, но онъ ничего не сказалъ, а только еще крѣпче впился своимъ неподвижнымъ взглядомъ въ блѣдное лицо Анатолія Петровича. Спутница мужчины сидѣла тоже неподвижно и разглядывала свои пухлыя красивыя руки съ розовыми тщательно вычищенными ногтями на длинныхъ пальцахъ. Она была случайнымъ элементомъ въ революціи; про нее не всѣ могли бы сказать, что̀ ее погнало за краснымъ флагомъ: желаніе ли подвига, или жажда крѣпкихъ ощущеній... или что-либо другое.

Прошло нѣсколько минутъ тяжелаго молчанія; взгляды обоихъ мужчинъ, скрестившись, были неподвижны, но дѣлались все напряженнѣе и острѣе... Наконецъ, чернобородый мужчина странно улыбнулся, сверкнулъ бѣлыми зубами и тихо выговорилъ:

— Мы слушаемъ, товарищъ.

Отъ этихъ чуть-чуть ироническихъ звуковъ въ душѣ Анатолія Петровича дрогнулъ милліонъ жгучихъ словъ, но они не бросились наружу безпорядочной возбужденной толпой, а какъ хорошо дисциплинированное войско, поднявъ штыки, застыли въ грозномъ ожиданіи очереди двинуться...

— Я рѣшилъ выйти изъ состава „комитета“,—даже черезчуръ холодно сказалъ Анатолій Петровичъ.

— Но вы останетесь въ партіи?—осторожно спросилъ чернобородый.

— Нѣтъ... я выхожу также изъ состава партіи.

— Причины?..

Причины?!.. Надъ этимъ Анатолій Петровичъ не думалъ; онъ еще ничего не формулировалъ даже для себя. Онъ жилъ, воспринималъ впечатлѣнія, извѣстнымъ образомъ реагировалъ на нихъ въ себѣ самомъ, своимъ разумомъ, своимъ нравственнымъ чутьемъ; соединить все это, разбросанное во времени,—было нелегко для сжатаго и сильнаго отвѣта. Однако, онъ лишь мгновеніе помолчалъ.

— Причины, по которымъ я оставляю комитетъ...—началъ онъ, но чернобородому такая постановка вопроса оказалась почему-то не ко двору, и онъ поспѣшилъ дать иное направленіе бесѣдѣ.

— Товарищъ, ваше отношеніе къ комитету отчасти намъ уже извѣстно по прецедентамъ, и, наконецъ, не въ этомъ суть. Разъ вы покидаете партію—вопросъ о какихъ-либо спеціальныхъ причинахъ вашего ухода изъ комитета получаетъ праздное значеніе... Сосредоточимся на главномъ—на вашемъ уходѣ изъ партіи...

Анатолій Петровичъ внимательно вслушивался въ эти слова и даже чуть наклонился къ говорившему. Выслушавъ, онъ едва замѣтно улыбнулся и спросилъ:

— Слѣдовательно, мой уходъ изъ комитета спеціальнымъ образомъ васъ не интересуетъ?

Онъ въ упоръ разглядывалъ чернобородаго. Тотъ отвелъ свой взглядъ въ сторону и нерѣшительно пошевелилъ губами. Вмѣшалась женщина.

— Отчего же?.. Говорите: вѣроятно, причины вашего ухода и изъ комитета, и вообще изъ партіи—въ большой связи между собой?..

Анатолій Петровичъ наклонилъ голову.

— Такъ. Именно.

Чернобородый нетерпѣливо двинулся на мѣстѣ, но Анатолій Петровичъ уже продолжалъ:

— Итакъ, о комитетѣ... Тамъ, какъ извѣстно, есть люди, видавшіе виды, есть люди, принесшіе уже большія жертвы на алтарь народнаго освобожденія... Но видать виды—это еще не значитъ быть умнымъ, быть отважнымъ, быть талантливымъ руководителемъ кадровъ партійной арміи... Равнымъ образомъ, самыя страшныя страданія въ тюрьмѣ, въ ссылкѣ, на каторгѣ—не единственное оправданіе для того, чтобы взять революціонную власть въ свои руки... Отъ вожаковъ требуется не только извѣстный опытъ и извѣстная испытанность, но и другія качества... которыхъ, увы, въ нашемъ комитетѣ я не нашелъ... По своимъ качествамъ нашъ комитетъ ниже своихъ задачъ, ниже своихъ девизовъ, ниже партійной программы... наконецъ, ниже назрѣвшихъ потребностей русской исторіи... Скажу больше: мы, какъ генералы и полковники революціи, не стóимъ своей арміи,—въ ней больше чистаго отношенія къ идеаламъ, больше беззавѣтной отваги въ борьбѣ за нихъ, больше умѣнья... больше политическаго чутья... Вотъ почему я рѣшилъ сорвать съ себя знаки моего властнаго въ революціи достоинства...

— Тогда смѣшайтесь съ толпой революціонной арміи... Но вѣдь вы выходите и изъ ея рядовъ!—ядовито вставилъ чернобородый. Онъ снова не спускалъ своего темнаго взгляда съ Ана-

толія Петровича; тотъ также глядѣлъ на него, и глаза обоихъ, казалось, высѣкали другъ изъ друга мелкія, но горячія искры...

— Выхожу!—говорилъ Анатолій Петровичъ.—Выхожу, ибо не могу пойти даже рядовымъ за вожаками, которыхъ знаю... Вспомните декабрь... вспомните эти приготовленія къ выходу на улицу съ оружіемъ въ рукахъ... Что̀ придумали?! Взять нѣсколько сотъ отборныхъ храбрецовъ, вооружить ихъ револьверчиками и засадить въ большомъ заводѣ... Развѣ не могли предусмотрѣть, что утромъ передъ заводомъ поставятъ двѣ пушки и послѣ двухъ выстрѣловъ изъ нихъ по возстанцамъ—тѣмъ придется выбросить бѣлый платокъ!.. Это назвали „вооруженнымъ возстаніемъ"?!.. Это былъ безоружный позоръ, въ результатѣ котораго—нѣсколько десятковъ никому ненужныхъ труповъ!

Чернобородый сдѣлалъ рѣзкое движеніе, но Анатолій Петровичъ его мягко остановилъ:

— Я обидѣлъ васъ?.. Простите. Но теперь вы знаете побужденія, почему я вышелъ изъ комитета! Нужно ли мнѣ говорить о томъ, почему я выхожу и изъ партіи?.. Въ исторіи, въ большой исторіи, меня болѣе всего возмущаютъ факты, когда благородное идетъ за ничтожнымъ и умное движется по указкѣ глупаго...

— Да. Но вѣдь это фатальное нѣчто, неизбѣжное!—сказала женщина, поднявъ голову и переставъ разглядывать свои ногти.

— Неизбѣжное въ извѣстныхъ условіяхъ... Но съ момента, когда политическая дѣятельность можетъ въ обществѣ получать не одну нелегальную только форму, а превращается въ гласное, открытое дѣло, доступное всѣмъ гражданамъ, тогда неизбѣжность отпадаетъ, и то, съ чѣмъ мирились раньше и что̀ подлежитъ осужденію—должно быть открыто осуждено...

— Анатолій Петровичъ!.. Съ этого пункта уже начинаются теоріи правыхъ...—увѣсисто проговорилъ чернобородый. Ему захотѣлось окончить этотъ разговоръ. Онъ его считалъ неудачно сложившимся. На этотъ разъ Анатолій Петровичъ при словѣ „правыхъ" уже не встрепенулся. Онъ задумчиво опустилъ голову и отвѣтилъ:

— Не будемъ бояться словъ.

Онъ хотѣлъ еще что-то добавить, но чернобородый всталъ и остановилъ его:

— Собственно говоря, мы пришли сюда не спорить... Вы свободны идти, куда васъ поведетъ ваша совѣсть,—направо, такъ направо!—но въ вашемъ уходѣ есть дѣловая сторона...

Анатолій Петровичъ при этихъ словахъ тоже всталъ.

— Да, есть и дѣловая сторона,—повторилъ чернобородый.— Вы, состоя членомъ комитета, были въ курсѣ всего, что̀ комитетомъ предпринималось... У комитета отъ васъ не было секретовъ. Теперь возникаетъ вопросъ: какъ съ этимъ быть?... Согласитесь, что намъ нужна извѣстная гарантія...

Онъ замялся, а блѣдныя щеки Анатолія Петровича покрылись яркими пятнами. Въ это время въ дверяхъ появилась Анна Петровна; изъ сосѣдней комнаты она увидѣла, что всѣ поднялись со своихъ мѣстъ, и сочла разговоръ оконченнымъ. Анатолій Петровичъ, однако, не сразу замѣтилъ ея появленіе.

— То-есть, какая гарантія?— переспросилъ онъ рѣзкимъ тономъ.

— Ну..., тамъ, ваше слово, что-ли, хранить въ абсолютной тайнѣ... разныя обстоятельства...—нерѣшительно, но раздраженно пояснилъ чернобородый.

Анатолій Петровичъ опять поблѣднѣлъ. Его взглядъ ушелъ къ стѣнѣ, гдѣ висѣлъ браунингъ, и остановился тамъ. Туда же раньше всѣхъ словъ протянулась и его рука.

— Вотъ!.. Это единственная гарантія, которую я могъ бы предложить комитету, еслибы... еслибы онъ единогласно потребовалъ отъ меня гарантіи моей скромности... Поняли?.. Такъ и передайте!

Говоря это, онъ сдѣлалъ шагъ и остановился противъ чернобородаго, жестоко пронизывая его холоднымъ, блестящимъ взглядомъ. Тотъ въ свою очередь вспыхнулъ.

— Я передамъ. Однако, предупреждаю васъ,—въ виду вашей освѣдомленности о дѣлахъ и предпріятіяхъ комитета, отъ васъ могутъ потребовать выѣзда изъ города... Съ настоящаго момента ваше присутствіе для насъ будетъ стѣснительно, я не говорю— опасно... Мы не можемъ перестроить въ мигъ всѣхъ уже завязанныхъ отношеній... А они таковы, что тонко освѣдомленный зритель всего изъ нихъ возникающаго не можетъ быть терпимъ...

— Сейчасъ я никуда не уѣду,—спокойно сказалъ Анатолій Петровичъ, и взглядъ его упалъ на Анну Петровну, которая, блѣдная и суровая, внимательно вслушивалась въ этотъ финалъ „товарищескихъ“ отношеній.

Чернобородый поклонился Анатолію Петровичу на его заявленіе о нежеланіи выѣзжать.

— Хорошо, я и это комитету передамъ. Сейчасъ у насъ состоится чрезвычайное засѣданіе. Окончательную резолюцію вамъ передастъ Анна Петровна.

Онъ повернулся къ послѣдней. Для нея настала очень труд-

ная минута, но она, не колеблясь, выбрала свою позицію. Она не была человѣкомъ внутренней борьбы, и чуть къ ней обратились, она прямо и рѣзко отвѣтила:

— Конечно, прежде всего я гражданка, но... но и *жена* я не послѣ всего... Комитету придется на этотъ разъ обойтись безъ меня... И на засѣданіе по поводу ухода Анатолія Петровича я тоже не пойду. Такъ.

Она подняла свою голову, разсыпала сѣдѣющія волны волосъ по плечамъ и, твердо повернувшись, вышла изъ комнаты. Чернобородый какъ будто не ожидалъ этого; нѣсколько смущенно откланялся онъ Анатолію Петровичу и, молча, не подавъ ему руки, вышелъ.

— Прощайте, Анатолій Петровичъ! — тихо проговорила женщина съ красивыми ногтями. Она близко подошла къ нему и обѣими руками взяла его руку.—Прощайте, желаю вамъ еще мужества и еще мужества...

— Прощайте,—тихо отвѣтилъ Анатолій Петровичъ, и что-то теплое смягчило его напряженный взглядъ. Онъ проводилъ женщину на самое крыльцо и долго еще постоялъ тамъ... Онъ видѣлъ, какъ она вышла на улицу, повернулась въ направленіи уходящаго чернобородаго и потомъ медленно двинулась въ противоположную сторону...

— „Чрезвычайнаго собранія", пожалуй, сегодня и не состоится у „нихъ"... — подумалъ Анатолій Петровичъ и пошелъ къ женѣ.

III.

Анна Петровна уже собиралась идти спать. Полуодѣтая, она стояла у комода патріархальныхъ временъ и дѣлала себѣ папиросу „въ постель"... Небольшая лампа подъ розовымъ абажуромъ легко освѣщала ея здоровое лицо и мощныя формы.

— Ну, что̀ ты скажешь?—спросилъ Анатолій Петровичъ, облокотившись тоже о комодъ.

Анна Петровна повернула къ нему свое лицо.

— Что̀ скажу?.. По поводу тебя или по поводу „нихъ"?.. Относительно того, что̀ я слышала, я скажу, что это—большая гадость. Такъ. А по поводу тебя теперь у меня еще ничего нѣтъ, я ничего не знаю... Ты пережилъ какой-то переломъ и почему-то утаилъ его отъ меня. Это—стыдно. Такъ. А дальше скажу, когда ты мнѣ толкомъ разскажешь: въ чемъ дѣло... Можетъ быть, оно и не такое страшное, какъ мнѣ раньше показа-

лось... Во всякомъ случаѣ, Анатолій, иди теперь спать: завтра по свѣтлому дѣлу лучше потолкуемъ, утро-то вечера мудренѣе! Такъ, дорогой!

Она закурила папиросу и, какъ всегда, подала ему свою руку. Анатолій Петровичъ хотѣлъ поцѣловать эту широкую, годную для какого угодно труда ладонь, но удержался и, какъ всегда, только крѣпко пожалъ ее. Анна Петровна стала устраиваться въ постели, дымя папиросой, а Анатолій Петровичъ прошелъ къ себѣ.

Спать ему не хотѣлось. Онъ потушилъ лампу и, закуривъ папиросу, сталъ ходить по комнатѣ. Въ мозгахъ у него теперь было необыкновенно ясно, хотя въ открытое окно глядѣла темная ночь... Теперь Анатолій Петровичъ отдыхалъ душой, и если бы его спросили теперь, какъ пахнетъ сирень, онъ отвѣтилъ бы тономъ полной жизнеспособности:

— Отлично, превосходно!..

Онъ ходилъ. Вмѣстѣ съ нимъ изъ одного угла въ другой путешествовалъ огонекъ папиросы среди полной темноты. Издали гдѣ-то стучалъ своей колотушкой ночной сторожъ. Анатолій Петровичъ, уставъ шагать, остановился у окна... Вдругъ онъ замѣтилъ, что на улицѣ у рѣшетки садика прямо противъ него появилась какая-то тѣнь. Она была чуть замѣтна среди ночи и стояла неподвижно. Долгое время Анатолій Петровичъ не зналъ: что̀ это—дерево, кустъ или человѣкъ?.. Но вотъ тѣнь нерѣшительно двинулась и опять остановилась, потомъ снова шевельнулась.

Анатолій Петровичъ заинтересовался.

— Не охранникъ ли выслѣживаетъ ночную дѣятельность „комитетскаго“ ех-члена?

Это было очень простое соображеніе, но оно подняло въ его душѣ опять что-то очень горькое, наболѣвшее. Во-первыхъ, изъ этого соображенія ярко встало содержаніе прошлой жизни Анатолія Петровича; во-вторыхъ, оттуда же выросла въ его представленіи гора всякихъ трудностей, которыя съ сегодняшняго дня уже по новому загромоздили его жизненный путь. Къ этимъ трудностямъ онъ былъ менѣе всего приспособленъ; онъ привыкъ къ тюрьмѣ, къ вознѣ съ жандармами и т. д.,—теперь ему предстояло повернуться фронтомъ совсѣмъ въ другую сторону. Многіе изъ вчерашнихъ товарищей—завтра станутъ его врагами... Вѣдь онъ не будетъ сидѣть сложа руки. Это великолѣпно понялъ чернобородый, когда потребовалъ его „выѣзда отсюда“... „Они“ не боятся его нескромности, но, какъ самостоятельно дѣйствующая политическая единица, онъ для „нихъ“ нежелателенъ здѣсь...

Его присутствіе здѣсь есть возможность раскола... Конечно, „они“ преувеличиваютъ. Онъ еще долго будетъ одинъ!..

Охваченный этими мыслями, Анатолій Петровичъ уже не могъ выносить темноты. Онъ нервно схватился за спички и зажегъ лампу. Едва его комната освѣтилась, какъ съ улицы его кто-то позвалъ:

— Анатолій Петровичъ! Вы не спите?..

Онъ бросился къ окну и высунулся наружу—какъ только могъ. Темнота ночи ему послѣ свѣта показалась гуще. Онъ ничего не увидѣлъ передъ собой, никакъ не могъ найти той загадочной тѣни, которую раньше открылъ у рѣшетки садика со стороны улицы.

— Кто это?—спросилъ онъ въ темноту.

— Сейчасъ увидите,—послышался отвѣтъ.

Въ садикѣ что-то задвигалось, зашуршало среди кустовъ сирени, и чрезъ минуту у окна съ другой стороны появилась женская фигура. Это была она—все та же молодая женщина съ красивыми ногтями, бывшій товарищъ по „комитету“, женщина, настоящаго имени которой Анатолій Петровичъ не зналъ.

— Не ожидали?.. Здравствуйте...

Она чуть улыбнулась и протянула ему руку.

— Прощаясь съ вами, я и не подозрѣвала, что вернусь сюда такъ скоро... Но вотъ вышла, и вмѣсто того, чтобы отправиться въ комитетъ, что-то меня погнало по улицамъ, потомъ завернуло и сюда привело... Вы не собираетесь спать?

— Нѣтъ... нѣтъ его... сна!—Анатолій Петровичъ долго задержалъ руку молодой женщины въ своей.

— И у меня нѣтъ... вотъ ужъ нѣсколько дней нѣтъ... Собственно я не знаю: зачѣмъ пришла сюда!.. Такъ это случилось—само собой!.. Вѣдь это бываетъ?

— Бываетъ.

— Безотчетно... Я уже минутъ десять здѣсь топчусь. Мнѣ казалось, что я видѣла васъ у окна съ папиросой, но не рѣшалась окликнуть... Я цѣню свое собственное одиночество въ сумеркахъ, и поэтому боюсь потревожить чужое... Еслибы вы не зажгли лампы, я ушла бы къ себѣ!.. Вамъ сегодня должно быть очень тяжело?

— Да... нелегко... трудно рвать нѣкоторыя связи... Трудно у порога къ старости искать новыхъ друзей, идти по новымъ, неизвѣстнымъ дорогамъ... Трудно все это, а человѣкъ слабъ, а въ извѣстномъ возрастѣ онъ къ тому же рабъ привычки, рабъ прожитого... А я не герой, я—человѣкъ среднихъ возможно-

стей, и если мнѣ на подмогу не придетъ кто-либо и что-либо изъ прежняго, мнѣ попрежнему дорогого, я недалеко пойду по новому пути... Это для меня ясно, и именно объ этомъ я только-что до васъ думалъ, и мнѣ становилось жутко...

— Нѣтъ, не падайте духомъ... Вы и сейчасъ не одинъ; то, чѣмъ сегодня отъ васъ на меня повѣяло, это уже есть, это уже мнѣ знакомо... Это я уже встрѣчала... Право!

Молодая женщина говорила тономъ очень убѣжденнымъ и полнымъ глубокаго участія. Анатолій Петровичъ ее раньше часто встрѣчалъ, но теперь впервые она его заинтересовала; а такъ какъ ему вдругъ захотѣлось отвлечься отъ себя, отъ своихъ чувствованій, то онъ съ несвойственной ему прямолинейностью спросилъ:

— Скажите, что̀ васъ загнало въ наше „подполье“?

Она тихонько засмѣялась и отвѣтила:

— Это не идеи... Не погоня за красивой логикой человѣческой мысли...

— Однакоже, что̀ именно?... „Не“—это не отвѣтъ... Можетъ быть, желаніе саможертвы?

— Нѣтъ, тоже нѣтъ: мысль о саможертвѣ меня не удовлетворяетъ!

— Такъ что̀ же?... Авантюризмъ? Жажда опаснаго?

— Плохой вы угадчикъ!..

Молодая женщина положила свои руки на подоконникъ, и такъ какъ онъ ей приходился немного ниже лица, то она уперлась въ нихъ подбородкомъ и, глядя на Анатолія Петровича снизу вверхъ, грустно улыбалась.

— Плохой, плохой отгадчикъ! Но я не даромъ васъ не удовлетворила прямымъ отвѣтомъ сразу. Мнѣ было интересно знать, какъ легко приходитъ на мысль то побужденіе, которое меня загнало, какъ вы сказали, въ ваше подполье... Я здѣсь искала, видите ли... хорошихъ человѣческихъ отношеній—только! Я видѣла, какъ изъ „подполья“ выходили люди и мужественно шли на смерть, разсказывая людямъ волшебныя сказки по дорогѣ къ эшафоту... Сказкамъ я не вѣрила... я—скептикъ... но тѣ люди на меня произвели впечатлѣніе, и я спустилась въ подполье, надѣясь тамъ, въ темнотѣ, въ узкомъ мѣстѣ, найти въ миніатюрѣ тѣ реальности, которыя создали сказки о добрѣ и красотѣ, которыя ярко окрашивали даже плохо струганныя доски позорнаго помоста...

— Вы сошли въ темное, узкое мѣсто... и что̀ же тамъ нашли?

— Братство... но въ предѣлахъ и подъ многими условіями и со многими примѣчаніями... Равенство—не больше... Свободу... до первой палки, попавшей кому-либо въ руки.. Мало нашла хорошихъ отношеній... больше, чѣмъ надъ подпольемъ, но...

Она не окончила, и опять, улыбаясь сквозь густую тѣнь искренней разочарованности, глядѣла снизу вверхъ красивыми глазами на Анатолія Петровича.

— Отчего же вы тогда не уходите изъ узкаго и темнаго мѣста?

— Оттого что тамъ живутъ если и не сами хорошія отношенія, то по крайней мѣрѣ тоска по нимъ, желаніе ихъ... Въ нашей жизни и это—уже кое-что, и это уже цѣнность... А вы рѣшили окончательно уйти изъ „подполья", или только хотите въ немъ свою собственную клѣтку устроить?..

Анатолій Петровичъ развелъ руками.

— Не знаю... Меня тянетъ наверхъ, но я сжился съ темнымъ и узкимъ низомъ, а главное, именно низъ мнѣ хотѣлось бы просвѣтить, но сверху этого не сдѣлаешь... Впрочемъ, я еще ничего не знаю,—я дѣлаю первый шагъ; одно понялъ всѣмъ нутромъ: у обывателя одна степень отвѣтственности, у гражданина—другая; отвѣтственность рядовыхъ политическихъ бойцовъ и вожаковъ—не одна и та же... Отвѣтственность послѣднихъ нужно морально повысить неизмѣримо,—этого требуетъ моментъ... Впрочемъ, мы опять толкуемъ обо мнѣ... Оставимъ меня, я себѣ за послѣдніе дни страшно надоѣлъ...

— Ну, тогда бесѣда окончена: во мнѣ больше того, что̀ я сказала, ничего нѣтъ...

Молодая женщина нѣсколько отступила отъ окна. Лампа чуть освѣщала ея нѣсколько блѣдное лицо и красивую фигуру. Она была очень хороша на фонѣ ночи, чуть свѣтлѣвшемъ кое-гдѣ смутно-зелеными пятнами кустовъ и деревьевъ. Анатолій Петровичъ задумчиво разглядывалъ ее.

Чего ей для жизни не хватало?.. Молодость, красота, умъ... Все на лицо! И она—въ подпольѣ, покинула сытую жизнь, а можетъ быть и блестяще-шумную, сошла въ темное, узкое мѣсто... за хорошими человѣческими отношеніями!..

Ему снова сдѣлалось тяжело. Эта женщина „безъ настоящаго имени" для него явилась яркимъ олицетвореніемъ всего лучшаго, что̀ было „въ темномъ, узкомъ мѣстѣ", которое онъ неминуемо долженъ былъ скоро покинуть, несмотря на всю свою нерѣшительность. Поэтому онъ совсѣмъ умолкъ и только глядѣлъ въ лицо своей ночной собесѣдницы. Она, какъ будто

понимая линію развитія его чувствъ, стояла на мѣстѣ и не шевелилась.

— Это чтò же за порядки! — раздался за ними грубовато-добродушный голосъ Анны Петровны.—Это чтò за манера устраивать полночныя свиданія и... подъ самымъ носомъ у глупой сони-супруги! А?...

Анна Петровна, съ наброшенной на плечи шалью, съ папиросой въ зубахъ, появилась тоже у окна. Она смѣялась и ласково кивнула женщинѣ за окномъ.

— Лежу и слышу: гдѣ-то совсѣмъ близко и совсѣмъ по любовному воркуютъ... Думаю, пусть!—лѣнь!—а дай-ка встану и накрою хоть и „праваго“, а все-таки законнаго супруга. Ну, говорите, сознавайтесь „чистосердечно“, въ чемъ дѣло? Или повѣнчаю васъ, или разлучу! Такъ...

Обѣ женщины смѣялись, но Анатолію Петровичу невесело было... Вѣдь онъ еще не объяснился съ Анной Петровной, и теперь ему опять казалось, что результаты этого объясненія очень сомнительны для ихъ двадцатилѣтняго дружнаго и согласнаго прошлаго... Спустя часъ, Анатолій Петровичъ уже крѣпко спалъ.

Въ то же время среди тихой улицы мимо садика проходила группа молодыхъ рабочихъ. Они шли быстро, нога въ ногу, и дружно пѣли.

„Вставай, поднимайся, рабочій народъ“...

Напрасно ночной сторожъ кричалъ имъ вслѣдъ:

— Вотъ я васъ, безобразники! Цыцъ!..

Пѣсня не смолкала и рабочіе не останавливались... Еще болѣе напрасно сторожъ старался неистовымъ трескомъ своей колотушки заглушить пѣсню. Она побѣдно оглашала сонную улицу и цѣликомъ ворвалась въ ночную грёзу Анны Петровны.

Лежа въ постели, она сквозь сонъ чуть-чуть постукивала ногой о спинку кровати въ тактъ мимо гремѣвшей пѣснѣ... Та же пѣсня проникла и въ спящее сознаніе Анатолія Петровича, и ему чудилось, что вслѣдъ за звуками этой пѣсни онъ, наконецъ, рѣшается покинуть „темное и узкое мѣсто“, но всякій разъ, какъ онъ хочетъ двинуться, его останавливалъ чей-то насмѣшливый окрикъ:

— „Правый“!..

На разсвѣтѣ онъ вдругъ проснулся какъ бы отъ толчка. Не понимая самъ, зачѣмъ,—онъ всталъ, накинулъ на себя кое-что изъ одежды и выглянулъ за окно.

Въ садикѣ стояли какія-то подозрительныя фигуры въ полицейской формѣ и нѣсколько солдатъ съ ружьями. Въ ту же минуту рѣзкій звонокъ донесся отъ выходныхъ дверей. Анатолій Петровичъ не вздрогнулъ, не засуетился. Онъ тихо прошелъ въ спальню Анны Петровны.

— Вставай... Непрошенные гости пришли!..

IV.

Анатолія Петровича арестовали...

Судьбѣ угодно было сыграть надъ нимъ эту злую шутку. Эту шутку считала особенно безсмысленной и злой Анна Петровна. Приходя къ мужу на свиданія, она всегда участливо освѣдомлялась:

— Ну, какъ ты себя чувствуешь?..

Освѣдомлялась и пытливо искала въ лицѣ Анатолія Петровича слѣдовъ досады или горечи, но его лицо было удивительно спокойно и почти свѣтло. Онъ, улыбаясь, отвѣчалъ:

— Я хорошо себя чувствую: какъ въ монастырѣ... Кругомъ моей камеры святая тишина и безгрѣшное молчаніе... Я отдыхаю...

И онъ, дѣйствительно, отдыхалъ въ своемъ одиночествѣ за небольшимъ окномъ съ крѣпкой желѣзной рѣшеткой. У него былъ и сосѣдъ по заключенію. Чернобородаго мужчину тоже арестовали въ одну ночь съ Анатоліемъ Петровичемъ. Утромъ они перестукнулись черезъ стѣнку.

— Какъ васъ зовутъ?—спрашивалъ неторопливымъ стукомъ чернобородый.

— Анатолій Петровичъ!—стучалъ этотъ. Тогда послѣдовалъ рѣзкій отбой, и Анатолій Пётровичъ лишь побочнымъ путемъ узналъ, кто его сосѣдъ. Онъ улыбнулся—не больше. Больше они не разговаривали, и только ихъ шаги, когда они разгуливали по своимъ камерамъ, какъ будто бесѣдовали между собой. Чернобородый ходилъ тяжело, увѣсисто. Анатолій Петровичъ—быстрѣе и легче.

Прошло много дней. „Комитетъ“ подвергся окончательному разгрому: уцѣлѣли только Анна Петровна и женщина „безъ настоящаго имени“. Впрочемъ, на мѣстѣ разгромленнаго „комитета“ очень скоро выросъ новый, какъ бы подтверждая ту простую, исторически доказанную истину, что безъ „начальства“ русскіе люди нигдѣ жить не могутъ. Новый комитетъ проявлялъ себя столь энергично, что власти совершенно перестали инте-

ресоваться „комитетомъ“ старымъ, который у нихъ былъ въ плѣну, и одинъ молодой товарищъ прокурора даже пошутилъ передъ Анатоліемъ Петровичемъ на допросѣ:

— Ей Богу! Мы какъ бѣлка въ колесѣ!..

Близился къ концу третій мѣсяцъ, какъ Анатолій Петровичъ засѣлъ. Было ясное утро. Солнце яркимъ пятномъ, прорвавшись сквозь рѣшетку, играло на грязно-желтой стѣнѣ камеры. Анатолій Петровичъ только-что успѣлъ напиться чаю и принялся за газету, которую у него въ камерѣ, „по небрежной оплошности“, наканунѣ забылъ помощникъ начальника тюрьмы при своемъ очередномъ посѣщеніи заключенныхъ.

Анатолій Петровичъ жадно впился глазами въ газетный листъ. Онъ его прочитывалъ уже во второй разъ. Вообще, въ послѣдніе дни его стало тянуть и довольно сильно на волю: монастырь надоѣлъ, „святая тишина“ начинала томить, а „безгрѣшное молчаніе“—раздражать...

Этотъ порывъ на волю особенно сильно почувствовалъ Анатолій Петровичъ сегодня, и въ особенности сидя надъ газетой, которая каждой строчкой кричала: „вонъ изъ этихъ стѣнъ“!..

Подъ конецъ Анатолій Петровичъ не выдержалъ. Газета выскользнула у него изъ рукъ, и онъ задумчиво уставился взглядомъ въ окно, гдѣ трепетали огненныя стрѣлы могучаго солнца. Въ первый разъ за все время своего заключенія Анатолій Петровичъ подумалъ:

„Въ сущности говоря,—зачѣмъ я здѣсь?“

Въ первый разъ онъ прочувствовалъ трагизмъ своего положенія: вѣдь его арестовали въ тотъ день, когда онъ оффиціально отказался отъ дальнѣйшей революціонной дѣятельности.

И только теперь онъ понялъ глубокій смыслъ участливыхъ вопросовъ Анны Петровны, и тутъ же ясно сообразилъ, что онъ и она раздѣлены сейчасъ непроходимымъ рвомъ. Спокойная грусть холодкомъ пронеслась надъ его сознаніемъ; онъ медленно всталъ съ мѣста, чтобы „пошагать“... дать звуковой ритмъ растущему томительному настроенію.

Онъ едва успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ услышалъ стукъ въ стѣнѣ. Онъ остановился и прислушался: дѣйствительно, чернобородый стучалъ!.. Удивленный Анатолій Петровичъ нерѣшительно подошелъ и далъ отвѣтный стукъ.

Чернобородый сталъ ему поспѣшно выстукивать:

— Васъ сегодня освободятъ...

Анатолій Петровичъ не сразу понялъ или не рѣшался понять, и потребовалъ повторенія.

— Васъ сегодня освободятъ, — снова простучалъ сосѣдъ и далъ „конецъ“ разговору глухимъ большимъ стукомъ.

Но Анатолій Петровичъ уже не могъ отойти отъ стѣны. Онъ странно растерялся и застучалъ. Ему захотѣлось поговорить съ бывшимъ товарищемъ, но тотъ неохотно и не сейчасъ отвѣтилъ стукомъ:—Слушаю.—Анатолій Петровичъ нѣсколько смущенно передалъ:

— Нѣтъ ли чего сообщить на волю?

Послѣдовалъ короткій отвѣтъ:—Ничего!..

Ничего! Густо покраснѣвъ, Анатолій Петровичъ отошелъ отъ стѣны. Радостная вѣсть была для него основательно испорчена. „Воля“, лучисто было сверкнувшая, покрылась какой-то траурной печалью, и, остановившись у запертой двери, онъ глядѣлъ куда-то сквозь нее, какъ смертельно оскорбленный человѣкъ.

Долго такъ простоялъ онъ, долго, пока за дверью не загремѣлъ замокъ и не звякнулъ засовъ... Дверь отпирали.

Анатолій Петровичъ вздрогнулъ и отошелъ вглубь камеры.

— Пожалуйте на свиданіе! — проговорилъ появившійся на порогѣ открытой двери жандармъ. Въ смутныхъ чувствахъ Анатолій Петровичъ послѣдовалъ за нимъ.

Обычно свиданія Анатолія Петровича съ женой происходили черезъ рѣшетку, въ спеціальной комнатѣ и въ присутствіи жандарма; но теперь помощникъ тюремнаго смотрителя любезно провелъ его въ свой небольшой кабинетикъ при канцеляріи, гдѣ уже находилась Анна Петровна.

— Вотъ и поговорите наединѣ!—улыбаясь, проговорилъ помощникъ, и, выходя, онъ плотно притворилъ дверь.

Анатолій Петровичъ этотъ неожиданный „либерализмъ“ объяснилъ было тѣмъ, что онъ самъ ужъ недолгій жилецъ въ тюрьмѣ и что начальство тюрьмы уже освѣдомлено на этотъ счетъ, но Анна Петровна грубовато прервала эти объясненія:

— И... пустяки, голубчикъ!.. Это недорого стоитъ...

Анатолій Петровичъ взялъ руку жены и засмѣялся; онъ любовно глядѣлъ на Анну Петровну и находилъ, что за это время она помолодѣла. Она и въ дѣйствительности выглядѣла свѣжей и бодрой.

Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ фразъ Анна Петровна вдругъ стала серьезна и осторожнымъ тономъ начала:

— Вотъ, дорогой, сегодня ты собираешься на волю, радуешься, а я, негодная, тебѣ маленькую непріятность принесла...

Она чуть погладила руку мужа, которую держала. Анатолій Петровичъ мгновенно затихъ и почувствовалъ себя среди вне-

запно образовавшейся пустоты, которая все ширилась и становилась безконечной.

Анна Петровна продолжала:

— Да... вотъ мнѣ доподлинно сообщили, что если я сегодня къ двумъ часамъ не исчезну изъ города, то въ три я буду уже здѣсь... Меня рѣшили прихватить для „комплекта“... Жандармы говорятъ: „Какой же это „комитетъ“ безъ Анны Петровны“!.. Такъ-то, дорогой, но ты не огорчайся... Не привыкать вѣдь намъ съ тобой къ этому?!..

Она ласково и грустно глядѣла на Анатолія Петровича. Онъ не шевелился и какая-то безсмысленная усмѣшка прошла по его губамъ.

— Такъ,—твердо заключила Анна Петровна.—Вотъ я прямо отсюда и уѣду... Сначала въ Кіевъ, потомъ не знаю куда... Вѣсточки, конечно, обо мнѣ или отъ меня ты будешь получать аккуратно. Не падай же духомъ...

Анатолій Петровичъ сдѣлалъ усиліе, чтобы поднять свой дѣйствительно упавшій духъ. Онъ еще внимательнѣе вглядывался въ лицо жены, и она теперь еще сильнѣе ему напомнила жизнерадостную, сильную, молодую дѣвушку, какой онъ ее помнилъ еще до момента, когда сошелся съ ней для „двадцати лѣтъ“ дружной жизни...

Онъ вздохнулъ и поникъ головой. Анна Петровна положила ему руку на плечо.

— Не нужно! Вѣдь если размыслить по здоровому, то, пожалуй, это горе—еще небольшое горе. Пожалуй, мой отъѣздъ даже кстати сейчасъ... Чего намъ, Анатолій, въ прятки играть: наши дорожки расклиниваются. И Боже сохрани, если мы, по малодушію или въ уступку личной привязанности, начнемъ жить противъ... противъ своей гражданской совѣсти... Не молоды мы и стыдно намъ грѣшить противъ своихъ убѣжденій... Вѣдь какъ ни какъ, а Богъ-то у насъ сейчасъ пожалуй и не одинъ... Скоро разнымъ иконамъ мы помолимся... Чья святѣй, кто его знаетъ, не мы разсудимъ это, а поэтому и говорю: не печалься, сообрази!.. Оно лучше, что мы сейчасъ по волѣ судебъ заживемъ далеко другъ отъ друга... Любить другъ друга мы не перестанемъ и уважать—тоже, издали даже сильнѣе, но... врозь живя, ни я на твоемъ порогѣ вѣчнымъ гвоздемъ торчу, ни ты мнѣ на душѣ замкомъ висишь! Такъ, дорогой?..

И она нѣжно трепала его по плечу. Но онъ какъ окаменѣлъ и почти обрадовался, когда въ кабинетикъ, полуоткрывъ дверь, заглянулъ помощникъ.

— Что̀, конецъ?..—тихо спросилъ у него Анатолій Петровичъ.

Тотъ кивнулъ головой и скрылся.

— Ну, прощай!..—Анатолій Петровичъ подалъ руку женѣ.

— Прощай, дорогой!—Она взяла его руку и добавила:— Гдѣ-то увидимся и какъ?..

Они глядѣли другъ на друга влажными глазами, и вдругъ, какъ вѣтромъ, въ бурномъ порывѣ, что-то ихъ соединило; они крѣпко обнялись, поцѣловались и разстались уже безъ слова.

— Я васъ здѣсь задержу! — проговорилъ помощникъ, останавливая Анатолія Петровича: — пріѣхалъ товарищъ прокурора, который желаетъ васъ видѣть по дѣлу.

Анатолій Петровичъ снова вошелъ въ прежній кабинетикъ. Онъ недолго оставался одинъ среди хаоса своихъ самыхъ разнообразныхъ, быстро мѣнявшихся чувствъ. Дверь отворилась, и впорхнулъ легко, какъ сказочный эльфъ, въ бѣломъ кителѣ, съ портфелемъ подъ мышкой, молодой, маленькій товарищъ прокурора, съ веселыми глазками и съ румянцемъ на щекахъ.

Уголовные арестанты его прозвали „прокурорчикомъ".

— Здравствуйте, здравствуйте!.. Наскучались?.. Ну, ничего, ничего, теперь конецъ. Я имѣю для васъ пріятныя новости! — сыпалъ прокурорчикъ, раскладываясь бумагами на столѣ.—Вотъ не угодно ли!.. Это—постановленіе объ освобожденіи васъ изъ-подъ стражи... Прочтите, распишитесь! Здѣсь: „1906 г., іюля... мнѣ объявлено"...

Анатолій Петровичъ усѣлся и сталъ расписываться, а прокурорчикъ продолжалъ сыпать:

— Вотъ, вы, вѣроятно, считаете насъ за людей безъ души и безъ сердца, а, честное слово, я сюда какъ на праздникъ ѣхалъ съ этой бумажкой...

— Почему же меня такъ долго здѣсь держали? — спросилъ Анатолій Петровичъ.

— О! я могу вамъ сказать: васъ подозрѣвали въ принадлежности къ комитету. Уликъ не было. Да. Но было очень подозрительно поведеніе одного арестованнаго... Мы до сихъ поръ не знаемъ его имени: чернобородый такой! Онъ у васъ бывалъ, бывалъ, вы его знаете... Это, видно, очень крупный и крѣпкій человѣкъ,—опасный, очень опасный! Ну такъ вотъ: онъ вообще молчитъ, меня даже „къ чорту" послалъ... честное слово!.. Да, такъ вотъ: относительно васъ онъ сдѣлалъ исключеніе и самъ подалъ заявленіе о томъ, что къ дѣламъ „комитета" вы никакого касательства не имѣете. Ясное дѣло: мы это поняли наоборотъ, подумали: разбойникъ еще болѣе крупнаго разбойника выгораживаетъ... Вотъ почему вы и засидѣлись здѣсь!..

При этомъ сообщеніи Анатолію Петровичу стало совсѣмъ не по себѣ: менѣе всего онъ хотѣлъ быть чѣмъ-либо обязанъ чернобородому. Послѣ сцены у стѣны у него явилась потребность если и не презирать, то возненавидѣть этого человѣка. Теперь оказывалось, что хотя и неудачно но чернобородый старался его выгородить изъ дѣла.

— Почему же вы теперь меня освобождаете?—спросилъ онъ у прокурорчика.

— О, очень просто. Увидѣвъ эффектъ своего заявленія, чернобородый не успокоился. На дняхъ онъ написалъ рѣзкое письмо въ охрану, гдѣ говорилъ, что такіе люди, какъ онъ, или молчатъ, или говорятъ только правду,—ложь ниже ихъ; затѣмъ онъ указалъ, гдѣ добыть документы, подтверждающіе истинность его показанія, касающагося васъ. Мы поискали и дѣйствительно нашли; вотъ главный документъ, реабилитирующій васъ!

Прокурорчикъ подалъ Анатолію Петровичу листъ почтовой бумаги съ печатью „комитета“. Тамъ стояло: „Анатолій Петровичъ, комитетъ предписываетъ вамъ немедленно оставить городъ. Въ случаѣ неисполненія этого требованія, комитетъ оставляетъ за собой свободу выбора средствъ для огражденія партійныхъ интересовъ отъ вреда, могущаго произойти вслѣдствіе вашего присутствія здѣсь“.

— Коротко и ясно!—проговорилъ прокурорчикъ.

— Да,—тихо подтвердилъ Анатолій Петровичъ.

— Мы могли, конечно, не повѣрить и этому, но вмѣстѣ съ этимъ документомъ были спрятаны и другіе, которые для васъ устанавливаютъ личность чернобородаго, и теперь дѣло для него поворачивается очень серьезно. Значитъ: человѣкъ не лгалъ... Для подтвержденія своихъ словъ онъ головой выдалъ самого себя—мы не могли не повѣрить... Крупная личность!

Анатолій Петровичъ слушалъ все это—и будто его въ холодную ванну погружали.

— Словомъ, Анатолій Петровичъ,—продолжалъ прокурорчикъ,—вы теперь уже свободны, и сейчасъ я васъ допрошу лишь для формы и тоже въ качествѣ свидѣтеля: вы должны объяснить, чѣмъ вызвана въ отношеніи васъ строгость „комитета“. Только прошу васъ...

Прокурорчикъ засмѣялся.

— Прошу васъ: поменьше правды, побольше осторожности. Чернобородый и другіе отказались намъ освѣтить это обстоятельство; вы свободны въ выборѣ... мотива...

Анатолій Петровичъ поднялъ голову. Внутри у него все зажглось чувствомъ глубокаго стыда, и онъ отвѣтилъ:

— Благодарю васъ. Но я могу только одно сказать...

Онъ помолчалъ и рѣшительно закончилъ:

— Я былъ членомъ комитета и пожелалъ выйти изъ него, и пересталъ быть членомъ партіи,—вотъ и все объясненіе.

Прокурорчикъ отъ такого показанія чуть со стула не упалъ отъ смѣха.

— Хорошенькій свидѣтель, чортъ возьми! Да вы, голубчикъ, понимаете ли, что теперь я долженъ сейчасъ сѣсть и написать постановленіе о новомъ заключеніи васъ подъ стражу? Вы расписались подъ всѣми статьями обвиненія... Чудакъ! Нѣтъ, это не годится...

Прокурорчикъ при этомъ всталъ и заложилъ руки въ карманъ.

— Придумывайте что-либо другое... Это вѣдь нелѣпость: объявить вамъ объ освобожденіи и сейчасъ же снова законопатить васъ... Ха-ха-ха!

— Отчего же?.. Можно и законопатить...

И въ эту минуту для Анатолія Петровича было совершенно безразлично: идти ли на волю, или возвратиться въ свою камеру. Морально онъ почувствовалъ себя почти уничтоженнымъ. Прокурорчикъ прошелся нѣсколько разъ по кабинетику и, пощипывая усики, придумывалъ выходъ изъ „нелѣпаго положенія". Наконецъ, онъ остановился передъ Анатоліемъ Петровичемъ и сказалъ:

— То, что̀ вы мнѣ сказали... пусть это будетъ такъ: неоффиціально... Затѣмъ: въ качествѣ свидѣтеля я васъ уже послѣ допрошу, какъ-нибудь—на свободѣ... Странные вы люди, ей Богу! Ни на грошъ практичности! Ну, до свиданія, идите домой; я сейчасъ передамъ предписаніе о вашемъ освобожденіи тюремному начальству...

Онъ подалъ руку Анатолію Петровичу и, забравъ портфель, хотѣлъ выйти.

— Постойте! — остановилъ его тотъ.—Можно вамъ задать неоффиціальный вопросъ?

Прокурорчикъ улыбнулся.

— Смотря, какой?

— Для меня очень важный... Какъ выясняется положеніе Анны Петровны въ отношеніи этого дѣла?.. Грозитъ ей что-либо

— Вы хотите проникнуть въ самое сокровенное полиціи!. Но... но я вамъ скажу: серьезно ей ничего не грозитъ,—жандармерія къ ней какую-то слабость питаетъ,—тѣмъ не менѣе

рѣшено спугнуть отсюда, и уже есть постановленіе объ ея арестѣ... Но приняты мѣры, чтобы она узнала объ этомъ... Есть вѣдь господа, которые служатъ и намъ, и вамъ; они служатъ очень корыстно, но на оба фронта вполнѣ добросовѣстно!.. Ха-ха! Конечно, Анна Петровна должна уѣхать,—нельзя злоупотреблять ничьими слабостями, а въ особенности жандармскими, ха-ха! Au revoir!..

Онъ ушелъ, а передъ Анатоліемъ Петровичемъ, заслонивъ все, рѣшительно все, выросъ въ своемъ большомъ объемѣ гражданскій смыслъ происшедшаго разговора. Онъ поднялъ руки кверху и почти вслухъ произнесъ:

— Это какой-то великій распадъ!.. Рѣшительно все трещитъ въ старомъ порядкѣ по швамъ, все!..

Онъ оглядѣлся, и взглядъ его упалъ на шкафъ съ надписью: „Архивъ“. Тамъ на полкахъ стояли тома „россійскихъ законовъ“...

— Да, они уже „архивъ“...—думалъ дальше. Анатолій Петровичъ и опять громко закончилъ:

— Именно *теперь* нужно всѣми силами идти „на верхъ“ и занять тамъ прочныя и законныя позиціи...

Въ это время въ кабинетикъ вошелъ вдругъ самъ начальникъ тюрьмы, сѣденькій старичокъ.

— Поздравляю, Анатолій Петровичъ,—значитъ: на волю! Превосходно. Приказать собрать ваши вещи?

— Да, пусть соберутъ, но я за ними послѣ пришлю, а теперь такъ выйду. До свиданія!

Онъ за руку простился со старичкомъ; тотъ на прощанье пошутилъ:

— И кто же это тюремщику говоритъ: „до свиданія“!—Прощайте, вотъ какъ! Да!

— Прощайте!—задумчиво согласился Анатолій Петровичъ и вышелъ изъ канцеляріи подъ ворота, а потомъ и на волю...

V.

Еще не было полдня. Передъ тюрьмой была большая площадь. Анатолій Петровичъ направился черезъ нее къ городу. Онъ не торопился. Онъ былъ увѣренъ, что Анны Петровны уже не застанетъ дома.

Въ какомъ-то безразличномъ настроеніи подошелъ онъ къ крыльцу своей квартиры и позвонилъ. Звонокъ за дверью какъ-то особенно жутко звякнулъ, и Анатолій Петровичъ со стѣсненнымъ

сердцемъ сталъ ждать. Онъ ждалъ, что дверь откроетъ прислуга и изъ квартиры на него пахнетъ тоскливой пустотой.

Но дверь открылась, и Анатолій Петровичъ съ удивленіемъ увидѣлъ на порогѣ одѣтую по домашнему, улыбающуюся „женщину безъ настоящаго имени".

Здороваясь, она поспѣшила объяснить ему свое присутствіе:

— Анна Петровна уже уѣхала. Прямо отъ тюрьмы я ее проводила на вокзалъ. Теперь она уже катитъ себѣ... А „на хозяйствѣ" она оставила меня! Надѣюсь оправдать ея довѣріе.

Это была пріятная неожиданность. Анатолій Петровичъ веселѣе вошелъ къ себѣ.

— Ну, моя новая хозяйка,—говорилъ онъ, улыбаясь, когда они были въ столовой, гдѣ былъ уже готовъ кофе и завтракъ,— теперь позвольте узнать ваше „настоящее имя"!..

— Зовите меня Ольгой, Вѣрой... Какъ хотите. Я на всѣ имена буду отзываться,—засмѣялась та.

Засмѣялся и Анатолій Петровичъ.

— Хорошо, я васъ сейчасъ окрещу: будьте „Вѣра"... Такъ вотъ, Вѣра, пожалуйста разскажите мнѣ побольше новостей... Что произошло за это время?

„Вѣра" налила ему кофе и стала, не торопясь, вводить его въ курсъ дѣлъ.

— Изъ стараго комитета въ новый никто не вошелъ. Такъ было рѣшено. Кромѣ того, на ряду съ новымъ комитетомъ теперь образованъ еще, такъ сказать, „запасной" комитетъ. Онъ стоитъ въ курсѣ всѣхъ дѣлъ, но фактически ни во что не вмѣшивается и не будетъ вмѣшиваться, пока не заберутъ, не разгромятъ нынѣ дѣйствующій. Такова система.

— Словомъ, подполье приспособляется и разсчитываетъ еще долго существовать?

— Конечно. Думу разогнали... Говорятъ, что контръ-революція почти совершилась и мы входимъ въ полосу реставраціи... Слѣдовательно, подполье имѣетъ всѣ основанія разсчитывать еще на большой вѣкъ жизни...

Анатолій Петровичъ сомнительно покачалъ головой и вдругъ спросилъ:

— А вы сами? Вѣдь вы теперь остались какъ бы внѣ подполья?.. Надолго или временно?

„Вѣра" опустила голову.

— Не „какъ бы внѣ", а на самомъ дѣлѣ и вполнѣ внѣ, и не временно, а, кажется, навсегда... Видите ли, сошла я внизъ, и потому что сошла, оставалась тамъ: незачѣмъ было выходить;

но разъ по случайности вышла, то теперь начинаетъ казаться, что незачѣмъ опять сходить, спускаться въ „узкое и темное мѣсто“. Конечно, тамъ живетъ тоска по хорошимъ людскимъ отношеніямъ, но вѣдь одно созерцаніе этой тоски удовлетворить не можетъ... Словомъ, буду жить такъ, какъ жизнь сложится, поплыву, куда волна понесетъ... Гдѣ исканіе—тамъ разочарованіе, а такъ, когда не ищешь, а случайно на тебя набѣгаетъ то струя свѣта и тепла, то потокъ грязной тьмы и холода, такъ, кажется, легче живется и получается больше удовлетворенности...

— Господи!—всплеснулъ руками Анатолій Петровичъ:—да вѣдь это какая-то полная ужаса программа отчаянья, вѣдь это полное отрицаніе смысла какой-либо активности... Отъ этого смертью вѣетъ!..

— Смертью?—задумчиво повторила „Вѣра“.

— Да, смертью!.. Плыви, куда несетъ, пей, что даютъ: помои такъ помои, нектаръ такъ нектаръ, но не ищи, избѣгай живого, дѣятельнаго желанія изъ боязни разочарованій.

— Да, да... именно такъ... но только тамъ нѣтъ смерти, тамъ жизнь, но она не горитъ, а чуть теплится...

Анатолій Петровичъ заволновался и всталъ.

— Хотѣлъ бы я знать,—проговорилъ онъ,—откуда могло явиться такое... такое... такое обнищаніе духа?

„Вѣра“ промолчала. Анатолій Петровичъ прошелся по комнатѣ, потомъ остановился противъ молодой женщины.

— Въ послѣдній разъ, когда мы видѣлись и говорили тамъ у окна ночью, вы мнѣ показались олицетвореніемъ лучшаго, что есть въ подпольной средѣ... Вы выдвинули впередъ „хорошія отношенія“ и отстранили, какъ несущественное, хорошія идеи и прочее... Но теперь вы—другая!.. Теперь вы хотите олицетворить нашу духов[ну]ю скудость... Право, вы—призракъ какой-то, призракъ основн[ог]о несчастья нашей исторіи—духовной задавленности народ[а]. Поглядите же вокругъ себя болѣе живымъ взглядомъ!

Онъ слегка даже встряхнулъ „Вѣру“. Та улыбнулась.

— Хорошо. Я открываю глаза и гляжу,—но что я вижу? Ну, вижу васъ, человѣка, выскочившаго изъ узкаго, темнаго мѣста, но вѣдь кромѣ васъ я вижу еще людей, которые туда, на ваше мѣсто, очертя голову, опускаются... Они ищутъ тамъ того же, чего и вы, выходя оттуда... Развѣ это не трагично?..

— Позвольте, позвольте!—заспорилъ Анатолій Петровичъ:—я выхожу оттуда инымъ, чѣмъ туда входилъ...

— Вы стали тамъ лучше?

Онъ подумалъ и рѣшительно отвѣтилъ:

— Да, лучше, и только въ силу этого я теперь выхожу оттуда...

„Вѣра“ тонко улыбнулась и тихо возразила:

— Анна Петровна не ушла изъ подполья,—слѣдовательно, тамъ она не стала лучше?

— Ого! Вы меня хотите запереть въ стѣнкахъ противорѣчія... Ладно! Я отвѣчаю: Анна Петровна стала въ подпольѣ тоже лучше, и поэтому не вышла оттуда... Не забывайте, что я не Анна Петровна, и она не я. Въ этомъ и ключъ... Но у васъ въ мозгу, очевидно, есть софистическая жилка. Это—вредно. Древніе софисты, привыкнувъ играть на фальшивыхъ соотношеніяхъ понятій, кончили очень плохо: одинъ изъ нихъ уже не въ спорѣ, а въ процессѣ мысли для себя опредѣлилъ, что міръ — это... пятиногая корова!..

Анатолій Петровичъ очень оживился въ эту минуту, и глаза его зажглись живымъ блескомъ, но „Вѣра“ поднялась съ мѣста.

— Ну, мы еще потолкуемъ, а теперь я пойду по хозяйству!..

Она принялась за чашки отъ кофе. Анатолій Петровичъ устроился у окна за свѣжей газетой. Ему не хотѣлось идти къ себѣ, одиночество было ему сейчасъ противно. Изрѣдка, отрываясь отъ газеты, онъ бросалъ взгляды на „Вѣру“. Она двигалась безшумно, легко, обнаруживала большую домовитость и аккуратность. Но Анатолій Петровичъ обратилъ свое вниманіе не на эти ея свойства. Ему показалось въ ея движеніяхъ было что-то напоминавшее автомата.

...„Какъ сомнамбула рѣетъ!..“ подумалось ему, и снова вспомнилъ онъ ночной разговоръ съ ней черезъ окно, и снова ярко встала предъ нимъ нешевелящаяся красивая женская фигура на фонѣ ночи и темной зелени...

Послѣ обѣда разговоръ возобновился. Анатолій Петровичъ рѣшилъ во что̀ бы то ни стало заглянуть въ біографію этой женщины. Обыкновенно нѣсколько застѣнчивый въ отношеніи ея,— онъ легко отваживался почему-то ставить смѣлые вопросы:

— Мнѣ бы очень хотѣлось бросить взглядъ въ ваше прошлое... Разскажите что-либо о себѣ!—просилъ онъ.

Она покачала головой.

— Ничего интереснаго...

— Однако?

— Совсѣмъ ничего!

— Все-таки разскажите!—настаивалъ онъ.

— Не могу. Неинтересно неинтересную жизнь разсказывать. Я хотѣла бы не имѣть памяти и сегодня забывать то, что̀ случилось вчера.

Но Анатолій Петровичъ не отставалъ; тогда она усмѣхнулась, покачала головой и быстро проговорила:

— Вотъ моя біографія: родилась, выросла, вышла замужъ, разошлась, сошлась съ другимъ и опять очень скоро разошлась. Теперь тяну за собой какую-то тяжелую повозку, куда каждый день кладетъ шестнадцать, а иногда и больше длинныхъ, томительно скучныхъ часовъ... Вотъ и все.

— Мнѣ остается разсердиться! Только!—отвѣтилъ Анатолій Петровичъ и принялся за газету.

— А вы не сердитесь!.. Я могу говорить только то, что̀ само съ языка падаетъ; заставить себя я не могу, не умѣю: или слаба, или лѣнива, или загипнотизирована,—право, ужъ не знаю, почему! Но если вамъ хочется *слушать* вообще, все равно что̀, то я могу спѣть пѣсню, могу разсказать сказку...

— Вы поете?..—Анатолій Петровичъ отбросилъ газету.

— Пою; хотите—сейчасъ же спою?

Анатолій Петровичъ подумалъ.

— Нѣтъ, пѣсни не надо, это сейчасъ не къ настроенію, а сказку—пожалуй, это интересно... Но я ее могу не дослушать—предупреждаю!

„Вѣра“ опустила глаза и начала говорить. Она сидѣла на подоконникѣ надъ Анатоліемъ Петровичемъ, который устроился въ мягкомъ креслѣ, любимомъ послѣобѣденномъ мѣстѣ Анны Петровны.

— У одного короля родилась принцесса... Это была прехорошенькая и очень веселая дѣвочка. И всѣ кругомъ, придворные льстецы и нельстивая дворня, говорили: „О, она будетъ очень счастлива! Смотрите, какъ смѣются ея глаза; смотрите, какъ живо вьются у нея на головѣ золотыя кудри!.. Поглядите, какъ слетаются и рѣютъ надъ ней птички, когда она выходитъ въ паркъ!... Право, даже облако старается въ небѣ такъ стать, чтобы солнце не очень жгло ея личико!“—Такъ говорили всѣ, и сама принцесса тоже твердила: „Я буду счастлива“!..

Прошли годы, она выросла, стала красивой дѣвушкой. И всѣ кругомъ заговорили: „Она будетъ несчастлива! Смотрите, какъ темно глядятъ ея глаза; смотрите, какъ безнадежно падаютъ съ ея головы пряди волосъ! Глядите, какъ вьется надъ ней летучая мышь, когда она поднимается на высокую башню, чтобы посмотрѣть оттуда на даль бушующаго моря!.. Право, даже мол-

нія изъ тучи норовитъ упасть именно на то мѣсто, гдѣ она только-что стояла!"—Такъ говорили всѣ, и дѣвушка думала: „Да, я буду несчастлива"!..

Почему же такъ все перемѣнилось?

Это случилось такъ. Былъ день, ни свѣтлый, ни темный. Принцесса была еще не дѣвушкой, но переставала быть дѣвочкой. По обыкновенію она играла въ паркѣ и очутилась у высокой башни. Неожиданно оттуда вышла гадкая старуха. Она была горбата и въ большомъ рту у нея торчалъ только одинъ зубъ, длинный и острый клыкъ; кромѣ того, старуха глядѣла только однимъ глазомъ. Передъ тѣмъ какъ старуха появилась, принцесса весело играла и пѣла: „Я буду счастлива"!..

„Ты будешь счастлива?" — спросила страшная вѣдьма изъ высокой башни. „А ты знаешь, что̀ такое счастье?"—„Нѣтъ,— отвѣтила принцесса,—я не знаю, но это что-то вѣдь очень хорошее!"—„Глупая ты еще,—захрипѣла вѣдьма:—вотъ я тебѣ дамъ немножко ума и сердца, тогда ты лучше будешь понимать!" И она дала принцессѣ и того, и другого, а потомъ спросила: „А ну, спой-ка теперь свою прежнюю пѣсенку!.."

Но принцесса уже молчала.

Тогда вѣдьма заковыляла назадъ въ башню и крикнула бѣдной дѣвочкѣ: „Когда тебѣ будетъ очень скучно, я тебѣ позволяю подняться на самый верхъ башни, и тогда ты увидишь даль міра и даль жизни, но отъ этого тебѣ станетъ еще скучнѣе; но все же *скучнѣе* лучше, чѣмъ *скучно*, потому что это — разнообразіе"... Вотъ и вся сказка, Анатолій Петровичъ!..

„Вѣра" замолчала и задумчиво глядѣла изъ окна впередъ куда-то. Анатолій Петровичъ поднялся.

— Я не вполнѣ понялъ смыслъ этой сказки, но я понимаю ея настроеніе... Скажите: оно—чужое, или—ваше собственное?

Но молодая женщина, сидя на окнѣ, казалось, уснула и молчала, неподвижно держа голову впередъ, словно бы вглядываясь во что-то.

Анатолій Петровичъ оставилъ ее и, усѣвшись на прежнее мѣсто въ кресло, взялся за газету, но читать онъ не могъ. „Вѣра" крѣпко захватила его мысли, и онъ думалъ о ней, держа газету передъ глазами.

Онъ думалъ: ...„Странная женщина! Но у нея есть поэзія и она оригинальна".

Отъ этихъ мыслей его оторвалъ сильный звонокъ. Онъ поспѣшилъ къ выходной двери; открывъ ее, онъ увидѣлъ какого-то рабочаго, который быстро подалъ ему два письма и повернулся сейчасъ же, чтобы уйти, сказавъ черезъ плечо:

— Отвѣтовъ не требуется.

Анатолій Петровичъ возвратился въ столовую, разсматривая конверты: одинъ былъ адресованъ ему, другой—„Аннѣ Владиміровнѣ".

— Анна Владиміровна! Это не вы ли?—спросилъ онъ „Вѣру" и подалъ ей конвертъ.

Она быстро повернулась, взяла письмо и, чуть покраснѣвъ, разорвала конвертъ. Анатолій Петровичъ сдѣлалъ то же, и они оба стали читать. Анатолій Петровичъ прочелъ сначала про себя, а потомъ вслухъ:

„Прокуратура должна была вамъ сегодня предъявить относящееся къ вамъ постановленіе комитета; для исполненія его вамъ дается недѣльный срокъ".

Въ отвѣтъ на это „Вѣра" протянула Анатолію Петровичу свое письмо; тамъ стояло:

„Я желаю непремѣнно васъ видѣть, просите свиданія завтра же. Игнатъ".

Почеркъ обоихъ писемъ былъ одинъ и тотъ же.

— Неужели это чернобородый писалъ?—вырвалось у Анатолія Петровича.

„Вѣра" кивнула головой и сказала:

— Только это напрасно,—я не пойду... незачѣмъ! Но вы *должны* уѣхать отсюда въ недѣльный срокъ. Объ этомъ мнѣ поручила просить васъ Анна Петровна. Сдѣлайте это для нея, она проситъ небольшого,—поступитесь!.. Не слѣдуетъ доводить дѣло до серьезнаго изъ-за пустяшной фантазіи самодура... Конечно, больно уступать, но объ этомъ васъ проситъ не чужой вамъ человѣкъ...

Анатолій Петровичъ опустилъ голову. Ему, дѣйствительно, было больно уступить; онъ былъ колеблющійся, мало-рѣшительный человѣкъ, но мужества въ немъ было достаточно.

Онъ долго молчалъ, наконецъ проговорилъ:

— Да, я уѣду... Но до сихъ поръ я разсчитывалъ пойти по новой дорогѣ безъ осадка злобы къ спутникамъ, покинутымъ на старой... Теперь дѣло мѣняется!

— Напрасно. Злобы не надо. Она—плохой багажъ и еще худшее оружіе. Станьте выше этого... Вы человѣкъ творчества, но далеко не боевой; развѣ васъ увлекаетъ сама по себѣ сфера борьбы? Вѣдь нѣтъ! Такъ оставьте злобу другимъ,—не въ ней вы найдете нужныя вамъ силы... Я такъ думаю.

„Вѣра" сказала все это очень серьезно и какъ будто сама вникала въ каждое свое слово. Анатолій Петровичъ слушалъ ее,

и ему казалось, что это ему говорила откуда-то издали сама Анна Петровна.

Послѣ этого онъ удалился къ себѣ, чтобы побыть самъ съ собой, а вечеромъ они вдвоемъ съ „Вѣрой" отправились пройтись. Они много говорили очень довѣрчиво, какъ возможные большіе друзья въ близкомъ будущемъ. Между прочимъ, „Вѣра" сказала Анатолію Петровичу:

— Вы все хотите, чтобы я о себѣ говорила, но вотъ я буду говорить о васъ, а вы внимательнѣе разсматривайте тамъ и меня... Вотъ, меня потянуло къ вамъ, и я знаю—что̀. Вы говорили о себѣ, что вы не геній, что вы человѣкъ среднихъ силъ и возможностей. Остановимся на послѣднемъ; да, вы не очень сильны вообще, но вы дѣлаете усилія сверхъ вашихъ возможностей. Это заслуживаетъ большого вниманія. Это-то и интересно... Вспомните Давида и Голіаѳа! Хрупкій Давидъ жалокъ тѣломъ передъ гигантомъ Голіаѳомъ, но онъ красивъ въ другомъ... а Голіаѳъ,—онъ прямо-таки безобразно великъ и силенъ для битвы съ Давидомъ!.. Да, привлекаетъ красиво-неожиданное...

VI.

Недѣля быстро подошла къ концу. Анатолій Петровичъ приготовился къ отъѣзду. Наканунѣ послѣдняго дня, онъ спросилъ у „Вѣры":

— Что̀ думаете теперь вы съ собой дѣлать?

Она развела руками.

— Право, не знаю, совсѣмъ не знаю... Если вы еще не скучаете со мной,—возьмите меня съ собой!

Онъ вздрогнулъ отъ этого предложенія. За эти дни онъ слишкомъ привязался къ этой женщинѣ; она, кромѣ того, глубоко заинтересовала его, и онъ уже самъ себѣ сознался, что она иногда бываетъ особымъ образомъ плѣнительна; такимъ образомъ онъ какъ будто началъ бояться за свою преданность Аннѣ Петровнѣ... Этотъ якорь онъ хотѣлъ сохранить въ своемъ прошломъ, не хотѣлъ обрубить цѣпь къ нему отъ своего настоящаго.

— Ну, а если уже скучаете, — продолжала „Вѣра", — то иногда впереди со мной вамъ будетъ еще скучнѣе, а это все-таки... разнообразіе! Помните, какъ въ моей сказкѣ? Итакъ, рѣшайте: вѣдь я плыву, куда меня волна несетъ...

Онъ рѣшилъ, подалъ ей молча руку, а потомъ выговорилъ:

— По крайней мѣрѣ, скажите мнѣ, наконецъ, ваше „настоящее имя“!..

— Анна, — тихо отвѣтила она.

— Анна?—повторилъ онъ и совсѣмъ некстати подумалъ: „Почему она при мнѣ еще ни разу не употребила слова... „правый“?..

Черезъ нѣсколько дней Анатолій Петровичъ устраивался уже въ Петербургѣ. Собственно говоря, всѣ заботы хозяйственнаго характера взяла на себя „Анна-Вѣра“... Анатолій Петровичъ сталъ путать эти оба имени, но чаще употреблялъ послѣднее.

Первымъ дѣломъ собственно для него было—навѣстить своего стараго дядю, крупнаго чиновника, служившаго въ министерствѣ финансовъ. Тотъ когда-то очень любилъ Анатолія Петровича, но они уже не видались больше двадцати лѣтъ.

— Эге... Какой ты былъ!.. Какой ты сталъ, и уже сѣдинка на височкахъ! Уходили сивку крутыя горки! Хе-хе!—такъ встрѣтилъ дядя своего „блуднаго“ племянника.

Они провели нѣсколько часовъ вмѣстѣ. Въ заключеніе, дядя, выслушавъ „новые“ планы племянника, проговорилъ:

— Что-жъ, попробуй... Однако, насчетъ собственной газеты... Оно, конечно, это—хорошій путь, но для газеты нужны деньги, а во-вторыхъ, для газетъ—ныньче время трудное! Валятся онѣ какъ отъ чумы, право!.. А вотъ, другъ мой, что̀ ты скажешь относительно службы,—не послужить бы тебѣ, а?.. Вѣдь кровь у тебя тоже „приказная“, наслѣдственная приспособленность есть... Ну?..

— Служить, мнѣ?..—Анатолій Петровичъ засмѣялся. Предложеніе дяди ему показалось дикимъ.

— Почему бы нѣтъ? Теперь, братъ, не прежнія времена; кромѣ того, есть учрежденія, гдѣ можно служить и быть самымъ страшнымъ соціалистомъ,—конечно, на базѣ легальнаго, эволюціоннаго осуществленія своихъ цѣлей... Ты подумай... Вѣдь и ты теперь не двадцатилѣтній юнецъ, а мужъ опыта и перегорѣвшаго міросозерцанія!.. Оно, конечно, ты только-что изъ тюрьмы, но опять повторяю: теперь не прежнія времена; все сдвинулось съ мѣста, и нѣтъ той силы, которая устроила бы все по старому... Право, поразмысли хорошенько; хочешь, я тебя къ финансамъ устрою, а нѣтъ—пойди по „путямъ сообщенія“... Ты хотя и не инженеръ, но вѣдь бывшій студентъ-путеецъ!..

Анатолій Петровичъ продолжалъ смѣяться, но уже предложеніе дяди перестало ему казаться нелѣпымъ, а тотъ продолжалъ:

— Ей Богу, рѣшай. Вѣдь хуже нѣтъ положенія—ни павы, ни вороны. Будь логиченъ: сказавъ „а“, не отворачивайся отъ „б“!

Онъ долго еще говорилъ въ томъ же духѣ; Анатолій Петровичъ слушалъ его, и чѣмъ дальше—все серьезнѣе. Однако, подъ конецъ рѣшительно заявилъ:

— Нѣтъ, служить не пойду. Служба свяжетъ. Мнѣ хочется подвергнуть ревизіи двадцать лѣтъ прожитой жизни, а съ этой ревизіей я не хочу выйти на публику подъ „кокардой"...

Дядя подумалъ.

— Ну, это, конечно, серьезно. При такой „ревизіи" придется безъ пощады рубить и направо, и налѣво... Оно, понятное дѣло, неудобно... Да, да... пусть не скажутъ про тебя: человѣкъ, молъ, изъ-за „Анны въ петличку" хлопочетъ...

При словѣ „Анна" Анатолій Петровичъ дрогнулъ всѣмъ тѣломъ, и вдругъ взглядъ его упалъ на портретъ красивой молодой дѣвушки, стоявшій на письменномъ столѣ; портретъ ему чрезвычайно напомнилъ „Анну-Вѣру"...

— Это кто?

— Дѣвушка одна, русская дѣвушка...—Дядя вздохнулъ и тихо прибавилъ:—генеральская дочь... Когда-нибудь разскажу объ ней... Ну, я на службу теперь, прости... Заходи сегодня обѣдать!.. Я вѣдь живу холостякомъ, очень радъ буду...

Послѣ свиданія съ дядей, Анатолій Петровичъ отправился погулять по Петербургу. Пошелъ по Невскому, завернулъ на Владимірскую, побывалъ у Пяти-Угловъ, поискалъ тамъ трактиръ, гдѣ когда-то имѣлъ „конспиративныя" свиданія съ рабочими. Трактира уже не было,—на его мѣстѣ устроился приличный ресторанъ...

Анатолій Петровичъ вздохнулъ. По Чернышеву переулку онъ вышелъ на Садовую и направился къ Невѣ...

Она была все та же, какъ двадцать лѣтъ назадъ,—чистая, холодная, полноводная, безшумно катившая свои волны подъ арками Николаевскаго моста. Анатолій Петровичъ долго смотрѣлъ внизъ черезъ перила, и вмѣстѣ съ волнами покатилось передъ глазами прожитое, день за днемъ, годъ за годомъ...

Двадцать лѣтъ тому назадъ, именно здѣсь, на Николаевскомъ мосту, онъ стоялъ съ Анной Петровной... Оба одинаково молодые и свободные, именно здѣсь они заключили свой союзъ на единую личную и общественную жизнь...

Двадцать лѣтъ прошли какъ двадцать волнъ, и вотъ за ними бѣгутъ новыя,—сколько ихъ?.. Неизвѣстно...

Но эти волны уже другой жизни... Чѣмъ онѣ будутъ похожи на прежнія?.. Чѣмъ?!..

И. Емельянченко.

ПО ИРЛАНДІИ

Замѣтки и наблюденія.

I.

Первыя впечатлѣнія.

Въ первый день моего пріѣзда Ирландія мнѣ казалась совершенно той же Англіей, откуда я пріѣхалъ. Оставивъ Лондонъ въ половинѣ десятаго вечера, я высадился съ парохода въ Дублинѣ въ 8 часовъ слѣдующимъ утромъ. Черезъ часъ, я уже сидѣлъ въ гостинницѣ за завтракомъ, къ которому я отлично привыкъ и въ Лондонѣ. Та же ветчина съ яйцами, тотъ же мармеладъ, то же варенье — эти необходимыя принадлежности утренняго стола въ Англіи. Кругомъ — тотъ же англійскій языкъ, правда, съ нѣкоторымъ широкимъ выговоромъ. Но вѣдь и въ Лондонѣ то-и-дѣло слышишь діалекты разные, то шотландца, то іоркширца, то кумберлэндца. Съ вокзала меня привезъ четырехколесный крытый экипажъ, какимъ кишатъ лондонскія улицы. Положительно — ничего новаго. Единственная для меня новость въ первый моментъ моего пріѣзда была та, что извозчикъ запросилъ съ меня вдвое больше противъ таксы. Въ Англіи этого не бываетъ. Но въ этомъ отношеніи Дублинъ явился лишь слабой копіей Берлина и Парижа, гдѣ съ иностранца, случается, берутъ и втрое дороже.

Послѣ завтрака я вышелъ на улицу. Передо мною развернулись давно знакомыя картины. Электрическіе трамваи шмыгали въ разныхъ направленіяхъ. Большія иллюстрированныя объявленія разныхъ заводчиковъ, театровъ, мыловаровъ и патентованныхъ средствъ для рощенія волосъ покрывали стѣны и

заборы. По улицамъ бѣгали разносчики газетъ, и газетные плакаты, вдѣланные въ рамы, длинными рядами выставлялись у газетныхъ лавокъ. Магазины носили тотъ же, хорошо извѣстный мнѣ, характеръ англійскихъ магазиновъ съ бакалейными и разными другими товарами. Я видѣлъ въ окнахъ тѣ же горы банокъ и жестянокъ съ консервированными языками, абрикосами, грушами и разными пикули. И банки эти были разставлены съ тѣмъ же вкусомъ и съ той же художественной фантазіей, какъ и въ любомъ англійскомъ магазинѣ колоніальныхъ товаровъ. Даже приказчики за прилавками казались нарочно выписанными изъ Лондона. Вышедшія утромъ газеты „The Freeman's Journal", „The Irish Times", „Daily Express" и др., по внѣшнему виду, даже по содержанію, представляли собою тѣ же „Times" и „Express", какія мы находимъ въ англійскихъ городахъ. Да и люди—все тѣ же, одѣты въ тѣ же „кэпи" и пиджаки. Иные, очевидно изъ свободныхъ профессій, носятъ и цилиндры, совсѣмъ-таки респектабельно, по-англійскому.

Иду дальше и вхожу въ центральный городской паркъ, въ St.-Stephen's Green; сажусь на первую попавшуюся скамейку и погружаюсь въ созерцаніе чисто англійскихъ видовъ, столь знакомыхъ мнѣ по лондонскимъ и другимъ паркамъ. Мягкая зеленая мурава заканчивается въ одномъ углу куртиной роскошныхъ цвѣтовъ. Съ другой стороны—прудъ и рѣчка, въ которыхъ полощутся утки. Изящный мостикъ; крытая эстрада для оркестра; двѣ или три широкія аллеи; асфальтовыя дорожки, бѣгущія въ разныхъ направленіяхъ и перекрещивающіяся, и свободная игра дѣтей и взрослыхъ на зеленыхъ лужайкахъ. Заглядываю въ „Путеводитель" и нахожу, что этотъ паркъ подаренъ былъ городу, въ 1880 г., лордомъ Ардилономъ, которому въ благодарность тутъ же еще при жизни и поставили, въ 1892 г., статую. Такъ именно и бываетъ съ парками въ англійскихъ городахъ. Въ большинствѣ случаевъ ихъ дарятъ богатые люди, которымъ и воздвигаютъ монументы. Ничего тутъ нѣтъ специфически ирландскаго.

Дальше дорога изъ парка ведетъ меня мимо дублинскаго университета, знаменитаго „Trinity College", въ которомъ учились Свифтъ, Гольдсмитъ, Боркъ и многіе другіе, имена которыхъ будутъ извѣстны и далекому нашему потомству, вѣроятно, не менѣе, чѣмъ намъ, отдѣленнымъ отъ нихъ уже вторымъ столѣтіемъ.

Нужно сказать, что въ Дублинѣ я былъ какъ бы на правахъ почетнаго гостя, какъ членъ конференціи британскихъ журналистовъ, съѣхавшихся въ этотъ разъ въ столицѣ Ирландіи.

Намъ, членамъ конференціи, оказывали почетъ и предоставляли много преимуществъ и привилегій. Намъ былъ предоставленъ свободный входъ въ разныя учрежденія, куда постороннихъ не всегда пускаютъ, и мы могли осматривать и изучать многое, что̀ недоступно для обыкновенныхъ туристовъ. Особенно любезенъ оказался въ отношеніи насъ „Trinity College", ректоръ (провостъ) котораго не только принималъ участіе въ засѣданіяхъ журналистовъ, но предоставилъ въ ихъ пользованіе нѣсколько залъ колледжа. Вотъ почему, очутившись у воротъ знаменитаго колледжа, я не встрѣтилъ никакого затрудненія въ томъ, чтобы сейчасъ же зайти и осмотрѣть его. Семестръ еще не начался, и колледжъ пустовалъ. Пройдя подъ сводомъ воротъ, я увидѣлъ передъ собою кусокъ Оксфорда или Кембриджа. Точно какой-нибудь волшебникъ взялъ да перенесъ черезъ Ирландское море какой нибудь Jesus College изъ Оксфорда, да цѣликомъ поставилъ его вотъ тутъ, на берегу Ифли, вмѣстѣ съ его столовыми, часовней, квартирами для студентовъ, площадкой, этимъ неизмѣннымъ во всѣхъ колледжахъ Quadrangle (четыреугольникъ), и даже со всей его атмосферой. Тѣ же покой и тишина, соединенные съ уютомъ и роскошью; какая-то смѣсь монастырщины и дамскаго будуара, столь характерная для старинныхъ университетовъ Англіи. Лишь внутри помѣщеній вы можете замѣтить нѣкоторые признаки того, что это колледжъ—ирландскій, а не англійскій. Такъ, въ прекрасной столовой залѣ, стѣны которой — по образцу оксфордскихъ и многихъ другихъ университетскихъ и школьныхъ залъ Великобританіи—покрыты темнымъ рѣзнымъ дубомъ, гербами, девизами и портретами, можно увидѣть портреты историческихъ дѣятелей Ирландіи, какъ Граттана, Бересфорда, Балдина (подарившаго колледжу 80.000 ф. ст.) и др., гербъ Дублина и четырехъ ирландскихъ провинцій. Въ библіотекѣ колледжа, замѣчательной какъ по внутренней архитектурѣ, такъ и по количеству и богатству книгъ и рукописей, посѣтитель можетъ увидѣть собственноручныя подписи членовъ послѣдняго ирландскаго парламента. Мы тутъ видѣли росчеркъ Граттана, Парнелля (дѣда знаменитаго дѣятеля 80-хъ годовъ XIX в., Чарльза Стюарта Парнелля) и лорда Фицджеральда, одного изъ вождей ирландскаго возстанія 1798 года. Тутъ же хранятся стариннѣйшія рукописи евангелія, копированныя въ Ирландіи,— одна отъ VII-го вѣка.

Мы не станемъ описывать подробно всѣ сокровища этой старой библіотеки, основанной въ 1601 г., спустя лѣтъ десять послѣ учрежденія колледжа. Мы искали въ ней не столько рѣд-

костныхъ книгъ или документовъ, сколько характерно-ирландскаго, и только послѣднее мы поэтому и отмѣчаемъ здѣсь. Рядомъ съ рукописями слѣдуетъ поэтому отмѣтить и находящуюся здѣсь ветхую арфу, которая будто бы принадлежала ирландскому королю, жившему въ X-мъ вѣкѣ. Несомнѣнно, однако, что арфа—старая и древняя. Ученые говорятъ, что ей не менѣе пятисотъ лѣтъ, а что она ирландской работы—видно хотя бы изъ герба, вырѣзаннаго на ея рамѣ.

Но будемъ продолжать нашъ путь дальше. Черезъ площадь, насупротивъ колледжа, находится Ирландскій банкъ, помѣщающійся въ невысокомъ, но прекрасной архитектуры зданіи, выстроенномъ въ стилѣ классически-греческомъ. До 1802 г. тамъ засѣдалъ ирландскій парламентъ. Теперь въ бывшей палатѣ лордовъ собираются дважды въ годъ акціонеры банка, а въ бывшей палатѣ общинъ сидятъ за рѣшетками кассиры. Дублинцы, повидимому, съ очень легкимъ сердцемъ и безъ всякихъ тяжелыхъ воспоминаній несутъ туда свои капиталы на текущій счетъ. Они очень гордятся архитектурой зданія и любятъ указывать на то, что въ дни оны тамъ засѣдалъ ирландскій парламентъ, но самъ-то парламентъ никакого патріотизма не вызываетъ. Это былъ плохой, продажный, олигархическій парламентъ, избиравшійся на устарѣлыхъ началахъ, какъ и въ самой тогдашней Англіи. Такого парламента ирландцамъ не надо, и Ирландскій банкъ, заплатившій за зданіе 40.000 ф. ст., не считая ежегодной аренды за землю, гораздо болѣе полезенъ въ этомъ мѣстѣ. Ирландцы хотятъ другого парламента, и когда они его получатъ, они выстроятъ для него новое зданіе.

На площади передъ банкомъ стоитъ памятникъ великому ирландскому оратору и патріоту, Генри Граттану. Граттанъ, умершій въ 1820 г., былъ похороненъ въ Лондонѣ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, рядомъ съ могилой своего друга, знаменитаго Фокса. Такимъ образомъ, слава его, какъ и слава многихъ другихъ великихъ ирландцевъ, какъ бы слилась съ сіяніемъ англійскаго вѣнца и возвеличила значеніе англійскаго пантеона. Какъ древнему римскому храму прибавляли блеска и величія статуи боговъ покоренныхъ народовъ, такъ и Вестминстерское аббатство обрѣтаетъ лишнюю цѣнность отъ похороненныхъ въ его стѣнахъ не-англійскихъ патріотовъ. Но Граттанъ жилъ и умеръ ирландцемъ, и Дублинъ ему поставилъ прекрасный памятникъ какъ разъ у моста, гдѣ протекала главная дѣятельность патріота. И этотъ памятникъ былъ первымъ существеннымъ напоминаніемъ мнѣ, что я—въ Ирландіи. Черезъ нѣсколько минутъ

ходьбы дальше я увидѣлъ другой памятникъ другому ирландскому патріоту, Даніэлю О'Коннелю, добившемуся отъ министерства Веллингтона и Пиля эмансипаціи католиковъ. Какъ человѣкъ, завѣщавшій „свое сердце Риму, а тѣло—Ирландіи", О'Коннель далеко не принадлежалъ къ „реформаторамъ" и „прогрессистамъ". Онъ былъ слишкомъ преданъ церкви и въ этомъ отношеніи составляетъ полную противоположность Граттану, бывшему раньше всего „гражданиномъ". Эти дѣятели поэтому, несмотря на ихъ общій патріотизмъ, никогда совмѣстно не работали. Но преданность О'Коннеля Ирландіи была несомнѣнна, и памятникъ народный онъ заслужилъ уже одной своей страстной агитаціей въ пользу католической эмансипаціи. На памятникѣ фигура О'Коннеля представлена въ плащѣ, ниспадающемъ складками. Правая рука опущена, а лѣвая прижата къ сердцу: любимая поза великаго оратора. Фигура стоитъ на огромномъ пьедесталѣ, вокругъ котораго имѣются разныя статуи, представляющія вѣру, профессіи, искусства, промышленность, земледѣліе. Одна изъ этихъ статуй, въ видѣ женской фигуры—самая большая—изображаетъ свободу. Подъ ногами у нея валяется порванная цѣпь; въ одной рукѣ она держитъ актъ эмансипаціи, а другою указываетъ вверхъ, на освободителя. Подъ пьедесталомъ имѣется огромная гранитная база, на четырехъ углахъ которой помѣщены крылатыя женскія фигуры—эмблемы вѣрности, патріотизма, краснорѣчія и справедливости.

Знакомясь дальше съ Дублиномъ, я вообще замѣтилъ, что ирландцы не забываютъ своихъ дѣятелей. То-и-дѣло на главныхъ улицахъ попадаются статуи политическихъ или соціальныхъ дѣятелей, чѣмъ-либо заслужившихъ благодарность потомства. Но до сихъ поръ еще нѣтъ памятника Парнеллю, для котораго ирландскій народъ собралъ огромную сумму. Съ этимъ памятникомъ вышла какая-то неудача, и его пришлось заказать второй разъ. Теперь онъ заканчивается отдѣлкой въ одной изъ нью-іоркскихъ студій. Однако, кромѣ чисто ирландскихъ монументовъ, попадаются и обще-англійскіе, хотя и очень рѣдко. Но этимъ обще-англійскимъ монументамъ въ столицѣ Ирландіи крайне не везетъ. Главные изъ нихъ, это—памятникъ Нельсону и конная статуя Вильгельма III-го. Нельсону воздвигли однородные памятники въ трехъ столицахъ Соединеннаго королевства—въ Лондонѣ, Эдинбургѣ и Дублинѣ. Въ центрѣ каждаго изъ этихъ городовъ ему поставили высокую колонну со статуей его на верхушкѣ.

Но почему-то въ Дублинѣ колонна оказалась прямо-таки

безобразною. Говорятъ, что не хватило денегъ на отдѣлку ея. Это весьма возможно, принявъ во вниманіе, что въ Дублинѣ наврядъ-ли нашлось много поклонниковъ Нельсона, который вѣдь никогда ирландцемъ не былъ. Что же касается до конной статуи перваго вѣрнаго протестантскаго короля Англіи, то участь ея прямо плачевна. Она была воздвигнута на средства дублинскихъ протестантовъ еще въ 1701 г., при жизни короля, но съ перваго же дня открытія ея она стала мишенью издѣвательствъ со стороны католической части населенія. „Благочестивый король незабвенной памяти“, какъ его величаетъ надпись на памятникѣ, оказывался то безъ руки, то безъ шпаги, то испачканнымъ грязью, и то-и-дѣло приходилось его чинить и обчищать. Одинъ разъ—это было въ 1836 г.—было сдѣлано даже покушеніе взорвать его. Фигура короля слетѣла съ лошади и разбилась въ дребезги. Пришлось опять ее отливать и чинить, такъ что теперешняя статуя представляетъ собою ветерана, израненнаго и изувѣченнаго въ бояхъ, съ лошадью, хотя и гордо выгнувшею свою шею, но помятой въ бокахъ и отбитой въ ногахъ. Эти злоключенія статуи прекратились съ тѣхъ поръ, какъ и „оранжевыя“ общества перестали дѣлать ее центромъ своихъ митинговъ и предметомъ своего обожанія. Ихъ ежегодныя публичныя чествованія памяти Вильгельма Оранскаго украшеніемъ его статуи цвѣтами и желтыми лентами служили какъ бы вызовомъ католикамъ, которые и мстили ни въ чемъ неповиннымъ бронзѣ и свинцу, отлитымъ въ видѣ фигуры всадника. Теперь же, когда поклонники Вильгельма оставили статую его въ покоѣ, съ присутствіемъ ея на площади въ Дублинѣ примирились и католики.

Дублинскіе многочисленные монументы настроили меня, такъ сказать, на національно-ирландскій ладъ. Я все больше и больше сталъ погружаться въ сферу ирландскихъ традицій, исторіи и національной жизни. Чѣмъ дальше, тѣмъ все больше я сталъ различать тотъ неуловимый духъ, то настроеніе, которые дѣлаютъ ирландцевъ отдѣльнымъ народомъ и создаютъ непроходимую пропасть между нимъ и англичанами. Въ этомъ настроеніи и заключается узелъ того, что̀ извѣстно подъ именемъ ирландскаго вопроса. Пока же, для лучшаго пониманія его, необходимо объяснить роль и положеніе вице-короля въ Ирландіи.

II.

Вице-король Ирландіи.

Ирландскій вице-король, оффиціально извѣстный подъ титуломъ лорда-лейтенанта, занимаетъ очень своеобразное положеніе. Онъ считается намѣстникомъ короля и, слѣдовательно, стоящимъ по должности внѣ партій и даже внѣ политики, но въ то же время онъ членъ министерства и даже часто членъ кабинета, который въ Англіи, какъ во всякой парламентарной странѣ, зависитъ отъ партіи. Онъ назначается вмѣстѣ съ новымъ министерствомъ и уходитъ вмѣстѣ съ нимъ. Столь же неопредѣленно и двойственно его отношеніе къ другому министру по дѣламъ Ирландіи, къ такъ-называемому „главному секретарю для Ирландіи“. Оффиціально „главный секретарь“ есть секретарь лорда-лейтенанта. По теоріи поэтому какъ будто выходитъ, что послѣдній выше, и что онъ-то и есть правитель Ирландіи. На практикѣ, однако, въ большинствѣ случаевъ дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ, и даже очень часто „главный секретарь“ входитъ въ составъ кабинета, а лордъ-лейтенантъ стоитъ внѣ кабинета, какъ, напримѣръ, въ нынѣшнемъ министерствѣ Кемпбелль-Баннермана. Въ этомъ министерствѣ „главный секретарь“ лорда-лейтенанта, Джемсъ Брайсъ—членъ кабинета, а его номинальный начальникъ, графъ Абердинъ—въ кабинетъ не включенъ. Эти административныя аномаліи явились, конечно, результатомъ медленной эволюціи старинныхъ должностей, одна изъ которыхъ, лорда-лейтенанта, была учреждена еще въ XII-мъ вѣкѣ, а главнаго секретаря—въ срединѣ XVIII-го вѣка. За эти долгіе годы до неузнаваемости измѣнились не только отношенія между Великобританіей и Ирландіей, но и самыя функціи администраціи. Но, потерявъ значеніе какъ правительственный органъ, лордъ-лейтенантъ остался въ силѣ какъ эмблема высшей государственной власти, въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Онъ олицетворяетъ собою не полицейскую или военную силу, не верховенство Англіи надъ Ирландіей, не грубую мощь имперіализма, а высшій нравственный принципъ, лежащій въ основѣ благоустроеннаго гражданскаго общества. Номинально лордъ-лейтенантъ призванъ наблюдать за тѣмъ, чтобы въ странѣ царствовали порядокъ, законность, неприкосновенность имущественная и личная, правосудіе, и чтобы народные обычаи и права никѣмъ не нарушались. На практикѣ,

однако, все это наблюденіе совершается помимо него въ канцеляріяхъ и департаментахъ главнаго секретаря, который, какъ отвѣтственный передъ палатой общинъ и въ согласіи съ премьеръ-министромъ и кабинетомъ, дѣйствительно „правитъ“ Ирландіей, насколько вообще, при широкой системѣ мѣстнаго самоуправленія, существующаго въ Ирландіи, такое правленіе имѣетъ мѣсто. Такимъ образомъ, при современныхъ условіяхъ вице-королю Ирландіи остаются лишь „представительныя“ функціи. Онъ, какъ и король, имѣетъ свой „тайный совѣтъ“, свой придворный штатъ, съ гофмаршалами, камеръ-юнкерами, флигель-адъютантами и пр. Два или три зимнихъ мѣсяца онъ занимаетъ аппартаменты въ дублинскомъ старинномъ замкѣ, расположенномъ въ центрѣ города. Снаружи зàмокъ этотъ очень неказистъ и почти весь застроенъ кругомъ высокими частными домами, закрывающими большую часть его. Внутри, однако, онъ представляетъ собою рядъ огромныхъ и богато убранныхъ „тронныхъ“ и иныхъ залъ, среди которыхъ особенной пышностью отличается „зала св. Патрикія“, въ которой происходятъ разныя церемоніи и балы. Въ этой залѣ обыкновенно происходитъ и церемонія пожалованія ирландскаго ордена св. Патрикія, единственнаго ордена, который вице-король можетъ пожаловать по собственному усмотрѣнію. Это очень высокій орденъ, который ограниченъ лишь 22-мя членами, не считая короля и самого лорда-лейтенанта, его грандмейстера.

Какъ самъ лордъ-лейтенантъ есть эмблема государства, такъ его зàмокъ (the castle) представляетъ собою въ глазахъ ирландцевъ эмблему всего англійскаго и особенно политическаго господства Англіи надъ Ирландіей. Когда ирландскій націоналистъ хочетъ сказать про кого-либо, что тотъ—приверженецъ Англіи, онъ говоритъ: „это человѣкъ зàмка“ (a castle-man). „Человѣкъ зàмка“ въ устахъ націоналиста—самая презрительная кличка. Она подразумѣваетъ и раболѣпіе, и измѣну, и насиліе, и всякіе другіе грѣхи и недостатки.

Зàмокъ—не только оффиціальная резиденція лорда-лейтенанта, но и мѣсто всякихъ высшихъ правительственныхъ учрежденій Ирландіи, во главѣ которыхъ стоитъ фактическій администраторъ острова, „постоянный помощникъ секретаря“. Этотъ „постоянный“ помощникъ (permanent under-secretary) именно постояненъ, такъ какъ его назначеніе и увольненіе не зависятъ отъ смѣны министровъ. Онъ не членъ парламента, а чиновникъ, назначаемый на свой постъ правительствомъ разъ навсегда. Такимъ образомъ, строго говоря, въ Ирландіи есть три министра:

лордъ-лейтенантъ, главный секретарь и постоянный помощникъ секретаря. Первый—членъ палаты лордовъ и никакихъ обязанностей, кромѣ церемоніальныхъ, не несетъ; второй—членъ палаты общинъ, передъ которой и является отвѣтственнымъ за ирландскую политику министерства, а третій является исполнителемъ этой политики и практическимъ администраторомъ. Не удивительно поэтому, что не разъ дѣлались попытки вовсе упразднить должность вице-короля, какъ совершенно излишнюю. Въ 1823 г. еще членъ палаты общинъ Куннъ, по экономическимъ соображеніямъ, предлагалъ уничтожить эту должность. Въ 1830 г. онъ опять сдѣлалъ то же предложеніе, пустивъ вопросъ на голосованіе. Но большинство 114 голосовъ оказалось противъ него. Въ 1844 г. мы видимъ того же Кунна, настойчиво добивающагося отмѣны должности вице-короля. И наконецъ, въ 1850 г., само тогдашнее правительство, въ лицѣ премьеръ-министра лорда Джона Росселя, вноситъ билль объ упраздненіи вице-королевской должности и передачи нѣкоторыхъ ея функцій главному секретарю. Билль этотъ, однако, хотя и прошелъ во второмъ чтеніи, никогда не дождался слѣдующей законодательной фазы и такъ и оказался мертворожденнымъ, а должность существуетъ и понынѣ. И нѣтъ сомнѣнія, что она переживетъ и должность главнаго секретаря, такъ какъ при введеніи гомруля послѣдняя должность много потеряетъ въ значеніи, а первая еще выиграетъ. Сами ирландцы относятся съ большой симпатіей къ этой должности. Кромѣ того, что она очень выгодна для дублинскихъ лавочниковъ,—а дворъ вице-короля составляетъ центръ тщеславія мѣстнаго средняго класса, рвущагося на пріемы и балы въ зáмкѣ,—она и съ національной точки зрѣнія очень важна. Присутствіе намѣстника короля показываетъ, что Ирландія еще не окончательно слита съ Англіей, и въ лицѣ вице-короля какъ бы живетъ и поддерживается фикція „Союза", по которой обѣ страны самостоятельны и соединены лишь въ коронѣ.

Благодаря тому, что должность вице-короля по существу не столько административна, сколько почетна, на нее назначаются представители очень богатыхъ и древнихъ англійскихъ родовъ и любимцы короля. Случается, что вице-король, если онъ самъ по себѣ крупная политическая сила, включается въ составъ кабинета министровъ, а главный секретарь не имѣетъ мѣста въ кабинетѣ. Въ такихъ случаяхъ вице-король не только номинально глава ирландской политики, но и на самомъ дѣлѣ руководитъ ею. Такимъ, напримѣръ, былъ графъ Кадоганъ въ кабинетѣ Солисбери, занимавшій постъ вице-короля съ 1895 по 1902 годъ.

При немъ „главнымъ секретаремъ" первые годы былъ Джеральдъ Бальфуръ, а послѣдніе года полтора—Виндгемъ. Ни первый, ни второй членами кабинета не были. Если же принять во вниманіе, что, какъ политическая величина, Джеральдъ Бальфуръ равняется почти нулю, то не удивительно, что роль Кадогана была первенствующая не только на пріемахъ и церемоніяхъ, но и въ министерской политикѣ, и въ администраціи. Вырабатывались законы, предпринимались реформы и назначались на службу лица не подъ руководствомъ и по указаніямъ Джеральда Бальфура, а графа Кадогана, и первому оставалось только защищать политику второго въ палатѣ общинъ.

Вице-король Ирландіи получаетъ 20.000 ф. стерлинговъ въ годъ жалованья. Но это—не синекура. Расходы, связанные съ положеніемъ намѣстника короля, далеко превышаютъ эту сумму, и обыкновенно достигаютъ 50.000 ф. ст. Вотъ почему должность вице-короля, какъ и должность лондонскаго лорда-мэра, по плечу лишь очень богатымъ людямъ.

III.

Резиденція вице-короля и ирландскіе констебли.

Кромѣ замка, гдѣ онъ проводитъ лишь два или три мѣсяца въ году, вице-король имѣетъ еще лѣтнюю резиденцію, среди зелени Фениксскаго парка, на окраинѣ Дублина, такъ называемую „вице-королевскую ложу". Недалеко отъ этой ложи находятся и „ложи" главнаго секретаря и его помощника, постояннаго секретаря. Вице-королевская ложа—это скромный двухъ-этажный дворецъ, простой, но очень изящной архитектуры, говорящей больше объ удобствахъ и комфортѣ жилища, чѣмъ о сановности и значеніи его обитателей. Окрашенный въ бѣлую краску и окруженный лужайками, цвѣтниками, клумбами и высокими вѣковыми деревьями, онъ производитъ глубокое впечатлѣніе мира и покоя, чистоты и порядка и какой-то самоувѣренной незыблемости.

Какъ разъ въ то время, какъ мы были въ Дублинѣ, тамъ происходило ежегодное великое мѣстное торжество, а именно—выставка лошадей. Дублинская конская выставка столь же извѣстна въ Соединенномъ королевствѣ, какъ и нижегородская ярмарка въ Россіи. Это своего рода національный праздникъ. Хотя лошади выставляются лишь ирландскаго происхожденія, но съѣздъ бываетъ и изъ Англіи и Шотландіи. Въ этотъ разъ было при-

везено 1.322 лошади, и число гостей, съѣхавшихся въ Дублинъ, по разсчетамъ знающихъ людей, превышало 50.000. Нечего говорить, что для провинціальнаго города съ населеніемъ въ 370.000 (считая уже и подгородныя части), какъ Дублинъ, такой съѣздъ составляетъ чрезвычайно крупное событіе. Гостинницы переполнены, театры и концертныя залы работаютъ во всю и на улицахъ стоитъ оживленіе, какого въ другое время никогда не наблюдаешь. И у вице-короля съ вице-королевой работы тогда по горло. Нужно обязательно показаться разъ или два на выставкѣ въ оффиціальной роли намѣстниковъ короля и королевы. Нужно устроить пріемъ у себя для лицъ, имѣющихъ доступъ ко двору или чѣмъ-либо замѣтныхъ; нужно присутствовать на балу, который по случаю выставки даетъ мѣстное королевское общество, являющееся устроителемъ этихъ конскихъ выставокъ, и наконецъ, нужно принимать многихъ личныхъ друзей, знакомыхъ и родныхъ, наѣзжающихъ тогда въ Ирландію. Въ этотъ же разъ къ выставочному сезону присоединилось еще небывалое раньше въ Дублинѣ событіе въ видѣ съѣзда института британскихъ журналистовъ. И вице-король рѣшилъ пригласить и послѣднихъ на „garden party“, то-есть, на пріемъ у себя въ паркѣ.

Въ настоящее время, какъ уже было сказано, вице-король— графъ Абердинъ, а „главный секретарь“ Ирландіи—Джемсъ Брайсъ. Оба они—либералы и гомрулеры и въ должность вступили при образованіи министерства Кемпбелль-Баннермана. По своему политическому вліянію оба они имѣютъ одинаковое значеніе. Ни Джемсъ Брайсъ, ни графъ Абердинъ, какъ политики, звѣздъ съ неба не хватаютъ. Политическое ихъ краснорѣчіе блѣдно, въ парламентскихъ дебатахъ они никакого искусства не выказали и реформаторское ихъ творчество особенно широкимъ размахомъ не можетъ похвалиться. Но, будучи почти безцвѣтными, какъ государственные мужи, и Брайсъ и Абердинъ, какъ говорится, очень хорошіе и достойные люди. Не говоря уже о выдающихся заслугахъ перваго, какъ писателя и ученаго, оба они—искренніе, гуманные и доброжелательные политики, для которыхъ работа на общественномъ поприщѣ и на благо государства менѣе всего зависитъ отъ возможности получать министерское жалованье. Будучи одинаковыми по политическому значенію, любой изъ нихъ могъ бы быть включенъ въ кабинетъ. Но такъ какъ такого случая еще не было, чтобы и вице-король, и главный секретарь Ирландіи одновременно были членами кабинета, то выборъ остановился на Брайсѣ, какъ

на министрѣ, который въ министерствахъ Гладстона и Розбери уже былъ членомъ кабинета. При такомъ положеніи вещей, можно сказать, что графъ Абердинъ—не только церемоніальный глава ирландской администраціи, но, вѣроятно, принимаетъ выдающееся участіе и въ направленіи политики, и въ назначеніи служащихъ, и въ прочихъ дѣлахъ ирландскаго правительства.

Постъ вице-короля Ирландіи графъ Абердинъ занимаетъ теперь уже второй разъ. Въ первый разъ онъ его занималъ мѣсяцевъ шесть въ 1886 г., во время кратковременнаго гомрульнаго министерства Гладстона. Лордъ Абердинъ былъ и остается горячимъ сторонникомъ гомруля. Затѣмъ, отъ 1893 по 1898 гг., онъ былъ генералъ-губернаторомъ Канады. Какъ общественные дѣятели, графъ и графиня Абердинъ принимаютъ большое участіе деньгами и личнымъ трудомъ въ разныхъ движеніяхъ, направленныхъ къ улучшенію народнаго быта. Между прочимъ, графиня Абердинъ—одна изъ учредительницъ международнаго женскаго совѣта, президентомъ котораго она состояла съ 1893 по 1899 гг., и была устроительницей конгресса женщинъ въ 1900 г. Какъ и мужъ, она принадлежитъ къ очень богатому, хотя и не столь родовитому дому Марджорибэнксовъ, будучи сестрой нынѣшняго представителя его, лорда Твидмоутса, занимающаго въ кабинетѣ Кемпбелль-Баннермана постъ морского министра (перваго лорда адмиралтейства).

Въ приглашеніи, разосланномъ членамъ журналистскаго съѣзда, было сказано, что „ихъ превосходительства графъ и графиня любезно предоставляютъ гостямъ явиться и не въ установленномъ костюмѣ, носить соломенныя шляпы, свѣтлыя пары и другія лѣтнія платья“.

Для многихъ, не желавшихъ носить въ этотъ жаркій день шолковыхъ цилиндровъ и длинныхъ черныхъ сюртуковъ, этихъ неизмѣнныхъ принадлежностей мужского костюма для „garden party“, дозволеніе обходиться безъ нихъ, да еще на такомъ пріемѣ, было пріятнымъ сюрпризомъ. Но, помимо этого чисто физическаго чувства облегченія, разрѣшеніе явиться не въ парадѣ, а какъ угодно, дало намъ и вполнѣ вѣрное представленіе о нашихъ гостепріимныхъ хозяевахъ. Въ этой заботливости объ удобствахъ гостей, въ этой внимательности къ нимъ было много добродушія и простоты человѣчныхъ отношеній. И дѣйствительно, пріемъ, несмотря на всю роскошь, на все богатство обстановки, былъ чуждъ всякой оффиціальной сухости и дѣланной торжественности и скорѣе напоминалъ товарищескій пикникъ.

Пріемъ продолжался отъ четырехъ до семи вечера. Къ четы-

тремъ часамъ гости, среди которыхъ было множество дамъ, стали съѣзжаться и сходиться къ мостику, перекинутому черезъ ровъ, отдѣляющій вице-королевскій дворецъ и прилегающіе къ нему цвѣтники и другія части парка отъ остальной части его, открытой для публики. Обыкновенно, дворецъ охраняется двумя или тремя констэблями, дежурящими снаружи и разгуливающими вокругъ ограды. Въ виду огромнаго протяженія границы дворца, эти нѣсколько безоружныхъ констэблей, беззаботно расхаживающихъ, заложивъ руки за спину или просунувъ большіе пальцы за свои ременные пояса, почти незамѣтны. Но на этотъ разъ, по случаю пріема, у мостика стоялъ полицейскій инспекторъ съ нѣсколькими сержантами, и каждый гость, проходя мимо нихъ, показывалъ свой конференціонный билетъ. Впрочемъ, предъявленіе билетовъ было очень нестрогое. Полиція ихъ не разсматривала, а довольствовалась лишь однимъ видомъ ихъ въ рукахъ гостей, а многіе проходили и вовсе безъ предъявленія какихъ-либо билетовъ, особенно дамы, если только ихъ сопровождалъ кто-либо съ билетомъ.

Здѣсь, кстати, я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ объ ирландской полиціи. Наврядъ-ли въ чемъ-либо другомъ такъ сильно сказались чувство законности и государственная мудрость англійскихъ правителей, какъ въ устройствѣ полиціи въ Ирландіи. Отлично сознавая, что всякій промахъ, всякій проступокъ или ошибка хотя бы мелкаго полицейскаго будутъ приписаны въ Ирландіи центральному правительству и лягутъ пятномъ на министерство въ Лондонѣ, Англія приложила всѣ усилія къ тому, чтобы полиція въ Ирландіи была въ высшей степени образцовой по охраненію личной и имущественной безопасности гражданъ и по огражденію ихъ личныхъ и общественныхъ правъ. Въ Великобританіи, за исключеніемъ Лондона, полиція находится въ рукахъ городскихъ думъ и земскихъ учрежденій. Каждое графство имѣетъ своего главнаго констэбля, назначаемаго и увольняемаго совѣтомъ графства, также какъ и большіе города имѣютъ свою особую полицію съ ихъ главными констэблями. Центральное правительство въ лицѣ министра внутреннихъ дѣлъ имѣетъ къ этой полиціи довольно слабое отношеніе, которое выражается лишь въ нѣкоторой финансовой поддержкѣ и въ правѣ разъ или два въ году устроить инспекторскій смотръ всѣмъ полицейскимъ силамъ. Въ Ирландіи же, кромѣ Дублина, полиція всецѣло зависитъ отъ центральнаго правительства. Это, строго говоря, военный корпусъ, имѣющій своей задачей несеніе полицейской службы. Также какъ и въ Великобританіи, полиція въ Ирландіи ничего

общаго не имѣетъ съ какими-либо судебными или политическими функціями. Она—исполнительная власть и больше ничего. Ни допросовъ, ни слѣдствій она не производитъ и никакихъ штрафовъ, безъ рѣшенія независимаго суда, налагать не можетъ. Даже въ то время, когда въ Ирландіи дѣйствовали такъ называемые „coercion laws“, законы исключительнаго положенія, и тогда полиція могла дѣйствовать лишь по указаніямъ суда, но не самостоятельно. Мрачный періодъ аграрныхъ и политическихъ убійствъ и насилій, который Ирландія пережила въ началѣ 80-хъ годовъ XIX-го столѣтія, все же не отдалъ населенія въ руки безотвѣтственной полиціи. Исключительные законы усилили не власть полиціи, а власть суда, и ограниченіе свободы гражданъ выражалось не въ излишнемъ произволѣ полиціи, а въ умноженіи ея обязанностей.

Такимъ образомъ, уже одно это раздѣленіе власти, отмежеваніе полицейскихъ обязанностей отъ судебныхъ и политическихъ, должно было воспитать въ ирландской полиціи, извѣстной подъ именемъ „королевскаго ирландскаго корпуса констэблей“ (Royal Irish Constabulary), духъ строгой законности и пониманія своего долга. Но, кромѣ этого, и основанія, принятыя для организаціи этого корпуса, въ высокой степени содѣйствуютъ его успѣшности и популярности въ населеніи. Корпусъ былъ организованъ въ 40-хъ годахъ XIX-го вѣка по мысли тогдашняго англійскаго премьеръ-министра, сэра Роберта Пиля. За исключеніемъ генералъ-инспектора его, который можетъ быть ирландцемъ или не-ирландцемъ, весь корпусъ, включая нижніе и старшіе чины, долженъ состоять изъ однихъ ирландскихъ уроженцевъ, безъ различія вѣроисповѣданія. Поступая въ корпусъ, нижніе чины, какъ и офицеры, должны не только удовлетворять извѣстнымъ требованіямъ физическаго характера, какъ въ отношеніи роста, ширины груди и прочихъ особенностей, но и умственнымъ, и нравственнымъ условіямъ. Ни одинъ человѣкъ не можетъ попасть въ констэбли безъ рекомендаціи двухъ или трехъ почтенныхъ мѣстныхъ жителей. Онъ долженъ сдать кое-въ-чемъ экзаменъ и затѣмъ пробыть шесть мѣсяцевъ въ качествѣ рекрута. Послѣ того онъ нѣсколько лѣтъ исполняетъ должность констэбля подъ ближайшимъ надзоромъ старшаго сержанта и, уже зарекомендовавъ себя, какъ честный исполнитель долга, получаетъ гдѣ-либо въ глухой провинціи самостоятельный постъ, отвѣчающій, лишь по внѣшнимъ, конечно, условіямъ, должности русскаго урядника. Но какая огромная разница между послѣднимъ и ирландскимъ констэблемъ и въ отношеніяхъ къ нимъ населенія! Кор-

мусъ констэблей — это ирландская гордость. Въ бесѣдахъ съ ирландцами разнаго положенія я всегда слышалъ восторженные отзывы о своей „constabulary".

— All Irish! (всѣ—ирландцы!)—воскликнула въ какомъ-то экстазѣ одна ирландка, расхваливавшая мнѣ констэблей.—All Irish! Каждый изъ нихъ—коренной ирландецъ!

И это мнѣ говорила націоналистка, учительница элементарной школы на западѣ Ирландіи, враждебно настроенная противъ Англіи. Но не менѣе восторженно разсказывалъ мнѣ о „constabulary" ирландецъ-юніонистъ. „Это—цвѣтъ ирландскаго народа!" —говорилъ онъ мнѣ.

И дѣйствительно, по среднему уровню интеллигентности, физической красоты и достоинствъ характера ирландскіе констэбли стоятъ выше средняго ирландца.

Это не полицейскій, а джентльменъ, стройный, красивый, вѣжливый, спокойный, но и очень зоркій и проницательный. Даже насильственныя выселенія фермеровъ, которыя констэблямъ невольно приходилось исполнять по приговорамъ суда и по требованіямъ помѣщиковъ, даже и эти крайне непріятныя операціи передъ лицомъ озлобленной, фанатично настроенной толпы не могли пошатнуть довѣріе народа къ своей полиціи и умалить популярность послѣдней, только потому, что каждый ирландецъ видитъ въ своемъ констэблѣ самаго вѣрнаго защитника отъ воровъ и грабителей и самаго бдительнаго стража личной свободы гражданъ. Политика—не его дѣло. Ругайте англійское правительство сколько угодно, поносите его командировъ и вице-короля, отзывайтесь какъ хотите объ Эдуардѣ VII,—онъ и глазомъ не моргнетъ. Но попробуйте въ присутствіи его призывать къ разбою и грабежу или помѣшать митингу, хотя бы и враждебному правительству,—и онъ не задумается привлечь васъ къ суду. Какъ указаніе на мужественность и преданность долгу, слишкомъ 400 человѣкъ изъ 10.000, составляющихъ корпусъ, носили въ прошломъ году медали за спасеніе погибающихъ,—не за усмиренія, не за политическіе доносы или излишнее подхалимство передъ начальствомъ, а за извлеченіе тонувшихъ изъ морскихъ и озерныхъ глубинъ, за выхватываніе изъ пламени задыхавшихся въ дыму взрослыхъ или дѣтей, за остановки понесшихъ по люднымъ улицамъ лошадей, за поданіе помощи замерзавшимъ и за другіе подвиги человѣколюбія, совершенные съ явной опасностью для самихъ спасителей.

Сдѣлавъ это уклоненіе въ сторону, чтобы познакомиться съ силой, посредствомъ которой вице-король исполняетъ свою главную

функцію—„поддержанія мира и порядка", я теперь возвращусь къ описанію пріема во дворцѣ.

IV.

На пріемѣ у вице-короля.

Пройдя черезъ мостикъ, гости очутились въ предѣлахъ вице-королевскаго дворца. Широкая аллея вела на большую зеленую площадь, усѣянную цвѣтниками и окаймленную деревьями, въ которой бѣлѣлъ дворецъ. На этотъ разъ въ концѣ аллеи было выстроено возвышеніе со ступеньками съ обѣихъ сторонъ, на которомъ графъ и графиня встрѣчали гостей. Графъ былъ одѣтъ совершенно цивильно, въ сѣрый пиджакъ и съ соломенной шляпой на головѣ. И лишь потому, что онъ и жена его стояли въ центрѣ, окруженные свитой, среди которыхъ двое были въ адъютантской формѣ, можно было догадаться, что это и есть глава ирландскаго правительства. Молодые адъютанты были единственныя лица свиты, носившія форму. Одинъ изъ адъютантовъ, крѣпкій, статный и красивый юноша, державшійся все время вытянутымъ въ струнку, какъ мы послѣ узнали, былъ сынъ самого графа, капитанъ Гордонъ, а другой, съ моноклемъ въ глазу, былъ капитанъ Коутсъ, милліонеръ, тогда женихъ, а нынѣ уже мужъ дочери графа Крю, лорда-президента тайнаго совѣта.

Каждый изъ гостей сообщалъ свое имя одному изъ бывшихъ тутъ вице-королевскихъ секретарей, который и докладывалъ его громко графу. Послѣдній, какъ и жена его, при приближеніи гостя, крѣпко пожимали ему руку, и если представлявшійся былъ лично извѣстенъ графу или вообще былъ замѣтное лицо, то удостоивался и пары любезныхъ словъ.

Представившись графу и спустившись на прелестный газонъ, гости были предоставлены самимъ себѣ. Слѣва, рядомъ съ дворцомъ, была сооружена огромная палатка, въ которой были сервированы чай, прохладительные напитки, мороженое и разныя закуски. Тутъ же, вблизи палатки, расположились два оркестра, игравшихъ поочередно. Вскорѣ зеленая мурава передъ дворцомъ запестрѣла нарядной и оживленной толпой, среди которой особенно выдавалось множество дамъ съ ихъ изящными костюмами и модными шляпками, и раскинутые по лужайкѣ садовые стулья быстро занимались гостями, искавшими пріятнаго отдыха подъ звуки музыки. Вице-король, покончивъ съ церемоніей встрѣчи

гостей, появился въ ихъ средѣ, суетясь и бѣгая, заговаривая то съ тѣмъ, то съ другимъ, и, очевидно, что-то подготовляя. И дѣйствительно, изъ розданной каждому изъ гостей программы видно было, что для насъ приготовленъ сюрпризъ, котораго никто не ожидалъ. Оказалось, что, кромѣ обычнаго чайнаго угощенія и оркестровъ, составляющихъ принадлежность всякихъ „garden parties“, намъ будетъ еще предложено драматическое представленіе подъ открытымъ небомъ, въ паркѣ. При этомъ выборъ сюжета оказался чрезвычайно характернымъ, какъ лично для графа Абердина, такъ и для англійской власти въ Ирландіи. Для русскаго чиновника, смотрящаго на окраину, какъ на завоеванную землю, а на всякій признакъ мѣстной самобытности — какъ на проявленіе преступной воли жителей и мятежническаго ихъ духа, такой сюжетъ, какой избралъ графъ Абердинъ, былъ бы прямо немыслимъ. Онъ просто не могъ бы себѣ представить, какъ можетъ вице-король поощрять мѣстное „въ ущербъ“ господствующей націи. Въ его умѣ должность „намѣстника его величества“ соединяется именно съ политикой угнетенія края и гоненія на языкъ, обычаи и всякія національныя особенности. Къ счастью для Ирландіи, въ ней дѣйствуютъ не русскіе чиновники и не русскіе генералъ-губернаторы, столь чуждые всякаго пониманія государственности. Англійскіе вице-короли понимаютъ свою задачу совершенно иначе. Своей цѣлью они ставятъ не англизацію чуждыхъ цивилизацій, а благо народа, охраненіе его свободы, его правъ, насколько они ему обезпечены парламентомъ. Они поэтому не только не считаютъ противными интересамъ Англіи, но, напротивъ, считаютъ своимъ долгомъ поощреніе и охрану всего того, что̀ составляетъ лучшее во всякой національности, какъ языкъ, литература, музыка, художества, историческія преданія, памятники древности, полезные обычаи, признанная населеніемъ юстиція и прочія народныя черты. Мы уже видѣли, какъ даже пятьдесятъ и сто лѣтъ тому назадъ ирландцамъ предоставлялась полная свобода ставить въ центрѣ ирландской столицы памятники своимъ выдающимся патріотамъ, боровшимся за ирландскую самостоятельность. Но за послѣднія двадцать-пять или тридцать лѣтъ вице-короли не довольствуются однимъ пассивнымъ отношеніемъ, однимъ невмѣшательствомъ въ національно-культурныя стремленія. Они начинаютъ обнаруживать и активный интересъ, поощряя всякую дѣятельность, направленную къ развитію національныхъ благъ. Особенно горячее участіе въ сохраненіи лучшихъ сторонъ ирландской національности принимаютъ нынѣшній вице-король и жена его. Графъ Абердинъ, будучи

самъ кельтомъ по происхожденію, выказываетъ особую любовь ко всему кельтскому и дѣлаетъ все, что̀ можетъ, для развитія старо-ирландскаго языка и для распространенія его въ народѣ посредствомъ школьнаго преподаванія. Древнія преданія, легенды, историческія сказанія изъ жизни Ирландіи находятъ въ немъ восторженнаго поклонника и любителя. И не удивительно, что, желая доставить своимъ гостямъ высокое художественное наслажденіе, онъ рѣшилъ устроить спектакль подъ открытымъ небомъ изъ драматизированнаго ирландскаго сказанія о національномъ героѣ Финнѣ, отцѣ пѣвца Оссіана. И замѣчательно, что режиссеромъ и исполнителями были лица, извѣстныя своими націоналистическими стремленіями. Актерами выступали любители изъ ирландскаго театральнаго клуба, а режиссеромъ и вообще организаторомъ былъ извѣстный въ Дублинѣ фольклористъ и писатель О'Греди, принимающій большое участіе въ такъ называемомъ „все-ирландскомъ" движеніи.

Представленіе было дано въ огороженной части парка, примыкающей ко дворцу. За исключеніемъ хижины и грота да костюмовъ актеровъ и актрисъ, никакихъ другихъ искусственныхъ декорацій не было. Высокія деревья парка, зелень травы и синева неба служили превосходной обстановкой для несложныхъ и полныхъ наивности эпизодовъ стариннаго народнаго творчества, разыгравшихся на фонѣ охотничьей жизни. Главный эпизодъ состоялъ въ томъ, что Финнъ наказалъ скупого богача за недостатокъ гостепріимства, когда къ нему явились усталые охотники, послѣ чего скупой исправился, нравственно возродился и сдѣлался самымъ щедрымъ и добрымъ хозяиномъ во всей окрестности. Къ этому эпизоду былъ пристегнутъ и другой, полный сказочности и національнаго значенія: Финнъ на охотѣ завлекается озерной феей въ воду, въ которую погружается всего на нѣсколько мгновеній. Но въ эти нѣсколько мгновеній онъ переживаетъ страданія и бѣдствія человѣчества за двѣ тысячи лѣтъ и выходитъ изъ воды совершенно преобразившимся дряхлымъ старцемъ, котораго его товарищи по охотѣ больше не узнаютъ. Благодаря этому приключенію, нарочно подготовленному доброй феей, ирландскій народный герой сразу пріобрѣлъ жизненный опытъ, накопленный многими вѣками, и сдѣлался мудрымъ, какимъ только можетъ быть человѣкъ, проживтій двѣ тысячи лѣтъ, и какимъ долженъ быть вождь ирландскаго народа. И принявъ опять прежній свой видъ юноши, Финнъ удаляется съ товарищами для совершенія дальнѣйшихъ подвиговъ. Сцена эта была богата рѣчами, въ которыхъ національное чувство и національная

гордость ирландцевъ, такъ сказать, переливались черезъ край. Вице-король, сидѣвшій тутъ же среди гостей, внимательно слушалъ и то-и-дѣло вознаграждалъ актеровъ апплодисментами, которымъ вторили и его гости. Часто онъ вскакивалъ, уходя, чтобы отдавать какія-либо распоряженія, и когда возвращался, то оказывалось, что мѣсто его занялъ кто-либо изъ гостей, и тогда онъ скромно занималъ какое-нибудь другое освобождавшееся рядомъ мѣсто, или же оставался на ногахъ, ни за что не желая безпокоить невольнаго узурпатора. Сынъ его, въ адъютантской формѣ и съ тросточкой въ рукахъ,—этой неизмѣнной принадлежностью англійскихъ офицеровъ и солдатъ, когда они не на ученьи,—продолжалъ все время сопровождать его, почтительно вытягиваясь въ струнку. И только адъютантскій мундиръ этого молодого человѣка говорилъ намъ объ оффиціальномъ характерѣ пріема. Ужъ очень непринужденно и просто былъ обставленъ этотъ пріемъ. Конечно, не нужно было обладать излишней наблюдательностью, чтобы видѣть, кто тутъ центръ вниманія. Стоило только графу Абердину двинуться куда-нибудь, какъ его сейчасъ же окружали разныя лица—не то изъ его подчиненныхъ, не то изъ среды гостей, искавшихъ „чести побесѣдовать“ съ нимъ. Тутъ же, на ходу, была ему представлена партія офицеровъ съ итальянскаго броненосца, стоявшаго какъ разъ тогда въ порту близъ Дублина.

Послѣ спектакля гости еще нѣкоторое время продолжали оставаться въ паркѣ, слушая музыку, и затѣмъ начали помаленьку разъѣзжаться. Солнце уже значительно опустилось. Наступалъ тихій и ясный вечеръ. По широкой дорогѣ, прорѣзывающей Фениксскій паркъ по срединѣ, потянулась вереница ирландскихъ двухколесныхъ дрожекъ, такъ называемыхъ „джарви“. Эти дрожки устроены такъ, что на нихъ сидятъ сбоку, а кучеръ на козлахъ—по срединѣ. Это—старинный извозчичій экипажъ, сохранившійся еще, несмотря на все большее распространеніе кэбовъ и четырехколесныхъ каретокъ англійскаго образца. Англійскій кэбъ и ирландскій джарви—это цивилизація и варварство, девятнадцатый и тринадцатый вѣкъ. Въ то время, какъ въ кэбѣ вы не ѣдете, а, такъ сказать, порхаете, джарви можетъ вытряхнуть изъ васъ всѣ внутренности. Впрочемъ, раньше, чѣмъ ѣздить на немъ, нужно научиться, какъ взобраться на высоту его и какъ сидѣть, чтобы не свалиться съ него. Но если ѣхать на немъ не очень удобно, особенно для дамъ, зато видъ его довольно живописенъ. И когда вы видите длинный рядъ мчащихся джарви, поднимающихъ клубы пыли и покачивающихъ

своихъ сѣдоковъ, расположенныхъ по два съ каждой стороны повозки, вы какъ будто переноситесь въ аравійскую пустыню съ ея верблюжьими караванами.

Со свойственной ирландцамъ безпечностью многіе изъ извозчиковъ и частныхъ экипажей, для сокращенія пути, колесили и по травѣ, въ сторонѣ отъ дороги. Вообще, за исключеніемъ одной части его, на которой разведены цвѣты, Фениксскій паркъ содержится очень небрежно: кромѣ того, что ѣздятъ по травѣ, въ паркѣ еще гуляютъ стада коровъ, не оставляющія почти ни одного клочка его чистымъ отъ намета. Картина, поэтому, когда мы вышли изъ дворцоваго сада, была болѣе чѣмъ мирная. Это была прямо сельская идиллія, съ пастушьими рожками, съ мычаньемъ коровъ, съ веселымъ смѣхомъ и крикомъ катавшихся на джарви, съ бумажными змѣями, высоко рѣявшими въ воздухѣ и пущенными босыми мальчишками, а сзади насъ еще доносились мелодичные звуки какого-то вальса, доигрывавшагося по программѣ оркестромъ у ложи вице-короля. И намъ вдругъ вспомнилась другая картина, полная ужаса и трагизма, разыгравшаяся ровно въ этотъ же часъ и на этомъ самомъ мѣстѣ, тутъ же, у дороги противъ дворца, двадцать-четыре года тому назадъ. То, что здѣсь произошло четверть вѣка назадъ, составляло крайнее выраженіе извращеннаго національнаго чувства, верхъ безумія сошедшей съ правильнаго пути борьбы, когда разъяренныя страсти начинаютъ слѣпо поражать одинаково правыхъ и виновныхъ. Такимъ именно плодомъ безумія и ослѣпленія было убійство 6-го мая 1882 г. лорда Кавендиша и Томаса Борка.

V.

Національное движеніе.

Это убійство, которое англичане называютъ „величайшимъ политическимъ преступленіемъ въ XIX-мъ вѣкѣ", было совершено кучкой ирландцевъ по приказу тайнаго общества, именовавшаго себя „Непобѣдимымъ" или, точнѣе, „обществомъ непобѣдимыхъ ирландцевъ" (The Irish invincibles), образовавшагося послѣ закрытія земельной лиги. Непосредственныхъ участниковъ убійства было человѣкъ пять, впослѣдствіи изловленныхъ и перевѣшанныхъ. Оба убитыхъ сановника рѣшительно ничѣмъ не заслужили своей участи. Томасъ Боркъ, „постоянный" администраторъ Ирландіи, былъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти, ни-

какого отношенія къ борьбѣ съ тогдашней земельной лигой не имѣвшій. Онъ никого не могъ ни арестовать, ни выселять, ни вообще стѣснять какими-либо административными распоряженіями. По всѣмъ отзывамъ, это былъ честный, способный и благородный человѣкъ. Еще меньше заслужилъ смерть отъ руки убійцы лордъ Фредерикъ Кавендишъ. Онъ только-что былъ назначенъ Гладстономъ въ министры по дѣламъ Ирландіи на мѣсто Форстера, который вмѣстѣ съ тогдашнимъ вице-королемъ, лордомъ Коуперомъ, отказался отъ должности. Утромъ въ день убійства онъ прибылъ въ Ирландію вмѣстѣ съ новымъ вице-королемъ, лордомъ Спенсеромъ. Новые министры были встрѣчены въ Дублинѣ съ большой торжественностью и, казалось, любовью. Всѣмъ было извѣстно, что они принесли съ собою самое доброжелательное примиреніе и готовность идти рука-объ-руку съ Парнеллемъ, незадолго до того выпущеннымъ изъ тюрьмы, несмотря на протесты лорда Коупера и Форстера. На вокзалѣ ихъ встрѣтилъ лордъ-мэръ съ депутаціей, передавшей новому вице-королю „ключи города", причемъ обѣ стороны обмѣнялись очень привѣтливыми рѣчами и крѣпкими рукопожатіями. Улицы были украшены флагами. Въ разныхъ мѣстахъ играли оркестры. Въ теченіе дня происходила церемонія принятія присяги вновь назначенными министрами, и къ семи часамъ вечера новый министръ по дѣламъ Ирландіи, лордъ Кавендишъ, возвращался къ себѣ въ „ложу" въ Фениксскомъ паркѣ. Онъ шелъ одинъ все время пѣшкомъ, и когда онъ уже былъ въ паркѣ, его нагналъ на извозчикѣ Боркъ, тоже возвращавшійся домой, въ свою „ложу", расположенную вблизи вице-королевской и секретарской. Боркъ, нагнавъ лорда Кавендиша, отпустилъ кэбъ и пошелъ рядомъ съ своимъ новымъ начальникомъ. И когда оба шли по тропинкѣ рядомъ съ большой дорогой и поровнялись уже съ вице-королевской ложей, на нихъ вдругъ накинулось четверо злоумышленниковъ съ ножами. Черезъ нѣсколько мгновеній Кавендишъ и Боркъ лежали уже трупами, а убійцы ускакали на поджидавшемъ ихъ извозчикѣ.

Убійство это произвело не только въ Великобританіи, но и въ самой Ирландіи потрясающее впечатлѣніе. Это было первое политическое убійство, какое Англія знала въ теченіе вѣковъ. Въ исторіи Англіи, начиная съ водворенія парламентскаго правительства, да и задолго до этого момента, не было случая смерти министра отъ руки политическаго убійцы. Единственный случай убійства министра произошелъ въ 1812 г., когда премьеръ-министръ Персеваль былъ убитъ пулей въ вестибюлѣ палаты общинъ.

Но это было не политическое убійство, а дѣло рукъ сумасшедшаго, и ничего общаго съ политикой не имѣло. Въ самой Ирландіи, столь запятнанной кровью жертвъ національной распри, убійства, совершавшіяся не съ цѣлью грабежа, имѣли характеръ личной мести и объяснялись аграрными спорами. Жертвами тайныхъ убійствъ дѣлались опредѣленныя лица, какіе-нибудь жестокіе лэндлорды, ихъ агенты и ихъ непосредственные сторонники и защитники. Между тѣмъ убійство Кавендиша и Борка никакими причинами личной мести не могло быть объяснимо. Это было политическое убійство, чуждое всякихъ другихъ элементовъ. Жертвами были люди, ничѣмъ дурнымъ не заявившіе себя. Наоборотъ, какъ государственные дѣятели, они скорѣе зарекомендовали себя друзьями Ирландіи. А убійцы ихъ никакого отношенія къ аграрному вопросу не имѣли и лично никогда ничѣмъ не пострадали отъ англійской власти. Безуміе этого преступленія было слишкомъ очевидно, и сами вожди ирландскаго народа, какъ только они узнали о совершившемся въ Фениксскомъ паркѣ, поспѣшили выразить свое негодованіе самымъ энергичнымъ образомъ. Парнелль, жившій тогда въ Лондонѣ, какъ членъ парламента, сейчасъ же телеграфировалъ лорду-мэру Дублина и мэрамъ Корка, Ватерфорда и Лимерика о необходимости устроить немедленно митинги гражданъ для осужденія убійцъ. И этотъ совѣтъ былъ исполненъ не только въ названныхъ выше городахъ, но почти и въ каждомъ другомъ городѣ Ирландіи. Кромѣ устройства митинговъ протеста, бывшіе вожди земельной лиги, Парнелль, Диллонъ и Дэвиттъ, выпустили манифестъ, который былъ расклеенъ повсюду въ Ирландіи, въ городахъ и деревняхъ. Въ этомъ манифестѣ высказывалась увѣренность, что ирландскій народъ всѣмъ своимъ существомъ, всѣми своими дѣйствіями и помыслами покажетъ міру, что онъ съ омерзѣніемъ отвергаетъ такого рода преступленія, столь не отвѣчающія ни его душевному складу, ни его религіозному чувству, ни, наконецъ, его политическимъ интересамъ. Увѣренность, высказанная въ манифестѣ, вполнѣ оправдалась. Убійство Кавендиша какъ бы закончило собою эру заговоровъ и тайныхъ обществъ въ національномъ движеніи ирландцевъ, эру, начатую въ 1791 г. основаніемъ „общества соединенныхъ ирландцевъ" (The United Irishmen), имѣвшую самыя широкія и возвышенныя цѣли и закончившуюся такимъ упадкомъ нравственнаго и политическаго чувства, какъ основаніе „Дублинскаго общества убійцъ" (Assassination Society of Dublin), члены котораго и совершили убійство въ Фениксскомъ паркѣ. Вмѣсто системы тай-

ныхъ заговоровъ, убійствъ изъ-за угла, военныхъ нападеній и внезапныхъ вторженій (какъ, напр., феніевъ въ Канаду), наступила эра открытой парламентарной борьбы, эра пассивнаго сопротивленія (бойкота) и честнаго боя,—и творцомъ этой новой эры, сумѣвшимъ повернуть исторію Ирландіи на новый и наиболѣе цѣлесообразный путь, явился Чарльзъ Стюартъ Парнелль. Несмотря на свое богатство и аристократическое происхожденіе, несмотря на то, что по крови онъ былъ англичанинъ, а не кельтъ, онъ сумѣлъ привлечь на свою сторону народныя массы въ Ирландіи и сдѣлаться ихъ кумиромъ. Парнелль умеръ въ 1891 г., но открытая имъ эра національнаго движенія не только не исчезла вмѣстѣ съ нимъ, но чѣмъ дальше, тѣмъ больше пріобрѣтаетъ силы и развитія, — и можно смѣло утверждать, что такія трагедіи, какъ убійство англійскаго министра въ ирландскомъ паркѣ, не только болѣе невозможны, но что самая мысль объ основаніи тайнаго общества политическихъ убійствъ наврядъли можетъ теперь придти въ голову хотя бы одному ирландцу, какъ бы яростна ни была его вражда къ Англіи. Національное движеніе вошло окончательно въ колею мирной борьбы. Но само это движеніе еще существуетъ и, вѣроятно, еще долго будетъ существовать, даже и послѣ того какъ Ирландія получитъ національный парламентъ.

Во время моего пребыванія въ Ирландіи мнѣ то-и-дѣло приходилось наталкиваться на доказательства существованія тамъ глубокаго анти-англійскаго чувства. Но когда я началъ доискиваться причины этого чувства, то ничего, кромѣ эфемерныхъ резоновъ, неважныхъ и несущественныхъ жалобъ, не открылъ. И именно это отсутствіе серьезныхъ причинъ въ настоящемъ и питаніе враждебнаго чувства прошлымъ, это вѣчное припоминаніе историческихъ фактовъ—вмѣсто проникновенія въ реальную жизнь — и составляетъ главную силу національнаго движенія. Исторія вообще, особенно не очень давнихъ временъ, забывается медленно; исторія же Ирландіи вписана въ сердца ея народа такими жестокими и несправедливыми дѣяніями англичанъ, что потребуется еще много поколѣній раньше, чѣмъ она забудется и уступитъ мѣсто дѣйствительности. Благодаря этому историческому чувству вражды, что бы Англія ни сдѣлала, все будетъ мало, и всякій недостатокъ ея правленія, какъ бы ничтоженъ онъ ни былъ, раздувается въ нѣчто ужасное. Англійское „правительство" дѣлается козломъ отпущенія для всѣхъ грѣховъ самихъ ирландцевъ. На него валится все,—какая бы непріятность ни случилась съ Ирландіей. Неурожай картофеля, эмиграція,

бѣдность народа, плохая постановка школы, отсутствіе католическаго университета въ Дублинѣ и разные другіе недостатки и напасти—во всемъ этомъ виновата одна Англія. Это изъ-за нея въ какомъ-нибудь Тулаганѣ нѣтъ порядочной пристани, въ Роскоммонѣ не осушено болото, въ Виклоу проваливается въ море каменистый берегъ, въ Типерари выселяется неаккуратный фермеръ.

Проѣздомъ изъ Дублина въ Атлонъ, городокъ въ центрѣ Ирландіи, я какъ-то разговорился въ вагонѣ съ пассажиркой, оказавшейся учительницей западнаго берега Ирландіи. Она была ярой націоналисткой, но на мой вопросъ,—чѣмъ, собственно говоря, англичане правятъ хуже въ Ирландіи, чѣмъ у себя дома, она только и могла отвѣтить: „Намъ не за что благодарить англичанъ!“ И этотъ отвѣтъ пришелся, видимо, по душѣ и остальнымъ пассажирамъ, которые одобрительно закивали головой.

— Посмотрите, какъ они поступаютъ съ бурами! — прибавила она торжествующимъ тономъ. — Небось, лучше, чѣмъ съ нами. Имъ-то они сейчасъ же даютъ автономію.

Не желая, конечно, спорить съ нею, я не продолжалъ спрашивать, насколько было бы лучше ирландцамъ при автономіи и какъ они устроились бы съ ульстерцами, цѣпко держащимися за Англію и боящимися автономіи, какъ огня. Но отвѣтъ на этотъ вопросъ мнѣ далъ на другой день ирландскій извозчикъ, везшій меня и нѣсколькихъ англійскихъ журналистовъ по достопримѣчательнымъ мѣстамъ въ графствѣ Виклоу. Рядомъ со мною сидѣлъ редакторъ еженедѣльной газеты, выходящей въ Кембриджѣ, невысокаго роста сѣдой человѣчекъ, съ глазами на выкатѣ, очень любившій заводить разговоры со всѣми встрѣчными, готовыми отвѣчать ему. Взобравшись на „джарви“, взятый нами на глухой станціи, недалеко отъ мѣста, извѣстнаго остатками „семи церквей“, онъ сейчасъ же вступилъ въ бесѣду съ извозчикомъ, отъ котораго онъ узналъ, во-первыхъ, что тотъ, не смотря на свои тридцать лѣтъ, еще не женатъ. А не женатъ онъ потому, что не считаетъ возможнымъ содержать жену и дѣтей на свой заработокъ. Затѣмъ кембриджскій журналистъ узналъ, что извозчикъ работаетъ у хозяина и получаетъ у него около десяти рублей въ недѣлю.—Конечно, сюда не входятъ „на-чаи“, которые жалуются мнѣ благородными сѣдоками,—прибавилъ не безъ хитрости извозчикъ.

Послѣ этого рѣчь пошла о политикѣ. Кембриджскій журналистъ, оглядываясь кругомъ и видя прекрасныя и мирныя мѣста, заинтересовался цѣнами на землю.—А сколько тутъ стоитъ акръ

земли, вотъ, напримѣръ, этой?—спросилъ онъ, указавъ пальцемъ на зеленый скатъ, полого спускавшійся къ краю глубокой лощины, заросшей деревьями и кустами. Извозчикъ отвѣтилъ, сказавъ приблизительную цѣну.

— Эхъ, если бы не боялся, что ирландцы укокошатъ, построилъ бы себѣ здѣсь домикъ,—пошутилъ маленькій человѣчекъ.

— Вотъ какого о насъ мнѣнія англичане!—проговорилъ не то съ упрекомъ, не то съ насмѣшкой извощикъ.

— Конечно, я не говорю, что вы всѣ разбойники, но согласитесь, что не любите насъ,—говорилъ англичанинъ.—А за что? Развѣ плохо мы поступаемъ съ вами?

— Угнетатели вы наши, вотъ чтò!—сказалъ извозчикъ, разсмѣявшись. Очевидно, ему не хотѣлось, чтобы сѣдоки приняли въ серьёзъ его слова, но въ то же время чуялась въ его словахъ и нотка искренности.

— Ну, чѣмъ угнетатели?—началъ горячо маленькій человѣчекъ.—Старое нужно забыть. Ни я, ни вы не виноваты въ томъ, чтò было полтораста или триста лѣтъ тому назадъ. Не такъ ли, джарви? А нынѣ намъ нужно жить въ ладу. Смотрите, чтò Англія дѣлаетъ для вашего запада...

— А вы дайте намъ парламентъ, собственный нашъ!—отвѣтилъ извозчикъ.

— Ну, и вы другъ другу горло перерѣжете, и черезъ полгода будете умолять насъ придти и развести васъ.

— Это мы еще посмотримъ. Можетъ, и не пойдемъ искать вашей помощи. Попробуйте!

— Что-жъ, можетъ быть и парламентъ свой получите, только не позавидую вамъ тогда,—отвѣтилъ англичанинъ какимъ-то упавшимъ голосомъ, словно кто-то ошеломилъ его дубиной.

И этотъ отвѣтъ извозчика: „попробуйте!"—былъ гораздо сильнѣе всякихъ аргументовъ, слышанныхъ мною отъ образованныхъ ирландцевъ. Мнѣ часто приходилось присутствовать при спорахъ, то-и-дѣло вспыхивавшихъ между пріѣзжими гостями изъ Великобританіи и ихъ ирландскими собратьями. Споры эти велись всегда въ товарищескомъ и дружескомъ тонѣ за стаканомъ вина или на прогулкѣ гдѣ-нибудь на морскомъ берегу, но всегда съ большимъ увлеченіемъ и даже огнемъ, и я всегда изумлялся легковѣсности и мелочности аргументовъ со стороны націоналистовъ. Въ мою задачу не входитъ дать здѣсь очеркъ гомрульнаго движенія и изложить всѣ pro и contra вопроса объ ирландской автономіи. Я касаюсь этого вопроса лишь настолько, насколько онъ выступалъ передо мною, какъ туристомъ, и на-

сколько онъ кладетъ печать на современную Ирландію. И вотъ съ этой-то точки зрѣнія горячія бесѣды ирландскихъ журналистовъ съ англійскими производили па меня впечатлѣніе чего-то искусственнаго, вздутаго и крайне неважнаго. Жаловались, напримѣръ, очень много на финансовыя отношенія между Ирландіей и Великобританіей. Находили, что если считать по числу населенія, то Ирландія платитъ нѣсколько милліоновъ въ годъ больше, чѣмъ получаетъ. Англичане въ большинствѣ случаевъ это допускали, но все добивались, какъ же устроить такъ, чтобы каждая часть государства, каждый округъ, каждый уѣздъ, платили и получали равномѣрно со всякими другими частями страны, соотвѣтственно численности жителей. Въ современномъ государствѣ это почти невозможно. Ирландія не несетъ никакихъ лишнихъ тягостей, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ получаетъ такія подачки, которыхъ не имѣетъ ни одинъ округъ въ Англіи. Жаловались на недостаточное число католиковъ въ администраціи, на то, что Англія не содержитъ на государственный счетъ университета исключительно для католиковъ, и на разныя тому подобныя мало-основательныя и подчасъ совершенно несправедливыя „обиды". И я помню, какъ одинъ журналистъ изъ Бредфорда, очень мало говорившій, но внимательно прислушивавшійся къ одному изъ этихъ споровъ, очень удачно пошутилъ по поводу ирландскихъ жалобъ. Какъ-то разговоръ посреди политическаго препирательства внезапно повернулъ, какъ это часто бываетъ въ товарищескомъ кругу, на совершенно нейтральную тему. Кто-то поинтересовался временемъ и взглянулъ на часы, давъ поводъ кому-то замѣтить, что дублинское время на двадцать минутъ позже лондонскаго.

— На двадцать минутъ позже?—шутливо воскликнулъ англійскій журналистъ изъ Бредфорда.—Вотъ еще одна несправедливость въ отношеніи Ирландіи!—прибавилъ онъ.

Всѣ разсмѣялись, и ирландцы—громче всѣхъ.

Но, конечно, за шумихой мелочныхъ и не всегда основательныхъ жалобъ ирландцевъ чувствовалось совсѣмъ нѣчто другое. Всѣ эти университетскіе, финансовые и прочіе вопросы притянуты лишь какъ оправданіе передъ собственной совѣстью, ищущей въ современной жизни основаній для чувства, глубоко заложеннаго историческимъ прошлымъ. Современная Ирландія, Ирландія послѣднихъ 36 лѣтъ, особенно Ирландія послѣднихъ 20—25 лѣтъ, рѣшительно ничего общаго экономически и политически не имѣетъ съ Ирландіей XVIII-го и даже съ Ирландіей 40-хъ годовъ XIX-го вѣка. Народилось новое поколѣніе, которое

уже выростаетъ при новыхъ формахъ жизни. Третья часть Ирландіи уже сдѣлалась собственностью фермеровъ. Остальныя двѣ трети хотя юридически принадлежатъ еще помѣщикамъ, фактически почти неотъемлемы у занимающихъ ихъ арендаторовъ (фермеровъ). Земское и городское самоуправленіе—всецѣло въ рукахъ народа. Само англійское правительство занялось насажденіемъ въ нѣкоторыхъ частяхъ „изумруднаго" острова промышленныхъ предпріятій, и общественно-политическая жизнь сильно развилась и приняла совершенно другой характеръ.

С. И. Рапопортъ.

СЛОБОДА БАЛАМУТЫ

Бытовые очерки.

Слобода Баламуты населена малороссами и великороссами. Малороссовъ больше. „Москали" расположились по одной сторонѣ рѣки и занимаютъ „городокъ" и прилегающія къ нему части; „хохлы" раскинулись по другой сторонѣ рѣки. Обѣ стороны соединяются большимъ мостомъ съ перилами и панелями для пѣшеходовъ. Около моста, преимущественно на русской сторонѣ, находится базаръ съ каменными и деревянными лавками, лавчонками, ларьками, двумя трактирами, а дальше, вглубь „городка", идутъ постоялые дворы. На хохлацкой сторонѣ есть еще небольшой базаръ—„общественный", доходы съ котораго идутъ въ пользу общества, тогда какъ доходы съ перваго базара, а также и съ ярмарки, которая собирается два раза въ годъ, идутъ въ пользу мѣстнаго феодала гр. Ш., одного изъ богатѣйшихъ владѣльцевъ въ Россіи. Двѣ церкви находятся на хохлацкой сторонѣ и одна—на русской. Послѣдняя церковь такъ и называется „русской".

Рѣка Баламуты красиво извивается вдоль слободы; въ нее, въ самой слободѣ, около городка, впадаетъ „Бобровое озеро". Берега поросли ветлами; дальше отъ базара по берегамъ расположены сады, огороды, капустники, между которыми чернѣютъ бани, амбары и одиночные жилые домики. Съ двухъ сторонъ слободы растетъ лѣсъ, съ одной стороны—барскій, съ другой—общественный. Барскій домъ находится въ двухъ верстахъ отъ слободы и расположенъ на горѣ—„Поповой шишкѣ". Это—об-

ширное помѣстье, въ которомъ графъ никогда не жилъ и не живетъ, а живетъ тамъ управляющій съ многочисленнымъ штатомъ служащихъ и прислуги.

Въ описываемое время въ „городкѣ" было нѣсколько каменныхъ домовъ, нѣсколько красивыхъ деревянныхъ, съ желѣзными крышами, узорчатыми воротами, украшенными сверху неизмѣнными стеклянными разноцвѣтными шарами. Остальная крытая тесомъ и соломой постройка состояла, главнымъ образомъ, изъ бѣлыхъ избъ съ высокими завалинами и воротами съ звѣздочками изъ бѣлой жести. У нѣкоторыхъ домиковъ были палисадники, гдѣ росла черемуха, акація и душистая ромашка. Коегдѣ встрѣчались передъ избами ветлы и вязъ. На улицахъ мальчишки въ ситцевыхъ рубашкахъ пускали змѣй, играли въ бабки, ходили свиньи съ поросятами, но главное—пѣтухи и куры. При взглядѣ вдоль улицы казалось, что кто-то чего-то растерялъ, и вотъ теперь согнали весь куриный народъ разыскивать потерянныя вещи.

Малороссійская сторона носила болѣе однообразный характеръ. Длиннѣйшіе ряды хатъ съ красными ставнями и огромными, плетеными изъ хвороста, трубами, пересѣкались глухими узкими переулками и пустырями. Между улицами, позади хатъ, находились сады и огороды, засѣянные картошкой, лукомъ, укропомъ и свеклой. Въ разныхъ мѣстахъ надъ соломенными крышами торчали скворешни и со скрипомъ поднимался и опускался журавль. Попадались, впрочемъ, и большіе дома, съ зелеными желѣзными крышами и неизмѣнными палисадниками. Маленькіе хохлы, въ красныхъ рубахахъ и засаленныхъ жилетахъ, играли и бѣгали на улицахъ, но свиньи, собаки и куры и здѣсь составляли главную публику.

Когда-то, въ незапамятныя для слобожанъ времена, нѣсколько десятковъ семей малороссовъ двинулись изъ родной Украйны, разоряемой со всѣхъ сторонъ, и поселились на свободныхъ земляхъ въ бассейнѣ вольнаго Дона. Они принесли сюда свои обычаи, сказки, пѣсни, развели на огородахъ свои любимые цвѣты и овощи и полюбили мѣстную землю, такую же черную и плодородную, какъ и на покинутой Украйнѣ. Откуда-то появились москали, потолковали съ малороссами и осѣли на другой сторонѣ рѣки. Выправили они вмѣстѣ отъ московскаго царя грамоту на владѣніе землей; выстроилъ имъ царь маленькій городокъ-крѣпость, обложилъ оброкомъ и указалъ, гдѣ искать судъ и расправу. Хотя было начальство и оброкъ, но тяготы не было; начальство и оброкъ считались необходимостью, да и за-

являлось начальство изрѣдка, и крестьянское сознаніе о немъ, что оно есть и дѣйствуетъ, тонуло среди заботъ, трудовъ и радостей окружающей жизни. Земли и простора было много; въ лѣсу, кромѣ лѣшихъ и волковъ, было много зайцевъ, лисъ, дичи и грибовъ; въ водѣ жили водяной и русалки, но было и много лещей, сазановъ, ершей и раковъ.

Въ зимнее время, когда раздѣлявшая слободу рѣка замерзала и когда вся земля покрывалась толстымъ слоемъ снѣга и въ поляхъ гуляла вьюга, въ праздничные дни хохлы и москали сходились на льду и устраивали ожесточенныя битвы. На одномъ берегу стояли московки, на другомъ хохлушки, грызли сѣмечки и смѣялись; московки смѣялись тогда, когда отступали хохлы, а хохлушки—тогда, когда отступали русскіе. Въ небѣ загорались звѣзда за звѣздой и въ маленькихъ, занесенныхъ снѣгомъ избушкахъ показывались красные огоньки. А на рѣкѣ еще шелъ шумъ побоища, смѣхъ и пѣсни. Иногда русскій, почесывая основательно помятые бока, обращался къ своему противнику-хохлу съ подбитымъ глазомъ и говорилъ: „Бросимъ, Панасъ, пойдемъ ко мнѣ; у меня вино и соленая рыба есть"; и Панасъ шелъ съ своимъ праздничнымъ врагомъ на русскую сторону, гдѣ его со смѣхомъ встрѣчали московки и москалята. У хохловъ и москалей были свои любимые бойцы, которыми они гордились и память о которыхъ не скоро умирала. Когда же приходили къ Баламутамъ изъ астраханскихъ степей разбойничьи шайки татаръ, или появлялись просто разбойники, тогда хохлы и русскіе соединялись вмѣстѣ и давали отбой, защищая общую землю, общее хозяйство и достояніе.

Но пришло время, и слобожане, считавшіе себя вольными, сдѣлались крѣпостными доселѣ неизвѣстнаго имъ гр. Ш. Земля, которую они заселили и вспахали, которую они полили своимъ потомъ и своей кровью, которую они сами защищали отъ разбойничьихъ шаекъ и въ которой уже лежало нѣсколько поколѣній, связывавшихъ живыхъ съ землей кровными узами,—эта земля была кѣмъ-то тамъ, въ едва понятной уму столицѣ, объявлена собственностью графа. Правда, графъ не особенно тревожилъ слобожанъ и не сдѣлалъ ихъ рабами, а только увеличилъ оброкъ, но земля уже не была матерью, сестрой и свободной сотрудницей человѣка. Она стала рабой неизвѣстнаго чужого господина...

И земля, казалось, скорбѣла о своемъ рабствѣ и о рабствѣ своего пахаря. Она все чаще и чаще навѣвала ему не свободныя, вольныя пѣсни, а унылыя пѣсни униженія и подчиненности.

Она не пѣла ему: „я—все, твой домъ, твой храмъ, твоя родина“; она пѣла ему о себѣ, какъ о безконечной юдоли труда и подчиненія, а всѣ лучшія надежды человѣка отсылала къ небу, гдѣ жилъ высшій и самый суровый владѣлецъ—Богъ. Въ долгія осеннія ночи, когда дождь хлесталъ въ обмазанныя глиной стѣны и снаружи все превращалось въ одну темную пугающую бездну, въ душѣ загнаннаго на полати или на печку мужика медленно и прочно ткалось міросозерцаніе труда и терпѣнія.

Какъ проводится въ полѣ борозда за бороздой, и грозитъ ли сѣрое небо холоднымъ дождемъ, плывутъ ли вокругъ грустные туманы, блещетъ ли солнце, поднимаясь на голубую гору яснаго неба, крестьянинъ терпѣливо и упорно идетъ за сохой,—такъ складывается и мысль мужика, терпѣливая, упорная и выносливая. Она часто „черна“, какъ черна только-что проведенная борозда, но въ ней скрыта жизнь и по ней пробѣгаютъ золотые лучи утренняго солнца и быстрыя, легкія тѣни облачнаго неба.

И эта жизнь, эти свѣтъ и тѣни вѣчно зовущаго куда-то неба всегда казались главнымъ содержаніемъ, основнымъ фономъ существованія. Небесные брилліанты ясныхъ ночей, трепетъ посеребренныхъ луной листьевъ, пышное розовое утро, и вся природа, чистая и дѣвственная, краснорѣчиво утверждали, что жизнь—радость, что всякая пѣсня на землѣ—будь то пѣсня человѣка или щебетъ ласточки—стремленіе къ полнотѣ жизни. И потому, когда волны времени унесли старое далеко, далеко, и въ памяти стерлись всѣ событія и отдѣльныя лица стараго, слобожане прекрасно помнили ту обстановку, въ которой жили ихъ отцы и дѣды. Эта обстановка была ихъ собственная; только изъ нея вывѣтрилось все, что омрачаетъ и искажаетъ цѣльность картины, основной типъ *настоящей* крестьянской жизни.

Каждую весну въ слободѣ и на окружающихъ ея поляхъ, лѣсахъ и горѣ таяли снѣга и весело бѣжали въ рѣку сверкающими на солнцѣ ручьями; ломался на рѣкѣ толстый ледъ, подымалась вода и заливала сады, огороды и прибрежныя хаты. Всѣмъ было весело. Веселились не только люди, но и недавно прилетѣвшіе скворцы, кричали грачи, а назябшіеся за зиму воробьи летали, какъ угорѣлые, изъ одного сада въ другой, безъ умолку чирикали, и если дрались, то только „по любви“. Всей слободой провожались медленно плывущія по полой водѣ льдины.

Земля подсыхала и покрывалась нѣжной зеленью, цвѣтами, окутывалась ароматомъ весны; наступали тихіе, задумчивые ве-

чера. Разная тварь на землѣ пѣла, летала и работала. Тогда наступала и для человѣка усиленная работа. Приходилъ праздникъ и человѣкъ отдыхалъ. Расцвѣтали яблони и груши, и ихъ мягкій запахъ пробирался на улицы и даже въ маленькія раскрытыя оконца хатъ.

Въ страдную пору все перекочевывало въ поле. Все пропитывалось чуднымъ запахомъ спѣлаго хлѣба. Дѣти плели себѣ вѣнки изъ васильковъ и прятались въ хлѣбѣ, какъ куропатки. Звучали косы, мелькали грабли и поле покрывалось тяжелыми снопами. А въ слободѣ, на огородахъ и въ садахъ, возились старушки и молоденькія дивчата. Наступалъ вечеръ, окутывалась мягкимъ теплымъ сумракомъ земля, загорались въ небѣ звѣзды, а на землѣ костры, люди вечеряли, и потомъ все засыпало крѣпкимъ, здоровымъ сномъ.

Лѣто проходило... Скрипѣли по дорогамъ рыдваны и возы. Въ небѣ тянулись къ югу журавли и гуси. Мѣрно выбивали на току цѣпы; на крышахъ доспѣвали тыквы; сѣни наполнялись арбузами и дынями; снаружи вдоль стѣнъ висѣли гирлянды нарѣзанныхъ ломтиками яблоковъ; пахло спѣлыми овощами, плодами, зерновымъ хлѣбомъ. Мальчишки усиленно лазали по крышамъ, амбарамъ и деревьямъ въ садахъ. Дивчата прихорашивались и по праздникамъ украшались новыми „хустками“ и „намыстами“, а по вечерамъ грустно распѣвали на „присьбахъ“. Показались важные сваты съ полотенцами черезъ плечо. Пошли свадьбы съ „боярами“, веселыми процессіями вдоль слободы...

Это была для слобожанъ настоящая, должная жизнь. Болѣзни, семейныя неурядицы, неурожай, война, ранняя смерть, наборъ рекрутовъ были отступленіями отъ этой настоящей, нормальной жизни. Наравнѣ съ зависимостью отъ владѣльца, они вызывали черныя думы, порождали грустныя пѣсни и окружали настоящую жизнь черной траурной каймой, перевитою осенними цвѣтами и перевязанною красными трудовыми лентами.

Поколѣніе за поколѣніемъ смѣнялось въ слободѣ, и каждое новое поколѣніе получало къ картинѣ и быту окружающей жизни сказанія и пѣсни старины, вѣками выработанную любовь; оно было связано тысячами невидимыхъ нитей съ каждой пядью земли, съ своимъ небомъ, съ своей поросшей ветлами рѣкой. За видимой картиной жизни стояли вѣковыя переживанія, стояли пѣсни прадѣдовъ, мирно почивающихъ на кладбищѣ, и шептали о своей любви къ этой жизни, къ этому солнцу и къ этимъ маленькимъ бѣленькимъ хаткамъ, окруженнымъ боярышникомъ и подсолнухами.

Очень многіе не знали кромѣ своей слободы ничего. Еще ближайшія села и деревни были имъ болѣе или менѣе извѣстны, но и они казались имъ чуждыми и далекими. Еще въ ясную погоду вѣрилось, что тамъ, гдѣ-то далеко-далеко, есть другія села, непонятные города, иныя царства; но когда слобода окутывалась мракомъ осеннимъ, сѣткой падающаго хлопьями снѣга, то казалось, что тамъ, за слободой, за лѣсомъ, не существуетъ ничего, кромѣ жуткихъ, но мирныхъ призраковъ. И поэтому, когда нѣкоторые хохлы отправлялись чумаковать, а русскіе—въ извозъ, то они любили дорогой пѣть о родинѣ, вспоминали о ней, рвались домой и пріѣзжали, встрѣчаемые общей радостью и участьемъ. Зато они привозили изъ чужихъ краевъ много диковинныхъ разсказовъ и сказокъ.

Наступило „освобожденіе". Отпустилъ графъ на крестьянъ по одной десятинѣ съ четвертью на душу. Отрѣзалъ себѣ центръ слободы—базаръ и доходное мѣсто ярмарки. И началъ народъ постепенно, незамѣтно бѣднѣть. Начали нѣкоторые искать себѣ иныхъ путей: пустились въ торговлю, въ ремесла, начали учиться грамотѣ, и появились новые люди, съ новыми запросами и замашками.

Наша хата находилась на малороссійской сторонѣ. Отъ хаты и старыхъ тесовыхъ воротъ шелъ длинный пустой дворъ, незамѣтно переходящій въ маленькій запущенный садъ на берегу рѣки. У берега стояла „землянка"—маленькая, покосившаяся избушка, покрытая дерномъ, на которомъ росла разная трава и дикіе цвѣты. Около землянки, надъ обрывистымъ берегомъ, росло нѣсколько молодыхъ ветелъ, посаженныхъ нѣкогда кѣмъ-то изъ моихъ родственниковъ. Внизу, подъ обрывомъ, вдоль воды шла узенькая тропа. Кругомъ зеленѣли сады, бѣлѣли разбросанныя среди садовъ хаты, чернѣли крыши амбаровъ и бань. Съ одной стороны, по рѣкѣ блестѣла изъ-за желѣзныхъ крышъ базарныхъ лавокъ верхушка „русской" церкви, были видны часть моста и стѣна краснаго каменнаго трактира. Съ другой стороны рѣка пропадала между обступившей ее садовой и прибрежной зеленью.

Когда мнѣ было пять лѣтъ, моему отцу было только двадцать-четыре, матери—столько же, и бабушкѣ, отцовой матери, не много болѣе сорока. Былъ еще у меня маленькій братишка, а больше никого не было.

Бабушка была безконечно добрая и тихая женщина. Это была типичная хохлушка, которая по праздникамъ еще надѣвала на голову парчевый очипокъ, всегда носила юбку съ боль-

шими красными цвѣтами по синему полю и обертывала голову платкомъ на подобіе шапочки. Она боялась всего новаго и была пропитана вся стариной, какъ неизмѣнные вышитые рушники на образахъ въ хатѣ были пропитаны запахомъ любистка, мяты и богородской травы. Я любилъ ее больше всѣхъ людей на свѣтѣ и видѣлъ въ ней защиту отъ всего непріятнаго, источникъ мира и любви. Бывало, мы сидимъ съ ней на берегу. Она возьметъ меня къ себѣ на колѣни и начнетъ напѣвать старинныя малороссійскія пѣсни. Необыкновенно грустно сдѣлается отъ этихъ пѣсенъ. Въ нихъ говорится о злыхъ татаровьяхъ, объ убитыхъ въ безвѣстной степи казакахъ, о мягкомъ окровавленномъ ковылѣ. Ты и не понимаешь пѣсни, но все-таки невольно чувствуешь, что гдѣ-то тамъ было плохо и страшно, и наслаждаешься, что у тебя есть бабушка, которая защититъ тебя отъ нашествія непріятелей. А въ это время отворяются на небѣ крошечныя оконца и глядятъ въ нихъ на землю Божьи ангелы. Глядятъ они на засыпающую въ мирѣ и тишинѣ землю. За рѣкой рисуются темные силуэты построекъ. По темной, какъ бездна, рѣкѣ тихо плывутъ бѣлые, какъ клочья снѣга, гуси. Не шелохнутся деревья и гдѣ-то начинаютъ плескаться русалки.

Бабушкинъ мужъ, мой дѣдушка, умеръ въ молодыхъ годахъ, проживши съ своей женой всего три года. Это былъ суровый и хозяйственный малороссъ, къ памяти котораго всегда относились съ большимъ уваженіемъ. Онъ былъ кореннымъ пахаремъ и чумакомъ. Когда онъ померъ, осталась его жена одна съ маленькимъ мальчикомъ — моимъ отцомъ. Къ ней переселились въ домъ двѣ ея сестры, молодыя и красивыя дѣвицы. Стали онѣ продавать дѣдушкиныхъ воловъ одного за другимъ, пока не осталось отъ восьми паръ ни одного, открыли на базарѣ лавочку, сдѣлали изъ землянки пекарню, провозгласили, что „москаль, что̀ хохолъ—все равно“ и вышли двѣ за москалей, а одна, младшая, переселилась въ губернскій городъ и вышла тамъ за военнаго. Жизнь онѣ любили веселую, и поэтому прежде тихій домъ дѣда сдѣлался однимъ изъ самыхъ шумныхъ домовъ въ слободѣ. По праздникамъ изъ его оконъ неслись пѣсни, стукъ танца и смѣхъ. Себѣ подъ-стать сестры выбрали и мужей-москалей. Безпечность и любовь повеселиться были отличительными свойствами ихъ до самой могилы. И въ такой обстановкѣ воспитывался мой отецъ. Съ самаго ранняго возраста онъ былъ для сестеръ лишнимъ, и онѣ отдавали его то въ подпаски, то въ лавку, то въ работники, однимъ словомъ, куда придется. Но онъ былъ не изъ такихъ, которымъ можно было бы всегда по-

мыкать, и ни одна должность къ нему не привилась. Когда ему исполнилось восемнадцать лѣтъ, сестры отыскали ему невѣсту, устроили самую пышную свадьбу и, такимъ образомъ, закончили воспитаніе молодого человѣка.

Женитьба моего отца внесла порядокъ и успокоеніе въ домѣ, что, впрочемъ, уже и передъ женитьбой постепенно возстанавливалось. Бабушка уже сравнительно постарѣла и стремилась къ покою. Да и во всей прежней сутолокѣ она играла скорѣе пассивную роль. Сестры ея уже нѣсколько лѣтъ не жили въ нашей хатѣ. Новый членъ семьи, моя мать, принадлежала совсѣмъ къ другому типу людей, трудолюбивыхъ и хлопотливыхъ. Все складывалось какъ нельзя лучше, но открылась новая хозяйственная разладица, уже заключавшаяся въ моемъ отцѣ.

Мой отецъ, помимо своей молодости, по самой натурѣ своей не могъ быть хозяйственнымъ и постояннымъ. Это была артистическая, экспансивная натура, которой было слишкомъ тѣсно въ маленькой домашней рамкѣ. Онъ былъ съ малолѣтства церковный пѣвецъ и чтецъ, страстно заботился о церковномъ хорѣ; достигнувъ совершеннолѣтія, усердно посѣщалъ мірскія сходки, умѣлъ дѣльно и красиво говорить, и, еще не имѣя порядочныхъ усовъ, былъ избранъ волостнымъ судьей. Кромѣ того, отецъ не прочь былъ кутнуть съ товарищами и принималъ дѣятельное участіе въ „битвахъ русскихъ съ кабардинцами“, которыя попрежнему происходили въ зимнее время на замерзшей рѣкѣ. Ясно, что въ молодой женѣ и матери онъ не только не встрѣчалъ сочувствія къ своимъ общественнымъ и товарищескимъ стремленіямъ, но, напротивъ, слезы, укоры были отвѣтомъ на его увлеченія. Отецъ, казалось, совершенно не заботился о домѣ, и всѣ его интересы лежали внѣ дома. У насъ не было ни коровы, ни лошади, и только нѣсколько куръ путешествовали по нашему обширному, заросшему травой, двору, да большая старая собака Кирсанъ, добродушная и небрегущая о хозяйствѣ, котораго въ сущности не было, валялась въ хорошую погоду на травѣ, а въ ненастную—подъ крыльцомъ. Но—съ другой стороны, отецъ, женившись, поднялъ и развилъ дѣло, которымъ занималась въ маломъ размѣрѣ его мать. Онъ сталъ торговать не только бѣлымъ хлѣбомъ — „калачами“, но и другими хлѣбными издѣліями, и землянку, а также и хату превратилъ въ форменныя пекарни, въ которыхъ работали мать, бабушка, а во время торговаго сезона и наемный пекарь. Лѣтомъ работали въ землянкѣ, зимой — въ хатѣ, и я не знаю милѣе и роднѣе картины, какъ ночная работа въ пекарнѣ, при условіи домашней

обстановки и необходимой чистоты. Но и въ этомъ дѣлѣ на отцѣ висѣло проклятіе призванія. Въ самые горячіе моменты торговли—передъ Рождествомъ, нашимъ престольнымъ праздникомъ, и передъ Пасхой—отецъ бросалъ на произволъ свою лавочку и ходилъ по слободѣ, собиралъ любителей пѣнія, хлопоталъ о спѣвкахъ, уговаривалъ не оставлять церковь въ праздники безъ торжества, и зная, какъ хохлы тяжелы на подъемъ, обѣщалъ имъ пышное угощеніе тотчасъ же послѣ обѣдни, и приходилъ домой къ полночи, возбужденный и усталый, весь въ грязи, если дѣло было передъ Пасхой, или въ снѣгу, если передъ Рождествомъ. Конечно, замотавшіяся, въ свою очередь, безъ него мать и жена встрѣчали его не совсѣмъ привѣтливо.

Въ противоположность отцу, моя мать отличалась домовитостью и необыкновеннымъ трудолюбіемъ. Она вѣчно копалась либо въ пекарнѣ, либо въ хатѣ; чистила, мыла, шила, строгала и во все вкладывала всю свою душу. Но въ ней не было никакой широты, никакого размаха; она сохраняла и поддерживала старое, и сколько было теплоты въ ея словахъ: „свой уголокъ"! Это была полевая мышка, сосредоточившая всю свою жизнь на своей норкѣ. Она страстно любила своего мужа, своихъ дѣтей, своихъ родныхъ, жившихъ за рѣкой, и ненавидѣла то, что̀ мѣшало этой любви.

Былъ еще у насъ дѣдушка Степанъ, второй мужъ бабушки, но онъ не ладилъ съ моимъ отцомъ и обыкновенно жилъ гдѣнибудь на квартирѣ, перебираясь время отъ времени къ намъ. Почему-то бабушка обыкновенно жила у насъ. Дѣдушка Степанъ былъ солдатъ и москаль, сапожникъ и, кажется, не прочь былъ выпить лишнее. Когда-то онъ ходилъ добровольцемъ въ турецкую войну, убилъ въ оврагѣ трехъ турокъ и привезъ съ войны длиннѣйшій кинжалъ, ружье, манерку, георгіевскій крестъ, двѣ какихъ-то медали и три слова: „извините" и „звонкая монета". Онъ всю жизнь былъ страстнымъ охотникомъ и рыболовомъ и, говорятъ, иногда бралъ мою бабушку съ собой на охоту, гдѣ она взлѣзала на деревья и свистала по птичьему, приманивая дичь.

Таковы были ближайшіе люди и ближайшая обстановка моего дѣтства. Вспоминая теперь объ этомъ по возможности подробно, я испытываю чувство непріятнаго открытія, что тамъ, гдѣ я считалъ жизнь необыкновенно прекрасной, полной теплоты и ласки, оказывается все такъ обыкновенно и просто. Легкія разноцвѣтныя волны воспоминаній, поднявшіяся изъ глубины моей души, ложатся на бумагу сѣрыми, обыкновенными

словами, говорящими объ обычныхъ людяхъ и обычной обстановкѣ. А въ душѣ слышу я пѣсню, сотканную изъ лучшихъ мелодій вечерняго вѣтра въ саду, изъ неслышнаго рыданія послѣднихъ осеннихъ цвѣтовъ и изъ ночного шопота стараго вяза; она полна невыразимой грусти...

Во главѣ семитысячнаго населенія слободы были купцы, пришлые и частью мѣстные. Въ базарные дни въ слободу съѣзжались тысячи крестьянъ мѣстныхъ селъ и деревень, а осенью и зимой ежедневно въ слободу пріѣзжали крестьяне съ хлѣбомъ; два раза въ году была шумная ярмарка. Мѣстное купечество, сытое, самодовольное и самоувѣренное, почти все было сосредоточено въ городкѣ, гдѣ стояли лучшіе дома слободы и гдѣ на берегу красовался каменный двухъ-этажный трактиръ съ „машиной", билліардомъ, чистыми залами и зеркалами. Купечество почиталось, и его идеалы были идеалами мелкихъ торговцевъ, калачниковъ, трактирщиковъ и тому подобной шумной братіи, народившейся уже изъ мѣстныхъ крестьянъ. Это были, преимущественно, русскіе, потому что малороссы упорно держались за землю и переходили къ другому труду только въ крайнемъ случаѣ. Торговое сословіе было веселое, крикливое, прочно одѣтое, и когда въ зимній торговый вечеръ сотни керосиновыхъ фонарей взвивались надъ многочисленными лавочками, ларьками, санками и стоялъ шумъ отъ множества голосовъ, весело разносившихся въ морозномъ воздухѣ, то чувствовалось, какъ кипитъ жизнь, какъ хороши и здоровый ядреный воздухъ, и человѣческая дѣятельность.

Вторымъ сословіемъ были ремесленники: кузнецы, плотники, шорники, портные, сапожники, но ихъ было немного, кромѣ кузнецовъ, у которыхъ былъ цѣлый кварталъ кузницъ на берегу впадавшаго въ рѣку озера. Здѣсь они ковали, стучали, пили и дрались, потому что любили выпить лишнее. Много мелкихъ торговцевъ и немало ремесленниковъ еще не порывали связи съ землей: имѣли огороды, сады, а лѣтомъ отправлялись на жнитво къ купцамъ и помѣщикамъ.

Насколько я помню, весь этотъ народъ отличался жизнерадостностью настроенія. Накопившаяся вѣками сила въ здоровомъ земледѣльческомъ трудѣ энергично разряжалась въ сравнительно новой и несложной обстановкѣ. Они трудились, справляли праздники, ссорились, наживали и проживали деньги, обвѣшивали, обмѣривали, или старались составить себѣ репутацію полезной честностью, и дѣлали все это словно дѣти, только-что посту-

пившія въ школу. Изворотливость, дѣловитость, словомъ, умѣнье нажить деньгу—было для нихъ вполнѣ понятнымъ и желаннымъ идеаломъ. Они легко усвоивали внѣшніе признаки культуры—заводили часы, калоши, любили хорошо одѣться, употреблять новыя слова, въ домахъ заводили чистоту, на окнахъ—цвѣты и занавѣски, на стѣнахъ—картинки, и ко всему этому относились съ особенною любовью и нѣжностью. Они быстро усвоили пользу грамоты и отдавали своихъ дѣтей учиться въ школу, чтили силу закона и крѣпкую власть, ограждающую неприкосновенность ихъ лавокъ и свободу торговать. Они съ удовольствіемъ ходили въ трактиръ, гдѣ ночью было такъ свѣтло, шумно и весело, гдѣ играла городская музыка и висѣли по стѣнамъ зеркала и веселыя картинки.

Гораздо скромнѣе, суровѣе и проще было третье, самое многочисленное сословіе—коренные земледѣльцы. На нихъ еще лежала печать старины, которая ни на комъ такъ долго не лежитъ, какъ на земледѣльцѣ. Идя по ихъ тихимъ, пустыннымъ улицамъ, между хатъ, большею частью построенныхъ по тому же плану, по которому онѣ строились и двѣсти лѣтъ назадъ, невольно думаешь, что жизнь есть нѣчто необыкновенно устойчивое, и если движется впередъ, то не быстрѣе часовой стрѣлки. Кажется, что одна и та же Оксана посматриваетъ въ оконце по вечерамъ въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ, и то же дерево стоитъ, и лежитъ въ пыли близъ воротъ та же свинья съ поросятами. Но нѣтъ: много уже этихъ Оксанъ лежитъ на кладбищѣ, много деревьевъ смѣнилось передъ оконцемъ и чортова гибель этихъ свиней были уже вкусными малороссійскими колбасами, саломъ, просто свининой и поросятиной. Только сохранилась въ чистотѣ старая картина, какъ сохранилась и поется по вечерамъ старинная пѣсня. Въ этой живучести старины, воскресающей въ своихъ лучшихъ-моментахъ, заключается драма многихъ чуткихъ людей, которыхъ, съ одной стороны, жизнь зоветъ впередъ, а съ другой—показываетъ окутанные розовымъ туманомъ забытые родные берега.

Въ описываемое время земельная нужда еще не ощущалась такъ остро. Урожаи были хорошіе, арендныя цѣны были еще невелики. Но равновѣсіе уже было давно нарушено и часть земледѣльцевъ отлила къ торговлѣ и ремесламъ. Однако все это дѣлалось постепенно, незамѣтно, не вызывало особыхъ размышленій, и земледѣльцы, оставшіеся вѣрными своей землѣ, вѣрили въ нее больше, чѣмъ во что-либо другое, и были тверды, упрямы и полны достоинства. Они дѣлились на бога-

тыхъ и бѣдныхъ, но жили одинаково, смотрѣли на вещи одинаково. Богатый старался сохранить свое богатство, а если Богъ пошлетъ удачу, то и пріумножить его, а бѣдный стремился быть побогаче. Особыхъ бѣдняковъ, кажется, не было, кромѣ развѣ безпріютныхъ вдовъ и стариковъ. Послѣдніе составляли компаніи и ходили, увѣшанные мѣшками, пò-міру, пѣли подъ окнами, на ярмаркѣ, на базарѣ, и тѣмъ кормились, спасая въ то же время и свои души, и души тѣхъ, которые подавали.

Въ семьѣ нашихъ родственниковъ Кожановъ случилось несчастье. Дѣдушка Матвѣй, дядя моего отца, обрилъ себѣ бороду, усы, брови и остригъ себѣ голову нà-голо. Объ этомъ намъ сообщила его сестра, бабушка Катерина. Она плакала и смѣялась. Отецъ хохоталъ. Моя бабушка качала головой и грустно говорила:

— Смотрите, добрые люди, до чего дошелъ старый дуракъ!

Дѣйствительно, случай былъ небывалый и неслыханный въ слободѣ. Степенный мужикъ, которому было уже пятьдесятъ лѣтъ, считавшійся книжникомъ и разумникомъ, вдругъ совершилъ надъ собой такую смѣшную и позорную операцію. Меня это заинтересовало. Я потихоньку вышелъ изъ хаты и побѣжалъ къ хатѣ Кожановъ, которая стояла черезъ три двора отъ насъ. Сквозь сѣтку сумерекъ я увидѣлъ небольшія кучки народа, который разговаривалъ и смѣялся, и мальчишекъ, которые бѣгали между большими и дрались. Окна хаты Кожановъ были плотно закрыты ставнями, и хотя любопытствующіе хотѣли увидѣть что-нибудь въ хатѣ сквозь щели, но ничего не видѣли. Я тоже посмотрѣлъ, но ничего не видѣлъ.

— Теперь нашъ Матвѣй прямо въ рай попадетъ,—говорилъ кто-то изъ мужиковъ.

— Въ рай не въ рай, а въ холодное мѣсто не попадетъ: чтобъ голову не простудилъ.

— Братцы, онъ теперь всѣхъ святыхъ отцовъ перещеголялъ! Тѣ не стриглись и не брились. Ха! ха! ха!

Въ хатѣ Кожановъ было тихо, точно тамъ никто не жилъ. Я вошелъ во дворъ и совершенно незамѣтно попалъ на погребицу, въ которой сидѣла жена Матвѣя съ дочерью и безмолвно плакала, утирая глаза передникомъ.

— Петро, ты что̀ тутъ шляешься? — громкимъ шопотомъ обратилась ко мнѣ дочь.

— Я... такъ...

Ея мать поманила меня къ себѣ, посадила на колѣни и

начала гладить по головѣ. Откуда-то появился крендель, который я съ аппетитомъ началъ ѣсть.

Наступала темная и теплая сентябрьская ночь. Въ дверь погребицы, противъ которой мы сидѣли, были видны сверкающія звѣзды и скворешница, бѣжавшая отъ темной соломенной крыши къ небу. На улицѣ постепенно замиралъ гомонъ и гдѣ-то вдалекѣ по дорогѣ лѣниво скрипѣла телѣга.

Дѣдушка Матвѣй еще лѣтъ шесть тому назадъ пересталъ заниматься хозяйствомъ и началъ бродить по святымъ мѣстамъ. Ни его жена, добрая и тихая женщина, ни женатый сынъ, ни подростающія дочери этимъ не тяготились. Они жили своей жизнью, пристроились къ торговлѣ, копались въ огородѣ, немного работали въ полѣ и жили сравнительно недурно. Дѣдушка пропадалъ по году, по два, потомъ заявлялся съ душеспасительными книжками, картинками, съ цѣлебной водой, много разсказывалъ о святыхъ мѣстахъ, о монастыряхъ, гдѣ онъ жилъ, отдыхалъ нѣкоторое время, затѣмъ начиналъ дѣятельно работать по хозяйству; но приходило время, онъ охладѣвалъ къ „земному" дѣлу и снова отправлялся на поиски иной, „спасительной" жизни. Теперь случилось не такъ. Онъ объявилъ, что ни монастыри, ни святыя мѣста спасти человѣка не могутъ, что духъ Божій отошелъ отъ нихъ и что въ монастыряхъ теперь живутъ лѣнтяи, пьяницы и прелюбодѣи. Спасаться теперь нужно въ „мірѣ"; передъ лицомъ всѣхъ нужно бороться съ соблазнами... И результатомъ подобныхъ разсужденій и явился поразившій всѣхъ фактъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, я уснулъ на колѣняхъ у доброй старушки. Когда я проснулся, то, еще не раскрывая глазъ, узналъ, что я лежу на рукахъ моего отца, разговаривающаго съ дѣдушкой Матвѣемъ. Я забылъ все случившееся, и потому, не любопытствуя, поискалъ головой мѣста на плечѣ у отца поудобнѣе и снова началъ дремать. Но они слишкомъ громко разговаривали, и я невольно раскрылъ глаза и чуть не вскрикнулъ. Передо мной, освѣщенный маленькой лампой на столѣ, стоялъ въ старой сѣрой свиткѣ совершенно безволосый человѣкъ. Но я быстро успокоился, когда страшный незнакомецъ заговорилъ голосомъ дѣдушки Матвѣя; а когда онъ засмѣялся и его острые глаза сверкнули юморомъ, я понялъ, что это и есть теперешній дѣдушка Матвѣй. Мы стояли въ той же погребицѣ, но женщинъ уже здѣсь не было: онѣ ушли въ хату, а дѣдушка, видимо, перекочевалъ на ночь сюда.

— Спасайся себѣ, сколько хочешь,—говорилъ обиженнымъ

голосомъ отецъ, — а зачѣмъ себя на смѣхъ подымать? Черезъ тебя и намъ конфузно.

— „Заблуждаетесь, не вѣдуще Писанія, ни силы Божія,“ — отвѣчалъ дѣдъ: — коли конфузно, то отрекитесь отъ меня, не знайте меня. Вы хотите, чтобы я ради васъ отступилъ отъ правыхъ стезей Господнихъ! — „Возьми крестъ свой и гряди за мною“ — говорилъ Спаситель; „правыми творите стези его“. А вы хотите, чтобы я крестъ упряталъ въ пазуху и шелъ бы съ нимъ по переулкамъ, какъ воръ съ горохомъ, — и дѣдушка засмѣялся.

— Дивлюсь я на тебя, Григорій, — снова заговорилъ дѣдушка: — ты не баба и Писаніе немного понимаешь, а жалуешься, что я свою личину перемѣнилъ. Или ты не видишь, что я ее ради Христа помолодилъ?

И дѣдушка погладилъ себя по бритымъ щекамъ. Отецъ засмѣялся и сказалъ:

— Кто же когда бороду и брови брилъ для спасенія души?

— Многіе отцы святые брили. И теперь католики-попы головы и бороды брѣютъ. А что брови я обрилъ, то изъ великой моей ревности передъ Господомъ. Говорю тебѣ: обо мнѣ не думай. Я дѣлаю то, что̀ у меня на душѣ есть. Какая наша жизнь! — склока одна. Въ поле выѣдешь — злоба: земли нѣтъ. Въ лѣсъ выѣдешь — лѣсъ чужой, а денегъ нѣтъ, и опять грѣхъ и злоба. На базаръ выйдешь — лихоимство, божба, обманъ и злоба, что мало продалъ, и вездѣ, куда ни сунься — семь ярусовъ небесныхъ, тамъ вѣчная жизнь, тамъ ни печали, ни воздыханія. Подъ нами — преисподняя. И какъ посмотришь: человѣкъ съ поля, съ базара, съ жениной постели прямо идетъ не на свѣтлое небо, а въ преисподнюю, изъ малаго ада идетъ въ великій. Нѣтъ, я понялъ, куда и какъ мнѣ идти! Женитесь, плодитесь, наполняйте и обрабатывайте землю, а я буду пѣть Богу моему, дондеже есмь.

Онъ досталъ съ полки церковную книгу въ кожаномъ переплетѣ и сталъ зажигать восковую свѣчу.

— Ну, прощай, дядько, — сказалъ отецъ, видя, что ему здѣсь дѣлать больше нечего: — только, знаешь, передъ товарищами совѣстно...

— Ну, мнѣ передъ самимъ Богомъ будетъ совѣстно, коли я уступлю Его твоимъ товарищамъ. Прощай!

Мы вышли съ отцомъ на улицу. Темныя хаты кое-гдѣ мерцали красненькими огоньками. Гдѣ-то далеко дивчата пѣли пѣсню. Было такъ тепло и уютно. Всѣ окружавшія насъ хаты были мнѣ прекрасно знакомы, и каждая казалась мнѣ цѣлымъ инте-

ресньмъ міромъ. Каждая хата походила на своего хозяина. Теперь онѣ сомкнули свои деревянныя вѣки-ставни и мирно спятъ, охраняемыя спящими собаками и караульщикомъ съ колотушкой. А подъ ними, подъ землей, на которой онѣ стоятъ, горитъ и пылаетъ ужасная преисподняя, о которой такъ хорошо знаетъ дѣдушка, бьющій теперь на погребицѣ поклоны.

Дѣдушка Матвѣй не ограничился бритьемъ головы и лица и домашней молитвой. Онъ сшилъ себѣ нѣчто вродѣ бѣлаго холщеваго полукафтанья, нашилъ шапку на шапку, въ которыя была вложена просфора, вырѣзалъ длинную палку съ крестомъ наверху, и началъ ходить по слободѣ, напѣвая псалмы и обличая грѣшниковъ. Грѣшниковъ въ слободѣ было болѣе, чѣмъ достаточно, и недостатка въ душеспасительной работѣ не было, но, къ сожалѣнію, грѣшники были совершенно неисправимы. Большею частью проповѣдь дѣдушки вызывала въ нихъ неистощимую веселость, особенно если это были лавочники, которымъ въ небазарные дни дѣлать почти нечего. Занятый дѣломъ грѣшникъ, въ случаѣ если дѣдушка наступалъ на него съ обличеньемъ, досадливо махалъ рукой и говорилъ: „отойди отъ меня, дуракъ!" — и дѣдушка отходилъ, — такова была его манера; онъ не любилъ привязываться къ людямъ, и кромѣ этого, ни одного грѣшника, будь то отъявленный плутъ, пьяница, бабникъ, дѣдушка не изводилъ фактами изъ его жизни, и вообще старался не озлить человѣка, а пробудить въ немъ воспоминаніе о Богѣ, добродѣтели и загробномъ воздаяніи. Но меньше всего дѣдушка давалъ спуску лавочникамъ.

— Миръ дому сему! — подходилъ дѣдушка къ хлѣбной лавкѣ, гдѣ черезъ широкую, обитую желѣзомъ дверь были видны громадные вѣсы па цѣпяхъ съ саженной скалой и мѣрой.

— Здравствуйте, — отвѣчалъ приказчикъ съ сытымъ, довольнымъ лицомъ и въ тепломъ романовскомъ полушубкѣ: — Ну, какъ подвигается спасеніе души? — и глаза приказчика плутовато щурятся. Изъ глубины лавки подвигаются другой, третій.

— Нѣтъ, вы мнѣ скажите: много ли вы обобрали бѣдныхъ мужиковъ, которые въ потѣ лица добываютъ хлѣбъ свой? Къ чему эти вѣсы, эти гири и начертаніе на нихъ? На гирѣ написано два пуда, а вы захотите — и въ ней будетъ пудъ тридцать фунтовъ и два пуда десять фунтовъ. У васъ на стѣнѣ висятъ счеты, и когда вы покупаете у бѣднаго крестьянина хлѣбъ, то скащиваете, чтобы была ровная цифра, лишніе фунты, еще

скащиваете на мѣшокъ, а почему вы не прикидываете мужицкій трудъ и заботу? А? Горе вамъ! Истинно Спаситель сказалъ: „Эти люди устами чтутъ меня, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ мене“.

— Дядя,—вдругъ, ни съ того, ни съ сего, заговоритъ приказчикъ:—а вѣдь ты дуракъ!

— А зачѣмъ у тебя такая шапка высокая?—спрашиваетъ другой.

— А это онъ на всякій случай, чтобъ кто голову коломъ не пробилъ,—замѣчаетъ третій.

— Богъ съ вами, — говоритъ дѣдушка и уходитъ дальше. Въ душѣ онъ далеко не такъ смиренъ и добродушенъ, но онъ сдерживаетъ себя, потому что знаетъ, что чѣмъ громче обличающее слово, тѣмъ болѣе смѣха и злобы оно вызоветъ. Ахъ, какъ надъ нимъ иногда смѣялись! Я думаю, что этотъ смѣхъ разрывалъ на части его сердце, и дѣду хотѣлось броситься на этихъ глупыхъ самодовольныхъ людей и растоптать ихъ ногами. Но развѣ онъ могъ ихъ растоптать?! И разстроенный, измученный, онъ уходилъ домой.

Дѣдъ недолго проповѣдывалъ. Посидѣвъ два раза въ кутузкѣ и однажды избитый двумя пьяными купчиками, онъ было воспрянулъ духомъ и усилилъ на время проповѣдническую дѣятельность, но вскорѣ остылъ, и его прогулки по слободѣ скорѣе были отдыхомъ отъ утомительныхъ моленій у себя на дому. Онъ добродушно разговаривалъ съ крестьянами, шутилъ, смѣялся и, отдохнувши такимъ образомъ, снова отправлялся къ себѣ и начиналъ молиться. Проповѣдь его никакого успѣха не имѣла.

Дѣдушка вырылъ себѣ въ хатѣ подъ поломъ довольно большой погребъ, обложилъ его камнемъ и назвалъ пещерой. Въ пещерѣ онъ поставилъ столъ, повѣсилъ икону, положилъ на столъ лошадиный черепъ и началъ совершать моленія. Лошадиный черепъ служилъ у него вмѣсто человѣческаго, передъ какимъ молились пустынники, но такого дѣдушка достать себѣ не могъ. Цѣлыя ночи онъ выстаивалъ въ своемъ погребѣ-пещерѣ, читая псалтирь и акафисты. Въ пещерѣ было довольно холодно, и дѣдъ однажды надумалъ ее натопить: натаскалъ туда соломы и зажегъ. Дымъ поднялся въ хату, изъ хаты пошелъ въ окна, въ двери, на улицу. Сбѣжался народъ, прискакали пожарные, пріѣхалъ старшина, бросился на дѣда чуть ли не съ кулаками и приказалъ пещеру забить. Дѣдъ самъ смѣялся надъ своей неудавшейся затѣей и, за неимѣніемъ пещеры, повѣсилъ лошадиный черепъ на воротахъ.

Центромъ моего міра была наша хата, съ розовыми занавѣсками на окнахъ, съ иконами въ углу и цвѣтными портретами героевъ русско-турецкой войны на стѣнахъ. Въ этой хатѣ, построенной нѣкогда миѳическимъ дѣдомъ, родились мой отецъ и я; въ ней происходили всѣ важнѣйшія семейныя событія, къ ней были приложены всѣ заботы бабушки и матери. Она была чѣмъ-то безконечно добрымъ и живымъ, и когда по всему міру бушевала вьюга, и морозила, и заметала снѣгомъ все существующее, хата нахохливалась, закрывалась и заботливо охраняла отъ грознаго внѣшняго міра всю семью, все дорогое мнѣ. Вѣтеръ печально вылъ и пѣлъ въ трубѣ и у закрытыхъ ставенъ, и эти пѣсни такъ пріятно слушать, лежа на теплой печкѣ, или сидя съ отцомъ и матерью у шумящаго самовара. Когда на слободу день и ночь лилъ холодный осенній дождь и вся земля снаружи превращалась въ черное тѣсто, скотина пряталась въ хлѣвахъ и сараяхъ, куры—въ курятникахъ, собаки—подъ амбарами и крыльцами, и было такъ печально и грустно,—внутри хаты было тепло и сухо, шла жизнь и пахло горячими калачами. Въ теплый же майскій день, когда дождь вспрыскивалъ землю, сады и огороды, и ароматъ весны носился по всѣмъ улицамъ, вмѣстѣ съ праздничнымъ говоромъ, шумомъ и пѣснями, хата раскрывала свои оконца, распахивала дверь и впитывала въ себя жизнь, ароматъ и солнце.

На всѣ стороны отъ нашей хаты разстилался міръ. Для меня онъ кончался вскорѣ за нашимъ лѣсомъ, для бабушки и матери онъ шелъ нѣсколько дальше лѣса, для отца—еще дальше. Но всѣ дороги вели къ нашей хатѣ, и по мѣрѣ приближенія къ ней міръ становился реальнѣе, милѣе, безопаснѣе. Тамъ, за слободой, было непонятно и жутко. Въ лѣсу жили лѣшіе и разбойники, въ городахъ, расположенныхъ за лѣсомъ, совершались неслыханныя дѣла, а у насъ было все знакомо, безопасно и надежно. Къ намъ все сходилось и отъ насъ расходилось. Откуда-то изъ губернскаго города пріѣзжала къ намъ бабушкина сестра, потомъ уѣзжала и снова пріѣзжала. Къ намъ приходили люди побесѣдовать, послушать зимнимъ вечеромъ, какъ отецъ читаетъ вслухъ душеспасительную книгу: „Училище благочестія“, и уходили. И эта хата, этотъ центръ міра былъ „свой“, „нашъ“, въ нѣкоторомъ родѣ оболочка нашей семьи, нашихъ родственныхъ преданій и устоевъ.

Но отецъ мой думалъ, видимо, иначе. Онъ рѣшилъ продать хату, а съ нею и дворъ, и маленькій садъ, въ которомъ я не помню яблоковъ, но помню блестящія замерзшія капли на вѣт-

вахъ, помню глубокій рыхлый снѣгъ, обвѣянный теплымъ дыханіемъ западнаго вѣтра, и отпечатки ногъ вороны, и темносиній горизонтъ, на которомъ деревья нашего сада рисовались странными, загадочными очертаніями. Я помню эту сказку, эту безконечно нѣжную пѣсню моего дѣтства, эту несуществующую жизнь, эту музыку-мечту, бывшую въ воплощеніи. И отецъ продалъ и домъ, и садъ, и дворъ, и землянку въ саду...

Когда мы выбирались изъ хаты на квартиру къ одному крестьянину, моя мать отъ рыданій упала въ обморокъ. Она потомъ съумѣла отомстить отцу за эту проданную „свою" хату, какой уже потомъ никогда не было пріобрѣтено. Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, въ которыя отецъ рыскалъ по свѣту въ поискахъ новой жизни, мать въ часы отдыха собирала своихъ маленькихъ дѣтей въ кружокъ и говорила имъ длинныя, пропитанныя глубокой нѣжностью, рѣчи о томъ, что у нихъ была своя хата, свой уголокъ, свой дворъ и землянка. Она говорила, что у нихъ была старая славная собака Кирсанъ, которая хитрымъ манеромъ пробиралась въ непогоду въ сѣни, что на дворѣ передъ окномъ стояла березка, посаженная бабушкой, и на нее садился пріученный голубь и смотрѣлъ въ окно, прося пищи, —что у самаго плетня росли шампиньоны. Дѣти, слушая разсказы матери, полюбили эту несуществующую уже хату, мечтали о ней, видѣли ее во снѣ и обвиняли въ душѣ отца, который рѣшился ее продать.

Послѣ продажи хаты мы перебрались въ хату одного крестьянина, который жилъ съ своей семьей гдѣ-то на сторонѣ. Отецъ рѣшилъ заняться земледѣліемъ и торговать только во время ярмарки, и чувствовалъ себя превосходно. Ради земледѣлія онъ и хату продалъ, потому что у него не было денегъ на обзаведеніе. Онъ говорилъ, что его тянетъ къ себѣ поле, что онъ хочетъ быть настоящимъ крестьяниномъ, и надѣялся купить себѣ новую хату. Наступила весна. Выѣхали крестьяне въ поле, выѣхалъ мой отецъ, а вслѣдъ за этимъ и я сталъ бѣгать въ поле съ своими товарищами.

Отцу было трудно. Онъ не имѣлъ своего инвентаря, никого не имѣлъ помощниковъ, кромѣ матери и бабушки. Но у матери было на рукахъ трое дѣтей, а бабушка жила своимъ домомъ и ходила въ поле только урывками. Отецъ нанималъ крестьянъ, но при небольшомъ посѣвѣ это было невыгодно, и притомъ отецъ никогда не отличался замашками хозяина. Онъ давалъ хорошую плату, обращался съ помощниками по-товарищески, хорошо

кормилъ и не изводилъ работой. У крестьянъ-постоянныхъ землевладѣльцевъ земледашество было искони налаженной машиной. У нихъ были всѣ необходимыя мелочи, свои амбары, гумна, половники. Каждый членъ семейства инстинктивно прилаживался къ той или другой работѣ. У нихъ не пропадали ни солома, ни трава изъ огорода, ни навозъ изъ хлѣвовъ. Работая неустанно и неприхотливо питаясь, они невольно заставляли такъ работать, питаться и цѣнить каждую копѣйку и своихъ рабочихъ, если таковые у нихъ имѣлись. Отецъ не имѣлъ ни подобныхъ качествъ, ни подобной обстановки... Своей земли была только десятина, остальная была арендованная. Эта земля требовала, чтобы потребности были какъ можно больше съужены,—иначе отъ трудовъ всего лѣта останутся въ награду только нѣсколько возовъ мякины, которую можно продать по три копѣйки возъ. Нѣчто подобное случилось и съ моимъ отцомъ.

Кромѣ нивы, у насъ была небольшая бахча за слободой, на небольшомъ островѣ. Это былъ красивый, уютный островокъ среди полузеленой воды, прикрытый лѣсомъ съ одной стороны рѣки. Съ одной стороны островокъ отдѣлялся отъ берега узенькимъ протокомъ съ тремя бревнами и хворостомъ, положенными поперекъ. Отецъ восхищался этимъ мѣстомъ и, можетъ быть, только поэтому и снялъ его для бахчи, такъ какъ для арбузовъ и дынь это мѣсто не было особенно подходящимъ.

— Дядько,—сообщилъ однажды онъ дѣду Матвѣю:—вотъ бы гдѣ тебѣ пещеру устроить: у насъ на бахчѣ! Ну и мѣсто! Какъ нарочно устроено для спасенія души!

— А гдѣ?

— А тамъ, у лимана, недалеко отъ Чепурного огорода.

Черезъ три дня, во время посадки огурцовъ, уже дѣдъ копалъ себѣ на островкѣ пещеру. Не ограничившись одной, онъ выкопалъ себѣ на самомъ высокомъ мѣстѣ и другую.

Стояли чудесные лѣтніе дни. Еще маленькіе арбузы, тыквы и дыни привольно валялись по островку. Сотни огурцовъ, молоденькихъ и порыжѣлыхъ, выглядывали изъ длинныхъ спутавшихся плетей съ листьями. Кое-гдѣ стояли большія дикія яблони. Двѣ грядки рѣпы, моркови, луку и укропу словно охранялись высокими головастыми подсолнечниками. Жужжали пчелы. Кругомъ островка блестѣла вода, въ которой небольшими стайками ходили поверху красноперые окуни, проходила одинокая лѣнивая плотва и время отъ времени изъ глубины къ берегу выплывалъ ракъ и долго смотрѣлъ вверхъ выпуклыми „рачьими“ глазами, потомъ быстро давалъ заднiй ходъ и снова скрывался въ глубинѣ. Я си-

дѣлъ на берегу и смотрѣлъ на воду, на рыбокъ, на деревья на томъ берегу. Стояла необыкновенная тишина, нарушаемая только жужжаньемъ пчелы, щебетомъ промелькнувшей ласточки, залетѣвшей съ какого-нибудь огорода пѣсней. Съ высоты отъ сверкающаго въ небѣ солнца лились свѣтъ, тепло, благодатная сила жизни. Все трепетало жизнью, все неутомимо росло и... молчало.

Изъ холодной, темной и сырой пещеры вышелъ дѣдушка. Въ бѣлой холщевой рубахѣ и такихъ же шароварахъ, онъ стоялъ какъ истуканъ на пригоркѣ, потомъ поднялъ руки кверху, разминался и съ удовольствіемъ грѣлся въ теплыхъ лучахъ солнца.

У дѣда уже отросли волоса, но уже не черные, а полусѣдые. Но лицо у него было попрежнему бодрое и добродушное, съ живыми, иногда веселыми глазами. Такъ какъ дѣдъ почти всегда со мной шутилъ, то мнѣ казалось, что онъ ничего не дѣлаетъ въ серьёзъ, а только шутитъ и морочитъ людей. Кромѣ того, я зналъ за нимъ факты, которые мнѣ были гораздо понятнѣе, чѣмъ что-либо другое въ дѣдѣ, и по этимъ фактамъ дѣдъ несомнѣнно являлся большимъ шутникомъ и забавникомъ. Однажды весной въ темный вечеръ моя бабушка была одна въ еще непроданной тогда землянкѣ. Она разводила тѣсто въ большомъ корытѣ. Поставивъ тѣсто, она вымыла руки и начала ставить самоваръ. Въ это время къ землянкѣ подходилъ дѣдушка, по обыкновенію весь въ бѣломъ. Замѣтивъ, что въ землянкѣ только одна бабушка, онъ подошелъ къ окну, поднялъ кверху руки и закинулъ вверхъ голову. Кругомъ было темно и никого не было. Случайно взглянувши на окно, бабушка вдругъ вскрикнула и присѣла на мѣшокъ съ мукой. Дѣдушка захохоталъ. Онъ былъ такъ радъ, что такъ удачно напугалъ бабушку, что долго не могъ успокоиться и долго стоялъ у землянки и качался отъ хохота. Въ это время къ землянкѣ подходилъ я и все узналъ.

Въ другой разъ, сестра его жены позвала послѣднюю къ себѣ ночевать. Она была дома одна, потому что ея мужъ и дѣти были гдѣ-то въ отъѣздѣ. Дѣло было осенью; ночи стояли долгія и темныя, и потому эта женщина одна ночевать боялась. Жили они рядомъ съ Кожанами, съ дѣдомъ, то-есть. Ночью дѣдъ вышелъ изъ своей хаты, взялъ длинную вѣтку и, замѣтивъ, что женщины еще не спятъ, началъ водить и постукивать вѣткой по хатѣ. Бѣдныя женщины переполошились. Онѣ крѣпко увязали полотенцемъ и ухватомъ дверь, начали молиться и даже зажгли лампаду. *Оно* не унималось, ползало и постукивало по стѣнамъ,

шептало, шуршало и довело женщинъ до того, что онѣ устали молиться и собирались уже плакать и кричать караулъ. Дѣдъ, довольный шуткой, оставилъ ихъ и пошелъ къ себѣ молиться. Были за дѣдомъ и другія проказы.

— Ну, Петрусь, сидишь?—вдругъ неожиданно подошелъ ко мнѣ дѣдъ.

— Сижу.

— Бахчу караулишь? Отъ птицъ небесныхъ, которыя ни сѣютъ, ни жнутъ? Хе-хе! Гони ихъ, негодныхъ, въ шею! Хе-хе!

Онъ сѣлъ рядомъ со мной.

— Сколько тебѣ лѣтъ?—спросилъ онъ, помолчавъ.

— Осенью будетъ семь.

— Это хорошо. Скоро будешь отрокъ. Теперь ты дитя, а съ семи лѣтъ будешь отрокъ; грамотѣ будешь учиться.

— Я ужъ умѣю.

— Господи Іисусе!.. Да развѣ это правда?—удивился онъ. Можетъ быть, ты только *азъ* знаешь? — прибавилъ онъ гораздо спокойнѣе.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ я задорно, — я и часословъ читалъ, „Родное Слово“ все знаю!

— Господи!—снова, не то сокрушенно, не то глубоко удивившись, качалъ онъ головой. — Пришли послѣднія времена: такое маленькое дитя, цыпленокъ, поросенокъ, и уже читалъ часословъ, гражданскую грамоту знаетъ! А мы!... въ тридцать лѣтъ аза въ глаза не видалъ. Ну, разскажи, что ты читалъ.

— Воронъ къ ворону летитъ,
Воронъ ворону кричитъ...

—началъ я отжаривать, вспомнивъ свои любимые стихи изъ „Родного Слова“.

Дѣдъ внимательно прослушалъ нѣсколько стихотвореній и сказку о старичкѣ со старушкой и собачкѣ пустолаечкѣ.

— Вотъ оно какъ!—сказалъ дѣдъ уже иронически:—и собачка, и кошечка, а о Богѣ ни слова! А Богъ-то всему начало. Вонъ рыбка ходитъ; она, може, Бога не знаетъ, а знаетъ щуку, а человѣкъ долженъ знать Бога... Ты хоть и грамотенъ уже, да глупъ еще—понятія у тебя еще нѣтъ. Все-таки скажу тебѣ: видишь, вотъ небо, земля, вода и „все еже на небеси горѣ, и на земли низу, и елика въ водахъ и подъ землею“—вездѣ, значитъ, все это сотворено, сдѣлано Господомъ, а потомъ придетъ время—и все это Господь спалитъ. А люди останутся, и ты останешься, и я останусь, всѣ останемся. Гдѣ же мы будемъ жить,

когда земли не будетъ? А вотъ гдѣ: будетъ новое небо и новая земля, и вся земля будетъ рай, а подъ землей будетъ адъ. Такъ вотъ, кто теперь заботится, чтобы ему въ томъ раю мѣсто получить, тотъ такое мѣсто получитъ. А кто теперь думаетъ только, какъ бы тутъ теперь хорошо прожить, тотъ только то и получитъ, что здѣсь, пока что, поживетъ, а умретъ и увидитъ, что онъ мѣста себѣ на томъ свѣтѣ и въ раю не заготовилъ, и поневолѣ ему придется къ чертямъ на кулички идти. И у кого тутъ больше, тамъ будетъ меньше, и чѣмъ тутъ больше, тѣмъ тамъ меньше... И будутъ послѣдніе первыми... Вотъ, когда ты подростешь, тогда, можетъ, Богъ дастъ, и поймешь, а теперь хорошо и то, если и не понимаешь. Ну, прощай, хлопчикъ!

Онъ снова вползъ въ свою пещеру, и я его уже не видалъ до самаго вечера, когда за мной заѣхалъ съ поля отецъ.

Теперь, когда я пишу эти строки, уже нѣтъ нашей старенькой церкви, въ которой крестилось, молилось, вѣнчалось и отпѣвалось нѣсколько поколѣній. Теперь выстроили новую, каменную, а старую сломали, растащили старыя деревянныя стѣны, въ которыхъ молился мой прадѣдушка, угрюмый рыжій малороссъ въ сѣрой свиткѣ и намазанныхъ дегтемъ чеботахъ. Какія думы тянулись въ его чумацкой головѣ? Вспоминалось ли ему дыханіе вольнаго степнаго вѣтра, проносился ли передъ нимъ видъ волнующагося ковыля, слышалась ли унылая одинокая пѣсня? Вспоминались ли чумацкіе ночлеги на берегу безвѣстной степной рѣчонки, вечерній костеръ и безконечные разсказы сѣдого, бывалаго чумака подъ темнымъ покровомъ окружающихъ міръ сумерекъ, подъ мерцаніе далекихъ холодныхъ звѣздъ? Думалъ ли онъ о лучшихъ минутахъ своей короткой юности, о первыхъ свиданьяхъ съ своей чернобровой невѣстой у стараго садоваго плетня, когда съ вышины майскаго неба свѣтилъ мѣсяцъ и бѣлыя, окруженныя садами и огородами, мазанки тонули въ серебристомъ сумракѣ? Носились ли въ немъ неясные образы иной, лучшей жизни и тосковала ли его душа по чемъ-то родномъ, неизвѣданномъ, и потому, что жизнь идетъ и проходитъ и подобна волнѣ, разбивающейся о темный берегъ? Неизвѣстно, что̀ было написано на вылинявшей хартіи евангелиста, нарисованнаго на церковной стѣнѣ; неизвѣстно, о чемъ думалъ и мой прадѣдъ. Да и не долго жилъ и думалъ онъ. Уже тридцати съ небольшимъ лѣтъ онъ лежалъ среди этихъ стѣнъ въ дощатой некрашеной домовинѣ. Такъ же смотрѣли еванге-

листы съ вытертыми хартіями, блудный сынъ попрежнему протягивалъ руки, упитанный телецъ все стоялъ у какого-то необыкновеннаго дерева, а около прадѣда старый дьячокъ дрожащимъ голосомъ пѣлъ: „со святыми упокой", и молоденькій попикъ небрежно помахивалъ мѣднымъ кадиломъ. Не слышалъ чумакъ, какъ горько плакала его молодая вдова, какъ печально перешоптывались старушки съ обмотанными вокругъ головъ платками. Не слышалъ уже онъ лепета двухъ березъ, которыя росли у церковныхъ воротъ и на которыхъ онъ зналъ почти каждый листокъ. Плакали родные колокола, плакалъ кривой звонарь, провожая глазомъ удалявшуюся къ кладбищу процессію. Засыпали молодого чумака землей, и лежитъ онъ въ ней, обвѣваемый вѣчностью и окруженный глубокимъ молчаливымъ мракомъ.

Черезъ пятнадцать лѣтъ, въ той же церкви, тотъ же попъ, но уже другой дьячокъ пѣли передъ моимъ дѣдомъ и бабушкой „Исаіе, ликуй", а прабабушка, уже достаточно постарѣвшая, весело шепталась съ принаряженными сродственниками и знакомыми. Въ церкви уже поновили въ куполѣ Бога-отца и на дощатой стѣнѣ изобразили притчу о милосердомъ царѣ и безжалостномъ заимодавцѣ. Дѣдъ мой уже нѣсколько понималъ значеніе всѣхъ этихъ картинъ, потому что хлопцемъ выучился у дьячка грамотѣ. Свадьбу справили весело, по-малороссійски. Крѣпко началъ жить дѣдъ, и кто знаетъ, о чемъ онъ по праздникамъ просилъ Бога, стоя на клиросѣ и усердно подпѣвая басомъ дьячку. Но поѣхалъ онъ однажды въ городъ, поѣлъ дорогой какой-то рыбы и отравился. Привезли его домой мертваго. И тѣ же попъ съ дьячкомъ отпѣли моего дѣда и пронесли его въ тѣ же ворота, въ которыя проносили его отца, и тотъ же Младенецъ Христосъ, нарисованный снаружи церкви, глядѣлъ вслѣдъ уходившему въ иной міръ дѣду. Прошло семнадцать лѣтъ. Стали вѣнчать моего отца. „Исаіе, ликуй" пѣли уже не попъ съ дьячкомъ, а цѣлый хоръ и даже по нотамъ. На свадьбѣ плясали не одни хохлы, но и русскіе.

Такъ постепенно мѣнялось время и мѣнялись люди. Пришло время, и въ этой церкви, прихожане которой ни въ чемъ прежде не сомнѣвались, появился настоящій еретикъ. Ходилъ онъ въ церковь очень не долго, но я и очень многіе другіе увидали его въ первый разъ въ церкви. Онъ становился у стѣны въ углу, и я прекрасно помню его испитое лицо, бѣлые строгіе глаза, крупный прямой носъ и всю фигуру въ крытомъ тулупѣ, строгую, съ печатью отверженности и одиночества. Всѣ боялись его, и эта боязнь сильно передалась и мнѣ, и потому-то мнѣ и памятно

суровое полубезумное лицо, бѣлые глаза и поперечныя морщины на широкомъ, открытомъ лбу.

Говорили, что каждую ночь къ его домику, находящемуся въ саду, подъѣзжаетъ карета, запряженная тройкой; изъ кареты выходятъ три чорта, входятъ въ домикъ, берутъ читающаго черныя книги Никифора, упомянутаго еретика, и увозятъ. Привозятъ его только къ утру, измученнаго и почернѣвшаго. Этому были очевидцы. Всѣ боялись ходить ночью маленькимъ переулкомъ, который шелъ около сада съ домикомъ еретика. Бабы не ходили въ домикъ даже днемъ. Дѣти улепетывали при видѣ Никифора. Былъ распространенъ слухъ, что Никифоръ парится въ банѣ только за полночь, когда люди идутъ къ утрени; парятъ его черти, причемъ предварительно натираютъ его солью. Было, дѣйствительно, страшно и отзывалось необыкновенно тяжелой чертовщиной.

Никифоръ только-что пріѣхалъ, или, скорѣе, его привезли. Пріѣхалъ онъ издалека, изъ самаго Петербурга, гдѣ сидѣлъ, говорятъ, въ каменномъ мѣшкѣ. Въ каменномъ мѣшкѣ, собственно, нельзя ни сидѣть, ни лежать, можно только стоять. Въ немъ нѣтъ ни оконъ, ни дверей, есть только небольшое отверстіе для воздуха и для принятія хлѣба и воды. Прислали Никифора съ наказомъ, чтобы ему не позволяли выѣзжать изъ Баламутъ ровно двѣнадцать лѣтъ. Дальше свѣдѣнія слобожанъ о Никифорѣ покрывались туманомъ и разноголосицей.

Для насъ, для дѣтей, къ тѣмъ вѣдьмамъ и оборотнямъ, которые принимали по вечерамъ и ночью образъ свиней, телятъ, почему мы иногда вечеромъ улепетывали отъ какого-нибудь заплутавшагося въ переулкѣ теленка, присоединялся еще страшный образъ Никифора. Вѣдьмы и домовые были народъ привычный, а главное, болѣе или менѣе скрывающійся, неуловимый. Мы знали отъ нихъ разныя средства. Но Никифоръ былъ вполнѣ реаленъ, средства противъ него были неизвѣстны, и наша боязнь передъ нимъ была тяжелая и непріятная.

Былъ зимній вечеръ. Я уже лежалъ на теплой широкой печкѣ и спалъ. Проснувшись, я увидѣлъ въ хатѣ необычную картину. Кругомъ стола, около маленькой лампы, сидѣли и разговаривали мой отецъ, дѣдушка Матвѣй, одинъ мѣстный приказчикъ и... Никифоръ. Передъ ними лежало нѣсколько книгъ въ желтыхъ кожаныхъ переплетахъ. Маленькая лампа, освѣщая ихъ серьезныя лица, бросала отъ ихъ фигуръ большія темныя

тѣни на стѣны и полъ. Въ комнатѣ было жутко. За окномъ гудѣлъ вѣтеръ и что-то подозрительно постукивало о ставень.

Я хотѣлъ было испугаться, но, видя, что здѣсь сидитъ мой отецъ, на полатяхъ спитъ мать, и вспомнивъ, что у насъ даже есть фотографическая карточка Никифора, подумалъ, что по этимъ причинамъ мнѣ бояться нечего, и потому продолжалъ спокойно лежать и слушать.

Говорилъ Никифоръ. Онъ спокойно, съ особой авторитетностью, говорилъ объ Антихристѣ. Я зналъ, что Антихристъ—другъ самого Сатаны и передъ вторымъ пришествіемъ будетъ подгонять людей подъ свою вѣру. Я видѣлъ раскрашенную картину „Жизнь и погибель Антихриста", гдѣ не мало было нарисовано чертей, идоловъ, пламени, и гдѣ Антихристъ удираетъ отъ Іисуса Христа на рыжемъ конѣ. Теперь же Никифоръ говорилъ, что Антихриста не будетъ, потому что онъ уже есть, онъ живетъ среди насъ невидимо, „духовно", и каждый день онъ прикладываетъ свои печати. Никифоръ развертывалъ книги и читалъ въ нихъ текстъ за текстомъ, доказывая свою мысль. Дѣдъ сердито ворочался на скамьѣ и время отъ времени грубо вскрикивалъ: „Врешь ты! это не такъ нужно понимать!" Приказчикъ сыпалъ мелкимъ говоркомъ, читалъ съ удареніемъ и доказывалъ вмѣстѣ съ дѣдомъ, что Антихристъ будетъ. Отецъ все время молчалъ и слушалъ. Постепенно споръ разгорался. Дѣдъ выходилъ изъ себя, ходилъ по комнатѣ и дошелъ до того, что подошелъ вплотную къ Никифору и, тыча его пальцемъ въ грудь, съ чувствомъ произнесъ: „Ты—предтеча Антихриста!" Никифоръ спокойно отвѣтилъ: „Сказать все можно; ты мнѣ докажи, что Антихристъ будетъ въ чувственномъ видѣ". Но доказывалъ, главнымъ образомъ, приказчикъ: онъ быстро переворачивалъ страницы, читалъ и сыпалъ разсужденіями. Никифоръ невозмутимо выслушивалъ и въ свою очередь начиналъ читать и доказывать. Дѣдъ кипятился.

— Никифоръ!—наконецъ закричалъ онъ:—развѣ можно сомнѣваться въ словѣ Божіемъ?! Я тебѣ опять говорю: ты—предтеча Антихриста! Ты и слово Божіе подгоняешь подъ его вѣру! Развѣ я не вижу!

— Съ тобой, Матвѣй Петровичъ, бесѣдовать нельзя,—отвѣчалъ Никифоръ:—Слово Божіе писано для людей, и они толкуютъ его. Библія одна, а вѣръ отъ нея развелось много. Какъ же узнать, какая вѣра настоящая? Для этого мы должны посмотрѣть на жизнь. По жизни мы узнаемъ, какая истинная вѣра. Посмотри на теперешнюю жизнь и людей: развѣ можно думать,

что эти люди вѣрятъ въ настоящаго Бога, въ Христа и въ Писаніе? Они вѣрятъ въ Антихриста!

— Ты развратитель людей! Ты—чадо Сатаны!—кричалъ уже вышедшій изъ себя дѣдъ и билъ себя въ грудь.

На этомъ и кончилось собесѣдованіе.

Но оно было только первымъ. За нимъ послѣдовали другія. Спускалась на землю зимняя ночь. Запирались домики, хаты и избушки. Забиралось человѣчество на горячія печки и полати. Домовые спускались съ чердаковъ, вылѣзали изъ-за печекъ и незамѣтно пробирались къ конюшнямъ или къ спящимъ людямъ, а въ это время въ нашу хату приходили одинъ за другимъ Никифоръ, дѣдъ Матвѣй, приказчикъ Сергѣй Иванычъ. Они отряхали съ себя снѣгъ, грѣлись у печки и усаживались вокругъ стола. Развертывались книги, ставилась на средину стола лампа, качались длинныя уродливыя тѣни и начиналось собесѣдованіе. Никифоръ убѣждалъ, что уже пришло время устроить „новое небо и новую землю", что давно уже на всемъ лежитъ печать Антихриста. Эта печать—деньги. Всѣ люди думаютъ о деньгахъ и на все смотрятъ съ денежной стороны. Нужно уничтожить деньги, раздѣлить всю землю на отдѣльные участки, сдѣлать всѣхъ одинаково равными, чтобы всѣ люди были братьями одной семьи. И тогда-то и будетъ „едино стадо и единъ пастырь"— Христосъ.

Когда Никифоръ говорилъ объ этомъ, строгіе глаза его дѣлались мягкими и лучистыми. Онъ откидывалъ барашковый воротникъ своего тулупа и приподнималъ надъ книгой руку. Онъ говорилъ, что когда люди будутъ равны и когда не будетъ ни дворянъ, ни купцовъ, ни священства, а всѣ будутъ крестьяне, или, просто, люди, то они будутъ добры, справедливы, чистосердечны; весь міръ будетъ полонъ ласки, веселаго труда и уюта. Вся земля будетъ обрабатываться и будетъ садомъ Божіимъ, среди зелени и изобилія котораго будутъ жить праведники-люди. Онъ говорилъ, что придетъ время, когда въ Баламутахъ будутъ говорить, а въ Іерусалимѣ будетъ слышно.

Увы!—изъ всего, что̀ говорилъ Никифоръ, больше всего въ слободѣ распространилась послѣдняя фраза. Она, кажется, больше всего и доказывала, что Никифоръ чернокнижникъ и, дѣйствительно, предтеча Антихриста.

Когда Никифоръ оканчивалъ рѣчь, дѣдъ энергично начиналъ ему возражать. Онъ никогда не сомнѣвался въ догматахъ и преданіяхъ православной церкви. Онъ сжился съ мыслью, что въ небѣ живетъ, окруженный высшими и низшими чинами ангеловъ,

Богъ, что земля—юдоль плача и скорби, а преисподняя—мѣсто вѣчныхъ мученій. Его образцомъ были великіе подвижники, аскеты, никогда не сомнѣвающіеся, спасавшіеся въ пещерахъ, въ пустыняхъ, на склонахъ непріютныхъ горъ. Ему было чуждо какое-либо „духовное" пониманіе библейской исторіи, ясной и чудесной жизни Христа, жизни апостоловъ и отцовъ. Онъ жилъ въ мірѣ конкретныхъ представленій о злѣ, добрѣ, объ истинной христіанской жизни. Ему и Антихристъ нравился такимъ, какимъ его изображаютъ лубочная картина и Іоаннъ Богословъ. Этотъ Антихристъ будетъ воевать, накладывать на руки печати, бороться съ Христомъ, пока, наконецъ, не будетъ сверженъ въ великолѣпной битвѣ съ престола прямо въ раскрытую пылающую пасть ада. Умствованія Никифора были необыкновенно противны и чужды дѣду. Онъ возненавидѣлъ Никифора и даже воровскимъ маперомъ вырѣзалъ его изъ фотографической карточки, которая висѣла у насъ на стѣнѣ. На карточкѣ остались жена и дочка Никифора, а самъ Никифоръ былъ сожженъ, какъ еретикъ, въ печкѣ. Въ концѣ концовъ, собесѣдованія прекратились, и дѣдъ съ Никифоромъ избѣгали другъ друга. Отецъ уѣхалъ изъ слободы, а изъ приказчика трудно было что-нибудь сдѣлать. Приказчикъ любилъ побесѣдовать, пораторствовать, но перемѣнить свои убѣжденія, сдѣлаться сектантомъ онъ никогда не могъ. Онъ былъ человѣкъ умѣренный и мирный, любилъ православную церковь, базаръ и своего хозяина.

Самымъ яркимъ представителемъ чисто крестьянскихъ земледѣльческихъ стремленій на нашей улицѣ былъ Ярема Кавунъ. Это былъ небольшой суровый старикъ, лѣтъ пятидесяти, ходившій съ толстой суковатой палкой и выражавшійся крайне прямолинейно и грубо. Онъ обладалъ непреклонной энергіей, неутомимымъ трудолюбіемъ и умѣньемъ держать все вокругъ себя въ ежовыхъ рукавицахъ. У него былъ большой, крытый желѣзомъ, домъ съ зелеными ставнями, густымъ палисадникомъ и крѣпкими воротами съ навѣсомъ. Въ глубинѣ двора шли сараи, хлѣвы, амбары, загоны съ десятками воловъ, лошадьми, овцами и свиньями. На всемъ лежала печать прочности и хозяйственности. Въ домѣ была чистая половина—горница съ зеркаломъ, цвѣтами на окнахъ, буфетомъ, всегда чисто вымытая, но въ которой никто не жилъ, кромѣ „самого дѣда", въ свою очередь рѣдко бывавшаго дома. Всѣ жили на второй половинѣ и на кухнѣ, отдѣленной сѣнями. Народу было много: пять сыновей, частью женатыхъ, частью

холостыхъ, женщины, дѣти и рабочіе; они были вѣчно въ разгонѣ, въ работѣ, были тихи и необщительны. Дѣдъ не любилъ, чтобы бабы ходили по сосѣдкамъ, „хлопци“ якшались бы съ товарищами и дѣти оставались бы безъ дѣла; дѣти покрупнѣе няньчились съ дѣтьми помельче, и такимъ образомъ обѣ группы были заняты. Весь хозяйственный механизмъ былъ заведенъ такъ, что даже въ банѣ попариться не было времени.

Ярема, несмотря на то, что земледѣліе ставилъ во главу угла жизненнаго уклада, былъ человѣкъ широкаго размаха и жилъ не признаніемъ власти земли надъ собой, а властью надъ землей. Путемъ неутомимаго труда, исключительной смётки и, можетъ быть, риска Ярема выдѣлился изъ среды порабощенныхъ землей мужиковъ, но „ворочалъ“ самъ землей, не работая, а только руководя работами. У него было два участка земли, хуторъ и множество скота, который гонялся на ярмарки и базары. На неизмѣнной плетеной таратайкѣ дѣдъ появлялся въ одномъ мѣстѣ, наблюдалъ, какъ идетъ дѣло, кричалъ, стучалъ палкой, ругался, давалъ инструкціи и уѣзжалъ, чтобы появиться въ другомъ мѣстѣ.

Ярема не любилъ посѣщать ни церкви, ни сходокъ, и къ общественнымъ дѣламъ относился съ презрѣніемъ и враждебностью. „Хай имъ бѣсъ,—тамъ дѣла нѣтъ, больше брехня!“— говорилъ онъ, и презрительная улыбка кривила его суровое лицо. Но еслибы и „дѣло“ было, Ярема едва-ли пошелъ бы. Общественные интересы были ему совершенно чужды.

Каждый членъ семьи въ домѣ Яремы былъ приспособленъ къ какому-нибудь одному дѣлу. Одинъ сынъ гонялъ по ярмаркамъ и базарамъ скотъ; двое завѣдывали участками; одинъ велъ счетъ прихода и расхода и ѣздилъ съ отцомъ вмѣсто кучера; старшая сноха хранила и выдавала деньги и завѣдывала домашнимъ хозяйствомъ; вторая — была домашней портнихой; жена Яремы пошла по огородной и погребной части и завѣдывала душеспасительнымъ отдѣломъ: заказывала въ необходимыхъ случаяхъ молебны, панихиды, подавала въ церкви поминанье и зажигала въ домѣ въ праздники лампады. Кромѣ нея, въ церковь почти никто и никогда не ходилъ, и на ея обязанности лежала забота о спасеніи душъ всѣхъ семейныхъ.

Вся семья была въ вѣчномъ круговоротѣ неотложныхъ дѣлъ, порожденныхъ обширнымъ хозяйствомъ. Съ наступленіемъ ранняго утра уже гуси стояли толпой передъ крыльцомъ на дворѣ, и передній гусакъ настойчиво выкрикивалъ хозяйку, требуя пищи и обычнаго отпуска на рѣку. За ними крякали утки, уже успѣв-

шія перехватить кое-что. Пѣтухъ нервно бѣгалъ по двору, сердито кукурекалъ, покрикивалъ на куръ и ждалъ, когда эта, непріятная ему, компанія гусей и утокъ позавтракаетъ и уйдетъ со двора. Выходила заспанная молодушка, выносила корытце съ зерномъ, и все крылатое скопище набрасывалось на пищу. Откуда-то кубаремъ слетало два или три воробья, бросались въ самую гущу жизни, смѣло выхватывали зернышко за зернышкомъ, быстро взлетали на аршинъ кверху, когда тотъ или другой гусь или жадная утка намѣревались схватить вмѣсто зерна самого воробья, и снова опускались прямо къ краснымъ лапчатымъ ногамъ.

Уходили на рѣчку гуси, уходили утки, бродили куры, отчаянно чавкали у корыта съ помоями и арбузными и дынными корками свиньи, двѣ женщины доили коровъ, мычали въ загороди волы; выходили изъ дома одинъ за другимъ люди, освѣщались крыши красными лучами восходящаго солнца, подымался изъ трубы столбъ утренняго дыма, въ воздухѣ распространялся запахъ горячихъ лепешекъ, парного молока. На крыльцо выходилъ дѣдъ Ярема. Начинался обычный трудовой день.

Дѣдъ уже напился чаю и собирался ѣхать, можетъ быть на недѣлю, можетъ быть на двѣ... Онъ—въ обычной своей поддёвкѣ и въ картузѣ съ большимъ свѣтлымъ козырькомъ. Ото всей его небольшой, плотной фигурки вѣетъ силой и самобытностью. Сегодня онъ въ духѣ. Солнце смотритъ ему прямо въ лицо; онъ морщится и напяливаетъ картузъ на глаза. Младшій сынъ подмазываетъ колеса его таратайки.

— Михайло!—кричитъ Ярема, обращаясь къ сѣннымъ дверямъ:—гони воловъ поить! Я посмотрю.

Выходитъ парень Михайло съ длиннымъ, сажени въ двѣ, кнутомъ. Ярема самъ растворяетъ скрипучія ворота и снова всходитъ на крыльцо. Дворъ наполняется серьезными, молчаливыми волами, медленно шагающими въ ворота мимо своего хозяина... Волы проходятъ; Ярема идетъ осматривать загонъ, ясли, свиной хлѣвъ, находитъ все въ порядкѣ и отъ удовольствія... ругается.

Черезъ день, черезъ другой, Ярема разъѣзжаетъ уже на участкѣ въ полѣ, спитъ подъ открытымъ небомъ, ругаетъ косцовъ, плугарей и уѣзжаетъ, чтобы ругаться въ другихъ мѣстахъ.

Но за этой суровостью, за пренебреженіемъ къ отдѣльной личности и къ общественнымъ интересамъ въ Яремѣ скрывалась страстная любовь къ землѣ, земледѣльческой обстановкѣ, къ красному утреннему солнцу, которое освѣщаетъ только труже-

никовъ земли, къ туману, поднимающемуся холоднымъ утромъ съ только-что распаханнаго поля, къ дождю, который льетъ на засохшую отъ жара землю и пробуждаетъ ее для жизни и дѣятельности.

Онъ былъ необыкновенно здоровъ, но когда онъ однажды ночью свалился вмѣстѣ съ лошадью и таратайкой въ оврагъ, то и ему пришлось заболѣть. Лежитъ онъ дома недѣлю, лежитъ другую, наконецъ не выдерживаетъ и велитъ везти себя въ поле.

— Земельку хочется посмотрѣть... Одинъ духъ ея меня вылечитъ.

Привезли его въ поле. Положили на постель, сложенную изъ свѣжихъ сноповъ; на ночь укрыли тулупомъ... Черезъ три дня дѣдъ уже ходилъ съ костылемъ по полю и ругался.

Населеніе нашей улицы уважало, но не любило Яремы Кавуна. Въ немъ самомъ, да и во всемъ его семействѣ не было той теплоты отношеній и того жизненнаго добродушія, которыя порождаютъ сочувствіе и любовь. Дома Ярема подавлялъ собою все; на улицѣ не обращалъ ни на кого вниманія, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда ему было нужно. Но дѣятельность Яремы, его трудоспособность, умѣнье наживать капиталъ признавались всѣми крестьянами, какъ нѣчто въ высшей степени примѣрное. По ту и по другую сторону дома Яремы жили болѣе или менѣе блѣдныя копіи съ него, съ тою разницей, что у этихъ копій было больше добродушія или общественныхъ привычекъ, или были слабости, дѣлавшія ихъ болѣе человѣчными и доступными.

Что касается меня, то, несмотря на то, что въ домѣ дѣда Яремы были дѣти, я не помню, чтобы я съ ними игралъ. Со всѣхъ ближайшихъ дворовъ у меня были товарищи; всѣ чердаки, крыши, половники, огороды, сады и другія милыя и симпатичныя мѣста по окружности были мнѣ знакомы,—только остался мало знакомымъ дворъ Яремы. Я помню, что я часто обѣдалъ у Пшеничныхъ, гдѣ жилъ ближайшій мой товарищъ, грѣлся у нихъ на печкѣ, хотя у нихъ тоже былъ свой дѣдъ и довольно большое хозяйство, но дѣдъ былъ не страшный, а добрый, и когда привозили съ бахчи арбузы, то онъ давалъ всѣмъ знакомымъ мальчикамъ по маленькому арбузу, а его жена, „баба“ Варька, нерѣдко кормила насъ кашей, конопляным молокомъ, кулагой и насыпала карманы сѣмечками. Я очень любилъ ихъ большую хату съ закоптѣлыми иконами, съ кисловатымъ запахомъ, съ

маленькими ягнятами и теленкомъ, привязаннымъ къ кровати; любилъ ихъ дворъ, наполненный скотомъ и птицей и покрытый навозомъ, изъ котораго мы зимой лѣпили ледянки для катанья съ горы.

Еще больше я любилъ дѣда и бабу Дубовенковыхъ, принадлежавшихъ къ одной изъ самыхъ зажиточныхъ семей въ нашей слободѣ. Дѣтей въ этой семьѣ совсѣмъ не было, но дѣдъ Дубовенковъ нерѣдко сажалъ меня къ себѣ на телѣгу и прокатывалъ до самой церкви, причемъ шутилъ надо мной, смѣялся и, проѣзжая мимо лавочки, покупалъ пару конфектъ или рожковъ.

Дальше шли другіе крестьяне съ болѣе маленькими хатами, съ меньшимъ количествомъ скота, частью смирные и тихіе, покорно преданные землѣ, частью бойкіе, подумывающіе иногда и о торговлѣ, и объ извозѣ, и вообще о новыхъ возможностяхъ увеличить заработокъ.

Прежде чѣмъ Никифору появиться въ слободѣ съ своей проповѣдью и ересью, онъ жилъ болѣе десяти лѣтъ въ губернскомъ городѣ. Но родился онъ и жилъ лѣтъ до двадцати въ слободѣ и потомъ уже, будучи женатымъ, переѣхалъ въ городъ. Смолоду онъ былъ квасоваромъ; самъ варилъ, самъ и продавалъ. По переѣздѣ въ городъ, вскорѣ открылъ пивную. По разсказамъ моего отца, Никифоръ всегда много читалъ, любилъ разсуждать и дошелъ до того, что сталъ „помрачаться въ умѣ“. На выигрышный билетъ ему досталось нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, говорятъ—двѣсти тысячъ, но я думаю, что это неправда. Послѣ этого Никифоръ закрылъ пивную и принялся писать проектъ устройства за счетъ государства обширной коммунистической общины. „Никифоръ,—такъ разсказываютъ,—предлагалъ построить такой большой городъ, примѣрно длиною верстъ триста или четыреста, въ которомъ были бы общія кухни, общія столовыя, не было бы ничего своего, а все было бы общественное... Чтобы всѣ одинаково трудились, товаръ складывался бы въ общественные магазины, а хлѣбъ ссыпался бы въ такіе же амбары. Денегъ никто не получалъ бы, а всѣ получали бы натурой“. Кстати сказать, Никифоръ объ этомъ проектѣ въ слободѣ ничего не говорилъ. Объ этомъ знали нѣкоторые только со словъ жены, женщины мало развитой и, конечно, понимавшей проектъ очень своеобразно. Въ свою очередь, слышавшіе о проектѣ—поняли его каждый по своему, и въ концѣ концовъ отъ проекта получилась какая-то странная сказка, полная нелѣпицы и фантазіи.

Съ этимъ проектомъ Никифоръ обратился къ архіерею. Естественно, владыка осмѣялъ новоявленнаго реформатора и проектъ возвратилъ. Никифоръ обратился къ губернатору. Здѣсь тоже не повезло. Тогда Никифоръ распродалъ свое имущество и вмѣстѣ съ семьей отправился въ Петербургъ, чтобы представить свое произведеніе царю. Года черезъ полтора, семью его выслали на родину, а Никифора оставили... Черезъ годъ заявился на родину и Никифоръ, гдѣ его уже ждала слава еретика и чернокнижника. Но Никифоръ держался очень скромно, жилъ обособленно, что-то читалъ, говорятъ, страшно постился, даже пробовалъ не ѣсть, какъ Іисусъ, въ теченіе сорока дней, причемъ слегъ и чуть не умеръ. Видимо, онъ переживалъ какой-то кризисъ. Оставшіяся деньги онъ употребилъ на благотворительность, раздавая ихъ крестьянамъ то на покупку лошади, то коровы, то на постройку дома. Но все это дѣлалось гдѣ-то за кулисами, необычайно таинственно, и только шли слухи, что Никифоръ посредствомъ подкупа „подгоняетъ людей подъ свою вѣру“.

Жизнь шла своимъ чередомъ и совершенно исключала вліяніе на кого-нибудь Никифора или дѣдушки Матвѣя. Они оставались одинокими, предаваясь—одинъ въ своихъ пещерахъ молитвѣ и пѣснопѣніямъ, другой—чтенію толстыхъ книгъ и безконечнымъ размышленіямъ. Кругомъ—торговали, пахали, пировали или бѣдствовали, сжимаемые все болѣе и болѣе усиливающейся конкурренціей и земельной нуждой, а эти два чудака искали путей къ улучшенію, тому или другому раскрѣпощенію и измѣненіямъ окружающей ихъ жизни. Впрочемъ, дѣдъ не искалъ, а уже твердо шелъ своимъ одинокимъ путемъ.

Новой вѣры никому не было нужно. Православная церковь, съ попами, колоколами, со сторожками, въ которыя въ зимніе праздники набивался народъ между утреней и обѣдней и толковалъ о томъ, что̀ произошло на свѣтѣ за послѣднюю недѣлю,—такъ была родственна нашей слободѣ, что сомнѣваться въ ней и мѣнять ее на другую какую-нибудь церковь не было разсчета. Правда, „кулугуры“—старообрядцы изъ москалей—сомнѣвались и отрицали ее; отрицали ее и нѣсколько молоканъ, и еще какіе-то новоявленные хлысты, по слухамъ, совращенные Никифоромъ, но всѣхъ этихъ людей была горсточка, и притомъ они помалкивали о своихъ убѣжденіяхъ. Всѣ они собирались молиться гдѣ-то на задворкахъ, благодаря чему создавались самые темные слухи, далеко не привлекавшіе къ еретикамъ православныя сердца.

Народу, большею частью неграмотному, и въ православной церкви было много матеріала для воспитанія ума и сердца. Всѣ знали, что есть ангелы, но рѣдкій зналъ, что ихъ девять чиновъ. Были черти и черти, и, безъ сомнѣнія чортъ, искушающій царя или архіерея, будетъ поважнѣе чорта, приставленнаго для наблюденія за простой бабой. Содержаніе псалмовъ, духовныхъ пѣснопѣній, значеніе обрядовъ, знаніе священной исторіи,—было скрыто для большинства вѣрующихъ, и для молодыхъ пытливыхъ умовъ было открыто широкое поприще въ изученіи всего этого. Вверху, па небесахъ, и внизу, подъ землею, были громадные міры, устроенные нѣсколько по образцу земному, но обладающіе необычайною яркостью, красочностью и вѣчностью. Адскій огонь былъ настолько жгуче земного огня, насколько земной огонь жгуче огня, нарисованнаго на картинѣ; книжники говорили, что онъ сильнѣе въ „семь седмерицею“ разъ земного огня. Небесное правительство умѣло наказывать, но зато было множество средствъ, создающихъ возможность попасть въ рай, а не въ адъ. Средства эти по большей части были простыя и доступныя, очень подходящія для трудового народа: поставить свѣчку, зажечь лампаду, подать поминанье, просфору, подать крендель нищему, пригласить батюшку съ святой водой. Само духовенство добросовѣстно заботилось, чтобы прихожане не „шли широкимъ путемъ, ведущимъ къ погибели“, а брели бы „путемъ узкимъ, прискорбнымъ“ прямо на лоно Авраамово, которое было нарисовано на одной изъ церковныхъ стѣнъ въ видѣ зеленаго лужка съ деревомъ и съ Авраамомъ, разговаривающимъ черезъ глубокій ровъ съ евангельскимъ богачомъ, сидящимъ въ пламени. Духовенство то-и-дѣло посѣщало своихъ прихожанъ то съ святой водой, то съ предпраздничной молитвой, то съ славословіемъ; а въ это время поповскій или дьячковскій батракъ складывалъ въ „духовную“ телѣгу паляницы, яйца, сливочное масло и другіе полезные предметы. Иной разъ духовенство дѣлало сборъ и безъ молитвы, какъ, напримѣръ, сборъ капустой, тыквами, пенькой, но прихожане знали, что „рука дающаго не оскудѣетъ“, и наполняли церковную телѣгу.

Когда приходили праздники, то все объединялось и не только въ молитвѣ, но и въ отдыхѣ отъ трудовъ, въ весельи, въ стремленіи одѣться получше и повеселѣе убрать хату. Каждый жилъ, трудился и молился для себя, но повеселиться, пображничать, помолиться, пощеголять любили на людяхъ. Особенно объединяло веселье; въ праздникъ все высыпало на улицу, или скоплялось

группами по хатамъ и домамъ; въ будни каждый копался у своего дѣла.

Я не зналъ ничего милѣе, задушевнѣе и веселѣе слободскихъ праздниковъ. Такими они были, вѣроятно, и для большинства слобожанъ: такъ крѣпко вѣрилось въ необходимость и истинность этого полуночнаго звона къ утренѣ, темныхъ фигуръ, направляющихся къ ярко освѣщенной церкви, веселаго треска множества горящихъ восковыхъ свѣчей, принаряженныхъ прихожанъ, церковныхъ пѣснопѣній, блестящихъ ризъ, разноцвѣтныхъ лампадъ и клубовъ душистаго ладана. Потомъ шли домой разговляться—ужъ, дѣйствительно, послѣ поста, послѣ рѣдьки и свеклы, разговляться жирными, пухлыми пирогами съ начинкой, жареной, удивительно вкусной, колбасой, душистымъ борщомъ, свареннымъ съ лавровымъ листомъ, укропомъ и съ нѣмецкимъ перцемъ... Потомъ на улицу... Боже мой, какъ тамъ все веселилось, смѣялось, хвалилось своими новыми одеждами, если это было на Пасху, и во всемъ этомъ было столько смаку, столько непосредственной радости бытія!

Въ рождественскій сочельникъ, какъ большіе, такъ и малые, не ѣли цѣлый день, до появленія первой звѣзды. Бывало, удивительно, какъ ѣсть хочется! А тутъ, когда я выучился читать, меня въ эти дни перестали пускать на улицу, а заставляли сидѣть дома и читать часословъ или псалтырь. А въ это время бабушка или мать, а то и обѣ, какъ на грѣхъ, возились у пылающей печки, обжигали телячьи ножки, курицу, пекли къ празднику сдобные „орѣхи“, кныши, коржики... Духовной пищи, которую представлялъ изъ себя часословъ, мнѣ совершенно не хотѣлось, но зато одинъ видъ и запахъ горячихъ коржиковъ приводилъ меня въ благоговѣйный трепетъ. Но вотъ загоралась звѣзда надъ крышей дяди Никиты, и мы садились за столъ и ѣли сначала кутью съ медомъ. Въ это время въ переднемъ углу стоялъ на сѣнѣ сладкій узваръ. Бабушка клала ложку на подоконникъ и, смотря въ темнѣющее окно, говорила: „Морозъ, морозъ, иди вечерять!“ Къ счастью, морозъ не приходилъ, и намъ оставалось больше. Послѣ кутьи подавался узваръ, который ѣлся съ меньшимъ аппетитомъ, чѣмъ кутья, но еслибы еще столько подали, то едва-ли что̀ отъ него бы осталось.

Потомъ, по обычаю, я шелъ съ кутьей въ тарелкѣ, завязанной въ платокъ, къ крёстному и крёстной. Когда я еще былъ очень малъ, то меня сопровождалъ отецъ. Мы спускались на рѣку. Торжественная рождественская ночь уже лежала на покрытой снѣгомъ слободѣ. Звѣзды такъ ярко свѣтили, что каза-

лись новыми. Каждый береговой домикъ привѣтливо свѣтилъ своими оконцами. Я зналъ, что подъ каждой крышей есть кутья, крендели и конфекты для завтрашнихъ славельщиковъ. Многія трубы дымились и доказывали, что въ хатахъ пылаютъ печи, печется, варится и жарится всякая снѣдь и все полно предпраздничной суеты и аппетита.

Крёстна, сестра моей бабушки, жила одиноко въ маленькой, очень уютной хаткѣ. Въ хаткѣ былъ всегда очень интересный запахъ. Крёстна была торговкой лучшими въ мірѣ товарами: медомъ, конфектами, вареньемъ, пряниками и тому подобными аппетитными предметами. Крёстна, по обычаю, съѣла двѣ или три ложки моей кутьи, дала мнѣ гривну и съѣдобнаго коня, у котораго были сахарные глаза, уши и шлея. Отецъ выпилъ рюмку какой-то зеленой настойки и сталъ разговаривать о результатахъ сегодняшней торговли.

Крёстна была небольшая пожилая женщина съ черными бровями и красными щеками. Говорятъ, что ей нечего жаловаться, что ея молодость пропала даромъ... Она никогда не унывала, умѣла и любила пожить. На ряду съ веселымъ и предпріимчивымъ правомъ она соединяла въ себѣ набожность. Загулявши въ какой-нибудь праздникъ, она, среди веселой компаніи, вдругъ взглядывала умильными глазами на иконы и затягивала: „О, Іисусе мой сладчайшій!“ И набожные и въ то же время подвыпившіе хохлы и хохлушки дружно подхватывали: „цѣлитель ты души моей!“ А въ это время какая-нибудь кума, въ цвѣтномъ сарафанѣ и намыстахъ, со слезами на глазахъ и со штофомъ въ рукахъ, обносила горѣлкой душеспасительную компанію.

Крёстна любила ѣздить по ярмаркамъ, въ городъ за товаромъ, любила шумную, нестройную базарную толпу, суету, знала шутку и жила со смакомъ, помышляя время отъ времени о „томъ свѣтѣ“, вполнѣ основательно разсчитывая, что тамъ едва-ли примутъ ее ласково. Въ концѣ концовъ она и здѣсь приняла свои мѣры. Помимо того, что она по праздникамъ посѣщала церковь, любила церковное пѣніе и батюшку, любила заводить въ своей хаткѣ хорошія, красивыя иконки, часто зажигала лампаду, курила ладаномъ изъ самовара, она иногда отправлялась на богомолье и была въ Троицко-Сергіевской лаврѣ, Кіевѣ, Саровѣ и еще у какой-то Божьей Матери. Такимъ путемъ она достигала извѣстнаго душевнаго равновѣсія, и чѣмъ больше старѣла, тѣмъ болѣе была увѣрена, что „Господь ее помилуетъ“.

У нея былъ мужъ, коренной москаль изъ далекой тульской губерніи, который нѣкогда забрелъ въ нашу слободу, влюбился

въ крёстну и женился на ней, но жилъ съ ней мало, потому что былъ по натурѣ типичный бродяга и исчезалъ изъ слободы то на полгода, то на годъ. Онъ любилъ выпить, а выпивши, любилъ поговорить, безразлично, шелъ ли онъ по улицѣ одинъ, или сидѣлъ съ людьми. Безъ умолку говоря, онъ поминутно заливался добродушнѣйшимъ, такимъ шипучимъ, со свистомъ смѣхомъ, что казалось, что дуетъ порывами вѣтеръ сквозь пукъ соломы.

— Вы, негодные, изъ какого самовара пьете? Изъ тульскаго! жж-жж-жи! Смотрите, сколько на немъ медалей! А вы, кошкины дѣти, пьете безъ всякаго понятія! жж! хи-хи! жжи! Вотъ лимонъ; скажите, гдѣ онъ растетъ? А я знаю! Я все знаю! Ты о чемъ меня ни спроси—я все знаю. Я и митрополита видалъ, самого владыку московскаго! всѣхъ протопоповъ и протодьяконовъ... самыхъ толстопузыхъ въ Россіи — жж-жи-жи! Ихъ въ Москвѣ на вѣсъ принимаютъ... Поставятъ его на вѣсы и велятъ ему многолѣтіе пропѣть... Ежели съ голосомъ вѣситъ двадцать пудовъ, то, значитъ, завтра постриженіе... Жжи-жж-жжи!

Вретъ крёстнинъ мужъ замѣчательно, но его вранье все-таки переплетается съ дѣйствительностью, которую онъ видѣлъ и наблюдалъ, и кромѣ того, онъ вретъ только въ веселомъ настроеніи. Крёстный же мой, къ которому мы пошли съ кутьей, послѣ крёстной, такъ тотъ вралъ какъ въ пьяномъ, такъ и въ трезвомъ видѣ. Теперь онъ уже померъ и, конечно, царство ему небесное!—но надо сознаться, что онъ былъ прирожденный брехунъ. Впрочемъ, почему ему было и не соврать? Онъ былъ хорошій столяръ, имѣлъ на берегу два домика; въ одномъ жилъ самъ съ женой, а другой отдавалъ подъ квартиру синельщикамъ, что красятъ холсты. Дѣтей у него не было, а человѣкъ онъ былъ обезпеченный. Поэтому онъ считалъ себя въ полномъ правѣ напиваться каждый праздникъ и говорить, что ему хотѣлось. Въ описываемый рождественскій сочельникъ онъ поспорилъ съ моимъ отцомъ относительно нашествія галловъ въ 1812 году. Отецъ говорилъ, что галлы — такой невѣрный народъ, который приходилъ на Москву съ другими двѣнадцатью народами. Крёстный же увѣрялъ, что галлы—такіе „наполеёны“, у которыхъ во рту было по двѣнадцати языковъ... Конечно, я отцу больше повѣрилъ.

Съ деньгами и пряниками я шелъ обратно съ отцомъ по рѣчной дорогѣ домой. Завтра—Рождество!

Сквозь сонъ я слышу тихіе, рыдающіе звуки колокола. Съ глубокой нѣжностью они поютъ, чтобы просыпался весь міръ и

шелъ, принаряженный и веселый, въ залитыя огнями церкви. Въ далекихъ небесахъ хоры ангеловъ уже поютъ великую пѣснь о рожденіи Богочеловѣка, и горятъ паникадила, освѣщая порхающихъ, какъ мотыльки, херувимовъ. Весь міръ поетъ и рыдаетъ отъ радости. Я открываю глаза: отецъ мажетъ масломъ голову и тихо разговариваетъ съ матерью. Я спалзываю съ кровати и начинаю собираться „славить".

Начинается праздникъ съ славленьемъ, веселымъ церковнымъ трезвономъ, играми, кулачками. Послѣ чудесныхъ дней наступаютъ не менѣе чудесные вечера: съ морозомъ, съ скрипучимъ снѣгомъ подъ ногами, съ красной зарей, отблескъ которой играетъ на маленькихъ оконцахъ хатъ, со столбами дыма, молчаливо поднимающимися изъ трубъ къ морозному голубому небу. Вечеромъ подъ Новый годъ идутъ веселыя „щедровки", когда толпы молодежи поютъ подъ окнами: „щедрыкъ-ведрыкъ, дай вареникъ", а нѣкоторыя дѣвушки поютъ хоромъ разные душеспасительные канты. А утромъ мальчики ходятъ съ овсомъ и рожью по хатамъ, поздравляютъ хозяевъ съ Новымъ годомъ и обсыпаютъ ихъ зерномъ, получая за это копѣйки, бублики и конфекты. Въ крещенскій сочельникъ снова не ѣдятъ цѣлый день до самой „святой воды", потомъ ѣдятъ кутью и узваръ, приглашая къ вечерѣ и морозъ. Это крещенское приглашеніе едва-ли звучитъ для мороза пріятно: лишь только кончится вечеря, какъ молодые мужики и мальчики выходятъ уже на потемнѣвшій дворъ и начинаютъ бить дубинками по воротамъ и по заборамъ, выгоняя морозъ изъ слободы. Поднимается интересная стукотня, доказывающая, что морозъ уже всѣмъ надоѣлъ. На другой день вся слобода присутствуетъ на „Іордани", гдѣ на рѣкѣ, на льду, вырубленъ громадный крестъ съ двумя копьями по бокамъ, лѣсенкой, а иногда и съ пѣтухомъ, пѣніе котораго слышалъ на дворѣ Каіафы апостолъ Петръ. При погруженіи священникомъ креста въ воду поднималась пальба изъ ружей, а нѣкоторые мужчины и женщины принимались купаться въ прорубяхъ, омывая освященной водой свои грѣшныя тѣла. Были случаи, когда тотъ или другой купавшійся, выскочивши изъ проруби и набросивши на себя только одну сорочку, мчался прямо домой, гдѣ его ждалъ хорошій стаканъ перцовки и чай съ сушеной малиной.

А катанья на масляницѣ! Сотни лошадей, запряженныхъ въ санки, розвальни, скачутъ взадъ и впередъ по улицѣ, между сугробами снѣга, мимо хатъ, у которыхъ на скамьяхъ сидятъ старушки и старики и посмѣиваются надъ подгулявшимъ поселяниномъ. На санкахъ смѣхъ, пѣсни, раскраснѣвшіяся лица; одни обгоняютъ

другихъ; иные сваливаются съ саней и, свалившись, хохочутъ. Нѣкоторыя розвальни еле тащатся, переполненныя, какъ арбузами, мальчиками и дѣвочками. Тамъ кидаются комками рыхлаго снѣга; въ другомъ мѣстѣ слѣпили изъ снѣга смѣшного человѣка, надѣли на него шапку и повезли на саняхъ на потѣху народу. Иной разъ заѣдешь, Богъ знаетъ, куда: и слобода кажется чужой, и люди иные, и рыхлый снѣгъ лежитъ какъ будто иначе и навѣваетъ иныя настроенія. У какого то берега стоятъ какія-то деревья, стоятъ тихо и грустно и заслоняютъ темный, загадочный горизонтъ. Но мы поворачиваемъ, въѣзжаемъ снова въ веселую, шумную улицу, запѣваемъ пѣсню и мчимся впередъ, гдѣ виднѣется изъ-за крышъ крестъ нашей церкви. А въ это время незамѣтно надвигается теплый и мирный вечеръ. Темнѣютъ хаты, рѣдѣютъ катающіеся, слышнѣе разносится пѣсня, сѣрое съ темнымъ горизонтомъ небо незамѣтно опускается надъ землей, гдѣ-то позвякиваютъ ведра, зажигаются красные огоньки, и мы ѣдемъ домой, гдѣ насъ ждутъ вечерять и ждетъ здоровый сонъ въ теплой постели.

— Нѣтъ, кумъ, что ни говоря, а свѣта-представленія намъ не дождаться! — говорилъ Ярема Кавунъ, идя поздно вечеромъ по улицѣ съ пріятелемъ.

— А ты почему такъ думаешь? — спрашивалъ кумъ, высокій мужикъ въ накинутомъ на плечи тулупѣ и барашковой шапкѣ. Его внушительная фигура и низкій пріятный голосъ выгодно отличали его отъ приземистаго, толстаго Кавуна.

— А потому, кумъ, что некстати оно теперь будетъ. Я такъ думаю.

— Кстати оно или некстати и когда оно будетъ—намъ до этого дѣла нѣтъ: наше дѣло мужицкое.

— Не бреши зря, кумъ,—сказалъ, остановившись, Кавунъ:— вѣдь нужно же тебѣ, примѣрно, отвѣтъ Богу приготовить? Ты думаешь, Богъ другихъ будетъ судить, а ты пахать будешь!

Ярема Кавунъ по случаю праздника былъ настроенъ весело и былъ разговорчивъ не по обычному. Подъ хмелькомъ онъ любилъ иногда поговорить о божественномъ, а теперь тѣмъ болѣе: наступилъ великій постъ.

— Тамъ черти за меня все скажутъ.

— Ну, братъ, вотъ въ этомъ-то и штука! Чорту совсѣмъ невыгодно, къ примѣру, этакую скотину, какъ ты, изъ рукъ упускать! Онъ, братъ, такъ на тебя передъ Господомъ набрешетъ, что ни за что пропадешь.

— Глянь, кумъ, это, кажись, сватъ Данило идетъ!

Въ темнотѣ по скрипучему снѣгу къ нимъ шла навстрѣчу какая-то неясная фигура.

— Это онъ. Видишь, съ кнутомъ. Данило, куда тебя нечистый несетъ?

— Да такъ... кой-куда,—неохотно отвѣчалъ Данило.

— А куда, въ самомъ дѣлѣ?—спросилъ высокій мужикъ.

— Да до Өедота; надо хлопцевъ до воловъ, а то мои не управляются.

— Успѣется, сватъ, успѣется, — резонно замѣтилъ высокій мужикъ, — пойдемъ-ка лучше съ нами... вотъ до Катерины... Я, вотъ, снялъ у Еремѣя Тимоөеича земли, ну...

— Да мнѣ съ вами не рука,—колебался Данило, въ воображеніи котораго пронеслась уютная хатка Катерины, кипящій самоваръ, бутылка водки на столѣ и сама Катерина, плотная, краснощекая вдова, съ которой всегда было пріятно пошутить.

— Ишь, какое дѣло!—прохрипѣлъ Ярема:—намъ съ тобою рука. Пойдемъ—и больше не говори ничего!

Всѣ трое двинулись по дорогѣ.

— Теперь, хлопцы, потише!—заговорилъ шопотомъ высокій мужикъ.—А то будутъ говорить: старики къ Катеринѣ пришли,—кан-фузія!

— Какая тутъ чортъ канфузія!—прохрипѣлъ Ярема, но значительно тише прежняго.

Три старика тихо подошли къ небольшой бѣлой хатѣ. Въ ней, видимо, спали.

— Стучи!—сказалъ Ярема высокому куму. Тотъ подошелъ къ закрытому ставней оконцу и постучалъ кулакомъ.

— Кто тамъ?—вскорѣ окликнулъ женскій голосъ.

— Свои люди. Катерина, выйди на минутку!

Вскорѣ застучала калитка, и въ ней показалась женщина въ накинутомъ на плечи нагольномъ полушубкѣ.

— Катерина, — сказалъ кумъ, — тутъ, вотъ, Еремѣй Тимоөеичъ, сватъ Данило, да я—вздумали выпить, а ни рюмки, ни куска хлѣба...

— Милости просимъ! — поспѣшно прервала Катерина, на которую особенно подѣйствовало присутствіе Еремѣя Тимоөеича.

— Боже мой, какъ добра наша Катерина! — съ чувствомъ сказалъ высокій кумъ, всходя съ товарищами на крыльцо и ущипнувъ слегка плотную вдову:—за нее всѣмъ міромъ нужно Бога молить; вотъ, смотрите—она намъ и самоваръ поставитъ!

Дѣйствительно, Катерина, какъ только засвѣтила лампу, на-

чала возиться съ самоваромъ. Два кума и сватъ чинно усѣлись за столъ; появилась бутылка, чашка съ мочеными яблоками, хлѣбъ и большая деревянная солонка.

— Несите, старички, пей въ удовольствіе!—сказалъ высокій мужикъ, наливши двѣ огромныя рюмки. Старички перекрестились, медленно подняли рюмки и, пожелавши всей компаніи добра и счастія, вылили водку въ обросшіе бородами рты.

— Теперь мы, съ Катериной Трохимовной, выпьемъ. Катерина, подходи, не бойся!

— Да мнѣ какъ-то некстати пить,—сказала Катерина, подходя все-таки къ столу и отирая о фартукъ руки.

— Будетъ брехать-то!—пробурчалъ Ярема:—за свои хлопоты да не пить!

— Ну, миръ честной компаніи!—проговорила Катерина, держа въ большихъ, мозолистыхъ рукахъ рюмку и кланяясь старикамъ. Она отпила отъ рюмки четвертую часть и бережно поставила рюмку на столъ.

— Ну нѣтъ! такъ не пьютъ!—почти всѣ разомъ закричали мужики:—всю! всю!—Катерина допила остальное.

Черезъ полчаса компанія разговорилась во всю.

Вдругъ въ окно раздался сильный стукъ. Въ хатѣ моментально все стихло.

— Кто тамъ? чего нужно?—закричала Катерина, не подходя къ окну.

— Батько тутъ?—закричали на улицѣ.

— Нѣтъ его!—крикнула Катерина. Данило наклонился къ переднему углу.

— Тутъ! тутъ!—кричали на улицѣ.

— Ну, тутъ!—сердито заговорилъ Данило, пододвинувшись къ окну.—А чего тебѣ, полуночникъ, нужно?

— Пустите насъ въ хату, тогда скажемъ,—дѣло важное.

— Пусть войдутъ,—сказалъ Ярема.

Въ хату ввалило нѣсколько молодыхъ мужиковъ. Всѣ они помолились на образа и поклонились старикамъ и хозяйкѣ.

— Батько,—заговорилъ передній мужикъ съ рыжеватой бородкой:—вотъ, мы надумали одно дѣло. Требуется его обмозговать, а узнавши, что тутъ Еремѣй Тимоѳеичъ, мы порѣшили покалякать объ этомъ дѣлѣ и съ нимъ. Онъ по этимъ дѣламъ мастакъ.

— Ну, бреши, въ чемъ дѣло!—прохрипѣлъ Ярема.

— Какъ извѣстно, у насъ своей общественной земли почти что нѣтъ. У кого еще есть десятина — двѣ, а у другого и де-

сятины нѣтъ. Народъ все прибавляется, а земля все убавляется. Черезъ нѣсколько лѣтъ намъ придетъ совсѣмъ край.

— Что же ты, чортовъ сынъ, развѣ плохо живешь?—перервалъ Ярема:—Слава Богу, ваше хозяйство не изъ послѣднихъ!

— Онъ-то не плохо, да мы плохо!—заговорили другіе мужики.

— Мы живемъ, слава Богу, не плохо,—снова заговорилъ передній мужикъ,—потому что трудимся, какъ волы, живемъ всѣ вмѣстѣ—не дѣлимся; а случись какой грѣхъ, развѣ трудно сдѣлаться бѣднякомъ? Но когда бъ у другихъ было больше, у насъ еще больше было бы, и жить было бы легче, не пришлось бы надрываться.

— Ишь, заработался!—недовольно проворчалъ Данило.

— Теперь, ежели разсудить, графъ насъ совсѣмъ обездолилъ, и мы терпимъ; терпимъ сколько лѣтъ. Базаръ—его, ярмарка—его, а сосчитайте, сколько денегъ онъ беретъ съ нихъ! Онъ съ нихъ беретъ не менѣе двадцати—тридцати тысячъ рублей! За чтò онъ беретъ? За какія такія дѣла? За то, что мы тамъ торгуемъ и покупаемъ, и лавки строимъ!

— Смотрите, чтò, чортовъ сынъ, говоритъ! Смотрите, чтò говоритъ!—энергично кивалъ головой Ярема:—онъ бунтовщикъ! ей Богу, бунтовщикъ!

Высокій мужикъ сидѣлъ, уткнувши голову внизъ.

— А вы вотъ были смирняки,—заговорилъ теноромъ другой молодой мужикъ,—да довели слободу до того, что въ ней теперь поворотиться негдѣ! У еланскихъ мужиковъ по десяти десятинъ на душу, а у насъ—по одной. Они живутъ панами, а мы скоро къ нимъ въ работники пойдемъ. А развѣ у нихъ не было своего графа? Съумѣли же они дѣло сдѣлать! Они покупали въ вѣчное владѣніе по полтинѣ за десятину, а мы рендуемъ по семидесяти рублей. Вотъ до чего насъ ваша смирнота довела!

— Чего же вы хотите дѣлать?—съ неудовольствіемъ прохрипѣлъ Ярема.

— А мы такъ толкуемъ: нужно купить у графа базаръ и ярмарку. На тотъ капиталъ, чтò образуется съ доходовъ съ нихъ, прикупить землю у графа же. Чай, есть у него сердце.

Старики посмотрѣли другъ на друга.

— Что жъ, это дѣло,—сказалъ высокій мужикъ.

— Дѣло-то дѣло, да графъ не продастъ ни базара, ни ярмарки,—сказалъ Ярема.

— А отчего не продастъ?

— Какъ отчего! Вѣдь это золотое дно! Вы сами говорите:

базаръ съ ярмаркой ему чистогану даютъ двадцать-тридцать тысячъ. За сколько онъ долженъ ихъ продать, чтобы образовался такой капиталъ, на который графъ бы взялъ эти деньги? Онъ такую уйму денегъ запроситъ, что вы на мѣстѣ поперхнетесь (Ярема сказалъ нѣсколько ярче). А много ли у общества денегъ сейчасъ! Если на это кабацкія деньги поворотить, то много-много наберется десять тысячъ въ годъ!

Наступило тяжелое молчаніе.

— А что̀ графъ—человѣкъ иль нѣтъ?—вдругъ заговорилъ молодой мужикъ съ теноромъ:—мало ли мы ему дали доходу съ испоконъ вѣковъ? Что̀ же намъ теперь дѣлать? Годъ отъ году становится тяжелѣе. Уже многіе изъ насъ бросаютъ хозяйство, уѣзжаютъ на сторону. Графъ—миліонщикъ, у него земли, какъ у короля,—можетъ онъ уступить иль нѣтъ? Что же, развѣ мы другимъ Богомъ созданы?

— Что̀ у насъ тутъ сходъ иль что̀? — сердито закричалъ Ярема:—это дѣло надо на сходѣ разбирать!

— Извѣстно, на сходѣ!—заговорили всѣ.

Высокій мужикъ всталъ изъ-за стола и, обращаясь къ молодежи, сказалъ:

— Еремѣй Тимоѳеичъ на сходъ не ходитъ, и ему до этихъ дѣловъ—какъ чорту до церкви... Но онъ—общественникъ иль нѣтъ? Въ старосты мы его не выбираемъ, въ старшины—тоже; онъ живетъ себѣ, какъ панъ, и общества знать не хочетъ!

— Стой, Кузьма! какого же чорта ты на меня плетешь! А еще кумъ и рендаторъ мой!—разсердился Ярема.

— Такъ я же не со зла; я говорю такъ, какъ оно есть и ты самъ знаешь. Теперь видишь, въ чемъ дѣло: сдѣлай ты для общества службу, — съ управляющимъ у тебя дружба, потолкуй съ нимъ, что̀ оно и какъ,—ты самъ знаешь...

Ярема сердито стукнулъ кулакомъ по столу.

— Не иначе, у васъ сговоръ! Чорта лысаго я могу вамъ пособить! Развѣ жъ я не вижу, что изъ этого выйти ничего не можетъ! Не продастъ графъ, да и все тутъ! По себѣ знаю.

— Ну, по себѣ ты не суди, — сказалъ доселѣ молчавшій Данило: — ты заработалъ своимъ трудомъ, ночей не досыпалъ, куска, можетъ, не доѣдалъ; а графъ получилъ землю по бумагѣ.

— Это правда, — согласился Ярема.—Ну, такъ тому и бывать: я поговорю, поговорю съ управляющимъ.

— Спасибо, дядько!—поклонилась молодежь.

— А тамъ, что̀ будетъ, то будетъ.

У кого перваго появилась мысль о покупкѣ базара и ярмарки — никто не зналъ, но она распространялась изъ одной хаты въ другую, перешла черезъ рѣчку къ москалямъ и вездѣ находила себѣ защитниковъ, особенно среди молодежи. Очень многимъ пришла только въ первый разъ мысль, что жизнь не есть что-либо на вѣки налаженное на одинъ манеръ, что ее можно мѣнять, пролагать въ ней новые, болѣе широкіе пути, и сознаніе этого вносило въ душу что-то новое, радостное. Въ простотѣ сердца слобожане не представляли себѣ, что только-что начинается долголѣтняя, тяжелая эпопея борьбы и хлопотъ за пріобрѣтеніе своей земли, борьбы, которая сдѣлается для нѣкоторыхъ роковой и для самой слободы будетъ чѣмъ-то постояннымъ и неизбѣжнымъ. Они не знали, что современемъ эта борьба обострится все увеличивающейся земельной нуждой, неурожаями и болѣе яснымъ сознаніемъ своихъ человѣческихъ правъ на свободу, счастье и землю. Ничего этого они не знали, и поэтому такъ легко ухватились за мысль о покупкѣ базара и ярмарки.

Чтò было удивительнѣе всего, такъ это то, что дѣдушка Матвѣй спустился съ своихъ небесныхъ круговъ и принялъ дѣятельное участіе въ вечернихъ разговорахъ о томъ, чтò будетъ, когда будутъ откуплены ярмарки и базаръ. Онъ высчиталъ, сколько они будутъ приносить дохода, гдѣ можно будетъ купить земли, и указывалъ на необходимость постройки новой церкви и новой ограды вокругъ малороссійскаго кладбища.

Только Никифоръ не подавалъ голоса въ своемъ одиночествѣ. Онъ былъ чуждъ всѣмъ и отдаленъ ото всѣхъ. Среди своихъ книгъ, въ домикѣ среди сада, окруженнаго плетнями и пустынными переулками, онъ казался истиннымъ чернокнижникомъ и отщепенцемъ. Дѣдушка Матвѣй, съ своими пещерами, проповѣдями и молитвами, былъ гораздо ближе и понятнѣе массѣ, народу. Онъ толковалъ о счастьи на небесахъ и былъ ближе землѣ; Никифоръ говорилъ о счастьи на землѣ, но казался чуждымъ на ней, удаленнымъ отъ нея и борющагося на ней человѣка.

Вѣяло весной. Почернѣли дороги на улицахъ и на рѣкѣ. Показались на этихъ дорогахъ грачи. Тонкія вѣтви кустарниковъ покраснѣли и стали украшаться сверкающими на солнцѣ бриллiантами. Снѣгъ покрылся ямочками и тонкими блестящими чешуйками. По нѣжно-голубому небу стали проходить болѣе густыя и опредѣленныя облака. Съ крышъ свѣшивались желто-

ватыя узорчатыя сосульки. Иногда вѣялъ нѣжный вѣтерокъ, задѣвалъ за тонкія вѣтви въ погруженномъ въ вѣчную думу саду, и тихо звенѣли блестящія замерзшія капли, и трудно было разобрать: звенятъ ли онѣ въ глубинѣ души, или во внѣ, въ этомъ влажномъ, тепловатомъ воздухѣ.

Шли печальные дни великаго поста. Раздавался унылый звонъ; брели въ церковь покаянно-настроенные говѣльщики; только природа не хотѣла знать ни покаянія, ни печали, и день за днемъ разрушала на себѣ холодные покровы зимы.

И въ то время, когда на лужайкахъ показалась изумрудная травка, перемѣшанная пополамъ съ желтой прошлогодней, въ оврагахъ шумѣли остатки стекающей въ рѣку воды, просохли пригорки и на низкихъ мѣстахъ лежала черная невылазная грязь, —въ это время наступили великіе страстные дни.

Всѣ знали, что въ эти дни былъ распятъ людьми и за людей Христосъ. Объ этомъ пѣлись печальныя стихиры въ церкви, читалось въ евангеліи при блескѣ множества восковыхъ свѣчей; во имя этого вся слобода въ торжественныхъ процессіяхъ мѣсила грязь вокругъ церкви, а темная ночь висѣла надъ землей и говорила о глубокомъ трагизмѣ, послужившемъ главнымъ звеномъ между землей и небомъ. Всѣ знали, что это правда, и никто въ этомъ не сомнѣвался. „Кладущій на небо облака принимаетъ заушенія и раны; владыка творенія распинается на крестѣ“, зажегшій солнце вѣнчается терновымъ вѣнкомъ. Грустными волнами несутся по переполненной церкви пѣснопѣнія о великихъ страданіяхъ и выбѣгаютъ наружу, гдѣ въ темной оградѣ толпится народъ. Лучшіе пѣвцы поютъ въ тріо по нотамъ обращеніе ко Христу благоразумнаго разбойника: „Помяни мя, Господи, когда прійдешь въ царство Твое“, и повергается ницъ молящаяся толпа, когда выступаетъ среди нихъ плащаница съ изображеніемъ мертваго и израненнаго Спасителя; плачутъ тѣ, которые постарше.

„Что̀ есть человѣкъ, какъ ты его понимаешь?“ —говоритъ Писаніе; „сынъ персти“—сынъ земли,—отвѣчаетъ оно въ другомъ мѣстѣ. „Земля еси и въ землю пойдеши“... И подобно тому, какъ надъ матерью-землей проходятъ грустные осенніе туманы, пробѣгаютъ легкія румяныя облака, проползаютъ черныя громовыя тучи и поютъ зимой унылые вѣтры, такъ и надъ человѣкомъ проходятъ неуловимые дни радости, скорбные дни печали и труда, пролетаетъ любовь и, какъ холодный снѣгъ, ложится на него старость, и все оканчивается неумолимой смертью, тихой обителью на старомъ кладбищѣ.

Всѣ порывы къ свободѣ, жажда счастья, горячей любви, радость и горе—это только пробѣгающіе переливы свѣта и тѣней, тихія мелодіи вѣтра въ цвѣтущемъ саду, завыванія зимней бури, жуткія тѣни темнаго лѣса, робкіе призраки теплаго вечера. Они приходятъ и уходятъ. Только одно стоитъ непоколебимо—матерь земля и вырытая въ ней могила.

Рвется человѣкъ къ счастью—и не дается оно. Оно прилетаетъ и улетаетъ, какъ маленькая веселая птичка. И грѣшитъ человѣкъ, грѣшитъ во имя счастья, во имя полноты существованія; онъ хочетъ остановить бѣгущее облако, отломить кусокъ солнечнаго луча, посадить въ клѣтку пролетающую радость. Но онъ не можетъ этого сдѣлать, и отсюда онъ ненавидитъ, злобствуетъ, клевещетъ, преступаетъ многочисленныя заповѣди и еще больше страдаетъ, удаляясь отъ указаній неба и отъ свойствъ земли.

Колышется молящаяся толпа. Плачутъ старушки, слушая и не понимая Евангелія, зная только, что это очень грустно. Дивчата, принаряженныя въ новыя платья, стараются быть строгими и набожными. Мальчишки съ нетерпѣніемъ ждутъ, когда служба кончится, чтобы зажечь свои красные бумажные фонарики и красиво пройти съ ними по темной улицѣ. Степенные мужики и бабы съ сознаніемъ исполняемаго долга держатъ свѣчи въ грубыхъ рукахъ и думаютъ каждый о своемъ. На душѣ всѣхъ торжественно и легко, и лежащій на плащаницѣ окровавленный Христосъ примиряетъ всѣхъ съ небомъ и землей, свободно разрѣшаетъ имъ всѣ вопросы о справедливости и тайнахъ міра.

Кончается служба, и примиренные, усталые и довольные идутъ крестьяне домой.

Графъ совершенно отказался продать базаръ и ярмарку. Многіе долго не хотѣли этому вѣрить и разсчитывали, что дѣло еще какъ-нибудь сладится, но потомъ и имъ пришлось увѣриться, что графъ упускать своего не намѣренъ. Но вызванная къ жизни мысль уже не могла умереть. Она появлялась то въ одной, то въ другой варіаціи и дѣлала все болѣе и болѣе яснымъ сознаніе въ необходимости земельнаго пріобрѣтенія. Въ силу природной инертности крестьянъ и умѣнья годами терпѣть и надѣяться, эта мысль то замирала и казалась совсѣмъ исчезнувшею изъ жизни, то снова вспыхивала и взывала къ осуществленію. Отношенія къ графу также постепенно измѣнялись. Появились выраженія: „Они (владѣльцы) кровь нашу пьютъ“, „пауки“ и проч. Но нигдѣ не было твердой опоры, которая поддержала бы слобожанъ въ ихъ борьбѣ за землю.

Когда мнѣ было одиннадцать лѣтъ, наша семья переселилась въ губернскій городъ.

Прошло десять лѣтъ, и за все это время ни я и никто изъ нашей семьи не былъ въ слободѣ. Мои младшіе братья и сестры или совсѣмъ не знали ея, или помнили о ней довольно смутно и совершенно равнодушно относились къ ея существованію. Бабушка умерла еще въ слободѣ. У отца и матери было слишкомъ много трудовъ и хлопотъ и слишкомъ много непріятныхъ воспоминаній, связанныхъ съ родиной, чтобы тосковать о ней и стремиться къ прежней жизни. Только у меня сохранялась и развивалась вся теплота того чувства, которое называется любовью къ родинѣ, но и оно жило гдѣ-то въ глубинѣ души, загнанное туда реальными интересами и явленіями городской жизни.

За эти десять лѣтъ я узналъ, что много семей изъ Баламутъ выселилось на отпущенный имъ казенный участокъ, въ двадцати верстахъ отъ Баламутъ, и что такимъ образомъ баламутское разореніе было временно пріостановлено. Дѣдушка Матвѣй тоже записался въ число выселенцевъ, но переселиться ему пришлось не на новую землю, а на тотъ свѣтъ, о которомъ онъ такъ въ свое время заботился. Но еще лѣтъ за пять до смерти, дѣдушка отказался отъ всѣхъ своихъ причудъ, сталъ носить обыкновенный костюмъ, пересталъ копать пещеры, сталъ курить табачокъ и превратился въ самаго обыкновеннаго старика. На разспросы объ его прежнихъ исканіяхъ и благочестивыхъ трудахъ, онъ только посмѣивался и, потягивая трубочку, прибавлялъ: „Суета суетъ и всяческая суета“... Тѣмъ и ограничивался. Умеръ онъ совершенно случайно, нисколько не готовившись. Шелъ отъ кума, почувствовалъ себя дурно, побѣжалъ въ больницу и у порога больницы упалъ и умеръ. И похоронили его такъ же, какъ хоронили и всѣхъ другихъ.

Ярема Кавунъ совершенно выселился изъ Баламутъ и жилъ крупнымъ землевладѣльцемъ на своихъ хуторахъ въ землѣ Войска Донского.

Я получилъ мѣсто земскаго учителя въ томъ же уѣздѣ, въ которомъ находятся Баламуты. Проѣздомъ я рѣшилъ посѣтить свою родную слободу, съ которой у меня было связано столько воспоминаній. Я до того времени еще нигдѣ не служилъ, только-что сошелъ со школьной скамьи и былъ черезъ край преисполненъ всякаго идеализма и увлеченія. Не стану описывать волненія, охватившаго меня, когда мой экипажъ сталъ спускаться съ горы, покрытой лѣсомъ, и передо мной, какъ на ладони, раскрылось родное село съ тремя церквами, извилистой

рѣкой, небольшими каменными домиками въ „городкѣ“ и чернѣвшими по ту сторону слободы вѣтрянками. Но едва мы въѣхали въ первую, широчайшую улицу слободы, я понялъ, что между слободой моихъ дѣтскихъ воспоминаній и представившейся мнѣ дѣйствительностью лежитъ цѣлая бездна. Это было то и въ то же время другое. Это не былъ иной міръ, колоритный и полный настроенія. Все было такъ просто, буднично и какъ-то досадно отталкивало мою душу, раскрывшую свои объятія своей родинѣ. Но душа боролась противъ этого и сама изъ себя ткала ткани и бросала ихъ направо и налѣво, стараясь скрыть открывшіеся изъяны.

Слобода показалась мнѣ гораздо меньше, чѣмъ была прежде. Разстоянія страшно сократились, и то, что̀ мнѣ прежде казалось безконечной далью, стало досадно близко. Люди, въ свою очередь, умалились и полиняли, и мнѣ необходимо было ждать и создавать себѣ моменты, чтобы почувствовать свое сліяніе съ родиной. И—увы! подобный моментъ создался только разъ, и притомъ тогда, когда я былъ наединѣ и сидѣлъ на берегу, а слобода покрывалась сѣтью сумерекъ и сама походила на воспоминаніе.

Я прожилъ въ слободѣ два дня и въ первый же день къ вечеру отправился къ Никифору. Онъ продалъ свой прежній домикъ въ саду и жилъ гдѣ-то на краю слободы. Въ это время была осенняя ярмарка. Я вышелъ на огромную площадь, одинъ конецъ которой сливался съ выгономъ, по которому шла дорога къ ярмаркѣ. Солнце закатывалось и обливало площадь и бѣленькія хаты вокругъ нея красноватымъ свѣтомъ. Вдали, въ направленіи къ ярмаркѣ, маячили въ розовой пыли проѣзжающія телѣги и маленькія фигурки людей. На встрѣчу мнѣ съ небольшой двухколесной ручной телѣжкой съ ящикомъ двигался какой-то старикъ съ бѣлой длинной бородой. Въ ящикѣ звенѣли пустыя бутылки. Въ этомъ сѣдомъ патріархѣ съ бутылками изъ-подъ кваса я узналъ Никифора. Но я разсчитывалъ встрѣтить угрюмое, одинокое существо,—передо мной же стоялъ привѣтливый интеллигентный старикъ, бодрый, съ плотной небольшой фигурой, въ тепломъ пиджакѣ, подпоясанномъ ремнемъ.

— Здравствуй, дядя!

Онъ остановился и удивленно посмотрѣлъ на меня.

— Здравствуй. Не узнаю.

Я назвалъ себя.

— А! Смотри, какой сталъ! „Старое старится, молодое растетъ“. Ну, поѣдемъ чай пить; квасомъ угощу...

Мы пошли къ нему. Я смотрѣлъ на него и удивлялся: гдѣ же въ немъ прежнее, Никифоровское? У него было такое спо-

койное, умное лицо, такой располагающій къ себѣ видъ, что совершенно не вѣрилось, что въ свое время его боялась вся слобода, и что онъ пробовалъ поститься въ теченіе сорока дней и не ѣлъ до тѣхъ поръ, пока не свалился и не лежалъ до червей въ пролежняхъ.

— Чѣмъ занимаешься?—спросилъ онъ.

— Получилъ мѣсто учителя.

— Значитъ, головой работаешь; помнишь, какъ у Толстого одинъ ученый среди дураковъ головой работалъ? — и Никифоръ засмѣялся.

Жилъ онъ въ маленькой избушкѣ съ небольшимъ палисадникомъ, въ которомъ росли двѣ акаціи и молодой вязъ. Жены Никифора дома не было. Единственная его дочь давно умерла. Никифоръ самъ поставилъ самоваръ, вынесъ столъ въ палисадникъ, и черезъ полчаса мы сидѣли у самовара и благодушно разговаривали. Незамѣтно спускался вечеръ. Горѣлъ закатъ, и на всемъ лежала печать какого-то тихаго вечерняго раздумья. Мнѣ въ голову пришла невольно мысль, что въ моемъ лицѣ и въ лицѣ Никифора случайно сошлись начало и конецъ длиннаго человѣческаго пути; бодрое, свѣжее утро бесѣдуетъ съ усталымъ темнѣющимъ вечеромъ о томъ, что̀ такое жизнь, истина и счастье.

— Видишь ли, — говорилъ Никифоръ: — первымъ нашимъ несчастьемъ, стариковъ, была большая вѣра и ни капли свѣдѣній отъ науки. Священное Писаніе было для насъ все; мы его читали и перечитывали; заучивали наизусть, но все-таки оставались и суевѣрами, и несвѣдущими. Въ Писаніи говорится: „тебѣ на водахъ повѣсившему всю землю“—и это было для насъ законъ: виситъ земля на водѣ—и все тутъ... Писаніе было для насъ стѣной; мы въ эту стѣну упирались и приходили въ изступленіе... Да. Вотъ вы, молодежь, будете счастливѣе: для васъ раскрывается ровная и длинная, длинная дорога къ правдѣ и къ понятію того, что̀ „на небеси горѣ и елика на земли низу“. Вы не будете ни юродствовать, ни спасаться, потому что ни въ одну книгу лбомъ не упретесь. Всѣ книги для васъ писаны людьми

— Неужели, дядя, ты считаешь свою жизнь потерянной?

— Нѣтъ, зачѣмъ; но тебѣ этого еще, пожалуй, не понять,— ты еще мальчикъ. Но, вотъ, видишь, какіе въ небѣ на западѣ красивые узоры: вродѣ какія горы, лѣса, лиманы,—такъ и хочется туда пойти. А это, ни больше, ни меньше, какъ холодный, сырой туманъ, и никакихъ тамъ горъ, ни лимановъ нѣтъ. Вотъ такъ и все въ жизни: издали тянетъ, а придешь — посмотрѣть не на что̀. Смолоду все видится издали, силъ много, идешь,

смотришь, и какъ посмотришь этакъ лѣтъ до пятидесяти, до шестидесяти, то и увидишь, что тебя влекло только „глаголъ временъ, металла звонъ“,—и Никифоръ засмѣялся.—По правдѣ сказать, я и теперь люблю смотрѣть... Все кругомъ тебя движется, растетъ, умираетъ, понемногу мѣняется... Вотъ теперь всѣ въ Баламутахъ ужинаютъ, или пьютъ, а потомъ лягутъ спать. И не только въ Баламутахъ, но и въ Елшанкѣ, Ивановкѣ, въ Мѣдномъ, во всѣхъ селахъ, городахъ, деревняхъ, гдѣ, только сейчасъ десять часовъ вечера. Потомъ утромъ всѣ встанутъ, завертится денное колесо, расползутся, кто въ поле, кто на базаръ, кто куда. Будутъ цѣлый день стучать, кричать, суетиться, а въ эту пору одинъ родится, другой умираетъ. Сверху катится солнце и изо дня въ день во всѣ вѣка обманываетъ весь міръ, что оно катится, тогда какъ оно стоитъ; а земля притворилась неподвижной, а на самомъ дѣлѣ, сама, какъ оглашенная, мчится въ небесныхъ пространствахъ. Остановки нѣтъ ни въ чемъ, и вся суть только въ этомъ движеніи. Чтобы хорошо жить, нужно прежде всего любить жизнь. Не нужно распинаться, истязать себя, убѣгать въ пустыню,—живи, работай, люби и радуйся; учись; будь для новаго времени новымъ человѣкомъ...

Никифоръ замолчалъ, облокотился на столъ и задумался. Черезъ минуту, онъ очнулся и заговорилъ снова:

— Впрочемъ, я не особенно жалѣлъ бы, еслибы наша земля треснула пополамъ и разсыпалась бы въ куски, или потухло бы солнце, и мы въ одинъ часъ бы замерзли. Когда знаешь, что живешь для того только, чтобы жить, что ни одинъ день въ твоей жизни не будетъ больше двадцати-четырехъ часовъ и что въ немъ непремѣнно будетъ утро и будетъ вечеръ, и вся твоя жизнь пройдетъ какъ одинъ день, и ты до гробовой доски только надѣешься,—тогда какъ-то начинаешь понимать, что не велико счастье, если ты есть на свѣтѣ, и никакого горя нѣтъ въ томъ, что тебя нѣтъ... Только ты не слушай меня: это я такъ... усталъ. Хорошо бываетъ и такъ подумать, особенно на старости лѣтъ.

Было уже совершенно темно, когда мы простились съ Никифоромъ. На моемъ пути только въ одномъ домикѣ горѣлъ огонекъ. Кругомъ было тихо; все спало и было неподвижно. Вверху мерцали звѣзды и медленно плыли два облака. А въ это время земной шаръ съ сотнями тысячъ различныхъ Баламутъ мчался по своей орбитѣ, выполняя работу, заданную ему неизвѣстно кѣмъ и неизвѣстно для чего.

А. Гусаковъ.

ПО ПУТИ

ВЪ

КИТАЙ

Замѣтки и личныя наблюденія.

Окончаніе.

VI *).

Гонгъ-Конгъ, небольшой островъ у восточныхъ береговъ Китая,—это наглядный памятникъ энергіи, предпріимчивости, настойчивости и дѣловитости англичанъ, воздвигнутый ими изъ ничтожества и доведенный нынѣ до громаднаго успѣха и процвѣтанія.

Захваченный англичанами во время такъ называемой „опіумной войны" 1840-го года, островъ этотъ по Нанкинскому договору оставленъ окончательно за Англіей. Съ 1842 года началась блестящая исторія процвѣтанія острова. Гористый и скалистый, образованный гранитомъ и базальтомъ, островъ этотъ имѣетъ до 80-ти километровъ въ окружности, простираясь въ длину на 16 килом., а въ ширину—отъ 3-хъ до 8-ми килом.

Первоначальное населеніе острова были бѣдные рыбаки да морскіе пираты. Ими и дано образное китайское наименованіе своему поселку, съ горныхъ вершинъ котораго низвергались послѣ дождей свѣтлыя, быстро несущіяся въ море рѣки—„гуанъкіангъ", т.-е. свѣтлыя рѣки.

*) См. выше: іюль, стр. 63.

Весь островъ былъ лишенъ растительности, пустыненъ, безлюденъ, окруженъ множествомъ другихъ мелкихъ острововъ и защищенъ горами отъ вѣтровъ, что̀ придавало его бухтѣ такую цѣнность. Прошло шестьдесятъ лѣтъ, и Гонгъ-Конгъ преобразился изъ китайскаго рыбачьяго поселка въ богатѣйшій всемірный портъ, самый дѣятельный послѣ Шанхая на всемъ Востокѣ, насчитывающій свыше 312 тысячъ населенія, изъ котораго ²/₃ китайцевъ, до 6-ти тысячъ европейцевъ, остальные—индусы, малайцы, бирманцы и другія народности.

Черезъ шестьдесятъ лѣтъ англійская энергія и упорный трудъ обратили голыя скалы въ цвѣтущіе сады и парки, покрыли островъ древесной растительностью, провели прекрасныя дороги, застроили прекрасными зданіями и заселили самую высокую точку острова, Пикъ, возвышающуюся на 540 метровъ, покрывъ эту гору растительностью, застроивъ ее дачами, куда на знойное и тяжелое лѣто выселяются жить европейцы.

„Пикъ“ сообщается съ Гонъ-Конгомъ цѣпной подъемной дорогой; вагоны поднимаются и спускаются каждые полчаса.

Городъ Гонгъ-Конгъ расположился по длинной прибрежной полосѣ, образовавъ одну чудную главную улицу „Victoria-road“, полную оживленія, на которой расположены всѣ общественныя и торговыя учрежденія, магазины, прекрасныя зданія, отели.

Господствующимъ европейскимъ населеніемъ являются англичане, и повсюду слышенъ почти исключительно англійскій языкъ.

Въ Гонгъ-Конгѣ, подобно Венеціи, нельзя встрѣтить лошади: уличное сообщеніе совершается по электрическимъ трамваямъ, на дженирикшахъ и въ легкихъ носилкахъ-стулѣ, который на двухъ длинныхъ жердяхъ несутъ двое китайцевъ.

Гонгъ-Конгъ европейскій заканчивается съ одной стороны скаковымъ кругомъ (непремѣнное условіе жизни англичанъ повсюду—спортъ, прежде всего—скачки и теннисъ), а съ другой стороны переходитъ въ китайскій Гонгъ-Конгъ.

„Victoria-road“, доходя до скакового круга, доводитъ и до самаго очаровательнаго уголка Гонгъ-Конга, до „Happy valley“.

„Happy valley“—это кладбище, расположенное по склонамъ горъ, среди чудной тропической растительности, пальмъ, туй, кипарисовъ, съ журчащими между ними по ложбинамъ горными ручьями.

На кладбищѣ—полная тишина, чистота, порядокъ, заботливость. Много цѣнныхъ и изящно выполненныхъ мраморныхъ памятниковъ, окруженныхъ цвѣтущими деревьями, цвѣточными клумбами.

„Happy valley“—это исторія жизни и развитія самого Гонгъ-Конга; это исторія культуры, которую вносятъ во всѣ страны свѣта мощный духъ и любящая душа человѣка.

Много памятниковъ носятъ извѣстныя славныя имена друзей человѣчества, на многихъ памятникахъ видны эмблемы масоновъ.

Среди памятниковъ обращаетъ на себя вниманіе гранитный саркофагъ съ надписью на немъ: „D-r Gützloff. Apostel der Chinesen“.

Д-ръ Gützloff скончался въ Гонгъ-Конгѣ въ 1851 году, но память о немъ свѣжа и до сихъ поръ. Именемъ его названы одна изъ улицъ Гонгъ-Конга и одинъ изъ маяковъ, освѣщающихъ входъ въ Амой.

Карлъ Гюцловъ родился въ 1803 году въ Помераніи. Отецъ его былъ портной. Обладая выдающимися способностями, Гюцловъ скоро окончилъ ученье въ школѣ и стремился къ дальнѣйшему самообразованію.

Случайно попавшая ему въ руки книга о миссіонерствѣ рѣшила его судьбу: онъ вдохновился идеей миссіонерства и написалъ поэму, прославляющую подвиги миссіонера.

Эту поэму юный Гюцловъ отослалъ королю Фридриху-Вильгельму III-му. Король участливо принялъ сердечное влеченіе юнаго Гюцлова и предложилъ ему поступить ученикомъ въ миссіонерскую школу.

Такъ просто свершилось велѣніе судьбы, призвавшей на проповѣдь Гюцлова.

По окончаніи курса въ школѣ, юный миссіонеръ отправился сперва на Суматру, потомъ въ Сіамъ, а отсюда въ Китай.

Подвизаясь тяжелымъ подвигомъ апостольства, Гюцловъ жилъ среди китайцевъ въ Гонгъ-Конгѣ и основалъ здѣсь китайскую христіанскую общину.

Кромѣ своей миссіонерской дѣятельности, Гюцловъ написалъ много мелкихъ статей о Китаѣ и большой трудъ „Исторія Китая“.

Въ 1850 году Карлъ Гюцловъ былъ въ Берлинѣ, и ему удалось собрать здѣсь средства для организаціи въ Гонгъ-Конгѣ „Женской христіанской общины“.

Возвратясь въ Гонгъ-Конгъ, Гюцловъ открылъ первый здѣсь пріютъ для сиротъ дѣвочекъ-китаянокъ въ 1851 году. Въ этомъ же году дѣятель христіанской любви среди китайскаго народа нашелъ себѣ упокоеніе въ мѣстѣ своего труда...

„Happy valley“ влечетъ къ себѣ той мирной, полной тихой грусти тишиной, тѣмъ безмятежнымъ покоемъ, которымъ отзы-

вается прекрасная природа на мятущееся сердце и страсти человѣка...

Въ противоположную сторону „Victoria-road" приводитъ въ типичный китайскій городъ, шумливый, крикливый, безпокойный людской муравейникъ. Вся китайская жизнь идетъ здѣсь на улицѣ и съ трудомъ поддается англійской дисциплинѣ въ соблюденіи чистоты и порядка.

Лавки, магазины, харчевни, ремесленники всѣхъ сортовъ, рабочіе — все это оглушаетъ европейца крикомъ, все это тяготитъ его нервы...

Несмотря на тѣсноту расположенія и страшное китайское многолюдство, порядокъ въ Гонгъ-Конгѣ поддерживается на улицахъ хорошій, благодаря толковой полиціи, составленной изъ европейцевъ, „сикковъ" и китайцевъ. Полицейскіе европейцы составляютъ главную часть полиціи; ихъ состоитъ на службѣ сто человѣкъ.

„Сикки" — это индусы изъ англійскихъ индусскихъ полковъ; они наблюдаютъ за порядкомъ главнымъ образомъ въ европейскомъ Гонгъ-Конгѣ и наблюдаютъ за китайцами-полицейскими въ китайскомъ городѣ. „Сикковъ" насчитываютъ на службѣ въ полиціи триста человѣкъ.

Худощавые, высокаго роста, смуглые, съ черной бородой и черными блестящими глазами, одѣтые въ костюмъ „хакки", съ высокимъ краснымъ тюрбаномъ на головѣ, сикки наводятъ страхъ на китайцевъ однимъ своимъ видомъ.

Китайцы-полицейскіе, числомъ пятьсотъ человѣкъ, облеченные въ свой китайскій костюмъ, располагаются въ китайскомъ городѣ.

Они лѣниво похаживаютъ по улицамъ съ бамбуковыми палочками въ рукахъ среди китайской сутолоки, охотно бесѣдуютъ съ китайцами въ лавочкахъ и на базарѣ и служатъ скорѣе необходимымъ дополненіемъ къ китайской жизни, нежели толковыми полицейскими въ европейскомъ пониманіи этой службы...

Въ европейскомъ Гонгъ-Конгѣ, въ одной изъ улицъ близъ „Victoria-road", есть цвѣточный рынокъ, который интересенъ по своей китайской простотѣ.

По обѣимъ сторонамъ улицы размѣстились ряды китайцевъ съ корзинами, стоящими прямо на землѣ, полными букетовъ цвѣтовъ, цвѣтовъ, связанныхъ въ пучки, горшковъ съ цвѣтами.

Какія чудныя здѣсь гортензіи, гарденіи, азаліи, камеліи, громадныхъ размѣровъ лиліи! Такъ какъ намъ хотѣлось пріобрѣсти нѣсколько пальмъ, то садовникъ-китаецъ предложилъ отправиться

къ нему въ цвѣтникъ, гдѣ мы могли бы выбрать цвѣты по своему вкусу.

Пришлось проѣхать весь почти китайскій Гонгъ-Конгъ и подняться въ гору, гдѣ располагался садъ китайца, но за такое длительное и непріятное путешествіе я былъ вознагражденъ тѣмъ, что увидалъ, какимъ образомъ китайскіе садовники придаютъ многимъ кустарниковымъ вьющимся растеніямъ своеобразную форму льва, гуся, человѣка, дракона, пѣтуха, Гуанъ-лао-ѣ (богъ покровитель).

У садовника я увидалъ много сдѣланныхъ проволочныхъ формъ, которыя были обвиты вьющимися кустарниковыми вѣтвями и получали уже прочную форму предмета.

У дракона, напримѣръ, принявшаго вѣтвистую форму, были уже вставлены раскрашенные глаза и держались крѣпко въ гущѣ вѣтвей и листьевъ.

У довольно высокой фигуры Гуанъ-лао-ѣ, заплетенной зелеными вѣтвями во весь ростъ, прочно были закрѣплены въ вѣтвяхъ фарфоровые китайскіе сапоги...

Климатъ Гонгъ-Конга—очень тяжелый, сырой, жаркій. Въ Гонгъ-Конгѣ часты эпидеміи чумы, достигающія нерѣдко высокой степени и главнымъ образомъ свирѣпствующія среди китайскаго населенія.

Среди европейцевъ случаи чумныхъ заболѣваній рѣдки...

Изъ мелкой производительности Гонгъ-Конгъ славится своими издѣліями изъ серебра. Китайцы выдѣлываютъ изъ серебра множество мелкихъ и крупныхъ, часто весьма художественно выполненныхъ вещей. Изъ крупныхъ вещей изъ серебра дѣлаютъ очень красивыя, въ китайскомъ вкусѣ, съ драконами блюда, подсвѣчники, чайные сервизы, вазы. Изъ мелкихъ вещей выливаютъ сценки изъ китайской жизни, разныя фигурки, разныхъ насѣкомыхъ, кольца для салфетокъ, браслетки, запонки, ручки для палокъ. Затѣмъ Гонгъ-Конгъ, также какъ и Сингапуръ, славится выдѣлкой гнутой мебели и мебели изъ камыша.

Вся пристань передъ пароходомъ, какъ и въ Сингапурѣ, полна лонг-шезовъ, столовъ, дивановъ, креселъ.

Но не мелкимъ производствомъ достигъ Гонгъ-Конгъ своего первенствующаго значенія на Дальнемъ Востокѣ.

Гонгъ-Конгъ стоитъ на пути между Японіей, Китаемъ, Индіей, Австраліей и Европой.

Въ Гонгъ-Конгѣ не только прекрасная бухта, но и прекрасно оборудованные доки и другія морскія сооруженія, на которыхъ работаетъ до тридцати тысячъ рабочихъ.

Изъ своей собственной промышленности Гонгъ-Конгъ имѣетъ сахарные заводы, и его сахаръ занимаетъ видное мѣсто на китайскихъ рынкахъ. Кромѣ сахарныхъ заводовъ, Гонгъ-Конгъ имѣетъ и бумагопрядильные.

Коммерческая дѣятельность Гонгъ-Конга настолько велика, что ему давно уже было тѣсно на своей собственной территоріи, и въ 1898 году англійское правительство арендовало у китайскаго правительства на девяносто-девять лѣтъ южную оконечность лежащаго напротивъ Гонгъ-Конга, лишь черезъ бухту, полуострова Коулунъ.

Здѣсь, на Коулунѣ, въ настоящее время сосредоточены всѣ пристани и вся торговая дѣятельность Гонгъ-Конга. Такъ какъ Гонгъ-Конгъ англійская колонія, то и управленіе здѣсь англійское. Англійскій гарнизонъ составляютъ три тысячи солдатъ.

Хотя Гонгъ-Конгъ прекрасно защищенъ горами отъ вѣтровъ, но недостаточно для того, чтобы не допускать проникновенія тайфуновъ, ежегодно врывающихся въ него и производящихъ иногда сильныя опустошенія не только въ бухтѣ, но и въ городѣ.

Чтобы судить, какъ велика торговая дѣятельность Гонгъ-Конга, я приведу данныя за 1902 годъ о количествѣ приходившихъ въ Гонгъ-Конгъ судовъ, а именно: 25 тысячъ паровыхъ судовъ, не считая китайскихъ джонокъ, привезли товаровъ 21.500.000 тоннъ (тонна=62 пудамъ). Въ 1903 году ввезено было въ Гонгъ-Конгъ товаровъ на сумму 136.520.000 ланъ (ланъ = 2 р. 40 к.), а вывезено на сумму 89.196.000.

Въ два часа дня, накупивъ массу мебели, которой заставили всю палубу, мы вышли изъ Гонгъ-Конга, при звукахъ пароходнаго оркестра, въ Шанхай, извѣстный китайскій портъ, открытый для иностранной торговли.

VII.

Прощай Европа съ ея знаменитыми научными центрами, съ ея памятниками искусства, съ ея картинными галереями, съ ея цивилизаціей, съ ея умственной жизнью!

Прощай Индійскій океанъ съ его красотами, съ чудесами тропической природы! Въ восемь часовъ утра 12 мая новаго стиля „Roon“ вошелъ въ Янцзэ-кіангъ и бросилъ якорь противъ Ву-зуна.

Низкіе берега, грязно-желтый, мутный цвѣтъ воды, тѣснымъ кольцомъ охватывающая китайская жизнь...

Большіе пароходы не подходятъ къ Шанхаю, такъ какъ не

могутъ перейти баръ, имѣющій въ самую высокую воду не болѣе 23-хъ футовъ глубины. Говорятъ, что шанхайскій баръ образованъ искусственно затопленными, во время франко-китайской войны, джонками, гружеными камнемъ, чтобы помѣшать проходу французскихъ судовъ. Пробовали его углублять, но пока безъ успѣха.

Въ Ву-зунѣ простояли мы два часа, пока не былъ выполненъ санитарный осмотръ пассажировъ, сдана почта и багажъ.

Санитарный осмотръ былъ довольно снисходительный: всѣ пассажиры перваго класса собрались въ свою столовую, въ которую пришелъ и англичанинъ-докторъ.

Онъ обошелъ всѣхъ пассажировъ, посмотрѣлъ каждому внимательно въ лицо и затѣмъ съ поклономъ произнесъ: „Thank you“. Когда почта и багажъ на Шанхай были перегружены, то всѣ мы спустились на маленькій пароходикъ „Steamlaunch“, какъ обычно ихъ называютъ, и направились въ Шанхай.

Двѣнадцать миль пути до Шанхая мы шли слишкомъ два часа. Ву-зунъ — это дѣловое и административное предмѣстье Шанхая. Здѣсь находятся торговые склады, живетъ нѣсколько европейцевъ. Здѣсь же, на Ву-зунѣ, расположены китайскія укрѣпленія, имѣется арсеналъ, стоятъ войска, построены военныя школы.

На рѣкѣ противъ Ву-зуна останавливаются на якорѣ и всѣ приходящія военныя суда.

Въ день нашего прихода здѣсь стояли броненосцы англійскіе, нѣмецкіе, французскіе, американскіе и много крейсеровъ и канонеровъ разныхъ національностей.

Пароходикъ быстро бѣжитъ, встрѣчая множество такихъ же пароходиковъ и китайскихъ груженыхъ джонокъ.

Оба берега рѣки полны оживленія и дѣятельности. Лѣвый берегъ представляетъ собою зеленыя поля, раздѣленныя на разновидныя дѣлянки; здѣсь копошатся земледѣльцы въ своихъ характерныхъ синихъ китайскихъ одѣяніяхъ.

Встрѣчаются часто жалкія глиняныя, полуразвалившіяся лачуги рыбаковъ. Правый берегъ весь дѣловой: склады и амбары, конторы, фабрики, верфи, доки, все это смѣняется одно другимъ.

Но вотъ, наконецъ, посреди суетливой толчеи между множествомъ встрѣчныхъ пароходиковъ и джонокъ, мы подошли къ набережной. Вещи быстро съ пароходика вынесли на пристань, гдѣ чрезвычайно снисходительно китайскіе чиновники произвели таможенный осмотръ, не заставивъ никого изъ пассажировъ даже раскрыть свой чемоданъ.

Видя такую любезность къ европейцамъ при отсутствіи всякой мелочности и притѣсненій, которыя постоянно встрѣчаешь на всѣхъ европейскихъ таможняхъ, невольно ставишь это явленіе въ связь и съ вѣковой своеобразной культурностью китайцевъ — вѣжливостью, и съ неизвѣданнымъ еще богатствомъ ихъ страны.

Китайцы не гонятся еще за копѣечнымъ вымогательствомъ съ каждаго чужеземца, попадающаго на их землю... Выйдя на пристань, я былъ охваченъ шумной жизнью большого города. Предстояло выбрать гостинницу, которыхъ въ настоящее время въ Шанхаѣ множество, но изъ старыхъ извѣстныхъ — двѣ: дорогая и чопорная англійская „Astor House", по десяти долларовъ въ день съ полнымъ пансіономъ, и подешевле, но и значительно попроще — французская „Hôtel des Colonies", по семи долларовъ въ сутки. Я отправился въ послѣднюю.

Шанхай совершенно справедливо называютъ Парижемъ Востока. Это — самый шумный, самый нарядный, самый людный и самый „бонтонный" городъ въ Китаѣ.

Многочисленное европейское общество и обиліе дамъ создали въ Шанхаѣ извѣстный тонъ жизни, извѣстныя правила, которыя необходимо исполнять, кто хочетъ быть въ обществѣ. Начатки общественной жизни въ Шанхаѣ положены англичанами и французами, почему и самый тонъ жизни поддерживается въ двухъ этихъ направленіяхъ, сообразно характернымъ чертамъ каждой изъ этихъ народностей...

Шанхай — громадный городъ, насчитывающій 651 т. китайскаго населенія, громадный портъ и главный рынокъ для всего Китая.

По своей дѣловой жизни Шанхай дѣлится на нѣсколько чрезвычайно оживленныхъ и интересныхъ по своей жизни частей, какъ европейскихъ, такъ и туземныхъ. Первая, такъ сказать, аристократически-дѣловая часть Шанхая, это его Bund — набережная.

Она принадлежитъ англійской концессіи и находится между „Garden Bridge" и французской концессіей.

Одна сторона „Bund"'а — это прекрасныя, въ архитектурномъ смыслѣ слова, и богатыя зданія банковъ, магазиновъ, общественныхъ учрежденій, клубовъ; а другая, набережная рѣки, занята городскимъ садомъ и зеленымъ лугомъ, который тянется вдоль берега вплоть до моста, отдѣляющаго французскую концессію отъ англійской.

По краю берега проложена шоссированная дорожка для

пѣшеходовъ и сдѣланы проходы съ расположенныхъ здѣсь по берегу пристаней на самый „Bund“.

„Bund“—это Невскій Петербурга въ соединеніи съ дѣтскимъ садомъ. Городской садъ, начинаясь отъ самаго „Garden Bridge“, доступенъ только европейцамъ и дѣтямъ въ сопровожденіи „амъ“ (нянь) китаянокъ, японокъ, хавъ-кастокъ (хавъ-кастъ—полу-европеецъ, полу-туземецъ).

Садъ содержится очень чисто. Въ немъ много газоновъ, много цвѣтовъ, деревьевъ, бесѣдокъ въ туземномъ стилѣ, фонтановъ.

Особенно симпатична группа-фонтанъ при входѣ въ садъ, изображающая мальчика и дѣвочку, плотно прижавшихся другъ къ другу и стоящихъ подъ зонтомъ, съ котораго течетъ вода

Садъ подходитъ къ самому берегу рѣки, и, сидя на скамейкѣ, можно часами слѣдить за кипучей дѣятельностью на рѣкѣ, а въ мысляхъ своихъ уноситься далеко, далеко...

Въ саду играетъ нѣсколько разъ въ недѣлю музыка.

Этотъ городской садъ—единственный большой садъ въ Шанхаѣ; въ него собираются всѣ дѣти съ ближайшихъ улицъ, свободно играя и бѣгая по лужайкамъ, по травѣ, на что нѣтъ никакого запрета; травка же растетъ чудесно...

„Bund“ по справедливости можно назвать историческимъ для Шанхая. Направо отъ „Garden Bridge“ находится оранжерея, въ которой можно найти много рѣдкихъ растеній, принадлежащихъ различнымъ климатамъ. Здѣсь же близъ входа стоитъ памятникъ отважному англійскому консулу Margery, который спасалъ команду съ трехъ судовъ, потерпѣвшихъ крушеніе во время тайфуна въ Келунѣ на Формозѣ.

Въ 1874 году Margery было поручено сопровождать торговую экспедицію изъ Китая въ Бирму и завести торговыя сношенія между этими странами.

Margery успѣшно выполнилъ данное ему порученіе, но, по возвращеніи, былъ убитъ, имѣя всего 28 лѣтъ отъ роду. Неподалеку находится еще памятникъ Normann, Anderson, Phipps и Bowlty, которые во время второй англо-китайской войны взяты были китайцами въ плѣнъ, посажены въ клѣтки и такъ доставлены въ Пекинъ, гдѣ и были варварски замучены.

По другую сторону сада находится памятникъ въ честь офицеровъ и солдатъ, погибшихъ при усмиреніи въ провинціи Цзян си возстанія тайпинговъ въ 1862—64 году.

Англійскія войска приняли участіе въ усмиреніи по просьбѣ китайскаго правительства.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этого памятника стоитъ памятникъ командѣ и офицерамъ нѣмецкой канонерки „Iltis".

Памятникъ изображаетъ сломанную мачту; онъ обнесенъ якорями и судовыми цѣпями.

Канонерка „Iltis" погибла въ іюлѣ 1896 года, во время тайфуна, бросившаго ее на утесъ.

На канонеркѣ доблестно погибло 77 человѣкъ команды и офицеровъ, которые, видя, что спасенія нѣтъ, при пѣніи національнаго гимна пошли вмѣстѣ съ своимъ судномъ ко дну...

Еще далѣе, при проходѣ отъ берега въ Nanking-road, стоитъ памятникъ Sir Harry Parker, статуя во весь ростъ.

Сэръ Паркеръ, какъ гласитъ надпись на памятникѣ, оказалъ громадныя услуги англійскому обществу, причемъ отличался всегда замѣчательною добротою и доступностью для каждаго.

Сэръ Паркеръ былъ въ концѣ своей жизни англійскимъ посланникомъ въ Пекинѣ.

Нѣсколько далѣе по набережной отъ памятника Паркера видны на рѣкѣ близъ берега стоящіе какіе-то плавучіе амбары.

Это—тоже памятники, но памятники не славы англичанъ, а ихъ позора. Это — склады опіума, привезеннаго изъ Индіи и сохраняемаго здѣсь, пока не будетъ оплаченъ пошлиной, чтобы получить свободу отравлять и разорять китайскій народъ.

Англичане первые пустили въ 1834 году опіумъ въ торговлю съ китайцами и внесли отраву въ народный китайскій организмъ. Тщетно китайское правительство боролось со зломъ куренія опіума, получившаго страшное распространеніе „во всѣхъ слояхъ населенія". Опіумъ проникъ и въ села, и въ города, и во дворцы, и въ войска.

Ни запрещенія, ни наказанія, ни даже смертная казнь надъ курильщиками опіума не достигали цѣли: куреніе распространялось. Китайское правительство обратило тогда стѣсненія на англичанъ, торговцевъ опіумомъ, и въ Кантонѣ склады опіума сожжены китайскими чиновниками, а самый ввозъ опіума запрещенъ. Это запрещеніе и послужило поводомъ къ началу англичанами противъ Китая, въ 1839 году, опіумной войны.

Война окончилась тѣмъ, что англичане по Нанкинскому договору пріобрѣли себѣ Гонгъ-Конгъ, взяли съ Китая военную контрибуцію за расходъ войны въ 12 милліоновъ долларовъ, взяли шесть милліоновъ долларовъ за уничтоженный китайскимъ правительствомъ опіумъ въ Кантонѣ, да три милліона за всякіе другіе убытки англійскихъ подданныхъ, итого взяли 21 милліонъ.

Кромѣ того, были открыты для иностранной торговли Шанхай, Нингпо, Фучжу и Амой.

И съ того злосчастнаго 1839 года надъ китайскимъ народомъ тяготѣютъ, словно проклятіе, англійскій опіумъ и миссіонеры... Проходя днемъ по „Bund"'у, видишь передъ собой пестрый калейдоскопъ жизни, „племенъ, нарѣчій, состояній".

Велосипедисты, дженерикши, каретки въ одну лошадь, коляски, автомобили, мандаринскіе паланкины, носилки-стулья съ китайцами-носильщиками и китайской свитой при мандаринахъ, верховые,—и изрѣдка среди этого шумнаго движенія скромно пробирается первобытная китайская ручная тачка, которую везетъ одинъ китаецъ, а на тачкѣ съ двухъ сторонъ, спина къ спинѣ, сидятъ, свѣсивъ ноги, два пассажира.

Ручной способъ передвиженія людей на тачкахъ распространенъ еще въ Китаѣ. Столь же разнообразны и встрѣчающіеся люди: спѣшащіе дѣльцы, „дѣлающіе деньги", бѣдняки и „бывшіе люди", европейцы всѣхъ народностей и азіаты всѣхъ племенъ, мужчины, женщины, дѣти съ „амами", полицейскіе „сикки" и китайцы, патеры миссіонеры въ одѣяніяхъ іезуитовъ, маристовъ, лазаристовъ, францисканцевъ, рабочіе китайцы-кули, переносящіе черезъ улицу грузъ въ пакгаузы, японки въ своихъ оригинальныхъ прическахъ и костюмахъ—кимоно, оби, гета,—нарядные китайцы и китаянки,—все это пестритъ уличную жизнь „Bund"'а при яркомъ солнечномъ освѣщеніи...

Но не одинъ Bund, а каждая часть Шанхая, всякая его улица имѣетъ свой особенный интересъ, свою физіономію.

Въ этомъ отношеніи Шанхай справедливо можно назвать многоликимъ городомъ.

Послѣ Bund'а очень интересна начинающаяся отъ него Nanking-road. Въ началѣ это улица съ европейскими домами и магазинами, а затѣмъ она становится смѣшанной.

Honan-road—преимущественно китайская, но оевропеившаяся. Китайскіе магазины на этой улицѣ имѣютъ европейскую обстановку. Honan-road интересна для наблюдателя китайской жизни, благодаря множеству имѣющихся по этой улицѣ чайныхъ домовъ съ „дѣвицами и пѣвицами".

Въ этой же мѣстности между Shanse- и Tokien-road находится интересный китайскій храмъ „Хунъ-мяо" — красивый храмъ, посвященный богинѣ милосердія.

Храмъ этотъ пользуется большимъ почитаніемъ, и здѣсь всегда бываетъ много богомольцевъ, ожидающихъ отъ богини милости. При входѣ въ храмъ стоятъ и сидятъ гадальщики съ

своими принадлежностями гаданья—книгами, рисунками, костями; сидятъ сочинители писемъ, толпятся надоѣдливые нищіе. Во дворѣ передъ храмомъ стоитъ массивная бронзовая урна, въ которой сжигаются „жертвенныя деньги" (золоченая бумага). Войдя въ храмъ, богомолецъ простирается ницъ передъ деревяннымъ бронзированнымъ изображеніемъ богини и опускаетъ въ ящикъ у ея подножія нѣсколько монетъ. Прислуживающій монахъ въ этотъ моментъ ударяетъ въ колокола, затѣмъ ударяетъ палочкой въ барабанъ, иногда хлопаетъ въ ладоши, чтобы обратить вниманіе богини на приносимую жертву и вызвать состраданіе богини. Nanking-road или, какъ ее еще называютъ, The Maloo, тянется на двѣ мили. Эта улица въ общемъ еще болѣе шумная, оживленная и интересная, нежели Bund; это—улица вполнѣ космополитическая; на ней можно встрѣтить все и всѣхъ: китайцевъ и китаянокъ всѣхъ ранговъ и положеній, китайскія свадебныя и похоронныя процессіи, китайскіе рестораны, бани. На своемъ протяженіи The Maloo-улица снова переходитъ въ европейскій кварталъ подъ названіемъ „Bubbling-well-road".

Здѣсь скаковой кругъ, клубы, ванны, мѣста для игры въ кегли, футъ-болъ, поло и проч.

Отъ 4 до 8 часовъ вечера улица Bubbling-well-road служитъ для прогулокъ. Въ это время здѣсь можно въ экипажахъ, верхомъ, на велосипедахъ встрѣтить „весь Шанхай".

Невдалекѣ отсюда находится также весьма интересный для наблюдателя садъ „Chang-Su-Ho", въ который собирается по четвергамъ и воскресеньямъ, отъ 4 до 7 ч. вечера, все высшее китайское общество, выряженное въ шолкъ и бархатъ.

Вмѣстѣ съ китайцами-мужчинами здѣсь можно увидать и женщинъ-китаянокъ, разукрашенныхъ и набѣленныхъ до подобія куколъ.

Въ ихъ прическахъ, въ ихъ ушахъ и на пальцахъ можно увидѣть много украшеній изъ драгоцѣнныхъ камней, подвѣсокъ и колецъ.

Въ этомъ саду есть и чайный китайскій домъ, но построенный въ европейскомъ вкусѣ, да и вообще весь этотъ садъ и его китайское общество носятъ на себѣ подражательный европейцамъ видъ, какъ будто они хотятъ сказать: „Мы тоже не какъ-нибудь"...

Кромѣ этого оевропеоннаго китайскаго сада „Chang-Su-Ho", въ этой же мѣстности есть еще типичный китайскій садъ „Ю-юэнъ".

Здѣсь всѣ павильоны, бесѣдки, ландшафты носятъ на себѣ китайскій характеръ вплоть до зигзагообразнаго мостика, переброшеннаго черезъ ручей, и любимыхъ китайцами гротовъ.

Чрезвычайно интересна, но уже опять въ своемъ родѣ,— „Foochow-road", также начинающаяся отъ Bund'a.

Foochow-road—это спеціально улица театровъ, чайныхъ домовъ съ пѣвицами, ресторановъ, опіумныхъ и картежныхъ притоновъ.

Вечеромъ Foochow-road до того бываетъ набита народомъ, что прекращается движеніе рикшъ.

Вся улица вечеромъ интересна своимъ яркимъ освѣщеніемъ фонарями, лампами, электричествомъ. Вся она пестритъ флагами, объявленіями, отовсюду несутся звуки китайской музыки и пѣнія.

Въ ресторанѣ, въ который мы зашли, первое, чтò меня хватило, это былъ одуряющій, тошнотворный запахъ опіума. Ресторанъ былъ большой, богатый. Было очень много посѣтителей, изъ которыхъ одни сидѣли за ужиномъ, другіе лежали на канахъ (широкія нары) и курили трубки съ опіумомъ. Мы спросили себѣ чаю и сѣли за свободный столикъ.

На возвышеніи, за особымъ столомъ сидѣло нѣсколько дѣвушекъ-пѣвицъ, а передъ ними были разложены своеобразные музыкальные инструменты.

Вотъ одна изъ нихъ встала, взяла въ руки кастаньеты, а другая взяла инструментъ, струнный, длинный и узкій.

Пѣвица стукнула нѣсколько разъ въ кастаньеты, затѣмъ запѣла, а ея подруга стала ей аккомпанировать на струнномъ инструментѣ. Китайское пѣніе и музыка интересны для европейца, какъ новинка, но они въ то же время настолько своеобразны и непріятны для слуха, что, услышавъ одинъ разъ, въ другой — слышать не захочешь.

Пѣвицы у китайцевъ цѣнятся дорого, такъ какъ каждая пѣвица является солисткой и приглашается каждымъ гостемъ отдѣльно. Ни одинъ ресторанъ не имѣетъ своихъ наемныхъ пѣвицъ или хоровъ, какъ это практикуется въ Россіи.

Поэтому посѣтители, обычно знакомая компанія, задумавъ обѣдать и провести весело время, заказываютъ заранѣе въ ресторанѣ обѣдъ и заказываютъ своихъ знакомыхъ пѣвицъ, которыя и являются къ опредѣленному времени. По Foochow-road много опіумныхъ домовъ всѣхъ категорій. Сами китайцы называютъ опіумъ „иностранное курево" и сознаютъ его вредъ; но тѣ, кто куритъ умѣренно, находятъ въ опіумѣ лишь удовольствіе, какъ европейцы находятъ удовольствіе выкурить послѣ обѣда сигару или выпить рюмку ликера.

Люди дѣловые оправдываютъ куреніе опіума тѣмъ, что при ихъ занятіяхъ, утомляющихъ мозгъ, имъ необходима трубка опіума,

которая освѣжаетъ, ободряетъ ихъ мышленіе и возбуждаетъ ихъ нервы.

Одинъ только бѣдный, истомленный безконечнымъ трудомъ рабочій ничѣмъ себя не оправдываетъ, а куритъ опіумъ, чтобы хоть на часъ одинъ забыть свою тяжелую долю.

Бѣдняки курятъ самый скверный, вредный и дешевый сортъ опіума и болѣе всего погибаютъ отъ отравленія.

Въ Китаѣ курятъ опіумъ всѣ. Много людей богатыхъ обращаются въ нищихъ. Страсть къ опіуму заставляетъ забывать все. При леченіи завзятыхъ курильщиковъ опіума примѣняютъ морфій, но въ результатѣ получается „изъ огня въ полымя", такъ какъ больные опіофаги дѣлаются морфинистами. Для борьбы съ куреніемъ опіума китайское правительство не принимаетъ другихъ мѣръ, кромѣ запрещенія открывать опіумные притоны и расклеиванія объявленій во всеобщее свѣдѣніе о вредѣ куренія для здоровья.

Но ни запрещенія, ни объявленія цѣли не достигаютъ: всѣ большіе города полны опіумными притонами, которые существуютъ съ негласнаго вѣдома полиціи, благодаря всеобщему взяточничеству полиціи и всеобщему куренію опіума.

Ведутъ борьбу съ куреніемъ опіума только христіанскія миссіи да китайское благотворительное общество въ Шанхаѣ. Борьба съ куреніемъ опіума страшно тяжела. Исцѣленіе отъ этого недуга возможно только въ первомъ періодѣ привычки къ куренію, но кто куритъ опіумъ не менѣе восемнадцати мѣсяцевъ, тотъ, какъ говоритъ опытъ, обреченъ на гибель, такъ какъ организмъ его уже настолько отравленъ, что отказаться отъ пріемовъ опіума не можетъ...

Шанхай европейскій, т.-е. въ концессіяхъ англійской, французской и международной, рѣзко отличается отъ Шанхая чисто китайскаго, который составляетъ совершенно отдѣльный городъ, обнесенный каменной стѣною, имѣющей до тридцати футовъ высоты, десять футовъ ширины и въ окружности — до $3^1/_2$ миль.

Въ стѣнѣ имѣются семь воротъ, которыя ведутъ въ городъ и на ночь запираются.

Въ китайскій Шанхай можно попасть изъ французской концессіи, но европейца можно встрѣтить въ китайскомъ городѣ очень рѣдко.

Громадное большинство европейцевъ довольствуется видимымъ ими китайцемъ въ предѣлахъ европейскаго Шанхая, да въ описаніяхъ книжекъ, которыя покупаетъ охотно и прочитываетъ каждый образованный европеецъ, живущій въ Китаѣ.

Мало находится охотниковъ ходить и наблюдать китайскую жизнь по грязнымъ улицамъ туземнаго города, вдыхая въ себя вонь изъ уличныхъ клоакъ.

Чтобы увидать китайскую жизнь такою, какова она есть, необходимо видѣть и китайскую нищету, и нечистоту, и накожныя отвратительныя болѣзни.

Необходимо, однимъ словомъ, не только видѣть, но слышать, обонять, осязать и чувствовать китайца.

А чтобы научиться понимать китайца,—необходимо научиться говорить съ нимъ на его языкѣ.

За пять дней моего осмотра Шанхая и шатанія по его улицамъ, я до того изнемогъ, до того усталъ нервами, что уже былъ не въ состояніи пойти ни въ чрезвычайно интересную дѣловую часть Hongkew, гдѣ находятся шолковыя фабрики, судебныя учрежденія города, гдѣ кипитъ жизнь на рѣкѣ, гдѣ доки, верфи,—ни съѣздить по желѣзной дорогѣ въ Ву-зунъ.

Я посѣтилъ только Сикавей, своего рода католическій Римъ Шанхая.

Сикавей—это знаменитыя католическія миссіонерскія, ученыя, научныя, проповѣдническія и благотворительныя учрежденія.

Сикавей извѣстенъ своей обсерваторіей, наблюденіями которой о направленіи вѣтровъ и движеніи тайфуновъ руководствуются всѣ порта Китая и бюллетени разсылаются по всѣмъ пароходнымъ конторамъ.

Тамъ находятся низшія и высшія школы, подготовляющія китайское юношество къ самостоятельной жизни или католической пропагандѣ среди китайскаго народа.

Для этой цѣли имѣются школы, въ которыхъ преподаются первоначальная грамотность, ремесла, и семинаріи, въ которыхъ изучаются латинскій языкъ, французскій, англійскій, исторія, географія, математика и вообще европейскія науки.

Для способныхъ къ искусствамъ имѣется студія, гдѣ рисуютъ, пишутъ красками съ картинъ старыхъ итальянскихъ мастеровъ.

Въ Сикавеѣ громадная типографія, въ которой печатаются труды ученыхъ миссіонеровъ, среди которыхъ насчитывается не мало почетныхъ и извѣстныхъ въ наукѣ о Востокѣ людей.

Въ Сикавеѣ прекрасный музей съ громаднымъ собраніемъ всего, относящагося до Китая.

Тамъ, наконецъ, много благотворительныхъ учрежденій: школа для глухонѣмыхъ, сиротскіе пріюты для мальчиковъ и дѣвочекъ, домъ для подкидышей и найденышей, богадѣльня для старухъ и проч.

„Найденыши“ — нѣсколько странно звучитъ для уха европейца, но китайцы-бѣдняки очень часто выбрасываютъ на улицы, въ канавы, въ мусоръ маленькихъ дѣвочекъ.

Миссіонеры, зная этотъ обычай китайской бѣдноты, ходятъ и подбираютъ этихъ несчастныхъ дѣтей...

Сикавей — это великое мѣсто для тѣхъ, кто хочетъ увидать въ дѣйствительности правильное пониманіе и правильное выполненіе заповѣди о любви къ Богу и ближнему...

VIII.

Въ Шанхаѣ много русскихъ. Много осѣло выселенцевъ изъ Портъ-Артура; многіе задержались временно; многіе мотаются „безъ опредѣленныхъ занятій“; многіе сводятъ концы съ концами по своей дѣятельности во время русско-японской войны.

Въ Шанхаѣ стоитъ русская канонерка „Манчжуръ“ въ сообществѣ, какъ и во время войны, съ японской и китайской. Грустное напоминаніе...

Шанхай, впрочемъ, полонъ грустныхъ напоминаній о минувшей русско-японской войнѣ и печальной русской дѣйствительности.

Изъ этой дѣйствительности очень еще живы воспоминанія о ставшемъ отнынѣ историческомъ имени Безобразова.

Многіе изъ русскихъ его видѣли, знали, слышали...

Безобразовъ, Алексѣевъ, лѣсное дѣло на Ялу и контрабанда, поставки въ Артуръ и поставщикъ Серебряникъ въ Шанхаѣ, эскадра, буйства, Сахалинъ, моряки, японки во время войны въ прогулкахъ по Bund'у въ колясвахъ, „Альгамбра“ — вотъ пестрая, яркая канва, по которой тянутся безконечной гирляндой цвѣты, цвѣточки и ягодки закончившейся дальне-восточной русско-японской эпопеи.

Передамъ, въ заключеніе моихъ замѣтокъ и воспоминаній, кое-что изъ слышаннаго мною здѣсь.

— Я лично видѣлъ статсъ-секретаря Безобразова, — говорилъ одинъ изъ гостей. — Признаюсь откровенно, что былъ не только пораженъ, но прямо подавленъ могуществомъ, которое онъ проявлялъ и которымъ давилъ всѣхъ чиновниковъ на Дальнемъ Востокѣ. Всѣ сознавали, что Безобразовъ беретъ на себя страшную отвѣтственность за тотъ произволъ, который онъ хочетъ поставить на мѣсто правовыхъ отношеній къ Японіи и Китаю. Всѣ сознавали, что этотъ произволъ непремѣнно приведетъ къ войнѣ

съ Японіей и, можетъ быть, съ Китаемъ, но никто не имѣлъ настолько гражданскаго мужества, чтобы возвысить свой голосъ. Напротивъ, даже большинство высказывавшихся между собой въ частной бесѣдѣ противъ произвола Безобразова, горячо возмущавшихся затѣваемой авантюрой, въ присутствіи Безобразова обращались въ молчаливыхъ, рабски исполнявшихъ его волю льстецовъ.

— Я помню одинъ случай въ Мукденѣ, при которомъ я находился,—вступилъ въ разговоръ одинъ изъ присутствовавшихъ.— Въ виду необходимости сговориться съ китайскими властями о правомъ берегѣ рѣки Ялу, Безобразовъ потребовалъ, чтобы къ нему на завтракъ былъ приглашенъ мукденскій цзянь-цзюнь. Всѣ понимали, что нельзя нарушать общепринятыя правила вѣжливости и приличій, тѣмъ болѣе въ отношеніи китайскаго сановника, котораго приказалъ звать на завтракъ Безобразовъ, самъ не сдѣлавъ перваго визита. Кто-то даже заикнулся, что мукденскій цзянь-цзюнь можетъ оскорбиться и отказаться отъ приглашенія, но этотъ кто-то тотчасъ же прикусилъ языкъ, когда услыхалъ въ отвѣтъ властный окрикъ: „Если вы не можете исполнить такихъ пустяковъ, то вы мнѣ не нужны. Мнѣ нужны не такіе помощники". Забѣгали, засуетились чиновники, стали изворачиваться такъ и этакъ, чтобы убѣдить мукденскаго цзянь-цзюня принять приглашеніе Безобразова на завтракъ.

Да, забылъ упомянуть, что Безобразовъ особенно еще тѣмъ подавлялъ чиновниковъ своимъ могуществомъ, что носилъ при себѣ фотографію одного всесильнаго лица съ собственноручною его надписью. Эту фотографію Безобразовъ показывалъ всѣмъ русскимъ и китайскимъ чиновникамъ, какъ доказательство своихъ особыхъ полномочій, своего особаго значенія...

Какъ удалось уломать пріѣхать на завтракъ къ Безобразову мукденскаго цзянь-цзюня, сказать не умѣю, но только фактъ тотъ, что цзянь-цзюнь пріѣхалъ.

Послѣ завтрака всѣ пошли въ гостиную пить кофе.

Когда всѣ сѣли за столъ, то Безобразовъ поставилъ передъ собой фотографію и потребовалъ, чтобы переводчикъ перевелъ цзянь-цзюню по-китайски слѣдующее.

Я передамъ, конечно, только вѣрный смыслъ того, что̀ самъ слышалъ, подлинныя же слова за четыре года могъ забыть.

„Передайте цзянь-цзюню, что я—представитель нѣсколькихъ высокихъ русскихъ мандариновъ, и что я пріѣхалъ сюда съ полномочіемъ отъ нихъ устроить лѣсное дѣло, одинаково выгодное и для Китая, и для Россіи. Мы будемъ заниматься разработкой лѣса на

обоихъ берегахъ рѣки Ялу. Корейскій берегъ уже нашъ, но нашими должны быть оба берега. Одинаково нашъ долженъ быть и китайскій берегъ. Знайте, что вы не только не должны намъ препятствовать, но должны содѣйствовать и во всемъ меня слушаться. Еще разъ повторяю, что приславшіе меня уполномоченнымъ отъ товарищества — очень важные русскіе мандарины".

Мукденскій цзянь-цзюнь чрезвычайно смутился, выслушавъ это предложеніе, и отвѣтилъ, что самъ онъ лично не имѣетъ права самовольно сдѣлать распоряженіе о предоставленіи китайскаго берега рѣки Ялу въ распоряженіе лѣсного русскаго товарищества, но что немедленно сообщитъ объ этомъ въ Пекинъ въ Вай-у-бу (министерство иностранныхъ дѣлъ) и будетъ слѣдовать полученнымъ изъ Пекина указаніямъ.

Отвѣтъ цзянь-цзюня, видимо, не понравился Безобразову.

„Переведите, — обратился Безобразовъ снова къ переводчику, — что всѣ его Вай-у-бу ... (слѣдовало крѣпкое русское слово), — чтобъ они не подумали оказывать мнѣ какія-нибудь препятствія. Пусть знаютъ, какой я располагаю поддержкой", — при этомъ слѣдовало указаніе руки на фотографію.

— Нѣчто подобное же произошло и на знаменитомъ совѣщаніи именитыхъ русскихъ мандариновъ Дальняго Востока въ Портъ-Артурѣ по вопросу объ учрежденіи намѣстничества Дальняго Востока, — вступилъ въ разговоръ одинъ военный. — Я былъ тоже приглашенъ на совѣщаніе. Учрежденіе намѣстничества для меня ясно представлялось не только вреднымъ, но прямо пагубнымъ для русскаго дѣла. Чтобы обмѣняться мыслями, я зашелъ до начала совѣщанія къ X и Y.

Обсуждая вопросъ о назначеніи намѣстника Дальняго Востока, всѣ мы трое глубоко возмущались возникшей въ Петербургѣ идеей намѣстничества.

Я говорилъ, и мои собесѣдники единодушно присоединялись ко мнѣ, что намъ нужно не намѣстничество и не намѣстникъ на Дальнемъ Востокѣ, а необходимо прежде всего выполнить взятое на себя обязательство эвакуировать войска изъ Манчжуріи и затѣмъ успокоить подозрительность и недовѣріе Японіи, достигшія высшаго предѣла. Но мы не только войска не эвакуировали, а стали поддерживать лѣсное товарищество на Ялу, для чего на службу товарищества хотѣлъ перейти и самъ военный агентъ, а полковникъ Мадритовъ организовалъ военную охрану.

Всѣ эти дѣйствія только разжигали враждебность и подозрительность японцевъ, а тутъ еще подносятъ намѣстничество въ чужомъ государствѣ и на непринадлежащей намъ территоріи.

Вѣдь намѣстничество—это былъ прямой вызовъ, брошенный въ лицо Японіи.

Мои собесѣдники X и Y вполнѣ соглашались со мной, негодовали на Безобразова, причемъ X назвалъ его „скоморохомъ", а Y—„сумасшедшимъ".

Вмѣстѣ вышли мы изъ помѣщенія X и вмѣстѣ вошли во дворецъ будущаго намѣстника Дальняго Востока въ Портъ-Артурѣ.

Вышелъ къ намъ Безобразовъ. Держалъ себя надменно, какъ истый русскій вельможа, мандаринъ добраго стараго времени, вновь показавшійся изъ могилы на свѣтъ Божій. Разсадили насъ по чинамъ и рангамъ. Безобразовъ предложилъ высказаться каждому по вопросу объ учрежденіи намѣстничества на Дальнемъ Востокѣ.

Въ словѣ своемъ относительно необходимости учрежденія намѣстничества Безобразовъ особенно напиралъ, что это — непремѣнное желаніе свыше. Передъ открытіемъ же засѣданія онъ намъ всѣмъ также показывалъ извѣстную уже фотографію съ собственноручною надписью.

Посмотрѣлъ я на своихъ пріятелей X и Y, и вижу, что X ёрзаетъ на стулѣ, а Y пожираетъ глазами статсъ-секретаря, готовый ринуться головой, куда прикажетъ начальство.

Послѣ обмѣна мнѣній было предложено всѣмъ высказаться. X и Y тотчасъ же примкнули къ Безобразову и признали въ назначеніи намѣстника на Дальнемъ Востокѣ и величіе Россіи, и ея несокрушимую мощь, и „Разумѣйте, языцы, и покоряйтеся, яко съ нами Богъ".

Когда дошла очередь до меня сказать мое мнѣніе, я высказалъ свое несогласіе и повторилъ то, о чемъ говорилъ ранѣе X и Y: намъ необходимо прежде всего соблюденіе договора относительно эвакуированія войскъ изъ Манчжуріи, и необходимо считаться съ общественнымъ мнѣніемъ Японіи и ея враждебнымъ къ намъ расположеніемъ.

Если мы не хотимъ считаться ни съ тѣмъ, ни съ другимъ, то, стало быть, мы хотимъ войны съ Японіей и мы готовы къ войнѣ.—Но готовы ли мы къ войнѣ съ Японіей?—спросилъ я.

Безобразовъ надменно-холодно посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

„Надѣюсь, вы слышали, что учрежденіе намѣстничества есть непремѣнное желаніе Государя?"

— Слышатъ, —отвѣтилъ я,—и считаю своей обязанностью повиноваться; но когда спрашиваютъ мое мнѣніе, то считаю себя обязаннымъ по долгу совѣсти и службы говорить только

правду. Имѣя въ виду благо Россіи на Дальнемъ Востокѣ, высказываю, что учрежденіе намѣстничества принесетъ русскому дѣлу только вредъ и войну съ Японіей.

Мое мнѣніе и мой голосъ остались, конечно, одинокими. Заговорилъ только Безобразовъ, развивая далѣе необходимость учрежденія намѣстничества и суля для русскаго дѣла широкіе горизонты.

„А что касается тѣхъ, кто (здѣсь Безобразовъ назвалъ фамиліи Витте, графа Ламсдорфа и Куропаткина) думаетъ намъ препятствовать въ Петербургѣ, то мы ихъ уберемъ..."

И вотъ намѣстничество и намѣстникъ были учреждены. Восторжествовалъ Безобразовъ—и разлилась „безобразовщина" по всей русской землѣ кровавыми рѣками и расцвѣла кровавыми цвѣтами на истощенныхъ и заморенныхъ русскихъ нивахъ...

В. Іовль.

Шанхай.

ВЪ ДНИ КОМЕТЫ

ПОВѢСТЬ.

H. G. Wells. In the days of the Comet.

Окончаніе.

КНИГА ТРЕТЬЯ *).

I.

Я точно проснулся послѣ освѣжающаго сна, проснулся безъ толчка, спокойно открылъ глаза и сталъ глядѣть на необычайно яркіе маки, которые алѣли передъ моими глазами на фонѣ сверкающаго неба. Солнце всходило въ поразительной красотѣ, и цѣлый архипелагъ пурпурныхъ островковъ съ золотыми берегами плавалъ въ золотисто-зеленомъ морѣ. И маки, бутоны съ лебедиными шеями, и распустившіяся сверкающія чашечки, стояли какъ гордые корабли и казались лучистыми, какъ бы сотканными изъ сгущеннаго свѣта.

Я нѣсколько времени смотрѣлъ на все это безъ всякаго изумленія, и потомъ только замѣтилъ, что маки растутъ не одиноко, а среди золотисто-зеленоватыхъ колосьевъ зрѣющаго ячменя. Какой-то вопросъ мелькнулъ въ сознаніи, потомъ исчезъ. Опять все стихло. Мертвая тишина царила кругомъ.

Мнѣ было какъ-то особенно легко и пріятно. Я увидѣлъ, что лежу на небольшомъ помятомъ пространствѣ среди цвѣтущаго

*) См. выше: іюль, стр. 283.

поля, непонятнымъ образомъ пронизаннаго свѣтомъ и красотой. Я сѣлъ и долго разсматривалъ съ восторгомъ нѣжные полевые цвѣтки, растущіе между колосьями. Затѣмъ снова поднялся вопросъ: что это за поле? какъ я здѣсь очутился? Я ничего не могъ вспомнить.

Меня поражало странное ощущеніе во всемъ тѣлѣ. Я чувствовалъ, что сталъ какимъ-то инымъ, чѣмъ прежде, и что все вокругъ меня—колосья, цвѣты, утренняя заря—все это необычное. У меня было такое чувство, точно я—фигура въ какомъ-то ярко расписанномъ цвѣтномъ окнѣ и точно заря пробивается сквозь меня. Мнѣ казалось, что я—часть какой-то очаровательной картины, полной свѣта и радости.

Легкій вѣтерокъ наклонялъ головки качающихся колосьевъ и легкій шумъ будилъ мое сознаніе. Кто я? Вотъ что̀ нужно было рѣшить прежде всего.

Я поднялъ лѣвую руку и увидѣлъ, что она грязная, въ смятой манжеткѣ,—но и она казалось какой-то не настоящей, а какъ бы написанной на картинѣ, преображенной, какъ нищій на картинѣ Боттичелли. Я нѣсколько времени пристально глядѣлъ на запонку—и вспомнилъ о Вилли Лидфордѣ, которому принадлежала эта рука,—точно это былъ кто-то другой, а не я.

Потомъ я сталъ постепенно припоминать всѣ событія, все, что̀ произошло какъ будто бы только-что, — и все это казалось теперь чѣмъ-то маленькимъ очень яркимъ, но далекимъ. Я вспомнилъ Клейтонъ и Сватингли, грязные домики и мракъ, вспомнилъ исторію своей любви, свое безуміе, закончившееся нелѣпымъ выстрѣломъ въ сгущающуюся тьму „конца“. Воспоминаніе о выстрѣлѣ снова пробудило мое сознаніе. Я вдругъ ясно увидѣлъ, до чего все это было безразсудно, и улыбнулся съ чувствомъ снисходительнаго сожалѣнія. Жалкое созданіе, жалкій гнѣвъ! Жалкій, злобный міръ! Я жалѣлъ не себя, а всѣхъ людей съ ихъ измученными гнѣвомъ душами, всѣхъ, жившихъ среди надеждъ и страданій,—и, наконецъ, успокоившихся навсегда среди удушающаго тумана кометы. Что міръ погибъ — въ этомъ я не сомнѣвался. Всѣ люди были слабы и несчастны, а я теперь чувствовалъ себя такимъ сильнымъ и бодрымъ. Я былъ увѣренъ, что умеръ,—живой человѣкъ не могъ испытывать такой полный покой. Я покончилъ съ бредомъ, который называется жизнью. Я умеръ — это несомнѣнно, — но что̀ же это все вокругъ меня?

Знаю... это нивы,—Господни тихія нивы, полныя неувядающихъ маковъ, сѣмена которыхъ приносятъ успокоеніе.

Странно, что на небѣ есть тоже поля, засѣянныя ячменемъ, но, конечно, еще много страннаго и неожиданнаго ждетъ меня впереди.

Какъ тихо вокругъ! Какой покой, — какой непостижимый покой! Наконецъ-то я обрѣлъ его! Тишина, дѣйствительно, необычайная. Не слышно ни одной птицы. Очевидно, я одинъ въ этомъ мірѣ, и кромѣ меня никого нѣтъ. Всѣ далекіе звуки жизни затихли, не слышно ни мычанія стадъ, ни лая собакъ.

Мнѣ вдругъ сдѣлалось страшно, но и страхъ былъ преображенный. Мнѣ тутъ хорошо, — но неужели я буду въ полномъ одиночествѣ? Я поднялся, и навстрѣчу мнѣ направлялись горячіе лучи солнца, проливая счастье на землю, на колосья...

Ослѣпленный яркостью свѣта, я сдѣлалъ шагъ впередъ. Моя нога споткнулась о что-то твердое, и, взглянувъ подъ ноги, я увидѣлъ револьверъ, лежавшій на землѣ у моихъ ногъ, какъ мертвая змѣя. На минуту это меня изумило, но я сейчасъ же забылъ объ этомъ. Чудо тишины и спокойствія охватило мою душу. Заря — и птицы не поютъ,—что это значитъ?

Какъ прекрасенъ міръ! Какая красота, — но и какое безмолвіе! Я медленно прошелъ по полю къ оградѣ. По пути я увидѣлъ мертвую полевую мышь, потомъ неподвижно лежащую ящерицу. Я удивился, что она не испугалась моего приближенія и, наклонившись, взялъ ее въ руку. Тѣло ея казалось живымъ, но она не шевелилась и глаза потускнѣли. Я осторожно положилъ ее на мѣсто, весь дрожа отъ волненія. Я сталъ пристально вглядываться, и среди колосьевъ ячменя увидалъ всюду жуковъ, мухъ и маленькихъ звѣрьковъ, которые лежали всѣ безъ движенія; и они казались не живыми, а изображенными на картинѣ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ я даже не зналъ, такъ какъ мало наблюдалъ жизнь природы. Боже мой,—воскликнулъ я,—неужели же только я одинъ?!

Вдругъ, когда я сдѣлалъ еще шагъ, что-то рѣзко пискнуло. Я оглянулся, но не могъ угадать, откуда раздался звукъ. Потомъ послышался легкій шорохъ въ колосьяхъ,—и я понялъ, что невидимое существо убѣжало. Я опять сталъ разглядывать ящерицу. Она сдѣлала движеніе глазами, шевельнулась, потомъ неловкими и нерѣшительными движеніями стала уползать отъ меня. Прежній страхъ смѣнился у меня изумленіемъ. Вблизи отъ меня я увидѣлъ темную бабочку, сидѣвшую на василькѣ. Сначала мнѣ показалось, что вѣтерокъ качнулъ ее; затѣмъ я увидѣлъ, какъ шевельнулись ея крылышки, она встрепенулась и поднялась на воздухъ. Потомъ поднялась и улетѣла муха, и постепенно все

оживало вокругъ меня—всѣ существа потягивались, похлопывали крылышками, встряхивались и поднимались съ мѣстъ.

Осторожно ступая, чтобы не раздавить какое-нибудь изъ этихъ слабо пробуждающихся созданій, я направился къ оградѣ. Изгородь была удивительно красивая, какой я никогда не видалъ, вся въ цвѣтахъ, и нѣжные тона жимолости, клематиса и другихъ цвѣтовъ сливались въ очаровательную симфонію красокъ. Вдругъ изъ глубины изгороди раздалось чириканіе и шорохъ вспорхнувшихъ крыльевъ.

Ничто не умерло, но все преобразилось и стало прекраснымъ. Я нѣсколько времени стоялъ, глядя радостнымъ взоромъ на все окружающее и изумляясь тому, какимъ прекраснымъ и богатымъ созданъ міръ!

— Твидль-твидль!—жаворонокъ взвился, пронизывая тишину яркимъ звукомъ пѣсни. За нимъ понесся другой... Земля возродилась! — только это слово можетъ передать изумительную свѣжесть утра. Нѣсколько времени я былъ такъ поглощенъ прекрасными подробностями міра, что совершенно забылъ о терзавшей меня еще такъ недавно ревности, и чувствовалъ себя возрожденнымъ для новой жизни. Я сталъ разглядывать цвѣтки, взялъ въ руку бабочку, которая спокойно сидѣла у меня на пальцѣ и потомъ, не торопясь, взвилась и упорхнула. Такъ началось мое новое существованіе, и меня такъ увлекала красота каждой отдѣльной частицы міра, что я не думалъ о великомъ чудѣ преображенія всей земли.

Между изгородью и полемъ шла дорожка; я медленно пошелъ по ней, наслаждаясь видомъ всего окружающаго, и дошелъ до забора, за которымъ была широкая поляна. На почернѣвшемъ отъ времени дубовомъ заборѣ прикрѣплена была дощечка съ надписью: „Пилюли Свиндельса“.

Я присѣлъ у забора, сильно озадаченный этой надписью. Она поразила меня больше, чѣмъ даже револьверъ и видъ смятыхъ манжетъ. А надо мной взвивались и пѣли птицы, — ихъ было все больше и больше.

Я еще разъ взглянулъ на дощечку, и одновременно вспомнилъ, что на мнѣ мое прежнее платье и что у моихъ ногъ, когда я проснулся, лежалъ револьверъ. Изъ этого могъ быть одинъ только выводъ: я не перенесенъ на новую планету, въ свѣтлый грядущій міръ, какъ я сначала предполагалъ. Эта чудесная страна— все тотъ же старый міръ, гдѣ я испыталъ столько горя. Но онъ преобразился, какъ Золушка, превратившаяся въ величественную принцессу въ царскихъ одеждахъ.

Можетъ быть, это былъ старый міръ, но что-то новое отпечатлѣлось на немъ—онъ дышалъ здоровьемъ и счастьемъ. Можетъ быть, это былъ старый міръ, но пыль и злоба стараго міра исчезли—въ этомъ я не сомнѣвался.

Я вспомнилъ послѣднюю пору моей прежней жизни, наростающую злобу, мракъ, окутавшій міръ, и вихрь зеленаго пара, задушившій всѣхъ. Комета столкнулась съ землей и положила всему конецъ,—и въ этомъ я былъ увѣренъ.

Но что̀ случилось затѣмъ? Что̀ происходитъ теперь?

Фантазіи временъ дѣтства стали всплывать у меня въ памяти и создавать разныя гипотезы. Въ тѣ дни я вѣрилъ въ наступленіе суднаго дня, въ день воскресенія мертвыхъ. Теперь я подумалъ, что судный день уже, вѣроятно, наступилъ и прошелъ, повидимому миновавъ меня. Я остался одинъ въ очищенномъ, прибранномъ, прекрасномъ мірѣ, чтобы начать жить сначала; вотъ только это объявленіе Свиндельса — остатокъ минувшаго... Свиндельсъ навѣрное потерпѣлъ достойную кару.

Я сталъ думать о Свиндельсѣ, о безсмысленной энергіи этого человѣка исчезнувшей породы; онъ производилъ дрянной продуктъ, покрывалъ страну лживыми объявленіями — и съ какой цѣлью? Каковы были его желанія? Владѣть огромнымъ уродливымъ домомъ, автомобилемъ, раздражающимъ нервы, множествомъ нерадивыхъ слугъ. Онъ велъ запутанныя интриги, чтобы добиться баронства, что̀ было бы для него вѣнцомъ блаженства. Вѣдь вы не представляете себѣ теперь мелочности прежняго міра — наивности и нелѣпости желаній. Я въ первый разъ думалъ объ этомъ безъ злобы. Въ прежніе дни я возмущался несправедливостью, видѣлъ главнымъ образомъ трагическую сторону жизни;—а теперь я только поражался безсмысліемъ прежнихъ волненій. Для меня выяснился сразу комизмъ человѣческаго богатства и чванства, и мнѣ сдѣлалось смѣшно. Свиндельсъ уже не возмущалъ, а только потѣшалъ меня.

Всюду общее пробужденіе началось на зарѣ. Мы проснулись въ радостное утро, ослѣпленные свѣтомъ, приносившимъ блаженство. Всюду было то же самое; всюду жизнь возрождалась утромъ, потому что пока прямые лучи солнца не коснулись атмосферы, азотъ воздуха не могъ перейти въ окончательное новое состояніе и спящіе продолжали лежать тамъ, гдѣ они упали. Въ промежуточномъ состояніи воздухъ висѣлъ инертнымъ и не могъ ни возродить жизнь, ни уничтожить ее. Онъ уже не былъ зеленымъ, но еще не видоизмѣнился въ газъ, который живетъ теперь въ насъ.

Всѣ, кажется, пережили нѣчто подобное тому, что̀ я пытался описать, — чувство изумленія, радостнаго обновленія. Во многихъ случаяхъ люди просыпались растерянные, съ трудомъ приходили въ себя. Я помню, что, сидя на заборѣ, я тоже сталъ сомнѣваться въ своемъ дѣйствительномъ существованіи и сталъ задавать себѣ метафизическіе вопросы. „Если это я,—говорилъ я себѣ,—то почему у меня нѣтъ желанія во что бы то ни стало разыскать Нетти? Нетти мнѣ кажется далекой,—также какъ всѣ испытанныя мною бѣдствія. Почему мой гнѣвъ вдругъ потухъ? Почему мысль о Вералѣ уже не волнуетъ меня?"

Я былъ однимъ изъ милліоновъ людей, которые проснулись въ то утро съ такими же сомнѣніями въ себѣ. Обыкновенно утромъ приходишь въ себя послѣ сна, благодаря тому, что возвращаются привычныя физическія ощущенія, а въ то утро всѣ физическія ощущенія совершенно измѣнились. Измѣнились химическіе процессы жизни, измѣнились функціи нервной системы. Вмѣсто неуравновѣшенныхъ, неопредѣленныхъ, затемненныхъ страстями мыслей, чувствовалась твердость духа, полнота силъ. Осязаніе и зрѣніе стали другими, слухъ сдѣлался болѣе тонкимъ,— и еслибы вмѣстѣ съ тѣмъ не обострилось мышленіе, то, вѣроятно, очень много людей сошли бы съ ума, не будучи въ состояніи вынести такую перемѣну. Первое, самое сильное впечатлѣніе, сопровождавшее переворотъ, было чувство огромнаго облегченія, духовнаго подъема. Ощущалась какая-то непривычная легкость и ясность мысли, такъ что наступившее измѣненіе физическихъ ощущеній не производило угнетающаго впечатлѣнія: неувѣренность въ подлинности своего бытія, которая въ прежнихъ условіяхъ навѣрное совершенно спутала бы людей, теперь только отвлекала ихъ отъ бурныхъ страстей и спутанности личной жизни. Разсказывая исторію моей печальной юности, я старался показать узость, мятежность, хаотичность и возбужденность прежней жизни. А черезъ часъ послѣ моего пробужденія, мнѣ стало ясно, что все это какимъ-то таинственнымъ образомъ навсегда исчезло для меня. То же самое почувствовали почти всѣ. Люди поднимались, вдыхали новый воздухъ полной грудью, и все прошлое отпадало отъ нихъ. Они могли прощать, забывать о причиненномъ имъ злѣ... А между тѣмъ не случилось никакого чуда, истребившаго прежній строй жизни. Произошла перемѣна только въ матеріальныхъ условіяхъ жизни, перемѣна атмосферы, и это сразу освободило всѣхъ отъ прежняго гнета. Для нѣкоторыхъ, правда, это освобожденіе совпало со смертью. Мы знали и до Переворота, по рѣдкимъ минутамъ высокаго подъема въ

насъ самихъ и въ другихъ, а также по историческимъ примѣрамъ, по разсказамъ о героях, что люди могутъ быть иногда прекрасны. Но отрава въ воздухѣ, скудость благородныхъ элементовъ въ немъ, дѣлала такія минуты чрезвычайно рѣдкими,— это теперь измѣнилось. Воздухъ сдѣлался другимъ, и духъ человѣческій, который до того былъ погруженъ въ мрачный, тусклый сонъ, проснулся и сталъ смотрѣть на жизнь освѣженнымъ взоромъ.

II.

Чудо пробужденія я пережилъ въ одиночествѣ; я сначала смѣялся, вспоминая о прошломъ,—а потомъ у меня выступили слезы отъ умиленія. Только спустя нѣсколько времени, я увидалъ другого человѣка. До того, какъ я услышалъ его голосъ, мнѣ казалось, что другихъ людей нѣтъ. Они исчезли вмѣстѣ съ исчезнувшими волненіями прежней жизни. Я, казалось мнѣ, вышелъ изъ бездны, въ которую меня заманилъ мой робкій эгоизмъ; я одинъ какъ-то сталъ всѣмъ человѣчествомъ. Я смѣялся надъ Свиндельсомъ, какъ смѣялся бы надъ самимъ собой, и когда до меня долетѣлъ звукъ чужого голоса, онъ показался совершенно неожиданнымъ. Звукъ повторился, и я откликнулся на него.

— Я повредилъ себѣ ногу,—сказалъ голосъ.

Я вышелъ на поляну и увидѣлъ тамъ съ удивленіемъ—министра Мельмоунта, который сидѣлъ у пруда спиной ко мнѣ. Нѣкоторыя подробности впечатлѣній того утра такъ врѣзались мнѣ въ память, что, кажется, я буду помнить ихъ до конца дней. Я помню совершенно отчетливо цвѣтъ мѣха на воротникѣ его моторной куртки, помню румянецъ его щекъ подъ свѣтлыми бровями. Онъ былъ безъ шляпы, и удлиненная голова съ свѣтлорусыми волосами была опущена—онъ разсматривалъ свою поврежденную ногу. Спина его казалась огромной. И что-то въ его коренастой фигурѣ показалось мнѣ чрезвычайно привлекательнымъ.

— Что случилось?—спросилъ я.

— Да вотъ какая штука!—сказалъ онъ полнымъ груднымъ голосомъ и обернулся въ мою сторону, показывая мнѣ твердо очерченный профиль съ красивымъ носомъ и полными чувственными губами,—профиль этотъ хорошо извѣстенъ былъ всѣмъ каррикатуристамъ.—Я упалъ и повредилъ ногу. Но гдѣ же вы?

Я подошелъ къ нему спереди и взглянулъ ему прямо въ лицо. Онъ снялъ сапогъ и носокъ, и ощупывалъ толстыми пальцами больную ногу.

— Вы—Мельмоунтъ?—воскликнулъ я.

— Мельмоунтъ...—Онъ задумался на минуту.—Да, такъ меня зовутъ,—сказалъ онъ, не поднимая глазъ.—Но моей ногѣ отъ этого не легче.

Мы помолчали съ минуту; только онъ слегка стоналъ отъ боли.

— Вы понимаете,—спросилъ я,—чтò собственно произошло?

Онъ продолжалъ осматривать ногу.

— Перелома нѣтъ,—сказалъ онъ.

— Понимаете ли вы, — повторилъ я, — чтò произошло въ мірѣ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ, впервые взглянувъ на меня довольно равнодушнымъ взглядомъ.

— Все измѣнилось.

— Да, перемѣна есть.—Онъ улыбнулся, и взглядъ его оживился.—Я пока занятъ былъ моими личными ощущеніями, болью въ ногѣ. Но, дѣйствительно, все какъ-то необычно сверкаетъ. Вы объ этомъ говорите?

— Отчасти. И кромѣ того, необыкновенное ощущеніе легкости...

Онъ поглядѣлъ на меня и задумался.

— Я только-что проснулся, — сказалъ онъ, стараясь, припомнить, чтò съ нимъ было.

— И я тоже.

— Я заблудился,—самъ не знаю кàкъ. Былъ странный зеленый туманъ. — Онъ опять поглядѣлъ на ногу, припоминая, чтò было.—Это, кажется, связано съ кометой. Я стоялъ у забора въ темнотѣ. Пытался бѣжать... потомъ, вѣроятно, попалъ сюда, на поляну. — Взгляните.—Онъ указалъ головой. — Тутъ лежатъ наваленныя бревна. Я, вѣроятно, споткнулся о нихъ, выходя съ поля.

— Наступилъ мракъ,—сказалъ я,—и какой-то зеленый газъ наполнилъ весь воздухъ. Вотъ послѣднее, чтò помню я.

— А потомъ вы проснулись? Такъ было и со мной. Я въ первую минуту ничего не могъ сообразить. Въ воздухѣ, дѣйствительно, что-то странное. Я мчался по дорогѣ въ моторѣ, очень возбужденный и озабоченный. Потомъ я почему-то вышелъ изъ автомобиля...—Онъ поднялъ палецъ съ торжествующимъ видомъ.— Помню—почему: броненосцы... Теперь все припоминаю. Мы отправили флотъ отсюда въ Тексель. Прямо попались имъ навстрѣчу и подъ Эльбой были подводныя мины. Погибъ „Лордъ Варденъ“. Да... „Лордъ Варденъ“. Военное судно, стоившее два милліона

фунтовъ. — А дуракъ Ригби говорилъ, что это — пустяки. Болѣе тысячи человѣкъ экипажа пошли ко дну. Теперь я все ясно вспоминаю. Мы покрыли Сѣверное море цѣлой сѣтью военныхъ судовъ, затѣмъ сѣверно-атлантическій флотъ поджидалъ враговъ съ другой стороны, — а у каждаго изъ ихъ броненосцевъ было угля не болѣе чѣмъ на три дня. Неужели все это мнѣ приснилось? Нѣтъ. Я говорилъ цѣлой толпѣ что-то успокаивающее,—кажется, было какое-то собраніе. Потѣшные тамъ все были люди — толстяки, лысые, какъ гномы. Гдѣ это было? Ахъ, да, обѣдъ въ Кольчестерѣ,—парадный обѣдъ,—устрицы. Я имъ говорилъ, что нечего бояться аттаки. Потомъ я вернулся сюда... Но неужели это происходило недавно? Вѣроятно,—даже навѣрное. Я сошелъ съ автомобиля, и хотѣлъ подняться пѣшкомъ на скалу, потому что всѣ говорили, что наши преслѣдуютъ вдоль берега одно непріятельское судно. Ну да, теперь все ясно. Я услышалъ ихъ пушки.—Онъ задумался.—Странно, что я все это забылъ. А вы слышали выстрѣлы изъ пушекъ?

Я отвѣтилъ, что слышалъ.

— Это было вчера вечеромъ?

— Да,—очень поздно. Въ часъ или два ночи.

Онъ посмотрѣлъ на меня открытымъ, улыбающимся взглядомъ.

— А теперь,—сказалъ онъ,—все это кажется мнѣ дикимъ сномъ. Неужели вы думаете, что дѣйствительно существовалъ „Лордъ Варденъ"? Что мы пустили его ко дну? Это кажется сномъ,—однако, это дѣйствительно было.

По всѣмъ понятіямъ прежняго времени было почти невѣроятно, что я такъ просто и непринужденно разговариваю съ такимъ виднымъ государственнымъ человѣкомъ.

— Да,—сказалъ я,—все это было. Мы проснулись не только отъ удушья зеленымъ газомъ,—а отъ чего-то бóльшаго. Не вѣрится даже, что все прежнее дѣйствительно происходило.

Онъ нахмурилъ брови и снова ощупалъ ногу.

— Я произнесъ рѣчь въ Кольчестерѣ,—сказалъ онъ.

Ему, видимо, хотѣлось еще что-то сказать, но ему мѣшала привычка къ сдержанности.

— Странно,—сказалъ онъ, мѣняя разговоръ,—что боль въ ногѣ не такая мучительная, какъ могла быть.

— Вамъ больно?

— Ногѣ больно. Все-таки, очевидно, есть переломъ, или скорѣе вывихъ. Очень больно двинуть ногу, но при этомъ я чувствую себя хорошо. Обыкновенно, всякая мѣстная боль разстраиваетъ весь организмъ, а теперь этого совсѣмъ нѣтъ.

Онъ задумался и снова заговорилъ:

— Я произнесъ рѣчь въ Кольчестерѣ и говорилъ что-то о войнѣ. Репортеры быстро записывали... Было вино высокой марки... великолѣпныя устрицы... Что же это я говорилъ о войнѣ? Ахъ, да, что война будетъ по необходимости долгой и кровопролитной, будетъ собирать дань съ зàмковъ и крестьянскихъ избъ... Пустая реторика! Развѣ я былъ пьянъ вчера?

Онъ нахмурился, поднялъ правое колѣно, облокотился на него и оперся подбородкомъ на сжатую въ кулакъ руку.

— Какое уродство!—пробормоталъ онъ съ гримасой отвращенія.

Глубоко лежащіе сѣрые глаза подъ густыми бровями глядѣли куда-то вдаль. Его плотная фигура и задумчивое лицо производили внушительное впечатлѣніе. Я глядѣлъ на него съ большимъ интересомъ. Я никогда еще не встрѣчался съ подобнымъ человѣкомъ, и даже не зналъ, что такіе люди бываютъ. Никакъ не могу въ точности припомнить, какъ я относился къ государственнымъ людямъ до Переворота, но, по всей вѣроятности, не представлялъ себѣ ихъ людьми съ сложной индивидуальной психологіей. Смутно помнится, что они казались мнѣ какимъ-то сочетаніемъ каррикатуры и газетныхъ передовицъ. И во всякомъ случаѣ я не чувствовалъ къ нимъ никакого почтенія. А теперь я совершенно искренно, безъ всякаго подобострастія—это былъ первый результатъ Переворота — почувствовалъ въ присутствіи другого человѣка его превосходство и стоялъ передъ нимъ съ чувствомъ глубокаго интереса и уваженія. Мой возбужденный злобный эгоизмъ — или, можетъ быть, не онъ, а просто жизненныя случайности—никогда не допустили бы этого до Переворота.

Онъ очнулся отъ своихъ мыслей все еще съ выраженіемъ нѣкотораго недоумѣнія на лицѣ.

— Рѣчь, которую я произнесъ вчера,—сказалъ онъ,—была зловреднымъ вздоромъ. И кому я говорилъ... маленькимъ жирнымъ гномамъ, глотавшимъ устрицы. Отвращеніе!

Въ то волшебное утро казалось совершенно естественнымъ, что онъ говорилъ со мной съ такой невѣроятной откровенностью, и что это не умаляло его авторитета въ моихъ глазахъ.

— Да,—сказалъ онъ,—все-таки, все это было, хотя и представляется теперь тяжелымъ сномъ.

Ощущенія того утра вырисовываются въ моей памяти съ необычайной ясностью на фонѣ темнаго прошлаго. Помню, что воздухъ оглашался пѣніемъ птицъ; мнѣ даже слышался какъ бы отдаленный звонъ колоколовъ, хотя я увѣренъ. что въ дѣйстви-

тельности никакихъ колоколовъ не было. Но въ обновленной атмосферѣ было что-то, будившее представленіе о радостномъ колокольномъ звонѣ. И этотъ огромный, красивый задумчивый человѣкъ, сидѣвшій на землѣ, казался даже въ своихъ неуклюжихъ движеніяхъ прекраснымъ созданіемъ великаго Творца, прославляемаго ликующимъ міромъ.

Онъ говорилъ со мной, совершенно чужимъ юношей, безъ всякаго стѣсненія, свободно и открыто излагая свои мысли, какъ люди говорятъ теперь другъ съ другомъ. А въ прежнее время мы не только плохо разсуждали, но, кромѣ того, цѣлый рядъ предразсудковъ, ложное представленіе о достоинствѣ, авторитетѣ, сдержанности и другіе мелочные мотивы заставляли насъ долго таить мысли, прежде чѣмъ мы рѣшались высказать ихъ кому-нибудь.

Я бы хотѣлъ передать все, что̀ онъ сказалъ мнѣ тогда, вызывая новыя мысли и представленія въ моемъ обновленномъ сознаніи. Но у меня осталось въ душѣ лишь общее впечатлѣніе того утра, и только отдѣльные отрывки разговора уцѣлѣли въ моей памяти. Помню, какъ онъ сказалъ еще:

— Къ концу сонъ сдѣлался ужаснымъ. Война—какой это былъ ужасъ! Она сдѣлалась кошмаромъ, отъ котораго невозможно было спастись,—всѣ были имъ захвачены.

Онъ говорилъ съ полной откровенностью и выяснилъ мнѣ войну въ томъ свѣтѣ, въ какомъ всѣ ее видятъ теперь. Но въ то утро это казалось настоящимъ чудомъ; онъ сидѣлъ на землѣ, забывая о своей обнаженной распухшей ногѣ, и говорилъ со мной, какъ съ равнымъ, и въ то же время точно забывалъ обо мнѣ и выяснялъ лишь самому себѣ то, что̀ его заботило.

— Мы могли бы предотвратить это,—сказалъ онъ.—Каждый изъ насъ, еслибы рѣшился говорить искренно, могъ бы устранить войну. Нужна была только искренность. Что̀ же мѣшало намъ всѣмъ говорить откровенно другъ съ другомъ? Ихъ императоръ—при всей его комичной заносчивости — былъ все-таки здравомыслящимъ человѣкомъ.—Мельмоунтъ охарактеризовалъ въ нѣсколькихъ словахъ нѣмецкую прессу, нѣмецкій народъ и нашу страну. Онъ судилъ такъ, какъ судятъ теперь, но съ большей горячностью, какъ человѣкъ, сознающій отчасти свою собственную виновность и чувствующій раскаяніе.—Больше всего мутили умы ихъ безумные профессора,—воскликнулъ онъ вдругъ,—невозможные они были люди! Да и мы хороши были! Многимъ изъ насъ слѣдовало выступить рѣшительнѣе... Тогда бы можно было во̀-время положить конецъ этому вздору.—Онъ сталъ что-то бормотать про себя и потомъ замолкъ.

Я глядѣлъ на него, и каждое его слово западало мнѣ въ душу. Въ это утро я совершенно забылъ о Нетти и Вералѣ,— точно они были герои какого-нибудь романа, который я отложилъ, чтобы дочитать на досугѣ, предпочитая чтенію бесѣду съ этимъ человѣкомъ.

— Ну, все равно,— сказалъ онъ, отрываясь отъ своихъ мыслей.— Теперь мы очнулись отъ сна. Прежнее стало невозможнымъ,— оно должно кончиться. И какъ оно началось, и почему такъ долго длилось?.. Какъ оно могло длиться? Я теперь чувствую себя какъ бы новымъ Адамомъ... А какъ по вашему— все это дѣйствительно было?

Онъ хотѣлъ подняться, и вспомнилъ о больной ногѣ. Тогда онъ попросилъ меня повести его въ его домикъ. Я помогъ ему перевязать ногу, и мы отправились вдвоемъ по дорогѣ, извивающейся между скалами и моремъ. Я служилъ ему костылемъ.

Его домикъ былъ болѣе чѣмъ за версту отъ поляны, и мы подвигались впередъ очень медленно. Онъ тяжело опирался на меня, и я вскорѣ утомился. Мы сѣли отдохнуть. Нога у него была дѣйствительно переломлена, и онъ не могъ ступить на нее безъ сильной боли. Путешествіе до его дома длилось болѣе двухъ часовъ, и заняло бы, вѣроятно, еще больше времени, еслибы на помощь мнѣ не явился его лакей. Слуги Мельмоунта нашли разбитый моторъ и лежащаго въ безпамятствѣ на землѣ шоффера на поворотѣ дороги, недалеко отъ дома, пошли искать Мельмоунта и долго блуждали, пока, наконецъ, встрѣтили насъ.

Мы нѣсколько разъ останавливались по дорогѣ для отдыха, садились на песокъ и бесѣдовали мирно и откровенно,— какъ почти всѣ люди разговариваютъ теперь; но для того времени это было совершенно необычайнымъ явленіемъ. Большей частью говорилъ онъ, а я слушалъ, но въ отвѣтъ на одинъ его вопросъ я разсказалъ ему о моихъ чувствахъ, которыя казались мнѣ самому теперь непостижимыми,— о томъ, какъ я преслѣдовалъ Нетти и ея возлюбленнаго, и о томъ, какъ меня окуталъ зеленый туманъ. Онъ глядѣлъ на меня своими серьезными глазами, кивалъ головой въ знакъ пониманія, а потомъ сталъ разспрашивать о томъ, какъ я воспитывался, чѣмъ занимался. Онъ предлагалъ вопросы медленно, видимо вникая въ мои отвѣты.

— Ну, да,—сказалъ онъ, наконецъ,—все это совершенно естественно. Сколько я надѣлалъ глупостей!—Больше онъ ничего не сказалъ, и мы опять пошли вдоль берега. Сначала я не могъ понять связи между моимъ разсказомъ и его упрекомъ самому себѣ.

— Представьте себѣ,—сказалъ онъ,—что существовалъ бы прежде настоящій государственный человѣкъ... вѣдь онъ бы сразу рѣшилъ, что нужно положить конецъ этому бреду. Нужно было обращаться съ людьми, какъ художникъ съ глиной, какъ человѣкъ, который беретъ камни и строитъ,—онъ указалъ широкимъ жестомъ на красоту неба и моря и вдохнулъ воздухъ полной грудью,—нѣчто достойное такихъ рамокъ.

И онъ добавилъ въ объясненіе своихъ словъ: — Тогда не было бы такихъ исторій, какъ ваша.

— Разскажите мнѣ еще про себя,—сказалъ онъ.—Я чувствую, что все это прошло навсегда, и что нужно все измѣнить... Вы теперь сдѣлаетесь другимъ. Все прежнее теперь не имѣетъ значенія. Во всякомъ случаѣ, для насъ съ вами все, что̀ вы дѣлали прежде, безразлично. Въ томъ мракѣ, который теперь позади насъ, мы были далеки другъ отъ друга — и встрѣтились только теперь. Разскажите же мнѣ о прошломъ.

Я ему разсказалъ все такъ же откровенно, какъ разсказываю теперь вамъ.

— Деревня, куда вы направлялись,—вотъ тамъ, за тѣмъ выступомъ,—сказалъ онъ, когда я кончилъ.—Но что̀ же вы сдѣлали съ вашимъ револьверомъ?

— Я оставилъ его тамъ—на ячменномъ полѣ.

Онъ взглянулъ на меня изъ-подъ своихъ свѣтлыхъ бровей.

— Если и другіе испытываютъ теперь то же, что̀ мы съ вами,—сказалъ онъ,—то много револьверовъ и пистолетовъ будетъ оставлено въ поляхъ.

Такъ мы разговаривали, я и этотъ большой, сильный человѣкъ, охваченные истинно братскимъ чувствомъ другъ къ другу. Моя душа открывалась ему съ полнымъ довѣріемъ,—а до того я относился ко всѣмъ людямъ очень подозрительно. Я какъ теперь вижу его на широкомъ, пустынномъ берегу въ часъ отлива, или наклонившимся надъ трупомъ утонувшаго матроса, котораго мы увидѣли на берегу. Этотъ несчастный не дожилъ до великой зари обновленія, которая наполняла радостью насъ двоихъ. Онъ лежалъ на мокромъ пескѣ, подлѣ обломковъ корабля. Не представляйте себѣ, однако, въ преувеличенномъ видѣ ужасы тѣхъ дней,—смерть не была тогда болѣе обычнымъ явленіемъ, чѣмъ теперь. Мертвый человѣкъ былъ матросъ съ нѣмецкаго военнаго судна „Rother Adler“, которое — еслибы мы это знали! — утонуло не болѣе чѣмъ въ четырехъ миляхъ отъ берега и лежало среди взрытыхъ грудъ ила, представляя изъ себя громаду поломанныхъ машинъ и обломковъ, совершенно покрытыхъ водой въ

часъ прилива. И вмѣстѣ съ судномъ потонуло девятьсотъ сильныхъ, отважныхъ людей, способныхъ каждый трудиться на пользу себѣ и другимъ...

Я помню совершенно ясно несчастнаго матроса. Онъ утонулъ въ то время, какъ поднимался удушливый зеленый газъ; красивое молодое лицо было спокойно, но кожа на груди вся сморщилась отъ напора воды, правая рука была отогнута назадъ. Но даже эта ненужная жестокая смерть пріобрѣла теперь отпечатокъ величественной красоты. Все сливалось въ знаменательное зрѣлище, когда мы стояли на берегу,—я въ моемъ потрепанномъ, нищенскомъ платьѣ пролетарія, а Мельмоунтъ въ широкой курткѣ съ мѣховымъ воротникомъ—и наклонились оба надъ трупомъ, жалѣя несчастную жертву войны, въ возникновеніи которой Мельмоунтъ былъ тоже отчасти виноватъ.

— Бѣдный мальчикъ, — говорилъ онъ, — бѣдный мальчикъ! Мы, слѣпцы, послали его на смерть! Посмотрите на тихую красоту этого лица, этого тѣла,—какъ можно было не считаться съ этимъ!... Это должно кончиться,—сказалъ онъ тихимъ голосомъ, опираясь на мое плечо,—этого нельзя болѣе допускать.

Но яснѣе всего мнѣ вспоминается то, чтò говорилъ Мельмоунтъ, сидя, нѣсколько времени спустя, на большой грудѣ обломковъ корабля. Солнце ярко озаряло его полное лицо, на которомъ выступали капли пота. Онъ высказывалъ вслухъ свои рѣшенія.

— Нужно покончить разъ навсегда съ войной, — сказалъ онъ:—это полная нелѣпость! Когда столько людей умѣютъ читать и писать—даже въ теперешнемъ положеніи вещей,—нѣтъ надобности въ войнѣ. О чемъ мы, правящіе, думали?! Сидѣли въ полудремотѣ, какъ люди въ душной комнатѣ, слишкомъ отяжелѣвшіе, слишкомъ безразличные другъ къ другу, для того, чтобы кто-нибудь поднялся и открылъ окно. О чемъ только мы думали?!— Онъ продолжалъ изумляться себѣ и другимъ.—Нужно все измѣнить,—повторилъ онъ и протянулъ могучимъ жестомъ обѣ руки къ небу и морю. — Мы плохо дѣлали свое дѣло,—Господь вѣдаетъ, почему...—Онъ говорилъ о прошломъ съ наростающимъ изумленіемъ въ голосѣ. — Думали ли вы о томъ, какой ничтожной—именно ничтожной—должна была быть душа всякаго, кто содѣйствовалъ возникновенію войны?—спросилъ онъ.—Онъ сталъ разсказывать, какъ бы стараясь объяснить непостижимое для него теперь, о Лэкокѣ, который первый заговорилъ о войнѣ въ совѣтѣ министровъ.—Маленькій оксфордскій франтъ,—описывалъ онъ его,—съ звонкимъ голосомъ, напичканный греческой

премудростью, избалованный восхищеніемъ своихъ старшихъ сестеръ...

— Все время, — говорилъ Мельмоунтъ, — я наблюдалъ за нимъ—и думалъ о томъ, почему такому ослу довѣряютъ заботы о человѣческихъ жизняхъ... Лучше бы я подумалъ тогда о себѣ самомъ. Вѣдь я ничего не сдѣлалъ, чтобы предупредить несчастіе. Война увлекала его своимъ драматизмомъ, онъ весь горѣлъ и съ торжествомъ возвѣщалъ ее. „Такъ, значитъ, война рѣшена!“ —кричалъ онъ. Ричоверъ пожалъ плечами. Я слегка запротестовалъ, потомъ уступилъ... Хороши мы всѣ были! Каждый немножко боялся другого, всѣ относились пассивно... И такіе люди рѣшали вотъ эти вопросы!—онъ указалъ головой на мертваго матроса, лежавшаго подлѣ насъ.

— Интересно знать, что произошло теперь съ міромъ,— продолжалъ онъ. — Этотъ зеленый газъ, видимо, многое измѣнилъ. Что касается меня, то я преобразился всѣмъ существомъ. Я всегда зналъ... Но теперь я уже не буду только говорить. Я положу этому конецъ.

Онъ попытался встать, и я инстинктивно подошелъ къ нему, чтобы помочь.

— Чему?—спросилъ я.

— Войнѣ,—отвѣтилъ онъ шопотомъ, положивъ мнѣ на плечо свою большую руку, но не дѣлая дальнѣйшей попытки подняться.—Я положу конецъ войнѣ—всякой войнѣ. И все прежнее должно кончиться. Міръ прекрасенъ, жизнь можетъ быть величественной и счастливой,—нужно только поднять глаза на нее. Подумайте,—сколько красотъ въ мірѣ, мимо которыхъ мы проходили, не замѣчая ихъ, подобно стаду свиней, уткнувшихся въ землю въ чудномъ саду! Сколько прекрасныхъ красокъ, звуковъ, формъ! А мы заняты были нашей ревностью, ссорами, мелкимъ соперничествомъ, непобѣдимыми предразсудками, трусливыми интригами; мы болтали, заклевывали другъ друга и грязнили своимъ присутствіемъ міръ,—какъ нечистыя птицы въ святынѣ Господней. Вся моя жизнь состояла изъ мелкихъ интересовъ, изъ глупостей, грубыхъ удовольствій. Я—ничтожное темное пятно среди этого яркаго, сверкающаго утра. Еслибы не милосердіе Господне, я могъ бы умереть сегодня ночью,—какъ этотъ бѣдный мальчикъ,—среди позора моихъ грѣховъ. Но теперь этого больше не будетъ. Все равно, измѣнился ли весь міръ,—но я уже не тотъ. *Мы оба видѣли зарю новыхъ дней.*

Онъ замолчалъ.

— Я обращусь къ Отцу моему, — началъ онъ снова, — и скажу Ему...

Его голосъ перешелъ въ неслышный шопотъ. Рука его тяжело оперлась на мое плечо, и онъ поднялся...

III.

Такъ я прожилъ великій день пробужденія. И такъ же, какъ проснулся я, проснулись въ то же утро и другіе.

Весь міръ живыхъ существъ охваченъ былъ безчувствіемъ. При соприкосновеніи съ новымъ газомъ кометы наступила перемѣна во всемъ мірѣ. Какъ объясняютъ ученые, прежній азотъ воздуха измѣнился въ одно мгновеніе и сдѣлался пригоднымъ для вдыханія, отличаясь отъ кислорода, но поддерживая его дѣйствіе и оказывая укрѣпляющее и освѣжающее вліяніе на мозгъ и нервы. Я не знаю въ точности, какія произошли перемѣны въ атмосферѣ, и какія названія химики имъ даютъ, — знаю только, что я и всѣ люди возродились для новой жизни.

Я представляю себѣ, что̀ произошло въ пространствѣ въ тотъ моментъ, когда метеоръ легкимъ вихреобразнымъ движеніемъ приблизился къ нашей планетѣ; она носилась въ пространствѣ, какъ темный маленькій мячикъ, окутанная едва замѣтнымъ покровомъ пыли и облаковъ, съ темными впадинами океановъ, съ сверкающими краями береговъ. Когда метеоръ коснулся ея, прозрачная газообразная оболочка облаковъ сразу сдѣлалась зеленой и потомъ снова прояснилась...

Потомъ, въ теченіе трехъ часовъ, — мы знаемъ, сколько времени длился Переворотъ, потому что всѣ часы продолжали ходить, — всѣ живыя существа, люди, звѣри и птицы, лежали, не двигаясь. Всюду на землѣ въ этотъ день слышалось какое-то странное жужжаніе, потомъ хлынулъ со всѣхъ сторонъ зеленый газъ и сталъ падать звѣздный дождь. Индусъ, работавшій утромъ на полѣ, взглянулъ съ изумленіемъ на звѣзды и упалъ; китаецъ въ синей кофтѣ, сидѣвшій за полуденной чашкой риса, упалъ головой на столъ среди ѣды; японскій торговецъ вышелъ съ изумленіемъ изъ своей конторы поглядѣть, что̀ дѣлается, и упалъ передъ дверью своего дома; въ Золотой Портѣ столкновеніе случилось въ тотъ часъ, когда молельщики ждали появленія звѣзды; не дождавшись ея, они упали на землю. Такъ было въ каждомъ городѣ на всемъ свѣтѣ, во всѣхъ пустынныхъ долинахъ, въ каждомъ домѣ и на каждой площади. На морѣ пассажиры, ко-

торые рады всякому развлеченію, высыпали на палубы пароходовъ, восхищались красотой зрѣлища, но потомъ на нихъ напалъ паническій страхъ, они бросились въ каюты и тамъ впали въ забытье; капитанъ пошатнулся на мостикѣ и упалъ; машинистъ упалъ на угли, и машины продолжали работать безъ присмотра... Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ актеры стали среди представленія шататься и падали на сценѣ. Такъ случилось въ Нью-Іоркѣ. Публика въ большинствѣ театровъ разбѣжалась, но въ двухъ переполненныхъ театрахъ актеры, боясь паники, продолжали играть въ темнотѣ, а зрители, наученные предшествовавшими катастрофами, продолжали сидѣть, какъ пригвожденные къ своимъ мѣстамъ, и потомъ такъ цѣлыми рядами и стали покачиваться, наклоняться впередъ и, наконецъ, упали всѣ на полъ. Я знаю, по словамъ Парлода, говорившаго на основаніи научныхъ данныхъ, что черезъ часъ послѣ столкновенія земли съ кометой первое измѣненіе атмосферы, т.-е. ея зеленая окраска, миновало и воздухъ снова сталъ прозрачнымъ. Конецъ метаморфозы происходилъ среди яснаго воздуха,—только ничьи глаза не видѣли этого. Въ Лондонѣ въ это время была ночь, но въ Нью-Іоркѣ, напримѣръ, всѣ были захвачены изліяніемъ газа среди вечернихъ занятій и развлеченій; въ Чикаго какъ разъ садились за обѣдъ, и всѣ вышли изъ домовъ на улицы. Лунный свѣтъ, вѣроятно, озарялъ запруженные народомъ улицы и скверы, и электрическіе моторы, не имѣвшіе автоматическихъ тормазовъ, продолжали двигаться, пока ихъ не останавливали лежавшія на землѣ тѣла. Люди лежали въ вечернихъ туалетахъ, въ столовыхъ, ресторанахъ, на лѣстницахъ — вездѣ, гдѣ ихъ застигла зеленая мгла. Игроки, люди за виномъ, воры, притаившіеся въ темныхъ углахъ, любящія парочки, скрывавшіяся отъ чужихъ взоровъ, захвачены были среди своихъ грѣховныхъ дѣлъ и просыпались потомъ съ прояснившейся совѣстью на мѣстѣ своихъ прегрѣшеній. Въ Америкѣ жизнь застигнута была среди разгара вечерняго оживленія, въ Англіи же всѣ уже спали. Но та ночь, въ которую произошло столкновеніе, была, какъ я уже сказалъ, знаменательная: тогда началось морское сраженіе, и всѣ шансы были за то, что оно закончится великой побѣдой Англіи. По всему Сѣверному морю сновали военныя суда, окружившія непріятеля цѣлой сѣтью. На сушѣ тоже готовились великія событія. Германскія войска стояли, готовыя къ бою, на всемъ протяженіи отъ Редингена до Маркирха, пѣхота расположилась на ночь на стоянкахъ между Лонгніеномъ и Тіанкуромъ и между Аврикуромъ и Доненомъ. Холмы за Спинкоур-

томъ были усѣяны спрятанными отрядами французскихъ стрѣлковъ; узкая линія французскихъ войскъ извивалась вокругъ нѣмецкихъ колоннъ и тянулась оттуда вдоль Вогезовъ и затѣмъ черезъ границу, близъ Бельфора, у самаго Рейна...

Венгерскіе и итальянскіе крестьяне зѣвали, удивляясь, что утро такое темное, и падали, засыпая сномъ безъ сновидѣній. Магометанскій міръ разстилалъ коврики и становился на молитву, среди которой и былъ застигнутъ сномъ. А въ Сиднеѣ, въ Мельбурнѣ, въ Новой Зеландіи поднялся густой туманъ среди дня, разогнавшій толпу, собравшуюся на скачки и для игры въ крокетъ, остановилъ разгрузку кораблей, и улицы покрылись упавшими, гдѣ стояли, людьми.

Представьте себѣ въ воображеніи картину того, что̀ произошло между наборомъ и печатаніемъ нумера „Новой Газеты", который лежитъ теперь передо мною. Это былъ первый нумеръ газеты, напечатанный на землѣ послѣ Великаго Переворота. Онъ имѣетъ очень обветшалый и потемнѣвшій видъ, такъ какъ напечатанъ на бумагѣ, не предназначенной для долгаго храненія. Я нашелъ его на столикѣ въ саду гостинницы, гдѣ ждалъ Нетти и Вераля передъ нашимъ послѣднимъ разговоромъ, о которомъ я сейчасъ разскажу. Когда я гляжу теперь на нумеръ газеты, я ясно вспоминаю ту сцену, вижу Нетти, стоящую въ бѣломъ платьѣ на синевато-зеленомъ фонѣ сада, залитаго солнцемъ, помню, какъ она глядѣла мнѣ въ лицо въ то время, какъ я читалъ газету...

Бумага такъ обветшала, что почти разсыпается у меня въ рукахъ. Она лежитъ передо мной на столѣ, какъ мертвое воспоминаніе объ исчезнувшемъ мірѣ, о прежнихъ страстяхъ, бушевавшихъ въ моемъ сердцѣ. Помню, что мы говорили о томъ, что̀ прочли, но никакъ не могу вспомнить содержанія разговора. Помню только, что Нетти говорила очень мало, а Вераль читалъ, перегнувшись черезъ мое плечо. Мнѣ это было не совсѣмъ пріятно... Чтеніе газеты, однако, помогло намъ, вѣроятно, преодолѣть первое смущеніе, вызванное встрѣчей послѣ всего, что̀ произошло. Но обо всемъ этомъ я разскажу потомъ...

Совершенно очевидно, что газета была составлена наканунѣ, а большіе куски стереотипа вставлены были уже потомъ. Я недостаточно знакомъ съ прежними способами печатанія, и не могу сказать, какъ это было устроено. Получается впечатлѣніе, точно большіе куски набора были вынуты и замѣнены другими. Все было, видимо, сдѣлано на̀скоро, и вставленныя мѣста темнѣе и болѣе небрежно напечатаны, чѣмъ прежнее,—только слѣва пе-

чать блѣднѣе, потому что, вѣроятно, не хватило чернилъ. Одинъ мой пріятель, свѣдущій въ старомъ типографскомъ искусствѣ, говоритъ, что машина, на которой печаталась „Новая Газета“, испортилась въ ту ночь, и въ утро Переворота собственникъ газеты воспользовался другой машиной изъ сосѣдней типографіи,—можетъ быть, тоже принадлежавшей ему.

Первая и послѣдняя страницы газеты напечатаны были до катастрофы, — вставки видны только на двухъ листахъ по серединѣ. Тамъ напечатано на четырехъ столбцахъ сообщеніе подъ заглавіемъ: „Что̀ случилось“. Сообщеніе это пересѣкаетъ столбецъ, наверху котораго начато печатаніе другого сообщенія подъ широковѣщательнымъ заглавіемъ: „Начало морского сраженія. Рѣшается судьба двухъ имперій. Слухи о гибели еще двухъ“...

Всѣ эти извѣстія, конечно, уже лишены были всякаго интереса въ то утро. Да въ нихъ и не было ничего достовѣрнаго—извѣстія въ такихъ случаяхъ сочинялись въ самой редакціи.

Любопытно перечитать теперь на почти распадающемся газетномъ листѣ первыя сообщенія о наступленіи новой эпохи человѣческой жизни.

Простое и ясное изложеніе фактовъ на вставленныхъ столбцахъ газеты показалось мнѣ въ то время очень страннымъ среди обычнаго развязнаго и рѣзкаго тона на другихъ листахъ. Теперь только содержаніе этихъ столбцовъ и кажется благоразумнымъ среди пустой болтовни всего остального. Но, главнымъ образомъ, эти вставленные столбцы свидѣтельствуютъ о томъ, какъ быстро Лондонъ оправлялся отъ дѣйствія газа, о томъ, какая энергія проснулась въ огромномъ населеніи столицы. Я пораженъ, когда перечитываю теперь газету, сколько произведено было разслѣдованій и какъ сильно должна была работать мысль, чтобы составить такой ясный и полный отчетъ о міровыхъ событіяхъ въ теченіе одного дня; нумеръ газеты вышелъ на слѣдующій день послѣ Переворота. Читая нумеръ „Новой Газеты“, я ясно представляю себѣ, что̀ должно было произойти въ типографіи газеты во время столкновенія съ кометой. Волна газа охватила помѣщеніе, гдѣ изготовлялась газета, въ самый разгаръ ночной работы, среди возбужденія, вызваннаго кометой и войной,—больше всего войной. Вѣроятно, моментъ Переворота подкрался незамѣтно среди шума и гама, среди яркаго свѣта электрическихъ лампъ. Тамъ даже, можетъ быть, не замѣтили молній, и первыя волны спускавшагося зеленаго газа казались, вѣроятно, волнами лондонскаго тумана: въ то время въ Лондонѣ бывали темные туманы и лѣ-

томъ. А когда наступилъ Переворотъ, онъ захватилъ всѣхъ врасплохъ. Единственнымъ признакомъ того, что приближается нѣчто необычайное, могъ быть только внезапный гулъ на улицѣ и смѣнившая его внезапная тишина. Ничего другого въ типографіи не могли видѣть и знать.

Не было уже времени остановить машины, прежде чѣмъ распространился зеленый газъ. Онъ, вѣроятно, окуталъ всѣхъ, повалилъ ихъ на полъ, и наступила тишина — только машины продолжали свое дѣло. Когда я думаю о происходившемъ въ типографіи, то именно этотъ фактъ больше всего дѣйствуетъ на мое воображеніе. Мы такъ привыкли считать машины продолженіемъ дѣятельности человѣка, что сохранившаяся ихъ самостоятельность во время Переворота кажется чѣмъ-то ужаснымъ. Электрическій свѣтъ продолжалъ, вѣроятно, горѣть по крайней мѣрѣ въ теченіе нѣкотораго времени, и среди сгущающейся тьмы огромныя машины продолжали грохотать, печатать, фальцовать, выбрасывать листы за листами съ выдуманнымъ отчетомъ о сраженіи, съ устрашающими заголовками, и огромное зданіе полно было обычнаго грохота машинъ, — хотя никто уже не управлялъ ими и всюду лежали распростертыя тѣла безмолвныхъ людей.

Странное это, вѣроятно, было зрѣлище, еслибы кто-нибудь случайно могъ устоять противъ дѣйствія газа и могъ бы ходить и смотрѣть, что̀ дѣлается вокругъ него!

Вскорѣ машины истощили запасъ бумаги и типографскихъ чернилъ и продолжали громыхать пустыми среди наступившей тишины. Потомъ, вѣроятно, потухли печи, за недостаткомъ топлива, ослабло дѣйствіе пара, машины замедлили движеніе, свѣтъ сталъ потухать, за прекращеніемъ работы на электрической станціи. И потомъ, среди замирающихъ звуковъ человѣческой жизни, зеленые пары разсѣялись и исчезли. Черезъ часъ, приблизительно, воздухъ прояснился и, можетъ быть, легкій вѣтеръ пронесся надъ землей.

Звуки жизни замирали, — но были и такіе, которые продолжали съ торжествомъ раздаваться среди общаго оцѣпенѣнія. Часы на церковныхъ башняхъ возвѣщали неслышавшему ихъ человѣчеству сначала два часа, потомъ три. Всюду били часы, но никто не слышалъ ихъ...

Затѣмъ наступилъ первый проблескъ дня, первые шорохи пробужденія. Въ типографіи, можетъ быть, лампы еще слабо догорали, и машины еще слабо двигались, когда лежавшіе на полу люди стали приходить въ себя и подниматься. Наборщики, вѣроятно, пришли въ ужасъ оттого, что они непонятнымъ обра-

вомъ заснули за дѣломъ. Среди этого сверкающаго утра „Новая Газета“ возродилась для новой жизни, не соображая въ первую минуту, въ чемъ дѣло. Часы на городскихъ церквахъ пробили одни за другими четыре часа. Рабочіе, растрепанные, въ помятомъ платьѣ, но чувствуя необычайную бодрость во всемъ организмѣ, обступили испорченныя машины, изумляясь, разспрашивая другъ друга, а редакторъ прочелъ напечатанныя наканунѣ строки съ громкимъ недовѣрчивымъ смѣхомъ. На улицѣ стояли люди у возовъ, гладили шеи и терли колѣни у просыпающихся лошадей.

Потомъ въ типографіи стали на работу — медленно, среди несмолкаемыхъ толковъ. Они по инерціи взялись за прежнее дѣло, чувствуя въ себѣ необычайный приливъ силъ. Но работа шла медленно, такъ какъ возникали новые вопросы и недоразумѣнія и начинались обсужденія и толки. Газета попала въ деревню Ментонъ, гдѣ я находился въ то время, только пять дней спустя.

IV.

Я долженъ разсказать вамъ объ одномъ мало замѣчательномъ человѣкѣ, который произвелъ на меня, однако, сильное впечатлѣніе, — о нѣкоемъ Виггинсѣ, хозяинѣ бакалейной лавки, и о томъ, какое вліяніе Переворотъ оказалъ на него. Я слышалъ его исторію въ почтовой конторѣ въ Ментонѣ, куда пошелъ въ первый день, вскорѣ послѣ полудня, чтобы послать телеграмму моей матери. Почтовая контора помѣщалась тоже въ бакалейной лавкѣ, и когда я вошелъ, лавочникъ разговаривалъ съ Виггинсомъ. Они были конкуррентами, — и Виггинсъ явился, чтобы примириться съ хозяиномъ почты послѣ нѣсколькихъ лѣтъ вражды. У нихъ обоихъ было что-то просвѣтленное во взорѣ, лица слегка раскраснѣлись, движенія сдѣлались болѣе гибкими, и они говорили о новомъ ощущеніи во всемъ организмѣ.

— Никакого добра намъ наша ссора не принесла, — сказалъ мнѣ м-ръ Виггинсъ, объясняя, почему они оба взволнованы. — И нашимъ покупателямъ это тоже шло только во вредъ. Я пришелъ сказать ему это. Вотъ, вы послушайте, молодой человѣкъ. Можетъ быть, и у васъ когда-нибудь будетъ своя лавка, такъ вамъ полезно знать. Какая-то дурацкая злоба овладѣла нами, — и я не понимаю теперь, какъ мы не видѣли, что неправы. Это даже была не злость, а просто глупость. Глупѣйшее соревнованіе. Подумайте вѣдь, — люди живутъ въ двухъ шагахъ другъ

отъ друга,—а вѣдь двадцать лѣтъ не разговаривали, ожесточаясь сердцемъ другъ на друга!

— Не понимаю, какъ мы дошли до такого состоянія, м-ръ Виггинсъ,—сказалъ лавочникъ, развѣшивая чай фунтовыми пакетами; онъ это дѣлалъ по старой привычкѣ.—Мы дѣйствовали изъ злобы и упрямства, хотя сами знали, что это глупо.

Я стоялъ, наклеивая марки на телеграмму.

— Вотъ еще вчера,—продолжалъ лавочникъ,—я хотѣлъ во что бы то ни стало сбить цѣну на французскія яйца—и рѣшилъ продавать свои съ убыткомъ. Онъ объявилъ очень низкую цѣну—девять пенсовъ за дюжину, и вывѣсилъ билетикъ съ обозначеніемъ этой цѣны. И вотъ мой отвѣтъ!—онъ указалъ на билетикъ въ окнѣ его лавки:—восемь пенсовъ за дюжину; яйца такія же, какъ за девять пенсовъ въ другихъ лавкахъ. На цѣлое пенни меньше. Почти за свою цѣну. Но главное,—онъ перегнулся черезъ прилавокъ и сказалъ съ удареніемъ:—яйца были не такія же.

— Ну, кто бы теперь пошелъ на такую штуку?—сказалъ м-ръ Виггинсъ.

Я отправилъ телеграмму матери и разговорился съ м-ромъ Виггинсомъ о томъ, что̀ мы оба пережили наканунѣ. Онъ такъ же, какъ и я, не понималъ еще, что̀ собственно произошло. Онъ былъ у себя въ спальнѣ и такъ испугался зеленаго свѣта, пробивавшагося сквозь ставни оконъ, что всталъ, одѣлся и поднялъ всю семью, чтобы всѣ готовились къ смерти. Онъ заставилъ всѣхъ надѣть воскресныя платья, потомъ всѣ вышли въ садъ, перепуганные, но и захваченные величественностью зрѣлища, открывшагося ихъ глазамъ. Они были диссентеры, очень благочестивые, и сейчасъ же подумали, что зеленые пары означаютъ близость конца міра; они приготовились поэтому предстать передъ лицомъ Божіимъ... М-ръ Виггинсъ былъ простой, скромный человѣкъ, и разсказалъ мнѣ о томъ, какъ они провели ночь Переворота,—совершенно простодушно, безъ всякаго самовозвеличенія, и все же у меня осталось отъ его разсказа впечатлѣніе истиннаго геройства.

Онъ и его семья не забѣгали въ испугѣ, какъ многіе другіе, а стояли въ саду, ожидая Суднаго дня, смиренно и благочестиво, затѣмъ стали хоромъ пѣть гимны, потомъ упали одинъ за другимъ и замолкли...

Хозяинъ почтовой конторы слышалъ ихъ пѣніе.

Было необыкновенно странно слышать изъ устъ этого бодраго, радостно настроеннаго человѣка разсказъ о его смерти. Казалось прямо невѣроятнымъ, что это случилось не болѣе двѣ-

надцати часовъ передъ этимъ. Сцена въ саду, четыре человѣка, которые шли во мракѣ навстрѣчу Богу, все это казалось теперь миніатюрной, отчетливо выписанной картиной далекаго прошлаго.

И не только эта сцена, но и много другого, случившагося до столкновенія съ кометой, производило потомъ въ воспоминаніи впечатлѣніе удивительной миніатюрности. Мнѣ и теперь кажется, что юноша въ нищенскомъ платьѣ, мчавшійся по всей Англіи въ погонѣ за Нетти и ея возлюбленнымъ, былъ ростомъ въ нѣсколько вершковъ, и что вся наша прежняя жизнь была представленіемъ въ театрѣ маріонетокъ на тускло освѣщенной сценѣ.

Въ это утро жизнь проснулась на всей землѣ. Я разсказалъ исторію своего пробужденія, разсказалъ, съ какимъ чувствомъ восторга я ходилъ по преображеннымъ полямъ въ Шапгамбюри. Всѣ пережили такія же восторженныя минуты. По близости отъ меня и забытые мною Вераль и Нетти проснулись другъ подлѣ друга, и услышали каждый любимый голосъ среди тишины и ликующаго свѣта. Проснулись всѣ выбѣжавшіе наканунѣ на берегъ люди, которые упали каждый на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ. Всѣ жители деревни проснулись освѣженные и обновленные; проснулась молившаяся въ саду семья, еще съ гимномъ на устахъ, среди цвѣтовъ, и думала, что очутилась въ раю. Моя мать, которая въ моментъ наступающей катастрофы стала на колѣни передъ постелью и стала горячо молиться за своего сына,— поднялась съ колѣнъ съ радостной увѣренностью, что ея молитва услышана.

Солдаты, расположившіеся лагеремъ вдоль дороги, между рядами пыльныхъ тополей, поднялись радостные и стали весело разговаривать и пить кофе вмѣстѣ съ французскими стрѣлками, подозвавшими ихъ изъ своей засады среди виноградниковъ на холмахъ Бовиля. Они всѣ впали въ забытье въ тотъ моментъ, когда ждали, что откроется непріятельскій огонь, — а проснулись при дружескихъ окликахъ прежнихъ враговъ, и каждому сразу стало ясно, что онъ ни за что не станетъ ни въ кого стрѣлять. Одинъ солдатъ разсказалъ потомъ исторію своего пробужденія, и говорилъ, какимъ страннымъ ему показался видъ ружья, лежавшаго подлѣ него, и какъ онъ взялъ его въ руки и сталъ разглядывать. Когда онъ вспомнилъ назначеніе ружья, онъ опустилъ его на землю, поднялся, радуясь, что не совершилъ гнуснаго преступленія, и сталъ вглядываться въ лица тѣхъ, которыхъ собирался наканунѣ убивать. — „Какіе они всѣ славные!“ —подумалъ онъ. Готовившійся залпъ такъ уже никогда

и не огласилъ воздуха. А прежніе непріятели сидѣли у дороги, не смыкаясь въ ряды, и разговаривали, соединяясь въ кучки, обсуждая съ полнымъ отрицаніемъ причины войны,—казавшіяся наканунѣ столь несомнѣнными.

— Воля императора? — говорили они. — Нѣтъ, мы культурные люди. Найдите другихъ людей для такого дѣла, — мы непригодны къ нему... Гдѣ кофе?

Офицеры спустились съ лошадей и стали дружески разговаривать съ солдатами, забывъ о дисциплинѣ. Нѣсколько французовъ прискакали съ холма, гдѣ сидѣли въ засадѣ. Другіе стояли съ недоумѣвающимъ видомъ, продолжая держать ружья въ рукахъ. Наши смотрѣли на нихъ и говорили: „Нѣтъ, они не станутъ стрѣлять въ насъ. Зачѣмъ? Они—честные французскіе граждане“. Есть одна картина, хранящаяся въ старомъ военномъ музеѣ на развалинахъ прежняго Нанси, и на ней изображено пробужденіе солдатъ, одѣтыхъ въ странные старые мундиры. Солдаты просыпались по одиночкѣ. Еслибы обѣ арміи проснулись сразу, то, можетъ быть, бой начался бы—по инерціи. Но тѣ, которые проснулись раньше другихъ, осматривались съ удивленіемъ на преображенный міръ и имѣли время для размышленія.

V.

Какимъ страннымъ, непостижимымъ зрѣлищемъ былъ совѣтъ министровъ, на которомъ я присутствовалъ, черезъ два дня послѣ Переворота, въ домѣ Мельмоунта, и на которомъ обсуждалось устройство мірового государства! Я присутствовалъ на засѣданіи, потому что рѣшилъ остаться пока у Мельмоунта. Мнѣ некуда было идти, а при немъ не было никого, кромѣ его секретаря и лакея; самъ онъ не могъ двинуться съ мѣста изъ-за больной ноги, и ему предстояла огромная работа, какъ одному изъ правителей государства. Его секретарь не зналъ стенографіи, а я зналъ,—и предложилъ Мельмоунту свои услуги. Я сидѣлъ въ его кабинетѣ, который казался мнѣ необычайно роскошнымъ. Мельмоунтъ лежалъ на кушеткѣ, а я сидѣлъ у стола, восторгаясь серебрянымъ письменнымъ приборомъ и великолѣпной бумагой. Я теперь понимаю, что мое присутствіе въ комнатѣ было совершенно необычнымъ явленіемъ, также какъ и то, что секретарь Мельмоунта, Паркеръ, свободно входилъ и выходилъ изъ комнаты во время засѣданія. Въ прежнія времена совѣтъ министровъ былъ секретнымъ конклавомъ, такъ какъ

таинственность была однимъ изъ непремѣнныхъ условій всего, что̀ дѣлало всякое правительство. Въ прежнія времена всякій что-то скрывалъ отъ другого, всѣ хитрили и прятались другъ отъ друга—большей частью безъ всякаго основанія. Теперь это совершенно исчезло.

Сто̀итъ мнѣ закрыть глаза, и я вижу передъ собой всѣхъ собравшихся въ тотъ день у Мельмоунта, слышу ихъ голоса. Помню яснѣе всего лорда Адишама. Онъ пришелъ къ Мельмоунту за день до всѣхъ другихъ, такъ какъ былъ его личнымъ другомъ. Я опишу вамъ этого государственнаго дѣятеля, одного изъ пятнадцати человѣкъ, которые создали послѣднюю войну. Онъ былъ самый младшій членъ правительства, человѣкъ лѣтъ сорока, съ пріятнымъ, открытымъ лицомъ. У него былъ тонкій профиль, улыбающіеся глаза, пріятный голосъ и привѣтливая манера говорить, и онъ казался человѣкомъ, занимающимъ съ легкостью приготовленное для него мѣсто. По характеру онъ былъ тѣмъ, что̀ въ то время называли философомъ, т.-е. очень равнодушнымъ человѣкомъ. Переворотъ застигъ его при его любимомъ занятіи, которому онъ предавался всегда въ концѣ недѣли,—онъ удилъ рыбу. Онъ разсказывалъ, что проснулся у самаго края рѣки. Въ моменты политическаго кризиса лордъ Адишамъ всегда отправлялся удить рыбу на субботу и воскресенье, чтобы сохранить ясность мыслей; а если никакого кризиса не было, то онъ тоже предавался своему любимому спорту, такъ какъ ничто его тогда не отвлекало. Я присутствовалъ при томъ, какъ онъ явился къ Мельмоунту, и по его первымъ словамъ увидалъ, что онъ пришелъ къ такимъ же рѣшеніямъ, какъ и Мельмоунтъ. Я уже вышелъ изъ комнаты, предоставивъ имъ бесѣдовать наединѣ, но потомъ снова пришелъ, чтобы взять для отправки составленную ими длинную телеграмму къ ихъ товарищамъ по министерству. Переворотъ произвелъ на лорда Адишама такое же глубокое впечатлѣніе, какъ и на Мельмоунта, но въ немъ сохранились привычки сдержанности и иронія прежнихъ свѣтскихъ людей, и онъ выражалъ свои чувства съ привитымъ воспитаніемъ ужасомъ передъ всякою экспансивностью.

Эти пятнадцать человѣкъ, управлявшіе Британской имперіей, были совершенно не такими, какими я ихъ представлялъ себѣ, и я теперь съ большимъ интересомъ присматривался къ нимъ. Въ то время въ Англіи политическіе и государственные дѣятели составляли особый классъ, совершенно исчезнувшій съ тѣхъ поръ, и мнѣ трудно дать вамъ понятіе о нихъ... Если вы любитель старыхъ книгъ, то вы найдете изображеніе ихъ въ разныхъ со-

чиненіяхъ старинныхъ временъ. Ихъ изображалъ Диккенсъ съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ въ дурную сторону, затѣмъ Дизраэли, писавшій о нихъ съ грубой лестью и вмѣстѣ съ тѣмъ съ ѣдкимъ юморомъ; онъ самъ случайно, по недоразумѣнію, сдѣлался членомъ правительства, и его любили при дворѣ. Ихъ цѣли и стремленія изображены также довольно вѣрно, хотя и претенціозно, въ книгахъ м-ссъ Гемпфри Уордъ. Всѣ эти книги еще существуютъ и къ нимъ еще можно добавить сочиненія философа Бэджгота, историка Маколея, очень живописно передавшаго событія и психологію государственныхъ людей, романиста Теккерея, который оставилъ описанія показной стороны свѣтскаго быта, и еще нѣкоторыя другія книги.

Мы, средніе люди прежнихъ временъ, основывали свое представленіе о нашихъ государственныхъ людяхъ почти исключительно на политическихъ каррикатурахъ—самомъ могучемъ орудіи политическаго протеста въ наше время. Какъ почти всѣ главныя черты стараго строя, каррикатуры были совершенно случайнымъ явленіемъ общественной жизни и являлись паразитнымъ отпрыскомъ первоначальныхъ, совершенно видоизмѣненныхъ съ тѣхъ поръ, демократическихъ идеаловъ. Они изображали не только людей, заправлявшихъ общественными интересами, но и самые священные устои жизни въ смѣшномъ, пошломъ и позорномъ видѣ, и въ концѣ концовъ совершенно убили всякое серьезное и почтительное отношеніе къ государству. Британскую имперію изображали обыкновенно въ видѣ кичливаго толстаго фермера съ багровымъ лицомъ, Америку, обѣтованную страну свободы,—въ видѣ хитраго, тощаго верзилы въ смѣшныхъ панталонахъ и синей курткѣ. Министры изображались въ видѣ воришекъ, прачекъ, шутовъ, китовъ, ословъ, слоновъ и т. д., и событія, касавшіяся жизненныхъ интересовъ цѣлыхъ милліоновъ людей, представлялись какимъ-то шутовскимъ маскарадомъ. Одна трагическая война въ южной Африкѣ, уничтожившая много тысячъ жилищъ, истощившая двѣ страны, принесшая смерть и увѣчья пятидесяти тысячамъ людей, изображалась каррикатуристами въ видѣ комичной ссоры между злымъ и смѣшнымъ человѣчкомъ, по имени Чэмберленомъ, съ моноклемъ въ глазу, съ орхидеей въ петлицѣ, вѣчно кипятящимся, и „старикомъ Крюгеромъ“, упрямымъ старикомъ въ ужасной старой шляпѣ; за ихъ спиной выступала фигура Судьбы, приносившей голодъ и страданія, горе и позоръ. Такую форму принимала слава этихъ „государственныхъ“ людей, и когда я увидѣлъ ихъ теперь, они казались мнѣ сначала актерами, которые вдругъ скинули свое шутовское платье,

смыли румяна и бѣлила и перестали играть свои комическія роли.

Я увидѣлъ этихъ людей обновленными Переворотомъ, но все еще въ нелѣпыхъ костюмахъ того времени, съ прежними манерами, съ прежними условностями рѣчи. Они сразу отдѣлались отъ понятій стараго времени, но чтобы судить о нихъ, нужно было все-таки помнить ихъ связь съ прежнимъ міромъ, оставившимъ отпечатокъ на нихъ. Для меня, конечно, была ясна эта связь, и я вполнѣ понималъ ихъ. На совѣщаніи присутствовалъ Горель-Броунингъ, толстый человѣкъ съ круглымъ лицомъ, съ привычками глупаго чванства. Онъ боролся сначала противъ приподнятаго настроенія своихъ товарищей, но потомъ сталъ вышучивать самого себя и, наконецъ, сказалъ:—„Я былъ кичливымъ старымъ эгоистомъ и теперь не могу быть полезенъ для дѣла. Я слишкомъ много занимался политическими интригами и не способенъ къ живой жизненной работѣ". Послѣ этихъ словъ онъ долго сидѣлъ совершенно молча. Былъ на собраніи также Картонъ, лордъ-канцлеръ, умный человѣкъ съ блѣднымъ, тяжелымъ, бритымъ лицомъ,—какъ на бюстахъ римскихъ цезарей; онъ говорилъ медленно и внушительно, съ самодовольнымъ выраженіемъ на губахъ и мелькавшей иногда лукавой усмѣшкой.

— Нужно прощать,—сказалъ онъ,—нужно прощать всѣмъ— даже намъ самимъ.

Эти двое сидѣли у верхняго края стола, и я могъ ясно разглядѣть ихъ лица. Маджетъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, былъ небольшого роста и сидѣлъ нахмурившись, съ застывшей улыбкой на тонкихъ губахъ, рядомъ съ Картономъ. Онъ вставлялъ только отъ времени до времени умныя замѣчанія въ общій разговоръ, и когда стало темнѣть, то густыя тѣни вокругъ глазъ придавали ему видъ лукаваго кобольда. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ знатный пэръ, лордъ Ричоверъ, который съ горделивой небрежностью принялъ на себя роль бритто-романскаго патриція двадцатаго вѣка, и раздѣлялъ свое время почти поровну между жокеями, политикой и литературными трудами.—Мы не сдѣлали на своемъ вѣку ничего путнаго,—сказалъ онъ;—а что касается меня лично, то я думалъ только о внѣшнемъ блескѣ.—Онъ задумался, вспоминая, вѣроятно, свою широкую жизнь современнаго патриція, свои великолѣпные дома, служившіе ему оправой для его блеска, своихъ лошадей, создавшихъ ему громкую репутацію на скачкахъ, митинги, на которыхъ онъ умѣлъ вызывать восторги своими щедрыми обѣщаніями, всѣ свои суетныя олимпійскія замашки...

— Я жилъ какъ глупецъ,—сказалъ онъ наконецъ, подводя итогъ прошлому. Его выслушали въ почтительномъ молчаніи.

Гуркеръ, министръ финансовъ, сидѣлъ, заслоненный отъ меня спиной лорда Адишама, и только отъ времени до времени онъ просовывалъ впередъ свой большой носъ, грубый ротъ съ отвислой нижней губой, и гортаннымъ голосомъ говорилъ о недостаткахъ лицъ богатаго класса, объ ихъ алчности и чванствѣ, о дурномъ пользованіи природными умственными способностями.

Этихъ людей и то, чтò они говорили, я помню наиболѣе ясно. Слова другихъ участниковъ совѣщанія изгладились изъ моей памяти.

Получалось странное впечатлѣніе, что всѣ эти люди вовсе не дорожили властью, которой достигли, и ни къ чему не стремились. Они были членами кабинета министровъ, и до наступившаго теперь просвѣтленія не стыдились своихъ дѣлъ, но они и не гордились своимъ положеніемъ. Восемь человѣкъ изъ пятнадцати вышли изъ одной и той же школы, получили почти одинаковое воспитаніе, знали хорошо греческій языкъ, слабѣе математику, имѣли кое-какія свѣдѣнія по естественнымъ наукамъ, изучили въ незначительномъ объемѣ исторію, были болѣе или менѣе знакомы съ англійской литературой семнадцатаго, восемнадцатаго и девятнадцатаго вѣковъ; всѣ они воспитаны были въ духѣ джентльменства и условныхъ понятій чести, жили традиціями, а не воображеніемъ и самобытными мыслями. Никто изъ нихъ не зналъ настоящей жизни; всѣ они переходили изъ рукъ няни въ руки гувернантки, затѣмъ въ школу, учились въ Итонѣ, потомъ въ Оксфордѣ и слѣдовали политической и свѣтской рутинѣ. Даже ихъ пороки и слабости подчинялись условнымъ требованіямъ хорошаго тона. Всѣ они тайкомъ ходили на скачки, учась въ Итонѣ, и, тоже тайкомъ, ѣздили въ Лондонъ изъ Оксфорда, посѣщали кафе-шантаны. Теперь только они поняли узость своего прежняго кругозора.

— Чтò теперь дѣлать?—говорилъ Мельмоунтъ.—Мы проснулись; управленіе страной попрежнему въ нашихъ рукахъ... Какъ же быть?

Я знаю, до чего невѣроятно то, чтò я теперь описываю,—какъ и все, чтò я разсказываю о прежнемъ строѣ жизни; но это—то, чтò я видѣлъ своими глазами и слышалъ собственными ушами. Фактъ, что эта группа людей, стоявшая во главѣ правительства огромной имперіи, располагавшей огромнымъ флотомъ, внушительной арміей, не имѣла понятія о томъ, какъ нужно править страной. Они стояли три года во главѣ прави-

тельства, и до Переворота имъ и въ голову не приходило, что необходимы руководящія идеи для разумнаго устройства жизни. Никакой общей идеи у нихъ не было. Огромная имперія вела безцѣльное существованіе, ѣла и пила, спала и носила оружіе и почему-то гордилась собой. Такой же случайной жизнью жили и другія государства. Какимъ нелѣпымъ вамъ ни кажется англійскій кабинетъ министровъ, онъ былъ не болѣе нелѣпъ, чѣмъ административная власть, соперничавшая съ нимъ.

Я помню, что больше всего меня поразила тогда одна особенность совѣта министровъ, на которомъ я присутствовалъ,— полное отсутствіе споровъ, различія мнѣній относительно основныхъ принциповъ, на которыхъ отнынѣ должна была строиться жизнь. Всѣ эти люди жили до того въ извѣстныхъ условныхъ понятіяхъ и традиціяхъ, въ подчиненіи интересамъ партіи, разнымъ внутреннимъ соображеніямъ, всѣ они были лойяльные подданные имперіи, всѣ были воспитаны въ строгихъ іерархическихъ правилахъ, всѣ умѣли воздерживаться отъ сомнѣній, вполнѣ управляли своими религіозными чувствами. Они были, казалось, защищены невидимыми, но незыблемыми преградами отъ всякихъ разрушительныхъ идей, отъ соціалистическихъ и коммунистическихъ ученій, зарождавшихся въ концѣ старой жизни. И вдругъ, въ моментъ пробужденія, эти преграды сами собой исчезли, точно пары зеленаго газа промыли ихъ мозги и стерли всѣ вѣковыя перегородки и препятствія. Они сразу приняли все, что̀ было вѣрнаго и полезнаго въ теоріяхъ, противъ которыхъ такъ яростно возставали въ прежніе дни. Они дѣйствительно точно проснулись отъ тяжелаго сна и вышли на широкую арену свободной мысли, на основахъ которой построенъ міръ нашихъ дней. Я вамъ вкратцѣ перечислю все, что̀ исчезло изъ ихъ представленій и мыслей. Прежде всего—прежняя теорія „частной собственности", которая такъ запутывала управленіе страной. Въ старыя времена никто не считалъ систему частнаго владѣнія землей идеальной, но всѣ мирились съ нею. Населеніе каждой данной мѣстности отказывалось отъ необходимой связи съ землей, на которой жило, оставляя для общаго пользованія только большія дороги и небольшое количество общинныхъ земель. Все остальное пространство изрѣзано было безсмысленнѣйшимъ образомъ на куски, прямые, треугольные или продолговатые, разной величины, отъ ста квадратныхъ миль до нѣсколькихъ акровъ, и отдавалось въ полное распоряженіе отдѣльнымъ управителямъ, называвшимся земельными собственниками. Земля принадлежала имъ такъ, какъ теперь отдѣльному человѣку принадлежитъ его

шляпа. Они ее покупали и продавали, рѣзали на куски, какъ ветчину или сыръ; они имѣли право истощать ее чрезмѣрной эксплуатаціей или оставлять невоздѣланной, или же строить на ней ужасныя, уродливыя зданія. Если общинѣ нужно было проложить гдѣ-нибудь дорогу или провести трамвай, если нужно было построить городъ или деревню на извѣстномъ мѣстѣ, и даже просто для того, чтобы проходить свободно по опредѣленному мѣсту, нужно было заключать разорительные контракты съ каждымъ изъ монарховъ, владѣвшихъ землей. Нельзя было нигдѣ поставить ногу, не платя кому-нибудь за это дани. Эти владѣльцы были свободны отъ всякихъ отношеній, отъ всякихъ повинностей относительно государства, на широкой территоріи котораго расположены были ихъ земли. Это кажется бредомъ сумасшедшаго, но въ такомъ бреду жило человѣчество. И такъ оно было не только на старыхъ материкахъ, въ Европѣ и въ Азіи, гдѣ эта система органически создалась изъ естественной передачи власти земельнымъ магнатамъ, сумѣвшимъ, среди общаго нравственнаго упадка тѣхъ временъ, освободиться отъ всякихъ обязательствъ. Въ „новыхъ странахъ“, какъ мы ихъ тогда называли—въ Америкѣ, въ Капской колоніи, въ Австраліи и Новой Зеландіи—въ теченіе всего девятнадцатаго вѣка земля отдавалась въ собственность всѣмъ, кто хотѣлъ владѣть ею. Если на какой-нибудь территоріи оказывались залежи угля, или нефть, или золото, или почва была особенно плодоносна, или же мѣстность подходила для постройки прекраснаго города, то безразсудныя правительства призывали эксплуататоровъ, и потоки пронырливыхъ, грубыхъ авантюристовъ отправлялись туда и основывали новый классъ земельной аристократіи въ мірѣ. Послѣ краткаго періода надеждъ и справедливой гордости, Соединенные Американскіе Штаты, страна упованій свободнаго человѣчества, покрылись толпой безземельныхъ собственниковъ, желѣзнодорожныхъ королей, владѣльцевъ минеральныхъ богатствъ. Они дарили городамъ университеты, какъ подаютъ милостыню бѣднякамъ, и тратили свои огромныя богатства на безсмысленную роскошь, о которой теперь никто не имѣетъ представленія. Всѣ государственные люди, собравшіеся у Мельмоунта, прежде считали все это совершенно въ порядкѣ вещей, а теперь это сразу показалось имъ полнымъ безуміемъ.

Съ такимъ же возродившимся чувствомъ справедливости, какъ вопросъ о владѣніи землей, стали они обсуждать и сотни другихъ сложныхъ вопросовъ человѣческой жизни. Они говорили о торговлѣ, и я въ первый разъ услышалъ, что возможна купля

и продажа безъ ущерба для той и другой стороны. Они говорили о коммерческихъ предпріятіяхъ и обсуждали ихъ безъ корыстныхъ интересовъ. Личная выгода исчезла изъ завѣдыванія общественными дѣлами. Много скрытаго раскрывалось съ изумительной ясностью и откровенностью. Эти люди, проснувшіеся для новой жизни, непринужденно смѣялись теперь надъ предразсудками и слабостями прежней системы воспитанія, прежнихъ традицій, надъ всѣмъ, чѣмъ загромождали головы дѣтей и юношества, омрачая ихъ жизнь. Все это казалось теперь отжившимъ вздоромъ.

— Нужно воспитывать всѣхъ дѣтей вмѣстѣ, — сказалъ Ричоверъ, — и знакомить ихъ съ жизнью; мы вѣдь не столько воспитывали ихъ, какъ прятали отъ нихъ правду и устраивали имъ засады. А между тѣмъ легко устроить все по иному, — совсѣмъ легко.

Таковъ былъ повторяющійся припѣвъ ко всему, чтò говорилось тогда въ совѣтѣ министровъ, и мнѣ эти слова твердо врѣзались въ память. „Совсѣмъ легко все устроить иначе и лучше", говорили они всѣ, и я чувствовалъ, слушая ихъ, приливъ энергіи и силы. Все легко сдѣлать при искреннемъ желаніи и смѣлости. Для насъ это теперь избитая истина, а въ то время это казалось божественнымъ откровеніемъ.

При такомъ расширившемся взглядѣ на вещи, война съ Германіей представлялась забытымъ, похороненнымъ эпизодомъ. Мельмоунтъ уже объявилъ перемиріе, и всѣ министры, съ удивленіемъ припоминая о своемъ минувшемъ увлеченіи идеей войны, считали заключеніе мира совершенно рѣшеннымъ вопросомъ, — нужно было только обсудить подробности. Управленіе общественной жизнью намѣчалось пока въ общихъ схемахъ, и всѣ вопросы рѣшались легко, когда члены правительства прежде всего отбросили всяческія дѣленія и подраздѣленія на участки и приходы, графства, государства, націи, отбросили прежнюю административную іерархію со всей ея нескончаемой путаницей, отказались отъ мелкихъ личныхъ интересовъ, создававшихъ цѣлый классъ темныхъ посредниковъ, адвокатовъ, агентовъ, предпринимателей.

— Нужно рѣшить, въ чемъ состоятъ наши новыя требованія, — сказалъ Мельмоунтъ. — Прежнее все такъ гнило, что къ нему нечего возвращаться. Начнемъ все сначала.

„Начнемъ сначала!"—Эти простыя разумныя слова казались мнѣ тогда высшимъ геройствомъ и наполняли мнѣ душу восторгомъ. Въ тотъ день они дѣйствительно были смутными и герой-

скими. Мы не соображали еще, во что̀ должна была вылиться новая жизнь, — мы знали, что старый строй долженъ кончиться. Вскорѣ послѣ того все человѣчество стало дружными усиліями работать надъ обновленіемъ міра. Первыя десятилѣтія новой эры были временемъ тяжелаго, но радостнаго труда;—всякій видѣлъ, что̀ долженъ сдѣлать онъ самъ, и не думалъ объ общемъ результатѣ. Только теперь, когда я оглядываюсь назадъ, сидя старикомъ на высокой башнѣ, я вижу великіе результаты всѣхъ измѣненій, вижу, какъ хаосъ стараго времени просвѣтлѣлъ, какъ разсѣялся мракъ, тяготѣвшій надъ жизнью. Гдѣ теперь старый міръ? Гдѣ Лондонъ, темный городъ дыма и тумановъ, съ его грохотомъ и суетливостью, съ его мутной, запруженной судами рѣкой, съ его черными крышами и потемнѣвшимъ куполомъ собора, съ безчисленными черными отъ сажи домами, съ толпами продажныхъ женщинъ, съ милліонами суетливыхъ, вѣчно куда-то торопящихся клерковъ? Даже листья на деревьяхъ были черны отъ грязныхъ отбросовъ. Гдѣ Парижъ съ его аккуратно подстриженными деревьями, съ его безсердечіемъ и тонкимъ вкусомъ, съ его изящными пороками и миріадами рабочихъ, съ шумомъ высыпающихъ толпами на мосты при холодномъ свѣтѣ зари? Гдѣ Нью-Іоркъ, высокій городъ шума и бѣшеной энергіи, съ его конкурренціей, его зданіями, поднимающимися къ небу? Гдѣ его тяжеловѣсная роскошь, его безстыдное взяточничество и все уродство его мучительно напряженной жизни? И гдѣ Филадельфія, съ ея безчисленными отдѣльными домиками, гдѣ Чикаго съ его бойнями, его многоязычной арміей мятежныхъ безработныхъ? Всѣ эти огромные города исчезли, какъ исчезла моя родина, покрытая каменноугольными копями; жалкое, порабощенное непосильнымъ трудомъ населеніе, не сознававшее даже глубины своихъ страданій, вся ихъ плохо организованная промышленность — все это исчезло и преобразилось. Исчезли старые, случайно выросшіе города,—и теперь на землѣ нѣтъ дымящихся трубъ; вмѣстѣ съ этимъ замолкъ плачъ голодныхъ, изнемогающихъ отъ работы дѣтей; прекратилось мрачное отчаяніе женщинъ, обремененныхъ непосильнымъ тяжкимъ трудомъ; исчезъ шумъ дракъ, а также всѣ грубыя удовольствія и уродство богатаго чванства. Наша жизнь стала другой. Оглядываясь на прошлое, я вижу вздымающуюся пыль снесенныхъ зданій на фонѣ яснаго воздуха, смѣнившаго изліянія зеленаго газа; я вновь переживаю въ памяти годъ палатокъ, годъ построекъ и затѣмъ — возникновеніе большихъ городовъ нашего времени. Возникли Керліонъ и Армедонъ въ южной Англіи, и

между ними извивается зеленый лѣтній городъ Темзы. Я вижу перерожденные старые шотландскіе города; вижу воздвигнутые Америкой Золотой Городъ и Городъ Тысячи Башенъ. Я снова вижу передъ собой городъ театровъ и собраній, и Мартенабаръ, большой бѣлый зимній городъ горныхъ снѣговъ, съ возвышающейся на вершинѣ обсерваторіей и простыми величественными линіями зданія университета. Затѣмъ, въ менѣе центральныхъ мѣстностяхъ, другіе города, тихія мѣста отдохновенія, лѣсистыя деревни съ потоками, струящимися по улицамъ, деревни съ большими аллеями кедровъ, деревни садовъ, розъ и дивныхъ цвѣтовъ, гдѣ слышно постоянное жужжаніе пчелъ. И по этому міру путешествуютъ наши дѣти, наши сыновья, которые въ старомъ мірѣ были бы клерками и лавочниками,—наши дочери, которыя были бы анемичными работницами, падшими женщинами, истомленными заботами матерями или жалкими, одинокими неудачницами. Они ѣздятъ по всему міру, учатся, наслаждаются, счастливыя и свободныя. Они бродятъ по развалинамъ Рима, среди гробницъ Египта или въ аѳинскихъ храмахъ, любуются чудесами новой архитектуры и новаго искусства... Какъ передать полноту и радость теперешней жизни, какъ перечислить всѣ новые города міра, — города, выстроенные съ любовью руками человѣческими для своихъ собратьевъ, города, которые вызываютъ слезы умиленія своей красотой и своей привѣтливостью?...

Предвидѣніе всѣхъ этихъ грядущихъ радостей и красотъ, вѣроятно, охватило меня, когда я сидѣлъ подлѣ кушетки Мельмоунта, но теперь я все это вижу воплощеннымъ, и мои тогдашнія предчувствія почти изгладились изъ памяти. Но предчувствіе навѣрное было,—почему бы иначе я почувствовалъ такую радость въ душѣ?

VI.

До сихъ поръ я ничего не сказалъ о Нетти. Я отошелъ далеко отъ исторіи моихъ личныхъ переживаній. Я пытался передать вамъ результаты Переворота въ связи съ общими рамками новой человѣческой жизни, разсказать о волшебной зарѣ, которая принесла ослѣпительный свѣтъ и поразительный подъемъ духа. Въ моей памяти моя предшествующая жизнь представляется какимъ-то темнымъ проходомъ, гдѣ по сторонамъ мелькали изрѣдка проблески красоты. Все остальное было мука и тьма. Потомъ вдругъ рушились преграды, пали стѣны, и я вошелъ, ослѣпленный, въ радостный, прекрасный міръ, полный разно-

образія и щедрыхъ радостей жизни. Еслибы я былъ музыкантомъ, я создалъ бы широкую, мощную симфонію звуковъ, передающую экстазъ торжества и радости. Въ ней слились бы всѣ звуки, вся гордость, всѣ яркія надежды сверкающаго утра, все счастье неожиданныхъ радостей, все блаженство вознагражденнаго труда. Въ центрѣ всего этого упоительнаго міра шествовала бы Надежда, лучистая и непобѣдимая, и вошла бы, наконецъ, побѣдительницей въ широко раскрытыя ворота міра.

И среди всего этого сіянія выступаетъ въ моей памяти Нетти, тоже совершенно преображенная. Такой она явилась мнѣ—поразительная и совершенно забытая мною среди первыхъ, захватившихъ всю мою душу впечатлѣній. Я вспоминаю ее, рядомъ съ Вералемъ, какой она появилась впервые передъ моимъ обновленнымъ взоромъ—сначала въ смутныхъ очертаніяхъ, въ нѣсколько измѣнившемся отъ всего случившагося видѣ, вызывая во мнѣ сомнѣнія, когда я увидѣлъ ее сквозь стекла въ окнѣ почтовой конторы. Это было на второй день послѣ Переворота, и я какъ разъ отправлялъ телеграммы, порученныя мнѣ для отправки Мельмоунтомъ, который собирался уѣхать въ Лондонъ. Сквозь рубчатое стекло окна Нетти и Вераль показались мнѣ маленькими фигурками, дѣлавшими странные жесты. Я почувствовалъ, что долженъ помириться съ ними, и вышелъ къ нимъ на улицу. Увидавъ меня, они остановились, и Вераль привѣтствовалъ меня радостнымъ возгласомъ, точно хотѣлъ сказать: „Наконецъ-то мы его нашли!“, а Нетти крикнула:—Вилли!

Я подошелъ къ нимъ, и мнѣ показалось, что я вижу ихъ въ первый разъ. Какіе они были красивые, милые, добрые! Я точно никогда до того не видѣлъ ихъ, да и дѣйствительно я видѣлъ ихъ прежде только сквозь покровъ моихъ эгоистическихъ страстей. Они были прежде частью мрачнаго, мелочного міра, а теперь носили отпечатокъ сіянія обновленной жизни. И когда я это почувствовалъ, вся моя прежняя страсть къ Нетти снова проснулась. Переворотъ, расширившій души людей, вовсе не уничтожилъ любви. Любовь только преобразилась, безконечно расширилась и углубилась. Нетти стала для меня центромъ мечты о переустройствѣ міра, наполнявшей мою душу. Легкая прядь волосъ отдѣлилась у нея отъ головы и упала на щеку, губы ея раскрылись въ нѣжной улыбкѣ, глаза сверкали радостью и дружбой.

Я взялъ ея протянутую руку въ свою, и чудо овладѣло моей душой.

— Я вѣдь хотѣлъ убить васъ,—сказалъ я просто, стараясь

самъ понять утратившійся смыслъ этихъ словъ. Теперь это казалось такимъ же безумнымъ, какъ желаніе заколоть звѣзды или умертвить солнечный лучъ.

— Мы искали васъ, — сказалъ Вераль, — и все не могли найти... Мы услышали другой выстрѣлъ.

Я обернулся къ нему и отпустилъ руку Нетти. Тогда я подумалъ о томъ, что они упали рядомъ, и о томъ, какое это должно было быть счастье—проснуться въ такое утро и увидѣть подлѣ себя Нетти. Я вспомнилъ ихъ фигуры среди сгущавшихся паровъ, вспомнилъ, какъ они бѣжали, держась за руки. Такъ они и упали—и проснулись любящей парочкой въ раю. Кто можетъ описать, какимъ радостнымъ было для нихъ сіяніе солнца, какими прекрасными казались имъ цвѣты, какимъ сладостнымъ—пѣніе птицъ!..

Вотъ чтò я думалъ при видѣ ихъ. Но губы мои произнесли другое: — Когда я проснулся, — сказалъ я,—я бросилъ револьверъ на землю...—Я не могъ говорить вслухъ то, чтò думалъ, и говорилъ простыя, незначительныя слова:—Я безконечно радъ, что не убилъ васъ, — что вы здѣсь, такіе прекрасные и радостные!

— Я уѣзжаю завтра домой, въ Клейтонъ,—сказалъ я, наконецъ, переходя къ личнымъ дѣламъ. — Я былъ стенографомъ у Мельмоунта. Но теперь я ему уже не нуженъ, и уѣзжаю послѣзавтра.

Они не произнесли ни слова въ отвѣтъ, и хотя теперь все фактическое утратило интересъ, я все же продолжалъ разсказывать имъ про себя.

— Мельмоунтъ уѣзжаетъ въ Лондонъ; тамъ у него цѣлая канцелярія, и онъ уже не нуждается во мнѣ... Вы, конечно, удивлены моимъ неожиданнымъ знакомствомъ съ Мельмоунтомъ? Я встрѣтился съ нимъ случайно,—сейчасъ же послѣ того, какъ проснулся. Я увидѣлъ его на полянѣ, — онъ сидѣлъ съ поврежденной ногой. Теперь я отправляюсь домой и буду составлять тамъ вмѣстѣ съ другими отчетъ о томъ, чтò произошло. Я радъ, что повидался съ вами передъ отъѣздомъ и что могу попрощаться съ вами обоими и пожелать вамъ всего хорошаго.

Я говорилъ теперь не совсѣмъ то, чтò думалъ, но все-таки продолжалъ говорить, чтобы не наступила пауза. Я почувствовалъ, что мнѣ будетъ тяжело разстаться опять съ Нетти. Мои слова звучали натянуто. Я замолчалъ, и мы нѣсколько времени смотрѣли безмолвно въ лицо другъ другу.

Мнѣ кажется, что изъ насъ троихъ я больше всѣхъ открывалъ новое для себя. Я впервые ясно почувствовалъ, что Пере-

воротъ не внесъ никакой существенной перемѣны въ мои чувства. Я только забылъ на время про любовь среди новыхъ волшебныхъ ощущеній,—вотъ и все. Ничто не исчезло въ моихъ чувствахъ; чувства мои остались тѣми же, усилилась только острота мысли и умѣнье владѣть собой, и кромѣ того мной овладѣли новые интересы. Зеленые пары разсѣялись, наши мысли очистились, но мы оставались тѣми же, какъ и прежде, хотя и жили въ новомъ, болѣе чистомъ воздухѣ. Нетти не утратила своего обаянія для меня, и напротивъ того, мое обостренное сознаніе еще яснѣе чувствовало, еще болѣе усиливало ея привлекательность для меня. Въ ея присутствіи, глядя въ ея глаза, я полонъ былъ прежнихъ желаній, но трезвыхъ и спокойныхъ, безъ прежней дикости.

Я чувствовалъ приблизительно то же самое, когда шелъ въ Чекшиль послѣ того, какъ писалъ о соціализмѣ.

Я выпустилъ ея руку. Нелѣпо разстаться на такихъ неискреннихъ словахъ. Мы почувствовали это всѣ трое, и Вераль высказалъ это. Онъ сказалъ, что намъ необходимо еще разъ повидаться, и мы рѣшили встрѣтиться на слѣдующій день въ одномъ маленькомъ ресторанѣ и тамъ вмѣстѣ пообѣдать на прощанье. Послѣ этого мы разстались, нѣсколько смущенные, и я пошелъ внизъ по деревенской улицѣ, безконечно озадаченный самимъ собой. Я открылъ въ себѣ нѣчто, нарушающее всѣ мои планы. Въ первый разъ я вернулся къ работѣ у Мельмоунта разсѣянный. Мнѣ хотѣлось думать о Нетти; я былъ полонъ разныхъ мыслей, касающихся ея и Вераля.

Нашъ разговоръ на зарѣ новой эпохи сильно запечатлѣлся въ моей памяти. Мы говорили очень молодо и восторженно и рѣшали съ нѣкоторой наивностью всѣ вопросы, поднятые Переворотомъ. Весь старый строй жизни исчезъ навсегда; всѣ узкіе личные интересы, жадность и низменная злоба изгладились изъ души,—что̀ же ожидаетъ насъ теперь? Вотъ что̀ занимало насъ, какъ и тѣ тысячи милліоновъ людей, проснувшихся для новаго существованія.

Случайно эта послѣдняя встрѣча съ Нетти неразрывно связана—самъ не знаю почему—съ хозяйкой ресторана, въ которомъ мы обѣдали въ тотъ день.

Ресторанъ этотъ былъ однимъ изъ рѣдкихъ привлекательныхъ уголковъ прежняго міра. Онъ расположенъ былъ среди зелени, окруженъ верандой, на которой подавались завтраки и обѣды; чистая, уютная обстановка при всей скромности привлекала множество посѣтителей, такъ что дѣла хозяйки были очень хороши.

Въ ожиданіи Нетти и Вераля, я сталъ разговаривать съ хо-

зяйкой, шировоплечей улыбающейся женщиной, объ утрѣ Переворота. Ласковое, доброе лицо здоровой и полной женщины радостно улыбалось; она не сомнѣвалась, что все перемѣнится къ лучшему.

— Теперь, когда мы очнулись, — сказала она, — навѣрное многое, что было плохо устроено прежде, будетъ исправлено. Я въ этомъ увѣрена.—Ея добрые синіе глаза смотрѣли на меня съ безконечной добротой. По старой привычкѣ я спросилъ, сколько будетъ стоить завтракъ на насъ троихъ.

— Заплатите сколько хотите, или совсѣмъ не платите. Теперь—праздникъ. Вѣроятно, и въ будущемъ нужно будетъ такъ или иначе получать плату за трудъ и издержки, но навѣрное это устроится безъ такихъ заботъ, какъ прежде. Я всегда тяготилась этимъ и старалась не брать ничего лишняго. Деньги меня никогда не радовали. Но какія бы перемѣны ни были заведены, я останусь здѣсь и буду заботиться о томъ, чтобы доставить путникамъ покой и накормить ихъ. Здѣсь пріятно отдохнуть съ пути,—но я и прежде никогда не пускала людей, которые хотѣли напиться и могли затѣять споры и драки. Я видѣла здѣсь на своемъ вѣку много довольныхъ лицъ, и многіе возвращаются навѣстить меня, — а въ будущемъ, вѣроятно, здѣсь будетъ еще пріятнѣе, чѣмъ прежде.

Она улыбалась, полная радостныхъ надеждъ.

— Я приготовлю вамъ и вашимъ друзьямъ хорошій завтракъ, такую устрою вамъ яичницу, лучше которой и на небѣ не бываетъ. Я чувствую, что буду стряпать сегодня, какъ никогда.

Въ эту минуту какъ разъ появились Нетти и Вераль въ сводчатомъ проходѣ изъ листьевъ и вѣтвей, обросшемъ дикими розами.

— Вотъ мои друзья,—сказалъ я, и хозяйка посмотрѣла на нихъ.

— Красивая парочка, — замѣтила она. Они, дѣйствительно, были красивой парочкой, но это какъ-то не радовало меня.

Мы сѣли за столъ втроемъ, Вераль рядомъ со мной, а Нетти противъ меня. Она была въ томъ же бѣломъ платьѣ, въ которомъ я встрѣтилъ ее въ саду ея отца, и носила, какъ тогда, золотую цѣпочку на шеѣ съ привѣшанной на ней золотой монеткой, но казалась теперь еще болѣе красивой. Намъ подали завтракъ. На столѣ лежала также газета—первый нумеръ, вышедшій послѣ Переворота, и Вераль заговорилъ о событіяхъ, волновавшихъ всѣхъ насъ. Какъ теперь вижу насъ, сидящихъ въ этой мирной обстановкѣ, въ дружеской бесѣдѣ.

— Вы не представляете себѣ, — сказалъ Вераль, — сколько прежнихъ предразсудковъ уничтожилъ во мнѣ Переворотъ. Я точно вылупился изъ какой-то скорлупы. Меня пріучили извѣстнымъ образомъ одѣваться, вести себя и поступать по опредѣленнымъ шаблонамъ, — а теперь все это мнѣ кажется нелѣпыми классовыми предразсудками.

Онъ улыбнулся, остановился и, видимо, хотѣлъ что-то еще сказать, но не рѣшался. Я слегка наклонился впередъ и сказалъ съ внутреннимъ усиліемъ надъ собою:

— Вы теперь женитесь на Нетти?

Они взглянули другъ на друга, и Нетти заговорила первая.

— Я не собиралась выйти за него замужъ, когда ушла изъ дому.

— Я знаю, — сказалъ я съ усиліемъ и взглянулъ на Вераля; наши взгляды встрѣтились.

— Мы оба навсегда соединили свои жизни, — сказалъ онъ, — хотя дѣйствовали тогда, ни о чемъ не думая, въ какомъ-то припадкѣ безумія.

— Послушай, Вилли, — сказала вдругъ Нетти: — я не хотѣла причинять тебѣ страданій. Я все время не переставала думать о тебѣ и о родителяхъ. Но это не въ силахъ было удержать меня отъ моего рѣшенія. Я ничего не могла подѣлать съ своимъ неудержимымъ чувствомъ.

— У меня тоже, — сказалъ Вераль, взглянувъ на меня, — было безумное, неудержимое влеченіе къ ней. Какой-то внутренній голосъ говорилъ: она должна быть твоей. Все другое не существовало, — всѣ другія соображенія исчезли. Когда я узналъ про васъ...

Я взглянулъ на Нетти. — Ты ему сказала? — спросилъ я съ какимъ-то остаткомъ горечи прежняго времени.

Вераль отвѣтилъ за нее: — Нѣтъ, она не сказала, но я инстинктивно все понялъ при первой нашей встрѣчѣ. Но всякое препятствіе только усиливало нашу любовь. Я зналъ, что мой поступокъ испортитъ мою карьеру — но любовь казалась отъ этого еще болѣе высокой. Я зналъ, что жизнь Нетти загублена, но и эта жертва возвеличивала силу любви. Мы дѣйствовали, какъ безумцы, — но намъ было безразлично, что̀ скажутъ про насъ.

— Да, — сказалъ я, — васъ захватила волна страсти, какъ и меня, когда я пылалъ злобой и гнался за вами съ револьверомъ. А ты, Нетти, какъ ты объясняешь свое увлеченіе?

— Сама не знаю, — отвѣтила она тихо, какъ бы обращаясь только ко мнѣ. — Дѣвушекъ не учатъ разсуждать и разбираться

въ своихъ чувствахъ. Въ моихъ мысляхъ и чувствахъ было много мелочного, я должна тебѣ въ этомъ сознаться. Мнѣ нравилось, что онъ такъ красиво одѣтъ,—она съ улыбкой взглянула на Вераля, — я мечтала о томъ, что сама сдѣлаюсь знатной лэди и буду жить въ роскоши. Это все очень мелко—я знаю. А когда я думала о тебѣ—я вспоминала твою обтрепанную курточку изъ бумажной матеріи, съ ужасомъ думала о Клейтонѣ, о вашей ужасной кухнѣ,—это правда. Я знаю, что я была очень скверная. Кромѣ того, Вилли, я тебя боялась,—я не понимала тебя. Теперь все стало другимъ. Да, вотъ еще что̀—мнѣ нравился его голосъ.

— Да, это правда,—сказалъ я,—у васъ, Вераль, очень пріятный голосъ. Я прежде этого какъ-то не замѣчалъ.

Мы сидѣли нѣсколько времени молча, разбираясь каждый въ своихъ чувствахъ.

— Боже мой!—воскликнулъ я:—какъ мы можемъ нашими слабыми умами понять волны стихійныхъ влеченій? А мы еще разсуждаемъ,—какъ курицы, кудахтающія на насѣстахъ.

Вераль улыбнулся.

— Еще недѣлю тому назадъ,—сказалъ онъ,—мы вѣрили въ свое кудахтанье. А теперь...

— Теперь,—сказалъ я, — пронеслась буря надъ міромъ и прояснила наше сознаніе.

— Что̀ же будетъ теперь?—спросилъ Вераль.

Нетти вынула изъ стоявшаго передъ нею стакана цвѣтокъ гвоздики и стала медленно выщипывать лепестки. Я помню, какъ въ теченіе всего разговора она раскладывала эти лепестки, составляя изъ нихъ какой-то сложный узоръ,—и когда я остался одинъ, узоръ еще не былъ выведенъ до конца.

— Теперь все очень просто,—сказалъ я.—Вы—я пересилилъ себя—вы поженитесь; любите другъ друга.

Я остановился. Они отвѣтили мнѣ молчаніемъ.

— Вы принадлежите другъ другу. Я это обсудилъ со всѣхъ сторонъ. У меня почему-то явилось желаніе—невозможнаго... Я дѣйствовалъ безсмысленно и былъ неправъ. У меня нѣтъ никакого основанія злобствовать противъ васъ.

Я обратился къویралю.

— Вы считаете себя связаннымъ съ нею?

Онъ утвердительно кивнулъ головой.

— И никакія общественныя или свѣтскія вліянія, даже еслибы вернулось все старое,—вѣдь и это возможно,—не измѣнятъ вашихъ теперешнихъ рѣшеній?

— Нѣтъ, Лидфордъ,—отвѣтилъ онъ твердо, глядя мнѣ въ глаза.

— Я не зналъ васъ такимъ,—сказалъ я.—Я считалъ васъ другимъ.

— Я и былъ другимъ,—сказалъ онъ.

— Теперь все перемѣнилось. Что же касается меня,—продолжалъ я, глядя на Нетти, сидѣвшую съ опущеннымъ лицомъ и занятую раскладываніемъ лепестковъ,—такъ какъ я не пересталъ и не перестану любить Нетти,—и прежнія желанія не исчезли и не исчезнутъ, — и мнѣ невыносимо видѣть ее вашей женой,—то я долженъ разстаться съ вами... Я обращу всѣ свои мысли и всѣ свои силы на что-нибудь другое. Не въ одной любви жизнь. Можетъ быть, дикари и не могутъ обуздывать своихъ чувствъ и желаній, но мы—культурные люди. Мы должны разстаться—и я постараюсь забыть. Ничего другого не остается.

Наступило молчаніе. Я сидѣлъ, опустивъ голову. Потомъ заговорила Нетти.

— Нѣтъ,—сказала она, — это невозможно! Видишь ли,— пояснила она, обращаясь къ Вералю:—я люблю Вилли,—я не хочу, чтобы онъ ушелъ отъ насъ. Мнѣ трудно объяснить это— я никогда не умѣла разбираться въ своихъ чувствахъ... Но вотъ что̀: прежде всего, я нехорошо поступила съ нимъ. Онъ надѣялся, вѣрилъ въ мою любовь,—жилъ надеждой,—и я знала это,—а потомъ... потомъ—это было все-таки измѣной ему...

— Никакой измѣны не было,—прервалъ я.—Ты только слѣдовала своимъ влеченіямъ.

— Но ты считалъ это измѣной?

— Теперь не считаю.

— Но прежде считалъ. И я до нѣкоторой степени считаю это измѣной. Я тебѣ нужна. И даже когда онъ хотѣлъ убить насъ,—сказала она, обращаясь опять къ Вералю,—я въ глубинѣ души понимала его, зная, какъ онъ страдаетъ.

— Но я не знаю, что̀ изъ этого слѣдуетъ...

— Я тоже не знаю, но хочу найти исходъ. Вилли, ты—часть моей жизни; я больше знаю тебя, чѣмъ Эдуарда. Не думай, что твои слова и разговоры не оставляли во мнѣ никакого слѣда. Я только теперь понимаю, какое ты имѣлъ на меня вліяніе. Ты— часть моей жизни; теперь я это поняла, и я не хочу разстаться съ тобой.

— Но ты любишь Вераля!

— Любовь — такое странное чувство... Развѣ есть только одного рода любовь?

Она опять обратилась къ Вералю.

— Я люблю тебя; эта любовь—свѣтъ, который озарилъ для меня всю жизнь,—она слагается изъ такихъ разныхъ ощущенiй,—но почему она должна быть единственной? Я совершенно не вижу этого. И неужели изъ-за того, что я люблю тебя, нужно, чтобы никогда больше не видѣть Вилли, бросить его, осудить на одиночество? Это глупо, — вѣдь я привязана къ нему. Зачѣмъ же обращаться съ нимъ какъ съ непрiятелемъ, потерпѣвшимъ пораженiе? Неужели я могу быть счастлива, зная, что онъ страдаетъ? Это было бы грубо, эгоистично. Нѣтъ, Вилли,—въ голосѣ ея звучали слезы,—я не отпущу тебя.

Я сидѣлъ, опустивъ глаза и глядя на ея пальцы, проворно перебиравшiе лепестки.

— Это дѣйствительно жестоко,—сказалъ я, наконецъ, напрягая всѣ силы, чтобы казаться спокойнымъ.—Но такова природа вещей. Въ насъ есть много грубаго, животнаго, и комета насъ не измѣнила въ этомъ отношенiи. Въ насъ живутъ еще слѣпыя силы,—и наша воля не можетъ вполнѣ справиться съ ними.

— Мы опять вернулись къ первому вопросу,—сказалъ Вераль.—Что̀ намъ дѣлать, какъ поступить?

— Мы должны разстаться,—отвѣтилъ я.—Ты разсуждаешь, точно мы безплотные духи. Это не такъ. Во мнѣ есть страсти,—и чтобы побѣдить ихъ, я долженъ не видѣть тебя и отдаться всей душой другимъ интересамъ.

— И забыть меня?—сказала Нетти.

— Не забыть,—отвѣтилъ я,—но не думать постоянно о тебѣ.

— Нѣтъ,—сказала она, разбросала только-что разложенные въ порядкѣ лепестки и взглянула на Вераля. Онъ наклонился надъ столомъ, оперся на него локтями и сплелъ пальцы.

— Мнѣ прежде не приходилось думать обо всемъ этомъ,—сказалъ онъ.—Въ школѣ и университетѣ систематически стараются отвлечь отъ этихъ вопросовъ. Но все-таки, Нетти, я думаю, что Лидфордъ правъ, что въ природѣ любви лежитъ исключительность. Люди свободны духомъ,—но все-таки только одинъ человѣкъ можетъ пользоваться любовью каждой женщины, и это есть воплощенiе борьбы за существованiе въ природѣ. Изъ нѣсколькихъ соперниковъ одинъ остается—другiе уходятъ.

— Какъ у животныхъ? Нѣтъ, — спорила Нетти,—у людей это не должно быть такъ. Я не вѣрю, что нужно подчиняться только инстинкту. Вотъ я между вами двумя. Я люблю Эдуарда,—люблю потому, что онъ мнѣ нравится, и потому, что—люблю. А Вилли—мой другъ дѣтства. Почему оба не могутъ остаться со мной? Неужели я для васъ только женщина,—только предметъ

желанія и страсти, предметъ, изъ-за котораго борются и побѣждаютъ,—какъ у звѣрей? Я, кромѣ того, человѣкъ. Послушай,—обратилась она ко мнѣ.—Останься съ нами,—не будемъ разлучаться. Разлучаются враги,—а мы, друзья, можемъ сходиться и бесѣдовать.

— Бесѣдовать, какъ сегодня?—сказалъ я.—Нѣтъ, это не должно повторяться.

— Никогда не повторится?—спросила Нетти.

— Никогда, — сказалъ я очень твердо.—Лучше хирургическая операція, чѣмъ медленно подтачивающая болѣзнь. Любовь не довольствуется немногимъ,—она требуетъ всего. Къ тому же,—сказалъ я,—у меня теперь новая страсть,—такъ что измѣну совершаю я. За нами и надъ нами воздвигается грядущій Городъ Міра, и я долженъ участвовать въ созиданіи его. Ты для меня—счастье, а это дѣло—радость духа. Если даже нужна только моя кровь, чтобы окрестить ею камни фундамента, то я готовъ отдать мою кровь... Никакія осложненія чувствъ не должны отвлекать меня.

Наступило молчаніе.

— Такъ, значитъ, мы должны разстаться?—сказала Нетти упавшимъ голосомъ.

Я молча кивнулъ головой. Послѣ короткаго молчанія мы поднялись и попрощались. Я, кажется, не поглядѣлъ имъ вслѣдъ. Помню только, что остался съ чувствомъ мучительной пустоты и одиночества и сѣлъ опять у стола въ глубокомъ раздумьи.

Вдругъ я невольно поднялъ голову. Передо мной опять стояла Нетти.

— Я все думала объ этомъ разговорѣ. Эдуардъ совѣтовалъ мнѣ одной идти къ тебѣ. И я чувствую, что, можетъ быть, намъ лучше поговорить наединѣ.

Я ничего не отвѣтилъ, и это ее смутило.

— Я все-таки думаю, что намъ не слѣдуетъ разставаться,—сказала она.—Не знаю, поймешь ли ты меня, но я должна высказать, что̀ думаю. Эдуардъ—не все для меня... ты тоже—часть меня, и я не могу разстаться съ тобой. Зачѣмъ это нужно? Мы вмѣстѣ выросли, привыкли другъ къ другу,—я теперь яснѣе, чѣмъ прежде, понимаю всѣ твои мысли и мечты. Я хочу помогать тебѣ. Эдуардъ—другой: онъ ни о чемъ не мечтаетъ и не задумывается... Мнѣ страшно подумать, что ты уйдешь отъ меня, Вилли.

— Но вѣдь это рѣшено. Я долженъ уйти,—потому что я люблю тебя.

— И я люблю тебя,—не знаю, зачѣмъ мнѣ это скрывать?

Наши глаза встрѣтились. Она покраснѣла, но продолжала рѣшительнымъ тономъ:

— Я люблю васъ обоихъ.

— Ты не знаешь, что̀ говоришь,—возразилъ я.—Нѣтъ, это невозможно.

— Ты требуешь, чтобы я ушла?..

— Да... Уходи...

Съ минуту мы молча глядѣли другъ на друга.

— Неужели я должна разстаться съ тобою навсегда?—начала она.—Вилли...

— Уходи!—прервалъ я ее.

Потомъ мы опять замолчали. Она стояла передо мной въ слезахъ, жалѣя меня. Насъ охватило предчувствіе иной, болѣе широкой любви, которая, быть можетъ, будетъ удѣломъ нашихъ далекихъ потомковъ, которые сумѣютъ возвыситься надъ условіями непосредственной личной жизни; насъ коснулось вѣяніе какого-то высшаго, неземного чувства. Мнѣ хотѣлось взять ея руку и поцѣловать ее, но я вздрогнулъ,—я чувствовалъ, что если прикоснусь къ ней, вся моя сила оставитъ меня. Мы такъ и разстались, и Нетти ушла, оглядываясь назадъ,—ушла съ человѣкомъ, котораго избрала спутникомъ своей жизни, и исчезла навсегда изъ моей жизни, унося съ собой всю ея радость. Потомъ я, вѣроятно, сложилъ газету и положилъ въ карманъ, гдѣ и нашелъ ее потомъ. Но я этого не помню,—для меня все кончается на воспоминаніи о Нетти, когда она повернулась отъ меня и ушла.

Что̀ было непосредственно послѣ нашего послѣдняго свиданія, я не могу отчетливо припомнить. Смутно помню, что я вернулся къ Мельмоунту, присутствовалъ при его отъѣздѣ и еще постарался проститься съ нимъ наединѣ. Когда же онъ сѣлъ въ коляску, и она скрылась за холмомъ, у меня было на душѣ ясное сознаніе, что великій Переворотъ не принесъ мнѣ все-таки безоблачнаго счастья. Мнѣ сдѣлалось больно, что онъ уѣхалъ. Слишкомъ скоро онъ меня покинулъ въ полномъ одиночествѣ. Слишкомъ много я перестрадалъ во время послѣдняго свиданія съ Нетти,—и я разсказалъ ему это при прощаньи... Какъ же онъ покинулъ меня въ такомъ тяжеломъ настроеніи!

Работа—вотъ единственное утѣшеніе, которое мнѣ теперь оставалось, и я старался сосредоточиться на этой мысли. Я радъ былъ, что ѣду туда, гдѣ теперь моя мать, и сталъ думать о свиданіи съ нею. Но помню, однако, что когда я въ тотъ же ве-

черъ пріѣхалъ въ Бирмингамъ, мнѣ уже было не такъ тяжело на душѣ. Пришлось остаться тамъ ночевать, такъ какъ не было поѣзда, и я пошелъ еще слушать музыку въ паркѣ и разговорился съ какимъ-то репортеромъ мѣстной газеты, который очень увлекался готовящимся переустройствомъ всей жизни и развивалъ мнѣ свои планы и мысли о новыхъ поселеніяхъ коммунами вмѣсто прежнихъ отдѣльныхъ домиковъ для каждой семьи.

Когда я легъ спать въ гостинницѣ, я долго не могъ уснуть и думалъ о Нетти, — но уже сознавая, что воспоминаніе о ней современемъ перестанетъ быть мучительнымъ.

Мать моя безконечно обрадовалась мнѣ, когда я пріѣхалъ въ Клейтонъ и явился къ ней. Я старался удѣлять ей какъ можно больше времени, чувствуя, какъ она слабѣетъ, и что не долго придется мнѣ еще видѣть ее. Теперь, послѣ долгой трудовой жизни, она могла, наконецъ, провести спокойно и беззаботно послѣдніе дни. Я помѣстилъ ее въ устроенномъ для престарѣлыхъ дамъ общежитіи въ Лоучестеръ-Гоузѣ, очень уютномъ и расположенномъ въ красивой мѣстности, и самъ поселился по сосѣдству, чтобы отдавать ей все свое свободное время. У меня было много дѣла: нужно было заняться устройствомъ нашей коммуны, и мы нашли ревностнаго помощника въ лицѣ лорда Редкара, который уступилъ намъ для общественныхъ цѣлей свой замокъ съ огромнымъ паркомъ и самъ помогалъ дѣлать планы, заботясь о декоративной сторонѣ устройства, — у него было много вкуса, и совѣты его были очень цѣнные.

Я часто сидѣлъ съ матерью въ ея саду, и мы подолгу бесѣдовали. Она чувствовала себя какъ въ раю среди зелени и цвѣтовъ и радовалась наступившему общему счастью. Только изрѣдка лицо ея омрачалось, когда она вспоминала о Нетти, которой она не могла простить моихъ страданій изъ-за нея. Она думала, что я все еще не могу ее забыть. Когда она разъ спросила меня, гдѣ Нетти и Вераль, а я отвѣтилъ, что не знаю, она облегченно вздохнула. — Лучше, что ты разстался съ нею, — сказала она, — лучше...

Вскорѣ мать моя заболѣла, главнымъ образомъ отъ упадка силъ, вызваннаго всей прежней трудовой жизнью, — и тогда за ней взялась ухаживать молодая дѣвушка, Анна Ривсъ. Я уже прежде съ нею встрѣчался на разныхъ собраніяхъ, и она казалась мнѣ очень милой. Ухаживая за моей матерью, она обнаружила большую сердечность, и мать моя относилась къ ней съ большой любовью и постоянно хвалила ее мнѣ.

Скоро послѣ того мать умерла; и, къ несчастью, мнѣ не

пришлось быть подлѣ нея въ часъ смерти. Я увлеченъ былъ тогда всеобщимъ національнымъ праздникомъ; повсюду устраивались очистительные костры, на которыхъ сжигались всѣ остатки прежняго уродства,—все, что̀ стояло прежде въ домахъ, мебель, украшенія, замѣняемыя теперь болѣе красивыми и удобными. Оставляли только дѣйствительно прекрасные предметы и произведенія искусства. Сжигали платье, сапоги, замѣненные болѣе здоровой и красивой обувью; разрушались всѣ неудобныя для жилья зданія, всѣ заборы, все, что̀ люди прежняго міра выдумывали для охраны своихъ эгоистическихъ узкихъ интересовъ. Все это сжигалось на ежегодныхъ національныхъ празднествахъ, и много лѣтъ длилось это сжиганіе, пока не исчезли слѣды прежняго уродства. Сжигалось много и старыхъ книгъ, и картинъ, созданныхъ въ свое время исключительно жаждой наживы, — и сжиганіе предметовъ сдѣлалось символомъ очищенія отъ прежнихъ идей и прежняго строя жизни.

Я вернулся съ праздника утомленный и пошелъ къ матери. Но при входѣ въ Лоучестеръ-Гоузъ меня встрѣтила Анна и объявила мнѣ о ея смерти. Мнѣ было очень тяжело, и только тихая, кроткая Анна помогла мнѣ перенести новое чувство одиночества, овладѣвшее мною. Я привязался къ ней уже въ послѣднее время жизни матери, а послѣ ея смерти почувствовалъ, что она—единственно близкое мнѣ существо. Мы отправились въ управленіе, завѣдующее дѣлами нашей коммуны, и тамъ мы были объявлены мужемъ и женой. Она стала мнѣ на всю жизнь вѣрнымъ другомъ, матерью моихъ дѣтей, и мы жили безмятежно, съ глубокимъ довѣріемъ другъ къ другу. Я продолжалъ любить Нетти, — и Анна это знала. Въ старомъ мірѣ не признавали возможности разнаго рода любви къ двумъ людямъ, но послѣ Переворота чувства людей стали болѣе широкими. Анна понимала мою любовь къ Нетти, восхищалась ея красотой, которую знала по моимъ описаніямъ, и это чувство не омрачало моей семейной жизни. Очень долго спустя, Нетти еще разъ пришла ко мнѣ, — мы все время обмѣнивались письмами и знали все другъ про друга. Ей захотѣлось навѣстить меня, — и она пріѣхала. Она опять показалась мнѣ безконечно прекрасной, несмотря на то, что молодость ея миновала, — и въ той, которой я поклонялся, какъ богинѣ, я увидѣлъ теперь смертную женщину, любящую, добрую, и она стала мнѣ еще дороже, еще ближе.

Съ англ. З. В.

КНЯГИНЯ БЕЛЬДЖОЙОЗО

И

ЕЯ РОЛЬ ВЪ ОБЪЕДИНЕНІИ ИТАЛІИ

Историко-біографическій очеркъ.

Raffaello Barbiera. La Principessa Belgiojoso e suoi amici e nemici — il suo tempo. Da memorie mondane inedite e rare e da archivi segreti di stato.

I.

Французская революція застала Италію раздѣленною на нѣсколько областей; итальянцевъ не существовало, а были венеціанцы, тосканцы, пьемонтцы, неаполитанцы. Небольшія итальянскія государства управлялись деспотически, и народъ былъ погруженъ въ невѣжество и находился подъ сильнымъ вліяніемъ духовенства. Между тѣмъ идеи свободы и равенства носились въ воздухѣ; и въ Италіи и въ Германіи уже въ XVIII в. были поборники новаго строя общественной и политической жизни, были утописты, мечтавшіе о несбыточномъ земномъ раѣ. Благодаря побѣдамъ Наполеона I, границы между отдѣльными государствами были уничтожены; Римъ, Флоренція и другіе города сдѣлались французскими префектурами; жители этихъ государствъ составили одинъ народъ, подчиненный однимъ и тѣмъ же законамъ. Новый строй жизни не могъ остаться безъ вліянія на населеніе, особенно когда послѣ вѣнскаго конгресса и паденія Наполеона вернулись свергнутые съ престола государи, а съ

ними и деспотизмъ, или, какъ его тогда называли, „просвѣщенный абсолютизмъ“. Наступившая реакція, даже послѣ французскаго владычества, показалась итальянцамъ тяжелой и возбудила народное неудовольствіе. Ломбардо-Венеціанская область была присоединена къ Австріи, которая стала оказывать сильное давленіе не только на государей отдѣльныхъ итальянскихъ областей, но даже и на папу. Появились истинные патріоты, жаждавшіе возрожденія страны; для нихъ отечество уже не ограничивалось Пьемонтомъ или Тосканой, а охватывало всю Италію. Сначала мечтали о федераціи всѣхъ итальянскихъ государствъ подъ главенствомъ папы и уже позже возникла мысль объединить всю Италію—съ Римомъ-столицей.

Въ XIX вѣкѣ почти во всей Европѣ ведется упорная борьба съ абсолютизмомъ; на политическомъ поприщѣ во Франціи, Бельгіи, Германіи появляются выдающіяся личности, руководящія движеніемъ. То же самое мы видимъ и въ Италіи: Мадзини, Гарибальди, д'Азеліо, Кавуръ и другіе работаютъ каждый согласно своимъ убѣжденіямъ надъ возрожденіемъ отечества. Д'Азеліо относился неодобрительно къ дѣятельности Мадзини и Гарибальди, находя, что освобожденія Италіи можно и должно добиваться мирными путями. Кавуръ, тоже не раздѣлявшій политическихъ идей Мадзини, какъ болѣе тонкій политикъ, пользовался, однако, дѣятельностью радикальныхъ партій для своихъ цѣлей. Ставши у кормила правленія послѣ д'Азеліо, Кавуръ сумѣлъ такъ прочно подготовить объединеніе Италіи, что оно благополучно завершилось и послѣ его смерти (1861 г.).

Въ ряду дѣятельныхъ борцовъ за освобожденіе Италіи отъ чужеземнаго ига княгиня Бельджойозо занимаетъ почетное мѣсто. Гдѣ бы она ни была, на родинѣ или въ изгнаніи, судьбы угнетеннаго отечества всегда стояли для нея на первомъ планѣ; она всячески оказывала помощь своимъ соотечественникамъ, и перомъ, и словомъ убѣжденія, и личнымъ вліяніемъ, и наконецъ, своимъ состояніемъ.

Кристина Тривульціо, впослѣдствіи княгиня Бельджойозо, родилась въ Миланѣ 28-го іюня 1808 г., въ ту смутную, но великую эпоху, когда старый міръ уходилъ въ вѣчность и уступалъ мѣсто новому славному будущему. Отживавшіе типы былого строя и новые люди сталкивались на рубежѣ двухъ міровъ. Еще многіе итальянскіе патриціи придерживались фамильныхъ традицій, завѣщанныхъ крестоносцами, тогда какъ другіе, освободившись отъ всякихъ предразсудковъ, давали увлечь себя новымъ теченіямъ и въ своемъ фанатизмѣ доходили до варварства,

какъ, напр., графъ Гаэтано Порро, который во главѣ такихъ же безумцевъ, какъ онъ, сбивалъ молоткомъ фамильные гербы на надгробныхъ памятникахъ въ церкви Св. Марка во дни Цизальпинской республики.

Семья Тривульціо свято чтила завѣты предковъ и отличалась многими странностями, чѣмъ можно объяснить и эксцентричность характера княгини Бельджойозо. Кристинѣ было четыре года, когда умеръ ея отецъ, и она осталась на попеченіи матери, прелестной молодой женщины и прекрасной музыкантши; въ ея салонѣ въ Миланѣ собирались всѣ знаменитые музыканты и пѣвцы того времени. Двадцатилѣтняя вдовушка скоро вышла замужъ за маркиза Александра Висконти д'Арагона; отчимъ Кристины, сентиментальный поклонникъ Руссо, замѣчательный ботаникъ и садоводъ, много заботился о народномъ образованіи, поощрялъ малѣйшія попытки къ развитію промышленности и въ то же время былъ, какъ и большинство итальянцевъ, серьезнымъ цѣнителемъ искусства; но главной цѣлью его жизни было освобожденіе родины отъ иноземнаго владычества. Другъ Манцони, онъ вошелъ въ кружокъ сотрудниковъ новаго журнала „Il Conciliatore" — „Посредникъ"; къ кружку этому принадлежали Сильвіо Пеллико, Пьетро Барсьери и другіе поэты и писатели, стремившіеся всѣ къ одной и той же цѣли. Отъ австрійской полиціи не скрылось возникновеніе тайныхъ обществъ; за ними слѣдили, и въ 1821 г. были произведены аресты „карбонаріевъ", къ которымъ принадлежалъ и Висконти д'Арагона. Его жена успѣла сжечь его бумаги; когда явилась полиція, — каминъ пылалъ, вещественныя доказательства были уничтожены; тѣмъ не менѣе д'Арагона былъ арестованъ. Маркизѣ пришлось обратиться къ великодушію австрійскаго императора: она поспѣшила въ Верону и бросилась къ ногамъ Франца II; императоръ отнесся къ ней милостиво и, за неимѣніемъ уликъ, велѣлъ освободить маркиза д'Арагона. Однако вскорѣ, по оговору одного изъ подсудимыхъ (кто знаетъ, какими средствами вынужденнаго, замѣчаетъ Барбьера), онъ былъ вновь арестованъ и заключенъ въ исправительный домъ въ Порта-Нуова, а впослѣдствіи въ Шпильбергъ, гдѣ Сильвіо Пеллико томился въ теченіе десяти лѣтъ. За неимѣніемъ прямыхъ уликъ, маркизъ д'Арагона просидѣлъ въ Шпильбергѣ только три года. По выходѣ изъ тюрьмы, онъ вернулся къ своей полезной практической дѣятельности; свободное отъ занятій время онъ проводилъ въ музыкальномъ салонѣ маркизы или въ бесѣдахъ съ друзьями. „Посредникъ" былъ запрещенъ австрійской полиціей, но духъ этого журнала жилъ среди друзей.

Въ домѣ такого-то отчима росла Кристина Тривульціо. Богато одаренная отъ природы, она получила такое образованіе, какое рѣдко выпадаетъ на долю женщины. Преподаватели ея, классики, направили ея умъ на серьезный трудъ и отвлекли ее отъ господствовавшаго въ то время сентиментализма и нарождавшагося романтизма. Молодая дѣвушка изучала исторію, философію, математику, языки... Дѣвочкой еще Кристинѣ приходилось слышать о заговорахъ, тюрьмахъ, бѣгствахъ, о суровыхъ приговорахъ надъ близкими дому людьми; заключеніе отчима въ тюрьму и слезы матери возбудили въ Кристинѣ съ раннихъ лѣтъ ненависть къ Австріи. Отъ матери она унаслѣдовала музыкальный талантъ, успѣшно развившійся, благодаря той средѣ, въ которой жила Кристина.

Въ то время музыка была единственнымъ звеномъ, соединявшимъ явно и открыто всѣхъ единомышленниковъ; все то, что̀ въ оперѣ могло имѣть хоть косвенное отношеніе къ переживаемому времени, вызывало восторгъ публики и неистовые аплодисменты. Гейне въ своихъ „Reisebilder“ и Бальзакъ въ романѣ „Максимилла Дони“ описываютъ энтузіазмъ публики, котораго они были свидѣтелями. „Народъ, создавшій такія мелодіи, способный къ такому энтузіазму, — говоритъ Барбьера, — не могъ быть обреченъ на смерть, — онъ готовился къ возрожденію. И Кристина Тривульціо захотѣла быть ангеломъ-хранителемъ этого возрожденія, рядомъ со своимъ супругомъ, княземъ Эмиліо Бельджойозо“.

Родъ князей Бельджойозо, происходящій изъ Романьи, былъ уже извѣстенъ въ IX-мъ ст. и носилъ сначала фамилію Барбіано; только впослѣдствіи присоединено было къ этой фамиліи имя Бельджойозо, заимствованное отъ принадлежавшаго Барбіано мѣстечка, гдѣ Францискъ I Французскій былъ взятъ въ плѣнъ Карломъ V-мъ послѣ битвы при Павіи. Въ XVI в. родъ Бельджойозо вступаетъ въ ряды патриціевъ города Милана, а въ 1769 г. получаетъ княжескій титулъ. Князь Эмиліо Бельджойозо, на восемь лѣтъ старше своей жены (род. въ 1800 г.), славился красотой и утонченной любезностью; къ тому же онъ обладалъ чарующимъ голосомъ, отъ котораго Россини приходилъ въ восторгъ. Вся семья Бельджойозо отличалась музыкальностью и покровительствовала пѣвцамъ и музыкантамъ; группируясь вокругъ молодого князя, они составляли какъ бы его дворъ. Князь Бельджойозо всецѣло предавался удовольствіямъ свѣтской жизни, къ великому огорченію своихъ друзей. Одинъ изъ нихъ, поэтъ Беркетъ (Giovanni Berchet), успѣвшій укрыться въ Лондонѣ отъ

преслѣдованій австрійской полиціи, писалъ своему молодому другу, уговаривая его отказаться отъ свѣтскихъ увлеченій, и совѣтовалъ, если ему необходимы сильныя ощущенія, вступить въ одно изъ тайныхъ обществъ, гдѣ можно встрѣтить и опасности, и борьбу, и стремленіе къ высокому идеалу. И князь Бельджойозо былъ увлеченъ общимъ движеніемъ Италіи. Вскорѣ онъ встрѣтилъ собрата по оружію въ лицѣ красавицы Кристины Тривульціо. На почвѣ политическаго единомыслія былъ заключенъ союзъ двухъ юныхъ существъ, возбуждавшихъ общій восторгъ. Бракъ ихъ не былъ счастливъ: оба они обладали сильнымъ, неуступчивымъ характеромъ; натуры ихъ, привлекательныя каждая въ отдѣльности, были діаметрально противоположны; они сходились только въ одномъ: въ любви къ родинѣ. Послѣ шестилѣтней супружеской жизни, они разошлись полюбовно, и между ними сохранилось, чтò такъ рѣдко бываетъ, чувство дружбы и взаимнаго уваженія.

Женщины тоже вступали въ тайныя общества подъ именемъ „садовницъ-ученицъ“ и „садовницъ-мастерицъ“. Въ ихъ обязанность входило главнымъ образомъ вербованіе новыхъ членовъ. На подобіе масонскихъ ложъ, въ тайныхъ обществахъ существовала цѣлая система условныхъ знаковъ, девизовъ, лозунговъ; при вступленіи въ общество, новый членъ произносилъ торжественную клятву, которая дѣлала его слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ главныхъ дѣятелей общества. Барбьера сомнѣвается, чтобы княгиня Бельджойозо произносила подобную клятву, хотя и она была въ числѣ „садовницъ-мастерицъ“: княгиня была слишкомъ независимаго характера, чтобы подчиняться чужой волѣ.

Черезъ десять лѣтъ послѣ процесса карбонаріевъ, Мадзини основываетъ въ Марселѣ тайное общество „Молодая Италія“. Въ двухъ пунктахъ „Молодая Италія“ существенно отличалась отъ общества „карбонаріевъ“: 1) „Молодая Италія“ ставила непремѣнной цѣлью объединеніе Италіи съ Римомъ-столицею; карбонаріи тоже стремились къ объединенію, но не ставили этого вопроса такъ категорически; 2) карбонаріи довольствовались конституціонной монархіей, „Молодая Италія“ видѣла спасеніе только въ республикѣ; ея кличемъ было: „Богъ и народъ!“. Князь и княгиня Бельджойозо были одними изъ первыхъ ревнителей общества „Молодой Италіи“ и приходили ему на помощь, жертвуя большія суммы денегъ. Едва-ли они раздѣляли всѣ убѣжденія Мадзини, требовавшаго, напр., уничтоженія титуловъ и всякихъ привилегій. Кристина Бельджойозо-Тривульціо никогда не заставляла называть себя „гражданкой“, всѣ звали ее „кня-

гиней"; по характеру своему она напоминала скорѣе знатныхъ дамъ эпохи Возрожденія, и только злая судьба заставила ее играть выдающуюся роль въ XIX ст. Да и мужъ ея, „князь Эмиліо", какъ звалъ его и Мадзини, былъ аристократъ въ душѣ.

Австрійская полиція окружила подозрѣваемыхъ ею лицъ цѣлымъ штатомъ шпіоновъ; употребленіе значительныхъ денежныхъ суммъ княгинею Бельджойозо на дѣло освобожденія Италіи сдѣлалось извѣстнымъ австрійскимъ властямъ, и княгиня сочла за лучшее удалиться въ Швейцарію. Она поселилась въ Лугано и, подъ видомъ свѣтской разсѣянной жизни, всячески работала на пользу родины, поддерживая и нравственно, и матеріально своихъ соотечественниковъ-эмигрантовъ. Шпіоны, добросовѣстно исполняя свои обязанности, посылали болѣе или менѣе правдивые, но подробные отчеты въ Ломбардію. Члены „Молодой Италіи" часто и не подозрѣвали, откуда сыпались на нихъ аресты, приговоры, тюремныя заключенія, конфискація имуществъ... Такой же надзоръ былъ установленъ и за княгиней Бельджойозо, тѣмъ болѣе, что она уѣхала изъ Ломбардіи безъ надлежащаго разрѣшенія властей. Губернатору Ломбардіи, гр. Гартвигу, очень хотѣлось вернуть ее обратно; онъ даже посылалъ къ ней въ Лугано парламентера, который старался доказать ей, что нельзя дышать воздухомъ Швейцаріи, не имѣя на то позволенія Австріи. Но княгиня предъявила паспортъ, выданный ей во Флоренціи и визированный австрійскимъ посланникомъ въ Швейцаріи; на паспортѣ было прибавлено: „годенъ для Франціи". Это было большимъ ударомъ для губернатора Ломбардіи. Княгиня могла ѣхать во Францію и ускользала такимъ образомъ изъ его рукъ! Кристина Бельджойозо (по словамъ того же парламентера) пользовалась въ Швейцаріи покровительствомъ господствовавшей тогда либеральной партіи и любовью жителей Лугано за ея благотворительность и ласковое обращеніе со всѣми.

Княгиня Кристина нашла болѣе благоразумнымъ держаться подальше отъ Австріи и направилась во Францію черезъ Генуя, откуда ей пришлось бѣжать со своей камеристкой черезъ потайную дверь, захвативъ съ собой самое необходимое: полиція Генуи явилась арестовать ее по приказанію гр. Гартвига...

II.

Съ этого времени начинаются странствованія княгини изъ города въ городъ; вездѣ она живетъ недолго: Марсель, очагъ

„Молодой Италіи“, Тулонъ, Гіерскіе острова по очереди видятъ прекрасную „садовницу“. На югѣ Франціи княгиня Бельджойозо познакомилась съ Мадзини. Романтическій заговорщикъ былъ вдохновителемъ всѣхъ жаждавшихъ возрожденія Италіи, но не былъ способенъ къ практической дѣятельности; всѣ его попытки на этомъ поприщѣ терпѣли пораженія, но, зато, какой откликъ находили его слова въ душѣ молодежи! Въ его произведеніяхъ звучалъ тонъ и выступала образность библейскихъ пророковъ; онъ самъ казался пророкомъ своимъ приверженцамъ. „Джузеппе Мадзини зналъ,—говоритъ Барбьера,—что безъ Бога, безъ вѣры въ безсмертіе души, безъ убѣжденія, что все въ природѣ непрерывно стремится къ высшему бытію — народъ не можетъ быть великимъ, не можетъ жить“.

Въ Тулонѣ княгиня Бельджойозо узнала, что австрійское правительство, желая заставить ее вернуться въ Миланъ, конфисковало всѣ ея помѣстья и давало ей три мѣсяца на размышленіе. Не видя возможности ни просить милости у императора, ни подчиниться требованію властей, она рѣшила приняться за работу, когда изсякнутъ средства, которыми она еще располагала. Княгиню Бельджойозо обвиняли въ государственной измѣнѣ, главнымъ образомъ, за пожертвованіе большихъ денежныхъ суммъ на дѣло борьбы съ Австріей, и былъ изданъ приказъ объ ея арестѣ. Это обвиненіе не было голословно: когда Мадзини задумалъ перейти отъ слова къ дѣлу и организовалъ вооруженное нападеніе на Савойю, княгиня Бельджойозо дала ему сто тысячъ франковъ; также и супругъ ея вручилъ Мадзини крупную сумму. Живя на Гіерскихъ островахъ, княгиня Бельджойозо, подъ тѣнью апельсинныхъ рощъ, приготовляла собственноручно кокарды для милиціонеровъ. Экспедиція не удалась; многіе разочаровались въ Мадзини, только княгиня не утратила въ него вѣры и возлагала большія надежды на его дѣятельность. Но какимъ образомъ въ Ломбардіи было такъ хорошо извѣстно, что̀ дѣлала княгиня? За ней всюду слѣдовалъ шпіонъ, которому Кристина Бельджойозо оказывала дружбу. Это былъ маркизъ Раймондъ Доріа, одинъ изъ самыхъ ловкихъ и опасныхъ шпіоновъ (мать его была испанка, и онъ родился въ Испаніи); онъ погубилъ много молодежи, не щадилъ и женщинъ. Княгиня познакомилась съ нимъ въ Генуѣ и вообразила, что нашла въ немъ друга и дѣятельнаго сотрудника въ дѣлѣ возрожденія Италіи. Отъ маркиза Доріа ничего не скрывали въ кругу заговорщиковъ, и онъ широко пользовался собранными свѣдѣніями: аресты и процессы все учащались. Княгиня такъ никогда и не узнала, кому была обязана

гоненіями ломбардскихъ властей и обвиненіемъ въ государственной измѣнѣ: только по открытіи архивовъ Венеціи и Милана выяснилась роль Доріа. Процессъ княгини не былъ доведенъ до конца по личному желанію австрійскаго императора, который отличался рыцарскимъ отношеніемъ къ женщинамъ и старался смягчать для нихъ рвеніе полицейскихъ властей.

Пребываніе на Гіерскихъ островахъ не могло вполнѣ удовлетворить мятежнаго духа прекрасной заговорщицы; въ эти годы женщина чувствуетъ потребность въ привязанности, въ домашнемъ очагѣ... Дѣятельное участіе въ дѣлахъ „Молодой Италіи“ не могло наполнить всей жизни княгини; она жаждала болѣе широкой арены и рѣшила переселиться въ Парижъ, гдѣ мужъ ея проводилъ пріятно время. „А пока кн. Бельджойозо веселится въ Парижѣ“, — писалъ Мадзини (Lettere, Nuova Antologia, 1 ottobre 1901). Процессъ князя велся одновременно съ процессомъ его жены; онъ былъ пріостановленъ, а затѣмъ и совсѣмъ прекращенъ, опять-таки благодаря вмѣшательству императора.

Въ Парижѣ княгиня нашла цѣлую колонію итальянскихъ эмигрантовъ. Уже съ 1821 г. туда стали стекаться изгнанники и тѣ, которымъ удавалось благополучно ускользнуть отъ бдительнаго ока австрійской полиціи. Ихъ молодость, полная радужныхъ надеждъ, заразительная веселость и вмѣстѣ съ тѣмъ трудолюбіе возбуждали всеобщую симпатію; итальянцы въ Парижѣ держали себя съ большимъ достоинствомъ, поддерживали себя своимъ трудомъ: давали уроки, сотрудничали въ газетахъ и журналахъ, и только немногіе пользовались вспомоществованіемъ французскаго правительства, дававшаго имъ по франку въ день. Они ютились въ самыхъ бѣдныхъ кварталахъ, гдѣ-нибудь подъ крышей старыхъ грязныхъ домовъ, но были тѣсно сплочены между собой. Проработавъ цѣлый день, они шли обѣдать въ итальянскій трактиръ нѣкоего Паоло въ улицѣ Le Pelletier. Трактиръ этотъ и обѣдъ итальянцевъ описаны у Бальзака въ его романѣ „Гамбара“ и у m-me Ансело въ „Салонѣ Парижа“. Для итальянцевъ была отведена отдѣльная комната въ мезонинѣ, низкая и душная, гдѣ имъ подавали скудный обѣдъ по баснословно дешевой цѣнѣ. Но среди посѣтителей царствовало такое оживленіе, какъ будто ихъ тамъ поили шампанскимъ. Воспоминанія, шумныя бесѣды о родинѣ, мечты и планы будущаго скрашивали эти обѣды. Веселье доходило до кульминаціоннаго пункта, когда среди нихъ появлялся кн. Эмиліо Бельджойозо. Какъ только онъ получалъ деньги изъ Милана, онъ спѣшилъ угостить своихъ

соотечественниковъ; у нихъ на столѣ появлялось вино, какое-нибудь любимое національное блюдо, которое полуголодная молодежь встрѣчала съ энтузіазмомъ. Шумъ и крикъ были слышны и на улицѣ. „Да тамъ кого-то рѣжутъ!“—говорили прохожіе. — „Это бесѣдують мои соотечественники“, — отвѣчалъ Паоло. Впослѣдствіи, даже и раздѣлившись на партіи, итальянскіе изгнанники все-таки чувствовали связь между собою: при одномъ имени Италіи прекращались ссоры и забывались обиды. Такъ они любили свою заживо погребенную родину!

И какіе типы встрѣчались среди эмигрантовъ! Сколько погибло талантовъ, всѣми забытыхъ! А всѣ они работали на чужбинѣ, по мѣрѣ силъ и возможности, надъ возрожденіемъ родины.

Самымъ интереснымъ типомъ былъ, безспорно, Филиппо Буанаротти, потомокъ Микель-Анджело; это былъ бодрый старикъ, душа всѣхъ тайныхъ обществъ; дѣятельный, пылкій фанатикъ и утопистъ, онъ стремился главнымъ образомъ къ разрушенію существующаго строя, разсылалъ эмиссаровъ и въ Венгрію, и въ Италію, и въ Ирландію,—всюду, гдѣ можно было надѣяться поднять возстаніе. Его черные глаза загорались зловѣщимъ огнемъ, когда онъ говорилъ о тираніи, подъ которой подразумѣвалъ всякое правительство, кромѣ республиканскаго. Всю жизнь онъ провелъ внѣ дѣйствительности, среди образовъ своей пылкой фантазіи. Смѣлость его концепцій, желѣзная воля въ стремленіи къ ихъ осуществленію—были поразительны; остается только пожалѣть, что эти драгоцѣнные для общественнаго и политическаго дѣятеля таланты не были направлены на болѣе разумную и жизнеспособную дѣятельность. Мадзини считался его послѣдователемъ и дѣйствительно обладалъ многими качествами и недостатками Буанаротти.

Княгиня Кристина, пріѣхавъ въ Парижъ, поселилась въ отдаленномъ отъ центра кварталѣ, въ верхнемъ этажѣ невзрачнаго дома, и принялась за работу. Живопись въ ея техническихъ приложеніяхъ должна была служить ей заработкомъ. Ея средства, дѣйствительно, были въ то время ограничены, но едвали ей приходилось прибѣгать къ работѣ, чтобы поддерживать свое существованіе. Ея скромное жилище и далеко не роскошный образъ жизни не помѣшали ей, однако, завязать знакомство съ выдающимися людьми Франціи, съ Тьеромъ, Жоржъ-Зандъ, Лафайетомъ, m-me Рекамьé и др. Тьеръ былъ уже депутатомъ и, по словамъ Барбьера, увлекся княгиней Бельджойозо, какъ только увидѣлъ ее, и съ этой минуты сдѣлался горячимъ поборникомъ итальянскихъ интересовъ, читалъ публичныя лекціи объ Италіи, произно-

силъ политическія рѣчи, обращавшія на себя вниманіе австрійскаго правительства... И сама княгиня выступила однажды публично на защиту родины въ кулуарахъ французскаго парламента, убѣждая присутствовавшихъ, что Франція должна придти на помощь Италіи. Красавица-итальянка, съ огромными черными глазами, съ пылкой рѣчью на прекрасномъ французскомъ языкѣ, удивила французовъ, заинтересовала ихъ и, наконецъ, привела въ восторгъ: присутствовавшіе разразились громомъ апплодисментовъ; между ними былъ, конечно, и Тьеръ.

Княгиня Бельджойозо скоро привлекла всеобщее вниманіе; въ Парижѣ на нее смотрѣли, какъ на чудное видѣніе, явившееся изъ прекрасной несчастной Италіи. Къ тому же она была урожденная Тривульціо: французы, которые хорошо знаютъ и любятъ исторію своего отечества, вспомнили, что одинъ изъ ея предковъ былъ полководцемъ и маршаломъ при Францискѣ I, а другой былъ военнымъ министромъ при Наполеонѣ I. Этого было достаточно, чтобы не считать княгиню чужою. Какъ Лафайетъ, такъ и m-me Рекамье́ пожелали видѣть очаровательную итальянку въ своихъ салонахъ; но княгиня Бельджойозо никогда не могла быть на второмъ планѣ и не выносила ни покровительства, ни опеки. Она сама привыкла быть центромъ, вокругъ котораго вращались поклонники и поклонницы ея красоты, ума и талантовъ, и пожелала создать свой собственный салонъ. Оригинальное убранство ея новаго жилища, которое Теофиль Готье называлъ „серіей катафалковъ“, било на эффектъ и было данью царствовавшему въ то время романтизму. Сама хозяйка по внѣшности своей и необыкновеннымъ костюмамъ была чисто романтическимъ явленіемъ, причемъ умъ и характеръ ея носили совсѣмъ другой отпечатокъ: княгиня не была сентиментальна, не впадала въ меланхолію и мечтательность, никогда не плакала, подобно другимъ женщинамъ. „Плакучія ивы,—говоритъ Барбьера,—росли не для княгини Бельджойозо“. Положительный умъ ея требовалъ другой пищи, требовалъ работы, и романтическая по своему внѣшнему облику итальянка въ своемъ романтическомъ жилищѣ принялась за серьезный трудъ. Ее уже въ ранней молодости интересовали вопросы религіи, философіи, соціологіи. Въ Парижѣ, при помощи умныхъ и образованныхъ собесѣдниковъ, она принялась за разработку этихъ вопросовъ. Въ 1892 г. вышелъ, безъ имени автора, объемистый трудъ въ четырехъ томахъ о догматахъ католической церкви (Essai sus la formation du dogme catholique); вскорѣ всѣмъ стало извѣстно, что авторъ этой книги—княгиня Бельджойозо. Трудъ этотъ требовалъ осно-

вательныхъ теологическихъ познаній и поэтому возбудилъ сомнѣніе въ авторствѣ княгини, вызвалъ критику, иронію праздныхъ людей, но былъ оцѣненъ по достоинству серьезными людьми, какъ Манцони, Жюль Симонъ, Викторъ Кузэнъ. За этимъ первымъ литературнымъ трудомъ княгини послѣдовали и другіе.

Вокругъ нея собиралось все, что было выдающагося въ Парижѣ по уму и таланту. Въ ея салонѣ встрѣчались Альфредъ де-Мюссе, Бальзакъ, Жоржъ-Зандъ, Шопенъ, Викторъ Гюго, Гейне,—не говоря уже о соотечественникахъ, какъ Россини, Беллини, Кавуръ, Пеллегрино Росси; ученые, поэты, писатели—всѣ стремились въ космополитическій салонъ княгини Бельджойозо. Сколько сердецъ было положено къ ея ногамъ, сколько пріобрѣтено истинныхъ друзей и нажито враговъ! Альфредъ де-Мюссе надѣялся найти въ ней искреннюю привязанность, но княгиня, не равнодушная къ поклоненію, сама мало увлекалась, и бѣдный поэтъ, талантъ котораго она, однако, очень цѣнила, отплатилъ ей за холодность одой „Sur une morte", появившейся въ „Revue des deux Mondes" въ 1842 г. Въ дружескихъ отношеніяхъ Гейне съ княгиней, напротивъ того, не было никогда никакихъ недоразумѣній. Бальзакъ не долюбливалъ княгини и рѣдко бывалъ у нея. „Вы слышали о Бельджойозо и Минье? Княгиня совсѣмъ не похожа на другихъ женщинъ, но она мало привлекательна; ей двадцать-девять лѣтъ, у нея черные волосы и кожа матовой бѣлизны; она блѣдна, худа и разыгрываетъ вампира. Она имѣетъ счастье мнѣ не нравиться, хотя она и умна; но ужъ слишкомъ любитъ производить впечатлѣніе... у нея открытый домъ, тамъ изощряются въ остроуміи" [1])... У Лафайета княгиня Бельджойозо познакомилась съ другомъ Тьера, историкомъ Миньé, которому она оказывала предпочтеніе передъ другими поклонниками. Впослѣдствіи обстоятельства разъединили ихъ, но оба они сохранили до глубокой старости лучшія воспоминанія другъ о другѣ и счастливыхъ годахъ молодости.

III.

Въ салонѣ княгини Бельджойозо господствующей идеей была, все-таки, независимость Италіи; эта великая цѣль никогда не забывалась,—все подчинялось ей. Находя нужнымъ расположить общественное мнѣніе Франціи въ пользу Италіи и убѣдившись

[1]) H. de Balzac. Lettres à l'Etrangère. II, № CXXXIII.

въ могуществѣ печатнаго слова, княгиня основываетъ въ Парижѣ „Итальянскую газету“ (1845 г.), въ надеждѣ, что пресса сдѣлаетъ для ихъ цѣли гораздо больше, чѣмъ заговоры Мадзини. Всѣ эти тайныя общества и возмущенія казались ей теперь устарѣлыми и сдѣлавшими свое дѣло; она все болѣе и болѣе расходилась съ Мадзини въ политическихъ убѣжденіяхъ, но сохраняла къ нему дружескія чувства; онъ даже сотрудничалъ въ ея газетѣ, уже запрещенной въ Италіи. Чтобы обезпечить существованіе газеты, нужны были солидные фонды, и княгиня разсчитывала найти ихъ въ Италіи. Явившись въ Миланъ, она открыто вербовала акціонеровъ для запрещенной газеты, и австрійскія власти ей нисколько въ этомъ не препятствовали. Дѣло въ томъ, что Фердинандъ I, вступивъ на престолъ, даровалъ амнистію политическимъ преступникамъ, и губернаторъ Ломбардіи желалъ, очевидно, чтобы княгиня вынесла хорошее впечатлѣніе о своемъ пребываніи на родинѣ. Но „Итальянская газета“ все-таки не была допущена въ Миланъ.

Принимаясь за изданіе газеты, княгиня имѣла въ виду не только политическую независимость родины: она была занята также мыслью объ устройствѣ быта рабочаго класса, объ освобожденіи его отъ эксплуатаціи работодателей и о поднятіи его благосостоянія. И это въ то время, когда идеи эти еще не были въ модѣ. Пользуясь своимъ пребываніемъ въ Италіи, княгиня посѣтила свои помѣстья. Прежде всего она отправилась въ Локато, большое промышленное мѣстечко, принадлежавшее семьѣ Тривульціо. Обширный домъ ничѣмъ не напоминалъ средневѣкового замка, но въ немъ хранилось много сокровищъ: тутъ были рѣдкія терракотты XIV в., старинное оружіе, драгоцѣнныя книги съ миніатюрами, камеи, а главное богатство заключалось въ коллекціи античныхъ и средневѣковыхъ медалей и монетъ; послѣ смерти княгини, коллекція эта была пріобрѣтена королевскимъ домомъ Италіи. Кристина Тривульціо-Бельджойозо любила это помѣстье, любила народъ, честный и трудолюбивый, который знала съ дѣтства. Въ короткое время она сумѣла сдѣлать изъ Локато образцовое мѣстечко съ благотворительными и просвѣтительными учрежденіями.

Въ одно изъ своихъ пребываній въ Локато, въ 1842 г., княгиня обратилась къ помѣщикамъ Нижней Ломбардіи съ циркулярнымъ письмомъ, пытаясь тронуть ихъ сердце и пробудить въ нихъ сочувствіе къ меньшей братіи. „Вслѣдствіе частыхъ браковъ, — писала она, — нездороваго климата (рисовыя плантаціи) и рода занятій, процентъ сиротъ здѣсь гораздо значительнѣе,

чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Предоставленныя далеко не заботливому попеченію дальнихъ родственниковъ или чужихъ людей, пріученныя къ разнымъ неблаговиднымъ занятіямъ, полуголодныя, измученныя, дурно воспитанныя дѣти впослѣдствіи образуютъ нездоровое, порочное населеніе, которое будетъ непроизводительно тратить свой заработокъ и ляжетъ тяжелымъ бременемъ на помѣщиковъ, арендаторовъ, зажиточныхъ людей, понижая тѣмъ самымъ благосостояніе всей страны". Письмо это хотя и затрагивало чувствительную струну помѣщиковъ, но, повидимому, успѣха не имѣло. Сама княгиня дѣлала все возможное, чтобы придти населенію на помощь. Въ нижней залѣ своего дома въ Локато, гдѣ обыкновенно принимали рабочихъ по дѣламъ, гдѣ устраивались концерты и спектакли, и давались балы, зимою 1845 г. она устроила нѣчто вродѣ клуба, съ цѣлью отвлечь населеніе отъ посѣщенія разныхъ притоновъ. Въ этой отопленной залѣ собиралось до трехсотъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ; зала была открыта съ раняго утра до полуночи. Тутъ же происходили и чтенія для посѣтителей, а вечеромъ всѣ присутствовавшіе принимали участіе въ общей молитвѣ; кромѣ того, тутъ же отпускался дешевый столъ въ полдень и вечеромъ; плата производилась—когда и какъ хотѣлъ потребитель; нѣкоторые уплачивали работой по опредѣленной цѣнѣ, причемъ имъ выдавался матеріалъ: ленъ для пряжи, нитки для тканья или вязанья, полотно для изготовленія бѣлья и т. д. Приготовленные предметы раздавались княгиней бѣднымъ или продавались по дешевой цѣнѣ, что привлекало въ Локато покупщиковъ. Княгиня устроила тоже ясли для дѣтей отъ двухъ до шести лѣтъ, рукодѣльную школу для дѣвочекъ, гдѣ ихъ учили чтенію, письму и ариѳметикѣ; впослѣдствіи для взрослыхъ дѣвушекъ была заведена перчаточная фабрика; въ мужской школѣ княгиня учредила преподаваніе алгебры, геометріи, земледѣлія. Но на этомъ не остановилась благотворительная дѣятельность княгини; она предприняла затѣмъ перестройку всѣхъ принадлежавшихъ ей домовъ въ Локато, съ цѣлью сдѣлать ихъ болѣе удобными для жилья и безвредными въ гигіеническомъ отношеніи. Княгиня находила даже время для занятій музыкой съ жительницами Локато. Въ одно изъ ея посѣщеній этого мѣстечка женскій хоръ былъ ею обученъ въ двѣ недѣли и въ страстную пятницу подъ ея управленіемъ исполнилъ „Stabat Mater" Россини.

Такимъ образомъ кн. Бельджойозо, помимо своей политической и литературной дѣятельности, была постоянно занята мыслью о разумной помощи рабочему классу народа. Въ Парижѣ въ На-

ціональной библіотекѣ хранится ея письмо, гдѣ она между прочимъ говоритъ: „Организація современнаго общества служитъ яркимъ протестомъ противъ божественной справедливости, и это слѣдуетъ прекратить, какъ можно скорѣе“. Съ этимъ письмомъ княгиня посылала тысячу франковъ на двѣ акціи парижской газеты, основанной для борьбы съ соціальными недугами.

По возвращеніи изъ Италіи въ Парижъ, княгиня стала издавать, вмѣсто „Итальянской газеты“, ежемѣсячный журналъ „Авзонію“, въ объемѣ „Revue des deux Mondes“. Главной цѣлью этого изданія было возбудить всеобщую симпатію къ угнетенной Италіи и выставить ее достойною свободы и независимости. Побывавъ на родинѣ, княгиня еще болѣе проникласъ сочувствіемъ къ нуждамъ народа и въ своемъ журналѣ защищала его интересы, убѣждая землевладѣльцевъ пересматривать контракты, заключенные арендаторами и управляющими съ рабочими, напоминая о ихъ священныхъ обязанностяхъ къ бѣднымъ земледѣльцамъ, совѣтуя имъ бесѣдовать съ крестьянами, которые могли бы навести своихъ помѣщиковъ на многія полезныя мысли и мѣропріятія, старалась внушить владѣльцамъ большихъ помѣстій, что управленіе ихъ имѣніями требуетъ такихъ же заботъ, какъ и управленіе государствомъ.

Въ „Авзоніи“ принимали участіе лучшія силы Италіи, какъ, напр., Массимо д'Азеліо. Французы все болѣе и болѣе проникались идеей освобожденія Италіи; тонъ „Авзоніи“ становился все воинственнѣе; въ обращеніи къ тосканцамъ говорилось: „Сдержанность не всегда бываетъ добродѣтелью,—часто это только маска трусости!“ Но Венеція и Миланъ уже готовились къ возстанію 1848 г.; Карлъ-Альбертъ, король Пьемонта, уже брался за оружіе, собираясь сражаться за независимость Италіи; онъ былъ въ это время героемъ „Авзоніи“ и княгини Бельджойозо...

Уже въ началѣ XIX в. въ умахъ многихъ патріотовъ зрѣли идеи національной свободы и объединенія Италіи. Во время пребыванія Наполеона I-го на о-вѣ Эльбѣ, они надѣялись осуществить свои планы при содѣйствіи свергнутаго императора; затѣмъ неаполитанскій король Мюратъ сдѣлалъ попытку поднять всю Италію во имя ея освобожденія и объединенія, но потерпѣлъ неудачу. Движеніе это было преждевременнымъ; народныя массы еще не созрѣли для борьбы за освобожденіе, но отдѣльныя личности горячо вѣрили въ эту мечту. Между патріотами, послѣдовавшими за Мюратомъ, самымъ умнымъ, энергичнымъ и талантливымъ былъ, безспорно, молодой адвокатъ гр. Пеллегрино Росси, игравшій впослѣдствіи такую выдающуюся роль во Франціи

и Италіи. Изгнанный въ 1815 г. изъ своего отечества, гр. Росси основался въ Швейцаріи, получилъ тамъ каѳедру въ университетѣ, нѣсколько разъ былъ избираемъ депутатомъ. Своими сочиненіями по юриспруденціи и политической экономіи онъ обратилъ на себя вниманіе во Франціи; въ 1833 г. министры Брольи и Гизо постарались привлечь его въ Парижъ; для Росси открывалось болѣе широкое поле дѣятельности; таланты его были оцѣнены и во Франціи: Росси былъ возведенъ въ достоинство пэра и въ 1844 г. назначенъ посланникомъ при папскомъ дворѣ. Онъ двадцать-восемь лѣтъ провелъ въ изгнаніи, но нисколько не охладѣлъ къ родинѣ. Онъ много сдѣлалъ во Франціи для возбужденія интереса и сочувствія къ Италіи. Пеллегрино Росси былъ типомъ итальянскаго политика, соединявшаго энтузіазмъ съ хладнокровіемъ, отвагу—съ благоразуміемъ, страстность—съ ироніей и пренебреженіемъ къ врагамъ. Это былъ, несомнѣнно, самый талантливый государственный человѣкъ Италіи до Кавура. Хотя его считали якобинцемъ и карбонаріемъ, Пеллегрино Росси былъ благоразумнымъ просвѣщеннымъ либераломъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова. „Я рано научился,—говорилъ онъ,—отличать либерализмъ отъ идей, ведущихъ къ разрушенію всѣхъ законовъ нравственности и справедливости; я отличаю гражданскую свободу, — которой можно добиться при хорошемъ монархическомъ правленіи,—отъ распущенности, такъ часто слѣдующей по пятамъ за проповѣдниками разныхъ республиканскихъ теорій; я отличаю истинныя нужды народнаго образованія отъ ярыхъ требованій анархистовъ,—отличаю суевѣріе отъ религіи, честнаго человѣка и просвѣщеннаго дѣятеля отъ демагога“ [1])...

При дворѣ папы Григорія XVI со страхомъ смотрѣли на новаго французскаго посланника изъ карбонаріевъ 1815 года, но тонкій политикъ Росси сумѣлъ создать себѣ прочное положеніе при римской куріи и даже внушить довѣріе папѣ Григорію XVI.

Между тѣмъ національное движеніе все разросталось, отдѣльныя вспышки народнаго возмущенія все учащались; шла подпольная борьба не только съ могуществомъ Австріи, но и съ абсолютизмомъ, даже въ Папской области. Этому движенію способствовала и сама Австрія, поддерживавшая всюду абсолютизмъ. Такимъ образомъ, въ Италіи, гдѣ сначала желали только смягченія власти, устраненія самыхъ вопіющихъ злоупотребленій, перешли мало-по-малу къ народному возбужденію, патріотическимъ

[1]) Charles de Mazade. L'Italie et les Italiens.

манифестаціямъ, требовали учрежденія парламента, національной гвардіи, конституціи. Въ Папской области царствовало наружное спокойствіе, но радикальная партія усиленно вела пропаганду; ей въ руку играла и національная партія, хотя и не раздѣлявшая соціальныхъ и политическихъ принциповъ радикаловъ, но жаждавшая скорѣе добиться цѣли. Благодаря дарованію свободы печати во всей Италіи (кромѣ Церковной области и Неаполитанскаго королевства), страну наводнили политическими брошюрами, гдѣ трактовались вопросы національности, освобожденія и объединенія страны. Папа колебался, а неаполитанскій король упорствовалъ въ нежеланіи вступить на путь реформъ. Въ 1846 г. на папскій престолъ избранъ былъ итальянецъ Мастаи Ферретти, принявшій имя Пія IX-го; отъ него ожидали спасенія; на него смотрѣли, какъ на освободителя, и въ первые мѣсяцы своего царствованія Пій IX пользовался огромной популярностью. Немедленно по вступленіи на престолъ, папа даровалъ амнистію политическимъ преступникамъ; казалось, онъ понималъ требованія своего времени и готовъ былъ идти имъ навстрѣчу. Но недостатокъ энергіи, нерѣшительность, давленіе клерикальной среды уничтожали всѣ благія начинанія папы.

„Что же надлежало сдѣлать въ Римѣ, чтобы избѣжать революціи?—писалъ Росси въ одной изъ своихъ дипломатическихъ депешъ министру иностранныхъ дѣлъ Гизо:—надо было дѣйствовать быстро и рѣшительно: 1) дать необходимыя реформы и тѣмъ создать многочисленную, просвѣщенную и преданную консервативную партію, которая не стала бы брататься съ радикалами, стремящимися къ несвоевременной борьбѣ и недостижимымъ побѣдамъ; 2) слѣдовало сдерживать національную партію, выясняя ей, что нетерпѣніе можетъ все погубить, убѣждая ее добиваться своихъ требованій законнымъ путемъ... Для начала устраненіе самыхъ возмутительныхъ злоупотребленій произвело бы уже отличное впечатлѣніе; слѣдовало удалить рѣшительно и безповоротно тѣхъ чиновниковъ и сановниковъ, которыхъ народъ ненавидѣлъ и пребываніе которыхъ у власти возмущало его. Государственные люди не должны думать, что обновленное государство можетъ функціонировать, опираясь на тѣхъ лицъ, которыя или бездарностью, или злоупотребленіями вызвали революцію“... „Папа создаетъ для себя непріятное положеніе, — писалъ д'Азеліо,—настойчиво удерживая у власти людей, которые никогда не пойдутъ за нимъ (въ дѣлѣ реформъ): отъ этого во всемъ проявляется вѣроломство правительства“ [1]). Но папа не

[1]) Correspondance politique de Massimo d'Azeglio. Lettre № X, 5 janvier 1848.

внималъ совѣтамъ французскаго посланника; принявъ систему полумѣръ и попытокъ, римская курія надѣялась этимъ сдержать народную волну: эдикты слѣдовали за эдиктами, назначались коммиссіи, много предпринимали, но ничего не кончали. Росси говорилъ имъ: „Установите, если хотите, предѣлы для реформъ, но, ради Бога, установите ихъ и исполняйте ваши намѣренія безъ замедленія"... И не одинъ Росси такъ хорошо понималъ положеніе дѣлъ въ Церковной области; знаменитый писатель и вѣрный католикъ Массимо д'Азеліо тоже всячески старался увлечь Пія IX на путь реформъ. Д'Азеліо, Джіоберти и Чезаре Бальбо своими сочиненіями подготовили либеральное движеніе 1846—1848 гг. Д'Азеліо былъ главою той многочисленной партіи либераловъ, которая въ 1844—59 гг. стояла за реформы, сражалась за независимость и боролась противъ революціи. Въ 1848 г. д'Азеліо былъ въ Римѣ по дѣламъ своей партіи. Ему поручаютъ составить для поднесенія папѣ адресъ съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ и просьбой довѣриться народу; адресъ покрывается тысячами подписей. „Адресъ сдѣлалъ два хорошихъ дѣла, — говоритъ д'Азеліо: —успокоилъ народъ и страшно напугалъ ретроградовъ". Ретрограды и Австрія всячески старались возбуждать и поддерживать волненія и надѣялись, подавляя ихъ, избавиться отъ либераловъ.

Наконецъ, подъ вліяніемъ продолжавшагося неудовольствія всѣхъ классовъ населенія, были созваны депутаты изъ всѣхъ провинцій, входящихъ въ составъ папскихъ владѣній. По мѣрѣ того, какъ развивались событія, Росси все сильнѣе чувствовалъ пробуждавшіяся въ немъ былыя надежды на независимость родины, но онъ стоялъ за мирное разрѣшеніе вопроса, такъ какъ былъ увѣренъ, что умѣренность и миръ—лучшіе сподвижники Италіи, и посланникъ Франціи перерождался вновь въ патріота. Вслѣдствіе вспыхнувшей во Франціи февральской революціи (1848 г.), гр. Росси лишился поста посланника и окончательно разстался съ Франціей. Онъ хотѣлъ и могъ теперь быть снова итальянцемъ и работать на пользу родины. Еще будучи французскимъ посланникомъ, онъ предостерегалъ своихъ соотечественниковъ отъ розни, революціонныхъ утопій, и совѣтовалъ имъ сосредоточить всѣ свои силы на борьбѣ за независимость. Взоры всѣхъ были обращены на Пьемонтъ, оттуда ждали спасенія,—и Росси былъ того же мнѣнія: „Всѣ должны тяготѣть къ Карлу-Альберту; надо присоединить къ его коронѣ Ломбардію, Венецію, Парму и Модену, создать сильное государство на границѣ Италіи,

которое служило бы щитомъ противъ Австріи и было бы готово сражаться за независимость".

Освободительное движеніе, постепенно развиваясь, привело къ революціи 1848 г. Возстаніе охватило, главнымъ образомъ, сѣверъ Италіи. По прошествіи нѣсколькихъ дней, австрійцы были отброшены на берега Эча. Карлъ-Альбертъ, король Пьемонта, выйдя, наконецъ, изъ выжидательнаго положенія, вступилъ въ Ломбардію; подъ его знамена сбѣгались волонтеры со всей Италіи; Тоскана не могла болѣе сдерживать своихъ войскъ, охваченныхъ общимъ энтузіазмомъ; папа не хотѣлъ войны, но не сумѣлъ ей воспрепятствовать, и небольшая папская армія приняла участіе въ войнѣ съ Австріей. Д'Азеліо былъ назначенъ начальникомъ штаба папской арміи. Онъ воодушевляетъ армію, увлекаетъ ее за собой, переходитъ р. По. „Я отказался на этотъ разъ, — пишетъ онъ, — отъ обычной проповѣди сдержанности и проповѣдывалъ противоположное. Но я проповѣдывалъ уже убѣжденнымъ!" Энтузіазмъ въ войскахъ, сражавшихся за независимость отечества, восполнялъ недостатокъ военной организаціи. „Наша армія,—говоритъ д'Азеліо,—напоминаетъ крестовые походы. Кромѣ строевыхъ частей, которыя очень хорошо представлены, у насъ много волонтеровъ и крестьянъ въ самыхъ фантастическихъ костюмахъ; они вооружены копьями, вилами и другими орудіями. Кромѣ того—священники, монахи; въ сущности они могли бы обойтись безъ этихъ кинжаловъ и пистолетовъ, но какъ имъ это втолковать? Впрочемъ, все это придаетъ нашей арміи мѣстный колоритъ" [1]).

Папа не оправдалъ возложенныхъ на него надеждъ: въ колебаніяхъ и сомнѣніяхъ прошло полгода; наконецъ, въ сентябрѣ 1848 г., Пій IX поручилъ гр. Росси составить министерство. Бывшій посланникъ былъ самымъ подходящимъ человѣкомъ для труднаго и отвѣтственнаго поста главы кабинета. Росси съ большимъ рвеніемъ принялся за реорганизацію управленія и надѣялся предстать передъ парламентомъ, который долженъ былъ собраться 15-го ноября, сдѣлавъ уже половину работы. Въ эти два мѣсяца министерства Росси всѣ почувствовали его твердую руку. Но въ то смутное время спокойная и властная энергія человѣка, боровшагося съ революціей и реакціей и желавшаго водворить законность и порядокъ, не могла не возбудить ненависти крайнихъ партій; революціонеры, которые не могутъ про-

[1]) Correspondance politique de M. d'Azeglio. № VII, 4 sept. 47; № XIII, 5 mai 1848.

являть свою дѣятельность въ мирномъ и благоустроенномъ государствѣ, обрекли его на смерть; клерикалы сдѣлались его врагами за его стремленіе передѣлать вѣковой строй римской куріи. Единомышленники Росси боялись катастрофы и предупреждали его о готовящемся покушеніи на его жизнь; но онъ непоколебимо шелъ своей дорогой и не обращалъ никакого вниманія на опасенія друзей, даже папы... Въ день открытія парламента гр. Росси былъ убитъ кинжаломъ, когда поднимался по лѣстницѣ въ палату депутатовъ...

Бальбо называетъ убійство Росси однимъ изъ преступленій 1848 г. Въ тѣ времена жизнь людей цѣнилась больше, чѣмъ въ наше время,—убійство изъ-за угла казалось чудовищнымъ преступленіемъ; итальянцы, даже не имѣвшіе никакого отношенія къ Папской области, считали это убійство пятномъ освободительнаго движенія. „Я краснѣлъ всякій разъ,—писалъ Бонкомпаньи Мазаду,—когда, говоря о независимости Италіи, мнѣ бросали въ лицо убійство Росси. Съ тѣхъ поръ я рѣшилъ какимъ-нибудь публичнымъ актомъ доказать Европѣ, что итальянскіе либералы были на сторонѣ жертвы, а не на сторонѣ убійцъ"... Въ университетѣ въ Болоньѣ, гдѣ Росси слушалъ, а впослѣдствіи читалъ лекціи, ему поставленъ памятникъ; письма его и сочиненія изданы на счетъ государства. Такъ почтила объединенная Италія память истиннаго борца за ея освобожденіе...

IV.

Княгиня Бельджойозо проявила свою дѣятельность также и въ военномъ дѣлѣ. Когда вспыхнуло возстаніе въ Миланѣ, она была въ Неаполѣ; она немедленно зафрахтовываетъ пароходъ для переѣзда въ Геную и стремится раздѣлить участь родины со своими согражданами; она обмундировываетъ и вооружаетъ на свой счетъ двѣсти волонтеровъ и везетъ ихъ въ Геную. Въ Неаполѣ имъ устраиваютъ восторженные проводы: вся молодежь, зрѣлые люди, отцы семействъ хотятъ плыть съ княгиней; но пароходъ можетъ принять только двѣсти человѣкъ. „Мы послѣдуемъ за вами!" — кричатъ остающіеся... Княгиню и ея отрядъ торжественно встрѣчаютъ въ Миланѣ, куда онъ входитъ въ боевомъ порядкѣ, — въ полной амуниціи; княгиня во главѣ отряда, въ открытомъ экипажѣ, съ калабрійской шляпой на головѣ, въ отвѣтъ на восторженные клики толпы, раздаетъ перья изъ своей шляпы. Подобное шествіе кажется намъ теперь

театральнымъ, но надо перенестись въ тѣ времена, когда мужчины носили костюмы изъ „Эрнани“ или „Пуританъ“, кинжалы за поясомъ и ружья на плечѣ, какъ тенора и баритоны на сценѣ. Нельзя сказать, чтобы отрядъ княгини, возбуждавшій оваціи толпы, находилъ одобреніе у серьезныхъ людей. „Явилась княгиня Бельджойозо съ ста-пятидесятью авантюристами, — писалъ президентъ временнаго правительства Милана, Казати:—Боюсь, что она сдѣлала мнѣ непріятный подарокъ!“ Сама княгиня жалуется на отношеніе властей къ ея волонтерамъ, о которыхъ она говорила, какъ объ авангардѣ цѣлой арміи въ сто тысячъ человѣкъ, готовыхъ подняться по первому зову.

Въ Миланѣ княгиня занималась главнымъ образомъ политикой, собирала вокругъ себя единомышленниковъ, подготовляла присоединеніе Ломбардіи къ Пьемонту, писала Карлу-Альберту, который все еще былъ ея героемъ, принимала участіе въ заботахъ о раненыхъ, щипала корпію. Кромѣ того, Бельджойозо посвящала много времени и литературнымъ трудамъ: писала статьи объ Италіи для своей „Авзоніи“ и для французскихъ газетъ въ Парижѣ, основала въ Миланѣ журналъ „Il Crociato“ („Крестоносецъ“), гдѣ она была почти единственнымъ сотрудникомъ, напечатала нѣсколько нумеровъ журнала „La croce di Savoja“ („Крестъ Савойи“) и двѣ брошюры: „Ai suoi concittadini“ („Къ своимъ согражданамъ“); въ одной изъ нихъ княгиня доказываетъ преимущество единства Италіи надъ федераціей, въ другой—защищаетъ монархическую форму правленія. Въ большой статьѣ: „Война въ итальянскомъ Тиролѣ“ (въ „Revue des deux Mondes“) дается полная картина этой области и борьбы, происходившей на ея территоріи съ начала XIX ст. Еще въ 1846 г. появилась въ Парижѣ ея брошюра: „Etudes sur l'histoire de la Lombardie dans les trente dernières années ou des causes du défaut d'énergie chez les Lombards“. Въ 1848 г. въ „Revue des deux Mondes“ была напечатана ея статья: „L'Italie et la révolution italienne de 1848“, гдѣ она опять обвиняетъ аристократію Пьемонта и Ломбардіи въ недостаткѣ энергіи въ ихъ борьбѣ съ Австріей, а также расточаетъ упреки и временнымъ правительствамъ возставшихъ городовъ; воздавая должное народу, она рисуетъ яркую картину того хаоса, который царствовалъ всюду...

Папская армія потерпѣла пораженіе подъ Виченцей, гдѣ Массимо д'Азеліо былъ раненъ; онъ, однако, не унывалъ и видѣлъ даже пользу для Италіи въ ея военныхъ неудачахъ. „Я боялся для Италіи какъ легкой побѣды, такъ и пораженія. Еслибъ мы освободились отъ чужеземцевъ послѣ пер-

ваго сраженія, Богъ знаетъ, куда бы насъ завели политическія страсти и высокомѣріе партій, — надменность ихъ не знаетъ границъ. У насъ много дурныхъ элементовъ; надо, чтобъ все это очистилось въ горнилѣ испытаній". М. д'Азеліо всячески старался удержать своихъ соотечественниковъ отъ неблагоразумныхъ шаговъ, которые могли испортить все дѣло освобожденія, и рисовалъ передъ ними страшные призраки анархіи, междоусобной войны и вмѣшательства иностранныхъ державъ. Въ посланіи къ своимъ избирателямъ онъ говоритъ: „Вы обвиняете въ нашихъ несчастьяхъ правительства, министровъ, государей; вы не хотите понять, что намъ недостаточно измѣнить форму правленія, а надо передѣлать себя самихъ; намъ самимъ слѣдуетъ переродиться, стряхнуть съ себя апатію, освободиться отъ множества растлѣвающихъ привычекъ; надо перестать быть хвастунами, ни къ чему негодными людьми; мы должны образовать изъ себя націю, обладающую талантами и добродѣтелями, а не быть развращеннымъ, униженнымъ народомъ, посмѣшищемъ доблестныхъ людей... Итальянцы, имѣйте, по крайней мѣрѣ, мужество выслушать эти слова, какъ я имѣю мужество вамъ ихъ высказывать!"

Еще до открытія военныхъ дѣйствій, король Пьемонта Карлъ-Альбертъ предлагалъ д'Азеліо стать во главѣ кабинета министровъ, но д'Азеліо отвѣтилъ отказомъ, и въ одномъ изъ своихъ писемъ излагаетъ причины, побудившія его отклонить предложеніе короля: „Мнѣ не хотѣлось бы одному воевать противъ Австріи, а тѣмъ болѣе заключать и подписывать миръ. Кромѣ того, у оппозиціи состоятъ на жалованьи крикуны-генуэзцы, съ которыми ни одно министерство, кромѣ составленнаго изъ нихъ самихъ, не могло бы ужиться. Надо, чтобы радикалы отбыли свое время; пусть страна видитъ ихъ на работѣ и разочаруется въ нихъ. И это уже начинаетъ совершаться". Но д'Азеліо такъ страстно жаждалъ освобожденія и возрожденія Италіи, что готовъ былъ мириться и съ радикалами во главѣ правленія, хотя сознавалъ, что не крайнимъ партіямъ должна принадлежать господствующая роль въ устройствѣ государства. „Хотя я и принадлежу къ умѣренной партіи, я въ сущности всегда буду стоять за ту партію, которая спасетъ Италію. Если это сдѣлаютъ радикалы—пускай!... Но если что-либо хорошее намъ и удастся, это сдѣлается не радикалами, а вопреки имъ и несмотря на тѣ препятствія, которыя они намъ вездѣ создаютъ". Д'Азеліо писалъ это за два дня до битвы при Новарѣ. Узнавъ о пораженіи Пьемонта, которое онъ, однако, предвидѣлъ, д'Азеліо сильно огор-

ченъ: то, къ чему онъ стремился всю жизнь, надъ чѣмъ работалъ съ юныхъ дней,—все потеряно! „Послѣ такихъ ударовъ,— говоритъ онъ,—остается только подобіе жизни; душа и сердце умираютъ. Я уже не увижу мою бѣдную, дорогую родину освобожденною отъ ига. Да будетъ воля Господня!" Но въ этомъ же письмѣ онъ говоритъ уже о необходимости возобновить борьбу черезъ нѣкоторое время. „Не надо забывать, что любовь къ родинѣ есть жертва, а не наслажденіе". И онъ ее приноситъ, эту жертву родинѣ, принимая на этотъ разъ предсѣдательство въ совѣтѣ министровъ и управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Ему пришлось вести мирные переговоры съ Австріей послѣ пораженія, подписывать миръ, противъ котораго возставали крайнія партіи... Парламентъ былъ распущенъ и назначены новые выборы; они происходили подъ вліяніемъ „Молодой Италіи", и новый составъ депутатовъ оказался враждебнымъ министерству. Тогда Викторъ Эммануилъ, вступившій на престолъ послѣ отреченія отца, вновь распустилъ парламентъ и обратился съ воззваніемъ къ народу, который на этотъ разъ оправдалъ довѣріе короля и надежды д'Азеліо. Только тридцать крайнихъ лѣвыхъ депутатовъ появились въ новомъ парламентѣ, собравшемся въ декабрѣ 1849 г. И тогда началась его производительная работа, сообща съ правительствомъ, подготовившая объединеніе Италіи.

Въ 1851 г., когда освободился портфель министра земледѣлія и торговли, д'Азеліо предложилъ его графу Кавуру. Викторъ-Эммануилъ, подписывая его назначеніе, сказалъ министрамъ: „Я согласенъ, но онъ вамъ всѣмъ сядетъ на голову". Предсказаніе короля не замедлило осуществиться: Кавуръ повелъ свою политику въ кабинетѣ министровъ, выдвинулъ главу лѣваго центра Раттацци на постъ президента палаты и долженъ былъ оставить министерство...

Д'Азеліо тяготился своими обязанностями перваго министра; рана, полученная при Виченцѣ, причиняла ему частыя страданія, но онъ считалъ своимъ долгомъ оставаться на посту, пока позволяло здоровье. „Быть у „власти — писалъ онъ,—совсѣмъ неподходящее выраженіе: не у „власти", а у „долга!" Осенью 1852 г. д'Азеліо нашелъ возможнымъ выйти въ отставку. „Я сталъ у руля, когда мнѣ было доказано, что я буду имъ управлять съ большей пользой для страны, чѣмъ другой. Къ счастью, мнѣ удалось вывести ее изъ тяжкаго положенія и пройти среди подводныхъ скалъ безъ большихъ аварій. Теперь корабль приведенъ въ исправность и, смѣю сказать, можетъ плыть на всѣхъ парусахъ. Я смѣняюсь съ вахты! Очередь за другимъ!"

Этотъ „другой" былъ Кавуръ...

Возвратясь въ Парижъ, княгиня Бельджойозо застала Людовика-Наполеона во-главѣ французской республики. Она была уже съ нимъ знакома: въ 1846 г. они встрѣчались въ Лондонѣ, и княгиня, напомнивъ бывшему карбонарію о его симпатіи къ Италіи, говорила ему тогда: „Принцъ, придите намъ на помощь!" — „Княгиня, дайте мнѣ устроить дѣла Франціи, тогда я подумаю и объ Италіи", — отвѣчалъ Наполеонъ. — И княгиня полагала, что теперь насталъ часъ напомнить ему объ обѣщаніи. Но въ это время въ Римѣ вспыхнуло возстаніе (8 февраля 1849 г.), заставившее папу Пія IX бѣжать въ Гаэту. Немедленно было созвано учредительное собраніе, и провозглашена республика. Однимъ изъ тріумвировъ былъ Мадзини; онъ уже мечталъ о той минутѣ, когда Римъ будетъ объявленъ столицею итальянской республики. Д'Азеліо считалъ это возстаніе одной изъ крупныхъ ошибокъ мадзинистовъ и предвидѣлъ вмѣшательство католической Европы въ дѣла Италіи, какъ только освободительное движеніе станетъ во враждебныя отношенія къ папѣ. Политика Франціи требовала возстановленія папы на престолѣ, и французская республика отправила въ Италію войска подъ начальствомъ маршала Удино. Княгиня Бельджойозо была возмущена до глубины души поступкомъ Франціи и не хотѣла болѣе оставаться въ Парижѣ; она спѣшила въ Римъ. Вскорѣ французы осадили Вѣчный городъ. Гарибальди со своими приверженцами готовился къ упорной борьбѣ... Завязался ожесточенный бой, сражались лицомъ къ лицу; было много штыковыхъ ранъ, римскіе госпитали наполнялись больными и ранеными, — и тутъ-то, въ больницахъ, мы встрѣчаемъ неутомимую сестру милосердія въ лицѣ княгини Бельджойозо. Ей былъ порученъ главный надзоръ за госпиталями во время осады. Она поселилась въ госпиталѣ Пилигримовъ; жила въ маленькой комнатѣ, спала на полу и спала мало; часто проводила и безсонныя ночи, во всякое время появляясь у изголовья больныхъ, нуждавшихся въ ея помощи. Никакія раны, никакія болѣзни не отталкивали ее. Она завела въ госпиталяхъ порядокъ, чистоту, дисциплину и не знала усталости. На ея средства пріобрѣтались лекарства, съѣстные припасы, въ которыхъ часто чувствовался недостатокъ, — бѣлье, кровати... Кромѣ того, она учредила общество вспомоществованія раненымъ, защищала ихъ интересы, обращалась къ тріумвирамъ съ жалобами на независящія отъ нея неурядицы въ госпиталяхъ, на несогласія врачей, требовала отъ правительства уплаты жалованья или награды раненымъ, вообще

проявляла кипучую дѣятельность, столь свойственную молодымъ и здоровымъ людямъ, а княгинѣ въ это время было уже сорокъ лѣтъ, и она смолоду страдала эпилептическими припадками. Вскорѣ она совершенно разочаровалась въ тріумвирахъ: „Тріумвиры,—писала она,—дѣлаютъ много глупостей. Народъ молчитъ, потому что движеніе противъ тріумвировъ можетъ быть истолковано, какъ возмущеніе противъ республики. Положительно, въ народѣ чувствуется къ нимъ охлажденіе, и онъ не будетъ оказывать поддержки людямъ, которыми онъ недоволенъ. Послѣ этихъ событій я боюсь, чтобы римскій народъ не впалъ въ апатію, не вслѣдствіе равнодушія, какъ нѣкоторые говорятъ, а потому, что онъ утратилъ вѣру въ тѣхъ, кто имъ управляетъ".

Благотворительная дѣятельность итальянокъ и итальянцевъ въ госпиталяхъ (многіе доктора работали безплатно) прекратилась со взятіемъ Рима французами; они удалили изъ больницъ княгиню Бельджойозо и другихъ дамъ и докторовъ и замѣнили ихъ французами. Раненые лишились, конечно, того заботливаго ухода, которымъ ихъ окружали соотечественницы. Кровопролитіе у стѣнъ Рима и отношеніе французовъ къ больнымъ и раненымъ привело княгиню Бельджойозо въ негодованіе; она не могла и думать о возвращеніи въ Парижъ! Но и оставаться въ Италіи для нея не было никакой возможности: австрійское господство водворилось съ новой силой, да и матеріальное положеніе княгини было незавидное: послѣ возстанія въ Ломбардіи, на жителей ея и въ особенности на руководителей движеніемъ была наложена большая контрибуція, и, за отсутствіемъ княгини, австрійцы безконтрольно распоряжались въ ея помѣстьяхъ. Все это побудило княгиню на время оставить Европу и предпринять продолжительное путешествіе на Востокъ. Съ ней отправлялись нѣсколько друзей и ея двѣнадцатилѣтняя дочь съ гувернанткой-англичанкой. Княгиня, несмотря на невзгоды, претерпѣваемыя ея отечествомъ, не пала духомъ и, снова отправляясь въ изгнаніе, гдѣ ее ждали новыя испытанія, не теряла вѣры въ близкое освобожденіе и возрожденіе Италіи.

Посѣтивъ Мальту, Грецію, Константинополь, княгиня поселяется въ Малой Азіи, въ окрестностяхъ Ангоры, и покупаетъ большое помѣстье, въ надеждѣ получить съ него доходы и вернуться въ Европу, какъ только хозяйство будетъ вполнѣ налажено и будетъ найдено довѣренное лицо для управленія имѣніемъ. На слѣдующій годъ она съ дочерью предпринимаетъ путешествіе въ Сирію и Палестину. Дорога была сопряжена съ большими затрудненіями и опасностями; приходилось все время

ѣхать верхомъ,—другихъ способовъ сообщенія не существовало; приходилось останавливаться для отдыха и ночлега среди дикаго мусульманскаго населенія, и хотя княгиня путешествовала съ многочисленнымъ конвоемъ, тѣмъ не менѣе надо было обладать большой энергіей и храбростью, а главное—влеченіемъ ко всему выходящему изъ рамокъ обыденной жизни, чтобы пуститься въ такое путешествіе. Хотя княгиня и была религіозна, но посѣщеніе св. мѣстъ, вызывающее даже у невѣрующихъ чувство умиленія, не произвело на нее впечатлѣнія; она оставалась холодна при видѣ Іерусалима, Голгоѳы, Виѳлеема... Впрочемъ, и историческія мѣстности Греціи не вызвали въ ней никакого волненія. Была ли она слишкомъ потрясена современными событіями, чтобъ умиляться надъ давно прошедшимъ, были ли тому причиной ея положительный умъ и недостатокъ чувствительности, но только она сама говоритъ въ своихъ путевыхъ запискахъ: „Я помню, что на Мараѳонѣ я завидовала тому волненію, которое вызвало воспоминаніе о Ѳемистоклѣ у одного изъ моихъ спутниковъ. Однако этотъ умный и образованный человѣкъ обладалъ умомъ скорѣе положительнымъ, нежели поэтическимъ. Я видѣла, какъ у него по щекѣ скатилась слеза, а я, къ стыду своему, должна признаться, что изъ посѣщенія Мараѳона вынесла только воспоминаніе о сильной жарѣ въ этотъ день“.

Во всякомъ случаѣ, путешествіе княгини не было однимъ пустымъ развлеченіемъ: она наблюдала природу, людей и впослѣдствіи описывала свои впечатлѣнія; она посѣщала гаремы, изучала семейный бытъ мусульманъ, родъ ихъ занятій, промышленность. По возвращеніи въ свое помѣстье, княгиня занялась приведеніемъ въ порядокъ своихъ путевыхъ записокъ, которыя и были напечатаны въ „Revue des deux Mondes“ въ 1855 г., а впослѣдствіи изданы отдѣльной книгой [1]). Но уже и раньше кн. Бельджойозо печатала статьи о Востокѣ въ журналахъ Парижа, Лондона, Нью-Іорка.

Надежды на тѣ доходы, которые должно было давать азіатское помѣстье княгини, не вполнѣ оправдались: большіе налоги, взятки турецкимъ чиновникамъ поглощали большую часть доходовъ; за невозможностью аккуратно получать въ этомъ отдаленномъ углу деньги изъ Европы, — онѣ или пропадали въ дорогѣ, или попадали въ карманы турецкихъ чиновниковъ,—княгинѣ и ея дочери приходилось тогда прибѣгать и къ ручной работѣ: ихъ

---

¹) Asie Mineure et Syrie, souvenirs de voyages par m-me la princesse Belgiojoso.

изящно исполненныя вышивки находили сбытъ въ Константинополѣ.

Пребыванію княгини на Востокѣ пришелъ конецъ въ 1853 году. Она съ удовольствіемъ возвращалась въ Европу и везла съ собой ангорскихъ кошекъ, собакъ, двухъ слугъ-турокъ, обращенныхъ ею въ христіанство... Высадившись въ Марселѣ и отдохнувъ въ окрестностяхъ Альби у замужней сестры, маркизы Висконти, княгиня отправилась въ Парижъ по дѣламъ. Наполеонъ былъ уже императоромъ, и княгиня Бельджойозо возлагала на него большія надежды; она напомнила ему объ обѣщаніи, данномъ ей въ Лондонѣ, подумать объ Италіи какъ только устроятся дѣла Франціи. Но у Наполеона и такъ была тѣсная связь съ Италіей: его давняя дружба съ гр. Франческо Арезе. Они подружились во время возстанія карбонаріевъ въ Романьѣ (1831 г.), въ которомъ Наполеонъ съ братомъ принимали участіе. При содѣйствіи архіепископа гор. Сполето, Мастаи Ферретти (впослѣдствіи папа Пій IX), Наполеону удалось бѣжать въ Генуя; затѣмъ оба друга совершили путешествіе въ Америку, что̀ еще болѣе сблизило молодыхъ людей, и дружба эта, безъ сомнѣнія, оказала большое вліяніе на отношеніе Наполеона III къ дѣламъ Италіи.

Утомленная и своей политической дѣятельностью, и продолжительнымъ пребываніемъ на Востокѣ, княгиня Бельджойозо стремилась отдохнуть отъ пережитыхъ волненій; казалось, дѣла родины отошли у нея на второй планъ; материнскія чувства брали верхъ надо всѣмъ остальнымъ, патріотка жаждала семейной жизни. И княгиня съ дочерью поселяется въ имѣніи брата, въ Оледжіо Кастелло, на берегахъ озера Маджіоре. Въ горахъ, покрытыхъ зеленью, съ голубымъ озеромъ у ихъ подошвы, въ чудномъ горномъ воздухѣ, среди близкихъ людей, княгиня могла вполнѣ предаться отдыху и воспоминаніямъ дѣтства, проведеннаго отчасти и въ Оледжіо Кастелло...

Туринъ и Миланъ, какъ и Парижъ, имѣли свои политическіе и литературные салоны. Одна изъ сестеръ княгини была замужемъ за маркизомъ Рора̀, горячимъ сторонникомъ Кавура. Самыми модными салонами Турина были салоны маркизы Альфьери и маркизы Рора̀; тамъ собирались дипломаты, политическіе дѣятели, съ Кавуромъ во главѣ. Но въ Туринѣ были и консервативные салоны, относившіеся неодобрительно къ новымъ идеямъ; тамъ приходили, напр., въ ужасъ, оттого, что маркизъ д'Азеліо сдѣлался живописцемъ! Но подобные салоны были въ меньшинствѣ. Княгиня Бельджойозо часто гостила въ Туринѣ у сестеръ;

у маркизы Рорà она встрѣчалась съ Кавуромъ, генераломъ Ламармòра и другими борцами за независимость Италіи. Подъ вліяніемъ Кавура она вновь воспылала симпатіей къ Савойскому дому.

Впрочемъ, кн. Кристина, жаждавшая прежде всего свободы и независимости для Италіи, была довольно равнодушна къ тому, какая партія добьется желанной цѣли; поэтому она и переносила свои симпатіи съ Мадзини на Карла-Альберта, съ Карла-Альберта на Мадзини, и наконецъ, разочаровавшись окончательно въ бывшемъ римскомъ трибунѣ послѣ миланскаго возстанія 1853 г., вновь возложила свои надежды на короля Пьемонта. Несчастный Карлъ-Альбертъ, „Гамлетъ независимости", какъ называлъ его Мадзини, покинулъ Италію послѣ пораженія при Новарѣ, отказавшись отъ престола въ пользу сына своего, Виктора-Эммануила. Этотъ король-воинъ былъ въ то же время и искуснымъ дипломатомъ; человѣкъ крѣпкаго закала, мужественный слуга своего долга, готовый на всякія жертвы, онъ умѣлъ окружить себя доблестными сподвижниками.

V.

Княгинѣ Бельджойозо приходилось часто бесѣдовать съ Кавуромъ о политическихъ дѣлахъ Ломбардіи, на которыхъ было сосредоточено все вниманіе перваго министра. Ломбардія переживала тяжелыя времена. Вновь вспыхнувшее въ Миланѣ возстаніе (6-го фев. 1853 г.) было быстро подавлено австрійцами; это была послѣдняя попытка Мадзини учредить въ Миланѣ республику, его „послѣднее заблужденіе", говоритъ Барбьера. Въ Ломбардіи царствовалъ терроръ: осадное положеніе соблюдалось со всею строгостью законовъ, особенно въ Миланѣ; граждане были обречены на всевозможныя стѣсненія: такъ, напр., они были обязаны освѣщать всѣ окна по ночамъ, на случай, еслибъ революціонеры вновь разбили фонари на улицахъ. Австрійцы безъ пощады вѣшали, разстрѣливали итальянцевъ, замѣшанныхъ въ возстаніи; тюрьмы и крѣпости имперіи были переполнены итальянскими патріотами; имущество эмигрантовъ, въ числѣ которыхъ числилась и Кристина Бельджойозо, было конфисковано...

Года черезъ два картина перемѣнилась: политическимъ преступникамъ была дарована амнистія, съ конфискованныхъ имуществъ снято запрещеніе, и братъ императора, эрцгерцогъ Максимиліанъ, назначенъ правителемъ Ломбардо-Венеціанской

области. Молодой эрцгерцогъ съ своей красавицей-женой, по пріѣздѣ въ Миланъ, сталъ употреблять все свое умѣнье, всѣ свои чары на умиротвореніе подвластной ему страны и привлеченіе къ себѣ народныхъ симпатій. Это былъ очень ловкій политическій маневръ Австріи, къ несчастью для нея—запоздалый, напугавшій Кавура; первый министръ Пьемонта въ это самое время велъ переговоры съ Франціей, съ цѣлью побудить ее къ войнѣ съ Австріей. Но дипломатическая дѣятельность очаровательнаго эрцгерцога имѣла мало успѣха; ломбардо-венеціанцы не такъ легко попадались въ сѣти, разставленныя Австріей, и мечтали о новой борьбѣ за освобожденіе.

Кавуръ поддерживалъ постоянныя сношенія съ Ломбардіей, посылалъ туда своихъ эмиссаровъ, давалъ совѣты, почти приказанія, всячески противодѣйствовалъ честолюбивой мечтѣ Максимиліана сдѣлаться самостоятельнымъ государемъ Ломбардо-Венеціанской области. Въ этомъ ему много помогли и салоны Милана.

Въ салонѣ графини Маффеи, гдѣ собиралась и буржуазія, и патриціи, были особенно враждебно настроены противъ австрійскихъ интригъ, не поддавались ни на какія любезности двора и поддерживали это настроеніе и въ Миланѣ, и въ провинціи. Другой салонъ, тоже проявлявшій плодотворную дѣятельность въ дѣлѣ освобожденія Ломбардіи, былъ салонъ Карла д'Адда; между его обычными посѣтителями не было „пострадавшихъ", какъ въ кружкѣ графини Маффеи, но они такъ же рѣшительно отклоняли всѣ попытки къ сближенію со стороны эрцгерцога. Въ этихъ двухъ салонахъ замѣчалось различное настроеніе: въ салонѣ графини Маффеи заговорщики были серьезны,—они священнодѣйствовали; въ салонѣ д'Адда всегда царствовало веселье, тонъ давала сама хозяйка, умѣвшая среди смѣха очень зло уязвить патриціевъ, колебавшихся между Максиміліаномъ и Кавуромъ. Этотъ салонъ посѣщался и многими членами кружка Маффеи; сообща они осуществляли планъ Кавура привлечь въ войска Пьемонта ломбардскую молодежь, въ виду предстоявшей войны съ Австріей. Огромныя суммы жертвовались для этой цѣли; число эмигрантовъ росло съ каждымъ днемъ. Противъ этой мѣры сильно возставалъ Мадзини; онъ пытался еще разъ организовать возстаніе въ Миланѣ, и для его плановъ ему тоже нужна была молодежь. Чтобъ остановить эмиграцію въ Пьемонтъ, онъ рѣшился даже лично явиться въ Миланъ; но тутъ ему пришлось во-очію убѣдиться, что вліяніе Кавура въ Ломбардіи сильнѣе его собственнаго. Мадзини оставилъ Миланъ, благополучно избѣжавъ зоркаго ока австрійской полиціи.

Княгиня Бельджойозо, получивъ возможность располагать своимъ имуществомъ, жертвовала тоже крупныя суммы на дѣло эмиграціи. Она все болѣе и болѣе усвоивала политическіе взгляды Кавура, „этого единственнаго дипломата въ Европѣ“, по словамъ Меттерниха. Съ цѣлью оказать поддержку монархической партіи и вызвать во Франціи интересъ и симпатіи къ царствующему дому Пьемонта, княгиня начала писать исторію Савойскаго дома [1]; книга эта вышла въ 1860 г. и имѣла успѣхъ.

Черныя тучи вновь собирались надъ Ломбардіей; въ воздухѣ чувствовалось приближеніе грозы. Эрцгерцогъ Максимиліанъ, возбудивъ своей политикой недовѣріе въ Вѣнѣ, былъ отозванъ изъ Милана. Эта крупная политическая ошибка Австріи привела Кавура въ восторгъ и побудила его, въ переговорахъ съ Наполеономъ III, еще энергичнѣе настаивать на войнѣ съ Австріей.

У Барбьера есть интересное описаніе опернаго представленія въ театрѣ „Ла-Скала“, свидѣтельствующее о настроеніи умовъ въ эту эпоху. Давали „Норму“ Беллини. „Guerra! guerra!“ пѣлъ хоръ. „Guerra! guerra!“ кричали въ партерѣ и ложахъ; весь театръ былъ на ногахъ, всѣ обращались съ угрожающими жестами къ ложѣ на авансценѣ, гдѣ сидѣлъ австрійскій генералъ Гіулай; генералъ, вскочивъ съ мѣста, колотилъ саблей по полу и кричалъ: „Guerra! guerra!“ То же дѣлали и австрійскіе офицеры, занимавшіе, по обычаю, первые ряды креселъ: всѣ стучали саблями объ полъ, всѣ кричали: „Guerra! guerra!“

И война дѣйствительно вспыхнула. Мадджента, Меленьяно, Сольферино!—незабвенныя имена для каждаго итальянца! Наполеонъ III самъ командовалъ союзной арміей; Викторъ-Эммануилъ былъ во главѣ итальянскихъ войскъ и, не жалѣя себя, часто подвергался опасностямъ. Въ дѣлѣ при Палестро зуавы спасли его отъ вѣрной смерти; Наполеонъ сдѣлалъ ему выговоръ и прибавилъ: „Если это еще разъ случится, я васъ посажу подъ арестъ!“ Энтузіазмъ итальянцевъ при извѣстіи о побѣдахъ не поддается описанію. Въѣздъ Наполеона III и Виктора-Эммануила въ Миланъ (8 іюня 1859 г.) послѣ Мадженты былъ настоящимъ тріумфомъ; черезъ нѣсколько дней былъ данъ народный спектакль въ „Ла-Скала“; на этотъ разъ театръ оглашался восторженными кликами: „да здравствуетъ Франція! да здравствуетъ Италія!“

Княгиня Бельджойозо не присутствовала на этомъ спектаклѣ; она была въ Парижѣ. При извѣстіи о побѣдахъ союзной арміи,

---

[1]) Histoire de la Maison de Savoie, par m-me la p-ce Christine Trivulce de Belgiojoso.

она поспѣшила въ свой освобожденный Миланъ, гдѣ ей пришлось опять ухаживать за ранеными; ихъ было немало! Но вмѣстѣ съ тѣмъ и празднества слѣдовали за празднествами; и княгиня Кристина съ дочерью принимала въ нихъ участіе... Ея старые знакомые, эмигранты и изгнанники, спѣшили на родину; всѣмъ дышалось легко, всѣхъ окрыляли самыя радужныя надежды... И вдругъ послѣ побѣды при С.-Мартино, когда можно было ожидать побѣднаго шествія французовъ на Вѣну,—военныя дѣйствія были прекращены; Наполеонъ III и Францъ-Іосифъ, встрѣтившись въ Вилла-франка, намѣтили главныя условія мира. „Бѣдная Италія!"—воскликнулъ Викторъ-Эммануилъ, когда Наполеонъ сообщилъ ему о мирѣ, какъ о совершившемся фактѣ.

Что же долженъ былъ дать Италіи этотъ миръ въ Вилла-франка? Федерацію итальянскихъ государствъ подъ главенствомъ папы; но однимъ изъ этихъ государствъ была Австрія, входившая въ федерацію съ Венеціанской областью; присоединеніе Ломбардіи къ Пьемонту; возстановленіе на престолѣ герцоговъ Тосканы и Модены; обязательныя для всѣхъ государствъ реформы и амнистію политическимъ преступникамъ. Участіе Австріи въ федераціи вновь отдавало Италію въ ея руки, такъ что цѣль, которой всѣ добивались—изгнаніе Австріи изъ Италіи,—не была достигнута. Можно себѣ представить, какое отчаяніе овладѣло итальянцами, когда стали извѣстны условія мира въ Вилла-франка. Негодованіе ихъ не знало границъ; на французовъ посыпались проклятія; Наполеону пришлось уѣзжать изъ Генуи подъ прикрытіемъ полиціи... „Еслибы два мѣсяца тому назадъ,—писалъ д'Азеліо,—была предложена слѣдующая задача: войти въ Италію съ арміей въ двѣсти тысячъ человѣкъ, истратить полъ-милліарда, одержать четыре побѣды, возвратить итальянцамъ одну изъ ихъ лучшихъ провинцій и вернуться оттуда осыпаннымъ проклятіями этихъ же итальянцевъ,—всякій считалъ бы подобную задачу неосуществимой. И вотъ она осуществилась; факты на лицо".

По договору, заключенному между Франціей и Италіей, императоръ французовъ обязывался освободить Италію отъ австрійскаго ига и взамѣнъ получалъ Ниццу и Савойю. Кавуръ видѣлъ въ заключеніи мира нарушеніе выработаннаго при его посредствѣ договора и вышелъ въ отставку, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ вновь стоялъ во главѣ кабинета. Впослѣдствіи стало извѣстно, что Наполеонъ принужденъ былъ вывести свои войска изъ Италіи, потому что Англія смотрѣла завистливымъ окомъ на его побѣды, а Пруссія приняла угрожающее положеніе на восточной границѣ Франціи.

Италія была теперь предоставлена самой себѣ; ей предстояло закончить дѣло объединенія, разсчитывая только на свои силы... И, дѣйствительно, Центральная Италія организовалась безъ чужой помощи. Еще до начала военныхъ дѣйствій, въ Тосканѣ, Моденѣ—совершилась мирная, безкровная революція; государи этихъ областей удалились изъ своихъ владѣній. Населеніе, провозгласивъ свою независимость, требовало присоединенія къ Пьемонту. Не имѣя возможности, изъ политическихъ соображеній, пойти на встрѣчу желанію центральной Италіи, Викторъ-Эммануилъ ограничился назначеніемъ во Флоренцію, Модену, Болонью королевскихъ коммиссаровъ для управленія этими областями, во избѣжаніе могущихъ возникнуть тамъ безпорядковъ. Но вскорѣ обстоятельства такъ сложились, что коммиссарамъ пришлось провозгласить диктатуру; народонаселеніе прибѣгло къ плебисциту и вотировало почти единогласно присоединеніе къ Пьемонту. Теперь надо было, во что бы то ни стало, предотвратить вооруженное вмѣшательство Европы и для этого сдержать рвеніе Мадзини и Гарибальди. Уступая дружескимъ совѣтамъ Виктора-Эммануила, Гарибальди удалился на островъ Капреру, порицая, однако, эту „лисью политику“. Что касается до Мадзини, то одинъ изъ королевскихъ коммиссаровъ, Рикасоли, объявилъ ему, что запретъ его въ свой зàмокъ Броліо при малѣйшей попыткѣ произвести возмущеніе. Такимъ образомъ порядокъ не былъ нарушенъ, и Европѣ не было дано никакого повода для вмѣшательства въ дѣла Италіи. О возвращеніи свергнутыхъ государей въ ихъ владѣнія не могло быть и рѣчи. Франція, получивъ Ниццу и Савойю, закрыла глаза на такое нарушеніе мирныхъ условій. Остальныя, еще не присоединенныя области рѣшились выжидать удобной минуты для всеобщаго объединенія и ничѣмъ не нарушать порядка, чтобъ не помѣшать общему дѣлу. Д'Азеліо восхищается благоразуміемъ своихъ соотечественниковъ: „Кто бы могъ подумать, — пишетъ онъ, — что жители Романьи будутъ такъ кротки и послушны, а тосканцы проявятъ столько энергіи?.. А венеціанцы? они первые отклонили необычайную сдѣлку, предложенную имъ австрійцами, и теперь говорятъ:—Будемъ страдать для общаго блага; придетъ и нашъ чередъ!—А римляне! они обѣщали ничего не предпринимать противъ своего правительства, что̀ бы ни случилось, и не подавать повода врагамъ Италіи вмѣшиваться въ ея дѣла“.

Благоразуміе требовало строгаго соблюденія этой программы, но страну все-таки влекло впередъ, къ активной, даже революціонной политикѣ, даже сопряженной съ опасностями, — влекло

все къ той же цѣли: къ созданію Италіи. Кавуръ и Гарибальди боролись на политической аренѣ: Гарибальди шелъ неудержимо впередъ, увлекая за собой Кавура; первый министръ не прочь былъ воспользоваться дѣятельностью знаменитаго партизана для своихъ цѣлей. Когда вспыхнуло возстаніе въ Сициліи (1860) и Гарибальди, благополучно избѣжавъ встрѣчи съ неаполитанскимъ флотомъ, высадился со своими милиціонерами въ Марсалѣ, народъ послѣдовалъ за своимъ героемъ; покореніе острова походило скорѣе на тріумфальное шествіе побѣдителей. Кавуръ старался, насколько возможно, управлять дѣйствіями Гарибальди. „Прошу васъ передать генералу Гарибальди мое искреннее и горячее поздравленіе,—писалъ Кавуръ адмиралу Персано.—Послѣ этой блестящей побѣды я не вижу возможности воспрепятствовать его переходу на материкъ... Національный флагъ, водруженный въ Сициліи, пройдя по всему королевству, долженъ развѣваться вдоль береговъ Адріатики“. И, отложивъ въ сторону всѣ тонкости международнаго права, Кавуру оставалось стать во главѣ революціи и направлять ее по своему усмотрѣнію. Это онъ и сдѣлалъ.

Высадка Гарибальди въ Сициліи, его появленіе на материкѣ, занятіе Неаполя — заставили Виктора-Эммануила двинуть свои войска въ Неаполитанское королевство, съ цѣлью помѣшать Гарибальди идти на Римъ, куда онъ направлялся. Появленіе итальянской арміи въ областяхъ, входившихъ въ составъ папскихъ владѣній, и въ Неаполитанскомъ королевствѣ, имѣло слѣдствіемъ присоединеніе ихъ къ Пьемонту. Наполеонъ III, настаивая оффиціально на исполненіи договора, заключеннаго въ Вилла-франка, обѣщалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не употреблять оружія противъ Италіи; Европѣ оставалось только мириться съ совершившимся фактомъ; притомъ Англія уже заигрывала съ Италіей, а Пруссія взвѣшивала всѣ шансы союза съ юнымъ королевствомъ. Роль Гарибальди была сыграна; послѣдній кондотьеръ Италіи, лозунгомъ котораго было: „Италія и Викторъ-Эммануилъ!“ безспорно оказалъ неоцѣненную услугу въ дѣлѣ объединенія Италіи; въ свою очередь Кавуръ, взявъ въ свои руки поднятое Гарибальди движеніе, сумѣлъ направить его такъ, что оно не выродилось въ безплодную авантюру и не посѣяло въ странѣ анархіи, какъ этого можно было ожидать. И благодаря этому Гарибальди занялъ почетное мѣсто въ исторіи современной Италіи.

VI.

Итальянское королевство представляло теперь одно цѣлое, кромѣ Венеціанской области, оставшейся въ рукахъ австрійцевъ, и Рима—подъ защитой французскихъ войскъ. Въ 1866 г. Италія принимала участіе въ австро-прусской войнѣ, въ качествѣ союзницы Пруссіи, и, несмотря на неудачныя дѣйствія противъ австрійцевъ и на сушѣ, и на морѣ, получила Венеціанскую область: Пруссія сочла полезнымъ создать молодое честолюбивое государство на границѣ Австріи. Въ 1871 г., послѣ разгрома французской арміи и паденія Наполеона III, Римъ былъ провозглашенъ столицею объединеннаго королевства; Викторъ-Эммануилъ, при восторженныхъ кликахъ народа, вступилъ въ Вѣчный городъ, и такимъ образомъ осуществилась завѣтная мечта итальянцевъ XIX-го вѣка.

Княгиня Бельджойово осталась въ Миланѣ послѣ присоединенія его къ Пьемонту и продолжала свою литературно-публицистическую дѣятельность. Въ 1860 г. она основала въ Миланѣ большую французскую политическую газету „L'Italie", въ которой сама принимала дѣятельное участіе. Многія серьезныя статьи въ газетѣ вышли изъ-подъ ея пера; она вдохновлялась и политикой, и законодательствомъ [1]). Въ первыхъ нумерахъ газеты княгиня ратовала о замѣнѣ кровопролитныхъ братоубійственныхъ войнъ конгрессами, затронувъ такимъ образомъ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, жгучій вопросъ, только-что внесенный въ программы международныхъ сношеній и еще не получившій надлежащаго разрѣшенія. Впослѣдствіи редакція газеты „L'Italie", слѣдуя за передвиженіями столицы Итальянскаго королевства, была перенесена въ Туринъ, Флоренцію и Римъ, гдѣ она существуетъ и въ настоящее время.

Неудачи, постигавшія родину, ошибки, совершаемыя ея дѣятелями, не смущали княгиню; она глубоко вѣрила въ свѣтлую будущность Италіи и не позволяла въ своемъ присутствіи выражать сомнѣній на этотъ счетъ. При извѣстіи о морскомъ пораженіи при Лиссѣ (1866 г.) княгиня Бельджойозо сначала не хотѣла вѣрить слухамъ, потомъ, убѣдившись, сильно горевала и

[1]) Въ 1869 г. въ Миланѣ вышли двѣ ея книги: „Sulla moderna politica internazionale" di Cristina Belgiojoso, и „Osservazioni sulla stato attuale dell'Italia e sul suo avvenire".

даже—чего съ ней почти никогда не случалось—плакала; но и изъ этого несчастія она сумѣла вывести утѣшительное заключеніе: пораженіе должно было послужить хорошимъ урокомъ для моряковъ; опытность, пріобрѣтенная ими въ этой битвѣ, по ея мнѣнію, вознаграждала ихъ за проигранное сраженіе.

Послѣдніе годы жизни Кристина Бельджойозо жила то на берегахъ оз. Комо, то въ Локато или Миланѣ. На Комо, въ Блевіо, княгиня пріобрѣла небольшую виллу въ русскомъ стилѣ, выстроенную гр. Шуваловымъ, и отдыхала на берегахъ этого чуднаго озера въ кругу друзей, которые съѣзжались осенью изъ разныхъ странъ, изъ Франціи, Италіи... При ея умѣньи уютно устраивать домъ, всѣмъ жилось у нея привольно; въ самомъ Блевіо вокругъ княгини собиралось нѣсколько пріятельницъ, велись бесѣды, блиставшія остроуміемъ; но хозяйка придавала имъ отпечатокъ своего серьезнаго положительнаго ума, а также и своей эксцентричности. Смолоду уже княгиня была подвержена разнымъ нервнымъ страданіямъ, нѣсколько облегченнымъ впослѣдствіи искусствомъ ея постояннаго врача Масперо; ея письма къ нему — не жалобы старѣющей больной женщины, а желаніе найти связь въ разныхъ симптомахъ болѣзни, вывести изъ нихъ заключеніе; она сама для себя служила предметомъ наблюденій. На склонѣ дней ея, приступы болѣзни проявились съ новой силой; нервныя страданія безпокоили ее особенно по ночамъ; она проводила ихъ безъ сна, сидя въ постели, среди груды подушекъ, въ ярко освѣщенной комнатѣ... Но это не мѣшало ей днемъ совершать длинныя прогулки... Несмотря на сильныя боли въ суставахъ, искалѣчившія ея лѣвую руку, такъ что она требовала поддержки хирургическаго аппарата, княгиня продолжала писать, но уже должна была держать бумагу на колѣняхъ. Она постоянно писала и курила наргиле, къ которому привыкла на Востокѣ. Злоупотребленіе куреньемъ, при ея нервной болѣзни, несомнѣнно укоротило ея жизнь. Она такъ сильно сгорбилась, что голова ея совсѣмъ опустилась на грудь; причиной этому были отчасти и раны, нанесенныя ей еще въ Азіи разсчитаннымъ ею слугой-итальянцемъ; еще тогда рана на затылкѣ не позволяла ей держать голову прямо. Вотъ какъ описываетъ свое впечатлѣніе Идевиль, посѣтившій княгиню въ Блевіо: „Княгиня сгорбилась преждевременно; выраженіе ея жгучихъ глазъ было нѣсколько мрачно; повелительные жесты, рѣзкая оригинальная рѣчь, все свидѣтельствовало о ея желѣзной волѣ и страстности ея натуры“ [1]).

[1]) Ideville. Journal d'un diplomate en Italie.

Блевіо—было свѣтской резиденціей княгини; въ Локато—фамильномъ гнѣздѣ семьи Тривульціо—она царствовала, какъ владѣтельная особа; въ Миланѣ жила въ кругу членовъ семьи и близкихъ друзей. Вся аристократія Милана, выдающіеся дѣятели Италіи считали своимъ долгомъ посѣщать горячую патріотку, посвятившую всю свою жизнь служенію родинѣ. И въ старости кн. Бельджойозо была занята судьбами Италіи, интересовалась школами, благотворительными учрежденіями. Посѣтивъ однажды сиротскій домъ въ Миланѣ и подробно осмотрѣвъ его, княгиня задумалась надъ женскимъ вопросомъ. Собранныя ею свѣдѣнія дали ей матеріалъ для статьи [1]), которую Барбьера считаетъ однимъ изъ наиболѣе обдуманныхъ трудовъ Бельджойозо, „синтезомъ всей ея жизни".

Въ этой статьѣ княгиня указываетъ на подчиненное положеніе женщины въ современномъ обществѣ и скорбитъ объ этомъ, не видя еще путей къ правильному разрѣшенію вопроса. Хотя она и считаетъ существующія условія пережиткомъ варварскихъ временъ, но не рѣшается требовать немедленныхъ реформъ. Авторъ даетъ вѣрную оцѣнку молодой и старой женщины, жены и матери. „Не пора ли,—говоритъ княгиня,—взглянуть на мать и подругу жизни, какъ на здравомыслящія существа, одаренныя умственными способностями, можетъ быть имъ только присущими, но не низшими, чѣмъ у мужчинъ"... И автору представляется картина будущаго, когда женщины будутъ получать одинаковое съ мужчинами образованіе, будутъ докторами... По мнѣнію Кристины Бельджойозо, Италія призвана произвести соціальный переворотъ въ Европѣ. „Можетъ быть, я ошибаюсь, меня ослѣпляетъ пристрастіе къ моему отечеству, но, мнѣ кажется, настанетъ время, когда Италія разрѣшитъ всѣ соціальные вопросы и разрѣшитъ ихъ осмотрительно, съ стойкимъ мужествомъ. Италія побѣдитъ всѣ предразсудки, всѣ стремленія индивидуализма, которыя противорѣчатъ законнымъ требованіямъ большинства".

„Къ словамъ милосердія и справедливости, раздающимся ежедневно въ обществѣ, основанномъ, какъ и вся природа, на правѣ сильнаго",—говоритъ Барбьера,—княгиня присоединяла и добрыя дѣла". Она постоянно приходила на помощь бѣднымъ, особенно заботясь о той застѣнчивой бѣдности, которая, ютясь по чердакамъ и подваламъ, предпочитаетъ умирать съ голоду, чѣмъ протягивать руку за подаяніемъ. Какъ сердечно относилась она къ старикамъ-музыкантамъ! Еще незадолго до смерти она брала

[1]) Nuova Antologia, 1/I 1866.

уроки контрапункта у старика учителя, не имѣвшаго больше учениковъ, съ единственной цѣлью, конечно, обезпечить его существованіе.

Княгиня Бельджойозо имѣла счастье дожить до осуществленія своей мечты: она видѣла родину, освобожденную отъ австрійскаго ига, объединенную, съ Римомъ-столицей и радужными надеждами впереди; цѣль, къ которой стремились лучшіе люди Италіи, была достигнута, и горячая патріотка могла покойно умереть, съ твердой вѣрой въ свѣтлое будущее дорогого отечества... И вотъ насталъ ея послѣдній день—5-ое іюля 1871 г.; за три дня передъ тѣмъ Викторъ-Эммануилъ торжественно вступалъ въ Римъ! Смерть, казалось, ждала, чтобы дать полное удовлетвореніе горячимъ чувствамъ любви къ родинѣ.

Чувствуя приближеніе смерти, княгиня встала съ постели, пересѣла въ кресло... Въ эту минуту пришелъ узнать о ея здоровьи ея молодой другъ Висконти-Веноста. Услышавъ его голосъ, княгиня сейчасъ же спросила: „Джино! Какія вѣсти изъ Италіи?“ — „Все идетъ отлично!“ — отвѣчалъ молодой человѣкъ. Послѣдней ея мыслью была Италія.

Такъ умерла въ Миланѣ Кристина Тривульціо-Бельджойозо. Ее похоронили не въ Миланѣ, а въ Локато, среди преданнаго ей населенія, которому она сдѣлала столько добра.

Смерть кн. Бельджойозо прошла почти незамѣченной. Кромѣ некролога, напечатаннаго въ миланской газетѣ „la Perseveranza“, мало кто откликнулся, чтобы воздать должное борцу за освобожденіе родины; а нѣсколько лѣтъ тому назадъ имя Кристины Бельджойозо гремѣло во Франціи и Италіи!

Тридцать лѣтъ спустя послѣ ея смерти, Раффаэлло Барбьера постарался воскресить образъ кн. Бельджойозо, и сдѣлалъ это съ большимъ тактомъ и умѣньемъ. Только слегка касаясь личной интимной жизни этой замѣчательной женщины,—той жизни, на которой изощряли свое остроуміе современныя ей авторши разныхъ романовъ и мемуаровъ,—Барбьера ярко освѣтилъ ея литературную и общественную дѣятельность, а главное, ея роль въ дѣлѣ объединенія Италіи и ту среду, въ которой ей приходилось вращаться. Кн. Бельджойозо не только обладала выдающимся умомъ и талантами, но и заставляла ихъ служить благородной, возвышенной цѣли: благу ея родины и народа. Но она не ограничивалась, однако, узко-національными стремленіями: судьбы всего человѣчества не были ей чужды, возбуждали ея интересъ; она глубоко понимала насущную потребность новаго строя общественной и политической жизни народовъ; самые разнообразные

вопросы, еще и до сихъ поръ стоящіе на очереди, были ею подняты пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Взгляды ея на войну, на женскую долю и рабочій вопросъ позволяютъ видѣть въ ней предвѣстницу „Лиги мира“ и борьбы за освобожденіе женщины, а также дѣятельную поборницу справедливаго отношенія къ рабочему классу.

А. Ганнивалъ.

СЕСТРА ГЕРТРУДА

ЭСКИЗЪ

По роману „Schwester Gertrud", von *Charlotte Knoeckel.* Berlin. Fischer, 1907.

I.

Въ городской больницѣ стояла въ комнатѣ начальницы молоденькая дѣвушка въ широкомъ синемъ бумазейномъ платьѣ сестры милосердія. Платье было новое, оно линяло, и пальцы дѣвушки, завязывавшіе форменный передникъ, были окрашены синимъ.

Начальница, раскрывъ толстую книгу, помѣтила въ ней: „№ 297, Лили Брандъ. Поступила 1-го мая; получила 1-го мая дюжину передниковъ и полдюжины чепцовъ".

Она отложила перо, взяла чепецъ, сложила его, какъ подобаетъ, и сама надѣла его на голову молодой дѣвушки, надвинувъ ей оборку чепца прямо на лобъ—такъ, чтобы онъ совершенно прикрылъ бѣлокурые волосы Лили.

— Вотъ такъ! — произнесла она, видимо довольная. Лили невольно обернулась къ зеркалу и даже испугалась; начальница замѣтила это и улыбнулась.

— Чепецъ сидитъ именно такъ, какъ бы я хотѣла, чтобы мои сестры носили его. Но бѣда съ кокетствомъ!—Она презрительно повела ртомъ. Лили замѣтила, что онъ былъ большой и непріятный, и она невольно опустила глаза внизъ, но тутъ она замѣтила большія ноги начальницы.

„Вѣдь это—больница", — подумалось ей, и ей показалось, что врата иного міра захлопнулись за нею. У нея стѣснило грудь и защекотало въ горлѣ. Тѣмъ временемъ начальница, по-

дойдя къ телефону, вызвала изъ женской палаты № 6-й сестру Елизавету. Воображеніе Лили уже рисовало ее въ видѣ подобія начальницы, и у нея отлегло отъ сердца, когда она увидѣла, что сестра Елизавета была невысокаго роста и хрупкаго сложенія, съ мягкими темными глазами на узкомъ тонкомъ лицѣ. Голова ея была красива, но сидѣла между высокихъ плечъ. Изъ окна повѣяло запахомъ сирени, и симпатичный обликъ сестры какъ-то слился въ представленіи Лили съ этимъ ароматомъ.

Начальница познакомила ихъ и посовѣтовала сестрѣ Елизаветѣ отнестись возможно требовательнѣе къ „новенькой", которая поступаетъ подъ ея начало. Та кивнула головою и тихо улыбнулась. Лили захватила свое приданое, и онѣ вмѣстѣ вышли изъ комнаты.

— Какъ здѣсь пахнетъ лекарствами!—сказала Лили, проходя по корридору.

— Таковъ ужъ больничный воздухъ. Но къ этому скоро привыкаешь. Я уже ничего не чувствую,—сказала Елизавета.

Онѣ вышли въ садъ.

— Вотъ то красное зданіе — женская больница. Наша палата—въ третьемъ этажѣ, а вотъ тамъ, за деревьями, обнесенное рѣшеткою небольшое строеніе—мертвецкая.

— Здѣсь много людей умираетъ?

— Много. Каждый день—кто-нибудь.

Лили вздрогнула. Онѣ шли садомъ; сирень и каштаны были въ полномъ цвѣту, дернъ зеленѣлъ; тамъ и сямъ улыбались цвѣточныя клумбы. По узкимъ дорожкамъ бродили больные въ синихъ полотняныхъ халатахъ; многіе были въ повязкахъ; нѣкоторые сидѣли въ катальныхъ креслахъ или брели на костыляхъ. На встрѣчу сестрамъ попались два служителя съ носилками, покрытыми простынею.

— Это моя Фрида? — спросила Елизавета. — Скажите мнѣ, когда будетъ вскрытіе.

— Хорошо.

— Это несли покойницу?—спросила Лили, со страхомъ поглядывая искоса на Елизавету.

— Да, бѣдное созданіе, которое ужасно страдало.

Сестры вошли черезъ широкую стеклянную дверь въ палату, гдѣ сильно пахло карболкой.

— Вы опять закрыли безъ меня окно,—пожурила больныхъ Елизавета.

— Очень дуло,—заявила блѣдная женщина, а дѣвушка на костыляхъ поспѣшила распахнуть раму. Струя весенняго воз-

духа медленно влилась въ комнату. Къ Елизаветѣ близко подошла другая дѣвушка, одѣтая, какъ всѣ, въ синюю юбку и розовую кофточку.

— Фриду унесли!—сказала она и улыбнулась.

— Знаю.

— А черный служитель ущипнулъ Клару за руку.

— Нехорошо сплетничать, Маргарита.

Дѣвушка опустила глаза и принялась теребить пуговицу отъ кофты, затѣмъ она перевела глаза на Лили.—Это—новая сестра? Хорошенькое имя—Лили. Но какъ у нея надѣтъ чепецъ!—Дѣвушка разсмѣялась и протянула Лили руку.

— Познакомимся. Я уже три года въ больницѣ.

— Три года?—Глаза Лили расширились отъ ужаса.

— Да, и мнѣ уже двѣнадцать разъ дѣлали операцію!—Больная подняла голову и осторожно провела по тѣлу своею худою, нѣсколько дрожащею рукою. Отъ нея исходилъ запахъ эѳира. Лили почувствовала его, и ей сдѣлалось нехорошо; она попеременно краснѣла и блѣднѣла.

Замѣтивъ это, сестра Елизавета увела ее въ комнату сестеръ—большую, свѣтлую, съ цвѣтами на окнахъ, бездѣлушками на комодѣ и распятіемъ надъ постелью.

„Еслибы Карлъ видѣлъ все это!"—подумала Лили, вспомнивъ о мужѣ сестры, извѣстномъ живописцѣ. Какъ далека отъ нея прежняя жизнь! Она стала разспрашивать сестру о больной.

— Неужели ее дѣйствительно оперировали двѣнадцать разъ?

— Она двѣнадцать разъ была подъ наркозомъ, но она такъ гордится числомъ своихъ операцій, что считаетъ за операцію и простое зондированіе. Покойница, которую уносили отсюда, пробыла въ больницѣ шесть лѣтъ, и Маргарита радуется ея смерти, такъ какъ теперь она—первая здѣсь старожилка. Вы поражены? Да, это—особый міръ, къ нему надо привыкнуть. Со мною вначалѣ было то же самое.

Приходъ новой сестры прервалъ разговоръ. Лили увидѣла изъ-подъ чепца чудные темные глаза и блѣдное красивое лицо, показавшееся ей странно знакомымъ. Елизавета представила ихъ другъ другу.

— Сестра Гертруда. Сестра Лили.

Лили низко поклонилась; Гертруда привѣтливо отвѣтила и обратилась къ старшей сестрѣ. Черезъ часъ къ нимъ принесутъ тяжело больную. Нужно все приготовить. Новенькая ей поможетъ, не правда ли? Она повернулась къ Лили и разсмѣялась, увидѣвъ, какъ сидитъ на ней чепецъ.

— Дайте, я вамъ поправлю.

— Такъ надѣла мнѣ его начальница.

— Начальница! — Гертруда улыбнулась; она взяла обѣими руками Лили за голову и приколола ей чепецъ такъ, чтобы волосы были видны.—Теперь лучше?—спросила она и поспѣшно вышла изъ комнаты.

Глаза Лили сіяли. Она вспомнила, гдѣ она видѣла эту сестру. На выставкѣ картинъ художниковъ новой школы. Какъ это удивительно! Ей хотѣлось разспросить о ней Елизавету, но не было времени. Онѣ прошли въ большую палату съ двѣнадцатью постелями; стѣны ея были голы и окна—безъ занавѣсей, лишь на подоконникѣ стоялъ букетикъ красныхъ гвоздикъ.

Елизавета перевернула матрацъ, на которомъ, часъ тому назадъ, умерла Фрида, и дала Лили чистое постельное бѣлье; покуда та перемѣняла простыни, Елизавета подложила подъ ножки кровати чурбанчикъ и сняла подушку съ постели. Послѣ операціи голова должна лежать низко. Она вышла и вернулась со всевозможными приборами и сосудами, которые разставила тутъ же на столикѣ и возлѣ него.

Больныя заинтересовались приготовленіями; лишь Маргарита и дѣвушка на костыляхъ, по имени Мари, были совершенно поглощены игрою въ шашки. Лица ихъ разгорѣлись, при каждомъ неудачномъ ходѣ онѣ кусали себѣ губы, руки ихъ дрожали. Другія паціентки, приподнявшись на постели, слѣдили за игрою. Маргарита выиграла и съ видомъ побѣдительницы откинулась на стѣнку кресла. Мари ударила кулакомъ по столу.

— Клянусь душой, въ послѣдній разъ съ тобой играю!

Елизавета замѣтила разгоряченное лицо дѣвушки и подошла къ столу.

— Если вы сердитесь, Мари, вамъ нельзя играть.

— Я не сержусь, сестра... Я только такъ... нарочно.

Елизавета увидѣла слезу на рѣсницѣ дѣвушки и отошла къ ближайшей больной.

— Не хотите ли пить, фрау Эрлеръ?

Женщина кивнула, и Елизавета напоила ее изъ чашки съ носочкомъ, а затѣмъ перевернула простыню больной другою стороной и ласково обратилась къ ней:

— Это нѣсколько освѣжаетъ, не такъ ли?—Она вышла съ Лили въ корридоръ и указала ей шкафъ съ лекарствами и перевязочными средствами.

Въ это время раздался звонокъ къ обѣду. Елизавета хотѣла сама проводить Лили, но служители внесли оперированную жен-

щину, и она поручила это Маргаритѣ, очень гордившейся своими знаніями. Она проводитъ новую сестрицу и все ей покажетъ; она уже не первой сестрѣ все здѣсь показываетъ.

Маргарита съ высоко поднятою головою прошла на кухню, гдѣ раздавались порціи, и громко скомандовала:

— Для нумера шестого, женская палата!—а когда дѣвушка подала ей миску и тарелку, она заявила, указавъ на Лили движеніемъ руки:—Наша новая сестра!

Вечеромъ Лили уже казалось, что она давнымъ давно въ больницѣ. Послѣ обѣда она дежурила цѣлый часъ у изголовья больной, пробуждавшейся послѣ наркоза, и этотъ часъ показался ей безконечнымъ; она съ трепетомъ слѣдила за первыми движеніями больной, прислушивалась къ ея дыханію, и сердце ея учащенно билось. Она всего боялась, все пугало ее, какъ предзнаменованіе смерти.

Ее смѣнила сестра Елизавета, неслышно вошедшая въ войлочныхъ туфляхъ въ палату. Она сидѣла у постели больной, и Лили, уходя къ себѣ въ комнату, слышала стукъ ея вязальныхъ спицъ.

II.

Черезъ два дня послѣ поступленія Лили въ больницу, сестра Елизавета зашла въ гости къ сестрѣ Гертрудѣ, занимавшей комнату въ главномъ корпусѣ насупротивъ операціонной, такъ какъ она помогала при операціяхъ. Пріятельницы заговорили о Лили: она мила и очень старается. Кстати, она—свояченица извѣстнаго живописца... какъ его фамилія? Можно будетъ при случаѣ спросить ее. Гертруда пристально взглянула на сестру и, поднявшись съ мѣста, подошла къ окну. При случаѣ! Конечно, онъ не замедлитъ представиться... Она почувствовала, что ладони ея горятъ. Извѣстный живописецъ! Быть можетъ, Лили знаетъ его и... его жену? Какова она? Пусть дѣвушка опишетъ ея наружность... Хороша ли она собою?

Гертруда, увидѣвъ, что подруга слѣдитъ за нею глазами, овладѣла собою и поспѣшила сѣсть, но это не обмануло Елизавету, давно уже подозрѣвавшую, что Гертруда поступила въ сестры изъ-за неудачнаго романа, героемъ котораго былъ едва-ли не художникъ.

— Приведи ко мнѣ эту дѣвочку,—сказала Гертруда, когда гостья уже собиралась уходить.

Ночью она долго не могла заснуть. Ее терзала мысль о

томъ, что вблизи есть человѣкъ, знающій того, кого она любитъ. Утромъ, за приготовленіемъ тампоновъ, она думала о его картинѣ, недавно видѣнной ею на сецессіонной выставкѣ: обнаженная женская фигура въ лѣсу. Безъ сомнѣнія, жена служила ему моделью. Какъ она должна быть хороша! Хорошій ли она человѣкъ? Въ своемъ послѣднемъ письмѣ онъ писалъ: „Она такъ безгранично добра и притомъ она — мать моихъ дѣтей". Его дѣти! Быть можетъ, сестра Лили знаетъ и ихъ? Весь день она не находила себѣ мѣста и рано легла спать, но въ одиннадцать часовъ ее разбудили.

— Пожалуйте, сестра, на операцію!

Она поспѣшно одѣлась. Пять минутъ спустя, она уже была въ операціонной.

Рѣзкій свѣтъ ударилъ ей въ глаза. На столѣ лежалъ человѣкъ; платье его было разорвано и запачкано кровью. Его переѣхали. Гертруда наклонилась къ нему, — онъ былъ безъ сознанія; тогда она подошла къ аппарату для кипяченія инструментовъ и зажгла газъ. Она выбрала тѣ изъ нихъ, которые показались ей нужными въ данномъ случаѣ, и только-что опустила крышку аппарата, какъ вошелъ врачъ. Онъ осмотрѣлъ больного, котораго служитель осторожно сталъ раздѣвать.

— Славная исторія, нечего сказать, — проговорилъ онъ, заворачивая рукава рубашки и приготовляясь мыться. Онъ перевернулъ висѣвшіе надъ умывальнымъ столомъ песочные часы; Гертруда подала ему мыло и щетку, служитель придвинулъ къ операціонному столу стеклянный столикъ, а сестра взяла изъ корзины кончиками пальцевъ два полотенца и разложила ихъ на столикѣ. Затѣмъ она приготовила іодоформъ, вату, марлю, наполнила два таза водою съ растворомъ сулемы и также начала мыть руки.

Дежурную нельзя было тревожить; поэтому докторъ распорядился, чтобы позвали новую сестру, — она кстати кое-чему научится, присмотрится къ дѣлу.

— Что̀ я должна дѣлать? — спросила вошедшая со служителемъ Лили, озираясь вокругъ испуганными глазами.

— Ждать, — отвѣтилъ докторъ Граманъ, еще продолжавшій полоскать руки. Послѣднія песчинки ссыпались, песочные часы показывали, что установленныя пять минутъ прошли. Врачъ поднялъ руки вверхъ и затѣмъ окунулъ ихъ въ растворъ сулемы, неспѣшно продолжая совершать омовенія. Гертруда тѣмъ временемъ подозвала Лили и спокойнымъ голосомъ стала отдавать ей приказанія.

— Во время операціи держите наготовѣ обѣ чашки съ ватой и тампонами. Здѣсь я ставлю еще тазъ съ растворомъ сулемы: онъ понадобится прежде всего. Вы станете направо у стола. Надо держать тазъ не высоко и не низко — такъ, чтобы врачъ не дотрогивался до него пальцами. Хирургъ и я можемъ брать въ руки только стерилизованные предметы.

Гертруда прислушалась. Вода въ аппаратѣ бурлила и шипѣла; больной лежалъ безъ сознанія, но дыханіе его походило на вздохи. Продержавъ руки пять минутъ въ сулемѣ, докторъ подозвалъ служителя, который, взявъ кончиками пальцевъ передникъ, повязалъ его доктору. Затѣмъ врачъ, не касаясь волосъ, осторожно надѣлъ колпакъ на голову и повязку на усы.

— Воды!

Лили поспѣшно подошла съ тазомъ. Гертруда бросила въ него тампонъ и разложила инструменты на столѣ. Больной не шевелился и даже не вздрогнулъ, когда врачъ сталъ осматривать рану. Она была неглубока, но вокругъ появилась страшная опухоль, указывавшая на поврежденіе въ области кишечника.

Осмотрѣвъ и омывъ рану, докторъ сдѣлалъ быстрое движеніе. Гертруда знакомъ приказала Лили убрать тазъ.

Она отошла и въ ту же минуту услышала слово, заставившее ее затрепетать.

— Ножъ!—приказалъ хирургъ.

Когда Лили снова обернулась къ больному, она увидѣла кровь, струившуюся по его тѣлу, кровь на рукахъ д-ра Грамана, и въ рукѣ Гертруды—сверкающіе инструменты: то острые, то тупые. Гертруда брала ихъ со стола и подавала доктору среди полнаго молчанія. И вдругъ Лили забыла объ инструментахъ, она видѣла только эту руку—удивительно тонкую, узкую и твердую.

Врачъ запустилъ пальцы въ зіявшую рану. Когда Лили набралась мужества—снова взглянуть въ ту сторону, она увидѣла, что руки Гертруды—тоже въ крови, и она крѣпко сжимаетъ ими края раны, но, несмотря на это, онѣ, казалось, ласкали своимъ прикосновеніемъ. При видѣ этихъ рукъ Лили перестала бояться: все происходившее приняло въ ея глазахъ подобіе священнодѣйствія.

Снова засверкали инструменты. Они съ необыкновенною быстротою передавались изъ рукъ въ руки. Въ этой передачѣ ощущалась безмолвная поспѣшность... То блеснетъ что-то острое, то—тупое. Руки Гертруды подаютъ, руки доктора принимаютъ. Руки доктора подаютъ, руки Гертруды принимаютъ. Затѣмъ спѣшка прекратилась.

— Сулемы!—крикнулъ докторъ.

Лили хотѣла подбѣжать, но служитель предупредилъ ее. Докторъ смылъ кровь съ тѣла больного, и Лили увидѣла уже закрытую рану, на которую Гертруда накладывала повязку.

— Пришлось таки повозиться порядкомъ!—сказалъ докторъ, вытирая руки и проводя полотенцемъ по влажному лбу. Гертруда молча кивнула головою; она тоже вымыла руки и принялась за уборку инструментовъ; пальцы ея были ловки и гибки, и это радовало ее.

— Сегодня все сошло великолѣпно!—проговорила она съ радостнымъ звукомъ въ голосѣ.

— Правда. Только бы намъ удалось его выходить!

— Вамъ навѣрное это удастся.

— Надѣюсь, надѣюсь!—докторъ Граманъ зѣвнулъ.

— Ложитесь-ка спать, докторъ!—засмѣялась Гертруда.

— Это правда; я заслужилъ сегодняшній мой сонъ. Но вы? Развѣ вы не устали?

— Нѣтъ еще. Притомъ нужно привести въ порядокъ инструменты.

— А послѣ этого не зайдете ли вы къ больному?

— Непремѣнно.

Гертруда снова прокипятила хирургическіе приборы и, прислушиваясь къ тому, какъ бурлила вода, напѣвала про себя мелодію; но когда газъ былъ потушенъ и работа окончена, ее охватило мучительное сознаніе одиночества. Къ тремъ часамъ она управилась и прошла къ больному, у изголовья котораго сидѣла Лили. Онъ все еще не приходилъ въ сознаніе, и Гертруда замѣтила въ полумракѣ тревожный взглядъ Лили.

— Ничего ужаснаго не будетъ,—проговорила она успокоительно и, съ трудомъ передвигая ноги, прошла къ себѣ въ комнату, гдѣ, едва успѣвъ раздѣться, заснула свинцовымъ сномъ.

III.

— Вашего деверя зовутъ Карлъ Веттеръ?

Лицо Гертруды было смертельно блѣдно. Она отвернулась отъ Лили, пришедшей къ ней посидѣть съ сестрою Елизаветою, и на секунду прикрыла глаза рукою, которая, какъ она это чувствовала, дрожитъ.

— Да, мнѣ помнится я видѣла на выставкѣ его картину, но какую именно?—Гертруда старалась говорить естественно, но

слова выходили изъ ея устъ неувѣренно, какъ дѣти, которыхъ надо водить.

— Обнаженная женская фигура въ сосновомъ лѣсу, залитомъ солнечнымъ сіяніемъ!

— Да, да, вспомнила теперь!—на этотъ разъ тонъ былъ болѣе вѣрный, хотя все же нѣсколько повышенный:—бѣлокурая красавица... Вѣроятно, моделью служила ваша сестра?

Лили поглядѣла на Гертруду нѣсколько удивленно, но восхищеніе ея передъ личностью сестры такъ усилилось со дня операціи, перейдя въ настоящее благоговѣніе, что она не была шокирована этимъ вопросомъ, и отвѣтила съ улыбкою:—Да, Марія служила ему моделью.

— Какая она, должно быть, красавица!

— Не правда ли?—Личико Лили просіяло.—Она удивительно красива. Я могу это сказать, хотя она и сестра мнѣ. И она не только хороша собою. Но, конечно, красота для Карла—главное. Онъ не любилъ бы ее такъ сильно, не будь она такъ хороша.

— А онъ очень любитъ ее?

— О, да! Разумѣется, у него, какъ у всякаго художника, бываютъ по временамъ капризы—на него трудно угодить, но Марія все ему извиняетъ.

Она съ жаромъ принялась разсказывать о сестрѣ. Отецъ ихъ рано умеръ,—она не помнитъ его,—мать умерла шесть лѣтъ назадъ, и съ тѣхъ поръ Марія была для нея всѣмъ: сестрою, матерью, другомъ. Почему она не живетъ у нея? Она помолвлена съ молодымъ медикомъ, которому еще надо учиться два года, и Марія посовѣтовала ей поступить въ сестры милосердія для того, чтобы мужъ нашелъ въ ней, въ случаѣ надобности, помощницу и товарища.

— Вотъ какъ! Ваша сестра также помощница и товарищъ мужа?

— Не совсѣмъ. И это печалитъ ее. Она изучаетъ искусство, немного рисуетъ, но вѣдь онъ—художникъ. Что̀ она можетъ сдѣлать для него?

— Да, тутъ однимъ стараніемъ ничего не добьешься. Трудно быть на высотѣ требованій художника!

Гертруда гордо откинула голову назадъ; злая радость вспыхнула въ ея душѣ. Она сумѣла бы стать настоящею подругою художника. Ей вспомнились дни, проведенные ею съ Карломъ на берегу Женевскаго озера, воспоминаніемъ о которомъ остались два этюда, висѣвшіе на стѣнѣ ея комнаты и сразу при-

влекшіе вниманіе Лили. Какъ онъ умѣлъ цѣнить богатство ея души, ея глубокое содержаніе въ эти первые дни ихъ любви! А теперь она—сестра милосердія! Это слово какъ свинцомъ приковываетъ ее къ землѣ. Она снова обратилась къ Лили.

— У вашей сестры есть дѣти?

— Двое. Мальчикъ и дѣвочка.

— Видите, у нея все есть: любящій мужъ, дѣти, не говоря уже о красотѣ. Мы сами были бы не прочь кого-нибудь полюбить,—не такъ ли, Елизавета?

Та покраснѣла и улыбнулась жалкою улыбкою.

— Что̀ объ этомъ говорить! Я не вышла замужъ и не выйду.

— И я тоже.

Гертрудѣ стало неловко,—она замѣтила волненіе старшей сестры,—по счастью, въ дверь постучали. За сестрою Елизаветою прислали отъ тяжело-больной. Она вскочила почти съ облегченіемъ. Слава Богу, что есть еще люди, нуждающіеся въ ея помощи!

Гертруда сразу притихла, оставшись наединѣ съ Лили. Чего она хотѣла? Чего добилась? Видѣть его картины, заглянуть въ его жизнь? Но теперь ей открылась ея собственная душа. Она чего-то ждала. Чего именно? Смерти его жены, что-ли?

Холодокъ пробѣжалъ у нея по спинѣ; она вздрогнула, оглянулась и вспомнила о Лили. Дѣвушка робко стояла въ сторонѣ съ тѣмъ выраженіемъ въ глазахъ, съ какимъ она смотрѣла на Маргариту при разсказѣ о ея двѣнадцати операціяхъ.

— Я совсѣмъ о васъ забыла... Простите!—попыталась она улыбнуться.

Лили вдругъ громко зарыдала.

— Что̀ съ вами, дѣточка?—Гертруда ласково положила ей руку на плечо.

— Вы... вы не должны говорить... не должны себя насиловать, когда вамъ грустно! Я не знаю, что̀ съ вами, но не принуждайте себя улыбаться... такою улыбкою!

— Дѣточка, дѣточка!—Гертруда погладила Лили по головѣ; та схватила ея руку и прижала ее къ губамъ.

— Что̀ вы дѣлаете?—Кровь ударила ей въ лицо.

— Я такъ васъ люблю, такъ вами восхищаюсь! Тогда на операціи вы такъ удивительно помогали доктору. И вы такъ прекрасны и—несчастливы...

— Лили!—Гертруда хотѣла сказать ей нѣсколько ласковыхъ словъ, и не находила ихъ. Еслибы она не была *ея* сестрою! Теперь она знаетъ, что онъ счастливъ. Надо покончить со всѣмъ этимъ, надо забыть...

Гертруда подошла къ столу и взяла съ него коробку конфектъ.

— Вы, должно быть, любите сладкое? Скушайте, пожалуйста.

Лили покраснѣла и отерла слезы. „Почему она вдругъ стала совсѣмъ другая?“—подумала она, стараясь поймать взоръ Гертруды, но та уже развернула передъ нею альбомъ съ фотографіями.

Скоро вернулась Елизавета съ извѣстіемъ, что больная умерла, и гостьи ушли вмѣстѣ.

Гертруда взглянула на бонбоньерку. Какъ она обидѣла дѣвочку, готовую всѣмъ сердцемъ привязаться къ ней! Но такъ лучше. Онѣ должны какъ можно рѣже встрѣчаться.

IV.

Всю слѣдующую недѣлю Гертрудѣ случайно не приходилось встрѣчаться съ Лили, но на восьмой день Лили назначили на ночное дежурство въ дифтеритную палату, и дѣвушка, узнавъ объ этомъ, испугалась отвѣтственности, такъ какъ среди дѣтей было нѣсколько тяжело больныхъ, и между прочимъ — общая любимица сестеръ, хорошенькая Клара. Начальница задумалась, но бывшая при этомъ сестра Гертруда предложила дежурить съ Лили часть ночи. Дѣвушка просіяла: значитъ, Гертруда расположена къ ней!

Ночь выдалась тяжелая. Гертруда показала младшей сестрѣ, какъ нужно прочищать и дезинфецировать трубочки, вставленныя дѣтямъ, подвергнувшимся трахеотоміи. Лили съ трепетомъ прислушивалась къ тяжелому дыханію малютокъ; онѣ обошли всю палату и молча сѣли у стола при свѣтѣ лампы подъ темнымъ абажуромъ. Дверь тихо отворилась, вошла сестра Дора, состоявшая при дифтеритной палатѣ.

— Мнѣ хотѣлось еще разъ взглянуть на Клару. Докторъ говоритъ такъ неопредѣленно. Боюсь, что она не выживетъ, — красивыя дѣти всегда умираютъ.

— Господь больше любитъ хорошенькихъ ангелочковъ, — сказала сестра Гертруда.

— Вы, кажется, насмѣхаетесь, сестра?—замѣтила Дора:— на томъ свѣтѣ всѣ будутъ прекрасны. Правду говорятъ, что вы не вѣрите ни въ рай, ни въ адъ...

— А вы хотите обратить меня? Не тревожьтесь, сестра Дора, мы позаботимся о дѣвочкѣ.

— Неужели вы надѣетесь?.. А впрочемъ на моемъ попеченіи было какъ-то дитя—почти такое же красивое, и когда ребенокъ умеръ, мать не пролила ни слезинки. „Теперь ему хорошо!"— вотъ что̀ она сказала мнѣ.

— Она вѣрила въ загробную жизнь?

— Можетъ быть. Но когда я спросила ее: неужели вамъ не жаль его? — она отвѣтила: „Жаль-то жаль, но ихъ у меня шестеро!"—И она ушла съ видимымъ облегченіемъ.

— Бѣдная женщина!—сказала Гертруда.

Лили сдѣлала удивленные глаза; не поняла и Дора, которая безшумно вышла изъ палаты. Набравшись храбрости, Лили заговорила. Вѣдь эта женщина желала смерти своему ребенку, а подобное желаніе...

— Грѣхъ? — усмѣхнулась Гертруда. — Дѣточка, не судите, какъ сестра Дора. Знаете ли вы, изъ какихъ страданій и лишеній исходило это желаніе? Нѣтъ? Ну, въ такомъ случаѣ и не судите.

Клара вдругъ приподнялась; она открывала и закрывала ротъ, ноздри ея трепетали, губы были синія и запекшіяся, глаза широко раскрыты. Они блестѣли, какъ перламутръ, и казались остановившимися, готовыми выскочить изъ орбитъ. Гертруда обернула ее клеенкою и привела въ движеніе водяной насосъ. Въ воздухѣ, насыщенномъ влагою, дыханіе ребенка облегчилось; глаза его утратили свою тусклость, они стали темно-синими, какъ воды озера, и свѣтлыми, какъ божественный свѣтъ. Сестры залюбовались ихъ красотою и молча стояли надъ ребенкомъ. Гертруда сняла клеенку, и дѣвочка, опустивъ голову на подушку, заснула.

Прошло еще часа два; все было спокойно, но Гертруда медлила уходить; наконецъ, на колокольнѣ пробило три; Гертруда, вздрагивая отъ легкаго озноба, поднялась и простилась съ Лили, выразивъ надежду, что все обойдется благополучно.

Послѣ ея ухода, страхъ снова охватилъ Лили. Небо уже свѣтлѣло, но какъ ужасно тянутся минуты въ одиночествѣ! Еслибы поскорѣе пробило шесть часовъ! Неужели еще только четверть четвертаго?

Клара пошевельнулась. Лили дрожащими пальцами прочистила трубочку, но дѣвочка видимо задыхалась. Лили снова прибѣгла къ водяному душу, но безуспѣшно; дѣвочка хваталась горячими пальцами за клеенку, въ глазахъ ея было странное выраженіе: какой-то невырвавшійся крикъ. Лили похолодѣла. Ребенокъ безпомощно шевелилъ руками, стараясь высказать какое-то желаніе. Сестра поняла.—На руки хочешь?

Она завернула дѣвочку въ одѣяло, и принялась безъ устали ходить съ нею по палатѣ. Клара начинала дремать и затѣмъ снова просыпалась, изъ отверстія трубочки вырывался горячій воздухъ, ноздри трепетали... А Лили все ходила и ходила.

Но вдругъ она остановилась. Дѣвочка страшно заскрипѣла зубами, глаза у нея закатились.

— Клерхенъ! Клерхенъ! О, Боже мой!

Лили, не помня, что̀ она дѣлаетъ, прильнула губами къ запекшимся губамъ ребенка. Маленькое тѣло уже коченѣло на ея рукахъ. Она опустила его на кроватку. Клара стихла навсегда.

Когда Гертруда узнала утромъ отъ сестры Доры, что ребенокъ умеръ на разсвѣтѣ на рукахъ молодой сестры, она ощутила острое угрызеніе совѣсти. Почему она не осталась съ Лили до конца? Можетъ быть, ей удалось бы спасти ребенка, во̀-время примѣнивъ массажъ сердца или искусственное дыханіе? Что̀ должна была испытать бѣдная Лили? И хорошо ли она дезинфецировалась послѣ этого? Гертруда смутно почувствовала, что она отвѣтственна за что-то, и тутъ же разсердилась на себя. Что̀ она— гувернантка Лили, что-ли? Она пошла въ операціонную и занялась тамъ уборкою, но тревога не оставляла ее, хотя она— наперекоръ себѣ — не зашла къ Лили, а черезъ два дня она узнала, что у Лили появились сильныя боли въ горлѣ, и она слегла. Она заразилась отъ больной дѣвочки.

Болѣзнь захватила ее врасплохъ. Лили вдругъ почувствовала себя такою жалкою, никому ненужною, и, глядя на красныя фуксіи на окнѣ, думала о томъ, что теперь въ саду Маріи цвѣтутъ рододендроны и что Гертруда даже не зайдетъ навѣстить ее! Сестра Елизавета ходила за Лили, но у слабой здоровьемъ сестры было и такъ слишкомъ много дѣла, и Лили становилось хуже. Она не могла спать, а боли въ горлѣ все усиливались. На третій день къ вечеру пришла, наконецъ, Гертруда, и, видя, какъ обстоятъ дѣла, собственноручно сдѣлала Лили прививку, послѣ которой дѣвушка сейчасъ же заснула.

— Вы спасли мнѣ жизнь,—сказала она на слѣдующій день, и на прощанье поцѣловала Гертрудѣ руку. Та вспыхнула.

— Не надо этого дѣлать! — проговорила она укоризненно.

Но Лили покачала головою и погладила ея пальцы.

Гертруда ушла къ себѣ въ волненіи. Теперь ея убѣжище будетъ открыто. Конечно, домашніе начнутъ разспрашивать Лили о сестрѣ. „Какъ ее зовутъ? Гертруда Арнольдъ? Высокая брю-

нетка?“ Что-то *онъ* почувствуетъ при этомъ? Тѣмъ хуже для него! Она не искала случая напомнить ему о себѣ,—это случилось помимо ея воли.

Гертруда шла по саду, разсѣянно глядя на облетѣвшій, прибитый вчерашнимъ дождемъ, цвѣтъ каштановыхъ деревьевъ, и вдругъ замѣтила шедшую ей навстрѣчу даму, въ бѣломъ платьѣ и въ бѣлыхъ ботинкахъ. Дама подняла голову, и Гертруда ощутила дрожь въ груди и въ рукахъ. Лицо дамы было тонко очерчено и темныя брови дугою выдѣлялись на ослѣпительно бѣлой кожѣ. Волосы ея были свѣтло-бѣлокурые.

Передъ глазами Гертруды пошли круги, между тѣмъ какъ дама обратилась къ ней съ вопросомъ: какъ пройти въ женскую палату № 6?

— Вы къ сестрѣ Лили?

— Да.

— Я узнала васъ по сходству. Лили была больна, и къ ней еще нельзя сегодня...

— Лили больна?—Марія поблѣднѣла:—вотъ почему она не пишетъ! Но какъ же это случилось? Чѣмъ она заболѣла?

Дѣлая невѣроятныя усилія надъ собою, чтобы говорить спокойно, Гертруда разсказала о случаѣ зараженія. Лили внѣ опасности, но такъ какъ у фрау Веттеръ есть дѣти, то она посовѣтовала бы ей выждать нѣсколько дней.

— Вы, вѣроятно, сестра Гертруда?

— Да.

— Лили писала мнѣ о васъ. Я знаю, какъ вы къ ней добры. Если вы говорите, что къ ней нельзя, я, конечно, вернусь. Передайте ей, пожалуйста, эти цвѣты. Можетъ быть, вы не откажетесь ей сказать, что это — первыя розы изъ нашего сада? Она такъ любитъ нашъ садъ. И передайте ей мой привѣтъ. Скажите ей, что только изъ-за дѣтей...

Марія достала платочекъ и отерла слезы; затѣмъ она схватила руку Гертруды и крѣпко сжала ее въ своихъ.

— Благодарю васъ за вашу доброту къ дѣвочкѣ. Она нуждается въ любви. Ей было всего тринадцать лѣтъ, когда умерла наша мать...

Марія удалилась. Гертруда долго глядѣла ей вслѣдъ и затѣмъ принуждена была сѣсть, такъ какъ она чувствовала слабость во всемъ тѣлѣ.

Какъ она хороша! И этотъ голосъ! Благоуханіе розъ слышалось въ ея голосѣ. Странная тишина наступила въ сердцѣ

Гертруды, тишина храма послѣ того, какъ богослуженіе окончилось, и въ немъ еще струится волна ѳиміама.

Но вдругъ неожиданная мысль нарушила это настроеніе. Къ горлу ея подступилъ истерическій смѣхъ. Эту женщину онъ собирался покинуть ради нея! И она вѣрила ему, до сегодняшняго дня она ждала его, иначе она не была бы въ состояніи переносить свою жизнь. Онъ увѣрялъ, что она для него—единственная женщина въ мірѣ,—эти слова врѣзались у нея въ памяти. Теперь она съ болью отрывала ихъ отъ своего сердца, и ей казалось, что оно изойдетъ кровью, останется одна лишь мертвая оболочка.

Она встала и прошла къ Лили, передала ей цвѣты и разсказала о встрѣчѣ. За ужиномъ она сидѣла рядомъ съ начальницею; у нея на тарелкѣ лежала какая-то ѣда, но она ни къ чему не прикоснулась, а придя къ себѣ въ комнату, долго лежала, одѣтая, на кровати.

На слѣдующій день была операція. Она помогала врачу увѣренно и спокойно, и даже улыбнулась какой-то остротѣ профессора.

На третій день послѣ встрѣчи съ Маріей она спросила себя: почему она еще живетъ?

V.

Лили поправилась, и ее радостно встрѣтили не только больные, но и самъ д-ръ Граманъ. Маргарита поспѣшила сообщить, что на слѣдующій день ей сдѣлаютъ операцію — очень серьезную. Она постаралась придать своему лицу печальное выраженіе, но видно было, что она втайнѣ радуется тому, что послѣзавтра она снова выступитъ въ роли тяжело-больной. За нею будутъ ухаживать, она получитъ особое кушанье: яйца съ коньякомъ ко второму завтраку, а на ночь ей впрыснутъ морфій. Профессоръ поздоровается съ нею за руку, и если она не будетъ спать, дежурная сестра пойдетъ къ доктору, чтобы узнать, можно ли дать ей еще морфія.

Послѣ обѣда зашла Марія, и Лили провела ее къ Гертрудѣ, которую онѣ застали въ операціонной за чисткою инструментовъ. Она извинилась за свой рабочій передникъ.

— Предстоитъ операція? — спросила Марія и поблѣднѣла.

Гертруда улыбнулась.

— Нѣтъ, мы просто приводимъ въ порядокъ наше хозяйство.

Марія принялась горячо благодарить ее за Лили, но Гертруда отклонила благодарность, а молодая женщина покраснѣла и опустила голову. Сестрѣ стало жаль ее. Она такъ нѣжна и чутка, съ нею нужно бережно обращаться, какъ съ мотылькомъ, чтобы не помять его радужныхъ крылышекъ. Она съ искреннимъ порывомъ раскаянія протянула Маріи руку и заглянула ей въ глаза—свѣтлые и прозрачные, какъ слезы, проливаемыя въ тиши. Они походили на ту улыбку, подъ которою скрывается глубокое горе.

Сколько должна была выстрадать втайнѣ эта женщина,—а она ждала!

У Гертруды явилось желаніе стать передъ нею на колѣни и омыть слезами ея ноги. Еслибы она могла что-нибудь сдѣлать для нея, ходить за нею, спасти ея жизнь! Видитъ Богъ, она съ радостью бы это сдѣлала.

Марія протянула ей руку.

— Мы задерживаемъ васъ, сестра Гертруда, но, можетъ быть, вы какъ-нибудь къ намъ заглянете—съ Лили или безъ нея? Мы были бы такъ рады. Мой мужъ чрезвычайно заинтересовался, узнавъ, что вы любите искусство.

Гертруда низко наклонила свой пылающій лобъ и поцѣловала руку Маріи.

Фрау Веттеръ еще посидѣла нѣкоторое время у Лили, которая проводила ее до воротъ и встрѣтила доктора Грамана, сказавшаго, чтобы она пришла черезъ десять минутъ къ Маргаритѣ на перевязку. Лили повиновалась; она измѣрила у больной температуру, но дважды невѣрно записала ее, и вообще была такъ странно разсѣянна, что докторъ обратилъ на это вниманіе и посовѣтовалъ ей отдохнуть, полагая, что она еще не совсѣмъ оправилась послѣ болѣзни.

Придя къ себѣ въ комнату, Лили сѣла на кровати, сложила руки и все думала, думала о томъ, что̀ она сейчасъ слышала отъ Маріи и что̀ такъ страшно встревожило ее. Посовѣтоваться бы поскорѣе съ сестрою Елизаветой! Какъ долго она не идетъ!

Лили задремала и испугалась, когда отворилась дверь.

— Вы заснули?—спросила старшая сестра.

— Да? Какъ странно! Я очень разстроена.

И Лили поспѣшила повторить то, что̀ Марія сказала ей о себѣ передъ уходомъ. За эти дни съ нею было нѣсколько странныхъ припадковъ головокруженія. Начинается съ безумной острой боли въ головѣ, потомъ—круги и мерцаніе передъ глазами, затѣмъ — полная потеря сознанія. Но это продолжается

всего нѣсколько минутъ, и потому Марія думаетъ, что это не опасно. Ее же это страшно перепугало...

— Ваша сестра должна немедленно посовѣтоваться съ врачомъ!—сказала Елизавета, и лицо ея сдѣлалось очень серьезно.

— Развѣ это что-нибудь опасное?

— Я думаю, что вашей сестрѣ нужно показаться врачу,— повторила Елизавета и ласково провела рукою по волосамъ Лили. Даже въ такую минуту дѣвушка не могла не подумать, насколько это прикосновеніе не было похоже на прикосновеніе руки сестры Гертруды. Кажется, Елизавета поняла ея мысли, такъ какъ отдернула руку и отошла отъ ея кровати. Всѣ предпочитаютъ ей Гертруду; даже маленькая Лили уже успѣла заслужить благосклонность доктора, — лишь къ ней всѣ относятся пренебрежительно, потому что у нея горбатая спина... Горечь поднялась въ душѣ Елизаветы, но она подавила это чувство, и поутру, когда Лили стала убирать ихъ комнату, она взяла тряпку у нея изъ рукъ и посовѣтовала ей сейчасъ же написать Маріи письмо...

VI.

Первый жаркій солнечный лучъ опьянилъ Карла Веттера; все трепетало въ немъ отъ полноты ощущеній, и это походило на трепетъ солнечныхъ лучей въ нагрѣтомъ воздухѣ. Онъ могъ жить лишь подъ открытымъ небомъ; онъ бродилъ въ лѣсу по цѣлымъ днямъ и иногда оставался тамъ до глубокой ночи, возвращаясь домой съ росинками и стеблями травы въ волосахъ.

Покуда продолжалось это настроеніе, онъ не могъ писать: онъ мысленно вынашивалъ въ себѣ картину, и она являлась ему въ мечтахъ такою совершенной, что онъ готовъ былъ плясать отъ счастья. И наконецъ — часъ его насталъ. Онъ заперся въ мастерской и писалъ, писалъ до полнаго изнеможенія. Онъ жилъ въ одиночествѣ, и одна Марія имѣла къ нему доступъ. Она окружала его заботою и ея тихое присутствіе было необходимо ему, какъ воздухъ. Письмо Лили было получено и прочтено, но она рѣшила до возобновленія болей не ходить къ доктору. А вдругъ это окажется чѣмъ-нибудь серьезнымъ? Придется сказать Карлу, вырвать его изъ блаженнаго состоянія, нарушить его творческое настроеніе.

Прошелъ іюнь, іюль, — и боли не возобновлялись, о чемъ Марія съ радостью сообщила сестрѣ. Стояли сильные жары, и возбужденіе Карла начало смѣняться усталостью; онъ не такъ

много бродилъ по лѣсу и сидѣлъ въ мастерской; по вечерамъ онъ даже читалъ Маріи вслухъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ все чаще сталъ думать о Гертрудѣ. Изъ описанія жены онъ, конечно, узналъ ее. Однажды онъ спросилъ жену: нравится ли ей сестра Гертруда?

Она улыбнулась.

— Я уже не разъ тебѣ это говорила. Жаль, что она не приходитъ къ намъ.

— Да, жаль, — проговорилъ онъ въ раздумьи, и вдругъ спросилъ:

— А могла бы ты дѣлить мою любовь съ другою женщиной?

— Дѣлить твою любовь съ другою женщиной?—глаза Маріи широко раскрылись: — какъ могло тебѣ придти въ голову что-нибудь подобное?

— Успокойся!—онъ ласково коснулся ея руки:—ты знаешь, мнѣ приходятъ иногда глупыя мысли...

— Ты думалъ, можетъ быть, о...—она остановилась. — Ты спрашивалъ меня о сестрѣ Гертрудѣ?

— И ты уже сейчасъ вообразила Богъ знаетъ что̀?

Марія вспыхнула.

— Прости мнѣ, Карлъ!

— Милая, глупенькая жёнка!—онъ поцѣловалъ ее: — я не зналъ, что ты можешь быть недовѣрчивой и... ревнивой.

— Я не ревнива, Карлъ, но твой вопросъ...

— Видишь ли, тутъ цѣлая исторія. Рейхардтъ разсказалъ мнѣ на дняхъ про одного своего пріятеля, у котораго есть очаровательная жена и ребенокъ. Но тотъ влюбился въ пріятельницу жены, и она—въ него. Кончилось тѣмъ, что они рѣшили поселиться втроемъ.

— И жена согласилась на это? — Марія смертельно поблѣднѣла.

— Вѣдь у нея былъ ребенокъ.

— А развѣ она не могла взять своего ребенка и уйти?

— Она слишкомъ любила мужа.

— Нѣтъ, этого я не понимаю,—сказала Марія и покачала головою.

— Я тоже. Поэтому я и спросилъ.

Съ этого дня Карлу сдѣлалось какъ-то стыдно смотрѣть Маріи въ лицо. Онъ снова принялся бродить по лѣсу, но мысль о Гертрудѣ не оставляла его. Почему она такъ добра къ Лили,— ради нея самой, или...? Любитъ ли она его до сихъ поръ? Что̀

будетъ, если она придетъ къ нимъ въ домъ, подружится съ Маріей? Почему нельзя любить двухъ женщинъ—разною любовью? Но Марія уйдетъ отъ него... Пожертвовать ею и — дѣтьми? Кажется, онъ съ ума сходитъ!

Взволнованный, онъ пошелъ къ Маріи. Она испуганно подняла голову: ей показалось, что случилось что-то.

— Ничего, но мнѣ не работается... Жарко, и глупыя мысли преслѣдуютъ меня.

Марія была очень блѣдна и въ глазахъ ея было какое-то странное чуждое выраженіе, но она ласково посмотрѣла на него. Руки ея устало лежали на колѣняхъ, выдѣляясь нѣжною бѣлизною на черномъ вуалевомъ платьѣ.

— Какія у тебя красивыя руки, Марія!—проговорилъ онъ, забывая обо всемъ остальномъ.

— И какія лѣнивыя! — улыбнулась она и взяла со стола работу.

Это разсердило его, и онъ убѣжалъ въ садъ. Она прислушивалась къ его твердымъ шагамъ, и колѣни у нея дрожали. Полчаса тому назадъ съ нею повторился припадокъ, на этотъ разъ—съ необыкновенною силою; она, должно быть, долго пролежала безъ сознанія и чувствовала до сихъ поръ смертельную слабость.

Слезы проступили у нея на глазахъ.

— Онъ замѣтилъ только красоту моихъ рукъ. Онъ не приласкалъ меня, а я такъ бы хотѣла выплакаться у него на груди! Мнѣ стало бы легче...

Она ощущала томленіе и гнетъ, которыя чувствуются въ воздухѣ въ ожиданіи грозы. И словно птицы, испугавшіяся надвигающейся тучи, мысли ея тревожно вспархивали и кружились. Эта боль—пустяки. Она прошла и больше не повторится.

Но, три дня спустя, она повторилась, и на этотъ разъ—въ присутствіи Карла.

Онъ испугался. Но испугъ его усилился, когда онъ узналъ, что подобный припадокъ случается уже не впервые. Онъ съ поникшей головою немедленно отправился къ врачу. Вѣдь онъ не виноватъ, что она ничего не сказала ему, а по лицу ея ничего не было замѣтно.

Въ горлѣ у него пересыхало отъ волненія, когда онъ говорилъ съ врачомъ; часъ спустя, д-ръ Бремеръ осмотрѣлъ Марію и рѣшилъ пригласить на консультацію хирурга. Карлъ, разумѣется, согласился; Бремеръ любитъ преувеличивать, хирургъ навѣрное разсѣетъ всѣ опасенія.

Но хирургъ, старшій врачъ городской больницы, констатировалъ у Маріи присутствіе опухоли въ мозгу. Только операція можетъ спасти ее.

Карлъ не хотѣлъ этому вѣрить.

— До вчерашняго дня она была совершенно здорова, — повторялъ онъ.—А если даже она и раньше заболѣла, то почему же непремѣнно—опухоль въ мозгу, и операція—единственное средство спасенія? Быть можетъ, это—простая мигрень?

Докторъ Бёме сострадательно покачалъ головою; онъ былъ убѣжденъ въ правильности своего діагноза, но Карлъ все же телеграфировалъ знаменитому профессору.

Профессоръ пріѣхалъ немедленно, составился консиліумъ, и по окончаніи его профессоръ вполнѣ присоединился къ опредѣленію мѣстныхъ врачей. Операцію необходимо сдѣлать какъ можно скорѣе. Онъ сообщилъ это Маріи, которая сейчасъ же согласилась и стала успокаивать Карла. Она приготовится въ два дня.

— Значитъ, послѣ-завтра утромъ мы будемъ ждать васъ въ больницѣ? — сказалъ старшій врачъ.

— Да.

Карлъ испуганно вмѣшался.—Въ больницѣ? Нѣтъ, нѣтъ! Я не пущу ее въ больницу! — Онъ поблѣднѣлъ до самыхъ губъ.

— Въ домѣ это невозможно, — сказалъ профессоръ.

— А я рада, что буду въ больницѣ. Сестра Гертруда и моя маленькая Лили станутъ ходить за мною, — сказала Марія. Она тихо улыбнулась и погладила руку мужа.

Ему показалось, что какая-то страшная темная сила схватила его и тащитъ куда-то. Кричать? Обороняться? Невозможно.

На слѣдующій день Марія все привела въ порядокъ въ домѣ, какъ будто ей уже не предстояло туда вернуться; но она вѣрила въ свое выздоровленіе. Она обошла съ Лили весь домъ и принесла изъ погреба бутылку шампанскаго.

— Мы выпьемъ за счастливое окончаніе. Не надо грустить.

VII.

Лили вернулась въ больницу послѣ девяти часовъ вечера и почти вбѣжала въ комнату Гертруды. Та была не одна; у нея сидѣла Елизавета. Сестры еще не знали о предстоящей операціи и были очень поражены. Операція въ мозгу? Елизавета вспомнила всѣхъ оперированныхъ больныхъ, за которыми она ходила.

Всѣ онѣ умирали. Она съ состраданіемъ взглянула на Лили, и та поняла этотъ взглядъ.

— Марія! Марія! Она умретъ... О, Боже мой!

Гертруда положила руку на плечо Лили.—Дѣточка,—проговорила она увѣренно:—ваша сестра выздоровѣетъ, вѣрьте мнѣ...

— Вы станете ходить за нею? Значитъ, старшій врачъ уже сказалъ вамъ? Такъ это возможно? Если вы берете на себя уходъ за нею,—я уже не боюсь...

— Мнѣ ходить за нею! — Гертруда вдругъ опомнилась и провела рукою по глазамъ.

— Да вѣдь вы сами сказали?

— А какъ же мнѣ быть съ операціонной? Нѣтъ, дѣточка, пусть Елизавета ходитъ за вашею сестрою. Я буду присутствовать при операціи, и клянусь вамъ сдѣлать все, что̀ въ моихъ силахъ.

— Но Марія такъ просила, она такъ надѣялась!..—Лили сжала руки Гертруды, но остановилась, замѣтивъ, какъ Елизавета измѣнилась въ лицѣ.

— Если фрау Веттеръ непремѣнно желаетъ, чтобы ты ходила за нею, я замѣню тебя въ операціонной, — предложила Елизавета.

— Это невозможно. Тебѣ будетъ тяжело, и хирурги уже привыкли ко мнѣ. Притомъ, у васъ въ отдѣленіи есть свободная отдѣльная комната, и вы съ Лили будете вмѣстѣ при больной.

— Но если больная желаетъ тебя, а не меня?

Лили вдругъ разрыдалась, и Елизавета, тихонько обнявъ ее, увела изъ комнаты.

Гертруда стояла въ глубокой задумчивости. Не сама ли она желала, чтобы ей представился случай сдѣлать что-нибудь для Маріи? Она не смѣетъ отказываться — даже въ томъ случаѣ, если ей нужно будетъ постоянно видѣть его. Пусть онъ будетъ нѣженъ съ больною,—она отойдетъ въ сторону, безмолвная какъ тѣнь. Пусть онъ цѣлуетъ ея руки и губы,—она ничѣмъ не выдастъ своихъ мукъ. Она все вынесетъ.

Марію Веттеръ оперировали на слѣдующій день въ двѣнадцать часовъ.

Гертруда была блѣднѣе обыкновеннаго; чаще, чѣмъ обыкновенно, она смотрѣла въ лицо врачамъ и старалась прочесть выраженіе ихъ лицъ. Она почувствовала, что дѣло обстоитъ хуже, нежели они предполагали, и пальцы ея начали дрожать. Она едва не подала не тотъ инструментъ.

Докторъ Граманъ, хлороформировавшій больную, не могъ

наблюдать послѣдовательно за ходомъ операціи, чрезвычайно его интересовавшей. Отъ него Гертруда узнала бы подробности, но, къ сожалѣнію, онъ самъ не могъ ихъ видѣть.

Все кончилось. Опухоль извлекли, и врачи обмѣнялись нѣсколькими словами относительно мѣста нахожденія опухоли. Гертрудѣ страстно хотѣлось понять ихъ слова, но латинскіе термины были ей незнакомы. Д-ръ Граманъ снялъ съ лица Маріи повязку, а старшій врачъ поручилъ перевязку раны Гертрудѣ:—Вы сдѣлаете это лучше, чѣмъ я самъ, сестра.

Врачи пошли мыть руки. Гертруда чутко прислушивалась, но они молчали. Лица ихъ были строги и серьезны.

У Гертруды упало сердце. Плохой признакъ! Вошли служителя съ носилками, на которые Гертруда съ Граманомъ осторожно положили больную.

— Осторожнѣе несите! — приказалъ профессоръ.

— Вы берете на себя уходъ за нею?—спросилъ старшій врачъ, а профессоръ тутъ же прибавилъ:

— Слѣдите внимательнѣе за всѣмъ: за пульсомъ, за дыханіемъ, въ особенности за тѣмъ, будетъ ли она двигаться?

— Я не совсѣмъ васъ поняла, профессоръ. Ей нельзя позволять двигаться?

— Именно. Это можетъ ей повредить. Будьте внимательны.

Гертруда побѣжала впередъ и, обогнавъ носильщиковъ, помогла имъ переложить больную на кровать; ихъ громкіе шаги мучительно отозвались у нея въ головѣ. Когда они вышли, она закрыла дверь и взяла руку Маріи, чтобы сосчитать удары пульса. Порою его совсѣмъ не было слышно, и у нея дрожало все внутри и какъ-то расплывалось... Какъ будто сквозь туманъ увидѣла она подходившаго къ постели человѣка и рядомъ съ нимъ—Лили. Она будетъ преданною сидѣлкою его жены,—пусть онъ видитъ, что ея любовь къ нему умерла.

— Ну, чтò?—хрипло спросилъ Карлъ Веттеръ. Лили всхлипнула.

— Успокойся!—проговорилъ онъ съ усиліемъ и обнялъ ее рукою.

— Все идетъ хорошо,—отвѣтила Гертруда.

Глаза Карла остановились на вздувшемся лицѣ Маріи, на тяжелой повязкѣ, изъ-подъ которой выбилось нѣсколько бѣлокурыхъ волосковъ.

— Гдѣ могу я поговорить съ врачами?

— Сестра Лили проводитъ васъ.

— Пойдемъ!—онъ потянулъ заплаканную Лили за рукавъ,

унося съ собою мучительное воспоминаніе о раздутомъ лицѣ Маріи подъ головной повязкою.

Марія все еще лежала безъ сознанія, но губы ея раскрылись; въ комнатѣ разлился запахъ хлороформа. „Врачи такъ долго совѣщаются,—думала про себя Гертруда,—должно быть,—положеніе больной опасное?“ Слава Богу, что она въ силахъ исполнить свою обязанность; она поборется съ болѣзнью, ея любовь къ нему не помѣшаетъ этому. Какъ онъ былъ спокоенъ, только страшно блѣденъ! Впрочемъ, она почти не видѣла его лица; сейчасъ она встрѣтилась съ нимъ, какъ съ постороннимъ. Все было тихо въ ней, тихо и мертво.

Минуты проходили,—она открыла окно. Вошелъ старшій врачъ—одинъ. Профессоръ уже уѣхалъ на вокзалъ; Карлъ Веттеръ отправился его провожать.

— Какъ дѣла?—спросилъ д-ръ Бёме.

— Пульсъ хорошъ.

— Отлично. А вообще?

Гертруда подняла на него глаза.—Это опаснѣе, чѣмъ вы думали, г. директоръ?

Онъ утвердительно кивнулъ головою.

— Много опаснѣе. Опухоль соприкасалась съ важнѣйшими мозговыми артеріями. За жизнь ея бояться нечего, но...

— Неужели... неужели вы хотите сказать, что ей грозитъ параличъ?

— Этого можно опасаться.

— Параличъ?—Гертруда вспомнила взглядъ Карла на раздутое лицо Маріи. Въ глазахъ у нея потемнѣло, слезы потекли по щекамъ.

— Ахъ, сестра!—Старшій врачъ глубоко перевелъ духъ:—это ужасно! Когда мы увидѣли, въ чемъ дѣло, я подумалъ: зашить ей рану и предоставить всему идти естественнымъ путемъ. Профессоръ Маннъ сознался, что у него на мгновенье мелькнула такая мысль...

— Почему же вы этого не сдѣлали?

— Мы могли спасти ей жизнь.

— На чтò ей такая жизнь?

— Вотъ именно! Бѣдная молодая женщина! А мужъ? Пожалуй, что параличомъ дѣло не ограничится: профессоръ Маннъ думаетъ, что современемъ она впадетъ въ идіотизмъ.

Гертруда поблѣднѣла и, не помня себя, схватила старшаго врача за кисть руки. Тотъ отступилъ на шагъ:—Сестра!

Гертруда провела рукою по лбу.—Простите, г. директоръ,

я... я...—Она судорожно перевела духъ.—Но почему же, почему, ради Господа Бога, вы не зашили рану? Почему вы не дали ей лучше умереть?

— Сестра! Вы не понимаете, чтò вы говорите!

— Хорошо понимаю!—Глаза Гертруды сдѣлались огромными; трепещущими руками она взяла со стола стклянку съ морфіемъ.

— Вотъ морфій,—проговорила она,—сжальтесь надъ нею! Старшій врачъ отступилъ.

Къ блѣднымъ щекамъ Гертруды прилила кровь.

— Сжальтесь! — повторила она: — прикажите мнѣ дать ей сколько надо, чтобы она навѣки заснула.

Старшій врачъ совершенно растерялся, и сначала не находилъ словъ.

— Сестра Гертруда,—воскликнулъ онъ, наконецъ,—знаете ли вы, что вы... что я... дѣйствуя такимъ образомъ, совершили бы убійство?

— Убійство?—Глаза Гертруды засверкали:—нѣтъ, мы оказали бы благодѣяніе этой несчастной женщинѣ и...—Она не договорила.

— И мужу!—подсказалъ ей тайный голосъ. Но это слово замерло на ея устахъ подъ впечатлѣніемъ тайнаго ужаса. „Благодѣяніе для мужа? И это я, я хотѣла оказать ему услугу, убивъ ее?.. Я?..“

Старшій врачъ замѣтилъ ея смятеніе и положилъ руку ей на плечо.

— Ну, чтò? Поняли? Ясно вамъ теперь, чтò вы хотѣли сдѣлать?

Гертруда молча кивнула. Она сразу ослабѣла и притихла. Докторъ Бёме, осмотрѣвъ больную, обратился къ сестрѣ:

— Вы образумились, наконецъ? Я могу довѣрить вамъ больную?

— Да.

— Вы не сдѣлаете ничего такого, на чтò вы не имѣете права?

— Нѣтъ, г. директоръ.

— Ну, хорошо... Вѣдь я васъ знаю... Я знаю, что на васъ можно положиться. Но я долженъ сказать, что былъ крайне удивленъ... Гм!

Уходя изъ палаты, старшій врачъ покачивалъ головою. Съ такимъ темпераментомъ—сестра милосердія. Жаль, прямо жаль!

— Онъ называетъ это „образумиться“! — Гертруда судорожно сжала руки.—Боже, еслибы *она* не была женою Карла!..

Она ухаживала за больною, которая пришла въ себя и жаловалась на боли,—утѣшала Лили, поминутно забѣгавшую въ палату, но ее неотвязно преслѣдовала все та же мысль: что бы она сдѣлала, еслибы больная не была женою Карла?

Къ девяти часамъ все стихло. Она отослала Лили спать; Марія тоже заснула послѣ подкожнаго впрыскиванія морфіемъ. Темныя тѣни сгущались въ углу комнаты и тяжелымъ покровомъ ложились на кровать. Вдругъ что-то зашелестѣло; сердце Гертруды дрогнуло,—но это вѣтеръ пошевелилъ занавѣску у окна.

„Я буду при ней три дня и три ночи,. три дня, а — потомъ?.. Не будь она женою Карла... Но неужели именно потому что я люблю его, я должна отнестись къ нему и къ его женѣ съ бо́льшею жестокостью, чѣмъ къ постороннимъ?“ — „Знаете ли вы, сестра, что вѣдь это убійство?“—Ей вспомнилось ея искреннее честное желаніе сдѣлать что-нибудь для Маріи, спасти ее отъ смерти. „Да, но неужели надо спасти ее для того, чтобы вернуть ее Карлу—неизлечимою калѣкой!?“

VIII.

Сумерки сгущались. Марія лежала неподвижно; глаза ея были прикованы къ висѣвшему на стѣнѣ изображенію Мадонны.

На дворѣ шелъ дождь, капли ударялись о стекло, и Марія считала ихъ. Она ни о чемъ не думала; въ головѣ у нея была страшная тяжесть; она чувствовала смертельную усталость.

Вышедшая на минуту Гертруда вернулась съ пузырькомъ въ рукѣ. Темные глаза ея были окаймлены кругами, лицо очень блѣдно.

Наступавшая ночь была третьей, и врачи, совершившіе вечерній обходъ, озабоченно покачали головами. За жизнь молодой женщины нечего было опасаться, но параличъ казался имъ почти несомнѣннымъ. Какъ сообщить объ этомъ мужу и сестрѣ больной?

Гертруда лгала Карлу, лгала Лили, но оба этихъ дня она носила въ себѣ свою тайну. Лили умоляла позволить ей дежурить эту ночь съ нею вмѣстѣ, но Гертруда не согласилась. Лили на цыпочкахъ подошла къ кровати и долго глядѣла на сестру полными слезъ глазами.

„Да, простись съ нею!“ — подумала Гертруда, чувствуя, какъ у нея мурашки бѣгаютъ по кожѣ.

— Проститесь съ нею, дѣточка, и пожелайте ей спокойной ночи, но не будите ее.

Голосъ ея звучалъ очень мягко.

— Ахъ, сестра Гертруда, спасите мнѣ мою сестру!

Лили подавила рыданіе и вышла изъ комнаты.

Гертруда долго стояла съ безжизненно повисшими руками и поникшею головою у постели Маріи.

И вдругъ она, давно уже не молившаяся, сложила руки и принялась горячо молиться.

„Боже, для Тебя нѣтъ невозможнаго,—спаси ее!“

Душа ея стремилась къ Незримому; ей казалось, что она должна получить отвѣтъ.

„Спаси ее, Боже правый! Соверши чудо! О чудѣ молю Тебя!“

Но кругомъ было темно; женщина попрежнему неподвижно лежала на кровати. Гертруда опустила руки и, еле передвигая ноги, подошла къ столу. Девять часовъ. Въ пять часовъ утра все должно быть кончено. Остается еще восемь часовъ. Восемь часовъ для того, чтобы чудо могло совершиться!

Часы проходили, стрѣлка медленно указывала десять, одиннадцать, двѣнадцать часовъ. Пульсъ больной, бывшій еле слышнымъ, вдругъ страшно зачастилъ, температура повысилась. Еслибы она умерла безъ того, чтобы...! Пульсъ все ослабѣвалъ. На столѣ стоялъ пузырекъ съ камфорой; въ такихъ случаяхъ сестра должна сдѣлать впрыскиваніе. Зачѣмъ? Оживить дѣятельность сердца для того, чтобы потомъ... А быть можетъ это и есть то чудо, о которомъ она молила?

Гертруда упала на колѣни, вздрагивая всѣмъ тѣломъ. Больная лежала въ сильномъ жару.

Стрѣлки часовъ медленно двигались. Былъ уже часъ, когда съ постели послышалось: — Пить!

Она осторожно влила въ ротъ больной холоднаго молока.

— Благодарю! — Марія закрыла глаза. — Какъ мнѣ жжетъ глаза и лобъ...

Гертруда помочила полотенце въ холодной водѣ, выжала его и приложила Маріи къ глазамъ.

— Теперь хорошо!

Гертруда вымыла руки больной холодною водою и стала мѣнять ей компрессы.

Пульсъ все еще былъ ускоренный, но удары его уже были сильнѣе. Послѣ трехъ часовъ ночи онъ совсѣмъ окрѣпъ, температура понизилась.

За окномъ начала щебетать птица, черное небо дѣлалось свинцовымъ, надъ кровлями появилась свѣтлая полоса и звѣзды угасали. Гертруда пріотворила окно, но холодный утренній воздухъ заставилъ ее вздрогнуть.

Четыре часа. За окномъ не умолкало одинокое щебетанье птички. Больная крѣпко спала.

Сестра накинула на плечи платокъ; зубы у нея стучали, какъ отъ озноба, въ рукахъ ощущался ледяной холодъ. Она подошла къ столу и потушила лампу.

Безсолнечное утро проникло въ комнату. Его тусклый свѣтъ спугнулъ тѣни въ углахъ. Холодная свинцовая атмосфера царила въ комнатѣ.

Гертруда дрожала все сильнѣе. Уже половина пятаго. Не подождать ли дня два? Подождать, покуда ее не отправятъ домой—калѣкою.

Надъ землею взошло солнце, небо засинѣло, утратило свою мертвенность, стало теплѣе.

Гертруда схватилась за морфій, за шприцъ, и быстро сдѣлала одинъ за другимъ — три укола, затѣмъ она выждала съ минуту—лицо Маріи не дрогнуло—и сдѣлала еще четвертый.

Она тщательно вычистила иглу и все прибрала на столѣ. По кожѣ у нея пробѣгали мурашки, въ головѣ было ощущеніе пустоты.

Больная лежала совсѣмъ тихо, пульсъ ея ослабѣвалъ; еще ударъ—не послѣдній ли? Солнце уже озаряло комнату первыми лучами, и вдругъ Марія открыла глаза.

— Карлъ! Хиль-да!—По тѣлу ея пробѣжала дрожь, тѣло приподнялось, руки вздрагивали, онѣ простерлись впередъ, ловили воздухъ...

Гертруда вскрикнула.

Руки Маріи тяжело упали на одѣяло; она вытянулась, дыханіе прекратилось. Это былъ конецъ.

IX.

Узнавъ поутру о смерти Маріи Веттеръ, старшій врачъ въ первый мигъ вздохнулъ съ облегченіемъ.

Умерла вслѣдствіе ослабѣвшей дѣятельности сердца—по словамъ сестры Гертруды. Сестры Гертруды? Докторъ Бёме вдругъ вспомнилъ о морфіѣ. Неужели у нея таки хватило мужества? Какъ онъ могъ оставить ее при больной? Непростительно!

Онъ послалъ за Гертрудою, твердо и холодно выдержавшей его пытливый взглядъ. Она была блѣдна и глаза ея окаймлены синевою. Какъ умерла фрау Веттеръ? Послѣ сильной лихорадки и наступившей вслѣдъ за этимъ ослабленной дѣятельности сердца? А давала ли она ей камфору?

— Нѣтъ.

Старшій врачъ прикусилъ себѣ губу. — Это слѣдовало бы сдѣлать.

— Въ данномъ случаѣ?

Докторъ Бёме слегка смѣшался.—Гм! Ну, да, значитъ, вы не дали ей камфоры. А замѣтили ли вы какія-нибудь судороги или нѣчто подобное?

— Лишь въ послѣднюю минуту.

— Такъ, такъ... Разрывъ сердца. Въ сущности оно, конечно, такъ и лучше. Вы продежурили три ночи? Тогда ступайте отдохнуть. Завтра у насъ опять операція, — вы нужны мнѣ. Сестра Елизавета прекрасно справляется, положимъ, но я привыкъ работать съ вами.

Онъ подалъ Гертрудѣ руку и видѣлъ, какъ спокойно она вышла. „Не могла бы она такъ говорить, будь у нея совѣсть нечиста. И какъ твердо она глядѣла мнѣ въ глаза!“

На слѣдующій день Гертруда помогала ему при операціи съ обычной своею увѣренностью и быстротою. Ни волненія, ни торопливости. Удивительная сестра милосердія! Не могла бы она такъ обращаться съ инструментами, будь у нея что-нибудь на душѣ. Конечно, онъ сумѣлъ убѣдить ее своими словами.

Гертруда осталась одна въ операціонномъ залѣ, и въ первый разъ ее испугалъ видъ этой крови, разбросанныхъ полотенецъ, окровавленныхъ инструментовъ. Она машинально принялась за чистку и уборку. Глаза ея остановились на ножѣ съ тонкимъ и острымъ, какъ игла, лезвіемъ, отъ котораго ей трудно было отскоблить пятно. Вотъ средство избавиться отъ всѣхъ мукъ и сомнѣній. Неужели она такъ слаба? Неужели смѣлости хватило у нея лишь на трое сутокъ? Ей вспомнилась сказка о человѣкѣ, который въ продолженіе трехъ дней былъ великаномъ и шагалъ черезъ головы людей и крыши домовъ, но, шагая черезъ нихъ, онъ раздавилъ свое собственное жалкое жилище, и все дорогое для него—погибло.

Въ теплую солнечную погоду, съ закатомъ дня, Марію Веттеръ отнесли на мѣсто послѣдняго успокоенія.

Но къ вечеру легкая тучка превратилась въ крылатое чудо-

вище, охватившее горизонтъ, и къ ночи пошелъ сильный дождь. Лили вернулась въ больницу, въ дѣтское отдѣленіе, куда ее назначили, а Карлъ остался одинъ въ опустѣвшемъ домѣ.

Цѣлую недѣлю лилъ дождь, и Карлъ часами просиживалъ у окна, глядя на сѣрую массу дождя, на сѣрое небо. Онъ невольно простеръ руки, и съ губъ его сорвалось:—Марія!

Чтò это? Не шелестъ ли платья у двери? Не стукнула ли ручка? Вотъ-вотъ сейчасъ она войдетъ и остановится у порога, граціозно наклонивъ головку.

— Я тебѣ не помѣшаю?..—Ему казалось, что онъ слышитъ ея голосъ, видитъ поворотъ ея головы, тонкую линію шеи и профиля, и онъ ощутилъ слабость во всемъ тѣлѣ. Вся эта красота когда-то принадлежала ему, и вотъ... Ему вспомнилась ея могила съ цѣлою грудою увядшихъ, поблекшихъ, растрепанныхъ отъ дождя вѣнковъ... Пустота и разрушеніе!

А можетъ быть, ее еще можно было бы спасти, еслибы захватить болѣзнь вò-время! Какъ это онъ ничего не замѣтилъ? И почему она не сказала ему?

Карлъ постучался съ этимъ вопросомъ въ темную дверь воспоминаній. Она отворилась, и онъ увидѣлъ мертвое лицо Маріи съ тонкою ироническою улыбкою на губахъ. На третій день улыбка эта исчезла, лицо приняло торжественное и строгое выраженіе.

„На третій день она уже не была моей Маріей, да и въ первый — тоже. Я гладилъ ея распущенные волосы, я уже не смѣлъ касаться ея воскового лица и рукъ. Какъ мягки, какъ шелковисты были ея волосы, и я гладилъ ихъ..."

Карлъ вдругъ закрылъ глаза, что-то кольнуло его.

„Пока она была жива, я только гладилъ ея волосы, я видѣлъ только ея красоту. Она шесть лѣтъ дѣлила со мною жизнь, она родила мнѣ двоихъ дѣтей. Она принимала участіе во всемъ, чтò я творилъ. Мое счастье было ея счастьемъ, мое горе—ея горемъ, а я цѣнилъ въ ней только ея красоту...

„Все лучшее, цѣннѣйшее, сокровища души своей—она унесла съ собою въ могилу. Вотъ почему на ея мертвыхъ губахъ играла эта улыбка".

Онъ старался возстановить въ памяти ея образъ. У него не было ея портрета. Онъ писалъ только ея тѣло! Глубокій жгучій стыдъ охватилъ его. Онъ ощущалъ невыразимую пустоту и стыдъ. Не ушло ли вмѣстѣ съ нею и его вдохновеніе?

Въ такомъ состояніи застала его Лили, и, вернувшись отъ Карла, разстроенная, прошла къ Гертрудѣ. Карлъ этого не пере-

несетъ; онъ говоритъ, что лучшими своими созданіями онъ былъ обязанъ Маріи. Нельзя себѣ представить, чѣмъ она была для него.

Гертруда поблѣднѣла, но стала утѣшать Лили. Онъ оправится современемъ,—вѣдь онъ мужчина и художникъ. На него вліяетъ осень.

— И это еще не все. Онъ упрекаетъ себя за... многое!— Лили покраснѣла: — онъ не всегда былъ добръ къ ней, хотя и любилъ ее... А года четыре тому назадъ онъ въ кого-то влюбился и вернулся изъ-за-границы совсѣмъ другимъ. Онъ часто запирался въ мастерской, и Марія ходила съ заплаканными глазами. Она нарочно отослала меня въ пансіонъ, а затѣмъ онъ опасно заболѣлъ. Когда я пріѣхала къ нимъ, онъ уже поправлялся и цѣловалъ Маріи руку. Видите ли, ему хотѣлось бы загладить прошлое, а теперь этого уже нельзя...

— Да, нельзя...

Гертруда подняла на Лили большіе страдальческіе глаза; что-то душило ее.

Когда Лили ушла, Гертруда долго сидѣла какъ окаменѣлая. Изъ-за нея онъ былъ жестокъ съ Маріей, и теперь этого уже нельзя загладить. Она ощущала въ груди тяжелый гнетъ. Еслибы выпустить кровь изъ сердца, стало бы легко, легко.

Нѣтъ, она еще должна подождать. Пусть Карлъ вернется сначала къ своему искусству.

X.

Былъ уже ноябрь. Выпалъ обильный снѣгъ; въ саду больницы были прочищены дорожки, а деревья стояли въ бѣломъ, сверкающемъ уборѣ. Гертруда глядѣла на эту картину изъ окна своей комнаты, и у нея въ первый разъ за все время отлегло отъ души. На дняхъ она узнала, что Карлъ принялся за работу; онъ снова сталъ интересоваться дѣтьми. Его она, по крайней мѣрѣ, не загубила, онъ не свернетъ со своей дороги. Теперь она могла бы умереть. Чего она ждетъ?

Но все ея сильное, молодое существо инстинктивно возмущалось противъ мысли о смерти.

Въ тотъ же день Лили сообщила ей, что Гансъ и Хильда давно уже просятъ ее, чтобы она дозволила имъ придти къ больнымъ дѣтямъ. У нихъ въ отдѣленіи нѣтъ теперь заразныхъ, но, можетъ быть, дѣти испугаются маленькой Эльзы, обезображенной волчанкою?

— Пусть придутъ, — рѣшила Гертруда; — они посидятъ у больныхъ ребятишекъ, а затѣмъ мы приготовимъ имъ угощеніе у меня въ комнатѣ.

Лили горячо пожала ей руку, а Гертруда улыбнулась—печальною улыбкою. Она тоже хочетъ загладить.

Дѣти явились въ больницу въ сопровожденіи фрейлейнъ Фаленъ, домоправительницы Карла. Лили, въ синемъ платьѣ и бѣломъ фартукѣ, вышла къ нимъ навстрѣчу и провела ихъ въ высокую, свѣтлую палату. Въ ней стояло много бѣлыхъ кроватокъ подъ розовыми одѣялами, и на нихъ лежали блѣдныя дѣти. Большинство изъ нихъ приподнялось при входѣ Ганса и Хильды.

Лили подвела ихъ къ мальчику, нога у котораго была въ гипсовой повязкѣ.

— Это нашъ Фрицъ,—отрекомендовала она:—онъ сломалъ себѣ ногу, такъ какъ вздумалъ влѣзть на слишкомъ высокое дерево, и, конечно, свалился; а теперь ему приходится лежать.

— Какъ только встану, я опять полѣзу на него!—сказалъ Фрицъ, и глаза его засмѣялись.

— Я тоже люблю лазать,—шепнулъ Гансъ, робко взглянувъ на сосѣда Фрица—блѣднаго, исхудалаго мальчика, которому Лили отирала потъ со лба.

— И гимнастику любишь? Ты посиди у меня.

— Онъ придетъ къ тебѣ, онъ только поздоровается сначала съ другими дѣтьми,—сказала Лили и стала водить ихъ отъ постельки къ постелькѣ.

Страдавшая отъ обжога маленькая Анна не могла пошевельнуться, но она замѣтила бантъ Хильды и объявила, что у нея есть красное, какъ вишня, платье съ кружевами, совсѣмъ еще новое.

Шестеро выздоравливавшихъ дѣтей сидѣло за столомъ. Дѣвочка лѣтъ десяти подошла къ Хильдѣ, держа въ рукахъ куклу.

— Нравится тебѣ моя Анна-Марія? Поиграй немного ею, если хочешь.

Но Хильда испуганно отступила и не взяла куклы; лицо дѣвочки было страшно обезображено волчанкою. Другая маленькая паціентка потянула ее тихонько за бантъ и засмѣялась. Хильда обернулась и подала ей руку.

— Какъ тебя зовутъ? — спросила она, преодолѣвая свою робость.

Гансъ тѣмъ временемъ усѣлся играть съ Фрицемъ въ солдатики. Вошла Гертруда, которую дѣти радостно привѣтствовали; она пригласила Ганса съ Хильдой къ себѣ въ комнату, гдѣ уже были сервированы кофе и сладкіе пирожки.

— Мои любимые! — сказалъ Гансъ съ разгорѣвшимися глазами.

Гертруда посадила дѣтей на стулъ, повязала имъ салфетки и стала угощать.

— Могу я взять еще одинъ?—спросилъ Гансъ, кончивъ съ первымъ пирожкомъ.

Гертруда замѣтила его глаза: вѣроятно, у Карла, когда онъ былъ мальчикомъ, были точно такіе глаза, и она почувствовала, какъ невыразимая нѣжность наполняетъ ей грудь.

— Скоро будетъ Рождество,—сказала она:—чтò бы ты хотѣлъ получить на елку?

Гансъ принялся перечислять многіе предметы; Хильда сидѣла и молчала. Гертруда обратилась къ ней:

— А чтò бы ты хотѣла получить? Куклу и больше ничего?

— Пожалуй, еще платье для моей Лили.

— Это любимая твоя кукла?

— Она еще маленькая. Бэби. И все хвораетъ.

— Пойдемъ съ нами, тетя Гертруда, ты ее вылечишь.

Гансъ и Хильда оба глядѣли на нее большими довѣрчивыми глазами. У Хильды были глаза ея матери, и Гертруда невольно обняла ее обѣими руками и спрятала лицо въ шелковистые волосы ребенка. Она чувствовала, что маленькое тѣльце ласково къ ней прижимается.

— Хильдочка,—проговорила она, и глаза ея затуманились,—Хильда!

Ей казалось, что она слышитъ предсмертный крикъ Маріи: „Хильда!“ Съ какимъ усиліемъ подняла она руки и простерла ихъ, призывая свое дитя!

„Она была бы здорова, еслибы не я. У нихъ была бы мать, еслибы я такъ не поспѣшила! Но вѣдь я на колѣняхъ молила Бога о чудѣ. Я ждала часъ за часомъ—и все напрасно!“

Гансъ слѣзъ со стула и подошелъ къ Гертрудѣ.

— Сними съ меня, пожалуйста, салфетку.

Не слѣдуетъ ли ей посвятить всю жизнь этимъ дѣтямъ, замѣнить имъ хотя отчасти мать, которой они лишились по ея винѣ? И пока эти мысли безпорядочно кружились у нея въ головѣ, она, провожая дѣтей къ выходу, разсказывала имъ о елкѣ въ больницѣ. Поютъ рождественскія пѣсни, затѣмъ является ангелъ, одѣляющій всѣхъ подарками. Онъ—въ бѣломъ платьѣ съ крылышками и со звѣздою въ волосахъ...

— А нельзя ли намъ быть на елкѣ?

— Если вашъ папа вамъ позволитъ.

— А папѣ можно придти?

Гертруда вспыхнула. Она уже три года подъ рядъ изображала ангела.

— Если онъ захочетъ, — отвѣтила она послѣ нѣкотораго колебанія.

XI.

На слѣдующій день Гертрудѣ вздумалось примѣрить вечеромъ костюмъ ангела. Бѣлое одѣяніе окутало ее мягкими серебристыми складками, открывая ослѣпительную бѣлизну шеи. Ея распущенные черные волосы ниспадали тяжелою волною ей на плечи. Она увидѣла въ зеркалѣ отраженіе своей жгучей жизнерадостной красоты и презрительно усмѣхнулась. Ея „благородный“ порывъ показался ей вопіющею ложью. Она собиралась посвятить жизнь его дѣтямъ! Съ какою цѣлью? Для того, чтобы завлечь его? Не для этого ли послужатъ ей красота шеи и плечъ, вся прелесть ея дѣвственнаго тѣла? Не для того ли она пошла на убійство? Не для того ли подружилась съ Лили и обласкала дѣтей?

Она сорвала съ себя уборъ, швырнула его въ шкафъ и съ отвращеніемъ къ самой себѣ облеклась въ линючее синее платье, словно ограждавшее ее отъ нея самой. Въ немъ она чувствуетъ себя сестрою милосердія.

Сестрою? Гертрудѣ вспомнился недавній случай съ сестрою Лидіей.

Молодой сестрѣ поручили дѣлать каждые полчаса впрыскиваніе камфорой тифозному больному, который считался безнадежнымъ. Каждые полчаса она выводила его изъ полуобморочнаго состоянія уколомъ иглы, и онъ каждый разъ начиналъ страшно кричать. Больные, которыхъ онъ будилъ своими криками, принялись роптать и требовать, чтобы сестра Лидія оставила умирающаго въ покоѣ. Онъ все равно не поправится,—за что же понапрасну мучить ихъ?

Разстроенная молодая сестра, уступая ихъ мольбамъ, пропустила два получаса, а въ концѣ третьяго больной умеръ. Утромъ она доложила объ этомъ врачу, и совѣтъ постановилъ: исключить ее. Сестрѣ не полагается разсуждать; ея обязанность— продлить, насколько возможно, жизнь больного, не думая о послѣдствіяхъ.

Неужели и это послѣднее прибѣжище будетъ у нея отнято? Но вѣдь сестра Лидія поступила такъ по слабости характера.

Она—потому, что благо Маріи казалось ей дороже ея жизни,—благо Маріи и... Карла. Она мнила себя великаномъ, стоящимъ выше людей, но домъ ея лежитъ передъ нею въ обломкахъ...

Елка въ больницѣ удалась на славу, она была роскошно убрана; пѣлъ дѣтскій хоръ, и сестра Анна-Марія играла на фисъ-гармоніи. Одѣтая ангеломъ Гертруда сіяла ослѣпительной красотой, и дѣти, затаивъ дыханіе, слушали, какъ она читала рождественскій стихъ; а когда она исчезла за дверью, всѣмъ показалось, что огни елки вдругъ померкли.

— Такая красавица — сестра милосердія? Непостижимо! — шепнулъ старшій врачъ сидѣвшему съ нимъ рядомъ Карлу.

А больная волчанкою Эльза, пересчитывая умершихъ при ней дѣтей, говорила себѣ, что они счастливы, такъ какъ видятъ каждый день подобныхъ ангеловъ.

Послѣ Рождества Карлъ почувствовалъ, что покойная Марія воскресла въ его душѣ.

Ее воскресилъ вопросъ Хильды, сдѣланный дѣвочкою въ то время, какъ они возвращались домой съ елки лунною ночью. Глядя на звѣзды, она сказала:

— Значитъ, и мама стала ангеломъ, у нея теперь крылышки и звѣзда въ волосахъ? Пожалуй, она придетъ къ намъ на будущій годъ въ сочельникъ?

— Можетъ быть.

Карлу пришло въ голову написать Марію въ видѣ ангела, окруженнаго толпою взирающихъ на нее съ надеждою блѣдныхъ дѣтей. Онъ видѣлъ ея улыбку, ея лицо въ ореолѣ свѣтлыхъ какъ солнце волосъ... Сердце его билось, когда онъ сѣлъ за полотно. Передъ нимъ проходили вереницы образовъ, но они расплывались, исчезали. Душа въ немъ горѣла, но онъ не могъ перенести на холстъ преслѣдовавшихъ его видѣній. Опять онъ подолгу бродилъ по лѣсу и избѣгалъ людей. Стаялъ снѣгъ, и деревья стояли въ цвѣту, а картина оставалась ненаписанной.

Однажды рука его сама собою потянулась къ кисти. Не попробовать ли?

Онъ сталъ неувѣренно набрасывать штрихи, но затѣмъ что-то словно разрѣшилось въ его груди, рука окрѣпла, мысли прояснились.

Онъ почувствовалъ, что овладѣлъ собою, и съ увлеченіемъ продолжалъ работу. Онъ писалъ цѣлыми часами, и вскорѣ картина была окончена. Въ эту ночь онъ заснулъ крѣпкимъ долгимъ сномъ, и когда проснулся, ему показалось, что ангелъ изгналъ его изъ рая. Два дня онъ не рѣшался подойти взглянуть

на картину. Наконецъ, въ солнечный день, онъ собрался съ духомъ, вошелъ въ мастерскую и приблизился къ мольберту.

Ангелъ былъ тамъ. Онъ стоялъ въ своемъ прозрачномъ бѣломъ одѣяніи среди деревьевъ въ бѣломъ цвѣту и склонялся съ ласковой улыбкою къ кучкѣ исхудалыхъ, блѣдныхъ малютокъ. Волосы у него были пышные, золотистые, но черты лица его не были чертами Маріи. Это было лицо Гертруды Арнольдъ.

Кровь ударила Карлу въ голову, и онъ вышелъ изъ мастерской.

XII.

Послѣ Рождества Гертруда попросила начальницу перевести ее въ общину сестеръ милосердія въ Фарбахѣ. Начальница удивилась и поглядѣла на нее съ сожалѣніемъ. Что это ей вздумалось? Жалкое мѣстечко, гдѣ постоянно свирѣпствуютъ тифозныя эпидеміи.

— Я жажду настоящей работы, и притомъ я буду тамъ независима.

— Мы хотѣли сдѣлать васъ начальницей въ одной изъ второстепенныхъ больницъ.

— Вы очень добры,—поблагодарила Гертруда, но продолжала настаивать. Начальница, въ концѣ концовъ, согласилась, но покуда никто, кромѣ Елизаветы, объ этомъ не зналъ.

Однажды Лили пришла къ Гертрудѣ и расплакалась. Къ нимъ принесли ребенка, котораго мать его систематически отучала отъ пищи. Это былъ обтянутый кожею скелетикъ; видно было, какъ подъ кожею между реберъ бьется у него сердце.

— Сестра Анна-Марія стала вливать ему въ ротъ по чайной ложечкѣ разжиженнаго молока. Сначала желудокъ его отказывался принимать пищу, но мало-по-малу терпѣніе превозмогло, и ребенокъ продолжалъ глотать молоко, глядя странно-серьезными, умными глазами, словно говорившими: „къ чему все это?“ Сестры поочередно дежурили при немъ и кормили его каждую четверть часа.

— И мнѣ показалось вдругъ,—сказала Лили,—что я дѣлаю то, чего совсѣмъ не нужно. Даромъ мучаю ребенка. Какая жизнь ожидаетъ его? Сегодня ему гораздо лучше, докторъ и сестры радуются, а я не могу. Какъ могутъ быть люди такими близорукими?

— Совѣтую вамъ лучше не думать о подобныхъ вещахъ, сестра Лили, — отвѣтила Гертруда:—болѣе сильнымъ, чѣмъ вы,

натурамъ пришлось жестоко пострадать изъ-за того, что онѣ вздумали мыслить по-своему.

— И это говорите мнѣ вы, сестра Гертруда? Но прежде...

— Прежде? Можетъ быть. Я боюсь, что я совратила съ пути нѣсколькихъ сестеръ, и васъ—въ томъ числѣ.

— Меня? Но вѣдь я не слѣпа. Я сама вижу.

Гертруда улыбнулась.

— Нельзя брать на себя роль судьбы: судьба — нѣчто великое, а мы—только люди. Будущее скрыто отъ насъ, а мы беремъ на себя рѣшать его. Представьте себѣ, что вы убили бы этого ребенка...

— Убила?—Лили вся похолодѣла.—Да, вѣдь это было бы убійствомъ. Человѣкъ умретъ и будетъ лежать блѣдный и холодный, съ тѣмъ страннымъ выраженіемъ, какое было у Маріи...

— Еслибы вы перестали давать ему молоко, и онъ отъ этого умеръ, неужели вамъ не вспоминались бы глаза этого ребенка, жизнью котораго распорядились вы,—маленькая Лили Брандъ?

Лили видѣла, что Гертруда говоритъ какъ человѣкъ, вынесшій тяжелую борьбу съ собою, но въ глубинѣ ея души шевельнулось сожалѣніе: и Гертруда становится такою же, какъ другіе. И она вошла въ общую колею! А какъ бы она сама поступила?

Гертруда постоянно думала о предсмертномъ движеніи Маріи. Агонія ли это была, или она могла выздоровѣть? Еслибы знать, еслибы знать!

Цѣлую недѣлю Карлъ боролся противъ того, что̀ стало ему ясно, когда онъ увидѣлъ лицо ангела, и наконецъ онъ отправился къ Гертрудѣ.

Она уже укладывалась, сундукъ ея стоялъ открытымъ, и она перебирала письма на столѣ. Среди нихъ была связка и его писемъ. Въ эту самую минуту вошелъ Карлъ.

Она ухватилась за край письменнаго стола, чувствуя, что можетъ упасть, и глаза ея машинально остановились на висѣвшей на стѣнѣ „Pietà“. Карлъ послѣдовалъ за нею взоромъ,—онъ понялъ, что̀ она выстрадала изъ-за него.

Изъ сада доносился запахъ сирени; вѣтеръ зашелестилъ въ кустахъ, озаренныхъ солнцемъ, и волна благоуханія влилась въ комнату. Три года она ждала его въ этой комнатѣ, и вотъ онъ пришелъ теперь, когда она собирается навсегда покинуть ее. У нея явилось такое чувство, словно сразу наступила осень, у нея самой—сѣдые волосы, и Карлъ пришелъ проститься съ нею...

Онъ подошелъ къ ней; изъ горла ея вырвалось рыданіе.

— Гертруда!—Онъ обвилъ ее руками; она пошатнулась, но онъ крѣпко прижалъ ее къ себѣ.

Она закрыла глаза, но вдругъ со стономъ вырвалась отъ него:

— Оставь, оставь!

— Что̀ съ тобою, Гертруда?

Она окинула его долгимъ взоромъ; на губахъ ея блуждала болѣзненная улыбка.

— Вотъ ты пришелъ, но я, но я...—Языкъ у нея не поворачивался, — она смолкла.

— И ты любишь меня, несмотря ни на что̀!

— Не дотрогивайся до меня, Карлъ, не прикасайся ко мнѣ... Пора сказать. Еслибы не эта рука,—жена твоя, быть можетъ, была бы еще жива...

— Ты лжешь на себя!

— Я не лгу.

— Ты лжешь. Это невозможно. Прошелъ почти годъ. Ты не могла бы этого вынести...

— Я вынесла, какъ видишь. Я изображала рождественскаго ангела, я цѣловала ея и твоихъ дѣтей, ласкала Лили, и тѣмъ не менѣе—я это сдѣлала.

Карлъ положилъ руку ей на плечо и заговорилъ съ нею, какъ съ больнымъ ребенкомъ. Она сама не знаетъ, что̀ говоритъ. Вѣдь доктора узнали бы, этого нельзя скрыть...

— Ты думаешь?—И она въ порывѣ отчаянія разсказала ему всю исторію этой ночи: свою молитву, свои колебанія... — Это было въ пять часовъ утра. Она умерла, и когда я съ Лили снова вошла къ ней, на ея мертвомъ лицѣ игралъ солнечный лучъ, и оно казалось живымъ.

Карлъ дрожалъ какъ въ ознобѣ. Онъ снялъ руку съ плеча Гертруды. Заговаривается она, или дѣйствительно врачи не замѣтили? Но почему она это сдѣлала? И вдругъ онъ вспомнилъ приговоръ врачей: прогрессивный параличъ, потеря разсудка.

— Вотъ почему ты... убила ее?

— Да.

Оба они молчали. За окномъ благоухала сирень и щебетали птички. Лицо Карла вдругъ побагровѣло, на лбу его вздулась жила.

— И потому, что мы когда-то любили другъ друга, ты сочла себя вправѣ вмѣшаться въ мою жизнь, устранить... другую? Если кто-нибудь имѣлъ право это сдѣлать, то развѣ только я одинъ, и то—по ея просьбѣ. Но нѣтъ! Я бы этого не сдѣлалъ.

— Я такъ и знала!

Гертруда выпрямилась, кровь прилила къ ея щекамъ.

— И ты рѣшила за меня? По какому праву? Неужели я такъ слабъ, что женщина должна устранять камни съ моего пути, чтобы я не ушибся?

— Я любила тебя, Карлъ.

— Ты любила меня и считала трусомъ, ничтожествомъ, которое пропадетъ, если у него окажется на рукахъ больная жена. Такой любви я не понимаю.

Но въ душѣ Гертруды вдругъ просвѣтлѣло. Онъ одинъ имѣлъ право... Слава Богу, что она не спросила его, что она взяла это на себя. Какъ измѣнилось его лицо, когда онъ вспомнилъ о приговорѣ врачей! Онъ не былъ бы въ состояніи вынести эту пытку.

Карлъ вышелъ изъ комнаты, но, оставшись одна, она повторяла: „Слава Богу!“ Онъ осудилъ ее за ея поступокъ; пусть онъ отвернется отъ нея, и все же она чувствуетъ, что она была права.

XIII.

Карлъ уѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ только-что открылась сецессіонная выставка. Онъ хотѣлъ забыться, разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ. Первый крикъ его возмущенной души: — „Какъ я ненавижу ее!“ — вскорѣ смѣнился состраданіемъ. Сколько она выстрадала изъ-за него и ради него! Эти годы, проведенные ею въ больницѣ! И все же она продолжала любить его. Если она и согрѣшила, то опять-таки изъ любви къ нему. Да и дѣйствительно ли она виновна? Вѣдь вскрытіе не обнаружило ничего подозрительнаго. Онъ написалъ жениху Лили — юному медику, спрашивая его: всегда ли возможно при вскрытіи опредѣлить дѣйствительную причину смерти, и дозволяется ли врачу дать безнадежно больному какое-нибудь средство, которое навсегда прекратило бы его страданія? Быть можетъ, врачи дѣйствовали заодно съ Гертрудой?

Онъ получилъ довольно сухой отвѣтъ. Молодой врачъ сообщилъ, что вскрытіе съ полною точностью устанавливаетъ причину смерти, обязанность же врача — продлить, насколько возможно, жизнь больного, какъ бы ни былъ тотъ безнадёженъ.

— Идіотъ! — сказалъ Карлъ и, презрительно засмѣявшись, смялъ письмо въ рукѣ.

Когда Лили пришла къ нему, онъ обидѣлъ ее, начавъ по-

тѣшаться надъ тупоумными эскулапами; она поняла, что тутъ нѣчто кроется, и ушла отъ него озабоченная.

Вскорѣ она получила письмо отъ жениха, въ которое было вложено письмо Карла. Она прочла его, и ей стало ясно, что рѣчь идетъ о смерти Маріи. И Гертруда! Чтò все это значитъ?

Лили старалась не думать о томъ страшномъ, чтò внезапно предстало передъ нею, но безъ причины Карлъ не сталъ бы поднимать такихъ вопросовъ. Быть можетъ, это — простое подозрѣніе? Но почему Гертруда такъ внезапно уѣхала?

Мысли дѣвушки бились въ заколдованномъ кругу, не находя себѣ исхода. Наконецъ, она пошла къ Карлу и попросила его сказать ей, чтò было съ Маріей. Онъ испуганно взглянулъ на нее.

— Ты знаешь, отчего она умерла?—спросила Лили.

— Я? — Онъ смутился и не въ состояніи былъ выдержать ея взоръ. Она показала ему письмо жениха. Онъ принужденно усмѣхнулся. Ну, да, онъ зналъ, что Маріи грозилъ прогрессивный параличъ и другое... еще болѣе ужасное. И онъ подумалъ: „Не дала ли ей сестра чего-нибудь такого?..“

— Ты знаешь, что она это сдѣлала? Ты знаешь! А я? Великій Боже, какъ я была слѣпа! Она это сдѣлала и, не будучи въ силахъ долѣе молчать, созналась тебѣ и затѣмъ перевелась въ Фарбахъ. Вотъ почему она такъ стремилась въ эту нездоровую мѣстность, гдѣ уже двѣ сестры умерли отъ тифа. А я такъ восхищалась ея мужествомъ и самопожертвованіемъ!

Лили горько разсмѣялась.

Карлъ испугался. Она отправилась ходить за тифозными? Быть можетъ, она уже сама заболѣла и лежитъ при смерти? На лбу у него проступилъ потъ, онъ схватилъ Лили за руку.

— И я восхищалась ею!—продолжала она.—Какъ я была ей благодарна за ея ласку, за ея любовь! Любовь! Ха, ха, ха! Тогда, послѣ смерти Маріи, она пришла разбудить меня. Голосъ ея дрожалъ, она назвала меня „дѣточкой“, и я обняла ее... Она приласкала меня; тою самою рукой, которою она убила мою сестру, она приласкала меня! И я была признательна ей. Я, кажется, поцѣловала ей руку. И позднѣе я была благодарна ей за каждое ласковое слово. А каждое ея слово было ложью.

Лили подняла на Карла глаза.

— И у меня также было искушеніе. Я ходила за умиравшимъ отъ истощенія ребенкомъ, котораго мать сама обрекла на голодную смерть. Ему предстояли нищета и страданія, но я — маленькій человѣкъ — не рѣшилась взять на себя роль судьбы!

Въ сознаніи своей правоты Лили выпрямилась, но Карлъ спокойно посмотрѣлъ на нее, и она потупилась и покраснѣла.

— Какъ смѣешь ты сравнивать себя съ нею? Знаешь ли ты, какую глубину терзаній пришлось ей изведать? Имѣешь ли ты о ней понятіе?

— Она убила твою жену.

— Но почему? Неужели ты думаешь, что Марія сама не была бы ей за это благодарна?

— Въ такомъ случаѣ, тебѣ остается только жениться на ней!—Холодный, острый лучъ сверкнулъ изъ глазъ Лили.

— Я такъ и сдѣлаю, если она пойдетъ за меня.

— А дѣти Маріи?

— Она будетъ для дѣтей Маріи такою матерью, какою не была бы никакая другая женщина.

— Ты такъ думаешь? Но съ той минуты, какъ она переступитъ твой порогъ, ты умрешь для меня. Я не могла бы жить вмѣстѣ съ убійцею Маріи, а я была только ея сестрою.

Карлъ улыбнулся. Онъ хранилъ въ душѣ память о Маріи, какъ о святой.

Съ Лили онъ разстался въ тотъ же день.

Они больше не увидѣлись. Онъ немедленно написалъ Гертрудѣ, что онъ понялъ и оправдалъ ее, и проситъ ее вернуться—для того, чтобы стать его женою и матерью его дѣтей.

Гертруда отвѣтила ему, что она пріѣдетъ.

„Я возвращаюсь,—писала она,—но не для того, чтобы стать теперь же твоею женой. Я буду матерью твоимъ дѣтямъ и помощницею тебѣ. И если за это время образъ Маріи ни разу не встанетъ между нами, я стану и твоею женой“.

Съ нѣм. О. Ч.

Т. Г. ШЕВЧЕНКО

ВЪ

НОВѢЙШИХЪ ИЗДАНІЯХЪ ЕГО ТВОРЕНІЙ

А всімъ намъ в-купі на земли
Единомислie подай,
І братолюбіе пошли!
Изъ „Молитвы" Т. Шевченка.

I.

Осталось всего четыре года до того времени, когда произведенія величайшаго украинскаго поэта станутъ общественной собственностью, такъ какъ Шевченко умеръ 26-го февраля 1861 г. Къ пятидесятилѣтію со дня его смерти предполагается соорудить памятникъ въ Кіевѣ. Малорусскіе ученые и литераторы уже теперь обезпокоены и другимъ не менѣе важнымъ памятникомъ поэту—критическимъ, научнымъ изданіемъ полнаго собранія его сочиненій. Всѣ предыдущія изданія за сорокъ слишкомъ лѣтъ крайне неудовлетворительны: текстъ неисправенъ и непровѣренъ, хронологія созданія отдѣльныхъ пьесъ сбивчива и невѣрна, расположеніе произведеній въ нѣкоторыхъ изданіяхъ, напр. Огоновскаго, 1893 г., произвольно и неосновательно. Во всѣхъ изданіяхъ помѣщены нѣкоторыя завѣдомо подложныя и нѣтъ многихъ извѣстныхъ произведеній кобзаря; при томъ болѣе позднѣйшія изданія вносятъ все бо́льшую путаницу и неточность въ текстъ его поэтическаго творчества. Между тѣмъ,—справедливо замѣчаютъ любители украинскаго слова,—когда черезъ четыре года всякій сможетъ воспользоваться правомъ издавать со-

чиненія Шевченка, разные предприниматели наводнятъ книжный рынокъ неисправными изданіями, а то и нелѣпыми текстами, и въ такомъ видѣ пойдутъ гулять по свѣту на долгіе годы въ невѣрномъ обликѣ созданія поэта („Нова Громада" 1906 г., № 2). Надо спѣшить съ критическимъ, научно исправленнымъ и возстановленнымъ текстомъ сочиненій Шевченка; надо скорѣе критически провѣрить текстъ, обслѣдовать его по всѣмъ рукописнымъ варіантамъ и печатнымъ изданіямъ, къ каждому произведенію присоединить всѣ необходимыя біографическія справки и комментаріи („Кіевск. Стар." 1892 г., № 2).

Кое-что уже сдѣлано для подготовки работы. Наиболѣе цѣнными въ этомъ направленіи надо признать работы А. Конисскаго „Тар. Шевченко-Грушівський", т. I и II, и его же „О варіантахъ нѣкоторыхъ сочиненій Ш.". („Записки Наук. Тов-ва Имени Шевченка", т.т. XXXIII и XXXIX; также и иныя его работы, въ другихъ томахъ „Записокъ") и послѣднее заграничное изданіе „Кобзаря" Романчука (Львовъ 1902 г.). На дняхъ появилось новое, еще болѣе полное и критическое изданіе стихотвореній Шевченка у насъ, въ Петербургѣ, подъ редакціей В. Доманицкаго.

Этотъ *новый* „Кобзарь"—самый полный изъ всѣхъ не только русскихъ, но и заграничныхъ изданій,—онъ полнѣе даже двухтомнаго пражскаго изданія 1876 г.; по сравненію же съ русскими изданіями—вдвое обширнѣе, такъ какъ въ данное изданіе вошло все, что̀ печаталось до того лишь заграницей по цензурнымъ условіямъ, а также вновь открытыя произведенія поэта и варіанты многихъ старыхъ пьесъ. Однимъ словомъ, въ новомъ изданіи мы имѣемъ *все*, что̀ пока извѣстно изъ поэмъ и стихотвореній Шевченка, кромѣ не вошедшихъ въ книгу—драмы „Назаръ Стодоля", повѣстей и двухъ поэмъ на общерусскомъ литературномъ языкѣ, автобіографическаго отрывка, дневника и писемъ. Столько же, какъ и полнота, важна въ новомъ изданіи редакціонная сторона дѣла. В. Доманицкій, при дѣятельной помощи земляковъ и почитателей Шевченковой музы, произвелъ громадную работу. Онъ провѣрилъ текстъ „Кобзаря" по собственноручнымъ рукописямъ Шевченка и использовалъ всю спеціальную литературу по исторіи текстовъ. Работа редактора происходила надъ рукописнымъ матеріаломъ Шевченковскаго отдѣла въ Черниговскомъ музеѣ В. Тарновскаго, надъ автографами Румянцовскаго музея, копіями Максимовича и т. п. Особенно цѣнными источниками исправленій и дополненій текстовъ были, прежде всего, рукописныя книжки самого Шевченка, куда вошло

все написанное въ ссылкѣ въ 1847—1850 г.г.,—это собственноручныя, такъ называемыя „захалявні“ (скрываемыя за голенищами сапогъ) четыре книжечки, которыя поэтъ тайно „мережав“ и „начиняв віршами“,—а затѣмъ новые рукописные матеріалы изъ архива Департамента Полиціи (бывшее III-е Отд.); здѣсь найдены тѣ рукописи, какія были взяты жандармами при арестѣ поэта въ апрѣлѣ 1847 года. Среди нихъ оказались точные и новые автографы варіантовъ многихъ первыхъ произведеній и тексты дотолѣ неизвѣстныхъ стихотвореній, — „Сова“, „Дівочіи ночі“, „Маленькій Марьяні“, „Три літа“ и *полный* текстъ поэмы „Іван Гус“ или „Еретик“.

Результаты кропотливой работы надъ сличеніемъ текстовъ В. Доманицкій напечаталъ въ видѣ большой статьи въ послѣднихъ нумерахъ журнала „Кіевская Старина“ за 1906 г. и въ видѣ краткихъ, но интересныхъ примѣчаній къ самому изданію „Кобзаря“. Между прочимъ г. Доманицкому удалось, при разсмотрѣніи автографовъ двухсотъ-семи стихотвореній (изъ общаго числа извѣстныхъ 215), окончательно отвергнуть двѣ пѣсни, приписываемыя Шевченку („Ой у саду, у саду“... и „Не журюсь я“) и во многихъ (до 80-ти) случаяхъ установить иную, чѣмъ прежде, болѣе достовѣрную хронологію созданія того или иного стихотворенія.

Таковъ характеръ критической работы надъ текстомъ, отразившійся на новомъ, наиболѣе полномъ изданіи „Кобзаря“. Для насъ особенно важны и цѣнны тѣ произведенія поэта, какія были до того подъ запретомъ, а потому малоизвѣстныя или совсѣмъ неизвѣстныя не только широкой публикѣ, но и многимъ любителямъ украинской поэзіи. Нечего говорить, что этихъ сочиненій не касалась литературная критика, по крайней мѣрѣ въ Россіи. Между тѣмъ, до сихъ поръ Шевченко, какъ поэтъ, былъ извѣстенъ читателямъ лишь въ блѣдныхъ и неточныхъ очертаніяхъ. Можно сказать, что прежде „Кобзаремъ“ могли преимущественно восхищаться любители украинскаго художественнаго слова: они дорожили каждымъ выраженіемъ поэта, любили его, но только по намекамъ и отрывкамъ, дополняя художественные образы, могли опредѣлять основныя мысли и чистыя идеи „Кобзаря“. Теперь, когда поэтъ вырисовывается передъ нами во весь ростъ, его творчество окончательно пріобрѣтаетъ болѣе чѣмъ художественное значеніе: не одни любители украинскаго слова, но и всѣ мыслящіе люди имѣютъ возможность воспринять и удивляться высокимъ общечеловѣческимъ мыслямъ и нравственнымъ идеямъ, провозглашеннымъ и выраженнымъ въ

поразительно художественныхъ формахъ поэтомъ, простымъ украинскимъ крестьяниномъ—„крѣпакомъ“ по происхожденію и судьбѣ своей.

Въ послѣдующихъ строкахъ мы сообщимъ читателю о крупнѣйшихъ малоизвѣстныхъ произведеніяхъ поэта, и попутно подѣлимся нѣкоторыми бѣглыми замѣчаніями и соображеніями; это будутъ только намеки на литературную характеристику, далекіе отъ попытки критической оцѣнки новыхъ для русской публики созданій поэтическаго генія великаго кобзаря.

II.

Однимъ изъ самыхъ раннихъ по времени, новыхъ для русскаго читателя произведеній Шевченка является большое запретное стихотвореніе „Сон“ („У всякого своя доля“... 1844 г.), названное авторомъ „комедіей“; это — не что̀ иное, какъ сатира, полная сарказма и нервныхъ нападокъ на „власть имущихъ“. „Комедія“ сложна по изображаемымъ картинамъ русской жизни и оригинальна по замыслу и формѣ. Какой-то невѣдомый духъ, въ видѣ „совы“, носитъ поэта въ воздушномъ пространствѣ надъ родною страною. Такъ „Эллисъ“ носила Тургенева на берега Тибра, Сены и Волги, надъ Шварцвальдомъ и русскимъ уѣзднымъ городомъ („Призраки“, 1863 г.). И дивныя чудеса открываются поэтическому взору кобзаря.

Роскошное стоитъ село въ своей идилической красѣ. И дальше летитъ отъ него поэтъ со своимъ призракомъ, и передъ нимъ холодная Сибирь, съ ея ужасами, муками каторжной неволи и горя.

Слышится поэту полная тоски пѣсня тѣхъ, кто когда-то воздвигалъ „Парадизъ“ Петра I и строилъ „Сѣверную Пальмиру“. Поетъ о невѣдомомъ, незнаемомъ, насильно согнанномъ отовсюду съ далекаго юга рабочемъ людѣ — украинскихъ казакахъ—гетманъ Полуботко:

Із города, із Глухова
Полки виступали
З за̀ступами на линію.
А мене послали
У столицю з козаками
Наказним гетьма̀номъ.
О, Царю!
Що ти зробив з козаками?

Болота засипав
Благородними кістками,
Поставив столицю
На іх трупах катôваних...

Это напоминаетъ Некрасова:

Прямо дороженька: насыпи узкія,
Столбики, рельсы, мосты,
А по бокамъ-то все косточки русскія...

Или вотъ еще страшная пѣснь толпы мертвецовъ—„братьевъ твоихъ мужиковъ“, что „обгоняютъ дорогу чугунную и сторонами бѣгутъ“...

— „І знов лечу, земля чорніе, дрімае розум, серце мліе“,— говоритъ Шевченко,—и вотъ передъ нимъ самъ „Парадизъ“. Пушкинъ, любившій „Петра творенье“ за „строгій, стройный видъ“, береговой гранитъ, опредѣляющій „Невы державное теченье“, особенно любовался „прозрачнымъ сумракомъ задумчивыхъ ночей“, ихъ „безлуннымъ блескомъ“...

Но иныя впечатлѣнія сохранилъ о столицѣ Тургеневъ въ „Призракахъ“. „Эллисъ“ несетъ его надъ городомъ въ предразсвѣтномъ туманѣ. „Слуша-а-а-ай!“ раздался въ ушахъ моихъ протяжный крикъ. „Слуша-а-а-ай!“ словно съ отчаяніемъ отозвалось въ отдаленіи. „Слуша-а-ай!“ замерло гдѣ-то на концѣ свѣта. Я встрепенулся. Высокій золотой шпиль бросился мнѣ въ глаза; я узналъ Петропавловскую крѣпость. Сѣверная блѣдная ночь! Да и ночь ли это? Не блѣдный, не больной ли это день?.. Такъ вотъ Петербургъ! Да, это онъ, точно. Эти пустыя, широкія, сѣрыя улицы; эти сѣро-бѣловатые, жолто-сѣрые, сѣро-лиловые, оштукатуренные и облупленные дома, съ ихъ впалыми окнами, яркими вывѣсками, желѣзными навѣсами надъ крыльцами и дрянными овощными лавчонками; эти фронтоны, надписи, будки, колоды; золотая шапка Исаакія; ненужная, пестрая биржа; гранитныя стѣны крѣпости и взломанная деревянная мостовая; эти барки съ сѣномъ и дровами; этотъ запахъ пыли, капусты, рогожи и конюшни, эти окаменѣлые дворники въ тулупахъ у воротъ, эти скорченные мертвеннымъ сномъ извозчики на продавленныхъ дрожкахъ,—да, это она, наша Сѣверная Пальмира. Все видно кругомъ; все ясно, до жуткости четко и ясно, и все печально спитъ, странно громоздясь и рисуясь въ тускло-прозрачномъ воздухѣ“ (гл. XXII).

За двадцать лѣтъ до того украинскій пѣвецъ со своимъ при-

зракомъ пронесся надъ городомъ. И тогда также „въ городі, мов журавлі замуштруьалі москалі (солдаты) нагодовані, обуті, і кайданами окуті", а „у долині, мов у яні, на багнищі город мріе, над ним хмарою чорвіе туман тяжкий. Палати, палати по над тихою рікою, а берег обшитий ввесь камінням". Но вотъ:

Сонечко вставало;
А я стоявъ, дивувався.
Уже вбогі ворушились,
На трудъ поспішали,
А москалі на роспуттяхъ
Уже муштрувались...
От і братія сипвула
У сенат писати,
Та підписувать, та драти
І з батька, и з брата...

Это тѣ земляки-малороссы, которые много потрудились надъ созиданіемъ бюрократическаго періода русской исторіи, начиная съ архипастырей Петровскаго времени и оканчивая тѣми, о которыхъ другой великій украинецъ Гоголь говоритъ, какъ о „низкихъ малороссіанахъ, презрѣнныхъ и жалкихъ твореніяхъ, которые выдираются изъ дегтярей, торгашей, наполняютъ, какъ саранча, палаты и присутственныя мѣста, дерутъ послѣднюю копѣйку со своихъ же земляковъ, наводняютъ Петербургъ ябедниками, наживаютъ, наконецъ, капиталъ и торжественно прибавляютъ къ фамиліи своей, оканчивающейся на *о*, слогъ *въ*" („Старосвѣтскіе помѣщики").

Таковъ „Сон" Шевченка—нѣсколько громоздкій, невыдержанный, неотшлифованный, съ излишними, быть можетъ, прибаутками и ужимками, „викрутасами", какъ говорятъ украинцы, но произведеніе—оригинальное, смѣлое, истинно-желчная „комедія"-сатира.

III.

Одинъ разъ Шевченко внимательно остановился на темахъ, нервно интересовавшихъ русское общество въ первой половинѣ XIX-го вѣка, разработанныхъ и великими русскими писателями, и ихъ младшими собратіями,—на темахъ о завоеваніи Кавказа и жизни горцевъ: тамъ, въ горахъ, многія десятилѣтія текли рѣки крови и русскихъ завоевателей, и защитниковъ родины, ея вольной старины. Пушкинъ два раза былъ на Кавказѣ, Лермонтовъ самъ принималъ участіе въ кровавой борьбѣ; Шевченко

не видалъ Кавказскихъ горъ, но зналъ, что̀ тамъ происходитъ: стихотвореніе его „Кавказъ“ (1845 г.) есть посланіе къ другу—Якову де-Бальмену, впослѣдствіи погибшему въ битвѣ съ черкесами. Не останавливаясь на прекрасныхъ описаніяхъ кавказской природы и у Пушкина, и у Лермонтова, мы укажемъ только на вопросъ о самихъ горцахъ и ихъ жизни въ страдные годы борьбы за родную волю. Впечатлѣнія Пушкина носятъ нѣсколько идиллическій характеръ. Припомните его знаменитое описаніе быта и нравовъ горцевъ въ „Кавказскомъ плѣнникѣ“ („Въ аулѣ на своихъ порогахъ“... „Но европейца все вниманье“...) или его „Кавказъ“ (заглавіе то же, что̀ и у Шевченко).

Только въ „Путешествіи въ Арзрумъ“ отмѣчено Пушкинымъ, что „черкесы насъ ненавидятъ. Мы вытѣснили ихъ изъ привольныхъ пастбищъ; аулы ихъ разорены, цѣлыя племена уничтожены“, и т. д. Но вниманіе путешественника преимущественно сосредоточено на паденіи среди туземцевъ рыцарскаго духа, ихъ хитрости, злодѣйствахъ, безчеловѣчіи и фанатизмѣ, необходимости разоруженія и христіанизированія горцевъ. Лермонтовъ вполнѣ опредѣленно выясняетъ свои отношенія къ борьбѣ на Кавказѣ и къ завоеванію края въ стихотвореніи „Споръ“. Съ дѣтства мы знаемъ высокохудожественное изображеніе заснувшаго Востока, самонадѣяннаго Казбека, умудреннаго опытомъ, сѣдовласаго Шата—апоѳеозъ русской всепобѣждающей военной силы:

И томимъ зловѣщей думой,
Полный черныхъ сновъ,
Сталъ считать Казбекъ угрюмый,
И не счелъ враговъ.
Грустнымъ взоромъ онъ окинулъ
Племя горъ своихъ,
Шапку на̀ брови надвинулъ
И на вѣкъ затихъ.

Но въ томъ-то и состоялъ роковой и трагическій ужасъ, что ни Казбекъ, ни Кавказъ не затихли. Этого вопроса о борьбѣ за свободу родины и живучести любви къ ней коснулся именно украинскій кобзарь [1]). Идея стихотворенія „Кавказъ“ выражена

---

[1]) Любопытное сравненіе вызываетъ сопоставленіе извѣстныхъ стихотвореній „Пророкъ“ Пушкина и Лермонтова съ „Пророкомъ“ Шевченка (1848 г.). Всѣ три пьесы (приблизительно равныя по объему) носятъ слѣды впечатлѣнія библейскаго пророчества. Въ пьесѣ Шевченка есть отраженіе характера „Пророка“ Пушкина въ первыхъ пяти стихахъ, а отраженіе того, что̀ говоритъ о проповѣди пророка Лермонтовъ, находимъ далѣе, а также въ словахъ: „люде, род лукавий, Господнюю святую славу розтлили... і мужа свята на стогнах ка̀менем побили“.

имъ кратко въ эпиграфѣ изъ пророка Іеремія: „Кто дастъ главѣ моей воду и очесомъ моимъ источникъ слезъ, и плачуся и день, и нощь о побіенныхъ“. Не побѣдители, а „побіенные“ захватываютъ умъ и сердце поэта.

За горами гори, хмарою повиті,
Засіяні горем, кровію политі!..

Хорошо извѣстно, откуда страстная, всеохватывающая любовь Шевченка вообще къ обездоленнымъ „нищимъ наѣздникамъ“, къ „побіеннымъ“ ради особыхъ соображеній, ничего общаго не имѣющихъ съ „солнцемъ правды“, которою завоеватели думали просвѣтить „слѣпыхъ“, некультурныхъ горцевъ: передъ мысленнымъ взоромъ украинскаго поэта всегда, во всю жизнь, во весь его недолгій вѣкъ стояла его собственная горячо любимая родина, „світ тихий, край милий“, „полàтана“, „заплакана мати“, безталàнна“, „сердешна небòга“ Украïна, „любий край, неповѝнний“...

IV.

Шевченка много разъ упрекали и упрекаютъ до сихъ поръ въ излишнемъ патріотизмѣ, въ безудержномъ шовинизмѣ и національной ненависти, указывая на рядъ отдѣльныхъ произведеній и на рѣзкія выраженія и грубоватыя выходки въ тѣхъ или иныхъ стихотвореніяхъ. Несмотря на всю сложность этого вопроса, мы попытаемся сдѣлать нѣсколько замѣчаній и передать нѣкоторыя соображенія, опять-таки ссылаясь преимущественно на тѣ сочиненія кобзаря, которыя теперь только стали общимъ достояніемъ.

Кровавыя сцены въ „Гайдамакѣ“ всѣмъ извѣстны. Онѣ сильны своею смѣлостью и слабы своею рѣзкостью. Однако, даже изображая жестокія сцены народной расправы надъ поляками-панами и евреями, ихъ сателлитами, поэтъ далекъ отъ того, чтобы наслаждаться и сочувствовать кровавой драмѣ: два раза встрѣчаемъ мы въ поэмѣ перерывы и среди разсказа читаемъ трогательныя лирическія строфы о томъ, какъ бы можно было счастливо ужиться въ благодатномъ краѣ, еслибы отношенія съ обѣихъ сторонъ не были проникнуты такою исключительностью и нетерпимостью. Что же касается идеализаціи гайдамачества, то не надо забывать, насколько свойственна она была не только современникамъ, землякамъ поэта, и не только поэтическимъ натурамъ и экзаль-

тированнымъ патріотамъ: не безъ доли справедливости нѣкоторые лучшіе изслѣдователи данной эпохи видѣли и видятъ въ гайдамачинѣ рѣзкій революціонно-демократическій протестъ, разыгравшійся лишь поближе къ азіатскому востоку да въ меньшемъ масштабѣ, чѣмъ все то, что̀ черезъ четверть вѣка потомъ пережила французская провинція во время революціоннаго террора. Нельзя за осложненіемъ народнаго украинскаго возстанія религіозно-національнымъ элементомъ не видѣть въ немъ широкаго мужицкаго, до крайнихъ предѣловъ демократическаго, движенія, нельзя за неудачу протеста отрицать его глубокаго соціально-экономическаго значенія. Эта сторона гайдамачины и привлекала кобзаря. Въ „Холодномъ Ярѣ“ (1845 г.) онъ возражаетъ тѣмъ, кто сами были крѣпостниками и утверждали, что „гайдамаки— не воины, а разбойники, воры, пятно въ нашей исторіи“...

Вообще, очень любопытно сопоставленіе мечтаній и революціонныхъ настроеній поэта въ сороковые годы съ тѣми попытками революціонныхъ организацій, которыя были созданы на югѣ „народниками-бунтарями“ въ семидесятые годы русской революціи. Совпаденіе думъ Шевченка съ дѣятельностью пропагандистовъ замѣчательно, аргументы ихъ и эмоціи до чрезвычайности близки. Прочтите любыя страницы изъ воспоминаній (напр., Дебогорій-Мокріевича) о „хожденіи въ народъ“, агитаціи и подыманіи среди него бунтовъ, и вы почувствуете, что это какъ будто думы озлобленнаго поэта, переходящія въ дѣло, поэтическіе образы, превращающіеся въ реальную дѣйствительность.

Деж подівся въ яр глибо̀кій
Прото̀птаний шляху?
Чи сам заріс темним лісом?
Чи то загати́ли
Нові кати, щоб до тебе
Люде не ходили
На пора̀ду: що ім діять
З добрими панами
Людоідами лихи́ми,
З новими ляхами?

Страстный патріотизмъ у Шевченка иногда выражался еще въ недоброжелательствѣ поэта къ отдѣльнымъ историческимъ лицамъ, преимущественно къ Богдану Хмельницкому, Петру I и Екатеринѣ II, которыхъ онъ считалъ главными виновниками несчастій его родины, и въ гнѣвныхъ укорахъ — „москалямъ-чужім людямъ“ и „ляхам лукавим“. Такое настроеніе особенно отразилось въ „Подражаніи Осіі“, „Сні“, „Уржавці“, мистеріи

„Великий Лех“, въ „Субботові“, „Як би то ти, Богдане пьяний“, „Заступала чорна хмара“ и др. произведеніяхъ поэта. Нетерпимость сказывалась, по большей части, въ рѣзкой формѣ отдѣльныхъ выраженій—крѣпкое, „мужицкое“ слово часто раздавалось изъ его негодующихъ на горькое былое, жаждущихъ лучшаго будущаго устъ.

Однако, историческое толкованіе кобзаремъ фактовъ далеко не носитъ характера чего-то исключительнаго для времени, въ которое онъ жилъ. Больше того: по утвержденію ученаго историка Украины, мы въ произведеніяхъ Шевченка встрѣчаемъ мѣста, гдѣ находимъ предугадываніе того, что̀ установлено было впослѣдствіи исторической научной критикой („Чт. Общества Нестора“, кн. 2-я). Кромѣ того, надо помнить, что нарушеніе вѣрности исторической перспективы, притомъ въ поэтическихъ образахъ, является у кобзаря чаще всего не результатомъ одного „излишняго“ патріотизма и отсутствія широкаго систематическаго образованія, но и слѣдствіемъ тогдашняго состоянія историческаго знанія. Большинство поэмъ и стихотвореній историческаго и полемическаго характера написаны поэтомъ до 1847 г., когда въ украинской исторіи господствовалъ „романтизмъ“ Бантышъ-Каменскаго и „патріотизмъ“ „Исторія Руссовъ“, подложность которой доказана была много лѣтъ спустя послѣ смерти поэта. Кромѣ этихъ источниковъ, у Шевченка могла быть подъ руками только развѣ компилятивная лѣтопись Рубана и недостовѣрная „Исторія Малороссіи“ Маркевича. А много ли правды въ исторической перспективѣ и изображеніи историческихъ фактовъ въ патріотической поэмѣ „Полтава“ Пушкина, пользовавшагося тѣми же источниками по малорусской исторіи?

Указывая на причины рѣзкихъ проявленій патріотизма и націонализма въ произведеніяхъ Шевченка, мы очень далеки, однако, отъ оправданія украинскаго шовинизма болѣе близкаго къ намъ времени. Грѣхъ таить, но бывали иногда тяжелые моменты въ жизни малорусскаго народа и интеллигенціи, когда общегосударственный гнетъ слишко̀мъ давалъ себя знать обиднымъ, оскорбительнымъ презрѣніемъ ко всему прошлому и всевластнымъ издѣвательствомъ надъ горькимъ настоящимъ, когда націонализмъ—правда, не часто—прорывался въ мучительномъ воплѣ, судорожномъ движеніи, зубовномъ скрежетѣ, крикѣ негодованія и нетерпимости. Но то, что̀ находитъ себѣ оправданіе въ запекшихся устахъ страдальца-кобзаря, никакого оправданія не имѣетъ для его потомковъ, которыхъ и прошлая исторія, и настоящая борьба, и будущая правда должны заставить навсегда

отказаться отъ національной гордыни, безплоднаго шовинизма и губительной для всякой народной свободы исключительности.

О любви Шевченка къ родинѣ надо сказать, что она была глубоко, тѣсно спаяна не съ узко-націоналистическою ненавистью ко всякому общественно-экономическому гнету: не поляка и великоросса ненавидѣлъ онъ, а ненавидѣлъ пана, чиновника, кулака, духовное лицо, безъ различія ихъ національнаго происхожденія, поскольку они являлись народными поработителями, онъ только—„люте *панство* проклинàв“ во всѣхъ его видахъ и явныхъ, и тайныхъ.

Извѣстны стихотворенія Шевченка — дружескія посланія къ полякамъ Эд. Желеховскому („Сові“), Б. Залѣсскому. Онъ говоритъ: „не знаю, як тепер ляхй живуть з своїми вольними братами, а ми браталися з ляхами, поки́ не розъеднàли нас“ ксендзы, драгуны, насильники-паны...

Біографическія свѣдѣнія о Шевченкѣ, его дневникъ и посвященія свидѣтельствуютъ о тѣсной дружбѣ кобзаря не только съ земляками, но и съ великоруссами, нѣмцами и всякаго племени людьми. Характерно, что ко всѣмъ врагамъ самовластія, произвола, насилія, угнетенія онъ относился съ глубокой симпатіей, а страданія за убѣжденія, за волю и правду вызывали въ немъ глубокое преклоненіе передъ душевнымъ величіемъ мучениковъ и гонимыхъ: прочтите, для примѣра, его поэму „Неофіти“ или отрывокъ „Юродѝвий“, изъ предполагаемой поэмы „Сатрап і дервиш“.

Внимательное наблюденіе и вдумчивое отношеніе къ произведеніямъ кобзаря, умѣнье отбросить все случайное, наносное, переходящее въ настроеніяхъ текущей жизни, въ выраженіяхъ мучительной озлобленности поэта—помогутъ читателю стать на вѣрный путь и опредѣлить, что̀ являлось „зерномъ правды“ въ его страстномъ патріотизмѣ.

И далеко не узко національная, исключительно украинская точка зрѣнія опредѣляла любовь Шевченка къ родному краю, своему племени и угнетенному народу,—вопросы широкаго національизма, исключительно на демократической основѣ, всегда и вездѣ были близки его душевному складу и художественному настроенію. Для подобнаго утвержденія достаточно данныхъ мы можемъ найти въ поэмѣ кобзаря „Еретик“. Поэма эта, въ трехъ частяхъ, была написана въ 1845 г. и посвящена извѣстному славянскому дѣятелю П. Шафарику, которому и доставлена вмѣстѣ съ „Посланіемъ“ поэта къ ученому. До сихъ поръ было извѣстно изъ поэмы лишь это посланіе, первая глава и нѣсколько испор-

ченный текстъ второй главы. Теперь полувѣковые розыски закончились удачей и найдена вся поэма, цѣликомъ, въ наиболѣе исправной редакціи. Самъ Шевченко, послѣ ареста 1847 г., не видѣлъ текста послѣдней главы поэмы и не могъ обработать это одно изъ раннихъ своихъ произведеній: вотъ почему найденная рукопись не оправдала долгихъ ожиданій, и конецъ поэмы слабѣе начала ея. Но если съ художественной стороны можно отмѣтить въ произведеніи нѣкоторую аляповатость, отсутствіе отдѣлки, то со стороны содержанія и идейности поэма весьма цѣнна для характеристики міровоззрѣнія кобзаря. Извѣстное первое на континентѣ Европы серьезное демократически-національное и религіозное движеніе гуситовъ, съ окраской соціально-экономическаго протеста, находитъ въ поэтѣ глубочайшія симпатіи. Исторія Гуса служитъ художнику прекрасной канвой для выраженія тѣхъ его славянофильски-федералистическихъ идей, которыя лежали въ основѣ программы Кирилло-Меѳодіевскаго братства, разгромленнаго въ 1847 г., когда Костомаровъ, Кулишъ и др., а въ ихъ числѣ и самъ кобзарь, пошли въ ссылку и изгнаніе. Иванъ Гусъ, его рѣчи и „Констанцскій соборъ" въ нѣкоторыхъ деталяхъ напоминаютъ позднѣйшія стихотворенія Ап. Майкова,—такъ описаніе пышнаго собранія на Констанцскомъ соборѣ „баронов, герцогів и дюків, війска, псарів, герольдів, шинкарів і трубадурів" совпадаетъ съ описаніемъ величественнаго съѣзда на „Клермонтскій соборъ", а судъ надъ еретикомъ невольно вызываетъ картину констанцскаго судилища въ „Приговорѣ". Послѣ сожженія Гуса,—говоритъ Шевченко,—„погас огонь, дунув вітер, попіл розвіяв"...

V.

Останавливаться на изображеніи Шевченкомъ крестьянской жизни, ея большого горя и малой радости, на картинахъ сельской природы, деревенской правды и зла,—значитъ пытаться дать полную общую характеристику почти всего творчества поэта, что не входитъ въ задачи настоящей замѣтки. Но мы не можемъ обойти молчаніемъ одного крупнаго произведенія кобзаря, въ былое время тоже запретнаго въ самой существенной своей части, начинающагося словами обращенія: „Як би ви знали, паничі". Это—сильное, написанное кровавыми строками изображеніе такъ называемой „деревенской идилліи",—„пріюта спокойствія, трудовъ и вдохновенья", гдѣ „вездѣ подвижныя картины", „вездѣ

слѣды довольства и труда“. Съ негодованіемъ отвергаетъ великій пѣвецъ мужицкаго горя всѣ подобныя панскія буколики...

Самое ужасное, что̀ сильно хватало за сердце, ударяло сразу по всѣмъ душевнымъ струнамъ, постоянно влекло къ себѣ мысль поэта,—это судьба дивчины или женщины, ставшей матерью, по любви ли, по насилію, и незаконнорожденнаго — „байстрюка“. Надо сказать, что во всемъ творчествѣ Шевченка нѣтъ слѣдовъ „любовной“ лирики, какою богата поэзія большинства поэтовъ. Его любовныя, сердечныя посланія и обращенія носятъ своеобразный характеръ, не имѣющій ничего общаго съ „эротической музой“ другихъ поэтовъ. Но если въ мірѣ такъ называемой „неживой“ природы для него ничего не было милѣй своей „рідной Украіни“ и „широкого Дніпра“, то въ мірѣ живого для этого вѣчнаго холостяка не было ничего выше, чище, лучезарнѣе, величественнѣе, ничего болѣе святого, чѣмъ мать — „преправедная мати“.

Лучшія и по художественности образовъ, и по силѣ выраженія, и по формѣ созданія—именно тѣ крупныя и небольшія пьесы, въ которыхъ поэтъ разсказываетъ о вѣчно трогательной судьбѣ матери, особенно если горе материнское достигаетъ невыносимой боли и трагическаго страданія, благодаря человѣческой неправдѣ, злобѣ, насилію и безсердечію, когда женщина становится матерью „безбатченка“, какъ говоритъ кобзарь. Мы только напомнимъ о запечатлѣвшихся навсегда образахъ дѣвушки-Катерины, полюбившей и брошенной „москалемъ“, и „Наймички“-Ганны, подбросившей своего сына бездѣтнымъ старикамъ, поступившей къ нимъ батрачкой, выкормившей, выведшей въ люди сына, дождавшейся внуковъ и только на смертномъ одрѣ, за мигъ до праведной кончины, признавшейся, что она, наймичка,—его мать.

Но апоѳеозомъ идеи материнства является совершенно невѣдомая до сихъ поръ у насъ поэма „Марія“.

VI.

Тѣ немногія произведенія Шевченка, на которыя мы обратили особенное вниманіе читателей (нами не исчерпано и половины новаго матеріала, какой даетъ послѣднее изданіе „Кобзаря“), почти всѣ были созданы поэтомъ до ссылки 1847 года — „Сон“, „Кавказ“, „Іван Гус“, „Холодний яр“ и др.; лишь одно — „Як би ви знали, паничі“ — написано въ 1850 году;

послѣ этого обстановка жизни поэта-солдата стала совершенно невозможной для какого бы то ни было творчества. Ужасныя условія ссылки, рѣдкой по продолжительности и суровости даже для русскихъ писателей, уничтожили и исковеркали силу даннаго ему Богомъ таланта. Возвратился онъ изъ ссылки въ 1858 году совершенно разбитымъ. По словамъ біографа кобзаря, онъ былъ заключенъ въ темницу веселымъ, бодрымъ, тридцатитрехлѣтнимъ здоровымъ мужемъ, съ густыми русыми волосами, а вернулся изъ ссылки больнымъ, хилымъ, сивоусымъ, совершенно лысымъ, надорваннымъ человѣкомъ. Въ немногіе оставшіеся годы — менѣе трехъ лѣтъ прожилъ поэтъ на волѣ—едва возстановились силы кобзаря. Онъ возвратился къ прежнему постоянному творчеству, но только временами былой душевный подъемъ, энергія мысли, свободное поэтическое вдохновеніе, полное художественнаго проникновенія, охватывали Шевченка. Смерть, вынесенная изъ азіатскихъ степей, стояла за плечами и скоро уложила его въ могилу тамъ, на „Вкраїні милій, де лани широкополі, і Днiпро, і кручи“ и „де чути, як реве ревучий“.

Къ моментамъ самаго высокаго поэтическаго экстаза въ этотъ послѣдній періодъ творчества несомнѣнно относится время созданія упомянутой нами поэмы „Марія“ (ноябрь 1859 года).

Эта поэма—своего рода акаѳистъ Дѣвѣ Маріи, переложенный въ поэтическіе образы и чарующіе звуки искренно любящаго и глубоко вѣрующаго сердца. Можно смѣло признать за этимъ прекраснымъ художественнымъ произведеніемъ первое мѣсто въ ряду всѣхъ другихъ созданій поэта: въ „Маріи“ Шевченко достигъ самой высшей точки развитія своего поэтическаго таланта; въ ней нашли полное выраженіе во взаимномъ гармоническомъ сочетаніи характернѣйшія и лучшія стороны художественнаго генія кобзаря. Съ тактичностью истинно великаго художника онъ устранилъ всѣ рѣзкія, шероховатыя черты изъ своего произведенія, опустилъ звучныя строфы послѣдняго куплета ради цѣльности впечатлѣнія и нерушимаго сохраненія идеи поэмы, любовно обработалъ отдѣльныя части пьесы и далъ намъ образецъ творчества недосягаемой силы, простоты и величія. Ни одного лишняго слова, ни одной лишней сцены... Жалѣешь только, что поэтъ кратко говоритъ о годахъ проповѣди Христа, но еслибы это было дано въ поэмѣ, то создалась бы не пѣсня о мукахъ и страданіяхъ Матери, а гимнъ великимъ подвигамъ Сына. Поэзія апокрифическихъ сказаній и духовныхъ виршей съ первыхъ же словъ — „все упованіе мое“ — охватываетъ читателя. Марія — простая „наймичка“, работница у столяра Іосифа. Разсказъ о

ея непорочной, трудовой жизни и идиллическая картина назаретянскаго счастья напоминаютъ Ренановскія описанія природы и житейской обстановки на берегахъ Тиверіадскаго озера. Ничего грубаго, ничего кощунственнаго не вноситъ въ эту идиллію появленіе „благовістителя“, позже „за волю рбспятого мужа“. Дальнѣйшія жанровыя картины брака хозяина съ наймичкой, путешествія ихъ въ Виѳлеемъ, рожденія Спасителя, бѣгства и жизни святого семейства въ Египетъ, возвращенія въ Назаретъ, дѣтской дружбы Христа и Іоанна Крестителя, первыхъ шаговъ обученія Ребенка столярству и грамотѣ, путешествія въ Іерусалимъ на „ярмарку“ и проповѣдь Христа-дитяти въ синагогѣ— это изящнѣйшія миніатюры фламандской живописи на религіозныя темы, съ чудными описаніями природы. Поэма оканчивается обращеніемъ къ св. Дѣвѣ-Маріи.

Игн. Житецкій.

ПРАВЫЯ ПАРТІИ

и

ПАТРІОТИЗМЪ

Наши „правыя“ партіи большею частью сознательно неправы по отношенію къ народу и зато щеголяютъ преувеличенною правотою по отношенію къ государственной власти, къ правительству и старому режиму. Онѣ отрицаютъ или умаляютъ народныя права, смѣются надъ нуждами и интересами крестьянства, создаютъ на мѣсто великаго русскаго народа свой особый маленькій „истинно-русскій народъ“ и низводятъ монархическую идею до степени простого орудія своихъ партійныхъ цѣлей. Онѣ взяли въ свое исключительное пользованіе самыя громкія и авторитетныя слова политическаго лексикона — государственность, патріотизмъ, національность, отечество, верховная власть, родина, — и до того извратили ихъ смыслъ, что обычное употребленіе ихъ становится уже неудобнымъ для большинства порядочныхъ людей. Въ устахъ правыхъ даже слово „Россія“ означаетъ лишь современную русскую администрацію; „все русское“ — совпадаетъ для нихъ съ русскимъ чиновничествомъ, государственность исчерпывается даннымъ правительствомъ, патріотизмъ сводится къ холопской преданности начальству, національное чувство выражается лишь въ подавленіи національностей, отечество и родина совершенно отдѣляются отъ понятія о народѣ, верховная власть связывается съ идеями „русскаго собранія“ и „союза русскаго народа“, а армія рисуется въ видѣ независимой отъ народа и враждебной ему силы, предназначенной спеціально для охраны интересовъ правящаго класса.

При помощи подобныхъ извращеній и подтасовокъ, создается какая-то искусственная политическая атмосфера, въ которой представители нашихъ правыхъ партій чувствуютъ себя полными хозяевами положенія. Весь нашъ современный кризисъ истолковывается ими какъ результатъ внутренней смуты, вызванной преступными усиліями враговъ отечества; отсюда прямой положительный выводъ: нужно подавить эту смуту во что̀ бы то ни стало, не стѣсняясь въ выборѣ средствъ. Съ подавленіемъ смуты, возстановится авторитетъ власти, возвысится государственный кредитъ, упрочится единство и могущество имперіи,— и Россія будетъ спасена. Цѣлый рядъ событій вычеркивается при этомъ изъ памяти и сознанія публики; замалчивается вопросъ о томъ, кто довелъ Россію до позора Мукдена и Цусимы, кто обезсилилъ и обезславилъ ее, кто разорилъ ея финансы и заставилъ волноваться и негодовать смиреннѣйшіе классы населенія. И нашлись люди, готовые забыть эти великіе грѣхи самодержавной бюрократіи и приписать возникшую смуту не имъ, а постороннимъ, болѣе или менѣе случайнымъ обстоятельствамъ, которыя, будто бы, могутъ быть устранены мѣрами насилія и безпощадной репрессіи. Та самая бюрократическая власть, которая своимъ многолѣтнимъ безконтрольнымъ хозяйничаньемъ подвергла Россію всѣмъ ужасамъ внѣшнихъ пораженій и внутренней анархіи, призывается лечить больной организмъ русскаго государства старыми, давно извѣданными военно-полицейскими способами борьбы съ оппозиціею.

Искоренить неудовольствіе и протесты народа противъ дурной системы управленія путемъ систематическихъ и непреклонныхъ насилій — такова задача, возлагаемая на власть консерваторами. Для спасенія государства, разстроеннаго безотвѣтственными правителями, предлагается диктатура тѣхъ, которые съ наибольшею полнотою воплощаютъ въ себѣ старый духъ беззаконія и произвола. Еще не такъ давно одна распространенная газета, говоря о нашемъ бюджетѣ, утверждала, что „еслибы явился генералъ Ивановъ, который не законами, а просто оружіемъ и кровью подавилъ бы смуту, то именно потому, что смута была бы раздавлена, завтра же нашъ государственный кредитъ поднялся бы и постепенно пришелъ бы въ прежнюю норму“ („Новое Время“ отъ 26-го марта). Эти циническія слова предполагаютъ, съ одной стороны, что у насъ возможны генералы, которые поведутъ армію въ бой противъ собственнаго народа, а съ другой — что можно оружіемъ и кровью уничтожить народную оппозицію противъ дурного управленія. Смута

есть не что иное какъ оппозиція въ различныхъ ея формахъ,— а оппозиція господствуетъ въ русскомъ обществѣ и народѣ по весьма реальнымъ причинамъ, какъ неопровержимо доказали выборы въ первую и во вторую Государственную Думу. Оппозиція обнимаетъ всю прогрессивную часть русскаго общества, значительнѣйшую часть такъ называемой интеллигенціи, литературы и журналистики, почти всю университетскую молодежь; — какимъ же образомъ могъ бы уничтожить эти оппозиціонные элементы проблематическій генералъ Ивановъ? Истребить передовые классы русскаго общества, прогрессивныхъ дѣятелей земскаго и городского самоуправленія, литературы и журналистики, представителей радикальныхъ студенческихъ организацій и т. п., оставивъ въ живыхъ лишь скромныхъ обывателей, не лѣвѣе октябристовъ? Не это ли значитъ, на языкѣ реакціонныхъ террористовъ, „*просто* оружіемъ и кровью подавить смуту“? Но если дѣло дойдетъ до истребленія извѣстной части общества, то задача окажется далеко не столь простою, какъ она представляется „Новому Времени“. Во-первыхъ, сами истребляемые не дадутъ себя рѣзать, какъ барановъ, а воспользуются правомъ необходимой обороны и будутъ въ свою очередь по мѣрѣ силъ истреблять истребителей, причемъ легко могъ бы пострадать и самъ нововременскій генералъ Ивановъ. Во-вторыхъ, каждый успокоенный по рецепту „Новаго Времени“ оставитъ послѣ себя братьевъ, сыновей, родственниковъ, которые неизбѣжно увеличатъ собою армію недовольныхъ, и смута будетъ рости и распространяться вширь и вглубь, вмѣсто того, чтобы исчезнуть подъ вліяніемъ истребительныхъ диктаторскихъ мѣръ. Въ-третьихъ,—во имя какого права или государственнаго принципа могутъ выступить въ походъ противъ большинства русскаго общества и народа предпріимчивые генералы Ивановы? Во имя сохраненія бюрократическаго самовластія, опозорившаго и разорившаго Россію? Но эта идея неспособна воодушевить даже самыхъ тупоголовыхъ патріотовъ стараго режима, и оттого одностороннее подавленіе оппозиціи, безъ удовлетворенія ея законныхъ и справедливыхъ требованій, было бы предпріятіемъ совершенно безпочвеннымъ и безнадежнымъ, заранѣе обреченнымъ на неудачу. Нечего уже и говорить о гнусной преступности и нелѣпости самой мысли — истребить недовольныхъ плохимъ управленіемъ, для удержанія во власти прямыхъ и косвенныхъ виновниковъ Мукдена и Цусимы...

Лозунгъ правыхъ партій—безпощадное подавленіе смуты или крамолы, чтобы затѣмъ начать новую мирную жизнь подъ господствомъ прежнихъ безотвѣтственныхъ органовъ самодержавія,

при отсутствіи безпокойной оппозиціи. И этотъ лозунгъ считается патріотическимъ, свидѣтельствующимъ о глубокой любви къ „изстрадавшейся родинѣ“ и къ ея монарху! Члены правыхъ партій хотятъ увѣковѣчить тотъ порядокъ вещей, который показалъ всю свою пагубность для „изстрадавшейся родины“ въ тяжелыхъ бѣдствіяхъ японской войны; они желаютъ, чтобы и впредь судьбы Россійской державы рѣшались невѣдомыми міру закулисными дѣятелями, въ родѣ гг. Безобразова и Абазы, и чтобы русское общество не имѣло права мѣшать этимъ дѣятелямъ распоряжаться Россіею по своему усмотрѣнію. Съ фальшивыми словами лести и преданности на устахъ, наши консерваторы защищаютъ самовластіе, какъ источникъ ихъ собственнаго могущества и процвѣтанія, — ибо при общественномъ контролѣ они не могли бы пользоваться исключительными привилегіями и льготами при устройствѣ своихъ личныхъ дѣлъ; издатели реакціонныхъ газетъ не получали бы казенныхъ субсидій и не имѣли бы крупнаго обезпеченнаго дохода отъ казенныхъ объявленій... Матеріальныя выгоды заставляютъ этихъ „патріотовъ“ цѣпко держаться за старый режимъ, какъ за якорь спасенія. Правыя партіи — сознательно или безсознательно—жертвуютъ общими интересами Россіи для охраны своихъ особыхъ интересовъ, и слѣдовательно, по существу своихъ цѣлей и побужденій, онѣ антипатріотичны. Именно съ точки зрѣнія выставляемыхъ ими идеаловъ „государственной мощи“, внѣшней безопасности и всей будущности имперіи безусловно необходимо коренное преобразованіе государственнаго управленія на новыхъ началахъ, чтобы разъ навсегда обезпечить страну отъ повторенія грозныхъ случайностей и непредвидѣнныхъ ударовъ, испытанныхъ на Дальнемъ Востокѣ. Этого не могутъ не понимать и не чувствовать добросовѣстные выразители русскаго патріотизма. Кто тянетъ назадъ, къ идеаламъ безконтрольной, ничѣмъ не ограниченной власти, къ неограниченной свободѣ хищеній и придворныхъ интригъ, тотъ умышленно стремится увлечь государство на путь неизбѣжнаго упадка, истощенія и безсилія. Именно любовь къ монарху и къ царствующему дому должна бы побуждать „монархистовъ“ стоять за конституцію, какъ за единственно возможную гарантію правильнаго и спокойнаго веденія государственныхъ дѣлъ, соотвѣтствующаго нуждамъ и потребностямъ Россіи.

Въ рядахъ правыхъ партій найдется немало искреннихъ и убѣжденныхъ людей, принимающихъ за чистую монету широковѣщательныя фразы о незыблемыхъ основахъ и завѣтахъ русскаго національнаго величія. Въ чемъ же заключаются эти не-

зыблемыя основы и завѣты? Если разобрать ихъ безпристрастно, то въ нихъ ничего не окажется, кромѣ иллюзій и недоразумѣній. Многіе думаютъ, что быть сторонникомъ неограниченной верховной власти и противникомъ всякаго урегулированія ея при участіи народнаго представительства — значитъ стоять за Царя и отечество. Въ дѣйствительности неограниченность верховной власти всегда означала лишь неограниченность власти довѣренныхъ лицъ, прикрывавшихся именемъ и авторитетомъ монарха. Носитель верховной власти всегда былъ фактически кѣмъ-нибудь или чѣмъ-нибудь ограниченъ, находясь постоянно въ зависимости отъ своихъ приближенныхъ и не имѣя возможности проводить свою волю помимо многочисленныхъ посредствующихъ органовъ; а въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣшенія принимались безъ участія компетентныхъ вѣдомствъ,—какъ это было въ предпріятіяхъ на Дальнемъ Востокѣ, — получались результаты еще болѣе печальные. Одно изъ двухъ: или всѣми дѣлами самовластно заправляетъ бюрократія, съ періодически смѣняющимися министрами во главѣ, или въ кругъ распорядителей поочередно включаются случайные фавориты, успѣшно соперничающіе съ оффиціальными дѣятелями и часто вполнѣ оттѣсняющіе ихъ на задній планъ;—таковы двѣ обычныя формы проявленія самодержавія. Обѣ эти формы дѣйствовали у насъ совмѣстно въ разныхъ сочетаніяхъ, и ни одна изъ нихъ не отвѣчаетъ тому идеалу, который рисуется приверженцамъ такъ называемыхъ исконныхъ началъ.

Въ принципѣ всегда признавалось, что неограниченная верховная власть имѣетъ своею высшею цѣлью благо народа и государства, что она должна руководствоваться общими интересами страны и что, слѣдовательно, она связана и ограничена въ выборѣ своихъ задачъ и способовъ ихъ разрѣшенія; въ частности, считалось обязательнымъ предполагать единеніе между властью и народомъ, а такое единеніе, конечно, исключаетъ одностороннюю неограниченность власти. Для того, чтобы единеніе между верховной властью и народомъ не было пустымъ словомъ, должно существовать правильное и постоянно дѣйствующее народное представительство; — другого способа обезпеченія реальнаго единства и согласія между властью и народомъ нѣтъ и быть не можетъ. Такъ какъ согласіе монарха съ своимъ народомъ есть нормальное состояніе каждаго монархическаго государства, то обязательность этого согласія не можетъ быть истолкована въ смыслѣ стѣснительнаго ограниченія верховной власти; и потому парламентъ съ отвѣтственнымъ предъ нимъ правитель-

ствомъ въ сущности не ограничиваетъ правъ короны, а только ставитъ ихъ на прочную національную почву и создаетъ нормальную обстановку для самой власти. Будучи высшимъ олицетвореніемъ націи, какъ политическаго цѣлаго, монархъ не можетъ ни расходиться съ нею въ чемъ-либо существенномъ, ни задаваться враждебными или нежелательными ей планами; онъ естественно солидаренъ съ лучшими стремленіями своего народа и долженъ чувствовать вѣрнѣйшую для себя опору въ народномъ представительствѣ. Усиленіе оппозиціонныхъ партій въ странѣ и въ парламентѣ вызывается не какимъ-то особымъ духомъ крамолы, а общимъ сознаніемъ несостоятельности, ошибочности и зловредности старой правительственной системы. Пусть измѣнится эта система въ духѣ народныхъ желаній и интересовъ,—и ненормальный антагонизмъ между властью и общественнымъ мнѣніемъ самъ собою исчезнетъ. Правыя партіи возводятъ этотъ внутренній антагонизмъ на степень чего-то общаго и постояннаго, предлагая лишь уничтожить его внѣшнія проявленія со стороны общества и народа; онѣ смотрятъ на оппозицію какъ на бунтъ, хотятъ лишить народъ права голоса въ государственныхъ дѣлахъ и закрыть для монарха единственный возможный путь къ постоянному правильному общенію и единенію съ народомъ. Такимъ образомъ, своей защитою фиктивнаго самодержавія, основаннаго на всевластіи правящихъ лицъ и безправіи народа, реакціонныя партіи дѣйствуютъ враждебно не только противъ народныхъ массъ, но и противъ высшихъ и истинныхъ интересовъ верховной власти.

Величіе Россіи представляется правымъ партіямъ не въ томъ, что̀ возвышаетъ народъ, а въ томъ, что̀ его угнетаетъ и принижаетъ. Имъ нужна не Россія великихъ самобытныхъ дарованій и стремленій—не Россія Льва Толстого и Тургенева, Пушкина и Лермонтова, — а Россія Аракчеева и Бенкендорфа, Россія въ образѣ грознаго, всемогущаго Держиморды, внушающаго страхъ собственному народу, истребляющаго зачатки свободной національной жизни и періодически сокрушающаго иноплеменныя народности кровавыми погромами. Для публицистовъ реакціи русская національная политика сводится къ выдѣленію чисторусскихъ коренныхъ областей въ видѣ господствующаго привилегированнаго ядра, призваннаго держать въ покорности населеніе окраинъ — поляковъ, финляндцевъ, кавказцевъ и прочихъ инородцевъ, при помощи грубой физической силы. Ничего другого, кромѣ насилія и принужденія, не допускаетъ идея твердой власти. Суровая, непреклонная борьба съ подвластными народ-

ностями никогда не должна прекращаться или ослабѣвать; она должна непрерывно давать имъ чувствовать ихъ полное безсиліе и безправіе, чтобы воспитывать въ нихъ и поддерживать спасительный страхъ передъ „государственною мощью“ Россіи. Пусть страхъ соединяется съ скрытою ненавистью и враждою, отталкивая населеніе окраинъ отъ общаго отечества и создавая непроходимую пропасть между составными частями имперіи подъ флагомъ внѣшняго принудительнаго единства,—это мало заботитъ проповѣдниковъ политики „большого кулака“. Всякая попытка привлечь подвластныя народности, привязать ихъ къ общему отечеству на почвѣ широкихъ государственныхъ задачъ, возбудить довѣріе и уваженіе населенія, сдѣлать возможнымъ спокойное, мирное сожительство различныхъ его элементовъ, — объявляется измѣною русской государственности, или, въ лучшемъ случаѣ, признакомъ слабости и неспособности правителей. Сѣять злобу и вражду между разными племенами русскаго государства, питать неудовольствіе однихъ и поощрять надменныя издѣвательства другихъ,—значитъ, очевидно, подкапываться подъ самыя основы государственнаго единства, внутренней цѣлости и крѣпости Россіи, и такое именно разлагающее значеніе имѣетъ вся дѣятельность правыхъ партій.

Провозглашая принципъ: „Россія для русскихъ“, реакціонные публицисты не имѣютъ въ виду улучшить положеніе господствующей народности, избавить ее отъ гнета произвола и безправія, предоставить ей роль дѣйствительныхъ хозяевъ Русской земли; напротивъ, они открыто стремятся сохранить прежнее безправное прозябаніе чисто-русскихъ народныхъ массъ, соблазняя ихъ только перспективою еще большаго безправія инородцевъ и иновѣрцевъ. Въ заманчивой формулѣ: „Россія для русскихъ“—подъ русскими разумѣется не совокупность русскаго народа или даже русской народности, а только группа чиновниковъ, дѣльцовъ и промышленниковъ русскаго происхожденія, надѣленныхъ извѣстными привилегіями и преимуществами сравнительно съ представителями другихъ туземныхъ племенъ; это должно служить нагляднымъ выраженіемъ внутренней розни, постояннымъ напоминаніемъ о томъ, что далеко не всѣ русскіе обыватели имѣютъ право считаться гражданами великаго цѣлаго. Внутреннее единство имперіи рѣшительно отвергается въ настоящемъ и не признается желательнымъ для будущаго; патріотизмъ въ широкомъ смыслѣ этого слова замѣняется узкимъ націонализмомъ—элементомъ хроническаго разлада и раздора. Національное чувство охранителей удовлетворяется лишь тогда, когда поляки, финляндцы,

кавказцы и прочіе инородцы недовольны своимъ положеніемъ, когда они раздражены противъ русскаго владычества и переносятъ свое раздраженіе на Россію, когда внутреннія связи съ общимъ отечествомъ подорваны и когда русскій патріотизмъ теряетъ почву и становится чѣмъ-то ненавистнымъ въ широкихъ слояхъ населенія окраинъ. Между тѣмъ виновники и сѣятели этого зла выдаютъ себя за истинныхъ русскихъ патріотовъ, громче всѣхъ говорятъ объ единствѣ и цѣлости государства, защищаютъ будто бы государственную мощь и крѣпость Россійской державы! Не ясно ли, что это опасное самообольщеніе, встрѣчая сочувствіе и поддержку въ массѣ довѣрчивыхъ и наивныхъ людей, можетъ привести къ самымъ пагубнымъ послѣдствіямъ для страны?

Патріотизмъ правыхъ партій есть прямое отрицаніе истиннаго государственнаго патріотизма. Нѣкоторые реакціонные публицисты до сихъ поръ не понимаютъ — или дѣлаютъ видъ, что не понимаютъ, — почему самое слово „патріотизмъ“ пріобрѣло какой-то непріятный оттѣнокъ, дѣлающій званіе „патріота“ не особенно лестнымъ съ точки зрѣнія прогрессивной печати. И до сихъ поръ они упорно повторяютъ явную нелѣпость, что патріотизмъ былъ „осмѣянъ“ въ первой Государственной Думѣ и вызывалъ глумленіе во второй,—какъ будто большинство выборныхъ представителей русскаго народа могло высказываться противъ своихъ собственныхъ патріотическихъ, широко-національныхъ чувствъ и интересовъ! Патріотами были, будто бы, тѣ, которые настойчиво толкали насъ на ненужную разорительную войну, краснорѣчиво восхваляли канцелярскихъ и салонныхъ генераловъ, внезапно превращенныхъ въ полководцы, восторгались „мастерскими“ отступленіями русской арміи, вѣрили и заставляли другихъ вѣрить въ могущество нашего флота послѣ многихъ лѣтъ завѣдомо-неправильнаго и хищническаго хозяйничанья морского вѣдомства, вѣрили въ опытность и таланты адмираловъ, никогда не видавшихъ моря, предсказывали намъ великія побѣды надъ врагомъ наканунѣ Мукдена и Цусимы, старались увѣрить публику въ возможности окончательнаго торжества даже послѣ разгрома нашей арміи и гибели нашего флота, и горячо протестовали противъ преждевременныхъ, будто бы, переговоровъ о мирѣ. Эти люди, послѣдовательно и упорно толкавшіе Россію въ пропасть, называли себя и теперь еще называютъ себя патріотами, а противники и обличители ихъ, возстававшіе противъ воинственныхъ предпріятій и предвидѣвшіе неминуемыя катастрофы при данныхъ условіяхъ, обвинялись и обвиняются въ

недостаткѣ патріотизма, въ преступной солидарности съ врагами отечества... Такой патріотизмъ, какимъ щеголяютъ истинные виновники Мукдена и Цусимы,—патріотизмъ, глубоко равнодушный къ великимъ бѣдствіямъ „изстрадавшейся родины" и умѣющій даже изъ этихъ бѣдствій извлекать реальныя выгоды для правящаго класса, — всецѣло остается, по справедливости, удѣломъ правыхъ партій.

Л. Слонимскій.

ИДЕЙНЫЙ ОКТЯБРИЗМЪ

И

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ОКТЯБРИСТЫ

I.

Какъ ни долго русская общественная мысль жила жаждой гражданской свободы и мечтой о конституціи, манифестъ 17 октября все-таки ударилъ по ней своей неожиданностью. Чѣмъ труднѣе достается то, чтò составляетъ предметъ желаній и напряженныхъ ожиданій, тѣмъ болѣе къ принятію того и отдѣльный человѣкъ, и общество оказываются неприготовленными.

Монархисты — точнѣе абсолютисты — типа „Моск. Вѣдомостей", „Кіевлянина" и „Гражданина" тогда вдругъ исчезли. Въ первую минуту они куда-то пропали — точно провалились сквозь землю. Они потеряли изъ-подъ ногъ почву, на которой такъ незыблемо и твердо, казалось, стояли,—почву исключительной вѣрнопреданности, неразсуждающаго повиновенія и принципіальнаго отрицанія права самостоятельной мысли. Какъ принятіе манифеста 17 октября, такъ и продолженіе исповѣданія прежней политической вѣры для нихъ было одинаково самоотрицаніемъ. Имъ ничего не оставалось кромѣ молчанія. Откровенный и послѣдовательный кн. Мещерскій чрезвычайно характерно это и выразилъ обращеніемъ своего изданія изъ политическаго еженедѣльнаго въ личные дневники.

Не оказалось тогда вдругъ и абсолютистовъ другого типа — типа Д. Н. Шипова, М. А. Стаховича и А. Н. Хомякова, всего полгода тому назадъ объявившихъ, что конституція — гибель, и что спасеніе Россіи—въ претвореніи бюрократическаго пониманія „исконныхъ началъ" въ славянофильское и въ придаткѣ къ неограниченному цар-

скому самодержавію совѣщательнаго представительства. Какой психологическій процессъ заставилъ ихъ забыть такъ недавно съ жаромъ приводившуюся историческую и теоретическую аргументацію—покажетъ будущее. Пока это не представляется яснымъ.

Взамѣнъ абсолютистовъ бурно и съ шумомъ заговорило то теченіе общественной мысли, которое ранѣе было еле слышно. Оно заговорило властно. Оно объявило себя побѣдителемъ и хозяиномъ положенія. Оно не только заговорило,—оно стало дѣйствовать рѣшительно и на первыхъ порахъ, надо отдать справедливость, умѣло.

Общество читало „Новую Жизнь", „Начало", резолюціи внезапно возникшаго безчисленнаго множества организацій и видѣло передъ собой совершенно опредѣленную реальную силу, которая властно говорила: манифестъ 17 октября—взятая „нами" съ бою первая непріятельская позиція. Общество призывалось къ борьбѣ. 17-ое октября трактовалось не какъ конецъ борьбы и начало мирной созидательной работы, а какъ этапъ, на которомъ можно остановиться лишь для того, чтобы организовать боевыя силы для необходимаго и близкаго открытаго „послѣдняго" выступленія.

Въ первые дни послѣ 17 октября еще не произошло дифференціаціи среди революціонныхъ элементовъ. Соціалисты-революціонеры еще говорили и дѣйствовали совмѣстно съ соціалъ-демократами. Отъ первыхъ еще не отдѣлились максималисты. Вторые—не разбились на большевиковъ и меньшевиковъ. Медленная эволюція марксизма была тогда забыта. Убѣдившіе себя въ томъ, что манифестъ 17 октября былъ одними „ими" вырванной побѣдой и упоенные этимъ убѣжденіемъ, революціонные элементы надменно опрокидывали теорію Маркса и мнили, что ведутъ за собой весь западный соціализмъ къ немедленному низверженію капиталистическаго строя производственныхъ отношеній.

Въ этотъ моментъ для конституціоналистовъ явилась объективная необходимость и субъективная потребность самоопредѣленія. Вопросомъ для нихъ стало обозначеніе границы слѣва, ибо граница справа была глубоко проложена всѣмъ прошлымъ русскаго либерализма.

Границу либерализма справа проложило не столько само общественное сознаніе, сколько правительство графа Дм. Толстого и его преемниковъ, затѣмъ Д. С. Сипягина и В. К. Плеве. Когда революціонное движеніе семидесятыхъ годовъ было раздавлено, правительство направило репрессіи на „корни" крамолы — на все, что позволяло себѣ самостоятельно мыслить или хотя бы воздерживаться отъ восхваленія земскихъ начальниковъ и политики въ Финляндіи, винной монополіи и дальне-восточныхъ предпріятій.

Какъ неизбѣжный результатъ, въ глазахъ общества тверскіе земцы,

неутвержденный предсѣдателемъ московской управы Д. Н. Шиповъ, объектъ доносительныхъ нападокъ „Московскихъ Вѣдом.“—А. И. Гучковъ, въ разное время уволенные изъ университетовъ профессора — Н. И. Карѣевъ, М. М. Ковалевскій, С. А. Муромцевъ, не говоря уже о князьяхъ Долгоруковыхъ, и т. д., и т. д.,—слились въ одно общее нераздѣльное цѣлое какъ между собою, такъ равно если не съ активными террористами, то съ ихъ идейными единомышленниками. За предѣлами Россіи шла полемика и борьба между кружками „Освобожденія“, „Искры“ и „Революціонной Россіи“. Но во внутрь отголоски этой борьбы почти не доносились, и факты—одинаково упорное, напримѣръ, съ другими нелегальными изданіями преслѣдованіе „Освобожденія“—показывали, что различія между ними несущественны. Также широкимъ слоямъ общества естественно казалось, что дѣятельность Д. Н. Шипова, что-ли, только степенью „преступности“ отличается отъ дѣятельности тѣхъ, кто сидѣли въ шлиссельбургской крѣпости.

Сами представители русскаго либерализма и ихъ лѣвые друзья-противники равнымъ образомъ не могли не поддаться воздѣйствію правительственныхъ мѣръ. Всѣ идейныя разнорѣчія между ними—по существу непримиримыя—покрывались общностью отношенія къ нимъ власти и въ этой общности тонули. Правительство не отличало „крамолы“ отъ ея „корней“, и „корни“ естественно срослись въ своемъ сознаніи съ „крамолой“.

Теперь дико вспомнить имена депутатовъ, которыхъ вечеромъ 8 января 1905 г. — всего два съ половиною года назадъ — импровизированно составившееся совѣщаніе послало къ князю Святополкъ-Мирскому и къ С. Ю. Витте для предотвращенія стрѣльбы въ рабочихъ. А тогда сочетаніе этихъ именъ ничуть не рѣзало уха, и одинаково единогласно совѣщаніемъ были избраны: К. К. Арсеньевъ и М. Горькій, І. В. Гессенъ и В. А. Мякотинъ, Е. И. Кедринъ и Н. Ѳ. Анненскій, Н. И. Карѣевъ, В. И. Семевскій и посланецъ Гапона. И также одинаково всѣ эти далеко разошедшіеся теперь люди были посажены черезъ день, кромѣ К. К. Арсеньева, въ Петропавловскую крѣпость.

Друзья-противники конституціоналистовъ послѣ манифеста 17-го октября немедленно и рѣзко съ ними порвали. „Новая Жизнь“ въ № 5 откровенно и во всеуслышаніе писала:

„Мы не вѣримъ больше вашимъ изжеваннымъ словамъ о внѣклассовыхъ цѣляхъ и задачахъ. Мы по опыту знаемъ, мы на собственной шкурѣ убѣдились, какъ противоположны ваши и наши интересы. Мы допускаемъ, что въ настоящій моментъ у насъ и у васъ одинъ общій врагъ—съ той, впрочемъ, разницей, что этотъ врагъ васъ презираетъ,

а насъ боится... Какой толкъ будетъ, если мы начнемъ становиться съ вами въ одну упряжку? Либо намъ васъ на себѣ тащить придется, либо вы намъ подъ ноги будете соваться.

„Отъѣзжайте, господа хорошіе".

Эта грубая и надменная тирада очень типично выражала тонъ настроенія крайнихъ лѣвыхъ элементовъ и отношенія къ вчерашнимъ союзникамъ, которые, съ своей стороны, медлили отмежеваться.

Еще не время, конечно, устанавливать во всей точности причины колебаній конституціоналистовъ. Онѣ выяснились пока лишь въ самыхъ общихъ очертаніяхъ. Первое мѣсто занимало недовѣріе къ акту 17-го октября — отсутствіе увѣренности, что это не слова, которыя могутъ подлежать толкованіямъ и „разъясненіямъ", а дѣйствительно твердо принятое безповоротное рѣшеніе.

Далѣе—недовѣріе къ личности графа Витте, еще столь недавняго врага идеи самоуправленія народа. Затѣмъ — смутная неизвѣстность, что̀ выйдетъ изъ хаоса, когда забастовки шли за забастовками, и когда не опредѣлилась еще переоцѣнка своихъ силъ революціонными элементами. Наконецъ, едва-ли не одинаковое значеніе имѣла и причина иного порядка, до нѣкоторой степени случайная.

До сентября 1905 г. включительно конституціоналистовъ объединяли земскіе съѣзды. Сентябрьскій съѣздъ, впервые, происходившій открыто, подвергся сильнѣйшему воздѣйствію не третьяго земскаго элемента, но того элемента русской общественности, который при прежнихъ порядкахъ игралъ аналогичную роль тоже третьяго элемента между правительствомъ и земской оппозиціей. Этотъ элементъ—преимущественно публицисты—вдохновлялъ оппозицію и формулировалъ ея мысли, самъ же оставался въ тѣни. Такъ, мысль о мелкой земской единицѣ или о постановкѣ на очередь крестьянскаго вопроса принадлежала земскимъ сферамъ, разработка же ея — той сочувствовавшей земскому оппозиціонному движенію интеллигенціи, которая обладала знаніями, научной подготовкой и талантами, но была лишена возможности непосредственной активной дѣятельности.

Уже во время съѣзда начала формироваться будущая политическая партія конституціоналистовъ-демократовъ, и роли стали измѣняться. Въ началѣ октября въ Москвѣ собрался партійный организаціонный съѣздъ. Составъ съѣзда оказался небольшой и случайный: сначала ожидавшаяся, а вскорѣ затѣмъ начавшаяся желѣзнодорожная забастовка многимъ помѣшала пріѣхать. Съѣздъ засѣдалъ въ условіяхъ взвинченнаго забастовкой настроенія и закончилъ составленіе программы ранѣе 17-го октября. Слѣва съѣздъ не отмежевался. По коренному вопросу—конституціонная монархія или республика—программа конституціоналистовъ-демократовъ не сказала ни да, ни

нѣтъ. Мало того—по ознакомленіи съ манифестомъ, кадеты составили резолюцію съ требованіемъ учредительнаго собранія.

Впослѣдствіи—и даже очень скоро—они отказались и отъ учредительнаго собранія, и отъ республики. Но это „скоро" наступило лишь въ январѣ, послѣ московскаго вооруженнаго возстанія. Въ теченіе же первыхъ мѣсяцевъ конституціоналисты-демократы не отказывались отъ недоговореннаго и опрометчиво высказаннаго положенія.

Полнаго самоопредѣленія русскихъ конституціоналистовъ все общество и правительство ждали отъ ноябрьскаго земскаго съѣзда. Вмѣсто того съѣздъ, уклонившись отъ отграниченія слѣва, принялъ туманную резолюцію, въ которой неопредѣленныя условности перемѣшивались съ требованіями, явно неосуществимыми и второстепенными — вродѣ немедленной смѣны всѣхъ губернаторовъ и чуть ли не исправниковъ. Съѣзда „земскаго", въ прежнемъ смыслѣ понятія, въ ноябрѣ не было. По подавляющему большинству участниковъ, это былъ съѣздъ конституціонно-кадетскій.

II.

Какъ разъ въ Москвѣ, въ дни ноябрьскаго съѣзда, положено было начало союзу 17 октября. Первымъ подъ воззваніемъ союза подписался покойный графъ Гейденъ.

Текстъ воззванія, съ конституціонной точки зрѣнія, былъ безупреченъ. Въ то время, какъ боевая особенность союза, обращало на себя наибольшее вниманіе отрицаніе польской автономіи. Теперь этотъ боевой вопросъ уже не волнуетъ въ прежней мѣрѣ русскую общественную мысль, и всѣмъ ясно, что истинный конституціонализмъ отнюдь не связанъ съ обязательнымъ его разрѣшеніемъ въ положительномъ смыслѣ. Главная сущность воззванія состояла въ рѣшительномъ обозначеніи той границы слѣва, которая была затушевана въ программѣ конституціоналистовъ-демократовъ.

Не изъ-за польской автономіи графъ П. А. Гейденъ сдѣлался октябристомъ. Онъ имъ сдѣлался, какъ конституціоналистъ, однако никогда не бывшій революціонеромъ и искренно принявшій манифестъ 17 октября. Неисправимо-неблагонадежному земцу восьмидесятыхъ и девятидесятыхъ годовъ, „крамольному" президенту вольно-экономическаго общества, предводителю дворянства, получившему выговоръ за участіе въ земскомъ съѣздѣ 1902 г., безсмѣнному члену съѣздовъ 1904 и 1905 гг., — ему не легко было разорвать съ тѣми, съ кѣмъ было связано его долгое общественное прошлое, съ тѣми, съ кѣмъ онъ голосовалъ въ 1904 г. за конституцію противъ совѣщательнаго представительства, и затѣмъ въ іюнѣ участвовалъ въ извѣстной депу-

таціи. Онъ разорвалъ съ ними потому, что они медлили сказать прямо— кто они.

Обстоятельства созыва первой Думы, ея роспускъ, междудумье, условія производства вторыхъ выборовъ и опять скорый роспускъ— освѣтили новымъ свѣтомъ актъ 17 октября. Горькій опытъ засвидѣтельствовалъ, что правы были тѣ, кто послѣ 17 октября торопился оставить ряды борцовъ, чтобы приступить къ созидательной работѣ государственнаго строительства. Тогда же свѣтъ будущаго не падалъ на только-что возвѣщенныя слова.

Но вступленіе графа Гейдена въ союзъ 17 октября было и тогда все-таки явно рискованнымъ шагомъ. Даже теперь, послѣ почти двухъ лѣтъ политической жизни, физіономію нашихъ партій опредѣляютъ не столько программы, сколько люди, имена. Въ моментъ же образованія партій имена опредѣляли ихъ цѣликомъ. Безупречный конституціонный текстъ воззванія союза былъ флагомъ, выкинутымъ людьми, бо́льшую часть которыхъ составляли читатели и писатели „Новаго Времени“ и вчерашніе славянофилы. Это были „конституціоналисты по волѣ начальства“, ибо начальство объявило себя конституціоннымъ. Личный составъ союза уже тогда давалъ основаніе думать, что разъ измѣнится настроеніе „начальства“, союзъ, по образному выраженію князя Е. Н. Трубецкого, „потеряетъ документъ“— манифестъ 17 октября.

Если болѣе чѣмъ сомнительный былъ конституціонализмъ большинства учредителей союза, то имена лицъ, вступившихъ въ союзъ на мѣстахъ, окончательно сдергивали маску. Въ періодъ первой предвыборной кампаніи „октябристъ“ въ глазахъ массы избирателей былъ синонимомъ антиконституціоналиста. Въ Думѣ перваго созыва графъ Гейденъ оказался политическимъ единомышленникомъ гг. Ерогина и Способнаго и московскаго крестьянина театральнаго вида — Ильина.

Графъ Гейденъ, конечно, не могъ не чувствовать нелѣпицы создававшагося для него положенія. Но если онъ не бросилъ сразу рядовъ думскихъ октябристовъ, то объясненіе этому лежитъ въ своеобразной тактикѣ конституціоналистовъ-демократовъ въ первой Думѣ. Обладая почти двумя стами компактныхъ и послушныхъ голосовъ, они считались только съ трудовиками, какъ съ численно внушительной силой. Все же, что̀ стояло на шагъ или на полшага правѣе ихъ, они откровенно третировали. При такихъ условіяхъ оставить правыя скамьи мѣшала графу Гейдену его рыцарская порядочность.

Не у многихъ, пожалуй, сохранились въ памяти рѣчи, которыми обмѣнялись въ засѣданіи первой Думы 29-го мая Е. Н. Щепкинъ и гр. Гейденъ.

Е. Н. Щепкинъ — тотъ самый, который потомъ выдавалъ себѣ съ

думской каѳедры аттестатъ научной безпристрастности и добросовѣстности,—говорилъ:

„Я долженъ высказаться по существу касательно заявленія, сдѣланнаго гр. Гейденомъ, что будто бы при выборѣ коммиссіи о разслѣдованіи преступленій должностныхъ лицъ двѣ партіи незаконно захватили власть и по произволу изъ меньшинства отводили нежелательныхъ имъ лицъ. Гр. Гейденъ говоритъ такъ, какъ будто бы группа меньшинства, представителемъ которой онъ является въ Думѣ, какъ будто бы тѣ взгляды, которые меньшинство представляетъ собой въ Государственной Думѣ, совершенно равноправны съ двумя могущественными партіями. Я долженъ напомнить гр. Гейдену, что если группа здѣсь, въ Думѣ, въ меньшинствѣ, то это значитъ, что тѣ взгляды, которые эта группа проводитъ, являются взглядами меньшинства въ странѣ, и если двѣ группы дѣйствительно составляютъ здѣсь могущественное большинство и законодательствуютъ, то потому, что онѣ дѣйствительно представляютъ взгляды большинства въ странѣ".

„Въ коммиссіи по законодательству, — продолжалъ онъ,—мы допускаемъ представителей меньшинства только постольку, поскольку это намъ потребно. И мы въ правѣ изъ меньшинства намѣчать тѣхъ представителей, со взглядами которыхъ мы желаемъ больше всего считаться".

Гр. Гейденъ отвѣчалъ на эти высокомѣрныя слова съ обычными для него достоинствомъ и иронiей:

„Входя въ составъ лишь небольшой фракціи Думы, я, разумѣется, лишенъ возможности говорить такъ властно, какъ говорилъ членъ Государственной Думы Щепкинъ. Но мнѣ кажется, что подобный властный голосъ не долженъ былъ бы раздаваться среди Думы; вѣдь мы, господа, не пришли сюда для того, чтобы декретировать волю опредѣленнаго большинства, не выслушивая никого, кто иного съ нимъ мнѣнія. А потому я думаю, что справедливость, которая должна быть присуща Думѣ, должна допустить возможность, что и большинство иногда впадаетъ въ ошибку, и что слабый голосъ ничтожнаго и слабаго меньшинства можетъ тоже иногда внести коррективъ къ ихъ властному голосу. Я вполнѣ сознаю, что выборы доказали, что большинство теперешнее имѣетъ преобладающее значеніе въ странѣ. Но я укажу на примѣръ иностранныхъ государствъ, гдѣ властное большинство одного дня превращалось черезъ нѣсколько годовъ жизни въ меньшинство. И если мнѣ придется еще жить довольно долго и быть и впредь въ Думѣ, и мнѣ случайно придется быть представителемъ другого большинства, чѣмъ теперешнее, то я обѣщаю члену Государственной Думы Щепкину быть справедливымъ и не подавлять его голоса только потому, что случайное большинство вынесло меня на по-

верхность волны. Я въ заключеніе напомню ему примѣръ изъ римской исторіи, гдѣ за колесницей тріумфатора обязательно шелъ человѣкъ, который его порицалъ, чтобы онъ не заносился слишкомъ высоко въ облака. Я думаю, что такой порицатель всегда полезенъ".

Рѣчь Е. Н. Щепкина была слишкомъ ужъ откровенна и вызвала отповѣдь со стороны его товарища по партіи, М. М. Винавера, говорившаго непосредственно послѣ гр. Гейдена. Но для характеристики образа дѣйствій главенствовавшей въ первой Думѣ партіи она была типична.

Къ концу семидесяти-двухъ дней существованія первой Думы графу Гейдену, однако, пришлось убѣдиться, что между нимъ и большинствомъ членовъ Думы, носившихъ наименованіе октябристовъ, кромѣ какъ въ наименованіи, нѣтъ общаго ни въ чемъ.

Совмѣстно съ Н. Н. Львовымъ и М. А. Стаховичемъ онъ сталъ тогда формировать новую политическую группу. Эта группа сложилась въ партію мирнаго обновленія немедленно вслѣдъ за роспускомъ 8-го іюля.

Партія дебютировала весьма неудачно—извѣстнымъ письмомъ въ „Нов. Вр.". Оба идейныхъ и естественныхъ крыла конституціоналистовъ сдѣлали въ тотъ тяжелый моментъ политическія ошибки. Ошибка лѣваго крыла — выборгское воззваніе. Ошибка праваго — это письмо.

Но одинъ ошибочный шагъ—еще далеко не все въ жизни политической партіи и отдѣльныхъ политическихъ дѣятелей. Какъ выборгское воззваніе не сдѣлало кадетовъ революціонерами, такъ и письмо въ „Новое Время" не обратило гр. Гейдена изъ конституціоналиста въ „потерявшаго документъ" практическаго октябриста.

Во вторую думу графъ Гейденъ не вошелъ. Его не пропустилъ лѣвый блокъ. Случайно въ періодъ послѣдней стадіи выборовъ мнѣ пришлось встрѣтить одного изъ энергичныхъ трудовиковъ первой Думы. Онъ сказалъ: „Ѣду въ Псковъ проваливать графа Гейдена". Мой собесѣдникъ и пославшіе его во Псковъ люди не учитывали, что во второй Думѣ будутъ г. Пуришкевичъ, гр. Бобринскій и Келеповскій, и, наивно исходя изъ того, что гр. Гейденъ въ первой Думѣ былъ крайнимъ правымъ, считали, что ему не мѣсто быть во второй.

Смерть оборвала жизнь графа Гейдена черезъ двѣ недѣли послѣ роспуска второй Думы. Передъ нимъ раскрывалось участіе въ третьей Думѣ, гдѣ онъ уже не сидѣлъ бы на крайней правой, но и опять принадлежалъ бы къ меньшинству.

III.

Покойный графъ Гейденъ былъ яркой и типичной фигурой современной русской общественности. Онъ являлъ собою живой примѣръ того политическаго теченія въ обществѣ, которое сейчасъ приковало къ себѣ наибольшее вниманіе. Въ прямомъ разсчетѣ на это теченіе созданъ новый избирательный законъ. Отъ него ожидается опредѣленіе той средней равнодѣйствующей, по которой должно пойти ближайшее будущее Россіи.

Это теченіе—идейный октябризмъ. Сказать иначе—консервативный конституціонализмъ. Князь Е. Н. Трубецкой настойчиво требуетъ „сближенія" съ нимъ конституціонализма прогрессивнаго, представляемаго партіей народной свободы.

Невольное чувство недоумѣнія вызываетъ чтеніе писемъ князя Трубецкого къ А. И. Гучкову и П. Н. Милюкову. Еще у всѣхъ въ памяти, что именно онъ, менѣе года назадъ, называлъ кадетовъ „политическими іезуитами", а октябристовъ—партіей „военнаго обновленія" или „послѣдняго правительственнаго сообщенія". И теперь онъ же взываетъ къ сближенію „политическихъ іезуитовъ" съ партіей „послѣдняго правительственнаго сообщенія", при условіи сохраненія каждой партіей своей политической физіономіи! Отъ этого сближенія онъ ждетъ „возстановленія въ силѣ стараго манифеста" — манифеста 17 октября—и реальнаго торжества конституціонализма!

Князь Трубецкой предлагаетъ забыть прошлое. Забыть обидныя клички можно. Но какъ забыть ихъ смыслъ, если въ рѣзкой формѣ онъ былъ вѣрно выраженъ?

Въ страстномъ желаніи найти исходъ изъ кризиса, переживаемаго въ настоящій моментъ молодымъ русскимъ конституціонализмомъ, князь Трубецкой не замѣчаетъ, что онъ требуетъ отъ кадетовъ сближенія съ несуществующей партіей. „Наша общая цѣль—пишетъ онъ П. Н. Милюкову—въ томъ, чтобы Дума не была „господскою", чтобы формы 3 іюня наполнились непредусмотрѣннымъ избирательнымъ закономъ содержаніемъ, чтобы Дума служила народнымъ интересамъ и была переходною ступенью къ лучшимъ формамъ представительства".

Да, таковою должна быть общая цѣль минуты для всѣхъ конституціоналистовъ. И таковою она несомнѣнно рисуется самому князю Трубецкому и рисовалась покойному графу Гейдену. Но болѣе, чѣмъ странно думать, чтобы задача — наполнить формы 3 іюня „непредусмотрѣннымъ избирательнымъ закономъ содержаніемъ"—была цѣлью тѣхъ, кто привѣтствовалъ и продолжаетъ привѣтствовать этотъ законъ. Сами составители его, какъ справедливо говоритъ въ отвѣтномъ письмѣ

П. Н. Милюковъ, конечно, не заинтересованы въ томъ, чтобы третья Дума „прослыла“ господской. Они только все сдѣлали, чтобы она „была“ господскою.

Князь Е. Н. Трубецкой не замѣчаетъ, что возвращается къ своей прежней характеристикѣ „союза 17 октября“, когда пишетъ:

„Союзъ является далеко не однороднымъ по своему составу; въ немъ происходитъ борьба противоположныхъ стремленій. Соглашеніе съ вами (съ кадетами) уже потому было бы безопасно въ конституціонномъ смыслѣ, что оно обозначало бы рѣшительную побѣду конституціонныхъ началъ въ самомъ „союзѣ“, рѣшительный разрывъ его съ правыми. Блоки „союза“ съ правыми стали бы при этихъ условіяхъ невозможными. А согласитесь, что такой рѣшительный шагъ имѣлъ бы огромное и самое благотворное значеніе. Онъ означалъ бы несомнѣнную побѣду конституціонныхъ началъ въ той землевладѣльческой и вообще обезпеченной средѣ, которая рѣшитъ исходъ предстоящихъ выборовъ“.

Идейнаго октябризма, какъ сильнаго и широкаго общественнаго теченія, у насъ нѣтъ. У насъ есть отдѣльныя лица, держащіяся принциповъ консервативнаго конституціонализма. Но образованіе изъ нихъ крупной политической партіи—дѣло будущаго. Нужно, чтобы конституціонализмъ сталъ неоспоримымъ жизненнымъ фактомъ. Пока этого нѣтъ, пока охрана конституціонныхъ началъ — гражданской свободы и народнаго представительства въ истинномъ смыслѣ понятія—составляетъ задачу революціи, до тѣхъ поръ конституціоналистамъ нечего охранять и нѣтъ почвы, на которой могъ бы вырости въ широкихъ слояхъ общества консервативный конституціонализмъ.

Что это такъ—неужели недостаточнымъ свидѣтельствомъ служитъ полный неуспѣхъ образованной графомъ Гейденомъ, Н. Н. Львовымъ, Д. Н. Шиповымъ, М. А. Стаховичемъ и самимъ княземъ Е. Н. Трубецкимъ партіи мирнаго обновленія? Или—не доказываютъ ли преждевременности формированія партіи консервативныхъ конституціоналистовъ такъ давно ходящіе безрезультатно толки о лѣвыхъ октябристахъ и о правыхъ кадетахъ и о необходимости сліянія ихъ?

Гдѣ были идейные октябристы во второй Думѣ? Ихъ тамъ не было. Тамъ была общая группа изъ сорока-трехъ, „октябристовъ, умѣренныхъ и примыкающихъ“, какъ характерно названа эта группа въ спискѣ, составленномъ думской распорядительной коммиссіей. И въ этой группѣ значатся имена гг. Балло, гр. Бобринскаго, Ветчинина, епископа Евлогія, Крупенскаго, Созоновича. А на частныхъ совѣщаніяхъ октябристы всегда соединялись съ „правыми и монархистами“, т.-е. съ гг. Келеповскимъ, Крушеваномъ, Пуришкевичемъ и Шульгинымъ.

Въ противовѣсъ называютъ г. Капустина. Трудно писать о человѣкѣ, мало себя обнаружившемъ и къ тому же лично весьма почтен-

номъ. П. Н. Милюковъ, очевидно, испытывалъ это затрудненіе и вышелъ изъ него фразой: „я боюсь, что г. Капустинъ представлялъ въ Думѣ только политическій дилеттантизмъ средняго обывателя". Можно добавить: октябризмъ г. Капустина не мѣшалъ ему участвовать въ совѣщаніяхъ, гдѣ бывалъ г. Пуришкевичъ. Но допустимъ, что такая оцѣнка г. Капустина не вѣрна. Если да, то онъ былъ въ Думѣ исключеніемъ—тѣмъ отдѣльнымъ идейнымъ октябристомъ, который не опредѣляетъ собою физіономіи партіи.

Чѣмъ ознаменовали во второй Думѣ октябристы свой консервативный конституціонализмъ? Всего ярче—аплодисментами, которыми они совмѣстно съ „умѣренными" и съ „правыми" награждали слова каждаго министра, что бы онъ ни говорилъ. Честь иниціативы шумнаго изолированія революціи путемъ осужденія террора раздѣлилась между ними и гр. Бобринскимъ, г. Крупенскимъ и г. Пуришкевичемъ.

Гдѣ были идейные октябристы въ Государственномъ Совѣтѣ? Они въ день роспуска второй Думы пили шампанское... Гдѣ они были на іюньскомъ quasi-земскомъ съѣздѣ?..

17-ое октября было моментомъ, когда могло и должно было зародиться охранительно-конституціонное теченіе, чтобы затѣмъ разлиться въ широкую рѣку. Манифестъ возвѣстилъ „незыблемыя основы гражданской свободы" и объявилъ „незыблемымъ" правиломъ, „чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы". Вмѣстѣ съ тѣмъ манифестъ не ставилъ точки въ главнѣйшей основѣ осуществленія конституціонализма. Напротивъ, онъ прямо предусматривалъ „дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права". Это было настолько много, что сама собою являлась мысль: довольно!—по крайней мѣрѣ пока не реализуется достигнутое.

Съ другой стороны, медлительность самоопредѣленія конституціонно-прогрессивнаго теченія и отграниченія слѣва усиливала шансы на успѣхъ идейнаго октябризма. Далѣе, все предшествующее, казалось, прочно подготовило почву для торжества именно охранительнаго конституціонализма среди тѣхъ элементовъ, которымъ предстоитъ „рѣшить исходъ" третьихъ выборовъ.

Суровые годы реакціи, тянувшейся сорокъ лѣтъ, истомили не однихъ тѣхъ, кто неизмѣнно протестовалъ въ земскихъ собраніяхъ, въ печати, въ ученыхъ обществахъ, на врачебныхъ и кустарныхъ съѣздахъ и т. д. Грингмутовъ, Мещерскихъ, Катковыхъ и Пихно никогда не было много въ русскомъ обществѣ. Реакція, война и все, вскрытое ею, истомили пассивнаго средняго обывателя—средняго чиновника, средняго купца, средняго землевладѣльца. Онъ съ искренней радостью прочелъ манифестъ 17 октября и прочелъ въ немъ волю начальства, чтобы онъ—средній обыватель—сталъ конституціоналистомъ.

Но благопріятныя условія исчезли гораздо скорѣе, чѣмъ союзъ 17 октября успѣлъ окрѣпнуть и проникнуться идейностью. „Воля начальства“ чуть не на другой день начала колебаться. „Незыблемыя“ основы поднялись съ земли и стали все дальше и дальше уходить въ высь облаковъ. Въ словахъ и дѣйствіяхъ власти прозвучало и нашло живой откликъ „въ обезпеченной средѣ“ стародавнее: „сперва успокоеніе, потомъ реформы“. Князь Мещерскій съ 1907 г. снова сталъ издавать „Гражданинъ“. Жизнь вернулась къ борьбѣ. Съ одной стороны, за свободу и право. Съ другой — за порабощеніе и права и свободы въ данный моментъ, дабы ихъ даровать тогда, когда народъ перестанетъ въ нихъ чувствовать жгучую потребность.

Идейному октябризму пришлось выдержать испытаніе первыхъ выборовъ, прошедшихъ подъ лозунгомъ протеста и на которыхъ онъ понесъ полное пораженіе. Далѣе—испытаніе эксцессовъ революціи и эксцессовъ правительственной власти. Наконецъ — испытаніе обращенія къ нему за поддержкою со стороны правительства. А. И. Гучковъ одобрилъ военно-полевые суды,—и этотъ фактъ засвидѣтельствовалъ, что октябризма, какъ охранительно-конституціоннаго широкаго теченія, не стало. Въ происходившихъ въ ноябрѣ 1906 г., при торжественной обстановкѣ, засѣданіяхъ съѣзда союза 17 октября, октябристовъ уже не было, а была партія „послѣдняго правительственнаго сообщенія“, съ уваженіемъ относящаяся къ „патріотизму“ союза русскаго народа. Позже, на одномъ изъ собраній передъ вторыми выборами, Ю. Н. Милютинъ, стуча кулакомъ по каѳедрѣ, выкрикивалъ идейныя слова и съ паѳосомъ вѣщалъ: „За нами правда — мы побѣдимъ“! Аудиторія, въ которой были мирнообновленцы, кадеты и очень мало крайнихъ лѣвыхъ, отвѣтила ему смѣхомъ.

Роспускъ второй Думы и новый избирательный законъ поставили на распутьи конституціонализмъ въ лицѣ партіи народной свободы и отдѣльныхъ конституціоналистовъ типа покойнаго графа Гейдена. Но глубоко ошибается князь Трубецкой, думая что на распутьи же — между кадетами и правыми — стоитъ сейчасъ союзъ 17 октября въ лицѣ массы реальныхъ октябристовъ. Ихъ путь обозначенъ совершенно опредѣленно. „Документъ“ ими потерянъ безвозвратно. Октябристы— наканунѣ слиянія съ правыми и поглощенія правыми.

Два года практики вернули русскій конституціонализмъ ко времени, предшествовавшему 17-му октября. Въ настоящій моментъ можетъ имѣть мѣсто въ русской жизни конституціонализмъ требующій, протестующій, борющійся, но не охраняющій. Охранять—нечего...

В. Кузьминъ-Караваевъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1907.

Начало избирательной кампаніи.—„Истинно-русскіе люди“ въ прошедшемъ и настоящемъ.—Іезуитская программа.—Итоги реакціонной мудрости.—Союзъ 17-го октября въ его отношеніи къ лѣвымъ и правымъ сосѣдямъ.— А. С. Ермоловъ и „великая всероссійская партія“.—Земская реформа и земскій съѣздъ.— Дѣятельность „Попечительства о слѣпыхъ“ и ея современные размѣры.

Приготовленія къ предстоящей избирательной борьбѣ до сихъ поръ мало замѣтны. Положеніе большинства партій таково, что объ открытой, гласной агитаціи ихъ не можетъ, пока, быть и рѣчи. Измѣнятся ли условія, когда наступитъ избирательный періодъ — покажетъ время; теперь суетятся, кричатъ, занимаютъ всю авансцену исключительно правыя партіи. Если утомленіе, признаки котораго наблюдаются то здѣсь, то тамъ—не только кажущееся, если длинный рядъ разочарованій понизилъ общественную чувствительность и сбилъ съ толку общественную совѣсть, усилія „истинно-русскихъ“ людей могутъ, въ той или другой мѣрѣ, достигнуть цѣли; но совершенно иными должны быть ихъ результаты, если общественная жизнь не замерла, а только ушла вглубь, собираясь съ новыми силами. Въ послѣднемъ случаѣ мнимые тріумфаторы сами роютъ себѣ могилу, обнаруживаясь во всей своей наготѣ, раскрывая свою настоящую сущность и напоминая, тѣмъ самымъ, о своемъ недавнемъ прошломъ—прошломъ, къ забвенію котораго имъ всего благоразумнѣе было бы стремиться.

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ представляютъ собою вожди такъ-называемыхъ правыхъ партій,—все равно, дѣйствуютъ ли они въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, или въ сословныхъ организаціяхъ, или въ общественныхъ собраніяхъ, или въ печати? Они представляютъ собою все то, что̀ привело Россію на край гибели: презрѣніе къ народу, принесеніе интересовъ массы въ жертву интересамъ меньшин-

ства, неуваженіе къ закону, обожаніе произвола, поклоненіе грубой силѣ, неумѣнье и нежеланье понимать требованія времени. Ихъ усиліями держался государственный строй, давно переставшій соотвѣтствовать нуждамъ страны и развитію населенія — держался въ то время, когда сравнительно легко и спокойно могло совершиться его постепенное измѣненіе. При ихъ непосредственномъ участіи были доведены до крайняго упадка всѣ отрасли управленія. Ихъ дѣйствіями— или бездѣйствіемъ — было разорено крестьянство, раздраженъ искусственно размноженный и тотчасъ же заподозрѣнный въ неблагонадежности рабочій классъ, обезсилено или извращено мѣстное самоуправленіе. Ихъ свѣтобоязнь ставила преграды распространенію образованія въ широкихъ народныхъ массахъ, вносила мертвенность—въ среднюю, смуту—въ высшую школу. Ихъ политика вовлекла государство въ ненужную для него войну—и создала обстановку, при которой неизбѣжно было пораженіе. На нихъ, однимъ словомъ, лежитъ отвѣтственность за всѣ бѣдствія, которыя претерпѣла и претерпѣваетъ Россія. И вотъ, они претендуютъ теперь на роль спасителей отечества! Перенося въ политическій міръ начало, до сихъ поръ непризнанное научной медициной—similia similibus curantur,—они хотятъ увѣрить, что излечить болѣзнь можно усиленнымъ употребленіемъ средствъ, ее причинившихъ! Между ними нѣтъ никого, кто имѣлъ бы малѣйшее право на общественное довѣріе; между излюбленными ихъ пріемами нѣтъ ни одного, несостоятельность котораго много разъ не была бы доказана на опытѣ... Несчастіе Россіи заключается, между прочимъ, именно въ томъ, что подъ маскою консерваторовъ выступаютъ у насъ реакціонеры, ничего не забывшіе, ничему не научившіеся и ничему неспособные научиться.

А научиться есть чему, хотя бы въ исторіи народовъ, переживавшихъ аналогичные кризисы. До извѣстной степени напоминаютъ нашихъ ультра-монархистовъ тѣ фанатики регресса, которые заняли господствующее положеніе во Франціи послѣ второй реставраціи Бурбоновъ и вызвали такъ-называемый бѣлый терроръ; но они не успѣли причинить много вреда, потому что не на ихъ сторонѣ оказался король, не на ихъ сторонѣ оказалось министерство, и неистовствамъ ихъ меньше чѣмъ черезъ годъ былъ положенъ предѣлъ роспускомъ „рѣдкостной“ палаты депутатовъ (chambre introuvable). Нѣкоторымъ объясненіемъ ихъ образа дѣйствій служитъ, притомъ, масса событій, совершившихся между крушеніемъ и возстановленіемъ бурбонской монархіи: старина, по прошествіи четверти вѣка, могла казаться новизною, отъ поворота назадъ можно было, при большой наклонности къ самообольщенію, ожидать движенія впередъ. Такія иллюзіи немыслимы, когда замышляется возвратъ къ вчерашнему дню, всѣ

невзгоды котораго еще не успѣли изгладиться изъ памяти... Въ Пруссіи феодалы, овладѣвшіе властью послѣ 1848-го года, все-таки больше походили на консерваторовъ, чѣмъ наши „истинно-русскіе" люди. Въ прусскомъ государственномъ строѣ, когда возникло революціонное движеніе, далеко не все было расшатано до основанія. Для старой прусской бюрократіи было бы оскорбительно всякое сравненіе съ нашимъ чиновничествомъ, высшимъ и низшимъ. Стоитъ только назвать рядомъ Альтенштейна—и графа Д. А. Толстого, Бодельшвинга или Флоттвелля — и Сипягина или Плеве, чтобы понять, до какой степени традиціи и нравы прусской до-конституціонной администраціи были выше наслѣдства, оставленнаго нашимъ недавнимъ прошлымъ. Померанскіе и бранденбургскіе „юнкера" находили нѣкоторый противовѣсъ въ просвѣщенномъ дворянствѣ прусской провинціи. „Крестовая газета" никогда не падала до уровня „Московскихъ Вѣдомостей". Не такъ низко, какъ у насъ, стояло народное благосостояніе; больше сознательности и меньше озлобленности было въ народной массѣ. Много значитъ и то, что поворотъ назадъ былъ въ то время явленіемъ широко распространеннымъ; на всемъ континентѣ Европы не было ни одного крупнаго государства, которому могъ бы позавидовать прусскій либерализмъ. И все-таки побѣдоносная система очень скоро оказалась несостоятельною. Уже въ 1850-мъ году она привела монархію къ ольмюцскому позору. Воскресшій германскій сеймъ положилъ конецъ мечтамъ объ обновленіи Германіи. Рѣшеніе шлезвигъ-голштинскаго вопроса было ударомъ, нанесеннымъ въ лицо Гогенцоллернамъ. Внутри страны надменное безсиліе власти и покровительствуемыхъ ею сферъ вызывало глухое недовольство въ народѣ. Процвѣло лицемѣріе и ханжество, возмутившее, наконецъ, даже такого ревнителя преданій, какимъ былъ принцъ-регентъ. Началась новая эра, продолжавшаяся недолго, но успѣвшая разбудить народъ... Въ Австріи старый порядокъ представлялъ, въ 1848-мъ году, такую же груду развалинъ, какъ у насъ—ко времени окончанія русско-японской войны. Возстановленіе его, предпринятое Шварценбергомъ и Бахомъ, было, поэтому, обречено на неудачу. Если оно имѣло сначала кажущійся успѣхъ, это объясняется общимъ положеніемъ дѣлъ, указаннымъ нами выше—положеніемъ, благодаря которому австрійское правительство могло найти, за предѣлами своей страны, не только пассивную, но и активную поддержку. Прошло немного времени—и кое-какъ реставрированное зданіе рухнуло при первой извнѣ налетѣвшей бурѣ. Во что̀ обошлось Австріи десятилѣтіе возрожденнаго абсолютизма — это слишкомъ хорошо извѣстно... У русскаго правительства нѣтъ теперь союзника, къ которому оно могло бы обратиться, какъ Францъ-Іосифъ обратился къ Николаю I-му—да еслибы такой союз-

никъ и существовалъ, то немыслимо было бы самое обращеніе. Наполеоновская имперія, гасильница свободы, уступила мѣсто демократической республикѣ; Пруссія, полвѣка тому назадъ едва терпѣвшая у себя скромнѣйшую оппозицію, превратилась въ германскую имперію, въ рейхстагѣ которой свободно раздается рѣчь крайнихъ партій; Австрія вводитъ у себя всеобщую подачу голосовъ. Велики ли, при такой обстановкѣ, шансы обратнаго движенія?

Присмотримся теперь поближе къ требованіямъ нашихъ обскурантовъ, въ томъ видѣ, напримѣръ, въ какомъ недавно изложилъ ихъ г. Грингмутъ, говоря передъ павлово-посадскимъ собраніемъ русской монархической партіи [1]). Комментируя слова, ежедневно, со времени роспуска второй Думы, помѣщаемыя во главѣ „Московскихъ Вѣдомостей": „а теперь прежде всего нужно прекратить крамолу", г. Грингмутъ объясняетъ, когда можно будетъ считать крамолу прекратившеюся и, слѣдовательно, приступить къ „реформамъ" (реформамъ, конечно, „совсѣмъ особеннаго свойства"). Условіе, которое онъ ставитъ, заключается въ томъ, чтобы въ теченіе *цѣлаго мѣсяца* не произошло ни одного террористическаго акта. И этого мало: если затѣмъ совершится хотя бы одинъ такой актъ, все должно вернуться къ прежнему положенію, т.-е. вся правительственная дѣятельность опять должна свестись къ подавленію крамолы. „Wohl ausgesonnen, Pater Lamormain!" Хитроумный „отводъ", повидимому направленный только къ отсрочкѣ преобразовательной работы, клонится, въ сущности, къ совершенному ея прекращенію. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ и какъ можно предупредить спорадическія проявленія политическаго террора? Опытъ двухъ послѣднихъ лѣтъ показалъ наглядно, что безсиленъ, въ этомъ отношеніи, самый бдительный полицейскій надзоръ, безсильны самыя суровыя преслѣдованія, самыя жестокія кары. Мыслимо ли ставить движеніе всей государственной жизни въ зависимость отъ дѣйствій нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ, упорно вѣрящихъ въ спасительность убійства? Не ясно ли, что все могущее подорвать основанія этой вѣры, все могущее уничтожить глубокіе корни смуты, возродить надежду на свѣтлое будущее, должно быть осуществлено какъ можно скорѣе, не ожидая наружнаго успокоенія?.. Аргументацію г. Грингмута разрушаетъ, впрочемъ, онъ самъ, отказываясь объяснить, какимъ образомъ можно было бы достигнуть хотя бы временнаго перерыва террора. „Это уже дѣло правительства", восклицаетъ мудрый совѣтникъ; „на то ему и даны въ изобиліи и матеріальныя средства, и внѣшніе знаки отличія, чтобы оно во всемъ государствѣ поддержи-

[1]) Эта рѣчь напечатана, какъ передовая статья, въ № 154 „Московскихъ Вѣдомостей".

вало законность и порядокъ. Правительство (руками кн. Святополкъ-Мирскаго и графа Витте) дало намъ революцію, правительство же можетъ и взять ее обратно. А *какъ* оно возьметъ ее обратно — это ужъ его дѣло". Нѣтъ: кто толкаетъ правительство на опасную дорогу, кто ставитъ передъ нимъ, какъ нѣчто легкое и простое, безконечно сложную и трудную задачу, тотъ нравственно обязанъ доказать ея исполнимость и намѣтить средства исполненія. Еслибы въ увѣреніи, что революція въ Россіи *дана* правительствомъ, и была хоть доля истины, то отсюда еще не слѣдовало бы, что правительству стòитъ только захотѣть — и революція будетъ *взята обратно*. Припомнимъ гётевскаго „Zauberlehrling": вызвать духовъ легче, чѣмъ заставить ихъ удалиться. На самомъ дѣлѣ, конечно, правительство никакихъ духовъ не вызывало: оно только создало, безсознательно и невольно, ту почву, на которой они появились. Терроръ возобновился не при кн. Святополкъ-Мирскомъ, а при Сипягинѣ и Плеве; широкой волной онъ разлился въ промежутокъ времени, истекшій между отставкой кн. Мирскаго и назначеніемъ графа Витте.

Вторая часть рѣчи г. Грингмута посвящена перечисленію путей, на которыхъ должна происходить борьба не съ самой крамолой, а съ „очагами крамольной заразы". Такихъ очаговъ насчитывается три: печать, судъ и школа. По отношенію къ печати глава московскихъ „монархистовъ" предлагаетъ нѣчто въ родѣ законопроекта, главныя черты котораго заключаются въ слѣдующемъ: редакторъ и издатель должны совмѣщаться въ одномъ лицѣ, которое должно быть православнымъ и обладать достаточно высокимъ образовательнымъ цензомъ. Газета или журналъ немедленно прекращается, коль скоро нападаетъ на православную церковь или на самодержавную царскую власть, восхваляетъ *какое бы то ни было* преступленіе или къ нему подстрекаетъ, или содѣйствуетъ нравственному развращенію народа. Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ печать должна быть совершенно свободна, особенно въ критикѣ правительства и въ разоблаченіи бюрократическихъ злоупотребленій. За всякую ложь и клевету, допущенную газетой или журналомъ и изобличенную на судѣ, редакторъ-издатель подвергается тяжелымъ денежнымъ штрафамъ, а по третьему разу изданіе прекращается, съ запрещеніемъ издателю когда-либо снова прикасаться къ печати.—Подъ этимъ проектомъ также могъ бы подписаться тотъ отецъ-іезуитъ, о которомъ мы упомянули выше, со словъ шиллеровскаго Валленштейна. Маска свободы прикрываетъ здѣсь полнѣйшую неволю—прикрываетъ, въ сущности, не особенно искусно, какъ неискусенъ былъ и планъ патера Ламормена. Подъ нападеніе на самодержавную власть можетъ быть подведено не только всякое указаніе на конституціонный характеръ манифеста

17-го октября и основанныхъ на немъ законовъ, но и всякое порицаніе актовъ, совершаемыхъ министерствомъ отъ имени или по уполномочію императора; преступнымъ оказался бы, напримѣръ, откровенный разборъ формы и содержанія избирательнаго закона 3-го іюня. Нападеніемъ на православную церковь можетъ быть признано всякое критическое отношеніе къ ея догматамъ или обрядамъ. Еще эластичнѣе понятіе о „нравственномъ развращеніи народа"; сюда нетрудно было бы пріурочить все несовмѣстное съ благонамѣренностью, исповѣдуемою и проповѣдуемою „Московскими Вѣдомостями". Что въ рубрику „*лжи*" можно уложить всякое сообщеніе, *оффиціально* не подтвержденное,—объ этомъ свидѣтельствуетъ административная практика послѣдняго времени...

Кому же предполагается поручить примѣненіе всѣхъ этихъ коварно-растяжимыхъ постановленій? О судѣ въ рѣчи г. Грингмута упоминается только по поводу лжи и клеветы; отсюда, какъ и изъ оговорки о *немедленномъ* прекращеніи провинившихся изданій, слѣдуетъ заключить, что въ остальныхъ случаяхъ мѣсто судебной процедуры должна заступить другая, упрощенная и сокращенная форма расправы. Допустимъ, однако, что всѣ дѣла печати, при дѣйствіи грингмутовскаго закона, остались бы въ вѣдѣніи суда. Какой это былъ бы судъ—о томъ даютъ понятіе слѣдующія слова г. Грингмута: „вы знаете, какъ быстро судъ могъ бы, *еслибы захотѣлъ*, положить конецъ крамолѣ". Итакъ, нынѣшніе суды—не исключая и военныхъ, въ которыхъ сосредоточены важнѣйшія политическія дѣла, — слишкомъ мягки, слишкомъ снисходительны, можетъ быть даже тайно расположены къ крамольникамъ? Нужно, значитъ, измѣнить ихъ составъ или поставить ихъ въ такія условія, при которыхъ приговоръ могъ бы быть только отголоскомъ обвиненія? Въ рѣчи г. Грингмута это прямо не высказано—но вотъ что̀ мы прочли, два дня спустя, въ его газетѣ [1]): „всѣ суды у насъ хороши, *всѣ надо бы вымести метлою* и замѣнить *дѣйствительными судами*, а не какою-то гнусною пародіей, съ явною тенденціей издѣвательства надъ правосудіемъ". Нетрудно себѣ представить, чѣмъ были бы эти *дѣйствительные суды* въ дѣлахъ печати, да и во всѣхъ другихъ, сколько-нибудь соприкасающихся съ политикой... О школѣ, какъ и о судѣ, въ рѣчи г. Грингмута говорится немного, но достаточно ясно. Ту метлу, которую его сотрудникъ желалъ бы пустить въ ходъ по отношенію къ судамъ, самъ г. Грингмутъ рекомендуетъ примѣнить къ учебному вѣдомству, въ средѣ котораго слишкомъ слабо исполняется извѣстный циркуляръ г. Столыпина о государственной службѣ и политическихъ партіяхъ...

---

[1]) См. фельетонъ въ № 156 „Московскихъ Вѣдомостей".

Итакъ, подчиненная печать, зависимые суды, диктуемое сверху преподаваніе—вотъ къ чему сводится реакціонная политическая мудрость. Упускается изъ виду, что все это уже было, было въ избыткѣ—и принесло плоды, горечь которыхъ до сихъ поръ чувствуется обществомъ и народомъ. Недоговореннымъ въ рѣчи г. Грингмута осталось только одно, самое важное, но давно уже извѣстное изъ телеграммъ, адресовъ, газетныхъ статей и другихъ произведеній „истинно-русскихъ людей". Нужно не только прекратить крамолу—нужно вытравить изъ нашей государственной и общественной жизни все новое, внесенное въ нее событіями трехъ послѣднихъ лѣтъ. Если до прекращенія крамолы нельзя и не слѣдуетъ приступать къ преобразовательной работѣ, то незачѣмъ, очевидно, и созывать Думу, главное назначеніе которой—именно эта работа [1]); а если избраніе и открытіе Думы все-таки состоится, то нужно потребовать отъ нея только „антикрамольныхъ" мѣръ, въ родѣ намѣченныхъ г. Грингмутомъ—или отдѣлаться отъ нея какъ можно скорѣе и какъ можно основательнѣе. Съ этой точки зрѣнія „союзъ русскаго народа", со всѣми своими развѣтвленіями, враждебенъ не только умѣреннымъ и архи-умѣреннымъ конституціоналистамъ, но и министерству Столыпина, поскольку оно стоитъ, хотя бы лишь номинально, на почвѣ манифеста 17-го октября. Яркимъ выраженіемъ этой вражды служитъ всеподданнѣйшая телеграмма, посланная г. Юзефовичемъ, по уполномочію—если вѣрить „Московскимъ Вѣдомостямъ" (№ 151)—многихъ тысячъ членовъ кіевской монархической партіи: „не гоже видѣть во главѣ императорскаго правительства сановника, унижающаго государственную власть до сношеній съ шайкой низкихъ предателей... Великій Государь, благоволите первенствующій постъ во главѣ правительства Вашего ввѣрить лицу, достойному какъ царскаго, такъ и народнаго довѣрія, чувствующему и мыслящему по русски". Да, настоящій предметъ стремленій и желаній котеріи, прикрывающейся именемъ „русскаго народа"—полное, безграничное торжество всего отжившаго, осужденнаго опытомъ, потерявшаго право на существованіе. Чтобы достигнуть цѣли, эти самозванцы [2]) не отступаютъ ни передъ какими средствами

---

[1]) „Созывъ Государственной Думы"—читаемъ мы въ № 136 „Московскихъ Вѣдомостей"—„слѣдуетъ отсрочить до водворенія мира въ Россіи... Самые выборы, назначенные въ революціонное время, едва ли слѣдуетъ признать нормальными... Правительству необходимо заняться всецѣло подавленіемъ революціи, ломкой же всего стараго повременить и коренныя реформы, *если онѣ нужны*, отложить до успокоенія страны". Въ подчеркнутыхъ нами словахъ основная нота реакціонной пѣсни прозвучала съ особенною ясностью.

[2]) Признаніе въ самозванствѣ мы находимъ въ словахъ самого г. Грингмута, сопоставленныхъ съ обычными увѣреніями его газеты. „Союзъ русскаго народа"—сказано, напримѣръ, въ передовой статьѣ № 131 — „не какая-нибудь партія: онъ

и, только въ этомъ слѣдуя примѣру ненавистной имъ первой Думы, прямо заявляютъ недовѣріе къ министерству.

Чтобы покончить съ „союзомъ русскаго народа" и его приспѣшниками, остановимся на обращеніи къ избирателямъ-крестьянамъ, напечатанномъ на дняхъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" (№№ 156 и 157). Характерно въ немъ все: и тонъ, поддѣлывающійся подъ простонародную рѣчь, и обиліе ругательныхъ выраженій, и намѣренное отождествленіе разнородныхъ элементовъ, и необузданное сочинительство, доходящее, напримѣръ, до поголовнаго обвиненія оппозиціонныхъ членовъ Думы („соціалистовъ, кадетовъ и другихъ негодяевъ") въ намѣреніи убить Царя и уничтожить православную вѣру, и, наконецъ, призывъ выбирать людей, стоящихъ за Царя самодержавнаго и *неограниченнаго*. Не на это, однако, мы считаемъ нужнымъ обратить вниманіе читателей, а на разницу между первой и второй редакціями воззванія. Въ первой было сказано: „когда въ деревнѣ начальство объявитъ день выборовъ, то въ этотъ день *всѣ крестьяне, имѣющіе свою усадьбу и живущіе въ ней не менѣе одного года, идутъ въ волостное правленіе и тамъ, на волостномъ сходѣ, выбираютъ изъ своей среды двухъ человѣкъ*". Во второй редакціи то же мѣсто изложено такъ: „когда въ деревнѣ начальство объявитъ день думскихъ выборовъ, то въ этотъ день *всѣ крестьяне, которые состоятъ выборными въ волостномъ сходѣ, выбираютъ изъ своей среды двухъ человѣкъ*". Дѣло въ томъ, что первая редакція воззванія шла прямо въ разрѣзъ съ избирательнымъ закономъ, по которому (и въ прежнемъ, и въ новомъ его видѣ) избраніе уполномоченныхъ отъ волостей предоставлено не всѣмъ осѣдлымъ въ предѣлахъ волости домохозяевамъ-крестьянамъ, а только тѣмъ изъ нихъ, которые состоятъ членами волостного схода. Составители и распространители воззванія не потрудились справиться съ закономъ—и не нашли нужнымъ оговорить допущенную ими ошибку, когда она, послѣ обнародованія воззванія, была раскрыта [1]). Весьма возможно, что крестьяне, до которыхъ дошла

есть не что иное, какъ самъ русскій народъ, объединившійся въ общій многомилліонный союзъ на защиту своей церкви, своего Царя и своей родины". А въ рѣчи г. Грингмута, упомянутой нами выше, мы читаемъ вотъ что: „друзья мои увѣряютъ, что я (ежедневно повторяемымъ напоминаніемъ о необходимости прекратить крамолу) выражаю желаніе русскаго народа. *Не знаю. Ни я, ни кто другой не имѣетъ права говорить отъ имени этого сфинкса*, загадокъ котораго никто разрѣшить не можетъ. Я говорю только свое личное мнѣніе". Рекомендуемъ эти слова вниманію единомышленниковъ г. Грингмута—и его самого.

[1]) Другая ошибка, менѣе важная, осталась неисправленною: на основаніи ст. 37 новаго избирательнаго закона волостной сходъ можетъ выбирать уполномоченныхъ *не только изъ своей среды*.

только первая редакція воззванія, явятся на волостной сходъ и потребуютъ допущенія къ голосованію; менѣе вѣроятно, но возможно и то, что требованіе ихъ кое-гдѣ будетъ уважено, по незнанію или непониманію закона, или въ видахъ содѣйствія „благополучному" результату выборовъ... Хороши, нечего сказать, руководители и совѣтчики, для которыхъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, законъ не писанъ!

Какъ бы незначителенъ ни былъ, на самомъ дѣлѣ, запасъ внутреннихъ силъ, которымъ располагаютъ „истинно-русскіе люди" всѣхъ родовъ и всѣхъ наименованій, они могутъ одержать цѣлый рядъ избирательныхъ побѣдъ, опираясь, съ одной стороны, на новый избирательный законъ, съ другой—на благосклонность власти. Бой будетъ неравенъ уже потому, что изъ всѣхъ партій, не примыкающихъ къ „союзу русскаго народа", легализованы только двѣ: союзъ 17-го октября и партія мирнаго обновленія. Партія мирнаго обновленія, сильная, покамѣстъ, только именами нѣкоторыхъ своихъ вождей, слишкомъ малочисленна, чтобы съиграть видную роль на выборахъ. Союзъ 17-го октября, несмотря на двухлѣтнее почти существованіе, все еще представляетъ собою какую-то неопредѣленную величину. Во второй Думѣ его члены, за исключеніемъ развѣ одного профессора Капустина, не отдѣлялись съ достаточною ясностью отъ крайнихъ правыхъ. На іюньскомъ земскомъ съѣздѣ высоко поднявшаяся реакціонная волна не встрѣтила отпора со стороны А. И. Гучкова. Всего естественнѣе, повидимому, было бы предвыборное соглашеніе всѣхъ приверженцевъ мирнаго прогресса и конституціоннаго строя, отъ октябристовъ до „кадетъ"—соглашеніе, къ которому такъ краснорѣчиво взывалъ кн. Е. Н. Трубецкой. Трудность его, однако, весьма велика. На пути къ нему стоитъ преградой не только воспоминаніе о взаимныхъ обвиненіяхъ, такъ недавно еще раздававшихся на избирательныхъ собраніяхъ, но и глубокое разногласіе по вопросамъ, которые нелегко забыть и устранить, хотя бы на время. Сюда относятся въ особенности вопросы соціальные, отодвинутые на второй планъ обостреніемъ политической борьбы, но не перестающіе волновать умы и разжигать страсти. Единственнымъ возможнымъ выходомъ изъ тяжелаго положенія кажется намъ рѣшительный шагъ влѣво со стороны октябристовъ. Неужели они все еще не видятъ, до какой степени имъ вредилъ и вредитъ ихъ колеблющійся образъ дѣйствій по отношенію къ ихъ правымъ сосѣдямъ? Неужели они все еще готовы идти навстрѣчу тѣмъ, кто, осыпая ихъ насмѣшками и укоризнами, отрицаетъ самое ихъ знамя—манифестъ 17-го октября, подкапывается подъ самую основу

ихъ позиціи? Неужели они не понимаютъ, что для ихъ стремленій не оставитъ ни малѣйшаго мѣста реставрація, произведенная по рецепту гг. Дубровина, Пуришкевича и Грингмута? Мы не можемъ себѣ представить такой комбинаціи условій, при которой искренніе конституціоналисты могли бы, не впадая въ противорѣчіе сами съ собою и не отрекаясь отъ своего символа вѣры, идти рука объ руку съ прислужниками абсолютизма. Еслибы въ средѣ партіи, причисляющей себя къ стану защитниковъ свободы, разъ навсегда была брошена мысль о противоестественныхъ сдѣлкахъ съ худшими ея врагами, для октябристовъ осталось бы только два исхода: либо проводить, гдѣ это представляется возможнымъ, своего собственнаго кандидата, собственными силами, либо отдать свои голоса кандидату, принадлежащему или близкому къ конституціоналистамъ-демократамъ. Весьма можетъ быть, что на сторонѣ октябристовъ оказались бы тогда, въ иныхъ случаяхъ, голоса партіи народной свободы. Немыслимъ, другими словами, формальный союзъ между октябристами и „кадетами"— но вполнѣ возможна и нормальна не выговоренная заранѣе, слагающаяся сама собою, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, взаимная ихъ поддержка.

Насъ могутъ спросить, въ чемъ же заключается шагъ влѣво, рекомендуемый нами октябристамъ, и почему мы не обращаемся къ партіи народной свободы съ увѣщаніемъ подвинуться вправо? Мы отвѣтимъ на это, что партія народной свободы во второй Думѣ уже подвинулась вправо, насколько это позволяла ей ея программа. Она доказала свое умѣнье и свою готовность вести борьбу на два фронта; она много разъ шла наперекоръ крайнимъ лѣвымъ и неуклонно оставалась вѣрной легальной почвѣ, удерживая на ней, сплошь и рядомъ, большинство Думы; она вынесла на своихъ плечахъ почти всю тяжесть законодательной работы, которая—чтò бы ни говорили враги народнаго представительства—была весьма велика и въ первой, и во второй Думѣ. „Кадетамъ" нечего измѣнять теперь ни въ своей программѣ, ни въ своей тактикѣ: первая давно уже опредѣлилась вполнѣ, въ послѣдней не осталось слѣда отъ прежде допущенныхъ ошибокъ [1]). Въ иномъ положеніи находится союзъ 17-го октября: его программа требуетъ выясненія, его тактика до сихъ поръ представляется неустойчивой и противорѣчивой. Шагомъ влѣво, о которомъ мы говоримъ,

[1]) Болѣе чѣмъ страннымъ кажется намъ продолжающееся до сихъ поръ повтореніе упрековъ, которые партія народной свободы навлекла на себя выборгскимъ воззваніемъ. Она не только взяла его назадъ на прошлогоднемъ гельсингфорсскомъ съѣздѣ, но опровергла его всею своею послѣдующею дѣятельностью. Исправленная ошибка—въ особенности такая объяснимая, какъ въ данномъ случаѣ, — перестаетъ быть законнымъ поводомъ къ обвиненію.

могъ бы быть именно безповоротный разрывъ съ „истинно-русскими людьми“ и отказъ отъ всякихъ колебаній по главнымъ политическимъ вопросамъ.

Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. Въ печати оглашена недавно предвыборная программа монархическихъ организацій западныхъ губерній. Во главѣ управленія окраинами—гласитъ программа—должны стоять православные, русскіе по духу люди; въ администраціи, судѣ и школѣ долженъ господствовать исключительно русскій языкъ; школа на окраинахъ должна быть такова, чтобы подъ ея вліяніемъ инородцы проникались идеями и стремленіями русскаго народа; должны быть приняты мѣры къ упроченію русскаго землевладѣнія на окраинахъ; чиновники на окраинахъ должны пользоваться особыми привилегіями по службѣ; при пріемѣ на государственную и *общественную* (!) службу на окраинахъ слѣдуетъ обращать вниманіе на готовность принимаемаго быть насадителемъ русскаго дѣла среди инородцевъ. Не входя въ разборъ этой програмы, повторяющей и возводящей въ систему всѣ роковыя ошибки традиціонной окраинной политики, спросимъ себя, какъ должны отнестись къ ней сколько-нибудь послѣдовательные октябристы? Неужели недостаточно ея одной, чтобы провести непереходимую грань между мирмидонами абсолютизма и сторонниками обновленнаго государственнаго строя? Союзъ 17-го октября можетъ находить, что партія народной свободы идетъ слишкомъ далеко, допуская автономію окраинъ—но онъ не можетъ не стоять, вмѣстѣ съ „кадетами“, за права мѣстныхъ языковъ и національной школы, не можетъ не осуждать, вмѣстѣ съ „кадетами“, всякую попытку обрусенія такихъ „инородцевъ“, какъ поляки, нѣмцы, латыши, литовцы. Другими словами, въ національномъ вопросѣ у союза 17-го октября и у партіи народной свободы есть общая почва, позволяющая идти, *до извѣстнаго пункта*, рука объ руку. Наоборотъ, пути октябристовъ и „монархистовъ“ расходятся съ самаго начала, расходятся въ діаметрально противоположныя стороны... Аналогичнымъ взаимное отношеніе партій является и по многимъ другимъ вопросамъ. Пока союзъ 17-го октября хоть сколько-нибудь оправдываетъ свое названіе, для него логически и нравственно невозможна совмѣстная дѣятельность съ правыми партіями — и вполнѣ естественно нѣкоторое сближеніе съ партіей народной свободы и примыкающими къ ней группами конституціоннаго центра.

Слишкомъ близки новые выборы, чтобы имъ могла предшествовать организація новыхъ партій или перегруппировка существующихъ. Совершенно лишены почвы мечты объ образованіи „великой всероссійской народной партіи“, въ основаніи которой лежали бы „величіе,

крѣпость, сила и благо Россіи, свобода русскаго народа, право и неприкосновенность всѣхъ вѣрныхъ гражданъ русской земли, безъ различія сословій, классовъ, вѣроисповѣданій и національностей". Всѣ эти хорошія слова допускаютъ весьма различныя толкованія. Нѣтъ такой партіи, которая не желала бы или не выставляла себя желающею народнаго блага; все дѣло въ томъ, что̀ понимать подъ именемъ народнаго блага и ка̀къ стремиться къ его осуществленію. Нѣтъ, слѣдовательно, такой партіи, программа которой могла бы ограничиться номенклатурой въ родѣ приведенной выше. Въ эту номенклатуру, авторомъ которой является А. С. Ермоловъ [1]), введены, впрочемъ, и такія черты, которыя не укладываются въ рамки неопредѣленнаго прекраснодушія. Неприкосновенность гарантируется *вѣрнымъ* гражданамъ русской земли — а демаркаціонную черту между „вѣрными" и „невѣрными" очень трудно провести и очень легко нарушить. Формула г. Ермолова напоминаетъ намъ другую: „que les méchants tremblent, que les bons citoyens se rassurent". Трепетъ, отводимый на долю „злыхъ", несомнѣнно долженъ былъ бы стать участью „невѣрныхъ"... Не менѣе характерна оговорка, дѣлаемая г. Ермоловымъ въ концѣ приведенной нами цитаты: равноправіе, независимое отъ классовъ, вѣроисповѣданій и національностей, обѣщается настолько, „насколько оно совмѣстимо съ интересами главной массы русскаго народа и не создаетъ опасности для него самого и для государства". Мы готовы вѣрить, что въ намѣренія автора оговорки не входитъ широко-распространительное ея толкованіе; но что съ ея помощью равноправіе можетъ быть сведено къ нулю—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Вотъ, напримѣръ, что̀ мы прочли недавно въ той же газетѣ, гдѣ пишетъ г. Ермоловъ: „всякій школьникъ пойметъ, что въ *русскій* парламентъ должны быть призваны лишь русскіе люди, да и изъ русскихъ людей — лишь вѣрные сыны Россіи, т.-е. такіе, для которыхъ честь и счастье родины дѣйствительно были бы выше всего... Показалось бы страннымъ, еслибы въ нашъ парламентъ явились, напримѣръ, испанцы или бразильцы, люди совсѣмъ намъ чуждые; но почему-то не кажется страннымъ, что въ русскомъ парламентѣ засѣдаютъ евреи, поляки, латыши, армяне, которые заявляютъ себя не только столь же чуждыми, какъ испанцы, но вдобавокъ еще сумасшедше-враждебными намъ" [2]). Такъ безцеремонно выдавать за несомнѣнную истину нѣчто прямо ей противоположное способны, конечно, немногіе; можно стоять, по своему развитію, на уровнѣ школьника— даже плохого школьника — и все-таки понимать, что въ парламентѣ

---

[1]) См. № 11254 „Новаго Времени".

[2]) См. статью: „Какъ это могло случиться" въ № 11251 „Новаго Времени".

россійской имперіи должны быть представлены, за исключеніемъ развѣ совершенныхъ дикарей, *всѣ* составныя части населенія. Въ смягченномъ видѣ „истинно-русскія" разсужденія, пріурочивающія право къ національности, встрѣчаются теперь не въ однѣхъ только услужливыхъ газетахъ: они не остались безъ вліянія на избирательный законъ 3-го іюня... Общія мѣста въ родѣ тѣхъ, которыми г. Ермоловъ опредѣляетъ „великую всероссійскую партію", должны быть признаны, поэтому, не только безполезными, но и опасными.

Существующимъ теперь партіямъ г. Ермоловъ вмѣняетъ въ вину съ одной стороны ихъ многочисленность, съ другой — преслѣдованіе общеопасныхъ или личныхъ, своекорыстныхъ цѣлей. Не знаемъ, какимъ образомъ г. Ермоловъ насчиталъ во второй Думѣ свыше тридцати различныхъ фракцій; ихъ было на самомъ дѣлѣ далеко не такъ много — а къ очень небольшой цифрѣ число партій, въ первомъ періодѣ конституціонной жизни, не сводилось и не сводится нигдѣ. Съ теченіемъ времени партіи, болѣе или менѣе близкія другъ къ другу, сливаются въ одно цѣлое; но даже въ Германіи, даже во Франціи ихъ развѣ немногимъ меньше, чѣмъ у насъ—и большой бѣды отъ того не происходитъ. По каждому отдѣльному вопросу всегда можетъ состояться соглашеніе между партіями: примѣровъ этому мы видѣли немало и въ первой, и во второй Государственной Думѣ... Огульное заподозриванье цѣлыхъ партій—пріемъ, отъ котораго пора было бы отказаться въ серьезной полемикѣ. Нѣтъ такой партіи, которая, въ концѣ концовъ, не могла бы войти въ колею легальной дѣятельности, если только эта колея не остается для нея искусственно закрытой. Въ Германіи — говоритъ г. Ермоловъ — даже соціалистическая партія не можетъ считаться анти-государственной. Совершенно вѣрно: но почему? Потому что ей открытъ свободный доступъ въ рейхстагъ и она подчинена, наравнѣ со всѣми другими, только общему праву. „Анти-государственною" она была не дальше, какъ семнадцать лѣтъ тому назадъ, когда надъ нею тяготѣли исключительные законы... Что касается до стремленія къ власти, свойственнаго сильнымъ партіямъ, то въ основаніи его лежитъ, сплошь и рядомъ, законное и естественное желаніе проводить въ жизнь свои идеалы. Безспорно, къ этому мотиву примѣшиваются иногда другіе, менѣе высокаго свойства: но гдѣ же ручательство въ томъ, что имъ была бы чужда „великая всероссійская народная партія"?...

Весьма возможно, что въ третьей Государственной Думѣ на первый планъ быстро выдвинутся такъ называемые дѣловые вопросы—вопросы большой, глубокой важности, но менѣе рѣшительно и менѣе прямо затрогивающіе злобу дня, чѣмъ нѣкоторые другіе, до сихъ поръ обра-

щавшіе на себя особое вниманіе народнаго представительства. Къ числу такихъ дѣловыхъ вопросовъ принадлежитъ земская реформа. Правительствомъ она поставлена на очередь въ декларацін, прочитанной П. А. Столыпинымъ 6-го марта. Извѣстенъ и самый текстъ составленныхъ министерствомъ правилъ объ избраніи уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ гласныхъ. Эти правила обсуждались на земскомъ съѣздѣ, засѣдавшемъ въ Москвѣ съ 10-го по 15-ое минувшаго іюня.

Усиленно подчеркивая свой земскій характеръ, именуя себя *первымъ* истинно земскимъ съѣздомъ, отвергая всякую солидарность съ съѣздами 1904-го и 1905-го гг., московскій іюньскій съѣздъ, въ сущности, меньше всего былъ земскимъ, меньше всего представлялъ собою земство, понимаемое какъ совокупность близкаго къ землѣ, связаннаго съ землею населенія. Въ его рѣшеніяхъ отразились чувства и взгляды небольшой дворянско-землевладѣльческой группы, долго игравшей въ земствѣ пассивную роль, на короткое время примкнувшей, нерѣшительно и робко, къ освободительному движенію и поспѣшно повернувшейся къ нему спиною, какъ только оно охватило широкія сферы—и потерпѣло первыя неудачи. Съ точки зрѣнія этой группы нежелательно коренное преобразованіе земскихъ учрежденій, которыя, въ настоящемъ своемъ видѣ, могутъ быть использованы въ ея интересахъ и служить основой ея вліянія какъ на мѣстахъ, такъ и въ центрѣ государственной жизни. Длинный рядъ побѣдъ, одержанныхъ правыми партіями на прошлогоднихъ земскихъ выборахъ, является, въ ихъ глазахъ, лучшимъ доказательствомъ превосходства дѣйствующихъ избирательныхъ порядковъ. Требованіямъ времени большинство съѣзда признало нужнымъ сдѣлать только одну уступку: оно отказалось поддерживать сословное начало въ земскихъ выборахъ. Предполагалось, очевидно, что господствующее положеніе помѣстнаго дворянства можетъ быть обезпечено и безъ сохраненія этой точки надъ і, съ помощью имущественнаго ценза, нѣсколько, пожалуй, пониженнаго, но отнюдь не замѣненнаго „опаснымъ“, вслѣдствіе своей растяжимости, цензомъ налоговымъ.

Главныя усилія большинства съѣзда были направлены къ тому, чтобы замедлить, задержать земскую реформу. Прямо провозгласить ея несвоевременность съѣздъ не рѣшился, но намѣтилъ путь, косвенно ведущій къ той же цѣли: онъ высказался за разработку земской избирательной реформы очередными уѣздными и губернскими земскими собраніями, въ связи съ заключеніями которыхъ и долженъ быть пересмотрѣнъ министерскій проектъ. Не случайно, какъ видно изъ предшествовавшихъ преній и голосованій, въ резолюціи съѣзда идетъ рѣчь не о передачѣ проекта на обсужденіе земскихъ собраній, а о *разработкѣ* ими земской реформы, т.-е. о разсмотрѣніи вопроса

заново, какъ будто бы онъ только-что поставленъ и ничего еще не приготовлено для его рѣшенія. Такую работу трудно исполнить въ теченіе одной сессіи уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраній. Если приняться за нее серьезно, понадобится выборъ подготовительныхъ коммиссій [1]), затѣмъ созывъ экстренныхъ собраній—понадобится, другими словами, отсрочка всего дѣла на неопредѣленное, продолжительное время. Въ результатѣ получится масса проектовъ, идущихъ въ разныя стороны, противорѣчащихъ одинъ другому, бо̀льшею частью незаконченныхъ, неотдѣланныхъ. Много времени и труда потребуетъ ихъ группировка, сравненіе ихъ между собою, сведеніе итоговъ и, наконецъ, составленіе новаго законопроекта, болѣе или менѣе близкаго къ настроенію руководящихъ земскихъ сферъ.

Почему большинству участниковъ іюньскаго съѣзда такъ сильно хотѣлось положить реформу въ долгій ящикъ—объ этомъ можно судить, между прочимъ, по докладу, представленному однимъ изъ нихъ, какъ предсѣдателемъ коммиссіи саратовскаго губернскаго земства. „Нельзя не признать"—говоритъ гр. А. А. Уваровъ,—„что въ переживаемую нынѣ тревожную минуту всѣ устои общественной и государственной жизни являются до послѣдней степени поколебленными; нѣтъ ни одной части государственнаго организма, которая дѣйствовала бы совершенно нормально. Въ виду этого, невольно является сомнѣніе, насколько политически благоразумно въ настоящую переходную минуту разрушать основанія существующаго земства, которое въ данное время въ громадномъ большинствѣ губерній является рѣшительно сторонникомъ государственнаго порядка и мирнаго, постепеннаго развитія нашей государственности. Обезсиливать въ данную минуту послѣдній оплотъ государственнаго порядка поспѣшными, недостаточно обоснованными законами было бы крайне печально". Та же самая мысль, только менѣе опредѣленно, проводится въ брошюрѣ другого организатора іюньскаго съѣзда, гр. Д. А. Олсуфьева: онъ находитъ „весьма спорнымъ" вопросъ о томъ, „насколько полезно при настоящемъ кризисѣ, переживаемомъ Россіей, торопиться съ ломкою такихъ учрежденій, которыя, въ общемъ, дѣйствуютъ удовлетворительно и еще недавно признавались за лучшія русскія учрежденія нашими самыми радикальными оппозиціонными партіями [2])". На съѣздѣ

[1]) Нѣкоторыми губернскими земскими собраніями такія коммиссіи выбраны уже теперь; но едва ли онѣ окончатъ свой трудъ настолько заблаговременно, чтобы его результаты могли быть сообщены ближайшимъ очереднымъ уѣзднымъ собраніямъ.

[2]) Замѣтимъ, мимоходомъ, что *лучшими* земскія учрежденія могли считаться, при дѣйствіи стараго порядка, лишь въ сравненіи съ другими, еще менѣе совершенными. Необходимость *коренной* земской реформы провозглашалась много разъ и въ печати, и въ самихъ земскихъ собраніяхъ. Чтобы стоять за нее, вовсе не нужно было быть „радикаломъ".

тезисъ о несвоевременности земской реформы нашелъ откровенныхъ защитниковъ, прямо заявлявшихъ, что надо сначала подавить анархію, а потомъ уже приступить къ преобразованію земскихъ учрежденій—преобразованію, не имѣющему, конечно, ничего общаго съ „демократизаціей“ земства.

Совершенно невѣрной кажется намъ исходная точка всей этой аргументаціи. Земскія учрежденія „поколеблены“, въ настоящую минуту, отнюдь не меньше, чѣмъ всѣ остальные „устои“ стараго порядка. Ни для кого и ни для чего они „оплотомъ“ служить не могутъ; наоборотъ, они сами нуждаются въ искусственной поддержкѣ. Связь ихъ съ населеніемъ, и прежде слабая, теперь окончательно подорвана. Прежде народъ мало зналъ земство, мало понималъ его значеніе и назначеніе; теперь, по мѣрѣ пробужденія сознанія, онъ начинаетъ видѣть въ существующихъ земскихъ учрежденіяхъ нѣчто въ лучшемъ случаѣ—чужое, въ худшемъ—враждебное. Съ теченіемъ времени этотъ взглядъ можетъ только обостряться, потому что земскія собранія, въ новомъ своемъ составѣ, все чаще и все рѣшительнѣе сворачиваютъ на дорогу, идущую въ разрѣзъ съ интересами народной массы. Вездѣ слышатся жалобы на слабое поступленіе земскихъ сборовъ, отражающееся все больше и больше на всѣхъ отрасляхъ земскаго хозяйства. Наблюдается оно уже не первый годъ, и мы не станемъ утверждать, что единственной его причиной служитъ перемѣна въ земской политикѣ; но пока борьба противъ него ведется исключительно путемъ полицейскихъ мѣропріятій, до тѣхъ поръ нельзя говорить о благополучномъ земствѣ, какъ объ опорѣ для неблагополучной государственности. Чѣмъ тревожнѣе переживаемое нами время, тѣмъ важнѣе водворить на мѣстахъ спокойствіе и порядокъ — настоящій порядокъ, основанный не на одной только грубой силѣ: а эту задачу можетъ исполнить только земство, пользующееся довѣріемъ населенія, охватывающее собою всѣ его составныя части. Только въ радикально обновленномъ, „демократизованномъ“ земствѣ можетъ пустить корни мелкая земская единица, необходимость которой, признанную, наконецъ, правительствомъ, не рѣшился отрицать даже іюньскій съѣздъ. Спѣшить, а не медлить, слѣдуетъ съ земской реформой, не даромъ внушающей такой страхъ представителямъ реакціи и застоя.

Можно ли, однако, допустить, чтобы къ участію въ составленіи законопроекта, измѣняющаго земскую избирательную систему, не были призваны существующія земскія учрежденія? Необходимость такого участія съ особеннымъ усердіемъ старались доказать организаторы и члены іюньскаго съѣзда. „Важнѣйшее условіе правильной законодательной дѣятельности“ — читаемъ мы въ упомянутой уже нами брошюрѣ гр. Олсуфьева—„заключается въ разумной выработкѣ самыхъ

законопроектовъ, а не въ тѣхъ поправкахъ, которыя вносятся въ нихъ при обсужденіи ихъ палатами. Участіе земствъ въ подготовкѣ законопроекта въ значительной степени упростило бы работу высшихъ законодательныхъ учрежденій... Непосредственно касающемуся ихъ вопросу земства могутъ удѣлить гораздо больше вниманія, чѣмъ высшія законодательныя учрежденія, у которыхъ на очереди разсмотрѣніе цѣлаго ряда законопроектовъ по различнымъ отраслямъ государственнаго управленія... Кому можетъ быть лучше извѣстно земское дѣло: всѣмъ ли земствамъ Россіи въ совокупности, или Государственной Думѣ, составъ которой едва ли на одну десятую состоитъ изъ земцевъ?... Основательному обсужденію земской реформы въ Думѣ можетъ помѣшать самый характеръ обсужденія тамъ этого вопроса: въ законодательныхъ собраніяхъ и въ земствахъ онъ будетъ разсматриваться подъ различными углами зрѣнія. Можно ожидать съ полною вѣроятностью, что земская реформа въ Думѣ будетъ обсуждаться съ точекъ зрѣнія различныхъ политическихъ доктринъ, тогда какъ въ земствахъ обсужденіе ея будетъ характера дѣлового".

Ни съ однимъ изъ разсужденій гр. Олсуфьева согласиться нельзя. Онъ ошибается, прежде всего, когда придаетъ больше значенія „разумной выработкѣ законопроекта", чѣмъ поправкамъ, вносимымъ въ него законодательнымъ собраніемъ. Все дѣло въ томъ, каковы первоначальныя постановленія—и каковы поправки. Если поправки не идутъ дальше подробностей и мелочей, онѣ, конечно, имѣютъ сравнительно небольшой удѣльный вѣсъ; но вѣдь онѣ могутъ касаться самыхъ основъ проекта, могутъ не только слегка измѣнять его, но и замѣнять въ немъ одно другимъ, иногда прямо противоположнымъ. Важно, поэтому, не то, много ли различныхъ силъ было привлечено къ составленію законопроекта, а то, въ какомъ направленіи дѣйствуютъ эти силы. Если оно близко къ тому, которое господствуетъ въ законодательномъ собраніи, работа послѣдняго можетъ быть облегчена и упрощена — *и наоборотъ*. А гдѣ же ручательство въ томъ, что земства, въ нынѣшнемъ ихъ составѣ, помогутъ создать проектъ, пріемлемый для Государственной Думы?... Допустимъ, что земскія собранія будутъ привлечены къ участію въ разработкѣ земской избирательной реформы. Что̀ будетъ служить предметомъ обсужденія въ собраніяхъ: техническія детали реформы или ея основныя начала? Конечно—послѣднія. Вездѣ возгорится споръ о предѣлахъ активнаго и пассивнаго избирательнаго права, о группировкѣ избирателей по куріямъ, о различныхъ видахъ ценза, о примѣнимости пропорціональныхъ выборовъ. Въ этомъ спорѣ „дѣловой" характеръ неизбѣжно уступитъ мѣсто „принципіальному": лучшимъ доказательствомъ тому можетъ служить примѣръ іюньскаго съѣзда, представлявшаго собою

квинтъ-эссенцію современнаго земства. Между тѣмъ, въ области принциповъ Государственная Дума несравненно болѣе компетентна, нежели земскія собранія, какъ потому, что для нея земская реформа — только часть великаго преобразовательнаго дѣла, обнимающаго собою всю государственную и общественную жизнь, такъ и потому, что кругозоръ народнаго представительства, даже при дѣйствіи крайне несовершеннаго избирательнаго закона, не можетъ не быть болѣе широкимъ, чѣмъ кругозоръ земскихъ собраній. Въ Государственной Думѣ раздадутся и такіе голоса, для которыхъ нѣтъ мѣста въ нынѣшнемъ земствѣ; въ Государственной Думѣ каждый взглядъ найдетъ защитниковъ, найдетъ и противниковъ, и столкновеніе мнѣній ничего не оставитъ невыясненнымъ и неосвѣщеннымъ. Если и предположить, что въ томъ или другомъ земскомъ собраніи будетъ сказано нѣчто особенно вѣское и цѣнное, то вѣдь до центральной власти и до Государственной Думы оно дойдетъ только въ видѣ протокольной записи, все обезцвѣчивающей и мертвящей. Подавляющей окажется самая масса бумажнаго матеріала; придется провести ее черезъ канцелярскій прессъ, подъ которымъ легко можетъ измѣниться не только ея объемъ, но и ея окраска.

Съ особенною силой все сказанное нами до сихъ поръ примѣняется именно къ земской *избирательной* реформѣ. Еслибы дѣло шло о функціяхъ земства, о предѣлахъ его власти, о средствахъ, которыми оно располагаетъ, объ отношеніяхъ его къ администраціи, можно было бы, пожалуй, предположить, что по всѣмъ этимъ вопросамъ земскіе дѣятели обладаютъ широкимъ опытомъ, которымъ необходимо воспользоваться при составленіи соотвѣтствующихъ законопроектовъ; но много ли значитъ опытъ въ вопросѣ о выборномъ правѣ? Не ясно ли, что консервативно или реакціонно настроенное земство будетъ отстаивать, per fas et nefas, порядокъ, благодаря которому оно существуетъ—и съ измѣненіемъ котораго въ прогрессивномъ духѣ оно неизбѣжно должно будетъ сойти со сцены? Не ясно ли, что въ пересмотрѣ земской избирательной системы рѣшающее значеніе должно принадлежать общегосударственнымъ соображеніямъ, а не домогательствамъ небольшого привилегированнаго меньшинства?.. Скажемъ болѣе: отъ земскихъ собраній, въ настоящемъ ихъ составѣ, нельзя, вообще, ожидать особенно полезныхъ указаній. На разсмотрѣніе іюньскаго съѣзда былъ внесенъ проектъ резолюціи, признававшей неотложность *полной, всесторонней* земской реформы, т.-е. ставившей на ближайшую очередь, вмѣстѣ съ измѣненіемъ правилъ о земскихъ выборахъ, пересмотръ всѣхъ постановленій, опредѣляющихъ функціи земства, его средства и его отношенія къ административной власти. Большинство съѣзда отклонило эту резолюцію, находя, что именно расширеніе земскаго избиратель-

наго права, какъ бы скромны ни были его размѣры, устраняетъ возможность одновременныхъ нововведеній въ области правъ и обязанностей земскихъ учрежденій. Чѣмъ будетъ новое земство—неизвѣстно; нельзя, поэтому, расширять его кругъ дѣйствій, нельзя увеличивать его самостоятельность... Пока таковъ взглядъ, господствующій въ наиболѣе вліятельныхъ земскихъ сферахъ, до тѣхъ поръ немногаго можно ожидать отъ обращенія къ земскимъ собраніямъ съ какимъ бы то ни было вопросомъ, касающимся земской реформы.

Итакъ — могутъ спросить насъ — земскимъ собраніямъ слѣдуетъ запретить всякое обсужденіе земскаго вопроса или, по меньшей мѣрѣ, игнорировать все то, что̀ они могутъ сказать по этому предмету? Само собою разумѣется, что мы ничего подобнаго не думаемъ и не предлагаемъ. Какъ и прежде, когда земство обрѣталось не въ авантажѣ, мы стоимъ за полную свободу земскихъ ходатайствъ. Пускай земскія собранія выбираютъ особыя коммиссіи для обсужденія правительственныхъ предположеній, пускай составляютъ свои контръ-проекты, пускай обращаются къ правительству съ какими угодно просьбами и заявленіями: никакой бѣды, никакого неудобства мы въ этомъ не видимъ. Мы желаемъ только одного: чтобы въ ожиданіи земскихъ заключеній не замедлялся ходъ дѣла, чтобы министерство, вслѣдъ за открытіемъ третьей Думы, внесло туда законопроекты, обнимающіе собою всѣ стороны земской реформы, и чтобы Дума безотлагательно приступила къ ихъ разсмотрѣнію. Если къ этому времени успѣютъ высказаться всѣ или нѣкоторыя земскія собранія, ихъ мнѣнія, конечно, должны находиться въ виду Думы, какъ и всѣ вообще матеріалы по земскому дѣлу; ошибочно было бы только придавать имъ какую-то особенную важность, усматривать въ нихъ голосъ значительной части населенія... Напрасно опасается гр. Олсуфьевъ, что Дума отнесется къ земскому вопросу съ меньшимъ вниманіемъ, чѣмъ земскія собранія. Для предварительнаго разсмотрѣнія законопроектовъ, проводящихъ земскую реформу, будетъ избрана, безъ сомнѣнія, особая думская коммиссія, въ составъ которой войдутъ, какъ всегда, лица спеціально знакомыя съ дѣломъ. Земскихъ дѣятелей было немало и въ первой, и во второй Государственной Думѣ; немало ихъ будетъ, по всей вѣроятности, и въ третьей. Ихъ практическій опытъ найдетъ дополненіе — а въ случаѣ надобности и коррективъ—въ массѣ разнородныхъ знаній, которыми всегда располагаетъ народное представительство. Повторяемъ еще разъ: какъ бы ни были печальны результаты новаго избирательнаго закона, все-таки нужно полагать, что уровень созданной имъ Государственной Думы будетъ выше уровня нынѣшнихъ земскихъ собраній.

Въ текущемъ году, въ обычный срокъ, а именно, въ „недѣлю о слѣпомъ“, происходило общее собраніе членовъ „Попечительства о слѣпыхъ“, на которомъ былъ доложенъ двадцать-четвертый, пока краткій, отчетъ совѣта попечительства за истекшій 1906-ой годъ. Воспользуемся имъ, равно какъ и предъидущимъ полнымъ отчетомъ за 1905-ый годъ, чтобы, хотя вкратцѣ, познакомить читателей съ обширною, разнообразною и въ высшей степени полезною дѣятельностью этого попечительства, преслѣдующаго высоко-гуманную цѣль: съ одной стороны—облегчить часть лишенныхъ одного изъ величайшихъ благъ, а именно свѣта, съ другой — спасти отъ этого бѣдствія тѣхъ, кому оно только начинаетъ угрожать. Будучи учрежденіемъ частнымъ, но прочно основаннымъ, четверть вѣка тому назадъ, К. К. Гротомъ, это попечительство о слѣпыхъ пользуется покровительствомъ также и со стороны правительства: оно состоитъ съ 1883 г. въ вѣдомствѣ прочихъ учрежденій императрицы Маріи и дѣйствуетъ согласно съ своими „основными началами“, утвержденными въ 1881 году.

О размѣрѣ дѣятельности центральнаго совѣта попечительства въ Петербургѣ и многочисленныхъ его учрежденій, раскинутыхъ въ настоящее время по всей странѣ и увеличивающихся съ каждымъ годомъ — можно судить по тому развитію, какого это дѣло достигло къ началу текущаго года. Самъ центральный совѣтъ имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи Александро-Маріинское училище малолѣтнихъ слѣпыхъ, на Аптекарскомъ [1]), гдѣ обучаются свыше ста дѣтей обоего пола; при этомъ училищѣ существуютъ мастерскія, гдѣ въ отчетномъ году было изготовлено слѣпыми щетокъ разныхъ на сумму свыше 15.000 рублей, корзинъ и садовой мебели—на 3.500 р., пеньковыхъ дорожекъ—почти на 2.000 р. и т. д., а всего слишкомъ на 30.000 рублей; изъ этой суммы было выдано слѣпцамъ-работникамъ и работницамъ около 10.000 рублей; причемъ одинъ изъ нихъ получилъ до 600 рублей, а другіе—отъ 100 до 300 рублей. Всего въ отчетномъ году было выручено отъ продажи издѣлій слѣпыхъ на сумму свыше 32 тысячъ рублей. Кромѣ мастерскихъ, при училищѣ имѣется типографія, съ тремя машинами, на которой были выпуклыми буквами вновь отпечатаны въ 1906 г. „Трилогія“ и „Князь Серебряный“, гр. А. Толстого, часть „Записокъ Охотника“, „Родное Слово“ Ушинскаго, „Исторія русской словесности“, Галахова, „Церковныя службы на весь годъ“, „Нотная система“ Брайля, три „Херувимскихъ“ Бортнянскаго и мн. др., а также издавался ежемѣсячный журналъ: „Досугъ Слѣпыхъ“; всего выпущено типографіею, въ 1906 г., около 200.000 листовъ большого формата.

[1]) Въ нынѣшнемъ году предъ зданіемъ этого училища поставлена статуя К. К. Грота, какъ основателя всего, что̀ сдѣлано до сихъ поръ для покровительства слѣпымъ. Памяти его была помѣщена у насъ (янв. 1907 г., стр. 5) статья Ан. Ѳ. Кони.

Кромѣ центральнаго совѣта въ Петербургѣ, въ 1906 г. въ составъ „Попечительства о слѣпыхъ“ входило 28 его отдѣленій, распредѣленныхъ по губерніямъ, 8 комитетовъ и 71 уполномоченный попечительства. Въ вѣдѣніи этихъ губернскихъ учрежденій состояло въ томъ же отчетномъ году 23 училища для слѣпыхъ, съ 800 учащимися, 1 пріютъ для слѣпыхъ дѣтей до-школьнаго возраста, 1 ремесленное убѣжище для слѣпыхъ женщинъ, 10 общежитій для слѣпыхъ работниковъ и работницъ, 5 убѣжищъ для престарѣлыхъ слѣпыхъ, 18 глазныхъ лечебницъ, 6 глазныхъ пунктовъ. Всѣхъ учрежденій „Попечительства о слѣпыхъ“, состоящихъ какъ въ вѣдѣніи центральнаго совѣта, такъ и губернскихъ отдѣленій и комитетовъ, -- было свыше 200. Но и это еще не все: центральнымъ совѣтомъ, въ отчетномъ году, содержалось въ богадѣльняхъ другихъ вѣдомствъ 25 кроватей для слѣпыхъ неспособныхъ къ труду, былъ открытъ въ Петербургѣ, при вышеупомянутомъ училищѣ, пріютъ для слѣпыхъ дѣтей до-школьнаго возраста, въ Кишиневѣ учреждено новое отдѣленіе попечительства, и въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи—12 новыхъ постоянныхъ глазныхъ пунктовъ (амбулаторій).

Все вышеисчисленное относится только къ слѣпорожденнымъ и лишеннымъ зрѣнія; но дѣятельность „Попечительства о слѣпыхъ“ представляется еще болѣе значительною въ области предупрежденія слѣпоты. Съ этою цѣлью оно въ отчетномъ году снарядило отряды для оказанія безплатной врачебной, преимущественно хирургической, помощи страдающимъ глазами. Всего было командировано попечительствомъ такихъ 19 отрядовъ, дѣйствовавшихъ не только въ европейской, но и въ азіатской Россіи. Эти отряды приняли однихъ первичныхъ больныхъ свыше 50.000; операцій и оперативныхъ пособій было произведено ими около 13.000. Однѣхъ этихъ цифръ достаточно, чтобы судить, какое мѣсто у насъ занимаютъ глазныя болѣзни и какую пользу приноситъ дѣятельность попечительства о слѣпыхъ.

Общее число глазныхъ пунктовъ, въ отчетномъ году, достигло 149; къ нимъ обращалось до 69-ти тысячъ первичныхъ больныхъ, и было произведено операцій и оперативныхъ пособій до 15-ти тысячъ.

О чрезвычайной важности всѣхъ подобныхъ мѣръ къ предупрежденію слѣпоты можно судить по нѣкоторымъ примѣрамъ, приводимымъ въ полномъ отчетѣ попечительства за 1905-ый годъ. Такъ, изъ отчета одного изъ глазныхъ отрядовъ въ г. Вѣрномъ видно, что „среди нѣкоторыхъ селъ — Преображенскаго, Сазоновки и другихъ, — жители ихъ почти поголовно заражены трахомой“, вслѣдствіе того, что они были лишены своевременной помощи. А сколько найдется такихъ мѣстностей въ Россіи, гдѣ населеніе подвергается такому же бѣдствію и точно также за неимѣніемъ возможности получить меди-

цинскую помощь! Какъ ни много уже сдѣлано попечительствомъ о слѣпыхъ, но, очевидно, ему предстоитъ впереди огромная работа. Дальнѣйшее расширеніе дѣятельности попечительства находится, однако, въ самой тѣсной связи съ его матеріальными средствами. Въ общей смѣтѣ попечительства на расходы по всѣмъ его учрежденіямъ въ истекшемъ 1906 г. исчислялось около 800.000 рублей и столько же ожидалось прихода; самою крупною цифрою расхода обыкновенно является содержаніе училищъ, на что ассигнуется сумма близкая къ 300.000 рублей. Къ 1 января 1907 года въ кассѣ совѣта попечительства состояло процентными бумагами свыше 3.700.000 рублей и наличными деньгами съ небольшимъ 20.000 р. Кромѣ процентовъ съ капитала, денежныя средства, необходимыя для попечительства, его отдѣленій и комитетовъ, составлялись до сихъ поръ изъ пожертвованій, среди которыхъ главное мѣсто занимаютъ сборы по всей имперіи въ „недѣлю о слѣпомъ". Частная благотворительность, какъ свидѣтельствуетъ послѣдній полный отчетъ за 1905 годъ, начинаетъ ослабѣвать, но не ослабѣваетъ то бѣдствіе, съ которымъ борется „Попечительство о слѣпыхъ" и которое требуетъ новыхъ и все еще весьма значительныхъ средствъ. Нельзя не признать, что для „Попечительства о слѣпыхъ", обнимающаго своею дѣятельностью не одинъ Петербургъ, а всю имперію, число его членовъ, показанное въ отчетѣ 1905 года, болѣе чѣмъ незначительно: членовъ-сотрудниковъ, вносящихъ ежегодно 5 рублей или единовременно 75 рублей, всего немного болѣе 500; членовъ-соревнователей, принимающихъ участіе въ дѣлахъ попечительства личнымъ трудомъ—до 1.000; въ мѣстныхъ отдѣленіяхъ по всей Россіи—менѣе 4.500 членовъ.

Впрочемъ, земства и городскія общественныя управленія начинаютъ оцѣнивать тѣ услуги, какія можетъ оказывать населенію помощь со стороны „Попечительства о слѣпыхъ". Въ отчетѣ за 1905 г. приводятся уже случаи обращенія общественныхъ управленій къ его помощи. Такъ, въ прошломъ году городской голова Томска ходатайствовалъ предъ совѣтомъ попечительства о помощи населенію, достигающему 70.000 жителей, и туда былъ немедленно отправленъ „глазной отрядъ"; изъ его отчета видно, что, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ дѣятельности на мѣстѣ, имъ было принято слишкомъ 1.300 больныхъ глазами; значительныхъ операцій произведено около 500, а оперативныхъ пособій оказано слишкомъ триста. На основаніи этихъ цифръ можно опредѣлить довольно вѣрно, сколько лицъ осталось бы безъ своевременной помощи, которая для бѣдныхъ имѣла еще значеніе даровой,—еслибы „Попечительство о слѣпыхъ" не поспѣшило удовлетворить ходатайство томскаго городского головы.

ХУТОРОМАНІЯ.

Замѣтка.

Въ половинѣ іюня, въ одной изъ большихъ петербургскихъ газетъ появилось подробное сообщеніе о распоряженіи комитета по землеустроительнымъ дѣламъ, будто бы поручившаго мѣстнымъ землеустроительнымъ коммиссіямъ совершить быструю—въ нѣсколько мѣсяцевъ—распродажу крестьянамъ 10 милліоновъ десятинъ земли (казенной и скупленной крестьянскимъ банкомъ) на такихъ-то и такихъ основаніяхъ. Извѣстіе о такой поспѣшности произвело большое впечатлѣніе и вызвало въ печати много критическихъ замѣчаній. Въ виду послѣднихъ, комитетъ счелъ необходимымъ, для публичнаго разъясненія дѣла, огласить подлинный свой циркуляръ въ „Правительств. Вѣстникѣ“, и тогда газетное сообщеніе оказалось результатомъ искаженія. Дѣло идетъ вовсе не о 10-ти милліонахъ, а только о 772 тысячахъ десятинъ, и не о немедленной распродажѣ, а лишь о приступѣ къ продажѣ. Мѣстныя коммиссіи подверглись укорамъ въ медленности составленія предположеній о способахъ ликвидаціи накопленнаго земельнаго запаса, въ небрежности и невѣрномъ пониманіи дѣла, и при этомъ данъ имъ рядъ новыхъ указаній.

Конечно, появленіе подлиннаго циркуляра сильно уменьшило опасенія возможности разбросанія зря того земельнаго запаса, который накопленъ съ трудомъ и преувеличенными жертвами, но—только уменьшило, далеко не устранивъ подобныхъ опасеній вполнѣ. 722 тысячи десятинъ, разумѣется, капля въ сравненіи съ нынѣшнею крестьянскою нуждою, однако—большая капля. На такой площади можно устроить приблизительно 70 тысячъ крестьянскихъ семействъ и, при наличной остротѣ земельнаго вопроса, далеко не безразлично — устроить ли кого слѣдуетъ и какъ слѣдуетъ или „кого-нибудь“ и „какъ-нибудь“, отклоняясь отъ основной цѣли дѣла. И при самой разумной заботливости достиженіе подобной цѣли дается не легко, а сколько можно напутать при отсутствіи хорошо обдуманнаго и цѣлесообразнаго плана, замѣняемаго массою сбивчивыхъ указаній! Землеустроительный комитетъ коритъ мѣстныя коммиссіи за необоснованность и разнообразіе ихъ проектовъ, но стоитъ только обратиться къ совокупности данныхъ имъ указаній, чтобы наткнуться на другой вопросъ: ясно ли представленіе о нуждахъ дѣла у самихъ руководителей, вводится ли ими дѣло въ надлежащее русло, или оно сбивается

съ пути произвольными и очень дорого стоющими осложненіями и уклоненіями? Вопросъ этотъ тѣмъ тревожнѣе, что относимое теперь къ 722 тысячамъ десятинъ можетъ потомъ также быть относимо ко всѣмъ десяти милліонамъ или даже къ большей площади. Каковъ же планъ самого комитета?

Уклоненія отъ основной цѣли и произвольныя осложненія выступили въ руководящей земельнымъ дѣломъ сферѣ съ самаго начала. Манифесты обѣщали дать земельныя средства для борьбы противъ крестьянскаго малоземелья—цѣль вполнѣ ясная и отвѣчающая дѣйствительной жизненной потребности. Но исполнители сейчасъ же принялись замѣнять эту цѣль другою, предназначая упомянутыя средства на осуществленіе старой затѣи—искусственнаго разведенія отрубныхъ участковъ, хуторовъ, и отодвигая устраненіе малоземелья на задній планъ. Хутороманія стала доминировать надъ пополненіемъ самаго недостаточнаго крестьянскаго землевладѣнія. И какихъ только наставленій не преподавалось въ этомъ смыслѣ! „Наказъ“ землеустроительнымъ коммиссіямъ предлагалъ доводить крестьянское землевладѣніе до *средняго* существующаго въ уѣздѣ размѣра, словно до самой обоснованной нормы. Значитъ, въ одномъ уѣздѣ,—гдѣ, вслѣдствіе присутствія значительной части порядочно устроенныхъ крестьянъ, получится бо̀льшій *средній* выводъ,—владѣніе малоземельныхъ подлежитъ доведенію до этой бо̀льшей величины, а въ другомъ такомъ же уѣздѣ, гдѣ преобладаютъ обдѣленные землею,—общимъ образцомъ должна быть эта самая обдѣленность. Иначе сказать, при одинаковомъ достоинствѣ земли, въ одномъ мѣстѣ надо пригонять къ средней достаточности, а въ другомъ—къ среднему малоземелью. Сколько тутъ соображенія съ нуждами дѣла! Другое указаніе рекомендовало обусловливать оказаніе земельной помощи переходомъ крестьянъ къ хуторскому хозяйству, значитъ—отдавать предпочтеніе менѣе нуждающимся, но согласнымъ на отрубы, предъ болѣе нуждающимися, но на отрубы несогласнымъ, и т. д. Вотъ уже и пошли въ сторону...

Послѣдній же циркуляръ, кромѣ тенденціозности, представляетъ еще рядъ новыхъ, разнообразныхъ и взаимно-противорѣчивыхъ указаній. Въ самомъ началѣ выступаетъ требованіе приложить „чрезвычайныя старанія и энергію“ къ продажѣ земли въ отрубной формѣ. Затѣмъ циркуляръ рекомендуетъ и дозволяетъ: и разбивку площадей на отдѣльные отрубы для каждаго *двора*, и отводъ цѣлымъ *группамъ* вмѣстѣ усадебныхъ участковъ особо, пахотныхъ особо и непахотныхъ тоже особо, и отдачу цѣлыхъ площадей товариществамъ въ совокупности, безъ разбивки по дворамъ; продажу земли циркуляръ предлагаетъ производить—и отдѣльнымъ дворамъ, и цѣлымъ товариществамъ съ непремѣннымъ опредѣленіемъ подворныхъ паевъ, а при особо

неблагопріятномъ положеніи крестьянъ — цѣлымъ селеніямъ и сельскимъ обществамъ — вовсе безъ опредѣленія паевъ. При значительномъ разстояніи продаваемой крестьянамъ земли отъ мѣста ихъ жительства, рекомендуется обусловливать продажу переселеніемъ на нее покупщиковъ въ опредѣленный срокъ, а до переселенія—сдавать имъ эту землю въ аренду. Циркуляръ требуетъ предупреждать сосредоточеніе земли въ рукахъ немногихъ, болѣе состоятельныхъ дворовъ и, въ то же время, поручаетъ продавать эту землю въ полную собственность, которая предполагаетъ вѣдь и право перепродажи, тогда какъ эта перепродажа именно наиболѣе благопріятствуетъ упомянутому сосредоточенію. Требуется представленіе на утвержденіе общихъ плановъ ликвидаціи накопленныхъ земельныхъ запасовъ и, въ то же время, предлагается немедленно приступить къ разбивкѣ и продажѣ земель особо нуждающимся крестьянамъ, не выжидая представленія и утвержденія проектовъ ликвидаціи. Ко всему этому присоединяется общее указаніе: выбирая тѣ или другіе способы, отдавать предпочтеніе тѣмъ, которые обѣщаютъ болѣе скорую ликвидацію, т.-е. болѣе быстрый сбытъ земель, такъ какъ долгое оставленіе послѣднихъ въ рукахъ казны причиняетъ ей большіе убытки: казна не выручаетъ отъ земли тѣхъ доходовъ, какіе нужны на оплату процентовъ по затраченнымъ на покупку земель капиталамъ.—Казалось бы, главная забота должна быть въ томъ, чтобы земли розданы были наиболѣе цѣлесообразно, а тутъ выходитъ: какъ-нибудь, лишь бы скорѣе. Правда, убытки—дѣло очень серьезное, но вѣдь главный-то убытокъ состоитъ въ покупкѣ имѣній по непомѣрнымъ цѣнамъ, а тотъ, который происходитъ отъ замедленія сбыта—уже второстепенный; стало быть, жалобы на послѣдній, послѣ перваго, напоминаютъ поговорку: снявши голову, плачутъ по волосамъ.

Большое обиліе разнообразныхъ указаній очень мало отличается отъ отсутствія опредѣленныхъ указаній. Когда допускаются самые разнообразные способы сбыта земель, значитъ можно выбирать все, что̀ угодно, и перечисленіе этихъ способовъ лишается большей части практическаго значенія. Къ чему сводится требованіе устраивать отдѣльные дворы, если допускается и устройство разомъ цѣлыхъ группъ и селеній? Зачѣмъ настаивать на опредѣленіи паевъ, когда можно продавать землю и безъ паевъ? Сто̀итъ ли особенно трудиться надъ планами ликвидаціи, если можно теперь же продавать земли безъ представленія и утвержденія этихъ плановъ? Къ чему диктовать сверху столько разнообразныхъ способовъ сбыта земель, когда мѣстныя обстоятельства и бытовыя условія сами будутъ указывать, что̀ пригоднѣе, что̀ больше подходитъ къ цѣли въ каждомъ случаѣ? Конечно, проще и правильнѣе было бы требовать только, чтобы земля попа-

дала въ руки дѣйствительно малоземельныхъ, болѣе нуждающихся, а въ какой формѣ—это опредѣлится само собою. Кто хочетъ покупать подворно — пусть беретъ подворно, а кто желаетъ покупать сообща — нечего и этому препятствовать, лишь бы люди были дѣйствительно подходящіе къ цѣли. Излишнія же мудрованія пользы не принесутъ: часть ихъ напрасно затруднитъ важное дѣло, а часть останется на бумагѣ.

Циркуляръ, уступая требованіямъ быстроты и догадываясь, что явятся большія практическія трудности въ осуществленіи идеаловъ его авторовъ, какъ бы вынужденъ допускать отступленія, но видимо стремится насколько можно больше оторвать отъ простого устройства малоземельныхъ въ пользу затѣй хутороманіи. Въ результатѣ выходитъ путаница на бумагѣ и ожидается еще бо́льшая—на практикѣ. Самый старательный исполнитель, въ виду стольких разнообразныхъ и противорѣчивыхъ указаній, легко спутается въ цѣляхъ. Какъ быть? Заботиться объ удовлетвореніи самыхъ малоземельныхъ? Но вѣдь требуется обусловливать помощь переходомъ на хутора, тогда какъ многіе малоземельные, пожалуй, хуторовъ не пожелаютъ. Давать землю хуторянамъ? Но многіе изъ нихъ менѣе нуждаются или вовсе не нуждаются. Затѣмъ, какъ согласить упомянутое „обусловленіе" съ дозволеніемъ отдавать земли цѣлымъ селеніямъ и безъ паевъ? Мудрено не сбиться въ догадкахъ; однако, внушительнѣе всего звучитъ требованіе „чрезвычайнаго" старанія объ отрубахъ! А такъ какъ, вмѣстѣ съ указаніями, коммиссіи получили и чувствительный нагоняй, то онѣ и поймутъ, что въ умноженіи отрубовъ признается гораздо бо́льшая заслуга, чѣмъ въ удовлетвореніи самыхъ вопіющихъ нуждъ населенія, и вслѣдствіе того примутся не въ мѣру усердствовать въ принесеніи этихъ нуждъ въ жертву хуторамъ, не останавливаясь предъ вредомъ для крестьянскаго устройства. Когда нужно, чтобы и быстро все дѣлалось, и отрубовъ выходило побольше,— гдѣ тутъ старательно разбираться между степенями крестьянской нужды, да задумываться надъ дѣйствительною пригодностью отрубовъ, при опасеніяхъ еще новыхъ нагоняевъ за непониманіе комитетскихъ цѣлей! Каковъ же выходъ? Накроилъ какъ-нибудь массу новыхъ земельныхъ фигуръ—и довольно, а что̀ изъ нихъ выйдетъ—это ужъ дѣло судьбы.

Нынѣшняя хутороманія, выражая великую вѣру въ спасительность бумажной регламентаціи и въ возможность „по щучьему велѣнію" измѣнять кореннымъ образомъ народный бытъ, во всякомъ случаѣ, грозитъ значительнымъ уменьшеніемъ пользы отъ накопленнаго земельнаго запаса для разрѣшенія аграрнаго вопроса. А кромѣ того, она ставитъ вопросы: прочны ли сами ея созданія и точно ли данныя указанія спасаютъ казну отъ тѣхъ убытковъ, которыхъ начинаютъ уже

бояться? Поэтому не мѣшаетъ нѣсколько остановиться надъ будущностью плодовъ хуторомании.

Не такъ давно еще, при отыскиваніи противовѣсовъ идеѣ расширенія крестьянскаго землевладѣнія, у насъ указывали на значительную пользу улучшенія самаго *земледѣлія*. Возвышеніе производительности земли — говорили — принесетъ никакъ не меньше, чѣмъ увеличеніе воздѣлываемой площади; тогда одна десятина дастъ то же, что̀ теперь полторы или двѣ. И хотя изъ подобныхъ рѣчей на дѣлѣ ничего не осуществлялось, но теоретически, по своему содержанію, онѣ все же были полнѣе и осмысленнѣе, чѣмъ современныя проповѣди хуторомановъ. Для улучшенія земледѣлія предполагались нужными: распространеніе знаній, показанія опытовъ, соотвѣтственныя матеріальныя средства и собственная иниціатива земледѣльцевъ. Теперь же улучшеніе земледѣлія и способы помощи ему совсѣмъ ушли куда-то въ сторону, о нихъ почти и рѣчи нѣтъ, а все сводится къ одному измѣненію такъ называемаго „землепользованія“, подъ которымъ стали разумѣть собственно внѣшнюю перекройку земельныхъ владѣній на новыя фигуры. Были до сихъ поръ полосы, а теперь-де будутъ квадраты или цѣльные прямоугольники, и отъ одной этой перекройки страдающее отъ засухъ поле обратится въ роскошную плантацію, хотя бы мужикъ оставался при прежнемъ отсутствіи знаній, при прежней бѣдности и безпомощности и даже безъ увеличенія охоты къ занятію серьезнымъ улучшеніемъ. Такъ и говорятъ, что если при полосахъ была нищета, то при отрубахъ и на скалахъ возникнетъ нѣчто цвѣтущее и вполнѣ обезпечивающее благосостояніе, при чемъ не смущаются нагляднымъ примѣромъ помѣщичьихъ имѣній, большинство которыхъ хотя и имѣетъ округленныя фигуры, однако владѣльцы ихъ (не на скалахъ, а на черноземѣ) далеко не процвѣтаютъ и держатся преимущественно благодаря банковымъ индульгенціямъ. Вотъ до чего сузились понятія и оффиціальное творчество: наружная ломка замѣняетъ внутреннюю силу. Ищется „форма“, а что̀ вольется въ эту форму—вопросъ, обставленный огромными сомнѣніями.

Отрубы соблазняютъ тѣмъ, что выдающіеся, предпріимчивые хозяева стараются приводить свои владѣнія къ удобнымъ фигурамъ, находя въ нихъ благопріятное условіе для успѣшнаго веденія хозяйства. Но нельзя упускать изъ виду, что означенныя фигуры собственно помогаютъ дѣйствію другихъ творческихъ силъ: хозяйственной иниціативѣ, знанію и матеріальнымъ средствамъ для улучшеній. При наличности такихъ силъ, хозяинъ можетъ дѣйствительно стремиться и къ округленному владѣнію. Онъ постарается выкроить себѣ такія фигуры, которыя болѣе подходятъ къ его хозяйственнымъ соображеніямъ и, можетъ быть, вовсе не тѣ, какія спроектируютъ ему землеустрои-

тельныя коммиссіи, даже не могущія заранѣе знать, кто явится къ нимъ въ качествѣ покупщика и что̀ онъ найдетъ для себя удобнымъ. Хуторομанскіе же пріемы начинаютъ съ другого конца. Вводя, отчасти принудительно, однѣ фигуры и не обезпечивая упомянутыхъ творческихъ силъ, они даютъ пустую форму безъ содержанія, да и форму-то еще проблематическаго значенія. Рядовой, несостоятельный и несвѣдущій крестьянинъ можетъ польститься покупкою отруба просто потому, что нуждается въ землѣ, что хочетъ перебить ее у другого, и что отрубы охотнѣе и льготнѣе продадутъ,—но будетъ ли изъ этого практическій толкъ? Въ чемъ ручательство, что человѣкъ безъ особой иниціативы, знаній и средствъ поведетъ на отрубѣ хозяйство лучше, чѣмъ прежде? Выгоды тутъ очень сомнительны, а невыгоды на хуторѣ онъ почувствуетъ и по части пастбищной, и въ пользованіи общественными заведеніями, и въ своей неприспособленности къ новой формѣ владѣнія. Вѣдь творческая сила ищетъ соотвѣтствующей формы, а не форма создаетъ творческую силу. Навязываніе рядовымъ крестьянамъ отрубовъ на томъ основаніи, что этой формы ищутъ болѣе выдающіеся хозяева, можно уподобить слѣдующему примѣру: денежные люди обзаводятся бумажниками, но неужели сто̀итъ раздать бумажники, чтобы всѣ стали капиталистами.

Если неимѣющій средствъ и неприспособленный къ настоящему хуторскому хозяйству мужикъ возьметъ отрубъ, потому что иначе получить земли было нельзя, то онъ не только не выиграетъ, а скорѣе будетъ тяготиться навязанною формою; хозяйство у него пойдетъ не лучше, а пожалуй даже хуже прежняго. Тутъ очень вѣроятны гласныя и прикрытыя замѣны настоящаго хуторского хозяйства чѣмъ-нибудь другимъ, и хуторομанское созданіе окажется совсѣмъ непрочнымъ, числясь лишь на бумагѣ. Если же такого мужика начнутъ стѣснять тенденціозными хозяйственными требованіями, то онъ запуститъ недоимки, и хуторъ такъ же подвергнется продажѣ, какъ прежде подвергались полосы. А такъ какъ изъ-за хуторοманіи, въ массѣ случаевъ, будутъ пренебрегать разборомъ нужды получающихъ землю, то выйдетъ, что жертвы принесутся не для пользы, а для вреда устройству малоземельныхъ, т.-е. земельный фондъ напрасно обезсилится въ отношеніи къ своему природному назначенію. Не освободится отъ новыхъ убытковъ и казна. Торопливо раздавая землю показнымъ хуторянамъ, въ ущербъ прочимъ болѣе нуждающимся претендентамъ, устроители будутъ думать, что успѣли уже переложить казенные платежи на этихъ хуторянъ, а между тѣмъ неизбѣжно будутъ попадать на ненадежныхъ хозяевъ, которые, повладѣвъ нѣкоторое время безплатно, прикинутъ свои отрубы казнѣ тѣмъ же недоимочнымъ путемъ. И казна опять не будетъ выручать отъ нихъ достаточнаго дохода на оплату

процентовъ; затѣмъ выищется новый хуторянинъ, съ которымъ можетъ повториться то же самое, и т. д. Погоня за хуторомъ подготовитъ непрочность владѣнія. И чѣмъ больше станетъ дѣло отклоняться отъ прямой борьбы съ малоземельемъ, тѣмъ большею явится эта опасность.

Частности комитетскихъ указаній даютъ еще поводы къ разнымъ другимъ замѣчаніямъ, а до многаго существеннаго—какъ, напримѣръ, оцѣнки земли и платежей за нее—указанія еще и не дошли. Видно, что система пользованія земельнымъ запасомъ далеко еще не установилась, и что объ этомъ предстоитъ еще говорить много, но чтобы не слишкомъ распространяться на этотъ разъ, ограничимся основнымъ недостаткомъ—увлеченіемъ хутороманіею.

Правильнѣе, полезнѣе, безопаснѣе и надежнѣе — идти прямо къ возможному ослабленію существующаго малоземелья, не раздваиваясь между дѣломъ помощи нуждающимся крестьянамъ и непосильною задачею хозяйственнаго перевоспитанія народа. Всего разумнѣе поступили бы коммиссіи, воспользовавшись пошире правомъ передавать земли, безъ затяжекъ, самымъ малоземельнымъ, конечно на необременительныхъ условіяхъ. Это допускается при „особо неблагопріятномъ" земельномъ положеніи крестьянъ, но вѣдь такое положеніе не представляетъ какой-либо рѣдкости, а встрѣчается на каждомъ шагу. — При продолженіи же наличной путаницы цѣлей, неминуемы вредныя и крупныя неудачи, которыя хотя и заставятъ потомъ спохватиться, но уже послѣ дорогой расплаты. Лучше спохватиться раньше.

Ѳ. Воропоновъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1907.

I.

— Старина и Новизна. Книга двѣнадцатая. Москва, 1907. Стр. 388.

Новый томъ „Старины и Новизны" украшенъ рѣдкой находкой: четыре неизвѣстныхъ письма Пушкина—во всякомъ случаѣ драгоцѣнность, а напечатанныя здѣсь къ тому же нарочито интересны по содержанію. Всѣ они адресованы кн. П. А. Вяземскому и относятся къ лѣту (іюнь-августъ) 1831 года; они довольно обширны: въ печати занимаютъ около шести страницъ большого формата. Они отмѣчены тою же удивительной живостью и простотой, которыя составляютъ прелесть всѣхъ Пушкинскихъ писемъ, даже самыхъ безсодержательныхъ, и которыя дѣлаютъ то, что пушкинское письмо такъ же легко отличить среди тысячи чужихъ, какъ Пушкинскую строфу — во всей русской поэзіи. Лѣто 1831 г. Пушкинъ, какъ извѣстно, жилъ на дачѣ въ Царскомъ-Селѣ, бокъ-о-бокъ съ Жуковскимъ. Это было время польскаго возстанія, и письма показываютъ, какъ близко онъ принималъ къ сердцу удачи и неудачи русскаго оружія въ этой ужасной борьбѣ. Одною изъ самыхъ характерныхъ чертъ Пушкина несомнѣнно было чрезвычайно развитое и горячее гражданское чувство, вскормленное въ немъ событіями и общественнымъ настроеніемъ его отроческихъ лѣтъ и въ зрѣлые годы достигавшее силы совершенно личной радости или личнаго огорченія. Новыя письма къ Вяземскому лишній разъ доказываютъ это. Онъ волнуется по поводу польскихъ дѣлъ, какъ еслибы это было дѣло его личной чести, и со страстной ревностью отстаиваетъ интересы русской государственности. Намъ кажется, что это *чувство* въ Пушкинѣ слѣдуетъ строго отличать отъ тѣхъ кон-

кретныхъ *идей*, въ которыя оно у него выливалось. Насколько первое было прекрасно и дѣлало честь поэту, настолько его національно-патріотическіе взгляды были узки и негуманны. Его отношеніе къ польскому возстанію въ общемъ извѣстно, хотя бы по „Клеветникамъ Россіи" и „Бородинской годовщинѣ"; но въ письмахъ къ Вяземскому его взглядъ на возстаніе выражается, можно сказать, съ удручающей ясностью. Передавъ нѣкоторыя живописныя подробности боя подъ Остроленкой, онъ прибавляетъ: „Все это хорошо въ поэтическомъ отношеніи — но все-таки *ихъ* надобно задушить и наша медленность мучительна". Это нетерпѣніе проходитъ красной нитью чрезъ всѣ письма. И характерно, что̀ больше всего озабочиваетъ въ этомъ дѣлѣ Пушкина: онъ пуще огня боится европейскаго вмѣшательства. „Для насъ,—пишетъ онъ,—матежъ Польши есть дѣло семейственное, старинная, наслѣдственная распря; мы не можемъ судить ее по впечатлѣніямъ европейскимъ, каковъ бы ни былъ впрочемъ нашъ образъ мыслей. Но для Европы нужны общіе предметы вниманія и пристрастія, нужны и для народовъ, и для правительствъ. Конечно, выгоды почти всѣхъ правительствъ—держаться въ семъ случаѣ правила non-intervention, т.-е. избѣгать въ чужомъ пиру похмѣлья; но народы такъ и рвутся, такъ и лаютъ — того и гляди навяжется на насъ Европа. Счастіе еще, что мы прошлаго году не вмѣшались въ послѣднюю французскую передрягу! А то былъ бы долгъ платежемъ красенъ". Какъ извѣстно, усмиреніе Польши дѣйствительно вызвало взрывъ негодованія во всей Европѣ; по свидѣтельству Никитенка, русскимъ профессорскимъ стипендіатамъ за-границей приходилось скрывать, что они—русскіе; знаменитый Крейцеръ, послѣ взятія Варшавы, прямо сказалъ одному изъ нихъ, Калмыкову, что отнынѣ питаетъ къ русскимъ рѣшительную ненависть, а одна дама пришла въ страшное негодованіе, когда Калмыковъ попытался защищать русскихъ: „это враги свободы,—кричала она,—это гнусные рабы". Но мы, можетъ быть, менѣе осудимъ Пушкина, если вспомнимъ, что человѣкъ такого глубокаго ума и европейской образованности, какъ Чаадаевъ, восторженно привѣтствовалъ „Клеветникамъ Россіи" и, значитъ, всецѣло раздѣлялъ Пушкинскій взглядъ на польское возстаніе.

Въ этихъ новыхъ письмахъ Пушкина есть и еще одно доказательство его страстнаго отношенія къ интересамъ государственности. Онъ съ тревогой сообщаетъ Вяземскому о знаменитомъ бунтѣ въ новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ; „плохо, ваше сіятельство, — кончаетъ онъ; — когда въ глазахъ такія трагедіи, некогда думать о собачьей комедіи нашей литературы".

Письма Пушкина — главное богатство новаго тома „Старины и Новизны". Къ нимъ надо прибавить еще коротенькую, но прелестную

по своей нескромной шутливости приписку Пушкина въ письмѣ Вяземскаго къ женѣ. Болѣе трехъ четвертей тома занимаетъ окончаніе лекцій Буслаева цесаревичу Николаю Александровичу по исторіи русской литературы; онѣ войдутъ, надо думать, въ собраніе сочиненій Буслаева, предпринятое Академіей Наукъ, и явятся тогда цѣннымъ пособіемъ для учащихся. Любопытны также нѣкоторыя мелочи, помѣщенныя въ этомъ томѣ,—напримѣръ, шутливый дипломъ, поднесенный обществомъ „Арзамасъ" Карамзину, вѣроятно въ 1816 году: „Извѣстно намъ, что Ваше Высокородіе съ величіемъ арзамасскаго Гуся прохаживаетесь по шелковымъ лугамъ русскаго слова", и пр. (гусь былъ эмблемой „Арзамаса"). Разумѣется, и на этотъ разъ, какъ въ предыдущихъ томахъ „Старины и Новизны", не обошлось безъ „документовъ" назидательно-реакціоннаго характера, вродѣ напыщенной страницы изъ записки Н. М. Павлова о нашемъ современномъ положеніи.

II.

— **Валерій Брюсовъ. Лицейскіе стихи Пушкина. Москва, 1907. Стр. 96.**

Г. Брюсовъ давно уже пользуется извѣстностью одного изъ лучшихъ нашихъ знатоковъ Пушкина, и изданныя имъ года четыре назадъ „Письма Пушкина и къ Пушкину" показали, какъ много можетъ дать пристальное вниманіе изслѣдователя, руководимое истиннымъ художественнымъ чутьемъ. Это соединеніе въ одномъ лицѣ поэта и спеціалиста, встрѣчающееся такъ рѣдко, особенно цѣнно у насъ, гдѣ критическое изученіе родныхъ классиковъ находится еще, можно сказать, въ пеленкахъ. Какъ много ни работали у насъ надъ Пушкинымъ, настоящее изученіе и установленіе его текста начинается только теперь; удачи въ этой области были случайны, въ зависимости отъ счастливаго замысла или счастливой находки издателей, погрѣшности дики и непостижимы, а все вмѣстѣ — кустарная работа, лишенная, прежде всего, строгаго метода, а затѣмъ и художественной проницательности. Новое изданіе г. Брюсова представляетъ въ обоихъ отношеніяхъ отрадное явленіе. Оно посвящено критикѣ текста лицейскихъ стихотвореній Пушкина, даннаго въ I томѣ академическаго изданія. На основаніи изученія Пушкинскихъ рукописей московскаго Румянцовскаго музея, г. Брюсовъ пришелъ къ заключенію, что этотъ текстъ „не только не можетъ быть признанъ образцовымъ, но долженъ считаться совершенно негоднымъ", и съ этимъ приговоромъ долженъ будетъ согласиться всякій, кто внимательно прочитаетъ книжку г. Брюсова. Не говоря уже о безчисленныхъ ошибкахъ, опи-

скахъ, пропускахъ, небрежностяхъ, допущенныхъ въ I т. академическаго изданія, — всего важнѣе отсутствіе всякой системы въ установленіи текста. Редакторъ этого тома, Л. Н. Майковъ, поставилъ себѣ цѣлью дать текстъ стихотвореній въ ихъ окончательной обработкѣ. Пушкинъ, готовя въ 1825 г. первое изданіе своихъ стихотвореній, принялся-было выправлять свои лицейскіе стихи, и нѣкоторыя пьесы совсѣмъ исправилъ, но въ большинствѣ случаевъ бросалъ работу на половинѣ, убѣждаясь, какъ справедливо замѣчаетъ г. Брюсовъ, „что немыслимо черезъ десять лѣтъ исправлять стихотворенія, написанныя при господствѣ совершенно иныхъ настроеній и мыслей". Казалось бы, академическое изданіе должно дать *прежде всего* чистый первоначальный текстъ и уже затѣмъ—либо позднѣйшія поправки, если онѣ не были проведены чрезъ все стихотвореніе, либо вторую, позднюю редакцію того же стихотворенія (какъ это дѣлалъ, напримѣръ, Тихонравовъ съ повѣстями Гоголя, или Висковатовъ съ „Демономъ"). Такимъ образомъ, планъ Л. Н. Майкова съ самаго начала былъ несостоятеленъ, а на дѣлѣ онъ привелъ къ такимъ ошибкамъ и насиліямъ, которыя совершенно обезображиваютъ текстъ. Майковъ то проводитъ свой принципъ съ фанатической прямолинейностью, не останавливаясь порою и предъ искаженіемъ смысла или стихотворной формы, соединяя варіанты изъ различныхъ, т.-е. разновременныхъ редакцій, то неожиданно забываетъ о немъ, т.-е. игнорируетъ позднѣйшія поправки, то, наконецъ, произвольно сливаетъ раннюю редакцію съ позднѣйшей.

Книга г. Брюсова состоитъ изъ трехъ частей. Предисловіе содержитъ общую критику Майковской работы по установленію текста лицейскихъ стихотвореній; затѣмъ слѣдуютъ „Поправки и дополненія къ I тому Акад. изд.", гдѣ авторъ, переходя послѣдовательно отъ стихотворенія къ стихотворенію, указываетъ допущенныя въ акад. изданіи пропуски, ошибки и пр., приводитъ не отмѣченные тамъ варіанты по подлинной рукописи, и т. д.; наконецъ, въ „Приложеніи" даны, на основаніи поправокъ въ рукописяхъ, позднѣйшія редакціи четырехъ стихотвореній, до сихъ поръ не появлявшіяся въ печати.

Работа г. Брюсова надъ лицейскими стихотвореніями Пушкина, разумѣется, еще не можетъ считаться окончательной. Онъ опирается въ своемъ изслѣдованіи только на одну, главную рукопись (ту, которая находится въ Румянцовскомъ музеѣ); для остальныхъ же рукописей онъ пользуется либо показаніями другихъ изслѣдователей, либо изданными факсимиле, и точно также имъ привлечены къ сличенію не всѣ первопечатные тексты. Но, помимо исчерпывающаго изученія московской рукописи и установленія правильнаго текста многихъ отдѣльныхъ пьесъ или стиховъ, главную цѣнность книги г. Брюсова составляетъ выясненіе правильнаго метода, котораго должно держаться

научное изданіе Пушкина. Выходящее теперь новое изданіе Пушкина подъ редакціей С. А. Венгерова, повидимому, ставитъ себѣ правиломъ именно такую принципіальность, и участіе въ немъ такихъ мастеровъ, какъ самъ редакторъ и авторъ разбираемой книги, обѣщаетъ много въ смыслѣ очищенія Пушкинскаго текста. Насколько эта цѣль будетъ достигнута, объ этомъ можно будетъ судить, впрочемъ, только по выходѣ примѣчаній къ I-му тому, гдѣ редакторъ обѣщаетъ дать „исторію" этого текста.

III.

— Новое слово. Товарищескіе сборники. Книга первая. Москва, 1907. Стр. 242.

Отдѣлъ беллетристики въ этомъ альманахѣ не блещетъ свѣжестью и силой. Стихи И. Бунина ниже его обычнаго уровня, его разсказъ натянутъ и претенціозенъ; стихи А. Ѳедорова плохи, какъ всегда; разсказъ Е. Чирикова недурно задуманъ, но крайне слабъ по исполненію; очеркъ С. Юшкевича по обыкновенію—горячечный бредъ съ проблесками сильнаго реалистическаго дарованія; разсказы гг. Скитальца и Н. Тимковскаго такъ скучны съ первыхъ строкъ, что, каемся, мы ихъ не дочитали. По счастію, въ этомъ сборникѣ—не все беллетристика. Почти треть его занимаютъ „Восемь лѣтъ" Н. Крашенинникова—воспоминанія изъ гимназической жизни, написанныя просто и живо. Нельзя безъ боли читать эту исторію восьмилѣтняго калѣченія дѣтской души. Что̀ больше всего поражаетъ здѣсь, это совершенная нелѣпость и частей, и цѣлаго: безсмысленна цѣль, случайны и глупы всѣ части машины, а въ результатѣ получается такое злое, бездушное и крѣпко-сколоченное сооруженіе, которое съ механической правильностью размалываетъ цѣлыя поколѣнія. Можетъ ли быть что-нибудь ужаснѣе, уродливѣе этого урока алгебры, гдѣ злой, искалѣченный учитель съ такой безсмысленной злобой терзаетъ трепещущія дѣтскія сердца! „Кто-то чуть слышно шелеститъ учебникомъ, кто-то крестится, многіе пригнулись къ скамьямъ и пріопустили глаза. Всѣ знаютъ, что Чайкинъ спрашиваетъ не по бальнику. Иногда достаточно кому-нибудь столкнуться съ нимъ взглядомъ, чтобы тотъ вызвалъ его къ отвѣту. Мутные глаза Ѳедора Петровича поворачиваются къ намъ. Онъ выискиваетъ жертву. Иногда набираешься отчаянной рѣшимости и, весь дрожа внутри, съ дикимъ спокойствіемъ смотришь ему прямо въ глаза. Это тоже помогаетъ; чаще всего Чайкинъ вызываетъ робко пригнувшихся къ партѣ... И такъ—почти каждодневно". Восемь лѣтъ—всѣ годы, когда формируется человѣкъ,—жизнь подавлена Чайкинымъ, и сквозь эту мглу страха, формализма съ обѣихъ сторонъ и хитрости,

въ этой непосильной для юнаго духа борьбѣ за существованіе, до ребенка и юноши не доходитъ ни одинъ лучъ добра и красоты, развѣ контрабандой. Воспоминанія автора относятся къ 80-мъ годамъ прошлаго вѣка, ко времени расцвѣта этой системы. Въ этомъ отсутствіи воздуха и свѣта заключалась вся ея цѣль; ея творцы заботились не столько о томъ, чтобы съ пеленокъ внѣдрять въ души будущихъ граждань охранительныя идеи и наклонности, сколько именно о своевременномъ искалѣченіи всего человѣка, хорошо понимая, что всего опаснѣе для цѣлости устоевъ—просто здоровая жизнь, не терпящая неподвижности. И для того, чтобы задушить эту здоровую жизнь, было устроено прочное заграждeніе противъ солнца и радости, и цѣлая рать калѣкъ-Чайкиныхъ, которые и сами не подозрѣвали существованія солнца, густой сѣткой покрыла наше отрочество.

Эта школьная система не стояла особнякомъ; въ ней какъ бы кристаллизировалась вся душная атмосфера той эпохи. Въ этомъ самомъ альманахѣ „Новаго слова" помѣщены еще два очерка, дорисовывающіе картину восьмидесятыхъ годовъ. Біографія Левитана производитъ необыкновенно тяжелое впечатлѣніе. Душевная жизнь этого большого художника представляетъ сплошную пытку, и какъ бы важенъ ни былъ здѣсь личный элементъ — таинственная работа глубокаго и сложнаго духа, которая никогда не дается даромъ,—какъ бы много ни отнести также на долю еврейства,—нѣтъ никакого сомнѣнія, что большую роль здѣсь играла и общественная атмосфера тѣхъ лѣтъ. Это она наложила такой мрачный колоритъ на настроенія Левитана. Передъ нами человѣкъ, явно задыхающійся, мечущійся въ агоніи; будь вокругъ него больше свѣта и воздуха, онъ не метался бы такъ. Чѣмъ сложнѣе была организація, тѣмъ больше было страданіе; въ то время, когда заурядные люди только томились и ныли, вродѣ героевъ Чехова, Левитанъ судорожно бился, какъ рыба на пескѣ. И вотъ характерный признакъ: интенсивное чувство одиночества. Оно всего пышнѣе расцвѣтаетъ тамъ, гдѣ инстинктъ жизни въ обществѣ приглушенъ, какъ было у насъ въ восьмидесятые годы, и напротивъ, даже въ предрасположенныхъ душахъ оно слабѣетъ до минимума, когда въ обществѣ царитъ бодрое, жизнерадостное настроеніе. Вотъ отрывокъ изъ одного письма Левитана: „Не писалъ вамъ все это время; не хотѣлось вновь говорить о моемъ безпрерывномъ, безплодномъ разладѣ, а отраднаго ничего не было... Меня не ждите — я не пріѣду. Не пріѣду потому, что нахожусь въ состояніи, въ которомъ не могу видѣть людей. Не пріѣду потому, что я одинъ. Мнѣ никого и ничего не надо. Радъ едва выносимой душевной тяжести, потому что чѣмъ хуже, тѣмъ лучше, и тѣмъ скорѣе приду къ одному знаменателю". Чеховъ видѣлъ въ этихъ настроеніяхъ Левитана что-то больное, и

это дѣйствительно было отравленіе — отравой, носившейся въ воздухѣ.

Но не всѣ были отравлены; — вотъ молодой Чеховъ (о немъ въ этомъ сборникѣ—воспоминанія его брата, М. П. Чехова). Онъ созрѣвалъ въ эти же годы и въ томъ же кругу, гдѣ Левитанъ, да онъ и гимназію прошелъ; но какъ онъ чудесно безпечно веселъ! Въ молодости Чехова, какъ въ каплѣ росы, играло солнце жизни. Но странно: его веселье — чисто мальчишеское: написать на дверяхъ мастерской Левитана „Ссудная касса купца Исаака Левитана", внезапно представить въ лицахъ уморительную сценку, попросить на бѣдность подъ предлогомъ, что жена „больна чревовѣщаніемъ", и т. п. Это—веселье натуральное, отъ молодости лѣтъ и темперамента; но въ зрѣлые годы и Чеховъ не зналъ уравновѣшенной жизнерадостности. Онъ былъ свѣтелъ, пока черная туча, облегавшая небо, не затмила и его (это случилось бы и безъ болѣзни). Въ этомъ смыслѣ разница между нимъ и Левитаномъ—та, что Левитанъ отъ природы былъ предрасположенъ къ мрачнымъ настроеніямъ и, какъ губка, вбиралъ въ себя общественную отраву; Чеховъ же былъ свѣтелъ по натурѣ, и потому потемнѣлъ сравнительно поздно и въ гораздо меньшей степени.

IV.

— Помощь голоднымъ. Изданіе М. М. Зензинова. Москва, 1907.

Въ этомъ альбомѣ собрано нѣсколько сотъ автографовъ и факсимиле современныхъ русскихъ ученыхъ, художниковъ, писателей, общественныхъ дѣятелей и пр.; весь доходъ съ него назначенъ въ помощь голодающимъ крестьянамъ. На призывъ издателя откликнулись едва-ли не всѣ, чье имя сколько-нибудь извѣстно читающей публикѣ. Повидимому, издателемъ руководила мысль объединить всѣхъ приглашенныхъ вокругъ одной кардинальной идеи—идеи нашей освободительной борьбы, и потому онъ во главѣ сборника помѣстилъ два загробныхъ завѣта—предсмертныя письма двухъ казненныхъ борцовъ, декабриста С. И. Муравьева-Апостола и лейтенанта Шмидта. За ними слѣдують автографы шлиссельбуржцевъ—В. Фигнеръ, Морозова, Фроленки и др., затѣмъ, подальше, — главныхъ дѣятелей петербургскаго совѣта рабочихъ депутатовъ (съ ихъ эскизными портретами), и т. д. Но и среди остальной массы автографовъ освободительная борьба является преобладающей темой. И какъ ни коротки и случайны эти афоризмы, между ними много интереснаго. Иная строчка озаряетъ цѣлую личность. Такъ, Германъ Лопатинъ написалъ: „Никогда не говори: все

кончено"; В. Л. Бурцевъ—весь въ трехъ словахъ: „Carthago delenda est." Съ молодымъ энтузіазмомъ Б. Зайцевъ простираетъ руки къ восходящему солнцу: „Ты, великій духъ, ты мѣсишь, квасишь, бурлишь и взрываешь, ты потрясаешь землю и рушишь города, рушишь власти, гнетъ, боль,—я молюсь тебѣ. Что бы ни было завтра, я привѣтствую тебя, Завтра!" Съ художественной наглядностью изображаетъ В. Г. Короленко тлетворное дѣйствіе „болѣзни, называемой застоемъ", какъ она „безчисленнымъ множествомъ микробъ въ феодальныхъ, клерикальныхъ, полицейскихъ или дворянскихъ мундирахъ разливается отъ пораженнаго ею центра до послѣдней деревушки, истощая ея жизненность, подтачивая силы, отражаясь даже на состояніи крышъ и изгородей, а не только дорогъ и полей... Мудрено ли, что народный организмъ впадаетъ отъ нея то въ бездѣятельность и апатію, то въ лихорадочное возбужденіе". Одинъ изъ самыхъ мѣткихъ афоризмовъ сборника принадлежитъ академику Ѳ. Е. Коршу. Онъ различаетъ въ исторіи нашей общественной образованности за XIX ст. три періода: съ тридцатыхъ годовъ, говоритъ онъ, у насъ господствовало довольно широкое общее образованіе, но безъ запаса конкретныхъ знаній; съ шестидесятыхъ годовъ началось усвоеніе научныхъ элементовъ, зато пало общее образованіе; съ девяностыхъ слабѣетъ и знаніе; въ заключеніе онъ саркастически обнадеживаетъ, что по истеченіи новаго тридцатилѣтія, т.-е., примѣрно, съ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго вѣка, кругъ начнется съизнова.

Этихъ образчиковъ достаточно, чтобы показать, какъ интересенъ сборникъ. Надо надѣяться, что онъ будетъ имѣть хорошій успѣхъ. Въ немъ одинъ недостатокъ: онъ выпущенъ безъ оглавленія, вслѣдствіе чего нѣкоторыхъ подписей-факсимиле нельзя разобрать.

V.

— Ѳедоръ Страховъ. По ту сторону политическихъ интересовъ. Изд. „Посредника". Москва. 1907. Стр. 148.

Книжка г. Страхова такъ безнадежно плоска и скучна, что о ней вовсе не стоило бы говорить, еслибы она не была такъ прискорбно-типична. Это—общее правило: во всѣ времена, едва раздастся живая нравственная проповѣдь,—мертвый формализмъ, въ которомъ никогда не бываетъ недостатка, накинется на новую формулу и, обездушивъ ее, будетъ носить на щитѣ ея идейную оболочку. Это—спеціальные паразиты нравственныхъ ученій! Нѣтъ ничего опаснѣе и отвратительнѣе ихъ; они подмѣняютъ животворящую истину тупыми сентенціями, заглушаютъ боль и сомнѣнія множествомъ идейно-звонкихъ

словъ, вливаютъ въ души ядъ самодовольства и духовной праздности; гдѣ пророкъ рвалъ на себѣ платье, бился головой объ стѣну, пробовалъ стрѣляться отъ душевной муки, тамъ они садятся и пишутъ гладенькія статейки и посылаютъ ихъ въ журналы, а погодя—выпускаютъ книжкою, и весьма довольны. Счастье только, что они такъ бездарны,—иначе они надѣлали бы много вреда. Людямъ лѣнь дѣлать душевную работу, и они пали до такой подмѣны.

Книга г. Страхова, такъ сказать, наивно-бездушна. Онъ и не догадывается, какъ сложно и, главное, жизненно, т.-е. полно борьбы, страданій, случайности, все то, о чемъ онъ говоритъ. Онъ просто не чувствуетъ жизни; все, о чемъ онъ говоритъ, удобно разставлено передъ нимъ въ литературной плоскости, какъ на шахматной доскѣ. Онъ говоритъ: добро, зло, не соединяя съ этими словами никакихъ реальныхъ представленій; онъ ихъ передвигаетъ, какъ пѣшки, складываетъ, вычитаетъ, умножаетъ: „Если люди отъ одной формы зла перейдутъ къ другой, усугубляя это зло и собой, и своими замѣстителями, то зла въ мірѣ несомнѣнно прибавится. Но если они откажутся отъ зла во имя добра, и т. д.“; или: „Въ дѣлѣ борьбы зла со зломъ перевѣсъ бываетъ на сторонѣ того зла, которое сильнѣе. Изъ чего слѣдуетъ, что человѣку, желающему парализовать зло зломъ, надо пускать въ ходъ зло большее, чѣмъ то, съ которымъ онъ борется, а слѣдовательно“, и т. д. Чѣмъ не алгебра нравственности? Добро—a, зло—b, и все очень удобно: a^2, $2b$, $a-b$, и т. д.; это—марки для обозначенія реальностей, какъ въ играхъ, но автору и въ голову не приходитъ спросить себя, что̀ же такое эти проклятыя реальности, что̀—добро, что̀—зло? Поэтому онъ, не моргнувши, говоритъ: надо быть добрымъ; „надо,—пишетъ онъ,—прежде всего самому сдѣлаться добрымъ, любящимъ и правдивымъ“. И точно такъ же онъ говоритъ и о Богѣ, о вѣрѣ въ Бога, о невѣріи; это тоже марки безъ реальностей, мертвыя слова о живомъ: „Главнымъ основаніемъ для такихъ поступковъ служитъ атеизмъ,—невѣріе въ Бога. *А отсюда уже происходитъ* то, что люди пренебрегаютъ вложеннымъ въ каждаго человѣка нравственнымъ чувствомъ“, и т. д.; или еще: „*А всему причиной* отрицаніе Бога, а отсюда пересадка критерія добра“, и т. д.

Г. Страховъ—послѣдователь Л. Н. Толстого. Всѣ его статьи и афоризмы, собранные въ этой книгѣ, имѣютъ цѣлью доказать, что не политической свободы надо добиваться, что надо искать царствія Божія, а все остальное приложится. Эти доказательства имѣютъ столько же общаго съ жизнью, сколько бумажные цвѣты съ живой розой, цвѣтущимъ ландышемъ. Г. Страховъ пишетъ совсѣмъ какъ Толстой, даже начинаетъ абзацы по-толстовски съ прописного *И* или *Такъ что*; но трудно больше дискредитировать глубокую мысль Тол-

стого, чѣмъ это сдѣлалъ г. Страховъ, — и не потому, что онъ лишенъ элементарнаго умѣнья писать, что его рѣчь вяла и косноязычна, его знанія—дѣтскія, его размышленія плоски и банальны: это бы все ничего, еслибы только за его строками чувствовалась живая душа. Но все, что̀ онъ говоритъ, мертво, его доказательства—схоластика и казуистика. И оттого въ его собственной рѣчи нѣтъ доброты, хотя добро не сходитъ съ его устъ, и не руководитъ имъ то инстинктивное чутье истины и добра, которое присуще живому честно ищущему духу. Какія только ухищренія не вноситъ онъ въ простое слово Евангелія! Христосъ сказалъ: „и взявшій мечъ отъ меча погибнетъ". Христосъ этими словами только формулировалъ житейское наблюденіе, сдѣланное къ тому же задолго до него: это была почти пословица. Но г. Страховъ спѣшитъ оправдать Христа: неужели Христосъ могъ сказать, что ближняго своего нельзя убить, чтобы въ свою очередь не пасть отъ руки мстителя за него? — нѣтъ, эти слова надо понимать такъ, что, убивая другого, ты въ ту же минуту погибаешь отъ *того самаго* меча, который ты держишь въ рукахъ, т.-е. погибаешь *нравственно* оттого, что взялся за мечъ. Или другое, еще хуже. Христосъ сказалъ: „Кесарево—кесарю, Божіе—Богу". Казалось, смыслъ этихъ словъ ясенъ; но г. Страховъ понялъ ихъ по-своему: этотъ текстъ, говоритъ онъ, приведенъ евангелистами для того, чтобы показать *находчивость* Христа, сумѣвшаго отвѣтить такъ, чтобы и не разрушить своего ученія, и не дать повода испытующимъ къ обвиненію себя,—такъ какъ его ученіе состояло въ томъ, что цари царствуютъ надъ народами, а чтобы между его учениками *не было такъ*. Этотъ ловкій отвѣтъ долженъ спасти евангельское ученіе анархизма, какъ его необыкновенно грубо понимаетъ г. Страховъ. И такого же достоинства всѣ остальные аргументы г. Страхова. Напримѣръ, доказывая тщетность борьбы за политическую свободу, онъ выставляетъ такое соображеніе: правда-де, иной разъ общество чувствуетъ нѣкоторое облегченіе послѣ политической перемѣны; но, говоритъ онъ, (приводимъ его мысль въ подлинникѣ: форма сто̀итъ своего содержанія),—„не надо забывать, что облегченіе это временное и что съ такою же легкостью насъ можетъ досадить режимъ народовластія, съ какою уже досадилъ строй автократическій. Это мы видимъ на примѣрѣ Франціи..."

Мы вовсе не хотѣли высмѣять книгу г. Страхова; повторяемъ, она слишкомъ ничтожна, чтобы заинтересовать кого-нибудь сама по себѣ, хотя бы отрицательно; но о ней нельзя умолчать ради той великой мысли, которая въ ней опошлена, обездушена. Мнѣ больно, когда чиновникъ на моихъ глазахъ въ одну минуту бездушно рѣшаетъ дѣло, коверкающее судьбу одного или двухъ человѣкъ; но мнѣ такъ же

больно и не менѣе стыдно за человѣка, когда на моихъ глазахъ опустошаютъ понятія: добро, зло, нравственное совершенствованіе, и, не видя, какъ страдаетъ человѣкъ, не сострадая жизни, тупо и самодовольно изрекаютъ: „надо прежде всего стать добрымъ". Какъ много недоброты въ этомъ „надо", не говоря уже о непониманіи! Формализмъ всегда слѣпъ и жестокъ, но нѣтъ его страшнѣе, какъ въ сферѣ нравственныхъ вопросовъ.

VI.

— Отчетъ московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1906 годъ. Москва, 1907. Стр. 179.

Этотъ „Отчетъ" заслуживаетъ вниманія не однихъ спеціалистовъ: въ немъ описаны два обширныхъ собранія матеріаловъ для біографіи Герцена, и такъ какъ лицъ, интересующихся Герценомъ, у насъ становится все больше, а оба эти собранія—общедоступны, то представляется нелишнимъ ознакомить съ названнымъ „Отчетомъ" и широкую публику, которой подобныя изданія обыкновенно остаются неизвѣстны.

Въ отчетѣ Отдѣленія рукописей описана коллекція писемъ Герцена къ Огареву и обратно, переданная въ Румянцовскій музей покойнымъ А. А. Герценомъ и съ начала 1907 г. поступившая въ общее пользованіе. Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой коллекціи уже были сообщены на страницахъ нашего журнала, въ іюньской книгѣ, гдѣ напечатана и значительная часть писемъ Герцена, входящихъ въ ея составъ. „Отчетъ" музея даетъ болѣе подробное описаніе ея и приводитъ рядъ чрезвычайно интересныхъ выдержекъ. Всего коллекція содержитъ 314 писемъ Герцена и 163—Огарева за время съ половины 1855 года (когда Огаревъ еще былъ въ Россіи) до послѣднихъ дней жизни Герцена: его послѣднее письмо помѣчено 14—15 января 1870 года, а черезъ недѣлю его не стало. Число писемъ Герцена по годамъ колеблется отъ 1—2-хъ до 89-ти (въ 1867 г.), 62 (въ 1868) и т. д.; но надо замѣтить, что не всѣ письма сохранились, да и датировать ихъ можно только съ бо̀льшей или меньшей вѣроятностью, такъ какъ почти всѣ они не помѣчены мѣсяцемъ и годомъ. Это — не только письма въ обыкновенномъ смыслѣ слова, письма на разстояніи: сплошь и рядомъ друзья обмѣнивались записками, живя въ одномъ городѣ, въ одномъ домѣ; въ общемъ же эта переписка представляетъ собою какъ бы интимный дневникъ, почти исповѣдь думъ и чувствъ на почвѣ общихъ переживаній, совмѣстной дѣятельности, тождественныхъ интересовъ; въ этой безпримѣрной дружбѣ—жизнь обоихъ друзей,

особенно подъ конецъ, въ 60-хъ годахъ, слилась въ одно. Въ разлукѣ они пишутъ другъ другу ежедневно, иногда по два раза въ день; когда Огареву случается пропустить два дня безъ письма, онъ потомъ подробно объясняетъ причины своей неисправности; „даже еще во снѣ думалъ о томъ,—пишетъ онъ однажды,—что̀ хотѣлъ тебѣ писать, и какъ бы чего не забыть“.

Приведенные въ „Отчетѣ“ отрывки изъ этой переписки даютъ, разумѣется, лишь слабое представленіе о богатствѣ ея содержанія. При томъ видномъ общественномъ положеніи, которое занимали тогда Герценъ и Огаревъ, ихъ письма должны заключать въ себѣ, прежде всего, драгоцѣнные матеріалы по исторіи нашего общественнаго развитія—рядъ свѣдѣній, характеристикъ и пр., воспроизводящихъ прошлое со свѣжей непосредственностью. Но, вѣроятно, еще цѣннѣе окажутся тѣ части переписки, которыя даютъ возможность прослѣдить внутреннюю работу духа обоихъ корреспондентовъ. Въ такомъ по существу личномъ матеріалѣ, какимъ являются письма человѣка, личность всего интереснѣе, да и выступаетъ она съ наибольшей рельефностью. А какъ богата переписка Герцена и Огарева именно въ этомъ отношеніи, показываютъ даже скудныя выдержки, приведенныя въ отчетѣ. Герценъ прожилъ на рѣдкость трудную жизнь, полную—во второй своей половинѣ—страшныхъ потерь и роковыхъ ошибокъ, отравленную безвыходными осложненіями; результатомъ былъ безотрадный взглядъ на жизнь и на себя. Но какъ далекъ былъ этотъ *личный* пессимизмъ отъ обычной склонности окрасить весь міръ въ темный цвѣтъ собственныхъ переживаній, какой мужественной резиньяціей въ лучшемъ смыслѣ этого слова звучатъ признанія Герцена! Въ январѣ 1867 г. онъ пишетъ Огареву: „Ты, caro mio, пишешь консолаціи. Я не вижу ни одной свѣтлой точки въ будущемъ, да вѣдь и ты не видишь. Это такъ говорится. Кто первый сказалъ слово чернаго отчаянія, тому второй говоритъ слово утѣшенія. Скажи второй, первый начнетъ утѣшать. Я говорю о нашей личной жизни. Что касается до Cosmos'a, онъ fara da se. Быть наблюдателемъ и очищать и мысль, и жизнь—это нравственное схимничество можетъ итти. Но для этого надобно покой, а чтобы было покойно, надобно пожертвовать безпокойными, — ну, и опять логическій кругъ“. А Огаревъ на этомъ пути даже опередилъ Герцена; еще въ 1860 году онъ писалъ послѣднему: „Я такъ не надѣюсь на утѣшенія, что совершенно не ищу ихъ; имѣть достаточно силы, чтобы жить и работать, а въ иной часъ безумно посмѣяться—и sufficit. А на то внутреннее утѣшеніе, на развитіе близкихъ, на гармонію жизни, я отлагаю попеченіе. Будетъ съ меня—тебя“.

Только теперь, когда эти письма стали доступны всѣмъ желаю-

щимъ, сдѣлалась возможной попытка изобразить внутреннюю жизнь величайшаго изъ нашихъ мыслителей-публицистовъ, и, надо думать, такая біографія не заставитъ себя ждать, тѣмъ болѣе, что и вообще матеріаловъ для нея накопилось уже достаточно, и — что особенно важно—эти матеріалы не разбросаны по сотнямъ мѣстъ, а въ значительной своей части собраны въ одномъ общедоступномъ мѣстѣ.

Это было дѣломъ рукъ скромной труженицы, недавно сошедшей въ могилу,—Екатерины Степановны Некрасовой. Рѣдкій случай какъ бы предопредѣлилъ ея жизненное служеніе. Еще подросткомъ, въ половинѣ 70-хъ годовъ, она среди книжнаго хлама у букинистовъ Сухарева рынка въ Москвѣ нашла и купила за нѣсколько копѣекъ переплетенную тетрадь—собственноручную рукопись Герцена, гдѣ оказались три его юношескія, неизданныя произведенія; она напечатала ихъ въ началѣ 80-хъ годовъ въ „Русской Мысли". Это послужило началомъ ея многолѣтней дѣятельности, направленной почти исключительно на собираніе, изданіе и разработку матеріаловъ для біографіи Герцена и Огарева. Въ этой области никто не сдѣлалъ больше ея. За четверть вѣка она напечатала нѣсколько десятковъ статей по собраннымъ ею матеріаламъ; но главнымъ ея памятникомъ является самое это собраніе, въ которое она вложила бездну любви, усилій, самаго кропотливаго, чисто-женскаго вниманія. Для того же, чтобы обезпечить сохранность этихъ матеріаловъ, а также, чтобы сдѣлать ихъ доступными для обозрѣнія и пользованія, она, по соглашенію съ администраціей Румянцовскаго музея, основала при этомъ музеѣ такъ называемую „комнату людей 40-хъ годовъ", которую не уставала пополнять до самой смерти, и куда завѣщала передать все остальное, чего не успѣла передать сама. Со временемъ сюда стали поступать соотвѣтствующія пожертвованія и отъ другихъ лицъ, главнымъ образомъ — отъ наслѣдниковъ Герцена, такъ что теперь эта „комната" представляетъ собою богатѣйшую коллекцію по исторіи 40-хъ годовъ и преимущественно Герцена-Огарева. „Отчетъ" Румянцовскаго музея за 1906 г. впервые даетъ инвентарную опись этой коллекціи, занимающую около 25 печатныхъ страницъ.

Среди аналогичныхъ личныхъ собраній (Пушкина и Лермонтова въ Петербургѣ, Грибоѣдова, Достоевскаго, Толстого — въ московскомъ Истор. музеѣ, и др.) „комната 40-хъ годовъ" выдается если не количественно, то качественно—по сравнительной полнотѣ и систематичности подбора. Не говоря уже о великолѣпной коллекціи портретовъ Герцена, Огарева и близкихъ къ нимъ лицъ, здѣсь собрано громадное количество подлинныхъ рукописей Герцена (почти исключительно заграничнаго періода), нѣсколько десятковъ записныхъ книжекъ Огарева, отрывки изъ дневника Н. А. Герценъ (1846 г.), сотни писемъ

Герцена, Огарева, писемъ къ нимъ и о нихъ, вырѣзки изъ иностранныхъ газетъ со статьями или „открытыми письмами“ Герцена, или отзывами о его сочиненіяхъ, и т. д., и т. д. Надо самому пробѣжать опись, чтобы получить представленіе о богатствѣ этой коллекціи, и еще лучше, надо самому побывать въ этой „комнатѣ“ (ихъ въ дѣйствительности двѣ), чтобы ощутить вѣяніе той эпохи и оцѣнить ту трогательную заботливость, съ которою Е. С. Некрасова обрядила каждую вещицу, зарегистрировала каждую записочку.

Такимъ образомъ, въ московскомъ Румянцовскомъ музеѣ хранится теперь, если можно такъ выразиться, полная не-написанная біографія Герцена, и „Отчетъ“ музея за 1906 г., гдѣ описаны обѣ коллекціи, будетъ отнынѣ служить необходимымъ указателемъ для всѣхъ, кто интересуется Герценомъ и его эпохой.

VII.

— Шаломъ Ашъ. Городокъ. Поэма изъ еврейской жизни въ Польшѣ. Перев. Б. П. Бурдеса. Изд. „Шиповникъ“. С.-Петербургъ. 1907. Стр. 194.

Поэма изъ еврейской жизни — въ этихъ словахъ, казалось бы, заключается внутреннее противорѣчіе: какая поэзія можетъ быть въ жизни массы, обездоленной цѣликомъ и порознь, обреченной на рабское униженіе и безпросвѣтную нужду, такъ страшно подавленной морально, что скорбная озабоченность стала признакомъ каждаго еврейскаго лица изъ массы? Кому случалось хоть мелькомъ увидѣть страну „осѣдлости“, тотъ помнитъ эту черту скорби, печать тысячелѣтней необезпеченности существованія и мучительной борьбы за кусокъ хлѣба. Скученные въ грязныхъ закоулкахъ мѣстечекъ или въ каменныхъ мѣшкахъ и подвалахъ большихъ городовъ, многосемейные, безсильные физически, люди весь вѣкъ копошатся въ вопіющей тѣснотѣ и грязи, бьются какъ рыба объ ледъ изъ-за гроша, непрерывно умираютъ съ голоду, и все-таки живутъ, Богъ вѣсть откуда почерпая эту цѣпкую силу жить въ затхлой атмосферѣ, гдѣ, казалось, не можетъ выжить ничто живое. Откуда же здѣсь взяться матеріалу для поэмы?—Но для художника все преображается въ поэму, и, потомъ, гдѣ живутъ люди, какъ бы они ни жили, — всюду звучитъ пѣсня, вездѣ любятъ, молятся и находятъ свою жалкую и трогательную радость. Эти крупицы радости собралъ и всю эту жизнь озарилъ поэзіей въ своей прелестной поэмѣ Шаломъ Ашъ. И потому, что это— поэзія быта, а не индивидуальной души, онъ написалъ поэму-эпосъ, безъ героевъ и безъ событій. Это—тотъ же родъ поэзіи, къ которому принадлежатъ „Обломовка“ или малороссійскія повѣсти Гоголя.

Съ послѣдними поэму Ш. Аша сближаетъ еще одно. Послѣднее время у насъ много писали о „принятіи“ и „непріятіи міра“. Безъ сомнѣнія, люди дѣлятся въ этомъ отношеніи на два типа: инстинктивно утверждающихъ міръ, принимающихъ его радостно и благодарно со всѣми его изъянами и противорѣчіями, — и инстинктивно отвергающихъ его, какъ уродливое искаженіе смутно предчувствуемаго ими потенціальнаго міра, гдѣ все—красота и гармонія. Оба эти типа самое яркое свое выраженіе находятъ въ поэзіи, потому что художникъ воспринимаетъ гармонію и дисгармонію міра съ исключительной чуткостью. Въ русской поэзіи можно указать удивительные по чистотѣ и силѣ выраженія образцы того и другого типа: достаточно назвать Пушкина и Фета съ одной стороны, Лермонтова—съ другой. Исторія поэзіи—всякой, и русской въ частности—показываетъ, что поэты того и другого типа выступаютъ плеядами, безъ сомнѣнія—въ связи съ соотвѣтствующими глубокими, мало замѣтными на поверхности, теченіями общественнаго сознанія,—приливами и отливами жизненности въ обществѣ. По всѣмъ признакамъ, мы находимся сейчасъ въ преддверіи новаго *положительнаго* періода, и Б. Зайцевъ со своей ликующей „радостью бытія“ является только первой ласточкой новой весны.

Быть можетъ, ни въ какой другой отрасли поэтическаго творчества (развѣ только въ лирикѣ) это радостное утвержденіе жизни не достигаетъ такихъ удивительныхъ эффектовъ, какъ въ изображеніи быта. Этотъ признакъ — душа эпоса, безъ него эпосъ немыслимъ; только нося въ своей душѣ эту свѣтлую любовь ко всему сущему, поэтъ можетъ радостно подмѣчать и воспроизводить жизнь, какъ она есть,—и это, разумѣется, нисколько не исключаетъ въ немъ идеализма въ чистѣйшемъ смыслѣ слова, — только въ своемъ предчувствіи лучшей жизни онъ исходитъ не отъ внутренняго образа, а отъ реальности. Таковъ у насъ С. Т. Аксаковъ, и таковы въ особенности малороссійскія повѣсти Гоголя. И въ этомъ-то главная прелесть поэмы Ш. Аша. Она вся залита такимъ мягкимъ свѣтомъ, столько въ ней любви и ласки ко всему изображаемому—и къ людямъ, и къ рѣкѣ, и къ лѣтнимъ сумеркамъ, и ко всему этому жалкому Городку, — что разумъ безъ протеста сдается и примиряется.

Это — самый обыкновенный городокъ еврейской черты осѣдлости, любое еврейское мѣстечко, какихъ сотни въ юго-западномъ краѣ и Польшѣ. Оно не названо—это Городокъ съ большой буквы. Очаровательно вступленіе къ поэмѣ. „Дорога въ Городокъ болотиста. Сегодня канунъ Пурима. Снѣгъ на поляхъ таетъ, и на необъятной снѣжной поверхности тамъ и сямъ уже выступаютъ черныя земляныя пятна. Сѣмена, всю зиму покоившіяся въ землѣ подъ снѣжнымъ покровомъ,

разбухли и, пробиваясь, вбираютъ въ себя соки матери-земли. По чернымъ пятнамъ можно догадаться, что мать-земля беременна... Вдали, на дорогѣ, съ обѣихъ сторонъ усаженной липовыми деревьями, виденъ одинокій путникъ съ котомкой на спинѣ и палкой въ рукѣ. Черные вороны перелетаютъ съ дерева на дерево, рвутъ длинныя снѣжныя нити на вѣтвяхъ и уносятся въ даль. Дорога ведетъ путника въ Городокъ. Пойдемъ вмѣстѣ съ нимъ и опишемъ въ этой книгѣ все, что̀ увидимъ, все, что̀ услышимъ". Въ этой книгѣ одиннадцать этюдовъ, вѣрнѣе — картинъ, внѣшне едва связанныхъ между собою, почти лишенныхъ фабулы, но составляющихъ одно органическое цѣлое по внутреннему единству и настроенію. Вотъ картина будничнаго дня въ домѣ перваго богача Городка; вотъ картина лѣтнихъ сумерекъ въ Городкѣ; вотъ пожаръ, пріѣздъ раввина, обрученіе, субботній день въ Городкѣ; вотъ картина синагоги, праздникъ, осень, свадьба, и т. д. Это—не повѣсть, это—картины быта; лица обрисованы художественно, во всей неповторяемости своихъ индивидуальныхъ особенностей, но это—типы, они почти не названы по именамъ, они тѣ же во всѣхъ польско-еврейскихъ мѣстечкахъ; это — какъ красиво говоритъ въ одномъ мѣстѣ авторъ—только капли моря, но въ каждой каплѣ—все море. Субъективное ли это творчество, или объективное? Авторъ стоитъ внѣ изображаемой жизни, онъ объемлетъ ее и анализируетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ творитъ изъ глубины этой народной психологіи и достигаетъ этимъ того внутренняго реализма, который дается только истинному поэту и для котораго знаніе быта—только подножіе. И оттого также нѣтъ ни односторонности, ни фальши въ положительномъ характерѣ его изображенія. Онъ нарисовалъ этотъ бытъ только съ его мирной и свѣтлой стороны; онъ знаетъ всю нужду и горе, которыми полна жизнь еврейской бѣдноты въ Городкѣ, и порою, въ холодный осенній день, даже укажетъ вамъ мимоходомъ, какъ городовой несетъ черезъ базаръ субботнія одѣяла и два подсвѣчника, а за нимъ съ мольбой бѣжитъ еврейка, и нищіе перекупщики-евреи дрожатъ въ своихъ легкихъ халатахъ и сердце каждаго сжимается при мысли, что пора вносить квартирную плату. Но ему не хочется подбирать эти черты горя,—у него такъ свѣтло на душѣ, потому ли, что онъ молодъ, или потому, что—поэтъ; и рисуя свѣтлое, онъ не обманываетъ, онъ только говоритъ: взгляните, какъ ярокъ сегодня день и какъ хорошъ Божій міръ. Ему легко было при этомъ впасть въ преувеличеніе, въ слащавость, но его спасло художественное чувство мѣры; въ поэмѣ нѣтъ и намека на приторный лиризмъ,—все въ ней скромно и просто, какъ добрая улыбка, и все отчетливо-ясно подъ теплымъ колоритомъ поэзіи.

Эту поэму могъ создать только человѣкъ, родившійся и выросшій

въ какомъ-нибудь „Городкѣ“, съ молокомъ матери впитавшій его бытовую психологію; и то, что изъ среды задавленнаго горемъ русскаго еврейства могъ выйти такой свѣтлый духомъ поэтъ, и что на этой бытовой почвѣ могъ расцвѣсти такой благоуханный цвѣтокъ, какъ поэма Ш. Аша, — это свидѣтельствуетъ объ удивительной свѣжести народной души. Значитъ, не совсѣмъ она засорена страхомъ и заботою; еще сочится въ ней чистая струйка поэзіи, и, можетъ быть, когда разгладится скорбная складка на лбу еврея, „Городокъ“ огласится широкой и радостной пѣснью, внятной всякому человѣческому сердцу.—М. Г.

VIII.

— Александръ Миклашевскій. Арбитражъ и соглашеніе въ промышленныхъ спорахъ. Юрьевъ-Дерптъ. 1907. Ц. 80 к.

Названная книжка профессора юрьевскаго университета, Миклашевскаго, состоитъ изъ двухъ различныхъ частей — одной, на тему, указанную въ заглавіи книги, другой—на болѣе широкую тему о тактикѣ рабочихъ въ ихъ борьбѣ съ предпринимателями. Въ первой части дается краткій очеркъ развитія законодательства Франціи, Германіи и Англіи о посредничествѣ, соглашеніи между рабочими и предпринимателями и арбитражѣ, и описывается соотвѣтствующее законодательство въ Австралазіи, регулирующее не только продолжительность рабочаго дня и различныя условія труда наемныхъ рабочихъ, но и высоту заработной платы. Такую исключительную позицію въ отношеніяхъ между предпринимателями и рабочими правительство Австралазіи могло занять, по мнѣнію автора, потому, что населеніе этой страны — англійскіе переселенцы — получили на своей родинѣ извѣстное воспитаніе, благодаря широкому распространенію рабочихъ союзовъ взаимопомощи, регулировавшихъ отношенія между рабочими и предпринимателями. На основѣ такого промышленнаго самоуправленія только и можетъ, по мнѣнію автора, выросги соціальное значеніе государства. Въ развитіи мнѣній автора о цѣлесообразной тактикѣ борьбы капитала и труда и о правильномъ пути соціальнаго развитія вообще и заключается главный смыслъ книжки проф. Миклашевскаго, такъ какъ фактическая ея часть, за исключеніемъ нѣкоторыхъ выдержекъ изъ иностранныхъ изданій, не представляетъ ничего новаго для русскаго читателя. Мнѣніями автора по даннымъ вопросамъ мы поэтому и займемся въ нашей замѣткѣ.

Изложеніе своихъ взглядовъ г. Миклашевскій предпринялъ въ поученіе русскимъ общественнымъ дѣятелямъ; онъ обращается главнымъ

образомъ къ соціалъ-демократамъ съ увѣщаніями слѣдовать по указываемому имъ пути: „Я смѣло и рѣшительно—пишетъ онъ—говорю многимъ изъ нашихъ соціалъ-демократовъ: господа, пора научиться осторожно и по иному работать на пользу рабочаго сословія, интересы котораго вы защищаете, стоя до сихъ поръ только на почвѣ абстрактной фразеологіи борьбы эксплуатируемыхъ противъ такъ-называемыхъ эксплуататоровъ" (стр. 21). „Народничество и большевизмъ, устарѣлый пережитокъ народовольчества, частью по соціально-политической неопытности, частью по невѣжеству, къ сожалѣнію, не могутъ понять всю колоссальную сложность соціальной проблемы, которая не можетъ быть разрѣшена проповѣдью классовой ненависти и всяческихъ нелѣпыхъ активныхъ выступленій. Русской соціалъ-демократіи предстоитъ еще тяжелая задача отдѣлаться отъ этихъ народническихъ демагогическихъ инстинктовъ и создать знающихъ *умѣренныхъ* и осторожныхъ вождей, понимающихъ роль разума, знанія, характера и воли при рѣшеніи общественныхъ вопросовъ" (стр. 104). Это нелестное мнѣніе г. Миклашевскаго о вождяхъ нашей демократіи, считающихъ, будто бы, возможнымъ разрѣшать общественные вопросы, не сознавая значенія разума, знанія, даже воли, сдѣлается совершенно понятнымъ, если познакомиться съ мнѣніемъ автора о томъ, что̀ значитъ понимать роль разума и воли въ общественномъ движеніи. Разумъ и знаніе не только „даютъ возможность понять, что исторія—тяжелый процессъ, въ которомъ и личность, и классы выполняли и будутъ выполнять извѣстную общественную функцію". По утвержденію проф. Миклашевскаго, они еще учатъ, что историческій процессъ „создаетъ необходимое, какъ наиболѣе для данной эпохи *цѣлесообразное*, и видоизмѣняетъ необходимое черезъ новое созданіе *цѣлесообразнаго*"; а потому „безъ разума и знанія условій необходимаго историческаго процесса невозможна никакая политика справедливости" (стр. 23). Авторъ обращается съ этими поученіями къ экономистамъ („всякій экономистъ долженъ помнить" и т. д.), и, быть можетъ, безстрастному ученому естественно оцѣнивать значеніе существующаго зла съ точки зрѣнія его былой или настоящей цѣлесообразности. Но намъ кажется, что вожди демократіи органически не могли бы во имя „справедливости" признать своимъ разумомъ законнымъ и терпимымъ то страшное пониженіе вознагражденія труда, растяженіе рабочаго дня и ухудшеніе обстановки фабричнаго труда, какое характеризовало первые побѣдоносные шаги капитализма въ Англіи, хотя, съ точки зрѣнія возрастанія прибавочной стоимости, эти явленія были совершенно цѣлесообразны. Точно также не можетъ и русскій помѣщикъ примириться разумомъ съ разгромомъ владѣльческихъ усадебъ послѣднихъ лѣтъ, несмотря на то,

что, уничтожая хозяйственное обзаведеніе крупныхъ экономій, крестьяне преслѣдовали опредѣленную *цѣль:* сдѣлать невозможной хозяйственную дѣятельность владѣльца и вынудить его на сдачу всей земли крестьянамъ.

Такимъ же субъективизмомъ, какъ поученія отъ разума, отличаются и толкованія г. Миклашевскимъ значенія воли въ развитіи соціальныхъ отношеній. Воля понимается авторомъ „какъ та непреоборимая энергія, которая, несмотря на всякія возможныя невзгоды, заставляетъ служить своему долгу и разъ принятому рѣшенію бороться для достиженія своихъ идеаловъ“ не просто „вѣрнымъ“ путемъ, а еще и „медленнымъ, сдержаннымъ, эволюціоннымъ“ (стр. 25). Почему „наличность у борющагося“ воли должна выражаться непремѣнно медленностью путей достиженія поставляемыхъ имъ себѣ цѣлей, когда быстрое выполненіе дѣла считается всѣми положительнымъ, а не отрицательнымъ свойствомъ; почему мы должны объяснять какъ бы параличомъ воли дѣятелей соотвѣтствующихъ эпохъ отмѣну, на примѣръ, въ одну ночь феодальныхъ привилегій во Франціи или упраздненіе однимъ ударомъ крѣпостного права въ Россіи — отвѣта на эти вопросы у г. Миклашевскаго мы не находимъ. А между тѣмъ подобныя немотивированныя тенденціозныя оговорки могутъ отвратить читателя и отъ вѣрныхъ по существу мыслей. Врядъ-ли, напримѣръ, можно ожидать благопріятнаго впечатлѣнія отъ совѣта автора соціалъ-демократамъ создать не только „знающихъ и осторожныхъ“, но еще и „умѣренныхъ вождей“. Умѣренность политическаго дѣятеля вовсе не есть качество, очевидно цѣнное само по себѣ. „Умѣренность“, т.-е. ограниченіе справедливыхъ требованій, можетъ претендовать на всеобщее признаніе, если она диктуется „знаніемъ и осторожностью“, а не является результатомъ личныхъ взглядовъ вождя.

Г. Миклашевскій считаетъ себя соціалистомъ-эволюціонистомъ. Онъ полагаетъ, что роль предпринимателя сведется, въ концѣ концовъ, „къ необходимой и справедливо вознаграждаемой функціи организатора“; но это совершится постепенно, и потому „крупнѣйшая задача нашего времени—не въ проповѣди классовой ненависти, а классоваго пониманія другъ друга, сознательныхъ компромиссовъ для послѣдовательнаго видоизмѣненія всей соціальной атмосферы“ (стр. 117). Это видоизмѣненіе будетъ достигнуто не „бреднями о соціальной справедливости“, а „послѣдовательной работой по организаціи промышленныхъ союзовъ“. Въ развитіи этой мысли авторъ также проявляетъ тенденціозную односторонность. Всѣмъ извѣстно широкое распространеніе въ капиталистическихъ странахъ муниципальныхъ и кооперативныхъ предпріятій. Этими новыми началами экономической дѣятельности, по мнѣнію извѣстныхъ западныхъ соціалистовъ-эволюціонистовъ, на-

мѣчается путь соціализаціи промышленности. Но г. Миклашевскій не видитъ этого пути, устраняющаго изъ промышленной организаціи типическаго предпринимателя-капиталиста. Подъ „организаціей промышленныхъ союзовъ" онъ разумѣетъ англійскіе и имъ подобные профессіональные союзы рабочихъ. „Наивно думать,—пишетъ онъ,—что соціализація государствъ можетъ произойти безъ глубокаго перевоспитанія массъ черезъ медленный процессъ промышленнаго самоуправленія на почвѣ *наемной формы труда*, которая дожна свести роль предприниматели къ необходимой и справедливо вознаграждаемой функціи организатора" (стр. 116).

Г. Миклашевскій очень много настаиваетъ на важности этого предварительнаго процесса развитія промышленнаго самоуправленія для того, чтобы было возможно широкое вмѣшательство государства въ отношенія между предпринимателями и рабочими, и полагаетъ, что тѣмъ же, такъ сказать, англійскимъ путемъ пойдетъ и наша промышленная исторія. „Я ясно сознаю—говоритъ онъ—всю жестокость стачечной борьбы, но при извѣстныхъ условіяхъ и при извѣстномъ положеніи умственной культуры считаю ее явленіемъ неизбѣжнымъ и болѣе желательнымъ, чѣмъ принудительное нормированіе отношеній. Для того, чтобы это нормированіе было цѣлесообразнымъ, нужно пройти извѣстную стадію развитія" (стр. 118). Онъ особенно настаиваетъ на этихъ положеніяхъ, потому что считаетъ, будто *„всѣ наши ожиданія* связываются только съ одной реформой государственнаго строя. Государство, *какъ кажется многимъ*, можетъ и должно все сдѣлать" (стр. 18). Не будемъ останавливаться на противорѣчіи утвержденій автора о настроеніи русскаго общества, выражающемся въ подчеркнутыхъ нами словахъ. Скажемъ только, что однимъ изъ главнѣйшихъ проявленій освободительнаго движенія въ Россіи считается именно стремленіе трудящихся къ профессіональнымъ организаціямъ; что и наши революціонныя партіи главную часть работы соціальнаго преобразованія изъ центра переносятъ на мѣста, а соціалъ-демократы и не ожидаютъ многаго отъ того политическаго строя, который, по ихъ мнѣнію, призванъ замѣнить самодержавіе. Въ виду такого настроенія массы русскаго общества, тенденціозная односторонность взглядовъ проф. Миклашевскаго представляется особенно яркой.

IX.

— В. Святловскій. Къ вопросу о судьбахъ землевладѣнія въ Россіи. (Статистика мобилизаціи земельной собственности). Спб. 1907 г. Ц. 65 к.

Нѣтъ надобности объяснять, какое важное значеніе для познанія аграрныхъ отношеній имѣетъ статистика мобилизаціи земельной соб-

ственности, показывающая, съ какою быстротою совершается передвиженіе земли, изъ рукъ какихъ классовъ ускользаетъ послѣдняя, въ чьихъ рукахъ сосредоточивается и въ какомъ приблизительно направленіи—концентраціи или парцелированія—происходитъ передвиженіе земельной собственности. Понятенъ, поэтому, интересъ предпріятія министерства финансовъ по изученію этого процесса въ Россіи на основаніи публикацій нотаріусовъ въ „Сенатскихъ Вѣдомостяхъ" о каждомъ случаѣ свидѣтельствованныхъ ими сдѣлокъ купли-продажи земли. Хотя эти публикаціи несвободны отъ существенныхъ недостатковъ, но въ общихъ чертахъ характеръ мобилизаціоннаго процесса рисуется ими правильно, и, благодаря разработкѣ соотвѣтствующихъ данныхъ, мы теперь можемъ судить о динамикѣ нашего землевладѣнія въ теченіе первыхъ сорока лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ. Результаты разработки сенатскихъ объявленій издаются подъ заголовкомъ „Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи", вышедшіе уже въ количествѣ тринадцати выпусковъ. Работа велась подъ руководствомъ сперва А. Э. Рейнбота, затѣмъ В. В. Святловскаго, а въ составленіи текста принималъ участіе такой солидный экономистъ, какъ А. Е. Лосицкій. Но указанныя выше изданія, и по ихъ объему, и по общему характеру, недоступны для большой публики, интересующейся аграрнымъ вопросомъ. Поэтому представлялось бы очень важнымъ изданіе отъ времени до времени такихъ работъ, которыя знакомили бы публику съ результатами оффиціальнаго изслѣдованія. Если, поэтому, не иначе какъ съ привѣтствіемъ надлежало бы отнестись къ работѣ, указанной въ заголовкѣ настоящей замѣтки,—какъ попыткѣ осуществленія задачи, о которой мы говорили, то совершенно иного пріема заслуживаетъ она за то, какъ выполнена эта задача. Книжка г. Святловскаго, въ основѣ которой лежитъ его докладъ „Вольному Экономическому Обществу" въ 1903 г., въ важнѣйшихъ частяхъ издана такъ небрежно, какъ будто она не знала контроля ни автора, ни корректора, въ типографію была сдана безъ нѣкоторыхъ страницъ, и тамъ еще терпѣла аваріи въ видѣ утраты или путаницы набора.

Такъ, въ главѣ „Статистическіе итоги", на стр. 63 приводятся данныя о мобилизаціи земли за сорокъ лѣтъ, изъ коихъ усматривается, между прочимъ, фактъ возвышенія средней цѣны земли. А на стр. 64 говорится, что „при разсмотрѣніи по *двумъ* группамъ губерній, *черноземнымъ* и *нечерноземнымъ*, наблюдается существенная разница въ *цѣнахъ* на землю. Если взять, напримѣръ, цифры послѣдняго десятилѣтія, 1888—1898 гг., то оказывается, что:". Послѣ двоеточія, съ новой строки идутъ разъясненія, касающіяся, во-первыхъ, не цѣны земли, а числа сдѣлокъ и числа проданныхъ десятинъ; во-вторыхъ, не

двухъ группъ губерній—черноземныхъ и нечерноземныхъ,—а многочисленныхъ мелкихъ географическихъ районовъ. О цѣнахъ же земли поминается лишь черезъ страницу, при чемъ не указывается ни одной цифры, а по прямому предмету рѣчи—о цѣнахъ земли въ черноземныхъ и нечерноземныхъ губерніяхъ — дается совершенно, конечно, неправильное утвержденіе, будто бы „цѣны нечерноземныхъ губерній въ общемъ *обгоняли* цѣны черноземныхъ“.

Отведя затѣмъ нѣсколько строкъ мнѣнію неизвѣстныхъ лицъ о парцеляціи и концентраціи русскаго землевладѣнія, авторъ опять возвращается къ вопросу объ увеличеніи „средней цѣны земли за *сорокъ лѣтъ*“ и къ старому же вопросу о движеніи цѣнъ въ черноземныхъ и нечерноземныхъ губерніяхъ. „При разбивкѣ же на цѣны въ губерніяхъ нечерноземныхъ и черноземныхъ—говоритъ онъ—яснѣе видна ихъ разница въ каждой группѣ губерній, какъ то видно изъ *слѣдующихъ цифръ*:“. Но опять дѣло ограничивается двоеточіемъ, и никакихъ цифръ за ихъ обѣщаніемъ не слѣдуетъ. А въ новой строкѣ значится: „Обратимся теперь къ анализу среднихъ цѣнъ“. Послѣ того приводятся, неизвѣстно для чего, среднія цѣны земли въ двухъ группахъ—черноземныхъ и нечерноземныхъ—губерній, за семь, а не за сорокъ лѣтъ; ни слова объ этой табличкѣ не говорится, а затѣмъ, на стр. 66-ой, начинается анализъ движенія цѣнъ по размѣрамъ сдѣлокъ.

Анализъ этотъ отличается той же систематичностью, что и предъидущій. Сначала приводится табличка со средними цѣнами земли, за различные періоды, по мелкимъ, среднимъ и крупнымъ сдѣлкамъ для *двухъ группъ губерній:* черноземныхъ и нечерноземныхъ, при чемъ не дается разъясненій, какія площади обнимаются этими подраздѣленіями сдѣлокъ (лишь на слѣдующей страницѣ мы случайно узнаемъ, что мелкими называются владѣнія до 25 дес.), а текстъ, слѣдующій за таблицей, начинается, такъ: „изъ *этой* таблицы слѣдуетъ, что *порайонно* цѣны всюду возрастаютъ“, затѣмъ разсматриваются отдѣльные районы, о коихъ ни слова не говорится въ таблицѣ, на которую дѣлается ссылка. На стр. 67—70 идетъ разсмотрѣніе того, какимъ образомъ протекалъ мобилизаціонный процессъ въ „различныхъ видахъ землевладѣнія“, въ мелкомъ, среднемъ и крупномъ, т.-е., какъ измѣнялись съ теченіемъ времени въ каждомъ видѣ число сдѣлокъ, число десятинъ, уплаченная сумма, средній размѣръ сдѣлки и средняя цѣна десятины. Собственно говоря, это нельзя назвать разсмотрѣніемъ, потому что три страницы книжки заняты таблицами (заимствованными изъ вып. VII „Матеріаловъ по статистикѣ движенія землевладѣнія“), безъ всякихъ комментарій. Но на стр. 73, послѣ разсмотрѣнія другихъ предметовъ, авторъ опять подымаетъ этотъ вопросъ, но уже какъ совершенно новый, объясняетъ, что „мобилизація земель

по типамъ землевладѣнія (что̀ раньше называлось имъ „видами землевладѣнія") представляетъ собою вопросъ въ высшей степени важный", что въ „выпускѣ 7-мъ „Матеріаловъ" указаны общія свѣдѣнія о движеніи земель по типамъ землевладѣнія, а именно: мелкому, среднему и крупному"; но что „здѣсь *не приводятся* помѣщенныя тамъ цифры, такъ какъ разборъ ихъ даетъ мало общихъ выводовъ и болѣе интересенъ для анализа порайонныхъ и погубернскихъ данныхъ". Что̀ означаетъ сіе заявленіе послѣ того, какъ на стр. 67—71 книжки приведены уже, какъ мы видѣли, цифры, извлеченныя изъ вып. 7-го „Матеріаловъ", касающіяся именно менѣе интересныхъ, по мнѣнію автора, общихъ итоговъ „мобилизаціи земли по типамъ землевладѣнія", и почему авторъ уклонился отъ болѣе интереснаго разбора порайонныхъ цифръ, примѣнявшагося имъ въ другихъ случаяхъ,—все это, какъ и многое другое, въ разсматриваемой книжкѣ, составляетъ секретъ, разгадывать который мы не беремся, но зато въ этой части книги мы узнаемъ, наконецъ, о томъ, что̀ должно было быть намъ сообщено гораздо раньше: о величинѣ площадей, составляющихъ мелкое, среднее и крупное землевладѣніе.

На стр. 70-й авторъ начинаетъ рѣчь о группахъ лицъ, „проникнутыхъ стремленіемъ къ пріобрѣтенію земли, и другихъ, постепенно выпускающихъ изъ своихъ рукъ принадлежащую имъ земельную собственность. Ко второй категоріи — пишетъ онъ—относились: дворянство, лица профессіональнаго званія, лица неизвѣстнаго званія, юридическія лица, кромѣ *поименованныхъ въ предыдущихъ графахъ*. Къ первой категоріи относились всѣ остальныя одиннадцать группъ *принятой здѣсь классификаціи*". Чтобы оцѣнить значеніе этой выдержки, пояснимъ, что никакихъ юридическихъ лицъ „въ предыдущихъ графахъ" поименовано не было, не было по данному вопросу и самыхъ графъ, не было ничего сказано о какихъ-то остальныхъ „одиннадцати группахъ". Все это составляетъ выдержку (безъ указанія источника) изъ 7-го выпуска „Матеріаловъ", въ которомъ вы дѣйствительно найдете и классификацію лицъ, продающихъ и покупающихъ землю, и графы для различныхъ категорій этихъ лицъ, и тѣ одиннадцать группъ классификаціи, которыя насъ удивили въ приведенной цитатѣ.

Чтобы сдѣлать нѣсколько понятными вышеуказанныя несообразности и несогласованность различныхъ частей изложенія г. Святловскимъ „общихъ итоговъ мобилизаціи частнаго землевладѣнія", слѣдуетъ вспомнить, что это изложеніе воспроизводитъ его докладъ, читанный когда-то въ „Вольномъ Экономическомъ Обществѣ". Докладъ сопровождался таблицами, которыми пояснялось чтеніе автора, и послѣднее не вызывало поэтому недоразумѣній, возможность которыхъ предупреждалась, кромѣ того, словесными разъясненіями, не вошедшими въ

текстъ писаннаго доклада. Теперь авторъ перепечатываетъ этотъ писанный докладъ, не приспособивъ его къ чтенію, не снабдивъ, гдѣ нужно таблицами, не введя нѣкоторыхъ разъясненій, не просмотрѣвъ, повидимому, его даже съ корректурной стороны, вслѣдствіе чего, напр., на стр. 71 и 72 вы находите ссылки на „приложеніе III“, котораго въ книжкѣ вовсе не имѣется.

Съ такой же небрежностью составленъ и приложенный къ книжкѣ библіографическій указатель. „Русская литература по вопросу мобилизаціи земельной собственности не особенно обширна“, говоритъ авторъ. Можно было бы, поэтому, ожидать, что ея указатель будетъ составленъ по предварительномъ просмотрѣ соотвѣтствующихъ произведеній. Между тѣмъ въ списокъ внесены книги и статьи, трактующія о совершенно другихъ предметахъ, какъ, напр., статьи „Недѣли“ „Сельско-хозяйственный кризисъ и мобилизація земли“, или брошюра г. Филимонова объ эволюціи формъ землевладѣнія; и не внесены произведенія, прямо относящіяся къ предмету. Особенной неполнотой отличаются указанія г. Святловскаго на мѣстную литературу о мобилизаціи. Одинъ просмотръ „памятныхъ книжекъ“ различныхъ губерній далъ бы немало матеріала, и изъ какой-нибудь полудюжины находящихся у насъ подъ руками „книжекъ“ большія статьи о движеніи земельной собственности (не указанныя у г. Святловскаго) мы встрѣчаемъ въ памятной книжкѣ Воронежской губерніи за 1896 и Екатеринославской губ. за 1900 г. Мѣстная литература представлена въ указателѣ г. Святловскаго десятью—двѣнадцатью наименованіями, попавшими туда, какъ видно, совершенно случайно. По крайней мѣрѣ, мы не понимаемъ, почему изъ земскихъ „Сборниковъ статистическихъ свѣдѣній по Уфимской губ.“ указанъ сборникъ, заключающій свѣдѣнія о мобилизаціи земли въ уфимскомъ уѣздѣ и не указаны сборники съ такими же свѣдѣніями о другихъ уѣздахъ; указанъ старый сборникъ по острогожскому уѣзду и пропущены новѣйшія изданія со свѣдѣніями по движенію землевладѣнія въ Вятской губ., въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Херсонской губ. и т. п. Какъ бы одно къ одному, книжка г. Святловскаго изобилуетъ и неисправленными опечатками; и если въ таблицахъ не менѣе ошибокъ, чѣмъ въ текстѣ, то она теряетъ значеніе и въ той своей части, въ коей не видно несообразностей, подобныхъ указаннымъ въ нашей замѣткѣ.

Вопросъ о мобилизаціи земельной собственности въ Россіи очень важенъ и интересенъ, и было бы крайне полезно, еслибы кто-нибудь изъ компетентныхъ лицъ познакомилъ въ отдѣльной брошюрѣ читающую публику съ результатами изслѣдованій этого явленія, выполняемыхъ министерствомъ финансовъ.

X.

— О травматическихъ поврежденіяхъ рабочихъ при работѣ на сельскохозяйственныхъ машинахъ. А. А. Алова. Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

Сельско-хозяйственные рабочіе находятся повсюду въ худшемъ положеніи сравнительно съ промышленными. Они хуже организованы для защиты своихъ интересовъ; почти совершенно лишены охраны законодательной, получаютъ низшую заработную плату, хуже питаются и имѣютъ болѣе длинный рабочій день, чѣмъ рабочіе фабрикъ и заводовъ. Сказанное приложимо въ особенности къ нашему отечеству; но, вслѣдствіе слабаго развитія у насъ особаго класса батраковъ, неблагопріятное положеніе наемнаго сельско-хозяйственнаго труда не имѣетъ такихъ прочныхъ послѣдствій, какъ на Западѣ. Этого, однако, нельзя сказать объ одной сторонѣ наемнаго сельско-хозяйственнаго труда—объ опасностяхъ, грозящихъ рабочимъ при обращеніи съ машинами. Въ сельско-хозяйственномъ трудѣ эта опасность больше, чѣмъ на фабрикѣ, потому что на работу сплошь и рядомъ становятся лица, никогда съ машинами не обращавшіяся; что рабочій день въ сельско-хозяйственномъ производствѣ длиннѣе, и самая обстановка труда очень благопріятствуетъ несчастнымъ случайностямъ. „На молотилкахъ, напр., — говорится въ книгѣ, составляющей предметъ настоящей замѣтки—приходится работать часто очень ускоренно, нерѣдко подъ палящими лучами солнца, въ пыли, которая столбомъ поднимается, глубоко проникаетъ въ дыхательные органы, набивается въ глаза; острые куски остей соломы проникаютъ сквозь рубашку и, садясь на разгоряченное тѣло, производятъ нестерпимый зудъ и даже являются причиной разныхъ заболѣваній; все это въ общей сложности дѣлаетъ работу очень тяжелой и опасной для жизни рабочихъ"... По свидѣтельству многихъ врачей южныхъ губерній, лѣтомъ земскія больницы бываютъ заполнены больными, получившими увѣчья при работахъ на сельско-хозяйственныхъ машинахъ, такъ что „больницы походятъ на какіе-то перевязочные или бивуачные пункты, куда свезены раненые съ боя".

Но еслибы, послѣ общихъ соображеній объ опасностяхъ работы при сельско-хозяйственныхъ машинахъ, мы пожелали получить конкретныя на этотъ счетъ данныя, то мы были бы поставлены въ очень затруднительное положеніе. Въ этомъ отношеніи сельско-хозяйственные рабочіе находятся также въ худшемъ положеніи сравнительно съ фабричными, потому что работа въ сельскомъ хозяйствѣ не подчинена правительственному надзору, подобному надзору за фабриками и заводами, на которомъ лежитъ, между прочимъ, обязанность регистраціи

несчастныхъ случаевъ съ рабочими. Свѣдѣнія о несчастныхъ случайностяхъ съ сельско-хозяйственными рабочими сообщались до сихъ поръ частными лицами, и первая сколько-нибудь широкая попытка обслѣдованія этого вопроса принадлежитъ частному же (не правительственному) учрежденію—„Вольному Экономическому Обществу“ въ Петербургѣ. Общество разослало во всѣ губернскія земскія управы и въ медицинскій департаментъ особые вопросные бланки, для передачи во всѣ больницы, лечебницы, амбулаторные пункты и пріемные покои, съ просьбой ихъ заполненія. Возвращенные заполненные бланки послужили матеріаломъ для работы А. А. Алова, указанной въ заголовкѣ настоящей замѣтки; и эта работа является такимъ образомъ первымъ опытомъ освѣщенія вопроса о травматическихъ поврежденіяхъ рабочихъ при сельско-хозяйственныхъ машинахъ, основаннымъ на массовыхъ наблюденіяхъ.

Г. Аловъ оперировалъ надъ 4076-ю карточками, относящимися къ несчастнымъ случаямъ въ различныхъ губерніяхъ въ теченіе лѣтъ 1897—99 годовъ. Карточки обнимаютъ лишь небольшую часть случившихся въ это время несчастій съ рабочими, и не могутъ поэтому свидѣтельствовать о частотѣ происшествій; значеніе ихъ заключается въ томъ, что онѣ рисуютъ характеръ поврежденій, ихъ послѣдствія и нѣкоторыя условія ихъ происхожденія. Въ общей ихъ массѣ несчастные случаи съ сельско-хозяйственными рабочими значительно отличаются отъ несчастій съ фабричными рабочими.

Характерную черту несчастныхъ случаевъ съ работающими при сельско-хозяйственныхъ машинахъ составляетъ тотъ фактъ, что имъ часто подвергаются не только участвующіе въ работахъ, но и посторонніе лица, и не только наемные рабочіе, но и самостоятельные хозяева. На наемныхъ рабочихъ приходится всего 52% пострадавшихъ лицъ, 44% принадлежатъ хозяевамъ и членамъ ихъ семей и 4% падаютъ на долю лицъ, случайно присутствовавшихъ при работѣ. Большой процентъ пострадавшихъ хозяевъ и членовъ ихъ семей объясняется тѣмъ, что сельско-хозяйственныя машины, особенно въ южныхъ губерніяхъ, являются принадлежностью не только помѣщичьихъ, но и крестьянскихъ хозяйствъ, и въ послѣднемъ случаѣ въ работѣ принимаютъ, конечно, участіе сами хозяева и члены ихъ семей. Пострадавшіе посторонніе суть большею частью дѣти рабочихъ, приходящія къ машинѣ вмѣстѣ съ родителями и становящіяся жертвами несчастной случайности. Другое рѣзкое отличіе несчастныхъ случаевъ въ сельско-хозяйственной и фабричной области касается распредѣленія ихъ по возрастамъ. На фабрикахъ, гдѣ участіе въ работѣ дѣтей ограничивается законодательствомъ, несчастные случаи съ дѣтьми (до 15 л.) составляютъ менѣе 1% общаго ихъ числа, а въ сельско-хозяйственномъ

производствѣ—26%, при чемъ на дѣтей до десяти-лѣтняго возраста приходится 9% несчастій! Особенно велико число пострадавшихъ дѣтей при употребленіи машинъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, когда въ помощь взрослымъ привлекаются всѣ работоспособные члены семьи. Цѣлая треть пострадавшихъ въ категоріи хозяевъ и членовъ ихъ семей приходится на возрастъ до пятнадцати лѣтъ, изъ нихъ 15% не достигли десяти лѣтъ отъ роду!

Значительныя различія поврежденій отъ сельско-хозяйственныхъ и фабричныхъ машинъ наблюдаются также въ распредѣленіи ихъ по органамъ тѣла. Въ обоихъ отдѣлахъ промышленности наибольшей опасности подвергается главный рабочій органъ тѣла—рука; но тогда какъ на фабрикахъ на этотъ органъ падаетъ около половины всѣхъ поврежденій, — въ сельско-хозяйственныхъ работахъ — 64%. Въ промышленной области за рукою, по частотѣ поврежденій, слѣдуютъ голова и туловище, на которыя приходится 36% несчастныхъ случаевъ; на нижнія же конечности—всего 15%. При работѣ на сельско-хозяйственныхъ машинахъ на нижнія конечности падаетъ 1/4 часть всѣхъ поврежденій, а на туловище и голову—лишь 1/9 часть. Поврежденія отъ сельско-хозяйственныхъ машинъ очень тяжелы. Въ большинствѣ случаевъ они даже имѣютъ сложный характеръ: „раны, раздробленія, переломы часто совмѣщаются въ одномъ случаѣ, вслѣдствіе чего поврежденія принимаютъ очень тяжелый характеръ и требуютъ продолжительнаго леченія“. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и характеръ исходовъ сельско-хозяйственныхъ поврежденій и фабричныхъ. Тогда какъ смертельнымъ исходомъ несчастные случаи на фабрикахъ оканчиваются въ 1,5% всѣхъ несчастій, поврежденія отъ сельско-хозяйственныхъ машинъ ведутъ къ смерти въ шести случаяхъ изъ ста. Постоянная потеря трудоспособности пострадавшему на фабрикѣ грозитъ въ двадцати-двухъ случаяхъ изъ ста, а пострадавшему отъ сельско-хозяйственной машины—въ половинѣ случаевъ, изъ коихъ опять бо̀льшая половина приходится на долю полной потери трудоспособности. Къ смягченію этого, какъ и нѣкоторыхъ другихъ неблагопріятныхъ заключеній, относительно характера послѣдствій поврежденій отъ сельско-хозяйственныхъ машинъ, послужитъ, однако, то обстоятельство, что правильной регистраціи этихъ поврежденій не существуетъ и что къ врачамъ (которые давали матеріалы для изслѣдованій) попадали по преимуществу тяжелые больные.

Очень печальную сторону несчастныхъ случаевъ при работѣ на сельско-хозяйственныхъ машинахъ составляетъ высокій процентъ страдающихъ дѣтей и молодыхъ людей: на долю лицъ до двадцати-лѣтняго возраста приходится половина пострадавшихъ. И такъ какъ въ половинѣ случаевъ исходомъ поврежденій бываетъ полная или частичная

потеря трудоспособности, то многіе члены крестьянскихъ семей обречены на такой печальный исходъ съ самаго молодого возраста. По невыясненнымъ причинамъ особенно тяжелы результаты поврежденій въ возрастѣ 16—20 лѣтъ: потеря трудоспособности (въ большинствѣ случаевъ полная) грозитъ почти ²/₃ лицъ этого возраста, подвергшихся несчастію. Печально положеніе сельско-хозяйственнаго труда и въ смыслѣ возможности предупрежденія несчастныхъ случаевъ, потому что правительственный надзоръ за крупными экономіями очень затруднителенъ, а за крестьянскими хозяйствами, работающими почти безъ участія наемнаго труда, и вовсе невозможенъ. Въ данномъ случаѣ, болѣе чѣмъ когда-либо, главнаго успѣха нужно ожидать отъ надзора самихъ рабочихъ и отъ общаго культурнаго подъема населенія.— В. В.

Въ теченіе іюля мѣсяца поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Бахметьевъ, А. Профессоръ атлетики. Сцены изъ жизни школы физическаго развитія, въ 3-хъ дѣйствіяхъ и 7 картинахъ. Спб. 907. Стр. 70. Ц. 50 к.

Бернштейнъ, Эдуардъ. — Стачка. Перев. съ нѣм. подъ ред. А. Ю. Блоха. Спб. 907. Стр. 128. Ц. 40 к.

Волховской, Ф. Случайныя пѣсни. Съ портр. автора. Книгоизд. Л. И. Колеватова. М. 907. Стр. 98. Ц. 60 к.

Брюсовъ, Валерій. Лицейскіе стихи Пушкина. Книгоизд. „Скорпіонъ". М. 907. Стр. 92. Ц. 1 р.

Грушевскій, Мих., проф. — Національный вопросъ и автономія. Стр. 15. Ц. 8 к.—Украинскій вопросъ. Стр. 32. Ц. 15 к. Спб. 907.

Денисюкъ, Н. — Начала политической экономіи, съ нѣкоторыми примѣчаніями по исторіи политич. экономіи. Книга для начинающихъ изученіе политической экономіи. Въ популярномъ изложеніи. М. 907. Стр. X + 443. Ц. 1 р. 80 к.

Дроздовъ, В. А. инженеръ. Пластинчатый окислитель Дибдина въ дѣлѣ біологической обработки сточной жидкости. Докладъ VIII водопроводному и X Пироговскому съѣздамъ. М. 907. Стр. 25. Ц. 30 к.

Зиновьевъ, Н. А.—На современныя темы. III. Земельный вопросъ. Спб. 907. Стр. VII + 148.

Карпентеръ, Эдуардъ. Тюрьмы, полиція и наказаніе. Перев. съ англ. *А. М.*—М. 907. Стр. 64. Ц. 30 к.

Кузминскій, П. П.—Городовой. Драматическій этюдъ изъ соврем. жизни въ одномъ дѣйствіи и двухъ картинахъ. Спб. 907. Стр. 31.

Межеричеръ, П. И. — Техническое черченіе. Изд. 3-е, испр. и доп., А. С. Панафидиной. М. 907. Стр. VI + 102. Съ 12 таблицами чертежей. Ц. 2 р. 25 к.

Новаковскій, В. А.—Мысли безработнаго. Спб. 907. Стр. 16. Ц. 15 к.

Ножинъ, Е. К.—Правда о Портъ-Артурѣ. Часть II. Съ иллюстраціями. Изд. П. А. Артемьева. Спб. 907. Стр. 446—963. Ц. 3 р.

Орловскій, С. — Клубы мальчиковъ въ Стокгольмѣ (Свободное воспитаніе и образованіе, подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Вып. 18). М. 907. Стр. 24. Ц. 15 к.

Пантюховъ, И. И.—Кіевскій и Уманскій уѣзды въ антропологическомъ отношеніи. Кіевъ, 907. Стр. 48. Ц. 30 к.

Печковскій, В. Н.—Современныя задачи русской желѣзнодорожной политики и мѣстныя желѣзныя дороги. Спб. 907. 4. Стр. 117.

Смоленскій, И. Л. — Пособіе къ изученію декламаціи. О логическомъ удареніи. Одесса, 907. Стр. 167. Ц. 1 р. 35 к.

Страховъ, Ѳедоръ. По ту сторону политическихъ интересовъ. Мысли христіанскаго анархиста. Изд. „Посредника". № 687. М. 907. Стр. 148. Ц. 65 к.

Сувировъ, Н. И. — Безработица и страхованіе отъ ея послѣдствій въ западной Европѣ. Спб. 907. (Библіотека „Обществ. пользы". Стр. 212. Ц. 75 к.

Толстой, Л. Н. Письмо къ китайцу (октябрь 906 г.). Китайская мудрость. Собрано Л. Н. Толстымъ. Изд. „Посредника". № 685. М. 907. Стр. 43. Ц. 15 к.

Турцевичъ, Ив. — Панегирикъ Риму Элія Аристида. Греческій текстъ съ русскимъ переводомъ, введеніемъ, комментаріемъ и приложеніями. Вып. I. Нѣжинъ, 907. Стр. VI + 59. Ц. 1 р.

Унтерманъ, Эрнестъ. Діалектическіе этюды. Популярныя лекціи изъ области пролетарскаго монизма. Перев. съ нѣм. И. Г. Наумова. Подъ ред. П. Дауге. Изд. П. Р. Дауге. М. 907. Стр. 147. Ц. 60 к.

Шестовъ, Л. — Добро въ ученіи гр. Толстого и Ф. Ницше (философія и проповѣдь). Спб. 907. Стр. IX + 133. Ц. 1 р.

— Азбука-Картинка съ подвижными — разрѣзными буквами. Составили И. Горбуновъ-Посадовъ и Я. Егоровъ. Съ рисунками. М. 907. Стр. 48. Ц. 12 к.

— Библіографическій сборникъ. Обзоръ литературы по рабочему вопросу. Вып. I. Профессіональное движеніе. Подъ ред. М. Г. Лунца. № 1. М. 907. Стр. 69. Ц. 40 к.

— Движение на търговията на България съ чуждитѣ държави, движение на корабитѣ по пристанищата и пазарни цѣни въ по-главнитѣ градове прѣзъ третото тримѣсечие отъ 1906 година. Княжество България, дирекция на Статистиката. (Principauté de Bulgarie, direction de la Statistique. Mouvement commercial de la Bulgarie avec les pays étrangers. Mouvement de la navigation par ports et prix moyens dans les principales villes pendant le troisième trimestre de 1906). София. Държавна печатница. 907. 4°, стр. XII + 97. Ц. 1—20 лева (1 фр. 20 сант.).

— Документи за дѣйностьта наруситѣ по уредбата на гражданското управление въ България отъ 1877—1879 год. Собр. ст. сов. *Муратовъ*. София 1905 (Матеріали за историята на България. Издава министерството на народното просвѣщение. Т. I. Историч. очеркъ о дѣятельности русскихъ по устройству гражд. управленія въ Болгаріи и Матеріалы къ этому очерку. Стр. 404. Ц. 5 левъ.

— Литературно-художественные Альманахи издательства „Шиповникъ". Книга вторая. Спб. 907. Стр. 284. Ц. 1 р.

— О зимнемъ тюленьемъ промыслѣ на Каспійскомъ морѣ. Предварительный отчетъ Н. А. Смирнова. Спб. 907. Стр. 29. Ц. 15 к.

— Обзоры текущей популярной литературы. Вып. II. Изд. библіотечной коммиссіи Кіевскаго общества грамотности. Кіевъ, 907. Стр. 28. Ц. 15 к.

— Отчетъ Херсонской общественной библіотеки и двухъ ея отдѣленій за 1906 годъ. Херсонъ, 907. Стр. 86.

— Персидскія вещи Щукинскаго собранія. Описаніе, составленное П. И. Щукинымъ, съ 32 фототипіями, работы К. А. Фишера, въ Москвѣ. Изданіе Отдѣленія Имп. Россійскаго Историч. Музея имени имп. Александра III — Музея П. И. Щукина. М. 907. 4°. Стр. 42 и XXXII таблицы.

— Письма І. Ф. Беккера, І. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. къ Ф. А. Зорге и др. — Перев. съ нѣм. Политикуса. Съ письмами и біографіей Ф. А. Зорге — Евг. Дицгена. Съ предисл. Н. Ленина. Съ портр. Ф. А. Зорге. Спб. 907. Стр. XXVI + 485. Изд. П. Г. Дауге. Ц. 2 р. 25 к.

— Поѣздки за границу. Двухнедѣльный журналъ. Подъ ред. М. Д. Гродецкаго. Іюнь. Спб. 907. Стр. 96 + 16 + 16. Ц. 40 к.

— Рыболовство въ бассейнѣ Волги выше Саратова. Вып. 4-ый. Отчетъ Л. С. Берга. Спб. 906. Стр. 85. Ц. 40 к.—Вып. 2-ой. Отчетъ А. Ф. Невраева, Спб. 907. Стр. 96. Ц. 40 к. — Изд. Департ. земледѣлія.

— Сводъ товарныхъ цѣнъ на главныхъ русскихъ и иностранныхъ рынкахъ за 1906 годъ. Съ приложеніемъ таблицы фрахтовъ и страховыхъ премій на хлѣбные грузы. Матеріалы для торгово-промышленной статистики. Изд. министерства торговли и промышленности. Спб. 907. Стр. VII + 83. 4°.

— Систематическій сводъ указовъ Правительствующаго Сената, послѣдовавшихъ по земскимъ дѣламъ. Т. III. 1903—1906 гг. Составилъ секрет. Воронежской губ. земской управы Н. И. Кузнецовъ. Бобровъ, 907. Стр. XXVI + 396 + X. Ц. 3 р.

— Статистика несчастныхъ случаевъ съ рабочими въ промышленныхъ заведеніяхъ, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи. За 1904 годъ. Спб. 907. Изд. министерства торговли и промышленности. Стр. 34 + 447.

— 1906 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. VI. Спб. 907. Стр. 298.

— 1907 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. I. Съ раскраш. картой. XVI + 51. — Вып. II. Съ двумя раскраш. картами. Стр. VI + 61. Изд. Главн. Управл. землеустр. и земледѣлія. Спб. 907.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1907 г.

Свиданіе двухъ императоровъ и вызываемыя имъ опасенія. — Вторая Гаагская конференція мира. — Защита „подвластныхъ расъ". — Вопросъ о палатѣ лордовъ въ Англіи.—Новѣйшая политика Японіи.—Судьба Кореи.

Свиданіе двухъ императоровъ въ Балтійскомъ морѣ, близъ Свинемюнде, 21—24 іюля (3—6 авг. н. ст.), возбуждало вполнѣ понятный интересъ въ западной Европѣ и служило предметомъ различныхъ толковъ, предположеній и догадокъ въ заграничной печати. Одни утверждали, что это свиданіе не можетъ имѣть большого политическаго значенія и что оно объясняется лишь естественнымъ желаніемъ обоихъ монарховъ поддержать давнишнія дружественныя отношенія; другіе говорили, что Вильгельмъ II имѣетъ въ виду воспользоваться замѣтнымъ охлажденіемъ франко-русской дружбы и привлечь Россію на сторону Германіи; третьи полагали, что дѣло идетъ о попыткѣ разстроить англо-русское соглашеніе, подготовленное недавними переговорами.

Отрицать политическое значеніе свиданія и низводить его на степень простого акта вѣжливости, какъ это дѣлаютъ берлинскіе оффиціозы, невозможно уже потому, что при германскомъ императорѣ находился и его канцлеръ, князь Бюловъ, спеціально пріѣхавшій ради этого въ Свинемюнде, и что туда же прибылъ нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ, А. П. Извольскій; но собственно международная сторона совѣщаній, происходившихъ на яхтѣ „Гогенцоллернъ" или на яхтѣ „Штандартъ" въ открытомъ морѣ, мало интересуетъ русскую публику при современныхъ обстоятельствахъ. Вопросы о сближеніи съ Германіею или соглашеніи съ Англіею, при всей ихъ важности для будущаго и отчасти также для настоящаго, очень далеки отъ обычнаго круга нашихъ жгучихъ ближайшихъ заботъ; для насъ достаточно знать, что Германія считаетъ нужнымъ поддерживать и укрѣплять дружескія связи съ Россіею и не обнаруживаетъ намѣренія воспользоваться ея сравнительною военною слабостью для какихъ-нибудь враждебныхъ плановъ. Несравненно болѣе занимаетъ насъ вопросъ о томъ, не попытается ли Вильгельмъ II прямо или косвенно повліять на внутреннюю политику русскаго правительства и не окажется ли это вліяніе вреднымъ для интересовъ русскаго общества и народа. Подобныя опасенія не устраняются простымъ формальнымъ указаніемъ на то, что вмѣшательство во внутреннія дѣла другихъ державъ противорѣчитъ правиламъ междуна-

родной корректности и установившимся дипломатическимъ обычаямъ. Само собою разумѣется, что германскій императоръ не станетъ затрогивать щекотливыя темы и высказывать свои сужденія о предметахъ, касающихся одной лишь Россіи; но въ интимныхъ бесѣдахъ эти темы могли быть затронуты совершенно невольно, помимо его иниціативы. Традиціи родственной близости обѣихъ династій вполнѣ допускаютъ взаимные дружескіе совѣты по внутреннимъ политическимъ дѣламъ; напомнимъ только, что дѣдъ нынѣшняго германскаго императора, Вильгельмъ I, на основаніи своего личнаго опыта съ прусскимъ парламентомъ, указывалъ императору Александру II въ особомъ письмѣ, какія оговорки слѣдуетъ сдѣлать при введеніи въ Россіи конституціи, для обезпеченія независимости правительства въ области бюджетнаго права. Каковы бы ни были личные взгляды и наклонности Вильгельма II, онъ прежде всего — высшій представитель и первый патріотъ Германіи, а Германія вовсе не заинтересована въ скорѣйшемъ благополучномъ окончаніи русскаго кризиса; напротивъ, она имѣетъ очень много поводовъ желать, чтобы этотъ кризисъ продолжался, чтобы онъ привелъ къ полному упадку политическаго и военнаго могущества Россіи. Истощенная, разстроенная внутри и ослабленная извнѣ, Россія была бы для нѣмцевъ весьма удобною сосѣдкою; она открывала бы широкое поле для нѣмецкой предпріимчивости и ея культурныхъ завоеваній, представляя въ то же время гарантію полной безопасности для восточныхъ границъ Германіи. Даже доброжелательные къ намъ нѣмецкіе патріоты, конечно, ничего не имѣли бы противъ превращенія Россіи въ безнадежно-разлагающуюся имперію, на подобіе Турціи. Съ этой точки зрѣнія Вильгельмъ II вѣроятно не упустилъ бы благопріятнаго случая посодѣйствовать рѣшительному переходу русскаго правительства на турецкій путь, и онъ могъ бы сдѣлать это безъ всякаго коварства, въ силу своего искренняго убѣжденія въ выгодахъ и преимуществахъ старой неограниченной монархической власти. Онъ, правда, добросовѣстно исполняетъ обязанности конституціоннаго правителя и ни въ чемъ не нарушаетъ законныхъ правъ народнаго представительства; но по темпераменту, по складу ума и характера, по своимъ военно-феодальнымъ понятіямъ и идеаламъ, онъ несомнѣнно—абсолютистъ, и парламентскій режимъ не принадлежитъ къ числу его симпатій. Поэтому его мнѣнія и отзывы о нашихъ внутреннихъ дѣлахъ едва ли клонились бы къ желательному для насъ выводу, способному облегчить окончательную мирную развязку кризиса. При высокомъ личномъ авторитетѣ германскаго императора и при его исключительной роли въ современной Европѣ, даже мимоходомъ сказанныя имъ слова могутъ оставить серьезный слѣдъ и дать толчокъ тому или иному направленію событій; его пря-

мому вліянію приписывались и наши китайскія увлеченія, за которыя такъ дорого пришлось расплатиться русскому народу и государству, и оттого у насъ столь неспокойно относятся къ каждому дружескому шагу его относительно Россіи. Противъ этихъ опасеній говоритъ, впрочемъ, то обстоятельство, что они высказывались и два года тому назадъ, во время поѣздки Вильгельма II въ финляндскія шхеры, и что однако іюльское свиданіе 1905 года въ Бьерке не помѣшало тогда появленію октябрьскаго конституціоннаго манифеста. Очень можетъ быть, что и на этотъ разъ пессимистическія предположенія не оправдаются и будутъ опровергнуты положительными фактами.

Вторая конференція мира, созванная по иниціативѣ Россіи и Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ штатовъ, открыла свои засѣданія въ Гаагѣ 15 (2) іюня, при участіи представителей почти пятидесяти государствъ. Это необыкновенное собраніе выдающихся оффиціальныхъ делегатовъ и спеціалистовъ изъ разныхъ странъ и частей свѣта не вызывало уже въ Европѣ того нравственнаго подъема и тѣхъ свѣтлыхъ преувеличенныхъ надеждъ, какія сопутствовали созыву первой конференціи 1899 года; тогда широко и смѣло ставились вопросы о всеобщемъ ограниченіи дальнѣйшихъ вооруженій, о сокращеніи военныхъ силъ и бюджетовъ, разорительныхъ для народовъ, и о разрѣшеніи всякихъ международныхъ споровъ регулярно дѣйствующимъ постояннымъ третейскимъ трибуналомъ, — и вопросы эти ставились Россіею, которая тогда считалась могущественнѣйшею державою міра и господствовала надъ умами не только своимъ внѣшнимъ матеріальнымъ величіемъ, но и особенно величіемъ своей литературы, славою своихъ писателей и художниковъ, предвозвѣстниковъ новой эпохи всеобщаго мира. На одинъ моментъ, исключительно для иностранныхъ націй, оффиціальная Россія приняла образъ настоящей, интеллигентной и въ то же время глубоко-народной Россіи, твердо вѣрующей въ высшіе идеалы человѣчества и открыто поднимающей знамя лучшаго будущаго. Великія цѣли не встрѣтили, однако, сочувствія въ трезвыхъ правительствахъ нѣкоторыхъ западныхъ державъ и были деликатно, но рѣшительно отклонены военными и дипломатическими дѣятелями Германіи; конференція занялась тогда болѣе скромными задачами международной практики, установила правила и условія третейскаго суда и разбирательства въ международныхъ конфликтахъ, внесла многія частныя улучшенія въ обычаи сухопутной и морской войны и вообще дала гораздо болѣе положительныхъ результатовъ, чѣмъ ожидали скептики-дипломаты. Но она не подготовила торжества идеи мира, и едва успѣла разойтись конференція, какъ началась кровопролитная и упор-

ная англо-бурская война, безъ предварительнаго взаимнаго предупрежденія и безъ всякаго обращенія къ третейскому суду или посредничеству; позднѣе устроена была коллективная китайская экспедиція, положившая начало русской оккупаціи Манчжуріи и позднѣйшей распрѣ съ Японіей. Русско-японская война также вспыхнула безъ формальнаго предупрежденія и безъ всякой попытки посредничества; Россія пострадала—и совершенно неожиданно для Европы раскрыла все ничтожество, бездарность и хищническій характеръ своего государственнаго строя, казавшагося столь блестящимъ и авторитетнымъ извнѣ. Величіе Россіи, предлагавшей всѣмъ народамъ сократить вооруженія и отречься отъ пагубныхъ войнъ во имя гуманности и справедливости, было лишь кратковременнымъ миражемъ; наши правители вскорѣ сами соблазнились чужими землями и лѣсами, и легкомысленнѣйшимъ образомъ впутали страну въ жестокія военныя бѣдствія, разоблачившія всю внутреннюю гниль стараго режима. Вторая Гаагская конференція созвана уже не той могучею, побѣдоносною Россіею 1899 года, а совершенно другою, обезсиленною и разоренною неслыханными военными пораженіями,—Россіею, еще не нашедшею своей настоящей дороги и остановившеюся, среди мучительнаго внутренняго кризиса, на перепутьи между обанкрутившимся правительственнымъ самовластіемъ и конституціоннымъ народнымъ самоуправленіемъ западно-европейскаго типа.

Нынѣшней Гаагской конференціи не предлагались уже широкія міровыя проблемы; ей предстояло только извлечь полезные выводы изъ опыта русско-японской войны и затѣмъ въ чисто-практическомъ духѣ продолжать дѣло, начатое въ 1899 году. Россіи, потерявшей значительную долю своего военнаго могущества и военной славы, не подобало уже поднимать вопросъ о сокращеніи вооруженій, и вмѣсто нея заговорила объ этомъ Англія, въ лицѣ своего либеральнаго премьера; но, въ виду возраженій Германіи, сэръ Кемпбелль-Баннерманъ ограничился проектомъ резолюціи, выражающей лишь платоническое „настоятельное пожеланіе", въ родѣ того, которое уже выражено было первою конференціею.

Занятія конференціи сразу приняли строго-дѣловой характеръ. По предложенію нидерландскаго министра иностранныхъ дѣлъ, предсѣдателемъ избранъ первый русскій уполномоченный, старый дипломатъ, г. Нелидовъ, который въ длинной вступительной рѣчи объяснилъ главныя цѣли и задачи конференціи. Съ одной стороны — говорилъ онъ—нужно установить и регулировать способы мирнаго разрѣшенія несогласій и споровъ, могущихъ возникнуть между различными государствами, и такимъ образомъ предотвратить между ними разрывы и вооруженныя столкновенія; съ другой стороны, мы должны стараться

смягчить ея тяжелыя послѣдствія для воюющихъ, а также для посторонних, косвенно задѣтыхъ ею націй. Въ первомъ отношеніи, въ дѣлѣ примѣненія арбитража, достигнуты огромные успѣхи со времени первой конференціи; за эти семь или восемь лѣтъ заключено между разными государствами 33 конвенціи объ обязательномъ третейскомъ судѣ. Гаагскій международный трибуналъ разрѣшилъ за это время четыре сложныхъ и трудныхъ конфликта, которые при другихъ условіяхъ несомнѣнно отразились бы на взаимныхъ отношеніяхъ заинтересованныхъ державъ; первый процессъ касался старинныхъ притязаній Мексики на монастырскія земли и зданія въ предѣлахъ уступленной ею части Калифорніи; второе дѣло—о правахъ Англіи, Германіи и Италіи на преимущественное удовлетвореніе ихъ денежныхъ претензій предъ другими кредиторами Венецуэлы; третье — о привилегіяхъ иностранныхъ поселенцевъ въ Японіи относительно уплаты налоговъ, и четвертое—о недоразумѣніи между Англіею и Франціею по поводу злоупотребленія французскимъ флагомъ въ Маскатѣ. Но самою крупною заслугою было благополучное окончаніе памятнаго Гулльскаго инцидента путемъ безпристрастнаго разслѣдованія, произведеннаго особою смѣшанною коммиссіею, согласно одному изъ актовъ Гаагской конференціи; этотъ инцидентъ, возбудившій въ Англіи сильное негодованіе противъ русской балтійской эскадры, едва-ли удалось бы уладить мирно, еслибы не существовало авторитетнаго международнаго учрежденія, которому обѣ стороны могли предоставить спокойно разобрать дѣло.

Дальнѣйшее развитіе и укрѣпленіе принциповъ арбитража не вызываетъ уже никакихъ сомнѣній; для устройства постояннаго трибунала въ Гаагѣ пожертвованъ извѣстнымъ американскимъ милліардеромъ Карнеги весьма значительный капиталъ, предназначенный на сооруженіе соотвѣтственнаго внушительнаго зданія. Германія и Англія предложили учредить высшій апелляціонный призовый судъ для разбора спорныхъ дѣлъ во время морской войны; Соединенные штаты поддержали этотъ проектъ и внесли новое предложеніе — обсудить вопросъ объ употребленіи силы для взысканія государственныхъ долговъ. Изъ членовъ конференціи образованы четыре большія коммиссіи: первая занимается вопросами о третейскомъ судѣ; вторая обсуждаетъ обычаи сухопутной войны, условія для начала военныхъ дѣйствій, ограниченія въ пользованіи взрывчатыми веществами и т. п.; третья устанавливаетъ правила относительно бомбардировки портовъ, городовъ и поселеній военными судами, постановки торпедъ и подводныхъ минъ, допущенія боевыхъ кораблей воюющихъ сторонъ въ нейтральные порты; четвертая коммиссія регулируетъ особенности морской войны, разсматриваетъ вопросы о превращеніи торговыхъ судовъ въ военныя,

о частной собственности на морѣ, о военной контрабандѣ и о блокадѣ. Каждая изъ этихъ коммиссій устраиваетъ, по мѣрѣ надобности, особыя подкоммиссіи для болѣе подробнаго изученія и технической переработки обсуждаемыхъ проектовъ.

Раньше другихъ были закончены труды третьей коммиссіи по вопросу о примѣненіи началъ женевской конвенціи 6 іюля 1906 года къ условіямъ морской войны, и окончательная редакція новыхъ правилъ, въ 26 параграфахъ, была принята единогласно общимъ собраніемъ конференціи 21 іюля. Наиболѣе важнымъ и оригинальнымъ, и въ то же время наиболѣе спорнымъ было предложеніе Англіи отмѣнить право захвата военной контрабанды въ открытомъ морѣ, или „уничтожить военную контрабанду" (т.-е. самое понятіе о военной контрабандѣ), какъ невразумительно сообщали газетные отчеты. Со времени парижской деклараціи 1856 года нейтральный флагъ прикрываетъ всякій грузъ, кромѣ контрабанды, и даже подъ флагомъ воюющей стороны не могутъ быть захвачены товары, принадлежащіе подданнымъ нейтральной державы, за исключеніемъ контрабанды; только въ пунктахъ, подвергнутыхъ дѣйствительной блокадѣ, допускаются захваты нейтральныхъ грузовъ. Но какіе именно предметы составляютъ контрабанду—объ этомъ каждая держава судитъ по своему, и между прочимъ, въ русско-японской войнѣ причислялись къ контрабандѣ товары, не имѣющіе никакого отношенія къ военному дѣлу, какъ, напр., съѣстные припасы и даже почтовая корреспонденція; въ поискахъ этихъ разнообразныхъ предметовъ произвольно понимаемой контрабанды воюющія стороны задерживаютъ и обыскиваютъ нейтральные корабли, останавливаютъ огромные океанскіе пароходы, обыскъ которыхъ иногда фактически невозможенъ безъ полной разгрузки ихъ, и создаютъ опасныя затрудненія и пререканія съ посторонними націями. Между тѣмъ континентальныя государства могутъ свободно доставлять дѣйствительную контрабанду къ портамъ сухимъ путемъ, внѣ контроля заинтересованной морской державы; поэтому должны остаться въ силѣ только ограниченія, вызываемыя блокадою опредѣленныхъ мѣстъ. Соединенные штаты съ своей стороны предложили признать вообще принципъ неприкосновенности частной собственности на морѣ; торговыя суда воюющихъ націй вовсе не должны подлежать захвату, кромѣ случаевъ прямой военной контрабанды. При обсужденіи этого вопроса въ четвертой коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ Ѳ. Ѳ. Мартенса, первый русскій уполномоченный, г. Нелидовъ, возражалъ противъ попытки избавить торговлю воюющихъ державъ отъ разорительныхъ послѣдствій войны, такъ какъ именно перспектива страшныхъ матеріальныхъ потерь торговаго класса служитъ важнѣйшимъ мотивомъ для обузданія военной предпріимчивости

отдѣльныхъ государствъ. Противъ американскаго проекта высказалась и Англія, такъ что онъ не имѣетъ шансовъ успѣха; англійскіе делегаты предлагаютъ только запретить потопленіе захваченныхъ торговыхъ судовъ, при невозможности отвести ихъ въ отечественный портъ въ качествѣ приза: въ этихъ случаяхъ надо отпускать ихъ на свободу. Очень мало принципіальныхъ возраженій вызывало французское предложеніе объ обязательности предварительнаго ультиматума или формальнаго объявленія войны передъ началомъ военныхъ дѣйствій, вмѣстѣ съ немедленнымъ доведеніемъ до свѣдѣнія нейтральныхъ державъ о состоявшемся разрывѣ; поправка же, внесенная нидерландскимъ правительствомъ и горячо поддержанная однимъ изъ русскихъ военныхъ делегатовъ,—о томъ, чтобы между объявленіемъ войны и началомъ военныхъ дѣйствій обязателенъ былъ промежутокъ въ 24 часа—была отвергнута значительнымъ большинствомъ второй коммиссіи.

Мы еще будемъ имѣть случай вернуться къ работамъ Гаагской конференціи мира, когда занятія ея будутъ доведены до конца; но не можемъ не указать здѣсь на любопытный документъ, представленный британскому премьеру „соединеннымъ комитетомъ подвластныхъ расъ" для внесенія на разсмотрѣніе конференціи. Этотъ „меморіалъ" подписанъ президентами и секретарями слѣдующихъ существующихъ въ Англіи организацій: общества „покровительства туземцамъ", „друзей Арменіи", „общества для борьбы съ невольничествомъ", „балканскаго комитета", „общества мира и международнаго арбитража", „политическаго комитета новаго клуба реформъ", „комитета реформъ для Конго", общества *„друзей русской свободы"*. Не странно ли, что англійскіе друзья русской свободы входятъ въ составъ комитета „подвластныхъ расъ", наряду съ врагами невольничества, защитниками африканскихъ туземцевъ и приверженцами реформъ для Конго? Какимъ образомъ русскій народъ, создавшій свое самостоятельное великое государство, по почину котораго созвапа Гаагская конференція, могъ быть включенъ въ число „подвластныхъ расъ", нуждающихся въ международной защитѣ? Повидимому, тутъ нѣтъ никакой умышленной, оскорбительной для насъ ироніи: англичане серьезно полагаютъ, что отношеніе русской государственной власти къ массѣ собственнаго народа ничѣмъ существенно не отличается отъ отношенія европейцевъ къ низшимъ завоеваннымъ расамъ.

„Мы, представители поименованныхъ ниже британскихъ обществъ и комитетовъ,—говорится въ этомъ документѣ,—движимые единственно лишь побужденіями человѣчности и надеждою уменьшить несправедливыя страданія слабыхъ и беззащитныхъ, почтительнѣйше обращаемся къ правительству его величества съ просьбою предложить Гаагской конференціи резолюцію слѣдующаго содержанія. Въ интересахъ все-

общаго мира желательно, чтобы тѣ ограничительныя правила, которыя установлены державами въ примѣненіи къ воюющимъ и къ населенію воюющихъ государствъ, были добровольно распространены на отношенія отдѣльныхъ націй къ подвластнымъ имъ расамъ и населеніямъ, согласно признанному первою Гаагскою конференціею принципу, въ силу котораго „населенія и сами воюющіе остаются подъ покровительствомъ и господствомъ началъ международнаго права, вытекающихъ изъ обычаевъ, принятыхъ между цивилизованными націями, изъ законовъ человѣчности и изъ требованій общественной совѣсти. Мы полагаемъ, что нижеслѣдующія постановленія, основанныя на статьяхъ „конвенціи относительно законовъ и обычаевъ войны на сушѣ", должны быть включены въ правила объ обращеніи съ подвластными расами и населеніями: I. Плѣнные находятся во власти правительства, но не во власти отдѣльныхъ лицъ или отрядовъ, ихъ захватившихъ. Нужно обращаться съ ними по-человѣчески, т.-е. не подвергать ихъ пыткамъ или другимъ формамъ жестокости. II. Право выбора средствъ для причиненія вреда подвластнымъ расамъ или народностямъ должно быть ограничено; а именно, спеціально запрещается: 1) убивать или ранить врага, который, положивъ оружіе или не имѣя уже способовъ защиты, сдался безусловно; 2) объявлять, что не будутъ давать пощады; 3) разрушать или захватывать чье-либо имущество, если такое разрушеніе или захватъ не предписываются категорически неизбѣжными требованіями военнаго дѣла. III. Запрещается аттака или бомбардировка городовъ, поселеній или жилищъ, лишенныхъ защиты. IV. Запрещается подвергать грабежу города или другіе населенные пункты, даже когда они взяты штурмомъ. V. Въ предѣлахъ занятой территоріи: 1) семейная честь, личная свобода и религіозныя убѣжденія должны быть уважаемы; 2) частная собственность не можетъ подлежать конфискаціи; 3) грабежъ формально запрещается; 4) никакое обще наказаніе, ни денежное, ни иное, не должно быть налагаемо на населеніе по поводу актовъ отдѣльныхъ лицъ, за которыхъ это населеніе не можетъ признаваться коллективно отвѣтственнымъ".

Въ отвѣтъ на этотъ „меморіалъ" было прислано первымъ министромъ письмо, въ которомъ высказано сожалѣніе, что поздно уже предлагать какія-либо добавленія къ программѣ Гаагской конференціи; но—говорится далѣе—„правительство его величества сочувствуетъ цѣлямъ комитета и готово по мѣрѣ возможности содѣйствовать принятію правилъ, которыя обезпечивали бы либеральное и гуманное обращеніе съ подвластными расами въ военное время". Однако, сэръ Кемпбелль-Баннерманъ „не скрываетъ отъ себя практическихъ затрудненій, связанныхъ съ попытками дѣйствовать въ этомъ смыслѣ; такъ, терминъ: „подвластныя расы" — предполагаетъ, повидимому,

только туземныя расы, обитающія на территоріяхъ цивилизованныхъ державъ и подвластныя ихъ администраціи, а это ограниченіе, очевидно, устраняло бы отъ участія въ международныхъ конвенціяхъ всѣ народы, недостаточно цивилизованные". Притомъ, по мнѣнію премьера, слѣдуетъ принимать во вниманіе также военныя соображенія и обстоятельства, напр. затрудненія, вытекающія изъ ожесточенія солдатъ, хотя бы самыхъ дисциплинированныхъ, если противной стороною совершались жестокости во время военныхъ дѣйствій. „Всякія мѣры—заключаетъ сэръ Кемпбелль-Баннерманъ,—которыя могутъ направить общественное мнѣніе въ пользу болѣе мягкаго обращенія съ подвластными расами, будутъ имѣть за себя симпатіи правительства его величества". Что касается „друзей русской свободы", то ихъ, быть можетъ, премьеръ и не замѣтилъ въ числѣ подписавшихъ петицію; иначе, конечно, онъ напомнилъ бы имъ, что русскій народъ, каковы бы ни были его обстоятельства, все-таки не принадлежитъ къ категоріи низшихъ подвластныхъ расъ и не нуждается въ заступничествѣ иностранныхъ филантроповъ. Но по существу нельзя не замѣтить, что и среди европейскихъ націй бывали ненормальныя отношенія между властью и народомъ—отношенія, напоминавшія войну,—и если гдѣ-нибудь еще возможны на этой почвѣ военныя дѣйствія, то къ нимъ безусловно должны быть примѣняемы тѣ элементарныя требованія права и человѣчности, которыя признаются обязательными для цивилизованныхъ народовъ и государствъ, находящихся между собою въ войнѣ.

Въ Англіи много разъ уже поднимался вопросъ о реформѣ или упраздненіи палаты лордовъ. Этимъ грозила либеральная партія всякій разъ, когда находилась у власти и встрѣчала въ верхней палатѣ серьезную преграду своимъ реформаторскимъ проектамъ; это было популярнымъ оружіемъ въ борьбѣ съ консервативной оппозиціей при Гладстонѣ и его союзникахъ,—и одно время казалось, что дѣйствительно дни палаты лордовъ сочтены. Выдающіеся прогрессивные пэры или сыновья пэровъ, какъ графъ Розбери и покойный лордъ Рандольфъ Черчилль, публично возставали противъ палаты „наслѣдственныхъ законодателей", глумились надъ ихъ нелѣпыми притязаніями и ничего не имѣли противъ уничтоженія ихъ устарѣлыхъ привилегій; мало-мальски талантливые и честолюбивые лорды откровенно заявляли, что имъ гораздо пріятнѣе было бы засѣдать и дѣйствовать въ нижней палатѣ, чѣмъ фигурировать въ мертвомъ собраніи пэровъ. Но проходило время, и общественное движеніе противъ палаты лордовъ само собою затихало и прекращалось, чтобы потомъ опять возобновиться

съ тѣмъ же успѣхомъ при новомъ соотвѣтственномъ поворотѣ политической жизни.

Палата лордовъ всегда давала и продолжаетъ давать обильный матеріалъ для критики и насмѣшекъ. Съ точки зрѣнія цѣлесообразности и логичности государственнаго строя, что можетъ быть безсмысленнѣе этого архаическаго законодательнаго собранія, состоящаго изъ лицъ, единственное право которыхъ на роль законодателей заключается въ фактѣ рожденія отъ знатныхъ предковъ? Почему ничтожный маркизъ Бленгеймъ, обращавшій на себя вниманіе распущенностью своей частной жизни, законодательствуетъ въ верхней палатѣ, послѣ того какъ унаслѣдовалъ титулъ герцога Марльборо, а его младшій братъ, даровитый Черчилль, долженъ былъ самостоятельно устраивать свою политическую карьеру? Чѣмъ заслужилъ свое положеніе законодателя сынъ и наслѣдникъ маркиза Сольсбери, бывшій лордъ Крэнборнъ? Многіе свѣтскіе спортсмэны, совершенно невѣжественные въ вопросахъ законодательства и открыто насмѣхающіеся надъ политикою, имѣютъ по праву рожденія рѣшающій голосъ въ важнѣйшихъ дѣлахъ государства, и стоитъ имъ только условиться между собою, чтобы провалить любую государственную мѣру, хотя бы самую разумную, выработанную отвѣтственнымъ министерствомъ для пользы страны. Казалось бы, что такой порядокъ вещей несовмѣстимъ съ господствомъ общественной свободы и даже съ простымъ здравымъ смысломъ, и что онъ не можетъ долго держаться при неограниченной свободѣ критики и оппозиціи; тѣмъ не менѣе, онъ держится твердо и не обнаруживаетъ признаковъ упадка или разложенія, вопреки непрерывному росту демократіи. Но англичане умѣютъ даже явно негодныя и устарѣлыя учрежденія превращать въ хорошія,—въ отличіе отъ французовъ, которые самую усовершенствованную конституцію дѣлаютъ несостоятельною на практикѣ. Мы видимъ, что англійская палата лордовъ, при всѣхъ своихъ вопіющихъ несообразностяхъ, дѣйствуетъ не хуже всякой выборной палаты, что въ ней произносятся весьма содержательныя и серьезныя рѣчи, что рѣшающимъ вліяніемъ пользуются въ ней выдающіеся и опытные политическіе дѣятели и спеціалисты, и что легковѣсные ея элементы не играютъ въ ней фактически никакой роли, обыкновенно даже уклоняясь отъ участія въ ея засѣданіяхъ. Это достигается прежде всего сознательною партійною дисциплиною, личнымъ авторитетомъ знающихъ и способныхъ лордовъ, число которыхъ постоянно увеличивается возведеніемъ въ пэры заслуженныхъ сановниковъ и частныхъ лицъ, и, наконецъ, тѣмъ духомъ отвѣтственности и истиннаго патріотизма, который присущъ каждому англичанину въ силу вѣковыхъ традицій и привычекъ общественнаго самоуправленія и широкой политической свободы. Будучи

по своему составу и устройству узко-сословнымъ учрежденіемъ, англійская верхняя палата никогда не ставила классовыхъ интересовъ выше національныхъ, и если она отвергала какое-нибудь рѣшеніе палаты общинъ, то только въ томъ предположеніи, что оно противорѣчитъ волѣ значительной части общества; она всегда придавала своему *veto* только временную отсрочивающую силу, впредь до новыхъ парламентскихъ выборовъ, въ которыхъ должна высказаться окончательная воля націи. Поэтому обычнымъ средствомъ борьбы противъ оппозиціи палаты лордовъ служило распущеніе нижней палаты, чтобы дать избирателямъ возможность выразить опредѣленно свое мнѣніе по спорному вопросу; и когда результаты выборовъ неблагопріятны для лордовъ, послѣдніе обязаны подчиниться безпрекословно. Нерѣдко новые парламентскіе выборы подтверждаютъ взглядъ верхней палаты, какъ это было съ биллемъ объ ирландской автономіи при Гладстонѣ, и въ подобныхъ случаяхъ палата лордовъ какъ бы доказываетъ націи свое право на существованіе.

Нынѣшній либеральный кабинетъ имѣетъ вѣскія практическія основанія къ тому, чтобы настаивать на реформѣ верхней палаты; эта реформа включена въ его программу и была возвѣщена въ тронной рѣчи при началѣ настоящей законодательной сессіи. Лорды отклонили въ прошломъ году нѣсколько важныхъ биллей, принятыхъ палатою общинъ,—въ томъ числѣ законъ о школьномъ образованіи, бывшій предметомъ внимательнаго и продолжительнаго обсужденія,—и въ пользу этого *veto* нельзя было привести другихъ мотивовъ, кромѣ того, что данные законопроекты не одобряются консервативною оппозиціею или, вѣрнѣе, ея вождемъ, Бальфуромъ. Сэръ Кемпбелль-Баннерманъ справедливо находитъ недопустимымъ такое положеніе народнаго представительства, при которомъ судьба всѣхъ министерскихъ законопроектовъ зависитъ не отъ большинства, а исключительно отъ меньшинства, имѣющаго за своею спиною солидарную съ нимъ палату лордовъ. Ходъ законодательства опредѣляется тогда не отвѣтственнымъ кабинетомъ и поддерживающимъ его громаднымъ большинствомъ палаты общинъ, а всецѣло предводителемъ консервативной оппозиціи, располагающимъ по своему усмотрѣнію авторитетомъ и привилегіями верхней палаты; прибѣгать же каждый разъ къ новымъ выборамъ для выясненія взглядовъ избирателей относительно отдѣльныхъ, стоящихъ на очереди, законопроектовъ было бы немыслимо. Чтобы покончить съ этою аномаліею, сэръ Кемпбелль-Баннерманъ предложилъ на разсмотрѣніе парламента резолюцію въ томъ смыслѣ, что „для обезпеченія надлежащаго дѣйствія воли народа, выраженной его избранными представителями, необходимо ограничить закономъ право верхней палаты измѣнять или отвергать билли, принятые палатою общинъ“,

и что „въ предѣлахъ полномочій одного парламента должно получить перевѣсъ окончательное рѣшеніе палаты общинъ". Премьеръ обстоятельно мотивировалъ свое предложеніе краснорѣчивыми фактами изъ прошлаго и настоящаго; Бальфуръ отвѣчалъ защитою палаты лордовъ, какъ одного изъ основныхъ элементовъ британской конституціи; другіе ораторы болѣе или менѣе удачно подкрѣпляли или оспаривали доводы обѣихъ сторонъ. Отъ имени рабочей партіи внесена была поправка, предлагающая совершенно упразднить верхнюю палату, „какъ воплощеніе интересовъ, противныхъ общему благу, и какъ тормазъ на пути національнаго прогресса". Послѣ трехдневныхъ оживленныхъ преній, палата общинъ въ засѣданім 26 іюня отвергла поправку рабочей партіи 315 голосами противъ 100 и приняла резолюцію премьера большинствомъ 432 голосовъ противъ 147. Остается теперь ожидать внесенія въ парламентъ соотвѣтственнаго правительственнаго билля.

Новѣйшая политика Японіи далеко не оправдываетъ тѣхъ предположеній и ожиданій, которыя связывались съ необычайнымъ успѣхомъ ея послѣдней войны. Можно было думать, что побѣда надъ такою державою, какъ Россія, возбудитъ японскій патріотизмъ до степени маніи величія и увлечетъ новую могущественную имперію Дальняго Востока на путь самоувѣренныхъ и рискованныхъ политическихъ предпріятій, которыя въ концѣ концовъ возстановятъ противъ нея другія европейскія націи; въ дѣйствительности, однако, японцы ведутъ себя довольно скромно и не даютъ вообще серьезныхъ поводовъ къ нареканіямъ. Государственные люди Японіи отлично понимаютъ, что торжество надъ Россіею досталось имъ не въ силу качественнаго или матеріальнаго превосходства японской націи надъ русскимъ народомъ, а исключительно вслѣдствіе крупныхъ органическихъ недостатковъ существующей у насъ системы государственнаго управленія и хозяйства. Японія побѣдила не Россію въ собственномъ смыслѣ, а русскую придворную и военную администрацію, наши устарѣлые, хищническіе военно-правительственные порядки; японскія войска и ихъ полководцы одержали верхъ не надъ русскою народною арміею, а надъ ея неудачными распорядителями, надъ безжизненнымъ формализмомъ ея многочисленныхъ канцелярскихъ учрежденій, надъ тупостью, бездарностью и равнодушіемъ штабныхъ карьеристовъ. Японіи удалось извлечь неожиданныя для себя колоссальныя выгоды изъ великихъ грѣховъ стараго русскаго режима, но ни одинъ разумный японецъ не сдѣлаетъ отсюда того вывода, что Россія слабѣе Японіи или что русскій народъ ниже японскаго. Японцы не могутъ не сознавать, что упадокъ русскаго могущества—только временный, въ зависимости отъ внутренняго

принудительнаго застоя; они предвидятъ, что преобразованная и обновленная Россія окажется болѣе сильною и крѣпкою, чѣмъ была или казалась она въ самые блестящіе періоды прошлаго.

Японскіе патріоты очень разсчетливо и умѣло пользуются плодами своихъ побѣдъ; они стараются поддерживать мирныя отношенія со всѣми державами и не поддаются порывамъ національнаго чувства даже въ такихъ случаяхъ, когда невольное патріотическое возбужденіе являлось бы вполнѣ естественнымъ. Несправедливыя и даже возмутительныя преслѣдованія японскихъ подданныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Соединенныхъ штатовъ — преслѣдованія, противъ которыхъ безсильно центральное правительство республики,—не нарушили общаго направленія японской политики, и тягостные случайные инциденты не имѣли опасныхъ послѣдствій, благодаря терпѣливой выдержкѣ японской дипломатіи. Японія видимо ищетъ сближенія съ Россіею; недавно она заключила формальное соглашеніе съ Франціею (10 іюня нов. ст.), обезпечивающее полное равноправіе и взаимное дружеское содѣйствіе обѣихъ націй въ торговыхъ и прочихъ дѣлахъ, въ предѣлахъ Китая и Индо-Китая и на всемъ вообще материкѣ Азіи. Эта конвенція ясно опредѣляетъ тотъ мирный сознательный путь, которому рѣшилась слѣдовать Японія со времени подписанія Портсмутскаго трактата.

Этой характеристикѣ не противорѣчитъ и недавняя расправа съ такъ называемымъ императоромъ Кореи и съ его мнимою имперіею. Корея—несчастнѣйшая страна, имѣвшая какъ будто нѣкоторые внѣшніе признаки государства, а на самомъ дѣлѣ давно лишенная самостоятельной жизни; народъ корейскій—уже не народъ, а собраніе жалкихъ, безправныхъ, случайно живущихъ и случайно погибающихъ существъ, лѣниво покорныхъ року, который поставилъ надъ ними столь же лѣнивыхъ распорядителей. Корея—именно та страна, гдѣ вполнѣ и до конца осуществлены политическіе идеалы нашихъ отечественныхъ гг. Грингмутовъ, кн. Мещерскихъ и Пуришкевичей. Тамъ господствовало самодержавіе во всей его неприкосновенности; кружокъ придворныхъ фаворитовъ, съ первымъ евнухомъ во главѣ, управлялъ и хозяйничалъ безконтрольно; крамолы не было и слѣда; объ оппозиціи не могло быть и рѣчи,—всякое подобіе ея искоренялось моментально, и неблагонамѣренные обыватели, если таковые появлялись, находили надежный пріютъ въ устрашающихъ ямахъ-клоповникахъ, называемыхъ тюрьмами, или подвергались обычной „мѣрѣ пресѣченія" — отсѣченію головы. Эти исконныя начала корейскаго управленія господствовали незыблемо въ теченіе вѣковъ и имѣли прочный и полный успѣхъ: благодатная отъ природы страна превратилась въ пустыню; населеніе потеряло способность къ какой бы то

ни было инициативѣ, къ живой дѣятельности и предпріимчивости, и сдѣлалось пассивнымъ предметомъ эксплуатаціи со стороны хищныхъ чиновниковъ и пришлыхъ аферистовъ. Корея не имѣла ни настоящаго, ни будущаго; она была яблокомъ раздора между Китаемъ и Японіею,—изъ-за нея происходили кровавыя войны, въ которыхъ она играла роль жертвы, обреченной на закланіе.

Вопросъ, кому обладать Кореею, рѣшался сначала въ пользу Китая, потомъ въ пользу Японіи; въ послѣдніе годы возникъ планъ русскаго протектората, но потерпѣлъ крушеніе послѣ кровавыхъ событій, возвысившихъ имперію „Восходящаго солнца". Японія фактически завладѣла страною, гдѣ ей принадлежала уже почти вся промышленность и торговля; она оставила въ ней номинальную власть императора, подъ руководствомъ и опекою своего резидента, маркиза Ито, и Корея попрежнему признавалась по имени независимою имперіею, хотя лишена была права вступать въ переговоры и соглашенія съ другими державами помимо Японіи. Теперь этой фиктивной корейской автономіи положенъ конецъ. Опереточный императоръ, царствовавшій въ своемъ гаремѣ среди евнуховъ, вздумалъ отправить трехъ делегатовъ въ Гаагу для заявленія протеста по поводу того, что его имперія не была приглашена къ участію въ конференціи мира и что независимость Кореи нарушена и постоянно нарушается Японіею. Предсѣдатель конференціи, г. Нелидовъ, отказался принять корейскую депутацію, объяснивъ, что онъ не можетъ дать аудіенцію уполномоченнымъ иностраннаго правительства безъ предварительнаго признанія ихъ миссіи нидерландскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Японія тотчасъ приняла свои мѣры. Маркизъ Ито потребовалъ объясненій у императора; тотъ отрекся отъ своей депутаціи и сталъ увѣрять, что онъ ничего о ней не знаетъ. Въ Сеулъ прибылъ японскій министръ иностранныхъ дѣлъ, маркизъ Гаяши; корейскіе министры, состоявшіе на жалованьи у японцевъ, вышли въ отставку и совѣтовали своему повелителю Ій-Гіеунгу, для спасенія отечества, отречься отъ престола въ пользу наслѣдника-сына. Послѣ напрасныхъ колебаній и проволочекъ императоръ, 19 (6) іюля, выпустилъ слѣдующій оригинальный манифестъ къ своимъ вѣрнымъ подданнымъ: „Въ теченіе сорока-четырехъ лѣтъ мы занимали престолъ, унаслѣдованный отъ предковъ, и испытали многія замѣшательства. Мы не достигли нашихъ собственныхъ желаній. Тогда какъ министры оказываются часто неподходящими личностями и прогрессъ не контролируется надлежащими людьми, времена не благопріятствуютъ естественнымъ событіямъ. Возникъ крайне напряженный кризисъ въ жизни народа, и прогрессъ государства сильнѣе прежняго подвергается опасности. Мы боимся опасности подобно человѣку, проходящему по льду. Къ счастью,

мы имѣемъ сына, одареннаго отъ природы блестящими добродѣтелями и вполнѣ достойнаго принять на себя осуществленіе плановъ относительно усовершенствованія правительства; ему мы передаемъ наслѣдіе, освященное обычаями древнихъ временъ. И такъ, да будетъ извѣстно, что мы передаемъ дѣла государства наслѣдному принцу, какъ нашему представителю". Этотъ неограниченный монархъ, бывшій въ теченіе сорока-четырехъ лѣтъ игрушкою въ рукахъ своихъ гаремныхъ евнуховъ и интригановъ, говоритъ на прощанье о „прогрессѣ государства" и, отрекаясь, какъ будто, отъ престола, претендуетъ все-таки на опеку надъ своимъ „представителемъ"-наслѣдникомъ; богато одаренный и достойный сынъ, конечно, обладаетъ такими же цѣнными качествами, какъ и его отецъ. Жалкая фразеологія нескладнаго манифеста Ій-Гіеунга составляетъ заключительный актъ существованія корейской имперіи; недѣлю спустя, была подписана новая конвенція, въ силу которой все управленіе подчиняется власти и контролю японскаго резидента. Японія взяла въ свои руки добычу, которую пріобрѣла не только по праву завоеванія, но и по праву политическаго и культурнаго превосходства. Безсмысленное владычество продажныхъ евнуховъ прекращается окончательно, и „бѣдная, кроткая Корея"— какъ называютъ ее путешественники — вступаетъ въ новый японскій періодъ своей исторіи.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Léon Seché. Alfred de Musset. (Vol. I, p. 387; Vol. II, p. 292). Paris, 1907.
A de Musset. Correspondance (1827 — 1857). recueillie par L. Seché. Стр. 293.
Ed. Mercure de France.

Леонъ Сэшè—историкъ литературы, спеціально изучающій эпоху романтизма во Франціи. Онъ—авторъ обстоятельныхъ работъ объ Альфредѣ де-Виньи, Ламартинѣ, Сентъ-Бёвѣ. Въ своихъ книгахъ онъ болѣе всего останавливается на условіяхъ и обстоятельствахъ жизни каждаго изъ писателей, составлявшихъ всѣ вмѣстѣ кружокъ литературныхъ единомышленниковъ, на ихъ отношеніяхъ къ окружающимъ людямъ. Работы Сэшè не устанавливаютъ критическихъ сужденій о писателяхъ эпохи романтизма, а только возстановляютъ на основаніи тщательно изученныхъ документовъ бытъ эпохи, ея духовную атмосферу, отразившуюся въ творчествѣ отдѣльныхъ поэтовъ и прозаиковъ.

Такой же характеръ имѣютъ недавно вышедшія въ свѣтъ книги Сэшè объ Альфредѣ де-Мюссэ. Въ первомъ томѣ заключается характеристика ближайшихъ друзей поэта, а также его товарищей и знакомыхъ, такихъ же прожигателей жизни и дэнди, какъ онъ самъ. Второй томъ посвященъ женщинамъ, игравшимъ роль въ жизни Мюссэ. Сэшè обогащаетъ нѣкоторыми новыми подробностями хорошо извѣстную исторію отношеній Мюссэ и Жоржъ-Зандъ, и кромѣ того знакомитъ съ нѣсколькими другими выдающимися женщинами того времени, артистками и свѣтскими дамами, героинями эпизодическихъ увлеченій поэта, или же его пріятельницами, которымъ онъ повѣрялъ свои сердечныя тайны. Очень существеннымъ дополненіемъ къ этимъ біографіямъ друзей Мюссэ, а тѣмъ самымъ и его собственной, является одновременно изданный томъ писемъ Мюссэ (1827—1857).

И письма Мюссэ, собранныя и размѣщенныя въ хронологическомъ порядкѣ въ сборникѣ Сэшè, и два тома о жизни и друзьяхъ поэта рисуютъ скорѣе интимную и свѣтскую жизнь Мюссэ, чѣмъ его творчество и его отношеніе къ искусству. Сэшè изображаетъ не поэта Мюссэ—а скорѣе дэнди, виконта де-Мюссе, красовавшагося на boulevard du Gand и у Тортони въ преувеличенно-модныхъ воротникахъ и жилетахъ и жившаго въ вихрѣ кутежей, среди пріятелей, такихъ же прожигателей жизни, гордившагося своимъ аристократическимъ происхожденіемъ и переживавшаго свои сердечныя драмы—тоже отчасти съ нарядвымъ дэндизмомъ. При чтеніи стиховъ Мюссэ въ немъ откры-

вается другое: нѣжная воспріимчивость, обнаженность души, открытой для радости и печали, лирическое богатство его натуры, сказывающееся въ нѣжности его страданій. Въ чисто-художественномъ отношеніи стихъ Мюссэ имѣетъ много недостатковъ,—онъ бѣдный и плоскій,—но лиризмъ Мюссэ покоряетъ своей нѣжностью, — и „Ночи“ останутся навсегда въ числѣ самыхъ прекрасныхъ пѣсенъ несчастной любви. Байронизмъ Мюссэ, его гордое презрѣніе міра, вызванное оскорбленной жаждой нѣжности, выразилось въ болѣе риторичной поэмѣ „Ролла“,—но не въ этомъ его сила, такъ же какъ и не въ его капризной фантазіи. Его „пословицы“ и мелкія пьесы для театра, отмѣченныя вліяніемъ шекспировскаго юмора, какъ, напр., „Chandelier“, „Caprice“ и другія, носятъ чисто-литературный характеръ и не производятъ впечатлѣнія непосредственной игры ума. Какъ художникъ слова, Мюссэ сильно уступаетъ своимъ великимъ современникамъ, Виктору Гюго и Ламартину; его игривость—скорѣе натянутая; „игра жизнью“, обязательная для столповъ дэндизма—недостаточно стихійна. Но лиризмъ его любовныхъ переживаній—неподдѣльный, и все, что̀ въ поэзіи Мюссэ отражаетъ чувства, связанныя съ любовью въ настоящемъ и въ минувшемъ, сохраняетъ свое обаяніе. Онъ много любилъ, часто мѣнялъ предметы своей любви,—по его собственнымъ словамъ, каждое увлеченіе длилось не болѣе шести мѣсяцевъ,—но каждую любовь онъ переживалъ какъ единственную, вкладывая въ нее полноту души. И среди всѣхъ мѣняющихся увлеченій была одна трагическая любовь,—она и сдѣлала Мюссэ пѣвцомъ любви. Онъ гордился своимъ ироническимъ отношеніемъ къ жизни, а между тѣмъ сохранилъ свое обаяніе только благодаря непосредственности и воспріимчивости, уязвимости своей нѣжной души.

Въ книгахъ Сэшѐ эта интимно-поэтическая сторона творчества Мюссэ, то, что̀ сдѣлало его истиннымъ поэтомъ, остается въ тѣни,— но въ нихъ собранъ богатый матеріалъ для характеристики Мюссэ, какъ члена всего богатаго буржуазнаго и свѣтскаго общества, которое при Луи-Филиппѣ, а потомъ при второй имперіи, жило среди безудержной погони за удовольствіями и развлеченіями. Эпоха между 1835—1870 годами была въ Парижѣ царствомъ легкомыслія и разгула, а въ сороковыхъ годахъ среди парижанъ, подававшихъ примѣръ легкаго отношенія къ жизни, былъ „не изъ послѣднихъ“ авторъ „Ночей“, „Ролла“, „Мардошъ“. Сэшѐ приводитъ описаніе свѣтскаго Парижа, сдѣланное Мюссэ въ частномъ письмѣ;—оно до сихъ поръ не было напечатано. Оно характерно для образа жизни свѣтскихъ дэнди, къ числу которыхъ причислялъ себя и Мюссэ. „Пространство между улицами Grande Batalière и Chaussée d'Antin,—пишетъ Мюссэ,—тянется въ длину не болѣе чѣмъ на ружейный выстрѣлъ, какъ вамъ извѣстно,

madame. Зимой тамъ грязно, лѣтомъ пыльно. Прежде тамъ росли каштановыя деревья, которыя давали тѣнь, но ихъ срубили при постройкѣ баррикадъ, и теперь единственнымъ украшеніемъ являются нѣсколько кустовъ и фонарныхъ столбовъ. Ничего интереснаго тамъ нѣтъ, и нѣтъ основанія предпочитать именно это мѣсто на бульварахъ, тянущихся вдоль всего Парижа. А между тѣмъ это—одно изъ самыхъ пріятныхъ мѣстъ на свѣтѣ, одинъ изъ рѣдкихъ пунктовъ на землѣ, гдѣ сосредоточены всѣ удовольствія. Тамъ живетъ парижанинъ, туда устремляется провинціалъ; побывавшій тамъ иностранецъ навсегда запоминаетъ этотъ кусочекъ бульвара, какъ помнитъ навсегда Пьяцетту въ Венеціи, улицу Толедо въ Неаполѣ. Рестораны, кафè, театры, игорные дома—все тѣснится тамъ: это—центръ міра. За его границами—невѣдомая Индія... Вы, madame, навѣрное незнакомы съ нравами страннаго міра, который называется Boulevard du Gand. Жизнь начинается тамъ только въ полдень, когда появляются дэнди; они приходятъ къ Тортони съ чернаго хода, потому что ходъ съ бульвара запруженъ „варварами", т.-е. биржевиками. Дэнди, гладко выбритые и завитые, шумно завтракаютъ до двухъ, потомъ разлетаются во всѣ стороны. На чтò употребляетъ дэнди свой день—это непроницаемая тайна: онъ играетъ въ карты, фехтуетъ,—но все это происходитъ гдѣ-то за предѣлами бульваровъ. Отъ пяти до шести бульваръ пустъ; потомъ постепенно стекаются обѣдающіе, причемъ каждый движется по опредѣленной орбитѣ: рантье, запасшійся билетомъ въ театръ, попадаетъ въ Café Anglais, биржевикъ—къ Гарди и т. д. Передъ освѣщеннымъ клубомъ Союза останавливаются экипажи; дэнди заходятъ еще по пути куда-нибудь въ кафè, прежде чѣмъ идти обѣдать въ жокей-клубъ. Въ семь часовъ — опять пустыня. Въ половинѣ девятаго зажигаются сотни сигаръ, сотни желудковъ предаются пищеваренію: отъѣзжаютъ экипажи, скрипятъ сапоги, сверкаютъ набалдашники, шляпы сдвинуты набокъ, жилеты оттопыриваются, лошади мчатся... Дэнди снова улетаютъ—они отправляются въ театры, гдѣ ихъ дамы танцуютъ на сценѣ. Въ половинѣ двѣнадцатаго они снова появляются у Тортони, чтобы съѣсть мороженаго передъ сномъ. Черезъ часъ всѣ расходятся, куря папиросы, и все стихаетъ".

Это изображеніе бульварной жизни интересно тѣмъ, что она составляла идеалъ не только пустыхъ свѣтскихъ людей, но и Мюссэ вмѣстѣ съ его друзьями. Были въ то время и литературные центры, какъ, напримѣръ, домъ Шарля Нодье, у котораго Мюссэ бывалъ съ самаго начала своей парижской жизни, когда онъ былъ „восемнадцатилѣтнимъ юношей съ свѣтлыми волосами и ясными голубыми глазами", по свидѣтельству знавшихъ его тогда. Онъ былъ друженъ съ дочерью Нодье, Маріей, дѣвушкой его лѣтъ, очень привлекательной и талант-

ливой, окруженной преклоненіемъ всѣхъ молодыхъ поэтовъ, собиравшихся у ея отца. Но Мюссэ сталъ ухаживать за Маріей Нодье уже послѣ того, какъ она вышла замужъ; они обмѣнивались стихами, и въ общемъ отношенія Мюссэ съ Нодье и его дочерью оставались всегда дружескими. Въ домѣ у Нодье онъ встрѣтился съ Ламартиномъ, который былъ на двадцать лѣтъ старше его, и онъ чувствовалъ такое благоговѣніе передъ авторомъ „Méditations“ (это ясно обнаруживаютъ и знаменитые стихи Мюссэ къ Ламартину), что большей частью смущенно молчалъ въ его присутствіи; Ламартинъ такъ и считалъ его всегда — даже когда Мюссэ пріобрѣлъ громкую извѣстность—необычайно скромнымъ и молчаливымъ человѣкомъ. Съ Викторомъ Гюго, который былъ старше Мюссэ всего на восемь лѣтъ, у него были очень неровныя отношенія; Мюссэ былъ нѣсколько разъ очень рѣзокъ съ Гюго, чѣмъ выводилъ его изъ себя; крайне самолюбивый Викторъ Гюго не могъ этого простить Мюссэ и о его стихахъ говорилъ пренебрежительно. Но, несмотря на рѣзкія выходки Мюссэ и на ихъ частыя размолвки, Мюссэ оставался въ дружескихъ отношеніяхъ съ Гюго—и доказалъ свою преданность ему очень демонстративно и смѣло, когда выбранъ былъ въ Академію. Это было послѣ изгнанія Гюго; и когда Мюссэ, вскорѣ послѣ своего избранія, пришелъ на засѣданіе Академіи, онъ обратился къ предсѣдателю, громко спрашивая его, здѣсь ли Викторъ Гюго. Предсѣдатель съ понятнымъ изумленіемъ отвѣтилъ отрицательно, и тогда Мюссэ поднялся и направился къ выходу. На вопросъ, почему онъ уходитъ, онъ громко отвѣтилъ: „Потому что здѣсь *никого* нѣтъ“.

Очень сочувственныя и дружелюбныя отношенія связывали Мюссэ и съ другими писателями его времени, съ Альфредомъ де-Виньи, съ Сентъ-Бёвомъ; но если говорить о дѣйствительныхъ друзьяхъ и товарищахъ Мюссэ, то приходится называть гораздо менѣе извѣстныхъ людей, — свѣдѣнія о которыхъ Сэшѐ даетъ въ двухъ томахъ своего историко-литературнаго труда.

Сэшѐ говоритъ, подверждая это фактами и выписками изъ писемъ, что среди всей „золотой богемы“, окружавшей Мюссэ, и съ которой онъ дѣлилъ свои досуги, у него былъ только одинъ дѣйствительный, трогательный своей привязанностью другъ, Альфредъ Татэ. Они были товарищами еще по школѣ, и Татэ первый призналъ и оцѣнилъ талантъ Мюссэ послѣ выхода въ свѣтъ его первыхъ поэтическихъ опытовъ. Онъ жилъ очень богато, могъ предоставлять друзьямъ для пользованія верховыхъ лошадей своихъ конюшенъ и т. д. и доставлялъ Мюссэ внѣшнюю роскошь; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ оказывалъ на него нравственное вліяніе, заставлялъ его работать, боролся противъ его природной лѣни. Въ частной жизни Мюссэ онъ старался оберечь его

отъ дурныхъ вліяній — и первый поднялъ тревогу, когда Мюссэ грозила измѣна со стороны Жоржъ-Зандъ. Онъ первый сталъ подозрительно относиться къ доктору Паджело въ Венеціи,—и отъ него Мюссэ узналъ о предательскомъ поцѣлуѣ, которымъ обмѣнялись при немъ, когда онъ лежалъ въ бреду, его подруга и его врачъ. Жоржъ-Зандъ знала о томъ, что Татэ дѣйствовалъ противъ нея, —и послѣ примиренія съ Мюссэ написала ему очень ядовитую записку, приглашая его къ себѣ, какъ друга Мюссэ, который вернулся къ ней и будетъ радъ видѣть своего любимаго друга. Всѣ письма Татэ къ друзьямъ полны разспросовъ о Мюссэ и заботъ о немъ.

Всѣ другіе „бульвардье" были скорѣе товарищами по образу жизни, легкомысленными свѣтскими людьми, любившими Мюссэ за общіе вкусы къ развлеченіямъ. Общимъ другомъ и помощникомъ словомъ и дѣломъ для всѣхъ былъ Ульрикъ Гутингеръ, очень богатый человѣкъ, имѣвшій прекрасную виллу и собиравшій у себя поэтовъ и писателей романтическаго „cenacle". Легкомысленный и снисходительный въ вопросахъ нравственности, онъ былъ сообщникомъ своихъ друзей во всѣхъ ихъ любовныхъ дѣлахъ,—и въ его виллѣ встрѣчались чаще, чѣмъ это могла бы допустить условная свѣтская мораль, жена Виктора Гюго и Сентъ-Бёвъ. Но въ то время для любви не признавалось никакихъ запретовъ, и услуга любящимъ даже въ ущербъ близкому другу — Гутингеръ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Гюго —считалась чѣмъ-то совершенно естественнымъ. Гутингеру, также какъ и Татэ, Мюссэ посвятилъ много сонетовъ и поэтическихъ посланій, доказывающихъ степень ихъ душевной близости.

Одной изъ самыхъ интересныхъ фигуръ въ тогдашнемъ кругу Мюссе былъ князь Бельджойозо, котораго прозвали, въ переводѣ на французскій языкъ, „beau et joyeux" (прекраснымъ и веселымъ),—и это прозвище онъ заслужилъ и своей красотой, и своимъ умѣньемъ пользоваться жизнью и вносить вкусъ въ свою погоню за развлеченіями. Онъ былъ родомъ изъ знатной, богатой миланской семьи, рано разорился, благодаря своимъ кутежамъ, но снова процвѣлъ, женившись на знаменитой въ свое время красавицѣ и владѣтельницѣ огромнаго состоянія, Христинѣ Тривульціо. Но бракъ ихъ не долго длился. Красавица Бельджойозо очень цѣнила умственныя качества, блескъ и красоту своего мужа, привязалась къ нему за первое время послѣ свадьбы, проведенное въ уединеніи, но когда возобновилась ихъ свѣтская жизнь и князь слишкомъ явно возобновилъ прежній образъ жизни, жена его, убѣдившись въ его измѣнахъ, разошлась съ нимъ. Но потомъ ихъ снова сблизили общія патріотическія чувства. Бельджойозо воспламенился идеей освобожденія Италіи, храбро сталъ въ ряды защитниковъ свободы, и принужденъ былъ потомъ эмигриро-

вать во Францію,—куда со своей стороны должна была спастись бѣгствомъ и его жена—по тѣмъ же политическимъ причинамъ. Она бѣжала, лишившись—какъ ей казалось — всего своего состоянія, взявъ только свои драгоцѣнности. Она очутилась въ Парижѣ безъ наличныхъ денегъ, поселилась на чердакѣ, довольно декоративно обставивъ, впрочемъ, свою доблестную бѣдность. Узнавъ о „бѣдственномъ" положеніи жены, Бельджойозо поспѣшилъ къ ней съ предложеніемъ раздѣлить съ нею все, что̀ у него было,—но оказалось, что она еще значительно богаче его. Она получила назадъ всѣ свои средства и могла вести въ Парижѣ привычную широкую жизнь. Они поселились въ двухъ разныхъ квартирахъ, сохраняя дружескія отношенія, и Бельджойозо сталъ опять кутить въ кругу друзей и увлекаться всякими болѣе или менѣе доступными женщинами. По его перепискѣ видно, что въ лицѣ Альфреда де-Мюссэ онъ имѣлъ товарища, раздѣлявшаго его вкусы—и его образъ жизни.

Большую роль въ жизни Мюссэ игралъ его братъ, Поль де-Мюссэ; онъ охранялъ его при жизни, вліялъ на него своими совѣтами, а затѣмъ, послѣ смерти поэта, выступилъ его рыцарскимъ защитникомъ противъ всяческихъ нареканій и клеветъ. Онъ дѣлалъ все, что̀ могъ, чтобы исторія любви Альфреда Мюссэ и Жоржъ-Зандъ не сдѣлалась достояніемъ общаго любопытства; но такъ какъ Жоржъ-Зандъ первая стала „освѣщать" свои отношенія къ Мюссэ и разсказывать о страданіяхъ, которымъ подвергалъ ее неуживчивый, нервный, капризный и ревнивый поэтъ, то Поль де-Мюссэ счелъ себя вынужденнымъ защитить память брата отвѣтнымъ обвиненіемъ Жоржъ-Зандъ. Кромѣ Жоржъ-Зандъ, Полю Мюссэ пришлось отстаивать честь брата противъ нападокъ одного изъ близкихъ его друзей, д'Альтонъ Шэ, съ которымъ Мюссэ былъ друженъ со школьной скамьи,—они были сверстники по годамъ,—и съ которымъ Поль Мюссэ состоялъ въ родствѣ, женившись на его кузинѣ. Вскорѣ послѣ смерти Альфреда де-Мюссэ, д'Альтонъ Шэ написалъ комедію „L'Ivresse"; въ ней хотя и не былъ прямо выведенъ Мюссэ, но во всякомъ случаѣ изображеніе пьяницы изъ хорошаго общества могло быть легко примѣнено къ нему; авторъ комедіи вполнѣ допускалъ, что въ его героѣ увидятъ ясный намекъ на Мюссэ, который въ послѣдніе годы жизни сдѣлался полнымъ алкоголикомъ.

Изъ двухъ томовъ Сэше о друзьяхъ Мюссэ наиболѣе интереснымъ является несомнѣнно второй, въ которомъ онъ разсказываетъ о женщинахъ, близкихъ къ Мюссэ въ теченіе всей его жизни. Друзья Мюссэ, т.-е. тѣ, которые вмѣстѣ съ нимъ составляли „золотую богему", шумѣвшую на Boulevard de Gand, не представляютъ интереса, какъ выдающіяся личности, а женщины, напротивъ того, имѣютъ каждая

очень интересную индивидуальность. Особенностью Мюссэ, въ которой онъ самъ сознавался, было то, что онъ больше давалъ себя въ общеніи съ женщинами, чѣмъ съ пріятелями-мужчинами, больше цѣнилъ женское общество, чѣмъ мужское, и, можетъ быть, поэтому обнаружилъ больше вкуса въ выборѣ не только предметовъ поклоненія и любви, но и просто пріятельницъ и собесѣдницъ. Конечно, говоря о женщинахъ, игравшихъ роль въ жизни Мюссэ, біографъ его долженъ прежде всего остановиться на „ней“, на Жоржъ-Зандъ, и, мало того, онъ долженъ непремѣнно принять какую-нибудь опредѣленную позицію, стать на сторону или „его“, или „ея“ въ судбищѣ, которымъ кончилась ихъ любовная драма. Сэшѐ предупреждаетъ, что не станетъ наново заниматься достаточно извѣстной „венеціанской драмой“, но все же именно ею и занимается, и всю исторію отношеній Мюссэ и Жоржъ-Зандъ изображаетъ съ явнымъ намѣреніемъ оправдать Мюссэ и обвинить его вѣроломную подругу. Изъ документовъ, относящихся къ этой знаменитой исторіи, онъ считаетъ самымъ достовѣрнымъ романъ Поля Мюссэ, „Онъ и она“, затѣмъ романъ Луизы Колэ, тоже одной изъ подругъ Мюссэ, и потомъ уже романъ Жоржъ-Зандъ, „Она и онъ“, въ которомъ она выступила послѣ смерти поэта съ обвиненіемъ противъ него, какъ бы въ оправданіе себя послѣ всего, что̀ о ней говорилъ самъ Мюссэ въ „Исповѣди сына вѣка“ и въ „Исторіи моей жизни“. Документами, устанавливающими вину Жоржъ-Зандъ въ отношеніяхъ съ Мюссэ, Сэшѐ считаетъ также письма Жоржъ-Зандъ къ Сентъ-Бёву о Мюссэ, затѣмъ ея любовныя письма къ Паджело. Словомъ, изъ цѣлаго ряда документовъ для Сэшѐ явствуетъ, что въ этой печальной исторіи жертвой былъ Мюссэ. Мюссэ и Жоржъ-Зандъ встрѣтились въ 1833 году, и годъ этотъ Сэшѐ называетъ безумнымъ; всѣ поэты романтическаго „cenacle“, которые до 1830 года подавали примѣръ образцовой нравственности, сразу почему-то обезумѣли и запутались въ любовныхъ приключеніяхъ,—болѣе или менѣе громкихъ. Занятые до того идейными интересами, отстаиваніемъ революціонныхъ идей въ искусствѣ, они стали вдругъ исключительно увлекаться женщинами. Викторъ Гюго первый увлекъ актрису, Жюльету Друо, и увлекся ею; Сентъ-Бёвъ влюбился въ жену Виктора Гюго; Альфредъ де-Виньи тоже полюбилъ актрису; Альфредъ де-Мюссэ полюбилъ Жоржъ-Зандъ и уѣхалъ съ нею въ Венецію. Сентъ-Бёвъ былъ до нѣкоторой степени иниціаторомъ этого союза, — онъ первый обратилъ вниманіе Жоржъ-Зандъ на Мюссэ и содѣйствовалъ ихъ знакомству на обѣдѣ у редактора „Revue de Deux Mondes“, Бюлоза. Мюссэ сразу полюбилъ Жоржъ-Зандъ, а о томъ, что она была сильно увлечена имъ, свидѣтельствуетъ рядъ писемъ ея къ Сентъ-Бёву; на основаніи этихъ писемъ Сэшѐ уличаетъ ее въ неправдѣ ея заявленій въ „Она и онъ“,

гдѣ она говоритъ, что была влюблена въ него всего недѣлю. Знаменитую „измѣну", т.-е. романъ съ докторомъ Паджело, который велся на глазахъ больного Мюссэ, Сэшѐ считаетъ вполнѣ установленнымъ письмами Жоржъ-Зандъ къ Паджело и другими доказательствами. Была ли она права, обвиняя Мюссэ въ дурномъ обращеніи съ нею въ Венеціи, въ капризахъ и неуживчивости? На это Сэшѐ возражаетъ указаніемъ на полное несоотвѣтствіе ихъ характеровъ. По изображенію ихъ отношеній въ романѣ Луизы Колэ, Мюссэ раздражала спокойная аккуратность Жоржъ-Зандъ, невыносимая для его пламеннаго сердца. Ему казалось, что у этой женщины на мѣстѣ сердца чернильница. Въ то время, какъ его поглощала любовь, она спокойно исписывала страницы текущаго романа, заказаннаго Бюлозомъ, и уговаривала его работать, когда ему хотѣлось наслаждаться природой и ея красотой. Говоря объ этомъ глубокомъ различіи двухъ натуръ, которыхъ связали тоже различныя чувства—страсть со стороны Мюссэ и скорѣе материнская нѣжность со стороны Жоржъ-Зандъ, Сэшѐ рѣзко ополчается противъ Жоржъ-Зандъ. Нѣкоторые друзья поэта боялись вліянія на него Жоржъ-Зандъ, но Сэшѐ утверждаетъ, что этого никакъ нельзя было бояться. Ка̀къ эта „сентенціозная дочь Жанъ-Жака Руссо — говоритъ онъ, — еще не высвободившаяся изъ-подъ вліянія „Contrat Social" и „Emile", могла бы подчинить себѣ этого сына Шекспира, который забавлялся капризами своей фантазіи и пѣлъ свободныя пѣсни къ лунѣ?" Жоржъ-Зандъ всегда находилась сама подъ идейнымъ вліяніемъ своихъ друзей и никогда не оказывала вліянія на нихъ, такъ что не можетъ быть рѣчи о литературномъ воздѣйствіи ея на Мюссэ.

Это, конечно, справедливо,—но, помимо непосредственнаго литературнаго вліянія, Жоржъ Зандъ имѣла огромное значеніе именно для творчества Мюссэ. Она разбудила въ немъ источникъ истиннаго лиризма и вдохновила его на лучшее, что̀ онъ создалъ. Отрицать ея вліяніе поэтому нельзя,—и даже нельзя назвать его пагубнымъ только потому, что оно причинило поэту много страданій, также какъ нельзя считать ничтожной ту, которая сумѣла возбудить такія глубокія чувства—не только своей красотой, но своимъ духомъ, своимъ умомъ.

Другая знаменитая женщина, которую любилъ Мюссэ, была Рашель, но романъ съ нею длился недолго и велся съ обѣихъ сторонъ довольно легкомысленно. Рашель, выросшая въ такой атмосферѣ, что, по ея собственнымъ признаніямъ, не помнила, когда она была чистымъ ребенкомъ, мѣняла очень часто своихъ возлюбленныхъ. Мюссэ увлекся сначала ея игрой, увидавъ ее въ роли Роксаны, въ Расиновскомъ „Баязетѣ"—и началъ цѣлую кампанію въ прессѣ въ защиту ея противъ несправедливо строгихъ нападокъ Жюля Жанена. Ея дальнѣй-

шіе успѣхи доказали его правоту, и Рашель, въ благодарность за его защиту, подружилась съ нимъ. Ихъ дружба кончилась мимолетнымъ романомъ, затѣмъ просьбой актрисы написать что-нибудь для нея. Мюссэ брался за нѣсколько пьесъ, но всѣ онѣ не были закончены. Онъ только написалъ комическую сценку, описывая одинъ ужинъ у Рашель, писалъ ей стихи и много разсказывалъ о ней въ своихъ письмахъ къ пріятельницамъ. Легкомысленный нравъ актрисы вмѣстѣ съ ея геніальной игрой и ея красотой привлекали Мюссэ, и онъ былъ нѣкоторое время сильно увлеченъ ею — больше, чѣмъ она имъ. Еслибы ихъ отношенія оказались болѣе прочными, это могло бы привести къ несомнѣннымъ литературнымъ результатамъ, такъ какъ между ними было духовное родство, общая непосредственность темперамента, порывистость и безудержность фантазіи.

Кромѣ героинь любовныхъ увлеченій, было нѣскольно женщинъ, съ которыми Мюссэ поддерживалъ искреннія дружескія отношенія. Наиболѣе близка была ему та, которую онъ звалъ своей „крестной",— несмотря на ея молодость. Она дала ему прозвище „Prince Café" и „prince Phosphor du coeur volant", и съ тѣхъ поръ онъ называлъ ее крестной, она его—крестникомъ. Это была Каролина д'Альтонъ Шэ, сестра Эдмонда д'Альтонъ Шэ, того друга поэта, который послѣ его смерти написалъ комедію „Ivresse". Жизнь Каролины д'Альтонъ Шэ была довольно интересная. Мюссэ называлъ ее „самой маленькой изъ всѣхъ", потому что она отличалась миніатюрнымъ ростомъ и казалась хорошенькой куколкой съ необыкновенно маленькими ножками. Ее въ пятнадцать лѣтъ выдали замужъ за Жубера, очень почтеннаго и честнаго человѣка, занимавшаго высокій административный постъ, но годившагося ей въ отцы. Отношенія между супругами были очень хорошія; мужъ предоставлялъ полную свободу женѣ, которую очень любилъ; она любила общество, привлекала много поклонниковъ своимъ блестящимъ умомъ, и при этомъ была не только вѣрна, но и предана своему мужу, и когда врачи велѣли ему оставить Парижъ и жить въ деревнѣ, она прожила съ нимъ долгіе годы, не выѣзжая изъ ихъ небольшого помѣстья, несмотря на просьбы друзей. Только послѣ смерти мужа она переселилась въ Парижъ—и тамъ съ той же преданностью заботилась о своемъ братѣ, къ которому была нѣжно привязана. Съ Альфредомъ де-Мюссэ она часто видѣлась; онъ пріѣзжалъ гостить къ ней,—но въ долгіе промежутки разлуки они обмѣнивались частыми письмами, и ни съ кѣмъ Мюссэ не переписывался съ такой охотой, никому не разсказывалъ такъ подробно и остроумно о своей жизни, о всѣхъ приключеніяхъ, встрѣчахъ, связяхъ. Переписка съ „крестной" составляетъ самый интересный матеріалъ для біографіи Мюссэ,—и приходится жалѣть о томъ, что не сохранились отвѣтныя

письма ея, такъ какъ, судя по отзывамъ Мюссэ, а также по сохранившимся ея письмамъ къ брату, она писала очень интересно и сообщала любопытныя свѣдѣнія о людяхъ ихъ литературнаго и свѣтскаго круга.

Въ княгиню Бельджойозо, красавицу Христину, Мюссэ былъ нѣсколько разъ влюбленъ; каждая новая встрѣча съ блестящей красавицей покоряла его. Послѣ того, какъ ей вернули ея состояніе, она жила въ Парижѣ, собирая въ своемъ роскошномъ отелѣ большое литературное и свѣтское общество. Къ числу завсегдатаевъ ея дома принадлежалъ Гейне—и всѣ поэты и писатели той эпохи. Не отличаясь строгостью нравовъ, она не скрывала своихъ увлеченій, и Мюссэ зналъ о ея многочисленныхъ счастливыхъ поклонникахъ. Она принимала его влюбленность благосклонно, хотя между ними часто выходили недомолвки, и Мюссэ въ такихъ случаяхъ всегда писалъ длинныя письма „крестной", жалуясь на свои несчастья въ любви. Не отвѣчая взаимностью на его любовь, красавица Христина всегда относилась, однако, съ дружбой и заботливостью къ Мюссэ.

Сэшѐ разсказываетъ и о другихъ пріятельницахъ Мюссэ, въ томъ числѣ о знаменитой Луизѣ Коллэ, извѣстной своимъ бурнымъ темпераментомъ и тѣмъ, что она преслѣдовала неистовыми выходками своихъ возлюбленныхъ, бросавшихъ ее обыкновенно очень скоро, несмотря на то, что она была красивая и блестящая женщина и даровитая писательница. Мюссэ тоже увлекся ею, но ихъ кратковременный романъ не повлекъ за собой бурь, и Луиза Коллэ не преслѣдовала Мюссэ, не мстила ему.

Картина жизни Мюссэ, которая вырисовывается изъ его отношеній къ друзьямъ и къ женщинамъ, доказываетъ преобладаніе эмоціональности въ его натурѣ. Въ его письмахъ нѣтъ рѣчи объ идейныхъ или литературныхъ интересахъ; въ отношеніяхъ съ близкими людьми все сводится къ психологическимъ переживаніямъ или къ общности жизненныхъ вкусовъ. Среди романтиковъ во Франціи онъ, быть можетъ, единственный по этой жизненной стихійности, отъ которой его не отвлекали ни литературная, ни политическая борьба, какъ Виктора Гюго, какъ Ламартина. Мюссе и кончилъ жизнь не какъ уравновѣшенный культурный французъ, а сжегъ себя и свой талантъ излишествами, пороками, опустился до жалкаго состоянія неизлечимаго алкоголика, на котораго всѣ друзья смотрѣли съ сожалѣніемъ. Все, что̀ такая стихійность можетъ влить въ душу поэта, Мюссэ отразилъ въ своемъ лирическомъ творчествѣ, въ глубинѣ, хотя и безразсудствѣ своихъ страстей. Онъ заплатилъ за это испорченной жизнью и сравнительно ранней смертью—въ сорокъ-семь лѣтъ.—З. В.

ВИНОВНИКИ ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ И ПРАВОСУДІЕ

Замѣтка.

Въ конфиденціальной запискѣ, текстъ которой былъ напечатанъ въ апрѣльской книгѣ „Вѣстника Европы" за текущій годъ, покойный графъ Ламздорфъ прямо обвинялъ контръ-адмирала Абазу, статсъ-секретаря Безобразова и тайнаго совѣтника Матюнина въ важныхъ государственныхъ преступленіяхъ, имѣвшихъ послѣдствіемъ неудачный исходъ переговоровъ съ Японіею и возбужденіе бѣдственной войны.

По словамъ бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ, тяжкія обвиненія по адресу правительства вызывались именно тѣмъ, что нѣкоторыя правительственныя лица, принимавшія непосредственное участіе въ пресловутомъ промышленномъ товариществѣ на Ялу, „поставили, во время переговоровъ съ Японіею по корейскимъ дѣламъ, выгоды частныхъ концессіонеровъ выше прямыхъ интересовъ Россіи", и „стоя близко къ Особому Комитету Дальняго Востока, съумѣли пріобрѣсти большое вліяніе и авторитетъ, для достиженія, подъ видомъ политическихъ государственныхъ цѣлей, исключительно своихъ матеріальныхъ выгодъ". Съ своей стороны, графъ Ламздорфъ прежде всего усматриваетъ „государственное преступленіе" и „злоупотребленіе Высочайшимъ довѣріемъ" въ опубликованіи Особымъ Комитетомъ весьма конфиденціальныхъ собственноручныхъ записокъ и секретныхъ депешъ Государя Императора, „открывающихъ тайну сокровенныхъ принципіальныхъ взглядовъ монарха"; но несравненно болѣе серьезны обвинительные пункты, относящіеся къ незаконнымъ переговорамъ и сношеніямъ съ Японіею.

Во-первыхъ, контръ-адмиралъ Абаза, помимо министра иностранныхъ дѣлъ и безъ его вѣдома, изложилъ въ телеграммѣ къ г. Безобразову намѣренія и взгляды Государя по корейскому вопросу, съ порученіемъ передать соотвѣтственныя указанія намѣстнику Алексѣеву, съ тѣмъ чтобы послѣдній въ свою очередь снабдилъ соотвѣтствующими инструкціями посланниковъ въ Пекинѣ, Токіо и Сеулѣ; эта телеграмма была получена г. Безобразовымъ въ Портъ-Артурѣ за нѣсколько дней до начала чрезвычайно важныхъ совѣщаній по корейскимъ дѣламъ, а между тѣмъ содержаніе ея не было сообщено ни намѣстнику, ни посланникамъ, ни другимъ членамъ совѣщанія.

Во-вторыхъ, въ августѣ 1903 года, по иниціативѣ контръ-адмирала Абазы былъ выработанъ и представленъ на Высочайшее одобреніе

„проектъ русскаго (русско-японскаго?) соглашенія", оставшійся совершенно неизвѣстнымъ ни министру иностранныхъ дѣлъ, ни намѣстнику, ни россійскому посланнику въ Токіо; но „если этотъ документъ, въ коемъ отъ имени Россіи дается обязательство уважать неприкосновенность Китайской имперіи, былъ сообщенъ кѣмъ-либо токійскому кабинету, то станутъ понятны причины неблагопріятнаго поворота въ переговорахъ нашихъ съ Японіею, настойчиво требовавшею, на основаніи яко бы уже даннаго Россіею обязательства, включить въ соглашеніе статьи, касающіяся Манчжуріи".

Въ-третьихъ, 13-го января 1904 года, за девять дней до разрыва дипломатическихъ сношеній съ Японіею и открытія военныхъ дѣйствій, контръ-адмиралъ Абаза сообщилъ по телеграфу намѣстнику Алексѣеву „совершенно неизвѣстныя министру иностранныхъ дѣлъ политическія указанія, основываясь исключительно на собственномъ толкованіи взглядовъ Государя, „поскольку", говоритъ самъ адмиралъ, „я могъ понять (ихъ) изъ множества разговоровъ съ Его Величествомъ въ теченіе года".

Въ-четвертыхъ, на особомъ совѣщаніи 15-го января 1904 года, состоявшемся по Высочайшему повелѣнію подъ предсѣдательствомъ великаго князя генералъ-адмирала, рѣшено было для предотвращенія войны изъ-за корейскаго вопроса отказаться отъ требованія объ установленіи „нейтральной зоны" и представить на благовоззрѣніе Государя Императора выработанный въ этомъ смыслѣ министромъ иностранныхъ дѣлъ проектъ отвѣтныхъ предложеній японскому правительству, причемъ остался при особомъ мнѣніи одинъ лишь контръ-адмиралъ Абаза, рѣшительно возстававшій противъ всякихъ уступокъ японцамъ и настаивавшій на сохраненіи нейтральнаго водораздѣла между нами и японцами, по бассейну Ялу, вопреки категорическимъ возраженіямъ министровъ военнаго и иностранныхъ дѣлъ. Журналъ этого совѣщанія, со включеніемъ особаго мнѣнія г. Абазы, могъ быть представленъ Государю только въ понедѣльникъ, 19-го января; между тѣмъ уже 16-го января контръ-адмиралъ Абаза заранѣе,—„не дождавшись представленія Его Величеству журнала совѣщанія, изъ коего видно было бы, что ни предсѣдатель—великій князь, ни остальные члены совѣщанія не согласились съ мнѣніемъ его о водораздѣлѣ,— испросилъ Высочайшее соизволеніе на отправленіе намѣстнику телеграммы, въ которой именно указывается на ялу-цзянскій водораздѣлъ, какъ на крайній предѣлъ дозволяемой оккупаціи японцами Кореи".

Наконецъ, въ-пятыхъ, тогда же, 16-го и 17-го января, контръ-адмиралъ Абаза самовольно вступилъ въ непосредственные переговоры съ японскимъ посланникомъ и его секретаремъ, сообщивъ имъ свой собственный проектъ о водораздѣлѣ; „сущность этихъ бесѣдъ съ

японскимъ представителемъ и разъясненія, которыя давалъ контръ-адмиралъ Абаза г-ну Курино, такъ и остались совершенно неизвѣстными министру иностранныхъ дѣлъ, — а между тѣмъ дѣло происходило за шесть дней до разрыва съ Японіею". Такъ какъ японскій посланникъ, которому извѣстно было, что контръ-проектъ русскаго правительства обсуждался въ совѣщаніи 15-го января, уже на другой день освѣдомился о результатахъ этого совѣщанія въ неправильной передачѣ контръ-адмирала Абазы, то токійскій кабинетъ могъ уже считать излишнимъ дожидаться оффиціальнаго отвѣта Россіи на его предложенія. „Быть можетъ,—осторожно замѣчаетъ графъ Ламздорфъ,—одного упоминанія о ялу-цзянскомъ водораздѣлѣ было достаточно, чтобы японскій представитель болѣе не сомнѣвался въ намѣреніи Россіи затягивать переговоры съ тѣмъ, чтобы продолжать осуществленіе своихъ стратегическихъ плановъ на Ялу". Такимъ образомъ незаконное вмѣшательство контръ-адмирала Абазы въ дипломатическіе переговоры съ Японіею, въ послѣднемъ фазисѣ ихъ, парализовало всѣ попытки дипломатіи достигнуть мирнаго разрѣшенія кризиса и должно было неизбѣжно ускорить возникновеніе войны.

Эти важныя обвиненія, вытекающія изъ записки графа Ламздорфа, усиливаются еще прямымъ указаніемъ его на то, что мысль о необходимости водораздѣла или „устройства стратегической позиціи между японцами и нами" проводилась „согласно проектамъ извѣстнаго ялу-цзянскаго лѣсопромышленнаго общества", и что, слѣдовательно, въ данномъ случаѣ, выгоды частныхъ концессіонеровъ ставились выше государственныхъ интересовъ Россіи, требовавшихъ безусловнаго отказа „отъ активной политики на сѣверѣ Кореи, во избѣжаніе столкновенія съ Японіей". Другими словами, „подъ видомъ политическихъ и государственныхъ цѣлей", преслѣдовались исключительно частныя матеріальныя выгоды отдѣльныхъ вліятельныхъ лицъ.

Факты, установленные запискою покойнаго министра иностранныхъ дѣлъ, даютъ достаточный матеріалъ, съ одной стороны, для возбужденія политическаго процесса предъ верховнымъ уголовнымъ судомъ, а съ другой—для парламентскаго слѣдствія, направленнаго къ выясненію причинъ несчастной японской войны, съ цѣлью установленія отвѣтственности ея виновниковъ и обезпеченія на будущее время правильнаго и вполнѣ компетентнаго веденія иностранной политики имперіи. Однако, до сихъ поръ остается еще неизвѣстнымъ, въ какой мѣрѣ и когда именно предполагается дать законный ходъ обвиненіямъ, формулированнымъ графомъ Ламздорфомъ; только недавно проскользнуло въ газетахъ извѣстіе, что по поводу его записки поручено генералъ-адъютанту О. Б. Рихтеру произвести разслѣдованіе дѣйствій лицъ, причастныхъ къ возникновенію войны. Послѣ разо-

блаченій, сдѣланныхъ Особымъ Комитетомъ Дальняго Востока и подкрѣпленныхъ покойнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, нельзя избѣгнуть процесса противъ б. статсъ-секретаря Безобразова и контръ-адмирала Абазы.

Если судится Стессель, то трудно оставить безъ суда бывшаго намѣстника, адмирала Алексѣева, по винѣ котораго не только водворилась анархія въ военномъ управленіи Портъ-Артура и не была подготовлена надлежащая оборона крѣпости, но лучшія суда нашего флота были беззаботно оставлены безъ защиты отъ внезапнаго нападенія послѣ формально объявленнаго разрыва съ Японіею. Когда осужденъ былъ Небогатовъ и судился Рожественскій, то всѣ понимали, что истинные подсудимые — руководители всего военнаго вѣдомства, въ теченіе многихъ лѣтъ тратившіе непроизводительно десятки и сотни милліоновъ народныхъ денегъ и снабдившіе Россію броненосцами, заслужившими презрительное названіе „старыхъ калошъ". Но судъ надъ гг. Безобразовымъ и его союзниками не предполагаетъ суда надъ какимъ-нибудь стоящимъ надъ ними начальствующимъ лицомъ или вѣдомствомъ; это судъ надъ самостоятельными дѣятелями, сознательно вносившими разложеніе даже въ ту плохую бюрократическую организацію правительства, какая существуетъ, пользуясь для этого средствами, подрывающими самыя основы разумной государственной власти. Этотъ судъ необходимъ для оздоровленія политической атмосферы, среди которой живетъ и дѣйствуетъ русскій народъ; дѣло идетъ здѣсь не объ уголовной карѣ для кого бы то ни было, а только объ удовлетвореніи общественной и національной совѣсти, взволнованной видимою безпричинностью обрушившихся на страну колоссальныхъ бѣдствій.

Заняться вопросомъ объ отвѣтственности за японскую войну не успѣла ни первая, ни вторая Государственная Дума; а между тѣмъ, не поставивъ этого вопроса на первомъ планѣ, не выяснивъ источниковъ тѣхъ губительныхъ случайностей, изъ которыхъ слагается наша политическая жизнь, и не привлекши къ отвѣту дѣятелей, воплощающихъ собою эти роковыя случайности, народное представительство съ самаго начала ставило себя въ невыгодное положеніе и изъ возможнаго законнаго обвинителя легко и быстро превращалось въ жалкаго подсудимаго. Несостоятельность стараго режима остается еще пока только фразою, не подкрѣпленною ничѣмъ реальнымъ и потому никого въ дѣйствительности не задѣвающею; она не получила еще опредѣленной санкціи, достаточно наглядной и убѣдительной для заинтересованныхъ сферъ, какъ и для народныхъ массъ. Оттого политическіе грѣхи и недуги государственнаго организма, столь ярко раскрывшіеся предъ всѣми въ періодъ военныхъ испы-

таній, незамѣтно опять скрываются отъ взоровъ обывателей, уходятъ куда-то въ область безвредныхъ отвлеченностей и перестаютъ занимать общественное мнѣніе; порывы къ спасительнымъ реформамъ мало-по-малу заглушаются громкими возгласами о крамолѣ, о принудительномъ успокоеніи и даже о незыблемомъ превосходствѣ прежняго порядка вещей. Тонъ охранителей вновь становится властнымъ и авторитетнымъ, какъ будто они представляютъ собою здоровую, направляющую силу государственности, а не ферментъ ея разложенія и упадка; оппозиція падаетъ духомъ, забываетъ свои задачи и теряетъ увѣренность въ своемъ призваніи, чѣмъ еще болѣе возвышаетъ настроеніе и бодрость противниковъ. И третья Государственная Дума не исполнитъ своего назначенія и останется нравственно безсильною, если не возбудитъ вопроса объ отвѣтственности разорителей русскаго государства за послѣдніе годы.

Нѣтъ недостатка въ фактическихъ данныхъ, рисующихъ всю неприглядную обстановку нашей такъ называемой государственной политики въ періодъ приготовленія къ японской войнѣ. Въ прошломъ году вышла небольшая книжка подъ заглавіемъ: „Лиходѣи бюрократическаго самовластья, какъ непосредственные виновники первой русско-японской войны“. Авторъ ея, Ф. А. Львовъ, имѣвшій когда-то и потерявшій, по его собственнымъ словамъ, милліонное состояніе, организовалъ крупное лѣсопромышленное предпріятіе въ Манчжуріи, успѣлъ добиться согласія китайскихъ властей на устройство акціонернаго русско-китайскаго общества и задумалъ, для устраненія конкурренціи, соединиться съ держателями лѣсной концессіи въ Кореѣ, во главѣ которыхъ стояли гг. Безобразовъ, Абаза и другіе. Въ 1901 году онъ представилъ министру финансовъ С. Ю. Витте обширную докладную записку о политической пользѣ насажденія русскихъ торгово-промышленныхъ предпріятій на Дальнемъ Востокѣ. Эта записка—говоритъ г. Львовъ—„доставила А. М. Безобразову случай выплыть изъ неизвѣстности“; пока авторъ находился въ Портъ-Артурѣ и Мукденѣ, г. Безобразовъ „доложилъ эту записку Государю, выдавъ ее за свой трудъ, какъ результатъ своихъ личныхъ наблюденій и соображеній, благодаря чему явился не только знатокомъ Дальняго Востока, но и энергическимъ поборникомъ національной политики и широкаго почина со стороны государства на далекой окраинѣ“; онъ успѣлъ внушить къ себѣ неограниченное довѣріе, „подобрался къ царской шкатулкѣ на крупную сумму 3.500,000 рублей“, безцеремонно устранилъ г. Львова и превратилъ частное коммерческое предпріятіе въ политическое, чтобы открыть себѣ свободный доступъ къ казеннымъ средствамъ. Дальше ужъ событіями вполнѣ распоряжались гг. Безобразовъ и Абаза; для очищенія дороги они свалили С. Ю. Витте, устроили для Алексѣева

намѣстничество, учредили свой домашній „Особый комитетъ по дѣламъ Дальняго Востока“ („проектъ непосредственно былъ врученъ Безобразовымъ Государю Императору на перронѣ варшавской желѣзной дороги, передъ отъѣздомъ въ Скерневицы, и своевременно былъ утвержденъ“) и на всѣхъ парахъ направлялись—и направляли Россію—къ войнѣ. Какъ дѣйствовали ихъ исполнительные органы на мѣстахъ, можно судить по одному краснорѣчивому факту: „правая рука“ г. Безобразова, подполковникъ Мадритовъ приказалъ своимъ казакамъ выпороть китайскаго сановника Ванъ-Та-Хуа за его несогласіе дать концессію на манчжурскіе лѣса. Вслѣдъ за японцами и китайцы прониклись враждою къ Россіи...

Оставить подобныя, никѣмъ не опровергнутыя разоблаченія безъ законныхъ послѣдствій — просто немыслимо. Вотъ гдѣ настоящая, грозная крамола, ожидающая еще надъ собою приговора правосудія...

Л. С.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 августа 1907.

„Сперва успокоеніе — потомъ реформы“. — Внутренняя противорѣчивость тезиса. — Что значитъ успокоеніе? — Практическое совпаденіе лозунга октябристовъ съ лозунгомъ боевой реакціи. — Основная задача минуты. — Какая въ Россіи форма правленія? — Разоблаченія объ убійствѣ Г. Б. Іоллоса. — А. А. Мухановъ †.

„Сперва успокоеніе — потомъ реформы“. Таковъ лозунгъ правительства и той пассивной части общества, которая всегда и во всемъ плыветъ по теченію. Отдаваясь настроенію, господствовавшему съ конца 1904 г. и до конца 1905 г., а отчасти и нѣсколько долѣе, эти пассивные элементы — продуктъ столѣтія все проникавшей начальственной опеки — сплошной массой тянулись къ свободѣ, праву и къ немедленному осуществленію построенныхъ на нихъ реформъ. Послѣ 17 октября они съ дозволенія начальства рукоплескали возвѣщеннымъ началамъ государственнаго обновленія. А затѣмъ испугались. Испугались жизненнаго содержанія гражданской свободы, объявленной и не оформленной, и потому на первыхъ порахъ и сразу разлившейся въ безудержный потокъ. Испугались бурныхъ эксцессовъ революціи — а главное того, что съ быстро измѣнившимся настроеніемъ власти они оказались не въ руслѣ теченія. По мѣрѣ того, какъ фактическая сила власти давила освободительное движеніе, они отставали отъ него и теперь, влившись въ привычное теченіе неразсуждающаго повиновенія, громко вторятъ: „сперва успокоеніе!“

Въ этой своей половинѣ лозунгъ пассивныхъ слоевъ населенія даже внѣшнимъ образомъ совпадаетъ съ крикомъ воинствующей реакціи. Она тоже кричитъ: „успокоеніе!“ Но въ ея устахъ успокоеніе значитъ „конецъ“. Конецъ — всему, чѣмъ живетъ Россія третій годъ, конецъ стремленіямъ къ реформамъ и ожиданіямъ реформъ, конецъ и возвратъ назадъ — въ смыслѣ возрожденія абсолютизма царской власти въ теоріи и безграничнаго самовластія администраціи въ дѣйствительной жизни. Задача боевого контръ-революціоннаго теченія — уничтожить манифестъ 17 октября. Откровенное „Русское Знамя“ уже нашло для этого формулу: „царь далъ — царь и взялъ“. Другіе однородные органы печати еще такъ вопроса не ставятъ. Они еще занимаются логической софистикой и юридической эквилибристикой, отыскивая такую комбинацію словъ, которая могла бы загипнотизировать мысль и заставила бы ее придти къ выводу: дважды два — пять. Но уничтоженіе

манифеста—задача не сегодняшняго дня, а завтрашняго. На сегодня „Московскія Вѣдомости" безъ устали кричатъ, что прежде всего нужно уничтожить крамолу. И этотъ крикъ на сегодня же совпадаетъ съ лозунгомъ: „сперва успокоеніе".

Тезисъ: „сперва успокоеніе—потомъ реформы" на первый взглядъ подкупаетъ, какъ будто, очевидной убѣдительностью. Въ моментъ пожара всѣ усилія и заботы естественно должны быть сосредоточены на прекращеніи огня. Заботиться въ этотъ моментъ о замѣнѣ однихъ строительныхъ матеріаловъ другими, или о новой распланировкѣ построекъ, во всякомъ случаѣ, несвоевременно. Другой примѣръ. Когда въ общественномъ собраніи, или просто на улицѣ, толпа чего-либо требуетъ, шумитъ и ея возбужденіе безудержно ростетъ, то будь требованіе абсолютно справедливымъ, прежде, чѣмъ удовлетворить его, необходимо добиться, чтобы толпа успокоилась. Это необходимо для уясненія содержанія требованія, для отдѣленія въ немъ наслоеній, явившихся результатомъ возбужденія, отъ подлежащаго удовлетворенію ядра, для выигрыша времени на срокъ, въ теченіе котораго можетъ быть сдѣлано соотвѣтственное распоряженіе, наконецъ, для того, чтобы остановить ростъ наслоеній. Такая тактика въ приложеніи къ пожару или къ уличной толпѣ неизбѣжно-необходима и единственно-разумна. Но, переходя отъ простого къ сложному, переходить въ данномъ отношеніи отъ пожара и толпы къ чрезвычайно-сложнымъ условіямъ государственнаго общенія и строить на тѣхъ же отправныхъ положеніяхъ государственную политику — глубоко ошибочно. Особенно посчастливилось у насъ сравненію переживаемой эпохи съ пожаромъ. Еще вскорѣ послѣ 17-го октября, П. Н. Дурново объяснялъ имъ и оправдывалъ дѣйствія карательныхъ отрядовъ. Въ его сравненіи люди, разстрѣливавшіеся „по прискорбному недоразумѣнію", уподоблялись разбиваемымъ при тушеніи пожара оконнымъ стекламъ. Не разъ возвращался къ этому же сравненію П. А. Столыпинъ во второй Думѣ.

Основная ошибка примѣненія въ государственной политикѣ того, что̀ приложимо къ пожару или толпѣ, коренится въ слѣдующемъ. Пожаръ—явленіе стихійное. Потушить пожаръ, т.-е. абсолютно прекратить дѣйствіе огня—вполнѣ во власти человѣка. Что̀ значитъ, съ одной стороны, пожаръ, съ другой—его прекращеніе—объ этомъ не можетъ быть разномыслія. Возбужденная толпа—явленіе тоже на половину стихійное. Если не столь просто и точно, какъ тушеніе пожара, понятіе успокоенія толпы, то, все-таки, оно объективно уловимо, и наступленіе успокоенія безъ удовлетворенія вызвавшаго возбужденіе требованія возможно. Въ крайности, толпу или общественное собраніе можно разогнать силой, т.-е. прекратить ихъ существованіе. А можно ли прекратить, хотя на одно мгновеніе, государствен-

ное общеніе гражданъ и остановить жизнь государства? Герой драмы Л. Андреева „Савва"—тоже своеобразный проповѣдникъ теоріи: „сперва успокоеніе—потомъ реформы". Онъ хочетъ полнаго пересозданія человѣческихъ отношеній, а такъ какъ этому мѣшаютъ нынѣ существующія отношенія, культура, вѣрованія и т. д., то онъ желаетъ, чтобы все существующее рухнуло, исчезло, чтобы результаты вѣковъ работы человѣческаго духа обратились на мгновеніе въ ничто. Проповѣдь Саввы и его попытки осуществить ее—безуміе. Но развѣ требованіе успокоенія внутри государственнаго общенія—такого успокоенія, послѣ наступленія котораго на его почвѣ можно было бы, какъ на чистой доскѣ, приступить, не спѣша, къ возведенію новыхъ формъ и къ вложенію въ нихъ новаго содержанія государственной жизни,—не отличается отъ безумной мечты Саввы, если разсуждать строго принципіально, только количественно? Жизнь народа—вѣчное, непрекращающееся движеніе. Остановить ее—внѣ человѣческихъ силъ.

Не прекращеніе, хотя на мгновеніе, государственной жизни имѣетъ въ виду—скажутъ намъ—разбираемый тезисъ, а успокоеніе, т.-е. пониженіе тона біенія жизненнаго пульса. Конечно, да. Но если такъ, то вопросъ сходитъ съ принципіальной почвы и переходитъ въ ту область цѣлесообразности, гдѣ все сплошь условно и неопредѣленно. Что̀ значитъ успокоеніе въ жизни народа или государства? Какой тонъ біенія пульса—спокойный и какой нѣтъ? Какими объективными признаками возможно уловить границу спокойствія, которая должна быть достигнута „сперва"? И это еще не все. Главное—въ другомъ. Главное въ томъ, что реформы, изъ-за требованія которыхъ утратило спокойствіе русское общество, всего вѣрнѣе обобщаются парадоксальной фразой: право на безпокойство. Общество жаждетъ именно неспокойной жизни. Въ теченіе слишкомъ долгаго времени оно находилось въ состояніи если не спокойствія смерти или полнаго сна—народы не умираютъ и полнымъ сномъ не засыпаютъ,—то въ состояніи того внѣшняго, кажущагося спокойствія, когда связанному по рукамъ и по ногамъ человѣку приказываютъ спать, и когда онъ, не будучи въ силахъ противодѣйствовать, дремлетъ. Желаніе бодрствовать въ насильственно усыпляемомъ человѣкѣ борется съ навѣваемымъ сномъ. Порой онъ вздрагиваетъ, пытается скинуть путы, порой его мысль проясняется и требуетъ для себя воплощенія въ дѣйствія,—но больше онъ остается въ мірѣ грезъ и въ состояніи готовности каждую минуту погрузиться въ сонъ. Такъ содрогалось въ продолженіе сорока лѣтъ русское общество, пробужденное было отмѣною крѣпостного права, въ лицѣ наиболѣе экспансивныхъ его элементовъ, бурными схватками съ властью—совершеніемъ отдѣльныхъ революціонныхъ актовъ. Такъ, временами, повышалось настроеніе другихъ

элементовъ, никогда не перестававшихъ таить въ себѣ духа протеста и жажды свободы. Такъ на границѣ перехода ко сну находилась численная масса общества...

Чтò такое гражданская свобода, какъ не право на безпокойство? Чтò такое народное представительство, какъ не право безпокоиться о судьбахъ государства, о его благѣ, о его настоящемъ и будущемъ, согласно пониманію этого блага каждымъ политическимъ теченіемъ? Чтò такое оно, слѣдовательно, какъ не право вносить безпокойство въ жизнь государства? Свобода печати и спокойствіе тона газетъ въ пропагандѣ тѣхъ или другихъ воззрѣній, или въ оцѣнкѣ событій, а тѣмъ болѣе добровольный отказъ печати отъ обсужденія чего бы то ни было—явный абсурдъ. Свобода собраній и отсутствіе страстныхъ споровъ на митингахъ по поводу политическихъ и соціальныхъ темъ—тоже. Одинаково свобода союзовъ въ томъ и состоитъ, чтобы люди могли открыто соединяться въ разнообразныя организаціи. Свобода вѣроисповѣданія—въ томъ, чтобы они могли безпрепятственно искать религіозную истину. Изъ-за всего этого и шла много лѣтъ глухая подпольная борьба общества противъ правительства. 17 октября общество услышало отъ власти торжественно возвѣщенный отказъ отъ прежней политики. Прошло неполныхъ два года,—и ему приходится переживать снова то, чтò казалось изжитымъ. Печать возвращена въ прежніе тиски. Вся разница лишь въ томъ, что циркуляры замѣнены обязательными постановленіями, запрещеніе розничной продажи или печатанія частныхъ объявленій—тысячерублевыми штрафами, закрытіе изданій „навсегда" — закрытіемъ на время чрезвычайной охраны. Даже хуже стало: къ административнымъ карамъ прибавились судебныя—крѣпость и тюрьма. Собраній не происходитъ нигдѣ никакихъ. Ихъ, правда, не „не разрѣшаютъ", какъ прежде,—русскіе граждане, чтобы собираться, не нуждаются болѣе въ разрѣшеніи, — ихъ только не допускаютъ. Что собраній никакихъ не происходитъ, впрочемъ, не совсѣмъ точно. Собранія „союза русскаго народа" допускаются повсемѣстно, и это опять-таки создаетъ еще худшее, чѣмъ прежде, положеніе для людей иного образа мыслей. Для людей одного политическаго лагеря, вплоть до такого крайняго, какъ революціонный справа „союзъ русскаго народа", есть свобода собраній, а для людей всѣхъ другихъ лагерей — нѣтъ. Въ такую же точно однобокую свободу обратилась свобода союзовъ—политическихъ, профессіональныхъ и т. п... Отнюдь не будетъ слишкомъ ужъ грубымъ шаржемъ сказать, что самое замѣтное слѣдствіе объявленной свободы безразлично для всѣхъ гражданъ—борьба атлетовъ, съ которой снятъ давно лежавшій на ней запретъ, скабрезность фарсовъ и шансонетокъ и кабакъ, открыто торгующій въ каждой деревнѣ.

Мѣрами правительственнаго воздѣйствія, съ опорою на милліонъ штыковъ, фактически возможно въ настоящій моментъ — въ этомъ едва-ли есть основанія сомнѣваться—сказать и гражданской свободѣ, и конституціонному строю: „довольно, конецъ!“ Къ чему это приведетъ черезъ годъ, черезъ два или черезъ пять—вопросъ другой, котораго мы сейчасъ не касаемся. Но вѣдь тезисъ: „сперва успокоеніе—потомъ реформы“—говоритъ не это. Онъ желаетъ, чтобы стремленіе къ свободѣ вытравилось у гражданъ, чтобы они потеряли охоту свободно говорить, писать, собираться и организовываться въ прочныя общенія—и обѣщаетъ, что когда они „успокоятся“, т.-е. утратятъ потребность активно и открыто участвовать въ политической жизни страны, то тогда право такого участія имъ будетъ дано. Тезисъ не объявляетъ упраздненія Государственной Думы. Онъ только предусматриваетъ ея роспускъ безсчетное число разъ, пока Дума въ сознаніи частей населенія, пользующихся избирательными правами, не станетъ обязательно послушнымъ органомъ исполнительной власти. Развѣ это не непримиримыя противорѣчія?.. Нельзя же искренно разсчитывать, что свобода печати, союзовъ и собраній, предоставленная правымъ теченіямъ общественной мысли, отъ союзовъ „русскаго народа“ и „активной борьбы“ до союза „17-го октября“, столь могущественно повліяетъ на все населеніе, что въ Россіи не окажется вовсе теченій лѣвыхъ! Очевидно, получится наоборотъ. Чѣмъ энергичнѣе будетъ проводиться политика „успокоенія“, тѣмъ больше будетъ рости жажда свободы не по начальственной указкѣ, а по внутреннему убѣжденію гражданъ. И, слѣдовательно, успокоеніе не наступитъ никогда. Въ тотъ моментъ, когда правительство, добившись послушной Думы и полицейскаго показного благополучія — допустимъ, что оно этого добьется—приступитъ къ реформамъ, т.-е. отмѣнитъ избирательный законъ 3 іюня, сниметъ исключительныя положенія и начнетъ реализировать манифестъ 17 октября—спокойствіе исчезнетъ въ одинъ мигъ.

Или „успокоеніе“—или „реформы“. Нельзя ставить въ причинную зависимость взаимно отрицающія другъ друга положенія. Эта истина такъ же стара, какъ старъ лозунгъ: „сперва успокоеніе—потомъ реформы“. Перебирая въ своей памяти законопроекты, объясненія и сужденія министерствъ и стараго Государственнаго Совѣта, мы положительно не можемъ вспомнить ни одного законодательнаго предположенія, которое было бы построено на принципіальномъ отрицаніи необходимости прогрессивныхъ реформъ. Даже земскіе начальники вводились въ цѣляхъ воспитанія народа къ будущей правовой жизни. Правиламъ о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія не случайно былъ придавъ временный характеръ — временный впредь до наступленія

„успокоенія". Всякій разъ, проводя самый реакціонный законъ, авторы его начинали съ хорошихъ словъ и свѣтлыхъ мыслей. И только послѣ нихъ ставили всегда одно и то же „но", за которымъ слѣдовала ссылка на „переживаемое тревожное время". А между тѣмъ, послѣ событій 1905—1906 гг. развѣ можно иначе охарактеризовать восьмидесятые и девятидесятые годы, какъ словами: „тишь и гладь"? Почему же тогда реформы откладывались на „потомъ"?

Отвѣтъ простой: задача—„сперва успокоеніе"—для управляющихъ судьбами управляемыхъ—наклонная плоскость, на которой нѣтъ остановки. Не надо даже предполагать въ управляющихъ, что они непремѣнно руководствуются низменными инстинктами—мстительностью, злобой и голымъ властолюбіемъ. Сущность дѣла въ томъ, что шаблонныя средства успокоенія народа всѣ сводятся къ расширенію объема полномочій и предѣловъ власти административныхъ органовъ. А кто и когда признаетъ, что принадлежащія ему полномочія чрезмѣрно велики, особенно если примѣненіе полномочій предоставлено его усмотрѣнію? Кому изъ администраторовъ излишнія полномочія мѣшаютъ? Съ другой стороны, нельзя спорить, что управлять людьми связанными, лишенными права критиковать и противодѣйствовать проводимымъ правительствомъ тенденціямъ, неизмѣримо легче и проще, чѣмъ управлять людьми свободными. А кто изъ смертныхъ не склоненъ стремиться, чтобы его дѣятельность протекала въ наиболѣе удобныхъ и легкихъ условіяхъ? Наконецъ, въ примѣненіи къ современному моменту русской жизни необходимо еще учитывать несомнѣнно существующія и все усиливающіяся вліянія, идущія изъ праваго подполья — изъ „звѣздныхъ палатъ", изъ „сферъ", изъ гостиныхъ, изъ дворянскихъ объединенныхъ организацій. Эти вліянія неустанно твердятъ: „конецъ, довольно, назадъ". Каждый шагъ на пути „успокоенія" съ ихъ точки зрѣнія представляется недостаточно широкимъ и смѣлымъ, и они требуютъ все дальнѣйшихъ шаговъ. Подъ дѣйствіемъ этихъ разнородныхъ факторовъ, администраторъ, ставшій на путь „успокоенія" съ твердымъ и добросовѣстнымъ убѣжденіемъ, что онъ сталъ на него временно, только „сперва", будетъ затѣмъ неизбѣжно отдалять моментъ перехода къ тому, что должно искупить это временное „сперва".

Для иллюстраціи возьмемъ нѣсколько примѣровъ. Когда болѣе бурно бился пульсъ политической жизни въ Петербургѣ? Въ сентябрѣ — декабрѣ 1905 г. и затѣмъ въ мартѣ—іюнѣ 1906 г., или въ только-что минувшихъ іюнѣ и іюлѣ 1907 г.? Полагаемъ, что двухъ отвѣтовъ быть не можетъ. А между тѣмъ, вплоть до іюля 1906 г. Петербургъ былъ на положеніи усиленной охраны, теперь же находится на положеніи чрезвычайной. Чрезвычайная охрана, объявленная,

когда ожидалось, что роспускъ первой Думы вызоветъ волненія, пережила и вторые выборы, и вторую Думу, и ея роспускъ, состоявшійся въ такихъ условіяхъ общественнаго настроенія, когда не было основанія ожидать ничего особеннаго. Уже послѣдовало продленіе срока дѣйствія чрезвычайной охраны въ Петербургѣ до января 1908 г., и не нужно быть пророкомъ, чтобы знать, что тогда онъ опять будетъ продленъ... Вообще, спокойнѣе ли Россія теперь, нежели была полтора года, годъ или полгода назадъ? Полагаемъ, что опять двухъ отвѣтовъ быть не можетъ. А приблизились ли мы, соотвѣтственно степени наступившаго успокоенія, ко второй половинѣ формулы: „сперва успокоеніе—потомъ реформы"?

Напротивъ, мы отъ нея отдалились и отдаляемся каждый день. Съѣздъ партіи народной свободы „не допущенъ". И, какъ пишетъ оффиціозная „Россія", вотъ почему: „Та политическая группа, которая отказалась въ Думѣ осудить политическія убійства и грабежи и которая отказалась выдавать политическихъ заговорщиковъ, не имѣетъ никакихъ основаній разсчитывать, чтобы правительство признало ее законно существующей, а слѣдовательно, и разрѣшало ей устройство партійныхъ съѣздовъ. Если бы правительство разрѣшило теперь кадетскій съѣздъ, широкіе круги общества, дѣйствительно, должны были бы повѣрить, что политика правительства измѣнилась и что противогосударственная тактика, осуществляемая кадетами, принимается въ качествѣ совершенно обыкновеннаго, вполнѣ допустимаго политическаго явленія". Не вдаваясь въ разборъ этой тирады, только спросимъ: приблизилъ ли русскихъ гражданъ отказъ, полученный кадетами, къ свободѣ собраній? Гораздо явственнѣе вырисовывается въ лучахъ этого отказа, на горизонтѣ недалекаго будущаго, то, что̀ хотѣло бы видѣть уже въ настоящемъ „Русское Знамя". „Казалось бы,—писала газета въ одинъ день съ „Россіей",—что вмѣсто отказа въ съѣздѣ было бы цѣлесообразнѣе привлечь партію къ законной отвѣтственности, какъ нелегализованную, т.-е. признанную закономъ (?) вредной для безопасности государства".

Какъ ни какъ, но въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ начало возстановляться то, для чего учебныя заведенія существуютъ: студенты стали посѣщать лекціи и лабораторіи, въ теченіе цѣлаго учебнаго года почти не было забастовокъ; державшихъ весной экзамены была масса. Что въ этомъ отношеніи, параллельно съ измѣненіемъ общихъ условій, извѣстную немалую роль сыграла автономія университетовъ и организація старостъ—едва-ли могутъ быть сомнѣнія. Казалось бы, въ жизни высшей школы наступилъ моментъ для реформъ. Правительство же воспользовалось поворотомъ для рѣшительнаго шага въ сторону „успокоенія". Новыя правила упразднили институтъ старостъ,

автономіи профессорской коллегіи нанесли жестокій ударъ и надъ нею поставили для наблюденія за студенческими собраніями чиновъ полиціи. Мало того, правила предусмотрѣли, чтобы министры и главноуправляющіе отдѣльными частями озаботились „использованіемъ суммъ, отпускавшихся на содержаніе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ инспекціи, гдѣ таковая упразднена, на усиленіе въ означенныхъ заведеніяхъ способовъ надзора и охраны". Нужно ли переводить на грубый обывательскій языкъ слова: „способовъ надзора и *охраны*"?.. Новый учебный годъ студентамъ предстоитъ начать безъ старостъ, съ чинами полиціи на сходкахъ и со шпіонами въ шинельныхъ, въ корридорахъ и въ аудиторіяхъ... Что это,—тоже приближеніе къ идеалу свободной школы въ свободномъ государствѣ?..

Лозунгъ: „сперва успокоеніе—потомъ реформы" для искренно желающихъ реформъ—самоутѣшеніе и самообманъ. Практически въ немъ есть одно слово: „успокоеніе". И напрасно боевая реакція ополчается на октябристовъ. Октябристы безнадежно „потеряли документъ". Для нихъ никогда не наступитъ „потомъ", ибо они обречены навсегда биться изъ-за завтрашняго „потомъ" съ сегодняшнимъ „сперва"... Слова же и программы сами по себѣ нестрашны...

Въ требованіи успокоенія прежде всего — мы далеки отъ мысли отвергать естественный отвѣтъ на убійство и грабежи. Революціонный терроръ, не терпимый и не допустимый и самъ по себѣ, перемѣшался съ простой разнузданностью обще-уголовной преступности. „Эсъ-эры" обросли „эсъ-эриками", а „эсъ-эрики" — хулиганами. Газеты каждый день приносятъ извѣстія объ убійствахъ городовыхъ, стражниковъ, рабочихъ „на партійной почвѣ" или просто обывателей. Еще болѣе часто совершаются „экспропріаціи" — то въ полной обстановкѣ какъ будто во имя идеи совершаемаго государственнаго преступленія, то при помощи однихъ сдѣлавшихся классическими пріемовъ: „руки вверхъ!" — браунингъ къ виску. Грабятъ десятками тысячъ, но не брезгуютъ и рублями. Грабятъ въ столицахъ, въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, въ деревняхъ, на проѣзжихъ дорогахъ, въ вагонахъ, на пароходахъ. Было бы непростительно, еслибы правительство не боролось съ этой накипью на освободительномъ движеніи, и было бы слишкомъ печально, еслибы никакіе слои общества не реагировали требованіемъ энергичной борьбы.

Но если понимать успокоеніе въ смыслѣ прекращенія убійствъ и грабежей, то причемъ тутъ реформы и откладываніе ихъ на „потомъ"? Какъ ни глубоко вошли въ нравы убійства и грабежи, зачѣмъ переоцѣнивать значеніе явленія и возводить его на ту степень, когда въ

жертву успѣху борьбы приносится все и вмѣстѣ со всѣмъ наиболѣе дѣйствительное средство—поднятіе самосознанія? Убивали и грабили всегда, и будутъ убивать и грабить — тоже всегда. Особенность настоящаго момента лишь въ томъ, что наибольшая масса убійствъ и грабежей симулируетъ политическія убійства и политическія же экспропріаціи и симулируетъ удачно: въ людяхъ, захваченныхъ духомъ протеста противъ правительственнаго гнета, убійства и грабежи если не встрѣчаютъ сочувствія, то не встрѣчаютъ и открытаго рѣзкаго осужденія. При такихъ условіяхъ, военные суды и казни вмѣсто положительнаго результата даютъ отрицательный. Взамѣнъ экстраординарно жестокихъ мѣръ было бы неизмѣримо цѣлесообразнѣе судомъ обычнаго типа сдергивать съ хулигановъ маску революціонеровъ. Среди убійцъ и грабителей-хулигановъ есть, конечно, убійцы и грабители-революціонеры. Противъ нихъ откладываніе реформъ—еще менѣе пригодное средство борьбы.

Основнымъ лозунгомъ момента должно служить окончательное выясненіе вопроса: есть въ Россіи конституція или нѣтъ? Если нѣтъ, то недоразумѣнія должны быть прекращены. Если да, то обѣщаніе гражданской свободы должно быть безотлагательно реализовано, безъ какихъ бы то ни было предварительныхъ „сперва". Бурныя манифестаціи, рѣзкій тонъ печати и даже классовыя столкновенія должны быть признаны, какъ неизбѣжный фактъ, миновать который невозможно. Граница должна быть проведена не между спокойствіемъ и его отсутствіемъ, а между допустимыми и недопустимыми средствами проявленія гражданами ихъ индивидуальнаго или коллективно-партійнаго „я". Провести эту границу нелегко, но и не такъ трудно, какъ можетъ казаться. Во всякомъ случаѣ, ее провести возможно, тогда какъ для отграниченія достигнутаго успокоенія отъ недостигнутаго абсолютно нѣтъ объективныхъ данныхъ.

Какая у насъ существуетъ форма правленія?—этотъ вопросъ неоднократно ставила вслѣдъ за роспускомъ второй Думы „Рѣчь"—ȯрганъ партіи, весъ смыслъ существованія которой зависитъ отъ точнаго его разрѣшенія. И если затѣмъ „Рѣчь" стала рѣже къ нему возвращаться, то вѣроятно въ силу цензурныхъ условій. Вопросъ поставленъ жизнью. Ходить далѣе вокругъ и около него, не отвѣчая ни да, ни нѣтъ, или—то да, то нѣтъ—нельзя. „Россія измучилась—пишетъ въ „Гражданинѣ" князь Мещерскій (№ 49—50)—неяснымъ отвѣтомъ на вопросъ: царь—самодержавный или отказавшійся отъ самодержавія въ манифестахъ 17 октября и 20 февраля?" „Прежде всего—продолжаетъ онъ—нужно прекратить главное зло, отъ котораго одинаково страдаютъ и Государь, и мы, его народъ,—нужно положить конецъ неясному политическому положенію въ Россіи". Со свойствен-

ными ему льстивой угодливостью и сумбурностью, князь Мещерскій не замѣчаетъ, что въ цѣляхъ уясненія политическаго положенія онъ рекомендуетъ такое разграниченіе „разработки законовъ“ и „обсужденія проектовъ законовъ“, котораго, при всемъ напряженіи мысли, невозможно понять. Но это не важно. Важно то, что потребность положить конецъ политической неопредѣленности идетъ оттуда, гдѣ до сихъ поръ господствовало стремленіе убѣдить себя и другихъ, что сохраненіе титула „самодержавный“ рѣшаетъ вопросъ точно и опредѣленно.

Не повторяя не разъ приводившейся и нами аргументаціи, основывающейся, кромѣ текста основныхъ законовъ и манифеста 17 октября, на противоположеніи титулу содержанія законодательныхъ актовъ и на исключеніи изъ титула монарха слова „неограниченный“, приведемъ лишь слѣдующее мѣсто изъ манифеста 3 іюня: „Только власти, даровавшей первый избирательный законъ, исторической власти русскаго Царя, довлѣетъ право отмѣнить оный и замѣнить его новымъ. Отъ Господа Бога вручена Намъ власть царская надъ народомъ Нашимъ. Передъ Престоломъ Его Мы дадимъ отвѣтъ за судьбы Державы Россійской“. Если бы самъ монархъ не считалъ, что 17 октября онъ отказался отъ неограниченнаго абсолютизма своей власти, то зачѣмъ нужно было бы объясненіе изданія новаго избирательнаго закона ссылкою на историческое происхожденіе царской власти и особенно — зачѣмъ нужны были бы послѣднія изъ цитированныхъ словъ? Вполнѣ достаточно было бы одного признанія прежнихъ правилъ о выборахъ неудовлетворительными.

Что касается тѣхъ публицистовъ и двигателей реакціи, которые послѣ 17 октября первое время молчали, а затѣмъ, повышая голосъ, дошли нынѣ до крика, то оказывается, что они кричатъ о непоколебленныхъ „исконныхъ началахъ“ только на людяхъ. Въ № 185 „Руси“ напечатанъ любопытнѣйшій отчетъ о засѣданіи съѣзда представителей „истинно-русскихъ“ организацій, состоявшемся 15 іюля, въ Москвѣ. Засѣданіе происходило не публично и безъ допуска газетныхъ корреспондентовъ. Оставляя поэтому отчетъ на полной отвѣтственности газеты, мы все-таки не можемъ не привести нѣсколько выдержекъ изъ него. Въ своей замкнутой средѣ, спрятавшись отъ постороннихъ, „истинно-русскіе“ люди обсуждали вопросъ о бойкотѣ третьей Думы. „Въ этомъ отношеніи—читаемъ въ „Руси“ —съѣздъ раздѣлился на двѣ части, ожесточенно между собою спорящія. Одни, главнѣйшимъ образомъ союзники, настаиваютъ на полномъ бойкотѣ Думы до тѣхъ поръ, пока она носитъ на себѣ все еще печать конституціоннаго учрежденія. Въ интересахъ и цѣляхъ „истинно-русскихъ“ людей было бы, чтобы и третья Государственная Дума явилась рѣзко

и ярко опозиціонной, не лучше распущенной второй Думы. При такихъ условіяхъ третью Думу очень быстро разгонять и параллельно съ разгономъ должно послѣдовать измѣненіе основныхъ законовъ въ томъ смыслѣ, что Государственная Дума является совѣщательнымъ учрежденіемъ при самодержавномъ неограниченномъ монархѣ"... „Противъ этого мнѣнія горячо возражали монархисты, но не противъ основной идеи, а, главнымъ образомъ, противъ тактики. Они находятъ, что разъ Государственная Дума въ ея нынѣшней организаціи учреждена волей Государя Императора, то монархистамъ, союзникамъ, какъ и вообще всѣмъ „истинно-русскимъ людямъ", невозможно и преступно идти противъ этой воли и пользоваться тѣмъ же революціоннымъ пріемомъ, который примѣняли соціалистическія партіи въ отношеніи первой Государственной Думы, т.-е. бойкотомъ. Напротивъ, всѣ „истинно-русскіе люди должны свято исполнять волю монарха и употребить всѣ силы и средства къ широкому участію въ выборахъ и проведенію своихъ кандидатовъ въ третью Думу. И уже затѣмъ всячески добиваться, какъ измѣненія избирательнаго закона, такъ и „разъясненія", что Государственная Дума является законосовѣщательнымъ органомъ при зависимомъ исключительно отъ царской власти правительствѣ и при самодержавномъ неограниченномъ монархѣ".

Да, что бы ни печатали въ своихъ изданіяхъ гг. Грингмутъ, Пихно и Пуришкевичъ, нынѣ существующая въ Россіи форма правленія — ограниченная или конституціонная монархія. Да, разрѣшеніе вопроса въ противоположномъ смыслѣ можетъ послѣдовать не иначе, какъ путемъ отмѣны дѣйствующихъ основныхъ законовъ, или такого „разъясненія" ихъ, которое было бы равносильно отмѣнѣ. И въ этомъ смыслѣ мы говоримъ, что существуетъ вопросъ о конституціи, что жизнь поставила его въ упоръ и что онъ долженъ быть окончательно выясненъ. Русское общественное сознаніе переживаетъ критическіе дни. Идея конституціонализма поколеблена и, несмотря на жестокость репрессій, совпавшихъ съ нанесеніемъ ей ударовъ для крайнихъ лѣвыхъ, послѣдніе ликуютъ. „Россія" называетъ кадетовъ партіей, которая „ведетъ опредѣленную борьбу съ русской государственностью, не останавливаясь ни передъ какими средствами". Какой вздоръ, и какъ это лживо и неумно! Въ пассивѣ партіи, правда, стоитъ выборгское воззваніе. Но во сколько разъ его перевѣшиваетъ сплошь проникнутая защитой именно государственности — отъ враговъ справа и слѣва — дѣятельность партіи во второй Думѣ? Въ этой дѣятельности подчеркиваютъ уклоненіе отъ осужденія политическаго террора. Читатели „Вѣстника Европы" знаютъ, какъ мы смотримъ на это уклоненіе. Отрицательное къ нему отношеніе не мѣшаетъ намъ, однако, помнить тактику партіи въ вопросахъ, съ точки зрѣнія защиты государствен-

ности, гораздо болѣе важныхъ. Кому исполнительная власть обязана, что бюджетъ не былъ отклоненъ, или что Думою не было отказано въ призывѣ предположеннаго правительствомъ контингента новобранцевъ?

Въ періодъ вторыхъ выборовъ конституціоналистовъ спрашивали избиратели-интеллигенты, рабочіе и сѣрые крестьяне: что̀ дала ваша конституція, что̀ дали ваши мирные, строго легальные способы дѣйствія, — гдѣ свобода, гдѣ земля? И конституціоналисты въ отвѣтъ, подъ жидкіе аплодисменты, заглушавшіеся шиканьемъ, слабо и неувѣренно оправдывались, торопясь переводить споръ на критику соціалистическихъ теорій или правительственныхъ мѣропріятій. А неумѣлая даже формулировка идей, опирающихся на афоризмъ: „въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое“ или на призывъ: „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь“,—вызывала всегда шумное одобреніе. Въ періодъ третьихъ выборовъ картина будетъ настолько другая, насколько ограничены въ своихъ правахъ крестьяне и рабочіе. Но будетъ ли это развѣ означать, что роковые сомнѣнія и вопросы не проникли еще глубже въ сознаніе народныхъ массъ?.. Пусть лучше не будетъ конституціи, только бы жила конституціонная идея — идея мирнаго достиженія благъ свободы и правовой жизни...

Какъ раскрылась тайна загадочнаго убійства М. Я. Герценштейна, такъ, повидимому, готова раскрыться тайна убійства другого члена первой Думы—Г. Б. Іоллоса. Роковымъ образомъ судьба связала и въ обстановкѣ смерти эти два тѣсно связанныя при жизни имени! М. Я. Герценштейнъ и Г. Б. Іоллосъ—оба евреи по происхожденію, люди, весьма близкіе по политическимъ убѣжденіямъ, интимные друзья съ ранняго дѣтства и оба, какъ евреи, далеко не яркіе настолько, насколько были ярки въ первой Думѣ другіе представители еврейства,— одинаково пали отъ руки убійцъ жертвами революціоннаго террора справа. И обстоятельства смерти обоихъ раскрыты не судебной властью. Даже дико какъ-то звучитъ, что загадка, висѣвшая надъ смертью Г. Б. Іоллоса, перестала быть загадкой, благодаря разслѣдованію, произведенному партіей соціалистовъ-революціонеровъ. А между тѣмъ это такъ.

28-го іюня партія соціалистовъ-революціонеровъ опубликовала черезъ газеты „сообщеніе“, сущность котораго составляетъ провѣренное партіей показаніе явившагося съ повинной убійцы Іоллоса. 27-го мая, въ мѣстности около ириновской желѣзной дороги, было совершено убійство нѣкоего Казанцева. На слѣдующій день, 28-го мая, не безъ труда проникнувъ, къ „партійному работнику“ явился молодой

рабочій, названный въ „сообщеніи“ вымышленнымъ именемъ Ѳедорова, и взволнованно объяснилъ: „Это я убилъ найденнаго съ бомбами у ириновской желѣзной дороги, это я—убійца Іоллоса... Я долженъ все разсказать партіи... Я—убійца Іоллоса... Пусть партія меня судитъ... Я подчинюсь... Дѣлайте со мной, что̀ хотите“... Затѣмъ онъ во всѣхъ подробностяхъ разсказалъ, какъ познакомился черезъ рабочаго, имя котораго скрыто псевдонимомъ „Ивановъ“, съ Казанцевымъ, какъ было имъ совершено, по наущенію и подговору Казанцева, покушеніе на взрывъ дома графа Витте, а потомъ убійство Іоллоса.

По словамъ Ѳедорова, въ обоихъ случаяхъ онъ считалъ, что дѣйствуетъ во исполненіе рѣшеній партіи. Взорвать домъ графа Витте его убѣдилъ Казанцевъ слѣдующими любопытными доводами: „Одинъ графъ измѣнилъ „партіи“; онъ выдалъ много товарищей, и они теперь всѣ сидятъ въ крѣпости по дѣлу объ экспропріаціи въ Фонарномъ переулкѣ. „Партія“ неоднократно посылала графу письма, съ требованіемъ содѣйствовать освобожденію товарищей, но онъ не подчиняется. „Партія“ рѣшила убить его“. Убить Іоллоса—убѣдилъ тоже доводами не менѣе любопытными: „Въ партіи одинъ измѣнилъ, присвоивъ себѣ 80 тысячъ экспропріированныхъ денегъ. „Партія“ приговорила его къ смерти. Деньги эти находятся на сбереженіи у какого-то еврея; и какъ только того, измѣнившаго, убьютъ, еврей струситъ и сейчасъ же деньги отдастъ „партіи“...“ Въ обоихъ случаяхъ фамилій намѣченныхъ жертвъ Казанцевъ Ѳедорову не говорилъ.

Только изъ газетъ, послѣ убійства Іоллоса, Ѳедоровъ узналъ, кого онъ убилъ. Тогда въ немъ стали закрадываться сомнѣнія, не „черносотенецъ“ ли Казанцевъ. Сомнѣнія постепенно росли и укрѣпились разсказомъ Иванова, какъ онъ „случайно открылъ ящикъ письменнаго стола Казанцева, гдѣ оказались программа союза русскаго народа, различные патроны, значки союза русскаго народа и проч.“. Въ моментъ передачи бомбъ для вторичнаго покушенія на графа Витте Ѳедоровъ убилъ Казанцева... Въ какомъ душевномъ настроеніи Ѳедоровъ сдѣлалъ свою „явку съ повинной“—всего лучше характеризуетъ слѣдующій разговоръ между нимъ и „партійнымъ работникомъ“, когда послѣ перваго „свиданія“ его вели на второе: — „Скажите, меня сейчасъ убьютъ, да? Уже есть рѣшеніе? Вы меня ведете на казнь?

„— Что̀ вы, что̀ вы! Успокойтесь! Какъ это вамъ пришло въ голову?

„— Вы напрасно отъ меня скрываете—я сдѣлалъ такое ужасное дѣло — убилъ Іоллоса! Я знаю, я достоинъ казни, а если партія не хочетъ, я самъ покончу съ собой“ [1]).

---

[1]) Всѣ цитаты взяты изъ № 166 „Руси“.

Богъ знаетъ, что̀ такое!.. Казанцевъ, живущій въ Москвѣ въ „хорошо обставленной“ квартирѣ, у котораго въ письменномъ столѣ вмѣстѣ съ патронами лежатъ значки союза русскаго народа, пользуется революціоннымъ фанатизмомъ рабочаго, чтобы совершать контръреволюціонныя убійства... Революціонеръ идетъ убивать графа Витте за то, что онъ выдалъ „товарищей-экспропріаторовъ“... Или — убиваетъ Іоллоса за то, что онъ присвоилъ экспропріированныя деньги... А затѣмъ тотъ же революціонеръ, узнавъ, что былъ жертвой обмана, убиваетъ обманщика и самъ идетъ на казнь... По истинѣ омутъ какой-то! Омутъ,—въ которомъ на фонѣ моря лжи, слѣпоты и фанатизма ясно обозначается одно: человѣческой жизни — цѣна грошъ... И наемные убійцы много вѣковъ назадъ узнавали имя убиваемаго!..

„Сообщеніе“, очевидно,—не плодъ фантазіи. „Ивановъ“ откликнулся: напечаталъ въ газетахъ письмо, въ которомъ все, касающееся его, подтвердилъ и подъ которымъ подписался: „бывшій членъ совѣта рабочихъ депутатовъ Семенъ Петровъ“. Мало того: онъ привелъ въ своемъ письмѣ фамиліи, адреса. Нитка отъ клубка отдѣлена, ее осталось только тянуть,—и раскроется чудовищная преступная организація. Неужели этого не будетъ?..

Когда наше настоящее отойдетъ въ прошлое и первая Дума будетъ рисоваться въ исторической перспективѣ, отношеніе къ ея членамъ навѣрное станетъ инымъ, чѣмъ теперь. Тогда благодарной памятью будетъ окружено и имя скончавшагося въ Лозаннѣ А. А. Муханова. Не много свѣтлаго приходится видѣть и испытывать при жизни русскимъ прогрессивнымъ общественнымъ дѣятелямъ. Отдавшись непосредственному чувству, А. А. Мухановъ, въ декабрѣ 1904 г., какъ черниговскій губернскій предводитель дворянства, отправилъ, по порученію земскаго собранія, извѣстную телеграмму. За это онъ получилъ выговоръ и былъ вынужденъ сложить съ себя полномочія выбравшаго его дворянства. Умеръ онъ наканунѣ суда за выборгское воззваніе и—кто знаетъ?—пожалуй наканунѣ тюрьмы или крѣпости... Имя покойнаго было извѣстно въ земскихъ кругахъ еще до начала освободительнаго движенія. Затѣмъ участіемъ во всѣхъ земскихъ съѣздахъ А. А. Мухановъ тѣсно связалъ себя съ движеніемъ. Конституціоналистъ въ чистомъ смыслѣ понятія, онъ вступилъ въ конституціонно-демократическую партію, хотя и вскорѣ послѣ ноябрьскаго земскаго съѣзда 1905 г., но не безъ нѣкоторыхъ колебаній. Дѣятельная натура не позволила ему отойти въ сторону отъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ шелъ раньше, и онъ предпочелъ подчиненіе тому, что̀ не вполнѣ одобрялъ въ тактикѣ партіи, пассивной роли внѣпартійнаго человѣка. Въ пер-

вой Думѣ А. А. Мухановъ былъ предсѣдателемъ аграрной коммиссіи и обнаружилъ недюжинное умѣнье вести засѣданія въ многолюдныхъ собраніяхъ и руководить бурными преніями. Во время выборовъ во вторую Думу онъ, какъ „подслѣдственный", былъ выкинутъ за бортъ призванныхъ къ избранію представителей гражданъ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Международнаго Комитета для помощи безработнымъ рабочимъ Россіи.

Международный Комитетъ для помощи безработнымъ Россіи предпринялъ изданіе литературно-художественнаго сборника, посвящаемаго въ Россіи памяти Александра Ивановича Герцена.

Обращаясь къ художникамъ и литераторамъ всѣхъ странъ, Комитетъ пытается образовать цѣнный вкладъ въ сокровищницу всемірной литературы и искусства и создать этимъ памятникъ великому борцу за соціальное освобожденіе—рабочему классу всѣхъ странъ.

Сборникъ этотъ будетъ, конечно, безпартійнымъ, но объединяющимъ произведенія какъ свободной отъ партійности художественной, критико-публицистической и научной литературы, такъ и произведенія партійныхъ литераторовъ, посвященныя нуждамъ рабочаго класса и объективнымъ вопросамъ политической и соціальной жизни.

Сборникъ будетъ издаваться въ Россіи и заграницей.

Питая глубокую надежду, что многіе придутъ на помощь Международному Комитету въ осуществленіи этой цѣли, Правленіе Комитета проситъ обращаться за справками и высылать рукописи по адресу: M-r N. Herzen, prof. Lausanne. Suisse. Avenue de Rumine 57.

Между прочимъ въ сборникѣ будутъ напечатаны неизданная статья А. И. Герцена „Мѣсто человѣка въ природѣ" и письма къ нему Карла Фогта, Карлейля и польскихъ повстанцевъ 1862 г.

Предсѣдатель проф. *Н. Герценъ*. Секретарь *К. Злинченко*.

P. S.—Имѣя въ виду техническую трудность изданія Интернаціональнаго литературно-художественнаго сборника, Правленіе Комитета выработало слѣдующій проектъ изданія:

1) Произведенія западно-европейскихъ авторовъ, до переводовъ, появятся въ оригиналахъ отдѣльными брошюрами.

2) Брошюры эти объединяются въ одинъ томъ и постепенно переводятся на разные языки, если окажется невозможнымъ одновременное изданіе этого тома на всѣхъ языкахъ. Въ это изданіе входятъ переводы со славянскихъ и другихъ языковъ.

3) Произведенія славянскихъ авторовъ — польскихъ, малорусскихъ и другихъ—появятся въ оригиналахъ отдѣльными брошюрами и въ переводахъ на другіе европейскіе языки. Произведенія русскихъ авторовъ появятся въ русскомъ сборникѣ въ оригиналахъ, до перевода ихъ на западно-европейскіе языки. Въ русскій сборникъ войдутъ переводы съ другихъ языковъ.

4) Произведенія финляндскихъ, латышскихъ, грузинскихъ, армянскихъ и др. авторовъ культурныхъ народовъ Россіи появятся въ оригиналахъ отдѣльными брошюрами или, при недостаткѣ матеріала, въ переводахъ на европейскіе языки.

5) Произведенія еврейскихъ авторовъ появятся въ сборникѣ на европейскихъ языкахъ, въ брошюрѣ—на ново-еврейскомъ языкѣ.

6) Произведенія японскихъ авторовъ будутъ напечатаны въ европейскихъ и русскихъ оригиналахъ, а затѣмъ въ переводахъ на разные языки.

Европейскій сборникъ посвящается рабочимъ всѣхъ странъ.

Музыкальныя и живописныя произведенія (ноты, гравюры и т. п.) войдутъ во всѣ изданія.

СОДЕРЖАНІЕ
ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

Іюль—Августъ, 1907.

Книга седьмая.—Іюль. стр.

Книга восьмая.—Августъ. стр.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

— **Письма** І. Ф. Беккера, І. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и другихъ къ Ф. А. Зорге и др. Съ письмами и біографіей Зорге Евг. Дицгена. Перев. съ нѣм. Политикуса. Съ предисл. Н. Ленина. Спб., 907. Изд. П. Г. Дауге. Стр. XXVI+485.

Подъ этимъ страннымъ и длиннымъ заглавіемъ вышла въ свѣтъ объемистая книга, заключающая въ себѣ весьма интересную переписку видныхъ дѣятелей и руководителей германской соціалъ-демократіи съ скромнымъ нѣмецко-американскимъ соціалистомъ Фридрихомъ-Адольфомъ Зорге, за время съ 1867 до 1895 года. Зорге эмигрировалъ изъ Германіи послѣ революціи 1848 года и прожилъ всю свою остальную жизнь въ Америкѣ, гдѣ и умеръ въ октябрѣ прошлаго года, 75 лѣтъ отъ роду; онъ былъ дѣятельнымъ сторонникомъ интернаціонала, пропагандистомъ соціалистическихъ идей и марксистскихъ рабочихъ организацій, и въ этомъ качествѣ поддерживалъ постоянныя сношенія съ Марксомъ, Энгельсомъ и ихъ единомышленниками. Переписка распадается на двѣ части — до смерти Маркса въ 1883 г. и затѣмъ до смерти Энгельса; сверхъ того, въ вступительномъ очеркѣ помѣщены позднѣйшія письма Зорге къ Дицгену, до августа 1906 года. Въ письмахъ часто упоминается и о русскихъ дѣлахъ, и объ успѣхахъ русской „революціи", причемъ обнаруживается полное незнаніе дѣйствительнаго нашего положенія; Марксъ съ увѣренностью предсказывалъ у насъ революціонный переворотъ еще въ 1877 году, во время неудачъ подъ Плевной, а десять лѣтъ спустя Энгельсъ писалъ, что существующій въ Россіи порядокъ вещей едва-ли продержится еще годъ (т.-е. до 1889 года!). Однако г. Н. Ленинъ въ своемъ предисловіи находитъ эти и подобныя имъ сужденія чрезвычайно мѣткими и совѣтуетъ всѣмъ вѣрноподданнымъ послѣдователямъ марксизма не искать другихъ источниковъ мудрости для правильнаго пониманія современнаго русскаго кризиса, — ибо „такія ошибки гигантовъ революціонной мысли... въ тысячу разъ благороднѣе, величественнѣе и исторически цѣннѣе, правдивѣе (?), чѣмъ пошлая мудрость казеннаго либерализма"... и т. д. По мнѣнію г. Ленина, „русскій рабочій классъ завоюетъ свободу себѣ и дастъ толчокъ впередъ Европѣ (!) своими полными ошибокъ революціонными дѣйствіями, и пусть кичатся пошляки (sic) безошибочностью своего революціоннаго бездѣйствія". Мы думаемъ, что книга значительно выиграла бы, еслибы въ ней отсутствовало трескучее и хвастливое фразерство г. Н. Ленина.

— **Послѣднее политическое движеніе въ Персіи.** Съ рисунками и документами. М. А. Вып. I—II. Спб., 907. Стр. 64+108. Ц. по 40 к.

Какъ видно изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ въ этихъ книжкахъ на основаніи персидскихъ газетъ и разсказовъ персовъ-тегеранцевъ, персидская конституція была результатомъ русскихъ пораженій, которыя окончательно подорвали у персовъ вѣру въ самодержавіе и побудили ихъ стремиться къ конституціонному строю по примѣру Японіи. Требованіе коренныхъ реформъ для блага государства и народа предъявлялось высшими классами и прежде всего духовенствомъ, во имя общаго національнаго патріотизма; шахъ уступилъ и созвалъ выборныхъ народныхъ представителей (меджлисъ), которымъ и предоставилъ выработать конституцію. Тяжелая болѣзнь и послѣдовавшая затѣмъ смерть шаха давали поводъ опасаться за прочность сдѣланныхъ уступокъ, тѣмъ болѣе, что наслѣдникъ считался упорнымъ реакціонеромъ; однако перемѣна царствованія не повліяла на законное положеніе меджлиса: персидская Дума не была разогнана, и никакой сенатъ не „разъяснялъ" и не урѣзывалъ дарованныхъ шахомъ правъ. Въ концѣ второго выпуска помѣщенъ текстъ конституціи, вмѣстѣ съ „уставомъ внутренняго устройства" или наказомъ меджлиса. Многія постановленія конституціоннаго акта поражаютъ своею трезвою практичностью и цѣлесообразностью. Въ текстѣ присяги сказано, что „права меджлиса и его членовъ, согласно настоящему положенію, будутъ сохраняться и исполняться", до тѣхъ поръ и депутаты будутъ „по мѣрѣ возможности" выполнять свои обязанности по отношенію къ шаху. Всѣ законы нуждаются въ согласіи и утвержденіи меджлиса; никакіе государственные займы не могутъ быть заключаемы безъ его одобренія; правительство не можетъ помимо меджлиса давать привилегіи, разрѣшать образованіе компаній и обществъ и т. п.

Е. Пфеннигсдорфъ. Іисусъ Христосъ въ современной духовной жизни. Перев. съ нѣм. С. П. Никитскаго. Харьковъ, 907. Стр. IV+204. Ц. 1 р. 50 к.

Эта книга печаталась первоначально въ богословско-философскомъ журналѣ „Вѣра и Разумъ", и хотя она написана протестантомъ, но, по свидѣтельству г. Никитскаго, она поучительна и полезна и для православныхъ читателей. „Содержаніе христіанской вѣры, — говоритъ въ предисловіи г. Никитскій, — конечно, извѣстно каждому христіанину"; вѣра Христова „открываетъ и просвѣтляетъ взоръ человѣка на его духовные запросы"; она несетъ съ собою „не вражду, гнетъ или гибель, но свѣтъ, свободу, жизнь и радость". Очевидно, съ этой точки зрѣнія, тѣ епископы и монахи, которые открыто покровительствуютъ черносотеннымъ организаціямъ и допускаютъ проповѣдь національной вражды и прямые призывы къ избіеніямъ подъ сѣнью Почаевской лавры, исповѣдуютъ не Христову вѣру, а какую-то другую, не имѣющую ничего общаго съ христіанствомъ.

Іосифъ Редлихъ. Англійское мѣстное управленіе. Перев. съ нѣм. подъ ред. В. Ельяшевича. Съ вступительною статьею проф. П. Г. Виноградова. Т. I. Спб., 907. Стр. XVI+443. Ц. 3 р.

По словамъ проф. Виноградова, сочиненіе Редлиха „можетъ считаться лучшимъ въ настоящее время обзоромъ устройства и дѣятельности мѣстнаго самоуправленія въ Англіи", и этотъ авторитетный отзывъ является, безъ сомнѣнія, достаточнымъ оправданіемъ предпринятаго перевода книги на русскій языкъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
въ 1907 г.
(Сорокъ-второй годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ежемѣсячный журналъ исторіи, политики, литературы

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 80 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ пересыл.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и въ іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В.-О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магазинѣ „Образованіе“, Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжный Складъ“ Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже какъ по полученіи* слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногороднихъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас.-Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Петербургская-Сторона, Кронверкская ул., 21.